Изданіе Ф. Павленкова.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статьей ЕВГЕНІЯ СОЛОВЬЕВА (автора біографіи Писарева).

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ

1-й ТОМЪ. Первые литературные опыты. Несоразмѣрныя претензіи. Народныя книжки. Идеализмъ Платона. Физіологическіе эскизы Молешота. Процессъ жизни (по Фохту). Схоластика XIX вѣка. Стоячая вода. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова. Библіографическія замѣтки. Меттернихъ.

2-й ТОМЪ. Аполлоній Тіанскій. Московскіе мыслители. Русскій Донъ-Кихотъ. Вольные русскіе переводчики. Генрихъ Гейне. Пчелы, Физіологическія картины. Базаровъ. Очерки изъ исторіи печати во Франціи. Зарожденіе культуры.

3-й ТОМЪ. Наша университетская наука. Историческіе эскизы. Цвѣты невиннаго юмора. Мотивы русской драмы. Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Историческое развитіе европейской мысли.

4-й ТОМЪ. Реалисты. Кукольная трагедія. Промахи незрѣлой мысли. Романъ кисейной дѣвушки. Сердитое безсиліе. Прогулка по садамъ россійской словесности. Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы. Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ. Педагогическіе софизмы. Разрушеніе эстетики. Школа и жизнь.

5-й ТОМЪ. Пушкинъ и Бѣлинскій. Подвиги европейскихъ авторитетовъ. Посмотримъ! Подростающая гуманность. Историческія идеи Огюста Конта. Погибшіе и погибающіе. Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ. Взгляды англійскихъ мыслителей на умственныя потребности современнаго общества. Льюисъ и Гексли.

6-й ТОМЪ. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Образованная толпа. Борьба за жизнь. Романы Андре Лео. Старое барство. Французскій крестьянинъ 1789 г.— Приложеніе: Литературный процессъ ко 2-му тому Сочиненій Д. И. Писарева въ 1868 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Обложка напечатана въ типографіи Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1894.

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чарльза Диккенса Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ)—1 р. 50 к.—До 10 декабря 1893 г. вышли первые пять томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррптъ. Большія ожиданія. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба. Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8-й томъ печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портр., біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 кар.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова (въ одномъ томѣ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ, біографіей, написанной *А. М. Скабичевскимъ*, и 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., въ простомъ перепл.—1 р. 40 к., въ коленкоровомъ съ золотымъ тисненіемъ—2 руб.

Сочиненія Лермонтова (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ автора, его біографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна за всѣ 4 тома 1 р., въ двухъ простыхъ переплетахъ—1 р. 50 к., въ двухъ роскошныхъ переплетахъ—2 руб

Сочиненія Н. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *Н. Михайловскаго*. Ц. 3 р., въ пер.—4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Восемь томовъ. Ц. каждаго—1 р. Перепл. для 2 том. вмѣстѣ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изданіе въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ порт. автора. Ц. за все собраніе въ двухъ больш. том. (до 1700 стр.) 3 р. Перепл.—въ 50 к. и 1 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева*. Ц. въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля.* Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. Съ франц. 350 стр. 2-е изд. Ц. 80 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ *Эд. Бульвера*. Переводъ съ англійск. *А. Каменскаго*. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. Около 400 страницъ. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a*. Пер. съ анг. и дополнилъ *В. Ранцовъ*. Съ 16 порт. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами*. 3-е изданіе, дополненное научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: «Куда мы идемъ?». Ц. 1 руб.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціал. борьбы съ эконом. язвами современнаго общества) *Бутса*. Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова*. Ц. 35 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изд. съ 188 рис. Ц. 60 к. въ пап. 75 к. въ пер. 1 р.

Голодъ. Романъ *К. Гамсуна*. Съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ *К Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Книга для домашняго чтенія. *А. Цвѣткова*. Съ 72 портр. Ц. 3 р. въ пер 3 р. 75 к.

Исторія новѣйшей Рус. литературы (1848 — 1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго*. 2-е исправленное изд. Ц. 2 р.

Исторія русской цензуры. *А. М. Скабичевскаго*. Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца*. 2-е изд. Ц. 75 к.

Въ раздумьи. Очерки и разсказы изъ жизни русской

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусствъ. *Макса Нордау*. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. Сементковскаго*. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія культуры. *Липперта*. Перев. съ нѣмецкаго. Съ 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока*. Переводъ *З. Горской*. Со многими рисунками. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зутнеръ*. Компактное изданіе. Цѣна 80 коп.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Романъ *Э. Постери*. Съ итальянскаго. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго*. Ц. 1 руб.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау*. Перев. съ 4-го нѣмецкаго изд. *Э. Зауеръ*. 3-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *Мантегацца*. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа*. Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *С. Горянской*, под. ред. *Я. Абрамова*. Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ *В. Фармаковскій*. Изданіе 4-е. Цѣна 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова*. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Романъ изъ исторіи нашего времени. *Вологдина* (Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей. Составилъ *В. Никитинъ*. Ц. 1 р.

Популярно-научныя книги.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича*. Съ 91 рис. Ц. 1 р.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле*. 116 стр. Ц. 30 к.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли*. Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго подъ редакціей *В. Яковенко*. Цѣна 1 р. 50 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи. *Коллинга*. Перев. съ англійскаго *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Законы подражанія. *Тарда*. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмединген*а. Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Ч. 2-я. Ц. 50 к.

Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Переводъ съ нѣм. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейра*. Съ 30 рисунками. Цѣна 75 к.

Уходъ за больными дѣтьми. Д-ра *Э. Перье*. Переводъ съ франц. Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Варіо*. Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева*. Со мног. рис. Ц. 1 р.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы*. Перев. съ нѣмец. съ 35 рис. Ц. 1 р.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рисун. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Переводъ съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэ* Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“. Со мн. рис. Ц.

Первобытные люди. *Дебьера*. Перев. съ франц. и до[…] пил. *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *Святловскаго*. Съ 153 рис. Ц. 4 р.

Усталость. Популярно-научныя бесѣды проф. *А. Моссо*. Перев. *М. Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и буду-

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

BAYERISCHE STAATS- BIBLIOTHEK MUENCHEN

ТОМЪ ПЯТЫЙ

Цѣна каждаго тома 1 рубль

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности помѣщены при шестомъ томѣ

Изданіе Ф. Павленкова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше-утвержд. Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, № 39

1894

507,5

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Оглавленіе пятаго тома.

1865.

стр.

1 Пушкинъ и Бѣлинскій 1

2) Подвиги европейскихъ авторитетовъ 123

3) Посмотримъ! . 143

4) Подростающая гуманность 213

5) Погибшіе и погибающіе 253

6) Историческія идеи Огюста Конта 313

1866.

7) Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ 465

1867.

8) Взгляды англійскихъ мыслителей на умственныя потребности современнаго общества 527

9) Льюисъ и Гексли (предисловіе къ книгѣ Гексли: «Уроки элементарной физіологіи») 579

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

1865.

ПУШКИНЪ И БѢЛИНСКІЙ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

I.

«ОнѢгинъ»—говоритъ Бѣлинскій—есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась-бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе—значитъ оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности.» («Соч. Бѣл.» Томъ VIII. Стр. 509.) Дѣйствительно, «Онѣгинъ» серьезнѣе всѣхъ остальныхъ произведеній Пушкина; въ этомъ романѣ поэтъ становится лицомъ къ лицу съ современной дѣйствительностью, старается вдуматься въ нее какъ можно глубже и по крайней мѣрѣ не истощаетъ своей фантазіи въ эффектныхъ, но совершенно безплодныхъ изображеніяхъ младыхъ черкешенокъ, влюбленныхъ хановъ, высоко-нравственныхъ цыганъ и неправдоподобно-гнусныхъ измѣнниковъ, которые «не вѣдаютъ святыни и не помнятъ благостыни».

Если творческая дѣятельность Пушкина даетъ какіе-нибудь отвѣты на тѣ вопросы, которые ставитъ дѣйствительная жизнь, то безъ сомнѣнія этихъ отвѣтовъ мы должны искать въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ». Къ разбору «Онѣгина» Бѣлинскій приступалъ съ благоговѣніемъ и, какъ онъ самъ сознается, *не безъ нѣкоторой робости.* Объ «Онѣгинѣ» Бѣлинскій написалъ двѣ большія статьи онъ говоритъ, что «эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе», и что «въ ней Пушкинъ является представителемъ пробудившагося общественнаго самосознанія».

Посмотримъ, насколько самый романъ оправдываетъ и объясняетъ собою всѣ эти восторги нашего геніальнаго критика. Прежде всего надо рѣшить вопросъ: что̀ за человѣкъ самъ Евгеній Онѣгинъ?—Бѣлинскій опредѣляетъ Онѣгина такъ: «Онѣгинъ—добрый малый, но при этомъ недюжинный человѣкъ. Онъ не годится въ геніи, не лѣзетъ въ великіе люди, но бездѣятельность и пошлость жизни душатъ его; онъ даже не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется; но онъ знаетъ и очень хорошо знаетъ, что̀ ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность». Самъ Пушкинъ относится къ своему герою съ уваженіемъ и съ любовью:

«Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ—угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ,
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.
Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней,
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.

Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.
Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.»
(Глава I. Строфы XLV, XLVI, XLVII.)

Въ этомъ отрывкѣ Пушкинъ постоянно употребляетъ такія эластическія слова, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла и въ которыя вслѣдствіе этого каждый читатель можетъ втиснуть какой угодно смыслъ.—Человѣкъ обладаетъ рѣзкимъ, охлажденнымъ умомъ, знаетъ игру страстей; онъ жилъ, мыслилъ и чувствовалъ; въ немъ погасъ жаръ сердца; его томитъ жизнь; его ожидаетъ злоба людей и слѣпой Фортуны;—всѣ эти слова могутъ быть приложены къ какому-нибудь очень крупному человѣку, къ замѣчательному мыслителю, даже къ историческому дѣятелю, который старался вразумить людей и котораго не поняли, осмѣяли или прокляли тупоумные современники. Обманутый хорошими эластическими словами,—тѣми словами, въ которыя онъ самъ, мыслитель и дѣятель, привыкъ вкладывать живую душу,—Бѣлинскій посмотрѣлъ на Онѣгина благосклонно и смѣло выдвинулъ его изъ безчисленной толпы дюжинныхъ личностей. Но мнѣ кажется, что Бѣлинскій ошибся. Онъ повѣрилъ *словамъ* и забылъ то обстоятельство, что люди очень часто произносятъ хорошія слова, не отдавая себѣ яснаго отчета въ ихъ значеніи или по крайней мѣрѣ придавая этимъ словамъ узкій, односторонній и нищенскій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ задать себѣ вопросы: *чѣмъ* же охлажденъ умъ Онѣгина? *Какую* игру страстей онъ испыталъ? *На что* тратилъ и истратилъ онъ жаръ своего сердца? *Что* подразумѣваетъ онъ подъ словомъ *жизнь*, когда онъ говоритъ себѣ и другимъ, что жизнь томитъ его? *Что* значитъ, на языкѣ Пушкина и Онѣгина, *жить*, *мыслить и чувствовать*?

Отвѣта на всѣ эти вопросы мы должны искать въ описаніи тѣхъ занятій, которымъ предавался Онѣгинъ съ самой ранней молодости и которыя наконецъ вогнали его въ хандру.—Въ первой главѣ, начиная съ XV-ой до XXXVII строфы, Пушкинъ описываетъ цѣлый день Онѣгина съ той минуты, когда онъ просыпается утромъ, до той минуты, когда онъ ложится спать, тоже утромъ. Лежа еще въ постели, Онѣгинъ получаетъ три приглашенія на вечеръ; онъ одѣвается и въ утреннемъ уборѣ ѣдетъ на бульваръ и гуляетъ тамъ до тѣхъ поръ,

«Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.»

Онъ ѣдетъ обѣдать въ ресторанъ Талона, и такъ какъ дѣло происходитъ зимой, то, при семъ удобномъ случаѣ, его бобровый воротникъ серебрится морозной пылью; и это достопамятное обстоятельство даетъ Бѣлинскому поводъ замѣтить, что Пушкинъ обладаетъ удивительной способностью «дѣлать поэтическими самые прозаическіе предметы».

Еслибы Бѣлинскій дожилъ до нашихъ временъ, то онъ принужденъ былъ-бы сознаться, что нѣкоторые художники далеко превзошли великаго Пушкина даже въ этой удивительной и спеціально-художественной способности. Наши великіе живописцы, господа Зарянко и Тютрюмовъ, воспѣваютъ бобровые воротники красками, и воспѣваютъ ихъ такъ неподражаемо-хорошо, что каждый отдѣльный волосокъ превращается въ поэтическую картину и въ перлъ созданія. Увидѣвъ великія произведенія этихъ великихъ живописцевъ, Бѣлинскій былъ-бы поставленъ въ трагическую альтернативу: ему пришлось-бы или преклониться передъ творческимъ величіемъ господъ Зарянки и Тютрюмова, или отречься отъ тѣхъ эстетическихъ понятій, которыя видятъ заслугу поэта въ его удивительной способности воспѣвать бобровые воротники.

Воспѣвъ бобровый воротникъ, Пушкинъ воспѣваетъ всѣ кушанья того обѣда, которымъ занимается Онѣгинъ у Талона. Обѣдъ недуренъ: тутъ появляются окровавленный ростбифъ, трюфели, которые Пушкинъ называетъ почему-то роскошью юныхъ лѣтъ, нетлѣнный пирогъ Страсбурга, живой лимбургскій сыръ, золотой ананасъ и котлеты, очень горячія, очень жирныя и возбуждающія жажду, которая утоляется шампанскимъ. Въ какомъ порядкѣ эти поэтическіе предметы слѣдуютъ одинъ за другимъ,—этого Пушкинъ намъ къ сожалѣнію не объясняетъ, и прямая обязанность нашихъ антикваріевъ и библіофиловъ состоитъ въ томъ, чтобы пополнить этотъ важный пробѣлъ посредствомъ тщательныхъ изслѣдованій.

Когда обѣдъ еще не доконченъ, когда горячій жиръ котлетъ еще недостаточно залитъ волнами шампанскаго (какого именно шампанскаго?—это тоже весьма интересный вопросъ для усердныхъ комментаторовъ), звонъ брегета доноситъ обѣдающимъ, что начался новый балетъ.

Какъ злой законодатель театра, какъ непостоянный обожатель очаровательныхъ актрисъ (объ актрисахъ, разумѣется, нечего напоминать

комментаторамъ; они, разумѣется, всѣхъ ихъ знаютъ по имени, по отчеству, по фамиліи и по самымъ подробнымъ формулярнымъ спискамъ) и какъ почетный гражданинъ кулисъ, Онѣгинъ летитъ въ балетъ. (Здѣсь я съ ужасомъ вспоминаю, что мы рѣшительно не знаемъ, какой масти была лошадь Онѣгина, и что эту великую тайну по всей вѣроятности не раскроютъ намъ никакія изслѣдованія комментаторовъ). Войдя въ театральную залу, Онѣгинъ начинаетъ обнаруживать охлажденность своего ума; окинувъ взоромъ всѣ ярусы, онъ, по словамъ Пушкина, все видѣлъ и остался ужасно недоволенъ лицами и уборомъ; потомъ, раскланявшись съ мужчинами, взглянулъ на сцену въ большомъ разсѣяньи, потомъ даже отворотился и зѣвнулъ, и молвилъ:

«Всѣхъ пора на смѣну,
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.»

Приведя это суровое анти-балетное восклицаніе разочарованнаго Онѣгина, Пушкинъ самъ почувствовалъ, что онъ ставитъ своего героя въ довольно смѣшное положеніе, потому что люди, дѣйствительно обладающіе рѣзкимъ и охлажденнымъ умомъ, не станутъ тратить своей ироніи на отрицаніе балетмейстера Дидло и дамскихъ уборовъ. Почувствовавъ смѣшное положеніе Онѣгина, Пушкинъ придѣлалъ къ XXI строфѣ слѣдующее юмористическое примѣчаніе: «Черта охлажденнаго чувства, достойная Чайльдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ». Этимъ примѣчаніемъ Пушкинъ очевидно хотѣлъ показать, что онъ самъ подтруниваетъ надъ бутадой Онѣгина и не принимаетъ этой бутады за симптомъ серьезной разочарованности. Но примѣчаніе это производитъ очень слабое впечатлѣніе на внимательнаго и недовѣрчиваго читателя; такой читатель видитъ, что, кромѣ забавныхъ бутадъ, рѣзкій и охлажденный умъ Онѣгина не порождаетъ ровно ничего. Въ XXI строфѣ I-й главы Онѣгинъ отрицаетъ балеты Дидло, а въ IV и въ V-й строфахъ III главы Онѣгинъ отрицаетъ брусничную воду, красоту Ольги Лариной, глупую луну и глупый небосклонъ. И этими немногими, весьма невинными выходками исчерпывается до самаго дна та злость мрачныхъ эпиграммъ, которою угрожалъ намъ Пушкинъ въ XLVI строфѣ I главы. Злѣе и мрачнѣе этихъ эпиграммъ мы отъ Онѣгина ничего и не услышимъ до самаго конца романа. Если всѣ эпиграммы Онѣгина были такъ-же мрачны и такъ-же злы, то немудрено, что Пушкинъ привыкъ къ нимъ очень скоро.

Продолжая проявлять свою разочарованность, Онѣгинъ уѣзжаетъ изъ театра въ то время, когда амуры, черти и змѣи еще скачутъ и шумятъ на сценѣ. Не интересуясь ихъ скаканіемъ и шумѣніемъ, онъ ѣдетъ домой, переодѣвается для бала и отправляется танцовать до утра. Въ то время, когда Онѣгинъ переодѣвается, Пушкинъ превращаетъ въ поэтическіе предметы тѣ гребенки, пилочки, ножницы и щетки, которыя украшаютъ кабинетъ «философа въ осьмнадцать лѣтъ». Философомъ-же юный Онѣгинъ оказался вѣроятно именно потому, что у него очень много гребенокъ, пилочекъ, ножницъ и щетокъ; но и самъ Пушкинъ по части философіи не желаетъ отставать отъ Онѣгина, и вслѣдствіе этого высказываетъ весьма категорически ту философскую истину, любезную Павлу Кирсанову, что можно быть дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красотѣ ногтей. Эту великую истину Пушкинъ поддерживаетъ другой истиной, еще болѣе великой. «Къ чему, спрашиваетъ онъ, безплодно спорить съ вѣкомъ?» Такъ какъ XIX вѣкъ очевидно направляетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы превратить ногти въ поэтическіе предметы, то, разумѣется, относиться равнодушно къ красотѣ ногтей значитъ быть ретроградомъ и обскурантомъ... «Обычай,—продолжаетъ философъ Пушкинъ,—деспотъ межъ людей». Ну, разумѣется, и притомъ обычай всегда останется деспотомъ *межъ* такихъ философовъ, какъ Онѣгинъ и Пушкинъ. Къ сожалѣнію, число такихъ драгоцѣнныхъ мыслителей понемногу начинаетъ убывать.—Пушкинъ насказалъ-бы намъ еще много философскихъ истинъ, но Онѣгинъ уже одѣлся, уподобился вѣтреной Венерѣ, надѣвшей мужской нарядъ, и въ ямской каретѣ поскакалъ *стремглавъ* (вѣроятно вслѣдствіе охлажденности ума) на балъ. Пушкинъ, разумѣется, спѣшитъ за нимъ, и потокъ философскихъ истинъ на нѣсколько времени изсякаетъ.—На балѣ мы совершенно теряемъ изъ виду Онѣгина и рѣшительно не знаемъ, въ чемъ выразилось его несомнѣнное превосходство надъ презрѣнной толпой. Введя своего героя въ бальную залу, Пушкинъ весь предается воспоминаніямъ о ножкахъ и разсказываетъ съ неподражаемымъ увлеченіемъ, какъ онъ однажды завидовалъ волнамъ, «бѣгущимъ бурной чередою съ любовью лечь къ ея ногамъ». Недовѣрчивый читатель быть-можетъ усомнится въ томъ, чтобы волны дѣйствительно ложились къ ея ногамъ *съ любовью*, но я отвѣчу такому неотесанному читателю, что прозаическія волны превращены здѣсь въ поэтическіе предметы, и что поэтому со стороны поэта даже очень похвально приписать имъ, для пущей поэтичности, любовь къ женщинѣ вообще или къ ея ногамъ въ особенности. Что-же касается до завидованія неодушевленному предмету, прикасающемуся или приближающемуся къ красивой женщинѣ такъ или иначе, то я надѣюсь, что противъ этого даже самый неотесанный читатель не осмѣлится представить никакого скептическаго возраженія

потому что этотъ мотивъ выясненъ и разработанъ до послѣдней тонкости глубокомысленнымъ и изящнымъ романсомъ: «ахъ, зачѣмъ я не бревно»,—романсомъ, достаточно извѣстнымъ не только грамотной, но даже и безграмотной Россіи.—Объяснивъ читателямъ, что милыя ноги привлекали его сильнѣе и даже несравненно сильнѣе, чѣмъ уста, ланиты и перси, Пушкинъ вспоминаетъ о своемъ Онѣгинѣ, везетъ его съ бала домой и укладываетъ въ постель въ то время, когда рабочій Петербургъ уже начинаетъ просыпаться. Когда Онѣгинъ встаетъ отъ сна, тогда начинается опять та-же исторія: гулянье, обѣдъ, театръ, переодѣванье, балъ и сонъ.

II.

Итакъ, Онѣгинъ ѣстъ, пьетъ, критикуетъ балеты, танцуетъ цѣлыя ночи на пролетъ,—словомъ, ведетъ очень веселую жизнь. Преобладающимъ интересомъ въ этой веселой жизни является «наука страсти нѣжной», которой Онѣгинъ занимается съ величайшимъ усердіемъ и съ блестящимъ успѣхомъ. «Но былъ-ли счастливъ мой Евгеній?»—спрашиваетъ Пушкинъ. Оказывается, что Евгеній не былъ счастливъ, и изъ этого послѣдняго обстоятельства Пушкинъ выводитъ заключеніе, что Евгеній стоялъ выше пошлой, презрѣнной и самодовольной толпы. Съ этимъ заключеніемъ соглашается, какъ мы видѣли выше, Бѣлинскій; но я, къ крайнему моему сожалѣнію, принужденъ здѣсь противорѣчить, какъ нашему величайшему поэту, такъ и нашему величайшему критику. Скука Онѣгина не имѣетъ ничего общаго съ недовольствомъ жизнью; въ этой скукѣ нельзя подмѣтить даже инстинктивнаго протеста противъ тѣхъ неудобныхъ формъ и отношеній, съ которыми мирится и уживается по привычкѣ и по силѣ инерціи пассивное большинство. Эта скука есть не что иное, какъ простое физіологическое послѣдствіе очень безпорядочной жизни. Эта скука есть видоизмѣненіе того чувства, которое нѣмцы называютъ Katzenjammer и которое обыкновенно посѣщаетъ каждаго кутилу на другой день послѣ хорошей попойки. Человѣкъ такъ устроенъ отъ природы, что онъ не можетъ постоянно обжираться, упиваться и изучать «науку страсти нѣжной». Самый крѣпкій организмъ надламывается или по крайней мѣрѣ истаскивается и утомляется, когда онъ черезчуръ роскошно пользуется разнообразными дарами природы. Всякое наслажденье притупляетъ, въ большой или меньшей степени, на болѣе или менѣе долгое время ту способность нашего организма, которая воспринимаетъ это наслажденіе. Если отдѣльные пріемы наслажденья быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ и если эти пріемы очень сильны, то наша способность наслаждаться совершенно притупляется, и мы говоримъ, что намъ надоѣло и опротивѣло то или другое пріятное занятіе. Это притупленіе одной изъ нашихъ способностей совершается помимо всякихъ умственныхъ соображеній и совершенно независимо отъ какихъ-бы то ни было критическихъ взглядовъ на то занятіе, которое мы прежде любили и къ которому мы потомъ охладѣли.

Представьте себѣ, что вы очень любите какое-нибудь питательное и здоровое кушанье, напримѣръ пуддингъ; въ одинъ прекрасный день это любимое ваше кушанье изготовлено особенно хорошо; вы объѣдаетесь имъ и сильно разстраиваете себѣ желудокъ; послѣ этого легко можетъ случиться, что вы получите къ пуддингу непобѣдимое отвращеніе, которое, разумѣется, будетъ совершенно независимо отъ вашихъ теоретическихъ понятій о пуддингѣ. Вы знаете очень хорошо весь составъ пуддинга; вы знаете, что въ него не кладутъ никакихъ ядовитыхъ веществъ; вы видите, что другіе люди при васъ ѣдятъ его съ удовольствіемъ, и при всемъ томъ вамъ, прежнему любителю пуддинга, это кушанье не идетъ въ горло.

Отношенія Онѣгина къ различнымъ удовольствіямъ свѣтской жизни похожи, какъ двѣ капли воды, на ваши отношенія къ пуддингу. Онѣгинъ всѣмъ объѣлся и его отъ всего тошнитъ. Если не всѣхъ свѣтскихъ людей тошнитъ такъ, какъ Онѣгина, то это происходитъ единственно оттого, что не всѣмъ удается объѣсться. Какъ спеціалистъ въ «наукѣ нѣжной страсти», Онѣгинъ, разумѣется, стоитъ выше многихъ своихъ сверстниковъ Онъ красивъ собою, ловокъ, il a la langue bien pendue, какъ говорятъ французы, и въ этихъ особенностяхъ его личности заключается вся тайна его разочарованности и его мнимаго превосходства надъ презрѣнной толпой. Другіе свѣтскіе люди, ведущіе вмѣстѣ съ Онѣгинымъ пустую и веселую жизнь, совсѣмъ не одерживаютъ побѣдъ надъ свѣтскими женщинами или одерживаютъ этихъ побѣдъ очень немного, такъ что не успѣваютъ притупить своего чувства съ этой стороны. «Наука нѣжной страсти» продолжаетъ быть для нихъ привлекательной, потому что они встрѣчаютъ въ ней серьезныя трудности, которыя они желаютъ и надѣются преодолѣть. Для Онѣгина эти трудности не существуютъ; онъ наслаждается тѣмъ, къ чему другіе только стремятся, и вслѣдствіе неумѣреннаго наслажденья онъ притупляетъ въ себѣ вкусъ и влеченіе ко всему, что̀ составляетъ содержаніе свѣтской жизни.

До сихъ поръ превосходство Онѣгина заключается только въ томъ, что онъ лучше многихъ другихъ умѣлъ «тревожить сердца кокетокъ записныхъ». Легко можетъ быть, что Пушкинъ любитъ и уважаетъ своего героя именно за эту особенность его личности. Но кто имѣетъ понятіе о Бѣлинскомъ, тотъ конечно знаетъ, что

Бѣлинскій не могъ-бы относиться къ Онѣгину съ сочувствіемъ, еслибы видѣлъ въ немъ только искуснаго соблазнителя записныхъ кокетокъ.

Итакъ, посмотримъ, что̀ будетъ дальше; посмотримъ, за какое средство ухватится объѣвшійся Онѣгинъ, чтобы побѣдить свой Katzenjammer и чтобы снова помириться съ жизнью. Когда человѣку надоѣло наслажденіе и когда этотъ человѣкъ въ то-же время чувствуетъ себя молодымъ и сильнымъ, тогда онъ непремѣнно начинаетъ искать себѣ труда. Для него наступаетъ пора тяжелаго раздумья; онъ всматривается въ самого себя, всматривается въ общество; онъ взвѣшиваетъ качество и количество своихъ собственныхъ силъ; онъ оцѣниваетъ свойства тѣхъ препятствій, съ которыми ему придется бороться, и тѣхъ общественныхъ потребностей, которыя стоятъ на очереди и ожидаютъ себѣ удовлетворенія. Наконецъ изъ его раздумья выходитъ какое-нибудь рѣшеніе, и онъ начинаетъ дѣйствовать; жизнь ломаетъ по своему его теоретическія выкладки; жизнь старается обезличить его самого и переработать по общей, казенной мѣркѣ весь строй его убѣжденій; онъ упорно борется за свою умственную и нравственную самостоятельность, и въ этой неизбѣжной борьбѣ обнаруживаются размѣры его личныхъ силъ. Когда человѣкъ прошелъ черезъ эту школу размышленія и житейской борьбы, тогда мы имѣемъ возможность поставить вопросъ: возвышается-ли этотъ человѣкъ надъ безличной и пассивной массой, или не возвышается? Но пока человѣкъ не побывалъ въ этой передѣлкѣ, до тѣхъ поръ онъ въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи составляетъ для насъ такую-же неизвѣстную величину, какую мы видимъ напримѣръ въ грудномъ ребенкѣ. Если-же человѣкъ, утомленный наслажденіемъ, не умѣетъ даже попасть въ школу раздумья и житейской борьбы, то мы тутъ уже прямо можемъ сказать, что этотъ эмбріонъ никогда не сдѣлается мыслящимъ существомъ и слѣдовательно никогда не будетъ имѣть законнаго основанія смотрѣть съ презрѣніемъ на пассивную массу.—Къ числу этихъ вѣчныхъ и безнадежныхъ эмбріоновъ принадлежитъ и Онѣгинъ.

«Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,—
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его.»
(Глава I. Строфа XLIII.)

Шляться втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ по ресторанамъ и по балетамъ, потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, усѣсться за письменный столъ и взять перо въ руки съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться писателемъ,—это фантазія по меньшей мѣрѣ очень странная. Браться за перо *зѣвая* и въ то-же время ожидать, что перо напишетъ что-нибудь мало-мальски сносное,—это также нисколько не остроумно. Наконецъ отвращеніе Онѣгина къ упорному труду,—отвращеніе, которое такъ откровенно признаетъ самъ Пушкинъ, составляетъ симптомъ очень печальный, по которому мы уже заранѣе имѣемъ право предугадывать, что Онѣгинъ навсегда останется эмбріономъ. Но не будемъ торопиться въ произнесеніи окончательнаго приговора. Когда человѣкъ входитъ въ новую фазу жизни, тогда онъ поневолѣ идетъ ощупью, берется за непривычное дѣло очень неискусно, переходитъ отъ одной ошибки къ другой, испытываетъ множество неудачъ и только посредствомъ этихъ ошибокъ и неудачъ выучивается понемногу работать надъ тѣми вопросами, которые настоятельно требуютъ отъ него разрѣшенія.

Онѣгинъ увидалъ, что онъ не можетъ быть писателемъ, и что сдѣлаться писателемъ гораздо труднѣе, чѣмъ пообѣдать у Талона. Эта крошечная частица житейской опытности, вынесенная имъ изъ перваго столкновенія съ вопросомъ о трудѣ, повидимому не пропала для него даромъ. По крайней мѣрѣ вторая попытка его оказывается гораздо благоразумнѣе первой.

«И снова, преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ усвоить умъ чужой.»
(Строфа XLIV.)

Значитъ,—началъ читать. Это придумано недурно. Но именно эта удачная, хотя и очень простая выдумка тотчасъ раскрываетъ передъ нами ту истину, что Онѣгинъ—человѣкъ безнадежно-пустой и совершенно ничтожный.

«Отрядомъ книгъ уставилъ полку;
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ,
Въ томъ совѣсти,—въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.»
(Строфа XLIV.)

Еслибы Онѣгинъ расправился такъ бойко съ однѣми русскими книгами, то въ словахъ поэта можно было-бы видѣть злую, но справедливую сатиру на нашу тогдашнюю вялую и ничтожную литературу. Но къ сожалѣнію мы знаемъ доподлинно, изъ другихъ мѣстъ романа, что Онѣгинъ умѣлъ читать всякія книжки, и французскія, и нѣмецкія (Гердера), и англійскія (Гиббона и Байрона), и даже итальянскія (Манзони). Въ его распоряженіи находилась вся европейская литература XVIII вѣка, а онъ съумѣлъ только задернуть полку съ книгами траурной тафтой. Пушкинъ повидимому желалъ показать, что проницательный умъ и неукро-

тимый духъ Онѣгина ничѣмъ не могутъ удовлетвориться и ищутъ такого совершенства, котораго даже и на свѣтѣ не бываетъ. Но показалъ онъ совсѣмъ не то. Онъ показалъ одно изъ двухъ: или то, что Онѣгинъ не умѣлъ себѣ выбрать хорошихъ книгъ, или то, что Онѣгинъ не умѣлъ оцѣнить и полюбить мыслителей, съ которыми онъ познакомился. По всей вѣроятности Онѣгина постигли обѣ эти неудачи, т. е. и выборъ книгъ былъ неудовлетворителенъ, и пониманіе было изъ рукъ вонъ плохо. Онѣгинъ вѣроятно накупилъ себѣ всякой всячины, началъ глотать одну книгу за другой безъ цѣли, безъ системы, безъ руководящей идеи, почти ничего не понялъ, почти ничего не запомнилъ и бросилъ наконецъ это безтолковое чтеніе, убѣдивши себя въ томъ, что онъ произошелъ всю человѣческую науку, что всѣ мыслители—дурачье и что всѣхъ ихъ надо повѣсить на одну осину. Это отрицаніе конечно очень отважно и очень безпощадно, но оно кромѣ того чрезвычайно смѣшно и для отрицаемыхъ предметовъ совершенно безвредно. Когда человѣкъ отрицаетъ рѣшительно все, то это значитъ, что онъ не отрицаетъ ровно ничего и что онъ даже ничего не знаетъ и не понимаетъ. Если этимъ легкимъ дѣломъ сплошного отрицанія занимается не ребенокъ, а взрослый человѣкъ, то можно даже смѣло утверждать, что этотъ бойкій господинъ одаренъ такимъ неподвижнымъ и лѣнивымъ умомъ, который никогда не усвоитъ себѣ и не пойметъ ни одной дѣльной мысли. Онѣгинъ расправляется съ книгами такъ, какъ онъ расправился выше съ балетами Дидло и какъ онъ въ III главѣ будетъ расправляться съ глупой луной и съ глупымъ небосклономъ. Онъ произноситъ рѣзкую фразу, которую довѣрчивые люди принимаютъ за смѣлую мысль. Враждебное столкновеніе его съ книгами составляетъ въ его жизни послѣднюю попытку отыскать себѣ трудъ. Послѣ этой попытки Онѣгинъ и Пушкинъ окончательно убѣждаются въ томъ, что для высшихъ натуръ не существуетъ въ жизни увлекательнаго труда, и что чѣмъ человѣкъ умнѣе, тѣмъ больше онъ долженъ скучать. Сваливать такимъ образомъ всякую вину на роковые законы природы конечно очень удобно и даже лестно для тѣхъ людей, которые не привыкли и не умѣютъ размышлять и которые, посредствомъ этого сваливанья, могутъ безъ дальнѣйшихъ хлопотъ перечислить себя изъ тунеядцевъ въ высшія натуры. У Пушкина особенно развита эта замашка выдумывать законы природы и ставить эти выдуманные законы, какъ границу, за которую не можетъ проникнуть никакое изслѣдованіе. Спрашивается напримѣръ, отчего люди скучаютъ?—На это можно отвѣчать: оттого, что они ничего не дѣлаютъ. — А отчего они ничего не дѣлаютъ? — Оттого, что за нихъ работаютъ другіе люди.—А это отчего происходитъ?—На этотъ вопросъ также можно отыскать отвѣтъ, но только, разумѣется, тутъ придется въѣхать и въ исторію, и въ политическую экономію, и въ физіологію, и въ опытную психологію. Но у Пушкина дѣло не доходитъ даже до второго вопроса. У него сію минуту готовъ законъ природы. Пушкинскій Фаустъ говоритъ напримѣръ Мефистофелю: «мнѣ скучно, бѣсъ», а Мефистофель немедленно объясняетъ ему, что «таковъ вамъ положенъ предѣлъ» и что «вся тварь разумная скучаетъ». И Фаустъ довѣрчиво и даже съ нѣкоторымъ ужасомъ выслушиваетъ вздорную болтовню Мефистофеля, а потомъ для развлеченія приказываетъ Мефистофелю утопить испанскій трехмачтовый корабль, готовый пристать къ берегамъ Голландіи. Эта, такъ называемая, «Сцена изъ Фауста» составляетъ превосходный комментарій къ «Евгенію Онѣгину». Въ этой «сценѣ» демонизмъ, какъ понимаетъ его Пушкинъ, доведенъ уже до послѣднихъ границъ нелѣпаго и смѣшного. Тутъ уже для читателя становится ясно, что пушкинскій Фаустъ—совсѣмъ не Фаустъ и совсѣмъ не высшая натура, а просто развеселый купеческій сынокъ, которому свойственно не топить трехмачтовые испанскіе корабли, а разрушать большія зеркала въ русскихъ увеселительныхъ заведеніяхъ. Надъ Мефистофелемъ этотъ рѣзвый юноша не имѣетъ ни малѣйшей власти, но должность Мефистофеля исправляетъ при этомъ россійскомъ Фаустѣ толстый бумажникъ, наполненный кредитными билетами. Именно этотъ карманный Мефистофель и даетъ ему возможность бить зеркала для того, чтобы разнообразить жизнь и прогонять на нѣсколько минутъ роковую скуку. Отнимите у россійскаго Фауста бумажникъ, и онъ тотчасъ сдѣлается тише воды, ниже травы, скромнѣе красной дѣвушки. Вмѣстѣ съ вспышками демонической натуры пропадетъ и роковая скука. Фаустъ пойдетъ въ чернорабочіе и затеряется въ той сѣрой толпѣ, которую онъ отважно давилъ своими рысаками во времена своего господства надъ карманнымъ Мефистофелемъ.

По натурѣ своей Онѣгинъ чрезвычайно похожъ на Фауста, который въ романѣ топитъ испанскіе корабли, а въ жизни крушитъ русскія зеркала. И демонизмъ Онѣгина также цѣликомъ сидитъ въ его бумажникѣ. Какъ только бумажникъ опустѣетъ, такъ Онѣгинъ тотчасъ пойдетъ въ чиновники и превратится въ Фамусова. И тогда самый опытный наблюдатель ни за что не отличитъ его отъ той толпы, которую онъ презиралъ на томъ основаніи, что онъ будто-бы «жилъ и мыслилъ».

Итакъ, Онѣгинъ скучаетъ не оттого, что онъ не находитъ себѣ разумной дѣятельности, и не оттого, что онъ — высшая натура, и не оттого, что «вся тварь разумная скучаетъ», а

просто оттого, что у него лежатъ въ карманѣ шальныя деньги, которыя даютъ ему возможность много ѣсть, много пить, много заниматься «наукой нѣжной страсти» и корчить всякія гримасы, какія онъ только пожелаетъ состроить. Умъ его ничѣмъ не охлажденъ,—онъ только совершенно не тронутъ и неразвитъ. *Игру страстей* онъ испыталъ настолько, насколько эта игра входитъ въ «науку страсти нѣжной». О существованіи другихъ, болѣе сильныхъ страстей,—страстей, направленныхъ къ идеѣ, онъ даже не имѣетъ никакого понятія, подобно тому, какъ не имѣетъ о нихъ понятія пушкинскій Фаустъ. *Жаръ* своего *сердца* Онѣгинъ истратилъ на будуарныя сцены и на маскарадныя похожденія. Если Онѣгинъ думаетъ, что *жизнь томитъ* его, то онъ думаетъ чистый вздоръ; кого жизнь дѣйствительно томитъ, тотъ не поскачетъ на почтовыхъ за наслѣдствомъ въ деревню умирающаго дяди. *Жить*, на языкѣ Онѣгина, значитъ гулять по бульвару, обѣдать у Талона, ѣздить въ театры и на балы. *Мыслить*—значитъ критиковать балеты Дидло и ругать луну дурой за то, что она очень кругла. *Чувствовать* — значитъ завидовать волнамъ, которыя ложатся къ ногамъ хорошенькой барыни. *Кто жилъ и мыслилъ*, подобно Онѣгину, *тотъ*, разумѣется, *не можетъ не презирать людей*, живущихъ менѣе роскошно и мыслящихъ не столь оригинально. *Кто чувствовалъ*, подобно Онѣгину, *того*, разумѣется, *тревожитъ призракъ невозвратимыхъ дней*, т. е. тѣхъ дней, когда случалось видѣть вблизи ножки, ланиты, перси и разныя другія интересныя подробности женскаго тѣла.—Такимъ образомъ я отвѣтилъ на всѣ вопросы, поставленные мною въ первой главѣ, и у насъ оказался тотъ неожиданный результатъ, что Онѣгинъ совсѣмъ не «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья», а просто коварный измѣнщикъ и жестокій тиранъ дамскихъ сердецъ. Мы увидимъ ниже, что этотъ результатъ оправдывается всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ романа.

III.

Пушкинъ подружился съ Онѣгинымъ и призналъ за нимъ право презирать людей въ то время, когда Онѣгинъ, постигнувъ суетность науки, задергивалъ траурной тафтой полку съ книгами. Вслѣдъ затѣмъ умеръ отецъ Онѣгина и Евгеній предоставилъ наслѣдство кредиторамъ,

«Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди-старика.»

Дѣйствительно, дядя вскорѣ занемогаетъ, и,

«Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ.»

О предстоящихъ занятіяхъ съ больнымъ дядей Онѣгинъ размышлялъ такъ:

«Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь.
Какое низкое коварство—
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство.
Вздыхать и думать про себя:
Когда-же чортъ возьметъ тебя!»

Все это очень естественно и изложено очень хорошими стихами, но все это очевидно совершенно уравниваетъ Онѣгина съ самыми презрѣнными людьми презрѣнной толпы. Изъ-за чего суетятся, сгибаются въ дугу, актерствуютъ и подличаютъ самые презрѣнные люди? Изъ-за чего Молчалинъ ходитъ на заднихъ лапкахъ передъ Фамусовымъ и передъ всѣми его важными гостями? — Изъ-за презрѣннаго металла, которымъ поддерживается бренное существованіе. А ради чего Онѣгинъ скачетъ *стремглавъ по почтѣ* и приготовляется къ хожденію на заднихъ лапкахъ передъ умирающимъ родственникомъ? — *Денегъ ради*, отвѣчаетъ Пушкинъ съ свойственной ему откровенностью. Онѣгинъ унижается передъ дядей, Молчалинъ унижается передъ начальникомъ; побудительная причина у обоихъ одна и та-же. Съ какой-же стати Пушкинъ даетъ Онѣгину право презирать толпу, въ которой молчалинство составляетъ самую темную и грязную сторону? Если Онѣгину необходимо упражняться въ презрѣніи, то ему слѣдовало-бы начать съ самого себя и даже кончить самимъ собою, т. е. сосредоточить навсегда все свое презрѣніе на собственной личности и оставить толпу въ покоѣ, потому что даже такой мелкій человѣкъ толпы, какъ Молчалинъ, все-таки стоитъ выше блестящаго дэнди Онѣгина. Молчалинъ подличаетъ потому, что въ русской жизни господствуетъ, какъ остроумно замѣтилъ Помяловскій, своеобразный экономическій законъ, вслѣдствіе котораго человѣкъ, дающій работу, считаетъ себя благодѣтелемъ человѣка, получающаго и выполняющаго работу. Очень немногія отрасли труда освободились отъ господства этого своеобразнаго закона, и, разумѣется, то поприще, на которомъ подвизается Молчалинъ, относится къ числу неосвободившихся отраслей. Подличая передъ Фамусовымъ, Молчалинъ добивается только того, чтобы у него не отняли работы и чтобы ему платили за эту работу хорошія деньги. Разумна-ли и полезна-ли сама работа—за это Молчалинъ не отвѣчаетъ, потому что не онъ ее выдумалъ. Дѣло Молчалина — трудиться, и онъ дѣй-

ствительно трудится, и его начальникъ, Фамусовъ, сознается, что Молчалинъ — дѣловой человѣкъ. Когда-же Онѣгинъ подличаетъ передъ дядей, тогда онъ ждетъ отъ дяди не работы и не задѣльной платы, а даровой подачки, что конечно несравненно унизительнѣе для человѣческаго достоинства. Онѣгину постылъ упорный трудъ, и вслѣдствіе этого каждый человѣкъ, способный трудиться, имѣетъ полное и разумное право смотрѣть на Онѣгина съ презрѣніемъ, какъ на вѣчнаго недоросля въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Получивъ наслѣдство, Онѣгинъ улучшаетъ положеніе мужиковъ:

«Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ:
Мужикъ судьбу благословилъ.»

Это конечно недурно со стороны Онѣгина. Но это доказываетъ только, во-первыхъ, что Онѣгинъ не Плюшкинъ и не Гарпагонъ, и не Скупой Рыцарь; а во-вторыхъ, что полученное наслѣдство было достаточно велико. Легкій оброкъ, несмотря на всю свою легкость, все-таки давалъ Онѣгину полную возможность имѣть въ деревнѣ «обѣдъ довольно прихотливый», пить съ Ленскимъ бордо и шампанское, а потомъ, послѣ смерти Ленскаго, разъѣзжать втеченіи двухъ лѣтъ по Россіи. Еслибы наслѣдство было менѣе значительно, то по всей вѣроятности мужику не пришлось-бы благословлять судьбу, потому что Онѣгинъ врядъ-ли отказался-бы отъ бордо, отъ странствованій по Россіи и отъ разныхъ другихъ удобствъ жизни, которыя должны оплачиваться «легкимъ оброкомъ» или «старинной барщиной». Значитъ, отношенія Онѣгина къ мужикамъ украшаютъ нашего героя только отрицательнымъ достоинствомъ, то-есть, спасаютъ его отъ упрека въ корыстолюбіи.

«Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья...
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ.»

(Гл. I. Стр. LIV.)

И, разумѣется, хандра стала бѣгать за нимъ, «какъ тѣнь иль вѣрная жена». Многимъ—въ томъ числѣ и Пушкину—эта способность скучать всегда и вездѣ кажется привилегіей сильныхъ умовъ, неспособныхъ удовлетворяться тѣмъ, что́ составляетъ счастье обыкновенныхъ людей. Пушкинъ здѣсь, какъ и вездѣ, подмѣтилъ и обрисовалъ самый фактъ совершенно вѣрно; но, чуть только дѣло доходитъ до объясненія представленнаго факта, Пушкинъ тотчасъ впадаетъ въ самыя грубыя ошибки. Дѣйствительно, человѣкъ, подобный Онѣгину, испорченный до мозга костей систематической праздностью мысли, долженъ скучать постоянно; дѣйствительно, такой человѣкъ долженъ кидаться съ жадностью на всякую новизну и долженъ охладѣвать къ ней, какъ только успѣетъ въ нее вглядѣться; все это совершенно вѣрно, но все это доказываетъ не то, что онъ слишкомъ много жилъ, мыслилъ и чувствовалъ, а, совсѣмъ напротивъ, то, что онъ вовсе не мыслилъ, вовсе не умѣетъ мыслить, и что всѣ его чувства были всегда такъ-же мелки и ничтожны, какъ чувства остроумнаго джентльмэна, завидующаго счастливому бревну, на которое оперлась чья-то хорошенькая ножка. Въ области мысли Онѣгинъ остался ребенкомъ, несмотря на то, что онъ соблазнилъ многихъ женщинъ и прочиталъ много книжекъ. Онѣгинъ, какъ десятилѣтній ребенокъ, умѣетъ только воспринимать впечатлѣнія и совсѣмъ не умѣетъ ихъ перерабатывать. Оттого онъ и нуждается въ постоянномъ притокѣ свѣжихъ впечатлѣній; пока передъ его глазами мелькаютъ новыя картинки, невиданные переливы красокъ, непривычныя комбинаціи линій и тѣней, до тѣхъ поръ онъ спокоенъ, не хмурится и не пищитъ. Умъ его по обыкновенію находится въ бездѣйствіи; нашъ герой широко раскрываетъ глаза и черезъ эти раскрытыя форточки совершенно пассивно втягиваетъ въ себя впечатлѣнія окружающаго міра; когда декораціи быстро перемѣняются, тогда форточки работаютъ исправно и пассивное втягиваніе впечатлѣній мѣшаетъ нашему герою оставаться наединѣ съ самимъ собою; когда-же передвиженіе декорацій прекращается и когда вслѣдствіе этого безцѣльное глазѣніе становится невозможнымъ, тогда хроническое бездѣйствіе ума выдвигается на первый планъ, Онѣгинъ остается наединѣ съ своей умственной нищетой, и, разумѣется, ощущеніе этой безнадежной нищеты погружаетъ его въ то психическое состояніе, которое называется скукой, тоской или хандрой. Все это нисколько не величественно и ни мало не трогательно.—Постояннымъ собесѣдникомъ и пріятелемъ Онѣгина, скучающаго въ деревнѣ, становится его молодой сосѣдъ,

«По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.»

(Г. II. Стр. VI.)

Плоды учености этого господина были по всей вѣроятности никуда негодны, потому что этому господину было «безъ малаго осьмнадцать лѣтъ»; а между тѣмъ онъ считалъ уже свое образованіе оконченнымъ и помышлялъ только о томъ, чтобы поскорѣе жениться на Ольгѣ Лариной, наплодить побольше дѣтей и

написать побольше стихотвореній о романтическихъ розахъ и о туманной дали. Въ чемъ заключались геттингенскія свойства его души и въ чемъ проявлялось его уваженіе къ Канту,—это остается для насъ вѣчной тайной. О его вольнолюбивыхъ мечтахъ мы также ровно ничего не узнаемъ, потому что во время своихъ свиданій съ Онѣгинымъ геттингенская душа только и дѣлаетъ, что тянетъ шампанское да вретъ эротическія глупости. Неотъемлемой собственностью Ленскаго остаются такимъ образомъ длинные черные волосы, всегдашняя восторженность рѣчи и пылкость духа съ достаточной примѣсью странности. Все это вмѣстѣ должно было дѣлать его общество совершенно невыносимымъ для всякаго мало-мальски серьезнаго и мыслящаго человѣка; но Онѣгину эта недоучившаяся пиѳія, разумѣется, очень понравилась по той простой причинѣ, что Онѣгину прежде всего было необходимо хоть чѣмъ-нибудь занять ту или другую пару форточекъ, то-есть дать какую-нибудь работу или глазамъ, или ушамъ. А такъ какъ Ленскій болталъ восторженно и неудержимо, то, стало-быть, участь онѣгинскихъ ушей была вполнѣ обезпечена.

Пушкинъ увѣрялъ насъ, что бесѣды этихъ двухъ мыслителей были чрезвычайно разнообразны:

«Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.»
(Гл. II. Стр. XVI.)

Въ этихъ бесѣдахъ могли-бы обнаружиться и особенности геттингенской души и охлажденности онѣгинскаго ума; въ этихъ бесѣдахъ могли-бы обрисоваться со всѣхъ сторонъ политическія, нравственныя и всякія другія убѣжденія Онѣгина и Ленскаго; но къ сожалѣнію въ романѣ не представлено ни одной такой бесѣды, и вслѣдствіе этого мы имѣемъ полное право крѣпко сомнѣваться въ томъ, имѣлись-ли у этихъ двухъ праздношатающихся джентльмэновъ какія-нибудь убѣжденія.

Читатели мои по всей вѣроятности знаютъ и помнятъ очень хорошо, что Пушкинъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» разсуждаетъ чрезвычайно пространно о всевозможныхъ предметахъ, очень мало относящихся къ дѣлу: тутъ и дамскія ножки, и сравненіе *аи* съ *бордо*, и негодованіе противъ альбомовъ петербургскихъ дамъ, и соображенія о томъ, что наше сѣверное лѣто— карикатура южныхъ зимъ, воспоминанія о садахъ лицея и многое множество другихъ вставокъ и украшеній. А между тѣмъ когда нужно рѣшить дѣйствительно важный вопросъ, когда надо показать, что у главныхъ дѣйствующихъ лицъ были опредѣленныя понятія о жизни и о между-человѣческихъ отношеніяхъ, тогда нашъ великій поэтъ отдѣлывается короткимъ и совершенно неопредѣленнымъ намекомъ на какія-то разнообразныя бесѣды, которыя будто-бы рождали споры и влекли къ размышленію. Одинъ такой споръ очевидно охарактеризовалъ-бы Онѣгина несравненно полнѣе, чѣмъ десятки очень милыхъ, но совершенно ненужныхъ подробностей о томъ, какъ онъ игралъ на билліардѣ тупымъ кіемъ, какъ онъ садился въ ванну со льдомъ, въ которомъ часу онъ обѣдалъ, и такъ далѣе. Ни одного такого спора мы не видимъ въ романѣ. И это еще не все. Пушкинъ упоминаетъ о разнообразныхъ бесѣдахъ въ XIV строфѣ II главы, а въ XV строфѣ онъ сообщаетъ намъ такія подробности, которыя быть-можетъ дѣлаютъ величайшую честь нѣжности онѣгинскаго сердца, но которыя въ то-же время совершенно уничтожаютъ возможность серьезныхъ споровъ, влекущихъ къ размышленію.

«Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкій,
И вѣчно вдохновенный взоръ—
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству—
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ
Да вѣритъ міра совершенству.»

Какой-же дѣльный споръ, какой-же серьезный обмѣнъ мыслей возможенъ тогда, когда одинъ изъ собесѣдниковъ постоянно старается воздерживаться отъ охладительныхъ словъ и когда другой собесѣдникъ постоянно пылаетъ, то-есть постоянно нуждается въ охлажденіи? Если мы пересмотримъ тѣ предметы разговора, которые перечислены Пушкинымъ въ XV строфѣ, то мы немедленно убѣдимся въ томъ, что споры объ этихъ предметахъ были совершенно невозможны безъ охладительныхъ словъ со стороны Онѣгина. Если эти споры дѣйствительно влекли къ размышленіямъ, то они должны были состоять почти исключительно въ томъ, что Ленскій фантазировалъ и предавался сладостному оптимизму, а Онѣгинъ произносилъ разныя печальныя истины и охладительныя слова. Въ самомъ дѣлѣ, что́ ихъ занимало? Во-первыхъ—*племенъ минувшихъ договоры*. Хотя это выраженіе очень неудачно и неясно, однако можно понять, что тутъ дѣло идетъ объ историческихъ вопросахъ. Ясное дѣло, что Ленскій, какъ идеалистъ и какъ поэтъ, долженъ былъ строить въ области исторіи разныя красивыя и трогательныя тенденціи, а Онѣгинъ, какъ скептикъ, долженъ былъ разрѣшать эти построенія охладительными аргументами. Если даже мы примемъ слово *договоры* въ

его точномъ и буквальномъ значеніи, то и тогда споръ врядъ-ли обойдется безъ охладительныхъ словъ. Объ Анталкидовомъ мирѣ или о договорѣ Олега съ греками можно конечно разсуждать совершенно безопасно и безпристрастно, но по всей вѣроятности друзья наши не забирались въ такую глубокую древность; если-же они бесѣдовали о какомъ-нибудь договорѣ поновѣе, напримѣръ о священномъ союзѣ или о вѣнскомъ конгрессѣ, или о карлсбадскихъ конференціяхъ, то Ленскій съ большимъ удобствомъ могъ предаваться неосновательнымъ восторгамъ, противъ которыхъ необходимо было дѣйствовать охладительными словами. Во вторыхъ—*плоды наукъ*. Тутъ все зависитъ оттого, *какіе* плоды. О математическихъ сочиненіяхъ Эйлера или Лагранжа можно разсуждать безъ охладительныхъ словъ. Но если только друзья наши брали что-нибудь поживѣе, напримѣръ систему міра Лапласа или теорію перерожденій Ламарка, то охладительныя слова становились неизбѣжными, потому что такіе ученые, какъ Лапласъ и Ламаркъ, разрушаютъ очень многія заблужденія, весьма драгоцѣнныя для юныхъ идеалистовъ и романтиковъ. А такъ какъ друзья наши врядъ-ли бесѣдовали объ аналитической геометріи, и такъ какъ по всей вѣроятности они выбирали тѣ *плоды науки*, которые, такъ или иначе, затрогиваютъ общіе вопросы міросозерцанія, то, стало быть, и о *плодахъ науки* нельзя было спорить безъ охладительныхъ словъ. Въ-третьихъ—*добро и зло*, то-есть основанія нравственности. Тутъ столкновеніе противоположныхъ убѣжденій совершенно неизбѣжно, и необходимость охладительныхъ словъ до такой степени очевидна, что нечего объ этомъ и распространяться. Въ-четвертыхъ—*предразсудки вѣковые*. Если происходилъ споръ о вѣковыхъ предразсудкахъ, то этотъ споръ могъ принимать одну изъ двухъ главныхъ формъ: или Онѣгинъ считалъ какое-нибудь мнѣніе за предразсудокъ, а Ленскій доказывалъ его разумность, или-же наоборотъ, Ленскій нападалъ на предразсудокъ, а Онѣгинъ его отстаивалъ. Въ первомъ случаѣ Ленскій, какъ юноша и поэтъ, бралъ подъ свое покровительство разныя красивыя иллюзіи, которыя Онѣгинъ, какъ человѣкъ, познакомившійся съ жизнью, отрицалъ и осмѣивалъ. Во-второмъ случаѣ Ленскій, какъ юный и горячій представитель чистой теоріи, несклоняющейся ни на какіе компромиссы, осуждалъ, съ высоты своей идеи, разныя мелкія слабости общества, которыя Онѣгинъ, какъ опытный человѣкъ, считалъ извинительными или даже неизбѣжными. Въ томъ и другомъ случаѣ Онѣгину пришлось-бы совершенно отказаться отъ спора, еслибы онъ захотѣлъ воздерживаться отъ охладительныхъ словъ. Въ-пятыхъ—*гроба тайны роковыя*. Часъ отъ часу не легче. Если возможенъ какой-нибудь споръ о *роковыхъ тайнахъ гроба*, то этотъ споръ можетъ происходить только на счетъ безсмертія души. Между Онѣгинымъ и Ленскимъ споръ безъ сомнѣнія долженъ былъ завязаться такъ, что Онѣгинъ отрицалъ, а Ленскій утверждалъ. Начиная такой споръ, Онѣгинъ очевидно затрогивалъ такой предметъ, который составлялъ для юнаго идеалиста величайшую и неприкосновеннѣйшую драгоцѣнность. Какъ бы мягко и осторожно Онѣгинъ ни выражался, во всякомъ случаѣ уже тотъ фактъ, что онъ ставилъ знакъ вопросительный тамъ, гдѣ Ленскій ставилъ точку или знакъ восклицательный,—одинъ этотъ фактъ, говорю я, долженъ былъ произвести на несчастнаго поэта гораздо болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ всевозможныя охладительныя слова. Въ-шестыхъ—*судьба и жизнь*. Ну, это выраженіе такъ неясно и такъ растяжимо, что о немъ нечего и говорить.

Подробный анализъ тѣхъ высокихъ предметовъ, о которыхъ разговаривали Онѣгинъ и Ленскій, приводитъ меня къ тому заключенію, что они ни о какихъ высокихъ предметахъ не разговаривали, и что Пушкинъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что значитъ серьезный споръ, влекущій къ размышленію, и какое значеніе имѣетъ для человѣка сознанное и глубоко-прочувствованное убѣжденіе. Пушкину хотѣлось, чтобы Онѣгинъ въ своихъ отношеніяхъ къ Ленскому обнаруживалъ граціозную мягкость своего характера, и Пушкинъ, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ граціозной мягкостью и совершенно незнакомый съ убѣжденіями, не сообразилъ того, что, навязывая своему герою это изящное свойство, онъ осуждалъ его на такую жалкую безцвѣтность, при которой возможны только пренія о погодѣ, о достоинствахъ шампанскаго, да пожалуй еще о договорахъ Олега съ греками. Еслибы Онѣгинъ дѣйствительно имѣлъ какія-нибудь убѣжденія, то, подружившись съ Ленскимъ, онъ, именно изъ привязанности къ нему, старался-бы откровенно подѣлиться съ нимъ своими взглядами на жизнь и разрушить дружескими разговорами тѣ юношескія заблужденія, которыя, рано или поздно, грубо и безжалостно разрушитъ презрѣнная житейская проза. Но Онѣгинъ, по своей неразвитости и по совершенному отсутствію убѣжденій, соблюдаетъ въ отношеніи къ Ленскому ту знаменитую политику скрыванія и педагогическаго обмана, которую постоянно прилагаютъ къ своимъ питомцамъ всѣ родители и воспитатели, отличающіеся теплотой чувствъ и ограниченностью ума.

Я уже показалъ выше, что при этой политикѣ совершенно невозможны серьезные разговоры о предметахъ, вызывающихъ на раз-

мышленіе. И такъ какъ Пушкинъ намъ дѣйствительно не сообщаетъ ни одного подобнаго разговора, то мы имѣемъ полное право утверждать, что Онѣгинъ и Ленскій были совершенно неспособны къ серьезнымъ разсужденіямъ, и что Пушкинъ, желая поставить ихъ на пьедесталъ, упомянулъ мимоходомъ о разныхъ высокихъ предметахъ, до которыхъ ни ему самому, ни его героямъ никогда не было никакого дѣла. Договоры племенъ, вѣковые предразсудки, роковыя тайны, все это—одни слова, къ которымъ критикъ долженъ относиться съ крайней недовѣрчивостью.

IV.

Любопытно замѣтить, что граціозная мягкость измѣняетъ Онѣгину именно тогда, когда она была необходима и когда охладительное слово было не только очень невѣжливо, но еще кромѣ того совершенно безполезно. Вотъ какимъ образомъ Онѣгинъ разсуждаетъ объ Ольгѣ, въ которую, какъ ему извѣстно, давно уже влюбленъ Ленскій:

«Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.»

(Гл. III. Стр. V.)

Эта тирада очевидно была сказана только для того, чтобы полюбоваться насмѣшливой холодностью своего взгляда на природу и на жизнь. Ленскому эта грубая и безтолковая выходка противъ Ольги показалась очень непріятной, и, кромѣ этой, совершенно безплодной непріятности, ровно ничего не вышло и не могло выйдти изъ охладительнаго слова, произнесеннаго Онѣгинымъ ни къ селу, ни къ городу, для услажденія собственнаго слуха. Впрочемъ надо и то сказать, что Ленскій самъ напрашивается на подобныя дерзости: онъ лѣзетъ къ Онѣгину съ такими конфиденціальными разговорами объ Ольгѣ, которые совершенно несовмѣстны съ серьезнымъ уваженіемъ любящаго мужчины къ любимой женщинѣ. Онъ за бокаломъ шампанскаго анализируетъ Ольгу съ пластической точки зрѣнія, и этому занятію онъ предается уже послѣ того, какъ Онѣгинъ сравнилъ эту Ольгу съ глупой луной. Вотъ его подлинныя слова:

«Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!»

(Гл. IV. Стр. XLVIII.)

Когда Базаровъ сказалъ своему другу нѣсколько словъ о плечахъ женщины, которую онъ видѣлъ въ первый разъ, тогда наша критика и наша публика порѣшили, что Базаровъ— ужасный циникъ. Но еслибы критика и публика потрудились перечитать «Евгенія Онѣгина», то онѣ увидѣли-бы, что идеалистъ и романтикъ Ленскій далеко перещеголялъ матеріалиста и эмпирика Базарова. Базаровъ говорилъ о незнакомой женщинѣ, Ленскій, напротивъ того,—о той дѣвушкѣ, въ которую онъ былъ влюбленъ съ дѣтства; Базаровъ говорилъ только о плечахъ, Ленскій—о плечахъ и о груди. Стало быть, упрекъ въ цинизмѣ относится по всѣмъ правамъ къ пламеннымъ идеалистамъ 20-хъ годовъ, а не къ холоднымъ реалистамъ нашего времени. Впрочемъ это совершенно естественно, потому что, какъ намъ извѣстно даже изъ прописей, праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а въ дѣлѣ праздности Базарову конечно мудрено тягаться съ Онѣгинымъ и съ Ленскимъ. Праздность Онѣгина такъ колоссальна, что онъ даже

« — — Дома цѣлый день
Одинъ, въ разсчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
На билліардѣ въ два шара
Играетъ съ самаго утра.»

(Гл. IV. Стр. XLIV.)

При такомъ бездѣйствіи мысли вранье на разныя темы составляетъ конечно одно изъ лучшихъ украшеній жизни.

Чтобы дорисовать личность Ленскаго, надо разобрать его дуэль съ Онѣгинымъ. Тутъ читатель рѣшительно не знаетъ, кому отдать пальму первенства по части тупоумія—Онѣгину или Ленскому. Единственное возможное объясненіе этого нелѣпѣйшаго случая состоитъ въ томъ, что оба они, Ленскій и Онѣгинъ, совершенно ошалѣли отъ бездѣлья и отъ мертвящей скуки. Онѣгину захотѣлось взбѣсить Ленскаго и такимъ образомъ отмстить ему за то, что у Лариныхъ на именины Татьяны собралось много гостей, между тѣмъ какъ Ленскій говорилъ Онѣгину, что не будетъ никого изъ постороннихъ. Чтобы исполнить свое намѣреніе, Онѣгинъ танцуетъ съ Ольгой сначала вальсъ, потомъ мазурку, потомъ котильонъ. Во время танцевъ онъ,

«Наклонясь, ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ—и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче.»

(Гл. V. Стр. XLIV.)

Но, спрашивается, что-же онъ могъ видѣть? Что Онѣгинъ наклонялся къ Ольгѣ и шепталъ ей что-то, въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего преступнаго. Кавалеры обыкновенно говорятъ съ дамами во время танцевъ, и никто не обязываетъ ихъ говорить такъ громко, чтобы каждое слово было слышно во всѣхъ концахъ залы. Пошлаго мадригала Ленскій не могъ ни видѣть, ни слышать, потому что онъ былъ произнесенъ шопотомъ. Замѣтить пожатіе руки было

также невозможно, потому что это движеніе мускуловъ совершенно неуловимо для глазъ. Что Ольга улыбалась и краснѣла—это Ленскій конечно могъ видѣть; но, во-первыхъ, во время танцевъ никто не хмурится; а во-вторыхъ, Ольга могла раскраснѣться именно отъ движенія; наконецъ, еслибы даже Ленскій могъ быть твердо убѣжденъ въ томъ, что Онѣгинъ говоритъ Ольгѣ комплименты на счетъ ея наружности, и что Ольга улыбается и краснѣетъ отъ удовольствія, то и тогда онъ не имѣлъ-бы никакого основанія сердиться ни на Онѣгина, ни на Ольгу. Въ двадцатыхъ годахъ комплименты были еще въ полномъ ходу, и дамы были еще такъ наивны, что находили ихъ лестными и пріятными. Стало быть, ни Онѣгинъ, ни Ольга не позволяли себѣ рѣшительно ничего такого, что выходило-бы изъ уровня принятыхъ обычаевъ. Но Ленскій лѣзетъ на стѣны:

«Не въ силахъ Ленскій снесть удара;
Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули—больше ничего—
Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.»
(Гл. V. Стр. XLV.)

А весь ударъ состоялъ въ томъ, что Ольга не пошла танцовать съ нимъ котильонъ. А не пошла она по той законной причинѣ, что ее уже заранѣе пригласилъ Онѣгинъ. Легко можетъ быть, что въ двадцатыхъ годахъ дѣйствительно существовали такіе чудаки, которые принимали подобныя событія за жестокіе удары. Но въ такомъ случаѣ надо будетъ сознаться, что у романтиковъ двадцатыхъ годовъ была въ головѣ своя оригинальная логика, о которой мы въ настоящее время не можемъ составить себѣ почти никакого понятія. Кромѣ того не мѣшаетъ замѣтить, что женамъ этихъ чувствительныхъ и пламенныхъ романтиковъ было по всей вѣроятности очень скверно жить на свѣтѣ.

Трагедія по поводу котильона происходитъ за недѣлю съ небольшимъ до срока, назначеннаго для свадьбы Ленскаго, который зналъ и любилъ свою невѣсту съ самаго дѣтства. Если Ленскій осмѣливается оскорблять безсмысленными подозрѣніями ту дѣвушку, которую онъ знаетъ съ малыхъ лѣтъ, и если эти подозрѣнія могутъ возникнуть отъ каждаго взгляда, брошеннаго Ольгою на посторонняго мужчину, то, спрашивается, когда-же и при какихъ условіяхъ установятся между мужемъ и женою разумныя отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи? И если о разумномъ взглядѣ на женщину не имѣетъ никакого понятія геттингенская душа, читающая Шиллера и поклоняющаяся Канту, то, спрашивается, какая-же разница существуетъ между геттингенской душой и душою вятской или симбирской? И что за охота была Пушкину посылать Ленскаго въ туманную Германію за плодами учености и за какими-то вольнолюбивыми мечтами, когда этому Ленскому суждено было только сказать и сдѣлать въ романѣ нѣсколько плоскостей, которымъ онъ могъ-бы съ величайшимъ удобствомъ научиться не только въ своей деревнѣ, но даже и въ какой-нибудь букеевской ордѣ? Что-же касается до длинныхъ волосъ, которые Ленскій, по свидѣтельству Пушкина, привезъ съ собою также изъ туманной Германіи, то мнѣ кажется, что они, при тщательномъ уходѣ, могли-бы вырости и въ Россіи.

Пріѣхавъ домой послѣ измѣны коварной Ольги, Ленскій посылаетъ Онѣгину

. . . «Пріятный, благородный,
Короткій вызовъ, иль к а р т е л ь.»

Къ сожалѣнію, Пушкинъ не представляетъ намъ того письма, которое написалъ по этому поводу «поклонникъ Канта и поэтъ». У Пушкина сказано только, что

«Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.»

Но такъ какъ вызовъ надо-же чѣмъ-нибудь мотивировать, то было-бы очень любопытно посмотрѣть, какимъ образомъ Ленскій вывернулся изъ этой задачи, то-есть, какимъ образомъ онъ ухитрился писать къ Онѣгину о небываломъ оскорбленіи. Впрочемъ рыбакъ рыбака видитъ издалека. Ленскій вѣроятно предчувствовалъ, что всякая пошлость непремѣнно найдетъ себѣ сочувственный отзывъ въ душѣ его бывшаго друга, и что слѣдовательно въ сношеніяхъ съ этимъ бывшимъ другомъ можно нарушать совершенно безбоязненно всѣ правила обыкновенной человѣческой логики. Ленскій повидимому понималъ, что Онѣгинъ, какъ свѣтскій человѣкъ, есть прежде всего машина, которая при извѣстномъ прикосновеніи непремѣнно должна произвести извѣстное движеніе, хотя-бы это движеніе при данныхъ условіяхъ было совершенно безсмысленно и даже крайне неумѣстно. Разумѣется, Онѣгинъ вполнѣ оправдываетъ надежды своего достойнаго друга. Получивши «пріятный, благородный, короткій вызовъ», онъ, какъ образованный дэнди, не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ объясненій и отвѣчаетъ пріятно, благородно, коротко, «что онъ *всегда готовъ*». Секундантъ Ленскаго тотчасъ уѣзжаетъ, а Онѣгинъ «наединѣ съ своей душой» начинаетъ соображать, что эта душа надѣлала премного глупостей. Онѣгинъ недоволенъ самъ собой. Пушкинъ говоритъ:

«И по дѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечоръ небрежно.

А во-вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится: въ осьмнадцатъ лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ-бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ.
Онъ могъ-бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно, время улетѣло...
Къ тому-жъ—онъ мыслитъ—въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...»
И вотъ общественное мнѣнье!...
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!»

(Гл. VI. Стр. X, XI.)

Евгеній, какъ видите, любитъ юношу всѣмъ сердцемъ; кромѣ того строгій разборъ, произведенный на тайномъ судѣ совѣсти, говоритъ ему, что мужъ съ честью и съ умомъ не сталъ бы щетиниться, какъ звѣрь, и не позволилъ-бы себѣ стрѣлять въ осьмнадцатилѣтняго разыгравшагося мальчика. На одну чашку вѣсовъ Онѣгинъ кладетъ жизнь юноши, котораго онъ любитъ всѣмъ сердцемъ, и кромѣ того здравыя требованія ума и чести, —тѣ требованія, которыя сформулированы строгимъ разборомъ тайнаго суда На другую чашку Онѣгинъ кладетъ шопотъ и хохотню глупцовъ, которыхъ натравитъ старый дуэлистъ и злой сплетникъ, достойный, по мнѣнію самого-же Онѣгина, самаго полнаго презрѣнья. Вторая чашка тотчасъ перетягиваетъ, и догадливый читатель немедленно можетъ составить себѣ очень наглядное понятіе о томъ, какъ сильно умѣетъ Онѣгинъ любить и какъ высоко цѣнитъ онъ свое собственное уваженіе.—Я долженъ убить моего друга, разсуждаетъ Онѣгинъ, я долженъ оказаться передъ тайнымъ судомъ моей совѣсти мужемъ безъ чести и безъ ума, я долженъ это сдѣлать непремѣнно, потому что, въ противномъ случаѣ, дураки, которыхъ я презираю, будутъ шептать и смѣяться.

Изъ этого процесса мысли мы видимъ ясно, что слова: «другъ», «совѣсть», «честь», «умъ», «дураки», «презирать»—не имѣютъ для Онѣгина никакого осязательнаго смысла. Какъ негръ, задавленный непосильнымъ трудомъ, тяжелыми лишеніями и ежедневными побоями, теряетъ способность любить, ненавидѣть, презирать и разсуждать, превращается въ тупое вьючное животное, способное только къ пассивному повиновенію и къ машинальной работѣ изъ подъ палки, такъ и Онѣгинъ, задавленный умственной пустотой и гнетомъ свѣтскихъ предразсудковъ, навсегда потерялъ силу и умѣнье чувствовать, мыслить и дѣйствовать, не испрашивая на то соизволенія у той толпы, которую онъ величественно презираетъ. Личныя понятія, личныя чувства, личныя желанія Онѣгина такъ слабы и вялы, что они не могутъ имѣть никакого ощутительнаго вліянія на его поступки. Поступитъ онъ во всякомъ случаѣ такъ, какъ того потребуетъ отъ него свѣтская толпа; онъ даже не подождетъ, чтобы эта толпа выразила ясно свое требованіе; онъ его угадаетъ заранѣе; онъ съ утонченной угодливостью раба, воспитаннаго въ рабствѣ съ колыбели, предупредитъ всѣ желанія этой толпы, которая, какъ избалованный властелинъ, разумѣется, даже и вниманія не обратитъ на то, какими усиліями и жертвами ея вѣрный рабъ, Онѣгинъ, купилъ себѣ право оставаться въ ея глазахъ джентльмэномъ самой безукоризненной безцвѣтности. И толпа поступаетъ совершенно справедливо, когда не обращаетъ вниманія на усилія и жертвы вѣрнаго раба; вѣрный рабъ вѣренъ только потому, что не смѣетъ сдѣлаться невѣрнымъ; онъ боится своего господина и въ то-же время вмѣстѣ съ другими, столь-же трусливыми и вѣрными рабами ежеминутно ругаетъ его за глаза, подобно тому, какъ это дѣлаютъ всѣ лакеи, проникнутые духомъ лакейства до мозга костей. Этой лакейской замашкой ругать за глаза строгаго господина объясняется то презрѣніе къ толпѣ, которымъ драпируется Онѣгинъ. Это красивое презрѣніе—чувство совершенно платоническое; оно цѣликомъ улетучивается въ словахъ; какъ только приходится дѣйствовать, такъ это презрѣніе смѣняется тотчасъ самымъ плоскимъ и раболѣпнымъ благоговѣніемъ.

Спрашивается теперь, какимъ образомъ долженъ былъ отнестись поэтъ къ этой чертѣ въ характерѣ Онѣгина? Мнѣ кажется, онъ долженъ былъ понять весь глубокій комизмъ этой черты, онъ долженъ былъ всѣми силами своего таланта подмѣтить и разработать въ этой чертѣ всѣ ея смѣшныя стороны, онъ долженъ былъ осмѣять, опошлить и втоптать въ грязь безъ малѣйшаго состраданія ту низкую трусость, которая заставляетъ неглупаго человѣка играть роль вреднаго идіота для того, чтобы не подвергнуться робкимъ и косвеннымъ насмѣшкамъ настоящихъ идіотовъ, достойныхъ полнаго презрѣнія. Поступая такимъ образомъ, поэтъ оказалъ бы дѣйствительную и серьезную услугу общественному самосознанію; онъ-бы заставилъ толпу смѣяться надъ тѣми формулами тупоумія и безличности, на которыя она, по своей недогадливости и инерціи мысли, привыкла смотрѣть не только равнодушно, но даже благосклонно.

Такъ-ли поступилъ Пушкинъ? Нѣтъ, онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Въ своемъ взглядѣ на положеніе Онѣгина онъ самъ оказался человѣкомъ свѣтской толпы и употре-

билъ всѣ силы своего таланта на то, чтобы изъ мелкаго, трусливаго, безхарактернаго и праздношатающагося франтика сдѣлать трагическую личность, изнемогающую въ борьбѣ съ непреодолимыми требованіями вѣка и народа. Вмѣсто того, чтобы сказать читателю: какъ пустъ, смѣшонъ и ничтоженъ мой Онѣгинъ, убивающій своего друга въ угоду дуракамъ и негодяямъ, Пушкинъ говоритъ: «и вотъ на чемъ вертится міръ», точно будто-бы отказаться отъ безсмысленнаго вызова значитъ нарушить міровой законъ.

Возвышая такимъ образомъ въ глазахъ читающей массы тѣ типы и тѣ черты характера, которые сами по себѣ низки, пошлы и ничтожны, Пушкинъ всѣми силами своего таланта усыпляетъ то общественное самосознаніе, которое истинный поэтъ долженъ пробуждать и воспитывать своими произведеніями. Сваливая на общія причины, на неумолимую судьбу и на міровые законы вину позорныхъ ошибокъ, отъ которыхъ каждый умный и энергическій человѣкъ можетъ уберечься силами своей собственной личности, Пушкинъ оправдываетъ и поддерживаетъ своимъ авторитетомъ робость, безпечность и неповоротливость индивидуальной мысли. Онъ подавляетъ личную энергію, обезоруживаетъ личный протестъ и укрѣпляетъ тѣ общественные предразсудки, которые каждый мыслящій человѣкъ обязанъ разрушать всѣми силами своего ума и всѣмъ запасомъ своихъ знаній. «*И вотъ на чемъ вертится міръ*!» Какъ вамъ нравится это наивное признаніе Пушкина, что для него весь міръ сосредоточивается въ тѣхъ малочисленныхъ кружкахъ фешенебельнаго общества, въ которыхъ люди, обожающіе «пружину чести», изъ благоговѣнія къ этой пружинѣ стрѣляются со своими друзьями противъ собственнаго желанія и противъ собственнаго убѣжденія?

Сдѣлавши замѣчательное открытіе, что міръ вертится на пружинѣ чести, Пушкинъ далеко превосходитъ Людовика-Филиппа, придумавшаго остроумное выраженіе «le pays légal» для обозначенія тѣхъ французовъ, которые пользовались правомъ голоса на выборахъ депутатовъ. У Людовика-Филиппа огромное большинство французовъ остается за предѣлами законной Франціи, а у Пушкина огромное большинство людей остается за предѣлами существующаго міра,—что̀ безъ сомнѣнія гораздо болѣе остроумно.

V.

Онѣгинъ остается ничтожнѣйшимъ пошлякомъ до самаго конца своей исторіи съ Ленскимъ, а Пушкинъ до самаго конца продолжаетъ воспѣвать его поступки, какъ грандіозныя и трагическія событія. Благодаря превосходному разсказу нашего поэта, читатель видитъ постоянно не внутреннюю дрянность и мелкость побужденій, а внѣшнюю красоту и величавость хладнокровнаго мужества и безукоризненнаго джентльмэнства.

«— — Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не переставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить, но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,
На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ.»
(Гл. VI. Стр. XXX, XXXI.)

Господи, какъ красиво! Люди переходятъ *твердою походкою*, *тихо*, *ровно* четыре шага, *четыре смертныя ступени*. Два человѣка безъ всякой надобности идутъ на смерть и смотрятъ ей въ глаза, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія. Такъ это красиво и такъ это старательно воспѣто, что читатель, замирая отъ ужаса и преклоняясь передъ доблестями храбрыхъ героевъ, даже не осмѣлится и не съумѣетъ подумать о томъ, до какой степени глупо все это происшествіе и до какой степени похожи величественные герои, соблюдающіе твердость и тишину походки, на жалкихъ дрессированныхъ гладіаторовъ, тратившихъ всю свою энергію на то, чтобы въ предсмертныхъ мукахъ доставить удовольствіе зрителямъ красивой позитурой тѣла. А между тѣмъ эти зрители были злѣйшими врагами гладіаторовъ, и еслибы гладіаторы направили свою энергію не на красивыя позы, а на тупоумныхъ любителей этихъ позъ, то легко могло-бы случиться, что они навсегда избавили-бы себя отъ печальной необходимости тѣшить праздныхъ дураковъ красивыми позами. Надо полагать, что гладіаторы были очень глупы и что глупость ихъ къ сожалѣнію не умерла вмѣстѣ съ ними.

Но, кромѣ общей гладіаторской глупости, поведеніе Онѣгина въ сценѣ дуэли заключаетъ въ себѣ еще свою собственную, совершенно спеціальную глупость или дрянность, которая до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, была упущена изъ виду самыми внимательными критиками. То обстоятельство, что онъ принялъ вызовъ Ленскаго и явился на поединокъ, еще можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено, хотя конечно не оправдано,—вліяніемъ свѣтскихъ предразсудковъ, сдѣлавшихся для Онѣгина второй природой. Но то обстоятельство, что онъ, «всѣмъ сердцемъ юношу любя» и сознавая себя

кругомъ виноватымъ, *цѣлилъ* въ Ленскаго и убилъ его, можетъ быть объяснено только или крайнимъ малодушіемъ, или непостижимымъ тупоуміемъ. Свѣтскій предразсудокъ обязывалъ Онѣгина идти на встрѣчу опасности, но свѣтскій предразсудокъ нисколько не запрещалъ ему выдержать выстрѣлъ Ленскаго и потомъ разрядить пистолетъ на воздухъ. При такомъ образѣ дѣйствій и волки были-бы сыты, и овцы были-бы цѣлы. Репутація храбрыхъ гладіаторовъ была-бы спасена; Ленскій, вполнѣ удовлетворенный и обезоруженный, пригласилъ-бы Онѣгина быть шаферомъ на его свадьбѣ, а Онѣгинъ, сказавшій Ольгѣ пошлый мадригалъ и *оказавшій себя мячикомъ предразсужденій*, за всѣ эти продерзости былъ-бы наказанъ тѣмъ непріятнымъ ощущеніемъ, которое доставляетъ каждому порядочному человѣку созерцаніе пистолетнаго дула, направленнаго прямо на его собственную особу. Конечно Ленскій могъ убить или тяжело ранить Онѣгина, которому въ такомъ случаѣ не пришлось-бы быть шаферомъ на предстоящей свадьбѣ, но эта перспектива нисколько не должна была конфузить Онѣгина, если только онъ дѣйствительно былъ утомленъ жизнью и совершенно искренно тяготился ея простотой. Онѣгинъ не долженъ былъ колебаться ни одной минуты, когда ему надо было рѣшать на практикѣ вопросъ: кому жить, ему или Ленскому? Онъ ни на одну минуту не долженъ былъ ставить свою собственную опротивѣвшую ему жизнь на одну доску съ свѣжей жизнью влюбленнаго юноши. Однако онъ поступилъ какъ-разъ на оборотъ. Онъ первый сталъ поднимать свой пистолетъ и выстрѣлилъ именно въ то самое время, когда Ленскій началъ прицѣливаться.

Почему-же онъ это сдѣлалъ? Или потому, что не сообразилъ заранѣе, *какъ* ему слѣдовало распорядиться, или-же потому, что чувство самосохраненія одержало верхъ надъ всѣми предварительными соображеніями. Первое предположеніе очень неправдоподобно; сообразить было немудрено; если Онѣгинъ не умѣетъ подумать даже тогда, когда отъ его размышленій зависитъ жизнь юноши, котораго онъ любитъ всѣмъ сердцемъ, то, значитъ, онъ совсѣмъ неспособенъ шевелить мозгами. Съ этимъ трудно согласиться, хотя, разумѣется, умственныя способности Онѣгина очень неблистательны и совершенно испорчены бездѣйствіемъ. Остается второе предположеніе, которое, по моему мнѣнію, совершенно основательно. Онѣгинъ, несмотря на свое хроническое зѣваніе и несмотря на свою замашку ругать жизнь всякими скверными словами, очень любитъ эту самую жизнь и никакъ не согласится промѣнять ее не только на «покой небытія», но даже и на какую-нибудь другую жизнь, болѣе разумную и болѣе дѣятельную. Умирать ему совсѣмъ не хочется, потому что, какъ ни ругай нашу юдоль бѣдствій, а все-таки въ этой юдоли есть для богатаго собственника и устрицы, и омары, и бордо и клико, и прекрасный полъ. Устроить себѣ какую-нибудь новую жизнь ему также совсѣмъ не хочется, потому что ни для какой другой жизни онъ не годится. Онъ съ своей вѣчной скукой можетъ прожить очень спокойно, пріятно и комфортабельно лѣтъ до восмидесяти, и когда Ленскій сталъ цѣлиться, тогда Онѣгинъ смекнулъ въ одну секунду, что милую скуку позволительно ругать и проклинать, но что съ нею вовсе не слѣдуетъ разставаться преждевременно.

Пушкинъ такъ красиво описываетъ мелкія чувства, дрянныя мысли и пошлые поступки, что ему удалось подкупить въ пользу ничтожнаго Онѣгина не только простодушную массу читателей, но даже такого замѣчательнаго человѣка и такого тонкаго критика, какъ Бѣлинскій. «Мы—говоритъ Бѣлинскій—нисколько не оправдываемъ Онѣгина, который, какъ говоритъ поэтъ, былъ долженъ оказать себя не мячикомъ предразсужденій, не пылкимъ мальчикомъ-бойцомъ, но мужемъ съ честью и умомъ; но тиранія и деспотизмъ свѣтскихъ и житейскихъ предразсудковъ таковы, что требуютъ для борьбы съ собою героевъ. Подробности дуэли Онѣгина съ Ленскимъ — верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи.»

И это все! Хорошъ приговоръ. Онъ не оправдываетъ Онѣгина, а между тѣмъ тутъ-же утверждаетъ, что только герой на мѣстѣ Онѣгина поступилъ-бы иначе. Значитъ, вполнѣ оправдываетъ, потому что мы не имѣемъ никакого права требовать отъ обыкновенныхъ людей такихъ подвиговъ нравственнаго мужества, которые превышаютъ средній уровень обыкновенныхъ человѣческихъ силъ. Но развѣ-жъ это правда? Развѣ въ самомъ дѣлѣ надо быть героемъ, чтобы умѣть любить своего друга и чтобы не убивать собственноручно, изъ низкой трусости, тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ всѣмъ сердцемъ? Высказывая ту дикую мысль, что эти отрицательные подвиги доступны только героямъ, Бѣлинскій унижаетъ человѣческую природу и безъ всякой надобности является защитникомъ нравственной гнилости и тряпичности. А вводитъ его въ этотъ тяжелый грѣхъ крайняя впечатлительность, подкупленная тѣмъ обстоятельствомъ, что «подробности дуэли Онѣгина съ Ленскимъ — верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи». Еслибы Бѣлинскій потрудился задать себѣ вопросъ, на что̀ потрачено это художественное совершенство и къ чему оно клонится, то онъ немедленно убѣдился-бы въ томъ, что за такіе художественные фокусы надо не превозносить, а строго порицать поэта. Фанатическія драмы Кальдерона могли быть

превосходны въ художественномъ отношеніи, но вліяніе ихъ на испанское общество было во всякомъ случаѣ отвратительно.

Къ Ленскому Бѣлинскій относится очень справедливо и безъ малѣйшей нѣжности, вѣроятно потому, что ему самому приходилось встрѣчать романтиковъ въ дѣйствительной жизни. «Люди, подобные Ленскому,—говоритъ Бѣлинскій,— при всѣхъ ихъ неоспоримыхъ достоинствахъ (?), нехороши тѣмъ, что они или перерождаются въ совершенныхъ филистеровъ, или, если сохраняютъ навсегда свой первоначальный типъ, дѣлаются тѣми устарѣлыми мистиками и мечтателями, которые такъ-же непріятны, какъ и старыя идеальныя дѣвы, и которые больше враги всякаго прогресса, нежели люди просто, безъ претензій, пошлые. Вѣчно копаясь въ самихъ себѣ и становя себя центромъ міра, они спокойно смотрятъ на все, что̀ дѣлается въ мірѣ, и твердятъ о томъ, что счастье внутри насъ, что должно стремиться душою въ надзвѣздную сторону мечтаній и не думать о суетахъ этой земли, гдѣ есть и голодъ, и нужда, и... Ленскіе не перевелись и теперь: они только переродились. Въ нихъ уже не осталось ничего, что̀ такъ обаятельно прекрасно (?) было въ Ленскомъ; въ нихъ нѣтъ дѣвственной чистоты его сердца (?), въ нихъ только претензіи на великость и страсть марать бумагу. Всѣ они поэты, и стихотворный балластъ въ журналахъ доставляется одними ими. Словомъ, это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди.»

Съ этими словами Бѣлинскаго я совершенно согласенъ; не вижу я только никакихъ *неоспоримыхъ достоинствъ* въ Ленскомъ, не нахожу въ немъ ничего *обаятельно-прекраснаго* и не умѣю восхищаться *дѣвственной чистотой его сердца*, потому что рѣшительно не понимаю, кому нужна эта дѣвственная чистота, какую она можетъ принести пользу и какими прочными качествами ума и характера она застрахована отъ грозящихъ и развращающихъ прикосновеній дѣйствительной жизни. Если изъ приведенной мною цитаты выбросить вонъ *неоспоримыя достоинства*, *обаятельно-прекрасное* и *дѣвственную чистоту*, то въ остаткѣ получится энергическій и строгій приговоръ послѣдовательнаго реалиста не только надъ одними романтиками, но и надъ всѣми художниками, оставляющими безъ вниманія горе и нужду современной дѣйствительности. Если, по мнѣнію Бѣлинскаго, несносны, пусты и пошлы тѣ люди, которые стремятся душою въ надзвѣздную сторону мечтаній, то очевидно не за что миловать и тѣхъ людей, которые стремятся душою въ мертвую тишину историческаго прошедшаго. И тѣ, и другіе одинаково отвертываются отъ суеты этой земли, «*гдѣ есть и голодъ, и нужда, и...*», а именно въ этомъ презрѣніи къ суетѣ земли и заключается ихъ настоящая вина. Разъ какъ они уже отвернулись отъ суеты земли, тогда уже рѣшительно все равно, въ какую-бы сторону они ни смотрѣли. Тогда они уже отрѣзанный ломоть, и о нихъ можно совершенно справедливо сказать вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, что «*это теперь самые несносные, самые пустые и пошлые люди*».

Не мѣшаетъ также замѣтить, что эти слова Бѣлинскаго чрезвычайно сильно задѣваютъ самого Пушкина, который втеченіи всей своей поэтической дѣятельности постоянно и систематически игнорировалъ и голодъ. и нужду, и всѣ остальныя болячки дѣйствительной жизни. Когда-же онъ случайно натыкался на какую-нибудь крошечную болячку, тогда онъ обыкновенно бралъ ее подъ свое покровительство, т. е. старался доказать ея роковую необходимость. Это пожалуй будетъ даже похуже, чѣмъ стремиться душою въ надзвѣздную сторону мечтаній.

Послѣ смерти Ленскаго Онѣгинъ отправляется странствовать по Россіи, вездѣ хмурится и пищитъ, вездѣ смотритъ съ безсмысленнымъ презрѣніемъ на занятія суетной толпы и наконецъ доходитъ до такой нелѣпости, что начинаетъ завидовать больнымъ, которыхъ онъ видитъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

«Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслитъ, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать! Тоска, тоска!»

Размышленія Бѣлинскаго по поводу этихъ безсмысленныхъ жалобъ чрезвычайно любопытны; они даютъ намъ самое наглядное понятіе о глубокой искренности нашего великаго критика, о его необыкновенной правдивости и о его изумительной способности принимать за чистую монету каждое человѣческое слово, даже такое, въ которомъ очень нетрудно разпознать самую грубую ложь и самое нахальное шарлатанство. «Какая жизнь!—восклицаетъ Бѣлинскій.— Вотъ оно, то страданіе, о которомъ такъ много пишутъ и въ стихахъ, и въ прозѣ, на которое столь многіе жалуются, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ знаютъ его; вотъ оно, страданіе истинное, безъ котурна, безъ ходуль, безъ драпировки, безъ фразъ,—страданіе, которое часто не отнимаетъ ни сна, ни аппетита, ни здоровья, но которое тѣмъ ужаснѣе!.. Спать ночью, зѣвать днемъ, видѣть, что всѣ изъ-за чего-то хлопо-

чутъ, чѣмъ-то заняты, одинъ—деньгами, другой—женитьбой, третій—болѣзнью, четвертый—нуждою и кровавымъ потомъ работы,—видѣть вокругъ себя и веселье, и печаль, и смѣхъ, и слезы, видѣть все это и чувствовать себя чуждымъ всему этому, подобно Вѣчному Жиду, который среди волнующейся вокругъ него жизни сознаетъ себя чуждымъ жизни и мечтаетъ о смерти, какъ о величайшемъ для него блаженствѣ; это страданіе не всѣмъ понятное, но оттого не меньше страшное. Молодость, здоровье, богатство, соединенныя съ умомъ, сердцемъ; чего-бы, кажется, больше для жизни и счастья? Такъ думаетъ тупая чернь и называетъ подобное страданіе модной причудой.»

Я безъ малѣйшаго колебанія записываюсь въ ряды *тупой черни* и вмѣстѣ съ этой *тупой чернью* радикально отрицаю и безпощадно осмѣиваю то ужасное страданіе, надъ которымъ такъ добродушно сокрушается Бѣлинскій. На Вѣчнаго Жида россійскій помѣщикъ Онѣгинъ непохожъ нисколько и сравнивать ихъ между собою нѣтъ ни малѣйшей надобности. Вѣчный Жидъ, говорятъ, былъ такъ устроенъ, что никакъ не могъ умереть; вслѣдствіе этой странной особенности своего организма онъ дѣйствительно имѣлъ полное основаніе *мечтать о смерти, какъ о величайшемъ блаженствѣ*. Но Онѣгинъ этого основанія вовсе не имѣетъ, и фантастическая фигура Вѣчнаго Жида, воплотившаго въ себѣ такое страданіе, которое далеко превышаетъ размѣры человѣческихъ силъ и человѣческаго терпѣнія, приплетена тутъ ни къ селу, ни къ городу. Бѣлинскій самъ подозрѣваетъ, что «онѣгинское страданіе» *не отнимаетъ ни сна, ни аппетита, ни здоровья*, но, по своей великодушной довѣрчивости, нашъ критикъ полагаетъ, что оно *тѣмъ ужаснѣе*.

Да, дѣйствительно ужасно! Такимъ страданіемъ страдаютъ въ водевиляхъ неутѣшныя вдовы, которыя во время пьесы плачутъ о мужѣ и сквозь слезы кокетничаютъ съ юнымъ офицеромъ, а передъ самымъ паденіемъ занавѣси вытираютъ глазки платочкомъ и объявляютъ растроганнымъ зрителямъ въ заключительномъ куплетѣ, что спасительное время и новая любовь исцѣляютъ самыя глубокія раны растерзанныхъ вдовьихъ сердецъ. У этихъ милыхъ вдовъ страданіе тоже сидитъ въ самой глубинѣ души, такъ глубоко, что не можетъ имѣть никакого вліянія на различныя отправленія физическаго организма. Сердце вдовы разбито, но тѣло ея жирѣетъ и процвѣтаетъ во все свое удовольствіе. Простое человѣческое страданіе, не водевильное и не онѣгинское, не забирается въ такую недосягаемую глубину и вслѣдствіе этого разъѣдаетъ и прожигаетъ насквозь тотъ организмъ, въ которомъ оно гнѣздится. Я долженъ признаться, что, какъ грубый реалистъ, я только это послѣднее, грубое и неглубокое страданіе считаю истиннымъ. Когда-же несчастный страдалецъ спитъ по восьми часовъ въ сутки, ѣстъ, какъ здоровый бурлакъ, и толстѣетъ отъ глубокой печали, тогда я осмѣливаюсь утверждать, что этотъ цвѣтущій мученикъ—большой шутникъ, выкидывающій самыя уморительныя колѣнца. Посудите сами: не шутникъ-ли этотъ Онѣгинъ? Вздумалъ насъ увѣрять, что онъ завидуетъ больнымъ и раненымъ! Но онъ насъ не обманетъ. Мы знаемъ очень хорошо, что зависть возможна только тогда, когда она направлена на такой предметъ, котораго завидующій человѣкъ не можетъ себѣ присвоить собственными силами. Больной можетъ завидовать здоровому, потому что больной не въ состояніи сдѣлаться здоровымъ по собственному желанію. Нищій можетъ завидовать милліонеру по той-же самой причинѣ. Но въ обратномъ направленіи зависть не имѣетъ никакого смысла, потому что здоровый человѣкъ можетъ, когда ему заблагоразсудится, разстроить свое здоровье, а милліонеръ во всякую данную минуту можетъ превратиться въ нищаго. Зачѣмъ, говоритъ Онѣгинъ, я пулей въ грудь не раненъ? — Ну, не шутъ-ли онъ гороховый? Это онъ говоритъ на Кавказѣ, и говоритъ въ то время, когда Кавказъ еще не былъ покоренъ и замиренъ. Да кто-жъ ему мѣшаетъ поступить юнкеромъ въ дѣйствующую армію и получить въ грудь нетолько одну пулю, а пожалуй даже хоть цѣлую дюжину? Но ему вовсе не хочется имѣть въ груди пулю; ему желательно только разсуждать объ удовольствіи быть раненымъ, о блаженствѣ тульскаго засѣдателя, лежащаго въ параличѣ, и о великомъ несчастьи того человѣка, который молодъ и чувствуетъ въ себѣ присутствіе крѣпкой жизни. О всѣхъ этихъ предметахъ онъ разсуждаетъ совершенно безпрепятственно; довѣрчивые люди принимаютъ его слова за чистую монету; на него смотрятъ, какъ на загадочную личность; его отдѣляютъ отъ толпы не какъ шута гороховаго, а какъ высшую натуру; значитъ, онъ катается какъ сыръ въ маслѣ, и сокрушеніе Бѣлинскаго надъ его несуществующими страданіями не имѣетъ рѣшительно никакого основанія. Бѣлинскій очевидно принялъ Онѣгина за другого, хоть бы напримѣръ за Бельтова, за того чиновника, который не дослужилъ до пряжки четырнадцати лѣтъ и шести мѣсяцевъ. Но вѣдь Бельтовъ не истратилъ своей молодости на обольщеніе записныхъ кокетокъ; Бельтовъ не былъ способенъ убить друга изъ низкой трусости; Бельтовъ никогда не мечталъ о пріятности имѣть въ груди пулю и никогда не завидовалъ ни тульскому засѣдателю, ни бѣдному откупщику. Словомъ, Бельтовъ такъ-же далекъ отъ Онѣгина, какъ творецъ Бельтова далекъ отъ Пушкина.

Я рѣшительно не могу объяснить себѣ, ка-

кимъ образомъ Бѣлинскій смѣшалъ эти два совершенно различные типа. Онѣгинъ — не что иное, какъ Митрофанушка Простаковъ, одѣтый и причесанный по столичной модѣ двадцатыхъ годовъ; у нихъ даже и внѣшніе пріемы почти одни и тѣ-же: Митрофанушка говоритъ: не хочу учиться, хочу жениться, а Онѣгинъ изучаетъ «науку страсти нѣжной» и задергиваетъ траурной тафтой всѣхъ мыслителей XVIII вѣка. Бельтовъ, напротивъ того, вмѣстѣ съ Чацкимъ и Рудинымъ изображаютъ собою мучительное пробужденіе русскаго самосознанія. Это люди мысли и горячей любви. Они тоже скучаютъ, но не отъ умственной праздности, а оттого, что вопросы, давно рѣшенные въ ихъ умѣ, еще не могутъ быть даже поставлены въ дѣйствительной жизни.

Время Бельтовыхъ, Чацкихъ и Рудиныхъ прошло навсегда съ той минуты, какъ сдѣлалось возможнымъ появленіе Базаровыхъ, Лопуховыхъ и Рахметовыхъ; но мы, новѣйшіе реалисты, чувствуемъ свое кровное родство съ этимъ отжившимъ типомъ; мы узнаемъ въ немъ нашихъ предшественниковъ, мы уважаемъ и любимъ въ немъ нашихъ учителей, мы понимаемъ, что безъ *нихъ* не могло-бы быть и *насъ*. Но съ онѣгинскимъ типомъ мы не связаны рѣшительно ничѣмъ; мы ничѣмъ ему не обязаны; это типъ безплодный, неспособный ни къ развитію, ни къ перерожденію; онѣгинская скука не можетъ произвести изъ себя ничего, кромѣ нелѣпостей и гадостей. Онѣгинъ скучаетъ, какъ толстая купчиха, которая выпила три самовара и жалѣетъ о томъ, что не можетъ выпить ихъ тридцать-три. Еслибъ человѣческое брюхо не имѣло предѣловъ, то онѣгинская скука не могла-бы существовать. Бѣлинскій любитъ Онѣгина по недоразумѣнію, но со стороны Пушкина тутъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній.

VI.

Теперь я начинаю разбирать характеръ Татьяны и ея отношенія къ Онѣгину. Вводя насъ въ семейство Лариныхъ, Пушкинъ тотчасъ старается предрасположить насъ въ пользу Татьяны; эта, дескать, старшая, Татьяна, пускай будетъ интересная личность, высшая натура и героиня, а та, младшая, Ольга, пускай будетъ неинтересная личность, простая натура и пряничная фигурка. Довѣрчивые читатели конечно тотчасъ предрасполагаются и начинаютъ смотрѣть на каждый поступокъ и на каждое слово Татьяны совсѣмъ иначе, чѣмъ какъ они стали-бы смотрѣть на такіе-же поступки и на такія-же слова, сдѣланные и произнесенныя Ольгой. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ. Господинъ Пушкинъ изволятъ быть знаменитымъ сочинителемъ. Стало быть, если господинъ Пушкинъ изволятъ любить и жаловать Татьяну, то и мы, мелкіе читающіе люди, обязаны питать къ той-же Татьянѣ нѣжныя и почтительныя чувства. Однако-же я попробую отрѣшиться отъ этихъ предвзятыхъ чувствъ любви и уваженія. Я взгляну на Татьяну, какъ на совершенно незнакомую мнѣ дѣвушку, которой умъ и характеръ должны раскрываться предо мною не въ рекомендательныхъ словахъ автора, а въ ея собственныхъ поступкахъ и разговорахъ.

Первый поступокъ Татьяны — ея письмо къ Онѣгину. Поступокъ очень крупный и до такой степени выразительный, что въ немъ сразу раскрывается весь характеръ дѣвушки. Надо отдать полную справедливость Пушкину: характеръ выдержанъ превосходно до конца романа; но здѣсь, какъ и вездѣ, Пушкинъ понимаетъ совершенно превратно тѣ явленія, которыя онъ рисуетъ совершенно вѣрно. Представьте себѣ живописца, который, желая нарисовать цвѣтущаго юношу, взялъ-бы себѣ въ натурщики чахоточнаго больного на томъ основаніи, что у того больного играетъ на щекахъ очень яркій румянецъ. Точно такъ поступаетъ и Пушкинъ. Въ своей Татьянѣ онъ рисуетъ съ восторгомъ и съ сочувствіемъ такое явленіе русской жизни, которое можно и должно рисовать только съ глубокимъ состраданіемъ или съ рѣзкой ироніей.

Что я не клевещу на Пушкина, приписывая ему восторгъ и сочувствіе, это я могу доказать многочисленными цитатами. На первый случай достаточно будетъ привести XXXI стофу III-ей главы:

«Письмо Татьяны предо мною
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный
Или разыгранный «Фрейшицъ»
Перстами робкихъ ученицъ.»

Чтобы читатели поняли послѣднюю фразу, я долженъ имъ напомнить, что, какъ говоритъ Пушкинъ въ XXVI строфѣ, письмо Татьяны было написано по французски. Посмотримъ теперь, что̀ это за письмо и при какихъ условіяхъ Татьяна почувствовала необходимость писать къ Онѣгину.

Онѣгинъ, во все продолженіе романа, былъ у Лариныхъ три раза. Въ первый разъ тогда, когда Ленскій его представилъ и когда ихъ обоихъ угощали вареньемъ и брусничной водой. Во второй разъ тогда, когда онъ получилъ письмо Татьяны. И въ третій разъ на именинахъ Татьяны. Передавая Онѣгину приглашеніе Лариныхъ на именины, Ленскій говоритъ ему:

«А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.»

Значитъ, до именинъ было дѣйствительно *только два* визита, и мы не имѣемъ никакой возможности предполагать, чтобы нѣкоторые визиты Онѣгина были пройдены молчаніемъ въ романѣ. Значитъ, Татьяна влюбилась въ Онѣгина *сразу* и рѣшилась къ нему написать письмо, проникнутое самой странной нѣжностью, видѣвши его всего только одинъ разъ. Но что̀ же такое произошло во время этого перваго свиданья? Въ какихъ поступкахъ, въ какомъ разговорѣ обнаружились обаятельныя особенности онѣгинскаго ума и характера?

Еслибы «Евгеній Онѣгинъ» былъ сочиненъ мною, то можетъ-быть я былъ-бы въ состояніи отвѣчать на эти вопросы, которые неизбѣжно должны возникнуть въ умѣ каждаго внимательнаго читателя, неспособнаго удовлетворяться одной звучностью и плавностью стиха. Но такъ какъ я неповиненъ въ сочиненіи «Евгенія Онѣгина», то, въ отвѣтъ на эти неизбѣжные вопросы, я могу только выписать разсказъ объ этомъ первомъ визитѣ, погубившемъ прелестную Татьяну во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ.

« — — Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.»

(Гл. III. Стр. III.)

Затѣмъ слѣдуетъ пять строкъ точекъ, а потомъ: «они дорогой самой краткой домой летятъ во весь опоръ». Летя домой, они разговариваютъ между собой, и изъ ихъ разговора мы узнаемъ, что Онѣгинъ выпилъ нѣкоторое количество брусничной воды и боится отъ нея дурныхъ послѣдствій. Пожаловавшись на брусничную воду, Онѣгинъ спрашиваетъ: «скажи, которая Татьяна?»—Ленскій отвѣчаетъ:

«Да та, которая грустна
И молчалива, какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна.»

Знакомство было очевидно самое поверхностное, когда Онѣгинъ даже не знаетъ, *«которая Татьяна»*. Легко можетъ быть, что Онѣгинъ не сказалъ съ Татьяной ни одного слова; это обстоятельство тѣмъ болѣе правдоподобно, что Ленскій называетъ Татьяну молчаливой; по всей вѣроятности разговоромъ владѣла постоянно старуха Ларина; Онѣгинъ на возвратномъ пути говоритъ о ней:

«А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка.»

Значитъ, онъ только объ одной старухѣ и успѣлъ составитъ себѣ довольно опредѣленное понятіе. А въ разговорѣ съ *простою* старухой онъ очевидно не могъ высказать ничего такого замѣчательнаго, что оправдывало-бы или объясняло-бы возникновеніе внезапнаго и страстнаго чувства въ душѣ умной и разсудительной дѣвушки. Какъ-бы то ни было, результатомъ перваго, совершенно поверхностнаго знакомства Татьяны съ Онѣгинымъ оказалось то знаменитое письмо, которое Пушкинъ *свято бережетъ* и *читаетъ съ тайною тоскою*. Татьяна начинаетъ свое письмо довольно умѣренно; она выражаетъ желаніе видѣть Онѣгина хоть разъ въ недѣлю, чтобъ только слышать его рѣчи, чтобы молвить ему слово и чтобы потомъ день и ночь думать о немъ до новой встрѣчи. Все это было-бы очень хорошо, еслибы мы знали, какія это рѣчи такъ понравились Татьянѣ, и какое слово она желаетъ молвить Онѣгину. Но къ сожалѣнію намъ достовѣрно извѣстно, что Онѣгинъ не могъ говорить старухѣ Лариной никакихъ замѣчательныхъ рѣчей, и что Татьяна не вымолвила ни одного слова. Если-же она желаетъ молвить слова, подобныя тѣмъ, которыми она наполняетъ свое письмо, то ей право не зачѣмъ приглашать Онѣгина въ недѣлю разъ, потому что въ этихъ словахъ нѣтъ никакого смысла, и отъ нихъ не можетъ быть накакого облегченія ни тому, кто ихъ произноситъ, ни тому, кто ихъ выслушиваетъ. Татьяна повидимому предчувствуетъ, что Онѣгинъ не станетъ ѣздить къ нимъ разъ въ недѣлю, чтобы говорить ей рѣчи и выслушивать слова; вслѣдствіе этого начинаются въ письмѣ нѣжные упреки; ужъ если, дескать, не будете вы, коварный тиранъ, ѣздить къ намъ разъ въ недѣлю, такъ не зачѣмъ было и показываться у насъ; безъ васъ я-бы можетъ-быть сдѣлалась вѣрной женой и добродѣтельной матерью; а теперь я, по вашей милости, жестокій мужчина, пропадать должна. Все это, разумѣется, изложено самымъ благороднымъ тономъ и втиснуто въ самые безукоризненные четырехстопные ямбы. — Ни за кого я не хочу замужъ идти, продолжаетъ Татьяна, а за тебя даже очень хочу, потому что «то въ высшемъ суждено совѣтѣ... то воля неба, я твоя», и потому что ты мнѣ посланъ Богомъ и ты мой хранитель по гробъ моей жизни. Тутъ Татьяна какъ будто спохватилась и вѣроятно подумала про себя: что-жъ это я однако за глупости пишу, и съ какой стати я это такъ раскутилась? Вѣдь я его всего на всего только одинъ разъ видѣла. Такъ нѣтъ-же вотъ, продолжаетъ она: не одинъ разъ; не такая-же я въ самомъ дѣлѣ шальная дура, чтобы вѣшаться на шею первому встрѣчному: я влюбилась въ него потому, что онъ—мой идеалъ; а я ужъ

давно мечтаю объ идеалѣ, значитъ, я видѣла его много разъ; волосы, усы, глаза, носъ—все, какъ есть, такъ, какъ должно быть у идеала; и кромѣ того въ высшемъ совѣтѣ такъ суждено; и кромѣ того во всѣхъ романахъ г-жи Коттенъ и г-жи Жанлисъ такъ дѣлается; значитъ, не о чемъ и толковать: влюблена я въ него до безумія, буду ему вѣрна въ сей жизни и въ будущей, буду о немъ мечтать денно и нощно и напишу къ нему такое пламенное письмо, отъ котораго затрепещетъ самое безчувственное сердце. Затѣмъ Татьяна бросаетъ въ сторону послѣдніе остатки своего здраваго смысла и начинаетъ взводить на несчастнаго Онѣгина самыя неправдоподобныя напраслины. «Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся».—Да я-то чѣмъ-же виноватъ? подумаетъ Онѣгинъ. Мало ли что ей могло присниться? Не отвѣчать-же мнѣ за всякую глупость, какую она во снѣ видѣла.

«Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!»

Вотъ тебѣ разъ! Даже не сонъ. Теперь она еще нагородитъ, что я къ ней на яву приходилъ. И она дѣйствительно городитъ это:

«Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души.»

Это съ вашей стороны очень похвально, Татьяна Дмитріевна, что вы помогаете бѣднымъ и усердно молитесь Богу, но только зачѣмъ-же вы сочиняете небылицы? Отъ роду я никогда съ вами не говорилъ ни въ тиши, ни въ шумѣ, и вы сами это очень хорошо знаете.—Съ каждой дальнѣйшей строчкой письма Татьяна завирается хуже и хуже, по русской пословицѣ: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ:

«И въ это самое мгновенье
Не ты-ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?»

Да перестаньте-же наконецъ, Татьяна Дмитріевна. Вѣдь вы ужъ до галлюцинацій договорились. Во-первыхъ, я совсѣмъ не видѣнье, а вашъ сосѣдъ, русскій дворянинъ и помѣщикъ Онѣгинъ, пріѣхавшій въ деревню получить наслѣдство отъ дяди. Это дѣло совершенно практическое, и никакія милыя видѣнія подобными дѣлами не занимаются. Во-вторыхъ, за какимъ дьяволомъ я буду мелькать по ночамъ въ прозрачной темнотѣ и тихо приникать къ вашему изголовью! Мельканье — дѣло очень скучное и безполезное; а тихое приниканіе привело-бы въ неописанный ужасъ вашу добрую мамашу, которую я отъ души уважаю за ея простоту. И наконецъ могу вамъ объявить разъ навсегда, что я по ночамъ не мелькаю, а сплю, тѣмъ болѣе, что и все мое интересное страданіе, по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, состоитъ въ томъ, что я ночью сплю, а днемъ зѣваю. Значитъ, мелькать мнѣ некогда, и я могу вамъ сказать по совѣсти, что еслибы вы подражали моему благоразумному примѣру, то есть, крѣпко-бы спали по ночамъ, вмѣсто того чтобы мечтать о писаныхъ красавчикахъ и читать раздражающіе романчики, то вы никогда не стали-бы увѣрять меня въ томъ, что вы видали меня во снѣ, что мой голосъ раздавался въ вашей душѣ и что я приникаю къ вашему изголовью. Вы-бы тогда понимали очень хорошо, что все это—пустая, смѣшная и безтолковая болтовня.

Было-бы очень недурно и очень полезно для Татьяны, еслибы Онѣгинъ отвѣчалъ ей словесно или письменно въ томъ рѣзко-насмѣшливомъ и холодно-трезвомъ тонѣ, въ какомъ я написалъ отъ его лица нѣсколько фразъ. Такой отвѣтъ конечно заставилъ-бы Татьяну пролить несмѣтное количество слезъ; но если только мы допустимъ предположеніе, что Татьяна была неглупа отъ природы, что ея врожденный умъ не былъ еще окончательно истребленъ безтолковыми романами и что ея нервная система не была вполнѣ разстроена ночными мечтаніями и сладкими сновидѣніями,—то мы придемъ къ тому убѣжденію, что горькія слезы, пролитыя ею надъ прозаическимъ отвѣтомъ жестокаго идеала, должны были-бы произвести во всей ея умственной жизни необходимый и чрезвычайно благодѣтельный переворотъ. Глубокая рана, нанесенная ея самолюбію, мгновенно истребила-бы ея фантастическую любовь къ очаровательному сосѣду. Что-жъ, подумала-бы она, должно-быть, это въ самомъ дѣлѣ не онъ мелькалъ въ прозрачной темнотѣ. А если не онъ, такъ кто-же? Да, должно быть, никто не мелькалъ. И зачѣмъ это я ему такъ много глупостей написала? И зачѣмъ это я сама такъ много о разныхъ глупостяхъ думаю? И зачѣмъ это я по ночамъ мечтаю? И зачѣмъ это я такія книги читаю, въ которыхъ пишутъ только о мечтаніяхъ, мельканіяхъ и приниканіяхъ?

Татьяна увидала-бы ясно, что ея любовь къ Онѣгину, лопнувшая какъ мыльный пузырь, была только поддѣлкой любви, смѣшной и жалкой пародіей на любовь, безплодной и мучительной игрой празднаго воображенія: она поняла-бы въ то-же время, что эта ошибка, стоившая ей многихъ слезъ и заставляющая ее краснѣть отъ стыда и досады, была естественнымъ и необходимымъ выводомъ изъ всего строя ея понятій, которыя она черпала съ страстной жадностью изъ своего безпорядочнаго чтенія; она сообразила-бы, что ей надо застраховать себя на будущее время отъ повторенія подоб-

ныхъ ошибокъ, и что для такого застрахованія ей необходимо изломать и перестроить заново весь міръ ея идей. Необходимо или отыскать себѣ другое, здоровое чтеніе, или по крайней мѣрѣ прислониться къ дѣйствительной жизни, къ какому-нибудь хорошему и разумному дѣлу, которое могло-бы постоянно поддерживать въ ней умственную трезвость и отвлекать ее отъ туманной области наркотическихъ мечтаній. Такое хорошее и разумное дѣло отыскать не трудно; намекъ на него существуетъ даже въ нелѣпомъ письмѣ Татьяны; она говоритъ, что помогаетъ бѣднымъ,—ну, и помогай; но только займись этимъ дѣломъ серьезно и смотри на него, какъ на постоянный и любимый трудъ, а не какъ на дешевое средство стереть съ своей совѣсти кое-какіе микроскопическіе грѣшки. Имѣй въ виду при этомъ помоганіи дѣйствительныя потребности нуждающихся людей, а не то, чтобы подать бѣдному копѣечку и потомъ погладить себя за это по головкѣ. Словомъ, несмотря на пустоту и безцвѣтность той жизни, на которую была осуждена Татьяна съ самаго дѣтства, наша героиня все-таки имѣла возможность дѣйствовать въ этой жизни съ пользой для себя и для другихъ, и она непремѣнно принялась-бы за какую-нибудь скромную, но полезную дѣятельность, еслибы нашелся умный человѣкъ, который-бы энергическимъ словомъ и рѣзкой насмѣшкой выбросилъ ее вонъ изъ ядовитой атмосферы фантастическихъ видѣній и глупыхъ романовъ.

Но, разумѣется, Онѣгинъ, стоящій на одномъ уровнѣ умственнаго развитія съ самимъ Пушкинымъ и съ Татьяной, не могъ своимъ вліяніемъ охладить безпорядочные порывы ея разгоряченнаго воображенія. Онѣгину очень понравилось сумасбродное письмо фантазирующей барышни.

«...Получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылый;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ...»
(Гл. IV. Стр. XI.)

Онѣгину представлялась возможность расположить свои отношенія къ Татьянѣ по одному изъ четырехъ слѣдующихъ плановъ: во-первыхъ, онъ могъ на ней жениться; во-вторыхъ, онъ въ своемъ объясненіи съ ней могъ осмѣять ея письмо; въ-третьихъ, онъ въ этомъ-же объясненіи могъ деликатно отклонить ея любовь, наговоривши ей при семъ удобномъ случаѣ множество любезностей на счетъ ея прекрасныхъ качествъ; въ-четвертыхъ, онъ могъ поиграть съ нею, какъ кошка играетъ съ мышкою, то-есть могъ измучить, обезчестить и потомъ бросить ее.

Жениться Онѣгинъ не хотѣлъ, и онъ самъ очень наивно объясняетъ Татьянѣ причину своего нежеланія: «Я, сколько ни любилъ-бы васъ, привыкнувъ, разлюблю тотчасъ». Соблазнять ее онъ тоже не желаетъ, отчасти потому, что онъ не подлецъ, а отчасти и потому, что это дѣло ведетъ за собою слезы, сцены и множество непріятныхъ хлопотъ, особенно когда дѣйствующимъ лицомъ является такая энергическая и восторженная дѣвушка, какъ Татьяна. Въ онѣгинскія времена уровень нравственныхъ требованій стоялъ такъ низко, что Татьяна, вышедши замужъ, въ концѣ романа считаетъ своей обязанностью благодарить Онѣгина за то, что онъ поступилъ съ ней благородно. А все это благородство, котораго Татьяна никакъ не можетъ забыть, состояло въ томъ, что Онѣгинъ не оказался въ отношеніи къ ней воромъ.—Итакъ, два плана—первый и четвертый, отвергнуты. Второй планъ для Онѣгина неосуществимъ: осмѣять письмо Татьяны онъ не въ состояніи, потому что онъ самъ, подобно Пушкину, находилъ это письмо не смѣшнымъ, а трогательнымъ. Насмѣшка показалась-бы ему профанаціей и жестокостью, потому что ни Онѣгинъ, ни Пушкинъ не имѣютъ понятія о той высшей и вполнѣ сознательной гуманности, которая очень часто заставляетъ мыслящаго человѣка произнести горькое и оскорбительное слово. Такое слово обожгло-бы Татьяну, но оно было-бы для нея несравненно полезнѣе, чѣмъ всѣ сладости, разсыпанныя въ рѣчи Онѣгина. Но время Онѣгина не было временемъ той göttliche Grobheit, которую совершенно справедливо превозноситъ Бёрне. Онѣгинъ рѣшился поднести Татьянѣ золоченую пилюлю, которая не могла подѣйствовать на нее благотворно именно потому, что она была позолочена. Рѣчь Онѣгина, занимающаго въ романѣ пять строфъ, вся цѣликомъ, какъ будто-бы нарочно, направлена къ тому, чтобы еще больше закружить и отуманить бѣдную голову Татьяны. «Я, говоритъ Онѣгинъ,—

прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила (*тонъ довольно султанскій!*);
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства.»

Съ самаго начала Онѣгинъ дѣлаетъ грубую и непоправимую ошибку: онъ принимаетъ любовь Татьяны за дѣйствительно-существующій фактъ; а ему, напротивъ того, надо было сказать и доказать ей, что она его совсѣмъ не любитъ и не можетъ любить, потому что съ перваго взгляда люди влюбляются только въ глупыхъ романахъ.

«Когда-бъ семейственной картиной (*продолжаетъ Онѣгинъ*),
Плѣнялся я хоть мигъ единый,

То вѣрно-бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ иной.»

Это все за безтолковое письмо; разумѣется, послѣ этихъ словъ сама Татьяна будетъ смотрѣть на свое посланіе, какъ на образцовое произведеніе, отразившее въ себѣ самое неподдѣльное чувство, самый замѣчательный умъ. Эти лестныя и къ сожалѣнію искреннія слова Онѣгина должны подѣйствовать на бѣдную Татьяну такъ, какъ подѣйствовала на несчастнаго Донъ-Кихота его побѣда надъ цирюльникомъ и завоеваніе мѣднаго таза, который немедленно былъ переименованъ въ шлемъ Мамбрина. Добывши себѣ трофей, Донъ-Кихотъ очевидно долженъ былъ утвердиться въ томъ печальномъ заблужденіи, что онъ—дѣйствительно странствующій рыцарь и что онъ дѣйствительно можетъ и долженъ совершать великіе подвиги. Выслушавъ комплименты Онѣгина, Татьяна точно также должна была утвердиться въ томъ столь-же печальномъ заблужденіи, что она очень влюблена, очень страдаетъ и очень похожа на несчастную героиню какого-нибудь раздирательнаго романа. Каждое дальнѣйшее слово Онѣгина подноситъ несчастному Донъ-Кихоту новые шлемы Мамбрина. Онѣгинъ объявляетъ своей собесѣдницѣ «безъ блестокъ мадригальныхъ», что онъ нашелъ въ ней свой «*прежній идеалъ*», но что, къ крайнему своему сожалѣнію, онъ, по дряблости своего сердца, никакъ не можетъ воспользоваться этой пріятной находкой:

«Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе не достоинъ я.»
.
«И того-ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?»
.
Я васъ люблю любовью брата
И можетъ быть еще нѣжнѣй.»

Длинный хвалебный гимнъ Онѣгина заканчивается плоскимъ и безцвѣтнымъ нравоученіемъ, которое находится въ непримиримомъ разладѣ со всѣми предыдущими комплиментами и которое вслѣдствіе этого, разумѣется, будетъ пропущено Татьяною мимо ушей:

«Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ...
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

— Къ какой-же бѣдѣ? должна подумать Татьяна. Благодаря моей неопытности, я написала къ нему письмо, въ которомъ онъ нашелъ очень много *ума* и очень много *простоты;* благодаря моей неопытности, я раскрыла передъ нимъ *мои совершенства*, я обнаружила передъ нимъ *чистую пламенность моей души*, я попала въ *прежніе идеалы* и возбудила въ немъ *любовь брата* и можетъ-быть другую любовь, *еще болѣе нѣжную*. А не напиши я этого письма, такъ ничего бы этого не случилось. А если онъ говоритъ, что не всякій меня пойметъ, то вѣдь мнѣ до *всякаго* нѣтъ никакого дѣла. Сердце мое наполнено навсегда моей несчастной любовью, и я до дверей холодной могилы буду влачить въ моемъ истерзанномъ сердцѣ эту несчастную любовь по тернистому пути моей мучительной жизни.

Что Татьяна разсуждаетъ именно такимъ образомъ и что ея мысли облекаются въ ея головѣ именно въ такія напыщенныя формы,— это мы видимъ между прочимъ изъ тѣхъ размышленій, которыми она занимается ночью послѣ дня своихъ именинъ, когда она сидитъ

«Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучомъ Діаны.»—
.
«Погибну, Таня говоритъ:
Но гибель отъ него любезна.
Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

Голова несчастной дѣвушки до такой степени засорена всякой дрянью и до такой степени разгорячена глупыми комплиментами Онѣгина, что нелѣпыя слова — «гибель отъ него любезна» — произносятся съ глубокимъ убѣжденіемъ и очень добросовѣстно проводятся въ жизнь. Забыть Онѣгина, прогнать мысль о немъ какими-нибудь дѣльными занятіями, подумать о какомъ-нибудь новомъ чувствѣ и вообще превратиться какими-нибудь средствами изъ несчастной страдалицы въ обыкновенную, здоровую и веселую дѣвушку,—все это возвышенная Татьяна считаетъ для себя величайшимъ безчестьемъ; это, по ея мнѣнію, значило-бы свалиться съ неба на землю, смѣшаться съ пошлой толпой, погрузиться въ грязный омутъ житейской прозы. Она говоритъ, что «гибель отъ него любезна», и поэтому находитъ, что гораздо величественнѣе страдать и чахнуть въ мірѣ воображаемой любви, чѣмъ жить и веселиться въ сферѣ презрѣнной дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ, ей удается довести себя слезами, безсонными ночами и печальными размышленіями подъ лучомъ Діаны до совершеннаго изнеможенія.

«Увы, Татьяна увядаетъ,
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.»

И все это въ значительной степени было результатомъ ея разговора съ Онѣгинымъ.

«Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, нетрудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ.»

Читатель видитъ теперь, что утонченная любезность Онѣгина принесла самые богатые плоды.

VII.

Послѣ отъѣзда Онѣгина изъ деревни Татьяна, стараясь поддержать въ себѣ неугасимый огонь своей вѣчной любви, посѣщаетъ неоднократно кабинетъ уѣхавшаго идеала и читаетъ съ большимъ вниманіемъ его книги. Съ особеннымъ любопытствомъ вглядывается и вдумывается она въ тѣ страницы, на которыхъ рукою Онѣгина сдѣлана какая-нибудь отмѣтка. Такимъ образомъ она прочитала сочиненія Байрона и нѣсколько романовъ,

«Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно.»

«И ей открылся міръ иной», объявляетъ намъ Пушкинъ. Слова: «*міръ иной*» должны повидимому обозначать собою новый взглядъ на человѣческую жизнь вообще и на личность Онѣгина въ особенности. Затѣмъ Пушкинъ продолжаетъ:

«И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?..
Ужъ не пародія-ли онъ?
Ужель загадку разрѣшила?
Ужели с л о в о найдено?»
(Гл. VII. Стр. XXIV, XXV.)

Невозможно понять, зачѣмъ Пушкинъ навязалъ Татьянѣ всѣ эти критическія размышленія и зачѣмъ онъ хочетъ насъ увѣрить, что ей открылся міръ иной. Этотъ «міръ иной» и эти размышленія о москвичѣ въ гарольдовомъ плащѣ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго вліянія ни на фантастическую любовь Татьяны, ни на ея поступки. До открытія новаго міра она воображала себѣ, что влюблена по гробъ жизни; послѣ своего открытія она остается при томъ же самомъ убѣжденіи. До открытія новаго міра она безпрекословно повиновалась мамашѣ; и послѣ открытія она продолжаетъ повиноваться также безпрекословно. Это съ ея стороны очень похвально, но для того, чтобы повиноваться мамашѣ въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни, не было ни малѣйшей надобности открывать новый міръ, потому что и старый нашъ міръ основанъ цѣликомъ на смиреніи и послушаніи.

Пока Татьяна въ кабинетѣ Онѣгина открываетъ новые міры, одинъ изъ жителей стараго міра совѣтуетъ ея мамашѣ повезти дочь «въ Москву, на ярмарку невѣстъ». Ларина соглашается съ этой мыслью, и когда Татьяна узнаетъ объ этомъ рѣшеніи, тогда она съ своей стороны не представляетъ никакихъ возраженій. Надо полагать, что «ярмарка невѣстъ» занимаетъ очень почетное мѣсто въ томъ новомъ мірѣ, который открыла Татьяна. Но если новый міръ допускаетъ ярмарку невѣстъ, то любопытно было-бы узнать, чѣмъ онъ отличается отъ стараго міра и какая надобность была его открывать?

Въ Москвѣ Татьяна ведетъ себя именно такъ, какъ обязана вести себя благовоспитанная барышня, привезенная заботливой родительницей на ярмарку невѣстъ. Разумѣется,

«Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ, гдѣ
Льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,—
Туда, гдѣ онъ являлся ей.»
(Гл. VII. Стр. LIII.)

Но вѣдь это все пустыя слова, и наивенъ былъ-бы тотъ читатель, который-бы принялъ ихъ за чистую монету. Куда-бы она ни стремилась мечтой—это рѣшительно все равно. Тѣло ея, затянутое въ корсетъ, во всякомъ случаѣ находится тамъ, гдѣ ему велятъ находиться, и дѣлаетъ именно тѣ движенія, которыя ему прикажутъ дѣлать. Въ то время, когда она стремится въ сумракъ липовыхъ аллей, двѣ тетушки предписываютъ ей смотрѣть налѣво, на толстаго генерала, и она смотритъ. Потомъ ей приказываютъ выйдти замужъ за этого толстаго генерала, и она выходитъ за него замужъ.

Если всѣ эти дѣйствія находятся въ строгомъ согласіи съ законами ея новаго міра, то я осмѣливаюсь думать, что она съ большимъ удобствомъ могла-бы избавить себя отъ труда производить свои открытія, потому что всѣ эти открытія были давно уже сдѣланы самыми отдаленными ея предками. Я полагаю, что въ умственной жизни Татьяны онѣгинскія книжки не произвели никакого переворота. Татьяна до конца романа остается тѣмъ самымъ рыцаремъ печальнаго образа, какимъ мы видѣли ее въ ея письмѣ къ Онѣгину. Ея болѣзненно-развитое воображеніе постоянно создаетъ ей поддѣльныя чувства, поддѣльныя потребности, поддѣльныя обязанности, цѣлую искусственную программу жизни, и она выполняетъ эту искусственную программу съ тѣмъ поразительнымъ упорствомъ, которымъ обыкновенно отличаются люди, одержимые какой-нибудь мономаніей. Она вообразила себѣ, что влюблена въ Онѣгина, и дѣйствительно влюбила себя въ него, начала пы-

лать страстью и дѣлать глупости, подобныя кувырканьямъ влюбленнаго Донъ-Кихота въ горахъ Сіерры-Морены. Потомъ она вообразила себѣ, что ея жизнь разбита, и вслѣдствіе этого начала худѣть и блѣднѣть. Потомъ, видя, что ей не удается умереть, она себѣ вообразила, что теперь она ко всему равнодушна; тогда она отдала себя въ полное распоряженіе своихъ родственницъ, которыя повезли ее на ярмарку невѣстъ и тамъ сбыли ее, какъ хорошій товаръ, толстому генералу. Очутившись въ рукахъ своего новаго хозяина, она вообразила себѣ, что она превращена въ украшеніе генеральскаго дома; тогда всѣ силы ея ума и ея воли направились къ той цѣли, чтобы на это украшеніе не попало ни одной пылинки. Она поставила себя подъ стеклянный колпакъ и обязала себя простоять подъ этимъ колпакомъ втеченіи всей своей жизни. И сама она смотритъ на себя со стороны и любуется своей неприкосновенностью и твердостью своего характера. Мнѣ, думаетъ она, очень скучно подъ колпакомъ, а я все-таки изъ подъ него не выйду ни для кого на свѣтѣ, потому что я—украшеніе генеральскаго дома; а генералъ пріобрѣлъ меня не за тѣмъ, чтобы я жила въ свое удовольствіе.

Онѣгинъ встрѣчается съ нею въ Петербургѣ въ то время, когда она, драпируясь въ свою неприкосновенность, уже украшаетъ своею добродѣтельной особой жилище толстаго генерала. Видя, что украшеніе генеральскаго дома блеститъ самыми яркими красками, Онѣгинъ проникается предосудительнымъ желаніемъ вытащить это украшеніе изъ подъ стекляннаго колпака. Но украшеніе не трогается съ мѣста и, оставаясь подъ колпакомъ, читаетъ оттуда предпріимчивому дэнди такую проповѣдь, которая доставляетъ ему очень мало удовольствія. Этой проповѣдью, какъ извѣстно, заканчивается весь романъ. Знаменитый монологъ Татьяны заключаетъ въ себѣ слѣдующій смыслъ: зачѣмъ вы не влюбились въ меня прежде? Теперь вы ухаживаете за мной потому, что я превратилась въ блестящее украшеніе богатаго дома. Я васъ все-таки люблю, но прошу васъ убираться къ чорту; свѣтъ мнѣ противенъ, но я намѣрена безусловно исполнять всѣ его требованія.

Этотъ монологъ доказываетъ ясно, что Татьяна и Онѣгинъ другъ друга стоятъ; оба они до такой степени исковеркали себя, что совершенно потеряли способность думать, чувствовать и дѣйствовать по человѣчески. Монологъ Татьяны отличается самой полной откровенностью, и именно по этой причинѣ онъ весь составленъ изъ непримиримыхъ противорѣчій. Подозрѣвая Онѣгина въ мелкомъ тщеславіи, она очевидно отказываетъ ему въ своемъ уваженіи и въ то-же время, не уважая его, она его любитъ; и въ то-же время, любя его, она его отталкиваетъ; отталкивая его изъ уваженія къ требованіямъ свѣта, она презираетъ «всю эту ветошь маскарада»; презирая всю эту ветошь, она занимается ею съ утра до вечера. Всѣ эти противорѣчія доказываютъ совершенно очевидно, что она ничего не любитъ, ничего не уважаетъ, ничего не презираетъ, ни о чемъ не думаетъ, а просто живетъ со дня на день, подчиняясь заведенному порядку и разгоняя свою непроходимую скуку разными крошечными подобіями чувствъ и мыслей,—такими подобіями, которыя могутъ выдавить изъ прекрасныхъ очей нѣсколько слезинокъ, но которыя никогда не создадутъ ни одного рѣшительнаго поступка. Само по себѣ чувство Татьяны мелко и дрябло; но по отношенію къ своему предмету это чувство точь въ точь такое, какимъ оно должно быть; Онѣгинъ—вполнѣ достойный рыцарь такой дамы, которая сидитъ подъ стекляннымъ колпакомъ и обливается горючими слезами; другого, болѣе энергическаго чувства Онѣгинъ даже не выдержалъ-бы; такое чувство испугало и обратило-бы въ бѣгство нашего героя; безумная и несчастная была-бы та женщина, которая изъ любви къ Онѣгину рѣшилась-бы нарушить величественное благочиніе генеральскаго дома. Самъ Онѣгинъ вѣроятно отшатнулся-бы отъ нея, какъ отъ неистовствующей фуріи, и уже во всякомъ случаѣ Онѣгинъ поступилъ-бы съ нею по той программѣ, которую онъ наивно раскрылъ передъ Татьяною въ липовой аллеѣ, то есть, *привыкнувъ, разлюбилъ бы тотчасъ*. Стоитъ же въ самомъ дѣлѣ затѣвать въ генеральскомъ домѣ скандалъ для того, чтобы доставить Онѣгину нѣсколько пріятныхъ минутъ и попользоваться его благосклонностью до тѣхъ поръ, пока онъ не привыкнетъ!

Татьяна задаетъ Онѣгину вопросъ: отчего вы меня не полюбили прежде, когда я была лучше и моложе, и когда я любила васъ? Этотъ вопросъ поставленъ очень удачно, и еслибы Онѣгинъ хотѣлъ и умѣлъ отвѣчать на него совершенно искренно, то ему пришлось бы сказать: оттого, что люди, подобные мнѣ, способны только шутить и забавляться съ женщинами. Когда вы были дѣвушкой, тогда мнѣ предстояла необходимость принять на себя, въ отношеніи къ вамъ, серьезныя обязанности; мнѣ надо было тогда взять на себя заботу о вашемъ счастьи, то есть объ удовлетвореніи всѣхъ вашихъ матеріальныхъ и умственныхъ потребностей; разъ принявши на себя эту заботу, я бы уже не имѣлъ возможности сложить ее на кого-нибудь другого; а такая перспектива приводила меня въ ужасъ, потому что я неспособенъ ни къ какому серьезному дѣлу, неспособенъ даже заботиться о матеріальномъ и умственномъ благосостояніи той женщины, которая доставляетъ мнѣ пріятныя минуты. Теперь дѣло совсѣмъ другое. Теперь я могу завести съ вами веселую

интрижку, съ таинственными свиданьями, съ пламенными объятіями и безъ всякихъ будничныхъ, то есть серьезныхъ и спокойно-дружескихъ отношеній. Эта интрижка будетъ продолжаться мѣсяцевъ пять-шесть, и потомъ я засвидѣтельствую вамъ мое почтеніе, не обращая никакого вниманія на то, любите-ли вы меня, или нѣтъ.

Когда Онѣгинъ писалъ къ Татьянѣ страстныя письма и когда онъ у нея въ домѣ бросился къ ея ногамъ, тогда онъ, разумѣется, добивался только интрижки. Пушкину представлялся очень удобный случай измѣрить глубину и силу онѣгинской любви, но Пушкинъ конечно не воспользовался этимъ случаемъ, потому что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія выставлять на показъ самыя мелкія и дрянныя стороны онѣгинскаго характера. Это полное разоблаченіе ничтожной личности было-бы неизбѣжно, еслибы на мѣстѣ Татьяны стояла энергическая женщина, любящая Онѣгина дѣйствительной, а не придуманной любовью. Еслибы эта женщина бросилась на шею къ Онѣгину и сказала ему: я твоя на всю жизнь, но, во что-бы то ни стало, увези меня прочь отъ мужа, потому что я не хочу и не могу играть съ нимъ подлую комедію,—тогда восторги Онѣгина въ одну минуту охладѣли-бы очень сильно. Можетъ-быть онъ посовѣстился-бы обнаружить сразу всю свою трусость, всю свою несостоятельность передъ серьезной заботой; можетъ-быть онъ не осмѣлился-бы отшатнуться тотчасъ отъ женщины, передъ которой онъ за минуту передъ тѣмъ самъ стоялъ на колѣняхъ; можетъ-быть даже, чувствуя невозможность отступленія, онъ рѣшился бы, скрѣпя сердце, увезти эту женщину куда-нибудь за-границу; но между невольнымъ похитителемъ и несчастной жертвой завязались-бы немедленно такія скрипучія и мучительныя отношенія, которыхъ-бы не выдержала ни одна порядочная женщина. Дѣло кончилось-бы тѣмъ, что она убѣжала-бы отъ него, выучившись презирать его до глубины души; и, разумѣется, бѣдной, опозоренной женщинѣ пришлось-бы или умереть въ самой ужасной нищетѣ, или втянуться поневолѣ въ самый жалкій развратъ. Еслибы Пушкинъ хотѣлъ и съумѣлъ написать такую главу, то она, мнѣ кажется, обрисовала-бы онѣгинскій типъ ярче, полнѣе и справедливѣе, чѣмъ обрисовываетъ его теперь весь романъ. Но для того, чтобы подвергнуть онѣгинскій типъ такому жестокому и вполнѣ заслуженному униженію, самому Пушкину очевидно было необходимо стоять выше этого типа и относиться къ нему совершенно отрицательно.

VIII.

Бѣлинскій посвятилъ характеристикѣ Татьяны цѣлую отдѣльную статью. Въ этой статьѣ онъ по своему обыкновенію высказалъ много превосходныхъ мыслей, которыя даже теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ, могутъ еще изумлять и приводить въ ужасъ неисправимыхъ филистеровъ. Но, отдавая полную справедливость превосходнымъ частностямъ этой статьи, я долженъ замѣтить, что, по своей основной идеѣ, по своему взгляду на характеръ Татьяны, она оказывается совершенно несостоятельной. Бѣлинскій ставитъ Татьяну на пьедесталъ и приписываетъ ей такія высокія достоинства, на которыя она не имѣетъ никакого права и которыми самъ Пушкинъ, при своемъ поверхностномъ и ребяческомъ взглядѣ на жизнь вообще и на женщину въ особенности, не хотѣлъ и не могъ надѣлить любимое созданіе своей фантазіи.

Главная причина неосновательнаго пристрастія Бѣлинскаго къ Татьянѣ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что Бѣлинскому приходится защищать какъ самого Пушкина, такъ и Татьяну противъ тупыхъ и пошлыхъ нападеній тогдашняго филистерства. Въ увлеченіи полемики трудно сохранять постоянно трезвость критическаго взгляда. Опровергая глупыя замѣчанія филистеровъ, Бѣлинскій вдается часто въ противоположную крайность. Филистеры говорятъ напримѣръ: такой-то поступокъ отвратителенъ. Бѣлинскій, въ пику имъ, утверждаетъ, что онъ великолѣпенъ. А при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что филистеры конечно городятъ ужасный вздоръ, но что и Бѣлинскій совершенно неправъ, потому что въ разбираемомъ поступкѣ нѣтъ ничего ни отвратительнаго, ни великолѣпнаго.—Это вліяніе филистерскихъ толковъ на процессъ мысли, совершавшійся въ головѣ великаго бойца Бѣлинскаго, выразилось очень ясно во многихъ мѣстахъ его критическихъ статей о Пушкинѣ. Вотъ напримѣръ, какъ разсуждаетъ Бѣлинскій о письмѣ Татьяны къ Онѣгину:

«Татьяна вдругъ рѣшается писать къ Онѣгину: порывъ наивный и благородный, но его источникъ заключается не въ сознаніи, а въ безсознательности: бѣдная дѣвушка не знала, что̀ дѣлала. Послѣ, когда она стала знатной барыней, для нея совершенно исчезла возможность такихъ наивно-великодушныхъ движеній сердца». Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько эстетическихъ замѣчаній о той формѣ, въ какой выразилось чувство Татьяны. Потомъ начинаются сраженія съ филистерствомъ. «Замѣчательно, продолжаетъ Бѣлинскій, съ какимъ усиліемъ старается поэтъ оправдать Татьяну за ея рѣшимость написать и послать это письмо; видно, что поэтъ слишкомъ хорошо зналъ общество, для котораго писалъ.»

Выдержавъ нѣсколько строфъ изъ «Онѣгина», Бѣлинскій продолжаетъ: «Нельзя не жалѣть о поэтѣ, который видитъ себя принужденнымъ

такимъ образомъ оправдывать свою героиню передъ обществомъ—и въ чемъ-же?—въ томъ, что́ составляетъ сущность женщины, ея лучшее право на существованіе,—что у нея есть сердце, а не пустая яма, прикрытая корсетомъ! Но еще болѣе нельзя не жалѣть объ обществѣ, передъ которымъ поэтъ видѣлъ себя принужденнымъ оправдывать героиню своего романа въ томъ, что она—женщина, а не деревяшка, выточенная по подобію женщины.»

Благодаря ослинымъ воплямъ филистеровъ, весь вопросъ о Татьянѣ сдвинутъ въ сторону и поставленъ совершенно неправильно. Бѣлинскій доказываетъ, что, любя Онѣгина, Татьяна имѣла полное право написать къ нему письмо. Это не подлежитъ сомнѣнію, и противъ этого могутъ спорить только филистеры. Но сущность вопроса состоитъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ: можетъ-ли и должна-ли умная дѣвушка влюбляться въ мужчину съ перваго взгляда? Бѣлинскій смотритъ на Татьяну очень благосклонно за то, что у нея оказалось въ груди сердце, а не пустая яма, прикрытая корсетомъ. Это съ его стороны очень похвально, но, увлекшись этимъ достоинствомъ ея личности, Бѣлинскій совершенно забываетъ справиться о томъ, имѣлось-ли въ ея красивой головѣ достаточное количество мозга, и если имѣлось, то въ какомъ положеніи находился этотъ мозгъ. Еслибы Бѣлинскій задалъ себѣ эти вопросы, то онъ немедленно сообразилъ-бы, что количество мозга было весьма незначительно, что это малое количество находилось въ самомъ плачевномъ состояніи и что только это плачевное состояніе мозга, а никакъ не присутствіе сердца, объясняетъ собою внезапный взрывъ нѣжности, проявившейся въ сочиненіи сумасброднаго письма. Бѣлинскій благодаритъ Татьяну за то, что она — женщина, а не деревяшка; тутъ нашъ критикъ очевидно хватилъ черезъ край и, замахнувшись на филистеровъ, самъ потерялъ равновѣсіе. Развѣ въ самомъ дѣлѣ надо непремѣнно быть деревяшкой для того, чтобы, послѣ перваго свиданья съ красивымъ дэнди, не упасть къ его ногамъ? И развѣ быть женщиной значитъ писать къ незнакомымъ людямъ раздирательныя письма?

Бѣлинскій съ замѣчательной силой анализа очерчиваетъ тотъ типъ, къ которому принадлежитъ Татьяна; онъ называетъ этотъ типъ—типомъ *идеальныхъ дѣвъ*; онъ подмѣчаетъ всѣ его смѣшныя стороны и относится къ нему совершенно отрицательно. Читая это описаніе идеальныхъ дѣвъ, вы ожидаете, что онъ немедленно подведетъ Татьяну подъ эту категорію и осмѣетъ самымъ безпощаднымъ образомъ всѣ ея глупыя вздыханія объ Онѣгинѣ. Не тутъ-то было! Бѣлинскій напрягаетъ всѣ силы своего великаго таланта, чтобы провести рѣзкую раздѣлительную черту между полчищемъ идеальныхъ дѣвъ и личностью пушкинской героини; но эта задача оказывается неразрѣшимой, и всѣ аргументы Бѣлинскаго остаются очень неубѣдительными по той простой причинѣ, что они не находятъ себѣ никакой опоры въ фактахъ самаго романа. «Татьяна,—говоритъ Бѣлинскій,—существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастьи взаимности, любовь такой женщины—ровное, свѣтлое пламя; въ противномъ случаѣ—упорное пламя, которому сила воли можетъ быть не позволитъ прорваться наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и жгучѣе, чѣмъ больше оно сдавлено внутри. Счастливая жена, Татьяна, спокойно, но тѣмъ не менѣе страстно и глубоко любила-бы своего мужа, вполнѣ пожертвовала-бы собою дѣтямъ, вся отдалась-бы своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ внѣшнимъ безстрастіемъ, съ этой наружной холодностью, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ. Такова Татьяна.»

Да, такова Татьяна, сочиненная Бѣлинскимъ, но совсѣмъ не такова Татьяна Пушкина. Вся глубина пушкинской Татьяны состоитъ въ томъ, что она сидитъ по ночамъ подъ лучомъ Діаны. Вся ея исключительность—въ томъ, что она бродитъ по полямъ

«Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.»

Вся ея страстность выкипаетъ безъ остатка въ одномъ восторженномъ письмѣ. Написавши это письмо, она находитъ, что она заплатила достаточную дань молодости и что ей затѣмъ остается только превратиться въ неприступную свѣтскую даму. Во всемъ романѣ мы видимъ только два поступка Татьяны: во-первыхъ, ея письмо, во-вторыхъ, ея заключительный монологъ; только по этимъ двумъ моментамъ въ ея жизни мы должны составлять себѣ понятіе о ея характерѣ; въ антрактѣ между этими двумя рѣшительными моментами она только мечтаетъ, худѣетъ, груститъ, тоскуетъ и вообще ведетъ себя съ одной стороны, какъ идеальная дѣва, а съ другой стороны, какъ пассивный товаръ, который можно везти на ярмарку и продавать лицомъ. Что-же касается до выдающихся точекъ въ ея жизни, то, основываясь на нихъ, можно только примѣнить къ Татьянѣ извѣстныя слова Пушкина:

«Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ; —
Блаженъ, кто во время созрѣлъ.»

Въ молодости своей Татьяна отличалась эксцентрическими выходками; созрѣвши, она превратилась въ воплощенную солидность. Чрезъ такія превращенія проходятъ самые отчаянные филистеры, которые во время своего студенчества бываютъ обыкновенно самыми разбитными буршами. Возможность этого превращенія превосходно понимаетъ и самъ Бѣлинскій. «Многія изъ нихъ, говоритъ онъ объ идеальныхъ дѣвахъ, не прочь-бы отъ замужества, и при первой возможности вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія и изъ идеальныхъ дѣвъ дѣлаются самыми простыми бабами.» Татьяна сдѣлалась не самой простой бабой, а самой блестящей дамой. Разница, кажется, не очень значительна, и превращеніе разбитного бурша въ солиднаго филистера такъ-же несомнѣнно во второмъ случаѣ, какъ и въ первомъ.

Чтò случилось-бы съ Татьяной, еслибы она вышла замужъ по страстной любви, —объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ, но мы можемъ замѣтить, что у самого Бѣлинскаго на этотъ счетъ встрѣчается очень любопытное противорѣчіе. Разсматривая характеръ Татьяны отдѣльно и передѣлывая его по своему произволу, Бѣлинскій утверждаетъ, что она можетъ быть превосходной супругой и образцовой матерью. Но, анализируя тотъ-же характеръ въ связи съ характеромъ Онѣгина, Бѣлинскій приходитъ къ тому заключенію, что Онѣгинъ не долженъ былъ жениться на Татьянѣ, потому что Татьяна была-бы съ нимъ несчастнѣйшей женщиной и сдѣлалась-бы для него невыносимой обузой. «Чтó-бы нашелъ онъ потомъ въ Татьянѣ?— спрашиваетъ Бѣлинскій.—Или прихотливое дитя, которое плакало-бы оттого, что онъ не можетъ, подобно ей, дѣтски смотрѣть на жизнь и дѣтски играть въ любовь, — это, согласитесь, очень скучно; или существо, которое, увлекшись его превосходствомъ, до того подчинилось-бы ему, не понимая его, что не имѣло-бы ни своего чувства, ни своего смысла, ни своей воли, ни своего характера. Послѣднее спокойнѣе, по зато скучнѣе». Вотъ видите, какъ неудобно умному человѣку (Бѣлинскій считаетъ Онѣгина за умнаго человѣка) жениться на Татьянѣ. Куда ни кинь— все клинъ. А между тѣмъ она полагаетъ, что влюблена въ него, и притомъ влюблена на всю жизнь, и ни о какой другой любви не хочетъ слышать. Если, вышедши замужъ за этого любимаго человѣка, она неизбѣжно должна сдѣлаться для него невыносимой обузой, то, спрашивается, какія-же условія необходимы для того, чтобы она могла развернуть свою способность быть превосходной женой и образцовой матерью? По какому рецепту долженъ быть составленъ тотъ человѣкъ, въ котораго она могла бы влюбиться и котораго кромѣ того она могла бы осчастливить своею любовью? Кажется мнѣ, что Татьяна никого не можетъ осчастливить, и что еслибы она вышла замужъ не за толстаго генерала, а за простого смертнаго, желавшаго найдти въ ней не украшеніе дома, а добраго и умнаго друга, то ея семейная жизнь расположилась-бы по слѣдующей программѣ, очень остроумно составленной Бѣлинскимъ для нѣкоторыхъ идеальныхъ дѣвъ: «Ужаснѣе всѣхъ другихъ,—говоритъ Бѣлинскій,—тѣ изъ идеальныхъ дѣвъ, которыя не только не чуждаются брака, но въ бракѣ съ предметомъ любви своей видятъ высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при отсутствіи всякаго нравственнаго развитія и при испорченности фантазіи, онѣ создаютъ свой идеалъ брачнаго счастья,—и когда увидятъ невозможность осуществленія ихъ нелѣпаго идеала, то вымѣщаютъ на мужьяхъ горечь своего разочарованія.» Именно такъ; и поэтому идеальной дѣвѣ Татьянѣ Дмитріевнѣ Лариной всего лучше и безопаснѣе было отправиться на ярмарку невѣстъ, чтобы потомъ превратиться въ самую простую бабу или въ самую блестящую свѣтскую даму.

Думать, что Пушкинъ способенъ создать типъ образцовой жены и превосходной матери, значитъ положительно взводить напраслину на нашего рѣзваго любимца музъ и грацій. Въ такой серьезной идеѣ Пушкинъ рѣшительно неповиненъ. На женщину онъ смотритъ исключительно съ точки зрѣнія ея миловидности. «Женщины, —говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — не имѣютъ характера; онѣ имѣютъ страсти въ молодости; оттого нетрудно и выводить ихъ.» Въ бракѣ онъ видитъ только «рядъ утомительныхъ картинъ, романъ во вкусѣ Лафонтена». Къ слову «женатъ» у него есть непремѣнно двѣ постоянныя риѳмы: «халатъ» и «рогатъ». За женитьбой, по его мнѣнію, неизбѣжно слѣдуетъ опошленіе; а тѣ люди, которые способны опошлиться, оказываются самыми скверными мужьями и живутъ съ своими женами, какъ кошка съ собакой. Дѣйствительно, надо быть высоко развитымъ человѣкомъ, надо быть фанатикомъ великой идеи и плодотворнаго труда, чтобы понять и выразить всю безконечную поэзію постоянной любви. У насъ всѣ романы обыкновенно оканчиваются тамъ, гдѣ начинается семейная жизнь молодыхъ супруговъ. Доведя своего героя до свадьбы, романистъ прощается съ нимъ навсегда. Когда выводится въ романѣ брачная чета, то она выводится или затѣмъ, чтобы изобразить бури семейной жизни, или затѣмъ, чтобы нарисовать сонное царство, вродѣ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ».

IX.

Въ началѣ этой статьи я привелъ нѣсколько восторженныхъ отзывовъ Бѣлинскаго объ огром-

номъ историческомъ и общественномъ значеніи «Евгенія Онѣгина». Теперь, разобравъ главные характеры романа, я могу рѣшить, по моему крайнему разумѣнію, вопросъ о томъ: оправдываются-ли эти восторженные отзывы Бѣлинскаго дѣйствительными достоинствами «*самаго задушевнаго произведенія*» Пушкина? Бѣлинскій говоритъ, что «Онѣгина» можно назвать энциклопедіей русской жизни». Эта поэма была, по его мнѣнію, «актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, но зато какимъ великимъ шагомъ впередъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ.»

Если сознаніе общества должно состоять въ томъ, чтобы общество отдавало себѣ полный и строгій отчетъ въ своихъ собственныхъ потребностяхъ, страданіяхъ, предразсудкахъ и порокахъ, то «Евгеній Онѣгинъ» ни въ какомъ случаѣ и ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть названъ *актомъ сознанія*. Если движеніе общества впередъ должно состоять въ томъ, чтобы общество выясняло себѣ свои потребности, изучало и устраняло причины своихъ страданій, отрѣшалось отъ своихъ предразсудковъ и клеймило презрѣніемъ свои пороки, то «Евгеній Онѣгинъ» не можетъ быть названъ ни первымъ, ни великимъ, ни вообще какимъ-бы то ни было *шагомъ впередъ* въ умственной жизни нашего общества. Что-же касается до *богатырскаго размаха* и до *невозможности стоять на одномъ мѣстѣ* послѣ «Евгенія Онѣгина», то, разумѣется, читателю при встрѣчѣ съ такими смѣлыми и чисто фантастическими гиперболами остается только улыбнуться, пожать плечами и припомнить то недалекое прошедшее, которое ежеминутно, какъ упорная и плохо вылеченная болѣзнь, даетъ себя чувствовать въ настоящемъ.

Отношенія Пушкина къ изображаемымъ явленіямъ жизни до такой степени пристрастны, его понятія о потребностяхъ и о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и гражданина до такой степени смутны и неправильны, что «*любимое дитя*» пушкинской музы должно было дѣйствовать на читателей, какъ усыпительное питье, по милости котораго человѣкъ забываетъ о томъ, что́ ему необходимо помнить постоянно, и примиряется съ тѣмъ, противъ чего онъ долженъ бороться неутомимо. Весь «Евгеній Онѣгинъ» — не что иное, какъ яркая и блестящая апоѳеоза самаго безсмысленнаго status quo. Всѣ картины этого романа нарисованы такими свѣтлыми красками, вся грязь дѣйствительной жизни такъ старательно отодвинута въ сторону, крупныя нелѣпости нашихъ общественныхъ нравовъ описаны въ такомъ величественномъ видѣ, крошечныя погрѣшности осмѣяны съ такимъ невозмутимымъ добродушіемъ, самому поэту живется такъ весело и дышется такъ легко,—что впечатлительный читатель непремѣнно долженъ вообразить себя счастливымъ обитателемъ какой-то Аркадіи, въ которой съ завтрашняго-же дня непремѣнно долженъ водвориться золотой вѣкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какія человѣческія страданія Пушкинъ съумѣлъ подмѣтить и счелъ необходимымъ воспѣть? Во-первыхъ,—скуку или хандру; а во-вторыхъ, — несчастную любовь, а въ третьихъ... въ третьихъ... больше ничего, больше никакихъ страданій не оказалось въ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Сначала Онѣгинъ скучаетъ оттого, что онъ слишкомъ счастливъ, слишкомъ безгранично наслаждается всѣми благами жизни; потомъ Татьяна страдаетъ оттого, что Онѣгинъ не хочетъ на ней жениться; потомъ Онѣгинъ страдаетъ оттого, что Татьяна не желаетъ сдѣлаться его любовницей. Значитъ, въ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ были два капитальные порока, два такіе порока, на которые величайшій поэтъ Россіи непремѣнно долженъ былъ обратить свое просвѣщенное вниманіе. Во-первыхъ, въ тогдашней Россіи было слишкомъ много благъ жизни, такъ что русскіе юноши могли объѣдаться ими, разстроивать себѣ желудки и вслѣдствіе этого впадать въ хандру. Во-вторыхъ, русскіе мужчины и русскія женщины были такъ устроены отъ природы, что они не всегда одновременно влюблялись другъ въ друга; случалось напримѣръ такъ, что женщина уже пламенѣетъ, а мужчина еще едва начинаетъ разогрѣваться; потомъ мужчина пылаетъ, а женщина уже сгорѣла до тла и гаснетъ. Такое неудобное устройство причиняло много огорченій какъ просвѣщеннымъ россіянамъ, такъ и очаровательнымъ россіянкамъ. Романъ Пушкина бросилъ яркій свѣтъ на обѣ главныя язвы русской жизни; такъ какъ этотъ романъ былъ *богатырскимъ размахомъ*, то стоять на одномъ мѣстѣ послѣ его появленія было уже невозможно, и русское общество, вникнувъ въ страданія Онѣгина и Татьяны, немедленно сдѣлало необходимыя распоряженія, во-первыхъ, на счетъ тоѓо, чтобы количество жизненныхъ благъ было приведено въ строгую соразмѣрность съ объемомъ юношескихъ желудковъ, а во-вторыхъ, на счетъ того, чтобы просвѣщенные россіяне и очаровательныя россіянки воспламенялись взаимной любовью одновременно. Когда это равновѣсіе вошло въ надлежащую силу, тогда уничтожились хандра и несчастная любовь; въ Россіи водворился золотой вѣкъ; юноши стали вкушать блага жизни съ благоразумной умѣренностью, а дѣвы, благодаря этимъ умѣреннымъ юношамъ, стали въ надлежащее время превращаться въ счастливыхъ женъ и превосходныхъ матерей. Но золотой вѣкъ исчезъ, какъ легкое сновидѣнье; и смотрятъ юные потомки аркадскихъ жителей

на богатырскій размахъ «Евгенія Онѣгина», какъ на совершенно несообразную грезу, которую послѣ пробужденія трудно не только понять, но даже припомнить. И смекаютъ эти развращенные потомки, что если «Евгеній Онѣгинъ» есть энциклопедія русской жизни, то, значитъ, энциклопедія и русская жизнь нисколько другъ на друга непохожи, потому что энциклопедія—сама по себѣ, а русская жизнь—тоже сама по себѣ.

По нѣкоторымъ темнымъ преданіямъ и по нѣкоторымъ глубокимъ историческимъ изслѣдованіямъ позволительно напримѣръ думать, что въ Россіи двадцатыхъ годовъ существовало то явленіе общественной жизни, которое извѣстно теперь подъ именемъ крѣпостного права. Интересно было-бы знать, какъ отразилось это явленіе русской жизни въ энциклопедіи? Справляемся и, узнаемъ, что Онѣгинъ, пріѣхавъ въ деревню замѣнилъ яремъ старинной барщины легкимъ оброкомъ, и что мужикъ благословилъ судьбу;что старуха Ларина «служанокъ била, осердясь», «брила лбы» и«стала звать Акулькой прежнюю Селину»; что служанки, собирая ягоды, пѣли по барскому приказанію пѣсни для того, «чтобъ барской ягоды тайкомъ уста лукавыя не ѣли»; что «крестьянинъ, торжествуя, на дровняхъ обновляетъ путь»; что дворовый мальчикъ бѣгаетъ по двору, «въ салазки жучку посадивъ, себя въ коня преобразивъ»; что на святкахъ

«Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.»

Вотъ и все, что мы можемъ почерпнуть изъ энциклопедіи касательно крѣпостного права. Надо сказать правду, на этихъ свѣдѣніяхъ лежитъ свѣтло-розовый колоритъ; помѣщикъ облегчаетъ положеніе мужика; мужикъ благословляетъ судьбу; мужикъ торжествуетъ при появленіи зимы; значитъ, любитъ зиму; значитъ, ему тепло зимой и хлѣба у него вдоволь; а такъ какъ русская зима продолжается по крайней мѣрѣ полгода, то, значитъ, мужикъ проводитъ въ торжествѣ и благодушествѣ по крайней мѣрѣ половину своей жизни. Сынъ двороваго человѣка тоже ликуетъ и забавляется; его никто не бьетъ, его хорошо кормятъ, тепло одѣваютъ и не превращаютъ съ малыхъ лѣтъ въ казачка, обязаннаго торчать на коникѣ въ лакейской и ежеминутно бѣгать то за носовымъ платкомъ, то за стаканомъ воды, то за трубкой, то за табакеркой. Свѣтло-розовый колоритъ немного помрачается тѣмъ неожиданнымъ извѣстіемъ, что Ларина била служанокъ; но, во-первыхъ, она ихъ била только «осердясь»; а сердилась она вѣроятно очень рѣдко и только за дѣло, потому что, еслибы она была способна сердиться часто и неосновательно, то, разумѣется, проницательный Онѣгинъ, пріятель и любимецъ автора энциклопедіи, не сказалъ-бы о Лариной, что она «очень милая старушка». Во-вторыхъ, служанокъ и нельзя было не бить, потому что онѣ, какъ мы узнаемъ изъ той-же энциклопедіи, были очень большія мерзавки; онѣ были способны похищать барскія ягоды, и барыня, для огражденія священной собственности и для предохраненія мерзкихъ служанокъ отъ гнуснаго преступленія, была принуждена утруждать свою барскую голову и придумывать то замысловатое средство, которое называется въ энциклопедіи *затѣей сельской остроты* и которое пріучало служанокъ предпочитать высокія эстетическія наслажденія, какъ-то пѣніе,—низкимъ матеріальнымъ предметамъ, именно ягодамъ. Въ третьихъ, служанокъ били не больно, потому что ни самые побои, ни воспоминанія объ оныхъ не мѣшали имъ проводить святки въ пѣснопѣніяхъ, въ которыхъ онѣ имѣли случай усовершенствоваться во время лѣта, при своихъ нерѣдкихъ столкновеніяхъ съ низкими матеріальными предметами, то-есть съ ягодами.

Итакъ, основываясь на свидѣтельствѣ энциклопедіи, мы имѣемъ полное право умозаключить, что крѣпостное право доставляло весьма много пользы и удовольствія какъ помѣщикамъ, такъ и мужикамъ. Помѣщики имѣли возможность обнаруживать свое великодушіе, мужики имѣли возможность учиться у нихъ безкорыстію, служанки развивали въ себѣ эстетическое чувство и способность правственнаго самообладанія,—словомъ, всѣ благоденствовали и взаимно совершенствовали другъ друга.

X.

Если вы пожелаете узнать, чѣмъ занималась образованнѣйшая часть русскаго общества въ двадцатыхъ годахъ, то энциклопедія русской жизни отвѣтитъ вамъ, что эта образованнѣйшая часть ѣла, пила, плясала, посѣщала театры, влюблялась и страдала то отъ скуки, то отъ любви. И только? Спросите вы.—И только! отвѣтитъ энциклопедія.—Это очень весело, подумаете вы, но не совсѣмъ правдоподобно. Неужели въ тогдашней Россіи не было ничего другого? Неужели молодые люди не мечтали о карьерахъ и не старались проложить себѣ такъ или иначе дорогу къ богатству и къ почестямъ? Неужели каждый отдѣльный человѣкъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не шевелилъ ни однимъ пальцемъ для того, чтобы улучшить это положеніе? Неужели Онѣгину приходилось презирать людей только за то, что они очень громко стучали каблуками во время мазурки? И неужели не было въ тогдашнемъ обществѣ такихъ людей, которые не задергивали мыслителей XVIII вѣка траурной тафтой и которые могли смотрѣть на Онѣгина съ такимъ-же пре-

зрѣніемъ, съ какимъ самъ Онѣгинъ смотрѣлъ на Буянова, Пустякова и разныхъ другихъ представителей провинціальной фауны?—На послѣдній вопросъ энциклопедія отвѣчаетъ совершенно отрицательно. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что Онѣгинъ на всѣхъ смотритъ сверху внизъ, и что на него самого не смотритъ такимъ образомъ никто. Всѣ остальные вопросы оставлены совершенно безъ отвѣта.

Зато энциклопедія сообщаетъ намъ очень подробныя свѣдѣнія о столичныхъ ресторанахъ, о танцовщицѣ Истоминой, которая летаетъ по сценѣ, «какъ пухъ отъ устъ Эола»; о томъ, что варенье подается на блюдечкахъ, а брусничная вода въ кувшинѣ; о томъ, что дамы говорили по-русски съ грамматическими ошибками; о томъ, какіе стишки пишутся въ альбомахъ уѣздныхъ барышень; что шампанское замѣняется иногда въ деревняхъ цымлянскимъ; о томъ, что котильонъ танцуется послѣ мазурки, и такъ далѣе. Словомъ, вы найдете описаніе многихъ мелкихъ обычаевъ, но изъ этихъ крошечныхъ кусочковъ, годныхъ только для записного антикварія, вы не извлечете почти ничего для физіологіи или для патологіи тогдашняго общества; вы рѣшительно не узнаете, какими идеями или иллюзіями жило это общество; вы рѣшительно не узнаете, что̀ давало ему смыслъ и направленіе или что̀ поддерживало въ немъ безсмыслицу и апатію. Исторической картины вы не увидите; только коллекцію старинныхъ костюмовъ и причесокъ, старинныхъ прейсъ-курантовъ и афишъ, старинной мебели и старинныхъ ужимокъ. Все это описано чрезвычайно живо и весело, но вѣдь этого мало; чтобы нарисовать историческую картину, надо быть не только внимательнымъ наблюдателемъ, но еще кромѣ того замѣчательнымъ мыслителемъ; надо изъ окружающей васъ пестроты лицъ, мыслей, словъ, радостей, огорченій, глупостей и подлостей выбрать именно то, что̀ сосредочиваетъ въ себѣ весь смыслъ данной эпохи, что̀ накладываетъ свою печать на всю массу второстепенныхъ явленій, что̀ втискиваетъ въ свои рамки и видоизмѣняетъ своимъ вліяніемъ всѣ остальныя отрасли частной и общественной жизни.

Такую громадную задачу дѣйствительно выполнилъ для Россіи двадцатыхъ годовъ Грибоѣдовъ; что-же касается до Пушкина, то онъ даже не подошелъ близко къ этой задачѣ, даже не составилъ себѣ о ней приблизительно вѣрнаго понятія. Начать съ того, что выборъ героя въ высшей степени неудаченъ. Въ такомъ романѣ, который долженъ изобразить въ данный моментъ жизнь цѣлаго общества, героемъ долженъ быть непремѣнно или такой человѣкъ, который сосредоточиваетъ въ своей личности смыслъ и типическія особенности status quo, или такой, который носитъ въ себѣ самое сильное стремленіе къ будущему и самое ясное пониманіе настоящихъ общественныхъ потребностей. Другими словами: героемъ долженъ быть непремѣнно или рыцарь прошедшаго, или рыцарь будущаго, но во всякомъ случаѣ человѣкъ дѣятельный, имѣющій въ жизни какую-нибудь цѣль, толкающійся между людьми, суетящійся вмѣстѣ съ толпой, развертывающій и напрягающій такъ или иначе, въ честномъ или въ безчестномъ дѣлѣ, всѣ силы своего ума и своей энергіи. Только жизнь такой активной личности можетъ показать намъ въ наглядномъ примѣрѣ достоинства и недостатки общественнаго механизма и общественной нравственности.

За какими благами гонится большинство, какія средства ведутъ къ желанному успѣху, какъ относится къ различнымъ средствамъ общественное мнѣніе, изъ какихъ составныхъ элементовъ слагается это общественное мнѣніе, гдѣ кончается рутина и гдѣ начинается протестъ, каковы сравнительныя силы рутинеровъ и протестантовъ, какъ велико между ними взаимное ожесточеніе,—всѣ эти и многіе другіе вопросы, которые необходимо должны быть поставлены и рѣшены въ энциклопедіи общественной жизни, могутъ быть затронуты только тогда, когда средоточіемъ всей картины будетъ сдѣланъ боецъ и работникъ, а не сонная фигура праздношатающагося шалопая. Чичикова, Молчалина, Калиновича можно сдѣлать героями историческаго романа, но Онѣгина и Обломова—ни подъ какимъ видомъ. Чичиковъ, Молчалинъ, Калиновичъ, какъ люди, чего то добивающіеся, связаны съ обществомъ самыми крѣпкими узами, потому что они только въ обществѣ и посредствомъ общества могутъ осуществлять свои желанія. Заставляя ихъ идти по тому или другому пути, заставляя ихъ въ одномъ мѣстѣ солгать, въ другомъ сплутовать, въ третьемъ произнести чувствительную рѣчь, въ четвертомъ отвѣсить низкій поклонъ,—общество обтесываетъ ихъ по своему образу и подобію, измѣняетъ ихъ характеры, опредѣляетъ ихъ понятія и понемногу приготовляетъ изъ нихъ типическихъ представителей даннаго времени, даннаго народа и данной среды. Напротивъ того, Онѣгинъ и Обломовъ, люди обезпеченные въ своемъ матеріальномъ существованіи и неодаренные отъ природы ни великими умами, ни сильными страстями, могутъ почти совершенно отдѣлиться отъ общества, подчиниться исключительно требованіямъ своего темперамента и такимъ образомъ не отразить въ своемъ характерѣ ни дурныхъ, ни хорошихъ сторонъ даннаго общественнаго устройства. Эти люди, какъ отдѣльныя личности, не представляютъ рѣшительно никакого интереса для мыслителя, изучающаго физіологію общества. Они пріобрѣтаютъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда они, по многочисленности, превращаются въ замѣтный статистическій фактъ. Если въ образованнѣйшей части какого-нибудь общества

встрѣчаются на каждомъ шагу сотни или тысячи Онѣгиныхъ и Обломовыхъ, то-есть людей, игнорирующихъ существованіе общества и неимѣющихъ никакого понятія ни о какихъ общественныхъ интересахъ, то, разумѣется, такой фактъ можетъ навести мыслящаго наблюдателя на очень поучительныя размышленія. Этотъ наблюдатель будетъ имѣть полное право подумать, что движеніе общественной жизни чрезвычайно вяло и слабо, потому что это движеніе не затягиваетъ въ себя и не увлекаетъ за собою тѣхъ людей, которые живутъ въ данномъ обществѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ мыслящему писателю не-зачѣмъ приниматься за спеціальное изученіе расплодившихся Онѣгиныхъ и Обломовыхъ. Какъ-бы они ни были многочисленны, они все-таки составляютъ пассивный продуктъ, а не дѣятельную причину общественнаго застоя. Не оттого въ погребѣ сыро, что въ немъ живутъ мокрицы, а оттого въ него набрались мокрицы, что въ немъ было сыро. А отчего сыро—это уже другой вопросъ, при изслѣдованіи котораго мокрицы должны быть совершенно отодвинуты въ сторону. Не оттого общественная жизнь движется медленно, что въ обществѣ много Обломовыхъ и Онѣгиныхъ, а напротивъ того, Обломовы и Онѣгины расплодились въ обществѣ по той причинѣ, что общественная жизнь движется медленно. А почему она движется медленно—это уже другой вопросъ, при изслѣдованіи котораго надо имѣть въ виду не Обломовыхъ и Онѣгиныхъ, а Чичиковыхъ, Молчалиныхъ, Калиновичей съ одной стороны, и Чацкихъ, Рудиныхъ, Базаровыхъ съ другой стороны.

Такимъ образомъ въ произведеніи мыслящаго писателя, задумавшаго нарисовать картину даннаго общества, — фигуры, подобныя Онѣгину, могутъ быть допущены только какъ вводныя лица, стоящія на второмъ планѣ, какъ стоятъ напримѣръ Загорѣцкій и Репетиловъ въ комедіи Грибоѣдова. Первыя мѣста по всей справедливости принадлежатъ Фамусову и Скалозубу, которые даютъ читателю ключъ къ пониманію цѣлаго историческаго періода и которые, своими типическими и рѣзко обозначенными физіономіями, объясняютъ намъ и низкопоклонство Молчалина, и глупую сентиментальность Софьи, и безплодное краснорѣчіе Чацкаго. Грибоѣдовъ въ своемъ анализѣ русской жизни дошелъ до той крайней границы, дальше которой поэтъ не можетъ идти, не переставая быть поэтомъ и не превращаясь въ ученаго изслѣдователя. Пушкинъ же, напротивъ того, даже и не приступалъ ни къ какому анализу; онъ съ полной искренностью и съ очень похвальной скромностью говоритъ въ VII главѣ «Онѣгина»: «пою пріятеля младова и множество его причудъ». Дѣйствительно, въ этомъ и заключается вся его задача. Почему онъ обратилъ свое вниманіе именно на этого «пріятеля младова», а не на кого-нибудь другого,—объ этомъ вы его не спрашивайте. На то онъ и поэтъ, чтобы дѣлать въ области своего творчества все, что ему вздумается, не отдавая въ томъ отчета никому на свѣтѣ, ни даже самому себѣ. Чѣмъ объясняются причуды этого пріятеля—этимъ онъ также нисколько не интересуется.

Еслибы критика и публика поняли романъ Пушкина такъ, какъ онъ самъ его понималъ; еслибы они смотрѣли на него, какъ на невинную и безцѣльную штучку, подобную «Графу Нулину» или «Домику въ Коломнѣ»; еслибы они не ставили Пушкина на пьедесталъ, на который онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права, и не навязывали ему насильно великихъ задачъ, которыхъ онъ вовсе не умѣетъ и не желаетъ ни рѣшать, ни даже задавать себѣ, тогда я и не подумалъ-бы возмущать чувствительныя сердца русскихъ эстетиковъ моими непочтительными статьями о произведеніяхъ нашего, такъ называемаго, *великаго поэта*. Но, къ сожалѣнію, публика временъ Пушкина была такъ неразвита, что принимала хорошіе стихи и яркія описанія за великія событія въ своей умственной жизни. Эта публика съ одинаковымъ усердіемъ переписывала и «Горе отъ ума»,—одно изъ величайшихъ произведеній нашей литературы, и «Бахчисарайскій фонтанъ», въ которомъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ пріятныхъ звуковъ и яркихъ красокъ.

Спустя 20 лѣтъ, за вопросъ о Пушкинѣ взялся превосходный критикъ, честный гражданинъ и замѣчательный мыслитель, Виссаріонъ Бѣлинскій. Кажется, такой человѣкъ могъ рѣшить этотъ вопросъ удовлетворительно и отвести Пушкину то скромное мѣсто, которое должно принадлежать ему въ исторіи нашей умственной жизни. Вышло однако наоборотъ. Бѣлинскій написалъ о Пушкинѣ одиннадцать превосходныхъ статей и разсыпалъ въ этихъ статьяхъ множество самыхъ свѣтлыхъ мыслей о правахъ и обязанностяхъ человѣка, объ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами о любви, о ревности, о частной и объ общественной жизни, но вопросъ о Пушкинѣ въ концѣ концовъ оказался совершенно затемненнымъ. Читателямъ, а быть-можетъ и самому Бѣлинскому, показалось, что именно Пушкинъ породилъ своими произведеніями всѣ эти замѣчательныя мысли, которыя однако цѣликомъ принадлежали критику и которыя по всей вѣроятности вовсе не понравились-бы разбираемому поэту. Бѣлинскій преувеличилъ значеніе всѣхъ главныхъ произведеній Пушкина и каждому изъ этихъ произведеній приписалъ такой серьезный и глубокій смыслъ, котораго самъ авторъ никакъ не могъ и не хотѣлъ въ нихъ вложить.

Статьи Бѣлинскаго о Пушкинѣ сами по себѣ, какъ самостоятельныя литературныя про-

изведенія, были чрезвычайно полезны для умственнаго развитія нашего общества; но какъ восхваленія стараго кумира, какъ зазыванія въ старый храмъ, въ которомъ было много пищи для воображенія и въ которомъ не было никакой пищи для ума, эти самыя статьи могли принести и дѣйствительно принесли свою долю вреда. Бѣлинскій любилъ того Пушкина, котораго онъ самъ себѣ создалъ; но многіе изъ горячихъ послѣдователей Бѣлинскаго стали любить настоящаго Пушкина, въ его натуральномъ и необлагороженномъ видѣ. Они стали превозносить въ немъ именно тѣ слабыя стороны, которыя Бѣлинскій затушевывалъ или перетолковывалъ по своему. Вслѣдствіе этого имя Пушкина сдѣлалось знаменемъ неисправимыхъ романтиковъ и литературныхъ филистеровъ. Вся критика Аполлона Григорьева и его послѣдователей была основана на превознесеніи той всеобъемлющей любви, которой будто-бы проникнуты насквозь всѣ произведенія Пушкина. Превознося кроткаго и любвеобильнаго Пушкина, романтики и филистеры почти совершенно игнорируютъ произведенія Грибоѣдова и относятся почти враждебно къ Гоголю. Въ нѣкоторыхъ журналахъ не разъ высказывалось забавное мнѣніе, что Гоголь не зналъ великорусской жизни. Если прибавить къ этому, что нѣкоторые малороссійскіе писатели упрекаютъ Гоголя въ незнаніи малорусскаго быта, то окажется, что Гоголь совсѣмъ ничего не зналъ, и что онъ произвелъ полный переворотъ въ русской литературѣ именно своимъ незнаніемъ.

Восхищаясь своимъ возлюбленнымъ Пушкинымъ, какъ величайшимъ представителемъ филистерскаго взгляда на жизнь, наши романтики въ то-же время прикрываются великимъ именемъ Бѣлинскаго, какъ надежнымъ громоотводомъ, спасающимъ ихъ отъ всякаго подозрѣнія въ филистерскихъ вкусахъ и тенденціяхъ. Мы— за одно съ Бѣлинскимъ, говорятъ романтики, а вы, нигилисты или реалисты, вы—просто самолюбивые мальчишки, старающіеся обратить на себя вниманіе публики вашими дерзкими отношеніями къ незабвеннымъ авторитетамъ.

Благоговѣніе романтиковъ передъ Пушкинымъ доводитъ ихъ иногда до самыхъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ крайностей. Аполлонъ Григорьевъ написалъ однажды, въ одномъ изъ своихъ писемъ, изданныхъ Страховымъ, что тремя послѣдними великими поэтами онъ считаетъ Байрона, Мицкевича и Пушкина. Довольно забавно уже то обстоятельство, что рядомъ съ Байрономъ поставлены Мицкевичъ и Пушкинъ. Это совершенно все равно, что поставить Кайданова и Смарагдова рядомъ съ Шлоссеромъ. Но еще гораздо забавнѣе то обстоятельство, что Мицкевичъ и Пушкинъ *попались* въ число великихъ поэтовъ, а Гейне *не попалъ*. Оно и понятно. Не заслуживаетъ онъ этой чести, потому что былъ свистуномъ и отрицателемъ. Понятно также, почему панегиристы Пушкина молчатъ о Грибоѣдовѣ и не долюбливаютъ Гоголя. И Грибоѣдовъ, и Гоголь стоятъ гораздо ближе къ окружающей насъ дѣйствительности, чѣмъ къ мирнымъ и тихимъ спальнямъ романтиковъ и филистеровъ.

Такъ какъ борьба литературныхъ партій сдѣлалась теперь упорной и непримиримой, такъ какъ духомъ партіи обусловливаются теперь взгляды пишущихъ людей на прежнихъ писателей даже въ тѣхъ органахъ нашей печати, которые сами вопіютъ противъ духа партіи, то и реалисты, сражаясь за свои идеи, поставлены въ необходимость посмотрѣть повнимательнѣе, съ своей точки зрѣнія, на тѣ старые литературные кумиры и на тѣ почтенныя имена, за которыя прячутся наши очень свирѣпые, но очень трусливые гонители. Мы надѣемся доказать нашему обществу, что старые литературные кумиры разваливаются отъ своей ветхости при первомъ прикосновеніи серьезной критики. Что-же касается до почтеннаго имени Бѣлинскаго, то оно повернется противъ нашихъ литературныхъ враговъ. Расходясь съ Бѣлинскимъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ фактовъ, замѣчая въ немъ излишнюю довѣрчивость и слишкомъ сильную впечатлительность, мы въ то-же время гораздо ближе нашихъ противниковъ подходимъ къ его основнымъ убѣжденіямъ.

ЛИРИКА ПУШКИНА.

I.

Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1844 году, была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» пятая статья Бѣлинскаго о Пушкинѣ. Вотъ оглавленіе этой статьи: «Взглядъ на русскую критику.—Понятіе о современной критикѣ. — Изслѣдованіе паѳоса поэта, какъ первая задача критики.—Паѳосъ поэзіи Пушкина вообще.—Разборъ лирическихъ произведеній Пушкина».—Въ этой статьѣ Бѣлинскаго встрѣчаются болѣе или менѣе опредѣленные намеки на всѣ тѣ идеи, которыми живетъ наша теперешняя реальная критика. Въ этой-же самой статьѣ Бѣлинскій предается самымъ необузданнымъ эстетическимъ востор-

гамъ. Читая внимательно эту статью, мы видимъ, какъ эстетикъ борется въ Бѣлинскомъ съ общественнымъ дѣятелемъ, и предчувствуемъ, что побѣда непремѣнно должна склониться на сторону послѣдняго. Чтобы доказать читающей публикѣ кровное родство реальной критики съ Бѣлинскимъ, я приведу изъ этой статьи, напечатанной двадцать лѣтъ тому назадъ, нѣсколько обширныхъ выписокъ.

«Гёте гдѣ-то сказалъ: «какого читателя желаю я?—Такого, который-бы меня, себя и цѣлый міръ забылъ и жилъ-бы только въ книгѣ моей.» Нѣкоторые нѣмецкіе аристархи оперлись на это выраженіе великаго поэта, какъ на основной краеугольный камень эстетической критики. И однакожъ односторонность гётевой мысли очевидна. Подобное требованіе очень выгодно для всякаго поэта, не только великаго, но и маленькаго; принявъ его на вѣру и безусловно, критика только и дѣлала-бы, что кланялась въ-поясъ то тому, то другому поэту, ибо такъ какъ все имѣетъ свою причину и основаніе—даже эгоизмъ, дурное направленіе, самое невѣжество поэта, то, если критикъ будетъ смотрѣть на произведеніе поэта безъ всякаго отношенія къ его личности, забывъ о самомъ себѣ и цѣломъ мірѣ,—естественно, что творенія этого поэта, будь они только ознаменованы бо́льшей или меньшей степенью таланта, явятся непогрѣшительными и достойными безусловной похвалы.»

Изъ приведенныхъ словъ читатель видитъ, что у Гёте была губа не дура и что онъ придумалъ очень вѣрное средство затушевать слабыя стороны своей поэтической дѣятельности. Чистые эстетики приняли искусную выдумку Гёте за святую истину, но Бѣлинскій оказался гораздо проницательнѣе *нѣмецкихъ аристарховъ* и такимъ образомъ внесъ въ критику элементъ, совершенно враждебный эстетикѣ. Въ словахъ Бѣлинскаго мы видимъ ясное выраженіе той идеи, что поэтическій талантъ одинъ самъ по себѣ еще не даетъ поэту права пользоваться уваженіемъ и сочувствіемъ современниковъ и потомства. Бѣлинскій относится очень сурово къ *невѣжеству* поэта, къ *дурному направленію* и къ *эгоизму*. Слово *эгоизмъ* конечно употреблено неправильно; но такъ какъ этимъ словомъ Бѣлинскій очевидно хочетъ обозначить узкость ума и мелкость чувства, то съ его идеей мы можемъ совершенно согласиться. Если такимъ образомъ критика, по мнѣнію Бѣлинскаго, должна непремѣнно требовать отъ поэта широкаго умственнаго развитія, хорошаго, то-есть честнаго направленія и разумной любви къ человѣчеству, то очевидно критика Добролюбова и теперешняя критика «Русскаго Слова» по своему основному принципу совершенно соотвѣтствуютъ стремленіямъ Бѣлинскаго. Критика Бѣлинскаго, критика Добролюбова и критика «Русскаго Слова» оказываются развитіемъ одной и той-же идеи, которая съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе очищается отъ всякихъ постороннихъ примѣсей.

«При нѣмецкой апатической терпимости ко всему, что́ бываетъ и дѣлается на бѣломъ свѣтѣ,—продолжаетъ Бѣлинскій,—при нѣмецкой безличной универсальности, которая, признавая все, сама не можетъ сдѣлаться ничѣмъ, мысль, высказанная Гёте, поставляетъ искусство цѣлью самому себѣ и черезъ это самое освобождаетъ его отъ всякаго соотношенія съ жизнью, которая всегда выше искусства, потому что искусство есть только одно изъ безчисленныхъ проявленій жизни.»

Какъ вамъ это нравится, господа читатели? Уже въ 1844 году была провозглашена въ русской журналистикѣ та великая идея, что *искусство не должно быть цѣлью самому себѣ* и что *жизнь выше искусства*. А слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, тотъ самый журналъ, который бросилъ русскому обществу эти двѣ блестящія и плодотворныя идеи, съ тупымъ самодовольствомъ возстаетъ противъ «Эстетическихъ отношеній», которыя цѣликомъ построены на этихъ двухъ идеяхъ. Этотъ поучительный фактъ доказываетъ ясно, что человѣческая мысль не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Когда она не хочетъ или не умѣетъ двигаться впередъ, тогда она поневолѣ пятится назадъ. «Отечественныя Записки» хотѣли забастовать на Бѣлинскомъ. Оказывается теперь, что онѣ забыли Бѣлинскаго и подвинулись къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. «Современникъ» хочетъ забастовать на Добролюбовѣ, и мы видимъ дѣйствительно, что «Современникъ» быстро забываетъ Добролюбова и также путешествуетъ въ область двадцатыхъ годовъ. Повторять слова учителя—не значитъ быть его продолжателемъ. Надо понимать ту цѣль, къ которой шелъ учитель. Идя къ извѣстной цѣли, учитель произносилъ извѣстныя слова. Въ ту минуту, когда эти слова произносились, они дѣйствительно подвигали людей впередъ къ предположенной цѣли. Но когда эти слова уже подѣйствовали, когда люди, подчиняясь ихъ вліянію, сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, тогда все положеніе вопроса обрисовывается иначе, тогда произнесенныя слова теряютъ свою двигательную силу и слѣдовательно перестаютъ быть умѣстными, полезными и цѣлесообразными. Тогда надо произносить новыя слова, примѣняя ихъ къ новымъ потребностямъ времени; эти новыя слова могутъ находиться въ рѣзкомъ разногласіи съ старыми словами, и это разногласіе нисколько не мѣшаетъ ни тѣмъ, ни другимъ быть одинаково вѣрными выраженіями одной и той-же основной тенденціи.

Основная тенденція всей критической школы Бѣлинскаго, продолжающей дѣйствовать и развиваться до настоящей минуты, выражается совершенно ясно и отчетливо въ тѣхъ двухъ положеніяхъ, что *искусство не должно быть цѣлью самому себѣ* и что *жизнь выше искусства*. Изъ этихъ двухъ простыхъ и скромныхъ положеній выводятся совершенно логично и неизбѣжно всѣ самыя смѣлыя и блистательныя salto mortale моего уважаемаго сотрудника Зайцева, на котораго смотрятъ до сихъ поръ съ такимъ непритворнымъ ужасомъ и съ такимъ комическимъ недоумѣніемъ всѣ солидные тихоходы нашей періодической литературы. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ развивался и дѣйствовалъ Бѣлинскій, онъ конечно не могъ вывести изъ этихъ двухъ положеній всѣ ихъ логическія послѣдствія. Въ сороковыхъ годахъ онъ даже не могъ ихъ предвидѣть. Онъ ежеминутно уклоняется въ своей дѣятельности отъ этихъ двухъ основныхъ положеній, но смыслъ и сила его дѣятельности заключаются конечно не въ этихъ случайныхъ нарушеніяхъ логики. Высказать вѣрную мысль еще не значитъ послѣдовательно провести эту мысль въ анализъ всѣхъ явленій жизни, науки и искусства. Вторая задача разумѣется, гораздо труднѣе и многосложнѣе первой. Если высказанная мысль дѣйствительно велика и плодотворна, то на ея послѣдовательное проведеніе могутъ потратиться силы нѣсколькихъ поколѣній. Эта завидная участь выпала на долю мыслямъ Бѣлинскаго. Впродолженіи двадцати лѣтъ лучшіе люди русской литературы развиваютъ его мысли и впереди еще не видно конца этой работѣ. Та тѣсная родственная связь, которая несомнѣнно существуетъ между Бѣлинскимъ и теперешними реалистами, доказываетъ, съ одной стороны, умственное величіе нашего общаго учителя, а съ другой стороны —то обстоятельство, что такъ называемый нигилизмъ есть дитя нашего времени, имѣющее своихъ законныхъ и весьма почтенныхъ родителей въ прошедшемъ періодѣ нашей умственной жизни. Проклиная нигилизмъ, солидные люди очень охотно вычеркиваютъ изъ исторіи русской литературы «Эстетическія отношенія» и Добролюбова, въ которыхъ они видятъ случайныя или болѣзненныя явленія. Теперь я попрошу солидныхъ людей, для радикальнаго уничтоженія нигилистовъ, начать работу вычеркиванія съ Виссаріона Бѣлинскаго. Года четыре тому назадъ «Русскій Вѣстникъ», какъ самый послѣдовательный и дальновидный врагъ нигилизма, дѣйствительно попробовалъ занести руку и на Бѣлинскаго. Въ 1861 году Лонгиновъ силился уличить Бѣлинскаго въ заносчивомъ невѣжествѣ. Еслибы эта попытка увѣнчалась успѣхомъ, тогда по всей вѣроятности ядъ вольнодумства былъ-бы искорененъ вполнѣ, и настоящими, здоровыми и совершенно незаподозрѣнными представителями русской мысли оказались-бы: въ прошедшемъ — Мерзляковъ и Шевыревъ, а въ настоящемъ—Лонгиновъ и Анненковъ. Вся остальная русская критика была-бы причислена къ ложнымъ и отреченнымъ книгамъ. Этотъ результатъ былъ-бы конечно очень блистателенъ и утѣшителенъ, но къ сожалѣнію усердная попытка Лонгинова осталась, по какой-то необъяснимой случайности, совершенно незамѣченной. Совѣтую солиднымъ людямъ повторить эту попытку, потому что для искорененія нигилизма необходимо убить Бѣлинскаго во мнѣніи русскаго общества.

II.

«Дѣйствительно,—продолжаетъ Бѣлинскій,— нѣмецкая критика при разсматриваніи произведеній искусства всегда опирается на само искусство и на духъ художника, и потому исключительно вращается въ тѣсной сферѣ эстетики, выходя изъ нея только для того, чтобы обращаться изрѣдка къ характеристикѣ личности поэта, а на исторію, общество,—словомъ, на жизнь не обращаетъ никакого вниманія. И оттого жизнь давно уже оставила тѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые своими произведеніями угождаютъ такой критикѣ.»

Нѣмецкая критика, противъ которой возстаютъ Бѣлинскій и сама жизнь, поступаетъ въ высшей степени благоразумно. Она тщательно поддерживаетъ тѣ перегородки, которыхъ паденіе краснорѣчиво оплакиваетъ нечестный преемникъ Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Incognito. Когда эта нѣмецкая критика говоритъ объ искусствѣ, тогда она и опирается на само искусство. Если-же Бѣлинскій находитъ сферу эстетики *тѣсною*, если онъ требуетъ, чтобы критика вырвалась изъ этой *тѣсной сферы* и вступила въ безпредѣльный міръ дѣйствительной жизни—прошедшей и настоящей,—то онъ очевидно оказывается гнуснымъ сообщникомъ нынѣшней реальной критики. — Но чтобы показать солиднымъ людямъ, что Бѣлинскій еще не совсѣмъ пропащій человѣкъ, и чтобы напомнить несолиднымъ мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, что Бѣлинскій еще не совсѣмъ послѣдовательный реалистъ, я прошу господъ читателей, солидныхъ и несолидныхъ, отыскать въ томъ-же VIII томѣ и въ той-же критической статьѣ страницу 352, на которой изображены слѣдующія строки:

«Каждое поэтическое произведеніе есть плодъ могучей мысли, овладѣвшей поэтомъ. Еслибъ мы допустили, что эта мысль есть только результатъ дѣятельности его разсудка, мы убили-бы этимъ не только искусство, но и самую возможность искусства. Въ самомъ дѣлѣ, что мудренаго было-бы сдѣлаться поэтомъ и кто-бы

не въ состояніи былъ сдѣлаться поэтомъ по нуждѣ, по выгодѣ или по прихоти, еслибъ для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втискать ее въ придуманную-же форму? Нѣтъ, не такъ это дѣлается поэтами по натурѣ и по призванію! У того, кто не поэтъ по натурѣ, пусть придуманная имъ мысль будетъ глубока, истинна, даже свята, —произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое, и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ каждаго въ выраженной имъ мысли, несмотря на всю ея правдивость! Но между тѣмъ такъ-то именно и понимаетъ толпа искусство, этого-то именно и требуетъ она отъ поэтовъ! Придумайте ей, на досугѣ, мысль получше, да потомъ и обдѣлайте ее въ какой-нибудь вымыселъ, словно брильянтъ въ золото. Вотъ и дѣло съ концомъ!»

Здѣсь Бѣлинскій очевидно платитъ очень богатую дань тому эстетическому мистицизму, который проводитъ рѣзкую раздѣлительную черту между поэтами и простыми смертными. Поэтомъ надо родиться, поэтъ—высшая натура, на его высокомъ челѣ горитъ печать его высокаго призванія, процессъ творчества составляетъ непостижимую тайну, — всѣ эти глупыя фразы принимаются эстетиками за чистую монету, и даже острый умъ Бѣлинскаго не всегда умѣетъ устоять противъ одуряющей атмосферы подобныхъ фразъ. Поэты, разумѣется, очень рады производить себя въ полубоги и, видя, что имъ вѣрятъ на слово, интересничаютъ и шарлатанятъ безъ зазрѣнія совѣсти. Большая часть ихъ времени и ихъ умственныхъ силъ уходитъ на дѣлишки, на картишки, на интрижки, а между тѣмъ они стараются увѣрить и себя, и другихъ, что постоянно созерцаютъ духовными очами высокія идеи или прекрасные образы. Ни дать, ни взять, тотъ Александръ Ивановичъ, который навязываетъ Зюзюшкѣ бумажку на хвостъ, а между тѣмъ при появленіи пріятеля тотчасъ принимаетъ удрученный видъ, свойственный ревностному администратору, преобразовавшему цѣлый департаментъ. Шарлатанство поэтовъ проявляется особенно ярко въ томъ высокомъ и туманномъ слогѣ, которымъ они любятъ говорить о таинственномъ процессѣ творчества. Одинъ увѣряетъ, что онъ, какъ богъ, ходитъ по чертогамъ Зевса; другой заявляетъ, что его сердце не полый мускулъ, а родникъ, и что его стихи не риѳмованныя строчки, а волна; третій объясняетъ, что юная Татьяна и съ нею Онѣгинъ являлись ему въ смутномъ снѣ, и что онъ неясно различалъ даль свободнаго романа сквозь магическій кристаллъ. Наслушается добродушный и довѣрчивый человѣкъ этихъ удивительныхъ рѣчей, отъ которыхъ уши вянутъ, наслушается и поневолѣ погрузится въ недоумѣніе. Вѣдь вотъ, подумаетъ онъ, я тоже размышляю, тоже увлекаюсь моими мыслями, ихъ тоже излагаю иногда на бумагѣ, а между тѣмъ со мною никогда не происходитъ ничего такого, что̀ привело-бы мнѣ въ голову чертоги Зевса, или сердце, выпускающее изъ себя риѳмованную волну, или магическій кристаллъ, заключающій въ себѣ даль свободнаго романа. Не можетъ-же быть, чтобы всѣ эти стихотворцы говорили чистую и ни на чемъ неоснованную ложь; надо, стало-быть, полагать, что въ ихъ нервной системѣ дѣйствительно происходятъ какія-то такія эволюціи, которыхъ я не испытываю и неспособенъ испытать. Значитъ, они—высшія натуры, а я – низшая или обыкновенная натура. И рождается такимъ образомъ, благодаря отъявленному шарлатанству однихъ и трогательной довѣрчивости другихъ, тотъ эстетическій мистицизмъ, которымъ глубоко зараженъ Бѣлинскій и отъ котораго не совсѣмъ уберегся даже Добролюбовъ. Этотъ мистическій туманъ разсѣевается однако при первомъ прикосновеніи трезвой критики.

Если для существованія искусства необходима привилегированная каста жрецовъ Аполлона, то, разумѣется, трезвая критика убиваетъ искусство, потому что она превращаетъ его въ общее достояніе всѣхъ умныхъ людей. Бѣлинскій полагаетъ, что немудрено было-бы создавать поэтическія произведенія, еслибы для этого надо было *только придумать какую-нибудь мысль*, *да и втискать ее въ придуманную-же форму*. На самомъ дѣлѣ всѣ поэтическія произведенія создаются именно такимъ образомъ, тотъ человѣкъ, котораго мы называемъ поэтомъ: придумываетъ какую-нибудь мысль и потомъ втискиваетъ ее въ придуманную форму. Это втискиваніе обыкновенно стоитъ поэту очень большого труда; сначала онъ набрасываетъ планъ своего будущаго произведенія, потомъ придумываетъ отдѣльныя сцены, картины и подробности, потомъ шлифуетъ языкъ или стихъ. Ни стройность плана, ни красота подробностей, ни картинность языка, ни внѣшнее изящество стиха,—словомъ, ни одно изъ достоинствъ поэтическаго произведенія не даются поэту сразу. Оконченное произведеніе обыкновенно представляетъ очень мало сходства съ первоначальнымъ замысломъ. Весь остовъ поэтическаго произведенія подвергается во время работы очень значительнымъ и глубокимъ видоизмѣненіямъ. Однѣ подробности, которыя сначала казались поэту необходимыми, оказываются излишними и неумѣстными; другія подробности, которыхъ онъ сначала не имѣлъ въ виду, оказываются необходимыми. Поэтъ, какъ плохой портной, кроитъ и перекраиваетъ, урѣзываетъ и приставляетъ, сшиваетъ и утюжитъ до тѣхъ поръ, пока не получится въ окончательномъ результатѣ нѣчто правдоподобное и благообразное.

Желающіе могутъ найти въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», собранныхъ Аннен-

ковымъ, многочисленные примѣры той тяжелой, черной работы, посредствомъ которой Пушкинъ втискивалъ придуманную мысль въ придуманную форму. Если поэтъ дѣйствительно придумываетъ и втискиваетъ, то стало-быть всякій, кто умѣетъ хорошо придумать и хорошо втиснуть, можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ поэтомъ. Это несомнѣнно, но слѣдуетъ-ли изъ этого то заключеніе, что поэтомъ сдѣлаться легко?—Нисколько не слѣдуетъ. *Придумать мысль*, какъ выражается Бѣлинскій, совсѣмъ не легко. Умныя мысли приходятъ въ голову только умнымъ людямъ, и приходятъ сами, помимо нашей воли. Придумать мысль, то есть привести ее насильно къ себѣ въ голову, нѣтъ даже никакой возможности. Затѣмъ, когда мысль пришла въ голову, необходимо много энергіи и напряженнаго умственнаго труда для того, чтобы разсмотрѣть эту мысль со всѣхъ сторонъ и чтобы развить изъ нея всѣ ея послѣдствія. Наконецъ для того, чтобы передать другимъ людямъ ясно и отчетливо то, что́ вы сами поняли и перечувствовали, надо потратить очень много труда на втискиваніе мысли въ форму. Умъ, энергія, трудолюбіе, техническая ловкость или сноровка,—всѣ эти качества необходимы тому человѣку, который хочетъ сдѣлаться поэтомъ,—необходимы точно въ такой-же мѣрѣ, въ какой они необходимы тому человѣку, который хочетъ сдѣлаться ораторомъ, профессоромъ, адвокатомъ, историкомъ, публицистомъ, критикомъ или вообще словесныхъ дѣлъ мастеромъ по какой-бы то ни было отрасли словеснаго искусства. Такой человѣкъ, къ которому заходятъ въ голову умныя мысли, который умѣетъ задерживать и разрабатывать эти мысли въ своей головѣ и который, посредствомъ упражненія, сдѣлался мастеромъ словесныхъ дѣлъ, такой человѣкъ, говорю я, можетъ, если только пожелаетъ, сдѣлаться поэтомъ, то есть создать нѣсколько произведеній, которыя подѣйствуютъ на читателей такъ точно, какъ дѣйствуютъ на нихъ произведенія, созданныя настоящими, патентованными поэтами.

Бѣлинскій говоритъ: «у того, кто не поэтъ по натурѣ, пусть придуманная имъ мысль будетъ глубока, истинна, даже свята,—произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое, и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ каждаго въ выраженной имъ мысли, несмотря на всю ея правдивость».—Любопытно было-бы узнать, что́ сказалъ-бы Бѣлинскій, еслибы ему пришлось прочитать романъ «Что дѣлать?». Сказалъ-ли бы онъ объ этомъ романѣ, что онъ—произведеніе *мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое?* Еслибы даже, паче чаянія, Бѣлинскій рѣшился произнести надъ нимъ этотъ приговоръ, то во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ-бы никакой возможности сказать, что этотъ романъ никого не убѣдилъ и всѣхъ разочаровалъ. Тутъ сама жизнь опровергнула-бы сужденіе Бѣлинскаго. Всѣмъ друзьямъ и врагамъ этого романа одинаково извѣстно, что онъ произвелъ на читающее общество такое глубокое впечатлѣніе, какого не производило до сихъ поръ ни одно твореніе патентованныхъ поэтовъ. Но неужели-же мы, на основаніи этого глубокаго впечатлѣнія, должны будемъ сказать, что авторъ этого романа—*поэтъ по натурѣ и по призванію*? Если Чернышевскій, трезвѣйшій изъ трезвыхъ мыслителей, окажется поэтомъ по натурѣ и по призванію, то тогда надо будетъ признать поэтами всѣхъ умныхъ людей безъ исключенія.—Значитъ, *толпа*, надъ которой смѣется Бѣлинскій, совершенно права, когда она требуетъ отъ поэта, чтобы онъ придумывалъ ей мысль получше и потомъ обдѣлывалъ эту мысль въ какой-нибудь вымыселъ, словно брильянтъ въ золото.

Бѣлинскій поясняетъ далѣе, что настоящій поэтъ является страстно влюбленнымъ въ идею, страстно проникнутымъ ею, и что онъ созерцаетъ ее не разумомъ, не разсудкомъ, не чувствомъ, но всей полнотой и цѣлостью своего нравственнаго бытія.—Все это очень хорошо, но эти страстныя отношенія къ идеѣ вовсе не составляютъ исключительной особенности поэта. Всѣ великія дѣла, совершенныя замѣчательными людьми, были совершены именно посредствомъ страсти. Развѣ Колумбъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею, ради которой онъ, человѣкъ очень гордый и самостоятельный, таскался впродолженіи восемнадцати лѣтъ, въ качествѣ смиреннаго и убогаго просителя, по прихожимъ разныхъ португальскихъ и испанскихъ вельможъ? Развѣ Джонъ Говардъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею, ради которой онъ втеченіи своей жизни шлялся по тюрьмамъ и госпиталямъ? Развѣ аболиціонистъ Джонъ Броунъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею, ради которой онъ на старости лѣтъ пошелъ на висѣлицу? Бокль за нѣсколько минутъ до своей смерти сокрушался исключительно о томъ, что ему не удается дописать до конца «Исторію цивилизаціи въ Англіи». Развѣ этотъ человѣкъ не былъ страстно влюбленъ въ свою идею? Когда Ньютонъ повѣрялъ свою теорію міроваго тяготѣнія посредствомъ вычисленій надъ движеніемъ луны, тогда онъ подъ конецъ вычисленія почувствовалъ такое сильное волненіе, что принужденъ былъ оставить работу и попросилъ одного изъ своихъ друзей докончить за него самую простую математическую выкладку. Развѣ этотъ человѣкъ не *созерцалъ свою идею всей полнотой и цѣлостью своего нравственнаго бытія?*—Желая изслѣдовать вопросъ о питательныхъ свойствахъ сахара, докторъ Старкъ сталъ производить опыты надъ самимъ собою и такъ долго продовольствовалъ себя исключительно сахаромъ, что наконецъ занемогъ и умеръ отъ истощенія

силъ. Кажется, страстнѣе, безграничнѣе и даже безумнѣе этой любви къ идеѣ невозможно себѣ ничего вообразить. Вообще, если вы хотите собрать самые крупные и рельефные примѣры тѣхъ странныхъ отношеній, которыя могутъ существовать между человѣкомъ и идеей, то вы должны будете обратиться не къ художникамъ, а къ изслѣдователямъ или къ политическимъ дѣятелямъ. Къ чести человѣческой природы вообще, человѣческаго ума въ особенности, надо замѣтить, что до сихъ поръ, кажется, ни одинъ человѣкъ не пошелъ на смерть за то, что̀ онъ считалъ красивымъ, и что, напротивъ того, нѣтъ числа тѣмъ людямъ, которые съ радостью отдавали жизнь за то, что̀ они считали истиннымъ или общеполезнымъ. У искусства не было и не можетъ быть мучениковъ. Наука и общественная жизнь, напротивъ того, уже давно потеряли счетъ своимъ мученикамъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что способность влюбляться въ идею никакъ не должна считаться исключительной привилегіей художниковъ. Эта способность составляетъ тотъ священный огонь, безъ котораго вообще невозможенъ и немыслимъ сознательный прогрессъ человѣчества. Этой способностью въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ художники, обладаютъ тѣ люди, которыхъ мы привыкли называть холодными и положительными прозаиками, спокойными, суровыми и черствыми дѣятелями жизни или науки. Вильгельмъ Оранскій, освободитель Нидерландовъ, Фердинандъ Магелланъ, съѣвшій вмѣстѣ съ своимъ экипажемъ всѣхъ мышей и всѣ кожаныя вещи своего корабля для того, чтобы довести до конца свое кругосвѣтное плаваніе, Джонъ Лильбернъ, боровшійся втеченіи всей своей жизни, словомъ и перомъ, сначала съ самовластіемъ Карла I, а потомъ съ самовластіемъ Кромвеля,— всѣ эти люди, разумѣется, любили идею гораздо страстнѣе, чѣмъ умѣли любить ее тѣ господа, которые изъ любви къ ней писали пріятные стихи или потрясательныя драмы. Если дѣятели науки и жизни не пишутъ стиховъ и драмъ, то, разумѣется, это происходитъ не оттого, что у нихъ не хватаетъ ума, и не оттого, что въ нихъ слаба любовь къ идеѣ, а напротивъ именно оттого, что размѣры ихъ ума и сила ихъ любви не позволяютъ имъ удовлетворяться созданіемъ красивыхъ беллетристическихъ произведеній. Эти люди тоже поэты, но ихъ поэмами оказываются ихъ великія дѣла, которыя, разумѣется, не только полезнѣе, но даже грандіознѣе всевозможныхъ иліадъ и всевозможныхъ шекспировскихъ драмъ. И различіе между поэтами и не-поэтами, которое хотятъ установить эстетики и вмѣстѣ съ ними полу-эстетикъ Бѣлинскій, оказывается пустымъ оптическимъ обманомъ. То извѣстное латинское изреченіе, что ораторомъ можно сдѣлаться, а поэтомъ надо родиться, оказывается чистой нелѣпостью. Поэтомъ можно *сдѣлаться* точно такъ-же, какъ можно сдѣлаться адвокатомъ, профессоромъ, публицистомъ, сапожникомъ или часовщикомъ. Стихотворецъ или вообще беллетристъ, или, еще шире, вообще художникъ— такой-же точно ремесленникъ, какъ и всѣ остальные ремесленники, удовлетворяющіе своимъ трудомъ различнымъ естественнымъ или искусственнымъ потребностямъ общества. Подобно всѣмъ остальнымъ ремесленникамъ, поэтъ или художникъ нуждается въ извѣстныхъ врожденныхъ способностяхъ; но та доза способностей, которая необходима для того, чтобы человѣкъ могъ приступить къ изученію ремесла, встрѣчается обыкновенно у всѣхъ нормальныхъ и здоровыхъ экземпляровъ человѣческой породы. Затѣмъ все остальное довершается въ образованіи художника впечатлѣніями жизни, чтеніемъ и размышленіемъ, и преимущественно упражненіемъ и навыкомъ. Какъ только эти предварительныя занятія дали человѣку способность придумывать идеи и втискивать ихъ въ формы, такъ поэтъ оказывается готовымъ къ услугамъ всѣхъ любителей легкаго чтенія.

III.

Чтобы окончательно реабилитировать Бѣлинскаго въ глазахъ солидныхъ людей, я приведу его отзывъ о стихѣ Пушкина. «И что-же это за стихъ! —восклицаетъ нашъ критикъ.—Античная пластика и строгая простота сочетались въ немъ съ обаятельной игрой романтической риѳмы; все акустическое богатство, вся сила русскаго языка явились въ немъ въ удивительной полнотѣ; онъ нѣженъ, сладостенъ, мягокъ, какъ ропотъ волны, тягучъ и густъ, какъ смола, ярокъ, какъ молнія, прозраченъ и чистъ, какъ кристаллъ, душистъ и благовоненъ, какъ весна, крѣпокъ и могучъ, какъ ударъ меча въ рукѣ богатыря».—Напрасно Бѣлинскій не прибавилъ еще, что стихъ Пушкина красенъ, какъ вареный ракъ, сладокъ, какъ сотовый медъ, питателенъ, какъ гороховый кисель, вкусенъ, какъ жареная тетерька, упоителенъ, какъ рижскій бальзамъ, и ѣдокъ, какъ сарептская горчица. Если можно сравнивать стихъ съ волною, со смолою, съ молніею, съ кристалломъ, съ весною, съ ударомъ меча, то я не вижу резона, почему не сравнить его съ вареным ракомъ, съ гороховымъ киселемъ, съ сарептской горчицей и вообще со всѣми предметами, существующими въ землѣ, на землѣ и подъ землею.— Простые смертные смотрятъ конечно съ нѣмымъ изумленіемъ на ту эстетическую оргію, которой предается Бѣлинскій; но это изумленіе въ порядкѣ вещей; простые смертные не могутъ и не должны понимать тѣхъ высшихъ красотъ,

которыми упиваются посвященные. Это существованіе высшихъ красотъ, доступныхъ только избраннымъ натурамъ, подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ другой посвященный,—Гоголь, котораго слова съ особеннымъ удовольствіемъ, сочувствіемъ и уваженіемъ цитируетъ Бѣлинскій въ концѣ той-же пятой статьи о Пушкинѣ.

«Чтобы быть способымъ понимать ихъ,—разсуждаетъ Гоголь,—нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе, нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который уже давно пресытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣстъ птичку не болѣе наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности привыкшему глотать издѣлія крѣпостного повара.»

Можно было бы нахохотаться вдоволь, глядя на Гоголя и Бѣлинскаго, съ умиленіемъ и съ гастрономическимъ благоговѣніемъ бесѣдующихъ между собою о необходимости *слишкомъ тонкаго обонянія*, о смолистой тягучести пушкинскаго стиха и о непостижимыхъ достоинствахъ *птички не болѣе наперстка*. Но не до смѣха будетъ тому читателю, который подумаетъ, что не съ жиру, а съ горя бесѣдовали эти люди о птичкахъ величиною съ наперстокъ. Поневолѣ приходилось разсуждать о подобныхъ птичкахъ, когда о болѣе крупной дичи разсуждать было неудобно. Отъ недостатка упражненія въ тогдашнихъ людяхъ слабѣла способность и наконецъ замирало даже желаніе подвергать анализу такія явленія жизни, которыми нельзя *услаждаться*, какъ жареною птичкой. Удивительно не то, что Бѣлинскій поетъ нелѣпый дифирамбъ во славу жаренымъ рябчикамъ, соединяющимъ въ себѣ тягучесть смолы съ благовоніемъ весны и съ яркостью молніи, а то, что онъ еще умѣетъ находить область эстетики *тѣсной* и душной для мыслящаго критика. Удивительно то, что Бѣлинскій, въ самомъ разгарѣ своего эстетическаго восторга, не упустилъ изъ виду ни одного изъ существенныхъ недостатковъ пушкинской поэзіи. Вслѣдъ за той неистовой тирадой, которая приписываетъ пушкинскому стиху свойства смолы, весны и молніи, является слѣдующее очень вѣрное, хотя конечно черезчуръ любовное опредѣленіе характеристическихъ особенностей нашего поэта. «Въ Пушкинѣ, *напротивъ*, прежде всего увидите вы художника, вооруженнаго всѣми чарами поэзіи, призваннаго для искусства, какъ для искусства, исполненнаго любви, интереса ко всему эстетически-прекрасному, любящаго все и потому терпимаго ко всему. Отсюда всѣ достоинства, всѣ недостатки его поэзіи; и если вы будете разсматривать его съ этой точки, то съ удвоенной полнотой наслаждитесь его достоинствами и оправдаете его недостатки, какъ необходимое слѣдствіе, какъ оборотную сторону его-же достоинствъ.»

Въ этихъ кроткихъ и ласковыхъ словахъ заключается самое полное и безпощадное осужденіе не только одной пушкинской поэзіи, но и вообще всякаго чистаго искусства. Кто любитъ все, тотъ не любитъ ровно ничего; кто любитъ одинаково сильно истца и отвѣтчика, страдальца и обидчика, истину и предразсудокъ, тупого обскуранта и геніальнаго мыслителя, тотъ очевидно не можетъ желать, чтобы истецъ выигралъ свой процессъ, чтобы страдалецъ поборолъ обидчика, чтобы истина истребила предразсудокъ и чтобы геніальный мыслитель одержалъ рѣшительную побѣду надъ тупыми обскурантами. Всеобъемлющая, тепловатая любовь, по совершенно справедливому замѣчанію Бѣлинскаго, непремѣнно ведетъ за собою всестороннюю терпимость, возможную только при совершенно безсмысленномъ, безучастномъ и безстрастномъ взглядѣ на жизнь. Кто во всѣхъ явленіяхъ жизни ищетъ только эстетически-прекраснаго, тотъ очевидно долженъ смотрѣть на людей такъ, какъ ребенокъ смотритъ на пестрые камушки и цвѣтныя стеклышки калейдоскопа. При такихъ отношеніяхъ къ жизни не можетъ быть ни любви къ людямъ, ни вѣрнаго и глубокаго пониманія ихъ стремленій и страданій. Это ребяческое равнодушіе къ людямъ, это тупое непониманіе жизни составляютъ дѣйствительно, какъ замѣчаетъ Бѣлинскій, необходимое слѣдствіе или *оборотную сторону* тѣхъ достоинствъ, которыми восхищаются эстетики въ произведеніяхъ чистаго художника. Еслибы не было этой *оборотной стороны*, тогда чистый художникъ превратился-бы въ страстнаго бойца за ту или за другую идею, и тогда онъ уже потерялъ-бы способность угощать эстетическихъ гастрономовъ птичками величиною съ наперстокъ. Но такъ какъ эта *оборотная сторона* достойна самаго полнаго и неумолимаго презрѣнія и такъ какъ она составляетъ, по словамъ самого-же Бѣлинскаго, необходимую принадлежность самой медали, то нетрудно сообразить, что и вся медаль совсѣмъ никуда не годится.

Несмотря на всю ласковость своихъ отношеній къ Пушкину, Бѣлинскій самъ глубоко чувствуетъ неудовлетворительность этой медали. Во-первыхъ, я попрошу читателей обратить вниманіе на слово *напротивъ*, подчеркнутое мною въ моей послѣдней выпискѣ изъ Бѣлинскаго. Это слово поставлено Бѣлинскимъ потому, что онъ противополагаетъ Пушкина Шекспиру, Байрону, Гёте и Шиллеру.—Шекспиръ, по словамъ Бѣлинскаго, «*глубокій сердцевѣдецъ, міробъемлющій созерцатель*». Въ Байронѣ Бѣлинскаго поражаетъ «*ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, титаническая*

смѣлость и гордость его чувствъ и мыслей». Гёте — «*поэтически-созерцательный мыслитель, могучій царь и властелинъ внутренняго міра души человѣка*». Передъ Шиллеромъ Бѣлинскій преклоняется «*съ любовью и благоговѣніемъ*», какъ «*передъ трибуномъ человѣчества, провозвѣстникомъ гуманности, страстнымъ поклонникомъ всего высокаго и нравственно-прекраснаго*».

Набросавъ такимъ образомъ эти четыре характеристики, Бѣлинскій вводитъ въ это избранное общество геніальныхъ поэтовъ нашего маленькаго Пушкина Вводя его, онъ произноситъ ту рекомендательную фразу, которую я выписалъ выше. Благосклонность этой рекомендательной фразы выставляетъ особенно рельефно то печально-комическое обстоятельство, что нашему маленькому Пушкину рѣшительно нечего дѣлать въ той знатной компаніи, въ которую онъ попалъ совершенно не кстати, по милости своего лукаваго доброжелателя, Бѣлинскаго. Нашъ маленькій и миленькій Пушкинъ неспособенъ не только вставить свое слово въ разговоръ важныхъ господъ, но даже и понять то, о чемъ эти господа между собою толкуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, что́ такое Пушкинъ и что́ такое тѣ люди, съ которыми сводитъ его Бѣлинскій? Одинъ изъ этихъ людей—*глубокій сердцевѣдецъ*, другой—*смѣлый и гордый титанъ*, третій—*царь и властелинъ внутренняго міра*, четвертый — *трибунъ человѣчества*. Какъ видите, народъ все чиновный! Все тузы литературной колоды и у каждаго туза своя собственная физіономія. Ну, а Пушкинъ-то что́-же такое? — Пушкинъ — художникъ?! Вотъ тебѣ разъ! - Это что̀-же за рекомендація? А Шекспиръ, небось, не художникъ? Байронъ— не художникъ? Гете—не художникъ? Шиллеръ—не художникъ?—Кажется, всѣ они художники, но кромѣ того каждый изъ нихъ оказывается еще крупнымъ человѣкомъ съ ясно-обозначеннымъ характеромъ и съ совершенно своеобразнымъ складомъ ума. Художественная виртуозность для каждаго изъ нихъ является только средствомъ выразить въ общепонятныхъ и привлекательныхъ формахъ то, что́ составляетъ внутреннее содержаніе, внутренній смыслъ, жизнь и силу ихъ энергическихъ и рѣзко-очерченныхъ личностей. Художественная виртуозность для нихъ то-же самое, что приличное платье для каждаго изъ насъ. Когда вы отправляетесь въ общество, вы конечно заботитесь о томъ, чтобы ваше платье было опрятно и неизорвано; но, разумѣется, вы отправляетесь въ общество не за тѣмъ, чтобы показать людямъ ваше новое платье. Бываютъ конечно и такіе господа, которые выѣзжаютъ въ свѣтъ именно съ этой послѣдней цѣлью, но такихъ господъ умные люди не уважаютъ и клеймятъ названіемъ праздношатающихся шалопаевъ или ходячихъ вѣшалокъ, или говорящихъ манекеновъ (mannequin). Еслибы, собирая свѣдѣнія о незнакомомъ вамъ человѣкѣ, вы услышали-бы о немъ отъ самыхъ близкихъ его друзей только то, что онъ отмѣнно-хорошо одѣвается, то вы безъ сомнѣнія подумали-бы о немъ, что онъ совершенно пустой, ничтожный и ограниченный человѣкъ, потому что въ противномъ случаѣ его друзья обратили-бы вниманіе не на покрой его платья, а на особенности его ума и характера. Представьте-же себѣ, что отзывъ Бѣлинскаго о Пушкинѣ совершенно равносиленъ этому отзыву близкихъ друзей о господинѣ, одѣтомъ по послѣдней модѣ. Пушкинъ — художникъ и больше ничего! Это значитъ, что Пушкинъ пользуется своей художественной виртуозностью, какъ средствомъ посвятить всю читающую Россію въ печальныя тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственнаго безсилія. Этотъ неотразимый выводъ особенно настоятельно напрашивается на вниманіе читателя именно потому, что Бѣлинскій свелъ своего protégé Пушкина съ такими людьми, которыхъ значеніе состоитъ совсѣмъ не въ безукоризненномъ покроѣ платья.

Было-бы очень неосновательно думать, что это сопоставленіе Пушкина съ тузами поэзіи было сдѣлано нечаянно, или что Бѣлинскій самъ не предвидѣлъ тѣхъ опасныхъ послѣдствій, которыя можетъ повести за собою для литературной славы Пушкина это коварное сопоставленіе. Бѣлинскій на каждой страницѣ своихъ статей наноситъ Пушкину жестокіе удары, которые проходили и до сихъ поръ проходятъ незамѣченными только потому, что они облечены въ чрезвычайно почтительную форму и сопровождаются самыми глубокими реверансами. «И такъ какъ его назначеніе,—говоритъ Бѣлинскій о Пушкинѣ,—было завоевать, усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія, не боясь перестать быть поэзіей и перейдти въ риѳмованную прозу,—то естественно, что Пушкинъ долженъ былъ явиться художникомъ.»—Соскоблите съ этой фразы шелуху гегелизма и переведите ее съ высокаго эстетическаго языка на общепонятный русскій языкъ, и знаете-ли, что́ вы получите?—Получите вы то, что̀ я сказалъ о Пушкинѣ въ третьей части «Реалистовъ», а именно то, что Пушкинъ— просто великій стилистъ и что усовершенствованіе русскаго стиха составляетъ его единственную заслугу передъ лицомъ русскаго общества и русской литературы, если только это усовершенствованіе дѣйствительно можно назвать заслугою.

Шелухой гегелизма я называю идею органическаго развитія, которая засѣла очень глу-

боко въ головѣ Бѣлинскаго и которую онъ, всѣми правдами и неправдами, старается провести даже тамъ, гдѣ она совершенно неприложима. Увлекаясь этой идеей, онъ видитъ что-то органическое и необходимое во всѣхъ стихотворныхъ шалостяхъ Батюшкова, Жуковскаго и Пушкина. Онъ полагаетъ, что каждый изъ этихъ господъ имѣлъ и исполнилъ свое особенное назначеніе, свою спеціальную миссію въ исторіи развитія русской поэзіи. Въ настоящее время такія добродушныя мечтанія, разумѣется, кажутся намъ странными и смѣшными. Мы знаемъ очень хорошо, что во времена Батюшкова, Жуковскаго и Пушкина русская мысль спала крѣпкимъ сномъ, а русская поэзія представляла собою даже не тепличное растеніе, а просто картонную декорацію. Мы знаемъ также, что всѣ эти господа, которымъ Бѣлинскій навязываетъ миссіи и назначенія, были просто quelques gentilshommes, которые, по выраженію госпожи Сталь, se sont occupés de littérature en Russie, точно такъ, какъ они могли s'occuper en Russie разведеніемъ борзыхъ собакъ или воздѣлываніемъ тюльпановъ, или плеваніемъ въ потолокъ. Появленіе комедіи «Горе отъ ума» нисколько не опровергаетъ моей мысли о совершенной мертвенности и искусственности тогдашней поэзіи. Напротивъ, оно даже подтверждаетъ мою мысль. «Горе отъ ума» стоитъ совершенно одиноко. Оно ничѣмъ не связано ни съ тѣмъ, чтó было до него, ни съ тѣмъ, чтò существовало рядомъ съ нимъ, ни съ тѣмъ, чтò было послѣ него. До него былъ Озеровъ, послѣ него былъ Кукольникъ; въ одно время съ нимъ блистали стихотворныя шалости Жуковскаго и Пушкина.—Итакъ, Грибоѣдовъ оказывается преемникомъ Озерова, предшественникомъ Кукольника и сподвижникомъ романтика Жуковскаго. Какое превосходное органическое развитіе! Какъ много заимствовалъ Грибоѣдовъ у Озерова и какъ много онъ далъ Кукольнику! И какъ легко догадаться, что Грибоѣдовъ и Жуковскій были современниками!

Итакъ, шелуху гегелизма надо соскабливать съ сочиненій Бѣлинскаго. Толковать о значеніи Пушкина—напрасный трудъ. Та фраза, что Пушкинъ завоевалъ русской землѣ поэзію, или не имѣетъ никакого осязательнаго смысла, или заключаетъ въ себѣ тотъ очень скромный смыслъ, что Пушкинъ усовершенствовалъ русскій стихъ и осмѣлился заговорить въ стихахъ о *пивной кружкѣ* и о *бобровомъ воротникѣ*, между тѣмъ какъ его предшественники говорили только о *фіалахъ* и *хламидахъ*. Изъ этого слѣдуетъ очевидно то заключеніе, что Пушкинъ можетъ имѣть теперь только историческое значеніе, а для тѣхъ людей, которымъ некогда и не зачѣмъ заниматься исторіей литературы, не имѣетъ даже совсѣмъ никакого значенія.

Бѣлинскій очень ясно понималъ даже и это сокрушительное обстоятельство. «Какъ бы то ни было,—говоритъ онъ,—но по своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе сдѣлались теперь жизнью всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только, какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго.»

Если *жизнью всякой истинной поэзіи* сдѣлалось *страстное мышленіе, полное вражды и любви*, то очевидно поэзія Пушкина—уже не поэзія, а только археологическій образчикъ того, чтó считалось поэзіей въ старые годы. Мѣсто Пушкина—не на письменномъ столѣ современнаго работника, а въ пыльномъ кабинетѣ антикварія, рядомъ съ заржавленными латами и съ изломанными аркебузами. Бѣлинскій осмѣливается высказать даже и эту печальную истину. «Каждый умный человѣкъ,—говоритъ онъ,—вправѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или по крайней мѣрѣ исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поэтъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній.» Ага! какой пассажъ! И все это съ глубокими реверансами и съ неизмѣнной ласковостью голоса! Видите, какой пакостный озорникъ этотъ Бѣлинскій, и какія онъ произноситъ дерзкія и зловѣщія пророчества? Если Бѣлинскій могъ говорить такія вещи въ *сороковыхъ* годахъ, то меня, человѣка, пишущаго въ *шестидесятыхъ* годахъ, можно упрекать не въ томъ, что я говорю неслыханныя дерзости, а развѣ только въ томъ, что я надоѣдаю читателямъ повтореніемъ слишкомъ старыхъ истинъ.

IV.

Внутреннія противорѣчія, которыми переполнены статьи Бѣлинскаго, не должны возбуждать въ читателѣ ни изумленія, ни негодованія. Читатель долженъ постоянно помнить, что Бѣлинскій стоитъ на рубежѣ двухъ противоположныхъ міросозерцаній, и въ его могучей личности совершается мучительный переходъ къ тому строю понятій, съ которымъ даже до настоящей минуты еще не съумѣли освоиться и помириться солидные люди нашей литературы. Во время такого перехода, колебанія, ошибки и внутреннія противорѣчія оказываются совершенно неиз-

бѣжными даже для самыхъ сильныхъ и здоровыхъ умовъ. «Есть,—говоритъ Бѣлинскій,—всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка, и такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства.» — Въ концѣ своего труда о Пушкинѣ Бѣлинскій повторяетъ ту-же мысль въ слѣдующихъ словахъ: «придетъ время, когда онъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

Сопоставляя эти изреченія Бѣлинскаго съ тѣми сужденіями того-же критика, которыя были приведены и разобраны мной въ концѣ предыдущей главы, мы получаемъ тотъ неожиданный и изумительный результатъ, что «*для молодыхъ людей обоего пола особенно полезно*» чтеніе такого поэта, котораго произведенія для нашего времени уже перестали быть поэзіей; далѣе, что поэтъ, который «*рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній, будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ*», и наконецъ, что «*можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка*, читая творенія такого поэта, который систематически уклоняется отъ отвѣта «*на тревожные, болѣзненные вопросы настоящаго*» и который *поетъ про себя и для себя, презирая толпу.*—Еслибы мы приняли слова Бѣлинскаго о благотворномъ вліяніи Пушкина на молодыхъ людей обоего пола за выраженіе прочно-установившагося убѣжденія, то мы принуждены были-бы назвать Бѣлинскаго закоснѣлымъ поборникомъ квіетизма и индифферентизма, тупымъ обожателемъ застоя и рутины, и систематическимъ развратителемъ молодого поколѣнія. Дѣйствительно, для тѣхъ людей, въ которыхъ произведенія Пушкина не возбуждаютъ истерической зѣвоты,—эти произведенія оказываются вѣрнѣйшимъ средствомъ притупить здоровый умъ и усыпить человѣческое чувство. Кому Пушкинъ безвреденъ, тотъ не станетъ его читать; а кому онъ понравится, того онъ испортитъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Испортитъ онъ не тѣмъ, что̀ дастъ ложное направленіе силамъ молодого ума, а тѣмъ, что не дастъ имъ совсѣмъ никакого направленія, тѣмъ, что пріучитъ «*молодыхъ людей обоего пола*» обходиться въ жизни безъ всякихъ убѣжденій и относиться съ воробьинымъ легкомысліемъ къ самымъ серьезнымъ вопросамъ, поглощающимъ всѣ силы лучшихъ дѣятелей данной эпохи. Воспитывать молодыхъ людей на Пушкинѣ—значитъ готовить изъ нихъ трутней или тѣхъ сибаритовъ, которые, по словамъ Гоголя, пресытившись грубыми и тяжелыми яствами, услаждаются жареными птичками величиной съ наперстокъ.

Чтобы доказать вѣрность моей мысли на отдѣльныхъ примѣрахъ, я приступаю теперь къ анализу Пушкинской лирики. Изъ всей массы лирическихъ стихотвореній Пушкина, занимающихъ въ изданіи Анненкова до *шестисотъ* страницъ, я буду выбирать только тѣ, которыя считаются самыми лучшими, которыя заключаютъ въ себѣ поползновеніе къ мысли и которыя Бѣлинскій рекомендуетъ съ особеннымъ жаромъ молодымъ людямъ обоего пола.—Съ чего-бы начать? Возьмемъ напримѣръ стихотвореніе «19 октября», написанное въ 1825 году и пользующееся полнѣйшимъ сочувствіемъ Бѣлинскаго.—19 октября, какъ извѣстно,—день открытія лицея, въ которомъ воспитывался Пушкинъ. Въ 1825 году Пушкину было 26 лѣтъ, и онъ пользовался уже громкой извѣстностью. — Итакъ, молодой и блестящій поэтъ, полный жизни и энергіи, обращается къ своимъ бывшимъ лицейскимъ товарищамъ и бесѣдуетъ съ ними шестистопнымъ ямбомъ на пяти большихъ страницахъ. Какъ много чувства и мысли должно заключать въ себѣ это стихотвореніе! Подумайте въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, уже познакомившійся съ волненіями и съ радостями жизни, уже провѣрившій житейскимъ опытомъ юношескія мечты, уже отбросившій прочь воздушные замки, но сохранившій юношескую смѣлость мысли и свѣжесть чувства,—такой человѣкъ, говорю я, вступаетъ въ разговоръ съ тѣми людьми, которые знали его, когда онъ былъ мальчикомъ, которые вмѣстѣ съ нимъ росли и развивались, вмѣстѣ съ нимъ мечтали о жизни, чертили роскошные планы и строили воздушные замки. Въ откровенномъ разговорѣ съ друзьями своего дѣтства поэтъ развернетъ конечно всю свою житейскую философію. Мы узнаемъ отъ него, какъ онъ смотритъ на свое прошедшее, чего онъ требуетъ отъ будущаго, какое мѣсто отводитъ онъ своей собственной дѣятельности въ общей толкотнѣ и суетѣ житейскихъ явленій. Вообще мы вправѣ ожидать отъ поэта серьезнаго слова: тѣ люди, къ которымъ онъ обращается, знаютъ его насквозь, слѣдовательно, онъ можетъ и долженъ быть съ ними совершенно откровененъ; онъ самъ дорожитъ дружбой и уваженіемъ этихъ людей, слѣдовательно онъ по всей вѣроятности чувствуетъ потребность высказаться передъ ними такъ, чтобы они получили полное и вѣрное понятіе объ его сложившейся и возмужалой личности. Тутъ нѣтъ мѣста легкомыслію и фразерству. Если Пушкинъ вообще способенъ смотрѣть серьезно и разумно на людей и на жизнь, то эта способность должна

непремѣнно проявиться въ стихотвореніи: «19 октября 1825 года».

Въ первыхъ сорока-восьми строкахъ Пушкинъ говоритъ, что онъ проводитъ этотъ день одинъ въ своей «пустынной кельѣ», потомъ вспоминаетъ о товарищѣ, умершемъ въ Италіи, и о другомъ товарищѣ, служащемъ во флотѣ. Идей въ этихъ сорока-восьми строкахъ нѣтъ; есть только фактическія подробности и неопредѣленныя выраженія дружелюбія и чувствительности. Вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ:

«Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ.
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ Музъ.
Куда-бы насъ ни бросила судьбина
И счастіе куда-бъ ни повело,—
Все тѣ-же мы: намъ цѣлый міръ—чужбина,
Отечество намъ—Царское Село.»

Случалось-ли вамъ, читатель мой, бывать на оффиціальныхъ обѣдахъ, которые даются чиновниками въ честь благодѣтельнаго начальника? На такихъ обѣдахъ послѣ жаркого солиднѣйшій изъ чиновниковъ обращается обыкновенно къ герою торжества съ неистово-хвалебной и безукоризненно-оффиціальной рѣчью, которая также обыкновенно заставляетъ скромнаго героя уронить въ полный бокалъ шампанскаго такую-же безукоризненно-оффиціальную слезу умиленія. Эта неизбѣжная рѣчь приписываетъ присутствующему герою такіе изумительные подвиги усердія и человѣколюбія, которыхъ онъ никогда не совершалъ и даже, по своему чину и положенію, никогда не могъ совершить. Я долженъ признаться, что дифирамбъ Пушкина въ честь прекраснаго союза, который нераздѣлимъ и вѣченъ, какъ душа, очень сильно напоминаетъ мнѣ тонъ безукоризненно-оффиціальныхъ рѣчей, произносимыхъ послѣ жаркого во славу благодѣтельнаго начальства. Весь куплетъ состоитъ изъ гиперболъ. Какъ вамъ нравится напримѣръ тотъ возгласъ, что имъ цѣлый міръ—чужбина, и что ихъ отечество находится исключительно въ Царскомъ Селѣ? Если это не правда, то какая плоскость! Надо быть совершенно исковерканнымъ человѣкомъ, двойникомъ Онѣгина, чтобы говорить приторные и завѣдомо-ложные комплименты школьнымъ товарищамъ и друзьямъ дѣтства. Если даже тутъ нѣтъ мѣста искренности, то гдѣ-же она укроется и какіе тайники человѣческаго чувства останутся застрахованными отъ наплыва безукоризненной оффиціальности?—А если Пушкинъ говоритъ правду, то какая узкость ума и какая дряблость чувства? Человѣкъ во всемъ мірѣ любитъ только то училище, въ которомъ онъ воспитывался. Человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ отворачивается отъ будущаго и утѣшается только воспоминаніями дѣтства. Хорошъ мужчина, хорошъ боецъ, хорошъ общественный дѣятель! А если онъ не мужчина, не боецъ и не общественный дѣятель, то какъ-же онъ можетъ быть замѣчательнымъ поэтомъ? Итакъ, одно изъ двухъ: или это плоскій и лживый комплиментъ, или росписка въ собственномъ ничтожествѣ. Какъ то, такъ и другое одинаково недостойно умнаго и энергическаго человѣка.

Одинъ изъ послѣдующихъ куплетовъ показываетъ намъ ясно, какую цѣну мы должны придавать гиперболамъ Пушкина. Вотъ его подлинныя слова:

«Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ! Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ-же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.»

Поняли вы, за что́ Пушкинъ воздаетъ *хвалу* своему товарищу? За то, что этотъ товарищъ не отвернулся отъ него при нечаянной встрѣчѣ; за то, что онъ дружески поздоровался съ нимъ. Значитъ, этотъ поступокъ былъ для Пушкина неожиданностью, если онъ вмѣняетъ его въ заслугу своему бывшему товарищу. Значитъ, Пушкинъ ожидалъ, что одинъ изъ членовъ *прекраснаго союза*, *нераздѣлимаго и вѣчнаго, какъ душа*, при свиданьи съ другимъ членомъ того-же прекраснаго и душеподобнаго союза можетъ посмотрѣть на этого другого члена съ высоты своего величія и протянуть ему для пожатія кончики двухъ пальцевъ или даже совсѣмъ ничего не протянуть и при этомъ спросить сквозь зубы: кого я имѣю удовольствіе видѣть?

Еслибъ я не былъ твердо убѣжденъ въ чистотѣ пушкинскаго сердца и въ совершенной неспособности его ума къ лукавымъ сомнѣніямъ, то я подумалъ-бы, что, сравнивая *прекрасный союзъ* съ душою, Пушкинъ этимъ лукавымъ сравненіемъ старается поколебать въ своихъ читателяхъ вѣру въ безсмертіе души. Всего восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ разстался съ лицеемъ, и онъ уже приходитъ въ восторгъ отъ того, что *блескъ холодной фортуны не измѣнилъ свободной души* его товарища. Плохо-же онъ вѣритъ въ прочность того союза, который онъ, для пущей сладости, называетъ вѣчнымъ и нераздѣлимымъ, какъ душа. И какой-же это такой особенный *блескъ фортуны* могъ озарить его товарища втеченіи восьми лѣтъ? И могли-ли они въ это время дѣйствительно разойтись на очень далекое разстояніе?—Ничуть не бывало. Пушкинъ никогда не былъ ни мученикомъ, ни даже нищимъ. Что-же касается до *счастливца съ первыхъ дней*, то очевидно, какъ-бы ни былъ онъ счастливъ,

онъ въ восемь лѣтъ не могъ сдѣлаться ни фельдмаршаломъ, ни министромъ, ни чрезвычайнымъ посломъ, ни генералъ-губернаторомъ. Значитъ, встрѣтившись на проселочной дорогѣ, Пушкинъ и *счастливецъ* вовсе не стояли на двухъ крайнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Вся разница между ними могла состоять только въ томъ, что одинъ былъ двумя или тремя чинами старше другого. Союзъ *вѣчный и нераздѣлимый, какъ душа*, оказался столь крѣпкимъ, что не лопнулъ даже отъ этого громаднаго различія; коллежскій совѣтникъ великодушно обнялъ титулярнаго, и Пушкинъ восклицаетъ съ восторгомъ: хвала тебѣ, ваше высокоблагородіе!

Затѣмъ Пушкинъ обращается къ другому, не столь чиновному члену *прекраснаго союза*. «Съ младенчества, говоритъ онъ ему,

духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье Музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся, но поздно! И уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ *), не то-ль и съ нами было,
Мой братъ родной по Музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ, оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!»

Если всю эту риѳмованную болтовню переложить на простой и ясный прозаическій языкъ, то получится слѣдующій, весьма тощій и блѣдный смыслъ: — мы съ тобою оба пописывали стишки; я отдавалъ свои стихи въ печать, а ты своихъ не отдавалъ; теперь и я перестану печатать мои стихотворенія. — Почему Пушкину пришла въ голову эта послѣдняя фантазія и почему онъ оставилъ ее безъ исполненія — этого недоумѣвающій читатель никогда не узнаетъ. Что̀ значатъ громкія фразы о служеніи Музъ, которое не терпитъ суеты, и о прекрасномъ, которое должно быть величаво, — это также остается неизвѣстнымъ. Вѣрнѣе всего то, что эти фразы ровно ничего не значатъ и изображаютъ собою стилистическія упражненія и риторическія амплификаціи. Какія душевныя муки принялъ на себя Пушкинъ изъ любви къ міру и чѣмъ провинился передъ Пушкинымъ неблагодарный міръ — объ этомъ также молчитъ исторія. Надо полагать, что подъ благозвучнымъ именемъ душевныхъ мукъ здѣсь подразумѣвается многотрудное исканіе риѳмы. Что-же касается до сокрытія жизни подъ сѣнь уединенія, то этой меланхолической фразой очевидно плѣнился и вдохновился Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, приглашавшій прелестную городничиху удалиться вмѣстѣ съ нимъ подъ сѣнь струй.

Перехожу къ послѣднимъ двумъ куплетамъ, которые особенно понравились Бѣлинскому.— «Пируйте-же, говоритъ Пушкинъ,

пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ-часу рѣдѣетъ,
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ,
Судьба глядитъ (?), мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому-жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній, и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...»

Выписавъ эти строки, Бѣлинскій разсуждаетъ о нихъ или, вѣрнѣе, восторгается ими слѣдующимъ образомъ: «Какая глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполнѣ художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! (Гм! А «*судьба глядитъ*»? Это — не метафора?) Этотъ пережившій всѣхъ друзей своихъ другъ, докучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащей рукой закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ — это непросто поэтическіе стихи, это — поэтическая картина.» А по моему, эта *поэтическая картина* составляетъ именно самое крупное пятно во всемъ стихотвореніи, которое, по правдѣ сказать, есть не что иное, какъ сплошной рядъ болѣе или менѣе крупныхъ пятенъ. Эта *поэтическая картина* показываетъ намъ особенно наглядно жалкую неспособность автора возвыситься до разумнаго пониманія жизни. Авторъ думаетъ повидимому, что новыя поколѣнія будутъ уже не людьми, а орангутангами, и что вслѣдствіе этого «*несчастный другъ*» непремѣнно долженъ оказаться среди этихъ новыхъ поколѣній *докучнымъ, лишнимъ и чужимъ гостемъ*.

Автору было 26 лѣтъ, когда онъ писалъ свое стихотвореніе; рисуя поэтическую картину несчастнаго друга, закрывающаго глаза дрожащею рукою, онъ захватывалъ впередъ лѣтъ на сорокъ. И между тѣмъ, хватая такъ далеко впередъ, онъ не умѣетъ указать *несчастному другу* никакого предохранительнаго средства противъ того печальнаго положенія, которое онъ ему пророчитъ въ далекомъ будущемъ. Видя впе-

*) Кюхельбекеръ.

реди разладъ съ новыми поколѣніями и холодное одиночество, Пушкинъ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, есть-ли возможность избѣгнуть этого печальнаго разлада и избавиться отъ этого тягостнаго одиночества. Онъ безъ малѣйшаго размышленія принимаетъ разладъ и одиночество за роковую необходимость. Конечно тѣмъ людямъ, для которыхъ «*цѣлый міръ—чужбина и отечество - Царское Село*», дѣйствительно на старости лѣтъ придется непремѣнно закрывать глаза дрожащею рукою. Но имъ за это надо будетъ пенять на самихъ себя, а никакъ не на новыя поколѣнія. Вольно-же было этимъ людямъ смотрѣть на весь міръ, какъ на чужбину, и сосредоточивать въ самомъ тѣсномъ и ограниченномъ кругу всѣ свои симпатіи и стремленія. Еслибы они съ ранней молодости умѣли полюбить всѣми силами своего существа тѣ идеи, въ которыхъ заключается весь смыслъ и весь интересъ текущаго историческаго періода; еслибы они въ зрѣломъ возрастѣ умѣли съ наслажденіемъ прилагать всѣ свои способности къ добыванію теоретическихъ истинъ или къ проведенію добытыхъ истинъ въ дѣйствительную жизнь; еслибы они состарѣлись и посѣдѣли въ этихъ общеполезныхъ трудахъ,—тогда цѣлый міръ былъ-бы ихъ отечествомъ, тогда лицейская годовщина не имѣла-бы для нихъ мистически-торжественнаго значенія, тогда преждевременная смерть двухъ-трехъ товарищей не приводила-бы ихъ въ отчаяніе и тогда новыя поколѣнія были-бы для нихъ не дикими орангутангами, а молодыми, нѣжными и почтительными друзьями, среди которыхъ старые и утомленные работники съ законнымъ удовольствіемъ отдыхали-бы отъ своихъ честныхъ и полезныхъ трудовъ. Такіе старики, какъ Ньютонъ, Вольтеръ, Франклинъ, Александръ Гумбольдтъ, никогда не могли чувствовать себя докучными, лишними и чужими гостями. Въ наше время также много такихъ стариковъ, которыхъ жизнь драгоцѣнна для всего образованнаго міра и которые, по своей кипучей энергіи и по своей страстной любви ко всему живому, могутъ смѣло потягаться съ любымъ юношей. И эту свѣтлую и радостную старость можетъ приготовить себѣ каждый человѣкъ, хотябы онъ былъ одаренъ очень обыкновенными умственными способностями. Для этого ему надо только постоянно и добросовѣстно, по мѣрѣ силъ своихъ, жить и работать въ кругу тѣхъ идей, которыми увлечены лучшіе люди даннаго общества. Для этого ему надо только дѣлать какъ разъ противное тому, что̀ совѣтуетъ Пушкинъ, желающій устранить суету изъ служенія Музъ, отказаться отъ душевныхъ мукъ и скрыть жизнь подъ сѣнь уединенія. Благоразумные совѣты Пушкина, разумѣется, превратятъ живого и сильнаго человѣка въ ходячую окаменѣлость и уже съ 26-лѣтняго возраста воспитаютъ въ здоровомъ мужчинѣ вялаго, плаксиваго и брюзгливаго старика, который будетъ закрывать себѣ глаза дрожащей рукой отчасти для того, чтобы проливать безполезныя и безсмысленныя слезы надъ невозвратимымъ прошедшимъ, а отчасти, и даже преимущественно для того, чтобы не видѣть отвратительныхъ молодыхъ орангутанговъ. «Но,—продолжаетъ Бѣлинскій,—не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: словно торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается пьеса этими полными бодраго чувства стихами:

«Пускай-же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.»

Пушкинъ,—говоритъ Бѣлинскій,—не даетъ судьбѣ побѣды надъ собой; онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады.»

Переведите *торжественный музыкальный аккордъ* на общеупотребительный человѣческій языкъ и вы получите слѣдующій, очень удобоисполнимый совѣтъ: «Несчастный другъ! Когда ты останешься одинъ, то постарайся нализаться за обѣдомъ до положенія ризъ, а послѣ обѣда завались спать вплоть до слѣдующаго утра». — Если *несчастный другъ* твердо запомнитъ совѣтъ великаго художника, то можно сказать навѣрное, что, усердно прилагая этотъ совѣтъ къ дѣлу, *несчастный другъ* пріобрѣтетъ себѣ багровый носъ, который и будетъ изображать собою часть отрады, вырванную имъ у коварной судьбы. Еслибы такіе полезные совѣты были предложены топорной прозой, Бѣлинскій безъ сомнѣнія назвалъ-бы такіе совѣты вопіющей пошлостью. Но эти совѣты втиснуты въ рифмованныя строчки, и Бѣлинскій называетъ ихъ «*торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ*». Бѣлинскій въ этихъ строчкахъ видитъ даже «*доброе чувство*». Я, напротивъ того, вижу въ нихъ во-первыхъ умственную трусость, а во-вторыхъ всю напущенность фальшиваго и неискренняго чувства. Умственная трусость состоитъ въ томъ, что Пушкинъ самъ не смѣетъ смотрѣть прямо и спокойно на ту печальную картину, которую онъ нарисовалъ. Поставивъ своего *несчастнаго друга* въ очень скверное положеніе, Пушкинъ самъ не умѣетъ найти выхода изъ этого положенія и въ тоже время не осмѣливается сознаться передъ собой и передъ читателями въ томъ, что онъ считаетъ это положеніе безвыходнымъ. Тогда онъ на-скоро отыскиваетъ ложный выходъ и выдаетъ его за истинный, хотя самъ онъ, при всей своей колоссальной неразвитости, всетаки не можетъ думать, что рюмка водки или стаканъ шампанскаго дѣйствительно соста-

вляютъ полезное лекарство противъ глубокаго огорченія.

Напущенность и неискренность чувства обнаруживаются именно въ томъ обстоятельствѣ, что Пушкинъ рѣшается поднести *несчастному другу* рюмку водки. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: развѣ вы осмѣлитесь поступить такимъ образомъ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы уважаете, котораго огорченіе вы вполнѣ понимаете и сами глубоко прочувствовали? Не покажется-ли вамъ въ такомъ случаѣ рюмка водки нелѣпой и дерзкой профанаціей того чувства и той личности, съ которыми вы имѣете дѣло? Но для Пушкина *несчастный другъ* есть лицо чисто фантастическое, придуманное только для того, чтобы закончить растянутую пьесу эффектной картиной. Поэтому Пушкинъ на самомъ дѣлѣ нисколько не сочувствуетъ фантастическому горю этого фантастическаго лица. Поэтому Пушкинъ обходится съ *несчастнымъ другомъ* самымъ нахальнымъ образомъ. Ничего, молъ, старый чортъ; хлебнешь малую толику—и всю твою печаль какъ рукой сниметъ. Съ такимъ циническимъ неуваженіемъ, съ такимъ возмутительнымъ легкомысліемъ конечно никогда не отнесутся къ огорченію бѣднаго, одинокаго старика тѣ молодые и свирѣпые орангутанги, отъ которыхъ старикъ будетъ закрываться дрожащею рукою.

Кстати объ орангутангахъ. Изъ разобранныхъ стиховъ Пушкина читатели видятъ ясно, что мысль о необходимомъ разладѣ между различными поколѣніями существовала въ нашемъ обществѣ задолго до появленія реальной критики и базаровскаго типа. Суровая и злобная реальная критика не только не старается усилить этого разлада, а напротивъ того указываетъ единственное вѣрное средство противъ этой общественной болѣзни, которую кроткій и любвеобильный Пушкинъ совѣтуетъ заливать водкой и шампанскимъ. Реальная критика доказываетъ, что любовь къ идеѣ можетъ образовать неразрывную связь между различными поколѣніями. Пушкинъ, напротивъ того, не имѣетъ никакого понятія ни объ идеѣ, ни о связывающей любви. Читатель видитъ такимъ образомъ, что весь теперешній разладъ заготовленъ нашимъ прошедшимъ, и что намъ приходится теперь сводить непріятные и убыточные счеты съ тѣмъ, что̀ выросло и укрѣпилось задолго до нашего появленія на свѣтъ, во время обаятельнаго господства чистаго искусства, гегелевской философіи и тѣхъ историческихъ условій, которыя обнаруживаютъ всегда и вездѣ трогательную солидарность съ этими милыми явленіями умственной жизни.

V.

Пушкинъ неоднократно выражалъ свой взглядъ на призваніе поэта. Поэтъ разговариваетъ съ книгопродавцемъ, потомъ съ чернью, потомъ съ другомъ и во всѣхъ этихъ разговорахъ выказываетъ много самыхъ диковинныхъ штукъ, имѣющихъ претензію быть мыслями. Кромѣ того Пушкинъ не разъ обращается къ поэту со стороны и усматриваетъ въ немъ то орла, то эхо, то жреца. Видно, что Пушкину было очень пріятно позировать передъ зеркаломъ и примѣривать на себѣ разные риторическіе наряды. Такъ какъ эти бесѣды съ поэтомъ и о поэтѣ, то-есть съ собой и о себѣ, составляютъ все-таки самую глубокомысленную часть пушкинской лирики, то я разберу эти бесѣды одну за другой въ хронологическомъ порядкѣ. Въ стихотвореніяхъ 1824 года находится «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ». Книгопродавцу желательно купить у поэта его произведеніе, а поэту по всей вѣроятности желательно взять за это произведеніе какъ можно дороже. Желанія обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ одинаково естественны и законны, и поэту повидимому просто слѣдовало-бы поторговаться съ книгопродавцемъ такъ, какъ торгуются вообще всякіе поэты, прозаики и простые смертные. Но поэту, выведенному Пушкинымъ и составляющему по всей вѣроятности идеалъ Пушкина, хочется сначала поломаться, и поэтому онъ душитъ несчастнаго книгопродавца длиннѣйшими монологами, неимѣющими никакого отношенія ни къ книжной торговлѣ, ни къ цѣнѣ того товара, который поэтъ держитъ въ своемъ портфелѣ. Книгопродавецъ, разумѣется, слушаетъ болтливаго «*любимца Музъ и Грацій*» съ почтительнымъ вниманіемъ и отвѣчаетъ на его монологи приличными комплиментами, потому что предвидитъ отъ его лиры много добра или, проще, надѣется зашибить на его новой поэмѣ порядочный барышъ. Конечно поэтъ прежде всего старается заявить, что ему тяжело и больно продавать свое вдохновеніе. Когда книгопродавецъ говоритъ ему: «стишки любимца Музъ и Грацій мы вамъ рублями замѣнимъ», тогда поэтъ вздыхаетъ и притомъ столь глубоко, что книгопродавецъ изъ вѣжливости принужденъ изъявить свое участіе и освѣдомиться о причинѣ такого вздоха. Поэту только того и нужно было. Придравшись къ вопросу книгопродавца, онъ немедленно приступаетъ къ изготовленію монологовъ:

«Я былъ далеко,
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ...»

Ну, и такъ далѣе; начинаются картины природы, потомъ оказывается, что какой-то демонъ обладалъ его играми и шепталъ ему дивные звуки, что его голова была полна тяжкимъ пламеннымъ недугомъ, что его соперникомъ въ

гармоніи былъ шумъ лѣсовъ и буйный вихрь, и живой напѣвъ иволги; что онъ не унижалъ постыднымъ торгомъ сладостныхъ даровъ музы и не хотѣлъ дѣлиться съ толпою пламеннымъ восторгомъ.

Видя, что поэтъ напираетъ на какую-то постыдность торга, и предчувствуя, съ содроганіемъ сердца, въ этомъ возвышенномъ разговорѣ коварнѣйшій маневръ, направленный къ тому, чтобы набить цѣну, которая очевидно должна будетъ покрыть собою не только трудъ поэта, но еще и *позоръ* торговой сдѣлки,—несчастный книгопродавецъ, не кстати освѣдомившійся о причинѣ вздоха, старается показать своему собесѣднику лицевую сторону медали и заговариваетъ о славѣ, которая, по его мнѣнію, замѣнила поэту «мечтанья тайнаго отрады». Но поэтъ твердо рѣшился ободрать книгопродавца, какъ липку, и поэтому относится къ славѣ очень сурово. «Что слава? спрашиваетъ онъ; шопотъ-ли чтеца? Гоненье-ль низкаго невѣжды? Иль восхищеніе глупца?»

Тутъ поэтъ повидимому самъ признается въ томъ, что только глупецъ можетъ восхищаться его произведеніями. Не будемъ съ нимъ спорить. Книгопродавецъ, изъ чувства самосохраненія, никакъ не хочетъ однако согласиться съ тѣмъ, что слава—звукъ пустой. Онъ напоминаетъ поэту, что «сердце женщинъ славы проситъ: для нихъ пишите».

Поэтъ, продолжая жеманиться и кривляться, увѣряетъ, что ему и до женщинъ нѣтъ никакого дѣла, тѣмъ болѣе, что для него это не диковинка. Тутъ онъ никакъ не можетъ утерпѣть, чтобы не намекнуть книгопродавцу о своихъ побѣдахъ и говоритъ:

«Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.»

Но мнѣ, дескать, это все нипочемъ.

«Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, призракъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.»

Значитъ, не стоитъ съ ними и связываться. Но книгопродавецъ является галантерейнымъ защитникомъ прекраснаго пола, у котораго оказалось такое пакостное воображеніе, и спрашиваетъ:

«Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей
И вашихъ пѣсенъ не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?»

Поэтъ отвѣчаетъ весьма пространно и восторженно, что такая отмѣнно-хорошая барыня, безъ нечистаго воображенія, дѣйствительно существуетъ, но что къ сожалѣнію она его знать не хочетъ. Книгопродавцу въ это время уже до смерти надоѣло выслушивать и почтительно одобрять безтолковые монологи. Поэтому онъ торопится придти къ практическому заключенію и говоритъ:

«Теперь, оставя шумный свѣтъ
И Музъ, и вѣтреную моду,
Что-жъ изберете вы?»

Поэтъ отвѣчаетъ: «Свободу!» Это неожиданное рѣшеніе можетъ показаться читателю черезчуръ храбрымъ и пожалуй даже неисполнимымъ. Но читатель долженъ помнить, что вѣдь эта пушкинская свобода—свобода самая смирная и неприхотливая, и даже незамѣтная въ томъ смыслѣ, что ее можно принять за нѣчто вовсе непохожее на свободу. Пушкинъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ прославляетъ свободу, но это обстоятельство нисколько не должно вредить его репутаціи въ глазахъ солидныхъ и добродѣтельныхъ людей. Книгопродавецъ очень хорошо понимаетъ, о какой свободѣ тутъ идетъ рѣчь, и вслѣдствіе этого очень основательно замѣчаетъ поэту, что

«Въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.»

Вы, дескать, сначала извольте мнѣ продать вашу поэмочку, а потомъ ложитесь на диванъ, задерите ноги кверху и плюйте въ потолокъ, то есть, наслаждайтесь вашей свободой до тѣхъ поръ, пока не истратите всѣхъ полученныхъ денегъ. Поэту повидимому тоже надоѣло кривляться и пустословить. Онъ отвѣчаетъ книгопродавцу прозой: «Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.»—Тѣмъ и оканчивается вся пьеса.

Не знаю, стоитъ-ли эта пьеса выше или ниже критики, но знаю навѣрное, что она стоитъ внѣ критики, потому что въ ней нѣтъ рѣшительно ни одной мысли, — ни такой, противъ которой можно было-бы спорить,—ни такой, съ которой можно было бы согласиться. Во всемъ разговорѣ нѣтъ ничего, кромѣ непроходимаго пустословія, и все это пустословіе выставляетъ поэта въ самомъ мизерномъ видѣ. Онъ оказывается похожимъ на старую кокетку, которой до смерти хочется согрѣшить, но которая при этомъ непремѣнно желаетъ, чтобы ее вовлекли въ грѣхъ почти насильно. Если Пушкинъ самъ смотрѣлъ на своего поэта съ уваженіемъ, и если онъ хотѣлъ внушить это чувство своимъ читателямъ, то мнѣ остается только подивиться какъ проницательности Пушкина, такъ и его искусству. Если-же Пушкинъ хотѣлъ дѣйствительно написать сатиру на поэтовъ, то можно замѣтить, что эта сатира длинна, скучна и страдаетъ полнымъ отсутствіемъ остроумія.

Въ 1827 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе: «Поэтъ». Вотъ оно:

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта

Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожней онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...»

Хотя Бѣлинскій и превозноситъ Пушкина за то, что Пушкинъ замѣнилъ *фіалы пивными кружками*, однако нельзя не замѣтить, что нашъ поэтъ до самаго конца своей жизни не отдѣлался вполнѣ отъ стараго и совершенно безсмысленнаго миѳологическаго языка. Этотъ языкъ невыносимъ для тѣхъ писателей, которые чувствуютъ въ себѣ потребность высказывать обществу какія-нибудь опредѣленныя и ясно-сознанныя мысли. Но для тѣхъ писателей, которые, подобно пушкинскому поэту, полны не мыслей, а только *звуковъ и смятенья*, миѳологическій языкъ составляетъ незамѣнимое сокровище, потому что разные Аполлоны, Музы, Граціи, Киприды, Парки даютъ такимъ писателямъ, кромѣ богатаго запаса подставныхъ риѳмъ, полную возможность не высказывать въ своихъ стихахъ ровно ничего, притворяясь въ то-же время, будто они высказываютъ чрезвычайно много. Въ стихотвореніи «Поэтъ» миѳологическій языкъ оказалъ Пушкину драгоцѣнную услугу. Попробуйте выгнать изъ этого стихотворенія Аполлона, и все стихотвореніе окажется несуществующимъ, потому что тогда немедленно откроется вся его безсмысленность. Въ этомъ стихотвореніи поэтъ приведенъ въ зависимость отъ какой-то верховной, таинственной власти, неимѣющей никакихъ необходимыхъ отношеній къ интересамъ и волненіямъ живыхъ людей. Аполлонъ призываетъ поэта къ священной жертвѣ, божественный глаголъ касается до чуткаго слуха — это конечно только поэтическіе образы или, вѣрнѣе, аллегорическіе обороты рѣчи, но именно только эти аллегорическіе обороты могутъ до нѣкоторой степени заслонить, какъ отъ самого автора, такъ и отъ читателя, совершенную несостоятельность основного мотива. Называя Аполлономъ ту силу, которая побуждаетъ поэта творить, Пушкинъ, однимъ этимъ риторическимъ маневромъ, приписываетъ этой силѣ совершенно самостоятельное существованіе. По теоріи Пушкина поэтъ творитъ не тогда, когда онъ взволнованъ такъ или иначе, впечатлѣніями, воспринятыми изъ окружающей жизни, то есть изъ сношеній съ людьми, изъ созерцанія природы или изъ чтенія книгъ, а тогда, когда на него, безъ всякой посторонней и видимой причины, находитъ какое-то особенное, священное бѣшенство, во время котораго онъ бѣгаетъ по берегамъ пустынныхъ волнъ и по широкошумнымъ дубровамъ. Вся теорія, очень любезная многимъ поэтамъ и превращающая поэта въ совершенно исключительное существо, непохожее па обыкновенныхъ людей, выразилась чрезвычайно ярко въ той фикціи, что Аполлонъ требуетъ поэта къ священной жертвѣ. Эта фикція оказывается непереводимой на обыкновенный человѣческій языкъ, потому что въ дѣйствительной жизни нѣтъ такого процесса, который соотвѣтствовалъ-бы призыванію поэта къ священной жертвѣ. Уничтожая Аполлона, то есть обособленіе и олицетвореніе вдохновляющей силы, вы уничтожаете не только внѣшнюю форму, но также и все внутреннее содержаніе пушкинской пьесы.

Въ дѣйствительности, вся поэтическая дѣятельность всякаго поэта зависитъ безусловно, во-первыхъ, отъ его организма, то есть отъ склада его ума и характера, а во-вторыхъ, — отъ того общества, въ которомъ онъ живетъ. Стало быть, въ дѣйствительности между личностью поэта и его дѣятельностью никогда не бываетъ и не можетъ быть того рѣзкаго противорѣчія, которое такъ эффектно воспѣваетъ Пушкинъ. Если самъ поэтъ ничтоженъ и если онъ живетъ среди ничтожныхъ дѣтей міра, то и произведенія его окажутся вполнѣ ничтожными. Въ дѣйствительности роль *божественнаго глагола* могутъ играть, въ отношеніи къ поэту, только впечатлѣнія окружающей жизни. Но этотъ *божественный глаголъ* не умолкаетъ ни на одну минуту; жизнь постоянно волнуетъ, такъ или иначе, умъ и чувство того человѣка, который способенъ вглядываться въ ея явленія и понимать ея выразительный, но не для всѣхъ одинаково доступный языкъ. Стало быть, если человѣкъ обладаетъ *чуткимъ слухомъ* и если душа этого человѣка способна *встрепенуться, какъ пробудившійся орелъ*, заслышавъ *божественный глаголъ* жизни, то этому человѣку некогда будетъ *малодушно погружаться въ заботы суетнаго свѣта* и этой душѣ некогда будетъ *вкушать хладный сонъ*. Душа, способная слышать и понимать *божественный глаголъ* жизни, будетъ слушать его постоянно и слѣдовательно будетъ постоянно находиться въ страстно напряженномъ положеніи бодрствующаго орла.

На это можно возразить, что человѣческіе нервы не выносятъ постояннаго напряженія. Это справедливо. Поэтъ, какъ и всякій другой человѣкъ, нуждается въ отдыхѣ, но отдыхъ, то есть полоса бездѣйствія, необходимая для возстановленія потраченныхъ силъ, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ *малодушнымъ погруженіемъ въ суетныя заботы свѣта*. Это

малодушное погруженіе для каждаго умнаго и замѣчательнаго человѣка бываетъ обыкновенно гораздо изнурительнѣе, чѣмъ самый напряженный процессъ творчества. Во время отдыха поэтъ, изслѣдователь или какой-нибудь другой общественный дѣятель откладываютъ въ сторону трудъ, но они все-таки постоянно остаются на той высотѣ умственнаго развитія, на которую они съумѣли поставить себя всѣмъ процессомъ своей трудовой жизни. Если поэтъ искренно презираетъ дряблость и мелочность того общества, среди котораго ему приходится жить, то это презрѣніе будетъ оставаться въ его душѣ даже и тогда, когда оно не будетъ служить ему тэмою и канвою для стихотвореній или для романовъ. Если изслѣдователь съумѣлъ отдѣлаться посредствомъ своихъ научныхъ занятій отъ различныхъ предразсудковъ, то онъ не подчинится этимъ предразсудкамъ въ то время, когда будетъ отдыхать отъ своихъ работъ. Если членъ парламента глубоко проникнутъ извѣстными политическими стремленіями, то онъ не откажется отъ этихъ стремленій тогда, когда превратится на нѣсколько недѣль въ беззаботнаго туриста или въ скромнаго сельскаго джентльмэна. Спящій атлетъ все-таки остается атлетомъ, то-есть не превращается въ плюгаваго и безсильнаго карлика, хотя, разумѣется, онъ не можетъ совершать во время сна никакихъ подвиговъ силы, ловкости и мужества.

Бываютъ конечно минуты, когда *божественный глаголъ* жизни раздается особенно громко, такъ что становится вразумительнымъ даже для тѣхъ мелкихъ, легкомысленныхъ или тупоумныхъ людей, которые не замѣчаютъ или не понимаютъ его въ обыкновенное время. Въ жизни человѣческихъ обществъ бываютъ такія торжественныя или критическія минуты, когда все общество, сверху до низу, чувствуетъ необходимость сосредоточить всѣ свои силы для ожесточенной борьбы съ внѣшними или съ внутренними врагами. Въ такія минуты появляются обыкновенно цѣлыя тучи поэтовъ, порожденныхъ тревожнымъ настроеніемъ общества. Въ 1854 году такіе скороспѣлые поэты сулили всевозможныя бѣдствія французамъ, англичанамъ и туркамъ. Въ 1858 году такіе-же точно поэты стыдили насъ тѣмъ, что мы очень долго спали, и увѣряли насъ честью, что теперь мы проснулись. Нѣтъ сомнѣнія, что и крымская война, и всѣ послѣдовавшія за нею преобразованія составляютъ очень знаменательную эпоху въ исторической жизни нашего общества; но нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ поэты, ругавшіе лорда Пальмерстона и толковавшіе о нашемъ возрожденіи, не произвели ровно ничего, кромѣ утомительнаго жужжанія. *Божественный глаголъ* жизни дошелъ до нихъ тогда, когда его уже услышали и почувствовали всѣ классы русскаго общества. Поэты не сдѣлали ровно ничего для разъясненія тѣхъ событій, которыми было поражено вниманіе общества; впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ поэты наигрывали только различныя варіаціи на тѣ тэмы, которыя были даны имъ настоящими руководителями общественнаго сознанія.

Значитъ, хотя души мелкихъ людишекъ, вообразившихъ себя поэтами, дѣйствительно встрепенулись отъ громкихъ нотъ *божественнаго глагола*, однако эти души оказались все-таки не *пробудившимися орлами*, а только безсильными и пискливыми трясогузками. И эта участь всегда и вездѣ постигаетъ тѣхъ людей, которые стремятся быть поэтами, не умѣя и не желая предварительно сдѣлаться мыслящими людьми и честными гражданами. Такіе господа, разумѣется, готовы превознести до небесъ то стихотвореніе Пушкина, которое я разбираю въ настоящую минуту. Блестящія фигуры и фразы этого стихотворенія предоставляютъ каждому риѳмоплету полнѣйшее право быть пошлымъ дуракомъ и отъявленнымъ негодяемъ; эти фигуры и фразы даютъ ему даже драгоцѣнную возможность рисоваться своей глупостью и своимъ негодяйствомъ. — Другъ любезный, спрашиваете вы у такого господина, зачѣмъ ты баклуши бьешь?—Затѣмъ, mon cher, отвѣчаетъ онъ вамъ съ благородной гордостью, что Аполлонъ не требуетъ меня къ священной жертвѣ.— А когда-жъ онъ тебя потребуетъ?—А я почемъ знаю! Поди спроси у Аполлона.—А зачѣмъ ты пьянствуешь?—Затѣмъ, что душа моя вкушаетъ хладный сонъ. — А взятки зачѣмъ берешь?—Затѣмъ, что я малодушно погруженъ въ заботы суетнаго свѣта.—А зачѣмъ ты своего вице-директора въ плечико цѣлуешь?—Затѣмъ, что я быть-можетъ ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра.—Да вѣдь все это, братецъ ты мой, очень скверно. —Нисколько не скверно. Все это доказываетъ только, что я— самый настоящій поэтъ, что душа моя встрепенется, какъ пробудившійся орелъ, что у меня зазвенитъ въ ушахъ, и что я убѣгу отъ моего вице-директора въ широкошумныя дубровы.— Скатертью тебѣ дорога, любезный другъ!

VI.

Въ 1828 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Чернь», въ которомъ, по словамъ Бѣлинскаго, заключается его «художническое profession de foi». Выдержками изъ этого стихотворенія любители чистаго искусства обыкновенно подкрѣпляютъ свои умозрѣнія. Я приведу это стихотвореніе вполнѣ, потому что въ немъ каждое слово есть драгоцѣнный перлъ для безпристрастной оцѣнки Пушкина.

«Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ, а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный,
Ему безсмысленно внималъ.»

Лира и *пѣніе* составляютъ также обломки того стараго миѳологическаго балласта, съ которымъ никакъ не можетъ разстаться Пушкинъ. Превращая поэта въ *жреца Аполлона*, давая ему въ руки *вдохновенную лиру*, заставляя его *пѣть*, Пушкинъ этими ветхими побрякушками глубоко искажаетъ не только внѣшній видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внутренній смыслъ того явленія, которое въ наше время называется поэзіей. Современный поэтъ—не *пѣвецъ*, а *писатель* и продавецъ исписанной бумаги. Современная публика—не *слушатели*, а *читатели* и покупщики печатной бумаги. Между поэтомъ и публикой являются посредницами цѣлыя обширныя отрасли промышленности. Произведеніе поэта проходитъ черезъ типографію, черезъ мастерскую переплетчика, черезъ книжную лавку и, въ случаѣ успѣха, распространяется по цѣлой обширной странѣ, иногда даже по всему образованному міру. Когда слово поэта было пѣснью, которая безслѣдно улетала въ воздухѣ или запоминалась только немногими восторженными слушателями, тогда поэтъ имѣлъ полное право бряцать по лирѣ разсѣянной рукой, особенно если у него было нѣсколько десятковъ рабовъ, одаренныхъ менѣе разсѣянными руками и употреблявшихъ эти руки не на бряцаніе, а на паханіе и засѣваніе земли. Но когда слово поэта, пройдя черезъ печатный станокъ, пріобрѣтаетъ себѣ способность дѣйствовать на сотни тысячъ людей и управлять умственнымъ развитіемъ цѣлыхъ поколѣній, когда поэтъ призываетъ къ себѣ на помощь десятки рабочихъ рукъ, которыя набираютъ, оттискиваютъ, корректируютъ, брошюруютъ, перевозятъ и распродаютъ его произведенія, когда онъ наконецъ беретъ себѣ деньги съ своихъ читателей и обожателей,—тогда *разсѣянное* бряцаніе становится уже дѣломъ въ высшей степени неприличнымъ. Живя въ такомъ обществѣ, которое отрицаетъ рабство и слѣдовательно, по всѣмъ правиламъ здоровой логики, принуждено относиться серьезно и благоразумно къ человѣческому труду, поэтъ постоянно долженъ отдавать себѣ самый строгій отчетъ въ томъ, зачѣмъ онъ посягаетъ на трудъ наборщиковъ, печатниковъ, корректоровъ, переплетчиковъ, разносчиковъ; зачѣмъ онъ посягаетъ на деньги и на время своихъ читателей, то есть также на трудъ этихъ читателей или какихъ-нибудь другихъ людей, находящихся отъ нихъ въ экономической зависимости, и наконецъ, зачѣмъ онъ самъ тратитъ свое время и свой трудъ, которые могъ-бы употребить на какое-нибудь дѣло, выгодное для него самого и полезное для общества?

Удовлетворительный отвѣтъ на всѣ эти неизбѣжные и неотразимые вопросы должно давать содержаніе и направленіе той пѣсни, которую поэтъ поетъ для толпы, или, проще и точнѣе, того произведенія, которое онъ пишетъ для своихъ читателей и продаетъ своему издателю. На самомъ дѣлѣ *разсѣянное бряцаніе* или, другими словами, безсознательное творчество въ настоящее время не только неприлично, но даже совершенно невозможно. Тѣ самые поэты, которые горячо защищаютъ *разсѣянное бряцаніе* въ теоріи, на практикѣ оказываются вовсе не разсѣянными бряцателями, а, напротивъ того, очень тщательными и усидчивыми шлифовальщиками сценъ, картинъ, подробностей, языка и стиха. Усерднѣйшій адвокатъ *разсѣяннаго бряцанія*, Пушкинъ жестоко черкалъ и перемарывалъ свои рукописи, что уже нисколько непохоже ни на разсѣянное бряцаніе, ни на безсознательное творчество. Еслибы Пушкину вздумалось подражать на практикѣ тому поэту, который «по лирѣ вдохновенной рукой разсѣянной бряцалъ», то мы въ настоящую минуту конечно не имѣли-бы никакого понятія о томъ, что жилъ на свѣтѣ нѣкій Пушкинъ, о чемъ-то разсѣянно бряцавшій. Продукты разсѣяннаго бряцанія, небрежно написанные, вялые, блѣдные и неблагозвучные стихи, не нашли-бы себѣ ни издателей, ни покупателей, ни читателей, ни обожателей, ни подражателей. Имя Пушкина кануло-бы въ вѣчность вмѣстѣ съ его разсѣяннымъ бряцаніемъ. Чувство самосохраненія заставляетъ такимъ образомъ поэтовъ откладывать въ сторону горделивую разсѣянность, когда они приступаютъ къ той сторонѣ своего труда, которая затрогиваетъ особенно близко ихъ собственные интересы. Они знаютъ, что публику надо приманивать красотою и яркостью внѣшней формы; они знаютъ, что безъ этой приманки имъ не добыть себѣ ни денегъ, ни извѣстности; поэтому они и трудятся надъ внѣшней формой безъ малѣйшей разсѣянности, какъ простые чернорабочіе. Но тщательно выгораживая такимъ образомъ свои собственныя выгоды, тщательно обезпечивая за собою, посредствомъ самаго напряженнаго труда вѣрный и прибыльный сбытъ своихъ произведеній, поэты пушкинскаго закала напускаютъ на себя неизлечимую разсѣянность, какъ только заходитъ рѣчь о выгодахъ тѣхъ людей, которые покупаютъ и читаютъ ихъ произведенія. Передъ самимъ собою поэтъ совершенно правъ. На вопросъ: «зачѣмъ вы тратите трудъ и время?»—онъ можетъ отвѣчать преспокойно: «затѣмъ, чтобы пріобрѣсти деньги и извѣстность». — Резонъ совершенно достаточный. Деньги и извѣстность—такія хорошія вещи, за которыми гоняются безъ отдыха всѣ люди, не совсѣмъ задавленные нуждою, имѣющіе воз-

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

можность думать о чемъ-нибудь, кромѣ чорстваго куска насущнаго хлѣба. Но о томъ, чтобы оказаться правымъ передъ другими людьми, поэтъ, по своей милой *разсѣянности*, совершенно не умѣетъ и не желаетъ думать. На вопросъ: «зачѣмъ вы предлагаете вашимъ соотечественникамъ такое чтеніе, которое не дастъ имъ ни новыхъ идей, ни фактическихъ знаній?»—поэтъ отвѣтитъ вамъ: «а мнѣ какое дѣло? Chacun chez soi, chacun pour soi! Я ихъ не заставляю покупать мои произведенія».—Спросите у купца толкучаго рынка: «зачѣмъ вы, мой почтенный, торговлю ведете?»—Онъ вамъ отвѣтитъ: «затѣмъ, чтобы капиталы свои приумножить.»—Спросите у него далѣе: «а зачѣмъ вы' мой почтенный, продаете такой товаръ, который никуда не годится?»—Онъ вамъ отвѣтитъ: «стало быть, годится-съ, когда покупаютъ. Наше дѣло продать-съ, а ихъ дѣло смотрѣть-съ. На то имъ отъ Бога глаза даны-съ, и насильно-съ мы никому товара нашего не всучиваемъ.»

Сходство между общественной дѣятельностью *разсѣяннаго* поэта и торговыми операціями искуснаго щукинскаго негоціанта окажется полное и поразительное, особенно если мы припомнимъ, что просвѣщенный нашъ негоціантъ очень сильно заботится о внѣшней благовидности того товара, котораго онъ никому не всучиваетъ насильно, подобно тому, какъ вдохновенный бряцатель очень сильно трудится надъ внѣшней отдѣлкой тѣхъ произведеній, которыхъ онъ также никому не навязываетъ насильно.

Пушкинъ говоритъ, что поэту *безсмысленно* внималъ *хладный* и *надменный* народъ. Всѣ три ругательные эпитета, которыми охарактеризованъ народъ, не только сами по себѣ нелѣпы, но даже совершенно противорѣчатъ тѣмъ чертамъ, которыми самъ-же Пушкинъ обрисовываетъ народъ въ томъ-же стихотвореніи. Что народъ слушаетъ *не безсмысленно*, это видно изъ того, что онъ высказываетъ о пѣснѣ поэта очень вѣрныя замѣчанія, противъ которыхъ поэтъ не находитъ никакихъ аргументовъ, кромѣ энергическихъ ругательствъ и ничтожныхъ насмѣшекъ, желающихъ быть язвительными. Что народъ не можетъ быть названъ *хладнымъ*,—видно изъ того, что онъ поддается вліянію даже той пѣсни, которой безцѣльность онъ самъ замѣчаетъ и осуждаетъ. Народъ говоритъ о поэтѣ: «зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ, какъ своенравный чародѣй?». Если народъ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ волненія и мученія въ такой сильной степени, что даже уподобляетъ поэта своенравному чародѣю, то гдѣже та *хладность*, въ которой упрекаетъ его Пушкинъ?—Что народъ не можетъ быть названъ *надменнымъ*,—видно изъ того, что этотъ народъ смиренно кается передъ поэтомъ въ своихъ грѣхахъ, проситъ поэта быть его руководителемъ и обѣщаетъ терпѣливо и внимательно выслушивать его рѣзкія наставленія. А *надменнымъ* оказывается, напротивъ того, поэтъ, который на эту смиренную просьбу народа отвѣчаетъ: «убирайтесь къ чорту!» *Хладнымъ* оказывается также поэтъ, котораго не трогаютъ ни пороки ближнихъ, ни ихъ раскаяніе, ни ихъ желаніе исправиться. *Безсмысленнымъ* оказывается опять-таки тотъ-же поэтъ, который, какъ мы увидимъ дальше, совѣтуетъ народу врачевать душевные недуги *бичами, темницами и топорами*. Если можно въ чемъ нибудь упрекнуть *непосвященный* народъ, то развѣ только въ томъ, что онъ, по свойственной всякому народу наклонности ротозѣйничать и кланяться въ поясъ, остановился слушать пѣніе такого отъявленнаго кретина, а потомъ у этого-же безнадежнаго кретина вздумалъ выпрашивать себѣ разумныхъ совѣтовъ.

VII.

«И толковала чернь тупая (это уже четвертое ругательное слово, измышленное любвеобильнымъ Пушкинымъ для посрамленія непосвященнаго народа): «зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ? Напрасно ухо поражая, къ какой онъ цѣли насъ ведетъ? (Поэзія сама себѣ цѣль, т. е., когда творенія поэта раскуплены, тогда высшая и послѣдняя цѣль достигнута.) О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ? Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ, какъ своенравный чародѣй? Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна, за то, какъ вѣтеръ, и безплодна: какая польза намъ отъ ней?»

Приписывая *тупой черни* эти слова, Пушкинъ очевидно желаетъ выразить ими то, что непосвященный народъ, несмотря на всю грубость своихъ чувствъ, несмотря на силу своихъ анти-эстетическихъ предубѣжденій, невольно и даже неохотно, но все-таки подчиняется неодолимому и волшебному обаянію поэтической пѣсни. Несмотря на свои недоброжелательныя отношенія къ чистому искусству, народъ сознается, что поэтъ *поетъ звучно* и что онъ даже *волнуетъ и мучитъ сердца, какъ своенравный чародѣй*.

Заставляя чернь произносить эти послѣднія слова, Пушкинъ черезчуръ увлекся своимъ желаніемъ превознести волшебную силу поэзіи. Спрашивается: можетъ-ли дѣйствительно волновать и мучить сердца такой поэтъ, который ничему не учитъ своихъ читателей, не ведетъ ихъ ни къ какой опредѣленной цѣли и не приноситъ имъ никакой пользы? О чемъ пѣлъ или, какъ выражается *тупая чернь*, бренчалъ поэтъ,—этого мы не знаемъ, потому что Пушкинъ къ сожалѣнію не сообщаетъ намъ его пѣсни. Еслибы онъ пѣлъ о правахъ и обязанностяхъ человѣка, о стремленіи къ свѣтлому будущему, о недостаткахъ современной дѣйствительности, о борьбѣ человѣческаго разума съ

вѣковыми заблужденіями, о сознательной любви къ отечеству и къ человѣчеству, о значеніи того или другого историческаго переворота,—то, разумѣется, его пѣніе волновало и мучило-бы сердца, но въ то-же время самый тупой, самый хладный, надменный и безсмысленный народъ не могъ-бы упрекнуть это пѣніе въ томъ, что оно ничему не учитъ, не ведетъ ни къ какой цѣли и не приноситъ никакой пользы. Еслибы оно пробуждало или усиливало въ нихъ любовь къ истинѣ, ненависть къ обману и къ эксплуатаціи, презрѣніе къ двоедушію и къ тупоумію, то народу оставалось-бы только слушать и благодарить, а поэту не было-бы ни малѣйшаго основанія ссориться съ *тупою чернью*, зараженной грубыми утилитарными предразсудками.

Чтобы объяснить себѣ размолвку, происшедшую между пѣвцомъ и его слушателями, надо предположить, что поэтъ пѣлъ о красотѣ лѣтняго утра или о томъ, что какой-нибудь *онъ* очень сильно любилъ и крѣпко цѣловалъ какую-нибудь *ее*. Воспѣваніе лѣтняго утра не могло волновать и мучить сердца, потому что подобныя воспѣванія играютъ въ поэзіи такую же скромную и невинную роль, какую играютъ въ общежитіи поучительныя бесѣды о прекрасной погодѣ. Воспѣваніе любви и поцѣлуевъ можетъ конечно волновать и мучить, но для большей точности надо было-бы сказать, что это воспѣваніе волнуетъ и мучитъ не сердца, а чувственность. Эротическія пѣсни находятъ себѣ обыкновенно многочисленныхъ и усердныхъ слушателей; если-же эротическая пѣсня пушкинскаго поэта казалась народу *безплодною*, и если онъ вмѣсто нея требовалъ себѣ такого пѣнія, которое вело-бы его къ извѣстной цѣли и приносило-бы ему осязательную пользу, если онъ не довольствовался тѣмъ, что̀ *волновало* его чувственность, то надо сознаться, что поэтъ имѣлъ дѣло съ такой *чернью*, которая стояла на необыкновенно высокой степени умственнаго развитія и отличалась замѣчательно-серьезнымъ и разумнымъ взглядомъ на жизнь.

Мнѣ могутъ возразить, что пѣснь пушкинскаго поэта не была эротической пѣснью, и что слѣдовательно неудовольствіе черни противъ этой пѣсни не доказываетъ еще, чтобы эта чернь относилась презрительно и насмѣшливо къ пріятному щекотанію чувственности. Но въ такомъ случаѣ я спрошу: какую-же пѣснь могъ пѣть поэтъ? Потрудитесь найдти, кромѣ эротической пѣсни, какую-нибудь пѣснь, которая могла-бы волновать и мучить сердце, не удовлетворяя въ то-же время всѣмъ требованіямъ утилитарнаго взгляда на жизнь. *Тупая чернь* очевидно требуетъ отъ поэта плодотворныхъ мыслей; а поэтъ, неспособный мыслить, даетъ ей яркое описаніе мелкихъ ощущеній, которыя всякому извѣстны, всякому понятны и пріятны въ дѣйствительной жизни, но въ пѣснѣ интересны только для шаловливыхъ отроковъ или для безсильно-сластолюбивыхъ стариковъ. Чернь не удовлетворяется соблазнительными картинками, и это обстоятельство конечно дѣлаетъ честь ея здоровымъ умственнымъ способностямъ. Приписавши черни слова о томъ, что пѣснь поэта волнуетъ и мучитъ сердца, Пушкинъ, совершенно неожиданно для самого себя, затронулъ вопросъ: можетъ-ли безполезная поэзія сильно дѣйствовать на человѣка? Я разсмотрѣлъ теперь этотъ вопросъ и пришелъ къ тому заключенію, что безполезная поэзія всегда бываетъ въ то-же время безсильной поэзіей, т. е. она или не производитъ совсѣмъ никакого впечатлѣнія, или дѣйствуетъ самымъ поверхностнымъ образомъ только на тѣхъ умственно-недозрѣлыхъ субъектовъ, которые способны упиваться балетными позами. — Услышавъ разсужденія черни, кретинъ, произведенный Пушкинымъ въ поэты, начинаетъ ругаться:

«Молчи, безсмысленный народъ, поденщикъ, рабъ нужды, заботъ! (*поденщикъ*, по мнѣнію кретина,—бранное слово. Попрекать человѣка тѣмъ, что онъ бѣденъ и трудится, значитъ, по мнѣнію того-же кретина, обнаруживать благородство чувствъ и возвышенность помысловъ.) Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій. Ты—червь земли, не сынъ небесъ! (Дѣтьми небесъ оказываются, во-первыхъ, *разспьянные* поэты, а во-вторыхъ, тѣ искусные негоціанты толкучаго рынка, которые, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, обходятся съ публикой столь-же *разспьянно*, какъ самые ревностные жрецы чистаго искусства.) Тебѣ-бы пользы все («ишь чего захотѣлъ! Тебѣ бы все хорошаго товару!» думаетъ про себя искусный негоціантъ)—на вѣсъ кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій. Ты пользы, пользы въ немъ не зришь. Но мраморъ сей вѣдь—богъ!... («Себѣ дороже-съ! Самой настоящей англійской доброты!» распинается негоціантъ за такую гниль, которая нейдетъ у него съ рукъ.) Такъ что-же? Печной горшокъ тебѣ дороже: ты пищу въ немъ себѣ варишь».

Ну, а ты, возвышенный кретинъ, ты—сынъ небесъ, ты въ чемъ варишь себѣ пищу, въ горшкѣ или въ Бельведерскомъ кумирѣ? Или можетъ-быть ты питаешься такой амброзіей, которая ни въ чемъ не варится, а присылается къ тебѣ въ готовомъ видѣ изъ твоей небесной родины? Или можетъ-быть ты скажешь, что совсѣмъ не твое дѣло разсуждать о пищѣ, и отошлешь насъ за справками къ твоему повару, т. е. къ одному изъ *червей земли*, къ одному изъ тѣхъ жалкихъ *рабовъ нужды*, которые цѣнятъ на вѣсъ твоего мраморнаго бога?—Поваръ твой, о кретинъ, скажетъ намъ навѣрное, что твоя пища варится въ горшкахъ и въ кастрюляхъ, а не въ кумирахъ, и скажетъ намъ кромѣ того, въ какую цѣну обходится тебѣ твой обѣдъ. Тогда мы узнаемъ, что ты съѣ-

даешь въ одинъ день такую массу человѣческаго труда, которая можетъ прокормить *раба нужды* съ женою и съ дѣтьми втеченіи цѣлаго мѣсяца. Тогда, поговоривши съ твоимъ поваромъ, мы увидимъ ясно, въ чемъ состоитъ несомнѣнное превосходство *дѣтей неба* надъ *червями земли*. *Червъ земли* живетъ впроголодь, а *сынъ неба* пріобрѣтаетъ себѣ надежный слой жира, который даетъ ему полную возможность создать себѣ мраморныхъ боговъ и беззастѣнчиво плевать въ печные горшки неимущихъ соотечественниковъ.

«Онъ ничего не отрицаетъ,—говоритъ Бѣлинскій о Пушкинѣ,—ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ»... «Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической — внутренняя красота и лелѣющая душу гуманность»... «Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина»... «Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ.»

Всѣ эти сладкія слова Бѣлинскаго превращаются въ жесточайшую иронію, когда вы ставите ихъ рядомъ съ словами самого Пушкина, взятыми изъ того стихотворенія, которое самъ-же Бѣлинскій считаетъ его «поэтическимъ profession de foi». *Онъ ничего не отрицаетъ и не проклинаетъ* — кромѣ всего трудящагося человѣчества. *Онъ смотритъ съ любовью и благословеніемъ на все*—то есть на весь петербургскій beau monde и даже на всѣхъ людей comme il faut, живущихъ въ Москвѣ и въ провинціи. *Общій колоритъ поэзіи Пушкина— внутренняя красота человѣка*... проводящаго свою жизнь въ благородной праздности и посвящающаго свои досуги пищеваренію и созерцанію мраморныхъ боговъ,—и *лелѣющая душу гуманность* въ отношеніи къ дѣтямъ небесъ, которыя презираютъ и топчутъ въ грязь червей земли. *Есть всегда что-то особенно благородное* (*о да!*), *кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное* въ томъ презрѣніи, съ которымъ Пушкинъ кричитъ на *безсмысленный народъ*, бросая ему въ лицо, какъ сильныя ругательства, святыя слова: *поденщикъ и рабъ нужды*. *Никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не стяжалъ себѣ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ и юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ Пушкинъ*, потому что никто, рѣшительно никто изъ русскихъ поэтовъ не можетъ внушить своимъ читателямъ такого безпредѣльнаго равнодушія къ народнымъ страданіямъ, такого глубокаго презрѣнія къ честной бѣдности и такого систематическаго отвращенія къ полезному труду, какъ Пушкинъ.

Не для того я произвелъ это убійственное сопоставленіе, чтобы глумиться надъ священной памятью нашего великаго учителя Бѣлинскаго, а для того, чтобы показать читателямъ, до какой степени опасны и губительны бываютъ эстетическія увлеченія даже для самыхъ сильныхъ и замѣчательныхъ умовъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ *какого* воспитателя рекомендуетъ Бѣлинскій всей читающей Россіи! Хороши-бы мы были, еслибы мы принимали каждое слово Бѣлинскаго за изреченіе оракула!—На ругательства *сына небесъ черви земли* отвѣчаютъ слѣдующей смиренной просьбой:

«Нѣтъ, если ты небесъ—избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ—хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.»

Бываютъ-ли въ дѣйствительной жизни какія-нибудь явленія, соотвѣтствующія до нѣкоторой степени этому обращенію черни къ поэту?— Бываютъ, и одно изъ такихъ явленій совершилось на глазахъ тѣхъ русскихъ людей, которые живы и здоровы до настоящей минуты. Мы всѣ помнимъ очень живо тотъ паѳосъ самообличенія и публичнаго покаянія, который овладѣлъ нашимъ обществомъ послѣ окончанія крымской войны и который къ сожалѣнію по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ снова замѣнился для большинства соннымъ и тупымъ самодовольствомъ катковской школы. «Въ тѣ дни, когда намъ были новы» всѣ невинныя проявленія нашей робкой и скромной полугласности, въ тѣ веселые и счастливые дни для нашего общества не существовало никакой беллетристики, кромѣ обличительной. На вниманіе публики могли разсчитывать только тѣ писатели, которые обнаружили въ своихъ произведеніяхъ искреннее или неискреннее, но во всякомъ случаѣ громкое негодованіе противъ различныхъ общественныхъ золъ, подлежащихъ вѣдѣнію нашей тогдашней полу-гласности. Даже катковская школа, всегда питавшая наклонность къ сладостному оптимизму, не въ силахъ была сопротивляться требованіямъ читающей публики; громадный и быстрый успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» положилъ, какъ извѣстно, самое прочное основаніе могуществу «Русскаго Вѣстника». Итакъ, *тупая чернь* требовала въ то время отъ своихъ поэтовъ, чтобы они, «любя ближняго», давали ей «смѣлые уроки» и постоянно держали

передъ ея глазами длинный списокъ ея глупостей и подлостей. А что-же дѣлали въ то время поэты? Чтó дѣлали самые ревностные жрецы чистаго искусства?—О! какъ только *тупая чернь* ясно сформулировала свои требованія, какъ только обнаружился сильный запросъ на обличительный товаръ, на прогрессивныя стремленія и на гражданскія чувства,—такъ тотчасъ самые эѳирные мотыльки нашего поэтическаго вертограда, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали прикладывать къ дѣлу русскую поговорку: «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней». Всѣ оказались раболѣпными угодниками *тупой черни*, всѣ начали усердно поддѣлываться подъ господствующій тонъ, всѣ почувствовали неодолимую потребность заявить въ стихахъ и въ прозѣ, что они тоже любятъ отечество, что они тоже тяготятся застоемъ мысли и жизни, что они тоже печалятся о бѣдности русскаго мужика и что они вообще—не послѣдняя спица въ колесницѣ русскаго прогресса. Словомъ, *тупая чернь* сдѣлала знакъ своимъ поэтамъ, и поэты, какъ расторопные слуги, со всѣхъ ногъ кинулись исполнять приказанія своего властелина, то есть той самой *тупой черни*, съ которой такъ кавалерственно обращается неправдоподобный поэтъ, придуманный Пушкинымъ. И никому изъ жрецовъ чистаго искусства не пришло въ голову крикнуть печатно: «молчи, безсмысленный народъ!» Ни у кого не хватило храбрости открыто и рѣшительно пойдти противъ теченія. Всякій, кто только могъ двумя-тремя дешевыми гражданственными фразами заработать себѣ два-три взрыва столь-же дешевыхъ рукоплесканій, никакъ не рѣшался отказать своему мелкому тщеславію въ этомъ копѣечномъ удовлетвореніи. Въ потѣ лица своего склеивалъ жрецъ чистаго искусства какую-нибудь неуклюжую и блѣдную поддѣлку подъ некрасовскій тонъ и потомъ млѣлъ и сіялъ отъ удовольствія, когда неприхотливые слушатели встрѣчали и провожали его рукоплесканіями на публичномъ чтеніи.

Стало быть, еслибы когда-нибудь *тупая чернь* обратилась прямо къ извѣстному лицу, требуя себѣ отъ него смѣлыхъ уроковъ во имя любви къ ближнему, еслибы общественное мнѣніе цѣлой страны съ любовью и съ надеждой остановилось на имени извѣстнаго поэта и провозгласило этого поэта учителемъ и руководителемъ общества и народа, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что любимецъ Музъ и Грацій, не слыша подъ собою ногъ, кинулся-бы въ ту сторону, куда посылалъ-бы его народный голосъ. Если не любовь къ народу, то тщеславіе, если не тщеславіе, то боязнь быть осмѣяннымъ и оплеваннымъ заставили-бы его поступить такимъ образомъ. Тщеславіе составляетъ преобладающую, быть-можетъ даже единственную сильную страсть чистыхъ художниковъ, то есть тѣхъ художниковъ, которые воображаютъ себѣ, что всѣ ихъ способности поглощены безкорыстнымъ и безцѣльнымъ служеніемъ искусству. Не трудно себѣ представить, какъ сильно должна разыграться эта преобладающая страсть, когда художникъ увидитъ себя предметомъ всеобщаго вниманія и самыхъ напряженныхъ ожиданій, возбужденныхъ въ читающей массѣ силой и яркостью его таланта. Въ эту минуту отъ самого художника, то есть отъ того направленія, которое приметъ его дѣятельность, будетъ зависѣть—сдѣлаться идоломъ толпы или ея посмѣшищемъ. Тщеславіе конечно потянетъ его внизъ по теченію.

Спрашивается теперь, какая-же сила составитъ противовѣсъ этому тщеславію? Какая сила застрахуетъ поэта противъ того эпидемическаго увлеченія, которое обыкновенно овладѣваетъ всѣми впечатлительными людьми, когда они видятъ, какъ увлекаются той или другой идеей цѣлыя массы! Какая сила заставитъ поэта плыть противъ теченія и такимъ образомъ накликать на себя со стороны увлеченныхъ соотечественниковъ упреки, насмѣшки и оскорбленія? Какая сила наконецъ заставитъ его подвергаться еще болѣе страшной опасности, самой страшной изъ всѣхъ опасностей, угрожающихъ художнику,—опасности превратиться въ ходячій анахронизмъ и затеряться заживо въ пыльной грудѣ забытой литературной старины?

Единственной силой, которая должна отдуваться за все-про-все, оказывается любовь поэта къ чистому искусству, къ *служенію Музъ*, которое *не терпитъ суетъ*. Мечтать о томъ, чтобы это туманно-метафизическое или античномиѳологическое чувство одержало побѣду надъ всѣми искушеніями предстоящей популярности,—было-бы просто смѣшно. Достаточно припомнить, что всѣ отрасли искусства всегда и вездѣ подчинялись мельчайшимъ и глупѣйшимъ требованіямъ измѣнчиваго общественнаго вкуса и прихотливой моды. Красота художественнаго произведенія сама по себѣ—вещь чисто условная; поэтому привязанность человѣка къ этой условной и относительной красотѣ никогда не можетъ быть на столько сильной, чтобы служить ему надежной опорой въ серьезной борьбѣ съ господствующими требованіями времени и народа. Идти наперекоръ ясно-выраженнымъ желаніямъ массы можно только изъ горячей любви къ этой-же самой массѣ. Только живая, естественная и искренняя любовь человѣка къ людямъ можетъ дать передовому мыслителю или дѣятелю непоколебимую самоувѣренность, силу и мужество, необходимыя для того, чтобы встрѣтить и выдержать жестокую бурю близорукаго общественнаго негодованія и медленную пытку незаслуженнаго презрѣнія. Всякія искусственныя, тепличныя и напущенныя чувства, въ томъ

числѣ, разумѣется, и уморительная любовь художника къ служенію Музъ, нетерпящему суеты, изломаются и исчезнутъ безъ слѣда при первомъ столкновеніи съ требованіями общества, хотя-бы даже эти требованія были сами по себѣ совершенно неосновательны.

Въ стихотвореніи Пушкина выходитъ совсѣмъ наоборотъ: поэтъ торжественно отказывается отъ популярности, громко проклинаетъ *тупую чернь* и погружается въ одинокое созерцаніе чистой красоты, понятной только для посвященныхъ. Эта совершенно неправдоподобная развязка объясняется очень легко и совершенно удовлетворительно тѣмъ обстоятельствомъ, что общество, въ которомъ жилъ Пушкинъ, спало мертвымъ сномъ, такъ что Пушкинъ не имѣлъ возможности составить себѣ приблизительно-вѣрнаго понятія о томъ, что̀ такое общественное мнѣніе, что̀ такое голосъ *тупой черни* и въ какой степени заразительны и увлекательны бываютъ общественныя страсти. Можно предположить даже, что все стихотвореніе Пушкина было вызвано какой-нибудь тупой и пошлой критической статьей Булгарина, упрекавшаго его въ безнравственности и требовавшаго отъ него поучительныхъ стиховъ и медоточивыхъ разсказовъ. Булгаринъ или какой-нибудь другой артистъ того-же достоинства по всей вѣроятности показался Пушкину представителемъ массы и проводникомъ ея умственныхъ требованій; дрянное поползновеніе булгаринской клики къ пошлой нравоучительности принято Пушкинымъ за чистѣйшее выраженіе принципа утилитарности. Это предположеніе въ высшей степени правдоподобно, потому что дѣйствительно во времена Пушкина въ нашей литературѣ не было еще ни одного писателя, который постоянно и добросовѣстно защищалъ-бы интересы массъ и смотрѣлъ-бы съ чисто-утилитарной точки зрѣнія на всѣ явленія жизни, науки и искусства. Значитъ, Пушкинъ, ругая чернь и глумясь надъ идеей пользы, ратуетъ противъ такихъ вещей, которыхъ онъ никогда не видалъ въ глаза. Отсюда происходитъ та неосновательная храбрость и то комическое озлобленіе, которыя обнаруживаетъ пушкинскій поэтъ въ отношеніи къ *тупой черни*, терпящей горькую напраслину за глупости и подлости булгаринской клики.

Подобное зрѣлище намъ случилось видѣть очень недавно. Разгоряченный нападеніями «Искры», Писемскій написалъ противъ нея огромный романъ, въ которомъ старался доказать, что отечество находится въ опасности и что молодое поколѣніе погибаетъ въ безднѣ заблужденій. Въ дѣлахъ отечества и молодого поколѣнія Писемскій оказывается совершенно такимъ-же компетентнымъ судьей, какимъ оказывается Пушкинъ въ вопросѣ о требованіяхъ общественнаго мнѣнія и объ идеѣ утилитарности. Оба говорятъ о томъ, чего они не знаютъ, и оба принимаютъ за воплощеніе принципа такую случайную и ничтожную мелочь, которая ни съ какимъ принципомъ не можетъ имѣть ничего общаго. Такія комическія ошибки конечно не дѣлаютъ особенной чести ни природному ихъ остроумію, ни широтѣ и основательности ихъ благопріобрѣтеннаго умственнаго развитія.

VIII.

Не угодно-ли послушать отвѣтъ пушкинскаго поэта:

«Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.»

Этими торжественными словами оканчивается стихотвореніе, и тутъ можно именно сказать, что конецъ вѣнчаетъ дѣло. Еслибы какой-нибудь злѣйшій врагъ чистаго искусства захотѣлъ закидать его грязью и погубить его во мнѣніи общества, то врядъ-ли бы онъ придумалъ для своей обвинительной рѣчи что-нибудь сильнѣе и убійственнѣе тѣхъ словъ, которыя Пушкинъ такъ простодушно и откровенно приписываетъ своему поэту.

Мирному поэту нѣтъ дѣла до умственныхъ и нравственныхъ потребностей народа; ему нѣтъ дѣла до пороковъ и страданій окружающихъ людей; ему нѣтъ дѣла до того, что эти люди желаютъ мыслить и совершенствоваться и просятъ себѣ живого слова и разумнаго совѣта у того, кто самъ себя величаетъ *сыномъ небесъ*, и въ комъ они также признаютъ *избранника небесъ* и *божественнаго посланника*. Спрашивается въ такомъ случаѣ, до кого и до чего-же ему есть дѣло?—До самого себя и до своихъ собственныхъ ощущеній? До веселой попойки съ любезнымъ другомъ Ивановымъ, до пріятной болтовни съ чудеснымъ малымъ Семеновымъ, до катанья на тройкѣ съ отличнымъ товарищемъ Андреевымъ? До золотыхъ локоновъ прелестной *А*, до лебединой шеи очаровательной *В*, до маленькой ножки несравненной *С*, до голубыхъ очей восхитительной *Д*?—Вѣдь на самомъ дѣлѣ, если отодвинуть въ сторону всѣ миѳологическія фіоритуры,—слу-

женіе Музъ, которое не терпитъ суеты, и священная жертва, къ которой Аполлонъ требуетъ поэта, окажутся просто интимной болтовней поэта съ милыми друзьями о милыхъ подругахъ и съ милыми подругами о ихъ собственныхъ прелестяхъ. Такая болтовня очень интересна для самого поэта, для его милыхъ друзей и для его милыхъ подругъ; но такъ какъ у каждаго отдѣльнаго человѣка есть свои собственные милые друзья и свои собственныя милыя подруги, то, при такомъ направленіи творческой дѣятельности, поэзія превращается въ дѣло или, вѣрнѣе, въ забаву частныхъ кружковъ и совершенно теряетъ свою способность служить высшей нравственной связью между всѣми грамотными членами извѣстной націи.

Такъ оно и было дѣйствительно у насъ, въ Россіи, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Чтобы дать читателямъ легкое понятіе о томъ, какимъ граціозно-младенческимъ забавамъ предавались тогдашніе корифеи поэзіи, я приведу здѣсь небольшую выписку изъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина», собранныхъ Анненковымъ.

«Въ 1815 году еще продолжалась борьба, возникшая по поводу нововведенія Карамзина, и противники его направленія сосредоточились въ обществѣ «Бесѣда Любителей Русскаго Слова» (должно быть не нашего), къ членамъ которой принадлежали многіе даровитые люди; въ числѣ ихъ былъ и кн. Шаховскій. Все молодое, желавшее новыхъ формъ для поэзіи и языка и свѣжихъ источниковъ для искусства вообще, пристроилось къ другому обществу—Арзамасу. Арзамасъ порожденъ былъ шуткою и сохранялъ основной характеръ свой до конца. Одинъ веселый и остроумный разсказъ подъ названіемъ *Видѣніе во градѣ* вызвалъ его на свѣтъ. Въ разсказѣ переданъ былъ анекдотъ о нѣкоторыхъ скромныхъ людяхъ, собравшихся разъ на обѣдъ въ бѣдный арзамасскій трактиръ. Столъ ихъ былъ покрытъ скатертью, бѣлизны не совсѣмъ безпорочной, и нисколько не былъ отягощенъ изобиліемъ брашенъ. Въ срединѣ бесѣды прислужникъ возвѣстилъ имъ, что какой-то проѣзжій остановился въ трактирѣ и повидимому находится въ магнетическомъ снѣ. Хотя любопытство и приписывается исключительно прекрасному полу, но друзья Арзамаса доказали противное. Они отправились наблюдать новаго ясновидящаго у дверей и увидѣли высокаго, толстаго человѣка, который ходилъ безпрестанно по комнатѣ, произнося непонятные тирады и афоризмы. Послѣдніе они тутъ-же записали, но скрыли всѣ собственныя имена, потому-что незлобивость и добродушіе составляли и составляютъ отличительную черту Арзамаса. Едва разнеслась эта шутка, въ которой не трудно было отгадать всѣ тонкіе намеки ея, какъ авторъ получилъ отъ одного изъ своихъ друзей приглашеніе на первый *арзамасскій вечеръ*. Продолжая шутку, лица арзамасскаго вечера назвались именами изъ балладъ В. А. Жуковскаго и, на подобіе французской академіи, положили правило: всякій новоизбранный членъ обязанъ былъ сказать похвальное слово—не умершему своему предшественнику, потому что такихъ не было, а какому-либо члену «Бесѣды любителей русскаго слова» или другому извѣстному литератору. Такъ произнесены были похвальныя слова Захарову, переводчику «Авелевой смерти» Геснера, «Велисарія» г-жи Жанлисъ и «Странствованій Телемака» Фенелона, Г. А. Волкову—автору «Арфы стихогласной», и мног. др. Секретарь общества, В. А. Жуковскій, велъ журналъ засѣданій, и протоколы его представляютъ автора «Людмилы» съ другой стороны, еще неуловленной біографами (ахъ, біографы! чего вы смотрите?),—со стороны вообще веселаго характера. Это образцы самой забавной и вмѣстѣ самой приличной шутки.»

Вотъ каковы были тѣ господа, по поводу которыхъ Бѣлинскій проводилъ идею органическаго развитія. И вотъ каково было то высокое служеніе Музъ, которое налагало на поэта обязанность игнорировать и презирать потребности, пороки и страданія *тупой черни*, то-есть всего русскаго общества. Здѣсь, какъ видите, навязываніе бумажки на Зюзюшкинъ хвостъ было возведено въ принципъ и обставлено торжественными обрядами. Къ этому многотрудному и систематическому навязыванію Пушкинъ, по свидѣтельству того-же Анненкова, относился постоянно съ непоколебимой нѣжностью.

«Такъ важно было,—говоритъ Анненковъ,—вліяніе Арзамаса на литературу нашу, и надо прибавить къ этому, что Пушкинъ уже сохранилъ навсегда уваженіе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами (по части навязыванія бумажки?) въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсуженныхъ цѣлымъ обществомъ. Онъ сильно порицалъ у друзей своихъ попытки разъединенія (а чѣмъ такимъ они были соединены? Должно быть, общей ненавистью къ М. Каченовскому?), проявившіяся одно время въ видѣ нападокъ на произведенія Жуковскаго (это значитъ: нашихъ не тронь! и рука руку моетъ), и вообще всѣ такого рода попытки; да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія.» (Оно и видно, стало быть, что поэтъ «къ ногамъ народнаго кумира не клонитъ гордой головы». Здѣсь роль народа играетъ кружокъ, и поэтъ оказывается покорнымъ слугой этого кружка.)

Въ другомъ мѣстѣ Анненковъ говоритъ о Пушкинѣ, что «онъ сохранилъ до конца своей жизни существенныя, характеристическія черты члена старыхъ литературныхъ обществъ и уже не имѣлъ симпатіи къ произволу (а въ круж-

кахъ его не было?) журнальныхъ сужденій, вскорѣ замѣстившему ихъ и захватившему довольно обширный кругъ дѣйствія.»

Эти біографическія подробности составляютъ очень выразительный комментарій къ тому *поэтическому* profession de foi, которое изложилъ Пушкинъ въ стихотвореніи «Чернь». Мы видимъ теперь довольно ясно, *во имя чего* поэтъ отвертывается отъ разумныхъ и реальныхъ требованій общества. Углубленный въ игрушечные интересы разныхъ Арзамасовъ, поэтъ приглашаетъ живыхъ людей «*смѣло каменѣть въ развратѣ*»; онъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что *гласъ* его *лиры*, посвященной воспоминанію Зюзюшки и ея хвоста, *не оживитъ* людей, требующихъ себѣ нравственнаго обновленія. Эти люди, дерзающіе чего-то требовать, *противны* его *душѣ*, *какъ гробы*, потому что они своимъ докучливымъ ропотомъ мѣшаютъ этой арзамасской душѣ погрузиться безраздѣльно въ глубокомысленное созерцаніе зюзюшкинаго хвоста. Легко себѣ представить, какимъ *гробомъ* долженъ былъ показаться Пушкину одинъ неизвѣстный *червь земли*, написавшій къ *сыну небесъ* энергическое письмо, изъ котораго Анненковъ приводитъ слѣдующія замѣчательныя строки: «когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало-бы сдѣлаться моимъ вожатымъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ, а думаю я объ васъ много, даже до усталости. Позвольте-же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.»

Здоровымъ и мужественнымъ, не арзамасскимъ и не пушкинскимъ взглядомъ на жизнь проникнуты эти строки. Тому *гробу*, который просилъ у Пушкина *позволенія идти*, и всѣмъ другимъ, подобнымъ ему, *гробамъ* любвеобильный поэтъ великодушно совѣтуетъ обратиться за умственнымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ къ бичамъ, къ темницамъ и къ топорамъ:

«Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.—
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!»

Это невѣроятное четверостишіе слѣдуетъ выгравировать золотыми буквами на подножіи того монумента, который благодарная Россія безъ сомнѣнія воздвигнетъ изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ своему величайшему поэту. А въ ожиданіи монумента это-же самое четверостишіе должно сдѣлаться эпиграфомъ къ тому изданію сочиненій Пушкина, по которому *молодые люди обоего пола будутъ воспитывать въ себѣ человѣка.*

Предоставивъ такимъ образомъ нравственное воспитаніе народа бичамъ, темницамъ и топорамъ, пушкинскій поэтъ объявляетъ, что подобныя ему дѣти небесъ рождены не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ, а для вдохновенія, для сладкихъ звуковъ, для молитвъ. Все это прекрасно, любезныя дѣти небесъ, но все это въ высшей степени неопредѣленно. Вы рождены для вдохновенія—очень хорошо! Но *чѣмъ* именно вы будете вдохновляться?—вотъ вопросъ, на который вамъ не мѣшало-бы пріискать отвѣтъ. Вы рождены для сладкихъ звуковъ — это тоже недурно! Но *кому* именно эти звуки будутъ казаться сладкими? Вы рождены для молитвъ—превосходно! Но *о комъ* и *о чемъ* вы будете молиться?—Если вы, дѣти небесъ, будете вдохновляться такими явленіями жизни, которыя въ каждомъ неглупомъ человѣкѣ возбуждаютъ негодованіе и отвращеніе, если вы напримѣръ будете прославлять дикое насиліе, какъ геніальную твердость, а низкую угодливость, какъ безкорыстную преданность, то легко можетъ случиться, что все ваше вдохновеніе будетъ стоять въ глазахъ вашихъ соотечественниковъ неизмѣримо ниже, чѣмъ сметаніе сора съ улицъ шумныхъ, о которомъ вы отзываетесь съ самымъ великолѣпнымъ презрѣніемъ. Если вы, дѣти небесъ, передъ толпой голодныхъ людей будете воспѣвать достоинства страсбургскаго пирога и лимбургскаго сыра, то можно сказать навѣрное, что ваши *звуки*, очень *сладкіе* для васъ самихъ и для подобныхъ вамъ тунеядцевъ, покажутся вашимъ голоднымъ слушателямъ горькой и отвратительной насмѣшкой надъ ихъ безпомощнымъ положеніемъ. Если вы, дѣти небесъ, имѣя въ своихъ амбарахъ тысячи четвертей продажной пшеницы, будете молиться о ниспосланіи на землю града или саранчи для надлежащаго повышенія рыночныхъ цѣнъ, то я не совѣтую вамъ высказывать вашу молитву во всеуслышаніе, потому что въ какіе-бы *смолисто-тягучіе* и *кристально-прозрачные* ямбы или хореи вы ни облекли вашу молитву о градѣ и о саранчѣ, во всякомъ случаѣ эта молитва не доставитъ ни малѣйшаго удовольствія вашимъ добродушнымъ и трудолюбивымъ сосѣдямъ. Такимъ образомъ вы видите, о, дѣти небесъ, что не всякое вдохновеніе возбуждаетъ въ людяхъ чувство уваженія и признательности, что не всякій сладкій звукъ оказывается сладкимъ для всѣхъ слушателей и что не всякая молитва можетъ быть названа высокимъ подвигомъ человѣколюбія. Стало-быть, ты, о, пушкинскій поэтъ, объявляя *ту-*

пой черни, что вы рождены для вдохновеній, для сладкихъ звуковъ и для молитвъ, занимаешься произнесеніемъ словъ, не заключающихъ въ себѣ никакого опредѣленнаго смысла.

Кромѣ того не мѣшаетъ замѣтить, что у Пушкина слово расходится съ дѣломъ, или поэтическое profession de foi расходится съ поэтической дѣятельностью. Объявляя категорически, что поэты рождены *не для битвъ*, Пушкинъ въ то-же время пишетъ свои два слишкомъ извѣстныя стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». И онъ не только написалъ и напечаталъ эти два, въ буквальномъ смыслѣ слова, *воинственныя* стихотворенія, но даже самъ придавалъ имъ серьезное европейское значеніе. «Пушкинъ,—говоритъ Анненковъ,— выразилъ во французскомъ письмѣ къ князю Н. Б. Голицыну (переводчику по-французски «Чернеца» Козлова и пьесы «Клеветникамъ Россіи») чувства, одушевлявшія его во время созданія самаго стихотворенія: «Merci mille fois,—говоритъ онъ,— cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, lancée contre les ennemis de notre pays... Que ne traduisites-vous pas cette pièce en temps opportun? Je l'aurais fais passer en France, pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des deputés». (Тысячу разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моего стихотворенія, направленнаго противъ враговъ нашей земли... Зачѣмъ не перевели вы его вò-время?—Я-бы переслалъ его во Францію, чтобы ударить по носу всѣхъ этихъ крикуновъ палаты депутатовъ.)

Видите, въ самомъ дѣлѣ, какъ это жалко, что князь Голицынъ опоздалъ сдѣлать переводъ. Попади только это стихотвореніе во Францію, тогда, само собою разумѣется, всѣ крикливые французскіе депутаты, узнавши, что въ Россіи существуетъ воинственный и сердитый стихотворецъ, monsieur Poushkine, тотчасъ понизили-бы тонъ и немедленно уразумѣли-бы, что съ Россіей ссориться опасно, ибо эта Россія можетъ засыпать Францію растянутыми стихотвореніями, тщательно переведенными съ русскаго на французскій.

Но какъ-же мы однако ухитримся помирить воинственный азартъ Пушкина съ тѣмъ категорическимъ объявленіемъ, что поэты рождены *не для битвъ?* Для чего-же въ самомъ дѣлѣ, по понятіямъ Пушкина, рождены поэты и для чего они не рождены?

Если мы окинемъ общимъ взглядомъ теорію и практику Пушкина, то мы получимъ тотъ результатъ, что поэты рождены для того, чтобы никогда ни о чемъ не думать и всегда говорить исключительно о такихъ предметахъ, которые не требуютъ ни малѣйшаго размышленія. Эта формула объясняетъ совершенно удовлетворительно какъ уклоненіе поэта отъ головоломныхъ требованій *тупой черни*, такъ и воинственный азартъ, стремившійся бить носы французскимъ депутатамъ. Поэтъ отказывается отъ тѣхъ битвъ, которыя требуютъ умственнаго труда, и кидается очень охотно въ тѣ битвы, въ которыхъ ненужно ничего, кромѣ риѳмованнаго крика. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы поэту захотѣлось давать *тупой черни смѣлые уроки*, которыхъ она отъ него требуетъ, то ему пришлось-бы очень глубоко задумываться надъ явленіями общественной жизни, пришлось бы, громя пороки общества, анализировать причины этихъ пороковъ, пришлось-бы отъ ближайшихъ и частныхъ причинъ переходить къ болѣе общимъ и отдаленнымъ,—словомъ, пришлось-бы не столько *бряцать*, сколько размышлять. Такая умственная работа, во-первыхъ, не всякому *бряцателю* по силамъ, а во-вторыхъ, она сопряжена со многими неудобствами; вѣдь въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ, до чего можно додуматься, пожалуй даже до такихъ вещей, до которыхъ совсѣмъ не слѣдуетъ додумываться. Даже Полонскій и тотъ знаетъ, что «думы съ вѣтромъ носятся, вѣтра не догнать». Напротивъ того, когда поэту приходитъ въ голову воспѣть военныя доблести русскихъ богатырей или сдѣлать строжайшій выговоръ непочтительнымъ французскимъ депутатамъ, тогда поэту не предстоитъ ни умственнаго труда, ни неудобствъ, ни опасностей. Все дѣло его состоитъ въ томъ, чтобы придумывать сильныя выраженія и громкія восклицанія.

Кто выигралъ сраженіе или взялъ штурмомъ крѣпость, тотъ обдумывалъ планъ, тотъ умѣлъ воодушевить солдатъ, тотъ подвергалъ опасности собственную жизнь, тотъ оказалъ услугу государству, тотъ можетъ быть названъ умнымъ человѣкомъ, даже героемъ, даже спасителемъ отечества. Но кто воспѣваетъ одержанную побѣду, тотъ просто перекладываетъ въ стихи газетную реляцію, тотъ оказывается не поэтомъ, а стиходѣлателемъ, тотъ не мыслитъ, а подбираетъ фразы и риѳмы, и тотъ рискуетъ разсмѣшить своимъ напущеннымъ восторгомъ тѣхъ самыхъ враговъ отечества, которымъ онъ стремится сокрушать носы.

IX.

Какими-же глазами смотритъ Бѣлинскій на то «*художническое* profession de foi» Пушкина, о которомъ я говорилъ до сихъ поръ? Отношенія Бѣлинскаго къ этому стихотворенію въ высшей степени неопредѣленны. «Онъ презираетъ чернь,—говоритъ Бѣлинскій о Пушкинѣ,—и на ея приглашеніе—исправлять ее звуками лиры отвѣчаетъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія.»—Затѣмъ Бѣлинскій выписываетъ—просто трудно повѣрить

глазамъ! — заключительный монологъ поэта, — тотъ самый монологъ, въ которомъ народу предоставляются въ вѣчное потомственное владѣніе *бичи*, *темницы*, *топоры*, а поэтамъ отмежевывается область *вдохновенія*, *сладкихъ звуковъ и молитвъ*. И Бѣлинскій въ этихъ безумныхъ словахъ находитъ *благородную гордость*.

Выписавши монологъ поэта, Бѣлинскій разсуждаетъ такъ: «Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риѳмами разныя нравоучительныя мысли, и требуютъ отъ поэта непремѣнно, чтобы онъ воспѣвалъ имъ все любовь да дружбу и пр., и которые неспособны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ».

Зачѣмъ Бѣлинскій придумалъ здѣсь какихъ-то *глупцовъ*, которымъ онъ приписалъ какія-то глупыя требованія — этого я рѣшительно не понимаю. *Тупая чернь* никогда не требовала отъ поэта, *чтобы онъ воспѣвалъ ей все любовь да дружбу*. Она требовала отъ поэта не *общихъ нравоучительныхъ мѣстъ*, а *смѣлыхъ уроковъ*, что̀ нисколько непохоже ни на *общія нравоучительныя мѣста*, ни на *любовь да дружбу*. Еслибы *тупая чернь* состояла изъ тѣхъ *глупцовъ*, которыхъ Бѣлинскій называетъ *смѣшными и жалкими*, тогда она совершенно удовлетворилась-бы пушкинской поэзіей, потому что эта поэзія заключаетъ въ себѣ именно то, что̀ нравится *смѣшнымъ и жалкимъ глупцамъ*. Это не я говорю, это говоритъ самъ Бѣлинскій. На стр. 399 онъ объявляетъ намъ, что смѣшные и жалкіе глупцы заставляютъ поэта воспѣвать *все любовь да дружбу*, а на стр. 391 Бѣлинскій спрашиваетъ: «что̀ составляетъ содержаніе мелкихъ пьесъ Пушкина?», и отвѣчаетъ такъ: почти всегда любовь и дружба, какъ чувства, наиболѣе обладавшія поэтомъ и бывшія непосредственнымъ источникомъ счастья и горя всей его жизни». — Значитъ, *смѣшные и жалкіе глупцы* Бѣлинскаго оказываются для Пушкина не *тупой чернью*, а, напротивъ того, избранной и посвященной публикой, читающей съ восторгомъ его стихотворенія. Значитъ, Пушкинъ *отвѣчаетъ словами*, *полными благородной гордости*, не *смѣшнымъ и жалкимъ глупцамъ*, а честнымъ и мыслящимъ гражданамъ, которымъ непремѣнно долженъ сочувствовать и самъ Бѣлинскій; значитъ, наконецъ самъ Бѣлинскій, стараясь прикрыть промахи Пушкина, такъ запутывается въ противорѣчіяхъ, что вытащить его изъ нихъ не остается ни малѣйшей возможности. На стр. 398 онъ хвалитъ Пушкина за *благородную гордость*, а на стр. 400 оказывается, что при этой *благородной гордости* поэтъ *рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній*. Впрочемъ у эстетиковъ и полу-эстетиковъ такія противорѣчія даже не считаются противорѣчіями. Бѣлинскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что стихотвореніе «Поэтъ» *превосходно*, но что мысль этого стихотворенія *совершенно ложна*.

Съ нашей реальной точки зрѣнія такое явленіе немыслимо; по нашему, если мысль совершенно ложна, то и все стихотвореніе никуда не годится; но такъ какъ эстетики обладаютъ спеціальной способностью услаждаться стихотвореніями, какъ *жареными птичками величиною съ наперстокъ*, то, разумѣется, на ихъ кабалистическомъ языкѣ слово *превосходно* можетъ имѣть гастрономическое или какое-нибудь другое, столь-же непостижимое для насъ значеніе. Та гордость, съ которой Пушкинъ гонитъ прочь *тупую чернь*, по всей вѣроятности показалась Бѣлинскому *благородной* съ какой-нибудь спеціально-эстетической точки зрѣнія. Въ этой гордости на самомъ дѣлѣ нѣтъ рѣшительно ничего благороднаго: во-первыхъ потому, что она совершенно безсмысленна, а во-вторыхъ потому, что она поддѣльна, какъ стоическое равнодушіе голодной лисицы къ недоступному винограду. Тотъ фактъ, что читающая масса значительно охладѣла къ Пушкину во время послѣдняго десятилѣтія его литературной дѣятельности, — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Объ этомъ фактѣ говорятъ очень откровенно и Бѣлинскій, и Гоголь, и Анненковъ, и всѣ прочіе обожатели Пушкина. Стало быть, поэтъ гонитъ отъ себя чернь заднимъ числомъ, то есть тогда, когда она сама удалилась отъ него и когда онъ увидѣлъ свою неспособность воротить ее назадъ.

Стихотвореніе «Поэту», написанное въ 1830 году, также наполнено назидательными размышленіями о незрѣлости винограда.

«Поэтъ, — говоритъ Пушкинъ, — не дорожи любовію народной! Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ; услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной (это очевидно говорится по опыту); но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ (а что-же больше-то дѣлать? Вѣдь не плакать-же публично объ утраченной популярности?). Ты — царь: живи одинъ. Дорогою свободной иди, куда влечетъ тебя свободный умъ, усовершенствуя плоды любимыхъ думъ, не требуя наградъ за подвигъ благородный (поэтъ убѣдительно проситъ самого себя не нищенствовать передъ толпою и доказываетъ самому себѣ очень основательно, что получить отъ толпы подаяніе не предвидится ни малѣйшей надежды). Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ — свой высшій судъ; всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ (строже можетъ-быть, но только не съ той точки зрѣнія, съ какой его цѣнятъ другіе). Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный художникъ? Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь

горитъ, и въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.»

Въ этомъ стихотвореніи, которое у Бѣлинскаго также оказывается *превосходнымъ*, мнѣ особенно нравится та рѣшимость, съ которой взыскательный художникъ, въ пику равнодушной толпѣ, провозглашаетъ себя царемъ. — Вы, молъ, негодяи, не хотите называть меня въ вашихъ глупыхъ журналахъ геніальнымъ поэтомъ, а я самъ возьму да и назову себя царемъ; вотъ вы и останетесь въ дуракахъ.— Впрочемъ этотъ произвольно-зародившійся царь оказывается царемъ самаго страннаго фасона: у него нѣтъ ни придворнаго штата, ни льстецовъ, ни подданныхъ, ни средствъ дѣйствовать такъ или иначе на жизнь окружающаго общества. Этотъ своеобразный царь можетъ смѣло завести дипломатическія сношенія съ тѣми царями, которыхъ резиденція находится въ Бедламѣ или въ Бисетрѣ и которые также *живутъ одни*, потому что, вступивши на престолъ, потеряли способность жить скромно и прилично въ обществѣ здравомыслящихъ людей.

Въ 1831 г. въ стихотвореніи «Эхо» Пушкинъ жалуется на то, что поэтъ, какъ эхо, откликается на всякій звукъ живой природы, а между тѣмъ самъ не находитъ себѣ отзыва нигдѣ. Жалоба неосновательна и сравненіе неудачно. Поэтъ не находитъ себѣ отзыва только въ томъ случаѣ, когда онъ самъ не откликается на тѣ явленія, идеи, чувства и стремленія, которыя составляютъ преобладающій интересъ въ жизни его современниковъ и соотечественниковъ. Другими словами: только тотъ поэтъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній, который поетъ про себя и для себя, презирая толпу.

Въ стихотвореніи «Памятникъ», написанномъ въ 1836 году, Пушкинъ, уже шесть лѣтъ тому назадъ провозгласившій себя царемъ, производитъ себя въ безсмертные геніи и въ благодѣтели человѣчества. Нашъ безсмертный геній прямо говоритъ:

«Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа:
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа (это называется: excusez du peu!)
Нѣтъ! весь я не умру. Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгусъ, и другъ степей—Калмыкъ,
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ (?),
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ (?)
И милость къ падшимъ призывалъ. (?)»

Превознося самого себѣ выше облака ходячаго и умилившись достаточно надъ всѣми своими человѣческими и даже гражданскими добродѣтелями, Пушкинъ вдругъ напускаетъ на себя кротость, смиреніе и равнодушіе къ той самой славѣ, въ которой онъ превзошелъ Наполеона и передъ которой преклонятся со временемъ тунгусы и калмыки:

«Велѣнью Божію, о Муза! будь послушна,
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.»

Призывая къ себѣ на помощь дикаго тунгуса и друга степей калмыка, Пушкинъ поступаетъ очень разсчетливо и благоразумно, потому что легко можетъ случиться, что болѣе развитыя племена Россійской имперіи, именно финнъ и гордый (?) внукъ славянъ, въ самомъ непродолжительномъ времени жестоко обманутъ честолюбивыя и несбыточныя надежды искуснаго версификатора, самовольно надѣвшаго себѣ на голову вѣнецъ безсмертія, на который онъ не имѣетъ никакого законнаго права.

Любопытно замѣтить, что въ основаніе своего нерукотворнаго памятника Пушкинъ кладетъ такіе резоны, которые цѣликомъ заимствованы изъ осмѣяннаго и оплеваннаго имъ міросозерцанія *тупой черни*. Когда поэту приходится предъявлять свои права на безсмертіе, тогда онъ поневолѣ принужденъ заговорить серьезнымъ языкомъ мыслящаго реалиста; онъ признаетъ надъ собою судъ того народа, который прежде украшался обыкновенно эпитетомъ: «*безсмысленный*»; онъ заговариваетъ о *добрыхъ чувствахъ*, тогда какъ прежде у него шла рѣчь только о *сладкихъ звукахъ*; наконецъ онъ даже произноситъ слово «*полезенъ*» и соглашается такимъ образомъ вступить въ состязаніе съ *печными горшками*.

Эти невольныя уступки гордаго поэта доказываютъ очевидно, что утилитарныя аксіомы заключаютъ въ себѣ естественную, обязательную силу даже для тѣхъ поверхностныхъ умовъ, которые неспособны вывести изъ этихъ аксіомъ все основное направленіе собственной жизни и дѣятельности. Но, обнаруживая собою непоколебимую прочность утилитарныхъ истинъ, вынужденныя уступки эти конечно не могутъ принести ни малѣйшей пользы личному дѣлу самого Пушкина. Это дѣло окончательно проиграно, и уступки, сдѣланныя Пушкинымъ, даютъ мыслящимъ реалистамъ полное право осудить его безапелляціонно во имя тѣхъ самыхъ принциповъ, на которые онъ старается опереться и которые онъ слѣдовательно признаетъ истинными. «Я буду безсмертенъ,—говоритъ Пушкинъ,—потому что я пробуждалъ лирой добрыя чувства.»—«Позвольте, господинъ Пушкинъ,— скажутъ мыслящіе реалисты,— какія-же добрыя чувства вы пробуждали? Привязанность къ

друзьямъ и товарищамъ дѣтства? Но развѣ-же эти чувства нуждаются въ пробужденіи? Развѣ есть на свѣтѣ такіе люди, которые были-бы неспособны любить своихъ друзей? И развѣ эти каменные люди, - если только они существуютъ,—при звукахъ вашей лиры сдѣлаются нѣжными и любвеобильными?—Любовь къ красивымъ женщинамъ? Любовь къ хорошему шампанскому? Презрѣніе къ полезному труду? Уваженіе къ благородной праздности? Равнодушіе къ общественнымъ интересамъ? Робость и неподвижность мысли во всѣхъ основныхъ вопросахъ міросозерцанія? Лучшее изъ всѣхъ этихъ *добрыхъ чувствъ*, пробуждавшихся при звукахъ вашей лиры, есть, разумѣется, любовь къ красивымъ женщинамъ. Въ этомъ чувствѣ дѣйствительно нѣтъ ничего предосудительнаго, но, во-первыхъ, можно замѣтить, что оно достаточно сильно само по себѣ, безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій; а во-вторыхъ, должно сознаться, что учредители новѣйшихъ петербургскихъ танцъ - классовъ умѣютъ пробуждать и воспитывать это чувство несравненно успѣшнѣе, чѣмъ звуки вашей лиры. Что-же касается до всѣхъ остальныхъ *добрыхъ чувствъ*, то было-бы несравненно лучше, еслибы вы ихъ совсѣмъ не пробуждали.»—«Я буду безсмертенъ,—говоритъ далѣе Пушкинъ,—потому что я былъ полезенъ.» - «Чѣмъ?» спросятъ реалисты, и на этотъ вопросъ не воспослѣдуетъ ни откуда никакого отвѣта.—«Я буду безсмертенъ,- говоритъ наконецъ Пушкинъ,—потому что я призывалъ милость къ падшимъ.» - «Господинъ Пушкинъ!—скажутъ реалисты,—мы совѣтуемъ вамъ обратиться съ этимъ аргументомъ къ тунгусамъ и къ калмыкамъ. Эти дѣти природы и друзья степей быть-можетъ повѣрятъ вамъ на-слово и поймутъ именно въ этомъ филантропическомъ смыслѣ ваши воинственныя стихотворенія, писанныя не во время войны, а послѣ побѣды. Что-же касается до *гордаго внука Славянъ*, до *Финна*, то эти люди уже слишкомъ испорчены европейской цивилизаціей, чтобы принимать воинственныя восклицанія за проявленіе кротости и человѣколюбія.»

X.

Я полагаю, что я могу теперь проститься съ Пушкинымъ, и что эта вторая статья (разборъ лирики) имѣетъ полное право сдѣлаться послѣдней. Принимаясь за эту работу, я вовсе не имѣлъ намѣренія представить читателямъ полный и подробный разборъ всѣхъ лирическихъ, эпическихъ и драматическихъ произведеній Пушкина. Предпринять такой объемистый и утомительный трудъ въ настоящее время значило-бы придавать вопросу о Пушкинѣ слишкомъ важное значеніе,—такое значеніе, котораго онъ уже не можетъ имѣть въ 1865 году. Приступая къ этой работѣ, я хотѣлъ только высказать громко и открыто и подкрѣпить фактическими доказательствами то мнѣніе, которое уже многіе мыслящіе люди составили себѣ о Пушкинѣ и о всѣхъ поэтахъ и художникахъ его школы.

Теперь это дѣло сдѣлано; въ такъ-называемомъ великомъ поэтѣ я показалъ моимъ читателямъ легкомысленнаго версификатора, опутаннаго мелкими предразсудками, погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка.

Если, паче чаянія, наши литературные противники представятъ мнѣ какія-нибудь дѣльныя возраженія, то я возвращусь къ вопросу о Пушкинѣ и разберу эти возраженія подробно и обстоятельно. Если-же—въ чемъ я почти не сомнѣваюсь — обожатели Пушкина отвѣтятъ мнѣ только скромнымъ молчаніемъ или безсильными воплями комическаго негодованія, то читающая публика увидитъ ясно, безъ всякихъ дальнѣйшихъ толкованій, полную ветхость того кумира, предъ которымъ, по старой привычкѣ и по обязанности службы, преклоняется до сихъ поръ все наше пишущее филистерство.

Въ заключеніе этой статьи я скажу еще нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ. Я уже показалъ читателямъ, какимъ образомъ въ этомъ сильномъ умѣ происходила упорная борьба между реализмомъ и эстетикой. Я цитировалъ какъ тѣ мнѣнія Бѣлинскаго, въ которыхъ я соглашаюсь съ нимъ, такъ и тѣ, которыя всякаго мыслящаго реалиста заставятъ улыбнуться и пожать плечами. Но до сихъ поръ въ обѣихъ моихъ статьяхъ мнѣ приходилось гораздо чаще опровергать Бѣлинскаго, чѣмъ соглашаться съ нимъ; это обстоятельство можетъ дать о Бѣлинскомъ ложное понятіе тѣмъ читателямъ, которые мало знакомы съ его сочиненіями. Поэтому я считаю нелишнимъ дорисовать здѣсь ту сторону этой уважаемой личности, которую я поневолѣ долженъ былъ оставить въ тѣни, пока я возился съ усыпительными твореніями Пушкина. Я приведу изъ статей Бѣлинскаго нѣсколько выписокъ, характеризующихъ его взгляды на тѣ вопросы, за прямое и откровенное рѣшеніе которыхъ реальная критика подвергается до сихъ поръ самымъ ожесточеннымъ нападкамъ.

Вотъ напримѣръ что̀ говоритъ Бѣлинскій о любви или, какъ онъ выражается, о романтизмѣ нашего времени: «Любовь зависитъ отъ сближенія, а сближеніе—отъ случайности. Не удалось здѣсь,—удастся тамъ; не сошлись съ одной, сойдетесь съ другой. Это опять не значитъ, чтобъ можно было полюбить или не полюбить по волѣ своей: это значитъ только то, что если каждый можетъ любить только извѣстный идеалъ, то никогда никакой идеалъ не является въ мірѣ въ одномъ экземплярѣ, но

существуетъ въ большемъ или въ меньшемъ числѣ видоизмѣненій и оттѣнковъ. Нашъ романтизмъ хлопочетъ не о томъ, однажды или дважды должно и можно любить въ жизни, но о томъ, чтобы не разбить другого предавшагося вамъ сердца и не быть причиной несчастья его жизни... Одинъ такъ, другой иначе; тотъ одинъ разъ въ жизни, а этотъ—десять разъ: оба равно правы, лишь-бы только на совѣсти котораго нибудь изъ нихъ не легло ничье несчастье.» Бѣлинскій говоритъ: «не сошлись съ одною, сойдетесь съ другою», а Базаровъ говоритъ: «нельзя, ну, и не надо; земля не клиномъ сошлась». Предоставляю читателю судить о томъ, велика-ли разница между обѣими формулами.

«Вѣрность,—говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ,—перестаетъ быть долгомъ, ибо означаетъ только постоянное присутствіе любви въ сердцѣ: нѣтъ болѣе чувства—и вѣрность теряетъ свой смыслъ; чувство продолжается—вѣрность опять не имѣетъ смысла, ибо что за услуга быть вѣрнымъ своему счастью?»

Приглашаю тѣхъ господъ, которые возмущались безнравственностью романа «Что дѣлать?», направить свое великодушное негодованіе противъ Бѣлинскаго.

А вотъ какъ Бѣлинскій трактуетъ вѣрнаго рыцаря Тоггенбурга. «Подлинно—рыцарь печальнаго образа!.. Какъ жаль, что Шиллеръ воскресилъ его не совсѣмъ въ пору да во-время! Сердца холодныя и разочарованныя, души жестокія и прозаическія, мы жалѣемъ объ этомъ рыцарѣ, но не какъ о человѣкѣ, постигнутомъ рокомъ и несущемъ на себѣ тяжкое бремя *дѣйствительнаго* несчастья, а какъ о съумасшедшемъ.» Рѣшительно les beaux esprits se rencontrent: Базаровъ положительно удивлялся тому, что Тоггенбурга не посадили въ съумасшедшій домъ. Послѣ этого, опираясь на свидѣтельство Бѣлинскаго, осмѣлюсь спросить: неужто въ самомъ дѣлѣ съ моей стороны было неслыханной дерзостью назвать *добрякомъ* того поэта, у котораго достало добродушія на то, чтобы воспѣвать чувствительными стихами огорченія съумасшедшаго человѣка?

Вотъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, что̀ долженъ дѣлать человѣкъ въ томъ случаѣ, если любимая имъ особа полюбила другого. «Въ такомъ случаѣ натурально, что ея внезапнаго къ нему охлажденія онъ не приметъ за преступленіе или такъ называемую на языкѣ пошлыхъ романовъ *невѣрность* и еще менѣе согласится принять отъ нея жертву, которая должна состоять въ ея готовности принадлежать ему даже и безъ любви и для его счастья отказаться отъ счастья новой любви, можетъ-быть бывшей причиной ея къ нему охлажденія. Еще болѣе естественно, что въ такомъ случаѣ ему остается сдѣлать только одно:—со всѣмъ самоотверженіемъ души любящей, со всей теплотой сердца, постигшаго святую тайну страданія, благословить *его* или *ее* на новую любовь и новое счастье, а свое страданіе, если нѣтъ силъ освободиться отъ него, глубоко схоронить отъ всѣхъ, и въ особенности отъ *него* или отъ *нея* въ своемъ сердцѣ.»

Прочитавши эти строки, можно представить себѣ, съ какимъ глубокимъ и сознательнымъ уваженіемъ отнесся-бы Бѣлинскій къ характеру и поступку Лопухова, и какую вдохновенную критическую статью написалъ-бы онъ по поводу того романа, на который такъ упорно и такъ тупо клеветали солидные люди нашей литературы. Изъ этого романа Бѣлинскій узналъ бы впрочемъ, что фантастическое и неправдоподобное *самоотверженіе* замѣняется въ подобныхъ случаяхъ совершенно удовлетворительно разумнымъ эгоизмомъ или правильнымъ пониманіемъ собственной выгоды.

А вотъ мысли Бѣлинскаго о ревности вообще и объ «Отелло» въ особенности: «Въ образованномъ человѣкѣ нашего времени шекспировъ «Отелло» можетъ возбуждать сильный интересъ, но съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что эта трагедія есть картина того варварскаго времени, въ которое жилъ Шекспиръ и въ которое мужъ считался полновластнымъ господиномъ своей жены; всякій-же образованный человѣкъ нашего времени только разсмѣется отъ новыхъ Отелликовъ, вродѣ Марселя въ нелѣпой повѣсти Эжена Сю «Крао» и безсмысленнаго господина въ отвратительной повѣсти Дюма «Une Vengeance». Но люди, которымъ нужно доказывать, что въ наше время кинжалы, яды и даже пистолеты вслѣдствіе ревности суть не что иное, какъ пошлые театральные эффекты или результаты болѣзненнаго безумія, животнаго эгоизма и дикаго невѣжества,—такіе люди не стоятъ того, чтобъ тратить на нихъ слова.» Это мѣсто я привожу для тѣхъ господъ, которые были очень озадачены моимъ замѣчаніемъ на счетъ «Отелло», помѣщеннымъ въ статьѣ «Мотивы русской драмы».

Наконецъ вотъ вамъ еще слова Бѣлинскаго о родительской власти: «Еслибъ отецъ нашего времени сталъ отнимать у сына счастье его жизни, на основаніи собственныхъ корыстныхъ разсчетовъ,—всѣ-бы увидали, что отецъ любитъ себя, а не сына, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ свои права надъ нимъ; ибо если нѣтъ любви, связывающей отца съ дѣтьми, то у дѣтей нѣтъ отца.» Коротко и ясно! Это мѣсто я рекомендую тому жалкому пигмею, который обвинялъ Помяловскаго въ стремленіи возстановлять дѣтей противъ родителей. Словомъ, на всѣхъ пунктахъ, кромѣ эстетики, наши противники, нападая на насъ, нападаютъ въ то-же время и на Бѣлинскаго, котораго они совершенно некстати *обзываютъ* своимъ учителемъ.

ПОДВИГИ ЕВРОПЕЙСКИХЪ АВТОРИТЕТОВЪ.

I.

Въ былое время,—когда пріемы и орудія наблюденія были очень несовершенны,—многіе умные и по тогдашнему ученые люди объясняли себѣ самымъ неосновательнымъ образомъ происхожденіе различныхъ мелкихъ животныхъ. Аристотель думалъ, что бо̀льшая часть насѣкомыхъ родится сама собою изъ земли, изъ разлагающихся растеній или изъ частей тѣла другихъ животныхъ. Плутархъ полагалъ, что почва Египта порождаетъ изъ себя крысъ. Плиній принималъ за чистую истину разсказъ Виргилія о пчелахъ Аристея, родившихся изъ трупа быка. Еще въ XVII вѣкѣ ученый Кирхеръ утверждалъ очень серьезно, что мясо змѣи, высушенное и истолченное въ порошокъ, потомъ посѣянное въ землю и подвергнутое дѣйствію дождя, порождаетъ изъ себя червей, которые со временемъ превращаются въ змѣй. Но въ томъ-же XVII вѣкѣ начались основательныя изслѣдованія по вопросу о размноженіи насѣкомыхъ и другихъ мелкихъ животныхъ. Флорентійскій медикъ, Францискъ Реди, доказалъ въ это время, что мелкіе червячки, покрывающіе разлагающееся мясо, родятся не изъ самаго мяса, а изъ яичекъ, положенныхъ на него различными породами мухъ. Ученикъ Франциска Реди, Валлисніери, объяснилъ точно такимъ-же образомъ присутствіе червячковъ въ различныхъ плодахъ. Современникъ Реди и Валлисніера, Сваммердамъ, произвелъ множество наблюденій надъ размноженіемъ пчелъ, вшей и разныхъ другихъ насѣкомыхъ. Оказалось, что всѣ они происходятъ отъ подобныхъ себѣ родителей и что ни одно изъ этихъ животныхъ не возникаетъ посредствомъ такъ называемаго *произвольнаго зарожденія* ни изъ земли, ни изъ растительныхъ веществъ, ни изъ тѣла другихъ животныхъ. Послѣ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ изслѣдованій большинство ученыхъ стало относиться къ произвольному зарожденію съ крайней недовѣрчивостью и съ полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Напуганные смѣшными ошибками старинныхъ натуралистовъ, они ударились въ противоположную крайность и смѣло причислили всякое произвольное зарожденіе къ тѣмъ миѳамъ, надъ которыми наука одержала рѣшительную побѣду. Однако въ концѣ того-же XVII столѣтія идея произвольнаго зарожденія нашла себѣ новый пріютъ, изъ котораго ее повидимому не выгонятъ никакія дальнѣйшія изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что въ концѣ XVII вѣка Левенгукъ открылъ въ каплѣ дождевой воды цѣлый міръ микроскопическихъ животныхъ-растеній. Вслѣдъ затѣмъ тотъ-же изслѣдователь нашелъ, что миріады этихъ простѣйшихъ организмовъ, незамѣтныхъ для невооруженнаго глаза, развиваются съ изумительной быстротой во всякомъ настоѣ, то есть въ такой водѣ, въ которую положено какое-нибудь растительное вещество. Это свойство доставило микроскопическимъ животнымъ названіе *инфузорій*, то есть *наливчатыхъ* животныхъ. Возникъ, разумѣется, вопросъ: откуда берутся эти мельчайшіе организмы? Одни ученые стали поддерживать то мнѣніе, что они зарождаются въ самомъ настоѣ изъ частичекъ той матеріи, которая плаваетъ въ водѣ. Другіе высказали то предположеніе, что въ воздухѣ носятся тучи яичекъ и сѣмянъ, порожденныхъ прежними поколѣніями микроскопическихъ животныхъ и растеній, что эти яички и сѣмена падаютъ изъ воздуха въ настой и развиваются въ этомъ настоѣ. Первая доктрина называется теоріей произвольнаго зарожденія иля *этерогеніей*. Вторая называется *пансперміей*, то есть теоріей повсемѣстнаго присутствія зародышей. Чтобы окончательно рѣшить вопросъ въ пользу той или другой доктрины, надо было устроить такъ, чтобы настой находился въ соприкосновеніи съ воздухомъ, но чтобы этотъ воздухъ былъ совершенно очищенъ отъ всякихъ органическихъ зародышей. Если при этихъ условіяхъ въ настоѣ все-таки разовьется микроскопическое населеніе, тогда побѣда останется на сторонѣ этерогенистовъ. Если-же въ настоѣ не окажется ни растеній, ни животныхъ, тогда восторжествуютъ панспермисты. Очищеніе воздуха отъ органическихъ зародышей производится на основаніи самыхъ простыхъ соображеній. Всякому извѣстно, что изъ варенаго яйца не выведется цыпленокъ и что вареный горохъ не даетъ ростка. Эти общеизвѣстныя явленія выражаютъ собою общій законъ, который распространяется на весь органическій міръ и состоитъ въ томъ, что всѣ растенія и всѣ животныя, всѣ сѣмена и всѣ яйца умираютъ, когда подвергаются такъ или иначе, дѣйствію очень сильнаго жара. Кромѣ того извѣстно, что очень сильныя кислоты также убиваютъ всякую органическую жизнь. Стало быть, чтобы уничтожить зародыши,

заключающіеся въ самомъ настоѣ, надо его вскипятить, а чтобы уничтожить эти зародыши въ томъ воздухѣ, который будетъ прикасаться къ настою во время опыта, надо пропускать этотъ воздухъ черезъ раскаленную трубку или черезъ пузырекъ, наполненный сѣрной кислотой. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣмецкій ученый Шульце сдѣлалъ нѣсколько опытовъ по данному вопросу, пропуская воздухъ черезъ сѣрную кислоту. Около того-же времени Шваннъ произвелъ такіе-же опыты, пропуская воздухъ черезъ раскаленную трубку. Въ обоихъ случаяхъ не получилось ни животныхъ, ни растеній; панспермисты восторжествовали и почислили вопросъ окончательно рѣшеннымъ. Парижская академія наукъ и всѣ европейскіе университеты признали произвольное зарожденіе суевѣрной фантазіей и совершенно успокоились на опытахъ Шванна и Шульце. Такимъ образомъ прошло двадцать лѣтъ. Въ концѣ 1858 года отпѣтый и похороненный вопросъ воскресъ съ новой силой. Одинъ изъ авторитетовъ ученаго міра, руанскій профессоръ Пуше, корреспондентъ парижской академіи наукъ, повторилъ со всевозможными предосторожностями опыты Шванна и Шульце, произвелъ множество самостоятельныхъ опытовъ и микроскопическихъ наблюденій и наконецъ, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, извѣстилъ парижскую академію о томъ, что микроскопическія животныя и растенія возникаютъ и развиваются въ настояхъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ ихъ появленіе можетъ быть объяснено только произвольнымъ зарожденіемъ. Академія взволновалась и громко выразила свое недовѣріе. Химикъ Дюма и физіологъ Мильнъ-Эдвардсъ стали утверждать въ публичномъ засѣданіи, что зародыши животныхъ и растеній попали въ аппараты Пуше изъ воздуха, что, по своей мелкости, эти зародыши могутъ пробраться въ сосуды, закупоренные самымъ тщательнымъ образомъ, и что, по своей живучести, эти зародыши могутъ съ полнымъ успѣхомъ сопротивляться жару, далеко превышающему температуру кипѣнія воды. Выдвигая противъ Пуше эти аргументы, Мильнъ-Эдвардсъ счелъ даже своимъ долгомъ извиниться передъ своими товарищами по академіи въ томъ, что разсуждаетъ въ ихъ присутствіи о вопросѣ, столь недостойномъ ихъ просвѣщеннаго вниманія. Нисколько не смущаясь величественнымъ презрѣніемъ Мильнъ-Эдвардса, Пуше подорвалъ аргументацію своихъ оппонентовъ въ самомъ основаніи. Прямыми микроскопическими наблюденіями надъ тѣми пылинками, которыя носятся въ воздухѣ, онъ доказалъ, что воздухъ не заключаетъ въ себѣ ни яичекъ, ни сѣмянъ; тѣ мельчайшія круглыя частички, которыя принимались прежними наблюдателями за яички и за сѣмена, оказались, по изслѣдованіямъ Пуше, des grains de fécule и des granules de silice, то-есть такими веществами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ зародышами живыхъ организмовъ. Въ началѣ 1859 года итальянскій ученый Мантегацца пришелъ къ тѣмъ самымъ результатамъ, за которые боролся Пуше. Мантегацца видѣлъ собственными глазами, какъ возникали и развивались въ настоѣ *бактеріи*, одинъ изъ видовъ простѣйшихъ инфузорій. Онъ прослѣдилъ, посредствомъ самыхъ усидчивыхъ микроскопическихъ наблюденій, всѣ фазы развитія этихъ животныхъ и совершенно убѣдился въ томъ, что самыя яички формируются въ настоѣ. Академія поколебалась и 14 марта 1859 года предложила для конкурса на 1862 годъ тотъ самый вопросъ, который нѣсколько недѣль тому назадъ Мильнъ-Эдвардсъ находилъ недостойнымъ ея просвѣщеннаго вниманія. Въ августѣ того-же года вышелъ въ свѣтъ обширный ученый трудъ Пуше подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Hétérogénie ou Traité de la génération spontanée, basé sur des nouvelles expériences» («Этерогенія или трактатъ о произвольномъ зарожденіи, основанный на новыхъ опытахъ»). Эта книга, заключающая въ себѣ около 700 страницъ и наполненная фактическими доказательствами, убѣдила всѣхъ безпристрастныхъ спеціалистовъ. Академіи по настоящему оставалось только признаться въ томъ, что она ошибалась, и принять съ полной благодарностью новую теорію, какъ драгоцѣнный вкладъ французскаго мыслителя въ сокровищницу общечеловѣческой мысли. Ни одинъ изъ академиковъ не представилъ противъ книги Пуше ни малѣйшаго возраженія. Втеченіи шести мѣсяцевъ теорія произвольнаго зарожденія не находила себѣ во Франціи ни одного противника. Наконецъ, въ февралѣ 1860 года, на помощь къ смущенной академіи наукъ подоспѣлъ химикъ Пастёръ. Опыты этого ученаго привели его къ тому убѣжденію, что зародыши дѣйствительно носятся въ воздухѣ, но не повсемѣстно, и что число ихъ, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, то увеличивается, то уменьшается. Пастеръ беретъ нѣсколько стеклянныхъ сосудовъ одинаковой величины, наливаетъ въ каждый изъ нихъ одинаковое количество настоя, кипятитъ ихъ и потомъ, во время кипѣнія воды, запаиваетъ узкія отверстія этихъ сосудовъ надъ огнемъ спиртовой лампы. Затѣмъ онъ переноситъ ихъ въ то мѣсто, гдѣ онъ хочетъ производить опыты надъ составомъ атмосферы, открываетъ ихъ тамъ, наполняетъ ихъ воздухомъ и потомъ опять запаиваетъ ихъ наглухо. Въ нѣкоторыхъ сосудахъ развивается органическая жизнь, а въ другихъ не развивается. Сравнивая число первыхъ съ числомъ вторыхъ, Пастеръ замѣчаетъ, что число вто-

рыхъ становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ чище и спокойнѣе воздухъ того мѣста, въ которомъ совершалось открытіе и наполненіе сосуда. Изъ двадцати сосудовъ, наполненныхъ воздухомъ у подошвы Юры, *девять* сосудовъ наполнились инфузоріями, а *одиннадцать* остались безплодными. Изъ двадцати сосудовъ, наполненныхъ воздухомъ на одной изъ вершинъ Юры, на высотѣ 850 метровъ надъ уровнемъ моря, *пять* сосудовъ наполнились инфузоріями, а *пятнадцать* остались безплодными. Наконецъ изъ двадцати сосудовъ, наполненныхъ воздухомъ на склонѣ Монблана, на высотѣ 2000 метровъ, *девятнадцать* остались безплодными и только *одинъ* наполнился инфузоріями. Изъ этихъ опытовъ Пастеръ выводитъ то заключеніе, что развитіе инфузорій въ настояхъ зависитъ отъ присутствія въ воздухѣ органическихъ зародышей: гдѣ эти зародыши особенно многочисленны, тамъ и инфузоріи развиваются особенно успѣшно; гдѣ этихъ зародышей почти совсѣмъ нѣтъ, тамъ и настой остается безплоднымъ. Свѣтила науки съ самой нѣжной любовью усыновили теорію Пастера и немедленно приняли творца этой теоріи подъ свое высокое покровительство. Отличіе Пастера отъ прежнихъ панспермистовъ состояло въ томъ, что прежніе признали *повсемѣстное* существованіе зародышей въ атмосферѣ, а Пастеръ признаетъ только *мѣстное* ихъ существованіе. Прежніе говорили *вездѣ*, а Пастеръ говоритъ *кое-гдѣ*. Поэтому доктрина Пастера, въ отличіе отъ прежней *панспермiи*, называется *полупанспермiей* (demi-panspermie) или *мѣстной панспермiей* (panspermie localisée).—Въ то время, когда Пастеръ своей полу-панспермiей покорялъ сердца парижскихъ академиковъ, въ академію было прислано изъ Тулузы «*Микроскопическое изслѣдованіе воздуха*», ученая работа профессора Жоли и доктора естественныхъ наукъ Мюссе. Въ этой работѣ говорилось, что въ воздухѣ нѣтъ ни яичекъ, ни сѣмянъ. Вскорѣ послѣ того Жоли и Мюссе, посредствомъ собственныхъ опытовъ, убѣдились въ томъ, что Пуше совершенно правъ, и что произвольное зарожденіе составляетъ дѣйствительно существующій фактъ. Съ этой минуты они сдѣлались постоянными союзниками Пуше въ той упорной борьбѣ, которая завязалась по вопросу о произвольномъ зарожденіи между научной истиной съ одной стороны и парижской академіей, усыновившей Пастера съ другой стороны. Ученыя заслуги Пастера, какъ химика, не подлежатъ сомнѣнію; ученая репутація Мильнъ-Эдвардса, Дюма, Флуранса, Клода - Бернара и другихъ противниковъ этерогеніи также совершенно незыблема; но въ настоящее время поле науки до такой степени обширно и раздѣленіе научнаго труда дошло уже до такихъ размѣровъ, что изслѣдователи принуждены выбирать себѣ не только отдѣльную науку, но еще кромѣ того отдѣльную часть отдѣльной науки. Можно быть превосходнымъ зоологомъ и въ то-же время имѣть самыя общія и неопредѣленныя понятія объ отдѣльныхъ видахъ микроскопическихъ животныхъ, объ ихъ яичкахъ и о томъ, какъ они развиваются. Кто хочетъ дойти до такого совершенства, чтобы узнавать безошибочно одну породу инфузорій отъ другой и яички одной породы отъ яичекъ другой, тотъ конечно долженъ провести надъ сильнѣйшимъ микроскопомъ значительную долю своей жизни. Пастеру, какъ химику, разумѣется, объ этомъ нечего было и думать. Поэтому онъ очень удивился, когда этерогенисты потребовали отъ него, чтобы онъ показалъ и назвалъ поименно тѣ яички и сѣмена, которыя, по его мнѣнію, носятся въ воздухѣ. «Можно-ли сказать,—отвѣчалъ онъ имъ съ трогательной откровенностью:—вотъ это сѣмячко, а вотъ это яичко? И это даже не все; Пуше хочетъ кромѣ того, чтобы я сказалъ: вотъ это сѣмячко такой-то плѣсени, а вотъ это яичко такой-то инфузоріи. Право, мнѣ это кажется невозможнымъ. Можно только подмѣтить внѣшнее сходство этихъ частичекъ съ зародышами низшихъ организмовъ вотъ и все.»—Для жестокаго Пуше этого было мало, потому что онъ самъ показывалъ своимъ слушателямъ въ Руанѣ яички и сѣмена, называлъ ихъ поименно и слѣдилъ за различными фазами ихъ развитія. Изъ ученыхъ покровителей Пастера, ни Мильнъ-Эдвардсъ, ни Флурансъ, ни Бернаръ не занимались спеціально микроскопической эмбріологіей, и въ то-же время ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ откровенно признаться въ собственной некомпетентности. Изъ этого обстоятельства получился тотъ уродливый результатъ, что спеціалисты Пуше, Жоли и Мюссе принуждены были подвергать свои труды суду такихъ людей, которые въ данномъ отдѣлѣ науки годились имъ въ ученики, но которые зато, въ качествѣ заслуженныхъ академиковъ, были гораздо старше ихъ по чину. Изученіе природы было такимъ образомъ поставлено въ прямую зависимость отъ табели о рангахъ.

II.

Пастеръ, успѣвшій вытащить заслуженныхъ академиковъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила ихъ невозможность опровергнуть ученый трудъ Пуше, Пастеръ, говорю я, сталъ быстро хватать одно академическое отличіе за другимъ. Въ декабрѣ 1861 академія присудила ему жекеровскую премію; черезъ годъ его выбаллотировали въ академики и вскорѣ послѣ этихъ выборовъ, въ послѣднихъ числахъ 1862 года, ему прису-

дили премію за обсужденіе вопроса о произвольномъ зарожденіи. Присужденіе этой послѣдней преміи было особенно замѣчательно. Коммиссія, которой поручено было разсматривать сочиненія, представленныя на конкурсъ, была составлена изъ пяти членовъ. Вотъ ихъ имена: Мильнъ-Эдвардсъ, Флурансъ, Броньяръ, Серръ и Изидоръ Жоффруа - Сентъ - Илеръ. Первые трое были отъявленными противниками этерогеніи. Послѣдніе два не имѣли противъ нея никакихъ теоретическихъ предубѣжденій. Пуше написалъ для конкурса новую книгу подъ заглавіемъ: «Nouvelles expériences sur la génération spontanée et la résistance vitale» («Новые опыты на счетъ произвольнаго зарожденія и на счетъ живучести организмовъ»). Это сочиненіе однако не попало на конкурсъ, и Пуше въ предисловіи къ нему объясняетъ причины этого послѣдняго обстоятельства. «Хотя,—говоритъ онъ,—въ коммиссіи противники этерогеніи имѣли на своей сторонѣ большинство, я однако не унывалъ. Я надѣялся, что серьезный трудъ, наполненный добросовѣстными изслѣдованіями, найдетъ себѣ достаточную защиту со стороны Жоффруа и Серра, которые одни только не имѣли предвзятыхъ намѣреній.—Жоффруа умеръ, и у меня остался одинъ Серръ, который предупреждалъ меня, что его безъ сомнѣнія отзовутъ изъ коммиссіи. Я считалъ это невозможнымъ. Однако случилось именно такъ. Въ коммиссію вступили Костъ и Клодъ-Бернаръ; такимъ образомъ вся коммиссія оказалась составленной изъ противниковъ этерогеніи. Я все-таки оставался при прежнемъ своемъ намѣреніи. Но, когда я имѣлъ честь побывать у Мильнъ-Эдвардса, онъ сказалъ мнѣ напрямикъ: «я даю премію Пастеру, потому что я видѣлъ его опыты и они совершенно убѣдили меня». Этотъ пріемъ сразу поражалъ остракизмомъ всю провинцію. Я немедленно объявилъ знаменитому зоологу, что я отказываюсь отъ конкурса. Моему примѣру послѣдовали господа Жоли и Мюссе, двое самыхъ замѣчательныхъ и ученыхъ защитниковъ этерогеніи.» Вотъ какія удивительныя дѣла творятся въ наше время въ знаменитѣйшей изъ европейскихъ академій. Однако неугомонные этерогенисты оказались такими жестокосердыми и неделикатными людьми, что продолжали огорчать и волновать несчастную академію различными заявленіями, которыя очевидно были для нея совершенно неинтересны и даже въ высшей степени непріятны. Академіи не угодно было, чтобы микроскопическія животныя и растенія развивались сами собою въ настояхъ; академія уже достаточно ясно выразила свое полное отвращеніе къ теоріи Пуше и свое столь-же полное сочувствіе къ доктринѣ Пастера. Этерогенистамъ очевидно оставалось только взглянуть на табель о рангахъ, смириться духомъ и раскаяться въ томъ, что они, помимо старшихъ чиновниковъ науки, осмѣлились дѣлать открытія и создавать теоріи. Пуше, Жоли и Мюссе поступили какъ-разъ наоборотъ. Въ 1863 году они втроемъ отправились нарочно въ Пиренейскія горы и взлѣзли на вершину Маладетты, чтобы произвести тамъ надъ стеклянными сосудами тѣ операціи, которыя были произведены Пастеромъ на Юрѣ и на Монбланѣ. На вершинѣ Маладетты, среди вѣчныхъ снѣговъ, этерогенисты вскрыли, наполнили воздухомъ и запаяли снова восемь стеклянныхъ сосудовъ. Такъ какъ высота Маладетты вовсе не уступаетъ высотѣ того пункта на Монбланѣ, на которомъ Пастеръ производилъ свои опыты, и такъ какъ воздухъ среди вѣчныхъ снѣговъ долженъ быть одинаково чистъ въ Альпахъ и въ Пиренеяхъ, то, принимая въ соображеніе результаты, полученные Пастеромъ (изъ 20 сосудовъ 19 безплодныхъ), надо было ожидать, что всѣ восемь сосудовъ Пуше, Жоли и Мюссе останутся не населенными. Вышло какъ разъ наоборотъ. Всѣ восемь обнаружили въ себѣ на пятый день присутствіе растительной и животной жизни. Этимъ извѣстіемъ злобные этерогенисты не преминули огорчить несчастную академію. Академія, какъ и слѣдовало ожидать, заткнула себѣ уши, зажмурила глаза и, отмахиваясь руками, стала повторять на разные лады, что ея Пастеръ—отличный человѣкъ, что онъ сдѣлалъ множество превосходнѣйшихъ опытовъ, что вопросъ окончательно рѣшенъ и что отъ добра добра не ищутъ. Зоологи: Мильнъ-Эдварсъ и Катрфажъ, химики: Реньо и Сентъ-Клеръ-Девиль, и самъ непремѣнный секретарь академіи, Флурансъ, въ публичномъ засѣданіи стали распинаться за безукоризненность пастеровыхъ опытовъ. Злые люди сомнѣваются впрочемъ въ томъ, чтобы химики могли быть компетентными судьями въ запутанномъ физіологическомъ вопросѣ; злые люди припоминаютъ кромѣ того нѣкоторые опыты самого Мильнъ-Эдвардса и нѣкоторыя наблюденія самого Катрфажа, которые никакъ не могутъ быть названы безукоризненными; Мильнъ-Эдвардсъ держалъ настой въ безвоздушномъ пространствѣ и потомъ праздновалъ побѣду надъ теоріей произвольнаго зарожденія, опираясь на то обстоятельство, что въ этомъ настоѣ не появлялось ни животныхъ, ни растеній. Катрфажъ принималъ круглыя и овальныя пылинки, попадающіяся въ воздухѣ, за яички и сѣмена и успокоился на этомъ вѣрованіи, не подвергая его дальнѣйшему анализу. Наконецъ злые люди не оставляютъ въ покоѣ даже непремѣннаго секретаря академіи. О немъ разсказываются во французской печати слѣдующія двѣ легенды, которыя конечно даютъ достаточное понятіе о злости и коварствѣ его враговъ,

осмѣлившихся взводить на него такую напраслину: «Однажды,—пишетъ злой человѣкъ, Викторъ Менье,—одинъ этерогенистъ вручилъ одну стклянку одному изъ членовъ академіи наукъ. Эта стклянка заключала въ себѣ обильную растительность aspergillus'овъ, образовавшихъ въ ней роскошный зеленый коверъ. Къ несчастью (точно-ли это несчастье?), этерогенистъ забылъ сказать академику, своему судьѣ, названіе той вещи, которую онъ ему показывалъ.

Со стклянкой въ лѣвой рукѣ, съ лупой въ правой, приклеившись глазомъ къ увеличительному стеклу, авторитетъ долго предавался созерцанію. Затѣмъ, ставя стклянку на столъ: «хорошо!—сказалъ онъ.—Покажите-же вы мнѣ теперь эти знаменитые aspergillus, о которыхъ было говорено такъ много.»

«— Т. І. R. пріѣзжалъ ко мнѣ; онъ видѣлъ мои опыты; онъ уѣхалъ окончательно убѣжденный, говорилъ тотъ-же этерогенистъ тому же академику.

«— Это не авторитетъ!

«— Но этерогенія, осмѣянная во Франціи, съ каждымъ днемъ привлекаетъ къ себѣ новыхъ приверженцевъ въ заграничныхъ академіяхъ и университетахъ.

«— (Ударяя себя въ грудь.) Нѣтъ другой академіи наукъ!

«— Но вашъ товарищъ по академіи Т. С. видѣлъ и остался доволенъ.

«— Ахъ! видите-ли, надо, чтобы я самъ провѣрилъ ваши опыты.

«— Я къ вашимъ услугамъ. Я пробуду здѣсь двѣ недѣли, мѣсяцъ...

«— Нѣтъ, мои занятія... слабость моего здоровья...

«Тѣмъ дѣло и кончилось. Можетъ-быть я поступаю нескромно, но я знаю навѣрное, что я не искажаю фактовъ. Возвращаясь къ г. Флурансу (точно-ли мы разставались съ нимъ?), я замѣчу, что этотъ физіологъ въ жизни своей не сдѣлалъ ни одного опыта, относящагося къ этерогеніи.» («La science et les savants en 1864»), Однако, какія-бы неправдоподобныя легенды ни распространяли злые люди, академія, проникнутая высокимъ сознаніемъ своего генеральскаго чина, сдѣлала свое дѣло очень успѣшно. Ея непоколебимая ненависть къ этерогеніи навела такой ужасъ на огромное большинство оффиціальныхъ представителей французской науки, что очень многіе тайные доброжелатели отверженной теоріи остерегаются выражать громко свои грѣховныя симпатіи, потому что эти симпатіи съ величайшимъ удобствомъ могутъ совершенно испортить ихъ ученую карьеру. Однажды Пуше получилъ отъ *одного изъ самыхъ замѣчательныхъ профессоровъ медицинскаго факультета* сочувственное письмо, изъ котораго онъ въ своей послѣдней книгѣ напечаталъ слѣдующій отрывокъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ классическихъ пеленокъ, и съ тѣхъ поръ, какъ я началъ размышлять собственнымъ умомъ, я примкнулъ къ приверженцамъ произвольнаго зарожденія, и въ настоящее время я дивлюсь только тому, какимъ образомъ есть до сихъ поръ умные люди, способные удовлетвориться смѣшной выдумкой панспермiи! Но вы не надѣйтесь, чтобы кто-нибудь изъ панспермистовъ обратился на путь истины. Чѣмъ пристальнѣе я изучаю ходъ прогресса, тѣмъ сильнѣе я убѣждаюсь въ томъ, что только коса времени способна его осуществить, потому что только одна смерть побѣждаетъ упрямство ученыхъ.» Авторъ этого письма не уполномочилъ Пуше назвать его по имени. Онъ не желаетъ ссориться съ академическимъ генералитетомъ, и поэтому не осмѣливается заявить публично свое мнѣніе объ отверженномъ ученіи этерогенистовъ «Да,—замѣчаетъ по этому случаю Менье,—есть такія научныя истины, о которыхъ неудобно говорить; кто не хочетъ жертвовать собою, тому часто приходится жертвовать истиной; кто не имѣетъ мѣста и желаетъ его получить; кто лишенъ рабочихъ инструментовъ и желаетъ пріобрѣсти казенную лабораторію; кто, по недостатку средствъ, не можетъ работать и проситъ себѣ денежнаго вспомоществованія; кто, доведя работу до конца, стремится къ преміи или къ почетному отзыву; кто, живя въ захолустьѣ, мечтаетъ о томъ, чтобы его вызвали въ Парижъ; кто, будучи честнымъ человѣкомъ, желаетъ украсить свою петлицу видимыми знаками своихъ достоинствъ; кто, будучи кавалеромъ (Почетнаго Легіона), хочетъ сдѣлаться офицеромъ того-же ордена; кто, непричастный къ академіи, жаждетъ получить титулъ корреспондента; кто, сдѣлавшись корреспондентомъ, стремится сдѣлаться членомъ; кто, занимая одну каѳедру, простираетъ свои виды на другую и т. д.,—всѣ такіе ученые осуществятъ свои стремленія только въ томъ случаѣ, если они будутъ служить въ одно время, но не съ одинаковымъ усердіемъ, двумъ господамъ, напримѣръ астрономіи и господину такому-то, физіологіи и господину такому-то, химіи и господину такому-то, зоологіи и господину такому-то, искусственному разведенію устрицъ и господину такому-то.»

III.

Распря между наукой и академическими генералами продолжалась уже пять лѣтъ, когда наконецъ, въ ноябрѣ 1863 года, этерогенисты Жоли и Мюссе сдѣлали академіи слѣдующее предложеніе: «Есть возможность,—писали они,—рѣшить очень просто этотъ безконечный споръ. Пусть академія наукъ соблаговолитъ назначить

коммиссію, передъ которой г. Пастеръ и мы повторимъ главные опыты, на которыхъ основываются, съ этой и съ другой стороны, столь противоположныя заключенія. Что касается до насъ, то мы считали бы себя счастливыми, еслибы знаменитое общество обратило серьезное вниманіе на ту просьбу, которую мы осмѣливаемся передъ нимъ выразить.»—Когда это письмо было прочитано въ засѣданіи академіи, тогда Пастеръ изъявилъ съ своей стороны полное согласіе. Двѣ недѣли спустя послѣ этого засѣданія, Пуше также присоединился къ прошенію своихъ союзниковъ, Жоли и Мюссе. Въ декабрѣ президентъ академіи, генералъ Моренъ, назначилъ членами коммиссіи Флуранса, Дюма, Мильнъ-Эдвардса, Броньяра и Балара. Любопытно замѣтить, что этотъ генералъ Моренъ, тотъ самый, который, по мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», можетъ рѣшать безапелляціонно вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ, подобралъ для коммиссіи такихъ людей, которые несчетное число разъ декламировали противъ этерогеніи и которыхъ слѣдовательно личное самолюбіе сильнѣйшимъ образомъ побуждало къ тому, чтобы оправдать Пастера и обвинить Пуше, Жоли и Мюссе.—Противъ своеобразнаго распоряженія генерала Морена не возражалъ ни одинъ изъ присутствовавшихъ академиковъ; такая манера составлять коммиссіи очевидно начинаетъ обращаться въ привычку; коммиссія по поводу конкурса была составлена точно такимъ-же образомъ. Флурансу, Мильнъ-Эдвардсу и Броньяру, увѣнчавшимъ Пастера и отстранившимъ отъ конкурса *всю провинцію* этерогенистовъ, предстоялъ теперь удобный случай забрать этихъ этерогенистовъ живьемъ и приковать ихъ къ тріумфальной колесницѣ великаго изобрѣтателя полупанспермiи. Можно было сомнѣваться только въ одномъ: именно въ томъ, окажутся-ли этерогенисты настолько добродушными и довѣрчивыми, чтобы, по собственному желанію, отдаться въ руки тѣхъ самыхъ судей, которые уже одинъ разъ заявили блистательно въ отношеніи къ нимъ все величіе своего безпристрастія и своей компетентности. Можно было думать, что, увидѣвъ слишкомъ знакомыя имена: Мильнъ-Эдвардса, Флуранса и Броньяра, они примутъ такой составъ коммиссіи за пріятную шутку со стороны генерала Морена и отвѣтятъ этому любимцу «Московскихъ Вѣдомостей», что если ему угодно шутить, то имъ нисколько не угодно тратить время на безполезное путешествіе въ Парижъ и на увеселеніе чиновныхъ благодѣтелей счастливаго полупанспермиста. Однако вышло совсѣмъ не то. Этерогенисты оказались невинными дѣтьми золотого вѣка, и даже самъ Пуше, описавшій въ предисловіи къ своей книгѣ свой оригинальный разговоръ съ Мильнъ-Эдвардсомъ по поводу конкурса, даже самъ Пуше согласился подчиниться суду коммиссіи, составленной генераломъ Мореномъ. Конечно такая идиллическая довѣрчивость заслуживала строгаго наказанія, и академики дѣйствительно позаботились о томъ, чтобы ихъ опрометчивые противники перечувствовали понемногу всѣ непріятности, составляющія естественное слѣдствіе ихъ непростительной неосторожности. Коммиссія пригласила этерогенистовъ пріѣхать въ Парижъ въ первыхъ числа марта. Этерогенисты отвѣчали на это приглашеніе, что для полнаго успѣха ихъ опытовъ необходима лѣтняя температура, которая не можетъ быть замѣнена въ этомъ случаѣ никакими искусственными средствами; поэтому они попросили себѣ отсрочки до іюня. Пастеръ конечно не замедлилъ возликовать публично. Онъ всталъ и въ полномъ засѣданіи академіи громко выразилъ свое изумленіе по поводу той отговорки, которую представляютъ Пуше, Жоли и Мюссе. «Что касается до меня —прибавилъ онъ,—то я спѣшу объявить, что я готовъ къ услугамъ академіи: лѣтомъ, весною и во всякое другое время года, — я всегда могу повторить мои опыты.» Своей смѣлой рѣчью и своей всегдашней готовностью Пастеръ хотѣлъ оттѣнить съ самой невыгодной стороны робость и уклончивость своихъ противниковъ; друзья Пастера, разумѣется, оцѣнили вполнѣ его несокрушимую храбрость и съ великодушіемъ, достойнымъ ихъ высокаго чина, согласились дать просимую отсрочку его трепещущимъ противникамъ. Геройское мужество Пастера и позорное малодушіе этерогенистовъ объясняются совершенно удовлетворительно особенными свойствами ихъ противоположныхъ доктринъ. Представьте себѣ, что Пастеръ и Пуше производятъ одновременно одинъ и тотъ-же опытъ надъ одинаковымъ количествомъ стеклянныхъ сосудовъ, заключающихъ въ себѣ одинаковыя порціи одного и того-же настоя. Спрашивается, какой результатъ долженъ получить Пуше для того, чтобы отстоять свою теорію? Очевидно тотъ результатъ, чтобы всѣ его сосуды наполнились животными и растеніями. Если изъ сотни его сосудовъ *одинъ* останется безплоднымъ, то противники его скажутъ тотчасъ, что остальные девяносто-девять наполнились инфузоріями, только благодаря случайному присутствію органическихъ зародышей въ окружающей атмосферѣ. Полупанспермія отпразднуетъ тотчасъ шумную и блистательную побѣду. Если возникновеніе органической жизни составляетъ естественное и необходимое слѣдствіе извѣстныхъ условій, то органическая жизнь должна развиваться всегда и вездѣ, когда и гдѣ оказываются эти условія. Исключеній быть не можетъ, потому что законы природы никакихъ исключеній не допускаютъ. Поэтому понятно, что Пуше и его товарищи соглашались производить свои опыты только лѣтомъ, то есть тогда, ко-

гда соединяются всѣ условія, необходимыя для возбужденія органической жизни.—А какой-же результатъ долженъ получить Пастеръ для того, чтобы отстоять свою полупанспермію?—Какой угодно результатъ. Ему рѣшительно все равно. Его теорія особенно удобна въ томъ отношеніи, что она даетъ ему возможность выигрывать процессъ во всякомъ случаѣ. Если вся сотня сосудовъ наполнится животными и растеніями, то Пуше конечно окажется правъ, но и Пастеръ тоже окажется правъ. Пастеръ скажетъ только, что въ воздухѣ носились во время открыванія сосудовъ цѣлыя тучи органическихъ зародышей. Если вся сотня останется безплодной, то Пуше будетъ разбитъ на голову, а Пастеръ восторжествуетъ. Онъ скажетъ, что воздухъ былъ совершенно чистъ. Если въ однихъ сосудахъ появится органическая жизнь, а въ другихъ не появится, то Пуше опять будетъ разбитъ на голову, а Пастеръ не будетъ знать границъ своему ликованію. Вотъ она и есть, моя полупанспермія, скажетъ онъ съ гордостью. Въ однихъ мѣстахъ попались зародыши, а въ другихъ не попались. Вы видите такимъ образомъ, что Пастеръ непобѣдимъ и неуязвимъ. Его опыты не допускаютъ никакой неудачи, то есть нѣтъ возможности придумать такую комбинацію, при которой эти опыты повернулись-бы противъ его теоріи. Мильнъ-Эдвардсъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ январскомъ номерѣ «Annales de Zoologie» за 1865 годъ, даетъ намъ наглядное доказательство этой истины. Онъ упоминаетъ объ опытахъ Пуше, Жоли и Мюссе на вершинѣ Маладетты и находитъ, что эти опыты ровно ничего не доказываютъ въ пользу этерогеніи и противъ полупанспермія. «Если,—говоритъ онъ,—мы предположимъ, что опыты Пуше, Жоли и Мюссе были сдѣланы правильно, то и тогда эти опыты доказываютъ только, что въ томъ мѣстѣ и въ ту минуту, гдѣ и когда восемь сосудовъ этихъ натуралистовъ наполнялись воздухомъ, атмосфера заключала въ себѣ больше органической пыли, чѣмъ сколько ея было на вершинѣ Юры въ то время, когда тамъ находился Пастеръ.» Послѣ этого понятно, что Пастеръ обнаруживаетъ несокрушимую храбрость и вызывается повторять свои опыты днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, на экваторѣ и за полярнымъ кругомъ. Понятно также, что въ этомъ отношеніи этерогенисты никакъ не могутъ за нимъ угоняться. Покуражившись надъ малодушными этерогенистами въ академіи, Пастеръ вслѣдъ затѣмъ употребилъ всѣ усилія, чтобы очернить, опошлить и осмѣять ихъ передъ парижскимъ beau monde въ публичной лекціи, читанной по спорному вопросу въ Сорбоннѣ 7-го апрѣля 1864 года. Онъ началъ свою лекцію съ того, что обвинилъ этерогенистовъ въ матеріализмѣ и въ атеизмѣ. «Какое торжество, милостивые государи,—сказалъ онъ,—какое торжество для матеріализма, еслибы онъ могъ утверждать, что матерія дѣйствительно организуется и оживляется сама собою; матерія, которая уже заключаетъ въ себѣ всѣ извѣстныя силы... Ахъ! еслибы мы еще могли придать ей ту силу, которая называется жизнью, еслибы мы могли придать ей такую жизнь, которая видоизмѣнялась бы въ своихъ проявленіяхъ вмѣстѣ съ условіями нашихъ опытовъ, то естественнымъ образомъ мы должны были-бы придти къ обоготворенію этой самой матеріи. Къ чему тогда допускать первобытное твореніе, передъ тайной котораго мы поневолѣ должны преклоняться? Къ чему тогда идея Бога-Создателя?» Доказавши добродушнымъ парижанамъ посредствомъ такихъ восклицательныхъ и вопросительныхъ тирадъ, что Пуше и его союзники— великіе грѣшники, праведный Пастеръ началъ доказывать такими-же солидными аргументами, что Пуше и его союзники—плохіе экспериментаторы, диллетанты въ наукѣ и ограниченные люди, неспособные построить ни одного правильнаго силлогизма. Чтобы убить этерогенистовъ насмѣшками, Пастеръ откопалъ въ лѣтописяхъ науки опыты Ванъ-Гельмонта, жившаго въ XVII вѣкѣ и утверждавшаго съ свойственной тогдашнимъ людямъ серьезностью, что мыши родятся отъ химическаго дѣйствія грязнаго бѣлья на хлѣбныя зерна. Этими мышами Ванъ-Гелмонта остроумный Пастеръ настойчиво колетъ глаза современнымъ этерогенистамъ; онъ проводитъ язвительную параллель между ихъ опытами и опытами Ванъ-Гельмонта, и публика, разумѣется, приходитъ въ восхищеніе, смѣется и апплодируетъ, во-первыхъ потому, что ей очень пріятно понимать совершенно ясно несостоятельность теоріи Ванъ-Гельмонта, во-вторыхъ потому, что ей еще болѣе пріятно видѣть передъ собою на каѳедрѣ любезнаго шутника, превращающагося по временамъ въ пламеннаго защитника оскорбляемой нравственности, и въ третьихъ потому, что ей всего пріятнѣе безъ всякаго умственнаго напряженія относиться сверху внизъ къ трудамъ и размышленіямъ серьезныхъ работниковъ, подобныхъ Пуше, Жоли и Мюссе. Овладѣвши такимъ образомъ вниманіемъ и благосклонностью своихъ безхитростныхъ слушателей, искусный Пастеръ начинаетъ безбоязненно хвалить и величать самого себя, какъ разрушителя всякихъ гелмонтовскихъ фантасмагорій, и предается этому сладостному занятію до самаго конца своей лекціи. Когда лекція Пастера появилась въ печати, Викторъ Менье принялъ на себя трудъ сосчитать, сколько разъ въ этой лекціи употреблено мѣстоименіе *я*. Оказалось, что оно встрѣчается въ ней *сто тридцать семь* разъ. Еслибы Пастеру заблагоразсудилось прочитать публикѣ обширную главу изъ своей автобіографіи, то и

тогда его собственная особа врядъ-ли могла-бы играть въ его лекціи болѣе значительную роль. Даже академическіе благодѣтели краснорѣчиваго Пастера нашли послѣ этой лекціи, что полупанспермистское усердіе ихъ protégé завлекло его слишкомъ далеко и заставило его хватить черезъ край. На нѣкоторыхъ не совсѣмъ наивныхъ слушателей Пастера его тирады, его сарказмы, его самохвальство и весь догматическій тонъ его лекціи произвели самое непріязненное впечатлѣніе. «Я вошелъ сюда,—сказалъ одинъ журналистъ, обращаясь къ Менье,—не имѣя никакого опредѣленнаго мнѣнія о произвольныхъ зарожденіяхъ. Я ухожу отсюда съ полнымъ убѣжденіемъ, что Пастеръ ошибается, и я это напечатаю.» Само собою разумѣется, что далеко не всѣ журналисты взглянули на дѣло съ этой точки зрѣнія, и что у Пастера нашлось между пишущими и печатающими людьми достаточное количество панегиристовъ. «Надо было,—писалъ объ его лекціи іезуитъ Муаньо въ одномъ изъ періодическихъ изданій,—надо было обратить къ спиритуализму скептиковъ и матеріалистовъ. Пастеръ сознавалъ свою миссію; онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ обязанность спасать человѣческія души.» Ученые благодѣтели произвели Пастера въ академики; клерикальная партія провозглашаетъ его пастыремъ человѣческихъ душъ; немудрено, что, снискавъ себѣ своей догадливостью такую сильную и разнообразную протекцію, безукоризненный Пастеръ сдѣлается со временемъ сенаторомъ и министромъ. Что-же касается до его противниковъ, то, разумѣется, они не получатъ ничего, кромѣ всемірной и вѣчной извѣстности. О такихъ неосязательныхъ пустякахъ благоразумные люди никогда не заботятся.

IV.

Въ половинѣ іюня 1864 года этерогенисты пріѣхали въ Парижъ. Первое засѣданіе коммиссіи показало имъ немедленно, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло и въ какомъ направленіи будетъ происходить все изслѣдованіе. Мильнъ-Эдвардсъ съ свойственнымъ ему юпитерствомъ сказалъ имъ прямо: «Вы будете дѣлать то, что́ мы вамъ скажемъ, и такъ, какъ мы того пожелаемъ.» Флурансъ въ частномъ разговорѣ съ этерогенистами увѣрялъ ихъ, что коммиссія предоставитъ имъ полную свободу въ выборѣ и въ расположеніи тѣхъ опытовъ, на которыхъ они основывали свою теорію, но въ засѣданіи коммиссіи тотъ - же Флурансъ примкнулъ къ Мильнъ-Эдвардсу и къ его союзнику Броньяру. Остальные члены коммиссіи, химики Дюма и Баларъ, соглашаясь съ своими товарищами, хотѣли совершенно устранить изъ программы испытанія все, что́ выходило за предѣлы органической химіи и относилось къ области физіологіи. Словомъ, коммиссія требовала единогласно, чтобы этерогенисты сдѣлали опытъ Пастера и чтобы, кромѣ этого опыта, они не дѣлали ровно ничего. Но, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, самъ Мильнъ-Эдвардсъ объявляетъ печатно, что опытъ Пастера, при какомъ угодно исходѣ, не даетъ никакого доказательства въ пользу произвольнаго зарожденія. Значитъ, принуждая этерогенистовъ ограничиваться опытомъ Пастера, коммиссія заранѣе отнимала у нихъ всякую возможность доказать вѣрность ихъ теоріи. Коммиссія заставляла этерогенистовъ играть въ такую игру, въ которой для нихъ не было выигрыша. На это этерогенисты, разумѣется, не могли согласиться. Не отказываясь повторить опытъ Пастера, они говорили въ то-же время, что этотъ опытъ самъ по себѣ ничтоженъ и что ихъ теорія основывается на множествѣ другихъ опытовъ, гораздо болѣе важныхъ и знаменательныхъ. Прежде всего, говорили они, надо заняться микрографіей воздуха. Яички крупнѣйшихъ инфузорій, покрытыхъ рѣсничными волосками, настолько велики, что сильный микроскопъ даетъ намъ возможность очень явственно различать ихъ фигуру и специфическія особенности. Эти яички извѣстны микрографамъ, подробно описаны и тщательно нарисованы ими. Значитъ, надо прежде всего, посредствомъ тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, доказать коммиссіи, что яички *крупнѣйшихъ* инфузорій никогда не встрѣчаются въ воздухѣ. Когда это отсутствіе яичекъ будетъ доказано, тогда можно будетъ производить опыты, не пропуская воздухъ ни черезъ сѣрную кислоту, ни черезъ раскаленныя трубки; кромѣ того можно будетъ допустить, чтобы къ настою прикасались не кубическіе дюймы, а цѣлые кубическіе метры воздуха, что́ оказывается невозможнымъ, когда опытъ производится въ закупоренномъ сосудѣ или когда воздухъ проводится въ сосудъ сквозь узенькія трубочки, загроможденныя разными химическими ингредіентами. При свободномъ притокѣ цѣлыхъ массъ чистаго воздуха въ настояхъ будутъ появляться *крупныя* инфузоріи, и породы этихъ животныхъ будутъ измѣняться, смотря по тому, какое вещество положено въ настой, смотря по тому, какъ велико количество всего настоя, и смотря по тому, насколько данный настой крѣпокъ или слабъ. Форма и размѣры сосудовъ также будутъ имѣть вліяніе на характеръ микроскопической фауны и флоры. Этерогенисты хотѣли произвести въ присутствіи коммиссіи множество другихъ опытовъ, о которыхъ я не буду распространяться. Приведеннаго примѣра вполнѣ достаточно, чтобы показать читателямъ, до какой степени далеко расходились между собою розовыя надежды подсудимыхъ этерогенистовъ и суровыя требо-

ванія академическаго ареопага. «Я—химикъ,— говоритъ имъ Дюма,—и согласился засѣдать въ коммиссіи для того, чтобы присутствовать при химическомъ опытѣ. До остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.» — «Я—не микрографъ», возражаетъ Баларъ, когда этерогенисты заикаются о микроскопическомъ изслѣдованіи воздуха. Одинъ изъ этерогенистовъ, Мюссе, обращается наконецъ къ самому Пастеру: «Мы надѣемся по крайней мѣрѣ,—говоритъ онъ,—что г. Пастеръ покажетъ намъ тѣ зародыши, которымъ онъ приписываетъ такое важное значеніе.» «Я показывалъ ихъ всему Парижу», отвѣчаетъ Пастеръ съ неудержимой храбростью.—«Вы *намъ* должны ихъ показать», возражаетъ Мюссе.—На этотъ разъ Пастеръ не удостоиваетъ его отвѣта и поступаетъ въ этомъ случаѣ весьма благоразумно, потому что показать какую-нибудь штуку знающему человѣку гораздо труднѣе, чѣмъ показать ее всему Парижу. Кромѣ того даже и всему Парижу Пастеръ никогда не *показывалъ* ничего похожаго на органическіе зародыши. Онъ очень много говорилъ объ этихъ зародышахъ, но говорить и показывать — двѣ вещи разныя, а Пуше, Мюссе и Жоли держатся того правила, что соловья баснями не кормятъ. Наконецъ, видя, что ареопагъ упорствуетъ въ своемъ намѣреніи остановиться исключительно на одномъ опытѣ Пастера, этерогенисты ссылаются на букву условій, заключенныхъ ими съ академіей. Въ письмѣ Жоли и Мюссе было положительно сказано, что они просятъ академію назначить коммиссію, передъ которой они могли-бы повторить «*главные опыты*», на которыхъ основываются съ той и съ другой стороны столь противоположныя заключенія.» Когда Пастеръ съ своей стороны поддержалъ эту просьбу этерогенистовъ, тогда онъ повторилъ буквально эти же самыя слова. Когда академія назначила коммиссію, тогда она поручила ей присутствовать при тѣхъ опытахъ, которыхъ результаты считаются противными или благопріятными для доктрины произвольныхъ зарожденій. Всѣ переговоры по этому дѣлу, всѣ рѣшенія академіи напечатаны въ академическихъ отчетахъ (Comptes rendus). Этерогенисты указывали на печатные документы; они говорили, что *повторить главные опыты* не значитъ сдѣлать одинъ опытъ Пастера, и притомъ такой опытъ, который они вовсе не причисляютъ къ разряду главныхъ. Наконецъ они сдѣлали коммиссіи слѣдующее предложеніе: «Мы согласны начать съ опыта Пастера, но въ такомъ случаѣ вы даете намъ обѣщаніе присутствовать при другихъ опытахъ, которые, по нашему мнѣнію, гораздо важнѣе перваго».—Коммиссія отказалась; этимъ кончилось первое засѣданіе. Черезъ нѣсколько дней Флурансъ увѣдомилъ этерогенистовъ, что коммиссія остается при своемъ прежнемъ рѣшеніи. Въ отвѣтъ на письмо Флуранса, этерогенисты изложили ему письменно ту программу, по которой они намѣрены расположить свои опыты. Тогда коммиссія пригласила ихъ явиться въ музеумъ естественной исторіи, въ лабораторію Шевреля, въ которой должно было происходить изслѣдованіе. Этерогенисты подумали, что коммиссія принимаетъ ихъ программу, и со всѣми своими приборами, рисунками и инструментами отправились въ назначенное мѣсто. Второе засѣданіе коммиссіи открылось тѣмъ, что коммиссія пригласила Пастера приступить къ его извѣстному опыту. Пастеръ поставилъ передъ собой большой сосудъ, заключавшій около $^4/_5$ ведра раствора пивной гущи, и началъ разливать этотъ растворъ въ маленькіе стеклянные сосуды съ узкимъ горлышкомъ. Пуше спросилъ въ это время, принимаетъ-ли коммиссія ихъ программу, и не получилъ на этотъ вопросъ никакого опредѣленнаго отвѣта. Отъ нечего дѣлать этерогенисты стали вглядываться въ манипуляціи Пастера и тотчасъ подмѣтили слабыя стороны его экспериментовъ. Во-первыхъ, растворъ былъ черезчуръ жидокъ, что̀ составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій для зарожденія микроскопическихъ организмовъ. Во-вторыхъ, Пастеръ не взбалтывалъ большого сосуда передъ наливаніемъ жидкости въ мелкіе сосуды; понятно, что жидкость успѣла отстояться, что твердыя частицы раствора опустились на дно и что вслѣдствіе этого въ мелкихъ сосудахъ долженъ оказаться растворъ различной плотности, который, сообразно съ своей различной плотностью, дастъ непремѣнно различные результаты. Въ-третьихъ, Пастеръ кипятилъ жидкость мелкихъ сосудовъ совершенно произвольнымъ образомъ: одинъ сосудъ онъ держалъ надъ огнемъ двѣ минуты, другой—три, третій—пять, четвертый—одну и такъ далѣе. Жидкость употребленнаго раствора объясняетъ, по мнѣнію этерогенистовъ, отсутствіе органической жизни въ большей части пастеровскихъ сосудовъ, а присутствіе микроскопическихъ организмовъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сосудовъ объясняется тѣмъ, что въ эти сосуды, по небрежности экспериментатора, попалъ растворъ болѣе густой или подвергнутый менѣе продолжительному кипяченію. Когда этерогенисты высказали эти замѣчанія, тогда никто изъ членовъ коммиссіи не нашелъ противъ нихъ ни одного возраженія, что̀ однако нисколько не помѣшало всѣмъ этимъ членамъ впослѣдствіи превозносить попрежнему любезнаго Пастера, какъ искуснѣйшаго и остроумнѣйшаго экспериментатора. Наконецъ великій магикъ Пастеръ окончилъ свое переливаніе изъ пустого въ порожнее; онъ наполнилъ, вскипятилъ и запаялъ всѣ свои сосуды. Тогда этерогенисты предложили съ своей стороны сдѣлать нѣсколько опытовъ, которые они считали рѣшительными. Ареопагъ отвѣчалъ

имъ на это, что онъ будетъ смотрѣть на ихъ опыты, когда самъ сочтетъ это нужнымъ и своевременнымъ. — «Скажите-же намъ наконецъ, принимаете-ли вы нашу программу?» — спросили этерогенисты. Мильнъ Эдвардсъ до самаго конца остался вѣренъ своему юпитеровскому характеру. «Было-бы нелѣпо требовать, — отвѣтилъ онъ, — чтобы коммиссія слушалась вашихъ приказаній.» Остальные члены коммиссіи своимъ молчаніемъ подтвердили его величественное рѣшеніе. Этерогенисты раскланялись съ своими судьями и объявили имъ, что они считаютъ дѣло оконченнымъ. 27-го іюня Пуше, Жоли и Мюссе представили академіи письмо, которое оканчивается слѣдующими словами: «Такъ какъ мы встрѣтили совершенно неожиданныя препятствія, то мы думаемъ по совѣсти, что намъ остается только протестовать, во имя науки, и предоставить рѣшеніе нашего дѣла будущему.»

V.

Несмотря на колоссальныя усилія академіи задавить этерогенію всѣми правдами и неправдами, эта доктрина въ настоящее время принята уже многими замѣчательными учеными. Къ ней склонились, на основаніи самостоятельныхъ опытовъ, Ричардъ Оуэнъ въ Лондонѣ, Шаффгаузенъ въ Базелѣ, Мантегацца въ Павіи, Кастольди въ Миланѣ, Уайманъ въ Кембриджѣ (въ сѣверной Америкѣ). Бюхнеръ и Карлъ Фохтъ распространяютъ эту доктрину въ кругу своихъ многочисленныхъ нѣмецкихъ читателей. Словомъ, истина непремѣнно пробьетъ себѣ дорогу; но любопытно замѣтить, что это пробиваніе совершается не при содѣйствіи, а помимо и вопреки усиліямъ тѣхъ людей, которые осыпаны деньгами и почестями, какъ оффиціальные хранители, искатели и распространители научной истины. Если мы оглянемся назадъ на исторію науки въ послѣднія два-три столѣтія, то мы увидимъ съ немалымъ изумленіемъ, что почти каждое великое открытіе, почти каждая плодотворная идея встрѣчали себѣ въ ученыхъ корпораціяхъ самое грубое непониманіе, самое близорукое презрѣніе и самое недобросовѣстное преслѣдованіе. Гонителями новой истины оказывались постоянно тѣ личные или коллегіальные авторитеты, въ пользу которыхъ масса такъ называемыхъ образованныхъ обществъ такъ охотно и такъ неосторожно отказывается отъ своего естественнаго, драгоцѣннаго права вглядываться и вдумываться въ явленія природы и человѣческой жизни.—Кто въ XVII столѣтіи отвергалъ дифференціальное исчисленіе, созданное Лейбницемъ?—Парижская академія наукъ.—Кто въ это-же самое время отвергалъ законы тяготѣнія, открытые Ньютономъ? — Лейбницъ.—Кто въ XVIII столѣтіи отвергалъ существованіе аэролитовъ, то есть камней, падающихъ на землю изъ небеснаго пространства? — Парижская академія наукъ. — Кто смѣялся надъ громоотводомъ Франклина?—Лондонское Королевское Общество.—Кто относился съ презрѣніемъ къ электрическому телеграфу?— Парижская академія наукъ. — Кто осмѣялъ Пейссонеля за его наблюденія надъ животными свойствами полиповъ?—Опять-таки парижская академія наукъ.—Та-же самая академія въ 1783 году не обратила никакого вниманія на опыты маркиза Жоффруа, построившаго въ Ліонѣ первый пароходъ; и та-же академія, двадцать лѣтъ спустя, выпроводила изъ Франціи, какъ пустого прожектёра, вторичнаго изобрѣтателя пароходства, Фультона.—Когда мы видимъ такимъ образомъ, что величайшіе авторитеты умственнаго міра впадаютъ иногда въ самыя грубыя ошибки, когда мы видимъ кромѣ того, что очень многіе изъ этихъ авторитетовъ смотрятъ на свои знанія, идеи и изслѣдованія, какъ на стадо дойныхъ коровъ, которыя доставляютъ имъ молоко и масло, то есть деньги, чины и ордена, и къ которымъ вслѣдствіе этого не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ подпускать постороннихъ людей, когда мы видимъ наконецъ, что академіи, зараженныя кумовствомъ, непотизмомъ и предразсудками, превращаются въ замкнутыя касты жрецовъ, — тогда мы начинаемъ понимать, до какой степени нелѣпо и непозволительно было-бы съ нашей стороны ссылаться на авторитеты въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ заинтересовано наше собственное, личное или общественное благосостояніе. — Познакомившись изъ этой небольшой статьи съ нѣкоторыми подвигами и закулисными тайнами европейскихъ авторитетовъ, читатель оцѣнитъ по достоинству то наивное подобострастіе, съ которымъ публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей», неспособный работать силами собственнаго ума, предаетъ въ руки европейскихъ авторитетовъ, генерала Морена и господина Шмидта, вопросъ о нашемъ народномъ образованіи. Есть основаніе думать, что этотъ послѣдній вопросъ рѣшенъ авторитетами такъ-же недобросовѣстно и безпристрастно, какъ рѣшено ими дѣло французскихъ этерогенистовъ.

ПОСМОТРИМЪ!

I.

Постоянные читатели моихъ статей вѣроятно замѣтили, что при всѣхъ столкновеніяхъ моихъ съ нашими литературными противниками я обыкновенно нападаю и почти никогда не защищаюсь. Я не люблю вести оборонительную войну, потому что защищаться—значитъ въ большей части случаевъ повторять то, что̀ уже было сказано прежде, и при этомъ повтореніи соскабливать со своихъ мыслей ту грязь, которая навалена на нихъ тупоуміемъ или недобросовѣстностью журнальныхъ оппонентовъ. Это занятіе скучное, кропотливое и безплодное. Надо возиться съ запутанной аргументаціей противника, надо, какъ мошенника, ловить его съ поличнымъ на каждомъ софизмѣ, надо свѣрять его лживыя показанія съ подлинными документами, надо разсматривать въ микроскопъ такую дрянь, къ которой гадко прикоснуться, и наконецъ цѣной всѣхъ этихъ трудовъ, располагающихъ къ морской болѣзни, приходится купить тотъ тощій результатъ, что какой-нибудь N или M глупъ, какъ пробка, или вретъ хуже всякаго барона Мюнхгаузена. Покупать такой мизерный результатъ дорогой цѣной тошнотворной работы особенно непріятно въ томъ случаѣ, когда льстишь себя надеждой, что этотъ результатъ достанется читателю даромъ, при первомъ взглядѣ на труды глупаго или недобросовѣстнаго писателя. Къ сожалѣнію, эта надежда часто оказывается слишкомъ розовой. Читая самую поразительную дрянь, публика все-таки не умѣетъ распознать ея специфическихъ достоинствъ и обыкновенно нуждается въ томъ, чтобы ей объяснили, что данное произведеніе—дѣйствительно не что иное, какъ жалкая помѣсь безсильной клеветы и самодовольнаго слабоумія. Умственная беззащитность нашей публики обнаруживается какъ нельзя нагляднѣе напримѣръ въ томъ крупномъ и яркомъ фактѣ, что посредственность, подобная Каткову, можетъ пользоваться сильнымъ вліяніемъ и репутаціей умнаго человѣка, съѣвшаго собаку въ области государственной мудрости. Другой примѣръ, гораздо болѣе мелкій, но быть-можетъ еще болѣе выразительный, состоитъ въ томъ, что такой невѣроятно-слабоумный субъектъ, какъ Николай Соловьевъ, имѣетъ возможность печатать свои сочиненія въ журналахъ, которые даже по всей вѣроятности платятъ ему за эти сокровища нѣкоторое количество денегъ. Не изъ милосердія-же въ самомъ дѣлѣ держала его покойная «Эпоха» и не изъ состраданія-же унаслѣдовали его отъ «Эпохи» «Отечественныя Записки». Значитъ, есть даже и такіе читатели, которые могутъ удовлетворяться Николаемъ Соловьевымъ, и къ числу этихъ читателей принадлежатъ очевидно, во-первыхъ, редакціи «Эпохи» и «Отечественныхъ Записокъ», а во-вторыхъ — тѣ люди, которые по своимъ умственнымъ способностямъ стоятъ еще ниже этихъ двухъ редакцій. Хотя этому трудно повѣрить, однако нѣтъ сомнѣнія, что такіе люди дѣйствительно существуютъ, потому что, еслибы они не существовали, тогда обѣимъ названнымъ редакціямъ не было-бы ни повода, ни возможности оставаться редакціями. Такъ какъ редакція «Эпохи» перестала быть редакціей, то надо полагать, что она опустилась ниже возможнаго minimum'а человѣческихъ способностей; а такъ какъ редакція «Отечественныхъ Записокъ» еще продолжаетъ быть редакціей, то остается предположить, что она держится еще выше этого minimum'а и еще не коснулась той роковой точки, на которой человѣкъ превращается въ микроцефала. Стало быть, когда Н. Соловьевъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» разбираетъ мои статьи или, точнѣе, по поводу моихъ статей обнаруживаетъ звонкую пустоту своего черепа и мѣдный составъ своего лба, тогда находятся читатели, которые вѣрятъ Н. Соловьеву на-слово, во-первыхъ въ томъ, что онъ раскритиковалъ меня въ-пухъ, а во-вторыхъ въ томъ, что онъ самъ высказалъ или провелъ кое-какія идеи. Хотя мнѣ, какъ человѣку и гражданину, очень грустно имѣть такихъ ограниченныхъ ближнихъ и соотечественниковъ, однако я все-таки, даже изъ человѣколюбія и изъ любви къ согражданамъ, не унижу себя до того, чтобы защищаться противъ Н. Соловьева. Не унижу себя потому, что это униженіе было-бы совершенно безполезно. Любители Н. Соловьева очевидно должны быть людьми настолько безнадежными въ умственномъ отношеніи, что имъ нельзя ничего растолковать и что ихъ ни въ чемъ нельзя ни убѣдить, ни разубѣдить, потому что они говорятъ для процесса говоренія, слушаютъ для процесса слушанія и вообще живутъ для превращенія пищи въ животное удобреніе. Я вовсе не желаю пріобрѣтать себѣ благосклонность или уваженіе этихъ ходячихъ химическихъ лабораторій, потому что ихъ уваженіе и благосклонность никому ни на что не могутъ пригодиться. Поэтому-то я и не намѣренъ отступать

въ отношеніи къ Н. Соловьеву отъ моей обыкновенной тактики презрительнаго молчанія, несмотря на всѣ плоскія выдумки, которыя онъ распространялъ, распространяетъ и будетъ распространять насчетъ моей литературной дѣятельности.

Но въ послѣднее время у меня явился другой противникъ, въ отношеніи къ которому молчаніе неудобно и даже можетъ сдѣлаться опаснымъ. Этотъ противникъ обращается къ такой публикѣ, которой мнѣніе имѣетъ для меня значительную цѣну. Онъ пишетъ въ такомъ журналѣ, который, несмотря на множество странныхъ и безтактныхъ выходокъ, по общему составу своихъ сотрудниковъ и по общему своему направленію имѣетъ полное право считаться честнымъ и умнымъ журналомъ. Читатель конечно догадался, что журналъ этотъ—«Современникъ» и что противникомъ моимъ является Антоновичъ. Втеченіи прошлаго года я не разъ предлагалъ «Современнику» выяснить тотъ типъ, который называется новымъ типомъ и который теперь пробиваетъ себѣ дорогу какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Мое желаніе возбудить дѣльную и плодотворную полемику завлекло меня слишкомъ далеко; я позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкихъ выраженій (между прочимъ знаменитое *лукошко*), которыя дѣйствительно возбудили желанную полемику, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали ей тотчасъ-же самое ложное направленіе. Читатель конечно помнитъ, какая тутъ произошла печальная оргія личныхъ перебранокъ и клеветливыхъ импровизацій. Клеветалъ г. Посторонній Сатирикъ, но бранились, разумѣется, обѣ стороны, потому что, когда человѣкъ лжетъ, тогда собесѣдникъ этого человѣка поневолѣ долженъ называть его лгуномъ или по меньшей мѣрѣ *сочинителемъ*. Я не отказываюсь взять на себя нѣкоторую долю отвѣтственности за происходившее безобразіе; я сознаюсь, что рѣзкія выраженія были неумѣстны; *лукошко* могло быть выброшено изъ моей статьи безъ всякаго для нея ущерба; однако, принимая въ соображеніе качества того писателя, который принялъ псевдонимъ *Посторонняго Сатирика*,—качества, обозначившіяся очень ярко въ разгарѣ нашей полемики, я полагаю, что съ этимъ писателемъ добросовѣстная и дѣльная полемика, клонящаяся къ выясненію и всестороннему разсмотрѣнію идей, вообще совершенно невозможна, и была-бы невозможна даже въ томъ случаѣ, еслибы я не позволилъ себѣ никакой рѣзкой выходки. Какъ-бы то ни было, я уклонился отъ полемики и сталъ желать ея прекращенія, какъ только обозначился ея неблаговидный и совершенно безплодный характеръ. Я рѣшился молчать, когда Антоновичъ въ своей статьѣ «Промахи» разобралъ *по своему* мой «Нерѣшенный Вопросъ» *). Не желая защищаться и поддерживать такимъ образомъ личный характеръ полемики, я однако съ свойственной мнѣ рѣзкостью разобралъ и осмѣялъ тѣ жалкія несообразности, которыя были высказаны Антоновичемъ по поводу «Эстетическихъ Отношеній». Мои насмѣшки заставили Антоновича направить противъ «Русскаго Слова», и преимущественно противъ меня, статью «Лже-реалисты», помѣщенную въ іюльской книжкѣ «Современника». Эта статья налагаетъ на меня обязанность защищаться, и защищаться очень серьезно.

II.

Въ самомъ началѣ своей статьи Антоновичъ отзывается о «Русскомъ Словѣ» слѣдующимъ образомъ: «До сихъ поръ оно только пробавлялось чужими, подслушанными или напрокатъ взятыми фразами, не пускаясь въ объясненіе смысла ихъ, и всѣ были увѣрены, что оно понимаетъ эти фразы и понимаетъ ихъ, какъ слѣдуетъ»... «Теперь-же «Русское Слово» вызвали на объясненіе, заставили его опредѣленно высказаться, какъ оно понимаетъ реализмъ и какъ прилагаетъ его къ различнымъ частнымъ вопросамъ.» *До сихъ поръ* и *теперь!* До какихъ это поръ? и что́ значитъ это *теперь?* Когда именно «Русское Слово» пробавлялось чужими фразами, у кого были взяты напрокатъ эти фразы, съ какихъ поръ начинается разоблаченіе «Русскаго Слова» и кто заставилъ его опредѣленно высказаться? Если для разрѣшенія этихъ вопросовъ мы обратимся къ печатнымъ фактамъ, то тотчасъ увидимъ, что вся теорія Антоновича о двухъ фазахъ въ существованіи «Русскаго Слова» есть не что иное, какъ плодъ игриваго воображенія. Если «Русское Слово» брало напрокатъ реалистическія фразы, то, разумѣется, оно могло брать ихъ только у «Современника». На самомъ-же дѣлѣ этого не было. «Русское Слово» уже въ 1861 году не разъ высказывало по поводу различныхъ статей «Современника» свои критическія замѣчанія. Въ майской книжкѣ 1861 года, въ статьѣ «*Схоластика XIX вѣка*», я доказывалъ неумѣстность тѣхъ пріемовъ, съ которыми Антоновичъ приступаетъ къ разбору лекцій Лаврова. Въ сентябрьской книжкѣ того-же года, въ статьѣ подъ тѣмъ-же заглавіемъ, я опровергалъ нѣкоторыя мысли Чернышевскаго о паденіи Римской имперіи. Вѣрны или ошибочны были мои идеи—объ этомъ я, какъ авторъ, судить не могу, но во всякомъ случаѣ, если даже я ошибался, то я ошибался самостоятельно, то-есть размышлялъ самъ, а не бралъ напрокатъ чужихъ фразъ. Въ томъ-же 1861 году нѣкоторые изъ нашихъ журналовъ сильно нападали на меня за «*Схола-*

*) Статья „Нерѣшенный вопросъ" помѣщена въ III-мъ томѣ настоящаго изданія Сочиненій Д. И. Писарева" подъ другимъ заглавіемъ („Реалисты").

стику» и за статью о «Физіологическихъ эскизахъ Молешота». Они тогда-же пугали мною «Современникъ» и говорили ему, что я довожу его идеи до абсурдовъ, которые однако составляютъ логическое слѣдствіе этихъ самыхъ идей. Слѣдовательно, если я вообще компрометтирую реализмъ моей литературной дѣятельностью, то во всякомъ случаѣ я занимаюсь этимъ компрометтированіемъ очень давно и постоянно, съ перваго моего появленія на литературномъ поприщѣ. Такого періода, когда я повторялъ чужія фразы, въ моей литературной дѣятельности не было. Все, что̀ я знаю, то конечно я не самъ открылъ, а вычиталъ въ различныхъ книгахъ, русскихъ и иностранныхъ. Но я полагаю, что точно такимъ-же путемъ пріобрѣтали себѣ свои знанія и Бѣлинскій, и Добролюбовъ, и Чернышевскій, и всѣ остальные представители нашего реализма. Всѣ они не изобрѣтали науку, а принимали ее въ готовомъ видѣ отъ западныхъ учителей и потомъ старались приспособлять ее къ пониманію своихъ россійскихъ учениковъ. Я всегда поступалъ и поступаю до сихъ поръ точно такъ-же; въ какомъ отношеніи находятся мои личныя силы къ силамъ названныхъ мною писателей,—объ этомъ я судить не могу, но я говорю только, что въ своей дѣятельности я постоянно работалъ и работаю мыслью такъ-же самостоятельно, какъ работали они. Итакъ, повторенія чужихъ фразъ въ «Русскомъ Словѣ» никогда не было. Точно также не было и тѣхъ вызываній на объясненія, которыя будто-бы, по словамъ Антоновича, заставили «Русское Слово» опредѣленно высказаться. «Русское Слово» высказывалось постоянно по собственному желанію, высказывалось тогда, когда не было никакихъ полемическихъ столкновеній, вызывающихъ на объясненія. Антоновичъ самъ признаетъ этотъ фактъ и такимъ образомъ, самъ того не замѣчая, собственноручно опрокидываетъ свое показаніе, будто-бы «Русское Слово» сначала драпировалось въ чужія фразы, а потомъ явилось въ своей позорной наготѣ, когда посторонніе люди сорвали съ него эту драпировку. Въ числѣ главныхъ преступленій «Русскаго Слова» противъ реализма Антоновичъ отмѣчаетъ мою статью о Базаровѣ, напечатанную въ 1862 году, и мои статьи: «Мотивы русской драмы» и «Нерѣшенный Вопросъ», напечатанныя въ 1864 году. Всѣ эти статьи напечатаны до нашего столкновенія съ «Современникомъ»; въ самомъ столкновеніи иниціатива принадлежала намъ, а не «Современнику». Стало-быть, ясно, что мы совершали наши преступленія сознательно, по собственному желанію, помимо всякихъ постороннихъ побужденій и вызываній на объясненіе. Еслибы мы брали напрокатъ чужія фразы и еслибы вслѣдствіе этого мы нуждались въ снисходительности и долготерпѣніи того магазина, который снабжалъ насъ этими фразами, то мы конечно тщательно уклонялись-бы отъ всякихъ столкновеній съ «Современникомъ». Видя наше смиреніе, «Современникъ» съ своей стороны постоянно молчалъ-бы объ насъ, и при такомъ положеніи дѣлъ мы могли-бы совершенно безопасно украшать себя чужими фразами до конца нашей жизни. Мы поступали какъ-разъ наоборотъ, и поэтому слова Антоновича о повтореніи чужихъ фразъ и о вызываніи на объясненіе оказываются совершенно произвольной выдумкой, въ которой нѣтъ даже отдаленнаго сходства съ дѣйствительными фактами. Это—*первое* изобрѣтеніе, заключающееся въ статьѣ Антоновича, и притомъ это одно изъ самыхъ невинныхъ. На той-же страницѣ Антоновичъ говоритъ, что нѣкоторые изъ противниковъ реализма «забрасываютъ «Русскому Слову» весьма нехитрую удочку, на которую оно однако попадается: они иногда прихваливаютъ «Русское Слово», говорятъ, что оно не останавливается на полдорогѣ, а искренно и смѣло высказываетъ послѣдніе выводы реализма... Подстрекаемые этими похвалами, Писаревъ и Зайцевъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются отличиться какой-нибудь оригинальной нелѣпостью» и т. д. — Вотъ это *второе* изобрѣтеніе, неимѣющее за себя даже внѣшняго вида правдоподобія. Если мы съ Зайцевымъ—такіе тщеславные и пустоголовые люди, что похвалы, достающіяся намъ отъ враговъ нашей идеи, не только радуютъ насъ, но даже обнаруживаютъ видоизмѣняющее вліяніе на нашу дѣятельность, то очевидно порицанія, достающіяся намъ отъ тѣхъ-же самыхъ враговъ, должны дѣйствовать на насъ такъ-же сильно, но только въ противоположномъ направленіи. Если мы, какъ глупые ребятишки, выслушивая похвалу, охорашиваемся, куражимся и повышаемъ голосъ, то, разумѣется, выслушивая порицаніе, мы должны опускать крылья, погружаться въ уныніе и понижать тонъ. Теперь я попрошу читателя подумать: что приходится намъ чаще встрѣчать себѣ въ печати—похвалу или порицаніе?—Читатель, сколько нибудь знакомый съ нашей журналистикой, скажетъ конечно, что порицаніе составляетъ общее правило, а похвала—совершенно незамѣтное исключеніе. Каждая изъ нашихъ статей возбуждаетъ противъ себя негодованіе въ нашей прессѣ; мы постоянно идемъ на-встрѣчу этому негодованію, не обращая на него никакого вниманія, а Антоновичъ умозаключаетъ, что мы поступаемъ такимъ образомъ изъ тщеславія, и что насъ подстрекаютъ похвалы, которыхъ мы почти никогда не получаемъ. Это послѣднее замѣчаніе особенно вѣрно въ отношеніи къ Зайцеву; съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ писать, о немъ говорятъ постоянно, и до сихъ поръ о немъ не было сказано печатно *ни одного*

добраго слова; а между тѣмъ Антоновичъ, наперекоръ всѣмъ существующимъ фактамъ, осмѣливается утверждать, что Зайцева подстрекаютъ похвалы. Цѣль Антоновича понять не трудно: ему хочется доказать, что мы пишемъ безъ убѣжденія. Но какъ прикажете назвать тѣ средства, которыя употребляетъ нашъ противникъ, и ту логику, которой онъ старается обморочить своихъ читателей?

На стр. 55 начинается бѣглое перечисленіе нашихъ преступленій. На первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, Базаровъ; вина моя заключается въ томъ, что я принялъ и принимаю до сихъ поръ Базарова не за карикатуру, а за превосходнаго представителя нашего поколѣнія. Я уже давно приглашалъ Антоновича объяснить, посредствомъ подробнаго и точнаго анализа, что́ именно онъ находитъ предосудительнымъ въ характерѣ и въ убѣжденіяхъ Базарова; Антоновичъ до сихъ поръ ровно ничего не объяснилъ, и вслѣдствіе этого вопросъ о томъ, вѣренъ или невѣренъ мой взглядъ на Базарова, и чей взглядъ вѣрнѣе—мой или Антоновича,—остается попрежнему спорнымъ или нерѣшеннымъ вопросомъ. Но я теперь уже начинаю думать, что этотъ вопросъ рѣшенъ въ мою пользу, потому что Антоновичъ въ своей статьѣ «Промахи», написанной имъ послѣ полугодовыхъ сборовъ и угрозъ, не представилъ противъ моего взгляда на характеръ Базарова ни одного состоятельнаго возраженія. Антоновичъ говоритъ, что враги реализма, защищая романъ Тургенева, ссылаются на меня; Антоновичъ вспоминаетъ здѣсь времена давнопрошедшія. Враги реализма любили говорить о романѣ Тургенева три года тому назадъ; они надѣялись тогда, что этотъ романъ принесетъ имъ пользу, что онъ испугаетъ молодыхъ людей рѣзкостью изображенія и отброситъ ихъ назадъ къ сантиментальному идеализму и къ благонравному чинопочитанію. Враги реализма скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ; когда «Русское Слово» объяснило молодымъ людямъ, что въ рѣзкихъ чертахъ базаровской физіономіи нѣтъ ничего страшнаго, порочнаго или предосудительнаго, тогда романъ Тургенева потерялъ для враговъ реализма всю свою привлекательность. Тогда началось шумное, но краткое пированіе систематической клеветы. Дѣло кончилось тѣмъ, что Клюшниковъ и Стебницкій своей тупостью и недобросовѣстностью окончательно уронили и втоптали въ грязь тѣ античныя драгоцѣнности, которыя желательно или приказано было охранять и расхваливать. О романѣ Тургенева враги реализма вспоминаютъ теперь рѣдко и неохотно, и то обстоятельство, что они до сихъ поръ ссылаются на меня, существуетъ только въ воображеніи Антоновича.

«Или вдругъ,—говорится далѣе на той-же страницѣ,—Зайцевъ провозгласитъ, что философовъ за ихъ философскія ошибки нужно подвергать тѣлеснымъ и другимъ исправительнымъ наказаніямъ, что рабство негровъ неизбѣжно и благотворно». Читатель, незнакомый со статьями Зайцева, можетъ подумать, на основаніи этихъ словъ, что Зайцевъ дѣйствительно серьезно доказывалъ необходимость сѣчь заблуждающихся философовъ. На самомъ-же дѣлѣ оказывается, что слова Зайцева о наказаніяхъ брошены въ видѣ восклицанія *), выражающаго просто глубокое презрѣніе автора къ шарлатанству нѣмецкихъ метафизиковъ. Такая риторическая фигура можетъ казаться Антоновичу неумѣстной и неизящной въ стилистическомъ отношеніи; но навязывать Зайцеву на основаніи этой фигуры мысль о необходимости тѣлесныхъ наказаній—это все равно, что придираться въ книгѣ къ шрифту и къ опечаткамъ, вмѣсто того чтобы слѣдить за идеями автора. Что риторическія фигуры, подобныя той, которую употребилъ Зайцевъ, дѣйствительно могутъ приходить въ голову честному и умному человѣку, желающему выразить какъ можно сильнѣе свое негодованіе, это я могу доказать слѣдующей выпиской изъ книги Лассаля «Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch». Прусскій либералъ, депутатъ Фаухеръ, сказалъ въ собраніи берлинскихъ работниковъ, что барышъ капиталиста есть *награда за воздержаніе* (Entbehrungslohn). «Работникамъ,—восклицаетъ по этому поводу Лассаль,—бѣднымъ работникамъ, голодающимъ работникамъ они имѣютъ дерзость публично бросать въ лицо эту безконечную насмѣшку, эту язвительную иронію?! Развѣ не существуетъ болѣе совѣсти, и развѣ-же стыдъ убѣжалъ къ звѣрямъ?—И притупленіе и оскопленіе народа уже теперь доведены съ успѣхомъ до такихъ размѣровъ, что сами работники вмѣсто того, чтобы разразиться бурей негодованія, терпѣливо выслушиваютъ это открытое глумленіе! *Зачѣмъ въ законѣ не положено наказаній* за подобныя продѣлки? развѣ систематическое притупленіе народнаго ума не есть преступленіе?» А на слѣдующей страницѣ Лассаль говоритъ Шульце-Деличу слѣдующія любезности: «Но, господинъ Шульце, всему свое время, все наказывается

*) Подлинныя слова Зайцева: «Если найдется упрямецъ, который хотя и готовъ согласиться съ тѣмъ, что міръ есть силлогизмъ, но которому сомнительно, откуда философъ почерпнулъ свои познанія о такихъ вещахъ, то философъ укажетъ ему на непосредственное усмотрѣніе, какъ на общій источникъ познанія истины, и на свой личный геній, какъ на спеціальный источникъ. Собственно-бы слѣдовало ожидать, что за подобный отвѣтъ философа прогонятъ съ пьедестала метлой, посадятъ въ водолечебницу или подвергнутъ исправительному наказанію; но, къ стыду человѣчества и XIX вѣка, это не только сходитъ имъ съ рукъ, но даже заслуживаетъ всяческое поощреніе.»

еще въ этомъ мірѣ, и наступитъ тотъ день, когда общественная совѣсть заклеймитъ васъ и ваше лицемѣріе, и вашихъ клевретовъ такъ, какъ вы того достойны. *Вамъ выжгутъ каленымъ желѣзомъ на лбу слово* «Entbehrungs-lohn»!» Теперь Антоновичъ очевидно можетъ и даже долженъ записать Лассаля въ число свирѣпѣйшихъ деспотовъ и тупоумнѣйшихъ обскурантовъ, потому что Лассаль, какъ видите, желаетъ обогатить уголовный законъ особой статьей, направленной противъ заблуждающихся экономистовъ, и кромѣ того стремится при содѣйствіи каленаго желѣза обучать Шульце-Делича элементарнымъ истинамъ соціальной науки. Если Зайцевъ согрѣшилъ противъ заповѣдей истиннаго реализма, то Лассаль согрѣшилъ еще сильнѣе. Антоновичъ возразитъ мнѣ быть-можетъ, что экономисты, подобные Шульце-Деличу и Фаухеру, морочатъ работниковъ *умышленно*. Но на это я отвѣчу, что, анализируя ошибочную доктрину, мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности установить ту пограничную черту, до которой простираются тупоуміе и невѣжество и съ которой начинается сознательная ложь. Шульце-Деличи и Фаухеры вѣруютъ въ неприкосновенную святость лихоимства также искренно или также неискренно, какъ Шеллинги и Гегели вѣруютъ въ свои абсолюты. Въ общемъ итогѣ, какъ абсолюты, такъ и доктрины о святости лихоимства производятъ притупленіе общественнаго сознанія. Значитъ, негодованіе Зайцева въ своей исходной точкѣ также законно, какъ негодованіе Лассаля. Что-же касается до внѣшней формы, въ которой выразилось это негодованіе, то мы ею нисколько не дорожимъ и охотно отдаемъ ее на съѣденіе тѣмъ критикамъ, которымъ угодно тратить время на мелкія стилистическія замѣчанія по неспособности къ болѣе серьезной работѣ.

Теперь о неграхъ. Зайцевъ никогда не думалъ доказывать, что американскимъ колонистамъ непремѣнно слѣдовало отправлять корабли къ берегамъ Африки, воровать или покупать тамъ негровъ, привозить ихъ въ Америку и превращать ихъ на тамошнихъ плантаціяхъ въ рабочую машину. Зайцевъ говорилъ только *) по поводу книги Катрфажа «Единство рода человѣческаго», что, когда бѣлые и негры живутъ вмѣстѣ въ одной странѣ, тогда низшей расѣ, то есть черной, предстоитъ неизбѣжно или вымираніе, или порабощеніе. Будетъ-ли порабощеніе черной расы освящено закономъ, или-же оно будетъ только заключаться въ безвыходной и безнадежной экономической зависимости,—это въ сущности все-равно для тѣхъ людей, которые способны понимать смыслъ общественныхъ явленій, не останавливаясь на ихъ внѣшней формѣ и не прельщаясь буквой либеральныхъ узаконеній.

Зайцевъ высказалъ ту, вовсе не эксцентрическую мысль, что законъ Дарвина прилагается также и къ человѣческимъ расамъ. Если Антоновичъ думаетъ, что къ человѣчеству этотъ законъ не прилагается, то Антоновичъ долженъ объяснить, на чемъ онъ основываетъ свое предположеніе. Спрашивается, какое свойство или какая сила человѣческаго организма обусловливаетъ собою это изъятіе изъ общаго закона, распространяющагося на весь органическій міръ? Всѣ извѣстные историческіе факты говорятъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ въ пользу мнѣнія Зайцева. Бѣлая раса вездѣ и всегда играла роль желтаго таракана и пасюка: португальцы истребили гуанховъ, жителей Канарскихъ острововъ; испанцы истребили краснокожихъ обитателей Вестъ-Индіи; англичане истребили или поработили индусовъ, австралійцевъ, новозеландцевъ и сѣверо-американскихъ индійцевъ; русскіе истребили алеутовъ и многое множество разныхъ сибирскихъ инородцевъ. Всякій желающій можетъ проливать потоки слезъ надъ могилами этихъ истребленныхъ разновидностей, но называть человѣка *лжереалистомъ* за то, что онъ спокойно констатируетъ существующій фактъ, значитъ превращать науку въ ребяческое и приторное прославленіе либеральныхъ симпатій и сантиментальныхъ иллюзій. Если Антоновичъ гонится не за истиной, а за утѣшительностью, то ему слѣдуетъ сдѣлаться не только идеалистомъ, а даже супранатуралистомъ. Супранатурализмъ гораздо утѣшительнѣе реализма—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но если негры—низшая раса, обреченная на гибель самой природой, то, стало быть, рабство—явленіе неизбѣжное, законное и благотворное? Ничуть не бывало. Рабство все-таки остается явленіемъ отвратительнымъ и вреднымъ. Дѣло въ томъ, что рабство разслабляетъ умъ и уродуетъ характеръ *тѣхъ бѣлыхъ людей*, которые владѣютъ рабами и которые живутъ въ рабовладѣльческомъ государствѣ. Такъ напримѣръ, рабовладѣльцы, по самому своему положенію, принуждены быть систематическими обскурантами, потому что распространеніе знаній въ низшемъ

*) Подлинныя слова Зайцева: «Несомнѣнно и признано всѣми, что невольничество есть самый лучшій исходъ, котораго можетъ желать цвѣтной человѣкъ, прійдя въ соприкосновеніе съ бѣлой расой, потому что онъ достается въ удѣлъ только наиболѣе развитымъ и сильнымъ расамъ; большая-же часть ихъ не могутъ вовсе существовать рядомъ съ кавказскимъ племенемъ и вскорѣ совершенно вымираютъ.» – «Сантиментальные враги невольничества умѣютъ только цитировать тексты и пѣть псалмы, но не могутъ указать ни одного факта, который-бы показывалъ, что образованіе и свобода могутъ превратить въ умственномъ отношеніи негра въ бѣлаго.»

классѣ народа подкапываетъ рабство въ самомъ его основаніи. Далѣе, въ рабовладѣльческомъ государствѣ не можетъ быть равенства гражданъ передъ закономъ; отправленіе правосудія должно постоянно извращаться политическими соображеніями; далѣе, каждый рабовладѣлецъ окружаетъ себя цѣлымъ гаремомъ невольницъ и, привыкнувъ обращаться по султански со своими безотвѣтными одалисками, относится такъ-же грубо къ своей женѣ, искажая такимъ образомъ основной характеръ европейской семейственности. Далѣе, привыкнувъ къ безпрекословному повиновенію со стороны окружающихъ рабовъ, рабовладѣлецъ вноситъ во всѣ свои общественныя отношенія ту необузданность, которую воспитала въ немъ плантаторская жизнь. Достаточно напомнить читателю съ одной стороны подвиги глупцовъ, плюющихъ другъ другу въ лохань то есть въ физіономію, а съ другой стороны полемическіе пріемы американскихъ плантаторовъ, пускающихъ въ ходъ гуттаперчевыя палки въ засѣданіяхъ конгресса и сената. Всѣ эти аргументы противъ рабства остаются совершенно неприкосновенными во всякомъ случаѣ, каковъ-бы ни былъ нашъ взглядъ на отношенія между бѣлой и цвѣтными расами. Если, какъ говоритъ Антоновичъ, противники реализма, пользуясь словами Зайцева, приходятъ въ восторгъ и кричатъ, что реализмъ освящаетъ рабство, то эти восторженные крики доказываютъ только тупоуміе или недобросовѣстность этихъ противниковъ, на крики которыхъ ни одинъ порядочный реалистъ не будетъ обращать никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что къ этому упражненію легкихъ и голосовыхъ хрящей давно пора привыкнуть,

«Und ihres Bellens lauter Schall
Beweist nur, dass wir reiten.»

Съ этими лающими противниками реализма Антоновичъ, неизвѣстно для чего, вступаетъ въ разговоръ, стараясь имъ доказать, «что истинный реализмъ требуетъ во всемъ свободы и устраненія всякихъ наказаній.» *Во всемъ свободы*—это неправда, потому что такимъ путемъ мы придемъ къ принципу буржуазныхъ экономистовъ: laissez faire, laissez passer,—къ тому самому принципу, противъ котораго неутомимо боролись всѣ лучшіе наши представители русскаго реализма (авторъ «Эстетич. отношеній»). Что-же касается до *устраненія всякихъ наказаній*, то эту идею «Русское Слово» постоянно выражало съ такой твердостью и опредѣленностью, съ какой врядъ-ли когда-нибудь выражалъ ее «Современникъ». Читатель можетъ справиться по этому вопросу со статьей Зайцева «Естествознаніе и юстиція», напечатанной въ 1863 году, со статьей Т. З. объ уголовныхъ законахъ европейскихъ государствъ, напечатанной въ майской книжкѣ 1864 года, и съ другой статьей того-же Т. З. о книгѣ Моро-Кристофа «Le monde des coquins», напечатанной въ январской книжкѣ 1865 года. Тогда читатель увидитъ, имѣетъ-ли Антоновичъ какое-нибудь право монополизировать въ пользу «Современника» идею невмѣняемости.

III.

Антоновичъ ставитъ мнѣ въ вину то, что я заявилъ печатно мое несогласіе съ Добролюбовымъ почти на всѣхъ пунктахъ. По своему обыкновенію Антоновичъ стращаетъ насъ врагами реализма: «Указывая на Писарева,—говоритъ онъ—эти враги могли-бы сказать: такъ вотъ каковъ Добролюбовъ! Не прошло и пяти лѣтъ послѣ его смерти, какъ въ его писаніяхъ самые горячіе приверженцы его не могутъ найти уже ни одного почти пункта, съ которымъ-бы они могли согласиться». Эти слова, еслибы они дѣйствительно были кѣмъ-нибудь произнесены, оказались-бы чистѣйшей нелѣпостью по той простой причинѣ, что я никогда не былъ ни *самымъ горячимъ*, ни даже просто *горячимъ* приверженцемъ Добролюбова.

Я давно разошелся съ Добролюбовымъ на многихъ пунктахъ. Добролюбовъ восхищался характеромъ Инсарова въ романѣ Тургенева «Наканунѣ». Я, напротивъ того, утверждалъ печатно въ 1861 г., что Инсаровъ—нелѣпая и безжизненная картонная кукла. Добролюбовъ постоянно относился къ Писемскому съ полнѣйшимъ и отчасти даже аффектированнымъ пренебреженіемъ. Я, напротивъ того, въ томъ-же 1861 году отнесся къ Писемскому съ величайшимъ уваженіемъ и поставилъ его въ моихъ критическихъ статьяхъ выше Тургенева и Гончарова. По этому случаю Антоновичъ конечно непремѣнно возликуетъ и укажетъ мнѣ на «Взбаломученное Море». Но гнусность «Взбаломученнаго Моря» нисколько не уничтожаетъ собою достоинствъ «Тюфяка», «Богатаго Жениха», «Боярщины», «Тысячи Душъ», «Брака по страсти», «Комика» и «Горькой Судьбины». Если надо безусловно осуждать всѣ произведенія писателя за то, что этотъ писатель на старости лѣтъ начинаетъ писать глупости, то придется бранить «Ревизора» и «Мертвыя Души» за то, что Гоголь подъ конецъ своей жизни съѣхалъ на «Переписку съ друзьями». «Взбаломученное Море» составляетъ только одно изъ многочисленныхъ подтвержденій той извѣстной истины, что наши знаменитости не умѣютъ забастовать во-время и продолжаютъ писать, когда имъ слѣдовало-бы отдыхать на лаврахъ. Къ числу такихъ-же, хотя и не столь ярко-позорныхъ явленій, принадлежатъ и «Призраки» Тургенева.—Далѣе, Добролюбовъ

относился крайне-снисходительно и даже любовно къ стихотворнымъ шалостямъ Фета и Полонскаго; я, напротивъ того, осмѣялъ эти шалости въ томъ-же 1861 году. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, которые читатель можетъ найдти въ статьяхъ: «Стоячая Вода», «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» и «Женскіе Типы въ повѣстяхъ и романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова»,—изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдуетъ то неотразимое заключеніе, что ни враги, ни друзья реализма не имѣютъ никакого права ни называть меня *самымъ горячимъ приверженцемъ* Добролюбова, ни радоваться, удивляться, печалиться или негодовать по случаю моего теперешняго отпаденія отъ Добролюбова: никакого отпаденія не было и быть не могло, потому что не было никогда никакой приверженности. Я всегда считалъ и до сихъ поръ считаю Добролюбова за очень умнаго и за очень честнаго человѣка; но съ очень многими изъ его мнѣній я все-таки совершенно несогласенъ. Если Антоновичъ не понимаетъ, что можно глубоко уважать человѣка и въ то-же время расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ, если онъ думаетъ, что уважать человѣка и писателя значитъ jurare in verba magistri (клясться словами учителя) и относиться къ нему съ наивно-инстинктивнымъ благоговѣніемъ, то мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что роль перваго критика въ «Современникѣ» досталась такому человѣку, который не въ силахъ возвыситься до понятія объ умственной самостоятельности и о свободной оцѣнкѣ чужихъ мнѣній.

«Мы уже не говоримъ,—продолжаетъ Антоновичъ,—какъ это ограниченное самообольщеніе «Русскаго Слова» (т. е. разногласіе съ Добролюбовымъ) вредно дѣйствуетъ на тѣхъ обиженныхъ натурою читателей, которые вѣрятъ ему и вслѣдствіе этой вѣры вдохновеннымъ и поучительнымъ статьямъ Добролюбова предпочитаютъ фразистую, но несмысленную болтовню гг. Писарева и Зайцева».—Это хорошо, что вы этого *не говорите*, потому что, если-бы вы это сказали, то слова ваши оказались-бы или совершенной безсмыслицей, или одною изъ многихъ вашихъ выдумокъ. Если вы этой фразой хотите выразить ту мысль, что многіе читатели, прочитавъ Добролюбова, послѣ того читаютъ съ удовольствіемъ статьи Писарева и Зайцева, то тогда невозможно понять, что́ именно огорчаетъ въ этомъ фактѣ васъ, какъ *горячаго приверженца* Добролюбова? Развѣ вы полагаете, что послѣ смерти Добролюбова во всѣхъ русскихъ читателяхъ должно навсегда замереть желаніе слѣдить за современнымъ движеніемъ жизни, науки и литературы? Если вы такъ думаете, то вамъ самимъ не слѣдуетъ писать, а слѣдуетъ только перепечатывать въ критическомъ отдѣлѣ «Современника» всѣ статьи Добролюбова, съ первой до послѣдней; окончивъ эту перепечатку одинъ разъ, слѣдуетъ начать ее во второй разъ, потомъ въ третій, и т. д. безъ конца. Если-же въ вашей фразѣ, которую вы *не говорите*, заключается тотъ смыслъ, что, довѣряясь указаніямъ «Русскаго Слова», простодушные читатели смотрятъ съ пренебреженіемъ на Добролюбова, какъ на отсталаго писателя, и вслѣдствіе этого совсѣмъ не читаютъ его сочиненій, то тогда ваша фраза заключаетъ въ себѣ чистѣйшую ложь. Зайцевъ въ своей статьѣ «Бѣлинскій и Добролюбовъ» (1864 г., январь) очень горячо и убѣдительно рекомендуетъ своимъ читателямъ чтеніе статей Добролюбова. Я говорю точно тоже самое въ моей статьѣ «Кукольная Трагедія» (1864 г., августъ). Вотъ мои подлинныя слова: «Грибоѣдовъ, Крыловъ въ нѣкоторыхъ изъ его лучшихъ басенъ, Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», Лермонтовъ въ Печоринѣ, Гоголь въ первой части «Мертвыхъ Душъ», въ «Ревизорѣ» и во многихъ мелкихъ повѣстяхъ, Писемскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Островскій и *особенно* Бѣлинскій и *Добролюбовъ*, и въ заключеніе, какъ фактъ вчерашняго дня, романъ «Ч. д?» — это все сырые матеріалы, которые *каждый изъ нашихъ образованныхъ соотечественниковъ долженъ непремѣнно переработать въ своемъ умѣ*, чтобы знать, чего мы хотимъ, о чемъ мы думаемъ и съ какихъ различныхъ точекъ зрѣнія мы разсматриваемъ наше собственное положеніе » Изъ этихъ словъ вы видите, что если даже — чего Боже сохрани!— у меня есть читатели, принимающіе каждое слово на вѣру безъ критики, то и эти читатели не будутъ относиться къ Добролюбову съ пренебреженіемъ, а напротивъ того, основываясь на моихъ словахъ, проникнутся тѣмъ убѣжденіемъ, что чтеніе Добролюбова составляетъ необходимую и особенно важную часть въ общемъ образованіи каждаго русскаго человѣка. Если-же читатели, прочитавъ Добролюбова, согласятся не съ нимъ, а со мною, то въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, весьма прискорбномъ для Антоновича, я съ своей стороны, при всемъ моемъ сочувствіи къ трогательной горести Антоновича, не могу видѣть ничего предосудительнаго, потому что, еслибы я считалъ добролюбовскія мнѣнія болѣе вѣрными, чѣмъ мои собственныя, тогда я, разумѣется, давно отказался-бы отъ своихъ мнѣній и примкнулъ безусловно къ Добролюбову. — Меня вообще очень изумляетъ одно обстоятельство: какъ это Антоновичъ не видитъ и не понимаетъ, что, жалуясь на тѣхъ перебѣжчиковъ, которые, покидая Добролюбова, присоединяются къ Зайцеву и Писареву,—онъ, Антоновичъ, дѣлаетъ со слезами на глазахъ и въ голосѣ публичное признаніе собственнаго безсилія. Антоновичъ самъ—безусловный послѣдователь Добролюбо-

ва; бывшіе обожатели Добролюбова, по словамъ самого Антоновича, перебѣжали или перебѣгаютъ къ другимъ писателямъ. Кто-же виноватъ въ этомъ, какъ не преемникъ и послѣдователь Добролюбова? Зачѣмъ-же этотъ преемникъ и послѣдователь не умѣетъ удержать этихъ перебѣжчиковъ въ своей школѣ? Зачѣмъ онъ не умѣетъ приковать къ себѣ умы и сердца бывшихъ обожателей Добролюбова? И если у него на такой подвигъ не хватаетъ силъ, то какое-же право онъ имѣетъ хныкать, брюзжать и ворчать на тѣхъ людей, которые работаютъ сильнѣе, искуснѣе и успѣшнѣе его? Одно изъ двухъ: или эти перебѣжчики умны, или они глупы; въ первомъ случаѣ ихъ приговоръ рѣшаетъ дѣло: кто привлекаетъ ихъ къ себѣ, тотъ и правъ; во второмъ-же случаѣ я не понимаю, изъ-за чего хлопочетъ Антоновичъ, и какая ему выгода будетъ отъ того, что глупые люди будутъ глупѣйшимъ образомъ поклоняться Добролюбову и его преемнику. Я съ своей стороны очень охотно готовъ уступить всѣхъ россійскихъ идіотовъ въ вѣчное потомственное владѣніе Каткову и Николаю Соловьеву.

Перечисливъ такимъ образомъ наши преступленія (Базаровъ, тѣлесныя наказанія философовъ, неуваженіе къ неграмъ, разногласіе съ Добролюбовымъ), Антоновичъ объявляетъ, что поэтому необходимо разграничить и послѣдователей реализма, отдѣлить между ними овецъ отъ козловъ и рѣзко установить тотъ фактъ, что кромѣ дѣйствительныхъ реалистовъ есть еще мнимые реалисты или лже-реалисты, которые считаютъ Тургенева своимъ учителемъ, а Базарова—своимъ идеаломъ, и органомъ или оракуломъ которыхъ служитъ «Русское Слово», т. е. собственно Писаревъ и Зайцевъ, занимающіеся извращеніемъ и обезображиваніемъ реализма.

Называть себя *овцами* или даже *баранами* вы можете безпрепятственно, сколько вашей душѣ или вашимъ душамъ будетъ угодно, этого названія мы у васъ оспаривать не будемъ. Но имени *реалистовъ* мы вамъ, при нашемъ полюбовномъ размежеваніи, не уступимъ по той весьма основательной причинѣ, что не вы это имя выдумали, то есть не вы первые примѣнили его къ этой партіи, которая прежде называлась свистунами, а потомъ—нигилистами. Потрудитесь припомнить, съ какого именно времени это названіе стало употребляться постоянно? Оно получило право гражданства въ концѣ прошлаго года; оно досталось вамъ по милости того самаго «Нерѣшеннаго Вопроса», противъ котораго вы такъ долго, такъ упорно, такъ горячо и—увы!—такъ безуспѣшно воюете. Если вы осмѣлитесь отрицать вѣрность этого показанія, то я приведу вамъ такихъ свидѣтелей, которыхъ вы не можете отвести, потому что они совершенно безпристрастно и одинаково сильно ненавидятъ насъ обоихъ, то есть какъ «Русское Слово», такъ и «Современникъ». Я сошлюсь на филистерскую журналистику, которая въ концѣ прошлаго года и въ началѣ нынѣшняго обсуживала съ разныхъ сторонъ терминъ *реалисты*, какъ новое явленіе, и старалась рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли признать за нами это новое названіе, или не слѣдуетъ. Этому занятію предавался Николай Соловьевъ въ статьѣ «Теорія пользы и выгоды», помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Эпохи». О томъ-же предметѣ толковалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нынѣшняго года Incognito, въ первой изъ своихъ критическихъ статей. Наконецъ «Библіотека для Чтенія» во 2-ой февральской книжкѣ нынѣшняго года, въ статьѣ «Послѣдніе цвѣты», прямо объявляетъ, что Писаревъ подмѣняетъ или уже подмѣнилъ состарѣвшійся нигилизмъ новымъ реализмомъ. Такимъ образомъ мои авторскія права не подлежатъ въ этомъ случаѣ ни малѣйшему сомнѣнію. Но этого мало, что я первый примѣнилъ этотъ терминъ; я еще кромѣ того понимаю гораздо лучше васъ его неоцѣненныя достоинства и выгоды именно для обозначенія нашей литературной партіи. Вы, то есть именно вы, Антоновичъ, а не «Современникъ» вообще, даже до сихъ поръ не знаете, почему имя *реалистовъ* особенно удобно для насъ и почему оно такъ быстро пустило корни, что вы теперь, забывъ даже его мѣсторожденіе, стараетесь его у насъ оттягать. Я объясню вамъ достоинства и выгоды этого термина. Видите-ли: сущность нашего направленія заключаетъ въ себѣ двѣ главныя стороны, которыя тѣсно связаны между собою, но которыя однако могутъ быть разсматриваемы отдѣльно и обозначаемы различными терминами. Первая сторона состоитъ изъ нашихъ взглядовъ на природу: тутъ мы принимаемъ въ соображеніе только дѣйствительно-существующія, *реальныя*, видимыя и осязаемыя явленія или свойства предметовъ. Вторая сторона состоитъ изъ нашихъ взглядовъ на общественную жизнь: тутъ мы принимаемъ въ соображеніе только дѣйствительно-существующія, *реальныя*, видимыя и осязаемыя потребности человѣческаго организма. Слово *реалистъ* выражаетъ превосходно сліяніе этихъ двухъ сторонъ, и никакое другое слово не выражаетъ этого слiянія вполнѣ удовлетворительно, потому что каждое изъ многихъ другихъ словъ направляется исключительно или на первую, или на вторую сторону. *Реалистъ*, напротивъ того, исчерпываетъ весь смыслъ нашего направленія до самаго дна, и въ то-же время онъ никого не пугаетъ и не раздражаетъ; il ne casse pas les vitres. Это слово — тихое, кроткое и глубокое: einfach, nett und dauerhaft (просто, мило и прочно), какъ говоритъ Новалисъ о сочиненіяхъ Гёте. Вотъ почему оно вамъ понравилось, вотъ по-

чему вы тянете его къ себѣ, и вотъ почему мы вамъ его не уступимъ, тѣмъ болѣе, что вы рѣшительно не умѣете прикладывать его къ оцѣнкѣ явленій общественной жизни Подумайте, г. Антоновичъ, какой-же вы *реалистъ*, когда рѣшаетесь хвалить *политическую экономію* Милля, которая вся построена на такъ называемомъ законѣ Мальтуса и которая все разрѣшеніе общественной задачи видитъ только въ *благоразумномъ* воздержаніи работниковъ отъ наслажденій супружеской жизни? Говоря о политической экономіи Милля, вы даже не упомянули о его мальтузіанствѣ, и вы кромѣ того, нечаянно или умышленно, изъ желанія побраниться съ «Отечественными Записками», оклеветали Ч—скаго, сказавъ о немъ, что онъ во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ соглашается съ Миллемъ. «Русское Слово», на которое вы стараетесь смотрѣть съ высокомѣріемъ, далеко несоотвѣтствующимъ вашимъ личнымъ силамъ и знаніямъ, «Русское Слово», говорю я, могло бы предохранить васъ отъ этихъ двухъ печальныхъ ошибокъ. Въ «Русскомъ Словѣ» за 1862 годъ вы могли найдти статью Соколова по поводу книги Рошера «Начала народнаго хозяйства », а въ «Русскомъ Словѣ» за 1863 годъ— мои статьи: «Очерки изъ исторіи труда». Эти статьи объяснили-бы вамъ съ ясностью, вразумительной даже для васъ: во-первыхъ, что̀ такое мальтузіанство, а во-вторыхъ (это вы найдете у меня), какъ смотритъ на Мальтуса Ч—скій. — Далѣе, вы не можете быть реалистомъ потому, что, говоря о явленіяхъ общественной жизни и о потребностяхъ человѣческаго организма, вы не умѣете расположить эти потребности въ той необходимой постепенности, которая вытекаетъ сама собою изъ ихъ сравнительной важности. Вы напримѣръ не понимаете, что, когда въ обществѣ есть не только голодные люди, но даже голодные классы, то обществу рано, нелѣпо, отвратительно, неприлично и вредно заботиться объ удовлетвореніи другихъ потребностей второстепенной важности, развившихся у крошечнаго меньшинства сытыхъ и разжирѣвшихъ людей. Еслибы вы прочитали внимательно и были способны понять комментаріи Ч—скаго къ политической экономіи Милля, то вы увидѣли-бы, что онъ сравниваетъ неразумное общество, имѣющее мало хлѣба и въ то-же время заботящееся о музыкальныхъ консерваторіяхъ, объ операхъ, балетахъ, картинахъ и статуяхъ, съ глупымъ дикаремъ, который ходитъ нагишомъ и босикомъ и въ то-же время украшаетъ себя золотыми браслетами и жемчужными ожерельями. Поэтому совѣтую вамъ совершенно искренно, бросьте названіе реалиста, которое вамъ совершенно не къ лицу; вы можете называть себя *овцою* или *бараномъ*, а еще того лучше назовите себя *либераломъ*, и раздѣлите это почетное и комфортабельное названіе съ «Московскими Вѣдомостями», съ «Сыномъ Отечества», съ «Голосомъ», съ «Отечественными Записками»,—словомъ, со всей русской журналистикой, кромѣ «Домашней Бесѣды»—съ одной стороны и «Русскаго Слова» —съ другой.

IV.

Антоновичъ, какъ мы видѣли выше, утверждаетъ, что мы считаемъ Тургенева своимъ учителемъ, а Базарова—своимъ идеаломъ. Далѣе, онъ на пяти страницахъ развиваетъ ту-же мысль очень подробно и говоритъ, что «въ видѣ Базарова они (Зайцевъ и я) получаютъ желанный реалистическій талисманъ и ключъ къ скорому, почти механическому рѣшенію всѣхъ вопросовъ». По соображеніямъ Антоновича оказывается, что до самаго появленія тургеневскаго романа я «оставался въ невѣдѣніи относительно реализма.» — «Сколькихъ реалистовъ ни читалъ Писаревъ, ни одного изъ нихъ не могъ понять и узнать, что̀ такое реализмъ.» — Увлекаясь своимъ желаніемъ выставить мое незнаніе и непониманіе какъ можно ярче, Антоновичъ, самъ того не замѣчая, опрокидываетъ одну изъ своихъ собственныхъ мыслей, высказанныхъ имъ немного выше. Онъ говоритъ на той-же страницѣ, что, познакомившись съ сочиненіями Добролюбова, я его не понялъ и заключилъ, что «Добролюбовъ отсталъ, что у него нѣтъ почти ни одного реалистическаго пункта. Въ такомъ положеніи оставался Писаревъ въ концѣ 1861 года и въ началѣ 1862 года до той незабвенной минуты, когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появился романъ «Отцы Дѣти».» А на стр. 56 говорилось, что враги реализма причисляютъ меня къ самымъ горячимъ приверженцамъ Добролюбова. Спрашивается, какимъ же образомъ я могъ пріобрѣсти репутацію *самаго горячаго приверженца*, если я съ 1861 года, то есть съ перваго года моей литературной дѣятельности, заключилъ, что у Добролюбова *нѣтъ почти ни одного реалистическаго пункта?* Предоставляю Антоновичу выпутываться изъ этого противорѣчія всѣми выдумками и софизмами, какіе только имѣются въ его распоряженіи. – «Прочитавши одинъ этотъ романъ,— продолжаетъ Антоновичъ,—Писаревъ въ нѣсколько часовъ узналъ, что̀ такое реализмъ, и самъ сдѣлался реалистомъ, чего не случалось съ нимъ даже послѣ продолжительнаго чтенія многихъ статей Добролюбова и другихъ реалистовъ»... « Такимъ образомъ, подобно тому, какъ первымъ своимъ превращеніемъ Писаревъ обязанъ былъ Благосвѣтлову, второе его превращеніе совершилось, благодаря Тургеневу, который сдѣлался учителемъ и руководителемъ Писарева, а Благосвѣтловъ отступилъ

на задній планъ, въ роль простого совѣтника.»—Эти разсужденія Антоновича выставляютъ конечно мою личность въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ свѣтѣ, но разсужденія эти очевидно могутъ подѣйствовать только на тѣхъ простодушныхъ читателей, которые привыкли принимать печатныя слова на вѣру безъ малѣйшей критики. Читатели менѣе простодушные потребуютъ доказательствъ, увидятъ, что доказательствъ никакихъ не представлено, и сообразятъ, что еслибы слова Антоновича сколько нибудь соотвѣтствовали истинѣ, то найдти доказательства было-бы въ высшей степени легко. Въ самомъ дѣлѣ, до появленія тургеневскаго романа я работалъ въ «Русскомъ Словѣ» слишкомъ годъ и написалъ по меньшей мѣрѣ листовъ сорокъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ: тутъ есть и двѣ статьи о Меттернихѣ, и моя кандидатская диссертація объ Аполлоніѣ Тіанскомъ, и три статьи по естественнымъ наукамъ, по поводу сочиненій нѣмецкихъ реалистовъ: Молешота, Карла Фохта и Бюхнера, и наконецъ нѣсколько статей о современной русской литературѣ. Если я втеченіи этого перваго года не понималъ реализма, и если потомъ чтеніе тургеневскаго романа произвело во мнѣ *превращеніе*, то кто-же мѣшалъ Антоновичу показать въ моихъ первыхъ статьяхъ образчики моего непониманія и потомъ, сравнивая первыя мои статьи съ позднѣйшими, представить доказательства совершившагося во мнѣ превращенія? Антоновичъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, и потому я полагаю, что онъ имѣетъ очень невыгодное мнѣніе о понятливости и требовательности тѣхъ читателей, въ глазахъ которыхъ онъ старается сдѣлать меня смѣшнымъ. Въ послѣдніе три года совершилось надъ нами и вокругъ насъ множество такихъ крупныхъ и важныхъ событій, которыя каждаго человѣка, способнаго мыслить, заставляютъ вглядываться, какъ можно пристальнѣе, и вдумываться, какъ можно глубже, во все, что̀ составляетъ совокупность его убѣжденій, надеждъ, желаній и плановъ. Поэтому нѣкоторыя частности дѣйствительно измѣнились въ моихъ понятіяхъ; такъ напримѣръ, мой взглядъ на отношенія искусства къ общественной жизни сдѣлался гораздо строже прежняго; нѣкоторыя черты моего образа мыслей выступили теперь рѣзче и обозначились яснѣе; но *превращенія* все-таки никакого не произошло, получилось только постепенное органическое развитіе. Но вѣдь Антоновичъ утверждаетъ совсѣмъ не то: онъ говоритъ, что превращеніе произошло со мною въ тѣ *нѣсколько часовъ*, которые я употребилъ на чтеніе тургеневскаго романа. Въ такомъ случаѣ, если Антоновичу не угодно прослыть за неискуснаго мистификатора довѣрчивой публики, то пусть онъ докажетъ, что мои статьи, написанныя въ январѣ и въ февралѣ 1862 года, отличаются существеннымъ образомъ отъ статей, написанныхъ въ апрѣлѣ и въ маѣ того-же года. Кстати о превращеніяхъ: Антоновичъ приписываетъ мнѣ два превращенія: первое — произведенное Благосвѣтловымъ, и второе — произведенное романомъ Тургенева. Мы видѣли уже, что второе превращеніе выдумано Антоновичемъ. Первое—не выдумано, но понято совершенно невѣрно. Говоря объ этомъ первомъ превращеніи, Антоновичъ основывается на письмѣ моей матери, помѣщенномъ въ мартовской книжкѣ «Современника» за нынѣшній годъ. Всѣ показанія этого письма совершенно вѣрны, но только надо ихъ понимать, а на это у Антоновича не хватаетъ остроумія или добросовѣстности. Въ письмѣ моей матери сказано, что въ апрѣлѣ 1861 года я входилъ въ сношенія съ редакціей «Странника», желая помѣстить въ этотъ журналъ переводъ одной пѣсни «Мессіады». Изъ этого совершенно вѣрнаго показанія Антоновичъ заключаетъ совершенно ошибочно, что я въ апрѣлѣ 1861 года смотрѣлъ на весь міръ глазами «Странника», который, по справедливому замѣчанію того-же Антоновича, есть не что иное, какъ родной братецъ «Домашней Бесѣды». Только на основаніи этого ошибочнаго заключенія Антоновичъ получаетъ поводъ говорить обо мнѣ, что «Писаревъ есть лучшій цвѣтокъ въ саду реализма, посаженный и выращенный Благосвѣтловымъ.»—Я дѣйствительно многимъ обязанъ Благосвѣтлову въ моемъ развитіи, но я никогда не говорилъ, что Благосвѣтловъ *первый* познакомилъ меня съ тѣми идеями, которыя я теперь провожу и защищаю въ «Русскомъ Словѣ». Антоновичъ долженъ былъ-бы сообразить, что редактору журнала некогда заниматься *насаживаніемъ лучшихъ цвѣтковъ*, некогда возиться съ совершенно необразованными и неразвитыми юношами, хотя бы эти юноши были даже очень умны отъ природы. Редакторъ обыкновенно беретъ себѣ въ сотрудники такихъ людей, въ которыхъ уже зашевелилась работа мысли и въ которыхъ эта работа представляетъ хоть что-нибудь родственное, хоть какую-нибудь точку соприкосновенія съ главными идеями редактируемаго журнала. Именно такъ случилось и со мною. Первый трудъ, которымъ я зарекомендовалъ себя въ глазахъ Благосвѣтлова, былъ переводъ поэмы Гейне «Атта Троль». Благосвѣтловъ увидалъ изъ этого перевода, что я люблю и понимаю Гейне. Этотъ симптомъ былъ уже достаточно выразителенъ, чтобы подать поводъ къ нашему ближайшему знакомству. За этимъ знакомствомъ послѣдовали работы, и если Антоновичъ потрудится просмотрѣть мои статьи, помѣщенныя въ февральской, въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «Русскаго Слова» за 1861 годъ, то увидитъ, что въ моихъ тогдашнихъ идеяхъ не было ничего похожаго на идеи «Странника».—Но

почему-же я ходилъ въ редакцію «Странника» въ апрѣлѣ? И что-же сдѣлалъ для меня Благосвѣтловъ, если я уже до знакомства съ нимъ не сходился въ идеяхъ со «Странникомъ»? Ходилъ я въ редакцію «Странника» потому, что не имѣлъ понятія о серьезныхъ обязанностяхъ честнаго литератора. А сдѣлалъ для меня Благосвѣтловъ именно то, что своимъ вліяніемъ заставилъ меня понять, въ чемъ состоятъ эти серьезныя обязанности. Дѣло въ томъ, что наши пишущіе люди до сихъ поръ не могутъ понять, что честный писатель отнюдь не долженъ уподобляться ласковому теленку, сосущему въ одно время и съ одинаковымъ успѣхомъ двухъ или даже многихъ болѣе или менѣе разношерстныхъ матокъ. Русскій писатель обыкновенно смотритъ на литературу, какъ на свое хлѣбное ремесло, и поступаетъ со своими произведеніями, какъ сапожникъ съ сапогами, то есть продаетъ ихъ первому встрѣчному покупателю, не обращая никакого вниманія на самыя характерныя особенности этого покупателя. Примѣровъ можно привести сколько угодно, выбирая притомъ только очень извѣстныя и нисколько неопозоренныя имена. Было-бы очень несправедливо назвать покойнаго Дружинина безчестнымъ или тупоумнымъ писателемъ, а между тѣмъ извѣстно, что Дружининъ въ 1861 году помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью о Карлейлевой исторіи Фридриха II, потомъ въ 1862 году помѣстилъ въ «Современникѣ» переводъ «Ричарда III» и наконецъ въ 1863 году опять въ «Русск. Вѣстникѣ»—продолженіе статей о книгѣ Карлейля. Такимъ образомъ Дружининъ ухитрялся мирить «Современникъ» съ «Русскимъ Вѣстникомъ».—Костомаровъ *) также не можетъ быть названъ ни безчестнымъ, ни тупоумнымъ писателемъ, а между тѣмъ онъ помѣщалъ свои статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія» рядомъ съ романомъ Стебницкаго.—Вейнберга я также не имѣю повода заподозрить ни въ тупоуміи, ни въ безчестности, а между тѣмъ онъ помѣстилъ переводъ «Беатриче Ченчи» въ «Русск. Словѣ», а переводъ «Отелло»—въ «Библіотекѣ для Чтенія», совершенно опозоренной романомъ «Некуда». Такимъ образомъ производилось непостижимое примиреніе «Русск. Слова» съ «Библіотекой». Такое-же примиреніе устроивалъ и Глѣбъ Успенскій, который, печатая обыкновенно свои разсказы въ «Русск. Словѣ», помѣстилъ однако одинъ очеркъ въ январской книжкѣ «Библіотеки» за нынѣшній годъ. Помяловскій конечно былъ достаточно уменъ и честенъ, чтобы не сочувствовать философіи Страхова и Косицы, а между тѣмъ отдалъ «Зимній вечеръ въ бурсѣ» во «Время», и отдалъ его тогда, когда «Современникъ» еще не былъ пріостановленъ. Пониманіе настоящихъ отношеній литературы къ обществу развито до сихъ поръ такъ слабо въ нашей публикѣ, что большинство читателей, прочитавъ то, что́ я говорю о Вейнбергѣ, навѣрное возразятъ мнѣ съ простодушнымъ удивленіемъ: «да вѣдь это переводы, стало быть, все равно, куда ихъ не помѣстить». Совсѣмъ не все равно, отвѣчу я. Писатель долженъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: если я считаю позволительнымъ выпустить мою работу въ свѣтъ, то, значитъ, я нахожу, что она исполнена добросовѣстно и что вслѣдствіе этого она можетъ хоть немного усилить успѣхъ того журнала, въ который я ее отдаю. Если-же я своей работой усиливаю успѣхъ такого журнала, который проповѣдуетъ нелѣпости или гнусности, то я становлюсь до нѣкоторой степени сообщникомъ этихъ гнусностей или нелѣпостей. Стало быть, даже и переводы слѣдуетъ помѣщать съ величайшей разборчивостью. Еслибы у насъ не было въ литературѣ людей безразличныхъ и равнодушныхъ, то бо́льшая часть нелѣпыхъ или гнусныхъ журналовъ потеряла-бы возможность существовать, потому что люди чисто-нелѣпые или чисто гнусные, дающіе колоритъ гнуснымъ или нелѣпымъ журналамъ, составляютъ у насъ, какъ и вездѣ, очень незначительное меньшинство, которое только при содѣйствіи равнодушныхъ и безразличныхъ людей можетъ обдѣлывать свои дѣлишки и выпускать въ свѣтъ разнообразныя книжки, пропитанныя ароматомъ гнусности или нелѣпости. Безразличіе и равнодушіе, составляющія до сихъ поръ преобладающія особенности нашихъ литературныхъ дѣятелей, происходятъ не отъ испорченности, не отъ систематической продажности, а просто отъ непониманія той истины, что литература—великая общественная сила, которая начинаетъ развращать общество съ той самой минуты, какъ только она перестаетъ двигать его впередъ и раскрывать передъ нимъ его острыя и хроническія болѣзни. Непониманіе это очень понятно: до 1855 года у насъ не было и быть не могло ясно обозначенныхъ и неуклонно-выдержанныхъ направленій; еслибы кто нибудь потрудился перебрать старыя книжки «Отечественныхъ Записокъ», то навѣрное нашелъ-бы тамъ, рядомъ со статьями Бѣлинскаго, множество такихъ вещей, которыя показались бы дикими даже теперешнимъ «Отечественнымъ Запискамъ». Потомъ, послѣ 1855 года, всѣ русскіе писатели сдѣлались либералами, а либеральный кодексъ извѣстенъ: отрицай розги и зуботычины, люби Росселя и Кавура, обижайся, когда евреевъ называютъ жидами, и затѣмъ, заручившись этими добродѣтельными чувствами, говори, пиши и дѣлай все, что́ угодно. На почвѣ этого либеральнаго кодекса выросли, какъ те-

*) Само собою разумѣется, что, называя Костомарова не безчестнымъ и не тупоумнымъ писателемъ, я говорю о профессорѣ Н. И. Костомаровѣ, а не о Всеволодѣ Костомаровѣ.

орія «Голоса» о томъ, что честному писателю незачѣмъ быть честнымъ человѣкомъ, такъ и теорія Альбертини о систематической несолидарности сотрудниковъ журнала между собою. Каждый либералъ готовъ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ писать въ одномъ журналѣ съ другими либералами, съ которыми онъ не сходится ни на одномъ пунктѣ, кромѣ вышеисчисленныхъ статей либеральнаго кодекса. Привыкнувъ игнорировать своихъ сотрудниковъ и кочевать по домашнимъ обстоятельствамъ изъ одного либеральнаго журнала въ другой, либералы не слишкомъ строго смотрятъ на переходы даже и въ такіе журналы, которые съ либерализмомъ не имѣютъ ничего общаго. Извѣстно напримѣръ, какъ пламенно ненавидятъ и усердно бранятъ «Русское Слово» всѣ наши либералы; и всѣхъ этихъ пламенно-ненавидящихъ и усердно-бранящихъ либераловъ можно завтра-же приманить въ «Русское Слово», посуливъ имъ лишнихъ пять рублей полистной платы. Жаль только, что приманивать не стоитъ. И опять-таки повторяю вамъ, что это дѣлается не столько вслѣдствіе развращенности и продажности, сколько вслѣдствіе литературнаго диллетантизма, вытекающаго изъ нашей общественной неразвитости. Предложите тому-же либералу, котораго вы переманили за пять рублей, поцѣловать у васъ руку не за пять, а за пятьсотъ рублей, и вы увидите, что онъ не только не поцѣлуетъ, а даже—чего добраго—обидится. Значитъ, чувство чести въ немъ есть, но только нѣтъ умѣнья понять отношенія писателя къ обществу. Благосвѣтловъ своимъ вліяніемъ навсегда застраховалъ меня отъ безцвѣтнаго либерализма, приводящаго къ теоріямъ «Голоса» и Альбертини. Когда я ходилъ въ редакцію «Странника», я стоялъ на той низкой степени пониманія, на которой остановились напримѣръ Дружининъ и Костомаровъ. Благосвѣтловъ помогъ мнѣ подняться на высшую ступеньку, и теперь я смотрю на дѣло писателя, какъ на серьезную общественную обязанность. Такимъ образомъ Благосвѣтловъ сдѣлалъ для меня очень много. Но мое реалистическое міросозерцаніе сложилось независимо отъ Благосвѣтлова и до моего знакомства съ нимъ. *Лучшій цвѣтокъ въ саду реализма, насажденный и выращенный самимъ Благосвѣтловымъ*, оказывается такимъ образомъ безвредной шуткой, которая ко мнѣ нисколько не относится.

V.

Антоновичъ старается доказать, что я будто-бы не понялъ статьи Добролюбова «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ».—«Читая эту статью,—говоритъ онъ,—онъ (Писаревъ) остановился на той милліонной долѣ статьи, гдѣ Добролюбовъ хвалитъ Катерину; эта похвала точно гвоздемъ засѣла въ голову критика, и онъ остановился на ней собственно потому, что наслушался фразъ объ отрицаніи и обличеніи, и его обличительное рвеніе обидѣлось похвалой. Итакъ, похвала Катеринѣ составляетъ *одну милліонную* долю статьи «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Справляясь съ сочиненіями Добролюбова, я усматриваю, что хвалебный анализъ характера Катерины занимаетъ въ третьемъ томѣ ровно *тридцать* страницъ (488—517); слѣдовательно, по счету Антоновича, вся статья должна заключать въ себѣ *тридцать милліоновъ* страницъ; на самомъ-же дѣлѣ она не такъ велика: въ ней всего *семьдесятъ семь* страницъ. Стало быть, похвала Катеринѣ, даже по одному объему, составляетъ почти половину статьи (выражаясь точнѣе—болѣе $^3|_8$ статьи). Но этого мало. Не трудно доказать, что эта часть статьи составляетъ настоящую ея сущность. Въ самомъ дѣлѣ, первыя *двадцать семь* страницъ составляютъ вступленіе, въ которомъ Добролюбовъ объясняется «*относительно основаній своей критики*» и полемизируетъ съ разными приверженцами школьной піитики. Оканчивая это вступленіе, Добролюбовъ самъ признается, что его «*можно было изложить на двухъ-трехъ страницахъ*, но что тогда бы этимъ страницамъ долго не пришлось увидѣть свѣта». Вступленіе вышло длинно, потому что «приходится поневолѣ перевертываться всячески съ фразой, чтобы ввести какъ-нибудь читателя въ сущность излагаемой мысли». Ясное дѣло, что извороты фразъ, необходимые только вслѣдствіе стѣсненнаго положенія нашей печати, не могутъ составлять существеннаго содержанія статьи. Если Добролюбовъ самъ говоритъ, что вступленіе могло умѣститься на двухъ-трехъ страницахъ, то мы и должны считать первыя *двадцать семь* страницъ за двѣ или за три страницы, непомѣрно раздувшіяся вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, отъ автора независящихъ. Наконецъ Добролюбовъ говоритъ: «Но обратимся-же къ *настоящему предмету* нашему—къ автору «Грозы».» Ясно, кажется, что первыя *двадцать семь* страницъ къ *настоящему предмету* не относятся. Далѣе Добролюбовъ начинаетъ рисовать жизнь города Калинова и самодурство Дикого и Кабановой, то есть, онъ описываетъ ту сцену, на которой Катеринѣ приходится дѣйствовать, и знакомитъ насъ съ тѣми людьми, отъ которыхъ Катерина находится въ зависимости. Затѣмъ начинается анализъ характера Катерины. Спрашиваю я васъ теперь, господа читатели, которая изъ трехъ частей статьи можетъ быть названа главной: первая-ли, заключающая въ себѣ прелиминаріи, которыя, по сознанію самого автора, могли-бы умѣститься на двухъ-трехъ страницахъ; вторая-ли, заключающая въ себѣ описаніе фона картины; или-же третья, заключаю-

щая въ себѣ анализъ характера главнаго дѣйствующаго лица? Но можетъ-быть въ этомъ анализѣ характера хвалебный элементъ занимаетъ дѣйствительно самое скромное мѣсто? Нѣтъ, господа, мой увертливый противникъ не укроется даже и въ этой послѣдней лазейкѣ. Чтобы возвеличить Катерину, Добролюбовъ повергаетъ впрахъ всѣ сильные характеры, изображавшіеся въ нашей современной литературѣ, и эту груду поверженныхъ фигуръ превращаетъ въ пьедесталъ для своей любимой героини. Къ ногамъ Катерины повергается даже Инсаровъ, тотъ самый Инсаровъ, къ которому Добролюбовъ отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ въ своей статьѣ: «Когда-же придетъ настоящій день?»—«Русская жизнь,—говоритъ Добролюбовъ,—дошла наконецъ до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя-бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно: какъ скоро сознаніе правды и права, здравый смыслъ проснулись въ людяхъ, они непремѣнно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними согласія (которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои прежняго времени), но и внесенія ихъ въ жизнь, въ дѣятельность. Но чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много препятствій, подставляемыхъ Дикими, Кабановыми, и т. п.; для преодолѣнія препятствій нужны характеры предпріимчивые, рѣшительные, настойчивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось то общее требованіе правды и права, которое наконецъ прорывается въ людяхъ сквозь всѣ преграды, поставленныя дикими самодурами. Теперь большая задача представлялась въ томъ, какъ-же долженъ образоваться и проявиться характеръ, требуемый у насъ новымъ поворотомъ общественной жизни? Задачу эту пытались разрѣшить наши писатели, но всегда болѣе или менѣе неудачно». Катерина, по мнѣнію Добролюбова, оказывается желаннымъ разрѣшеніемъ этой задачи. «Такимъ образомъ,—говоритъ Добролюбовъ,—перебирая разнообразные типы, являвшіеся къ нашей жизни и воспроизведенные литературой, мы постоянно приходили къ убѣжденію, что они не могутъ служить представителями того общественнаго движенія, которое чувствуется у насъ теперь, и о которомъ мы, по возможности подробно, говорили выше. Видя это, мы спрашивали себя: какъ-же однако опредѣлятся новыя стремленія въ отдѣльной личности? Какими чертами долженъ отличаться характеръ, которымъ совершится рѣшительный разрывъ со старыми, нелѣпыми и насильственными отношеніями жизни? Въ дѣйствительной жизни пробуждающагося общества мы видѣли лишь намеки на рѣшеніе нашихъ вопросовъ, въ литературѣ—слабое повтореніе этихъ намековъ; но въ «Грозѣ» составлено изъ нихъ цѣлое, уже съ довольно-ясными очертаніями; здѣсь является передъ нами лицо, взятое прямо изъ жизни, но выясненное въ сознаніи художника и поставленное въ такія положенія, которыя даютъ ему обнаружиться полнѣе и рѣшительнѣе, нежели какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенной жизни»... «Рѣшительный, цѣльный русскій характеръ, дѣйствующій въ средѣ Дикихъ и Кабановыхъ, является у Островскаго въ женскомъ типѣ, и это не лишено своего серьезнаго значенія.» Далѣе начинается уже просто хвалебный гимнъ Катеринѣ, который и не прерывается до самаго конца статьи. Чтобы показать читателю, до какого паѳоса доходитъ Добролюбовъ, и какія непохвальныя вещи онъ превозноситъ въ разгарѣ своего увлеченія, я приведу изъ его хвалебнаго гимна два отрывка. «Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда недовольнымъ, любящимъ разрушать, во что бы то ни стало. (А неужели Добролюбовъ видѣлъ въ русскомъ обществѣ такихъ неугомонныхъ разрушителей, и неужели онъ вѣритъ въ ихъ существованіе? Я, признаюсь, думалъ и продолжаю думать до сихъ поръ, что такіе безпардонные буяны—не что иное, какъ баба-яга, выдуманная катковскими и скарятинскими журналами для того, чтобы пугать маленькихъ дѣтей и такихъ читателей, которые по своимъ умственнымъ способностямъ отъ маленькихъ дѣтей очень недалеко уѣхали.) Напротивъ, это характеръ по преимуществу созидающій, любящій, идеальный. (Что такое *идеальный* характеръ? И если *идеальный* характеръ противуполагается разрушителю, то, стало быть, разрушитель окажется *матеріальнымъ* характеромъ?) Вотъ почему она старается все осмыслить и облагородить въ своемъ воображеніи; то настроеніе, при которомъ, по выраженію поэта, «весь міръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и омытъ», это настроеніе до послѣдней крайности не покидаетъ Катерину. (Не правда-ли, какъ приспособленъ такой характеръ къ суровымъ подвигамъ общественной дѣятельности? Какъ полезно мыть и чистить окружающихъ самодуровъ благородною мечтою для того, чтобы потомъ вступить съ ними въ борьбу!) Всякій внѣшній диссонансъ она старается согласить съ гармоніей своей души, всякій недостатокъ покрываетъ изъ полноты своихъ внутреннихъ силъ. (Если выражаться менѣе поэтическимъ языкомъ, то надо будетъ сказать очень просто, что Катерина, какъ всѣ обиженные Богомъ и воспитаніемъ мечтатели, видитъ вещи въ розовомъ свѣтѣ. Но спрашивается, въ чемъ же состоитъ задача общественнаго дѣятеля: въ томъ-ли, чтобъ игнорировать недостатки, или-же

въ томъ, чтобы видѣть, понимать и устранять ихъ?) Грубые, суевѣрные разсказы и безсмысленныя бредни странницъ превращаются у ней въ золотые, поэтическіе сны воображенія, не устрашающіе, а ясные, добрые.» Далѣе Добролюбовъ начинаетъ наслаждаться описаніемъ ясныхъ, добрыхъ, золотыхъ и поэтическихъ сновъ. Дальше выписывать не стоитъ, потому что основное направленіе хвалебнаго гимна достаточно обозначено. Вы видите, что художественное чувство завлекаетъ Добролюбова очень далеко, даже изъ рукъ вонъ какъ далеко. Онъ ставитъ Катеринѣ въ заслугу то, что она чистила и мыла благородною мечтою *грубые, суевѣрные разсказы и безсмысленныя бредни странницъ*. Порывъ художественнаго чувства миритъ Добролюбова со всѣмъ, даже съ мистицизмомъ, если только онъ облекается въ красивую форму золотыхъ, поэтическихъ, ясныхъ и добрыхъ сновъ. Имѣйте при этомъ въ виду, что Добролюбовъ обѣщаетъ показать намъ въ Катеринѣ «характеръ, которымъ совершится рѣшительный разрывъ со старыми, нелѣпыми и насильственными отношеніями жизни». Неправда-ли, какіе богатые задатки *рѣшительнаго разрыва* скрываются въ такой личности, которая сама заражена до мозга костей всѣми нелѣпостями понятій, господствующихъ въ обществѣ самодуровъ?—Этого мало, что Катерина вѣритъ странницамъ; она еще кромѣ того влюбилась въ ихъ разсказы именно потому, что постоянно мыла и чистила ихъ благородною мечтою. И отъ такой-то безнадежно-зачумленной личности Добролюбовъ ждетъ *рѣшительнаго разрыва!* — Вотъ второй отрывокъ изъ хвалебнаго гимна, посвященнаго полоумной мечтательницѣ и визіонеркѣ. «Претендованные въ другихъ твореніяхъ нашей литературы сильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, но зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма, подведеннаго къ нимъ. (Инсаровъ тоже попадаетъ въ фонтанчики.) Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена большой, многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, но теченіе не останавливается; ровное дно, хорошее—она течетъ спокойно, камни большіе встрѣчаются—она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ—льется каскадомъ, запружаютъ ее—она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ. Не потому бурлитъ она, чтобы водѣ вдругъ захотѣлось пошумѣть или разсердиться на препятствія, а просто потому, что это ей необходимо для выполненія ея естественныхъ требованій, для дальнѣйшаго теченія.» Моя страстная и упорная любовь къ Базарову вошла въ пословицу и давно сдѣлалась посмѣшищемъ всей близорукой нашей журналистики, а между тѣмъ я никогда не воспѣвалъ его такъ восторженно, велерѣчиво и метафорично, какъ Добролюбовъ поетъ Катерину. Такъ напримѣръ, я никогда не разсуждалъ о томъ, что̀ предприняль бы Базаровъ, если-бы его *запрудили* или если бы ему пришлось *течь черезъ обрывъ*. — А теперь, господа читатели, я васъ спрашиваю: что̀ вы думаете о правдивости Антоновича, имѣющаго дерзость утверждать печатно, что похвала Катеринѣ составляетъ одну *милліонную долю* въ статьѣ Добролюбова? Поставивъ передъ вами этотъ вопросъ, я на время презрительно устраняю мелкаго литературнаго фокусника Антоновича и до конца этой главы веду разговоръ съ умнымъ и честнымъ, но, по моему крайнему разумѣнію, заблуждающимся писателемъ Добролюбовымъ. Предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, кто изъ нашихъ любимцевъ, добролюбовскій или мой, Катерина или Базаровъ, заключаютъ въ себѣ элементы, необходимые для рѣшенія общественной задачи, поставленной русскому народу всѣмъ теченіемъ нашей исторической жизни? Добролюбовъ говоритъ, что намъ нуженъ въ настоящее время «*русскій сильный характеръ*». Я полагаю, что это мнѣніе совершенно ошибочно. Сильныхъ характеровъ у насъ всегда было много, и они до сихъ поръ существуютъ у насъ въ большомъ изобиліи. Чтобы поддержать эту мысль, которая многимъ, если не всѣмъ, читателямъ покажется парадоксомъ, я не буду ссылаться на отдѣльные историческіе примѣры; я просто разверну передъ вами карту европейской и азіятской Россіи и укажу вамъ на *всю нашу исторію*, какъ на самое краснорѣчивое выраженіе нашего колоссальнаго, желѣзнаго характера. Существенный смыслъ всей нашей исторіи заключается въ постоянной, хронической, исполинской колонизаціи, расчисткѣ и разработкѣ земель отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Энергія и терпѣніе теперешнихъ американскихъ піонеровъ совершенно ничтожны въ сравненіи съ терпѣніемъ и энергіей нашихъ колонизаторовъ, ничтожны именно потому, что американецъ идетъ на борьбу съ природой, вооруженный всѣми пособіями науки и техники, а нашъ мужикъ шелъ и даже идетъ до сихъ поръ только-что не съ голыми руками. Чего не достаетъ со стороны знанія и технической снаровки, то очевидно можетъ и должно быть дополнено только упорствомъ, мозолистымъ трудомъ и сносливостью, т. е. именно силой и энергіей характера. Чего другого, а желѣзной воли и ультраослинаго терпѣнія у насъ во всякое время было довольно. Въ каждомъ учебномъ заведеніи, въ каждомъ казенномъ присутственномъ мѣстѣ, въ каждой рабочей артели, въ каждомъ полку, въ каждомъ острогѣ—вы найдете десятки, если не сотни, желѣзныхъ характеровъ, которыхъ упорство въ принятомъ рѣшеніи не

побѣдите ни лаской, ни палкой. Всякій согласится, что Молчалинъ есть типъ; но неужели-же вы не видите, что Молчалинъ—желѣзный характеръ? Молчалинъ сказалъ себѣ: «я хочу составить карьеру»—и пошелъ по той дорогѣ, которая ведетъ къ степенямъ извѣстнымъ; пошелъ и уже не своротитъ ни вправо, ни влѣво; умирай его мать въ сторонѣ отъ дороги, зови его любимая женщина въ сосѣднюю рощу, плюй ему весь свѣтъ въ глаза, чтобы остановить его движеніе,—онъ все будетъ идти и дойдетъ—одинокій, оплеванный, измученный,—но дойдетъ. И это, по вашему, не сила характера? Да если-бы каждый изъ нашихъ прогрессистовъ былъ Молчалинымъ по силѣ характера, то... то... то лучшаго ничего и желать было-бы невозможно.—Вы скажете, что у Молчалина мелкая, низкая и даже глупая цѣль. Да вѣдь это ужъ совсѣмъ другой вопросъ. Цѣль жизни выбирается не характеромъ, а умомъ: и выборъ, удачный или неудачный, обусловливается тѣмъ умственнымъ развитіемъ и тѣми знаніями, которыми обладаетъ человѣкъ въ то время, когда ему приходится выбирать. Если бы юноша Молчалинъ имѣлъ понятіе о болѣе высокихъ разумныхъ и привлекательныхъ цѣляхъ, если-бы образованіе поставило его на ту точку зрѣнія, съ которой становится замѣтной привлекательность этихъ другихъ цѣлей, то онъ бы и выбралъ одну изъ этихъ другихъ, потому что человѣкъ никогда не довольствуется кускомъ черстваго хлѣба, если имѣетъ возможность получить кусокъ пирога. А выбравъ разъ хорошую цѣль, Молчалинъ пошелъ-бы къ ней такъ же неуклонно, какъ идетъ къ степенямъ извѣстнымъ. Вотъ мы, стало быть, и договорились. Наша общественная или народная жизнь нуждается совсѣмъ не въ сильныхъ характерахъ, которыхъ у нея за глаза довольно, а только и исключительно въ одной *сознательности*.—Какъ только наши неутомимые и неустрашимые труженики узнаютъ и поймутъ совершенно ясно, что́—ложь и что́—правда, что́—вредъ и что́—польза, кто—врагъ и кто—другъ, такъ они и пойдутъ твердыми шагами къ разумной и счастливой жизни, не останавливаясь передъ трудностями, не пугаясь опасностей, не слушая лживыхъ обѣщаній, и спокойно устраняя всѣ рогатки и шлагбаумы. Думать, что русскіе люди нуждаются не въ знаніи, а въ энергіи, значитъ считать Обломова типическимъ представителемъ русскаго народнаго характера, а такая грубая ошибка понятна только со стороны поверхностнаго писателя. И знаніе составляетъ ключъ къ рѣшенію общественной задачи не въ одной Россіи, а во всемъ мірѣ. Нѣтъ ни одного народа, у котораго замѣчался-бы недостатокъ характера, и нѣтъ также ни одного народа, который былъ-бы достаточно надѣленъ знаніемъ. Каждое важное событіе въ исторической жизни каждаго народа вызываетъ наружу тысячи проявленій самаго чистаго и высокаго героизма, и каждое событіе оканчивается самой нелѣпой и печальной развязкой, если у даннаго народа не оказывается въ наличности тѣхъ умственныхъ способностей, тѣхъ знаній и той опытности, которыя могли-бы поворотить, куда слѣдуетъ, дальнѣйшее теченіе исторической жизни. Посмотрите напримѣръ на первую французскую революцію: энергіи, героизма, любви къ отечеству и всякихъ другихъ добродѣтелей было истрачено столько, что ихъ хватило-бы на освобожденіе всѣхъ народовъ земного шара; а между тѣмъ движеніе завершилось военнымъ деспотизмомъ и позорнѣйшей реставраціей именно оттого, что не нашлось въ запасѣ положительныхъ знаній, безъ которыхъ и самый геніальный организаторъ всегда потерпитъ полнѣйшую неудачу. Итакъ, намъ необходимы исключительно люди знанія, т. е. знанія должны быть усвоены тѣми желѣзными характерами, которыми переполнена наша народная жизнь.

Но читатель помнитъ конечно, что, говоря о Молчалинѣ, я съ нѣкоторой укоризной пожелалъ нашимъ прогрессистамъ молчалинской силы характера. Выражая это желаніе я, стало быть, признавалъ тотъ фактъ, что нашимъ прогрессистамъ дѣйствительно не достаетъ характера. Да, я признаю этотъ фактъ и считаю его непоправимымъ относительно тѣхъ прогрессистовъ, которые «дѣла себѣ исполинскаго ищутъ, благо наслѣдство богатыхъ отцовъ ихъ избавляетъ отъ тяжкихъ трудовъ». Характеръ закаляется трудомъ, и кто никогда не добывалъ себѣ собственнымъ трудомъ насущнаго пропитанія, тотъ въ большей части случаевъ остается навсегда слабымъ, вялымъ и безхарактернымъ человѣкомъ. Это значитъ, что вся наша надежда покоится на тѣхъ людяхъ, которые сами себя кормятъ и изъ которыхъ дѣйствительно сформировались первые и постоянно формируются новые представители базаровскаго типа. Представивъ эти размышленія на судъ читателя, я замѣчу наконецъ, что съ основнымъ смысломъ моихъ идей согласился даже и «Современникъ», заклятый врагъ Тургенева, Базарова и «Русскаго Слова». Типъ, рѣшающій общественную задачу, воплощенъ самымъ блестящимъ и самымъ глубокимъ мыслителемъ «Современника», Чернышевскимъ, въ личности Рахметова *). Рахметовъ признанъ и всѣми остальными сотрудниками «Современника»; а на кого-же Рахметовъ больше похожъ—на Базарова, или на Катерину? Я полагаю, что смѣшно даже и задавать читателю подобный вопросъ. Характеръ Катерины

*) Недавно базаровскій типъ получилъ новое оправданіе и признаніе отъ «Современника», въ повѣсти Слѣпцова «Трудное Время», о которой стоитъ поговорить въ особой статьѣ.

промелькнулъ и теперь уже навсегда забытъ, а базаровскій типъ растетъ постоянно, не по днямъ, а по часамъ, и въ жизни, и въ литературѣ. Стало быть, незачѣмъ было и воспѣвать Катерину, какъ многоводную рѣку.

VI.

Въ своей статьѣ Антоновичъ объявляетъ, что Писаревъ «со свойственнымъ ему умѣньемъ уничтожаетъ искусство и производитъ разрушеніе эстетики».—Изъ этихъ словъ Антоновича я вижу, что онъ самымъ забавнымъ образомъ ошибается въ пониманіи того заглавія, которое я далъ моей критической статьѣ, помѣщенной въ майской книжкѣ «Русскаго Слова» за 1865 годъ. Прочитавъ заглавіе «*Разрушеніе эстетики*», Антоновичъ вообразилъ себѣ, что я самъ принимаю на себя роль разрушителя, и что *разрушеніемъ эстетики* я называю именно мою собственную статью. Если понимать по такому остроумному способу заглавія статей, то придется утверждать, что я самому себѣ приписываю *педагогическіе софизмы*, что я самого себя обвиняю въ *сердитомъ безсиліи*, что Соколовъ самого себя уличаетъ въ *экономическихъ иллюзіяхъ*, и что Антоновичъ самого себя считаетъ творцомъ *современной эстетической теоріи*. Когда надъ статьей написано крупными буквами: «*такой-то предметъ*», то люди, привыкшіе къ общеупотребительному литературному языку, понимаютъ обыкновенно эту надпись такъ, какъ будто-бы было написано: «*статья о такомъ-то предметѣ*» Такъ напримѣръ, когда надъ статьями писано: «*Маколей*» или «*Милль*», то читатели не ожидаютъ найдти въ книгѣ этихъ двухъ англичанъ en chair et os; они ожидаютъ найдти только разсужденіе о Маколеѣ или Миллѣ. Точно также, когда надъ статьей написано «*Разрушеніе эстетики*», то читатели ожидаютъ найдти въ книгѣ статью о томъ сочиненіи, которое разрушало эстетику. Это они дѣйствительно и находятъ, потому что во всей моей статьѣ я доказываю очень подробно, что эстетику разрушилъ Чернышевскій своей книгой «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности».

Чтобы навязать мнѣ небывалыя претензіи на разрушеніе эстетики, Антоновичъ принужденъ прибѣгнуть къ самому печальному изъ полемическихъ пріемовъ, именно къ искаженію, даже не мыслей противника, а его словъ; онъ принужденъ пуститься на такой отчаянный маневръ, какъ фальсификація печатныхъ документовъ. Антоновичъ слѣдующимъ образомъ цитируетъ мои слова: «Надо совершенно уничтожить эстетику, провозглашаетъ Писаревъ, надо отправить ее туда, куда отправлены алхимія и астрологія».—Для большей убѣдительности Антоновичъ ставитъ эти слова въ ковычки, такъ что читатель принужденъ видѣть въ этой фразѣ именно мои собственныя, *подлинныя* слова. На самомъ-же дѣлѣ оказывается, что цитата приведена невѣрно. Вотъ мои слова: «Авторъ видѣлъ, что эстетика, порожденная умственной неподвижностью нашего общества, въ свою очередь поддерживала эту неподвижность. Чтобы двинуться съ мѣста, чтобы сказать обществу разумное слово, чтобы пробудить въ разслабленной литературѣ сознаніе ея высокихъ и серьезныхъ гражданскихъ обязанностей, надо *было* совершенно уничтожить эстетику, надо *было* отправить ее туда, куда отправлены алхимія и астрологія». Во-первыхъ, Антоновичъ оторвалъ конецъ фразы отъ ея начала, а во-вторыхъ, онъ изъ этого оторваннаго конца выкинулъ слово *было*, повторенное два раза. Черезъ это весь смыслъ совершенно измѣняется, и читатель, имѣющій неосторожность полагаться на Антоновича, убѣждается въ томъ, что я дѣйствительно ставлю себѣ самому задачу разрушить эстетику, между тѣмъ какъ я, напротивъ того, говорю, что эту задачу поставилъ себѣ и рѣшилъ десять лѣтъ тому назадъ другой писатель.—Потомъ, придравшись къ словамъ: *алхимія* и *астрологія*, Антоновичъ на цѣлой страницѣ читаетъ мнѣ правоученія, имѣющія цѣлью доказать, что объекты этихъ наукъ не уничтожились, а перешли въ вѣдѣніе химіи и астрономіи. «Ахъ,—восклицаетъ Антоновичъ,—какъ было-бы хорошо, если-бы вы, г. Писаревъ, побольше знали и побольше размышляли собственнымъ умомъ»... Это было-бы хорошо преимущественно потому, что тогда «намъ-бы не было необходимости толковать вамъ, т. е. вашимъ несчастнымъ читателямъ и почитателямъ, азбучныя истины.»—Вы, г. Антоновичъ, находите, что было-бы *ахъ, какъ хорошо*! Въ такомъ случаѣ я могу порадовать васъ тѣмъ извѣстіемъ, что ваше желаніе уже давно осуществилось, что все обстоитъ благополучно и *ахъ, какъ хорошо*, и что вамъ нѣтъ ни малѣйшей необходимости толковать моимъ *несчастнымъ читателямъ* азбучныя истины. Я скажу вамъ даже, что вы съ вашими толкованіями разыгрываете очень комическую роль той мухи, которая, «какъ откупщикъ на ярмаркѣ, хлопочетъ», или-же той мухи, которая говоритъ: «мы пахали».—Представьте себѣ, что отношенія алхиміи и астрологіи къ химіи и къ астрономіи были объяснены моимъ *несчастнымъ читателямъ* почти годъ тому назадъ въ моей статьѣ: «*Историческое развитіе европейской мысли*», напечатанной въ ноябрѣ и декабрѣ 1864 года. Вотъ, напримѣръ, что̀ было сказано объ алхиміи: «Философскаго камня они не нашли, жизненнаго элексира не добыли, но

ихъ многовѣковыя изслѣдованія положили прочное основаніе новѣйшей химіи... Еслибы не было фантазій о философскомъ камнѣ и о жизненномъ элексирѣ, то не было-бы и тѣхъ неутомимыхъ работъ, которыя познакомили насъ съ химическими свойствами многихъ тѣлъ и проложили дорогу къ болѣе раціональнымъ изслѣдованіямъ.» Вы видите, г. Антоновичъ, что вы съ полнымъ удобствомъ можете приберечь ваши толкованія азбучныхъ истинъ для *счастливыхъ читателей и почитателей* Антоновича. — Но теперь вы конечно возликуете и закричите, что, стало быть, говоря объ униженіи эстетики, я, ни къ селу ни къ городу, сравнилъ ее съ алхиміей и астрологіей, которыя не уничтожились, а только преобразовались. Ликованіе ваше будетъ очень непродолжительно, потому что я тотчасъ укажу вамъ на слѣдующее мѣсто въ «*Разрушеніи эстетики*»: «При томъ опредѣленіи прекраснаго, которое даетъ намъ авторъ, *эстетика*, къ нашему величайшему удовольствію, *исчезаетъ въ физіологіи и гигіенѣ*». Такимъ образомъ оказывается, что мое сравненіе отличается самой строгой точностью. Эстетика преобразовывается въ часть физіологіи и гигіены такъ точно, какъ алхимія преобразовалась въ химію, а астрологія — въ астрономію. При этомъ превращеніи, разумѣется, многія части эстетики совершенно уничтожаются такъ точно, какъ уничтожились безъ остатка фантастическія стремленія и магическія формулы алхимиковъ и астрологовъ. Когда это превращеніе эстетики сдѣлается уже общеизвѣстной и общепризнанной истиной, тогда мы будемъ изучать и анализировать только тѣ пріятныя ощущенія, которыя могутъ сдѣлаться полезными или вредными для нашего здоровья и для нормальнаго развитія нашей рабочей силы. Напримѣръ, солнечный свѣтъ производитъ на меня пріятное впечатлѣніе; я обращаюсь къ физіологіи и къ гигіенѣ и требую отъ нихъ отвѣта на вопросъ: въ какой связи это пріятное ощущеніе находится съ общимъ процессомъ моей жизни, и въ какой мѣрѣ я могу предаваться этому ощущенію, не вредя своему здоровью? Физіологія и гигіена отвѣчаютъ мнѣ, что солнечный свѣтъ въ высшей степени полезенъ для органической жизни, но что излишняя яркость солнечнаго свѣта, при слишкомъ продолжительномъ дѣйствіи солнечныхъ лучей на организмъ, раздражаетъ, утомляетъ и наконецъ разслабляетъ зрѣніе и кромѣ того ведетъ за собой приливы крови къ головѣ. Опредѣлить точными измѣреніями то напряженіе свѣта, которое человѣческій организмъ можетъ выносить безъ дурныхъ послѣдствій, и то время, впродолженіи котораго онъ можетъ подвергаться дѣйствію солнечныхъ лучей безъ вреда для здоровья, — это конечно задача довольно важная, и эту задачу, разумѣется, рѣшаетъ и будетъ рѣшать физіологія, а не эстетика, несмотря на то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ пріятнымъ ощущеніемъ. Положимъ далѣе, что два цвѣта, сѣроватый и пунцовый, производятъ на меня пріятное впечатлѣніе. Поддаваясь моему влеченію къ этимъ цвѣтамъ, я хочу обить свой кабинетъ сѣроватыми или пунцовыми обоями; чтобы рѣшить, которому изъ двухъ любимыхъ мною цвѣтовъ я долженъ отдать предпочтеніе, я опять обращаюсь къ гигіенѣ, и узнаю изъ нея, что пунцовый цвѣтъ рѣшительно не годится, потому что слишкомъ сильно дѣйствуетъ на зрѣніе. Положимъ далѣе, что мнѣ хочется уставить мой кабинетъ растеніями и цвѣтами, которые производятъ на меня пріятное впечатлѣніе, какъ своимъ видомъ, такъ и запахомъ. Гигіена одобряетъ мое намѣреніе, объясняя мнѣ, что растенія очищаютъ воздухъ, разлагая углекислоту, то есть, поглощая углеродъ и освобождая кислородъ, необходимый для дыханія животныхъ; въ то-же время гигіена предупреждаетъ меня однако, что пріятный запахъ очень многихъ цвѣтовъ дѣйствуетъ такъ сильно на нервы, что ведетъ за собой головокруженія и головныя боли. Положимъ наконецъ, что мнѣ приходитъ въ голову фантазія увѣшать стѣны моего кабинета картинами, и я нахожусь въ нерѣшимости, чьи-бы мнѣ пріобрѣсти пейзажи — Калама, Клода Лоррена, Айвазовскаго или Рюисдаля. Если я за рѣшеніемъ этого вопроса вздумаю также обратиться къ гигіенѣ, то, разумѣется, она не отвѣтитъ мнѣ ровно ничего. Вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ пейзажистовъ никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ войдти ни въ физіологію, ни въ гигіену, и если только вы дадите себѣ трудъ вглядѣться и вдуматься въ этотъ вопросъ, имѣющій конечно очень важное значеніе для эстетики, то вы, разумѣется, увидите, что этотъ вопросъ въ высокой степени безплоденъ. Все, что гигіена можетъ сказать о картинахъ или о статуяхъ, ограничится тѣмъ, что эротическія изображенія могутъ разстроить здоровье и что слѣдовательно повѣсить въ кабинетѣ пейзажи благоразумнѣе, чѣмъ разукрасить его миѳологическими картинами или статуями. Если вы послушаетесь этого послѣдняго совѣта, то затѣмъ какъ для васъ, такъ и для всего свѣта рѣшительно все равно, кого-бы вы не предпочли, знаменитѣйшаго-ли пейзажиста во всей Европѣ, или-же такого живописца, который пишетъ вывѣски. Такимъ образомъ на вопросъ Антоновича: «что-же дѣлать, по разрушеніи эстетики, съ тѣми сюжетами, которыми она занимается?» — я отвѣчаю очень просто: большую часть этихъ сюжетовъ надо оставить безъ всякаго вниманія. Мы собственно только затѣмъ и стараемся доканать эстетику, чтобы сосредоточить вниманіе и умственныя силы общества на самомъ незначи-

тельномъ числѣ жгучихъ и неотразимыхъ вопросовъ первостепенной важности.

VII.

Одинъ изъ аргументовъ, заимствованныхъ мною противъ эстетики у Чернышевскаго, состоитъ въ томъ, что личные вкусы въ дѣлѣ красоты безконечно разнообразны, что всѣ они одинаково законны, и что ихъ невозможно и не слѣдуетъ приводить къ обязательному единству. Антоновичъ находитъ въ этомъ мнѣніи три нелѣпости.

Первую нелѣпость Антоновичъ видитъ въ той мысли, будто общая эстетика невозможна на томъ основаніи, что у каждаго человѣка свой личный вкусъ и своя эстетика. Антоновичъ разбиваетъ эту *первую нелѣпость* слѣдующими аргументами: физіологія возможна, хотя у каждаго человѣка свои особенные органы; логика возможна, хотя у каждаго человѣка свои особенные пріемы мышленія; общеобязательная правда существуетъ, хотя для одного правда или ложь одно, для другого—другое, и т. д. Постараюсь опровергнуть аргументацію Антоновича. Во-первыхъ, насчетъ физіологіи замѣчу моему противнику, что она возможна потому, что между отдѣльными субъектами существуетъ въ физіологическомъ отношеніи только количественное, а не качественное различіе. Одинъ человѣкъ поглощаетъ больше кислорода, другой—меньше, но всѣ безъ исключенія дышатъ кислородомъ, а не углекислотой и не водородомъ; у одного человѣка въ крови больше желѣза, у другого—меньше, но у всѣхъ безъ исключенія въ крови содержится именно желѣзо, а не мѣдь и не свинецъ; такимъ образомъ и всѣ остальныя физіологическія различія сводятся на количественныя различія; а при количественныхъ различіяхъ конечно возможны среднія цифры, которыя и выражаютъ въ глазахъ физіолога отправленія нормальнаго человѣка. Въ томъ случаѣ, гдѣ являются качественныя различія, именно при разсмотрѣніи половыхъ особенностей, физіологія принуждена раздваиваться; отправленія женскихъ органовъ разсматриваются отдѣльно отъ отправленій мужскихъ органовъ, хотя конечно пищевареніе, дыханіе и кровообращеніе, представляя у обоихъ половъ только количественныя различія, разсматриваются вмѣстѣ. Еслибы всѣ физіологическія отправленія всѣхъ отдѣльныхъ личностей отличались другъ отъ друга качественнымъ образомъ, то, разумѣется, общая физіологія человѣка была-бы невозможна, по той простой причинѣ, что эти отдѣльныя личности вовсе не принадлежали-бы тогда не только къ одной и той-же породѣ, но даже къ одному и тому-же органическому царству. Кромѣ того физіологія имѣетъ превосходный критерій для различенія нормальныхъ особенностей отъ уродствъ или *тератологическихъ* особенностей. Такая особенность, которая содѣйствуетъ отправленіямъ, необходимымъ для поддержанія жизни,—нормальна; такая, которая ослабляетъ эти отправленія,—уродлива. Этого критерія эстетика не имѣетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не могутъ никогда поступить въ вѣдѣніе физіологіи и гигіены. Общеобязательная правда и общая логика существуютъ только до тѣхъ поръ, пока мы разсуждаемъ о видимыхъ или осязаемыхъ, вообще вещественныхъ предметахъ, явленіяхъ и свойствахъ, — и существуютъ только потому, что всѣ люди одарены одними и тѣми-же чувствами и что вслѣдствіе этого всегда возможна повѣрка, посредствомъ которой обнаруживается невѣрность утвержденія или неправильность умозаключенія. Вы говорите напримѣръ, что нашъ общій знакомый Ивановъ хромаетъ на лѣвую ногу, я говорю, что—на правую; каждый изъ насъ твердо убѣжденъ, что его мнѣніе истинно, но, разумѣется, это убѣжденіе можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока мы не увидимъ Иванова; тогда произойдетъ повѣрка, и одинъ изъ насъ увидитъ свое заблужденіе. Почти такая-же повѣрка возможна и относительно разсужденій: представьте себѣ напримѣръ, что вы пріѣхали въ какой-нибудь городъ и что васъ въ этомъ городѣ тотчасъ-же обокрали. Вы говорите, что этотъ городъ населенъ сплошь разбойниками и мошенниками. Всякій здравомыслящій человѣкъ скажетъ вамъ, что нельзя заключать отъ частнаго къ общему, и представитъ вамъ образчикъ такого разсужденія: мой пріятель раненъ въ ногу; мой пріятель—человѣкъ; слѣдовательно, всѣ люди ранены въ ногу. Вы увидите тотчасъ, во-первыхъ, что въ результатѣ получилась нелѣпость, а во-вторыхъ, что эта нелѣпость добыта тѣмъ самымъ способомъ разсужденія, который привелъ васъ къ поголовному обвиненію всѣхъ жителей города. Но въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ повѣрка невозможна, тамъ нѣтъ ни общеобязательной правды, ни общей логики. Представьте себѣ напримѣръ, что католикъ Дюпанлу, деистъ Шлейденъ и матеріалистъ Бюхнеръ бесѣдуютъ между собою о томъ, что̀ съ ними произойдетъ, когда они скончаются. Всѣ трое приходятъ къ совершенно различнымъ результатамъ, и ни одинъ изъ троихъ не можетъ убѣдить своихъ противниковъ; общая логика теряетъ свою силу и общеобязательная правда перестаетъ существовать, потому что повѣрка становится невозможной. Общеобязательная правда и общая логика возможны, во-первыхъ потому, что мы всѣ живемъ въ одномъ и томъ-же мірѣ; а во-вторыхъ потому, что мы всѣ одарены одними и тѣми-же чувствами, приводящими насъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ міромъ.

Когда соблюдены эти два условія—одинъ міръ и одни чувства, тогда общеобязательная правда и общая логика становятся не только возможными, но даже и неизбѣжными. Въ отношеніи къ общеобязательной правдѣ вся разница между отдѣльными личностями можетъ состоять только въ томъ, что одинъ дойдетъ до этой правды собственными силами, другому помогутъ къ ней придти, а третьяго приведутъ къ ней насильно, то есть ему покажутъ правду, несмотря на его нежеланіе видѣть ее. Но эти два условія—одинъ міръ и одни чувства,—достаточныя для существованія общеобязательной истины и общей логики, далеко недостаточны для основанія общей эстетики, то есть для приведенія личныхъ вкусовъ къ обязательному единству. Вкусъ есть сложный продуктъ темперамента, воспитанія, общественнаго положенія, образа жизни, общихъ историческихъ и климатическихъ условій, и многихъ другихъ элементовъ, степень участія которыхъ въ общемъ результатѣ указать и опредѣлить не только трудно, но даже невозможно. На основаніи этихъ соображеній, я полагаю, что общая эстетика вовсе не можетъ быть поставлена на одну доску съ общей физіологіей, общей логикой и общеобязательной истиной, и что возможность послѣднихъ ровно ничего не доказываетъ въ пользу возможности первой. Общая эстетика не только не можетъ существовать въ будущемъ, но она даже никогда не существовала въ прошедшемъ. То, что выдается или выдавалось за эстетику, относится къ общему вкусу, то есть къ безконечному разнообразію личныхъ вкусовъ, такъ точно, какъ относится къ этому-же разнообразію господствующая мода. Можно сказать навѣрное, что изъ десяти человѣкъ, надѣвающихъ въ первый разъ новомодный костюмъ, девять равнодушны къ особенностямъ его цвѣта и покроя, а десятый находитъ этотъ цвѣтъ и покрой смѣшными или неудобными. И между тѣмъ всѣ носятъ, и каждый, нося новое платье, становится частицей того громаднаго пресса, который насильно втискиваетъ въ новую моду отдѣльныя личности, въ томъ числѣ и его самого. Точно то-же самое можно сказать и обо всякомъ, такъ называемомъ, господствующемъ вкусѣ, а слѣдовательно и обо всякой эстетикѣ, излагающей общія формулы этого вкуса.

Вторую нелѣпость Антоновичъ видитъ въ мысли, что прекрасное не имѣетъ самостоятельнаго значенія, независимаго отъ личныхъ вкусовъ. Разбиваетъ онъ эту нелѣпость тѣмъ аргументомъ, что есть звуки, пріятные или непріятные для всякаго слуха. Я могу представить противъ этого аргумента два возраженія. *Первое.* Физика и физіологія доказываютъ конечно, что нѣкоторые звуки или сочетанія звуковъ производятъ непремѣнно въ каждомъ человѣческомъ ухѣ рѣзкое и раздражающее потрясеніе, которое всего лучше можно выразить французскимъ словомъ tiraillement. Но физика и физіологія поступили-бы черезчуръ смѣло, еслибы рѣшились сказать, что эти tiraillements абсолютно-непріятны для всѣхъ людей или, другими словами, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ извлекать себѣ изъ этихъ tiraillements никакого наслажденія. Еслибы физика и физіологія отваживались на такія скороспѣлыя заключенія, то существующіе человѣческіе вкусы очень часто уличали-бы ихъ въ ошибкахъ. Такъ напримѣръ, физіологія, основываясь на многихъ наблюденіяхъ, могла-бы сказать, что горечь антипатична человѣческому организму; но еслибы физіологія вздумала вывести изъ этихъ наблюденій общій законъ, то законъ этотъ оказался бы несостоятельнымъ, потому что многіе люди съ большимъ удовольствіемъ пьютъ очень горькій напитокъ, именно портеръ. Зная хорошо устройство и отправленіе человѣческихъ легкихъ, физіологъ повидимому имѣлъ-бы полное право утверждать, что вдыхать дымъ горящей травы совершенно несвойственно человѣку, и что такое вдыханіе должно составлять для человѣка настоящую пытку, а между тѣмъ очень многіе люди подвергаютъ себя этой пыткѣ не только добровольно, но даже съ особенной страстью, потому что вдыхаемый дымъ дѣйствуетъ особеннымъ образомъ на нервную систему. Рѣзкіе и нестройные звуки, быстро слѣдующіе одинъ за другимъ, сливаясь и смѣшиваясь между собою, могутъ также привести нервную систему въ особенное, возбужденное состояніе, которое многимъ людямъ можетъ казаться пріятнымъ. Почти у всѣхъ дикихъ народовъ есть своя музыка, невыносимая для европейскаго слуха, но доставляющая этимъ дикарямъ очень много удовольствія. По всей вѣроятности рѣзкіе и нестройные звуки пріятны дикарямъ именно потому, что эти звуки ошеломляютъ, опьяняютъ ихъ и помогаютъ имъ такимъ образомъ предаваться бѣшеному веселью и оргіастической пляскѣ. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ мнѣніе Антоновича, что нѣкоторые диссонансы отвратительны для всякаго слуха, въ высшей степени произвольно и доказываетъ только крайне слабое знакомство Антоновича съ хорошими характеристиками дикихъ народовъ.

Второе возраженіе еще серьезнѣе перваго. Антоновичъ самъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что различіе между аккордомъ и диссонансомъ имѣетъ физическое и физіологическое основаніе; физика изучаетъ законы происхожденія и распространенія звука; физіологія изучаетъ устройство нашего слуховаго аппарата; физика и физіологія общими силами рѣшаютъ вопросъ о томъ, какіе звуки и какія

сочетанія звуковъ должны казаться намъ стройными или нестройными. Но если этотъ вопросъ рѣшенъ физикой и физіологіей, то съ какой же стати его должна перерѣшать эстетика? Если бы эстетика вздумала противорѣчить физикѣ и физіологіи, то кто-же бы ей повѣрилъ? А если она подтвердитъ рѣшеніе физики и физіологіи, то кто-же нуждается въ ея конфирмаціи? На самомъ-же дѣлѣ эстетика не думаетъ ни опровергать, ни подтверждать рѣшенія физики и физіологіи; она просто беретъ эти рѣшенія, какъ готовый фундаментъ, на которомъ и старается утвердить свои дальнѣйшія построенія. Такимъ образомъ Антоновичъ, желая доказать возможность и необходимость эстетики, приводитъ въ примѣръ такія истины, которыя относятся къ области физики и физіологіи, точно будто-бы у насъ шла рѣчь о томъ, чтобы выкинуть изъ физики ученіе о звукѣ, а изъ физіологіи—ученіе о слухѣ. Я говорю, что прекрасное не имѣетъ самостоятельнаго значенія, независимаго отъ личныхъ вкусовъ. Антоновичъ ссылается на различіе, существующее между аккордомъ и диссонансомъ; но вѣдь эстетика старается не о томъ, чтобы установить это различіе, которое уже давно установлено положительными науками; эстетика старается установить твердыя правила, на основаніи которыхъ можно было-бы производить оцѣнку художественныхъ произведеній, въ томъ числѣ и музыкальныхъ. Эстетика имѣетъ дѣло не съ аккордами и съ диссонансами, а съ музыкальными произведеніями, которыя всѣ составлены изъ аккордовъ и которыя, несмотря на то, въ глазахъ музыкальнаго критика имѣютъ безконечно различное достоинство. *Ванька-Танька* составлена изъ аккордовъ и соната Бетховена также составлена изъ аккордовъ, а между тѣмъ музыкальные критики находятъ, что соната лучше *Ваньки-Таньки*. Чтобы опровергнуть мой тезисъ объ относительномъ значеніи прекраснаго, Антоновичъ долженъ былъ доказать напримѣръ, что этотъ приговоръ музыкальныхъ критиковъ совершенно независимъ отъ личныхъ вкусовъ. Но этого онъ не доказалъ и никогда не докажетъ, потому что этого и доказать невозможно. Очень многіе люди наслаждаются *Ванькой-Танькой* и вовсе не наслаждаются сонатами Бетховена; вы скажете имъ, что у нихъ неразвитъ музыкальный вкусъ,—многіе согласятся съ вами, но многіе согласятся и съ нами, и вопросъ останется неразрѣшеннымъ и неразрѣшимымъ, такъ точно, какъ напримѣръ вопросъ о томъ, какое вино вкуснѣе—сладкій мускатъ-люнель или старый хересъ. Цѣль всякаго наслажденія состоитъ въ томъ, чтобы освѣжить и обновить рабочую силу человѣка; всѣ наслажденія, которыя ведутъ къ этой цѣли, не вредя ни самому наслаждающемуся субъекту, ни окружающимъ людямъ, одинаково законны и совершенно равны между собою. Если-же вы мнѣ станете говорить о томъ, что сонаты Бетховена облагораживаютъ, возвышаютъ, развиваютъ человѣка, и проч., и проч., то я вамъ посовѣтую разсказывать эти сказки кому-нибудь другому, а не мнѣ, потому что я этимъ сказкамъ ни въ какомъ случаѣ не повѣрю: каждый изъ моихъ читателей знаетъ навѣрное многихъ искреннихъ меломановъ и глубокихъ знатоковъ музыки, которые, несмотря на свою любовь къ великому искусству и несмотря на свои глубокія знанія, остаются все-таки людьми пустыми, дрянными, совершенно ничтожными.

Третью нелѣпость Антоновичъ самъ выдумываетъ и приписываетъ мнѣ. «Писаревъ, вслѣдъ за Базаровымъ,—говоритъ Антоновичъ,—представляетъ себѣ, будто-бы отношеніе человѣка къ искусству и къ прекраснымъ предметамъ природы ограничивается только непосредственными чувственными ощущеніями, будто и все остальное нравится намъ такъ-же и въ такой-же формѣ, какъ нравятся напр. яблоки. Это третья нелѣпость.» Антоновичъ дѣлаетъ тутъ двѣ ошибки: во-первыхъ, онъ, употребляя общее выраженіе *искусство*, ставитъ поэзію на одну доску съ остальными искусствами, которыя должны стоять безконечно ниже поэзіи; во-вторыхъ, онъ ставитъ *прекрасные предметы природы*, въ томъ числѣ и прекрасныхъ людей,—прекрасныхъ не только по наружности, но и по умственнымъ качествамъ,—рядомъ съ картинами, статуями и музыкальными пьесами. Этихъ двухъ ошибокъ я никогда не дѣлалъ. Поэтому я никогда и не говорилъ, что люди или замѣчательныя поэтическія произведенія нравятся намъ *такъ-же и въ такой-же формѣ*, какъ нравятся яблоки. Но между наслажденіемъ живописью, скульптурой и музыкой и наслажденіемъ яблоками я дѣйствительно не вижу никакого существеннаго различія, кромѣ того только, что наслажденіе тремя вышеназванными искусствами требуетъ бо́льшихъ издержекъ и бо́льшихъ хлопотъ. Теперь вы, стало быть, г. Антоновичъ, видите, какъ разлетѣлась впрахъ вся ваша аргументація, и до какой высокой степени она была нелѣпа.

VIII.

Окончивъ свое неудачное изслѣдованіе *о трехъ нелѣпостяхъ*, Антоновичъ начинаетъ разбирать тѣ мѣста «*Разрушенія эстетики*», которыя направлены собственно противъ него. Антоновичъ выписываетъ ту фразу, въ которой говорится о его умственной нищетѣ и нравственной мелкости. При словѣ *нравственной*, которое встрѣчается въ моей фразѣ два

раза, Антоновичъ дѣлаетъ въ скобкахъ два замѣчанія; первое: «*даже за нравственность ухватились*», и второе: «*опять нравственность!*»—Я рѣшительно не понимаю, на какомъ основаніи Антоновичъ считаетъ разговоръ *о нравственности* неумѣстнымъ; Антоновичъ, менѣе чѣмъ кто либо другой, имѣетъ право требовать, чтобы литература не касалась вопроса о нравственныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ писателя; въ той-же самой книжкѣ, гдѣ помѣщена статья Антоновича, постоянный сотрудникъ «Современника», Посторонній Сатирикъ, разбираетъ вопросъ о томъ, «можетъ-ли безчестный человѣкъ быть честнымъ публицистомъ и фельетонистомъ?» Развѣ, разсуждая о честности, Посторонній Сатирикъ не *ухватывается за нравственность*? А когда Посторонній Сатирикъ въ іюньской книжкѣ «Современника» разсуждалъ о *морали Краевскаго*, развѣ эти разсужденія не были разговоромъ о *нравственности*? А когда Посторонній Сатирикъ вторгался въ частную жизнь Благосвѣтлова и на основаніи слуховъ и сплетенъ анализировалъ отношенія Благосвѣтлова къ графу Кушелеву-Безбородко,—отношенія, до которыхъ литературѣ и публикѣ конечно нѣтъ никакого дѣла, развѣ Посторонній Сатирикъ имѣлъ тогда въ виду не *нравственность* Благосвѣтлова, а его умственныя способности и литературныя дарованія? И вдругъ теперь Антоновичъ обнаруживаетъ нетерпѣніе и выражаетъ неудовольствіе по тому случаю, что я завожу рѣчь о его *нравственныхъ* убѣжденіяхъ, о которыхъ я почерпаю свѣдѣнія не изъ какихъ-нибудь слуховъ, а изъ его-же собственныхъ печатныхъ статей, подписанныхъ его полнымъ именемъ. Какъ-бы вы, г. Антоновичъ, ни пожимали плечами и какія-бы саркастическія замѣчанія вы ни вставляли въ мою рѣчь, это все-таки не уничтожитъ и не ослабитъ того факта, что въ вашихъ разсужденіяхъ объ аскетизмѣ и о *нѣкоторыхъ* отрицателяхъ искусства выражается, какъ я уже замѣтилъ въ «*Разрушеніи эстетики*», «*школьническій взглядъ на долгъ и на трудъ*» и что этотъ взглядъ долженъ навлечь на васъ со стороны всякаго мыслящаго человѣка совершенно справедливый упрекъ въ умственной нищетѣ и въ *нравственной* мелкости. Этотъ справедливый упрекъ вы, г. Антоновичъ, врядъ-ли успѣете отразить тѣми игривыми эпитетами, которые вы мнѣ подносите. Встрѣчая въ вашей статьѣ выраженія: «недоносокъ благосвѣтловскій, недоразвившееся дитя Тургенева, скудоумный Писаревъ»,—ваши читатели найдутъ конечно, что вы далеко превосходите меня въ искусствѣ браниться и что вы съ лихвою заплатили мнѣ за *лукошко глубокомыслія*; но упрекъ въ умственной нищетѣ и нравственной мелкости все-таки останется во всей своей силѣ, потому что можно быть величайшимъ виртуозомъ по части крѣпкихъ выраженій и въ то-же время имѣть самый школьническій взглядъ на долгъ и на трудъ.

«Разбранивши насъ,—продолжаетъ Антоновичъ,—Писаревъ сталъ расхваливать себя и Зайцева, причисливши себя къ тѣмъ *нѣкоторымъ* разрушителямъ искусства, о которыхъ мы говорили».—Знаете-ли вы, г. Антоновичъ, что ваше пламенное желаніе унизить меня какъ можно сильнѣе, доводитъ васъ до самыхъ смѣшныхъ и нелѣпыхъ крайностей. Вы говорите, что я самовольно причислилъ себя къ тѣмъ *нѣкоторымъ*; этими словами вы хотите выразить, что вы совсѣмъ обо мнѣ и не думали, что вы совсѣмъ не меня имѣли въ виду, говоря о *нѣкоторыхъ*, что вамъ до меня и дѣла никакого нѣтъ; и въ то-же время вы направляете противъ «Русскаго Слова» третью большую критическую статью, не говоря уже о множествѣ мелкихъ статей и мимоходныхъ нападеній. Если я дѣйствительно самъ *причислилъ себя* къ нѣкоторымъ, если, говоря *о нѣкоторыхъ*, вы имѣли въ виду не меня и не моихъ сотрудниковъ, то, спрашивается, о комъ-же вы говорили? Вѣдь вамъ даже и назвать, кромѣ насъ, будетъ некого. Если-же вы говорили именно о Зайцевѣ и обо мнѣ, то зачѣмъ-же вы употребляете теперь безсмысленныя выраженія, зачѣмъ вы говорите, что я *причислилъ себя*, когда я просто понялъ вашъ намекъ въ томъ единственномъ смыслѣ, въ которомъ только и можно было его понять?—Искусство полемизировать составляетъ конечно самую легкую и ничтожную часть литературной дѣятельности, а между тѣмъ вы даже и въ этомъ искусствѣ до крайности слабы; за неимѣніемъ солидныхъ аргументовъ вы ежеминутно прибѣгаете къ натяжкамъ, которыя для всѣхъ очевидны, и къ изобрѣтеніямъ, которыхъ несостоятельность тотчасъ можетъ быть доказана. Читая ваши полемическія статьи, я обыкновенно нахожусь въ недоумѣніи насчетъ того, чему мнѣ болѣе изумляться: той-ли отважности, съ которой вы нанизываете одну ложь на другую, или-же той наивности, съ которой вы сами запутываете, ловите и выдаете себя. Такимъ образомъ ваша *умственная нищета* на каждомъ шагу состязается съ вашей *нравственной мелкостью*, и читателю вашему остается только рѣшить затруднительный вопросъ: которому изъ этихъ двухъ нравственныхъ качествъ Антоновича слѣдуетъ присудить пальму первенства? —Когда читатель уже достаточно ознакомился съ этими достоинствами Антоновича, то его, разумѣется, вовсе не изумляетъ то обстоятельство, что Антоновичъ умышленно принимаетъ ироническія слова противника за серьезное выраженіе мнѣній, и что вслѣдствіе такого ребяческаго пріема онъ напримѣръ утверждаетъ, будто-бы

я назвалъ себя и своихъ сотрудниковъ людьми помѣшанными, а въ другомъ мѣстѣ даже просто глупыми людьми. Конечно, если смотрѣть на сотрудниковъ «Русскаго Слова» съ фамусовской или молчалинской точки зрѣнія, то они окажутся или помѣшанными, или глупыми людьми; но фамусовская или молчалинская точка зрѣнія, немыслимая для честнаго литератора, нисколько не пугаетъ Антоновича; онъ готовъ стать на какую угодно точку зрѣнія и забраться въ какое угодно болото, лишь-бы только доставить себѣ ребяческое удовольствіе назвать своихъ противниковъ идіотами или съумасшедшими. Чтобы потѣшить себя этой мелкой забавой, Антоновичъ совершаетъ подвиги истиннаго самоотверженія: онъ утрируетъ свою собственную непонятливость и, доводя ее до самыхъ неправдоподобныхъ размѣровъ, завоевываетъ себѣ такимъ образомъ право не понимать моихъ словъ или понимать ихъ навыворотъ и вслѣдствіе этого дивиться печатно моему тупоумію. Такъ напримѣръ, онъ прикидывается, будто не понимаетъ, зачѣмъ и въ какомъ отношеніи я сравниваю *нѣкоторыхъ* съ Архимедомъ, съ горькими пьяницами и игроками; онъ очень подробно объясняетъ мнѣ, что Архимеда сравнивать съ пьяницами и игроками нельзя, потому что заниматься математикой похвально, а заниматься виномъ и картами предосудительно. Непониманіе Антоновича, разумѣется, притворно; какую-бы крайнюю тупость я ни предположилъ въ Антоновичѣ, все-таки я никакъ не могу допустить, что онъ дѣйствительно не понялъ моей мысли. Не понять ея было невозможно, потому что моя мысль выражена подробно, ясно и выразительно даже для ребенка, если только этотъ ребенокъ имѣетъ понятіе о томъ, что̀ такое страсть. Ходъ моей аргументаціи («Разр. эст.»), клонившейся къ тому, чтобы отразить нѣкоторые упреки въ аскетизмѣ, располагается слѣдующимъ образомъ. Можно-ли назвать аскетомъ горькаго пьяницу или игрока?—Нѣтъ, нельзя.—Почему?—потому что они вовсе не борятся съ своими страстями, а, напротивъ того, отдаются имъ совершенно безраздѣльно. — Значитъ, людей, которые отдаются своимъ страстямъ, нельзя назвать аскетами?—Значитъ, нельзя.—Подходятъ-ли Архимедъ и Ньютонъ подъ разрядъ такихъ людей, которыхъ нельзя назвать аскетами? — Подходятъ. — Почему? — Потому что они занимаются своимъ дѣломъ по страсти, а не по обязанности. — Можно-ли исключить изъ этого-же разряда *нѣкоторыхъ* отрицателей искусства?—Можно.—Почему?—Потому что они отрицаютъ по страсти, а не по обязанности.—Въ какомъ-же отношеніи похожи другъ на друга пьяница, Архимедъ и *нѣкоторые*?—Мы въ нихъ замѣтили только тотъ общій отрицательный признакъ, что всѣ они—*не аскеты*, точно такъ какъ вы напримѣръ въ золотой монетѣ, въ черной доскѣ, въ красномъ винѣ и въ буланой лошади можете замѣтить тотъ общій отрицательный признакъ, что всѣ они—не бѣлые предметы. И вдругъ противникъ вашъ начинаетъ вамъ доказыватъ печатно, что буланую лошадь нельзя влить въ стаканъ, что на красномъ винѣ нельзя писать мѣломъ, что черную доску нельзя кормить овсомъ, что золотую монету нельзя запрягать въ дрожки, и что на основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ нѣтъ ни малѣйшей возможности включать въ одну категорію монету, доску, вино и лошадь. Конечно такія возраженія противника должны показаться вамъ совершенно безсмысленными и нисколько неотносящимися къ вашему разсужденію. Возраженія Антоновича, доказывающаго мнѣ, что математика и пьянство—двѣ вещи разныя, и что Архимедъ былъ гораздо умнѣе меня, совершенно такъ-же умѣстны и основательны, какъ приведенныя возраженія о различныхъ свойствахъ вина, лошади, доски и монеты. Что Антоновичъ *притворяется* непонимающимъ—это очевидно. Но спрашивается, какая цѣль, какая выгода, какой разсчетъ притворяться такъ неискусно и неправдоподобно? Въ чемъ Антоновичу хочется убѣдить *счастливыхъ читателей* «Современника»? Въ томъ-ли, что я не понимаю различія между математикой и пьянствомъ, или-же въ томъ, что я приписываю себѣ геніальный умъ Архимеда? Если Антоновичъ дѣйствительно надѣется внушить своимъ читателямъ такія мысли, то желательно было-бы знать, что̀ должны мы думать объ умѣ Антоновича?—А если Антоновичъ не питаетъ такихъ несбыточныхъ надеждъ, то ради чего-же онъ притворяется? Остается предположить, что Антоновичъ притворяется совершенно безкорыстно, по той-же самой причинѣ, по которой люди, привыкшіе лгать, лгутъ на каждомъ шагу, даже тогда, когда ложь не можетъ доставить имъ ни малѣйшей выгоды, и даже тогда, когда ихъ тотчасъ-же могутъ уличить и осмѣять. Такая ложь становится уже совершенно невинной, но въ печати она все-таки неудобна, потому что печать существуетъ совсѣмъ не для того, чтобы давать намъ возможность предаваться публично нашимъ страннымъ, хотя-бы даже и безвреднымъ, привычкамъ. Впрочемъ, всмотрѣвшись внимательно въ 74 и 75 стр. «*Лже-реалистовъ*», я наконецъ нашелъ настоящую разгадку той странной полемической тактики, которой придерживается Антоновичъ. Въ своей полемикѣ Антоновичъ стремится только къ тому, чтобы наговорить противнику какъ можно больше такихъ словъ, которыя Антоновичъ считаетъ колкими. Заботясь исключительно о томъ, чтобы колкостей набралось какъ можно больше, Антоновичъ не обращаетъ никакого вниманія на то, что его кол-

кости взаимно истребляютъ другъ друга. Онъ становится на одну точку зрѣнія—и называетъ противника дуракомъ *); потомъ тотчасъ переходитъ на другую, діаметрально противуположную точку и называетъ противника мошенникомъ; затѣмъ онъ радуется и полагаетъ, что его противникъ теперь и дуракъ, и мошенникъ; на самомъ-же дѣлѣ оказывается, что вторая колкость уничтожила первую, и что противникъ очищенъ отъ всякаго обвиненія, благодаря излишнему усердію Антоновича. Антоновичъ думаетъ, что если написать сто разъ + *дуракъ* и сто разъ—*дуракъ*, и сложить все это вмѣстѣ, то получится *двѣсти дураковъ*; на самомъ-же дѣлѣ получается чистый нуль, потому что + *дураки* и—*дураки* взаимно уничтожаются. Предаваясь своему неосторожному усердію, Антоновичъ на стр. 74 объявляетъ, что я называю себя и своихъ сотрудниковъ глупыми и помѣшанными, а на стр. 75 Антоновичъ уже даетъ мнѣ совѣты на тотъ случай, если мнѣ *еще разъ придетъ искушеніе похвастаться печатно добродѣтелями*. Какими-же добродѣтелями? Вѣдь я хвастался глупостью и помѣшательствомъ: развѣ это добродѣтели?—До этихъ вопросовъ Антоновичу нѣтъ никакого дѣла, его цѣль достигнута. На одной страницѣ онъ сказалъ: видите, самъ признается, что глупъ и помѣшанъ! А на другой страницѣ онъ говоритъ: видите, хвастаетъ своими добродѣтелями. Оказывается такимъ образомъ, что я и глупъ, и помѣшанъ, и хвастунъ. На самомъ дѣлѣ оказывается конечно *нуль*, но Антоновичъ очевидно не знаетъ того алгебраическаго правила, по которому + дуракъ и—дуракъ взаимно уничтожаются. Теперь понятно, для чего Антоновичъ сначала притворяется, а потомъ тотчасъ самъ-же выдаетъ себя; притворяется онъ для того, чтобы обругать противника съ одной стороны, а выдаетъ себя для того, чтобы тотчасъ-же обругать его и съ другой стороны; въ результатѣ получается тотъ комическій эффектъ, что клинъ выгоняется клиномъ, ядъ убивается ядомъ—и противникъ, къ собственному своему удивленію, остается необруганнымъ.

IX.

На стр. 76 надъ головой моей собираются мрачныя тучи. — «Еслибы вы были умны,—говоритъ Антоновичъ,—понимали реализмъ и искусство, еслибы ваша преданность реализму была разумна, вы-бы не уничтожали искусства, а напротивъ поддерживали-бы его, не только обращали-бы его въ свою пользу, старались-бы обратить его на служеніе тѣмъ разумнымъ идеямъ, которыя вы неразумно понимаете; вы-бы потребовали, чтобы искусство помогало реализму, чтобы и оно съ своей стороны и своими путями стремилось къ той-же цѣли, какую преслѣдуетъ реализмъ.»—Бѣдный г. Антоновичъ! Какъ мнѣ васъ жалко! Еслибы вы только постигнуть могли, какъ мнѣ васъ жалко, и почему мнѣ васъ жалко! Вы-ли не старались, вы-ли не потѣли, вы-ли не рылись въ моихъ статьяхъ за три, за четыре года, вы-ли не городили дурака на дуракѣ и слабоумнаго на скудоумномъ, и вдругъ—что-же? и вдругъ одинъ почеркъ вашего собственнаго пера опрокидываетъ все это гордое, все это величественное зданіе дураковъ, слабоумныхъ и скудоумныхъ, и вдругъ вы сами, ни съ того, ни съ другого, совершенно добровольно признаетесь печатно въ томъ, что я *уменъ*, что я *понимаю реализмъ и искусство* и что моя *преданность реализму разумна*. Г. Антоновичъ! Развѣ вы—Пенелопа? Развѣ вы ждете къ себѣ супруга, странствующаго по невѣдомымъ землямъ? Развѣ васъ безпокоятъ своими неумѣстными предложеніями докучливые женихи? Объясните-же мнѣ пожалуйста, съ какой стати вы теперь вдругъ распустили тотъ холстъ, который вы ткали такъ долго, такъ усердно и такъ старательно, то прикидываясь идіотомъ, то сочиняя очевидныя небылицы? Посмотримъ еще разъ, какія требованія я долженъ выполнить, чтобы оказаться умнымъ человѣкомъ, понимающимъ реализмъ и и искусство и питающимъ разумную преданность къ реализму: я долженъ не уничтожать искусство, а напротивъ поддерживать его, но только обращать его въ свою пользу, на служеніе разумнымъ идеямъ; я долженъ требовать, чтобы искусство помогало реализму, чтобы оно съ своей стороны и своими путями стремилось къ той-же цѣли, какую преслѣдуетъ реализмъ. Короче и яснѣе: я долженъ всѣми силами превращать искусство въ орудіе той идеи, которой я служу. Ну, и прекрасно: я всегда поступалъ именно такимъ образомъ. Слѣдовательно... слѣдовательно, новая Пенелопа распустила свой холстъ. Дѣйствительно, я постоянно старался и стараюсь до сихъ поръ превратить искусство въ орудіе реализма, но только при этомъ я задавалъ и задаю себѣ такой вопросъ, который повидимому ни разу не приходилъ въ голову Антоновичу. Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ, какія отрасли искусства могутъ и какія не могутъ превратиться въ орудіе реализма. Пока мы будемъ говорить объ искусствѣ вообще, до тѣхъ поръ этотъ существенно-важный вопросъ будетъ оставаться неразрѣшеннымъ. Надо брать каждое искусство отдѣльно, и тогда нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что ни скульптура, ни живопись, ни музыка, ни сценическое искусство не могутъ сдѣлаться орудіями реализма.—Почему не могутъ?—Да потому, что издержки и хлопоты, которыхъ требуетъ существованіе этихъ искусствъ, ни при какихъ условіяхъ и

*) Это у Антоновича считается колкостью.

ни при какомъ направленіи художественной дѣятельности не окупаются тѣмъ количествомъ пользы, которое можетъ быть принесено этими искусствами. *Во-первыхъ*, всѣ эти искусства требуютъ такого спеціальнаго, техническаго приготовленія и такихъ постоянныхъ упражненій, которыя поглощаютъ всю жизнь и всѣ силы человѣка, желающаго быть художникомъ. Чтобы быть хорошимъ скульпторомъ, хорошимъ живописцемъ, хорошимъ музыкантомъ или хорошимъ актеромъ, человѣкъ продолжительнымъ трудомъ долженъ пріобрѣсти себѣ и поддерживать въ себѣ такую снаровку, которая въ области его художественной дѣятельности рѣшительно необходима, а внѣ этой области также рѣшительно ни на что не годится. *Во-вторыхъ*, всѣ эти искусства возможны только при существованіи многихъ вспомогательныхъ отраслей промышленности, которыя существуютъ именно только для этихъ искусствъ и которыя, нисколько не содѣйствуя возвышенію общаго экономическаго благосостоянія, совершенно справедливо должны быть отнесены къ категоріи убыточнаго производства. Скульптору нуженъ мраморъ, который кромѣ скульптора не нуженъ никому; ему нужны особенные инструменты, которые также дѣлаются для него одного. Живописцу нужны краски и кисти; музыканту нужны музыкальные инструменты. Приготовленіемъ этихъ инструментовъ занимаются цѣлыя огромныя фабрики, которыя могли-бы производить разныя земледѣльческія и мануфактурныя машины. Актеру нужны декораціи, костюмы, парики, румяна, бѣлила. Кромѣ того скульптору и живописцу нужны натурщики и манекены; актеру нужны суфлеры и хористы, режиссеры и антрепренеры и наконецъ огромныя зданія, устроенныя и поддерживаемыя спеціально для служенія его искусству. Сочинителю музыкальныхъ пьесъ нужны люди, занимающіеся фабрикаціей инструментовъ, игрою на нихъ, пѣніемъ и проч. Эти два обстоятельства показываютъ намъ, *какъ великъ расходъ*, необходимый для того, чтобы всѣ эти искусства могли поддерживать свое существованіе. *Третье* обстоятельство покажетъ намъ, *какъ малъ доходъ*, который можетъ доставаться на долю реализма, даже при самомъ разумномъ направленіи всѣхъ этихъ искусствъ. Самый существенный недостатокъ живописи и скульптуры состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что онѣ могутъ изображать только *одинъ моментъ*; слѣдить за развитіемъ дѣйствія, показывать, какимъ образомъ послѣдствія вытекаютъ изъ причинъ,—это превышаетъ ихъ силы. Этотъ недостатокъ отнимаетъ у скульптуры и у живописи всякую возможность дѣйствовать живительнымъ образомъ на общественное сознаніе. Представьте себѣ напримѣръ, что скульпторъ, проникнутый гуманными стремленіями современнаго реализма, хочетъ показать обществу, какое пагубное искаженіе и вырожденіе человѣческой породы происходитъ постоянно въ тѣхъ мастерскихъ, въ тѣхъ фабрикахъ, въ тѣхъ темныхъ, душныхъ и сырыхъ квартирахъ, въ которыхъ истощаютъ свои силы, голодаютъ и зябнутъ европейскіе работники. Онъ представляетъ на выставку нѣсколько тощихъ, безобразныхъ фигуръ, со впалой грудью, съ мускулатурой неестественно развитой въ однихъ членахъ и неестественно слабой въ другихъ, съ тупымъ и замученнымъ выраженіемъ лица, съ искривленнымъ позвоночнымъ столбомъ и съ согнутыми ногами. Подъ каждой изъ этихъ фигуръ, вылѣпленныхъ съ натуры, онъ подписываетъ названіе того ремесла, которому данный субъектъ обязанъ своимъ уродствомъ. Сдѣлавъ это, скульпторъ сдѣлалъ рѣшительно все, что́ только могъ сдѣлать, какъ искренній приверженецъ реализма, понимающій глубоко и вѣрно, какъ задачи вѣка, такъ и спеціальныя средства скульптуры. Но какъ вы думаете, произведутъ-ли выставленныя фигуры на публику то глубокое и потрясающее впечатлѣніе, которое желалъ произвести честный и умный художникъ? Можно сказать навѣрное, что не произведутъ. Почему? Потому что публикѣ, смотрящей на эти статуи, предоставляется угадывать слишкомъ многое; публика видитъ только одинъ результатъ; и этотъ результатъ, этотъ единственный моментъ, схваченный художникомъ, останется для публики непонятнымъ до тѣхъ поръ, пока она не воспроизведетъ своимъ воображеніемъ весь тотъ длинный рядъ трудовыхъ и голодныхъ годовъ, весь тотъ безконечный рядъ неестественныхъ усилій и лишеній, который наложилъ свою печать на тѣлосложеніе и физіономію изображенныхъ субъектовъ. Цѣль скульптора была-бы достигнута до нѣкоторой степени только въ томъ случаѣ, еслибы при выставленныхъ статуяхъ находился умный, свѣдущій и краснорѣчивый человѣкъ, который во все продолженіе выставки, по нѣскольку разъ въ день, читалъ бы публикѣ лекцію, подробно объясняющую происхожденіе и развитіе всѣхъ изображенныхъ искаженій человѣческаго типа. Такія лекціи конечно могли-бы произвести сильное и благотворное впечатлѣніе. Но нетрудно понять, что это впечатлѣніе было-бы произведено лекціями, а не статуями. Разумѣется, статуи, придавая словамъ лектора бо́льшую ясность и наглядность, могли-бы *немного* увеличить успѣхъ лекцій и усилить производимое ими впечатлѣніе; но если мы сообразимъ, что это *немногое* покупается цѣною такихъ трудовъ, на которые уходитъ вся жизнь очень умнаго, очень честнаго и очень даровитаго человѣка, глубоко вдумавшагося въ причины общественныхъ бѣдствій, то мы конечно придемъ къ тому убѣжденію, что игра не стоитъ свѣчъ, и что для реализма было-бы несравненно выгоднѣе, еслибы этотъ

умный, честный и даровитый человѣкъ служилъ ему не въ качествѣ превосходнаго скульптора, а напримѣръ въ скромной должности хорошаго преподавателя или добросовѣстнаго переводчика полезныхъ иностранныхъ книгъ. Статуи, о которыхъ я говорилъ выше, могутъ произвести потрясающее впечатлѣніе на такого человѣка, который самъ изучалъ бытъ рабочихъ классовъ и посвятилъ всѣ свои силы улучшенію ихъ участи. Поставьте передъ такими статуями Луи Блана, Лассаля или Прудона, и, разумѣется, они оцѣнятъ ихъ по достоинству и прочувствуютъ, глядя на нихъ, до глубины души все величіе того дѣла, которому они себя посвятили. Но въ томъ-то и бѣда, что статуи и картины поражаютъ и волнуютъ только тѣхъ людей, которые уже не нуждаются въ этихъ сильныхъ ощущеніяхъ, потому что они и безъ этихъ ощущеній твердо знаютъ, понимаютъ и помнятъ все, что̀ честный и умный гражданинъ долженъ помнить, знать и понимать. Человѣкъ, еще не затронутый серьезными мыслями и глубокими чувствами, отойдетъ отъ картины или отъ статуи съ тѣмъ-же бѣднымъ и ложнымъ взглядомъ на жизнь, съ которымъ онъ и подошелъ къ нимъ. Иниціаторомъ или вербовщикомъ новыхъ адептовъ не можетъ сдѣлаться ни при какихъ условіяхъ ни скульптура, ни живопись. Кто способенъ понимать статуи и картины, носящія на себѣ печать глубокой мысли, тому эти картины и статуи не говорятъ ничего новаго; а кому ихъ основная мысль еще неизвѣстна, тому языкъ картинъ и статуй останется непонятнымъ. Музыка точно также, хотя и по другой причинѣ, не можетъ превратиться въ орудіе реализма. Существенный недостатокъ музыки заключается въ ея неопредѣленности; музыка выражаетъ различныя психическія настроенія, различные оттѣнки чувства, различные переходы отъ одного настроенія къ другому, различные переливы одного чувства въ другое; но выразить опредѣленный взглядъ на природу, на человѣка и на общество, выразить его такъ, чтобы его основныя мысли оказались понятными и убѣдительными даже для такого человѣка, который никогда не слыхалъ о нихъ прежде,— этого, разумѣется, никогда не сдѣлаетъ никакая музыка. Правда, что нѣкоторыя мелодіи, слившись навсегда со словами пѣсни, сдѣлались самой яркой вывѣской тѣхъ или другихъ политическихъ идей и тенденцій. Такъ напримѣръ, напѣвъ «Марсельезы» или «Ça ira» до такой степени живо напоминаетъ каждому образованному человѣку историческія сцены изъ первой французской революціи, что невольно можно составить себѣ совершенно ошибочное мнѣніе, будто-бы въ самомъ дѣлѣ звуки этихъ мелодій имѣютъ дѣйствительное сродство съ тогдашними идеями. Но ошибочность этого мнѣнія замѣтить не трудно: звуки выражаютъ здѣсь только бравурное и восторженное настроеніе; а такъ какъ это настроеніе способны испытывать и рыцари легитимизма, и защитники папскаго престола, и національные гвардейцы Кавеньяка, истреблявшіе въ іюнѣ 1848 года работниковъ во имя священныхъ правъ капитала, то очевидно на музыку «Марсельезы» можно положить какія угодно слова, лишь-бы только они выражали собою воинственный азартъ и готовность положить животъ за какое ни на есть, правое или неправое, дѣло. Музыка можетъ растрогать, взволновать, опечалить или развеселить человѣка, но убѣдить или переубѣдить его она даже и не пробуетъ. Такъ какъ реализму нужны исключительно люди, проникнутые извѣстными убѣжденіями, то само собою разумѣется, что музыка не можетъ сдѣлать для реализма ровно ничего.

Наконецъ сценическое искусство не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія. Оно зависитъ безусловно отъ поэзіи, которая съ величайшимъ удобствомъ можетъ обойдтись безъ его содѣйствія: не драма, а романъ составляетъ важнѣйшую отрасль современной поэзіи. Итакъ, изъ всѣхъ искусствъ только одну поэзію стоитъ и можно превратить въ могущественное орудіе реализма. Всѣ тѣ соображенія, которыя говорили противъ остальныхъ искусствъ, говорятъ сильно и убѣдительно въ пользу поэзіи. *Во-первыхъ*, поэту совсѣмъ не нужна спеціальная техническая подготовка. Его подготовка сливается совершенно съ тѣмъ общимъ образованіемъ, въ которомъ нуждается каждый человѣкъ, желающій приняться за какой бы то ни было общеполезный умственный трудъ. Поэту нужно знаніе отечественнаго языка, знаніе отечественной и главныхъ европейскихъ литературъ, знаніе окружающей жизни и широкое умственное развитіе. Всѣ эти знанія необходимы каждому работнику мысли, такъ что поэту не приходится тратить ни одной минуты времени и ни одной копѣйки денегъ собственно на то, чтобы воспитать въ себѣ поэта. *Во-вторыхъ*, поэтъ своей дѣятельностью не поддерживаетъ ни одной отрасли убыточнаго производства. Поэту необходимы бумага, перья, чернила, типографіи, переплетныя и книжныя лавки. Все это существуетъ не для однихъ поэтовъ, а для всѣхъ грамотныхъ людей, и все это совершенно необходимо для поддержанія и распространенія грамотности. Значитъ *расходъ* на поэзію ничтоженъ. Нетрудно доказать, что, *въ-третьихъ*, *доходъ* съ поэзіи можетъ быть очень значителенъ. Нѣтъ того міросозерцанія, нѣтъ того взгляда на общественныя отношенія, котораго нельзя было-бы выразить самымъ убѣдительнымъ и увлекательнымъ образомъ въ поэтическомъ произведеніи. Итакъ, стараясь превращать поэзію въ орудіе реализ-

ма, я исполнилъ всѣ требованія Антоновича и заслужилъ вполнѣ тѣ косвенныя похвалы, которыми такъ неожиданно осыпаетъ меня мой любезный противникъ. Къ сожалѣнію, мой противникъ, при всей своей любезности, не желаетъ или не умѣетъ выражаться ясно: онъ говоритъ постоянно объ искусствѣ вообще, но всякій разъ, какъ ему приходится приводить примѣръ, чтобы доказать вліяніе искусства на развитіе общества, онъ беретъ этотъ примѣръ изъ исторіи поэзіи; такимъ образомъ нѣтъ возможности понять, за что̀ именно онъ сражается, за всѣ-ли отрасли искусства, или-же за одну поэзію. Въ первомъ случаѣ ему слѣдовало-бы брать свои примѣры изъ исторіи живописи, скульптуры и музыки, то есть тѣхъ искусствъ, которыя особенно сильно заподозрѣны въ безполезности. Во второмъ случаѣ защищать искусство очень не трудно, тѣмъ болѣе, что на него съ этой стороны никто и не нападаетъ. Чтобы развернуть свою храбрость и полемическую бойкость въ такой легкой и безполезной борьбѣ, Антоновичъ по своему обыкновенію сочиняетъ, будто я старался уничтожить поэзію, и потомъ побѣдоносно доказываетъ мнѣ, что уничтожать ее не годится. «Но на васъ,—говоритъ мнѣ Антоновичъ,—не дѣйствуютъ никакія соображенія здраваго смысла, никакія историческія и философскія доказательства; вы затвердили фразу Базарова: «мы признаемъ только пользу, мы отрицаемъ искусство»,—и вслѣдствіе этого твердите постоянно, что искусство безполезно, что его нужно уничтожить, что всѣ художники, начиная отъ Рафаэля и Шекспира и оканчивая Брюловымъ, Гёте и Гейне, такъ-же ничтожны и безплодны для человѣчества, какъ повара Дюссо и трактирные маркеры». Любезность и добродушіе моего противника приводятъ меня въ восхищеніе. Представьте себѣ, что, упоминая о поварахъ Дюссо и о трактирныхъ маркерахъ, онъ указываетъ на мой «Нерѣшенный Вопросъ», въ которомъ было дѣйствительно употреблено сравненіе нѣкоторыхъ художниковъ съ маркеромъ Тюрей и съ поваромъ Дюссо; представьте себѣ далѣе, что онъ называетъ трехъ поэтовъ, о которыхъ тоже говорилось въ «Нерѣшенномъ Вопросѣ»; и представьте себѣ наконецъ, что именно объ этихъ трехъ поэтахъ я говорилъ съ величайшимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ всю тираду моего противника я могу опровергнуть одной короткой выпиской изъ «Нерѣшеннаго Вопроса». Согласитесь, что мой противникъ, доставляющій мнѣ надъ собою такія легкія побѣды, долженъ быть человѣкомъ въ высшей степени любезнымъ и добродушнымъ. Вотъ что я говорю о Гейне, Гёте и Шекспирѣ: «Мы твердо убѣждены въ томъ, что каждому человѣку, желающему сдѣлаться полезнымъ работникомъ мысли, необходимо широкое и всестороннее образованіе, въ которомъ Гейне, Гёте, Шекспиръ должны занять свое мѣсто наряду съ Либихомъ, Дарвиномъ и Ляейллемъ.» Неправда-ли, господа читатели, что Либихъ, Дарвинъ и Ляйелль очень похожи на поваровъ Дюссо и на трактирныхъ маркеровъ? Но вамъ конечно угодно знать теперь, чьи-же имена были поставлены рядомъ въ именами Дюссо и Тюри? Извольте: «Вслѣдствіе этого могутъ появиться на свѣтъ великіе люди самыхъ различныхъ сортовъ: великій Бетховенъ, великій Рафаэль, великій Канова, великій шахматный игрокъ Морфи, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря.» Тутъ взяты представители музыки, живописи и скульптуры, то-есть тѣхъ самыхъ искусствъ, которыхъ неизлечимую безполезность я подробно доказывалъ въ настоящей статьѣ на предыдущихъ страницахъ. О поэзіи-же, какъ о пригодномъ и полезномъ орудіи, я говорилъ съ полнымъ уваженіемъ какъ въ прошломъ году, такъ и сегодня. А мой любезный противникъ, не умѣя защищать живопись, скульптуру и музыку, заблагоразсудилъ взваливать на меня ложное обвиненіе въ поруганіи Шекспира, Гёте и Гейне. Этимъ маневромъ мой противникъ опять,—не помню уже, въ который это разъ,—обнаружилъ съ одной стороны свою неизмѣнную любовь къ истинѣ, а съ другой стороны свое замѣчательное умѣнье полемизировать.

X.

Наконецъ Антоновичу удается найти въ моихъ сочиненіяхъ настоящую безсмыслицу, которая впрочемъ годъ тому назадъ была уже замѣчена проницательнымъ критикомъ «Эпохи», Николаемъ Соловьевымъ, и которой происхожденіе я могу теперь объяснить самымъ удовлетворительнымъ образомъ, какъ Николаю Соловьеву и Антоновичу, такъ и всей читающей публикѣ. Въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Слова» за 1864 годъ, въ статьѣ «Нерѣшенный Вопросъ» на стр. 6 напечатаны слѣдующія строки: «*У реалиста* эта потребность (отдохнуть) возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то-есть можетъ втеченіи своей жизни сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрять умственныя силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. *Человѣкъ вполнѣ реальный* можетъ обходиться безъ того, что̀ называется личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины или хорошей музыкой, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У него *можетъ быть развѣ* только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполнѣ успѣшно размышлять.»—Нелѣпость во-

піющая! Сигара получила какое-то общее догматическое значеніе. Сигара превращена въ единственную слабость, возможную или позволительную для всѣхъ реалистовъ. Но потрудитесь обратить вниманіе на тѣ слова, которыя написаны курсивомъ: въ нихъ заключается настоящая причина всей безсмыслицы; если вы вмѣсто *реалиста* поставите *Рахметова*, вмѣсто *человѣкъ вполнѣ реальный—Рахметовъ*, и вмѣсто *можетъ быть развѣ—есть*, то вся нелѣпость совершенно уничтожится, и вы увидите, что я просто говорю о личныхъ особенностяхъ Рахметова, а совсѣмъ не объ общихъ признакахъ *реалиста* или какого-то *человѣка вполнѣ реальнаго*. Почему *Рахметовъ* превратился такъ некстати въ *реалиста* и въ *человѣка вполнѣ реальнаго*—это, я надѣюсь, Антоновичъ постигнетъ безъ моихъ поясненій. Чтобы помочь его догадливости, я напомню ему только, что вмѣсто *романа* «*Что дѣлать*?» намъ часто приходилось говорить *эпопея о бѣлой Арапіи;* когда надо было произнести имя автора—мы говорили *одно лицо;* когда самому Антоновичу надо было сказать *Рахметовъ*, онъ въ своей статьѣ говоритъ *Никитушка Ломов* . Если Антоновичъ понимаетъ причину всѣхъ этихъ случайныхъ явленій, то онъ понимаетъ также причину превращенія *Рахметова* въ *реалиста* и въ *человѣка вполнѣ реальнаго*. Но Антоновичъ спроситъ меня быть-можетъ, почему-же я не назвалъ Рахметова Никитушкой Ломовымъ, или почему я не выкинулъ изъ моей статьи всей главы, обезображенной и обезсмысленной неожиданнымъ превращеніемъ? Потому отвѣчу я, что я не читаю третьихъ корректуръ или такъ называемыхъ подписныхъ листовъ. Такая небрежность съ моей стороны конечно очень предосудительна, но о причинахъ такой преступной небрежности Антоновичъ можетъ навести справки въ редакціи «Русскаго Слова», а также и у Некрасова, которому было объяснено, почему письмо, помѣщенное въ мартовской книжкѣ «Современника», написано моей матерью, а не мною. Когда Антоновичъ наведетъ эти справки, то по всей вѣроятности сочтетъ себя удовлетвореннымъ. А чтобы показать моимъ читателямъ, что первая часть «Нерѣшеннаго Вопроса» дѣйствительно испытала на себѣ нѣчто вродѣ геологическаго переворота, объясняющаго совершенно удовлетворительно всевозможныя превращенія и уничтоженія смысла, я приведу изъ той-же статьи еще одну фразу, въ которой слѣды геологическаго переворота совершенно очевидны. «А, кажется, Тургеневу въ этомъ отношеніи можно повѣрить, во-первыхъ потому, что онъ зналъ вполнѣ всѣ душевныя стремленія московскихъ кружковъ; а во-вторыхъ потому, что его можно заподозрить скорѣе въ пристрастіи къ симпатичному Грановскому, чѣмъ въ преувеличенной нѣжности къ угловатымъ реалистамъ нашего времени, что на его поприщѣ никто-бы не могъ дѣйствовать лучше и плодотворнѣе». Какъ вамъ это нравится? Къ чему тутъ очутились слова: «что на его поприщѣ никто не могъ дѣйствовать лучше и плодотворнѣе»? А вотъ видите-ли: послѣ словъ: «реалистамъ нашего времени»—стояла точка. Послѣ точки слѣдовала цѣлая отдѣльная и самостоятельная фраза. Эта фраза погибла въ геологическомъ переворотѣ, и отъ нея уцѣлѣлъ только одинъ несчастный кончикъ: «что на его поприщѣ...», который, чувствуя свою сиротскую безпомощность, нашелъ удобнымъ прислониться къ предыдущему періоду. Выписавъ то мѣсто, гдѣ *Рахметовъ* превратился въ *человѣка вполнѣ реальнаго*, Антоновичъ старается изобличить все мое тупоуміе, и при этомъ увлекается такъ сильно, что самъ, того не замѣчая, направляетъ потокъ своихъ извѣстныхъ *колкостей* не на меня, а на Рахметова, и слѣдовательно на Чернышевскаго. Какъ прикажете въ самомъ дѣлѣ понимать слѣдующія изліянія? «Еслибы этотъ аскетъ-реалистъ не былъ до крайности глупъ, онъ-бы тянулъ по рюмочкѣ очищенной, потому что она еще болѣе возбуждаетъ, чѣмъ хорошая сигара; также точно, еслибы у этого аскета-реалиста была хоть капля здраваго смысла, онъ-бы зналъ, что шекспировскія драмы возбуждаютъ мозговую дѣятельность гораздо лучше и живѣе, чѣмъ сигара, что бесѣда съ друзьями и любовь къ женщинѣ могутъ быть до такой степени полезны и могутъ наводить человѣка на такія полезныя и дѣльныя мысли, какъ ни одна самая лучшая гаванская сигара въ мірѣ. Потому аскетъ-реалистъ, значитъ, просто глупъ, если онъ для своего умственнаго возбужденія сигару предпочитаетъ женской любви, шекспировскимъ драмамъ, обѣду съ пріятелями и музыкѣ.» Но тутъ Антоновичъ повидимому спохватился, что онъ бранится и унижаетъ совсѣмъ не меня; стараясь поправиться, онъ напуталъ еще больше. «А вы небось воображали,—обращается онъ ко мнѣ,—что вы нарисовали копію съ Никитушки Ломова. Но вотъ видите теперь сами, что вы поняли въ немъ только одну случайную сигару и возвели ее въ принципъ, и тѣмъ только даете всякому поводъ смѣяться надъ Ломовымъ, сущность котораго по обыкновенію осталась для васъ темной.» Эпитетъ *случайная*, приставленный къ слову *сигара*, нисколько не поправляетъ дѣла. Случайно или не случайно Рахметовъ предпочитаетъ сигару рюмочкѣ очищенной, музыкѣ, шекспировскимъ драмамъ, женской любви и обѣду съ пріятелями, все-таки онъ за это случайное или неслучайное предпочтеніе принужденъ принять на свой счетъ всѣ любезности Антоновича, объ-

ясняющаго ему очень подробно, что онъ *до крайности глупъ*, что у него нѣтъ *ни одной капли здраваго смысла*, и что онъ, *значитъ*, *просто глупъ*. Я увѣренъ въ томъ, что Антоновичъ вовсе не имѣлъ въ виду произвести такое поруганіе Рахметова, любимаго созданія Чернышевскаго; но Антоновичъ такъ непомѣрно искусенъ въ полемическомъ дѣлѣ и при своемъ искусствѣ такъ безгранично усерденъ въ этомъ дѣлѣ, что всевозможныя, ошеломляющія неожиданности бьютъ фонтаномъ изъ-подъ его быстраго пера, совершенно независимо отъ его собственнаго желанія. Если Антоновичъ полагаетъ, что сигара приписана Рахметову совершенно случайно, то Антоновичъ очень плохо понимаетъ мысли Чернышевскаго. Конечно вмѣсто любви къ сигарѣ могла быть приписана Рахметову любовь къ хорошему чаю или къ хорошему кофе, но во всякомъ случаѣ для полной обрисовки этого характера было необходимо приписать ему пристрастіе къ какому-нибудь чисто-физическому, а не умственному наслажденію. Когда Рахметовъ совершенно здоровъ, тогда умъ его всегда работаетъ сильно и успѣшно, и мысли его постоянно направлены къ тому дѣлу, которое составляетъ цѣль его жизни. Для того, чтобы его умственная работа шла какъ слѣдуетъ, онъ не нуждается ни въ какихъ вспомогательныхъ средствахъ; ему нужно только одно условіе: полное физическое здоровье; но для того, чтобы быть постоянно совершенно здоровымъ, свѣжимъ и бодрымъ, каждому человѣку необходимо соблюдать извѣстный régime, то есть, вести извѣстный образъ жизни, соотвѣтствующій всѣмъ врожденнымъ и благопріобрѣтеннымъ особенностямъ его организма. Одной изъ составныхъ частей этого régime, необходимаго Рахметову для сохраненія полной свѣжести и бодрости, оказывается хорошая сигара, и эту особенность своего темперамента Рахметовъ называетъ слабостью, единственно только потому, что хорошія сигары дорого стоятъ, и что ему не хочется тратить на свою собственную особу ни одной лишней копѣйки. Но для обыкновенныхъ людей, необладающихъ силами рахметовскаго ума и характера, простое соблюденіе извѣстнаго régime оказывается недостаточнымъ. Эти люди, находясь въ самомъ нормальномъ и веселомъ настроеніи, всетаки часто или даже постоянно нуждаются въ томъ, чтобы другіе человѣческіе умы помогали имъ думать, помогали имъ стремиться къ извѣстной цѣли, помогали имъ любить извѣстный трудъ. Когда мы безъ особенной дѣловой надобности чувствуемъ потребность поговорить съ друзьями, то мы именно ищемъ въ ихъ сочувствіи и въ ихъ разсужденіяхъ поддержки на томъ пути, по которому идемъ, и который мы давно уже признали хорошимъ и разумнымъ путемъ. Мы хотимъ, чтобы друзья укрѣпили нашу рѣшимость и отогнали отъ насъ тяжелое раздумье и мучительныя сомнѣнія. Когда мы беремъ въ руки умную книгу не для того, чтобы справиться о какомъ-нибудь фактѣ, а просто для того, чтобы насладиться пріятнымъ чтеніемъ, то мы именно обращаемся къ автору этой книги съ просьбой помочь намъ въ процессѣ нашего мышленія, обогатить насъ новыми идеями, усилить въ насъ любовь къ истинѣ и къ общественной пользѣ, вооружить насъ новыми доводами противъ заблужденія и эксплоатаціи, словомъ — подкрѣпить, освѣжить и улучшить насъ вліяніемъ своей умной, честной и развитой личности. Въ такихъ подкрѣпленіяхъ Рахметовъ вовсе не нуждается; когда онъ здоровъ, онъ всегда одинаковъ, то есть всегда одинаково сильно любитъ свою идею и всегда одинаково ясно видитъ тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ этой идеѣ осуществиться, тѣ пособія, которыми можно воспользоваться для ея осуществленія, и ту дорогу, по которой слѣдуетъ идти къ этому осуществленію. Вслѣдствіе своей постоянной одинаковости онъ можетъ отдавать все свое время серьезной работѣ, не отдѣляя ни одного часа ни на пріятное чтеніе, ни на оживленную бесѣду съ друзьями. Онъ не зависитъ ни отъ окружающихъ людей, ни отъ умныхъ книгъ; онъ зависитъ только отъ своего собственнаго организма, и эта неизбѣжная зависимость обозначена очень рельефно въ томъ фактѣ, что онъ, при всей своей ненависти ко всякой роскоши, принужденъ курить дорогія сигары для того, чтобы поддерживать въ себѣ хорошее настроеніе, необходимое для успѣшной умственной работы.—*Ну вотъ*, *видите теперь сами*, г. Антоновичъ, что вы въ Никитушкѣ Ломовѣ не поняли даже и сигары; а что касается до его сущности, то она и подавно осталась для васъ темной; это совершенно очевидно, потому что, еслибы она была для васъ ясна, вы бы немедленно сообразили, что упрекать противника въ ея непониманіи—въ высшей степени недобросовѣстно, такъ какъ противникъ на эти упреки не можетъ отвѣтить ровно ничего и ни при какихъ условіяхъ не можетъ представить печатныхъ доказательствъ своего пониманія. Я вѣдь сказалъ, что Рахметовъ занимается общеполезной работой. Чего-же вы отъ меня еще хотите? Если вамъ угодно, чтобы я охарактеризовалъ яснѣе и обстоятельнѣе эту работу, то ваше ребяческое требованіе доказываетъ, какъ нельзя убѣдительнѣе, что вы сами грѣшите тѣмъ непониманіемъ, въ которомъ стараетесь заподозрить вашего противника. Я на вашемъ мѣстѣ воздержался-бы отъ подобныхъ требованій.

XI.

Въ своей статьѣ «*Современная эстетическая теорія*» Антоновичъ утверждалъ, что

«эстетическое наслажденіе есть нормальная потребность человѣческой природы», и что «невозможно придумать никакого основанія, которое могло-бы дать право воспрещать или даже порицать удовлетвореніе этой потребности». Я возразилъ на это въ «*Разрушеніи эстетики*», что такое основаніе придумать нетрудно, и указалъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что у огромнаго большинства людей очень нормальная и законная потребность утолять свой голодъ здоровой пищей удовлетворяется до сихъ поръ очень плохо. Дѣлая это указаніе, я полагалъ, что каждый сотрудникъ «Современника», даже и такой недальновидный, какъ Антоновичъ, пойметъ мой намекъ безъ дальнѣйшихъ поясненій. Оказывается теперь, что я слишкомъ сильно понадѣялся на сообразительность моего противника. Выписавъ мое возраженіе, Антоновичъ спрашиваетъ у меня, въ своемъ-ли я умѣ и помню-ли я начало фразы, когда пишу ея конецъ. Чтобы доказать мнѣ мое умственное банкротство, онъ пускается въ слѣдующія разсужденія: «Мы говоримъ, что эта потребность нормальна и естественна, и доказали это на основаніи физики и физіологіи. (Можно-ли взводить такую напраслину на физіологію?) Вы-же говорите, что эта потребность неестественна и позорна, и ее нужно разрушить (что такое *разрушить потребность?* это безсмыслица! я говорю только, что это потребность вздорная,—прихоть). Почему? Потому, отвѣчаете вы, что производится мало хлѣба или пищи, вслѣдствіе занятія многихъ рукъ производствомъ предметовъ искусства. Что-же изъ этого слѣдуетъ? (Я надѣялся, что вы это поймете.) Если это дѣйствительно правда (а вы въ этомъ, кажется, сомнѣваетесь?), то изъ этого по здравому смыслу слѣдуетъ только то, что нужно увеличить производство хлѣба, обративъ на него часть рукъ, прежде занимавшихся производствомъ искусства, а никакъ не слѣдуетъ, что искусство нужно уничтожить, и еще менѣе слѣдуетъ, что эстетическая потребность неестественна и позорна.» Какимъ прекраснымъ *здравымъ смысломъ* обладаетъ Антоновичъ, и какъ блистательна его аргументація! Видите-ли, по *здравому смыслу* Антоновича слѣдуетъ, что нужно обратить на производство хлѣба *часть рукъ, прежде занимавшихся производствомъ искусства.* Прекрасно! А если окажется, что и послѣ этого обращенія хлѣба производится слишкомъ мало, тогда что́ нужно сдѣлать по тому-же *здравому смыслу?*—Обратить еще часть рукъ? А если и тогда количество хлѣба окажется недостаточнымъ, и если оно будетъ оставаться недостаточнымъ до тѣхъ поръ, пока вы не обратите на полезное производство всѣ руки, занимавшіяся изготовленіемъ изящныхъ предметовъ, тогда что́ дѣлать?—Обратить всѣ руки? Такъ или нѣтъ? Если *такъ*, то больше намъ ничего и не нужно; вы можете доказывать законность эстетическихъ наслажденій и величіе искусства, сколько вамъ будетъ угодно; мы не намѣрены ни мѣшать, ни возражать вамъ, лишь-бы только на производство изящныхъ предметовъ не отвлекались тѣ руки, которыя необходимы для изготовленія предметовъ первой необходимости. Если-же вы скажете *нѣтъ*, то потрудитесь произнести это *нѣтъ* сознательно, отчетливо и твердо; скажите прямо и откровенно: пускай бѣднота голодаетъ и зябнетъ; моя потребность наслаждаться искусствомъ нормальна и законна, и я вовсе не хочу допускать, чтобы люди, удовлетворяющіе этой законной и нормальной потребности, отвлекались отъ своей теперешней работы къ изготовленію пищи и платья для разныхъ manants и misérables.—Въ сущности, все пишущее филистерство во всемъ образованномъ мірѣ разсуждаетъ именно такимъ образомъ, но только никто не осмѣливается высказать свою мысль откровенно и ясно. Если вы не можете отдѣлиться отъ филистеровъ по своимъ идеямъ, то съумѣйте-же по крайней мѣрѣ превзойти и удивить ихъ храбростью. «Вы могли-бы сказать,—говоритъ Антоновичъ,—что голодному человѣку искусство и эстетическое наслажденіе не пойдетъ на умъ (но сытымъ до этого обстоятельства конечно нѣтъ и не должно быть никакого дѣла?!); это совершенно вѣрно, это мы сами высказывали множество разъ (напрасно! вѣдь ваши читатели сыты?). Но изъ этого не слѣдовало-бы, что искусство и эстетика подлежатъ уничтоженію, а слѣдовало-бы только (о, торжество здраваго смысла!), что голодныхъ людей нужно кормить (чѣмъ?) и всѣхъ вообще обезпечить такъ (чѣмъ и какъ?), чтобы всѣ могли пользоваться удовольствіемъ, даваемымъ произведеніями искусства.» Еслибы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что такая пошлость напечатана не въ «Эпохѣ» и не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ «Современникѣ», то я-бы такому неправдоподобному извѣстію не повѣрилъ; но теперь я читаю эту пошлѣйшую изъ пошлостей собственными глазами и поневолѣ вѣрю, что она напечатана дѣйствительно въ «Современникѣ». Итакъ, изъ того факта, что есть на свѣтѣ голодные люди, слѣдуетъ *только*—это *только* очаровательно,—что голодныхъ людей нужно кормить и всѣхъ вообще обезпечить, а потомъ, устроивъ наскоро это легкое и ничтожное дѣло, тотчасъ вести всѣхъ накормленныхъ и обезпеченныхъ людей въ театръ и на выставку картинъ и статуй. Объясните мнѣ вы, посрамленіе «Современника», что́ скрывается въ вашихъ неслыханно-глупыхъ словахъ: плоское-ли филистерское лицемѣріе, или-же круглое невѣжество и самое безнадежное тупоуміе? Дѣйствительно-ли вы думаете, что накормить всѣхъ голодныхъ и обезпечить

всѣхъ вообще самая простая и легкая штука, или-же вы только пытаетесь отвести глаза своимъ читателямъ? Впрочемъ это въ сущности все равно. Кто надѣется одурачить другихъ такимъ топорнымъ враньемъ, тотъ совершенно такъ-же глупъ, какъ и тотъ, кто произноситъ подобныя нелѣпости, принимая ихъ за основательныя разсужденія. Теперь, г. Антоновичъ, мнѣ придется толковать вашимъ *счастливымъ читателямъ* азбучныя истины соціальной науки, несмотря на то, что вамъ досталась незаслуженная честь быть сотрудникомъ того журнала, который первый произнесъ въ Россіи разумное слово о соціальныхъ вопросахъ. *Количество* производимаго хлѣба, мяса, полотна, сукна, платья, мебели и всѣхъ другихъ предметовъ первой необходимости составляетъ конечно очень важный элементъ народнаго богатства; но одинъ этотъ элементъ самъ по себѣ, какъ-бы онъ ни былъ силенъ, все-таки не можетъ упрочить благосостояніе народа. Производство можетъ быть достаточно сильно, и, несмотря на то, большинство можетъ все-таки терпѣть нужду, если производимые продукты будутъ распредѣляться въ обществѣ неравномѣрно. Неравномѣрное распредѣленіе продуктовъ неизбѣжно ведетъ за собою, изъ года-въ-годъ, ослабленіе производства; вслѣдствіе этого положеніе большинства съ каждымъ годомъ становится хуже, и это прогрессивное ухудшеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока положеніе большинства становится наконецъ невыносимымъ. Тогда начинаются обширныя эмиграціи, заразительныя болѣзни и періодическія конвульсіи общественнаго организма, вызываемыя невыносимыми страданіями большинства. Западная Европа дошла именно до такого положенія, и лучшіе ея мыслители съ начала нынѣшняго вѣка сосредоточили всѣ свои умственныя силы на рѣшеніи того вопроса: какимъ образомъ *голодныхъ людей кормить и всѣхъ вообще обезпечитъ*? Одни говорили, что надо устроить такой общественный порядокъ, при которомъ каждый производилъ-бы столько, сколько можетъ, а получалъ-бы столько, сколько ему нужно; другіе говорили, что каждый долженъ получать вознагражденіе, соразмѣрное съ количествомъ и качествомъ сдѣланной работы; третьи говорили, что надо составить разумную ассоціацію труда, капитала и таланта; четвертые говорили, что только трудъ и талантъ имѣютъ право на вознагражденіе; пятые говорили, что въ деньгахъ заключается корень всего общественнаго зла. Всѣ эти мыслители со всѣми своими послѣдователями никакъ не могли до сихъ поръ согласиться между собою въ томъ, какое *положительное* средство надо пустить въ ходъ для рѣшенія общественной задачи. Но радикально расходясь между собою въ *положительной* сторонѣ своихъ доктринъ, всѣ они утверждали совершенно единогласно, что существующій *экономическій* порядокъ неудовлетворителенъ и оставляетъ желать очень многаго. Единогласное отрицаніе передовыхъ мыслителей, несогласныхъ между собою во всѣхъ остальныхъ пунктахъ, показываетъ ясно, что существующее положеніе дѣйствительно незавидно. А крайнее разногласіе *положительныхъ* проэктовъ показываетъ также ясно, что рѣшить общественную задачу чрезвычайно трудно. До сихъ поръ никто еще не можетъ утверждать навѣрно, что *теоретическое* рѣшеніе задачи дѣйствительно найдено. Когда это *теоретическое* рѣшеніе наконецъ найдется, тогда все-таки еще нельзя будетъ приступить тотчасъ къ кормленію голодныхъ людей, къ обезпеченію всѣхъ вообще и къ размѣщенію всѣхъ накормленныхъ и обезпеченныхъ людей по театрамъ и разнымъ другимъ увеселительно-художественнымъ заведеніямъ. Когда теоретическое рѣшеніе будетъ найдено, то надо будетъ еще втеченіи многихъ лѣтъ, можетъ-быть даже десятковъ лѣтъ, долбить общественное мнѣніе и тревожить общественную совѣсть до тѣхъ поръ, пока образованные классы, держащіе въ своихъ рукахъ общественный и умственный капиталъ націи, не будутъ перевоспитаны новыми идеями и не посвятятъ всѣ свои силы на то, чтобы осуществить теоретическое рѣшеніе въ дѣйствительной жизни. Это перевоспитаніе пойдетъ конечно чрезвычайно медленно, потому что люди, наслаждающіеся сытостью и искусствомъ, не только не питаютъ ни малѣйшей нѣжности къ рѣшенію общественной задачи, но даже, напротивъ того, видятъ въ каждой изъ подобныхъ новыхъ идей явное и дерзкое посягательство на ихъ благосостояніе, то есть на ихъ сытость и на ихъ законныя и нормальныя эстетическія наслажденія. Но успѣхъ новыхъ идей въ значительной степени ускорится тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ряды образованнаго общества постоянно прибываютъ изъ низшихъ слоевъ такіе люди, которые, проводя свою молодость безъ сытости и безъ нормальныхъ и законныхъ эстетическихъ наслажденій, встрѣчаютъ новыя идеи съ пылкимъ, дѣятельнымъ и совершенно сознательнымъ сочувствіемъ. Спрашивается теперь: что-же должны дѣлать тѣ люди, которые берутся быть руководителями общественнаго самосознанія? Этотъ вопросъ распадается на три вопроса:

1) Что должны они дѣлать, если теоретическое рѣшеніе еще не найдено?

2) Что должны они дѣлать, если теоретическое рѣшеніе уже найдено?

3) Что должны они будутъ дѣлать, когда теоретическое рѣшеніе будетъ осуществлено?

Отвѣтъ на первый вопросъ.—Всѣми си-

лами искать теоретическаго рѣшенія и всѣми силами побуждать другихъ людей къ тому-же самому исканію, то есть изображать яркими красками страданія голоднаго большинства, вдумываться въ причины этихъ страданій, постоянно обращать вниманіе общества на экономическіе и общественные вопросы и систематически отрицать и осмѣивать все, что отвлекаетъ умственныя силы образованныхъ людей отъ главной задачи. Если въ числѣ отвлекающихъ предметовъ оказывается все искусство вообще или нѣкоторыя его отрасли, то, разумѣется, и оно подлежитъ этому систематическому отрицанію и осмѣиванію. Если-же умные и честные поэты своими трудами сосредоточиваютъ вниманіе общества на главной задачѣ, то, разумѣется, такихъ поэтовъ надо встрѣчать съ распростертыми объятіями, какъ драгоцѣнныхъ и полезнѣйшихъ союзниковъ. Но читателямъ своимъ подобные поэты не доставятъ ничего, кромѣ неотразимо-мучительныхъ ощущеній, которыя окажутся очень плодотворными, но которыя не совсѣмъ справедливо называть эстетическими наслажденіями. Неужели мы дѣйствительно наслаждаемся, когда чувствуемъ у себя на лбу капли холоднаго пота, когда у насъ на щекахъ горитъ яркій румянецъ стыда, или когда мы съ безсильнымъ скрежетомъ зубовъ оплакиваемъ кровавыми слезами нашу собственную дрянность, глупость и безхарактерность?

Отвѣтъ на второй вопросъ.—Постоянно разъяснять обществу съ разныхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ основныя начала разумной экономической и общественной доктрины, знакомить его такимъ образомъ съ найденнымъ теоретическимъ рѣшеніемъ и при этомъ всѣми возможными средствами усиливать притокъ новыхъ людей изъ низшихъ классовъ въ образованное общество; другими словами, надо вербовать агентовъ найденнаго разумнаго ученія, и надо увеличивать массу мыслящаго пролетаріата. Роль поэзіи должна въ это время состоять, съ одной стороны, въ яркомъ изображеніи невыносимыхъ неудобствъ существующаго экономическаго хаоса, а съ другой стороны —въ такомъ-же яркомъ рисованіи того блестящаго будущаго, которое приведетъ за собою найденная разумная организація. Остальныя отрасли искусства, продолжающія развлекать общество пустыми забавами, подлежатъ попрежнему самому строгому осужденію.

Отвѣтъ на третій вопросъ въ наше время невозможенъ и не имѣетъ для насъ ни малѣйшаго интереса, потому что этотъ *третій вопросъ* получитъ практическое значеніе не для насъ, а развѣ только для нашихъ внуковъ и правнуковъ, которые конечно будутъ гораздо умнѣе насъ и слѣдовательно не пойдутъ искать себѣ совѣтовъ въ нашихъ забытыхъ и истлѣвшихъ статьяхъ, романахъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Теперь вы вѣроятно видите, въ чемъ состоитъ капитальная глупость Антоновича. Онъ перескакиваетъ черезъ первый и черезъ второй вопросы, которые одни только могутъ имѣть для насъ практическое значеніе, — прямо къ третьему вопросу, который будетъ рѣшаться лѣтъ черезъ полтораста послѣ нашей смерти. Онъ съ пріятной улыбкой разсуждаетъ о томъ, что надо будетъ предпринять *послѣ того*, какъ голодные люди будутъ накормлены и всѣ вообще обезпечены. Подобныя разсужденія, разумѣется, позволительны только десятилѣтней сердобольной дѣвочкѣ, которая знаетъ, что ея мамаша очень богата, а папаша еще богаче, и что если только папаша съ мамашей захотятъ, то сію минуту могутъ всѣхъ вообще голодныхъ и неголодныхъ накормить конфектами, обезпечить изюмомъ и взять съ собою въ театръ, гдѣ дается прелестнѣйшая волшебная оперетка. Если-бы Антоновичъ въ своемъ пониманіи общественныхъ вопросовъ стоялъ хоть немного выше десятилѣтней невинности, то для него была-бы ясна, какъ день, та простѣйшая истина, что для публициста, имѣющаго въ виду интересы большинства, возможенъ въ настоящее время только одинъ вопросъ, поглощающій всѣ остальные: *какъ* накормить голодныхъ людей? *какъ* обезпечить всѣхъ вообще?—А Антоновичъ эти вопросы почислилъ рѣшенными, всѣхъ накормилъ, всѣхъ осчастливилъ, всѣхъ обезпечилъ, и боится только того, что мои грубыя, антиэстетическія статьи помѣшаютъ облагодѣтельствованному человѣчеству наслаждаться чудесами искусства. Я не буду спрашивать у Антоновича, былъ-ли онъ въ своемъ умѣ, когда писалъ свое уморительное разсужденіе? Это видно, что онъ былъ въ *своемъ* умѣ; оттого-то именно онъ и произвелъ на свѣтъ такую неправдоподобную пошлость. Il n'en fait jamais d'autres.

XII.

«Вашъ отвѣтъ,—говоритъ мнѣ Антоновичъ,—не имѣетъ опредѣленнаго смысла, а просто есть фраза, сказанная наобумъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ отъ того мало производится хлѣба, что много рукъ занято производствомъ предметовъ искусства?»—Такъ какъ я въ своемъ возраженіи упомянулъ только о *рабочихъ рукахъ*, то Антоновичу все дѣло представляется въ томъ видѣ, что я желаю всевозможныхъ художниковъ пристроить къ сохѣ. Если мы предположимъ, что въ Россіи тысячъ двадцать различныхъ художниковъ, и если мы всѣхъ этихъ художниковъ превратимъ въ хлѣбопашцевъ, то, разумѣется, приращеніе въ общемъ итогѣ добываемаго хлѣба будетъ совершенно нечувствительно. Антоновичъ силами собственнаго своего

ума никакъ не можетъ сообразить, что, кромѣ *рабочихъ рукъ*, на развитіе производства имѣютъ еще самое значительное вліяніе *рабочіе мозги*. Присоедините къ общей массѣ производителей въ такой обширной странѣ, какъ Россія, сорокъ тысячъ рабочихъ рукъ, и вы не получите никакого замѣтнаго улучшенія въ матеріальномъ и умственномъ существованіи большинства; но пристройте къ полезному дѣлу двадцать тысячъ мозговъ,—и улучшеніе получится очень значительное. Кто-жъ вамъ велитъ превращать художниковъ и любителей искусства въ простыхъ земледѣльцевъ? Во-первыхъ это превращеніе невозможно, потому что люди, привыкшіе къ нѣкоторымъ удобствамъ жизни и совершенно незнакомые съ чисто-физическимъ трудомъ, ни за что не пойдутъ въ хлѣбопашцы. Во-вторыхъ, это превращеніе вовсе не желательно, потому что отъ своихъ образованныхъ членовъ общество должно требовать не механическаго, а умственнаго труда. Общество нуждается въ машинистахъ, въ химикахъ, въ учителяхъ, въ профессорахъ, въ публицистахъ, въ переводчикахъ. Замѣчательный профессоръ, никогда въ жизни неприкоснувшійся къ сохѣ, обогащаетъ однако свое отечество цѣлыми тысячами четвертей хлѣба, потому что своимъ вліяніемъ возбуждаетъ и поддерживаетъ любовь къ честному и полезному труду во многихъ сотняхъ своихъ молодыхъ слушателей. Безполезныя отрасли искусства подрываютъ не чисто-физическій трудъ, обращенный на добываніе пищи, а тотъ умственный трудъ, который могъ-бы и долженъ былъ-бы дѣйствовать оплодотворяющимъ образомъ на развитіе производства. Кромѣ того безполезныя отрасли искусства вредны тѣмъ, что они дѣлаютъ праздность сносной и пріятной для такихъ людей, для которыхъ голая праздность и грубая роскошь, необлагороженная печатью изящества, превратились-бы очень скоро въ невыносимое мученіе. «Вообразите себѣ,— говоритъ Антоновичъ—что человѣкъ, наслаждающійся произведеніемъ искусства, самъ для себя производитъ искусство и самъ-же для себя производитъ хлѣбъ и такимъ образомъ не заѣдаетъ чужого хлѣба; земледѣлецъ въ свободное время сдѣлалъ себѣ сопѣлку, балалайку или скрипку и извлекаетъ изъ нихъ эстетическія наслажденія для себя и для своихъ знакомыхъ. Позорно или нѣтъ это наслажденіе? слѣдуетъ-ли уничтожить это искусство или нѣтъ? и наконецъ примѣняется-ли къ этому случаю ваше разсужденіе и не сильно-ли оно компрометируетъ вашу мыслительную способность?»—Охота вамъ, г. Антоновичъ, говорить такія безполезности! Мы съ вами для кого пишемъ: для земледѣльцевъ, сдѣлавшихъ себѣ сопѣлку, или для джентльмэновъ, абонированныхъ въ итальянской оперѣ и выписывающихъ себѣ на чужія деньги тысячные рояли? Если вы признаете законность сопѣлки, сдѣланной въ свободное время самимъ меломаномъ, то вы и должны стараться о томъ, чтобы привести вашихъ читателей къ этой сопѣлкѣ, которая конечно безобиднѣе тысячныхъ роялей, купленныхъ на чужія деньги. Но такъ какъ съ эстетической точки зрѣнія сопѣлка стоитъ ниже рояля и оперы, то есть, ублажаетъ слухъ меломана менѣе пріятными и разнообразными звуками и аккордами, то вы должны непремѣнно замѣнить эстетическую точку зрѣнія экономической, если только желаете дѣйствительно поворотить вашихъ читателей къ той сопѣлкѣ, которой неприкосновенность вы стараетесь отстоять. Кромѣ того я вамъ замѣчу, что вы совершенно напрасно считаете вашу сопѣлку вполнѣ неприкосновенной. Вы говорите, что земледѣлецъ сдѣлалъ ее *въ свободное время* и извлекаетъ изъ нея эстетическія наслажденія также *въ свободное время*. Употребляя свое свободное время на сопѣлку, земледѣлецъ конечно не заѣдаетъ чужого хлѣба, но зато онъ несомнѣнно отнимаетъ у самого себя нѣкоторыя матеріальныя удобства и нѣкоторыя высшія и особенно плодотворныя умственныя наслажденія. Предположите, что одинъ земледѣлецъ гудитъ въ свою сопѣлку, а другой въ это самое время учится грамотѣ, а третій, выучившись грамотѣ, учитъ ей своихъ дѣтей, а четвертый, также выучившись грамотѣ, читаетъ популярный трактатъ о болѣзняхъ лошадей и рогатаго скота, а пятый, также выучившись грамотѣ, читаетъ газеты. Кто изъ этихъ земледѣльцевъ употребляетъ свое свободное время болѣе разумнымъ и полезнымъ для себя образомъ: первый-ли, предающійся своей сопѣлкѣ, или остальные четверо, превращающіе понемногу себя и своихъ дѣтей въ мыслящихъ членовъ цивилизованнаго общества? И о чемъ долженъ заботиться настоящій другъ народа: о томъ-ли, чтобы распространять между земледѣльцами вкусъ къ сопѣлкамъ, или о томъ, чтобы распространять между ними охоту къ чтенію книгъ и газетъ? Вы мнѣ скажете, что лучше сопѣлка, чѣмъ «Московскія Вѣдомости». О, разумѣется! Но я говорю вамъ не о дурныхъ книгахъ и газетахъ, а о хорошихъ. Вы мнѣ скажете далѣе, что лучше сопѣлка, чѣмъ кабакъ. Я опять-таки скажу вамъ: разумѣется! но я доказываю вамъ совсѣмъ не то, что нѣтъ на свѣтѣ ничего хуже сопѣлки, а только то, что есть очень много вещей лучше ея, и что если она отвлекаетъ человѣка отъ этихъ лучшихъ вещей, то становится очевиднымъ зломъ. Вы мнѣ скажете наконецъ, что чтеніе—не отдыхъ, потому что всетаки требуетъ нѣкотораго напряженія умственныхъ способностей. Для насъ съ вами, отвѣчу я, чтеніе дѣйствительно не отдыхъ, потому что мы съ вами чувствуемъ потребность отдохнуть именно отъ слишкомъ продолжитель-

наго чтенія или писанія. Но для того, кто утомленъ паханіемъ или молотьбой, чтеніе составляетъ превосходный отдыхъ точно такъ, какъ для насъ съ вами можетъ служить превосходнымъ отдыхомъ копаніе грядокъ или пиленіе дровъ. Если вы имѣете хоть слабое понятіе объ идеяхъ Фурье, то вы должны знать, что человѣка утомляетъ не работа сама по себѣ, а только продолжительность и однообразіе работы, и что вслѣдствіе этого, переходя во́-время отъ одного занятія къ другому, человѣкъ можетъ работать безпрерывно, съ утра до ночи, не только безъ утомленія, но даже съ величайшимъ удовольствіемъ и увлеченіемъ.— Вы спрашиваете у меня: позорно или нѣтъ наслажденіе сопѣлкой?—Я скажу вамъ, что вашъ вопросъ не имѣетъ опредѣленнаго смысла. Что такое *позорно?* Зачѣмъ употреблять такія звонкія, напыщенныя и неясныя выраженія, въ которыхъ высказывается только субъективное мнѣніе говорящаго лица, а не объективное свойство разсматриваемаго предмета? Еслибы вы у меня спросили, полезно-ли, разумно-ли, выгодно-ли это наслажденіе, то я вамъ отвѣтилъ бы, что можно найти много наслажденій выгоднѣе, полезнѣе и разумнѣе. Если земледѣлецъ будетъ употреблять все свое свободное время на сопѣлку, то это будетъ очень печально какъ для земледѣльца, такъ и для общества; если онъ будетъ употреблять на сопѣлку значительную часть своего свободнаго времени, то и это будетъ вовсе нехорошо; чѣмъ меньшую долю времени онъ отдаетъ сопѣлкѣ и чѣмъ бо́льшую долю онъ посвятитъ какой-нибудь ручной работѣ или чтенію, тѣмъ прочнѣе будетъ его матеріальное благосостояніе, тѣмъ шире умственное развитіе и тѣмъ полезнѣе онъ будетъ для общества, какъ работникъ, какъ гражданинъ и какъ отецъ семейства. Вы видите такимъ образомъ, что противъ вашей сопѣлки повторяются въ малыхъ размѣрахъ всѣ тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ оперы и роялей.

Вы спрашиваете далѣе: «слѣдуетъ-ли уничтожить его искусство?» То-есть какъ-же это *уничтожить?* Вырывать у него сопѣлку изъ рукъ или запрещать ему статьей закона эстетическія наслажденія—конечно не слѣдуетъ. Но знакомить какъ земледѣльца, такъ и образованное общество съ такими наслажденіями которыя выше, разумнѣе и плодотворнѣе чистаго искусства во всѣхъ его проявленіяхъ, начиная отъ сопѣлки и кончая операми Рихарда Вагнера,—конечно слѣдуетъ. И если эти высшія, разумныя и плодотворныя наслажденія совершенно вытѣснятъ всѣ проявленія чистаго искусства, то, разумѣется, этому можно будетъ только радоваться. «Есть множество эстетическихъ предметовъ,—говоритъ далѣе Антоновичъ,— производство которыхъ ничего не стоитъ; такова напримѣръ вся природа—высшее и прекраснѣйшее изъ всѣхъ искусствъ; ею можно любоваться даромъ и въ свободное время, безъ всякаго малѣйшаго ущерба для производства хлѣба.» Что за наслажденіе красотами природы мы никому не платимъ денегъ—это великая истина; но что на созерцаніе этихъ красотъ тратится время—это также не можетъ подлежать сомнѣнію; стало быть, говорить, что эти наслажденія достаются намъ даромъ, значитъ упускать изъ виду тотъ общеизвѣстный фактъ, что для рабочаго человѣка время—деньги. Выраженіе *свободное время* до такой степени эластично, что ему нельзя придать никакого опредѣленнаго смысла. У неаполитанскаго лаццарони весь день состоитъ изъ *свободнаго времени*, а у американскаго фермера нѣтъ ни одной минуты *свободнаго времени;* первый ничѣмъ не умѣетъ наполнить свои безконечные досуги; второй извлекаетъ себѣ пользу изъ каждой минуты; лаццарони конечно больше американца наслаждается красотами природы, потому что dolce far niente есть не что иное, какъ созерцательная жизнь на лонѣ прекрасной природы. Спрашивается теперь, къ которому изъ этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ мы должны, по мѣрѣ нашихъ силъ, направлять живыя силы нашего народа? Чего должны мы желать: чтобы нашъ народъ фантазировалъ, какъ лаццарони, или-же чтобы онъ работалъ, какъ американецъ? Я полагаю, что отвѣчать не трудно. Чѣмъ меньше наши соотечественники будутъ любоваться природой, тѣмъ выгоднѣе это будетъ для каждаго изъ нихъ порознь и для всѣхъ насъ вмѣстѣ. Какъ-бы ни былъ малъ тотъ minimum времени, которое будетъ тратиться на созерцаніе, оно всетаки будетъ достаточно велико, потому что если-бы оно даже превратилось въ чистый нуль, то и тогда ни отдѣльныя личности, ни общество не потеряли-бы ровно ничего. Впрочемъ Антоновичъ можетъ быть спокоенъ; въ нуль оно не превратится никогда, и всѣ наши усилія направлены только къ тому, чтобы защитить отъ его неумѣренныхъ притязаній ту часть времени, которая непремѣнно должна посвящаться производительному труду. Напоминайте людямъ только о томъ, что́ для нихъ полезно, и будьте твердо увѣрены, что они сами не забудутъ того, что̀ для нихъ пріятно. Я обращу вниманіе Антоновича на слѣдующія слова Кольки Люлюшина изъ превосходнаго романа А. Михайлова «Жизнь Шупова»: «Безъ воображенія нельзя существовать, но отстаивать его, воевать и заступаться за него, возвышать его насчетъ простого здраваго смысла—нелѣпость: сѣйте хлѣбъ, а васильки будутъ; мало-ли ихъ будетъ, много-ли— это не важно, безъ нихъ съ голоду не умремъ». Все, что Антоновичъ говоритъ противъ меня по вопросу объ искусствѣ, есть не что иное, какъ отстаиваніе васильковъ противъ хлѣба, который

однако до сихъ поръ совершенно заглушенъ васильками. Аргументъ о созерцанiи природы не составляетъ для меня ничего новаго; въ началѣ 1862 года, разбирая романъ Тургенева «Отцы и Дѣти», я самъ рѣшилъ вопросъ о созерцанiи природы точно такъ, какъ рѣшаетъ его теперь Антоновичъ. По поводу словъ Базарова: «природа—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней—работникъ», я говорилъ тогда вотъ что: «Работнику надо отдыхать, и отдыхъ не можетъ ограничиться однимъ тяжелымъ сномъ послѣ утомительнаго труда... Еслибы работникъ находилъ удовольствiе въ томъ, чтобы въ свободные часы лежать на спинѣ и глазѣть на стѣны и потолокъ своей мастерской, то тѣмъ болѣе всякiй здравомыслящiй человѣкъ сказалъ-бы ему: глазѣй, любезный другъ, глазѣй, сколько душѣ угодно; здоровью твоему это не повредитъ, а въ рабочее время ты глазѣть не будешь, чтобы не надѣлать промаховъ.» Теперь я считаю это мнѣнiе ошибочнымъ и нахожу ошибку въ томъ, что трудъ противополагается наслажденiю. Разумѣется, когда трудъ *утомителенъ*, то необходимо наслажденiе, *отдѣльное* отъ труда. Но утомительность труда поддерживается такими ненормальными условiями жизни, съ которыми мы вовсе и не должны мириться. Мы сами должны устроить нашу личную жизнь такъ, чтобы трудъ и наслажденiе сдѣлались синонимами. И кромѣ того мы всѣми силами должны стараться о томъ, чтобы къ тому-же нормальному типу направлялась также и жизнь трудящагося большинства. Какъ-бы то ни было, хотя три года тому назадъ я и говорилъ тѣ глупости, которыя теперь проповѣдуетъ Антоновичъ, однако того замѣчательнаго открытiя, что *природа* есть *искусство*, мнѣ сдѣлать не удалось. Такiя открытiя способны дѣлать только Варнекъ, Николай Соловьевъ и Антоновичъ. — «Наконецъ, — продолжаетъ Антоновичъ, — любовь между двумя полами есть тоже эстетическое наслажденiе, мѣшающее производству хлѣба; этому наслажденiю всякiй посвящаетъ лучшiе годы своей жизни и тратитъ на него много времени: свиданiя, разговоры, нѣжности, объятiя, переписка, разныя услуги возлюбленной — все это поглощаетъ время, которое съ большой пользой можно было-бы употребить на производство пищи. По вашему, это наслажденiе тоже позорно, неестественно и подлежитъ уничтоженiю, какъ мѣшающее производству пищи.» — Вы это на какомъ основанiи утверждаете, г. Антоновичъ, что, по моему мнѣнiю, любовь между двумя полами подлежитъ уничтоженiю? Въ статьяхъ моихъ нѣтъ ни одного такого слова, которое можно было-бы истолковать въ этомъ смыслѣ. Если-же вы навязываете мнѣ такую мысль, основываясь на томъ, что я отношусь не совсѣмъ благосклонно къ эстетическимъ наслажденiямъ, то я васъ попрошу объяснить мнѣ: признаете-ли вы существованiе какихъ-нибудь наслажденiй, кромѣ эстетическихъ?—Если признаете, то я вамъ объясню съ своей стороны, что я причисляю любовь между двумя полами къ не-эстетическимъ наслажденiямъ, потому что ставлю эту любовь неизмѣримо выше тѣхъ мелкихъ забавъ, которыя называю эстетическими наслажденiями. Если-же не признаете, то споръ нашъ становится безполезнымъ и смѣшнымъ, потому что превращается въ пренiе о стилистическихъ тонкостяхъ. Я употребляю слова *искусство* и *эстетика* въ обыкновенномъ, общепринятомъ смыслѣ; вы-же, напротивъ того, упрятали всю *природу* въ *искусство* и хотите теперь наводнить *эстетикой* всю человѣческую жизнь. Вы дѣлаете со словами *искусство* и *эстетика* точь-въ-точь то-же самое, что сдѣлалъ Шавровъ со словами *классицизмъ* и *реализмъ*. Если васъ забавляютъ эти стилистическiе кунстштюки, то не мое дѣло мѣшать вашимъ невиннымъ забавамъ. Если-же вы серьезно думаете обвинить меня въ аскетическомъ взглядѣ на любовь, то, во-первыхъ, я напомню вамъ, что не на мнѣ, а на *васъ* лежитъ еще до сихъ поръ упрекъ именно въ аскетическомъ взглядѣ на любовь, и что этотъ упрекъ направленъ противъ васъ именно *мною*, въ первой части «Нерѣшеннаго Вопроса», за ваши безтолковыя разсужденiя о сценѣ между умирающимъ Базаровымъ и Одинцовой. Могъ-ли бы я упрекать васъ въ аскетизмѣ, еслибы я самъ былъ аскетомъ по убѣжденiямъ? Во-вторыхъ, я укажу вамъ на вторую часть «Нерѣшеннаго Вопроса», въ которой подробно разбираются отношенiя Базарова къ Одинцовой. Попробуйте найдти въ этой части хоть одинъ проблескъ аскетизма. Въ-третьихъ, я сошлюсь на голосъ нашихъ филистеровъ, которые печатно упрекаютъ меня въ дiаметрально противуположной крайности. Вотъ напримѣръ, съ какой стороны персифлируютъ меня «Отечественныя Записки» въ статейкѣ, которую они называютъ *подражанiемъ г. Писареву*: «Засиживаться во вдовахъ, и особенно женщинамъ еще нестарымъ, я рѣшительно не совѣтую. Въ наше время людьми нужно дорожить; рабочiя силы на каждомъ шагу нужны; даже много такихъ силъ нужно; потому уклоняться отъ чего-бы то ни было, что́ можетъ восполнить этотъ недостатокъ, значитъ, по моему, зарывать таланты въ землю. Я даже молодымъ людямъ не совѣтую пренебрегать вдовами, какъ въ статьѣ о Помяловскомъ не совѣтовалъ пренебрегать кисейными барышнями.» Какъ это правдоподобно, что аскета станутъ персифлировать такимъ образомъ!— Наконецъ, въ-четвертыхъ, можно-ли говорить такую нелѣпость, что любовь мѣшаетъ производству хлѣба? Безъ сближенiя двухъ половъ не было-бы дѣтей; а еслибъ не было дѣтей, то

людямъ пришлось-бы на старости лѣтъ умирать съ голоду; а еслибы сближеніе половъ производилось не по взаимному согласію, безъ любви, такъ, какъ оно производится въ Азіи, то зависимое и униженное положеніе женщины повело-бы за собою общій застой умственной жизни, который непремѣнно отразился-бы самымъ невыгоднымъ образомъ на всей экономической дѣятельности. Весь мой аскетизмъ сводится къ тому, что я говорилъ и говорю до сихъ поръ, что ни мужчина, ни женщина не должны видѣть въ любви главную цѣль и единственный смыслъ своего существованія. Это говорилъ до меня Бѣлинскій; это повторялъ Чернышевскій, и противъ этого не споритъ уже теперь никто, кромѣ отъявленныхъ пошляковъ.

Кстати о пошлякахъ: чтобы покончитъ съ моимъ остроумнымъ и добросовѣстнымъ противникомъ, я отвѣчу еще на два его обвиненія. *Первое.* Онъ говоритъ, что я ложно обвиняю его въ наклонности къ теоріи искусства для искусства. Чтобы доказать ложность моего обвиненія, онъ выписываетъ изъ своей статьи «Современная эстетическая теорія» цѣлыя три страницы разныхъ либерально-добродѣтельныхъ лоскутковъ. На всѣ эти выписки я отвѣчу слѣдующей цитатой, взятой изъ той-же статьи: «Итакъ, первая задача искусства есть воспроизведеніе дѣйствительности съ цѣлью эстетическаго наслажденія ею, а вторая—уясненіе воспроизводимой дѣйствительности; съ этой второй задачей тѣсно связана и третья, по которой искусство можетъ возвышаться до роли критика и судьи воспроизводимыхъ имъ явленій». Весь вопросъ въ томъ, признаетъ-ли Антоновичъ самостоятельное существованіе первой задачи законнымъ и похвальнымъ, или нѣтъ? Если признаетъ—онъ сходится вполнѣ съ филистерами; если не признаетъ—онъ сходится съ *нѣкоторыми горячими* и *неразсудительными* отрицателями искусства. Но такъ какъ съ одной стороны онъ самъ громко и рѣшительно заявилъ *нѣкоторымъ* свое неодобреніе; и такъ какъ съ другой стороны филистерство, въ лицѣ Н. Соловьева и другихъ, уже печатно выразило ему свою признательность, то ему уже не помогутъ никакія выписки.—*Второе.* Антоновичъ говоритъ, что я *навязалъ* ему противурѣчіе съ составителемъ «Внутр. Обозр.» въ «Современникѣ», и что составитель смѣется не надъ искусствомъ, а надъ какими-то неразумными господами. Это неправда. Г. составитель прямо противополагаетъ *высокимъ наслажденіямъ души*, надъ которыми онъ смѣется, радости нигилиста, мечтающаго объ устройствѣ общества женскаго труда, радости, которымъ г. составитель вполнѣ сочувствуетъ.

Теперь пора кончить. Я опровергнулъ, съ перваго до послѣдняго, всѣ аргументы Антоновича и доказалъ ложность всѣхъ фактовъ, на которыхъ онъ основываетъ свои обвиненія противъ *козловъ реализма.* Антоновичъ по всей вѣроятности не уймется и въ слѣдующихъ книжкахъ «Современника», пуститъ въ ходъ новыя выдумки и новыя нелѣпости, за которыя «Петербургскія Вѣдомости», привѣтствовавшія его по поводу «Лжереалистовъ», снова провозгласятъ его побѣдителемъ надъ софизмами Писарева. Какъ-бы то ни было, раскается-ли Антоновичъ въ своихъ импровизаціяхъ или-же окончательно упрочитъ въ «Современникѣ» господство систематической лжи и филистерской тупости, во всякомъ случаѣ читатели нашего журнала могутъ быть спокойны. Я не намѣренъ превращать критическій отдѣлъ «Русск. Слова» въ изслѣдованіе о печальныхъ порокахъ Антоновича. Отвѣтить ему *одинъ разъ* было необходимо, чтобы показать публикѣ размѣры его недобросовѣстности и непонятливости. Но отвѣчать *всякій разъ* было-бы недобросовѣстно въ отношеніи къ читателямъ. Поэтому я обѣщаю имъ не говорить печатно съ Антоновичемъ ни одного слова втеченіи цѣлаго года. По прошествіи-же года я снова опровергну всѣ клеветы, которыя успѣетъ въ это время сочинить противъ меня мой противникъ.

ПОДРОСТАЮЩАЯ ГУМАННОСТЬ.

(Сельскія картины.)

I.

Послѣднее десятилѣтіе нашей литературы было посвящено акклиматизированію европейскаго либерализма на обширныхъ и холодныхъ равнинахъ Россіи или, другими словами, прививанію гражданскихъ доблестей и гуманныхъ идей къ дѣвственнымъ умамъ и сердцамъ нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ. Успѣхъ гуманизирующихъ операцій превзошолъ самыя смѣлыя ожиданія. Во всѣхъ нашихъ городахъ и почти во всѣхъ нашихъ селахъ уже томятся, изнываютъ, лепечутъ, граціозничаютъ и миндальничаютъ тысячи тщедушныхъ субъектовъ, въ которыхъ всѣ почтенные европейскіе либералы, отъ графа Росселя до Юліана Шмидта, будутъ принуждены узнать своихъ младшихъ братцевъ, еще робкихъ и неопытныхъ, но уже способныхъ выводить тоненькимъ дискантомъ нѣкоторыя модуляціи общелиберальнаго мяуканья. Теперешняя робость и неопытность нашихъ подростающихъ либеральчиковъ не должны внушать ни малѣйшихъ опасеній за будущее процвѣтаніе россійскаго либерализма. Роль либерала такъ многосложна, трудъ его такъ утомителенъ, путь его усѣянъ сплошь такими крупными и острыми терніями, что въ одно десятилѣтіе нѣтъ никакой возможности усвоить себѣ ту невозмутимую ясность взоровъ и ту безукоризненную солидность поведенія, которыми непремѣнно долженъ отличаться опытный либералъ, созрѣвшій въ великой школѣ балансированія, мистификаторства и самоувѣреннаго переливанія изъ пустого въ порожнее.— Главная обязанность либерала состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы всѣмъ выраженіемъ своей физіономіи, всѣми своими словами и всѣмъ внѣшнимъ видомъ своихъ поступковъ заявлять постоянно и ежеминутно свою пламенную и безграничную преданность великимъ идеямъ и интересамъ, которые возбуждаютъ въ немъ почти такія-же чувства, какія персидская ромашка возбуждаетъ въ клопѣ. Всѣ усилія либерала должны постоянно направляться къ тому, чтобы всѣ его поступки противорѣчили всѣмъ его словамъ, и чтобы это противорѣчіе оставалось постоянно совершенно незамѣтнымъ для той безхитростной сермяжной публики, которую слѣдуетъ ублажать и растрогивать либеральными представленіями. Если-же противорѣчіе сдѣлается черезчуръ очевиднымъ, то либералъ долженъ тотчасъ объяснить съ надлежащей торжественностью, что уваженіе его къ великимъ принципамъ остается неизмѣннымъ, но что обстоятельства мѣста и времени, къ сожалѣнію, требуютъ себѣ довольно значительныхъ уступокъ, изъ которыхъ однакоже для всей почтенной публики не произойдетъ ничего, кромѣ существенной пользы и великаго удовольствія. Либералъ долженъ постоянно стремиться и порываться впередъ, не двигаясь съ мѣста и тщательно удерживая другихъ людей отъ всего того, что становится похожимъ на дѣйствительное движеніе. Кто изъ либераловъ поумнѣе, тотъ продѣлываетъ всѣ эти артикулы совершенно сознательно, зная очень хорошо, кого онъ надуваетъ. Кто попроще,—и такихъ несравненно больше,—тотъ либеральничаетъ чистосердечно, не замѣчая въ своей особѣ и въ своей доктринѣ никакихъ внутреннихъ противорѣчій, разсуждая по наслышкѣ, поступая по привычкѣ и съ дѣтской безпечностью глядя на то, что слова и поступки взаимно уничтожаютъ другъ друга, и что знамя великихъ идей водружается надъ кучей сора.

Можете-ли вы себѣ вообразить смиренную корову, украшенную хорошимъ кавалерійскимъ сѣдломъ?—Я полагаю, что эта корова представила-бы намъ зрѣлище довольно комическое, но въ то-же время и печальное; затянутая подпруга сильно угнетала-бы ея коровью натуру и приводила-бы ее въ такое крайнее смущеніе, которое конечно выражалось-бы во всей ея огорченной наружности; глядя на такую обиженную корову, каждый добродушный человѣкъ долженъ былъ-бы сжалиться надъ ея несчастіемъ и снять съ ея спины совершенно несвойственное ей украшеніе. Но представьте себѣ, для усиленія комизма и для уничтоженія плачевности, что въ осѣдланную корову вселился бѣсъ гордости и самодовольства; представьте себѣ, что она, жестоко перетянутая подпругой, желаетъ изумить и очаровать васъ тонкостью своей коровьей таліи и легкостью своей коровьей походки; представьте себѣ, что она подражаетъ манерамъ кровнаго англійскаго скакуна, старается принять молодцоватый видъ и бравурную осанку, раздуваетъ ноздри, поднимаетъ хвостъ коломъ и пробуетъ пуститься съ

правой ноги галопомъ. Представьте себѣ такую картину, и вы получите нѣкоторое слабое понятіе о томъ неистощимомъ комизмѣ, которымъ переполнены всѣ слова, движенія и поступки добродѣтельнаго либерала, самодовольно навѣсившаго на себя то, что давитъ и гнетъ его, и что на каждомъ шагу произноситъ строжайшій приговоръ надъ самыми неистребимыми поползновеніями его мелкой душонки. Этотъ уморительный типъ добродѣтельнаго либерала или осѣдланной коровы разобранъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ въ повѣсти Слѣпцова «Трудное время», въ которой мученикомъ либерализма является юный и просвѣщенный помѣщикъ, Александръ Васильевичъ Щетининъ. Объ этомъ господинѣ Щетининѣ, изнывающемъ подъ тяжестью собственной гуманности, я и поведу теперь разговоръ съ читателями.

II.

Щетининъ живетъ въ своемъ имѣніи и старается увѣрить себя и другихъ въ томъ, что онъ занимается хозяйствомъ, гуманизируетъ сельскихъ обывателей, интересуется европейской политикой и слѣдитъ очень внимательно за развитіемъ научной агрономіи. Занятія хозяйствомъ заключаются въ томъ, что Щетининъ по вечерамъ бесѣдуетъ съ своимъ прикащикомъ, который изъ этихъ конференцій выноситъ по всей вѣроятности то утѣшительное убѣжденіе, что надувать и обирать молодыхъ агрономовъ очень сподручно и совершенно безопасно. Гуманизированіе земледѣльцевъ производится посредствомъ тщательнаго взиманія установленныхъ штрафовъ за потравы; это взыскиваніе четвертаковъ и полтинниковъ клонится вовсе не къ тому, чтобы вознаградить помѣщика, а собственно и единственно къ тому, чтобы воспитать въ земледѣльцахъ уваженіе къ принципу собственности, чтобы развить въ нихъ чувство законности; чтобы вложить въ грубые умы пониманіе человѣческихъ правъ и обязанностей и чтобы наконецъ сдѣлать человѣка царемъ окружающей его зоологической природы, то-есть, чтобы вооружить земледѣльца хворостиной, при содѣйствіи которой онъ развивалъ-бы чувство законности и подавлялъ-бы комунистическіе инстинкты во всѣхъ деревенскихъ коровахъ, телятахъ, баранахъ и свиньяхъ. Поглощенный великимъ житейскимъ дѣломъ народнаго воспитанія, Щетининъ конечно не можетъ уже посвящать много времени политикѣ и теоретической агрономіи; поэтому и немудрено, что книжки ученыхъ журналовъ лежатъ неразрѣзанныя и что пачки русскихъ и иностранныхъ газетъ остаются нераспечатанными. Орошая потомъ лица своего обширную и еще нетронутую ниву русскихъ народныхъ силъ, Щетининъ принужденъ отказывать себѣ даже въ тѣхъ скромныхъ умственныхъ наслажденіяхъ, которыя для образованнаго человѣка составляютъ насущную потребность. Понятно, что при такихъ условіяхъ неразрѣзанность журналовъ и нераспечатанность газетъ должны быть вмѣнены Щетинину въ особенно высокую патріотическую заслугу.

У нашего гуманизатора есть жена, Марья Николаевна, женщина молодая, честная, горячая и энергическая, принявшая за чистую монету либеральные разговоры доблестнаго супруга и постоянно ожидающая, во все время своего трехлѣтняго замужества, что вотъ-вотъ начнется какая-то, несовсѣмъ извѣстная ей, но великая и святая работа, которой всѣ честные люди съ наслажденіемъ отдадутъ весь свой умъ, всю свою волю, всю свою жизнь. Но время идетъ, Щетининъ занимается потравами, и Марья Николаевна начинаетъ недоумѣвать. Ей представляется, что благосостояніе всѣхъ русскихъ людей вообще, и сельскихъ обывателей въ особенности, еще не Богъ знаетъ какъ далеко подвинется впередъ, если даже труды Щетинина утвердятъ господство мужицкихъ хворостинъ надъ всѣми деревенскими телятами. Ей кажется, что въ этой работѣ очень мало великаго и святого, и что не такими подвигами наполняется жизнь тѣхъ людей, которые дѣйствительно умѣли понять всю тяжесть долга, лежащаго на нихъ въ отношеніи къ ихъ бѣдному и невѣжественному народу. Въ то время, когда Марья Николаевна недоумѣваетъ и тревожится, къ Щетинину пріѣзжаетъ на лѣто его товарищъ по университету Рязановъ, одинъ изъ блестящихъ представителей моего возлюбленнаго базаровскаго типа. Появленіе этого новаго лица ускоряетъ неизбѣжную развязку. Прислушиваясь къ разговорамъ Рязанова съ Щетининымъ, Марья Николаевна начинаетъ смотрѣть на своего мужа совершенно трезвыми глазами и отдавать должную дань презрѣнія его игрушечному либерализму. Добродѣтельное собираніе четвертаковъ и полтинниковъ становится для нея невыносимымъ, и она рѣшается уѣхать отъ мужа, чтобы устроить себѣ полезную и разумную жизнь. Для тѣхъ проницательныхъ читателей, которые пустятся въ лукавыя соображенія, я замѣчу тотчасъ-же, что она уѣзжаетъ не съ Рязановымъ, а одна, и уѣзжаетъ вовсе не за тѣмъ, чтобы предаваться удовольствіямъ взаимной любви. Повѣсть Слѣпцова оканчивается тѣмъ, что Рязановъ и Марья Николаевна холодно прощаются между собою въ домѣ Щетинина, который, внезапно очутившись на развалинахъ своего семейнаго счастія, начинаетъ мечтать о наживаніи капитала и о расходованіи его въ пользу человѣчества, словомъ, перекладываетъ маниловскія фантазіи на языкъ совершенно образованнаго общества.—Какъ видите, между тре-

мя главными дѣйствующими лицами повѣсти разыгралась простая, но мучительная драма, тѣмъ болѣе интересная и замѣчательная, что ея составные элементы — грошовый либерализмъ, безпощадный анализъ и неподкупная честность—находятся уже теперь во многихъ русскихъ семействахъ. Не вдаваясь въ подробный разборъ замѣчательной повѣсти Слѣпцова, я постараюсь бросить бѣглый взглядъ на основную причину разыгравшейся драмы.

При первомъ-же свиданіи Щетинина съ Рязановымъ читателю становится замѣтно, что Щетининъ боится Рязанова и совершенно безуспѣшно старается держать себя съ нимъ развязно и самостоятельно. Читатель тотчасъ усматриваетъ также и причины щетининской трусливости. Щетининъ во всѣхъ отношеніяхъ— чистѣйшій нуль, существо безличное, безцвѣтное, безформенное, неспособное ни любить, ни вѣрить, ни сомнѣваться, ни знать, ни мыслить, ни дѣйствовать, а способное только вяло и безстрастно повиноваться, по силѣ инерціи, данному толчку. Щетинину, какъ и всякому другому нулю, вовсе не хочется признать себя нулемъ; онъ старается заглушить въ себѣ мучительное ощущеніе собственнаго ничтожества; онъ усиливается втянуть себя въ мысли, въ чувства и въ стремленія; не имѣя ни къ чему опредѣленныхъ влеченій, онъ кидается на все, что̀ его окружаетъ, и обнаруживаетъ очень много внѣшней подвижности и суетливости, именно потому, что всѣ идеи и всѣ отрасли дѣятельности для него совершенно одинаковы; подвижность и суетливость его находятся въ тѣсной связи съ его вялостью и безстрастностью; онъ суетится потому, что надо себя обманывать; а потребность обманывать себя происходитъ оттого, что во всемъ его существѣ господствуютъ пустота и холодъ, которые его самого привели-бы въ ужасъ, еслибы онъ осмѣлился заглянуть въ самого себя спокойнымъ и внимательнымъ взглядомъ. Будь у него какія-нибудь страсти, онъ полюбилъ-бы тотъ или другой строй понятій, и тогда онъ потерялъ-бы возможность суетиться и разыгрывать роль услужливаго казачка передъ каждой новой варіаціей жизни или мысли. Щетининъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые никогда не могутъ быть искренни, потому что у нихъ нѣтъ ничего такого, что они могли-бы назвать своей умственной или нравственной собственностью; ихъ мысли, ихъ чувства, ихъ желанія—все это прицѣплено, пришито и приклеено къ нимъ; при случаѣ, старый слой этой драпировки покрывается новымъ слоемъ, и это наклеиваніе и нашиваніе производится ими такъ давно, съ такой ранней юности, что они ужъ и сами не знаютъ и не спрашиваютъ, есть ли у нихъ что-нибудь свое подъ грудой истлѣвшихъ лохмотьевъ. Но что верхній слой драпировки, тотъ слой, которымъ они пародируютъ, составляетъ для нихъ постороннюю массу, вовсе не приросшую къ ихъ тѣлу, это они сами чувствуютъ, и это ощущеніе отравляетъ все ихъ существованіе. Представьте-же себѣ теперь, какое множество кошекъ скребутъ ихъ сердце, когда они встрѣчаются съ такими людьми, которые сами, со всѣми своими чувствами и убѣжденіями, вылиты какъ будто изъ одного куска металла, и которые вслѣдствіе этого съ перваго взгляда замѣчаютъ въ другихъ людяхъ каждую малѣйшую искусственность или придуманность.—Рязановъ видитъ насквозь Щетинина и понимаетъ его такъ, какъ самъ Щетининъ себя понять не можетъ. Щетининъ объ этомъ догадывается, хотя впрочемъ и не можетъ себѣ представить, до какихъ размѣровъ простирается пониманіе его товарища, и хотя врядъ-ли даже считаетъ возможнымъ, чтобы его, Щетинина, кто-нибудь умѣлъ созерцать въ томъ совершенно мизерномъ и голенькомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется Рязанову. Но уже и неопредѣленныхъ догадокъ Щетинина достаточно для того, чтобы вогнать его въ лихорадочное состояніе, при которомъ онъ и говоритъ, и ходитъ, и смѣется совершенно неестественнымъ образомъ, какъ будто-бы все это дѣлается у него совсѣмъ не по собственному желанію, а по какому-то посторонненy заказу. Рязановъ все это видитъ и, съ неумолимостью искренняго и цѣльнаго человѣка, разными хладнокровными репликами и замѣчаніями на каждомъ шагу даетъ чувствовать своему собесѣднику, что всѣ его слова и движенія не клонятся ни къ чему и появляются на свѣтъ неизвѣстно зачѣмъ. Такъ напримѣръ, Щетининъ, послѣ первыхъ объятій, начинаетъ упрекать Рязанова въ томъ, что тотъ не писалъ къ нему. Рязановъ очень хорошо понимаетъ, что эти упреки дѣлаются для разговорца, и что Щетинину на самомъ дѣлѣ вовсе даже и не хотѣлось получать отъ него писемъ. Поэтому на кислосладко-любезный вопросъ: «и не стыдно?» Рязановъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, братъ, не стыдно. Да что толку писать? Нынче эту манеру бросаютъ совсѣмъ.» Щетининъ пробуетъ изъ дружески-сантиментальнаго тона перейдти въ дружески-шутливый, и снова беретъ такую ноту, въ которой звучатъ фальшь и пустота. «Эхъ ты!—говоритъ онъ,—а еще сочинитель называешься.»—Шутка натянута и поэтому никуда не годится. Рязановъ тотчасъ и обнаруживаетъ эту натянутость. «Такъ что-жъ, что сочинитель? Что-жъ мнѣ для тебя письма что-ли сочинять?» Щетининъ желаетъ поправиться и продолжаетъ говорить ненужныя слова, которыхъ ненужность немедленно разоблачается. Наконецъ, въ крайнемъ смущеніи, онъ объявляетъ, что путается въ словахъ отъ радости, причиненной ему свиданіемъ. И разумѣется вретъ, потому что на самомъ дѣлѣ онъ почти совсѣмъ

не радъ, и во всемъ его поведеніи нѣтъ ничего кромѣ условныхъ знаковъ радости, изображаемой неизвѣстно для чего. Еслибы на мѣстѣ Рязанова былъ другой Щетининъ, то, услышавъ извѣстіе о причинѣ путаницы и зная навѣрное ложность этого показанія, этотъ другой Щетининъ все-таки счелъ-бы своей обязанностью прижать чувствительнаго друга къ груди своей или по крайней мѣрѣ крѣпко стиснуть его руку и взглянуть на него сладостными глазами. Но Рязановъ, какъ безчувственный скотъ, только ворочается на диванѣ, и на просьбу друга извинить его радостное замѣшательство отвѣчаетъ спокойно. «Ничего. Это даже хорошо, что ты путаешься».—То есть: галопируй, корова, на тебя смотрѣть забавно.—Можно сказать навѣрное, что въ эту минуту въ душѣ радующагося Щетинина проползло что-то похожее на ненависть къ тому другу, который посмотрѣлъ съ такимъ убійственнымъ спокойствіемъ на разсыпанные перлы его поддѣльныхъ чувствъ. Онъ задумался, потомъ, сказавши нѣсколько загадочныхъ плоскостей, началъ ходить по комнатѣ и наконецъ пустилъ новую демонстрацію нѣжности: «нѣтъ, вѣдь я тебѣ радъ, очень радъ!», точно будто-бы ему приходилось отвѣчать внутреннему голосу, который говорилъ ему: ты совсѣмъ не радъ. Но чтобы перлы дружескіе не остались не подобранными и на этотъ разъ, Щетининъ торопится насильно всунуть ихъ въ руки Рязанова. Производится крѣпкое пожатіе рязановской руки, и Щетининъ становится спокойнѣе, потому что такимъ образомъ нѣжная демонстрація получаетъ по крайней мѣрѣ внѣшній видъ приличной обоюдности.

III.

Если Щетининъ очень милъ, когда разсуждаетъ о пріятностяхъ погоды и дружелюбія, то безъ сомнѣнія онъ становится вдесятеро милѣе, когда заводитъ рѣчь о предметахъ возвышенныхъ и мудреныхъ. Рязановъ спрашиваетъ у него мимоходомъ: «а дѣти есть у тебя?» Вопросъ, кажется, очень невинный, но Щетининъ находитъ удобнымъ распространиться по этому поводу насчетъ родительскихъ обязанностей. Оказывается, что обзаводиться дѣтьми позволительно только тогда, когда для нихъ кое-что заготовлено. Рязановъ этого мнѣнія нисколько не оспариваетъ и спрашиваетъ очень добродушно: «успѣшно-ли идетъ заготовка?» Щетининъ, чувствующій въ присутствіи Рязанова хроническое смущеніе, сначала замѣчаетъ, что нельзя не копить, а вслѣдъ затѣмъ начинаетъ въ чемъ-то оправдываться: «понимаю, понимаю,—говоритъ онъ;—да только вовсе я не такой человѣкъ, какъ ты думаешь».—Хотя Рязановъ ни однимъ своимъ словомъ не выразилъ того, что считаетъ Щетинина за какого-то особеннаго человѣка, однако онъ ему не противорѣчитъ и даже изъявляетъ полное согласіе выслушать отъ самого Щетинина, какой-же онъ именно человѣкъ. Щетининъ приступаетъ къ дѣлу очень храбро. «А вотъ я какой человѣкъ... Я человѣкъ...» Но тѣмъ все объясненіе и кончается. «Да нѣтъ,—продолжаетъ Щетининъ гораздо скромнѣе,—я не могу о себѣ говорить. Чортъ знаетъ, я какъ-то не умѣю.» Рязановъ молчитъ. Тогда Щетининъ вызывается разсказать ему, что онъ дѣлалъ въ деревнѣ. Рязановъ на все согласенъ. Разсказъ оказывается очень несложнымъ. Все дѣло въ томъ, что Щетининъ подарилъ крестьянамъ землю, которой они владѣли, а крестьяне, подозрѣвая въ этомъ подвигѣ братолюбія какую-нибудь военную хитрость, не хотѣли брать подарокъ, но потомъ, склонившись на увѣщанія посредника, взяли землю и подписали уставную грамоту. Слушая этотъ трогательный разсказъ, Рязановъ, по настоящему, долженъ былъ-бы умилиться надъ безкорыстіемъ и великодушіемъ своего либеральнаго друга. Но Рязановъ, къ удивленію чувствительнаго читателя, выслушалъ все повѣствованіе съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и потомъ произнесъ слѣдующія убійственныя слова. «Ну, такимъ манеромъ, стало быть, ты совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное?»—Я называю эти слова убійственными, потому что въ нихъ заключается для Щетинина и для всѣхъ подобныхъ ему, осѣдланныхъ коровъ вообще, страшная правда. Самое лучшее, что̀ могутъ сдѣлать эти люди, имѣетъ чисто отрицательное значеніе и состоитъ въ томъ, что они отказываются отъ права парализировать чужую дѣятельность и отравлять лишними заботами чужое существованіе. Отнявши у себя возможность вредить другимъ или по крайней мѣрѣ ослабивъ эту возможность, эти люди дѣйствительно могутъ умереть совершенно спокойно, не огорчая и не волнуя себя той мучительной мыслью, что они оставляютъ на землѣ какое-нибудь недовершенное дѣло, что жизнь ихъ еще нужна ихъ согражданамъ, и что смерть ихъ причинитъ обществу какой-нибудь, хотя-бы даже микроскопическій убытокъ. Обезпечивъ за своими крестьянами средства питаться, при самомъ напряженномъ трудѣ, чернымъ хлѣбомъ, лукомъ и квасомъ, Щетининъ дѣйствительно совершилъ въ предѣлѣ земномъ все земное. Но, къ счастію для самого себя, Щетининъ неспособенъ понять, какое глубокое значенье заключается въ словахъ Рязанова; вслѣдствіе этого Щетининъ принимаетъ эти слова за одну изъ обыкновенныхъ шутливыхъ выходокъ Рязанова и отвѣчаетъ очень весело: «Какое? Нѣтъ, братъ, это еще только начало».—Рязановъ съ очень естественной недовѣрчивостью спрашиваетъ: «а еще-то что-же?»—потому что дѣйствительно что́-же еще можетъ сдѣлать Щетининъ, когда земля уже подарена?—Оказывается, что *тутъ*-

то вотъ и начинается настоящее дѣло,— и притомъ, какое дѣло!—«*Соціальное, любезный другъ, соціальное*».—Услышавъ отъ своего либеральнаго друга такое мудреное слово, Рязановъ уже прямо начинаетъ надъ нимъ смѣяться, такъ точно, какъ засмѣялся-бы надъ Хлестаковымъ обитатель Петербурга, которому случилось-бы присутствовать при разсказѣ о балахъ и обѣдахъ испанскаго посланника.— «Ничего я противузаконнаго не затѣваю,—продолжаетъ Щетининъ,—никакихъ я теорій не провожу, я дѣлаю только то, что всякій изъ насъ обязанъ дѣлать.»—Приступъ очень недуренъ. Во-первыхъ, выражено полное уваженіе къ закону; во-вторыхъ, заявлено столь-же полное недовѣріе къ неосновательнымъ теоріямъ; въ-третьихъ, обнаружено сознаніе гражданскихъ обязанностей, лежащихъ на каждомъ изъ насъ. Словомъ, все было-бы превосходно, еслибы только Щетининъ съумѣлъ повести эту рѣчь дальше, приставляя одинъ округленный періодъ къ другому и тщательно наблюдая за тѣмъ, чтобы во всѣхъ этихъ періодахъ не выразилось ни одной, сколько-нибудь опредѣленной, идеи. Но я уже замѣтилъ въ самомъ началѣ этой статьи, что въ одно десятилѣтіе невозможно сформировать такихъ либераловъ, которые были-бы посвящены во всѣ тайны европейскаго шарлатанства. Кромѣ того надо принять въ соображеніе, что Рязановъ—не такая публика, передъ которой было-бы особенно удобно изливать чувствительныя фразы, незаключающія въ себѣ осязательнаго смысла. Сознавая свое печальное положеніе, Щетининъ умолкаетъ и съ горя начинаетъ царапать клеенку на диванѣ,— чего никогда не дѣлалъ покойникъ Пальмерстонъ и чего не дѣлаютъ въ настоящее время ни Россель, ни Гладстонъ, когда имъ приходится говорить публично о красотахъ англійской конституціи и о непомѣрномъ благосостояніи англійскаго пролетарія.—Хотя Щетинину еще далеко до великихъ западныхъ образцовъ, однако же и онъ не сразу признаетъ себя побѣжденнымъ, и дѣлаетъ еще нѣсколько попытокъ озадачить Рязанова балами и обѣдами испанскаго посланника. «Прежде всего,—говоритъ онъ,—ты долженъ согласиться съ тѣмъ, что всякое общественное дѣло тогда только можетъ быть прочно, когда оно основано на чисто-народныхъ началахъ.»—Рязановъ, по добротѣ души своей, соглашается безпрекословно. «Пока народъ не подалъ своего голоса,—продолжаетъ Щетининъ,— пока онъ молчитъ и только слушаетъ,—никакая пропаганда не поведетъ ни къ чему.»— Такъ какъ Рязановъ никогда не предлагалъ Щетинину сдѣлаться миссіонеромъ какой-бы то ни было, умной или глупой, идеи, то, сохраняя строго-выжидательное положеніе, Рязановъ спрашиваетъ только: «ну, такъ что-жъ?»—Эта сдержанность Рязанова окончательно губитъ его либеральнаго собесѣдника. Вздумай Рязановъ возражать, Щетининъ тотчасъ воспрянулъ-бы, и безконечная трескотня словъ благополучно устранила-бы вопросъ о томъ, чѣмъ занимался юный землевладѣлецъ въ деревнѣ, и можетъ-ли онъ вообще совершить въ предѣлѣ земномъ еще хоть что-нибудь путное. Но Рязановъ только соглашается и ждетъ; поэтому Щетининъ принужденъ приступить къ дѣлу, котораго, къ сожалѣнію, не оказывается въ наличности. «А то,—говоритъ онъ,—что слѣдовательно мы должны всѣ наши силы направить на то»... Но на что́ именно господа Щетинины должны направить всѣ свои силы, и какія такія силы у нихъ имѣются— этого мы конечно не узнаемъ никогда, потому что этого не знаетъ и самъ ораторъ, который, въ своемъ отчаяніи, прерываетъ свою возвышенную рѣчь самой неуклюжей диверсіей, совершенно равносильной смиренной мольбѣ о пощадѣ. «Да ты можетъ-быть спать хочешь?» спрашиваетъ Щетининъ, рѣшительно не зная, на какое *то* должны быть направлены всѣ силы господъ Щетининыхъ. Рязановъ конечно достаточно насмотрѣлся въ Петербургѣ на милыхъ людей, царапающихъ клеенку и направляющихъ на какое-нибудь непонятное и неизвѣстное имъ *то* всѣ свои несуществующія силы. Потому онъ отпускаетъ щетининскую душу на покаяніе и произноситъ великодушно: «да, братъ, хочу».— Щетининъ оправляется и придаетъ своему отступленію приличный видъ, выражая надежду, что они еще успѣютъ обо всемъ переговорить.— Рязанову въ скоромъ времени удалось познакомиться довольно близко съ щетининскими *мы* и съ *нашими силами*, которыя всѣ должны быть направлены на *то*.

Дѣйствіе происходитъ въ городѣ, въ бывшемъ дворянскомъ, а нынѣ *соединенномъ* клубѣ всѣхъ сословій, во время мирового съѣзда, засѣдающаго въ одной изъ комнатъ того-же клуба.

Картина первая: *Наши силы* направляются.

«— Какъ поживаете? говорилъ Щетининъ, раскланиваясь съ другимъ, только что вышедшимъ изъ буфета, помѣщикомъ.

— Вотъ какъ видите, отвѣчалъ тотъ.—Закусываемъ. Какъ-же намъ еще поживать? Ха, ха, ха! Вотъ съ Иванъ Павлычемъ ужъ по третьей прошлись! Да, чортъ, ихъ не дождешься, говорилъ онъ, указывая на посредниковъ.—Господа, что-же это такое наконецъ? Скоро-ли вы опростаетесь! Въ буфетѣ всю водку выпили, ужъ за хересъ принялись.

— Да велите накрывать, заговорили другіе.

— Столъ нуженъ.

— Господа, тащите ихъ отъ стола!

— Эй, человѣкъ, подай, братецъ, ведро воды, мы ихъ водой разольемъ. Одно средство.

— Ха, ха, ха!

— Нѣтъ, серьезно, господа. Ну, что это за гадость! Всѣ ѣсть хотятъ. Кого вы хотите удивить?

— Что тутъ еще разговаривать съ ними! Господа, вставайте! Засѣданіе кончилось. Дѣла къ чорту! Гоните мужиковъ! Эй, вы, пошли вонъ!

Такимъ образомъ кончилось засѣданіе. Посредники, съ озабоченными и утомленными лицами, складывали дѣла, снимали цѣпи, потягивались и уходили въ буфетъ.»

И послѣ этого есть еще люди, осмѣливающіеся говорить, что у *насъ* нѣтъ инициативы!

Картина вторая: *Наши силы* направлены.

«Черезъ часъ послѣ обѣда дворяне ходили по комнатамъ, какъ во снѣ: всѣ что-то говорили другъ другу, кричали, пили и требовали все шампанскаго и шампанскаго... Въ одной комнатѣ хоромъ пѣли какую-то пѣсню, но потомъ образовалось два хора, такъ что ужъ никто ничего не могъ разобрать, никто никого не слушалъ. .

— Кубокъ янтарный .

— Чтобы солнцемъ не пекло...

— Полонъ давно...

— Чтобы сало не текло...

— Господа, это подлость!... Ура-а! Шампанскаго!... Пей, пей, пей!... Позвольте вамъ сказать.. Чтобы солнцемъ... Поди къ чорту... Ура! Шампанскаго!...

— Во-о-дки! вдругъ заоралъ кто-то отчаяннымъ голосомъ.

Въ другой комнатѣ сидѣлъ судья на креслѣ, а прочіе стояли. Судья произносилъ какія-то слова, а хоръ повторялъ ихъ. Два посредника держали подъ руки купца Стратонова и заставляли его кланяться судьѣ. Купецъ кланялся въ ноги и просилъ ручку. Судья накрывалъ его полою своего сюртука и произносилъ какія-то слова; хоръ подхватывалъ; третій посредникъ махалъ цѣпью.

Щетининъ съ Рязановымъ вышли на крыльцо. Смеркалось. У воротъ клуба ихъ уже дожидался запряженный тарантасъ. На дворѣ видно было, какъ одинъ помѣщикъ стоялъ упершись въ стѣну лбомъ и мучительно расплачивался за обѣдъ.»

Тотчасъ послѣ этой панорамы *нашихъ силъ* Рязановъ имѣлъ неслыханную жестокость напомнить либеральному другу въ самомъ безобидномъ тонѣ о томъ разговорѣ, который остался недоконченнымъ по случаю отхода собесѣдниковъ ко сну.

— «Что ты такое началъ разсказывать, когда я пріѣхалъ. помнишь? — про какое-то соціальное дѣло, спросилъ Рязановъ своего товарища, когда они выѣхали въ поле.»

Щетининъ могъ-бы очень резонно отвѣтить своему другу, что Римъ не въ одинъ день построился; что необходимо мѣшать пріятное съ полезнымъ; что пѣсни, пропѣтыя хоромъ, принадлежатъ къ области чистаго искусства, которое, какъ доказалъ Антоновичъ, разгоняетъ мрачныя мысли, ослабляетъ своекорыстные инстинкты и обуздываетъ неестественные порывы; что впрочемъ *мы* вообще не созрѣли; что наши молодыя силы бродятъ и кипятъ; что свѣтлое вино творится изъ мутнаго броженія; и что вслѣдствіе этого даже тотъ господинъ, который *мучительно расплачивался за обѣдъ*, можетъ еще со временемъ сдѣлаться всякихъ соціальныхъ дѣлъ мастеромъ. Словомъ, Щетинину представлялся отличный случай наговорить три короба разныхъ либеральныхъ безсмыслицъ; но неопытность Щетинина была слишкомъ велика, и блестящая панорама *нашихъ силъ* подѣйствовала на него слишкомъ подавляющимъ образомъ. Онъ даже не попробовалъ барахтаться и на ядовитый вопросъ товарища отвѣтилъ самымъ покорнымъ и болѣзненнымъ стономъ, въ которомъ слышалось и *пардонъ*, и *караулъ*: — «Нѣтъ, оставь это,— прошу я тебя: сдѣлай милость, оставь, — отвѣтилъ Щетининъ». Корова начинаетъ признаваться, что сѣдло сильно намозолило ей спину.

IV.

На другой день послѣ пріѣзда Рязанова къ Щетинину разыгрывается одна изъ самыхъ обыкновенныхъ деревенскихъ сценъ. Мужицкая телушка забрела въ барскій хлѣбъ; ее поймали и заманили на барскій дворъ; мужикъ приходитъ къ Щетинину, проситъ объ ея освобожденіи; Щетининъ требуетъ установленнаго штрафа. Разговоръ между мужикомъ и Щетининымъ происходитъ въ присутствіи Рязанова и Марьи Николаевны. За нѣсколько секундъ до начала этого разговора Щетининъ усердно рисовался передъ Рязановымъ трудностями своей общественной дѣятельности.

«Поживи-ка, братъ, здѣсь, — говорилъ онъ, — да погляди на насъ, чернорабочихъ, какъ мы тутъ съ сырымъ матеріаломъ управляемся». — «Вотъ ты тогда и увидишь, — говорилъ онъ далѣе, — что мы должны, мало того, что помогать имъ, но еще убѣждать и упрашивать, чтобы они намъ позволили имъ-же быть полезными.» — Слова Щетинина тотчасъ находятъ себѣ блистательное оправданіе. Кусокъ сырого матеріала вваливается къ нему въ переднюю и становится передъ нимъ на колѣни. Чернорабочій Щетининъ приходитъ въ негодованіе и настоятельно требуетъ отъ мужика, чтобы онъ уважалъ въ себѣ свое человѣческое достоинство. Мужикъ согласенъ уважать, лишь-бы только ему отдали его телушку, не взыскивая съ него штрафа. Щетининъ начинаетъ убѣждать и упрашивать мужика, чтобы онъ ему позволилъ быть полезнымъ сырому матеріалу. — «Ну, слушай! — говоритъ Щетининъ. — Пойми, что мнѣ твоихъ денегъ не нужно; я отъ этого не разбогатѣю! Я беру съ тебя штрафъ для твоей-же пользы, для того, чтобы ты былъ впередъ осмотрительнѣе, зря не распускалъ-бы скотины. Сами-же вы благодарить будете, что васъ уму-разуму учатъ.» Возмущаясь мужицкими колѣнопреклоненіями, какъ поруганіемъ человѣческаго достоинства, Щетининъ въ то-же время самъ требуетъ отъ мужика умственнаго раболѣпства, гораздо болѣе вреднаго, опаснаго и унизительнаго, чѣмъ всевозможныя колѣнопреклоненія. Въ старину бывали такіе воспитатели, которые заставляли ребенка нюхать розгу и спрашивали у него, чѣмъ пахнетъ? Ребенокъ долженъ былъ отвѣчать: «умомъ».

И, разумѣется, ребенокъ отвѣчалъ именно такимъ образомъ, потому что зналъ заранѣе, чего отъ него требуютъ, и чему онъ можетъ подвергнуться въ случаѣ своего нежеланія дать формальный отвѣтъ, намекающій на спасительныя свойства тѣлеснаго наказанія. Щетининъ поступаетъ съ мужикомъ точь-въ-точь такъ, какъ поступали съ ребенкомъ старинные воспитатели, которые по крайней мѣрѣ были совершенно послѣдовательны, то есть ни мало не заботились о человѣческомъ достоинствѣ и очень благосклонно смотрѣли на колѣнопреклоненія ребенка, желающаго изъявленіями покорности избавить себя отъ приближающейся розги. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны нѣтъ никакой возможности предполагать, что мужикъ убѣдится аргументаціей Щетинина; а съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что мужикъ во всемъ будетъ поддакивать Щетинину, чтобы обезоружить его своимъ смиреніемъ. Всѣ слова Щетинина мужикъ только и можетъ понимать въ томъ смыслѣ, что барину желательно видѣть мужицкую покорность, которая должна проявляться не въ цѣлованіи барскихъ ручекъ, а въ скромномъ и почтительномъ выслушиваніи безтолковыхъ барскихъ рѣчей. Мужикъ конечно готовъ принять на себя и эту эпитимію, такъ точно, какъ онъ готовъ былъ валяться въ ногахъ и обливаться слезами. Но мужикъ очевидно долженъ считать себя обманутымъ и обиженнымъ, когда онъ видитъ, что перенесенная эпитимія не вмѣняется ему ни во что, и что вся его покорность не уменьшаетъ требуемаго штрафа ни на одну полушку. Какъ было два рубля десять копѣекъ, такъ и осталось два рубля десять копѣекъ. А что баринъ заставлялъ его нюхать розги и хвалить ихъ превосходный запахъ — это все составляетъ вторую шкуру, содранную съ вола вопреки здравому смыслу и буквѣ закона. Чего хотѣлъ Щетининъ отъ мужика? Могъ-ли онъ надѣяться на то, что мужикъ пойметъ и прочувствуетъ его разсужденія?

Конечно человѣческимъ надеждамъ законъ не писанъ, но еслибы Щетининъ потрудился самъ обдумать смыслъ своихъ словъ, то онъ увидѣлъ-бы немедленно, что, обращаясь съ ними къ мужику, онъ предполагаетъ въ своемъ собесѣдникѣ знаніе такихъ вещей, о которыхъ тотъ не можетъ имѣть никакого понятія. Щетининъ говоритъ мужику: «мнѣ твоихъ денегъ не нужно.» — «Чудесно, думаетъ мужикъ. А мнѣ мои деньги нужны. Значитъ, онѣ при мнѣ и останутся.» — Но тутъ Щетининъ объясняетъ далѣе: «я беру съ тебя штрафъ для твоей-же пользы». – «Вотъ тебѣ разъ! думаетъ мужикъ. Да какое тебѣ дѣло до моей пользы? И съ какихъ это поръ тебѣ припала охота думать о моей пользѣ? Такъ я тебѣ сейчасъ взялъ и повѣрилъ!» Эти вопросы, въ той или другой формѣ, непремѣнно должны промелькнуть въ умѣ мужика въ то самое время, когда онъ отвѣчаетъ Щетинину умиленнымъ голосомъ: — «И такъ много довольны, батюшка, Ликсанъ Васильичъ. Благодаримъ покорно!» — И на эти вопросы, очень невыгодные для Щетинина, мужикъ не можетъ найдти въ своей головѣ такіе отвѣты, которые могли-бы доказать ему, что Щетинину дѣйствительно есть дѣло до его пользы. Чтобы рѣшить вопросы въ этомъ смыслѣ, мужику надо знать, что въ западной Европѣ происходили обширныя народныя движенія, что надъ этими движеніями принуждены были задуматься высшіе классы общества, что это раздумье породило цѣлыя отрасли литературы, что новыя идеи залетѣли наконецъ въ Петербургъ, что къ этимъ новымъ идеямъ прислушался Ликсанъ Васильичъ, и что вслѣдствіе этого у Ликсана Васильича явилось стремленіе заботиться о мужицкой пользѣ. Ничего этого мужикъ не можетъ знать, и поэтому въ словахъ Щетинина онъ не можетъ видѣть ровно ничего, кромѣ самаго безсовѣстнаго и топорнаго лицемѣрія, которое онъ, мужикъ, по зависимости своего положенія, обязанъ принимать за чистѣйшее великодушіе. Можно сказать навѣрное, что, выслушавъ медовыя рѣчи Щетинина съ горькимъ заключеніемъ: «подавай 2 р. 10 к.», мужикъ унесетъ съ собою болѣе непріязненное чувство, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда Щетининъ прямо и рѣзко отвѣтилъ-бы ему на первую его просьбу: пошелъ вонъ! неси деньги! — Тутъ дѣло шло-бы на чистоту, и мужикъ не видѣлъ-бы того, что принимаетъ за обманъ и что дѣйствительно должно казаться шарлатанствомъ даже и всякому другому, болѣе развитому и знающему человѣку. Щетининъ говоритъ, что онъ не разбогатѣетъ отъ 2 р. 10 к. Это вѣрно. Онъ дѣйствительно беретъ штрафъ не за тѣмъ, чтобы обогатиться. Штрафы совсѣмъ не для того и установлены, чтобы обогащать людей, потерпѣвшихъ убытокъ отъ потравы. Но и не для того также они установлены и взыскиваются, чтобы приносить пользу мужикамъ, распускающимъ скотину. Штрафы не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого педагогическаго значенія. Взыскивая съ мужика деньги, Щетининъ конечно думаетъ про себя: «нѣтъ, братъ, шалишь! Попробуй-ка я дать тебѣ поблажку, такъ вы у меня всѣ поля до чиста вытравите.» — Размышляя такимъ образомъ, Щетининъ опредѣляетъ очень вѣрно цѣль и смыслъ штрафовъ, которые, вмѣстѣ со многими другими видами взысканія, существуютъ единственно для того, чтобы ограждать собственность отъ разныхъ умышленныхъ и неумышленныхъ поврежденій. Люди смѣлые и неизуродованные прививными идеями выражаютъ прямо и откровенно тѣ размышленія, которыя Щетининъ, какъ робкая и безотвѣтная жертва либерализма,

старается утаить даже отъ самого себя, несмотря на то, что всѣ его дѣйствія обусловливаются именно одними этими размышленіями. Тѣ жалкія плоскости, которыя Щетининъ говоритъ о мужицкой пользѣ и объ ученіи уму-разуму, конечно никого не обморочатъ, и всего менѣе способны обмануть мужика, который, какъ я объяснилъ выше, застрахованъ отъ этого обмана именно своимъ круглымъ невѣжествомъ. Мужикъ своимъ простымъ отвѣтомъ: «*и такъ много довольны*», опрокидываетъ всю щетининскую галиматью. Дѣйствительно, мужики имѣютъ полное право сказать, что ихъ и такъ ужъ черезчуръ много учили со всѣхъ сторонъ уму-разуму; если это ученіе принесло мало пользы, то это доказываетъ ясно, что всякая дидактическая система несостоятельна, и что по этой системѣ сколько ни учи, все ничему не выучишь. Еслибы существовала какая нибудь возможность развить въ безправномъ человѣкѣ чувство законности посредствомъ взысканій, то мужики наши давнымъ-давно сравнялись-бы въ этомъ отношеніи съ самыми просвѣщенными націями земного шара. Неужто въ самомъ дѣлѣ съ нашихъ мужиковъ до сихъ поръ мало взыскивали? Неужели до сихъ поръ позволяли безнаказанно нарушать ихъ обязанности? Неужели до сихъ поръ всѣ желающіе могли свободно уклоняться отъ платежа подушныхъ податей, отъ несенія рекрутской повинности, отъ барщины, отъ оброка и отъ всякихъ другихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей? Ничего подобнаго, разумѣется, никогда не было и не могло быть. Если-же взысканія всегда были очень строги, если послабленій никакихъ не давалось, то очевидно слабое развитіе чувства законности обусловливается у нашихъ мужиковъ не недостаточностью взысканій, а именно тѣмъ низкимъ уровнемъ нравственнаго развитія, которое составляло общій удѣлъ всѣхъ неимущихъ классовъ нашего общества. Значитъ, какіе штрафы ни берите съ мужика, ничего вы въ немъ не разовьете, кромѣ бѣдности и ожесточенія. Въ какомъ направленіи должно дѣйствовать на умъ и чувства мужика денежное взысканіе, это мы видимъ изъ разговора между тѣмъ-же самымъ обладателемъ телушки и щетининскимъ конторщикомъ, Иваномъ Степанычемъ.—«Ну, теперь позвольте,—говоритъ мужикъ,— такъ будемъ говорить: ваша скотина зашла ко мнѣ въ огородъ.—Ну и загоняй ее!—отвѣчаетъ Иванъ Степанычъ.—Загнать недолго, да на что-жъ такъ-то?—Какъ на что? Баринъ штрафъ заплатитъ.—Ну, это тягайся тамъ съ вами еще! А незамай-же, я ей ноги переломаю, она лучше ходить не станетъ.—Вотъ ты поговори еще!—Право слово, переломаю. Что въ самомъ дѣлѣ?»

Видите, куда дѣло-то пошло? Въ мужикѣ начинаютъ шевелиться самыя противуобщественныя и воинственныя стремленія, пробужденныя той самой мѣрой, которая, по доктринѣ Щетинина, должна была образумить и гуманизировать грубаго земледѣльца. Переломаетъ онъ ноги барской скотинѣ; изъ этого, разумѣется, завяжется дѣло, гораздо болѣе важное, чѣмъ дѣло о потравѣ, и мужика накажутъ строго, какъ буйнаго и дерзкаго человѣка. И либералы, подобные Щетинину, по своей глупости или по своей подлости, будутъ возлагать на это наказаніе разныя розовыя надежды и будутъ говорить разоренному или отодранному мужику, что его разорили или отодрали для его пользы, единственно и исключительно для его собственной пользы. Но добродушный Иванъ Степанычъ смотритъ на дѣло гораздо проще и высказываетъ свои мысли безъ малѣйшей утайки. «То есть, я вамъ скажу,—говоритъ онъ тутъ-же, при мужикѣ, обращаясь къ Рязанову,—тутъ какую нужно дубину!»—Вотъ оно, великое-то слово, рѣшающее задачу!—Такъ или иначе, прямыми или косвенными путями, съ тонкими деликатностями или безъ оныхъ, всѣ сантиментально лживые либералы, подобные Щетинину, приходятъ все-таки въ концѣ концовъ къ воздыханію о дубинѣ, которая впрочемъ составляетъ попрежнему послѣднюю и высшую санкцію щетининскаго авторитета. Мужикъ говоритъ: «*тягайся тамъ съ вами еще!*» Мужикъ плохо вѣритъ въ возможность отстоять свое право въ судѣ. Ошибается-ли онъ въ этомъ случаѣ? Уже самый фактъ его недовѣрчивости свидѣтельствуетъ достаточно о тѣхъ урокахъ, которые давало прошедшее ему, его родственникамъ и всѣмъ его предкамъ. Недовѣрчивость выработалась изъ традиціи, а традиція составилась изъ опытовъ жизни Прекратилось-ли по крайней мѣрѣ теперь существованіе тѣхъ причинъ, которыя породили эту недовѣрчивость? Въ каждомъ почти номерѣ газетъ можно найдти такіе эпизоды, въ которыхъ эти причины продолжаютъ дѣйствовать. Въ той-же повѣсти Слѣпцова разсказывается одинъ крошечный случай, который по своей ничтожности не могъ-бы попасть ни въ какія газеты, который однако совершенно оправдываетъ мужицкую недовѣрчивость. Волостной старшина говоритъ съ посредникомъ.

«— А вотъ, повѣствуетъ старшина,—я забылъ вашей милости доложить: батюшка тутъ приходилъ съ садовникомъ У нихъ опять эти пустяки вышли

— Какіе пустяки?

— Изъ телятъ. Зашли батюшкины телята къ садовнику въ огородъ; садовникъ ихъ засталъ, стало быть, это на дворъ заперъ. Батюшка, значитъ, сейчасъ приходитъ, такъ и такъ, какъ ты могъ полковничьихъ телятъ загонять?

— Какихъ полковничьихъ телятъ?

— Да то есть это батюшкиныхъ-то. Онъ такъ считаетъ, что, молъ, полковникъ я.

— Да.

— Ну, теперь это теща его выскочила, телятъ обыкновенно угнали...

— Ну, что-же?

— Кто ихъ разберетъ? Садовникъ жалится: онъ, говоритъ, у меня на шесть цѣлковыхъ овощей помялъ, а батюшка теперь за безчестіе съ него то есть требуетъ пятнадцать что-ли-то.

— Пятнадцать цѣлковыхъ, подтверждаетъ писарь.

— За какое-же безчестіе?

— Ну, тещу его, слышь, обидѣлъ.

— Какъ-же онъ ее обидѣлъ?

— Слюнявой что-ли назвалъ. Ужъ Богъ его знаетъ. Слюнявая, говоритъ, ты, смѣясь объясняетъ старшина.—Ну, а батюшка говоритъ: мнѣ, говоритъ, это оченно обидно. Пятнадцать цѣлковыхъ теперь и требуетъ.

Посредникъ тоже засмѣялся; даже писарь хихикнулъ себѣ въ горсть.

— Ну, это я послѣ разберу, вставая, говоритъ посредникъ.—А теперь, братъ, вотъ что: вели-ка ты мнѣ лошадокъ привести.

— Готовы-съ.»

Весь этотъ веселый разговоръ очень замѣчателенъ. Происшествіе кажется старшинѣ до такой степени мелкимъ, что онъ даже едва не забылъ доложить о немъ посреднику; далѣе онъ называетъ этотъ случай *пустяками*, потомъ говоритъ, что телятъ *обыкновенно* угнали, и посредникъ, услышавъ объ этомъ совершенно противузаконномъ поступкѣ, спрашиваетъ: *ну, что же?* Значитъ, и посредникъ считаетъ это дѣло совершенно *обыкновеннымъ* и незаслуживающимъ дальнѣйшаго вниманія. Наконецъ вся исторія разрѣшается общимъ смѣхомъ, и посредникъ уѣзжаетъ, откладывая разбирательство дѣла до другого раза, вѣроятно потому, что изъ за такихъ пустяковъ не стоитъ себя задерживать. Теперь потрудитесь только себѣ вообразить, что вся эта исторія разыгралась въ обратномъ порядкѣ. Не *полковницкіе* телята зашли къ садовнику, а наоборотъ, садовницкіе телята зашли къ *полковнику. Полковникъ* загоняетъ ихъ. Садовникъ съ своей тещей идетъ на приступъ отбивать своихъ плѣнныхъ телятъ. Что-же изъ этого выходитъ? Прежде всего садовнику и его тещѣ накладываютъ въ шею домашними средствами. Потомъ ихъ обоихъ, какъ разбойниковъ, связываютъ, представляютъ въ волостной судъ. Старшина немедленно даетъ знать посреднику о томъ, что въ волости произошло необыкновенное буйство. Посредникъ пріѣзжаетъ и тотчасъ разсматриваетъ дѣло. Въ лучшемъ случаѣ садовникъ и его теща получаютъ достаточную порцію розогъ и выплачиваютъ *полковнику* значительное денежное вознагражденіе. Въ худшемъ случаѣ дѣло доходитъ до уголовнаго суда, садовникъ и его теща отправляются въ острогъ, а впослѣдствіи быть-можетъ и на поселеніе. Теперь возьмите опять исторію въ томъ видѣ, въ какомъ она разсказана у Слѣпцова, и представьте себѣ, что садовникъ вздумалъ сопротивляться, когда полковникъ съ тещей пришелъ отбивать у него телятъ. Происходитъ драка, въ которой садовникъ играетъ оборонительную роль. При всемъ томъ садовникъ оказывается виноватымъ и подвергается строгому наказанію за непочтительное обращеніе съ чиновными особами. Послѣ этого, спрашиваю я васъ, что-же остается дѣлать мужику и всякому другому чиновнику 15-го класса? Имѣютъ-ли люди дѣйствительное основаніе относиться недовѣрчиво къ судебнымъ разбирательствамъ? Объясняется-ли наклонность этихъ людей къ самоуправству ихъ собственной порочностью, или-же она находится въ зависимости отъ какихъ-нибудь другихъ внѣшнихъ, т. е. общественныхъ условій? Предложивши читателю призадуматься надъ этими вопросами, я возвращаюсь теперь къ разговору Щетинина съ хозяиномъ арестованной телушки. Въ этомъ разговорѣ Щетининъ унижается наконецъ до явной и наглой лжи. Такъ какъ мужикъ продолжаетъ упрашивать пропріэтера и никакъ не хочетъ понять, что наказаніе составляетъ *неотъемлемое право* преступника,—право, которое преступникъ никому не долженъ уступать ни за какія блага, то Щетининъ говоритъ наконецъ мужику:

«— Законъ, понимаешь? законъ.»—Мужикъ, разумѣется, отвѣчаетъ: «*слушаю-съ*», что̀ онъ отвѣтилъ-бы и въ томъ случаѣ, когда-бы его назвали осломъ или дуракомъ.—«*Такъ что-жъ я могу сдѣлать, а? Ну?*» спрашиваетъ Щетининъ. Видите, какъ это мило! Щетининъ представляетъ мужику дѣло въ такомъ видѣ, что законъ *обязываетъ* его, Щетинина, брать установленный штрафъ и *строго запрещаетъ* ему подарить мужику 2 р. 10 к. с. Онъ-бы, изволите видѣть, и радъ былъ не взять ничего и оказать благодѣяніе, но тогда онъ самъ сдѣлается преступникомъ и подвергнетъ себя законному наказанію. Изъ своего разговора съ Щетининымъ мужикъ долженъ, стало быть, вывести то заключеніе, что въ Россіи существуютъ такіе законы, которые запрещаютъ одному человѣку дарить свои собственныя деньги другому человѣку. И вотъ какимъ образомъ Щетининъ воспитываетъ въ грубыхъ поселянахъ чувство законности. Вотъ какимъ образомъ «*мы, чернорабочіе, управляемся съ сырыми матеріалами*». Вотъ какимъ образомъ «*мы, мало того, что помогаемъ имъ, но еще убѣждаемъ и упрашиваемъ, чтобы они намъ позволили имъ-же быть полезными*», то есть налгать имъ въ глаза и вытащить изъ кармана два рубля десять копѣекъ.

V.

Въ тотъ-же день, за обѣдомъ, Щетининъ горько жалуется Марьѣ Николаевнѣ и Рязанову на неблагодарныхъ плотниковъ, которые за всю его щедрость и доброту заплатили ему тѣмъ, что, по своей лѣности и небрежности, испакостили ему лѣсу на пятьдесятъ рублей.

*

Марья Николаевна выслушиваетъ молча изліяніе огорченнаго хозяина. Рязановъ съ своей стороны не обнаруживаетъ никакого сочувствія и совершенно хладнокровно напоминаетъ Щетинину о тѣхъ законныхъ средствахъ, которыя онъ можетъ употребить противъ провинившихся работниковъ; онъ можетъ отправить ихъ, для надлежащаго вразумленія, къ становому; или же онъ можетъ черезъ посредника взыскать съ нихъ деньги за испорченный матеріалъ; имѣя въ рукахъ такія дѣйствительныя средства, Щетининъ очевидно не долженъ унывать и оплакивать свою горькую долю. Марья Николаевна, едва знакомая съ Рязановымъ, не понимаетъ того, къ чему направляется его тактика, и съ великодушнымъ негодованіемъ честной женщины вступается за работниковъ.

«— Но вѣдь они бѣдные, говоритъ она: – вы забываете... откуда-же они возьмутъ пятьдесятъ рублей?»

Рязановъ нисколько не смущается ея негодованіемъ и ведетъ свою аттаку дальше съ несокрушимымъ хладнокровіемъ.

«— Ежели, говоритъ онъ, наличныхъ денегъ не имѣютъ, то можетъ-быть окажется движимость, скотъ.

Негодованіе Марьи Николаевны конечно увеличивается. — «Ну, и..» спрашиваетъ она.

«— Продадутъ-съ, продолжаетъ Рязановъ добродушно и весело.—Что-жъ имъ въ зубы-то смотрѣть!

«— Да вѣдь это я не знаю, что такое... Это варварство!» Впослѣдствіи Марья Николаевна объявляетъ, что она въ эту минуту просто готова была убить Рязанова.

Противъ слова *варварство* Рязановъ ровно ничего не имѣетъ. Онъ отвѣчаетъ: «очень можетъ быть-съ».

«– Такъ какъ-же вы предлагаете такія средства?

— Я никакихъ средствъ не предлагаю, я только напоминаю.

— Что-же вы напоминаете?

— Я ему напоминаю его обязанности. Всякое право налагаетъ на человѣка извѣстныя обязанности. Пользуешься правомъ,—исполняй и обязанности.

— Какія обязанности? Вы ему напоминаете, что онъ можетъ, если захочетъ, злоупотреблять своимъ правомъ.

— Нисколько-съ. Напротивъ, я ему напоминаю только о томъ, какъ слѣдуетъ благопріобрѣтать, а злоупотребляетъ ужъ это онъ самъ.

— Развѣ это злоупотребленіе, если онъ прощаетъ этихъ плотниковъ?

— А вы какъ-же думали? Конечно злоупотребленіе (тутъ Рязановъ могъ-бы даже сослаться на самого Щетинина, который за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ тянулъ съ мужика штрафъ для того, чтобы не сдѣлать злоупотребленія и не погрѣшить предъ закономъ). Еслибы онъ одинъ только пользовался правомъ карать и миловать, тогда Богъ съ нимъ, пусть-бы его дѣлалъ, что хотѣлъ. Если ему Богъ далъ такую добрую душу, такъ что-жъ тутъ разговаривать. Хочешь идти по міру, ну, и ступай. Но вы не забывайте, что насъ много, что онъ, оставляя безнаказанными разныхъ мошенниковъ, поощряетъ ихъ на новыя мошенничества и подаетъ гибельный примѣръ. А отъ этого мы всѣ страдаемъ, онъ портитъ у насъ рабочія руки. Ну, хорошо еще, что я вотъ могу жить такъ, ничего не дѣлая; но еслибы я былъ рабочая рука, да я-бы... я-бы непремѣнно испортился. Я-бы сказалъ: а! такъ вотъ что! Стало быть, можно дѣлать все, что хочешь. Пошелъ-бы въ кабакъ, эй! братцы, рабочія руки, пойдемте наниматься въ работу! Сейчасъ пошли-бы мы, нанялись къ кому-нибудь садъ сажать; набрали-бы денегъ впередъ, потомъ взяли-бы насажали деревья корнями вверхъ, а дорожки всѣ взрыли-бы и ушли. Ищи насъ! Что-жъ, развѣ это хорошо?»

Щетинину очень не нравятся рязановскіе монологи. Онъ чувствуетъ, что все это клонится къ какому-то неудобному для него заключенію, хотя, по слабоумію своему, и не понимаетъ, къ какому именно.

«— Богъ тебя знаетъ, наконецъ сказалъ Щетининъ,—для чего ты все это говоришь.»

Но Рязанова нельзя ни запугать негодованіемъ, ни обезоружить смиренной мольбой. Онъ продолжаетъ разворачивать зондомъ глубокую рану своего истерзаннаго товарища.

«— А для того и говорю, поясняетъ онъ,—что не хочу тебя лишить дружескихъ совѣтовъ. Вижу я, что другъ мой колеблется, что ему угрожаетъ опасность, что онъ можетъ сдѣлаться жертвой собственной слабости, да и намъ всѣмъ напакостить; ну, вотъ я и не могу воздержаться, чтобы не напомнить ему и не сказать: другъ, остерегись! не поддавайся искушенію, не поблажай беззаконію, ибо оно наглымъ образомъ посягаетъ на нашу собственность. Священное право поругано, отечество въ опасности... Другъ, мужайся, говорю я, и спѣши препроводить обманувшія тебя рабочія руки въ руки правосудія.

— Вотъ ты говоришь: препроводить, началъ Щетининъ:—ну, хорошо, а что-бы ты сказалъ, еслибы я въ самомъ дѣлѣ такъ поступилъ?»

Въ этихъ словахъ Щетинина скрывается слѣдующій смыслъ: «развѣ ты не видишь, что я человѣколюбивъ и великодушенъ? Похвали-же ты меня хоть сколько-нибудь за мою гуманность! Похвали хоть косвеннымъ образомъ, ругая тотъ поступокъ, котораго я, по гуманности моей, не сдѣлалъ!»—Но Рязановъ отказываетъ на отрѣзъ даже и въ косвенныхъ похвалахъ.

«— Что бы я сказалъ? говоритъ онъ,—я сказалъ-бы:вотъ примѣрный хозяинъ! и гордился-бы твоей дружбой. И еще-бы сказалъ: это человѣкъ послѣдовательный; а лучшей кто-бы могъ хвалы тебѣ сказать?»

Рязановъ отвѣчаетъ такимъ образомъ Щетинину, что его гуманность сводится къ чистѣйшей безхарактерности, которая не позволяетъ ему ни вывести изъ даннаго принципа его логическія послѣдствія, ни отбросить основной принципъ, если эти неизбѣжныя послѣдствія кажутся ему отвратительными. Щетининъ принужденъ склонить голову предъ этимъ разговоромъ.

«— Такъ-то оно такъ, со вздохомъ сказалъ Щетининъ: — да... да нѣтъ, братъ, я нахожу, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ надо поступать непослѣдовательно.» — Далѣе у Щетинина оказывается, что въ практическомъ дѣлѣ строгая послѣдовательность невозможна, и что этого нельзя и требовать. Уловка эта стара, какъ міръ; ею всегда пользовались слабоумные или недобросовѣстные люди, когда люди послѣдовательные или честные доводили ихъ до капитуляціи посредствомъ того извѣстнаго діалектическаго маневра, который называется reduction ad absurdum и состоитъ въ томъ, что основной принципъ проводится до самаго конца и превращается въ очевидную нелѣпость или въ возмутительную гнусность. Люди слабоумные, благодаря своей многочисленности, съумѣли дать обширный ходъ той жалкой и ложной мысли, будто-бы въ жизни невозможна строгая послѣдовательность. Дѣйствительно, послѣдовательность очень неудобна для тѣхъ людей, которые въ основаніе своей дѣятельности кладутъ ложный принципъ, то есть такую идею, въ которой затаено что-нибудь нелѣпое или вредное для общества. Послѣдовательность ведетъ въ этомъ случаѣ именно къ тому, что затаенная нелѣпость, развернувшись во всей своей красотѣ, покрываетъ позоромъ самого адепта невѣрной идеи. Поэтому, имѣя въ виду такую непріятную перспективу, слабоумные люди стараются зажмурить глаза и утѣшаютъ себя тѣмъ плоскимъ разсужденіемъ, что они всегда съумѣютъ измѣнить своему принципу, какъ только этотъ принципъ потащитъ ихъ въ вопіющую нелѣпость. На словахъ можно предаваться этимъ сладкимъ надеждамъ, сколько угодно, но жизнь постоянно разрушаетъ эти ребяческія фантазіи и, выводя изъ каждаго принципа всѣ его послѣдствія, даже самыя нелѣпыя и самыя безобразныя, насильно навязываетъ ихъ каждой отдѣльной личности, основавшей на данномъ принципѣ всю свою дѣятельность. На словахъ вы можете браковать все, что вамъ угодно, но у жизни есть своя собственная логика, которая переломитъ вашу непослѣдовательную брезгливость и непремѣнно вымажетъ васъ съ ногъ до головы общеобязательной краской или грязью, соотвѣтствующей основнымъ требованіямъ вашего принципа. Отъ этого окрашиванія или загрязнѣнія вы не отвертитесь никакими хитростями, если только у васъ не достанетъ характера рѣшительно оттолкнуть прочь основной принципъ. Итакъ, Щетининъ признается, что онъ не въ силахъ быть послѣдовательнымъ, или, другими словами, что онъ не хочетъ и не можетъ исполнять во всемъ ихъ объемѣ тѣ обязанности, которыя налагаетъ на него принципъ собственности. Тогда Рязановъ даетъ ему почувствовать, что по всей вѣроятности и плотники не хотятъ и не могутъ быть послѣдовательными, то есть исполнять во всемъ ихъ объемѣ тѣ обязанности, которыя налагаетъ на нихъ принципъ труда. Щетининъ находитъ это сравненіе совершенно неосновательнымъ, потому что у плотниковъ *нѣтъ никакой опредѣленной цѣли, къ которой-бы они стремились*. Произнося послѣднія слова, Щетининъ повидимому намекаетъ на то, что у него есть великая и опредѣленная цѣль, и что онъ измѣняетъ принципу собственности именно изъ любви къ этой цѣли, о которой плотники не имѣютъ понятія. Но Рязановъ сейчасъ-же выводитъ все дѣло на чистоту; онъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы у плотниковъ не было опредѣленной цѣли. — «Они, — отвѣчаетъ Щетининъ, — только о томъ и стараются, чтобы какъ можно меньше работать и въ то-же время какъ можно больше получать.» — Рязановъ находитъ, что это — цѣль очень опредѣленная, и вслѣдъ затѣмъ спрашиваетъ у Щетинина, къ чему-же онъ самъ-то стремится: «Къ тому, чтобы какъ можно больше работать и какъ можно меньше получать? Такъ что-ли?» — Щетининъ совершенно становится втупикъ и произноситъ коснѣющимъ языкомъ: «н-нѣ...» — «Ну, — добиваетъ его Рязановъ, — такъ что-жъ тутъ разговаривать еще! Стало быть, стремленія-то у насъ съ ними одни и тѣ-же; разница только въ томъ, что мы сознательно желали-бы ихъ приспособить къ нашему хозяйству, они-же, какъ всѣ глупорожденные, безсознательно упираются и всячески стараются схитрить. Ну, а на этотъ случай у насъ средства такія имѣются для понужденія ихъ, — средства, къ народнымъ обычаямъ принаровленныя. Вотъ въ древніе вѣка нравы были грубые, — тогда и орудія, которыми понуждались глупорожденные къ труду, тоже были неусовершенствованныя, какъ-то: исправники, становые и проч.; теперь-же, когда нравы значительно смягчены и сельскіе жители вполнѣ сознали пользу просвѣщенія, и понудительныя мѣры употребляются болѣе деликатныя, духовныя такъ сказать, а именно: увѣщанія, штрафы, уединенные амбары и такъ далѣе. Вотъ и хороводимся мы такимъ манеромъ и долго еще будемъ хороводиться, доколѣ мѣра беззаконій нашихъ не исполнится. Только зачѣмъ-же тутъ церемониться-то ужъ очень, нюни-то разводить зачѣмъ, я не понимаю. Штука эта самая простая, и весь вопросъ въ томъ, кто кого; стало быть, главная вещь, не конфузься!»

Щетининъ раздавленъ и уничтоженъ этими правдивыми словами, такъ точно какъ въ древности оказался уничтоженнымъ и раздавленнымъ благонравный юноша, которому вмѣсто ожидаемой похвалы былъ данъ весьма непріятный совѣтъ продать богатое наслѣдство и раздать деньги нищимъ. Щетининъ не находитъ больше никакого возраженія, и разговоръ прекращается.

Въ мысляхъ Марьи Николаевны этотъ разговоръ производитъ рѣшительный переворотъ.

VI.

Въ головѣ Марьи Николаевны начинается усиленная работа мысли; то, о чемъ она только что начинала догадываться, обрисовывается передъ нею совершенно ясно и пугаетъ ее слишкомъ знакомой и понятной рельефностью своихъ очертаній; смыслъ той жизни, которую она ведетъ съ своимъ супругомъ, постигнутъ; соотвѣтствующее имя или клеймо найдено и приложено къ этой разлюбезной и высокопочтенной жизни такъ крѣпко, что его не вытравишь никакими горькими слезами. Марья Николаевна становится похожа на лэди Макбетъ; она чувствуетъ на всей своей особѣ какое-то пятно и, не имѣя силъ съ нимъ помириться, въ то-же время не знаетъ, какимъ образомъ отъ него отдѣлаться. Можно себѣ представить, какія нѣжныя чувства питаетъ она къ тому милому либералу, который, пользуясь ея неопытностью, замаралъ ее чистую личность и обезсмыслилъ ея молодую жизнь. Она приходитъ къ своему мужу, какъ воплощеніе его совѣсти, и требуетъ отъ него строжайшаго отчета во всей его прошедшей дѣятельности, въ которой онъ сулилъ ей чудеса либерализма и подвиги человѣколюбія. «Когда ты хотѣлъ на мнѣ жениться,—говоритъ она ему,—ты что̀ мнѣ сказалъ тогда? Вспомни? Ты мнѣ сказалъ: «мы будемъ вмѣстѣ работать, мы будемъ дѣлать великое дѣло, которое можетъ-быть погубитъ насъ, и не только насъ, но и всѣхъ нашихъ; но я не боюсь этого. Если вы чувствуете въ себѣ силы, пойдемте вмѣстѣ.» И я пошла. Конечно я тогда еще была глупа, я не совсѣмъ понимала, что̀ ты тамъ мнѣ разсказывалъ. Я только чувствовала, я догадывалась. И я-бы пошла, куда угодно. Вѣдь ты видѣлъ, я очень любила мою мать и я ее бросила. Она чуть не умерла съ горя, а я все-таки ее бросила, потому что я думала, я вѣрила, что мы будемъ дѣлать настоящее дѣло. И чѣмъ-же все это кончилось? Тѣмъ, что ты ругаешься съ мужиками изъ-за каждой копѣйки, а я огурцы солю, да слушаю, какъ мужики бьютъ своихъ женъ—и хлопаю на нихъ глазами. Послушаю, послушаю, потомъ опять примусь огурцы солить. Да еслибы я желала быть такой, какой ты меня сдѣлалъ,—такъ я-бы вышла за какого-нибудь Шишкина, теперь у меня можетъ-быть ужъ трое дѣтей было-бы. (Это послѣднее мѣсто въ монологѣ Марьи Николаевны не совсѣмъ понятно. Почему-же Шишкинъ можетъ сдѣлать то, чего до сихъ поръ не сдѣлалъ Щетининъ? Неужели же Щетининъ такъ глубоко проникнулся ученіемъ мальтузіанцевъ, что соблюдаетъ moral restraint въ своей собственной супружеской жизни. Или неужели онъ такъ высоко понимаетъ обязанности отца, что наложилъ на себя обѣтъ цѣломудрія до тѣхъ поръ, пока для будущихъ дѣтей не будетъ подготовлено достаточное обезпеченіе? Все это очень неясно.) Тогда я по крайней мѣрѣ знала-бы, что я—мать, знала-бы, что я себя гублю для дѣтей, а теперь... Пойми, что я съ радостью пошла-бы землю копать, еслибы видѣла, что отъ этого польза не для насъ однихъ; что я не просто ключница, которая выгадываетъ каждый грошъ и только и думаетъ о томъ: ахъ, какъ-бы кто не съѣлъ лишняго фунта хлѣба! ахъ, какъ-бы... Какая гадость!»

Передъ этими строгими требованіями Щетининъ оказывается чистѣйшимъ банкротомъ. Онъ остается безгласнымъ. Онъ даже не пробуетъ защищаться. О работѣ надъ сырымъ матеріаломъ нѣтъ и помину. Впрочемъ Щетининъ до такой степени мелокъ и ничтоженъ, что онъ даже и теперь не понимаетъ ни характера своей супруги, ни глубины того отчаянія, которое слышится въ ея кровавыхъ упрекахъ. Она говоритъ ему о своей изуродованной жизни, о своихъ загубленныхъ надеждахъ, о своихъ профанированныхъ стремленіяхъ къ добру и къ истинѣ, она называетъ его жалкимъ обманщикомъ, укравшимъ и заѣвшимъ чужой вѣкъ,—а онъ въ это время все наровитъ пожать ея ручку или ухватить ее за талію, онъ думаетъ, что ее можно успокоить и ублаготворить супружескими нѣжностями.—«Нѣтъ,—говоритъ она ему далѣе,—вѣдь я это все ужъ давно, давно поняла, и все это у меня вертѣлось въ головѣ; только я какъ-то не могла хорошенько всего сообразить; ну, а теперь вотъ эти разговоры мнѣ помогли. Я тутъ очень разстроилась, взволновалась. Это совсѣмъ лишнее. И случилось потому, что я всѣ эти мысли долго очень скрывала: все хотѣла себя разувѣрить; а вѣдь, по настоящему, знаешь, надо-бы что̀ сдѣлать? Надо-бы мнѣ, ничего не говоря, просто взять да уѣхать...» Именно. Такъ и слѣдуетъ поступать съ тѣми прощалыгами, которые сулятъ вамъ золотыя горы и потомъ оставляютъ васъ на бобахъ. Марья Николаевна имѣетъ полное право поступить съ Щетининымъ гораздо строже, чѣмъ поступаютъ кредиторы съ злостнымъ банкротомъ. Банкротъ крадетъ только деньги, а Щетининъ своимъ либеральнымъ фразерствомъ укралъ у нея жизнь,—ту жизнь, которую она могла-бы отдать сильному, честному и полезному дѣятелю, и которую она теперь быть-можетъ уже не съумѣетъ устроить разумнымъ образомъ. Любимая женщина говоритъ нашему либеральному буржуа, что отъ него слѣдуетъ ей бѣжать безъ оглядки, не говоря ему ни слова, какъ бѣгутъ здоровые люди отъ зачумленнаго больного, который уже находится при послѣднемъ издыханіи и который

уже неспособенъ ни принимать лекарства, ни выслушивать слова любви и утѣшенія, ни даже узнавать своихъ ближайшихъ родственниковъ и друзей. Чѣмъ-же отвѣчаетъ онъ ей на это жестокое оскорбленіе? Пробуждается-ли въ его телячьей душѣ хоть искра мужественной гордости, хоть слабое воспоминаніе, далекій и блѣдный отблескъ тѣхъ титаническихъ стремленій, которыми онъ такъ безсовѣстно рисовался въ былые годы передъ этой же самой женщиной? Произноситъ-ли онъ хоть одно слово о трудѣ, объ общемъ благѣ, о борьбѣ, словомъ, о тѣхъ высшихъ идеяхъ, которыя должны господствовать надъ всей жизнью энергическаго мужчины, осмѣливающагося домогаться любви и уваженія честной и умной женщины? Старается-ли онъ убѣдить ее въ томъ, что онъ не обманулъ ея, что его жизнь полна, широка и разумна, и что, уѣзжая отъ него, она уѣдетъ именно отъ той дѣятельности, которую она сама-же ищетъ? Наконецъ, если онъ чувствуетъ невозможность защищаться, то способенъ-ли онъ по крайней мѣрѣ съ ужасомъ оглянуться на самого себя, оцѣнить всю свою неудовлетворительность, и потомъ, осудивши прошедшее, рвануться впередъ къ новой, чистой, высокой и плодотворной дѣятельности? Нѣтъ, ничего подобнаго не находимъ мы въ его отвѣтѣ. Титаническія стремленія были взяты на прокатъ и выражались въ былое время довольно удачно и увлекательно только потому, что у молодого человѣка обыкновенно горятъ глаза и звучитъ въ голосѣ искреннее чувство, когда ему приходится строить воздушные замки о жизни и работѣ вдвоемъ, въ присутствіи той молодой дѣвушки, которая ему нравится. Теперь цѣль жизни достигнута, молодая дѣвушка превратилась въ молодую даму, и поэтому титаническія стремленія отправлены обратно въ тотъ магазинъ, изъ котораго они были взяты на подержаніе; дорога къ этому магазину уже забыта и заросла травой, такъ что въ попыхахъ невозможно уже найти ничего такого, что хоть издали напоминало-бы прежній пылъ великодушнаго энтузіазма. Щетининъ застигнутъ врасплохъ и не находитъ у себя подъ руками ничего, кромѣ своей супружеской нѣжности, искренней и теплой, но рѣшительно неспособной превратить жалкую тряпицу въ порядочнаго человѣка. «Маша,—лепечетъ онъ,—Маша! что́ ты говоришь! Да вѣдь... ну... да... да вѣдь я люблю тебя, ты понимаешь это?»

Пульхерію Ивановну дѣйствительно можно было бы удержать словомъ *люблю*, если-бы она на старости лѣтъ вздумала уѣхать отъ Афанасія Ивановича для пріисканія себѣ разумной и честной дѣятельности. Марья Николаевна уходитъ въ свою комнату, повторивши Щетинину еще разъ, что она не можетъ огурцы солить. Щетининъ послѣ ея ухода погружается на нѣсколько минутъ въ мрачное недоумѣніе, потомъ отправляется вслѣдъ за своей супругой, но дверь оказывается запертой, и на его вопросъ: «можно войти?», Марья Николаевна, съ своей стороны, отвѣчаетъ вопросомъ: «Зачѣмъ?» Щетининъ видитъ, что входить дѣйствительно не зачѣмъ, и удаляется во-свояси. Черезъ нѣсколько времени онъ приходитъ въ спальню, надѣясь увидѣться съ своей супругой; но надежда его не осуществляется; Марья Николаевна проводитъ ночь у себя въ комнатѣ. На другой день Щетининъ съ Рязановымъ ѣдутъ въ городъ и созерцаютъ тамъ всю красоту *нашихъ силъ*, направленныхъ на истребленіе шампанскаго и водки. Вечеромъ они возвращаются домой, и Марья Николаевна сама приходитъ мириться съ своимъ разогорченнымъ супругомъ. Она даже проситъ у него прощенія; онъ, разумѣется, открываетъ ей свои объятія. Но эта трогательная сцена примиренія показываетъ совершенно ясно, что окончательный разрывъ неизбѣженъ. Въ этой сценѣ полное и неизлечимое ничтожество Щетинина становится еще болѣе очевиднымъ. Марья Николаевна находится въ примирительномъ настроеніи собственно потому, что она, — какъ ей кажется, — отъискала возможность пристроить себя къ полезному дѣлу, не выѣзжая изъ деревни. Когда она враждовала, то враждовала она не съ личностью своего мужа, а съ тѣмъ образомъ жизни, на который онъ обрекъ самого себя и въ который затянулъ и ее. Когда она мирится, то мирится также только съ образомъ жизни, потому что находитъ возможность произвести въ немъ необходимыя усовершенствованія. Но Щетининъ ничего этого не понимаетъ. Ему все это дѣло представляется въ томъ видѣ, что, вотъ-молъ, барыня изволили шибко прогнѣваться, а потомъ положили гнѣвъ на милость, такъ какъ все это происходитъ отъ живости ихъ характера и совершенно извиняется молодостью ихъ лѣтъ, особенно если еще принять въ соображеніе красоту ихъ наружности, предоставляющей имъ полную свободу капризовъ. Поэтому онъ выѣзжаетъ исключительно на нѣжностяхъ и на любезностяхъ, усердно выражаетъ ей теплоту своихъ чувствъ и не высказываетъ ни одной дѣльной мысли по поводу того плана, въ которомъ для Марьи Николаевны заключается настоящій узелъ всего поднятаго вопроса. Мнѣ кажется, умная женщина непремѣнно должна почувствовать глубокое отвращеніе къ тому мужчинѣ, который въ разговорѣ съ нею никогда не можетъ или не хочетъ забыть ея полъ, то есть, всегда говоритъ съ нею, какъ съ женщиной, и никогда не говоритъ съ нею, какъ умный человѣкъ съ умнымъ человѣкомъ. Если онъ не хочетъ говорить съ нею такимъ образомъ,—это

значитъ, что онъ ставитъ ее ниже себя и считаетъ ее неспособной увлекаться тѣми интересами, которые составляютъ общее достояніе всего мыслящаго человѣчества. Если не можетъ,—это значитъ, для него не существуетъ ни одной страсти выше и сильнѣе половѳго влеченія; это значитъ, что нѣтъ для него во всемъ мірѣ ни одной великой идеи, которую онъ любилъ-бы настолько, чтобы, вглядываясь и вдумываясь въ нее, забыть хоть на нѣсколько минутъ о пріятной наружности своей собесѣдницы и о священныхъ обязанностяхъ любезнаго кавалера. Въ первомъ случаѣ умная женщина должна чувствовать себя глубоко оскорбленной, и если она дѣйствительно умна, то она непремѣнно съумѣетъ показать мужчинѣ, третирующему ее съ высоты своего величія, что онъ ошибается въ ней очень сильно. Во второмъ случаѣ со стороны женщины обнаружится скоро полное презрѣніе къ вѣчно-любезному и слѣдовательно безнадежно-пошлому кавалеру. Именно эта участь и должна постигнуть Щетинина. Ему приходится узнать на самомъ себѣ, что женщина любитъ не любовь мужчины, а его личность, и что слѣдовательно самая безукоризненная пламенность любви неспособна реабилитировать того субъекта, который самъ по себѣ безцвѣтенъ и ничтоженъ.

— «Да, говоритъ Щетининъ Марьѣ Николаевнѣ, заглядывая ей въ лицо,—ну, такъ стало быть, стало быть, ты не сердишься. Это главное.» Эти слова исчерпываютъ до дна всю пошлость этого человѣка.—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ Марья Николаевна;—да вѣдь я тогда не сердилась. Вѣдь это совсѣмъ не то.» И затѣмъ она, чтобы перемѣнить разговоръ, спрашиваетъ: «ну, что же тамъ въ городѣ?» Вы видите, что она уже начинаетъ уклоняться отъ объясненій съ нимъ. Она говоритъ: «вѣдь это совсѣмъ не то», и даже не пробуетъ ввести его въ міръ своихъ мыслей; она чувствуетъ, что онъ ея не пойметъ, и это чувство становится для нея самой особенно замѣтнымъ и яснымъ въ ту минуту, когда онъ заглядываетъ ей въ лицо и произноситъ свои глупѣйшія слова: «стало быть, ты не сердишься, это главное». Какъ вы въ самомъ дѣлѣ начнете толковать этому воплощенію буржуазной мелкости и ограниченности, что *это* совсѣмъ не *главное*? Ему былъ поставленъ вопросъ обо всей его жизни; ему были высказаны сомнѣнія въ его личной честности; все его тунеядческое прозябаніе было подвергнуто строжайшему осужденію; а онъ во всей этой серьезной и глубоко-торжественной сценѣ замѣтилъ только то неудобное для себя обстоятельство, что его супруга изволитъ на него сердиться. Теперь ему позволили поцѣловать ручку, и весь разговоръ оказывается забытымъ,—тотъ разговоръ, въ которомъ были затронуты самыя глубокія основы его человѣческаго достоинства. Одно изъ двухъ: или обвиненія Марьи Николаевны показались ему справедливыми, или-же онъ считаетъ ихъ незаслуженными. Въ первомъ случаѣ ея слова должны были потрясти его до глубины души, потому что эти слова отнимаютъ у него возможность уважать самого себя, а для всякаго мало-мальски порядочнаго человѣка самоуваженіе составляетъ необходимое условіе существованія. Во второмъ случаѣ онъ долженъ былъ заботиться не о томъ, чтобы помириться съ нею и поцѣловать ее въ губки, а о томъ, чтобы оправдаться въ ея глазахъ и снова завоевать себѣ уваженіе любимой женщины, которое для всякаго порядочнаго человѣка несравненно дороже ея любви, еслибы даже позволительно было предположить, что прочная любовь возможна безъ уваженія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣжное примиреніе для самого Щетинина не заключаетъ въ себѣ никакого смысла и не должно имѣть никакой цѣны. Еслибы онъ былъ способенъ понимать тяжесть направленныхъ противъ него обвиненій, то ему надо было или начать совершенно новую жизнь, или представить на судъ Марьѣ Николаевнѣ такія фактическія доказательства, которыя опровергали-бы всѣ ея обвиненія. Но онъ даже не знаетъ, чего отъ него требуютъ и за что на него такъ взъѣлись; онъ по неволѣ долженъ приписывать всю эту исторію раздражительности дамскаго темперамента и рѣзкой необузданности рязановскихъ разсужденій. Само собою разумѣется, что передъ грандіозностью этого тупоумія у Марьи Николаевны опускаются руки и обрывается голосъ. Если Щетининъ такъ удачно понимаетъ общій смыслъ всей коллизіи, то понятно, что Марьѣ Николаевнѣ нечего ждать отъ него совѣтовъ и помощи въ томъ дѣлѣ, въ которомъ она надѣется найдти примиреніе съ окружающей жизнью. Марья Николаевна додумалась до того убѣжденія, что грамотность составляетъ первую потребность крестьянъ; поэтому она хочетъ завести сельскую школу и полагаетъ, что полезные труды преподаванія помирятъ ее съ веселой и сытой жизнью деревенской барыни. Она разсказываетъ свой планъ Щетинину, но не возлагаетъ собственно на него самого никакихъ надеждъ; она прямо говоритъ ему, что посовѣтуется съ Рязановымъ, который навѣрно не откажется ей помогать. Щетинину не хотѣлось бы, чтобы его супруга обращалась къ Рязанову, но въ то-же время онъ, Щетининъ, не умѣетъ даже заинтересоваться ея предпріятіемъ, не умѣетъ обсудить его удобоисполнимости, не умѣетъ произнести ни одного такого слова, въ которомъ виденъ былъ-бы проблескъ самостоятельнаго ума, или искренняго сочувствія, или даже самой простой житейской опытности. Ничего, ровно ничего такого, что могло-бы обра-

тить на себя вниманіе Марьи Николаевны и вызвать между обоими супругами хоть какой-нибудь обмѣнъ мыслей. Марья Николаевна уходитъ отъ него съ тѣмъ-же, съ чѣмъ и пришла. Въ первый разъ, когда ей понадобился дѣльный совѣтъ, она принуждена обращаться за нимъ къ постороннему человѣку. Очень понятно, что этотъ человѣкъ пріобрѣтаетъ себѣ то уваженіе и довѣріе, котораго не могъ удержать за собою ея мужъ. Щетининъ становится для нея нулемъ. Она понимаетъ, что онъ стоитъ гораздо ниже тѣхъ горячихъ упрековъ, съ которыми она обращалась къ нему во время перваго объясненія.

VII.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что очень многіе читатели, — напримѣръ, всѣ любители и кліенты «Московскихъ Вѣдомостей»,— назовутъ Рязанова отъявленнымъ негодяемъ, разрушающимъ семейное счастье достойнѣйшаго человѣка, а Марью Николаевну—взбалмошной бабой, неспособной оцѣнить мягкость и великодушіе нѣжнѣйшаго изъ супруговъ и щедрѣйшаго изъ землевладѣльцевъ. Все это въ порядкѣ вещей. Еслибы эти господа читатели осмѣлились осудить Щетинина, то имъ пришлось бы произнести строжайшій приговоръ надъ своими собственными особами. На это не рѣшится почти никто. Такъ какъ число этихъ читателей, закупленныхъ своимъ положеніемъ, очень значительно, и такъ какъ понятія, господствующія въ нашемъ обществѣ, составляются почти исключительно изъ ихъ пристрастныхъ сужденій, то я поставленъ въ необходимость говорить довольно подробно о такихъ простыхъ истинахъ, на которыя при другихъ условіяхъ достаточно было-бы указать мимоходомъ. Мнѣ теперь приходится доказывать то, что для мыслящихъ людей не требуетъ никакихъ доказательствъ, — именно то, что Щетининъ—совершенная дрянь и что онъ, попавши въ фальшивое положеніе, неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться дрянью, даже въ томъ случаѣ, еслибы природа одарила его не совсѣмъ дюжинными способностями. По правдѣ сказать, вся судьба человѣка зависитъ отъ того, какими средствами онъ поддерживаетъ свое собственное существованіе. Каждый взрослый человѣкъ воленъ наполнять свой собственный желудокъ какими угодно кушаньями, — продовольствовать собственныя легкія какимъ угодно воздухомъ и покрывать свою собственную кожу какимъ угодно слоемъ пыли и грязи. Все это такъ, но существуетъ однакоже такая наука — гигіена, которая изучаетъ тѣ условія, при которыхъ человѣческій желудокъ, человѣческія легкія и человѣческая кожа находятся въ нормальномъ или здоровомъ состояніи; та наука можетъ предсказать заранѣе тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою то или другое уклоненіе отъ правильнаго образа жизни, соотвѣтствующаго ея разумнымъ предписаніямъ. Гигіена говоритъ одному: вы испортите себѣ желудокъ; другому: вы наживете чахотку; третьему: вы совсѣмъ опаршивѣете. Говоря такимъ образомъ, она никого не оскорбляетъ, не посягаетъ ни на чьи права, не насилуетъ ничьей свободы; она только показываетъ, что изъ чего выходитъ; она только разъясняетъ причинную связь между извѣстнымъ образомъ жизни и извѣстными разстройствами организма. Раскрывая эту причинную связь, гигіена произноситъ свой строгій приговоръ не только надъ какими-нибудь эксцентрическими или болѣзненными привычками, составляющими достояніе отдѣльныхъ личностей, но даже надъ цѣлыми организованными профессіями, которыя считаются необходимыми для благосостоянія или комфорта всего общества. Такъ напримѣръ, она говоритъ прямо, что у портныхъ искривляются ноги, у часовщиковъ портится зрѣніе, у наборщиковъ образуются расширенія венъ въ ногахъ, у зеркальщиковъ развивается отъ ртути дрожаніе всѣхъ членовъ. И однакоже никто не жалуется на гигіену, что она excite à la haine et au mépris—возбуждаетъ ненависть и презрѣніе къ портнымъ, къ часовщикамъ, къ наборщикамъ и такъ далѣе.

Если образъ жизни, занятія и привычки кладутъ свою печать на кости, мускулы, кровеносную систему и нервы даннаго субъекта, то само собою разумѣется, что вліяніе тѣхъ-же условій должно распространяться также и на всю совокупность его умственныхъ отправленій. Каждая человѣческая способность и каждая человѣческая страсть, подобно каждому отдѣльному мускулу, развиваются отъ частаго упражненія и слабѣютъ или атрофируются отъ бездѣйствія. Поэтому, если можно опредѣлить заранѣе тѣ видоизмѣненія, которыя данная профессія произведетъ въ вашемъ тѣлосложеніи, то можно также обрисовать въ общихъ чертахъ тѣ перемѣны, которыя, подъ вліяніемъ этой профессіи, обнаружатся въ складѣ вашихъ понятій и стремленій. Если можно сказать навѣрное, что постоянное переписываніе бумагъ наградитъ васъ геморроемъ и сутуловатостью, то можно также выразить то печальное предположеніе, что это машинальное занятіе притупитъ ваши умственныя способности. Если можно сказать, что занятія разсыльнаго развиваютъ въ немъ силу ножныхъ мускуловъ, то почему-же не сказать, что занятія ростовщика развиваютъ въ немъ способность и привычку относиться равнодушно къ человѣческому горю, точно такъ-же,

какъ напримѣръ занятія хирурга развиваютъ въ немъ способность и привычку смотрѣть спокойно на текущую кровь и на отрѣзанныя руки и ноги. Словомъ, если возможна гигіена тѣла, то возможна также гигіена ума и характера. Само собою разумѣется, что обѣ эти науки должны постоянно стремиться къ соединенію между собою; обѣ онѣ достигнутъ своего совершенства и обнаружатъ все свое плодотворное вліяніе только тогда, когда соединеніе это, о которомъ теперь невозможно и мечтать, сдѣлается дѣйствительнымъ и общепризнаннымъ фактомъ. До сихъ поръ гигіена ума и характера находится въ совершенномъ младенчествѣ; ею занимаются только такіе люди, которыхъ никто не считаетъ за ученыхъ; для нея собираютъ матеріалы беллетристика и литературная критика; поэты и рецензенты задумываются надъ тѣми типами, въ которыхъ выражаются особенности общественной жизни, и надъ тѣми ингредіентами, изъ которыхъ эти типы слагаются. Практическіе-же люди, въ этомъ отношеніи какъ и во многихъ другихъ, бредутъ на авось, увлекаются обстоятельствами въ ту или другую сторону и не отдаютъ себѣ никакого отчета въ тѣхъ путяхъ, которые приводятъ ихъ къ неизвѣстнымъ, неожиданнымъ результатамъ; эти практическіе люди въ большей части случаевъ пріобрѣтаютъ себѣ къ лѣтамъ мужественной зрѣлости такія умственныя и нравственныя физіономіи, которыя внушили-бы имъ самимъ отвращеніе и ужасъ, еслибы они сохранили до зрѣлыхъ лѣтъ юношескую свою впечатлительность и требовательность. Какимъ образомъ пріобрѣлись эти искаженныя физіономіи, этого они не знаютъ; такихъ учебниковъ, въ которыхъ можно было-бы справиться о причинахъ умственныхъ и нравственныхъ убогостей, до сихъ поръ еще никто не составлялъ. Если-же вы, не будучи патентованнымъ составителемъ учебниковъ, попробуете изучить и описать важнѣйшія изъ этихъ причинъ, то легко можетъ случиться, что въ награду за ваше безпристрастное изслѣдованіе вы прослывете вреднымъ памфлетистомъ, желающимъ кого-то exciter à la haine et au mépris ко всѣмъ практическимъ людямъ. Впрочемъ уже давно извѣстно, что всякое новое изслѣдованіе всегда кажется сначала почтенной публикѣ неслыханно дерзкимъ посягательствомъ на какое-нибудь общественное сокровище. Чѣмъ новѣе изслѣдованіе и чѣмъ почтеннѣе публика, тѣмъ громче оказываются вопли ужаса.

Еслибы порядочные люди робѣли и отступали передъ этими воплями, то никакихъ изслѣдованій не производилось-бы, и всѣ старыя заблужденія наслаждались-бы полной неприкосновенностью. Этого нѣтъ и не должно быть. Поэтому я начинаю теперь анализъ двухъ вышеупомянутыхъ категорій съ гигіенической точки зрѣнія. Для большей наглядности и безобидности я придамъ этому анализу форму дружескаго разговора между мною и господиномъ Щетининымъ, котораго я беру въ періодѣ его студенческихъ стремленій и юношескихъ иллюзій.

— Чѣмъ вы занимаетесь въ университетѣ?—спрашиваю я у него.—Вѣдь вы, кажется, юристъ?

— Да, говоритъ онъ:—по правдѣ сказать, почти ничѣмъ. Я въ восхищеніи отъ нашего университетскаго товарищества, но факультетъ мнѣ рѣшительно не нравится.

— Отчего-жъ вы не перейдете на другой факультетъ, на такой, который вамъ нравится?

— Да куда-жъ я перейду? Въ филологи— греческаго языка не знаю; въ математики — сохрани меня Богъ! Въ натуралисты — слуга покорный! Побывалъ я у нихъ разъ въ химической лабораторіи — и закаялся. Такого напустили сѣрнистаго водорода, что меня три дня тошнило. А тамъ вѣдь у нихъ еще анатомія есть. Они у себя въ квартирѣ крысъ потрошатъ изъ любви къ наукѣ. Посудите сами, какія-же это занятія. Оно пожалуй и любопытно, да ужъ черезчуръ непріятно. Ну, въ камералисты и переходить не стоитъ. Почти то-же самое, что у насъ, только предметовъ еще больше, и въ лабораторію ходить надо. Развѣ для штуки подняться въ третій этажъ и засѣсть за белуджистанскую литературу? Такъ вѣдь это именно только для штуки можно.

— Да, разумѣется. Переходить вамъ дѣйствительно некуда.

— И главное дѣло не зачѣмъ. Память у меня блестящая. Экзамены я сдаю великолѣпно. Значитъ, я свою юриспруденцію дотяну до конца, какъ слѣдуетъ, а потомъ, какъ получу дипломъ, такъ сейчасъ ее и по боку.

— Совсѣмъ по боку нельзя. А служить-то какъ-же безъ юриспруденціи?

— Я служить не буду.

— Либерализмъ одолѣваетъ?

— Какой либерализмъ! Либерализмъ этому нисколько не мѣшаетъ. Не только не мѣшаетъ, а даже побуждаетъ служить. Тутъ стало быть дѣло совсѣмъ не въ либерализмѣ. Я не буду служить потому, что намѣренъ поселиться въ деревнѣ.

— Что-жъ вы тамъ намѣрены дѣлать?

— Тамъ-то!? Да тамъ теперь самая настоящая работа и начинается. Во-первыхъ, я хочу упрочить положеніе бывшихъ моихъ крѣпостныхъ. А во-вторыхъ, буду жить тихо, скромно, спокойно, обложу себя книгами, буду понемногу улучшать хозяйство, женюсь, будемъ съ женой заниматься хозяйствомъ, музыкой, будемъ кататься на лодкѣ, будемъ

много, много читать, будемъ вмѣстѣ учить крестьянскихъ дѣтей... Да, помилуйте, теперь трудно и высказать, какъ много добра можно тамъ сдѣлать, какъ сильно можно подѣйствовать на все окружающее общество; вѣдь не звѣри-же тамъ живутъ, а люди; вѣдь теперь и тамъ уже много молодыхъ дѣятелей, получившихъ высшее образованіе; вѣдь стоитъ только дать первый толчекъ; все это проснется и двинется... Лишь-бы обстоятельства не помѣшали,—а то можно цѣлый край пересоздать. Была-бы только любовь къ дѣлу, а ея, какъ видите, достаточно.

— А вы теперь сколько получаете доходу?

— Въ хорошіе годы тысячи четыре, да только теперь эти хорошіе годы что-то рѣдки становятся. Въ прошломъ году на 2500 пришлось съѣхать.

— Ну, а съ крестьянами-то вы какъ-же раздѣлаетесь? На выкупъ пойдутъ, или какъ?

— Что вы? Помилуйте! Какой выкупъ! Мои убѣжденія не позволяютъ мнѣ брать съ нихъ деньги за ту землю, которой они владѣютъ. Вѣдь еслибъ вы знали, какъ меня любятъ эти люди; вѣдь я, когда маленькій былъ, каждаго мужика въ лицо зналъ и по имени. Какъ я иду, бывало, по деревнѣ, мужикъ встрѣчается и сейчасъ къ рукѣ подходитъ; я разумѣется не даю ни подъ какимъ видомъ, и начинаются цѣлованія въ губы. Славное это было время!

— Стало-быть, землю даромъ даете?

— О, разумѣется!

— Тогда вѣдь, пожалуй, на 1500 придется съѣхать.

— Не думаю. Во-первыхъ, вамъ должно быть извѣстно, что вольнонаемный трудъ производительнѣе обязательнаго. Это — экономическая аксіома. Второе дѣло — хозяйскій глазъ. Теперь прикащикъ валитъ черезъ пень колоду, а ужъ тогда—извините. Ну, потомъ машины можно завести. Вмѣсто трехпольнаго хозяйства — плодопеременную систему. Кое-какія свободныя деньги у меня есть: заведу тирольскихъ коровъ. Однимъ словомъ, извернуться можно. Я надѣюсь даже такъ устроить, что у меня еще больше будетъ дохода, чѣмъ прежде. Главное дѣло—энергія и любовь къ дѣлу.

— Это-то все хорошо; да только вѣдь вы сейчасъ говорили, что вы этихъ людей очень любите.

— Такъ что-же? Разумѣется люблю. Еще-бы я ихъ не любилъ! Да еслибы я не любилъ ихъ лично по воспоминаніямъ дѣтства, такъ я все-таки долженъ въ нихъ любить мое отечество. Вѣдь эта сермяга именно можетъ ударить себя въ грудь и сказать: «la patrie c'est moi». Если сермягѣ хорошо жить на свѣтѣ, значитъ, все отечество благоденствуетъ.

— Что вы яростный демократъ — это я давно вижу. А вы мнѣ вотъ что̀ объясните— вы въ деревнѣ о чемъ будете заботиться: о сермягѣ или о доходѣ?

— Одно другому нисколько не мѣшаетъ. Сермяга получитъ землю, произойдутъ великія цѣлованія: *батюшка*, *отецъ родной*, *озолотилъ*, и такъ далѣе. Ну, когда все это кончится, задамъ я имъ пиръ горой, а потомъ и начну доходы свои совершенствовать.

— Кто-же вашу землю пахать будетъ? Все-таки та-же сермяга?

— Ну, разумѣется. Не могу-же я самъ тысячу десятинъ вспахать, засѣять и убрать.

— А одну можете?

— Не пробовалъ, да, я думаю, и пробовать не-зачѣмъ. Буду я вѣроятно нанимать своихъ же бывшихъ крестьянъ, и они разумѣется будутъ у меня работать съ превеликимъ удольствіемъ.

— Какую-жъ вы имъ цѣну будете давать? Что̀ запросятъ — такъ сейчасъ вы и согласитесь?

— А вы думаете, они будутъ запрашивать?

— Я думаю, ихъ прямой интересъ состоитъ въ томъ, чтобы брать за свой трудъ какъ можно дороже, а въ чемъ будетъ состоять вашъ прямой интересъ,—это вы мнѣ потрудитесь теперь объяснить. У васъ тутъ произойдетъ столкновеніе между любовью къ сермягамъ и любовью къ доходу. Которое-же изъ этихъ двухъ чувствъ одержитъ перевѣсъ? А если они должны оставаться въ равновѣсіи, то какимъ образомъ вы ухитритесь устроить между ними примиреніе?

— Да что-жъ тутъ мудренаго? Какъ другіе хозяева дѣлаютъ, такъ и я буду дѣлать.

— Другіе хозяева не дарятъ земли, другіе хозяева не чувствуютъ никакой особенной нѣжности къ сермягѣ, другіе не говорятъ о благоденствіи отечества, другіе не собираются пересоздавать цѣлый край, и поэтому другіе могутъ торговаться *съ этими бестіями*, и дѣйствительно торгуются изъ-за каждой копѣйки, и никто имъ за это не скажетъ худого слова, потому что ихъ дѣло хозяйское; но какимъ образомъ опасный человѣкъ и яростный демократъ Щетининъ будетъ торговаться *съ этими бестіями*—этого я ужъ никакъ не умѣю взять въ толкъ.

— Я не говорилъ вамъ, что буду подражать разнымъ Плюшкинымъ и Ноздревымъ. Я буду дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ всѣ честные и хорошіе хозяева. Если мужикъ заломитъ цѣну совсѣмъ несообразную,—ну, тогда разумѣется я ему растолкую, что такъ

нельзя, что это недобросовѣстно, что такимъ образомъ онъ рискуетъ остаться безъ работы. И тутъ-же я ему объясню, какими выгодами онъ будетъ пользоваться, если согласится принять мои условія, составленныя къ нашему обоюдному удовольствію. Разговоръ со мною будетъ даже очень полезенъ для мужика; вмѣсто того, чтобы торговаться,—какъ вы выражаетесь, — *съ этими бестіями*, я просто буду читать моимъ возлюбленнымъ согражданамъ лекціи политической экономіи. Это развѣ дурно?

— Кромѣ траты времени, въ этихъ лекціяхъ не будетъ ничего дурного, по той простой причинѣ, что слушатели ваши, къ счастью для себя, не поймутъ и не захотятъ понимать ваши разсужденія.

— Въ настоящую минуту я тоже не понимаю васъ.

— Понять не трудно. Вамъ хочется убѣдить мужика въ томъ, что онъ ломитъ съ васъ несообразную цѣну и поступаетъ недобросовѣстно.

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

И поворотится у васъ языкъ читать возлюбленнымъ согражданамъ такія лекціи политической экономіи? А если поворотится, — то будете-ли вы имѣть достаточное право презирать разныхъ Плюшкиныхъ и Ноздревыхъ, которые торгуются *съ этими бестіями?* Прочтите вы мужику вашу лекцію; она разумѣется на него не подѣйствуетъ. Вы тогда что̀ сдѣлаете? — Вы тогда припрете мужика къ стѣнѣ тѣмъ аргументомъ, что онъ, — несообразный мужикъ, — *рискуетъ остаться безъ работы.* — *Этотъ* аргументъ подѣйствуетъ. Еще-бы не подѣйствовать! Аргументъ старый, испытанный, посѣдѣлый въ бояхъ, но вѣчно юный, прекрасный и убѣдительный! Но когда вы будете употреблять этотъ убѣдительный аргументъ, вы ужъ такъ и знайте, что̀ именно вы дѣлаете. Вы тогда не думайте, что читаете возлюбленному соотечественнику «лекцію политической экономіи»...

— Богъ знаетъ, что̀ вы говорите! И кто вамъ сказалъ, что я намѣренъ торговаться. Что̀ запросятъ, то я и буду давать. Ну, довольны-ли вы наконецъ?

— Да я и прежде былъ очень доволенъ. Мое дѣло—сторона. А что *вы* не будете довольны вашими доходами, въ этомъ я могу увѣрить васъ заранѣе. Если вы не будете прибѣгать къ вышеупомянутому «убѣдительному аргументу», они оберутъ васъ до-чиста въ самое короткое время.

— То-есть какъ-же это? Небось потребуютъ сразу по сту рублей въ день?

— Зачѣмъ-же сразу и зачѣмъ-же по сту! Они тоже не сумасшедшіе. Сразу они увидятъ только, что вы — баринъ податливый и что васъ можно забрать въ руки. И заберутъ?

— Какъ-же это они меня заберутъ?

— Очень просто. Можно работать изо всѣхъ силъ и можно работать спустя рукава. Можно вставать на работу въ четыре часа и можно вставать въ семь часовъ. Можно тратить на обѣденный отдыхъ часъ и можно тратить три часа. Можно держать рабочихъ лошадей въ чистотѣ и въ порядкѣ и можно держать ихъ чортъ знаетъ какъ. Можно обходиться съ инструментами бережно и можно обходиться небрежно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мѣшкотность и небрежность для работника выгодны, потому что сберегаютъ его силы, а для хозяина убыточны, потому что количество добываемыхъ продуктовъ уменьшается и рабочіе инструменты портятся. Когда работникъ ведетъ дѣло лѣниво или небрежно, тогда хорошій хозяинъ съ него взыскиваетъ. Если-же вы по либеральности вашего образа мыслей взыскивать не намѣрены, то хозяйство ваше все пойдетъ въ разбродъ и произойдетъ именно то, что ваши работники заберутъ васъ въ свои руки. Вы ихъ будете кормить, одѣвать, обувать и постоянно будете оставаться въ чистомъ убыткѣ. Какъ вамъ нравится эта перспектива? И какъ вы полагаете,

не поворотить-ли вамъ обратно къ испытаннымъ мѣрамъ спасительной строгости?

— Послушайте! Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ безъ взысканій обойтись въ хозяйственномъ дѣлѣ невозможно. Кое-какая дисциплина совершенно необходима. Иначе вѣдь это дымъ коромысломъ пойдетъ. Лѣнь, грубость, пьянство—просто хоть вонъ бѣги! Это даже и для нихъ самихъ скверно будетъ. Они совсѣмъ негодяями сдѣлаются.

— Еще-бы, разумѣется!

— Да. Ну, такъ какъ-же не взыскивать? Взысканія у меня будутъ, и, стало быть, батраки мои не заберутъ меня въ руки.

— Всѣ виды взысканія можно свести къ двумъ категоріямъ: одни—тѣлесныя наказанія, другія—денежные штрафы. Мужика можно бить или дубиной, или полтиной. Вы которое изъ этихъ орудій намѣрены пустить въ ходъ?

— Я совершенно неспособенъ драться съ мужиками.

— Драть мужиковъ и драться съ мужиками—двѣ вещи разныя. Но я не стану привязываться къ словамъ. Итакъ, вы склоняетесь къ полтинѣ?

— Если мужикъ своей небрежностью нанесетъ мнѣ убытокъ, то онъ по всей справедливости обязанъ вознаградить меня за этотъ убытокъ. Брать съ него вознагражденіе—значитъ пріучать его къ осмотрительности и къ добросовѣстности.

— Именно такъ. Напримѣръ у васъ идетъ уборка хлѣба и вы пользуетесь сухой погодой, чтобы поскорѣе свезти съ поля всю вашу пшеницу; вамъ каждый часъ дорогъ, потому что—того и гляди—начнутся дожди, хлѣбъ вымокнетъ, проростетъ и убытковъ не оберешься. Каждое замедленіе работниковъ посягнетъ прямо на ваши карманы. И вдругъ вы узнаете, что работники вышли въ поле не въ четыре часа утра, а въ шесть. Разумѣется, надо взыскать съ каждаго изъ нихъ по крайней мѣрѣ по 5 копѣекъ штрафа за каждый упущенный часъ. Такъ или нѣтъ?

— По моему такъ.

— Всѣ хорошіе хозяева, то-есть всѣ благоразумные люди, смотрящіе на работника какъ на машину, доставляющую намъ удобства къ жизни, совершенно съ вами согласятся. Но есть люди безразсудные, которые по этому поводу способны наговорить много сантиментальнаго вздора. Они скажутъ напримѣръ, что самый жалкій и зависимый батракъ—все-таки живой человѣкъ и что у него есть свои органическія потребности, за удовлетвореніе которыхъ штрафовать не годится. Они скажутъ, что, работая цѣлый длинный лѣтній день, мужикъ измучился, что ему напекло голову, что онъ долго не могъ заснуть съ вечера именно отъ головной боли, и что поэтому ему невозможно было подняться на работу въ четыре часа. Какъ все это наивно и смѣшно! Мужику напекло голову—ха, ха, ха! —У мужика голова болитъ—ха, ха, ха! – Мужику утромъ спать хочется—ха, ха, ха!—И пшеницѣ господской изъ-за этого мокнуть—ха, ха, ха! Убѣдительно васъ прошу раздѣлить со мною мою веселость. Съ какой стати вы предоставляете мнѣ одному удовольствіе смѣяться надъ безразсудными рѣчами безразсудныхъ людей.

— Я вовсе не считаю этихъ людей безразсудными и нисколько не намѣренъ смотрѣть на мужика, какъ на машину.

— Напрасно! Ну, такъ смотрите на него по крайней мѣрѣ какъ на злѣйшаго и коварнѣйшаго врага.

— И этого не хочу. Это еще грустнѣе.

— Чего-же вы наконецъ хотите? И какъ-же вы наконецъ намѣрены смотрѣть на вашихъ батраковъ? Небось скажете: какъ на младшихъ братьевъ? Вотъ одолжите-то!

— Это конечно фраза избитая и опошленная. Много нужно храбрости на то, чтобы произнести ее серьезно. И однако-же я все-таки произнесу ее: да, я твердо рѣшился смотрѣть на нихъ, какъ на младшихъ братьевъ.

— О, мой добродѣтельный юноша! О, мой храбрый и твердо рѣшившійся либералъ! Какъ живо разлетится одно изъ двухъ: или ваше родовое имущество, или ваше благопріобрѣтенное братолюбіе! Вы подумайте хорошенько:—которое изъ двухъ сокровищъ для васъ дороже? И подумавши, рѣшите заранѣе:—съ которымъ изъ нихъ вы намѣрены разстаться. И наконецъ, рѣшившись, дѣйствуйте смѣло и послѣдовательно, окончательно отложивши въ сторону несбыточныя надежды сохранить въ неприкосновенности оба сокровища разомъ. Вы не вѣрите тому, что я вамъ говорю?

— Не вѣрю.

— И намѣрены удержать и пріумножить оба сокровища?

— Намѣренъ.

— Ну, такъ слушайте-же. Я предлагалъ вамъ смотрѣть на работника, какъ на машину. Вы отказались и прогулялись на счетъ братолюбія. Вашимъ отказомъ и вашей прогулкой вы подорвали основной принципъ *наемщины*, на которой должно держаться все ваше хозяйство. Наемщина немыслима безъ двухъ условій: первое — борьба за рабочую плату; второе—борьба за исправность работы. Другими словами: надо торговаться и надо взыскивать. Безъ этого не можетъ идти ни одно хозяйство, построенное на батрачествѣ. Если я смотрю на батрака, какъ на машину, мнѣ очень удобно и торговаться съ нимъ, и взыскивать съ него. Я предлагаю ему ничтожную цѣну, онъ упирается. Что это значитъ? Это значитъ, что машина, которую я тащу къ себѣ въ домъ,

упирается по силѣ инерціи. Надо побѣдить это сопротивленіе энергическимъ усиліемъ, напримѣръ стачкой нанимателей. Когда усиліе сдѣлано и сопротивленіе побѣждено, тогда все обстоитъ благополучно. Хорошо-ли работнику при ничтожной платѣ, и какимъ образомъ онъ ухитрится свести концы съ концами, и чѣмъ онъ будетъ набивать себѣ желудокъ,—всѣ эти вопросы не имѣютъ ни малѣйшаго смысла, точно такъ, какъ не имѣетъ смысла вопросъ о томъ: пріятно-ли машинѣ стоять у меня въ комнатѣ. Такъ-же удобно совершаются необходимыя взысканія. Что́ я дѣлаю съ машиной, когда она начинаетъ дѣйствовать неисправно?—Я смазываю ее деревяннымъ масломъ. Что́ я дѣлаю съ лошадью, когда она не желаетъ бѣжать рысью?—Я смазываю ее ловкимъ ударомъ кнута. Что́ я дѣлаю съ работникомъ, когда онъ работаетъ вяло и небрежно?—Я также смазываю его достаточнымъ количествомъ розогъ или, при измѣнившихся обстоятельствахъ, вычетомъ изъ его задѣльной платы. Почему, отчего, зачѣмъ работникъ работаетъ вяло и небрежно—объ этомъ я не спрашиваю, точно такъ-же, какъ не интересуюсь размышленіями, страстями или огорченіями лошади, не желающей идти рысью...

— Все это чистыя теоріи и утопіи. Вы меня нисколько не убѣдите. Я рѣшился твердо и пойду впередъ по тому пути, который я себѣ выбралъ. Дальнѣйшія возраженія съ моей стороны я считаю безполезными, но мнѣ любопытно было-бы знать,—такъ просто, изъ желанія посмотрѣть на воздушные замки,—къ какимъ положительнымъ теоретическимъ заключеніямъ вы ведете вашу аргументацію. Вы старались доказать, что надо выбрать одно изъ двухъ: братолюбіе или пріумноженіе доходовъ. Представьте себѣ, что я убѣдился вашими доводами и, послѣ зрѣлаго размышленія, твердо рѣшился выбрать, во что-бы то ни стало, чистѣйшее братолюбіе. Что-же мнѣ слѣдовало-бы дѣлать?

— Работать.

— Работать! Хорошъ отвѣтъ! Вы скажите, *что* и *какъ* работать?

— Хорошъ вопросъ! Точно я могу залѣзть въ вашу шкуру, смотрѣть на вещи вашими глазами, думать вашимъ мозгомъ, и вообще понимать лучше васъ самихъ всѣ тончайшія особенности вашего ума, характера и темперамента? Я могу сказать вамъ только одно: къ чему вы расположены, тѣмъ и занимайтесь.

— А если я ни къ чему не расположенъ?

— Тогда у васъ братолюбія быть не можетъ, и тогда дальнѣйшій разговоръ становится безполезнымъ.

— Почему-же не можетъ быть братолюбія?

— Кто любитъ людей, тотъ хочетъ, во что бы то ни стало, приносить имъ пользу и слѣдовательно чувствуетъ влеченіе ко всякой дѣятельности, способной, такъ или иначе, облегчить человѣческія страданія. Если это влеченіе существуетъ, то затѣмъ остается только изъ многихъ полезныхъ отраслей труда выбрать ту, которая соотвѣтствуетъ всего больше складу вашего ума. И такая отрасль непремѣнно найдется, если только вы не идіотъ и не калѣка.

— Ну, положимъ, что такая отрасль нашлась. Дальше, что-же?

— Дальше ничего. Будете жить, будете работать, будете приносить пользу, потомъ въ свое время умрете.

— Все это я и намѣренъ дѣлать у себя въ деревнѣ. Буду работать—то есть заниматься хозяйствомъ; буду приносить пользу—устрою школу, больницу, образцовую ферму.

— Охота вамъ говорить о хозяйствѣ. Ну, какой-же вы агрономъ, какой-же вы спеціалистъ? Попробуйте наняться къ кому-нибудь въ управляющіе: возметъ-ли васъ кто-нибудь, и много ли дадутъ вамъ жалованья, и долго-ли васъ продержатъ? Неужто вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что будете получать ваши доходы за ваши агрономическіе труды, а не за то совершенно независящее отъ васъ обстоятельство, что вамъ принадлежитъ извѣстное пространство земли. Вы будете жить въ деревнѣ доходами съ земли, которую обрабатываютъ за васъ другіе люди. Развѣ это значитъ жить собственнымъ трудомъ? Потомъ вы сюда еще приплели школу и больницу. Если вы сами намѣрены сдѣлаться школьнымъ учителемъ, то вамъ и книги въ руки: только въ такомъ случаѣ надо удовольствоваться тѣмъ жалованьемъ, которое получаютъ сельскіе учителя. Больницу же вы никогда не устроите, потому что для этого вамъ пришлось-бы отказаться отъ многихъ удобствъ жизни.

— Такъ, по вашему, что-же я долженъ сдѣлать съ имѣніемъ?

— По моему, давно пора прекратить этотъ разговоръ. Поѣзжайте къ себѣ въ деревню, откажитесь отъ глупыхъ фантазій, свойственныхъ петербургскому студенту, и превращайтесь поскорѣе въ образцоваго хозяина. Вы сами знаете очень хорошо, что для васъ въ жизни нѣтъ другой дороги.

ПОГИБШІЕ и ПОГИБАЮЩІЕ.

I.

Сравнительный методъ одинаково полезенъ и необходимъ, какъ въ анатоміи отдѣльнаго человѣка, такъ и въ соціальной наукѣ, которую можно назвать анатоміей общества.

Въ анатоміи человѣка сравнительный методъ можетъ прикладываться къ дѣлу или такъ, что сравниваются между собою одинаковые органы различныхъ животныхъ, или-же такъ, что для сравненія берутся различные органы одного и того-же животнаго. Въ анатоміи общества умѣстны и употребительны оба видоизмѣненія сравнительнаго метода. Можно сравнивать между собою соотвѣтственныя учрежденія различныхъ обществъ, напримѣръ суды Франціи съ судами Англіи, Пруссіи, Россіи и такъ далѣе; и можно также сопоставлять и разсматривать въ связи между собою различныя учрежденія одного и того-же общественнаго организма, напримѣръ французскую армію и французскіе финансы, прусскую палату депутатовъ и прусское чиновничество, англійское землевладѣніе и англійское workhouses (рабочіе дома для нищихъ).

Въ этой статьѣ я намѣренъ представить читателю сравнительно-анатомическій этюдъ, произведенный по этому второму способу. Я намѣренъ сопоставить старую бурсу съ «мертвымъ домомъ». Результаты получатся неожиданные и довольно поучительные. Берусь-же я именно за эту задачу собственно потому, что мы имѣемъ въ нашей новѣйшей литературѣ два замѣчательныя сочиненія: «Очерки бурсы» Помяловскаго и «Записки изъ Мертваго дома» Достоевскаго, — два сочиненія, изъ которыхъ можно почерпнуть самыя достовѣрныя и самыя любопытныя свѣдѣнія о русской школѣ и о русскомъ острогѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Читателямъ покажется быть-можетъ, что, называя бурсу русской школой, я придаю бурсѣ слишкомъ обширное значеніе. Читатели скажутъ, что гимназіи, корпуса, лицеи, университеты и академіи непремѣнно должны быть признаны русскими школами, что бурсы составляютъ самую послѣднюю категорію русскихъ школъ, и что слѣдовательно, употребляя общее выраженіе *русская школа*, надо брать не низшій сортъ, а средній выводъ, который, разумѣется, долженъ оказаться значительно лучше этого низшаго сорта.—Это правда. Надо брать средній выводъ. Но тутъ есть одно маленькое затрудненіе: тотъ средній выводъ, на который указываетъ возраженіе читателей, изображаетъ собою совсѣмъ не русскую школу, а только школу русскаго привилегированнаго меньшинства. Настоящій средній выводъ, настоящая русская школа остаются неизвѣстными по той простой причинѣ, что несоразмѣрно-громадное большинство русскаго народа обходится до сихъ поръ совсѣмъ безъ школъ. Если-же мы, во что-бы то ни стало, непремѣнно желаемъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ могла-бы быть русская школа, школа открытая и доступная для большинства, то мы должны удариться въ область предположеній. Хорошо, ударимся. Положимъ, что, при сохраненіи всѣхъ существующихъ условій нашей общественной жизни, въ каждой русской деревнѣ открыто по крайней мѣрѣ по одному училищу. Въ какомъ-же родѣ будутъ эти училища? Чему они будутъ обучать своихъ воспитанниковъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно, если только мы желаемъ оставаться въ границахъ правдоподобнаго. Самые пылкіе просвѣтители, не только у насъ, но даже и за-границей, въ самыхъ пылкихъ своихъ мечтаніяхъ осмѣливаются доходить только до того требованія, чтобы всѣ ихъ соотечественники и соотечественницы умѣли читать, писать и считать. Дальше этого нейдутъ покуда ни ихъ желанія, ни ихъ надежды. При настоящихъ условіяхъ дальше идти дѣйствительно невозможно, потому что не на что: денегъ не хватитъ. Итакъ, въ деревенскихъ училищахъ будутъ читать, писать и считать. Въ бурсѣ этимъ не ограничиваются; стало-быть, уровень преподаванія немедленно понижается, какъ только школа начинаетъ дѣлаться доступной для большинства. Такое-же точно пониженіе допускается и въ личномъ составѣ учителей; въ бурсѣ учительствуютъ кандидаты и магистры духовныхъ академій или по меньшей мѣрѣ люди, окончившіе курсъ въ семинаріи; въ деревенскихъ училищахъ будутъ господствовать волостные писаря, безсрочно-отпускные солдаты, пономари, и вообще такіе люди, для которыхъ буква *ѣ* составляетъ вѣчный камень преткновенія, а дѣленіе простыхъ чиселъ — крайнюю границу человѣческой премудрости. Чѣмъ невѣжественнѣе преподаватель, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ средствъ сдѣлать ученіе привлекательнымъ для

учениковъ; а чѣмъ скучнѣе и несноснѣе ученіе, тѣмъ сильнѣе долженъ быть педагогическій терроръ, потому что, разумѣется, только боль и страхъ могутъ сколько-нибудь противодѣйствовать тому естественному отвращенію, которое внушаютъ отрокамъ и юношамъ безсмысленные уроки, непонятные даже самому преподавателю. Стало быть, въ предполагаемыхъ деревенскихъ училищахъ должно непремѣнно совершиться одно изъ двухъ: или водворится терроръ, еще болѣе сильный, чѣмъ въ бурсѣ, или-же, если развитію террора помѣшаютъ какія-нибудь внѣшнія гуманно-либеральныя вліянія, - все преподаваніе окажется безплоднымъ, и ученики будутъ выходить изъ школы съ тѣми-же самыми знаніями, съ которыми они въ нее вступили.

Въ матеріальномъ отношеніи содержаніе учениковъ также будетъ еще хуже, чѣмъ содержаніе бурсаковъ. Какъ живутъ наши мужики, во что̀ они одѣваются, что̀ ѣдятъ—это, я думаю, до нѣкоторой степени извѣстно, хотя и по слухамъ, моему человѣколюбивому читателю. Какъ ни скромно, какъ ни мизерно внутреннее устройство бурсы, описанной Помяловскимъ, однакоже въ этой завалящей бурсѣ есть кое-какіе предметы роскоши, неизвѣстной и недоступной огромному большинству нашихъ соотечественниковъ. Такъ напримѣръ, бурсаки учатъ уроки при свѣтѣ дрянной лампы, которая одна освѣщаетъ большую комнату, вмѣщающую въ себѣ болѣе сотни учениковъ. Эта дрянная лампа составляетъ чистѣйшую роскошь, потому что въ мужицкихъ избахъ горитъ по вечерамъ не лампа и даже не сальная свѣча, а лучина, при свѣтѣ которой читать книжку и заниматься наукой еще гораздо мудренѣе. Далѣе, у каждаго бурсака есть кровать съ тюфякомъ, съ подушкой и съ одѣяломъ; это уже огромная роскошь: большинство нашихъ соотечественниковъ спитъ на лежанкахъ, на лавкахъ, на палатяхъ, подкладывая подъ голову зипунъ и покрываясь въ холодное время какимъ-нибудь дырявымъ полушубкомъ. Если мы предположимъ, что ученики деревенскихъ школъ живутъ у своихъ родителей и приходятъ въ школу только на классное время, то окажется, что огромное большинство этихъ экстерновъ живетъ, ѣстъ и одѣвается хуже бурсаковъ, изображенныхъ у Помяловскаго. Если-же мы предположимъ, что въ каждой деревнѣ устроенъ особый пансіонъ, въ которомъ постоянно живетъ учащееся юношество, то этотъ пансіонъ своей мизерностью и неопрятностью далеко превзойдетъ бурсу Помяловскаго Кромѣ того даже этотъ мизернѣйшій и грязнѣйшій пансіонъ для многихъ сельскихъ общинъ окажется совершенно непосильнымъ бременемъ.

На содержаніе бурсака казна отпускаетъ *немного*; значительная часть прилипаетъ обыкновенно къ рукамъ смотрителя, инспектора, эконома и училищной прислуги; остаткомъ поддерживается бренное существованіе бурсака; остатокъ этотъ составляетъ уже очень незначительную горсточку земныхъ благъ; но даже и по такой горсточкѣ наше общество никакъ не можетъ тратить ежегодно на *каждаго* изъ своихъ подростающихъ членовъ. Бурсакъ живетъ очень бѣдно и грязно; но у него есть тысячи ровестниковъ, которые живутъ еще бѣднѣе и грязнѣе; между этими тысячами, составляющими большинство русскаго молодого поколѣнія, есть очень много и такихъ, которыхъ бѣдность и грязь доводятъ до преждевременной смерти. Поэтому назвать бурсу русской школой вовсе не значитъ обидѣть русскую школу. Разсматривая внутреннее устройство бурсы, мы вовсе не должны думать, что имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь исключительнымъ явленіемъ, съ какимъ нибудь особенно-темнымъ и душнымъ угломъ нашей жизни, съ какимъ-нибудь послѣднимъ убѣжищемъ грязи и мрака. Ничуть не бывало. Бурса—одно изъ очень многихъ и притомъ изъ самыхъ невинныхъ проявленій нашей повсемѣстной и всесторонней бѣдности и убогости.

Итакъ, будемъ разсматривать бурсу и мертвый домъ; проведемъ параллель между русской школой и русскимъ острогомъ сороковыхъ годовъ.

II.

Обитатели мертваго дома или, проще, каторжники занимаются, какъ извѣстно, обязательными казенными работами, которыя составляютъ одну изъ важнѣйшихъ составныхъ частей наложеннаго на нихъ наказанія. «Самая работа,—говоритъ Достоевскій,—показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелой, *каторжной*, и только довольно долго спустя я догадался, что тяжесть и *каторжность* этой работы—не столько въ трудности и безпрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная изъ-подъ палки.» Далѣе Достоевскій соображаетъ очень основательно, что эта обязательная работа сдѣлалась-бы еще болѣе ужасной и даже совершенно невыносимой, еслибы ей былъ приданъ характеръ совершенной, полнѣйшей безполезности и безсмыслицы, то есть, еслибы напримѣръ арестанта заставили переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого—въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое, и обратно.

Спрашивается теперь, есть-ли въ жизни бурсаковъ какое-нибудь занятіе, соотвѣтствующее обязательной работѣ каторжниковъ? Каждый бывшій бурсакъ и даже каждый чита-

тель, знакомый съ очерками Помяловскаго, отвѣтитъ не задумываясь, что всѣ учебныя занятія бурсаковъ похожи, какъ двѣ капли воды, на обязательную работу каторжниковъ. Остается только рѣшить вопросъ, на какую именно работу похожи умственные труды бурсаковъ, на ту-ли, которая дѣйствительно существуетъ въ мертвомъ домѣ, или-же на ту, въ которой Достоевскій справедливо видитъ ужасный и, къ счастію, неосуществимый идеалъ каторжной работы? Мнѣ кажется, что работа бурсаковъ подходитъ довольно близко къ послѣдней категоріи, то есть къ мучительному переливанію воды изъ одного ушата въ другой, а изъ другого—въ первый. Каждому бурсаку, еще не совсѣмъ потерявшему способность размышлять, бурсацкое зубреніе должно казаться, и дѣйствительно кажется, занятіемъ совершенно безсмысленнымъ, совершенно безполезнымъ, и слѣдовательно такимъ-же мучительнымъ и невыносимымъ, какъ напримѣръ безцѣльное переливаніе воды туда и обратно. Всѣ мы знаемъ очень хорошо, что бурсаки зубрятъ или по крайней мѣрѣ зубрили жестоко. Но мнѣ кажется, немногіе изъ насъ отдаютъ себѣ совершенно ясный отчетъ въ томъ, что такое зубреніе или долбленіе. При поверхностномъ и невнимательномъ взглядѣ на предметъ можетъ показаться, что между простымъ запоминаніемъ и ожесточеннымъ вызубриваніемъ урока существуетъ только количественное различіе. Профаны могутъ разсуждать такъ: прочтите урокъ два или три раза, вы его запомните и будете въ состояніи пересказать его своими словами; а прочтите тотъ-же урокъ разъ десять или пятнадцать, – и вы его вызубрите, то есть, будете знать его слово въ слово.—Профаны эти ошибаются. Запоминать и зубрить—это два совершенно различные процесса, и каждый изъ этихъ процессовъ имѣетъ свои специфическіе пріемы. Тотъ неопытный и несчастный смертный, который вздумалъ-бы зубрить урокъ, читая его со смысломъ и съ толкомъ отъ начала до конца, потратилъ-бы даромъ oleum et operam. Запоминать—значитъ вглядываться въ мысли и отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ одна мысль связывается съ другою или вытекаетъ изъ нея. Зубрить, напротивъ того, значитъ пріучать свой языкъ, свои губы и всѣ другіе органы слова къ тому, чтобы они выдѣлывали бойко, безошибочно и въ неизмѣнной послѣдовательности тотъ длинный рядъ сложныхъ движеній, который соотвѣтствуетъ писаннымъ или печатнымъ словамъ даннаго урока. Вся штука и весь букетъ состоятъ именно въ томъ, чтобы эти движенія выдѣлывались сами собою, чтобы первое движеніе съ неодолимой силой тянуло за собою второе, третье, четвертое и такъ далѣе до самаго конца, и чтобы весь этотъ рядъ движеній совершался независимо отъ размышленія; если вы, пустившись въ эти движенія, принуждены припоминать и соображать, то это значитъ, что результатъ не достигнутъ, и что урокъ непремѣнно начнетъ высказываться собственными словами, сообразно съ вашимъ личнымъ складомъ ума и съ вашимъ индивидуальнымъ оттѣнкомъ краснорѣчія. Если вы хотите что-нибудь вызубрить, то вы должны въ какіе-нибудь полтора часа совершить надъ собою ту операцію, которая втеченіи нѣскольких лѣтъ совершается надъ фабричнымъ, пріучающимся дѣлать машинально, руками или ногами, тѣ или другія эволюціи. Навыкъ работника состоитъ въ томъ, что извѣстныя сочетанія движеній дѣлаются у него безъ напряженія вниманія, безъ постояннаго участія воли и размышленія. Именно такіе навыки приходится пріобрѣтать зубрящему человѣку въ самое короткое время. Если каждый день у бурсака имѣется по четыре урока, то аккуратно каждый вечеръ бурсакъ долженъ пріобрѣтать себѣ по четыре совершенно различныхъ навыка, изъ которыхъ каждый не въ примѣръ сложнѣе и замысловатѣе единственнаго навыка, пріобрѣтаемаго рабочимъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Пріобрѣтаются эти навыки слѣдующимъ образомъ: вы дѣлаете сначала первыя десять движеній, то есть произносите первыя три или четыре слова урока, произносите нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока они у васъ сростаются между собою на глухо; къ этимъ упроченнымъ движеніямъ вы приставляете пять или шесть новыхъ движеній, которыя черезъ нѣсколько минутъ прирастаютъ къ первымъ; затѣмъ вы оставляете въ сторонѣ образовавшуюся группу словъ, и точно такимъ-же манеромъ устраиваете изъ слѣдующихъ словъ урока новую группу; затѣмъ производится склеиваніе обѣихъ группъ въ одно цѣлое; когда склейка оказывается настолько солидной, что вы, нисколько не задумываясь, произносите подъ рядъ обѣ группы, тогда вы идете дальше, постоянно приклеивая къ затверженному началу урока новыя комбинаціи звуковъ. Взгляните со стороны на занимающихся учениковъ, и вы, при нѣкоторой наблюдательности, тотчасъ замѣтите, который изъ нихъ учитъ урокъ съ размышленіемъ и который зубритъ. Размышляющій ученикъ читаетъ книгу глазами: губы его не шевелятся, а только изрѣдка сжимаются, когда онъ, наморщивъ лобъ и прищуривъ глаза, вдумывается, припоминаетъ и резюмируетъ прочитанную страницу; онъ иногда останавливается, повертываетъ страницу назадъ, перечитываетъ вновь тѣ мѣста, въ которыхъ заключается исходная точка послѣдующихъ мыслей; на лицѣ его видна живая смѣна ощущеній; онъ обнаруживаетъ признаки недоумѣнія, онъ чего-то ищетъ, онъ чѣмъ-то озабоченъ, онъ нахмуривается; потомъ онъ нападаетъ на слѣдъ той мысли, которую онъ искалъ, фи-

зіономія его проясняется, въ глазахъ его проблескивается лучъ радости и живого пониманія, и юный мыслитель нашъ спокойно и весело продолжаетъ свою пріостановившуюся работу.— Зубрило, напротивъ того, постоянно шевелитъ губами и, покачиваясь всѣмъ туловищемъ, быстро вышептываетъ одно за другимъ роковыя слова урока; чѣмъ сильнѣе становится его зубрильный паѳосъ, тѣмъ яростнѣе шевелятся губы, тѣмъ громче произносятся слова и тѣмъ неукротимѣе качается туловище; зубрило шалѣетъ, глаза его мутятся, и весь онъ становится похожъ на человѣка, опившагося дурманомъ, или на дервиша, закружившагося до помраченія разсудка.

Помяловскій, видавшій на своемъ вѣку множество самыхъ чистокровныхъ зубрилъ и отвѣдавшій самъ прелести этого занятія, рисуетъ очень яркими чертами процессъ бурсацкой каторжной работы и вліяніе этой работы на матеріальное и умственное здоровье бурсаковъ. «Ученики,—говоритъ онъ,—сидя надъ книгой, повторяли безъ конца и безъ смыслу: «стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ... потомъ, потомъ... постигли, стигли, стигли... стыдъ и срамъ... потомъ.. постигли...» Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока на вѣки нерушимо не запечатлѣвался въ головѣ ученика *стыдъ и срамъ*. Сильно мучился воспитанникъ во время урока, такъ что ученіе здѣсь является физическимъ страданіемъ, которое выразилось въ пѣснѣ: «сколь блаженны тѣ народы».

«Что-же удивительнаго,—говоритъ онъ далѣе,—что такая наука поселяла только отвращеніе въ ученикѣ, и что онъ скорѣе начнетъ играть въ плевки или продѣнетъ изъ носу въ ротъ нитку, нежели станетъ учить урокъ? Ученикъ, вступая въ училище изъ-подъ родительскаго крова, скоро чувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то новое, никогда имъ неиспытанное, какъ будто передъ глазами его опускаются сѣти одна за другою, въ безконечномъ рядѣ, и мѣшаютъ видѣть предметы ясно; что голова его перестала дѣйствовать любознательно и смѣло и сдѣлалась похожа на какой-то аппаратъ, въ которомъ стоитъ пожать пружину— и вотъ ротъ раскрывается и начинаетъ выкидывать слова, а въ словахъ—удивительно!— нѣтъ мысли, какъ бывало прежде.» «Вонъ Данило Песковъ,—продолжаетъ Помяловскій,— мальчикъ умный и прилежный, но рѣшительно неспособный долбить слово въ слово, просидѣвъ надъ книгою два часа съ половиной, поводитъ помутившимися глазами... и что-же? .. онъ видитъ, многіе измучились еще болѣе, чѣмъ онъ, многіе еще доканчиваютъ свою порцію изъ учебниковъ, озабоченно вычитывая урокъ и поднявъ голову кверху, какъ пьющія куры. Иные чуть не плачутъ, потому что невысокій баллъ будетъ выставленъ противъ ихъ фамиліи въ нотатѣ. Одинъ, желая возбудить въ себѣ энергію, треплетъ самъ себя за волоса»...

По мучительности своей, ученая бурсацкая работа далеко превосходитъ работу арестантовъ, которая, по словамъ Достоевскаго, сама по себѣ нисколько не обременительна. Съ точки зрѣнія обязательности или подневольности, работа бурсаковъ также перещеголяла работу арестантовъ. Въ первомъ томѣ своихъ «Записокъ» Достоевскій описываетъ арестантскую работу—ломаніе старой барки; придя на рѣку, арестанты разсаживаются по бревнамъ и закуриваютъ трубки; потомъ начинаютъ разсуждать о томъ, кто догадался ломать эту барку; потомъ критикуютъ проходящихъ мужиковъ; потомъ любезничаютъ съ калашницей и просятъ у нея того, чего мыши не ѣдятъ. Тутъ является приставъ надъ работами и приглашаетъ публику приступить; публика проситъ себѣ урока, говоритъ, что скорѣй скораго не сдѣлаешь, и начинаетъ дѣйствовать такъ вяло, что приставъ считаетъ необходимымъ плюнуть и отправиться за кондукторомъ, который исполняетъ желаніе публики и задаетъ ей урокъ.—Такимъ образомъ работники нисколько не надрываются; они резонируютъ, благодушествуютъ, дѣлаютъ кейфъ и даже торгуются насчетъ работъ съ своимъ ближайшимъ начальствомъ; положеніе этихъ работниковъ конечно очень тяжело и незавидно, потому что они лишены свободы и принуждены заниматься такимъ дѣломъ, которое не доставляетъ имъ ни удовольствія, ни личной выгоды; но неволя арестантовъ легка въ сравненіи съ неволей бурсаковъ; надъ послѣдними контроль по работамъ несравненно строже; арестантовъ никто не подвергаетъ взысканію за то, что они балагурятъ въ рабочее время; бурсака, напротивъ того, порютъ очень аккуратно за каждый невыученный урокъ; а что̀ значитъ выучить урокъ—это я показалъ выше, объясняя и анализируя процессъ зубренія. Притомъ надо замѣтить, что бурсака порютъ не гуртомъ за общую неисправность работы, а порознь, за каждый невыученный урокъ; при такой раздробительной системѣ воздаянія на долю одного бурсака можетъ придтись въ одинъ день по нѣскольку сѣченій, чего съ арестантомъ уже никакимъ образомъ случиться не можетъ, такъ какъ въ острогѣ право казнить и миловать принадлежитъ одному начальству, а въ бурсѣ эта право распредѣляется между многими учителями. «Когда приходилось,—говоритъ Помяловскій,— что три описанные учителя занимали уроки въ одинъ и тотъ-же день, то одного и того-же ученика сѣкли нѣсколько разъ. Такъ, Карася, случалось, отдирали четыре раза въ одинъ день (впродолженіи всей училищной жизни непремѣнно разъ четыреста)». Далѣе, по своей занимательности, работа бурсака стоитъ положительно

ниже ломанія барки или дѣланія кирпича, и можетъ быть поставлена на одну доску съ переливаніемъ воды изъ ушата въ ушатъ. Если мнѣ возразятъ, что бурсакъ въ этой работѣ можетъ видѣть средство добиться хорошаго аттестата и составить себѣ карьеру, то я отвѣчу, что и арестантъ, посаженный въ острогъ на извѣстное число лѣтъ, можетъ видѣть въ исправномъ переливаніи воды дорогу къ освобожденію. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы арестантъ, осужденный на переливаніе воды, вздумалъ заупрямиться и отказался-бы отъ своей безплодной и мучительно-скучной работы, то его стали-бы наказывать, а еслибы дисциплинарныя наказанія не сломили его упрямства, то его вторично отдали-бы подъ судъ за дурное поведеніе, и время его заключенія увеличилось бы въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ. Точно также поступаютъ и съ лѣнивымъ бурсакомъ; сначала его отечески наказываютъ, а потомъ его исключаютъ, то есть у него отнимаютъ аттестатъ и карьеру. Стало быть, интересъ работы одинаковъ для бурсака, зубрящаго «*стыдъ и срамъ*», и для арестанта, переливающаго воду изъ ушата въ ушатъ, потому что первый за небрежное выполненіе работы лишается нѣкоторыхъ выгодъ, а второй за то-же самое подвергается нѣкоторымъ невыгодамъ. Цѣль бурсака состоитъ въ томъ, чтобы доплестись всѣми правдами и неправдами до выпускного экзамена; цѣль арестанта—въ томъ, чтобы безнаказанно дожить до дня освобожденія. Обѣ эти цѣли до такой степени отдаленны, что онѣ нисколько не могутъ освѣтить и украсить собою обязательную работу. Человѣкъ можетъ работать охотно и весело только тогда, когда онъ постоянно извлекаетъ себѣ изъ работы немедленную выгоду, или когда самый процессъ работы доставляетъ ему непосредственное удовольствіе. Когда работа сама по себѣ имѣетъ какой-нибудь внутренній смыслъ, понятный для работника, тогда возможно увлеченіе работой, хотя-бы даже и обязательной. Но такъ какъ затверживаніе *стыда и срама* не имѣетъ никакого внутренняго смысла, и въ то-же время требуетъ очень сильнаго напряженія энергіи и вниманія, то далекая перспектива аттестата и карьеры становится совершенно недѣйствительной, и юношество подвигается впередъ по узкому и скорбному пути бурсацкой премудрости при содѣйствіи такихъ героическихъ средствъ, которыя могли-бы испугать даже обитателей мертваго дома и которыя даже въ мертвомъ домѣ оказались-бы необходимыми только въ томъ немыслимомъ случаѣ, еслибы начальству вздумалось пріурочить арестантовъ къ безсмысленному переливанію воды семо и овамо.

III.

Другая сходная черта бурсы и мертваго дома состоитъ въ мизерности того содержанія, которое получаютъ обитатели этихъ двухъ, одинаково воспитательныхъ или одинаково карательныхъ, заведеній. Здѣсь опять пальма первенства остается за бурсой, по крайней мѣрѣ за той бурсой, которую описалъ Помяловскій. Чтó ѣдятъ бурсаки и чтó ѣдятъ арестанты? Качества ихъ щей, каши и такъ далѣе мы, разумѣется, сравнивать не можемъ, потому что къ сочиненіямъ Помяловскаго и Достоевскаго не приложено, въ видѣ pièces justificatives, образчиковъ этихъ деликатныхъ кушаній; оба говорятъ, что скверно, а чтò хуже, объ этомъ по описанію судить мудрено. Но есть одинъ осязательный пунктъ, который доказываетъ, что бурсакамъ было хуже жить, чѣмъ арестантамъ. Какъ-бы ни былъ дуренъ обѣдъ, но во всякомъ случаѣ если только хлѣба дается въ-волю, до-отвалу, то человѣкъ обезпеченъ по крайней мѣрѣ противъ голода. Чѣмъ отвратительнѣе обѣдъ, тѣмъ важнѣе становится вопросъ о хлѣбѣ, который при дурномъ обѣдѣ дѣлается самой главной статьей питанія. И—какъ-бы вы думали?—хлѣбъ въ бурсѣ выдавался счетомъ, а въ мертвомъ домѣ давалось хлѣба, сколько угодно. «Большинство,—говоритъ Помяловскій,—не желало дѣлиться съ нимъ (съ воспитанникомъ, оставленнымъ безъ обѣда) запаснымъ хлѣбомъ; впрочемъ и дѣлиться было не изъ чего: утреннихъ и вечернихъ фриштиковъ въ бурсѣ не полагалось; *за обѣдомъ выдавали только по два ломтя хлѣба*, изъ которыхъ одинъ съѣдался въ столовой, другой уносился въ карманѣ про запасъ». По моему мнѣнію, эти скверные *два ломтя*, эта низкая плюшкинская скаредность, выжимающая сокъ изъ молодыхъ желудковъ, несравненно отвратительнѣе всевозможныхъ мордобитій и сѣченій *на воздусяхъ*. Мнѣ кажется даже, что эта скаредность вреднѣе жестокихъ наказаній по своимъ послѣдствіямъ, какъ матеріальнымъ, такъ и нравственнымъ.

Въ мертвомъ домѣ дѣло продовольствованія велось гораздо благопристойнѣе.

«Впрочемъ, — говоритъ Достоевскій,—арестанты, хвалясь своей пищей, говорили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Послѣднее ихъ ужасало; при выдачѣ съ вѣсу треть людей была-бы голодная; въ артели-же всѣмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ.»

Изъ разговоровъ между арестантами видно, что они питаютъ глубокое уваженіе къ своему хлѣбу. — «Бирюлина корова! — говоритъ одинъ арестантъ другому,—ишь, отъѣлся на острожномъ *чистякѣ*.» — «На волѣ не умѣли

жить,—говорится далѣе,—рады, что здѣсь до *чистяка* добрались». «*Чистякомъ*»—объясняетъ Достоевскій въ подстрочномъ примѣчаніи,—назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ примѣси».—Это названіе очень выразительно. Оно показываетъ лучше всякихъ политико-экономическихъ разсужденій, какіе мы богатые люди. Хлѣбъ, испеченный изъ чистой муки, безъ примѣси разныхъ неудобоваримыхъ гадостей, вродѣ отрубей, мякины, лебеды и древесной коры, долженъ у насъ отличаться особеннымъ хвалебнымъ именемъ отъ того обыкновеннаго хлѣба, которымъ питаются сплошь и рядомъ наши рабочіе классы. Этимъ *чистякомъ* арестанты колютъ другъ другу глаза, выражая ту мысль, что, молъ, ты, свинья, на свободѣ и не нюхалъ такихъ отборныхъ и утонченныхъ кушаній. Въ этихъ взаимныхъ попрекахъ, какъ вообще во всякихъ ругательныхъ выходкахъ, есть непремѣнно своя доля преувеличенія; но для того, чтобы такой попрекъ могъ сформироваться, ему надо все-таки имѣть нѣкоторое основаніе въ общихъ и общеизвѣстныхъ фактахъ русской жизни. Арестантъ не станетъ попрекать своего товарища тѣмъ, что вотъ, молъ, ты на свободѣ голый ходилъ, а теперь радъ, что добрался до казенной рубашки. Такой попрекъ не произвелъ-бы никакого эффекта на острожную публику, потому что такой попрекъ совершенно неправдоподобенъ. Голыхъ людей въ Россіи дѣйствительно не имѣется, но людей, набивающихъ себѣ желудокъ разной дрянью, имѣется во всякое время очень достаточное количество. Во всякомъ случаѣ спасибо мертвому дому за *чистякъ*, на которомъ можно отъѣсться. Сравнивая этотъ *чистякъ* съ несчастными *двумя ломтями* бурсы, мы узнаемъ ту поучительную истину, что въ нашей великой и обильной странѣ даже добросовѣстная раздача хлѣба должна вызвать къ себѣ нѣкоторое уваженіе и считаться едва-ли не за патріотическій подвигъ.

Если начальство бурсы рѣшалось соблюдать мудрую экономію даже при раздачѣ простого хлѣба, то, разумѣется, съ остальными предметами первой необходимости и подавно нечего было церемониться, такъ что бурсаки во всѣхъ отношеніяхъ должны были уподобляться гарнизону осажденной крѣпости или экипажу корабля, застигнутаго безвѣтріемъ въ открытомъ морѣ. Отопленіе и освѣщеніе бурсы производились съ самой примѣрной бережливостью. «Въ классѣ совершенно темно,—говоритъ Помяловскій,—потому что начальство, изъ экономическаго разсчета, зажигало лампу только въ часы занятій.» «Начальство,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—печей не топило по недѣлѣ; ученики воровали дрова, но это не всегда случалось, и товарищество, ложась подъ холодныя одѣяла, должно было покрываться своими шубами и шинелями.» Обитатели мертваго дома не испытывали ни одного изъ этихъ двухъ неудобствъ, ни темноты, ни холода. «Плацъ-маіоръ или караульные,—говоритъ Достоевскій,—являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора.» *Лишними свѣчками* здѣсь называются собственныя свѣчи арестантовъ. Выше было сказано, что «каждый держалъ свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большей частью деревянный». Но если были *лишнія* свѣчи, то, стало быть, были и не лишнія, казенныя, которыми казарма должна была освѣщаться постоянно, отъ вечерней зари до утренней.

Говоря о различныхъ непріятностяхъ острожной жизни, Достоевскій упоминаетъ о мефитическомъ воздухѣ, о нечистотѣ, о множествѣ насѣкомыхъ, но о сырости и холодѣ не сказано ни слова. Значитъ, надо полагать, что топили хорошо. Разумѣется, на это были свои мѣстныя причины; на берегахъ Иртыша дрова несравненно дешевле, чѣмъ на берегахъ Невы. «Дрова въ городѣ,—говоритъ Достоевскій,—продавались по цѣнѣ ничтожной, и кругомъ лѣсу было множество.» Но каковы-бы ни были причины, во всякомъ случаѣ это нисколько не измѣняетъ того печальнаго факта, что бурсаки страдали отъ сырости и отъ холода, и въ этомъ отношеніи могли завидовать обитателямъ мертваго дома. Что-же касается до мефитическаго воздуха, до нечистоты и до паразитовъ, то здѣсь бурса и мертвый домъ нисколько не уступаютъ другъ другу. Впрочемъ, кажется, и тутъ можно отыскать одно обстоятельство, оставляющее пальму первенства за бурсой. «Наконецъ,—говоритъ Достоевскій описывая жизнь въ гошпиталѣ, — уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внеся въ нее предварительно ночной ушатъ. Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ-же въ корридорѣ, всего только два шага отъ дверей.» Такъ какъ разсказчикъ попалъ въ гошпиталь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поступленія въ острогъ, то его удивленіе по поводу ушата было-бы немыслимо, еслибы такой-же точно обычай былъ заведенъ и въ казармѣ. Удивленіе разсказчика показываетъ ясно, что въ казармѣ ночныхъ ушатовъ не было. У Помяловскаго-же бурсацкія спальни описываются слѣдующимъ образомъ: «Съ дома, особенно съ деревень, привозились въ запасъ огромные бѣлые хлѣбы, масло, толокно, грибы въ сметанѣ, моченыя яблоки. Отъ этихъ припасовъ отдѣлялись особаго рода запахи и наполняли собою воздухъ; съ этими запахами мѣшались нецензурные міазмы; отъ стѣнъ, промерзавшихъ

зимою въ сильные морозы насквозь, несло сыростью, сальныя свѣчи въ шандалахъ дѣлали атмосферу горькой и ѣдкой, и ко всему этому надо прибавить, что въ углу у дверей стоялъ огромный ушатъ, наполненный до половины какой-то жидкостью и замѣнявшій мѣсто нечистотъ. Къ такой ядовитой атмосферѣ долженъ былъ привыкать ученикъ, и повѣритъ-ли кто, что большинство, живя въ зараженномъ воздухѣ, утрачивало наконецъ способность чувствовать отвращеніе къ нему.» Здѣсь ушатъ составляетъ постоянное явленіе, которое уже никого не удивляетъ. Пребываніе ушата въ гошпитальной палатѣ объясняется тѣмъ, что палату велѣно на ночь запирать; а запираютъ ее для того, чтобы арестанты ночью какъ-нибудь не ухитрились убѣжать. Достоевскій доказываетъ очень убѣдительно, что убѣжать нѣтъ возможности, но во всякомъ случаѣ чрезмѣрная мнительность начальства, при всей своей неосновательности, до нѣкоторой степени понятна, такъ какъ побѣги дѣйствительно случаются, и случаются иногда при такой обстановкѣ, при которой ихъ повидимому невозможно было предположить, то, разумѣется, болѣзненная мнительность поддерживается, и начальство, которому не приходится дышать вмѣстѣ съ арестантами зараженнымъ воздухомъ, запираетъ ихъ на всю ночь вмѣстѣ съ ушатомъ, придерживаясь того правила, что лишняя предосторожность, хотя-бы и совершенно безсмысленная, испортить дѣла не можетъ. Въ казарму ушата вносить незачѣмъ, и тамъ онъ дѣйствительно не вносится. Это различіе происходитъ отъ того, что, находясь у себя въ острогѣ, арестантъ окруженъ со всѣхъ сторонъ самымъ бдительнымъ надзоромъ; сдѣлавшись больнымъ, арестантъ, напротивъ того, приходитъ въ общій военный гошпиталь, въ которомъ только одна арестантская палата караулится такъ, какъ положено караулить острогъ. Поэтому больного арестанта лишаютъ даже той доли свободы, которая предоставлена здоровому арестанту. Здоровый можетъ ходить днемъ по всему острогу, а ночью — по всей своей казармѣ; больной, напротивъ того, остается почти безвыходно въ той комнатѣ, которая въ гошпиталѣ служитъ представительницей острога. Все это очень тяжело, но понятно. Что-же касается до ушата, украшающаго спальню бурсаковъ, то его уже невозможно объяснить никакой начальственной мнительностью и никакими глубокомысленными плацъ-маіорскими соображеніями. Тутъ сіяетъ во всей своей красотѣ одно голое свинство... Еслибы бурсаки вздумали просить начальство объ удаленіи ушатовъ, то можно сказать навѣрное, что просителей перепороли-бы за вольнодумство. Въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, ушатъ поставленъ въ спальню начальствомъ; слѣдовательно, къ ушату надо питать глубокое уваженіе, и возставать противъ ушата значитъ сомнѣваться въ начальственной благосклонности и въ начальственной мудрости. Первый шагъ строптиваго юношества на этомъ гибельномъ пути отрицанія можетъ повести за собою неисчислимыя послѣдствія. Поэтому начальство непремѣнно должно отстаивать ушатъ, какъ видимое проявленіе и вещественный знакъ невещественной отеческой заботливости, предусмотрительности и распорядительности, украшающей жизнь бурсака всевозможными высокими и плодотворными наслажденіями.

О невѣроятномъ изобиліи насѣкомыхъ Достоевскій и Помяловскій сообщаютъ одинаково любопытныя свѣдѣнія. «Блохи,—говоритъ Достоевскій,—кишатъ миріадами. Онѣ водятся у насъ и зимой, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но, начиная съ весны, разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть и слыхивалъ прежде, но, не испытавъ на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это, но все-таки это тяжело достается. До того, бывало, измучаютъ, что лежишь наконецъ словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь.»

«Этихъ насѣкомыхъ (вшей),—говоритъ Помяловскій,—было огромное количество въ бурсѣ. Не повѣрятъ, что одинъ ученикъ былъ почти съѣденъ ими; онъ служилъ какимъ-то огромнымъ гнѣздомъ для паразитовъ; цѣлыя стада на виду ходили въ его нестриженой и нечесаной головѣ: когда однажды сняли съ него рубашку и вынесли ее на снѣгъ, то снѣгъ зачернѣлся отъ нихъ. Вообще неопрятность бурсы была поразительна; золотуха, чесотка и грязь ѣли тѣло бурсака.»

IV.

Теперь декораціи обрисованы; надо познакомиться съ физіономіями и характерами дѣйствующихъ лицъ. Такъ какъ мы замѣтили поразительное сходство въ тѣхъ условіяхъ, которыми обставлено существованіе бурсаковъ и арестантовъ, то нужно ожидать уже заранѣе, что обнаружится сходство и въ тѣхъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, которыя развиваются изъ данныхъ условій.

Гнетъ, обязательная работа, лишенія и грязь —вотъ тѣ неудобства, которыя въ большей или меньшей степени отравляютъ собою существованіе арестантовъ и бурсаковъ. Что-же изъ этого должно получиться? И въ какихъ формахъ должно здѣсь выразиться то неистребимое чувство самосохраненія, которое вездѣ и всегда является самымъ сильнымъ двигателемъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ?

Представьте себѣ, что въ одну тѣсную кучу собрано нѣсколько десятковъ людей, которыхъ насильно держатъ впроголодь и которымъ не даютъ вообще самыхъ необходимыхъ принадлежностей матеріальнаго благосостоянія. При этомъ этихъ людей занимаютъ съ утра до вечера такими работами, отъ которыхъ нисколько не можетъ улучшиться ихъ невыносимое положеніе. Спрашивается, о чемъ должны думать эти люди, и что они должны чувствовать? Отвѣчать, кажется, не трудно. Они должны думать о томъ, нельзя-ли какимъ-нибудь образомъ промыслить себѣ какой-нибудь лакомый кусокъ, или беремя дровъ для печки, или вообще такую штуку, которая въ данную минуту доставила бы мимолетное облегченіе организму, измученному различными лишеніями. Всѣ помыслы и всѣ желанія должны быть постоянно устремлены туда, куда указываютъ неудовлетворенныя потребности организма. Осуществленіе этихъ естественныхъ и неизбѣжныхъ желаній до крайности затруднительно. Ему постоянно мѣшаютъ тѣ люди, которые наблюдаютъ за неуклоннымъ выполненіемъ обязательныхъ работъ. Отсюда, разумѣется, должна развиться глухая, но ожесточенная борьба между наблюдателями и работниками. Отсюда рождаются между тѣми и другими взаимная ненависть и взаимное недовѣріе. Наблюдатели дѣйствуютъ открытой силой; работники, какъ люди подначальные, поднимаются на разныя хитрости; замѣтивъ эти хитрости, наблюдатели стараются ихъ проникнуть и разрушить; для этого пускается въ ходъ шпіонство, болѣе или менѣе утонченное и замысловатое. Словомъ, свирѣпствуетъ война во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ и со всѣми своими неизбѣжными нравственными послѣдствіями.

Но все это — только одна сторона дѣла. Прежде всего надо конечно обмануть наблюдателей, увернуться на нѣсколько времени изъ подъ ихъ надзора, сбросить съ плечъ тяжесть обязательной работы, но затѣмъ, своротивъ съ дороги это препятствіе, надо еще предпринять что-нибудь такое, вслѣдствіе чего получались-бы продукты, соотвѣтствующіе потребностямъ истомленнаго организма. Словомъ, надо выработать или похитить. Послѣдній способъ пріобрѣтенія конечно не одобряется ни сводомъ законовъ, ни ученіемъ моралистовъ, ни даже общепринятыми житейскими обычаями. Къ сожалѣнію, надо сознаться, что организмъ, принужденный бороться съ обществомъ за свое собственное существованіе, становится обыкновенно внѣ всякихъ законовъ и обычаевъ. Органическая потребность, долго ненаходящая себѣ удовлетворенія, доводитъ желанія до такой крайней степени напряженія, что наконецъ для желающаго субъекта всѣ средства становятся безразличными, лишь-бы только они вели къ предположенной цѣли. Всѣ фанатики, какъ-бы ни были противоположны ихъ стремленія, сходны между собой по своей неразборчивости въ средствахъ, а фанатизмъ — не что иное, какъ любовь къ какой-нибудь идеѣ, дошедшей до степени непреодолимой органической потребности. Поэтому можно сказать навѣрное, что человѣкъ, измученный голодомъ и холодомъ, будетъ для удовлетворенія своихъ потребностей работать или воровать, смотря потому, который изъ этихъ двухъ промысловъ окажется для него болѣе сподручнымъ и производительнымъ. Съ особеннымъ наслажденіемъ онъ будетъ воровать у тѣхъ людей, которые заставляютъ его голодать и терпѣть холодъ; здѣсь воровство будетъ ему казаться только необходимымъ возстановленіемъ нарушенной справедливости; легко можетъ случиться, что и другіе люди, непричастные къ этому воровству, произнесутъ объ немъ почти такое-же сужденіе. Что бы вы сказали напр., еслибы голодные бурсаки пошли воровать хлѣбъ у того эконома, который выдаетъ имъ за обѣдомъ по два ломтя? Быть-можетъ вы сказали-бы, что поступокъ бурсаковъ, по внѣшней формѣ своей, конечно неправиленъ, но что настоящимъ воромъ въ этомъ дѣлѣ оказывается экономъ, хотя онъ и не пускаетъ въ ходъ неприличныхъ воровскихъ пріемовъ. Впрочемъ я, по добротѣ души моей, не совѣтую вамъ отваживаться на такія рискованныя умствованія. Я предупреждаю васъ, что этотъ путь очень скользокъ и опасенъ. Чтобы не съѣхать по этому пути въ невѣдомую вамъ глубину мучительныхъ соціальныхъ вопросовъ, держитесь крѣпко, держитесь руками и зубами за внѣшнюю форму человѣческихъ поступковъ. Въ данномъ случаѣ немедленно приговаривайте къ розгамъ и къ исключенію тѣхъ бурсаковъ, которые посягнули на казенный хлѣбъ, и также немедленно приглашайте къ себѣ въ домъ, какъ знакомаго и друга, того искуснаго эконома, который изъ казеннаго хлѣба умѣетъ выкраивать шелковыя платья для своей супруги и для своихъ дочерей.

Кто усвоилъ себѣ техническую сторону хищничества и кто при этомъ постоянно голодаетъ и зябнетъ, тотъ непремѣнно постарается развернуть свои таланты во всей ихъ обширности, и никакъ не захочетъ ограничивать ихъ приложеніе узкой сферой казеннаго буфета. Кто началъ свое поприще съ набѣговъ на казенныя дрова и на казенный хлѣбъ, тотъ пойдетъ дальше, если только нужда будетъ угнетать его попрежнему. Привычка и умѣнье красть ставятъ человѣка въ разрѣзъ съ законами и обычаями; попавши разъ въ это оппозиціонное положеніе, человѣку трудно остановиться; если онъ оправдалъ въ своихъ собственныхъ глазахъ кражъ хлѣба у эконома, то онъ съумѣетъ оправдат- кражу съѣстныхъ припасовъ въ мелочной ла, вочкѣ; основная причина воровства, голодъ

продолжаетъ существовать и подавляетъ очень легко робкія возраженія совѣстливости, деликатности и справедливости. Лавочникъ конечно нисколько не виноватъ въ томъ, что бурсака дурно кормятъ; но вѣдь и самъ бурсакъ въ этомъ также нисколько не виноватъ; на него наваливаютъ мученія голода ни за что, ни про что; съ нимъ самимъ поступаютъ несправедливо, и это онъ чувствуетъ; поэтому онъ и старается перебросить на перваго встрѣчнаго, хоть напримѣръ на лавочника, часть той подавляющей тяжести, которую онъ, бурсакъ, несетъ совершенно безвинно, по волѣ благодѣтельнаго начальства. Пріучившись красть съѣстное, бурсакъ сообразитъ безъ особеннаго труда, что, посредствомъ обмѣна, всевозможные предметы могутъ быть превращаемы въ булки и въ калачи. Тогда начнется сплошное похищеніе всего, что имѣетъ какую-нибудь мѣновую цѣнность. Постоянное упражненіе въ хищничествѣ разовьетъ въ данномъ субъектѣ именно тѣ качества и способности, которыя совершенно неумѣстны въ благоустроенномъ обществѣ. Чрезмѣрное развитіе этихъ противообщественныхъ способностей и наклонностей задушитъ всякое расположеніе къ правильному и спокойному труду. Данный субъектъ пустится обирать всѣхъ, своихъ и чужихъ, начальниковъ, сосѣдей и даже товарищей. Наконецъ онъ попадется; его отпорютъ и выключатъ; онъ очутится на улицѣ безъ аттестата, безъ ремесла, съ пустымъ желудкомъ и съ очень замѣчательными хищническими инстинктами и способностями.

Живи такой субъектъ въ XVI столѣтіи, онъ отправился-бы въ Запорожскую сѣчь и сдѣлался-бы лучшимъ украшеніемъ тамошняго казачества. Но такъ какъ въ наше прозаическое время казацкіе подвиги строго запрещены уголовными законами, то предпріимчивый юноша по выходѣ изъ бурсы не превратится въ знаменитаго героя и будетъ тихо и скромно заниматься мазурничествомъ до тѣхъ поръ, пока его беззаконія не переполнятъ мѣры полицейскаго долготерпѣнія. Когда-же, несмотря на его похвальную скромность, его возрастающая слава обратитъ на себя вниманіе мѣстнаго начальства, тогда его препроводятъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ одинъ изъ многихъ мертвыхъ домовъ, находящихся въ европейской или азіятской Россіи. Мертвый домъ не испугаетъ нашего юношу, который въ своемъ новомъ жилищѣ увидитъ знакомыя картины, способныя освѣжить въ его памяти дни его печальнаго отрочества. Если юноша окажется способнымъ окинуть все свое прошедшее общимъ философскимъ взглядомъ, то онъ вѣроятно сообразитъ, что мертвый домъ составляетъ для него естественное продолженіе и логическій результатъ бурсы.

V.

Въ предыдущей главѣ была проведена та мысль, что еще очень недавно бурса систематически направляла нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ къ мертвому дому. Въ подкрѣпленіе этой мысли я, правда, не могу привести никакихъ статистическихъ фактовъ, потому что подобные факты еще не собраны: мы рѣшительно не знаемъ, изъ какихъ элементовъ слагается населеніе нашихъ мертвыхъ домовъ и какъ велико число бурсаковъ, погибшихъ для общества, въ сравненіи съ общимъ числомъ юношей, обучавшихся въ былые годы въ духовныхъ училищахъ. Достовѣрныя статистическія цифры рѣшили-бы вопросъ, но когда нѣтъ цифръ, тогда слѣдуетъ принимать въ соображеніе такіе матеріалы, какъ «Очерки бурсы» Помяловскаго, котораго до сихъ поръ еще ни одинъ бывшій бурсакъ не рѣшался уличать въ искаженіи фактовъ или въ ложности основного колорита. «Надобно замѣтить, —говоритъ Помяловскій, —характеристическую черту бурсацкой морали: воровство считалось предосудительнымъ только относительно товарищества. Были три сферы, которыя, по нравственному отношенію къ нимъ бурсака, были совершенно отличны одна отъ другой. Первая сфера—товарищество, вторая—общество, то есть все, что было внѣ стѣнъ училищныхъ, за воротами его: здѣсь воровство и скандалы одобрялись бурсацкой коммуной, особенно когда дѣло велось хитро, ловко и остроумно. Но въ такихъ отношеніяхъ къ обществу не было злости или мести: позволялось красть только съѣдобное; поэтому обокрасть лавочника, разнощика, сидѣльца уличнаго — ничего, а украсть, хоть бы на сторонѣ, деньги, одежду и тому подобное—считалось и въ самомъ товариществѣ мерзостью. Третья сфера—начальство: ученики гадили ему злорадостно и съ местью. Такъ сложилась бурсацкая этика.... Теперь также понятно, отчего это въ бурсацкомъ языкѣ такъ много самобытныхъ фразъ и рѣченій, выражающихъ понятіе кражи: вотъ откуда всѣ эти *сбондили*, *слямсили*, *сперли*, *стибрили*, *объегорили* и тому подобныя». Нельзя сказать, чтобы эти общепризнанныя нравственныя правила бурсы отличались особенной строгостью. Но любопытно замѣтить, что эта теорія все-таки стоитъ выше той житейской практики, которую изображаетъ самъ-же Помяловскій.

По теоріи, воровство относительно товарищества считается предосудительнымъ. А на практикѣ, Аксютка обворовываетъ своихъ товарищей, пользуется между ними репутаціей извѣстнаго мазурика и въ то-же время не подвергается съ ихъ стороны никакимъ преслѣдованіямъ; съ нимъ обращаются, какъ съ хорошимъ товарищемъ и лихимъ удальцомъ. Самъ онъ постоянно веселъ, развязенъ и самодово-

ленъ, чего никакъ не могло-бы быть, если-бы все товарищество обращалось съ нимъ, какъ съ негодяемъ и отверженцемъ. А что бурсацкое товарищество дѣйствительно умѣетъ преслѣдовать тѣ преступленія, которыя возбуждаютъ его негодованіе, то это можно усмотрѣть изъ трагической исторіи фискала Семенова, выведеннаго на сцену въ первомъ очеркѣ Помяловскаго. Этого Семенова въ одинъ вечеръ избили, обокрали, высѣкли и наконецъ чуть-чуть не задушили дымомъ горящей ваты. Къ тому надо еще прибавить, что съ нимъ никто не говорилъ съ той минуты, какъ его огласили фискаломъ. Сравнивая печальную судьбу фискала Семенова съ постояннымъ ликованіемъ вора Аксютки, я прихожу къ тому заключенію, что воровство въ бурсѣ не считалось предосудительнымъ даже относительно товарищества. Что Аксютка не ограничивался похищеніемъ съѣстныхъ припасовъ—на это у Помяловскаго имѣется также достаточное количество доказательствъ. Первый шагъ Аксютки на глазахъ читателя состоитъ въ томъ, что онъ крадетъ ночью у товарища волчью шубу, которая, при поголовной бурсацкой бѣдности, должна была считаться великой драгоцѣнностью. Что такая покража совершилась, въ этомъ нѣтъ еще ничего особенно удивительнаго и характернаго. Подобные случаи возможны даже въ самыхъ приличныхъ и благоустроенныхъ заведеніяхъ, потому что въ семьѣ не безъ урода. Но замѣчательно то, что пропажа шубы осталась безъ всякихъ послѣдствій: описавши воровскую продѣлку Аксютки, Помяловскій уже не возвращается больше къ этому предмету; шуба канула въ воду, и на другой день въ бурсацкомъ товариществѣ объ этомъ событіи не было даже никакого разговора. Значитъ, приходится предположить, что подобные случаи очень нерѣдки, и что владѣлецъ украденной шубы быть-можетъ ждетъ только слѣдующей ночи, чтобы наверстать свою потерю на какомъ-нибудь изъ своихъ безпечныхъ товарищей. Если это предположеніе сколько нибудь основательно, то бурсацкая этика, о которой говоритъ Помяловскій, оказывается въ совершенномъ разладѣ съ фактами дѣйствительной бурсацкой жизни, или по крайней мѣрѣ не обнаруживаетъ на эти факты никакого регулирующаго вліянія. Мнѣ кажется, настоящая бурсацкая этика состоитъ только въ томъ, что нѣкоторыми воровскими подвигами можно хвастаться во всеуслышаніе, а другіе слѣдуетъ покрывать благоразумнымъ молчаніемъ.

Оно и понятно. Если вы обокрали вашего товарища, то не можете-же вы въ его присутствіи разсказать вашу продѣлку, за которую оскорбленный собственникъ можетъ тотчасъ-же вступить съ вами въ рукопашный бой. Что-же касается до общественнаго мнѣнія бурсы, то оно повидимому относится совершенно равнодушно ко всякимъ неправильнымъ передвиженіямъ собственности, гдѣ-бы они ни совершались и въ какихъ-бы формахъ они ни обнаруживались. Тебя обокрали, говоритъ общество,— ты самъ и вѣдайся съ воромъ, самъ разъискивай его, самъ отнимай у него твою собственность и самъ наказывай его за нарушеніе твоего спокойствія. Если-же у тебя на все это не хватитъ умѣнья и силы, если воръ вторично одурачитъ тебя или намнетъ тебѣ-же бока, то намъ, постороннимъ зрителямъ, до этого не будетъ никакого дѣла, и мы сами очень добродушно будемъ смѣяться надъ твоей неловкостью и надъ твоимъ безсиліемъ.

Такъ разсуждаютъ обыкновенно всѣ первобытныя общества, и было-бы очень удивительно, еслибы бурса разсуждала иначе. Помяловскій разсказываетъ, что нѣкоторые бурсаки умилостивляли и задобривали подарками знаменитаго вора Аксютку, чтобы онъ пощадилъ ихъ достояніе. Вотъ видите! А почему-же тѣ-же бурсаки и не думали умилостивлять и задобривать фискаловъ, несмотря на то, что фискалъ, находящійся въ союзѣ съ начальствомъ, гораздо опаснѣе вора, котораго начальство, разумѣется, не станетъ поддерживать? Потому, что въ борьбѣ съ фискаломъ каждая отдѣльная личность чувствовала за собою единодушную, горячую и энергическую поддержку всего бурсацкаго общества; фискалъ былъ всегда одинокимъ явленіемъ, поразительной аномаліей, гнуснымъ уродомъ, котораго безобразіе бросалось въ глаза всему окружающему обществу; почти каждый бурсакъ, положа руку на сердце, могъ смѣло сказать, что онъ самъ нисколько не фискалъ; поэтому всеобщее негодованіе противъ фискала было такъ неподдѣльно и неудержимо, что оно не допускало и мысли о какихъ-бы то ни было компромиссахъ съ преступникомъ. Съ воромъ, напротивъ того, каждому надо было бороться одинъ на одинъ; публика въ воровскомъ поступкѣ видѣла преимущественно его изящную сторону; публика любовалась отвагой и хитростью похитителя; почти каждый бурсакъ, положа руку на сердце, долженъ былъ признаться, что онъ также способенъ учинить похищеніе; поэтому союзъ всего общества противъ вора былъ невозможенъ, и знаменитый воръ въ бурсацкомъ мірѣ могъ играть роль грознаго божества, умилостивляемаго посильными жертвоприношеніями.

Въ мертвомъ домѣ умилостивленій не было, но воровство процвѣтало, и такъ какъ арестанты были отгорожены отъ внѣшняго міра крѣпкими стѣнами и частоколами, то это воровство имѣло совершенно междоусобный характеръ. Во̀ронъ очень смѣло выклевывалъ глаза во̀рону, или, говоря по-французски: les loups se mangeaient entre eux» (волки ѣли другъ друга).

«Вообще,—говоритъ Достоевскій,—всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ съ замкомъ для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю, можно представить, какіе тамъ были искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человѣкъ (говорю это безъ всякой натяжки), укралъ Библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ-же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ.»

Кромѣ воровства, въ мертвомъ домѣ и бурсѣ процвѣтало съ безпримѣрной силой ростовщичество «Нѣкоторые,—говоритъ Достоевскій,—съ успѣхомъ промышляли ростовщичествомъ. Арестантъ, замотавшійся или разорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ, то онѣ безотлагательно и безжалостно продавались; ростовщичество до того процвѣтало, что принимались подъ закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ-то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч.,—вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ.»

Въ томъ-же томѣ Достоевскій даетъ намъ понятіе о величинѣ каторжнаго процента. Острожный ювелиръ и ростовщикъ, Исай Фомичъ Бумштейнъ, подъ залогъ какихъ-то старыхъ штановъ и подвертокъ даетъ взаймы другому арестанту семь копѣекъ съ тѣмъ, чтобы тотъ черезъ мѣсяцъ заплатилъ ему десять копѣекъ. Три копѣйки на семь копѣекъ—это значитъ 43 процента въ мѣсяцъ. Въ годъ получится, стало быть, 516 процентовъ, то есть капиталъ увеличится слишкомъ въ шесть разъ. Это очень недурно, но, въ сравненіи съ бурсацкими процентами, это умѣренно. Бурсаки и въ этомъ отношеніи умудрились перещеголять каторжниковъ. «Ростъ въ училищѣ,—говоритъ Помяловскій,—при нелѣпомъ его педагогическомъ устройствѣ, былъ безсовѣстенъ, наглъ и жестокъ. Въ такихъ размѣрахъ онъ нигдѣ и никогда не былъ и не будетъ. Вовсе не рѣдкость, а напротивъ норма, когда *десять копѣекъ*, взятыя на *недѣльный срокъ*, оплачивались *пятнадцатью копѣйками*, т. е. по общепринятому займу на годъ это выйдетъ *двадцать пять* (вѣрнѣе двадцать шесть) *разъ капиталъ на капиталъ.*» Далѣе мы видимъ сдѣлку между Карасемъ и Тавлею. Карась въ среду проситъ у Тавли пять копѣекъ. Тавля къ воскресенью требуетъ семь копѣекъ. Но Карась оставленъ безъ отпуска и поэтому желаетъ уплатить долгъ не въ ближайшее, а въ слѣдующее воскресенье.—«Тогда десять», говоритъ Тавля. И такъ капиталъ удвоивается въ одиннадцать дней.

Ростовщичество поддерживалось въ бурсѣ взяточничествомъ, которое въ свою очередь было порождено остроумной выдумкой начальства, создавшаго изъ старшихъ учениковъ цѣлую систему контроля надъ младшими. Одинъ изъ этихъ старшихъ учениковъ, *цензоръ*, долженъ былъ смотрѣть за поведеніемъ своего класса; другіе, *авдиторы*, выслушивали уроки и ставили ученикамъ баллы, на основаніи которыхъ учитель производилъ надлежащія вразумленія; третьи, *сѣкундаторы*, были сами орудіями этихъ вразумленій; на ихъ попеченіи находились розги, и они-же сами, по приказанію учителя, сѣкли своихъ лѣнивыхъ или шаловливыхъ товарищей. Эти сангвиники занимались своимъ дѣломъ методически и съ любовью. «У печки,—говоритъ Помяловскій,—сѣкундаторъ, по прозванію Супина, учился своему мастерству: въ рукахъ его отличныя лозы; онъ помахивалъ ими и выстегивалъ въ воздухѣ полосы, которыя должны будутъ лечь на тѣло его товарища.» Всѣ эти владыки, цензора, авдиторы и сѣкундаторы, держались на одинаковомъ продовольствіи съ остальными бурсаками: всѣ они голодали, а между тѣмъ имъ была дана власть надъ массами; цензоръ и авдиторы могли во всякую данную минуту подвести любого изъ своихъ товарищей подъ розги, а сѣкундаторъ могъ сѣчь бережно или во всю-ивановскую; каждый изъ этихъ властителей понималъ свою силу и давалъ ее чувствовать тѣмъ подчиненнымъ, которые осмѣливались сомнѣваться въ ея сокрушительности. Подчиненные принуждены были подольщаться къ сановникамъ и откупаться отъ ихъ взысканій деньгами и различными приношеніями. «Цензора, авдиторы, старшіе и сѣкундаторы,—говоритъ Помяловскій,—получили полную возможность дѣлать что̀ угодно. Цензоръ былъ чѣмъ-то вродѣ царька въ своемъ царствѣ, авдиторы составляли придворный штатъ, а второкурсные (оставшіеся въ классѣ на второе двухлѣтіе)—аристократію». «Тавля, въ качествѣ второкурснаго авдитора, притомъ въ качествѣ силача, былъ нестерпимый взяточникъ, дралъ съ подчиненныхъ деньгами, булками, порціями говядины, бумагой, книгами. Ко всему этому Тавля былъ ростовщикъ»... «Необходимость въ займѣ всегда существовала. Цензоръ или авдиторъ требовали взятки; не дать—бѣда, а денегъ нѣтъ; вотъ и идетъ первокурсный къ своему-же товарищу, но ростовщику; понятно, что въ этомъ случаѣ онъ заранѣе согласенъ на какой угодно процентъ, лишь-бы избавиться отъ прежестокихъ грядущихъ розгачей. Кредитъ обыкновенно гарантируется кулакомъ, либо всегдашней возможностью нагадить должнику, потому что рисковали на ростъ только второкурсники.»

Этого источника деморализаціи въ мертвомъ домѣ не было; арестанты могли обворовывать

другъ друга, но взяточничество было для нихъ невозможно, потому что ни одинъ изъ нихъ не могъ подводить своихъ товарищей подъ наказанія. Когда арестантъ занималъ у ростовщика, то онъ тратилъ эти деньги на свои собственныя надобности или удовольствія, а не на то, чтобы отвратить отъ своей спины карающую десницу, вооруженную *прежестокими розгами*. Поэтому вѣроятно каторжный процентъ былъ впятеро ниже бурсацкаго. Неимовѣрная высота послѣдняго объясняется преимущественно тѣмъ страхомъ, подъ вліяніемъ котораго находился ученикъ въ то время, когда онъ обращался къ ростовщику.

Обирая своихъ подчиненныхъ, классные сановники въ то-же время и развращали ихъ, пріучая ихъ къ самому безотвѣтному раболѣпству и подвергая ихъ самымъ возмутительнымъ униженіямъ. «Пошлая, гнилая и развратная натура Тавли, говоритъ Помяловскій,—проявилась вся при деспотизмѣ второкурсія. Онъ жилъ бариномъ, никого знать не хотѣлъ, ему писались записки и вокабулы, по которымъ онъ учился; самъ не встанетъ для того, чтобы напиться воды, а кричитъ: «Эй, Катька, пить!» Подъавдиторные чесали ему пятки, а не то велитъ взять перочинный ножъ и скоблить ему между волосами въ головѣ, очищая эту поганую голову отъ перхоти, которая почему-то называлась плотью; заставлялъ говорить ему сказки, да непремѣнно страшныя (проявленіе эстетическаго чувства!), а не страшно, такъ отдуетъ (проявленіе критической разборчивости!); да и чѣмъ только, при глубокомъ развратѣ Тавли, не служили для него подъавдиторные?» Въ послѣднихъ словахъ заключается довольно ясный намекъ на—какъ-бы выразиться поутонченнѣе?—на сократическую любовь...

VI.

Человѣческая природа до такой степени богата, сильна и эластична, что она можетъ сохранять свою свѣжесть и свою красоту посреди самаго гнетущаго безобразія окружающей обстановки. Чистыя и свѣтлыя личности, подобныя Добролюбову и Помяловскому, выходятъ иногда изъ бурсы; такія-же личности проходятъ иногда, не загрязнившись, черезъ мертвый домъ. Но и въ бурсѣ, и въ мертвомъ домѣ на одного устоявшаго приходится всегда по нѣскольку десятковъ погибшихъ, развращенныхъ, разслабленныхъ, растерявшихъ здоровье, энергію и умственныя способности. Устоять противъ бурсы, должно быть, во всякомъ случаѣ гораздо труднѣе, чѣмъ удержаться невредимымъ въ мертвомъ домѣ. Въ бурсу поступаютъ малолѣтніе ребята, которыхъ силы и способности, какъ бы онѣ ни были велики и блистательны, могутъ быть направлены и въ хорошую, и въ дурную сторону, и на полезный трудъ, и на подлое надувательство, смотря потому, какимъ вліяніямъ подчинятся формирующійся характеръ и развивающійся умъ. Въ мертвый домъ, напротивъ того, попадаютъ обыкновенно взрослые люди, которые или окончательно испорчены жизнью, или уже до такой степени закалены въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами, что никакія постороннія вліянія не покачнутъ ихъ убѣжденій ни вправо, ни влѣво. Первыхъ уже нечего портить, а вторыхъ испортить невозможно. Къ этимъ двумъ крайнимъ разрядамъ надо впрочемъ прибавить третій, очень многочисленный разрядъ людей, попавшихъ на каторгу случайно, за какое-нибудь такое преступленіе, въ которомъ нельзя подмѣтить ни радикальной испорченности, ни фанатической любви къ непозволительной идеѣ. Къ этому третьему разряду принадлежатъ преимущественно убійцы, потому что убійство очень часто обусловливается такими страстями и порывами, которые во всякую данную минуту могутъ разыграться въ самомъ спокойномъ и кроткомъ человѣкѣ. Въ этомъ третьемъ разрядѣ могутъ попадаться люди самыхъ разнообразныхъ характеровъ, между прочимъ и такіе, которые, безъ какой-нибудь несчастной случайности, безъ какого-нибудь совершенно непредвидимаго и неотвратимаго стеченія обстоятельствъ, прожили-бы непремѣнно до глубокой старости по всѣмъ правиламъ строжайшаго благочинія. Разнообразію характеровъ соотвѣтствуетъ въ мертвомъ домѣ безконечное разнообразіе той жизни, которую вели его обитатели раньше своего соединенія подъ гостепріимной кровлей острога.

При такомъ разнообразіи стремленій, понятій, воспоминаній и надеждъ—у взрослыхъ людей, собранныхъ въ острогъ со всѣхъ концовъ Россіи и расположенныхъ заранѣе подозрѣвать другъ въ другѣ отъявленныхъ мерзавцевъ,—не можетъ проявляться особенно сильная наклонность къ взаимному сближенію. Корпоративный духъ въ острогѣ долженъ быть очень слабъ. Яркія и крѣпкія личности должны конечно подчинять своему вліянію людей безцвѣтныхъ и ничтожныхъ, такъ точно, какъ это дѣлается само собою во всякомъ обществѣ; но въ мертвомъ домѣ не должно существовать такой силы, которая пригоняла-бы къ одному общему идеалу и шлифовала-бы на одинъ образецъ всѣ индивидуальные умы и характеры. Острожное общество такъ рыхло и разсыпчато, въ немъ такъ мало однородности и компактности, что оно, какъ общество, не можетъ подчинить своихъ членовъ никакимъ общеобязательнымъ законамъ, запрещеніямъ или предписаніямъ. Это полное безсиліе общества особенно ярко выражается въ томъ обстоятельствѣ, что это обще-

ство даже не пробуетъ защищать себя противъ своихъ собственныхъ измѣнниковъ и шпіоновъ. Во II томѣ своихъ «Записокъ» Достоевскій разсказываетъ, какимъ образомъ арестанты заявляли претензію, то есть жаловались плацъ-маіору на дурное качество пищи. Большинство сговорилось между собою, выстроилось на острожномъ дворѣ и черезъ унтеръ-офицера послало доложить маіору, что «желаетъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ». Маіоръ пріѣхалъ и тотчасъ началъ ругаться; арестанты не произнесли ни одного слова, и претензія разстроилась, потому что многіе струсили и объявили себя довольными. Кромѣ того нѣсколько человѣкъ во время претензіи оставались въ кухнѣ и не хотѣли принимать въ общей демонстраціи никакого участія. Когда все дѣло кончилось и когда маіоръ перепоролъ тѣхъ людей, которыхъ ему угодно было считать зачинщиками, тогда арестанты не обнаружили никакого неудовольствія, ни противъ тѣхъ, которые сидѣли въ кухнѣ, ни противъ тѣхъ, которые первые объявили себя довольными и разстроили общее предпріятіе. Явная измѣна, подводившая подъ розги смѣлыхъ и стойкихъ товарищей, осталась такимъ образомъ совершенно безнаказанной. Это обстоятельство очень удивляетъ автора «Записокъ», потому что авторъ совершенно ошибочно примѣняетъ къ мертвому дому тѣ понятія о товариществѣ, которыя мы обыкновенно выносимъ съ собою въ жизнь изъ учебныхъ заведеній. Но эти понятія къ населенію мертваго дома совершенно непримѣнимы. Гдѣ существуетъ хоть какое-нибудь товарищество, тамъ непремѣнно должны существовать ненависть и презрѣніе къ фискальству. Безъ этого условія товарищество немыслимо, и солидарность между отдѣльными личностями невозможна. А въ мертвомъ домѣ не было ничего похожаго на преслѣдованіе доносчиковъ. «Что-же касается вообще доносовъ,— говоритъ Достоевскій, – то они обыкновенно процвѣтаютъ. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію; негодованіе къ нему даже немыслимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что, еслибы вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ-бы совершенно не поняли.»

Не можетъ быть, чтобы то лицо, которое само страдаетъ отъ доноса, не чувствовало ненависти противъ доносчика. Это было-бы совершенно неестественно. Боль всегда вызываетъ злобу противъ причины боли. Но тутъ-то именно и обнаруживается разница между товариществомъ и такимъ обществомъ, въ которомъ нѣтъ солидарности. Въ товариществѣ боль одного лица отражается на всѣхъ остальныхъ; всѣ заступаются за одного, и одинъ долженъ дѣйствовать, какъ всѣ; доносчикъ оказывается общимъ врагомъ, и съ нимъ не смѣютъ водить дружбу даже тѣ люди, которымъ его поступокъ не внушаетъ особенно сильнаго отвращенія. Въ такомъ обществѣ, какъ населеніе мертваго дома, дѣло идетъ совсѣмъ иначе: тутъ всякій злится и мститъ собственными средствами только за свои собственныя обиды. Очень можетъ быть, что многіе презираютъ и ненавидятъ доносчика, но эти чувства обнаруживаются въ разсыпную, урывками, такъ что выраженія этихъ чувствъ сливаются съ общимъ потокомъ ругательствъ, безпрестанно оглашающихъ собою различныя обители мертваго дома. Изъ того, что доносчиковъ не преслѣдуютъ, никакъ нельзя выводить то заключеніе, что всѣ арестанты — подлецы, способные сами, при первомъ удобномъ случаѣ, превратиться въ фискаловъ. Ничуть не бывало. Терпимость въ отношеніи къ доносчикамъ доказываетъ только, что между арестантами нѣтъ единодушія и взаимнаго довѣрія. Каждый держитъ себя особнякомъ и думаетъ про себя: это не мое дѣло. Сунусь я одинъ ругать или бить доносчика — а вдругъ меня никто не поддержитъ, и останусь я въ дуракахъ; надо мною-же всѣ будутъ смѣяться, да и шпіонъ нагадитъ мнѣ по-своему.

При полномъ отсутствіи товарищества въ мертвомъ домѣ, каждый можетъ совершенно безпрепятственно оставаться самимъ собою, можетъ также, слѣдуя собственному влеченію, совершенствоваться или развращаться. Никому до этого не будетъ дѣла; каждый занятъ самимъ собою и каждый требуетъ только съ своей стороны, чтобы имъ какъ можно меньше занимались другіе; весь тонъ арестантскихъ разговоровъ носитъ на себѣ печать общей скрытности и несообщительности: арестанты болтаютъ, шутятъ, смѣются, ругаются, но разговоръ и брань вертятся постоянно на самыхъ незначительныхъ предметахъ, вовсе не затрогивающихъ за живое тѣхъ людей, которые разговариваютъ и бранятся; кромѣ того смѣхъ и шутки большинству арестантовъ рѣшительно не нравятся; ровная и сдержанная угрюмость составляетъ въ мертвомъ домѣ преобладающій колоритъ именно потому, что эта угрюмость всего лучше соотвѣтствуетъ внутренней разъединенности такихъ людей, которые принуждены жить вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, не чувствуя никакихъ взаимныхъ симпатій и не желая имѣть другъ съ другомъ никакихъ общихъ интересовъ. Въ бурсѣ отношенія между обществомъ и отдѣльной личностью складываются совсѣмъ не такъ, какъ въ мертвомъ домѣ. Въ бурсѣ товарищество очень сильно, быть можетъ даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всякое школьное товарищество есть, въ большей или меньшей степени, оборонительный или наступательный союзъ учениковъ противъ начальства. Чѣмъ свирѣпѣе начальство и чѣмъ сильнѣе ненавидятъ его ученики, тѣмъ тѣснѣе смы-

каются они между собою, чтобы выручать другъ друга въ бѣдѣ и чтобы общими силами причинять непобѣдимому врагу множество мелкихъ непріятностей. Такъ какъ свирѣпость и скаредность бурсацкаго начальства доходила до фантастическихъ размѣровъ, то союзъ противъ этого начальства былъ совершенно необходимъ для спасенія здоровья и даже можетъ - быть жизни учениковъ. Союзъ этотъ, разумѣется, былъ очень тѣсенъ, потому что общая ненависть была велика, а общая опасность постоянно висѣла, какъ дамокловъ мечъ, если не надъ головами, то по крайней мѣрѣ надъ спинами всѣхъ бурсаковъ.

Начальство мертваго дома было также достаточно свирѣпо и скаредно, и спины арестантовъ находились также въ постоянной опасности, но союза однако-же не было, во-первыхъ потому, что арестанты, какъ люди опытные, понимали непобѣдимость общаго врага, а во-вторыхъ потому, что слишкомъ большое разнообразіе уже сформированныхъ характеровъ и умовъ заранѣе уничтожало всякую возможность соглашенія. Бурсаки, напротивъ того, лѣзли въ неравный бой со всей неразсчетливой заносчивостью молодости; имъ прежде всего хотѣлось насолить начальству, не обращая вниманія на то, что за это соленіе будетъ расплачиваться ихъ собственная шкура; страсть брала верхъ надъ благоразуміемъ, и легко можетъ быть, что именно эти взрывы страсти спасали бурсаковъ отъ окончательнаго отупѣнія и отъ неизлечимаго идіотизма. Далѣе, заключеніе и поддерживаніе тѣснаго товарищескаго союза было особенно удобно и легко потому, что въ бурсѣ, какъ въ чисто сословномъ заведеніи, было очень мало внутренняго разнообразія. Въ бурсу поступали дѣти, выросшія при очень сходныхъ условіяхъ, воспитанныя въ одинаковыхъ понятіяхъ, учившіяся читать по однѣмъ и тѣмъ-же книгамъ, игравшія дома въ однѣ и тѣ - же игры, слышавшія отъ взрослыхъ одни и тѣ-же нравоученія, словомъ, въ бурсу поступали цвѣтки одной и той-же почвы, или одного поля ягоды. Имъ было уже очень не трудно спѣться между собою и выработать, при содѣйствіи начальственнаго гнета, одинъ общій идеалъ, который для всѣхъ вновь поступающихъ учениковъ сдѣлался уже строго обязательнымъ. Хотя идеалъ былъ выработанъ при самыхъ каторжныхъ условіяхъ жизни, однако-же бурсаки горячо полюбили этотъ идеалъ и стали имъ гордиться, продолжая въ то-же время ненавидѣть и презирать бурсу, то есть ту форму, въ которую ихъ возлюбленный идеалъ былъ отлитъ. Бурсацкій идеалъ имѣетъ свои хорошія стороны; его можно назвать превосходнымъ оборонительнымъ оружіемъ, посредствомъ котораго богатая и сильная натура можетъ защитить себя отъ притупляющаго вліянія бурсацкой атмосферы, созданной тупоумной рутиной. Единственная обязанность идеальнаго бурсака состоитъ въ томъ, чтобы безгранично и неутомимо ненавидѣть гнетущую силу, проводя эту ненависть во всѣ поступки жизни и дѣйствуя постоянно наперекоръ всѣмъ начальственнымъ приказаніямъ и запрещеніямъ.

Суровый и дикій идеалъ бурсаковъ хорошъ именно тѣмъ, что поддерживаетъ въ своихъ поклонникахъ мужество, энергію, стойкость, расторопность, свободу сужденій, и вообще такія качества, которыя были-бы безпощадно истреблены начальственной системой безгласности, раболѣпства и чинопочитанія. Но, во-первыхъ, бурсацкій идеалъ не всякому по силамъ; а во-вторыхъ, этотъ идеалъ многими своими сторонами могъ прирости къ человѣку на-глухо и совершенно изуродовать на всю жизнь умъ и характеръ даннаго субъекта. Въ бурсу поступало много дѣтей слабаго сложенія, кроткаго и уступчиваго характера; эти личности, робкія, нѣжныя, стыдливыя, чувствительныя, пріученныя къ материнскимъ ласкамъ и способныя плакать на-взрыдъ отъ сердитаго взгляда или отъ насмѣшливаго слова, попадали въ бурсѣ подъ перекрестный огонь, который совершенно сбивалъ ихъ съ толку и въ короткое время превращалъ въ подлецовъ и идіотовъ, несмотря на то, что они, по своимъ природнымъ задаткамъ, могли-бы сдѣлаться людьми честными и очень неглупыми. Съ одной стороны, этихъ дѣтей тиранило начальство; съ другой стороны, ихъ презирало товарищество за то, что въ нихъ не было бурсацкой суровости и воинственности. Начальство требовало отъ этихъ простодушныхъ младенцевъ того, чего оно не рѣшилось-бы требовать отъ закаленныхъ или *отпѣтыхъ* бурсаковъ; изъ такихъ птенцовъ, ошеломленныхъ бурсацкими нравами, начальство, при пособіи кое-какихъ коварно-ласковыхъ словъ, очень легко могло изготовить себѣ фискаловъ. Первое фискальство можетъ быть сдѣлано случайно, вслѣдствіе ребяческой довѣрчивости, вслѣдствіе неумѣнья отмалчиваться и отнѣкиваться; но когда первый шагъ сдѣланъ, тогда душа уже продана чорту, и отступленіе становится невозможнымъ, потому что товарищество не умѣетъ прощать и въ раскаяніе фискаловъ не вѣритъ. Тогда несчастному мальчику приходится уже, изъ чувства самосохраненія, городить ложь на ложь и подлость на подлость, до тѣхъ поръ, пока наушничество и пролазничество не сдѣлаются для него второй натурой.

Надо сказать правду, что, кромѣ начальства, въ развращеніи такихъ личностей виновато и само товарищество, которое на первыхъ порахъ отталкиваетъ и озадачиваетъ робкаго новичка своей суровостью и неумолимостью. Тѣмъ матушкинымъ сынкамъ, которымъ удастся избѣгнуть сѣтей начальства, въ бурсѣ предстоитъ

также незавидная участь. Примкнувши къ товариществу, они стараются поддѣлаться подъ его замашки, напускаютъ на себя искусственное ухарство, отдаютъ себя въ полное распоряженіе настоящихъ удальцовъ, съ которыми у нихъ по натурѣ нѣтъ ничего общаго, и такимъ образомъ, отказавшись отъ всякой нравственной самостоятельности, пріучаются на всю жизнь плясать по чужой дудкѣ и носить маски, совершенно несоотвѣтствующія природнымъ наклонностямъ. Подъ ихъ напускнымъ молодечествомъ скрывается самая жалкая безцвѣтность, которая и обнаружится немедленно, какъ только эти недоразвившіяся личности выйдутъ изъ-подъ вліянія товарищества и вступятъ въ дѣйствительную жизнь.

Для сильныхъ характеровъ, для настоящихъ головорѣзовъ бурсацкій идеалъ опасенъ тѣмъ, что онъ можетъ наградить ихъ на всю жизнь буйными инстинктами и дикими привычками, совершенно неудобными въ цивилизованномъ обществѣ и до крайности тяжелыми для всѣхъ окружающихъ людей. Если бурсакъ, вырвавшись изъ бурсы на свободу, останется вѣренъ своему идеалу, то онъ рискуетъ сдѣлаться горькимъ пьяницей, уличнымъ буяномъ, дикимъ самодуромъ въ семействѣ и несноснѣйшимъ человѣкомъ для всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей. А между тѣмъ ему очень трудно отрѣшиться отъ такого идеала, передъ которымъ онъ благоговѣлъ втеченіи многихъ лѣтъ. Для того, чтобы это отреченіе сдѣлалось возможнымъ, бурсаку необходимо встрѣтиться съ такими людьми и съ такими идеями, которые идутъ прямо въ разрѣзъ всѣмъ бурсацкимъ преданіямъ и убѣжденіямъ. Тогда пелена спадетъ съ глазъ умнаго, даровитаго и энергическаго бурсака, которому бурса дала драгоцѣнную способность терпѣть, злиться и выжидать благопріятную минуту. Тогда, и только тогда, здоровая бурсацкая сила, взлелѣянная всевозможными невзгодами, перестанетъ тратиться на глупые подвиги ухарства и, пристроившись къ полезному дѣлу, развернется во всю свою ширину. Это значитъ, что бурсакъ, какъ-бы онъ ни былъ уменъ, даровитъ и крѣпокъ, можетъ сдѣлаться свѣтлой личностью только за предѣлами бурсы. Въ самой-же бурсѣ лучшіе изъ бурсаковъ подавлены своимъ идеаломъ, а мы уже видѣли, что этотъ идеалъ очень хорошъ для борьбы, но никуда не годится при обыкновенныхъ условіяхъ мирной трудовой жизни. Не годится онъ также и для той высшей борьбы, въ которой умные и честные люди поражаютъ заблужденія и разбиваютъ софизмы своихъ недальновидныхъ или недобросовѣстныхъ современниковъ. Но хорошъ и великъ бурсацкій идеалъ тѣмъ, что онъ, какъ твердая скорлупа, охраняетъ до поры до времени и сберегаетъ для великой житейской борьбы такія силы, которыя, оставаясь безъ прикрытія, непремѣнно испортились-бы въ затхлой атмосферѣ зубренія и слѣпого послушанія.

VII.

Послѣ всего, что было говорено выше, читателя уже не должно удивлять то обстоятельство, что въ мертвомъ домѣ встрѣчается больше привлекательныхъ и симпатичныхъ характеровъ, чѣмъ въ бурсѣ. Въ тѣхъ четырехъ очеркахъ, которые успѣлъ написать Помяловскій, выведено на сцену нѣсколько сильныхъ натуръ, одаренныхъ блестящими способностями и желѣзной волей, но эти натуры находятся постоянно въ осадномъ положеніи, онѣ вѣчно враждуютъ не только съ начальствомъ, но и между собою; добродушію, дружелюбію, мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ человѣческой природы въ бурсѣ рѣшительно нѣтъ мѣста; всѣ игры бурсаковъ— *постные*, *скоромные*, *швычи*, *щипчики*, и т. д.—основаны на томъ, чтобы наносить другъ другу боль самыми разнообразными средствами; во время рекреаціи ученики старшаго класса, отъ нечего дѣлать, отправляются *дуть приходчину*, т. е. колотить младшій классъ; идя въ баню, бурсаки наровятъ изобидѣть всякаго встрѣчнаго, и монастырскаго сторожа, и ломового извощика, и барочныхъ мужиковъ, и уличныхъ собакъ, и даже жильцовъ тѣхъ домовъ, мимо которыхъ лежитъ ихъ путь. «Шествіе ихъ,— говоритъ Помяловскій,—знаменуется порчей разныхъ предметовъ, безъ всякаго смысла и пользы для себя, а просто изъ эстетическаго наслажденія разрушать и пакостить». «Старуха бросается отъ нихъ опрометью на другую сторону улицы и шепчетъ съ ужасомъ: «Господи! да это никакъ бурса тронулась!» «Хорошо,—прибавляетъ Помяловскій,—что она догадалась перейти на другую сторону, а то нашлись-бы охотники сдѣлать ей *смазь*, и *верховную*, и *боковую*, и *всеобщую*.» Подъ вліяніемъ тяжелой жизни, наполненной лишеніями, нравственными обидами и физическими страданіями, въ бурсакѣ развивается и созрѣваетъ хроническая потребность срывать зло на правыхъ и на виновныхъ, на людяхъ и на животныхъ, и вообще на всемъ, что можно растерзать и исковеркать. Разумѣется, эта потребность сама себя питаетъ и поддерживаетъ; бурсаки всего чаще срываютъ его другъ на другѣ и, увеличивая собственными безобразіями массу своихъ страданій, увеличиваютъ въ то-же время и количество того зла, которое должно быть сорвано. Это очень откровенно и наглядно выражено Помяловскимъ по поводу избіенія приходчины. «Впрочемъ,—говоритъ онъ,—въ такихъ случаяхъ большинство только удовлетворяло своей потребности побить кого-нибудь, дать вытряску, лупку, волосянку, отдуть, отвалять, взъерепенить, отмордасить, чтобы чувствовать, что въ

твоихъ рукахъ пищитъ что-то живое, страдаетъ и проситъ пощады, и все это дѣлается не изъ мести, не изъ вражды, а просто изъ любви къ искусству.»

Опредѣленной вражды тутъ дѣйствительно нѣтъ, но любовь къ искусству *взъерепенить* и *мордасить* развилась именно отъ того, что бурсакъ постоянно озлобленъ на всѣхъ и на все. Теперь представьте же вы себѣ, какова должна быть злость той приходчины, которая должна пищать, страдать и просить пощады. Чтó должна чувствовать эта приходчина послѣ ухода истребителей? Она должна клокотать и задыхаться отъ злости, тѣмъ болѣе, что злость ея безсильна, и что многіе изъ этой избитой приходчины навѣрное въ тотъ-же день уже были высѣчены учителями, которымъ также ничѣмъ нельзя было отмстить. Что-же это за жизнь! Утромъ поретъ учитель, вечеромъ лупятъ ученики. И куда-же долженъ вылиться весь запасъ накипѣвшей злости? А разумѣется, онъ выльется въ нѣдра той-же избитой и пересѣченной приходчины. Ученики начнутъ придираться другъ къ другу; затѣятся междоусобныя потасовки, и озлобленіе будетъ постоянно возрастать вмѣсто того, чтобы успокоиваться. Было-бы очень удивительно, еслибы при такихъ условіяхъ въ бурсѣ могли выработаться или только сохраниться кроткіе и любвеобильные характеры.

Самыми яркими и замѣчательными личностями въ очеркахъ Помяловскаго являются Аксютка и Гороблагодатскій. Съ Аксюткой мы уже отчасти знакомы: онъ—знаменитый воръ, мастеръ своего дѣла, веселый и остроумный изобрѣтатель мазурническихъ продѣлокъ и притомъ человѣкъ, освободившійся отъ всякихъ предразсудковъ,—такой человѣкъ, который крадетъ все и у всѣхъ: у лавочника онъ тащитъ булки, малиновое варенье, картофель, и при этомъ не забываетъ наплевать, для пущей игривости, въ кадушку съ капустой; у товарищей онъ крадетъ книги, бумагу, платье и тутъ-же кладетъ на мѣсто украденныхъ вещей камни или грязь, чтобъ оскорбить собственника не только убыткомъ, но еще и насмѣшкой; укравши у товарища мѣшокъ съ толокномъ, Аксютка, ради глумленія, самъ-же подчуетъ собственника его-же добромъ; у училищнаго солдата Аксютка воруетъ голенищи и потомъ самъ-же дразнитъ его голенищами; у своей невѣсты похищаетъ шелковый платокъ и три мѣдныхъ гривны. Впрочемъ, собственно говоря, у Аксютки даже никакой невѣсты и не было, и однако-же несомнѣнно то, что онъ былъ «уволенъ въ городъ для свиданія съ своей невѣстой, Ириной Вознесенской», у которой онъ и укралъ вышеупомянутыя вещи. А какимъ образомъ Ирина Вознесенская въ одно и то-же время можетъ быть и не быть невѣстой Аксютки—это исторія хитрая и любопытная, которую стоитъ разсмотрѣть внимательно, тѣмъ болѣе, что она съ своей стороны бросаетъ нѣсколько лучей свѣта на причины бурсацкой дикости и наглости. Дѣло все въ томъ, что за дьячковской дочерью, Ириной Вознесенской, закрѣплено мѣсто ея покойнаго отца; это значитъ, что ея мужъ сдѣлается дьячкомъ въ томъ приходѣ, гдѣ служилъ ея отецъ; такъ какъ приходъ не можетъ долго оставаться безъ дьячка, то Ирина Вознесенская должна выходить замужъ немедленно, тотчасъ послѣ смерти отца. А чтобы найти жениха, Ирина вмѣстѣ съ матерью отправляются въ разсадникъ жениховъ, то есть въ бурсу, валятся въ ноги инспектору, какъ стражу этого прекраснаго вертограда, подносятъ ему ливанъ и смирну, или точнѣе ромъ, чай, сахаръ, грибы, яблоки, холстъ и серебряный рубль, и наконецъ, задобривъ цербера медовыми лепешками, умоляютъ его одолжить жениха и даже не *жениха*, а *жениховъ*... «Да не озорниковъ какихъ, батюшка!»—прибавляетъ старуха, продолжая выражаться *во множественномъ числѣ*. Просьба старухи показываетъ, что достоинства бурсаковъ достаточно извѣстны русскому духовенству. Инспекторъ черезъ цензора вызываетъ къ себѣ жениховъ, которыхъ оказывается пять человѣкъ. Двоихъ инспекторъ бракуетъ, одного за нетрезвое поведеніе, другого за несовершеннолѣтіе. Остальные трое одобряются инспекторомъ и получаютъ отъ него отпускные билеты, гдѣ прописано, что каждый изъ нихъ уволенъ въ отпускъ для свиданія съ своей невѣстой, Ириной Вознесенской.

Такимъ образомъ Ирина Вознесенская въ одинъ и тотъ-же день, по волѣ бурсацкаго начальства, оказалась невѣстой троихъ жениховъ. Въ число одобренныхъ претендентовъ попалъ Аксютка, о которомъ инспекторъ повидимому думалъ, что онъ совсѣмъ не озорникъ. На другой день женихи всѣ вмѣстѣ отправляются къ невѣстѣ, но, къ сожалѣнію, Помяловскій пропускаетъ сцену смотринъ и прямо сообщаетъ читателю окончательные результаты. Оказывается, что претенденты размежевались полюбовно: Аксютка отправился къ *своей невѣстѣ* собственно за тѣмъ, чтобы поѣсть и украсть; поэтому онъ совершенно удовольствовался угощеніемъ, шелковымъ платкомъ и мѣдными гривнами. Другой претендентъ, Васенда, имѣлъ болѣе серьезныя намѣренія, но ему не понравились ни невѣста, ни приданое, ни закрѣпленный приходъ. Третій, Азинусъ, женился.

Такимъ образомъ дѣло обошлось благополучно. Но вѣдь могло оно разыграться совершенно иначе. Можно себѣ представить два любопытные случая: во-первыхъ тотъ, что ни одинъ изъ жениховъ не пожелалъ-бы обвѣн-

чаться съ дѣвицей Вознесенской, а во-вторыхъ тотъ, что всѣ трое прельстились-бы невѣстой, приданымъ и закрѣпленнымъ приходомъ.

Въ первомъ случаѣ чрезвычайно интересно было-бы знать, что́ предпринялъ-бы инспекторъ. «Чтожъ вы, подлецы,—сказалъ бы онъ вѣроятно,—въ дуракахъ меня что-ли оставить хотите? Нѣтъ, врете: сунулись въ женихи, такъ теперь и вѣнчайтесь, такіе-сякіе!» Но тутъ инспекторъ вспомнилъ-бы, что вѣдь ихъ, подлецовъ или жениховъ, все-таки нѣсколько, и что нельзя-же ихъ всѣхъ перевѣнчать съ Ириной Вознесенской, какъ-бы ни было такое наказаніе полезно и внушительно въ педагогическомъ отношеніи. Надо непремѣнно выбрать одного, чтобы этого избраннаго сдѣлать козломъ отпущенія. Но какимъ-же образомъ выбрать? Приказать имъ развѣ, чтобы они кинули между собою жребій и чтобы Ирина Вознесенская досталась тому, кому измѣнитъ счастье? Или можетъ-быть просто принять въ соображеніе списокъ балловъ и обречь на жертву того, кто учится и ведетъ себя хуже всѣхъ остальныхъ? Женить человѣка за дурное поведеніе, наказать человѣка женитьбой — это конечно очень мило, остроумно и даже водевильно, но и тутъ есть серьезное затрудненіе. Женихъ въ церкви непремѣнно долженъ самъ сказать «*да*» и очень легко можетъ случиться, что озорникъ, осужденный на женитьбу, въ пику начальству, скажетъ «*нѣтъ*», презирая всѣ могущіе воспослѣдовать прежестокіе розгачи. Чѣмъ хуже онъ ведетъ себя, и слѣдовательно чѣмъ больше онъ заслуживаетъ наказаніе, тѣмъ правдоподобнѣе, что онъ, по озорству своему, осмѣлится отъ него уклониться. Скажетъ «*нѣтъ*», и кончено дѣло, хоть ты колъ на головѣ теши! Что тутъ прикажете дѣлать? Не знаю, рѣшительно не знаю. Я никогда не былъ инспекторомъ бурсы, поэтому никакъ не могу себѣ представить, что́-бы я сталъ предпринимать, еслибы упорство моихъ питомцевъ лишило меня возможности презентовать Иринѣ Вознесенской жениха, за котораго я уже получилъ наличную плату деньгами, вещами и колѣнопреклоненіями.

Второй возможный случай также достаточно интересенъ, хотя и менѣе затруднителенъ для инспектора бурсы. Спрашивается, какимъ образомъ примирить притязанія троихъ молодцовъ, которые, опираясь на свои отпускные билеты, всѣ трое захотѣли-бы серьезно считать себя женихами Ирины Вознесенской? Можно было-бы пожалуй предоставить рѣшеніе вопроса самой невѣстѣ, но какія-же она можетъ имѣть основательныя причины для того, чтобы выбрать себѣ одного изъ троихъ юношей, которыхъ она видитъ въ первый разъ въ жизни. А между тѣмъ проживаться въ городѣ ей неприходится; кромѣ того дьяческое мѣсто не можетъ стоять вакантнымъ, покуда Ирина Вознесенская будетъ изучать своихъ претендентовъ; наконецъ и бурсаковъ не станутъ-же отпускать къ ней въ гости до тѣхъ поръ, пока она соблаговолитъ рѣшиться; однимъ словомъ, надо выбирать немедленно, имѣя въ виду и тотъ шансъ, что любезный супругъ въ первый-же день медоваго мѣсяца можетъ подбить своей сожительницѣ оба глаза или стащить въ кабакъ ея заячій салопъ, или провороваться и попасть подъ судъ. Если нѣтъ возможности сдѣлать выборъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, если бракъ совершается при такихъ условіяхъ, при которыхъ не можетъ возникнуть чувство, способное заглушить всякія опасенія,—то невѣстѣ всего лучше оставаться совершенно пассивнымъ лицомъ до самаго конца всей исторіи. Тогда по крайней мѣрѣ, въ случаѣ неудачи, ей можно будетъ плакаться на судьбу, а не на собственную оплошность. Можно будетъ во время подбиванія глазъ или пропиванія салопа утѣшать себя тѣмъ размышленіемъ, что не было другого выхода и что все это сдѣлалось помимо ея воли. Жизнь Ирины Вознесенской, — бѣдной, некрасивой и уже очень немолодой дочери деревенскаго дьячка,—уже давно должна была пріучить ее той безотвѣтной и полусонной покорности, которая составляетъ послѣднее утѣшеніе или по крайней мѣрѣ послѣднее убѣжище забитыхъ и затертыхъ личностей, обиженныхъ природой и людьми. Для такой личности, махнувшей рукой на себя и на жизнь, каждое проявленіе энергіи и самостоятельности составляетъ очень тяжелый и даже мучительный трудъ. Поэтому Ирина Вознесенская врядъ-ли согласилась-бы воспользоваться правомъ выбора, еслибы такое право было ей предоставлено претендентами и начальствомъ бурсы.

Но такой утонченной деликатности нельзя даже и ожидать ни отъ претендентовъ, ни отъ начальства. Инспекторъ знаетъ очень хорошо, что Ирина наглухо прикрѣплена къ своему мѣсту, безъ котораго ей нечѣмъ будетъ кормиться; знаетъ онъ также очень твердо, что судьба Ирины въ его рукахъ, и что отъ него зависитъ наградить Ириною достойнѣйшаго изъ претендентовъ, если только Ирина дѣйствительно въ какомъ-нибудь отношеніи можетъ исправлять должность награды. Этого права инспекторъ вѣроятно не захочетъ выпустить изъ своихъ рукъ, потому что власть и могущество во всѣхъ своихъ малѣйшихъ проявленіяхъ веселятъ сердце и возвышаютъ духъ всякаго начальствующаго человѣка. Бурсаки съ своей стороны, желая вырваться изъ бурсы и влюбившись въ прелести прихода, приданаго и независимой жизни, вовсе не будутъ великодушничать и отдаваться на произволъ

Ирины. Они будутъ спорить между собою, оставляя невѣсту въ пассивно-выжидательномъ положеніи, и споръ ихъ по всей вѣроятности будетъ рѣшенъ или какой-нибудь полюбовной сдѣлкой, съ распитіемъ нѣсколькихъ косушекъ на счетъ счастливаго соперника, или, что̀ еще правдоподобнѣе, безапелляціоннымъ приговоромъ инспектора, который въ этомъ случаѣ превратитъ Ирину въ премію низкопоклонства, искуснаго лицемѣрія и быть можетъ даже усерднаго фискальства.

Въ разсказѣ Помяловскаго всѣ эти затрудненія сглаживаются сами собою, но любопытно обратить вниманіе на тѣ причины, которыя отклонили отъ брака одного изъ претендентовъ, Васенду, имѣвшаго серьезное намѣреніе жениться. «Васенда,—говоритъ Помяловскій, — какъ человѣкъ положительный и практическій, нашелъ невыгоднымъ закрѣпленное мѣсто, приданое и обязательства, а невѣсту черезчуръ заматорѣвшей во днѣхъ своихъ, на видъ рябой, длинной и черствой. Онъ рѣшился остаться въ камчаткѣ (*камчаткою* назывались заднія скамейки класса, составлявшія жилище неисправныхъ лѣнтяевъ) до лучшей суженой.»

Эти слова даютъ вамъ нѣкоторое понятіе о красотѣ той сцены, которая называется *смотринами* и въ которой живая и свободная человѣческая личность продается и покупается съ соблюденіемъ всѣхъ торговыхъ правилъ и ухватокъ толкучаго рынка. Эта сцена особенно миловидна тѣмъ, что тутъ сразу даже и не разберешь, кто кого покупаетъ, кто кого продаетъ, кто кого забираетъ въ кабалу. Всѣ дѣйствующія лица (кромѣ Аксютки, пришедшаго ѣсть и красть) играютъ роль страдательную, зависимую и подневольную. Всѣ они подавлены какой-то высшей силой, которая заставляетъ ихъ насиловать самыя естественныя и неистребимыя наклонности человѣческой природы. Стоитъ только сличить то, чего хотятъ всѣ дѣйствующія лица этой сцены, съ тѣмъ, что они дѣлаютъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что всѣ они—жертвы, всѣ, кромѣ Аксютки, и что всѣхъ ихъ, кромѣ того-же Аксютки, продаетъ, покупаетъ и кабалитъ, давитъ и унижаетъ внѣшняя сила, неимѣющая въ данной сценѣ ни одного представителя.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хочетъ старуха Вознесенская? Она хочетъ добыть для своей дочери смирнаго, честнаго, трезваго и работящаго мужа. А что̀ она дѣлаетъ? Поступаетъ-ли она сообразно съ своимъ желаніемъ? Напротивъ того. Она привлекаетъ къ своей дочери бурсаковъ, которыхъ она сама-же считаетъ озорниками и отъ которыхъ она навѣрное перебѣжала-бы на другую сторону улицы, подобно старухѣ, попавшейся на встрѣчу бурсакамъ, во время ихъ побѣднаго шествія въ баню. Она бросаетъ свою дочь на шею такому человѣку, котораго обѣ онѣ, и старуха, и дочь, видятъ въ первый разъ. Она встрѣчаетъ разомъ троихъ гостей и передъ всѣми троими разсыпаетъ одинаковыя любезности, потому что каждый изъ нихъ можетъ оказаться тѣмъ суженымъ, которому достанется право карать и миловать ея дочь. Положеніе старухи, какъ видите, совершенно пассивно и до послѣдней степени зависимо. Тутъ съ ея стороны нѣтъ ничего похожаго на обыкновенную ловлю жениховъ; она ловитъ то, чего ей вовсе не хочется поймать; ловитъ то, въ чемъ она боится найдти несчастіе для себя и для своей дочери.

Чего хочетъ эта дочь? Подобно всякой другой дѣвушкѣ, Ирина хочетъ пріобрѣсти себѣ мужа красиваго, веселаго, кроткаго, расторопнаго, способнаго хорошо кормить и одѣвать ее, вообще такого, который-бы понравился ей и полюбилъ ее.—А что̀ она дѣлаетъ? Она принимаетъ съ заискивающимъ видомъ и съ стереотипной улыбкой всѣхъ уродовъ и всѣхъ негодяевъ, которыхъ заблагоразсудитъ прислать къ ней въ гости инспекторъ бурсы. Наружность посѣтителей можетъ ей не нравиться; она можетъ думать про себя, что они по всей вѣроятности окажутся негодяями, но все это ровно ничего не значитъ; несмотря на свое отвращеніе, несмотря на свои мучительныя предчувствія, она съ невозмутимымъ смиреніемъ должна изображать своей особой вещь, которую пришли разсматривать и оцѣнивать покупатели. Въ ея роли нѣтъ также ни малѣйшей активности и ничего похожаго на завлеканіе поклонниковъ.

Чего хотятъ покупатели, Васенда и Азинусъ? Но, во-первыхъ, какіе-же они покупатели? На какіе достатки могутъ они купить человѣка? Какъ-бы ни были дешевы въ наше время человѣческое счастье, человѣческая жизнь, человѣческая любовь, человѣческая совѣсть,—все же эти вещи дороже трехъ-копѣечной сайки, а Васендѣ и Азинусу даже и трехъ-копѣечная сайка обыкновенно оказывается не по карману. Васендѣ и Азинусу для совершенія купли надо заложить, закабалить или продать собственныя особы. Они приходятъ къ госпожѣ Вознесенской именно для того, чтобы устроить такую сдѣлку. Одно это обстоятельство уже достаточно устраняетъ всякое помышленіе о ихъ активности. Но во всякомъ случаѣ чего-же они хотятъ? Подобно всѣмъ другимъ молодымъ людямъ ихъ возраста, они желали-бы, чтобы ихъ любила и ласкала молодая и красивая женщина. Это физіологическое влеченіе къ молодости, къ свѣжести и къ красотѣ не можетъ быть истреблено ни однимъ изъ талисмановъ, которыми располагаетъ бурса: ни голодомъ, ни грязью, ни розгами, ни даже тамошней наукой. Это влеченіе несомнѣнно существуетъ въ обоихъ претендентахъ, являющихся къ Иринѣ Вознесенской. А

между тѣмъ, что̀ дѣлаютъ эти претенденты? Познакомившись съ своей *общей невѣстой*, они видятъ прежде всего, что Ирина—дѣвица, *заматорѣвшая во днѣхъ своихъ*, *на видъ рябая, длинная и черствая*. Тогда они оба кладутъ на одну чашку вѣсовъ корявую наружность и преклонныя лѣта Ирины, а на другую начинаютъ накладывать стаметовыя юбки, шелковые платки, заячьи салопы, коровъ и овецъ, доходы закрѣпленнаго мѣста и всѣ другія сокровища, принадлежащія невѣстѣ. Уложивши все, какъ слѣдуетъ, Васенда находитъ, что первая чашка все-таки перетягиваетъ; поэтому онъ отступается отъ невѣсты. Но еслибы вы на вторую чашку вѣсовъ прибавили нѣсколько стаметовыхъ юбокъ, двѣ-три коровы, два-три десятка рублей годового дохода,—то Васенда, *какъ человѣкъ практическій и положительный*, переломилъ-бы свое физіологическое отвращеніе къ рябой и черствой дѣвицѣ и, скрѣпя сердце, отдалъ-бы себя въ кабалу за очень дешевую цѣну. Азинусъ поступилъ именно такимъ образомъ, и, разумѣется, не потому, что рябое лицо казалось ему привлекательнымъ, и также не потому, что влеченіе къ красотѣ и къ молодости въ немъ не существовало. Рѣшился онъ на свой неблестящій бракъ потому, что и въ бурсѣ оставаться было скверно, и впереди не предвидѣлось ничего утѣшительнаго. Браки по разсчету, покупки и продажи живыхъ и полнокровныхъ человѣческихъ личностей, совершаются каждый день въ самыхъ богатыхъ и знатныхъ слояхъ европейскихъ обществъ. Но эти торговыя сдѣлки имѣютъ такъ-же мало общаго съ поступками Азинуса и Васенды, какъ мало общаго имѣютъ дѣйствія Ирины и старухи Вознесенскихъ съ кокетствомъ богатыхъ барышень и съ маневрами богатыхъ маменекъ. Въ блестящихъ бракахъ по разсчету обѣ стороны по своему остаются въ выигрышѣ, то есть, обѣ получаютъ дѣйствительно то, къ чему онѣ стремились: одна сторона покупаетъ себѣ красоту и наслаждается ею; другая за противныя старческія ласки вознаграждаетъ себя блестящими нарядами, каретой, балами и театрами,—словомъ, всѣми прелестями утонченнаго комфорта. Но что-же получаютъ другъ отъ друга monsieur и madame Азинусъ? Ни красоты, ни довольства, ни того, что̀ наполняетъ жизнь наслажденіемъ, ни того, что̀ дѣлаетъ пустую жизнь сколько-нибудь сносной. Оба собираются взаимно отравить другъ другу жизнь, оба предвидятъ, что не принесутъ другъ другу ничего, кромѣ заботъ, обидъ и огорченій, и оба дѣлаютъ рѣшительный шагъ, получая отъ общества за весь этотъ подвигъ хроническаго самоистязанія возможность жить въ дрянной избенкѣ, одѣваться въ дрянныя ветошки и набивать животъ чуть-чуть не сѣномъ. Такой бракъ слѣдуетъ назвать не бракомъ по разсчету, а бракомъ изъ-подъ палки, и палкой является тутъ для обѣихъ сторонъ бѣдность, не та мнимая бѣдность, при которой нельзя завести себѣ собственныхъ лошадей и французскаго повара, а та настоящая, неприличная бѣдность, при которой можно голодать и зябнуть, нищенствовать и воровать, страдать отъ болѣзни и обходиться безъ медицинской помощи, безъ мягкой постели, безъ чистаго и сухого воздуха.

«Въ свѣтскихъ искусственныхъ бракахъ,—говоритъ Помяловскій,—большей частью оскорбляется женщина; но въ бурсацкихъ—и женщина, и мужчина. Въ свѣтскихъ мужчина говоритъ: «я сытъ и есть у меня имя, иди за меня—ты будешь сыта и получишь имя»; въ бурсацкихъ-же не то; женихъ кричитъ: «ѣсть нечего»; невѣста кричитъ: «съ голоду умираю»—и исходъ одинъ: соединиться обѣимъ сторонамъ.» И соединиться для того, чтобы, грызя другъ друга взаимными попреками, прожить всю жизнь впроголодь! Исходъ прелестенъ, и прелести этого исхода достаточно извѣстны бурсакамъ, насмотрѣвшимся на семейныя заботы и семейные раздоры, какъ въ домѣ своихъ родителей, такъ и у всѣхъ своихъ ближайшихъ знакомыхъ. И однакоже вообразите себѣ, что этотъ исходъ, этотъ бракъ изъ-подъ палки, это отвратительное взвѣшиваніе стаметовыхъ юбокъ и корявой наружности являются въ жизни бурсаковъ радостнымъ и счастливымъ событіемъ, которое воодушевляетъ цѣлый классъ, возбуждаетъ ликованіе въ Камчаткѣ, наводитъ на всѣхъ учениковъ веселыя думы и охватываетъ трепетомъ наслажденія все училище «*отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика до двадцати-двухъ годовалаго парня, отъ послѣдняго лѣнтяя до перваго ученика*». Женихи считаются *героями дня*. Камчатка гордится ими. *Магическое слово «женихи» быстрѣе ласточки облетаетъ по всѣмъ классамъ, сладостно волнуя бурсацкія души*.

Все, что̀ подчеркнуто, принадлежитъ Помяловскому.—Это всеобщее ликованіе составляетъ, разумѣется, только слабое отраженіе гордой и непомѣрной радости, переполняющей сердца жениховъ, которые дѣйствительно сами считаютъ себя *героями дня*, и въ тяжелой сценѣ *смотринъ*, унизительной для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, видятъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и блестящихъ эпизодовъ своей жизни. Быть женихомъ изъ-подъ палки—такая великая честь, и попасть на смотрины—такое несказанное благополучіе, что, забывая свой возрастъ, къ этой чести и къ этому благополучію порывается даже четырнадцатилѣтній мальчикъ, котораго забраковалъ инспекторъ и жестоко осмѣяли за эту преждевременную прыткость товарищи.

Что-же все это значитъ? Неужели-же бур-

сакъ неспособенъ влюбиться въ женщину? Неужели въ бурсакѣ дѣйствительно истреблено влеченіе къ молодости и красотѣ? Это невозможно, такъ точно какъ невозможно истребить въ человѣкѣ влеченіе къ здоровой и обильной пищѣ, къ теплому и удобному платью, къ мягкой и чистой постели. Влеченіе къ удобствамъ жизни не исчезаетъ никогда, и человѣкъ всегда сохраняетъ способность отличать пріятное отъ непріятнаго, и даже различать довольно тонкіе оттѣнки въ своихъ пріятныхъ ощущеніяхъ. Но когда человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, при которомъ самыя пріятныя ощущенія для него рѣшительно недоступны, тогда онъ поневолѣ привыкаетъ пробавляться тѣмъ вторымъ, третьимъ или четвертымъ сортомъ наслажденій, который оказывается для него сподручнымъ Спускаясь на нижнія ступеньки общественной лѣстницы, мы находимъ тамъ такія положенія, при которыхъ человѣкъ страдаетъ съ утра до вечера, и съ вечера до утра, то отъ холода, то отъ голода, то отъ копоти, то отъ насѣкомыхъ, то отъ непомѣрной и однообразной работы, то отъ грубаго обращенія. Для такого человѣка облегченіе привычныхъ страданій оказывается уже наслажденіемъ, хотя намъ съ вами это наслажденіе показалось-бы очень ощутительнымъ страданіемъ. Бурсакъ можетъ считать счастливымъ тотъ день, когда его не оставили безъ обѣда, не прибили и не высѣкли, но еслибы насъ съ вами заставили прожить штукъ десять такихъ счастливыхъ дней, то мы считали-бы себя очень жестоко наказанными. Когда общій колоритъ жизни мраченъ и грязенъ, когда глубокія, сильныя и чистыя наслажденія недоступны, тогда человѣкъ привыкаетъ считать пустой прихотью тѣ изъ своихъ собственныхъ законныхъ потребностей, которыя, при данныхъ условіяхъ, не могутъ найти себѣ удовлетворенія. Такія суровыя отношенія человѣка къ самому себѣ необходимы, потому что они одни даютъ ему силы переносить тяжесть безотраднаго существованія; давая волю своимъ неудовлетворимымъ стремленіямъ и въ то-же время не имѣя возможности выбиться изъ подъ гнета тѣхъ условій, которыя мѣшаютъ удовлетворенію,— человѣкъ домучилъ-бы себя до сумасшествія и до самоубійства. Но если, при данныхъ условіяхъ, человѣку необходимо насиловать, переламывать, истощать и уродовать свою природу, то во всякомъ случаѣ невозможно находить эти крутыя мѣры полезными для человѣческаго совершенствованія. Осажденный гарнизонъ поступаетъ очень благоразумно, если, въ ожиданіи скорой помощи, онъ тратитъ съѣстные припасы съ самой крайней скупостью; но эта скупость, необходимая при данныхъ обстоятельствахъ, во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ на здоровье людей разрушительнымъ образомъ.

То-же самое можно сказать и о бурсакахъ. Они были-бы невыносимо несчастливы, еслибы грязь и безобразіе ихъ существованія постоянно поражали ихъ такъ-же сильно, какъ они могутъ поражать свѣжаго человѣка, смотрящаго на дѣло со стороны.—Привычка къ грязи и примиреніе съ тусклыми и мутными удовольствіями составляютъ для бурсаковъ единственное спасеніе отъ самаго убійственнаго отчаянія. Но это спасеніе достается имъ не даромъ. Они должны обезобразить себя для того, чтобы принаровиться къ условіямъ жизни, невыносимымъ для нормальнаго человѣка. Отказываясь по необходимости отъ высшихъ наслажденій, человѣческая природа бѣднѣетъ, вянетъ и черствѣетъ. Становясь непомѣрно суровымъ къ самому себѣ, называя прихотью свое собственное и законное желаніе, человѣкъ пріучается быть неумолимымъ въ отношеніи къ другимъ. Онъ топчетъ въ грязь чужія чувства такъ точно, какъ его собственныя чувства топтались въ грязь желѣзнымъ гнетомъ обстоятельствъ. Что̀ скажетъ напримѣръ Азинусъ, когда лѣтъ черезъ двадцать сынъ его захочетъ жениться на любимой дѣвушкѣ, несоотвѣтствующей финансовымъ или политическимъ планамъ родителя? Азинусъ припомнитъ свои смотрины и тотъ восторгъ, съ которымъ онъ летѣлъ въ домъ совершенно незнакомой дѣвушки, и ту неустрашимость, съ которой онъ отнесся къ рябой физіономіи Ирины Вознесенской. «Дуракъ,—скажетъ онъ своему сыну.—Развѣ-жъ тебѣ не все равно, что одну взять дѣвку, что другую? За тебя нашъ благочинный хочетъ свою Степаниду отдать, а ты рыло воротишь. Глупъ ты, молодъ, мало каши ѣлъ, мало вѣниковъ объ тебя изломали,—оттого и дуришь. А ты-бы посмотрѣлъ, какъ я на твоей матери женился. И рожа то у ней хуже Степанидиной была, и старше-то она была лѣтъ на семь, и добра-то за нею никакого не было,—да взялъ-же я ее, да еще земли подъ собой не слышалъ отъ радости. А ты рыло воротишь! Меня передъ благочиннымъ погубить стараешься! Ну, не оселъ-ли ты послѣ этого? На моемъ мѣстѣ другой отецъ съ тобой языкомъ-то и говорить-бы не сталъ.»—И затѣмъ начинаются крикъ, шумъ, избіеніе непокорнаго сына, и все это происходитъ отъ того, что человѣкъ всегда прикидываетъ чужія чувства и страсти на собственный аршинъ, укороченный или изломанный враждебными обстоятельствами. Разсмотрѣвши исторію Аксюткиной невѣсты, я теперь возвращаюсь къ самому Аксюткѣ и къ Горо-благодатскому.

VIII.

Великъ и славенъ Аксютка своими воровскими подвигами, но еще больше славы и ве-

личія доставляетъ ему та кровопролитная война, которую онъ ведетъ съ жестокимъ учителемъ Лобовымъ. Эта война ведется самымъ оригинальнымъ образомъ и оказывается кровопролитной для одного Аксютки. Обладая отличными способностями, Аксютка начинаетъ вдругъ превосходно учиться. Лобовъ восхищается его успѣхами и сажаетъ его на первую скамейку. Аксютка тотчасъ перестаетъ учиться и постоянно получаетъ нули въ авдиторскихъ нотатахъ. Лобовъ начинаетъ его пороть и впродолженіи нѣсколькихъ недѣль проливаетъ его кровь за каждый невыученный урокъ. Аксютка съ непоколебимой стойкостью выдерживаетъ лобовскія внушенія и наконецъ отсылается въ Камчатку, въ страну безнадежныхъ лѣнтяевъ, которыхъ начальство уже не удостоиваетъ сѣченія. Повидимому всего выгоднѣе для Аксютки было-бы успокоиться въ Камчаткѣ и навсегда забыть о существованіи учебныхъ книгъ и учительскихъ розогъ. Но Аксютка на это рѣшиться не можетъ. Ему непремѣнно надо лицедѣйствовать въ классѣ, обращать на себя вниманіе и изумлять товарищество своимъ геройствомъ. Попавши въ Камчатку, онъ снова начинаетъ учиться, и появляется въ нотатахъ съ полными баллами. Покаялся, думаетъ Лобовъ и переводитъ Аксютку на первую скамейку. Но Аксютка обнаружилъ признаки раскаянія только для того, чтобы завязать съ Лобовымъ новую борьбу. Начинается опять рядъ нулей; надъ Аксюткой свистятъ лобовскія розги; Аксютку гонятъ въ Камчатку, и опять разыгрывается съ начала та-же самая исторія. Наконецъ Лобовъ видитъ ясно, что Аксютка, жертвуя собственной спиной, дразнитъ и дурачитъ его для потѣхи всего лихого бурсачества. Тогда Лобовъ, уславши Аксютку въ Камчатку, рѣшительно запрещаетъ ему учиться.

«— Ты, животное,—говоритъ Лобовъ,—потѣшаешься надо мною: когда тебя порютъ, у тебя въ нотатѣ нули, когда шлютъ въ Камчатку— пятки. Знаю я тебя: ты добиваешься того, чтобы опять перейдти на первую парту, чтобы потомъ снова бѣсить меня нулями? Врешь-же! Не бывать тебѣ на первой партѣ, и пока у тебя снова не будутъ нули, до тѣхъ поръ не ходи въ столовую.»

Каково должно быть торжество Аксютки, когда Лобовъ произноситъ эти слова? Учитель признается публично, при всемъ классѣ, что Аксютка *потѣшается надъ нимъ*, что Аксютка *нарочно бѣситъ его нулями*. Учитель разсказываетъ публично всю тактику Аксютки. Значитъ, учитель понялъ наконецъ и объявилъ всѣмъ ученикамъ, что Аксютка рѣшительно не боится его, Ивана Михайловича Лобова, передъ которымъ трепещетъ вся неустрашимая бурса. Лобовъ сдается на капитуляцію и проситъ себѣ только милости: «храбрый Аксютка, оставь меня въ покоѣ и позволь мнѣ не пороть тебя!»—«Ни за что!» возражаетъ Аксюткаи, сидя въ Камчаткѣ, учится отлично, единственно для того, чтобы добраться снова до лобовскихъ розогъ. Лобовъ старается истребить аксюткино прилежаніе голодомъ, но Аксютка непобѣдимъ и съ этой стороны. Онъ не ходитъ въ столовую, но воруетъ съ удвоеннымъ искусствомъ все, что́ можно украсть, поддерживаетъ кое-какъ свое существованіе и, на-зло Лобову, продолжаетъ учиться великолѣпно.

Чѣмъ кончается эта изумительная борьба— объ этомъ Помяловскій не говоритъ, но довольно и того, что́ было разсказано до сихъ поръ. Этихъ фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы почувствовать самое почтительное изумленіе передъ громадной силой Аксюткина характера. Человѣкъ терпитъ голодъ и розги, человѣкъ самъ напрашивается на розги, человѣкъ учится и старается для полученія розогъ, и всѣ эти удивительныя эволюціи производятся съ той единственной цѣлью, чтобы сказать себѣ и товарищамъ: «а я все-таки поставилъ на своемъ! Хочу дурачиться, и буду дурачиться, и никакой Лобовъ меня не испугаетъ.»

Чѣмъ ничтожнѣе цѣль, тѣмъ изумительнѣе та настойчивость, съ которой эта цѣль преслѣдуется. Если человѣкъ, ради пустѣйшаго изъ своихъ капризовъ, добровольно и неоднократно подвергаетъ себя очень сильной физической боли, то передъ чѣмъ-же отступитъ этотъ человѣкъ, когда въ немъ заговоритъ настоящая страсть, и когда онъ увидитъ передъ собой дѣйствительное наслажденіе? Чѣмъ вы запугаете такого человѣка, который въ бурсѣ, безъ всякихъ средствъ обороны, нарочно дразнитъ и бѣситъ учителя, вооруженнаго всѣми орудіями школьной инквизиціи и имѣющаго полную возможность запороть до полу-смерти непочтительнаго ученика? Заставьте такого человѣка, какъ Аксютка, полюбить полезное дѣло, съумѣйте найти приложеніе для его громадной энергіи, бросьте въ его свѣтлый умъ плодотворныя мысли, — и этотъ училищный воръ былъ-бы великимъ человѣкомъ. Гибель такихъ умныхъ, даровитыхъ, блестящихъ и энергическихъ личностей, какъ Аксютка, неизбѣжна, но неизбѣжна она только потому, что огненный потокъ великихъ людей, очищающихъ и увлекающихъ за собою все, что́ способно мыслить, желать и увлекаться,—до сихъ поръ не проложилъ себѣ дороги въ низшіе бѣднѣйшіе и грязнѣйшіе слои нашего общества. Но пока солнышко взойдетъ, до тѣхъ поръ роса глаза выѣстъ, и многія сотни Аксютокъ сгніютъ на нарахъ мертвыхъ домовъ, въ ожиданіи очищающихъ, обновляющихъ и увлекающихъ идей.

Другой сильный характеръ бурсы, Горобла-

годатскій, обреченъ также на вѣрную гибель, несмотря на то, что въ немъ имѣется гораздо больше хорошихъ качествъ, чѣмъ въ мазурикѣ-Аксюткѣ. Въ Гороблагодатскомъ мы видимъ самое чистое и самое прекрасное воплощеніе дикаго бурсацкаго идеала. Ненависть этого человѣка къ угнетающей рутинѣ безпредѣльна; честность его въ отношеніи къ товарищамъ безпредѣльна. «Онъ,—говоритъ Помяловскій,—не взялъ ни одной взятки, безпристрастно и справедливо отмѣчалъ подъавдиторнымъ баллы, не куражился надъ ними, часто защищалъ слабосильныхъ, любилъ вмѣшиваться въ ссоры и хотя деспотически, но всегда справедливо рѣшалъ ихъ; онъ постоянно солилъ ростовщикамъ и взяточникамъ. Товарищество его любило и уважало.» Но въ ненависти своей страстный и сильный характеръ Гороблагодатскаго доходитъ до безпощадной свирѣпости, для которой бурса, переполненная всѣмъ, что́ способно возмущать честнаго человѣка, представляетъ конечно самое обширное поприще. Первый очеркъ Помяловскаго («Зимній вечеръ въ бурсѣ») показываетъ намъ, какимъ образомъ Гороблагодатскій доѣзжаетъ двухъ подлецовъ, ростовщика Тавлю и фискала Семенова.

Желая насладиться мученіями Тавли, Гороблагодатскій играетъ съ нимъ въ камушки со щипчиками. Интересъ игры состоитъ въ томъ, что выигравшій имѣетъ право щипать руку проигравшаго. Такъ какъ Тавля и Гороблагодатскій—оба силачи, то щипчики ихъ ужасны и называются *съ пылу горячіе*. Отъ этихъ щипчиковъ краснѣетъ, синѣетъ, чернѣетъ и пухнетъ рука побѣжденнаго партнера. Гороблагодатскій проигрываетъ. Тавля закатываетъ ему сотню жесточайшихъ щипчиковъ и потомъ насмѣшливо спрашиваетъ у него, не хочетъ-ли онъ сыграть еще партію? Гороблагодатскій говоритъ: «Давай!»—и выигрываетъ.—«Съ пылу горячіе!»—провозглашаетъ побѣдитель такимъ зловѣщимъ голосомъ, что товарищамъ становится страшно.—«Конца не будетъ!»—произноситъ Гороблагодатскій, и начинается истязаніе. Товарищи смотрятъ и молчатъ. У Тавли душа уходитъ въ пятки. Получивши сотню баснословныхъ щипчиковъ, Тавля начинаетъ отпрашиваться.—«Послѣ двухъ сотъ проси пощады»,—отвѣчаетъ истребитель ростовщиковъ. Тавля продолжаетъ уговаривать побѣдителя, но побѣдитель велитъ ему молчать: «Скажи только слово,—говоритъ Гороблагодатскій,—еще двѣсти закачу.» Тавля начинаетъ плакать. Послѣ двухсотъ Гороблагодатскій приказываетъ Тавлѣ просить прощенія и побѣждаетъ его упрямство жестокимъ щипкомъ. Истерзанный Тавля смиряется и при всей собравшейся публикѣ проситъ прощенія. Гороблагодатскому этого мало. Страданія и покорность Тавли нисколько не укрощаютъ его ненависти. Черезъ нѣсколько времени Тавля играетъ *въ постные*. Эта игра состоитъ въ томъ, что одинъ изъ играющихъ, закрывши голову руками, подставляетъ спину подъ удары и старается угадать, кто его ударилъ. Угадалъ—тогда ложится ударившій; не угадалъ—ложись опять прежній страдалецъ. Въ этой занимательной игрѣ Тавлѣ пришлось лечь подъ удары. Тогда къ кучкѣ играющихъ примкнулъ Гороблагодатскій, а за нимъ потянулись и другіе силачи класса. Тавлѣ не повезло. Онъ четыре раза ошибся при угадываніи, и поэтому получилъ пять такихъ ударовъ, которые чуть-чуть не переломили ему становой хребетъ. Онъ сталъ протестовать: «Чтожъ это, братцы? Убить что-ли хотите?» Протестъ и слово *братцы* не тронули черстваго сердца Гороблагодатскаго. Онъ отвѣчалъ кровавой насмѣшкой: «Значитъ, любимъ тебя, почитаемъ.» Тавля возражаетъ: «Другихъ такъ не бьютъ»—«А тебя вотъ бьютъ!»—отвѣчаетъ ему кто-то, по всей вѣроятности тотъ-же его неизмѣнный доброжелатель, потому что проще, осторожнѣе и свирѣпѣе этого отвѣта трудно что-нибудь придумать. Наконецъ Тавля угадываетъ и говоритъ съ неудовольствіемъ, что онъ не хочетъ больше играть. Гороблагодатскій на прощаніе ввертываетъ ему еще шпильку: «Отчего-же, душа моя?»—спрашиваетъ онъ добродушно и ласково.

Въ тотъ-же вечеръ во время темноты, сберегающей казенное масло, бурсаки сѣкутъ очень сильно фискала Семенова. Ему даютъ семьдесятъ розогъ, и при этомъ товарищескомъ подвигѣ Тавля играетъ одну изъ главныхъ ролей. Онъ зажимаетъ рукою ротъ Семенова. Семеновъ, терпя горькую муку, кусаетъ его за руку и узнаетъ его голосъ, потому что укушенный Тавля начинаетъ ругаться. Послѣ сѣченія Семеновъ идетъ къ инспектору и доноситъ ему на Тавлю. Инспекторъ приходитъ въ классъ съ четырьмя солдатами и даетъ Тавлѣ полтораста розогъ. Тутъ повидимому всѣ симпатіи Гороблагодатскаго должны склониться на сторону Тавли, который, такъ сказать, положилъ животъ за бурсацкое отечество и потерпѣлъ мученичество за величіе и славу товарищеской общины. Но не тутъ-то было. Свирѣпость Гороблагодатскаго такъ велика, что его ненависть къ инспектору и къ его креатурѣ Семенову нисколько не мѣшаетъ ему ненавидѣть въ эту-же минуту и Тавлю и радоваться его неудачѣ. Помяловскій говоритъ, что Гороблагодатскій съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Тавлю, который не могъ ни стать, ни сѣсть послѣ экзекуціи.

Теперь читатель можетъ себѣ вообразить, до какой степени неудобно фискалу Семенову сидѣть въ одной комнатѣ съ Гороблагодатскимъ, безпощаднымъ истребителемъ всякихъ мерзостей. Встрѣтившись съ Семеновымъ, Гороблагодатскій даетъ ему затрещину. Потомъ во

время игры *въ постные* Гороблагодатскій схватываетъ Семенова сзади и насильно кладетъ его подъ жестокіе удары, которые валятся на Семенова безъ счета и не въ очередь, потому что его бьютъ не какъ играющаго, а какъ фискала, исключеннаго изъ всякихъ товарищескихъ забавъ и стоящаго внѣ закона. Черезъ нѣсколько времени Сѣменова сѣкутъ. Кѣмъ придумана такая необычайная штука—это оставлено у Помяловскаго во мракѣ неизвѣстности. Но мудрено себѣ представить, чтобы такое патріотическое дѣло совершилось безъ участія Вани Гороблагодатскаго. Всего правдоподобнѣе даже то, что ему принадлежитъ первая мысль объ этой кровавой экзекуціи. Мое предположеніе совершенно соотвѣтствуетъ какъ серьезности его характера, такъ и блестящимъ способностямъ его изобрѣтательнаго ума. Когда инспекторъ при содѣйствіи четырехъ сильныхъ солдатъ отнялъ у Тавли возможность стоять и сидѣть, тогда Гороблагодатскій такъ сильно прочувствовалъ наказаніе, данное Тавлѣ, что вознамѣрился «*идти къ Семенову и избить его окончательно*». Но онъ раздумалъ, потому что въ головѣ его родился новый и болѣе удобный планъ мщенія. Онъ устроилъ Семенову *пфимфу*. *Пфимфой* называется въ бурсѣ свертокъ бумаги въ видѣ конуса, набитый ватой. Трое заговорщиковъ отправились ночью подъ предводительствомъ нашего Вани къ постели спящаго Семенова, осторожно вставили ему въ носъ отверстіе *пфимфы*, зажгли вату съ широкаго конца и начали дуть въ этотъ конецъ. Послѣ двухъ дуновеній Семеновъ, обожженный и прокопченный дымомъ до самой глубины легкихъ, лишился чувствъ. На другой день его замертво стащили въ больницу, гдѣ онъ никакъ не могъ объяснить причины своей болѣзни. Если Семенову послѣ этой передѣлки удалось выздоровѣть, и если онъ не догадался покинуть навсегда враждебную бурсу, то можно сказать навѣрное, что Гороблагодатскій не оставилъ его въ покоѣ. Изъ всѣхъ сообщенныхъ подробностей читатель видитъ ясно, что этотъ человѣкъ не могъ и не умѣлъ прощать.

Любопытно было-бы узнать, какимъ образомъ Гороблагодатскій относится къ Аксюткѣ. Эти двѣ личности, одинаково умныя и сильныя, но не одинаково честныя, должны жестоко ненавидѣть другъ друга. Постоянныя столкновенія между ними тѣмъ болѣе неизбѣжны, что они сидятъ въ одномъ классѣ. Эта борьба между двумя самыми блестящими личностями, представителями бурсацкой цивилизаціи, наполнена самыми оригинальными и занимательными эпизодами. Къ сожалѣнію, Помяловскій не сообщаетъ объ этой борьбѣ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Аксютка и Гороблагодатскій совсѣмъ не встрѣчаются между собой, точно будто они живутъ на двухъ разныхъ планетахъ. Въ первомъ очеркѣ Помяловскаго господствуетъ Гороблагодатскій; тутъ не упоминается ни разу даже имя Аксютки. Въ двухъ слѣдующихъ очеркахъ царствуетъ Аксютка; тутъ имя Гороблагодатскаго упоминается мимоходомъ, раза два или три. Еслибы «Очерки бурсы» были совершенно законченнымъ сочиненіемъ, то молчаніе Помяловскаго объ отношеніяхъ двухъ героевъ бурсы оказалось-бы со стороны автора очень важной ошибкой. Но такъ какъ Помяловскій хотѣлъ написать около десяти или двѣнадцати очерковъ, а успѣлъ написать только четыре, то осуждать автора за пробѣлы было-бы несправедливо; и слѣдовательно остается только пожалѣть о томъ, что замѣчательный трудъ Помяловскаго не могъ быть доведенъ до конца.

По выходѣ изъ бурсы Гороблагодатскій навѣрное погибнетъ такъ или иначе. Попадетъ-ли онъ въ мертвый домъ—этого я не знаю. Но что онъ не сноситъ своей буйной головы и шибко напакоститъ себѣ и другимъ—это врядъ-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гороблагодатскій придетъ къ погибели конечно не тѣмъ путемъ, по которому бѣжитъ Аксютка. Гороблагодатскій останется навсегда безукоризненно-честнымъ человѣкомъ. Кто терпѣлъ голодъ, имѣлъ подъ руками возможность взяточничать и не пользовался выгодами своего положенія, тотъ навѣрное выйдетъ чистъ и невредимъ изъ всевозможныхъ испытаній. Кого въ молодыхъ лѣтахъ не развратила бурса, того врядъ-ли развратитъ послѣдующая жизнь. Но Гороблагодатскаго, честнаго, умнаго и сильнаго человѣка, загубятъ вынужденная праздность, дикое безобразіе пьянаго разгула и безтолковыя схватки съ мелкими проявленіями общественнаго зла. Гороблагодатскій учится въ бурсѣ хорошо. Поэтому для него есть надежда получить аттестатъ. Хорошо. Получитъ онъ аттестатъ, пристроится къ мѣсту, возьмется за добросовѣстное исполненіе своихъ почтенныхъ обязанностей. Но развѣ-же эти обязанности, очень почтенныя, но очень скромныя, тихія и однообразныя, могутъ удовлетворить Гороблагодатскаго? Къ этимъ обязанностямъ можно только привыкнуть, въ эту идиллію можно только втянуться, а Гороблагодатскому необходимо пристраститься. Ему нужна борьба. Его кипучая природа требуетъ себѣ такой жизни, которая держала-бы въ постоянномъ напряженіи всю нервную систему,—такой жизни, въ которой цѣной великихъ трудовъ и тяжелыхъ страданій покупались-бы минуты невыразимаго наслажденія, непонятнаго и недоступнаго для мелкихъ и вялыхъ людишекъ. Не имѣя возможности создать себѣ такую полную и дѣятельную жизнь, Гороблагодатскій, подавленный избыткомъ своихъ собственныхъ непристроенныхъ силъ, будетъ поневолѣ разгонять свою хроническую скуку тѣми нехитрыми средствами, которыя окажутся у него

подъ руками. Прежде всего подъ руками окажется водка; нашъ скучающій богатырь приметъ ее въ соображеніе, тѣмъ болѣе, что онъ и въ бурсѣ считалъ ее вѣрнѣйшимъ средствомъ *отъ всѣхъ скорбей*. Далѣе, въ пьяныя минуты подъ руками будетъ оказываться жена, пріобрѣтенная вмѣстѣ съ закрѣпленнымъ мѣстомъ, и слѣдовательно врядъ-ли способная внушать мужу особенно сильную привязанность. Въ этой женѣ Гороблагодатскій будетъ усматривать различные пороки, за искупленіе которыхъ онъ примется со свойственной ему энергіей; борьба съ недостатками супруги будетъ служить Гороблагодатскому очень сильнымъ средствомъ развлеченія, но отъ этой борьбы получится немного пользы, какъ для семейнаго счастья нашего героя, такъ и для всего направленія его жизни. Живя въ какомъ-нибудь бѣдномъ сельскомъ приходѣ, Гороблагодатскій будетъ встрѣчаться съ различными, очень возмутительными проявленіями насилія, произвола, несправедливости и вымогательства. Какъ честный и страстный человѣкъ, онъ будетъ протестовать, не жалѣя и не выгораживая самого себя. Протесты эти, при всей своей искренности и безкорыстности, будутъ очень узки, поверхностны и безплодны. Гороблагодатскій, подобно всѣмъ неразвитымъ людямъ, будетъ сражаться съ внѣшними симптомами зла, съ недобросовѣстными или тупоумными личностями, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ настоящихъ причинъ зла, противъ тѣхъ общихъ условій и идей, вслѣдствіе которыхъ тупоумныя и недобросовѣстныя личности могутъ играть важныя роли и отравлять жизнь своихъ умныхъ и честныхъ ближнихъ. Донъ-Кихотская борьба Гороблагодатскаго съ подлецами и съ дураками окончится полнѣйшимъ пораженіемъ нашего героя; его замнутъ, затрутъ, отрѣшатъ отъ должности, сошлютъ куда-нибудь на покаяніе, у него отнимутъ насущный хлѣбъ; его доведутъ до самаго нищенства, и эта погибель будетъ тѣмъ болѣе ужасна, что она останется совершенно безплодной. Тысячи такихъ безалаберныхъ погибелей проведутъ по одной лишней морщинкѣ на лицѣ тѣхъ самодовольныхъ идіотовъ, съ которыми боролись эти побѣжденные протестанты.

Чего-же недостаетъ Гороблагодатскому для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ и занять въ ряду мыслящихъ работниковъ то мѣсто, на которое онъ имѣетъ право по своимъ способностямъ и по желѣзной силѣ своего характера? На этотъ вопросъ я смѣло отвѣчаю, что ему недостаетъ *развитія* или, проще, *знаній*. Отвѣчаю я такъ, несмотря на то, что меня еще въ прошломъ году упрекали печатно, изъ дружескаго лагеря, въ зловредныхъ стремленіяхъ основать на умственномъ развитіи новую аристократію. Если считать такой упрекъ за что-нибудь серьезное, то его пришлось-бы распространить на всѣхъ тѣхъ людей, которые желаютъ и требуютъ для народа грамотности. Сила грамотности очевидно заключается не въ тѣхъ каракулькахъ, которыя человѣкъ разбираетъ въ книгѣ или выводитъ перомъ на бумагѣ, а въ тѣхъ знаніяхъ, къ которымъ каракульки открываютъ доступъ. Но знанія поверхностныя, шаткія или ограниченныя, неразрушающія въ умѣ человѣка ни одного стараго заблужденія и не обогащающія его новыми идеями,—составляютъ только лишній балластъ для памяти. Значитъ, желая для народа грамотности, мы требуемъ для него такихъ знаній, изъ которыхъ могли-бы выработаться прочныя положительныя убѣжденія. Грамотность драгоцѣнна для насъ только какъ дорога къ развитію. Но если мы желаемъ народу развитія, то, разумѣется, мы считаемъ это развитіе за благо, потому что съ какой же стати мы стали-бы желать народу того, что само по себѣ не имѣетъ никакого достоинства. Если-же развитіе есть благо, то приходится согласиться, что меньшинство, обладающее этимъ благомъ, стоитъ въ болѣе выгодномъ положеніи и можетъ работать на общую пользу съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ то большинство, которое не пріобрѣло себѣ этого сокровища.

Гдѣ-же тутъ аристократизмъ? — Никто не думаетъ говорить, что всякій развитый человѣкъ честнѣе и умнѣе всякаго неразвитаго. Я говорю только, что умъ и честность развитаго человѣка приносятъ обществу и самому обладателю этихъ качествъ гораздо больше пользы и наслажденій, чѣмъ умъ и честность человѣка неразвитаго. Эту мысль, которая, по своей простотѣ и очевидности, похожа даже на общее мѣсто, можно повести дальше и выразить болѣе опредѣленнымъ образомъ. Можно сказать, что безъ развитія сильный умъ и сильный характеръ становятся не только безполезными, но даже вредными, какъ для общества, такъ и для самого даннаго субъекта. Посредственность уживается лучше генія съ такой обстановкой, при которой умъ и страсти осуждены на бездѣйствіе. Тихій и скромный бурсакъ Васенда проживетъ на свѣтѣ гораздо приличнѣе, благоразумнѣе и безобиднѣе для себя и для всѣхъ, чѣмъ даровитый и замѣчательный Гороблагодатскій, который насолитъ себѣ, насолитъ другимъ и въ то-же время не произведетъ никакой существенной перемѣны во всемъ томъ, что̀ стѣсняло, волновало и бѣсило его. Это неумѣнье сильныхъ натуръ мириться съ пошлостями жизни драгоцѣнно тѣмъ, что оно выводитъ замѣчательныхъ людей на лучшую дорогу, заставляетъ ихъ искать и иногда помогаетъ имъ найдти тѣ знанія, при содѣйствіи которыхъ они могутъ раз-

вернуть въ полезной работѣ всѣ свои силы. Но для тѣхъ людей, которымъ выходъ на лучшую дорогу не удается, это неумѣнье помириться становится обильнымъ источникомъ мученій и ошибокъ. Горoблагодатскій не можетъ сдѣлаться Васендой; онъ не можетъ урѣзать отъ своего ума и отъ своихъ страстей тѣ излишки, которымъ некуда дѣваться при данныхъ условіяхъ. Но если нѣтъ возможности превратить себя въ тихую и приличную посредственность, зато есть полная возможность убить въ себѣ дикимъ разгуломъ всѣ порывы къ лучшей жизни и вмѣстѣ съ этими неумѣстными порывами убить всѣ способности своего ума; словомъ, можно превратить себя въ ходячую развалину, и эту операцію продѣлываютъ надъ собою такъ или иначе почти всѣ замѣчательные люди, которые, нуждаясь въ знаніяхъ, сами не умѣютъ понять, чего именно имъ недостаетъ. Такимъ людямъ нечѣмъ успокоить свою тревогу, потому что знанія составляютъ единственный ключъ ко всякой широкой и разумной дѣятельности, какая-бы она ни была, теоретическая или практическая, ученая или соціальная.

IX.

Бурса распоряжается съ своими даровитѣйшими воспитанниками очень безцеремонно: однихъ она развращаетъ голодомъ, на подобіе Аксютки; другимъ, неприступнымъ съ нравственной стороны, она навсегда засоряетъ головы и загораживаетъ дорогу къ образованію. Такимъ образомъ молодая жизнь такъ или иначе оказывается изломанной. Блестящія исключенія изъ этого правила не должны подкупать насъ въ пользу бурсы, во-первыхъ потому, что эти исключенія очень малочисленны, а во-вторыхъ потому, что всѣ они относятся къ такимъ личностямъ, которыя по выходѣ изъ бурсы сворачивали въ сторону съ торной бурсацкой дороги. Эти личности, подобныя Добролюбову и Помяловскому, развиваются и совершенствуются именно только тогда, когда стараются какъ можно быстрѣе и полнѣе забыть все то, чѣмъ наградила ихъ alma mater бурса. Только эти блестящіе ренегаты бурсы и привлекли вниманіе общества на замкнутый бурсацкій міръ. Принимая этихъ ренегатовъ за образчики, общество расположено было думать, что бурса— таинственная лабораторія, въ которой рутинныя педагогическія средства, на удивленіе почтенной публики, даютъ превосходнѣйшіе результаты и выковываютъ *сердца изъ золота и стали*. Общество забывало, что бурсу слѣдуетъ судить по тѣмъ ея продуктамъ, которые остаются навсегда въ предначертанной для нихъ колеѣ. Объ этихъ продуктахъ я распространяться не желаю; но замѣчу мимоходомъ, что ими не совсѣмъ доволенъ былъ Иванъ Аксаковъ, который въ этомъ дѣлѣ можетъ быть болѣе компетентнымъ судьей, чѣмъ я.

Посмотримъ теперь, какъ дѣйствуетъ на своихъ воспитанниковъ мертвый домъ. Объ одномъ изъ обитателей этого дома Достоевскій говоритъ не только съ уваженіемъ, но даже съ самымъ горячимъ восторгомъ. «Его мѣсто на нарахъ,—говоритъ авторъ «Записокъ»,—было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то-же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него.» «Трудно представить себѣ,—говорится далѣе о томъ-же каторжникѣ,— какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это впрочемъ была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впослѣдствіи. Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильственный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались отъ того еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые-бы дали себя обидѣть безнаказанно, и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще скажу заранѣе: я считаю Алея далеко необыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ, какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры, до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможной. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?»

Этотъ Алей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сдѣлался-бы навѣрное украшеніемъ и гордостью отборнаго кружка, составленнаго изъ

самой лучшей, самой умной и самой честной университетской молодежи. Характеристика Алея возбуждаетъ собою два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ такая личность дошла до каторги, а во-вторыхъ, какими средствами этотъ двадвати-лѣтній юноша могъ сохранить въ острогѣ свои превосходныя качества? Алей — младшій сынъ дагестанскаго татарина; у него было на родинѣ пять старшихъ братьевъ, которымъ онъ, по молодости своихъ лѣтъ, повиновался безпрекословно; однажды эти старшіе братья повезли его съ собою на грабежъ. «Уваженіе къ старшимъ,—говоритъ Достоевскій,—въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются.» Набѣгъ удался, но потомъ вся исторія раскрылась; Алея вмѣстѣ съ братьями осудили, подвергли тѣлесному наказанію и сослали въ каторгу: впрочемъ, принимая въ соображеніе молодость его лѣтъ, судъ назначилъ Алею *только* четыре года каторжной работы; но послѣ этихъ четырехъ лѣтъ Алею предстояло поселиться въ Сибири; возвращеніе на родину, подъ прекрасное небо Дагестана, къ матери и сестрамъ, было навсегда отрѣзано бѣдному мальчику за избытокъ его послушности, въ которой впрочемъ онъ рѣшительно не могъ отказать своимъ старшимъ родственникамъ.

Итакъ, скажемъ вмѣстѣ съ читателемъ: по дѣломъ вору мука! и перейдемъ ко второму вопросу: что поддерживало Алея па каторгѣ?— Мнѣ кажется, что его съ одной стороны спасалъ отъ развращенія постоянный трудъ, а съ другой стороны, что и товарищи его по каторгѣ вовсе не были такими заразительно скверными людьми, какихъ мы, добропорядочные и сытые граждане, привыкли себѣ воображать подъ именемъ каторжниковъ или арестантовъ.—Алей трудился постоянно; у него, какъ и у большей части его товарищей, была своя работа, совершенно отличная отъ казенной или обязательной. «Между прочимъ,—говоритъ Достоевскій,— у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, точать сапоги и впослѣдствіи выучился, сколько могъ, столярному дѣлу.» Трудъ не былъ запрещенъ; но запрещалось имѣть при себѣ въ острогѣ инструменты, безъ которыхъ работа невозможна; но инструменты все таки имѣлись, работа принимала такимъ образомъ характеръ запрещеннаго плода. Арестанты принуждены были спасать себя отъ праздности и деморализаціи, вопреки распоряженіямъ начальства. При такихъ условіяхъ арестантская промышленность не могла развиваться; надо было ограничиваться такими отраслями труда, которыя не требуютъ большихъ и громоздкихъ инструментовъ; надо было вести работу такъ, чтобы во всякую данную минуту можно было скрыть всѣ слѣды и признаки ея; кто попадался съ инструментами или съ деньгами, тотъ терялъ все свое достояніе и кромѣ того ложился подъ розги. «Но послѣ каждаго обыска тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи, и все шло постарому.» Борясь постоянно съ этими искусственно-созданными трудностями и опасностями, арестанты нетолько продолжали работать, но даже умѣли выучиваться новымъ ремесламъ. «Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потомъ выходили на волю хорошими мастеровыми. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и рѣзчики, и золотильщики.»

Тѣхъ людей еще нельзя считать безнадежно-погибшими, у которыхъ проявляется такое сильное стремленіе къ труду. Но любопытно замѣтить, что, выучиваясь ремеслу и пріобрѣтая себѣ возможность сдѣлаться честнымъ и полезнымъ гражданиномъ, арестантъ нарушалъ приказанія начальства. Арестанта можно и должно было сѣчь за то, что онъ на будущее время старался избавить себя отъ печальной необходимости воровать и грабить. Впрочемъ арестанты, по своей скотской безчувственности, не боялись розогъ и оказывались неисправимыми, несмотря на добросовѣстныя старанія острожнаго начальства отвадить ихъ отъ ремесленной дѣятельности. Они чувствовали, что работа спасала отъ преступленій, и что безъ работы арестанты, по выраженію Достоевскаго, поѣли-бы другъ друга, какъ пауки въ стклянкѣ. Начальственное преслѣдованіе рабочихъ инструментовъ обусловливалось по всей вѣроятности тѣмъ опасеніемъ, что арестанты могутъ передраться и искалѣчить другъ друга разными ножами, ножницами, шилами и другими острыми орудіями; нельзя сказать, чтобы это опасеніе было совершенно неосновательно; самъ Достоевскій разсказываетъ, что однажды одинъ арестантъ пырнулъ своего товарища шиломъ; но опираться на такіе случаи и преслѣдовать изъ за нихъ рабочія орудія—значитъ пускать въ ходъ такое лекарство, которое оказывается хуже самой болѣзни.

Осуждая арестантовъ на праздность и на скуку, начальство значительно усиливало въ нихъ задорное настроеніе: еслибы начальству удалось окончательно очистить острогъ отъ рабочихъ инструментовъ, то драки стали-бы затѣваться каждый день, и за неимѣніемъ острыхъ орудій арестанты ухитрились-бы наносить другъ другу тяжелыя раны полѣнами или даже просто кулаками. Главное соображеніе, мѣшавшее развитію ссоръ между каторжниками, состояло въ томъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ свои тайны, которыя могли быть раскрыты обыскомъ; поэтому всѣ старались отвращать такіе скандалы, за которыми должно было по-

слѣдовать появленіе разгнѣваннаго начальства. Когда начиналась ругань между двумя арестантами, то масса публики тщательно наблюдала затѣмъ, чтобы противники отъ словеснаго препирательства не переходили къ кулачнымъ упражненіямъ. Диспутантовъ прерывали именно тогда, когда они входили въ азартъ; все это дѣлалось потому, что каждый берегъ себя и свое собственное трудовое гнѣздо. У каждаго были кое-какія крошечныя удобства, которыми онъ дорожилъ и которыя онъ могъ потерять въ случаѣ начальственнаго разгрома. Поэтому всѣ вмѣстѣ, общими силами, унимали другъ друга и поддерживали у себя миръ и благочиніе. Эта причина, предотвращавшая безчисленное множество дракъ и скандаловъ, совершенно перестала - бы дѣйствовать, еслибы начальство достигло своей цѣли и конфисковало всѣ орудія, необходимыя для работы.

Страдая отъ самой безвыходной скуки и потерявши уже все, что только можно было потерять, арестанты дѣйствительно поѣли - бы другъ друга, какъ пауки въ банкѣ. Другая причина, побудившая начальство преслѣдовать орудія, могла состоять въ томъ предположеніи, что арестанты своими инструментами перепилятъ желѣзныя рѣшотки, проломаютъ каменныя стѣны, пророютъ подземныя галлереи и наконецъ разбѣгутся на всѣ четыре стороны. Противъ этого соображенія можно возразить, что геній побѣговъ дается очень немногимъ, и что эти немногіе избранные, подобные барону Тренку или Латюду, умѣютъ устраивать побѣги при такихъ обстоятельствахъ, которыя въ глазахъ обыкновенныхъ людей считаются непреодолимыми препятствіями. Побѣждая то, что кажется непобѣдимымъ, эти люди конечно ухитрятся промыслить или даже смастерить себѣ то орудіе, въ которомъ они нуждаются. Поэтому отбирать орудія у цѣлаго острога только для того, чтобы удержать отъ побѣга какого-нибудь геніальнаго бѣгуна, способнаго просверлить незамѣтнымъ образомъ цѣлыя каменныя горы,— значитъ стѣснять и деморализировать сотни невинныхъ для того, чтобы доконать одного виновнаго, который все-таки съумѣетъ поставить на своемъ. Кромѣ того, и это самое важное, побѣгъ изъ казармы невозможенъ, потому что всѣ предварительныя операціи, перепиливаніе рѣшотокъ или ломаніе стѣнъ, должны производиться въ присутствіи нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ самаго разнокалибернаго характера. Въ такомъ обществѣ никакой заговоръ не можетъ составиться и никакая тайна не можетъ удержаться. Достоевскій описываетъ одинъ побѣгъ, окончившійся поимкой бѣжавшихъ арестантовъ; но этотъ побѣгъ устроился безъ всякихъ романическихъ проломовъ и подкоповъ. Двое арестантовъ просто подговорили конвойнаго ефрейтора и убѣжали вмѣстѣ съ нимъ. Рабочіе инструменты нисколько не содѣйствовали этому побѣгу.

Впрочемъ я можетъ - быть совершенно напрасно тружусь надъ пріискиваніемъ общепонятныхъ причинъ, внушавшихъ начальству мертваго дома тѣ или другія распоряженія. Начальство того мертваго дома, о которомъ пишетъ Достоевскій, распоряжалось часто такъ оригинально, что невозможно пріискать никакихъ причинъ, кромѣ начальственнаго желанія и добродѣтельной ненависти къ нарушителямъ закона, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія. Такъ напримѣръ, Достоевскій разсказываетъ, что плацъ-маіоръ врывался въ острогъ иногда даже по ночамъ, и если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или навзничь, то на утро его наказывалъ: «Спи, дескать, на правомъ боку, какъ я приказалъ». Несмотря на такія нашествія, несмотря на всѣ трудности, опасности, наказанія, арестанты все-таки работали на себя, по собственному желанію и для собственной выгоды. Это обстоятельство даетъ арестантамъ огромное преимущество надъ бурсаками, у которыхъ обязательная работа была, а собственной работы никакой не было и быть не могло. Впрочемъ въ свободные часы, когда арестанты могли считать себя до нѣкоторой степени безопасными со стороны начальственныхъ визитовъ,—казармы каторжниковъ превращались въ огромныя мастерскія. Каждый углублялся въ мирное, честное и разумное занятіе; каждый желалъ, чтобы ему не мѣшали другіе, и вслѣдствіе этого каждый, въ свою очередь, старался не мѣшать сосѣдямъ. Въ такія минуты мертвый домъ былъ несравненно приличнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ бурса во время рекреаціи. Вѣрнѣе было-бы сказать, что мертвый домъ въ свободные часы былъ совершенно приличенъ, между тѣмъ какъ бурса не знала, куда дѣвать свое свободное время, и доходила въ минуты рекреаціоннаго мрака до фантастическихъ нелѣпостей. «Въ классѣ такъ темно,—говоритъ Помяловскій, - что за два шага не распознать лица человѣческаго. Всякія игры прекращались въ эти часы, и бурсакъ могъ развлекаться звуками странными и разнообразными. Общее впечатлѣніе было дико. Звуки мѣшаются. Раздается крикъ какого-то несчастнаго, которому вѣроятно *съѣхали въ загорбокъ;* слышенъ напѣвъ на *Господи воззвахъ, гласъ осьмый;* вырывается изъ концерта патетическая нота въ *верхнее* ге; кого-то еще треснули по рожѣ; у печки поютъ: «отроцы семинаріи, посредѣ кабака стояще, пояху: подавай, наливай; мы книги продадимъ, тебѣ деньги отдадимъ»; слышенъ плачъ; *грогочетъ* какая-то тварь, т. е. ржетъ по лошадиному, выдѣлывая: и-и-го-го-го-го! Ругань виситъ въ воздухѣ, крики и хохотъ, козлоглагольствуютъ, грогочутъ, поютъ на гласы

и вкушаютъ затрещины.» Тутъ-же придумывается для разнообразія избіеніе приходчины.

Такихъ явленій въ мертвомъ домѣ нѣтъ, и возможны такіе эпизоды только въ бурсѣ и, въ слабѣйшей степени, въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; возможны собственно потому, что педагоги считаютъ полную праздность превосходнымъ отдыхомъ послѣ умственныхъ занятій. Полная праздность всегда порождаетъ дикія развлеченія, которыя не доставляютъ ни пользы, ни удовольствія самимъ развлекающимся субъектамъ. Этими дикими развлеченіями медленно и нечувствительно, но неизбѣжно уродуются умы и характеры. Заставьте человѣка выдерживать каждый день, впродолженіи пяти или шести лѣтъ, часа по три бурсацкой рекреаціи, и этотъ человѣкъ непремѣнно огрубѣетъ и ожесточится. Еслибы Алей попалъ въ бурсу, то вся его грація, воспѣтая Достоевскимъ и устоявшая противъ вліянія мертваго дома, истрепалась и уничтожилась-бы въ водоворотѣ смазей, салазокъ и затрещинъ, отъ которыхъ невозможно увернуться и за которыя непремѣнно надо расплачиваться той-же монетой. Каторжники работаютъ; поэтому каждый изъ нихъ хочетъ и можетъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ и уединяться отъ товарищей, продолжая сидѣть съ ними въ одной комнатѣ и на однѣхъ нарахъ. Бурсаки, напротивъ того, развлекаются, т. е. озорничаютъ другъ надъ другомъ, вслѣдствіе чего обособленіе личности становится невозможнымъ.

X.

Достоевскій говоритъ, что Алея *всѣ любили и всѣ ласкали*. Это значитъ, что каторжники умѣли цѣнить красоту тѣхъ качествъ, которыми отличался Алей. Это значитъ, что каторжники вообще были способны любить безкорыстно чистое, свѣжее, кроткое и прекрасное существо. Это обстоятельство въ значительной степени помогло Алею сохранить себя во всемъ блескѣ своей нравственной чистоты. Это-же обстоятельство показываетъ ясно, что товарищи Алея были не Богъ знаетъ какіе безнадежно-гнусные люди. Мыслящему читателю врядъ-ли есть надобность доказывать, что преступникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія, все-таки не перестаетъ думать и чувствовать по-человѣчески. Но не всѣхъ читателей можно называть мыслящими, и потому говорить о человѣческомъ достоинствѣ каторжниковъ въ наше время не только необходимо, но даже и до нѣкоторой степени опасно. Если вы скажете, что каторжникъ не лютый звѣрь и не грязная гадина, что въ немъ не замерли лучшіе инстинкты человѣческой природы, что онъ способенъ подняться на ноги и начать новую жизнь, то суровые мудрецы, солидные моралисты и непогрѣшимые censores morum сочтутъ себя оскорбленными до глубины души: они подумаютъ, что вы ставите ихъ на одну доску съ презрѣннымъ каторжникомъ; они закричатъ во все горло, что вы унижаете добродѣтель и прославляете порокъ; они обвинятъ васъ въ томъ, что вы потворствуете воровству, поощряете убійство и стараетесь подорвать авторитетъ закона, карающаго похитителей чужой собственности и чужой жизни. Въ виду такого жалкаго неразумія, заявляющаго себя публично и торжественно, съ апломбомъ и съ величественнымъ самодовольствомъ, становится необходимымъ говорить подробно, но съ нѣкоторой осторожностью, о тѣхъ истинно-человѣческихъ чувствахъ, которыя подмѣчены Достоевскимъ въ несчастныхъ обитателяхъ мертваго дома. Описывая человѣческія чувства каторжниковъ, я постоянно долженъ упрашивать читателя, чтобы онъ не увлекался примѣромъ арестанта и не старался подражать его преступленіямъ. При такихъ условіяхъ интересы истины будутъ соглашены съ требованіями осторожности, и самые строгіе цѣнители литературныхъ заслугъ не рѣшатся заподозрить меня въ посягательствѣ на чистоту и непорочность читающей публики.

Хорошія черты, собранныя Достоевскимъ, особенно драгоцѣнны потому, что онѣ вырываются у него почти невольно, и что онъ сообщаетъ ихъ читателю безъ всякой предвзятой мысли. Большая часть этихъ подробностей брошена мимоходомъ, такъ что авторъ самъ не вглядывался въ нихъ и не ставилъ ихъ въ заслугу каторжникамъ.

Итакъ: *первая черта*—любовь каторжниковъ къ Алею.

Вторая черта. На каторгѣ былъ одинъ старикъ изъ раскольниковъ, безукоризненно честный и чрезвычайно добродушный. «Во всемъ острогѣ,—говоритъ Достоевскій,—старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его.» «Вотъ этому-то старику мало по малу почти всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ украсть.» Это уваженіе къ старости и къ честности, это безграничное довѣріе, это слово *дѣдушка* заключаютъ въ себѣ такъ много глубоко-трогательной теплоты и задушевности, что мой добродѣтельный читатель рискуетъ увлечься и разчувствоваться, если я, соблюдая долгъ осторожности, не напомню ему о надлежащемъ презрѣніи къ клейменнымъ лицамъ и къ бритымъ головамъ.

Третья черта. «Помню,—говоритъ Достоевскій,—какъ однажды одинъ разбойникъ, хмельной (въ каторгѣ иногда можно было напиться),

началъ разсказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, до селѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить, потому что говорить *про это* не принято.» Фактъ замѣчателенъ, но объясненіе, прибавленное авторомъ, ровно ничего не объясняетъ и рѣшительно не выдерживаетъ критики. Почему авторъ знаетъ, что казарма закричала *не отъ негодованія?* И что это за резонъ выраженъ словами: *а такъ*? И если разсказъ разбойника ни въ комъ не возбуждалъ негодованія и отвращенія, то почему-же *не надо* и *не принято* было говорить о такихъ предметахъ?—На эти вопросы авторъ опять отвѣтитъ: *такъ*, но кто-же удовлетворится подобнымъ отвѣтомъ?—Мнѣ кажется, что казарма закричала именно отъ негодованія, потому что ей показалось черезчуръ отвратительнымъ, во-первыхъ умерщвленіе беззащитнаго ребенка, а во-вторыхъ, наглое хвастовство. Слушатели почувствовали, что это хвастовство глубоко оскорбляетъ ихъ человѣческое достоинство. За кого-же, дескать, этотъ оселъ насъ принимаетъ, если онъ думаетъ, что мы будемъ любоваться такими мерзостями? Достоевскій полагаетъ, что «*про это* говорить не принято».—То есть, про что-же именно? Про какое *это*? Если подъ словомъ *это* Достоевскій подразумѣваетъ вообще убійство, то онъ ошибается и самъ себя опровергаетъ. Въ томъ-же томѣ Лучка разсказываетъ товарищамъ очень подробно, какъ онъ зарѣзалъ одного сердитаго плацъ-маіора, и всѣ его слушаютъ, и никто на него не кричитъ. Значитъ, объ убійствѣ говорить можно, и, значитъ, крикъ казармы въ первомъ случаѣ былъ направленъ не противъ нарушенія каторжнаго этикета, а противъ отвратительности разбойническихъ изліяній.

Четвертая черта. Арестанты любятъ докторовъ за ихъ гуманное обращеніе и вспоминаютъ со вздохами и съ умиленіемъ о тѣхъ начальникахъ, въ которыхъ замѣтны были хоть какіе-нибудь проблески добродушія.—«Душа человѣкъ! Отца не надо!»—говорятъ арестанты, вспоминая поручика Смекалова который однако наказывалъ ихъ за провинности, но только при этомъ не смотрѣлъ на нихъ, какъ на отверженцевъ и не придирался ко всякимъ пустякамъ. «Даже - говоритъ Достоевскій – подъчасъ какой-то маниловщиной отзывались воспоминанія о добрѣйшемъ поручикѣ.» Значитъ, самая ничтожная ласка находитъ себѣ доступъ къ сердцу арестанта. Гдѣ-же тутъ закоренѣлость и неисправимость? Но при этомъ осторожность все-таки заставляетъ меня напомнить читателю, что подражать арестантамъ не годится.

Пятая черта. Наканунѣ Рождества во всемъ острогѣ господствуетъ торжественная тишина. Всѣ арестанты ведутъ себя особенно чинно и спокойно. Нѣтъ ни балагурства, ни карточной игры. Кто нарушаетъ общее строгое спокойствіе, того унимаютъ и бранятъ за неуваженіе къ празднику. Словомъ, арестанты хотятъ, чтобы у нихъ, въ ихъ тѣсной и душной острожной сферѣ, было то-же самое, что дѣлается въ мірѣ свободныхъ и добропорядочныхъ людей. Арестанту очень хочется поддержать въ своихъ собственныхъ глазахъ свое человѣческое достоинство, и онъ приступаетъ къ этой задачѣ съ тѣми средствами, которыя даетъ ему въ руки его нероскошное умственное развитіе. Въ какихъ-бы формахъ ни проявлялось это стремленіе уважать въ самомъ себѣ человѣка,—оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что, несмотря на всю безвыходную грязь и тоску острожнаго прозябанія, арестантъ все-таки не хочетъ и не можетъ окончательно махнуть на себя рукой.

Шестая черта. Въ самый день Рождества изъ города привозятъ и приносятъ въ острогъ цѣлыя горы подаяній въ видѣ всевозможныхъ сдобныхъ печеній. Начинается дѣлежъ. «Не было ни спору, ни брани —говоритъ Достоевскій;—дѣло вели честно, по ровну. Что пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлилъ Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукой и своей рукой раздавали каждому. Не было ни малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ кого нибудь; всѣ остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подаяніе можно было утаить или раздать его не поровну.»

Седьмая черта. На святкахъ арестанты устроили театръ. «Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово что все будетъ тихо, и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и *свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрятъ ихъ слову»*. Это все прекрасно; но ты, читатель все-таки не забывай, что ты, въ лицѣ арестантовъ, обязанъ ненавидѣть и презирать порокъ и преступленіе.

Восьмая черта. Ссыльные поляки, гнушаясь арестантами, не хотѣли ходить на ихъ театральные спектакли. Наконецъ, изъ любопытства, они рѣшились одинъ разъ посмотрѣть на арестантскія затѣи. «Брезгливость поляковъ ни мало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста.» Такое спокойное и простое великодушіе могло-бы сдѣлать честь даже какому-нибудь очень образованному и блестящему обществу.

Девятая черта. Театромъ своимъ арестанты восхищаются, какъ дѣти. Ихъ наивная радость. превосходно описанная въ XI главѣ I тома, доказываетъ двѣ вещи: во-первыхъ то, что вся ихъ прежняя жизнь была чрезвычайно однообразна и бѣдна пріятными впечатлѣніями, а во-вторыхъ, что эти люди, несмотря на свой каторжническій санъ, представляютъ собою въ умственномъ отношеніи совершенно дѣвственную почву, на которой искусный воспитатель, при нѣкоторомъ стараніи, могъ бы возрастить богатую жатву хорошихъ мыслей, великодушныхъ чувствъ и честныхъ намѣреній. Если для нихъ ново и драгоцѣнно самое ничтожное эстетическое наслажденіе, то, значитъ, ясно, что умъ ихъ спалъ глубокимъ сномъ во все то время, когда они совершали преступленія. А если умъ ихъ ничѣмъ не былъ пробужденъ и затронутъ съ самаго ихъ рожденія, то, спрашивается, какую же силу они могли противопоставить тѣмъ искушеніямъ, которыя осаждаютъ со всѣхъ сторонъ голоднаго и безпомощнаго бѣдняка? Далѣе, если для нихъ новы *всѣ впечатлѣнія бытія*, то можно-ли ихъ считать погибшими людьми? Погибшимъ можно назвать только того человѣка который весь поглощенъ одной страстью, вредной для общества. Плюшкинъ, для котораго не существуетъ на свѣтѣ ничего, кромѣ денегъ,—погибшій человѣкъ, хотя онъ никогда не попадетъ на каторгу. Но каторжникъ, способный отдаваться всевозможнымъ впечатлѣніямъ съ порывистой страстностью ребенка, можетъ воскреснуть и начать новую жизнь, лишь-бы только общество рѣшилось дружелюбно протянуть ему руку помощи. Но вы, читатели, разумѣется, подобной глупости не сдѣлаете, потому что вы обязаны помнить то огромное разстояніе, которое отдѣляетъ васъ, честныхъ людей, отъ презрѣнныхъ обитателей мертваго дома.

Десятая черта. Преступниковъ, наказанныхъ шпицрутенами, приводили обыкновенно въ гошпитальную палату, и тутъ больные арестанты, принимая ихъ на свое попеченіе, ухаживали за ними самымъ тщательнымъ образомъ. «Всю ночь ухаживали за ними арестанты,—говоритъ Достоевскій о наказанномъ разбойникѣ Орловѣ, - перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лекарство, точно они ухаживали за кровнымъ роднымъ, за какимъ-нибудь своимъ благодѣтелемъ.» «Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдаютъ битаго въ опытныя и искусныя руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которой одѣвали истерзанную спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ того въ ловкомъ выдергиваніи занозъ изъ болячекъ, которыя зачастую остаются въ спинѣ отъ сломавшихся объ нее палокъ.»

Еслибы я захотѣлъ приводить здѣсь всѣ хорошія черты, подмѣченныя Достоевскимъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, то мнѣ еще долго не пришлось-бы кончить. Но я нарочно ограничился только тѣми чертами, которыя относятся къ общей массѣ каторжниковъ и характеризуютъ собою господствующее настроеніе. Взятыя порознь, эти черты очень мелки и незначительны; но если сложить ихъ всѣ вмѣстѣ, и если дополнить ихъ тѣми нравственными свойствами, съ которыми эти мелкія черты неразрывно связаны, то получится общій результатъ, далеко не отвратительный. Говоря о каторгѣ, слѣдуетъ перевернуть извѣстную пословицу: не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто,—пословицу, которая впрочемъ нигдѣ и никогда не оказывается вѣрной. О каторгѣ можно сказать, что тутъ не люди портятъ мѣсто, а мѣсто портитъ людей. Острогъ ужасенъ не тѣмъ, что въ немъ живутъ ужасные люди, а тѣмъ, что эти люди, совсѣмъ не ужасные, терпятъ въ немъ значительныя лишенія и стѣсненія, которыя притупляютъ ихъ умы и портятъ ихъ характеры. Когда начальству угодно будетъ устранить нѣкоторыя изъ этихъ лишеній, тогда острогъ, превращаясь по-немногу въ мастерскую и въ ремесленную школу, утратитъ большую часть своей отвратительности и начнетъ приносить дѣйствительную пользу тѣмъ заключеннымъ, которымъ не удалось пріобрѣсти себѣ на свободѣ ни техническихъ знаній, ни житейской сноровки. Мертвый домъ, описанный Достоевскимъ, заключаетъ въ самомъ себѣ задатки своего усовершенствованія. Эти задатки развернутся, и нравственность арестантовъ улучшится, какъ только имъ дадутъ возможность смѣло и открыто заниматься собственной работой.

Въ бурсѣ, описанной Помяловскимъ, я не замѣтилъ такихъ задатковъ развитія. Начальство можетъ конечно замѣнить розги карцеромъ, карцеръ—еще какимъ-нибудь другимъ болѣе деликатнымъ наказаніемъ. Начальство можетъ улучшить столъ воспитанниковъ, истребить сырость и грязь, вентилировать комнаты и зажигать лампы на цѣлый вечеръ. Все это конечно значительно облегчитъ участь бурсаковъ, но основное зло бурсы останется нетронутымъ, потому что оно неизлечимо. Это основное зло заключается въ той антипатіи, которая существуетъ между умами учениковъ и бурсацкой наукой. Эту антипатію невозможно искоренить, потому что бурсацкую науку невозможно сдѣлать привлекательной. Всѣ лучшія силы общества устремлены совсѣмъ не на тѣ занятія, которыя могутъ сформировать хорошихъ бурсацкихъ преподавателей. Общество интересуется совсѣмъ не тѣмъ,

что̀ интересовало его нѣсколько столѣтій тому назадъ. То, что̀ оставляется безъ вниманіи лучшими умами и самыми блестящими талантами, поневолѣ облекается въ такія сухія и черствыя формы, которыя никому не могутъ нравиться и которыя приходится навязывать ученикамъ насильно, посредствомъ розогъ, или посредствомъ карцера, или при содѣйствіи какихъ-нибудь еще болѣе утонченныхъ и облагороженныхъ средствъ угнетенія. Ученики воспринимаютъ неохотно, забываютъ немедленно и выносятъ съ собою въ жизнь вмѣсто полезныхъ знаній отвращеніе къ умственному труду. Очень жаль, но счастливыя времена Абеляра все-таки остаются невозвратимыми.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИДЕИ ОГЮСТА КОНТА.

ВВЕДЕНІЕ.

Огюстъ Контъ, одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка, родился въ Монпелье въ 1798, а умеръ въ Парижѣ въ 1857 году. Жилъ онъ въ бѣдности, работалъ много и мыслилъ всегда честно и самостоятельно, не стараясь угождать ни политическимъ партіямъ, ни академическимъ котеріямъ, ни прихотливому вкусу такъ называемой образованной толпы. Самое цвѣтущее время дѣятельности Конта относится къ тридцатымъ годамъ нашего столѣтія,— къ той эпохѣ, когда буржуазное правительство Луи-Филиппа, мѣняя безпрестанно Гизо на Тьера и Тьера на Гизо, занималось безплодной политической эквилибристикой между клерикально-реакціонерной партіей съ одной стороны и революціонно-республиканской съ другой стороны. Контъ смотрѣлъ одинаково недоброжелательно на всѣ три партіи, спорившія между собою за политическое господство. Онъ видѣлъ, что реакціонеры совершенно напрасно стараются воскресить мертвую и разлагающуюся идею; онъ понималъ, что республиканцы, за неимѣніемъ опредѣленной и положительной доктрины, не съумѣютъ воспользоваться побѣдой, когда имъ удастся ее одержать; онъ чувствовалъ глубокое презрѣніе къ эквилибристамъ, которые, давно забывши о существованіи или даже о возможности политическихъ принциповъ, удерживали за собой власть единственно для того, чтобы не выпускать ее изъ своихъ рукъ. Онъ полагалъ, что политическія нелѣпости и неблаговидности его времени будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока политика не превратится въ науку,—въ такую-же точную и положительную науку, въ какую превратилась напримѣръ астрономія со временъ Коперника, Кеплера и Ньютона или химія со временъ Пристли и Лавуазье. Мысль создать положительную политику, открыть въ жизни человѣческихъ обществъ незыблемые естественные законы и научнымъ путемъ выработать такую общественную организацію, которая мирила-бы въ высшемъ единствѣ всѣ разумныя требованія, эта титаническая мысль овладѣла Контомъ, когда онъ былъ очень молодъ Мысль эта родилась въ немъ по всей вѣроятности подъ вліяніемъ идей извѣстнаго Сенъ-Симона, съ которымъ онъ былъ очень близокъ въ молодости, и подъ руководствомъ котораго онъ работалъ впродолженіи цѣлыхъ шести лѣтъ. Впрочемъ Сенъ-Симонъ во всякомъ случаѣ направилъ только вниманіе молодого Конта на общественныя задачи текущаго времени. Путь, которымъ пошелъ Контъ къ рѣшенію этихъ задачъ, съ самаго начала былъ совершенно самостоятеленъ; какъ только Контъ составилъ себѣ, въ общихъ чертахъ, опредѣленный планъ умственной дѣятельности, такъ онъ тотчасъ разошелся и даже поссорился съ Сенъ-Симономъ и со всѣми его послѣдователями.

Основная мысль Конта, исходная точка, съ которой начались всѣ его изслѣдованія и умозрѣнія, состоитъ въ томъ, что явленія общественной жизни подлежатъ естественнымъ законамъ, что они сложнѣе всѣхъ остальныхъ явленій природы, что они, въ большей или меньшей степени, подчиняются вліянію всѣхъ остальныхъ явленій, и что вслѣдствіе этого къ изученію ихъ можетъ приступить, съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ, только такой мыслитель, который знаетъ основательно всѣ категоріи явленій, менѣе сложныхъ, и который вооруженъ всѣми методами, доставляющими современному изслѣдователю возможность проникать въ тайники органической и неорганической природы.

Что человѣческія общества живутъ и развиваются по законамъ, это мысль далеко не новая; нѣтъ того философствующаго историка, который не повторялъ-бы ее на разные лады; но не трудно замѣтить, что почти у всѣхъ философствующихъ историковъ эта мысль остается мертвой буквой. Спросите у Гизо, или у Лорана, или у Галлама, или у Гервинуса: «имѣете-ли вы, господа, понятіе о дифференціальномъ ис-

численіи, занимались-ли вы когда-нибудь химіей, слѣдите-ли вы за современными успѣхами физіологіи?—Всѣ эти философствующіе историки примутъ вашъ вопросъ за неумѣстную шутку и отвѣтятъ вамъ холодно и презрительно, что они—историки, а не химики, не физіологи и не математики. Изъ ихъ отвѣта вы поймете, что все ихъ образованіе заключается въ знаніи тѣхъ языковъ, на которыхъ написаны лѣтописи, грамоты и разные другіе историческіе документы. Вооружившись этими знаніями, они прямо приступаютъ къ чтенію источниковъ и вслѣдъ затѣмъ, разумѣется, начинаютъ излагать намъ, подъ именемъ историческихъ законовъ, свои личныя размышленія, болѣе или менѣе остроумныя, но нисколько не опирающіяся ни на изслѣдованіе коренныхъ свойствъ человѣческаго организма, ни на основательное знаніе общихъ космическихъ законовъ. Еслибы философствующимъ историкамъ было какое-нибудь дѣло до космическихъ законовъ, до человѣческаго организма и до раціональныхъ методовъ научнаго изслѣдованія, то они понимали-бы очень хорошо, что имъ невозможно обойтись ни безъ физіологіи, ни безъ химіи, ни даже безъ дифференціальнаго исчисленія.

У Конта мысль о необходимости открыть законы историческаго развитія не осталась мертвой буквой. Онъ получилъ въ политехнической школѣ превосходное математическое образованіе и потомъ, втеченіи всей его жизни, математика оставалась постоянно его хлѣбнымъ ремесломъ. Онъ изучилъ самымъ тщательнымъ образомъ астрономію, физику, химію и біологію; не довольствуясь знаніемъ этихъ наукъ въ ихъ современномъ положеніи, онъ обратился къ ихъ исторіи, и прочиталъ подлинныя сочиненія тѣхъ изслѣдователей, которыхъ трудами эти науки подвигались впередъ. Усвоивъ себѣ эти обширныя знанія, выучившись владѣть всѣми методами научнаго изслѣдованія и прослѣдивши развитіе всѣхъ главныхъ наукъ отъ самой ихъ колыбели, Контъ имѣлъ полное право приступить къ явленіямъ общественной жизни, съ цѣлью открыть тѣ законы, по которымъ они совершаются. Основной законъ исторіи нашелся, и нашелся, именно благодаря тому обстоятельству, что Конту была уже достаточно извѣстна исторія положительныхъ наукъ. Контъ замѣтилъ, что всѣ наши положительныя знанія проходятъ въ своемъ развитіи три главныя фазы: теологическую, метафизическую и положительную.

Сначала человѣкъ объясняетъ себѣ неизвѣстное явленіе природы какъ сознательное и умышленное дѣйствіе какой-нибудь личности, похожей въ своихъ общихъ чертахъ на самого человѣка; такъ напримѣръ, когда во время осады Трои началась въ греческомъ лагерѣ моровая язва, греки объяснили себѣ это явленіе тѣмъ, что богъ Аполлонъ, прогнѣвавшись на нихъ за неуваженіе къ его жрецу Хризесу, началъ пускать въ нихъ невидимыя стрѣлы; когда гремѣлъ громъ, тогда греки думали, что Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, бросаетъ съ неба особенные громовые снаряды, выкованные для него богомъ огня Вулканомъ; когда на небѣ появлялась заря, тогда греки думали, что богиня Эосъ своими розовыми пальцами отворяетъ тѣ ворота, изъ которыхъ должна выѣхать колесница Солнца или Феба.

Затѣмъ человѣкъ начинаетъ объяснять себѣ каждое явленіе какой-нибудь безличной силой, которой, несмотря на ея безличность, приписываются однако разныя стремленія, симпатіи и антипатіи. Отчего, спрашивали древніе и средневѣковые физики, вода поднимается въ насосѣ? Оттого отвѣчали они, что природа страшится пустоты. Отчего кусокъ свинца падаетъ внизъ, а дымъ и пламя поднимаются кверху? Оттого, что каждое тѣло стремится занять свое естественное мѣсто. Отчего человѣкъ заболѣваетъ? Оттого, что болѣзнь вселяется въ его тѣло. Отчего больной выздоравливаетъ? Оттого, что природа и врачъ побѣждаютъ болѣзнь и выгоняютъ ее изъ его тѣла. Если природа можетъ чувствовать страхъ, если тѣла, подобныя свинцу или дыму, могутъ испытывать стремленія или желанія, если болѣзнь входитъ въ человѣка и выходитъ изъ него, если ее можно побѣждать и выталкивать въ шею, и если такимъ занятіямъ предается природа, то очевидно природа, болѣзнь и тѣло оказываются близкими родственниками и прямыми наслѣдниками Аполлона, Зевеса и другихъ олимпійцевъ. Существенная разница состоитъ только въ томъ, что собственныя имена замѣнены нарицательными. Неполныя олицетворенія отвлеченныхъ понятій—это въ сущности тѣ-же боги, полинявшіе отъ времени и отъ житейскихъ превратностей.

Наконецъ, переходя изъ метафизической фазы въ положительную, человѣкъ начинаетъ понимать, что онъ забавлялъ себя игрою словъ, которая, мѣшая во многихъ случаяхъ ясной и правильной постановкѣ вопросовъ, заставляла его тратить время и силы на безплодную борьбу съ совершенно непреодолимыми трудностями. Увидавши неосновательность прежнихъ объясненій, человѣкъ убѣждается понемногу въ томъ, что его способность объяснять явленія природы имѣетъ опредѣленныя границы, черезъ которыя его уму никогда не удастся перешагнуть; человѣкъ признаетъ ту великую истину, что онъ можетъ только наблюдать явленія и подмѣчать, въ какомъ порядкѣ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, или какимъ образомъ одно явленіе совмѣщается съ другимъ. На вопросъ: почему данныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ именно въ такомъ, а не въ другомъ порядкѣ, у него нѣтъ отвѣта и никогда его не будетъ. Онъ, разумѣется, можетъ сказать вамъ: таковъ

законъ природы; но это конечно не отвѣтъ, потому что вопросъ именно въ томъ и состоитъ: почему существуетъ въ природѣ вотъ этотъ законъ, а не какой-нибудь другой?—Вы спрашиваете напримѣръ у современнаго физика: почему свинцовая пуля, которую я выпускаю изъ рукъ, падаетъ на землю?—*Почему*, отвѣчаетъ вамъ физикъ, этого я не знаю, но я могу вамъ сказать, что существуетъ общій законъ, по которому всѣ тѣла во всей вселенной взаимно притягиваютъ другъ друга пропорціонально массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія. Такъ какъ ваша пуля меньше земного шара, то земной шаръ и притягиваетъ ее къ себѣ; еслибы она была больше земного шара, то случилось-бы наоборотъ, то есть, не пуля упала-бы на землю, а земля упала-бы на пулю. Но *почему* все это происходитъ такъ, а не иначе, *почему* тѣла взаимно притягиваютъ другъ друга, и притягиваютъ именно такъ, какъ я это объяснилъ, этого я не знаю, этого не знаетъ никто, это останется вѣчной тайной для всѣхъ людей, и поэтому совершенно безполезно и нелѣпо задавать себѣ или другимъ подобные вопросы.—Когда человѣческія знанія вступили въ этотъ послѣдній, положительный періодъ своего развитія, тогда они уже не испытываютъ больше радикальныхъ переворотовъ, относящихся къ самому основному ихъ характеру; они только растутъ и совершенствуются, по мѣрѣ того, какъ накопляются фактическія подробности и улучшаются орудія наблюденія.

Замѣтивъ такимъ образомъ три фазы въ развитіи всѣхъ положительныхъ наукъ (кромѣ математики, въ которой теологической фазы не было), Контъ путемъ своихъ историческихъ занятій скоро пришелъ къ тому убѣжденію, что общественная жизнь человѣчества въ каждую данную эпоху находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ способовъ и пріемовъ, посредствомъ которыхъ люди объясняютъ себѣ явленія природы. Господствующее міросозерцаніе кладетъ свою печать на всѣ отрасли общественной жизни; когда измѣняется міросозерцаніе, тогда и въ общественной жизни происходятъ соотвѣтственныя перемѣны; когда борятся между собой два различныя міросозерцанія, тогда и общественная жизнь наполняется тревогами и волненіями; когда одно изъ борющихся міросозерцаній одерживаетъ окончательную побѣду надъ другимъ, тогда и въ общественной жизни водворяются спокойствіе и единодушіе. Такъ какъ міросозерцаніе есть не что иное, какъ сумма объясненій, относящихся ко всѣмъ различнымъ явленіямъ природы, и такъ какъ эти объясненія проходятъ черезъ три фазы, то не трудно сообразить, что тѣ-же самыя три фазы могутъ быть отмѣчены и во всей исторической жизни человѣчества. Вся исторія распадается на три великіе періода: теологическій, метафизическій и положительный. Каждый изъ этихъ періодовъ характеризуется господствомъ соотвѣтствующаго міросозерцанія; при переходѣ изъ одного періода въ другой измѣняются понемногу, вмѣстѣ съ міросозерцаніемъ, всѣ идеи, учрежденія, обычаи, нравы и вкусы.

Контъ полагаетъ, что западная Европа пришла къ концу метафизическаго періода и стоитъ на рубежѣ положительной фазы; вся безалаберщина умственнаго, нравственнаго и политичестаго міра объясняется, по мнѣнію Конта, смѣшеніемъ и хаотической борьбой теологическихъ, метафизическихъ и положительныхъ элементовъ. Безалаберщина эта прекратится и борьба окончится благополучно только тогда, когда положительные элементы окончательно одолѣютъ своихъ противниковъ и совершенно утвердятъ свое господство надъ обществомъ. Поэтому задача всѣхъ искреннихъ друзей человѣчества состоитъ именно въ томъ, чтобы всѣми силами содѣйствовать этой окончательной побѣдѣ тѣхъ элементовъ, которые одни заключаютъ въ себѣ способность долговѣчности и безпредѣльнаго совершенствованія. Ввести человѣчество въ положительную фазу значитъ пріучить всѣхъ людей къ положительному объясненію всѣхъ явленій природы. Для этого надо очевидно свести въ одну цѣльную философскую доктрину всѣ главные результаты строго-научныхъ изслѣдованій, и потомъ изъ этой доктрины выработать систему общественнаго воспитанія, направленную къ самому широкому распространенію всѣхъ добытыхъ и сгруппированныхъ знаній.

Взглянувши съ этой точки зрѣнія на общественную задачу нашего времени, Контъ въ своемъ капитальномъ трудѣ «Cours de philosophie positive» («Курсъ положительной философіи») представилъ ту основную доктрину, на которой должно быть построено новое общественное образованіе. Книга Конта заключаетъ въ себѣ шесть большихъ томовъ: въ первомъ, послѣ общаго введенія, излагается математическая философія; во второмъ — астрономическая и физическая философія; въ третьемъ— химическая и біологическая философія; въ четвертомъ—догматическая часть общественной физики; въ пятомъ—историческая часть общественной физики; въ шестомъ — окончаніе исторической части и общее заключеніе.

Завершивъ свой громадный трудъ, Контъ не съумѣлъ остановиться во-время и повредилъ своему собственному дѣлу настолько, насколько отдѣльная личность можетъ повредить такому дѣлу, въ которомъ заинтересовано все человѣчество. Контъ доказалъ себѣ и другимъ почти съ математической точностью, что положительное или строго-реальное образованіе составляетъ самую важную потребность современныхъ об-

ществъ, — такую потребность, отъ удовлетворенія которой зависитъ рѣшеніе всѣхъ остальныхъ общественныхъ задачъ. Контъ установилъ далѣе ту философскую доктрину, которая должна сдѣлаться основой общественнаго образованія. Этими трудами теоретическая сторона дѣла оказывается законченной. Затѣмъ Конту надо было устремить всѣ свои силы на то, чтобы теорія воплотилась въ жизни; надо было перейти къ практической сторонѣ дѣла; надо было всевозможными средствами дѣйствовать на общественное мнѣніе до тѣхъ поръ, пока необходимость новаго образованія не вошла-бы глубоко и окончательно въ сознаніе заинтересованныхъ обществъ. А потомъ надо было ждать, пока новое образованіе принесетъ свои результаты. Ждать пришлось-бы долго; по всей вѣроятности пришлось-бы даже умереть, не дождавшись со стороны общества сильныхъ проявленій умственной возмужалости и полноправности; но дѣлать все-таки было нечего; только сама нація, доразвившаяся до положительнаго міросозерцанія, можетъ дать вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе всѣмъ общественнымъ задачамъ, поставленнымъ ей различными обстоятельствами ея историческаго существованія. Въ какую сторону и какими средствами рѣшитъ она эти задачи - это уже ея дѣло. Ни одинъ мыслитель въ мірѣ не можетъ и не долженъ присвоивать себѣ право рѣшать эти задачи заранѣе изолированными силами своего личнаго ума, потому что нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ такого генія, который одинъ, самъ по себѣ, былъ-бы умнѣе цѣлой націи, когда всѣ силы этой націи развернуты и пущены въ ходъ положительнымъ образованіемъ. Контъ упустилъ изъ виду эту простую истину. Онъ вообразилъ себѣ, что его индивидуальный умъ можетъ замѣнить собой въ рѣшеніи общественной задачи коллективный умъ цѣлой націи или даже всего человѣчества. Онъ вообразилъ себѣ, что можетъ самъ предусмотрѣть, опредѣлить и начертить ту политическую и соціальную программу, до которой додумается коллективный умъ, просвѣщенный и укрѣпленный положительнымъ образованіемъ. Получилось конечно полное и печальное фіаско. Контъ вдался въ произвольныя умствованія, измѣнилъ своей собственной строго-научной методѣ, написалъ *Положительную Политику*, въ которой нѣтъ ничего положительнаго, создалъ новую религію, которая однимъ ни на что не нужна, а другихъ не можетъ удовлетворить, провозгласилъ себя *первосвященникомъ человѣчества* (Grand-prêtre de l'humanité) и наконецъ умеръ, оставивъ послѣ себя горсть вѣрующихъ адептовъ, которые своими наивными поступками и плоскими догматическими трактатами продолжаютъ до сихъ поръ, по мѣрѣ силъ, доставлять *обильную пищу* насмѣшкамъ всѣхъ реакціонеровъ и *метафизиковъ*, чувствующихъ глубокую и сознательную ненависть къ основнымъ, великимъ и плодотворнымъ идеямъ *Положительной философіи*.

Наивные обожатели Конта, какъ основателя религіи и какъ первосвященника человѣчества, должны конечно скоро затеряться въ несмѣтной толпѣ различныхъ, болѣе или менѣе эксцентрическихъ сектъ. Но, кромѣ этихъ наивныхъ обожателей, у Конта есть еще мыслящіе ученики, которые, глубоко понимая, уважая и стараясь распространять идеи *Положительной философіи*, видятъ въ то-же время въ *Положительной Политикѣ* и во всѣхъ дальнѣйшихъ подвигахъ Конта печальныя, хотя естественныя заблужденія великаго ума, прельщеннаго и ослѣпленнаго своей собственной великостью. Провозгласивши себя папой позитивизма, Контъ отринулъ и отлучилъ отъ своей церкви этихъ невѣрующихъ учениковъ, но не трудно понять, что успѣхъ и дальнѣйшее развитіе контовскихъ идей зависятъ именно отъ нихъ, а не отъ простодушныхъ адептовъ. Во главѣ разумныхъ послѣдователей Конта стоитъ въ настоящее время во Франціи извѣстный ученый Литтре. Въ Англіи успѣху контовскихъ идей содѣйствуетъ въ значительной степени Джонъ-Стюартъ Милль, съумѣвшій оцѣнить Конта тогда, когда Контъ, только что выпустившій въ свѣтъ первые томы своей *Положительной философіи*, былъ еще совершенно неизвѣстенъ. Репутація Конта растетъ; *Положительная философія* въ прошломъ году *) вышла въ свѣтъ вторымъ изданіемъ; о позитивизмѣ (т. е. философской школѣ, а не о религіозной сектѣ) говорятъ въ журнальныхъ статьяхъ и въ отдѣльныхъ книгахъ. Главный боецъ позитивизма, Литтре, работаетъ неутомимо, и нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ мыслителей Франціи и Англіи, Тенъ, Вашро, Гербертъ Спенсеръ, считаютъ нужнымъ подвергать его работы подробной и внимательной критикѣ.—Словомъ, дѣло Конта подвигается впередъ, но если напримѣръ принять въ соображеніе ту быстроту, съ которой имена и мысли Бокля и Дарвина облетѣли въ послѣднее время весь образованный міръ, то надо будетъ сознаться, что дѣло Конта подвигается впередъ съ изумительной медленностью. Въ Германіи Контъ до сихъ поръ извѣстенъ очень мало; еще въ 1862 г. Бюхнеръ, познакомившись съ Контомъ по книгѣ вѣрующаго адепта Констанъ-Ребека, отозвался о творцѣ *Положительной философіи* благосклонно-покровительственнымъ тономъ, какъ о добродушномъ, смѣломъ и честномъ, но довольно ограниченномъ и чудаковатомъ мечтателѣ. Россія до сихъ поръ не имѣетъ о Контѣ никакого по-

*) Статья эта писалась въ 1865 г.

нятія, несмотря на то, что мы въ послѣднее десятилѣтіе слѣдили довольно внимательно за всѣми движеніями европейской мысли.

Причины той поразительной медленности, съ которой распространяются идеи Конта, заключаются, по моему мнѣнію, во-первыхъ, въ особенныхъ свойствахъ самаго *Курса положительной философіи* и, во-вторыхъ, въ непрактичности контовскихъ учениковъ и популяризаторовъ. *Курсъ положительной философіи* не доступенъ большинству читающаго общества ни по цѣнѣ, ни по объему, ни по содержанію, ни по изложенію. Стоитъ онъ 45 франковъ; у насъ, въ Россіи, больше 12 руб. Это разъ. Заключаетъ онъ въ себѣ шесть большихъ томовъ, т. е. гораздо больше 3,000 страницъ довольно мелкой печати; надо быть очень неустрашимымъ любителемъ чтенія, чтобы не почувствовать сильнаго замиранія сердца при видѣ этой груды печатной бумаги. Это два. Обыкновенный читатель, получившій наше общее литературное образованіе, начинаетъ разсматривать *Курсъ положительной философіи* и замѣчаетъ, къ крайнему своему огорченію, что первые три тома этой книги составляютъ для него тарабарскую грамоту; въ самомъ дѣлѣ, прошу покорно наслаждаться чтеніемъ математической, физической и астрономической философіи, когда рѣшеніе квадратныхъ уравненій составляетъ крайній предѣлъ вашей математической премудрости, когда даже эта премудрость, отъ недостатка упражненія, давно успѣла изгладиться изъ вашей памяти. Это три. Наконецъ обыкновенный читатель пробуетъ начать чтеніе прямо съ четвертаго тома, но и тутъ становится втупикъ. Для тѣхъ людей, для которыхъ историческія сочиненія Маколея, Шлоссера или Мишле составляютъ серьезное чтеніе и для которыхъ Гизо и Бокль являются въ видѣ nec plus ultra головоломности, для тѣхъ людей, говорю я, Огюстъ Контъ оказывается совершенно неудобочитаемымъ. Представьте себѣ, что въ *исторической* части общественной физики вы не встрѣтите *почти ни одного* собственнаго имени; все изложеніе идетъ чисто отвлеченнымъ путемъ; вы имѣете передъ собою анализъ идей и учрежденій, безъ малѣйшаго упоминанія объ извѣстныхъ вамъ историческихъ дѣятеляхъ, народахъ и событіяхъ; при этомъ языкъ Конта постоянно до такой степени сухъ, ровенъ, безстрастенъ и однообразенъ, что вы легко можете принять его философію исторіи за какую-нибудь диссертацію о коническихъ сѣченіяхъ; недостаетъ только чертежей и алгебраическихъ формулъ; если вы сравните его математическую философію съ исторической частью общественной физики, то въ изложеніи, въ языкѣ вы не замѣтите ни малѣйшей разницы. Это четыре. Читатель согласится, что этихъ четырехъ обстоятельствъ слишкомъ достаточно, чтобы удержать большинство образованнаго общества въ почтительномъ отдаленіи отъ *Курса положительной философіи*. Но именно тутъ-то и начинается обязанность популяризаторовъ. Если въ какихъ-нибудь темныхъ подземельяхъ, недоступныхъ для нашихъ легкомысленныхъ ближнихъ, хранятся, за тяжелыми запорами, необъятныя сокровища мысли, то именно популяризаторы обязаны вооружиться храбростью и терпѣніемъ, сойти въ подземелья, сбить прочь тяжелые запоры и вынести по частямъ на свѣтъ Божій затаившіяся драгоцѣнности. Однако ни Литтре, ни Милль не поступаютъ такимъ образомъ. Они живутъ въ подземельѣ, какъ у себя на квартирѣ, составляютъ тамъ каталоги всѣмъ скрытымъ богатствамъ и приглашаютъ своихъ читателей спускаться вслѣдъ за ними и знакомиться съ драгоцѣнностями въ томъ мѣстѣ, въ которомъ онѣ находятся до сихъ поръ.

Пока популяризаторы будутъ держаться подобной тактики, до тѣхъ поръ идеи Конта будутъ оставаться для общества мертвымъ капиталомъ. Литтре въ 1863 году издалъ очень хорошую и довольно большую книгу подъ заглавіемъ «Auguste Comte et la Philosophie positive». Милль въ нынѣшнемъ году помѣстилъ въ «Westminster Review» двѣ превосходныя статьи о философской дѣятельности Конта. И Литтре, и Милль говорятъ единогласно, что самыя замѣчательныя и плодотворныя мысли Конта заключаются въ исторической части общественной физики, и что Контъ именно только въ этой части является истинно оригинальнымъ и совершенно независимымъ отъ трудовъ прежнихъ мыслителей. Между тѣмъ ни Милль, ни Литтре даже не дѣлаютъ попытки изложить читателямъ содержаніе этой самой замѣчательной части; оба они отсылаютъ читателя къ книгѣ самого Конта. Но что читатель ихъ не послушается, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ доказательство этой мысли привожу слѣдующій фактъ. Французскій публицистъ Dupont-White помѣстилъ въ «Revue des deux Mondes» за нынѣшній годъ двѣ статьи о позитивизмѣ по поводу книги Литтре. Когда человѣкъ берется разсуждать о философской доктринѣ печатно, тогда, я думаю, можно ожидать отъ него, что онъ обратится къ подлиннымъ источникамъ этой доктрины и познакомится съ нею по сочиненіямъ самого основателя. Однако не тутъ-то было. Dupont-White преспокойно удовлетворился книгой Литтре и, основываясь на ней, толкуетъ о позитивизмѣ вкривь и вкось, то есть именно такъ, какъ можетъ толковать о кунсткамерѣ человѣкъ, незамѣтившій въ ней слона. Если люди, имѣющіе претензію философствовать печатно, продолжаютъ питать къ сочиненіямъ Конта почтительную робость, несмотря на всѣ заманчивыя приглашенія Литтре и Милля, то нетрудно себѣ

представить, какъ мало подѣйствуютъ эти приглашенія на обыкновенныхъ читателей.

Оставляя въ сторонѣ историческія идеи Конта, Литтре и Милль разсуждаютъ очень пространно о положительномъ методѣ вообще, о классификаціи наукъ, о раздѣленіи ихъ на абстрактныя и конкретныя, о взглядѣ Конта на психологію и на политическую экономію, и такъ далѣе. Принимаясь знакомить съ Контомъ русскихъ читателей, я считаю полезнымъ поступить какъ-разъ наоборотъ. О положительномъ методѣ, о классификаціи наукъ, и такъ далѣе, я не скажу ни одного слова, потому что, въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ могутъ имѣть для нашихъ читателей философскія разсужденія о методѣ и о классификаціи такихъ наукъ, о которыхъ эти читатели имѣютъ самыя смутныя понятія и съ которыми журналъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, никакъ не можетъ ихъ познакомить, если только онъ не хочетъ превратиться въ собраніе элементарныхъ учебниковъ. Напротивъ того, на историческія идеи Конта, о которыхъ молчатъ Литтре и Милль, я обращу все мое вниманіе, и если мнѣ удастся выполнить мою задачу удовлетворительно, то я смѣю надѣяться, что Россія узнаетъ и оцѣнитъ Конта гораздо точнѣе, чѣмъ цѣнитъ и знаетъ его въ настоящее время западная Европа.

I.

Дикарь невольно объясняетъ себѣ всевозможныя явленія природы тѣмъ самымъ процессомъ, какимъ обусловливаются въ его глазахъ его собственные поступки. Онъ знаетъ, по ежеминутному опыту, что каждому его движенію предшествуетъ всегда желаніе сдѣлать это движеніе. Онъ садится, потому что *хочетъ* сѣсть, беретъ въ руки палку, потому что *хочетъ* ее взять, бьетъ свою жену, потому что *хочетъ* ее бить, и такъ далѣе. Причину каждаго изъ своихъ дѣйствій онъ понимаетъ; причины-же всѣхъ окружающихъ явленій требуется угадать; очень естественно, что это угадываніе па первый разъ будетъ состоять въ простомъ подкладываніи подъ каждое явленіе такой-же точно причины, какая объясняетъ собою собственныя тѣлодвиженія философствующаго дикаря. Молнія разбила дерево. Почему она его разбила? Потому что *хотѣла* разбить. Ураганъ разметалъ шалашъ дикаря. Почему? Потому что *хотѣлъ* сдѣлать дикарю непріятность.—Какъ только дикарь начинаетъ задавать себѣ вопросы: «*почему?*», такъ онъ непремѣнно начинаетъ отвѣчать на нихъ именно такимъ образомъ, и всякіе другіе отвѣты сначала оказываются радикально невозможными, потому что сначала онъ, путемъ непосредственнаго внутренняго чувства, знаетъ только самого себя, и кромѣ самого себя не знаетъ ровно ничего. Такъ какъ молнія и ураганъ дѣлаютъ такія штуки, которыя самому дикарю приходятся не подъ силу, и такъ какъ всѣ ихъ штуки, по мнѣнію дикаря, вытекаютъ изъ опредѣленныхъ желаній, то очевидно молнія и ураганъ оказываются живыми существами, которыя настолько-же сильнѣе дикаря, насколько ихъ штуки превышаютъ его личные подвиги. Къ этимъ сильнымъ существамъ дикарь становится въ извѣстныя почтительныя отношенія, онъ старается задобрить ихъ просьбами и подарками. Онъ надѣется, посредствомъ разныхъ любезностей, направлять волю этихъ сильныхъ существъ сообразно съ своими личными разсчетами и внушать имъ такія желанія, которыя вели-бы за собою, съ ихъ стороны, поступки, соотвѣтствующіе его выгодамъ. Однимъ словомъ, начинается извѣстное обоготвореніе явленій и силъ природы, органическихъ и неорганическихъ. Человѣкъ вступаетъ въ теологическій періодъ развитія.

Первобытные пріемы теологическаго философствованія не только естественны и неизбѣжны, но еще кромѣ того чрезвычайно полезны и необходимы. Безъ нихъ дальнѣйшее умственное развитіе дикаго человѣка было-бы совершенно невозможно. Развиваться—значитъ постепенно прокладывать себѣ путь къ вѣрному пониманію той связи, которая существуетъ между явленіями природы. Чтобы приближаться къ этому вѣрному пониманію, надо собирать наблюденія. А такія наблюденія, которыя могутъ пригодиться для общихъ выводовъ, возможны только тогда, когда наблюдатель смотритъ на явленія съ какой-нибудь опредѣленной точки зрѣнія, то есть, когда онъ подходитъ къ явленію съ какой-нибудь уже готовой теоріей.

Эта послѣдняя мысль конечно изумляетъ читателя, привыкшаго думать, что за наблюденія слѣдуетъ, напротивъ того, приниматься безъ всякихъ предвзятыхъ идей. Предвзятыя идеи дѣйствительно вредны, когда онѣ мѣшаютъ нашей искренности, то есть, когда мы, любя эти идеи, стараемся, во что-бы то ни стало, увидать ихъ оправданіе въ дѣйствительности, которая на самомъ дѣлѣ нисколько имъ не соотвѣтствуетъ. Если мы такимъ образомъ умышленно закрываемъ глаза, то, разумѣется, мы становимся плохими наблюдателями. Но мѣшаетъ намъ въ этомъ случаѣ не предвзятая *теорія*, а наше нелѣпое *пристрастіе* къ этой теоріи. Теорія-же сама по себѣ только помогаетъ намъ наблюдать; стараясь убѣдиться въ томъ, вѣрна-ли теорія, или нѣтъ, мы обращаемъ вниманіе именно на тѣ стороны явленій, къ которымъ наша теорія имѣетъ какое-нибудь отношеніе. Каждое явленіе природы само по себѣ такъ сложно, что мы никакъ не

можемъ охватить его разомъ со всѣхъ сторонъ; когда мы приступаемъ къ явленію безъ всякой теоріи, то мы рѣшительно не знаемъ, на какую сторону явленія слѣдуетъ смотрѣть. Явленіе мозолитъ намъ глаза и все-таки не пробуждаетъ въ нашемъ умѣ никакой опредѣленной мысли. Если-же у насъ составлена какая-нибудь фантастическая теорія, то явленіе прежде всего разрушаетъ ее и вслѣдъ затѣмъ заставляетъ насъ построить немедленно новую теорію, которая при вторичномъ наблюденіи по всей вѣроятности также развалится и замѣнится третьей теоріей, такой-же непрочной, какъ и обѣ первыя. Каждая изъ нашихъ догадокъ оказалась несостоятельной именно потому, что въ объясняемомъ явленіи есть какіе-нибудь признаки, несогласные съ этими догадками. Стало быть, убѣждаясь въ несостоятельности нашихъ догадокъ, мы каждый разъ узнаемъ новые признаки, которые безъ этихъ догадокъ остались-бы намъ неизвѣстными. Отбрасывая одну догадку за другой, мы наконецъ доходимъ до вѣрнаго рѣшенія задачи, если задача разрѣшима, или-же убѣждаемся въ необходимости прекратить наши поиски, если вопросъ нашъ, по самой сущности своей, не допускаетъ отвѣта.

Итакъ, для собиранія наблюденій дикарю необходима теорія; разумной теоріи онъ составить себѣ не можетъ, потому что разумная теорія составляется на основаніи наблюденій; но у него есть свои догадки, составленныя невольной и естественной дѣятельностью его воображенія, и эти жалкія, нелѣпыя догадки являются для него той необходимой ниткой, на которую онъ нанизываетъ свои наблюденія. При своихъ несложныхъ матеріальныхъ потребностяхъ дикарь не можетъ интересоваться всѣми окружающими животными, растеніями и минералами, какъ полезными предметами; огромное большинство этихъ предметовъ не приноситъ ему ни малѣйшей пользы и также не можетъ сдѣлаться для него ни вреднымъ, ни опаснымъ; безкорыстной любознательности, воодушевляющей нашихъ натуралистовъ, у дикаря быть не можетъ; поэтому ясно, что онъ остался-бы навсегда безучастнымъ къ окружающему міру, еслибы его живая фантазія не заставляла его въ каждомъ ручьѣ, въ каждомъ деревѣ, въ каждой ящерицѣ или лягушкѣ усматривать присутствіе какой нибудь особенной, великой и таинственной силы, которая можетъ оказывать на его жизнь и на всѣ его различныя предпріятія гибельное или благодѣтельное вліяніе. Лягушка, какъ простая лягушка, была-бы оставлена безъ вниманія; но лягушка, превращенная фантазіей дикаря въ высшее существо, становится интересной и достойной изученія. Фантазія выталкиваетъ дикаря изъ его умственной апатіи; фантазія создаетъ теологическое объясненіе природы, и только одна фантазія можетъ дать человѣческому уму тотъ первый необходимый толчокъ, безъ котораго летаргическій сонъ человѣческой мысли навсегда остался-бы ненарушеннымъ.

Дикарь—существо очень безсильное, беззащитное и несчастное. Каждый ливень промачиваетъ его до костей; каждая буря разноситъ въ дребезги его хижину; каждая неблагопріятная перемѣна погоды поражаетъ его въ источникахъ его существованія и можетъ осудить его на голодную смерть; многіе хищные звѣри далеко превосходятъ его быстротой, силой мускуловъ и опаснымъ могуществомъ естественнаго оружія; въ борьбѣ съ такими звѣрями дикарь обыкновенно остается побѣжденнымъ; законовъ природы онъ не знаетъ, и поэтому не можетъ направить почти ни одного явленія такъ, какъ того требуютъ его матеріальные интересы. Я говорю *почти*, потому что на самомъ дѣлѣ всѣ извѣстные намъ дикари все-таки умѣютъ по крайней мѣрѣ развести огонь или приготовить себѣ какое-нибудь оружіе, посуду, одежду. Конечно и это умѣнье было пріобрѣтено ими не вдругъ; было время, когда они были еще невѣжественнѣе и слѣдовательно еще несчастнѣе. Но объ этомъ времени мы не можемъ составить себѣ никакого опредѣленнаго понятія; поэтому незачѣмъ намъ и забираться въ такую недосягаемую глубину древности и умственной безпомощности.

Еслибы дикарь смотрѣлъ на свое собственное положеніе совершенно трезвыми глазами, еслибы онъ могъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ своемъ собственномъ безсиліи, еслибы онъ могъ измѣрить своимъ умомъ всю глубину своего хроническаго несчастія, то безъ сомнѣнія у него опустились-бы руки, и онъ погрузился-бы въ такое безвыходное уныніе, которое совершенно парализировало-бы всю его дѣятельность и очень скоро положило-бы конецъ его существованію. Но тутъ опять подоспѣваетъ къ нему на выручку его пылкое воображеніе. Онъ твердо увѣренъ въ томъ, что, при помощи различныхъ заклинаній, приношеній и манипуляцій, онъ, по своему благоусмотрѣнію, можетъ ворочать всѣми силами органической и неорганической природы. Эта увѣренность конечно обманываетъ его на каждомъ шагу, но эти ежеминутныя разочарованія объясняются въ его глазахъ тѣмъ, что онъ въ своихъ заклинаніяхъ и манипуляціяхъ сдѣлалъ случайную ошибку, отъ которой онъ на будущее время постарается уберечься. Надежда задобрить силы природы остается въ полной неприкосновенности, потому что убить эту надежду можетъ только идея незыблемыхъ естественныхъ законовъ, а до этой идеи очень далеко не только дикарямъ, но и многимъ цивилизованнымъ европейцамъ. Чѣмъ слабѣе и невѣжественнѣе дикарь, тѣмъ размашистѣе его на-

дежды; такимъ образомъ бодрость его поддерживается его иллюзіями тогда, когда она не можетъ основываться на сознаніи дѣйствительнаго господства надъ силами природы. Обращаясь къ своимъ воображаемымъ покровителямъ съ просьбой о прямомъ содѣйствіи въ какомъ-нибудь житейскомъ предпріятіи, дикарь сильно и чистосердечно вѣритъ въ исполнимость своего желанія, преимущественно потому, что для него еще не существуетъ понятіе о *чудѣ*, какъ о нарушеніи общаго закона и какъ о необыкновенномъ вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ обыкновенныя земныя событія. Чтобы составить себѣ понятіе о чудѣ, надо сначала сколько-нибудь освоиться съ понятіемъ о законѣ, потому что гдѣ нѣтъ никакихъ общихъ правилъ, тамъ не можетъ быть и никакихъ исключеній. Гдѣ все управляется произволомъ и страстями личностей, тамъ прямое вмѣшательство личности въ пользу своего любимца оказывается въ порядкѣ вещей и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего удивительнаго. Когда самыя простыя и обыденныя явленія объясняются волей и дѣятельностью таинственныхъ покровителей, тогда и самое очевидное нарушеніе въ обыкновенномъ порядкѣ этихъ явленій никому не должно казаться особенно удивительнымъ. Представьте себѣ напримѣръ, что въ одинъ прекрасный день солнце послѣ полудня вмѣсто того чтобы направляться къ западу, поворотило назадъ на востокъ, и къ вечеру скрылось подъ горизонтомъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оно взошло утромъ. Поразительнѣе и ужаснѣе этого чуда трудно что-нибудь придумать. Во всѣхъ образованныхъ странахъ нашей планеты такое чудо произвело-бы паническій страхъ, о которомъ невозможно составить себѣ даже приблизительное понятіе. Всѣ жители этихъ образованныхъ государствъ поняли-бы, что въ движеніи земли произошла какая-то существенная перемѣна, вслѣдствіе которой можно ежеминутно ожидать столкновенія нашей планеты съ другими небесными тѣлами. Паническій страхъ оказался-бы тѣмъ сильнѣе, что онъ распространился-бы сверху внизъ, изъ образованныхъ классовъ въ массу, которая вслѣдствіе этого ни откуда не могла-бы ожидать себѣ успокоенія и вразумленія. Напротивъ того, на совершенно дикій народъ, находящійся подъ исключительнымъ господствомъ теологической философіи, поворотъ солнца къ востоку произвелъ бы довольно слабое впечатлѣніе. Дикари конечно замѣтили-бы это явленіе, потому что не замѣтить его невозможно, но они врядъ-ли почувствовали-бы особенно-сильное безпокойство. Они вообразили-бы, что солнечному богу понадобилось зачѣмъ-нибудь воротиться поскорѣе домой, сочинили-бы по этому случаю какой-нибудь болѣе или менѣе замысловатый миѳъ, и совершенно успокоились-бы на этомъ остроумномъ объясненіи. Можно сказать навѣрное, что вулканическое изверженіе или даже сильная буря съ грозою и съ градомъ подѣйствовали-бы на воображеніе дикарей гораздо болѣе потрясающимъ образомъ, чѣмъ такое очевидное нарушеніе самыхъ важныхъ и общеизвѣстныхъ законовъ природы.—Въ невѣжествѣ дикарей заключается какъ ихъ слабость, такъ и та сила, которая даетъ имъ возможность вырваться изъ этого невѣжества. Слабость состоитъ въ неумѣніи дѣйствовать на природу; а сила—въ умѣніи надѣяться и этими фантастическими надеждами поддерживать нравственную бодрость, для которой въ данномъ періодѣ развитія не можетъ быть никакой другой болѣе реальной опоры.

II.

Самая первобытная и грубая форма миѳической философіи называется *фетишизмомъ* и состоитъ въ прямомъ и непосредственномъ одушевленіи и обоготвореніи всѣхъ видимыхъ явленій и предметовъ окружающей природы. Все, чтó обнаруживаетъ самостоятельное движеніе или издаетъ изъ себя звуки, становится въ глазахъ дикаря живымъ существомъ; первая волынка, которую увидѣли негры, первый европейскій корабль, первое ружье, первые часы были для нихъ животными, болѣе или менѣе сильными, страшными и опасными; естественныя явленія конечно объясняются точно такимъ-же образомъ, такъ что въ идеяхъ чистаго фетишиста нѣтъ качественныхъ разграниченій между стихійнымъ и органическимъ міромъ, между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человѣкомъ, между человѣкомъ и божествомъ. Весь міръ фетишиста проникнутъ однимъ животворящимъ принципомъ,—тѣмъ самымъ принципомъ, котораго присутствіе онъ чувствуетъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Видя свое собственное *я* во всемъ, чтò его окружаетъ, фетишистъ съ одной стороны, относится къ животнымъ такъ, какъ онъ относился-бы къ существамъ, способнымъ понимать его, а съ другой стороны, обращается съ своими богами такъ непочтительно, какъ онъ могъ-бы обходиться съ равнымъ себѣ человѣкомъ. Такъ напримѣръ, каффры, охотясь за слономъ, кричатъ ему для смягченія его гнѣва: «не убивай насъ, великій предводитель, не наступи на насъ, могущественный предводитель!» О львѣ разсказываютъ въ Сенегамбіи, что онъ изъ любезности не нападаетъ на женщинъ, и что онъ вообще не трогаетъ тѣхъ людей, которые вѣжливо съ нимъ раскланиваются. О кайманѣ разсказываютъ, также въ Сенегамбіи, что онъ собираетъ въ извѣстные дни своихъ родныхъ и знакомыхъ и дѣлитъ съ ними добычу въ осо-

быхъ собраніяхъ, въ которыхъ предсѣдательствуетъ старшій и знатнѣйшій изъ каймановъ *). Убивая какое-нибудь сильное животное, негръ боится, что ему будутъ мстить родственники убитаго, подобно тому, какъ это дѣлается въ мірѣ людей.

Уравнивая себя съ животными, фетишистъ уравниваетъ себя также и съ богами. Онъ боится своихъ боговъ, но въ то-же время и самъ считаетъ возможнымъ внушать имъ страхъ; онъ дѣйствуетъ на нихъ не только просьбами и подарками, но и угрозами, и тѣлесными наказаніями, когда они ведутъ себя въ отношеніи къ нему черезъ-чуръ невнимательно. Извѣстно напримѣръ, что тунгусы, калмыки, камчадалы и нѣкоторые другіе сибирскіе инородцы сѣкутъ своихъ идоловъ, когда не получаютъ отъ нихъ желаемой помощи. Негры, живущіе по берегамъ бѣлаго Нила, питаютъ къ своимъ царямъ религіозное уваженіе, которое однако имѣетъ для этихъ царей свою очень невыгодную сторону: эти негры приписываютъ своимъ царямъ способность управлять погодой, и поэтому убиваютъ ихъ въ случаѣ засухи за неискусное или злонамѣренное управленіе. Фелупы, живущіе по рѣкѣ Гамбіи, считаютъ своихъ царей за боговъ, или по крайней мѣрѣ за всесильныхъ чародѣевъ, и вслѣдствіе этого за каждое народное несчастіе подвергаютъ ихъ тѣлесному наказанію.

Фетишистъ видитъ боговъ на каждомъ шагу и вслѣдствіе этого обращается съ ними запросто. Его окружаютъ со всѣхъ сторонъ таинственныя силы и капризныя воли, но ежеминутныя столкновенія съ этими волями и силами вовсе не производятъ на него того потрясающаго впечатлѣнія, которое испытываетъ на себѣ болѣе развитой человѣкъ при встрѣчѣ съ тѣмъ, что́ кажется ему сверхъестественнымъ. Вся жизнь фетишиста составляетъ одну безпрерывную галлюцинацію, въ которой неопредѣленный страхъ и безпричинная надежда ежеминутно чередуются между собою, возникая и пропадая по поводу каждаго ничтожнѣйшаго событія. Теологическое объясненіе предмета неразлучно для фетишиста съ первымъ взглядомъ на этотъ предметъ; творческая фантазія работаетъ одновременно съ органами чувствъ; миѳъ готовъ тотчасъ, какъ только явленіе обратило на себя вниманіе; поэтому можно сказать почти безошибочно, что фетишистъ дѣйствительно видитъ и слышитъ все то, что̀ создаетъ его воображеніе; онъ ничего не выдумываетъ нарочно; процессъ выдумыванія совершается у него такъ-же непосредственно и непроизвольно, какъ совершается въ нашемъ мозгу сужденіе о разстояніи и о величинѣ тѣхъ предметовъ, которые попадаются намъ на глаза. Онъ не можетъ смотрѣть на вещи, не пускаясь въ теологическія философствованія; поэтому ясно, что теологическая философія въ періодъ фетишизма господствуетъ надъ человѣческимъ умомъ съ болѣе неотразимой силой, чѣмъ во всѣ послѣдующія фазы историческаго развитія. Съ одной стороны, эта первобытная форма теологической философіи доступна нетолько людямъ, но и высшимъ животнымъ, напримѣръ обезьянамъ, лошадямъ и собакамъ; а съ другой стороны, пантеизмъ Спинозы и Гете есть не что иное, какъ фетишизмъ, превращенный въ стройную философскую систему.

Это изумительное соприкосновеніе величайшихъ мыслителей съ зоологическимъ міромъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что въ объясненіи причинъ и сущности видимыхъ явленій нашъ умъ съ самыхъ первыхъ дней своего младенчества не можетъ подвинуться впередъ ни на одинъ шагъ. Какъ только мы сходимъ съ положительной почвы, то есть, какъ только мы забываемъ, что мы можемъ изучать съ успѣхомъ только связь и соотношенія между видимыми явленіями, а не причины и сущность этихъ явленій, такъ мы тотчасъ, думая создать что-нибудь новое, воспроизводимъ міросозерцаніе бушменовъ и лошадей. Если васъ очень озадачиваетъ мысль о томъ, что животныя философствуютъ и находятся въ фазѣ фетишизма, то потрудитесь напримѣръ пустить по полу волчокъ въ присутствіи молодого и впечатлительнаго щенка. Вы увидите, что щенокъ начнетъ кидаться на него, лаять, визжать, отскакивать отъ него прочь со всѣми признаками ужаса, изумленія и негодованія; словомъ, будетъ вести себя совершенно такъ, какъ бы онъ велъ себя при столкновеніи съ живымъ существомъ, отъ котораго можно ожидать себѣ непріятности и которое можно запугать лаемъ и другими шумными выраженіями храбрости. Очевидно щенокъ видитъ въ волчкѣ живое существо, то есть, объясняетъ себѣ всякое движеніе тѣмъ самымъ началомъ жизни, которое онъ чувствуетъ въ собственномъ тѣлѣ. Человѣкъ до такой степени хорошо знаетъ фетишизмъ животныхъ, что онъ на этомъ философскомъ методѣ ихъ строитъ даже для медвѣдя ловушку, замѣчательную по своей простотѣ. Надъ ульемъ вѣшаютъ толстый чурбанъ, такъ чтобы онъ закрывалъ отверстіе улья. Медвѣдь приходитъ за медомъ и отодвигаетъ чурбанъ въ сторону; чурбанъ возвращается назадъ и толкаетъ медвѣдя въ морду; медвѣдь съ нѣкоторой досадой отбрасываетъ его прочь; чурбанъ опять возвращается на свое мѣсто, и на этотъ разъ уже довольно сильно поражаетъ медвѣжью физіономію; медвѣдь свирѣпѣетъ, и, разумѣется, чѣмъ больше онъ горячится, чѣмъ безпощаднѣе онъ колотитъ чурбанъ своими лапами, тѣмъ оглуши-

*) Waiats. «Anthropologie der Naturvölker». Band II. S. 178—179.

тельнѣе становятся тѣ удары, которые сыпятся на его собственную морду. Кончается тѣмъ, что ошеломленный медвѣдь сваливается съ того дерева, на которомъ находится улей. Отчего-же медвѣдь такъ неразсудительно воюетъ съ безчувственнымъ чурбаномъ? Именно отъ того, что медвѣдь, какъ фетишистъ, не наблюдаетъ, а философствуетъ, и видитъ въ движущемся и колотящемъ чурбанѣ задорное живое существо, которое слѣдуетъ унять и зашибить до смерти.

Огюстъ Контъ полагаетъ даже, что нѣкоторыя избранныя животныя (quelques animaux choisis) могутъ даже при соприкосновеніи съ человѣкомъ возвыситься до слабаго начала политеизма (un faible commencement de polytheisme), но такъ какъ Контъ оставляетъ эту мысль недоказанной и необъясненной, то я рѣшительно не знаю, на чемъ онъ основываетъ свое предположеніе, и никакъ не могу поручиться за то, чтобы между животными дѣйствительно существовали политеисты. Хотя политеизмъ повсемѣстно развивался изъ фетишизма, однако разница между этими двумя формами миѳической философіи до такой степени значительна, что съ перваго взгляда историку трудно даже понять, какимъ образомъ эти двѣ почти противоположныя системы могутъ находиться между собою въ прямой, преемственной связи. У фетишиста вся матерія живетъ своей собственной, внутренней жизнью; у политеиста, напротивъ того, матерія становится пассивнымъ орудіемъ невидимыхъ существъ, непривязанныхъ къ опредѣленному мѣсту; фетишистъ напримѣръ прямо одушевляетъ и обоготворяетъ рѣку, то есть массу текущей воды; политеистъ, напротивъ того, представляетъ себѣ, что масса воды, на которую онъ смотритъ, какъ на простую воду, находится подъ управленіемъ особеннаго невидимаго бога, живущаго обыкновенно въ рѣкѣ, какъ въ своемъ царствѣ, но способнаго также путешествовать по всему міру. Въ поэмахъ Гомера дѣйствуютъ настоящіе боги политеизма, принимающіе на себя образъ человѣка тогда, когда они вступаютъ въ сношенія съ людьми; но въ «Иліадѣ» появляется также и чистый фетишъ, какъ остатокъ болѣе древняго періода; именно, за Ахиллесомъ гонится рѣка Скамандръ, сочувствующая троянцамъ. Скамандръ гонится за Ахиллесомъ не въ видѣ человѣка, не съ копьемъ или съ мечомъ въ рукѣ, а въ видѣ рѣки; онъ хочетъ не заколоть или изрубить греческаго героя, а потопить его въ своихъ волнахъ; здѣсь дѣйствуетъ именно разъярившаяся стихія, а не богъ, управляющій этой стихіей.

Спрашивается теперь, какимъ-же образомъ могъ совершиться переходъ отъ прямого обоготворенія матеріи къ ея подчиненію высшимъ и невидимымъ существамъ?—Этотъ переходъ, самый важный и самый трудный во всей исторіи человѣческой мысли, обусловливается тѣми простѣйшими и естественными наблюденіями и сообщеніями, которыя непремѣнно долженъ дѣлать на каждомъ шагу самый слабый и неразвитой человѣческій умъ. Входя ежедневно въ дубовую рощу, дикарь непремѣнно долженъ наконецъ замѣтить, что всѣ деревья этой рощи до нѣкоторой степени похожи между собою; гоняясь ежедневно за буйволами или за оленями, дикарь непремѣнно долженъ наконецъ замѣтить, что всѣ олени или всѣ буйволы имѣютъ приблизительно однѣ и тѣ-же ухватки и привычки. Не зная никакихъ объясненій, кромѣ теологическихъ, дикарь очевидно принужденъ объяснять себѣ замѣченное сходство тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ дубы находятся подъ управленіемъ одного бога, всѣ олени повинуются приказаніямъ другого, всѣ буйволы признаютъ надъ собою господство третьяго. Всѣ отдѣльные дубы, буйволы и олени черезъ это еще не перестанутъ тотчасъ быть фетишами; надъ ними установится только вторая инстанція боговъ, къ которымъ можно будетъ обращаться съ жалобами и просьбами и которые вслѣдствіе этого отнимутъ понемногу у подчиненныхъ фетишей всякое значеніе божественности. Міросозерцаніе теперешнихъ негровъ находится именно на рубежѣ между полнымъ фетишизмомъ и чистымъ политеизмомъ. Каждый горшокъ и каждый камушекъ могутъ сдѣлаться для негра предметомъ обожанія, и въ то-же самое время у негра есть высшіе, невидимые боги, и у нѣкоторыхъ племенъ, неимѣвшихъ еще никакихъ постоянныхъ сношеній ни съ магометанами, ни съ европейскими миссіонерами, есть даже понятіе о творцѣ всей вселенной. Кромѣ того мы можемъ замѣтить въ греческой миѳологіи, составляющей извѣстный типъ самаго богатаго и развитого политеизма, ясные слѣды древняго фетишизма; во-первыхъ, къ числу чистыхъ фетишей принадлежатъ *океанъ* и *земля*, которые постоянно остаются стихіями и не принимаютъ на себя человѣческаго образа. Во вторыхъ, такими-же чистыми фетишами оказываются домашніе боги, лары и пенаты, которыхъ божественность была привязана наглухо къ куску дерева, камня или глины.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что переходъ отъ фетишизма къ политеизму совершается чрезвычайно медленно, и что фетиши очень долго и упорно отстаиваютъ свое существованіе. Будучи гораздо малочисленнѣе фетишей и завѣдуя гораздо болѣе обширными департаментами, боги политеизма гораздо меньше фетишей вмѣшиваются въ событія вседневной человѣческой жизни. Бо́льшая часть мелкихъ ежедневныхъ событій совершается, по мнѣнію политеиста, сама собою и складывается сообразно съ обыкновенными свойствами окружающихъ предметовъ. Если напримѣръ глиняный горшокъ, падая на полъ, разбивается, то политеистъ не

приписываетъ этого событія высшимъ силамъ, а видитъ въ немъ естественный результатъ столкновенія между твердымъ деревомъ и хрупкой глиной; такимъ образомъ естественный элементъ отдѣляется отъ сверхъ-естественнаго; образуется понятіе о свойствахъ вещества и о законахъ, по которымъ совершаются обыкновенно различныя явленія; вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ понятіе о *чудѣ*, которое для фетишиста не существовало и которое становится возможнымъ только тогда, когда боги не окружаютъ смертнаго со всѣхъ сторонъ и не вмѣшиваются ежеминутно въ каждое событіе его жизни. У фетишиста вмѣшательство боговъ было правиломъ; у политеиста оно становится исключеніемъ, довольно частымъ, но тѣмъ не менѣе изумительнымъ. Чтобы такимъ образомъ отвыкнуть понемногу отъ ежеминутныхъ и повсемѣстныхъ соприкосновеній съ богами, фетишисту надо было очевидно направить сначала свое обожаніе на такіе предметы, которые, хотя и видимы, однако по своей отдаленности не могутъ имѣть съ своими поклонниками никакихъ короткихъ отношеній. Такими предметами оказываются для фетишистовъ небесныя тѣла. Сабеизмъ или поклоненіе звѣздамъ (astrolâtrie) составляетъ обыкновенно естественный переходъ отъ фетишизма къ политеизму, потому что, покланяясь небеснымъ тѣламъ, далекимъ и недоступнымъ, фетишистъ самъ хорошенько не знаетъ, чему именно онъ кланяется: обоготворенной звѣздѣ или-же невидимому существу, управляющему этой звѣздой. Разница между фетишемъ и богомъ становится здѣсь нечувствительной. Привыкнувъ поклоняться звѣздамъ, люди уже безъ особеннаго труда освоиваются съ понятіемъ о далекихъ и невидимыхъ богахъ, неимѣющихъ опредѣленнаго мѣстопребыванія. Съ этого времени появляются первые признаки метафизическаго мышленія, потому что политеисту приходится, во-первыхъ, олицетворять и обоготворять отвлеченныя понятія, а во-вторыхъ, воображать себѣ въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ отвлеченное свойство, образующее таинственную связь между этимъ неодушевленнымъ предметомъ и высшимъ, сверхъестественнымъ существомъ, въ которомъ заключается причина движенія и жизни.

III.

Умственное развитіе человѣчества начинается съ теологическихъ объясненій природы; политическое развитіе человѣчества начинается съ военныхъ предпріятій; какъ въ области мысли, такъ и въ области практической жизни, первобытному человѣку ненавистенъ правильный и терпѣливый трудъ, ведущій за собою медленное, но вѣрное пріобрѣтіе знаній или богатствъ. Въ области мысли первобытный человѣкъ умѣетъ только фантазировать, то есть давать совершенно произвольныя толкованія такимъ явленіямъ, въ которыя онъ не въ силахъ вглядываться и вдумываться; въ области матеріальныхъ интересовъ первобытный человѣкъ умѣетъ только отнимать у другихъ тѣ предметы, въ которыхъ онъ нуждается. Такъ какъ эти *другіе* въ раннія эпохи до-исторической жизни отличаются точно такими-же вкусами и способностями, такъ какъ они точно такъ-же ненавидятъ трудъ и любятъ грабежъ, то очевидно первобытнымъ людямъ почти нечего и грабить другъ у друга. У нихъ нѣтъ почти ничего, кромѣ собственнаго тѣла; поэтому они и стараются отнимать другъ у друга это единственное достояніе. Побѣдитель обыкновенно убиваетъ и съѣдаетъ побѣжденнаго врага. Длинный рядъ столѣтій тратится такимъ образомъ на истребительныя войны людей какъ между собою, такъ и съ дикими животными родныхъ лѣсовъ. Въ этой суровой школѣ безчеловѣчной войны и кровожадной охоты совершается первоначальное политическое воспитаніе нашей породы. Воспитаніе это заключается въ томъ, что дикіе фетишисты пріучаются соединять въ общихъ предпріятіяхъ свои индивидуальныя силы. Эти общія предпріятія въ то время могутъ быть только военными. Когда раздѣленіе труда не существуетъ, когда каждый взрослый человѣкъ доставляетъ собственными усиліями себѣ и своему семейству все, что необходимо для поддержанія жизни, и когда вся экономическая дѣятельность взрослаго заключается только въ убиваніи, обдираніи и разрѣзываніи дикихъ животныхъ, тогда очевидно отдѣльныя личности составляютъ общество и подчиняются какой-нибудь власти только за тѣмъ, чтобы отразить постороннее насиліе, или-же за тѣмъ, чтобы съ полнымъ успѣхомъ ограбить и передушить своихъ сосѣдей. Эта первобытная ассоціація разбойниковъ и людоѣдовъ относится къ цивилизованному обществу такъ точно, какъ первобытныя фантазіи фетишиста относятся къ міросозерцанію современнаго естествоиспытателя.

Какъ разбойничья ассоціація, такъ и грубый фетишизмъ, при всемъ своемъ крайнемъ безобразіи, составляютъ двѣ совершенно необходимыя и единственно-возможныя исходныя точки всего дальнѣйшаго развитія, съ одной стороны политическаго, съ другой стороны—умственнаго. Члены цивилизованнаго общества связаны между собою своими потребностями, которыя могутъ находить себѣ удовлетвореніе только въ обществѣ; но эти потребности, какъ матеріальныя, такъ и нравственныя, возникаютъ и укрѣпляются въ человѣкѣ только тогда, когда онъ живетъ въ обществѣ; у дикаря потребности очень несложны, и онъ умѣетъ удовлетворять ихъ безъ посторонней помощи; стало быть, втянуть дикаря въ общество могутъ только

чувство самосохраненія и хищныя влеченія; то-есть оборонительная и наступательная войны составляютъ неизбѣжную, хотя и непохвальную, цѣль всякаго первобытнаго общества.

Какъ въ отношеніи къ умственному, такъ и въ отношеніи къ политическому развитію, дикарь при самомъ началѣ своего поприща попадаетъ въ заколдованный кругъ (cercle vicieux), который разбивается въ первомъ случаѣ теологической философіей, а во второмъ—воинственными инстинктами. Въ дѣлѣ умственнаго развитія вопросъ ставится такъ: чтобы наблюдать, нужна теорія; а чтобы составить теорію, нужны наблюденія. Теологическая философія выводитъ человѣка изъ этого затрудненія, давая ему готовую теорію, составленную силою фантазіи, помимо наблюденія. Въ дѣлѣ политическаго развитія вопросъ ставится слѣдующимъ образомъ: чтобы войти въ общество, надо чувствовать извѣстныя потребности, а чтобы воспитать въ себѣ эти потребности, надо сначала пожить въ обществѣ. Воинственные инстинкты устраняютъ это затрудненіе, составляя хищныя шайки изъ тѣхъ людей, которые еще неспособны смотрѣть на общество, какъ на ассоціацію производителей и потребителей. Соединившись въ хищныя шайки, дикари переходятъ понемногу отъ охотничьей жизни къ пастушеской и отъ пастушеской къ земледѣльческой. Какимъ образомъ совершаются эти переходы, то есть какой побудительной причиной они обусловливаются и какія обстоятельства наводятъ дикарей на плодотворную мысль приручать животныхъ и разводить хлѣбныя растенія—этого мы по всей вѣроятности никогда не узнаемъ. По этимъ вопросамъ возможны только предположенія, недопускающія никакой обстоятельной повѣрки. О томъ, какъ совершились эти переходы у теперешнихъ цивилизованныхъ народовъ, мы конечно не имѣемъ и не можемъ имѣть никакихъ историческихъ свѣдѣній. Прямыя наблюденія надъ теперешними дикарями также не могутъ дать намъ на эти вопросы никакихъ точныхъ отвѣтовъ. Въ территоріяхъ, принадлежащихъ Сѣверо-Американскимъ штатамъ, нѣкоторыя индійскія племена переходятъ конечно отъ бродячей, охотничьей жизни къ осѣдлому, земледѣльческому быту; изучить причины и условія этихъ переходовъ очень удобно; но къ чему-же приведетъ это изученіе? Эти индійцы находятся въ соприкосновеніи съ иностранной высоко развитой цивилизацiей; именно вліяніе этой цивилизаціи заставляетъ ихъ переходить отъ одного быта къ другому: эта-же самая цивилизація даетъ имъ въ готовомъ видѣ тѣ знанія, тѣ сѣмена и тѣ орудія, которыя необходимы для перехода. Словомъ, въ задачу введенъ новый элементъ, который измѣняетъ ее такъ радикально, что самое тщательное изученіе *этой* задачи нисколько не можетъ подвинуть насъ впередъ въ вопросѣ о томъ, какъ совершались переходы въ жизни дикарей, неимѣвшихъ соприкосновеній съ высшими цивилизаціями. Если-же отправиться въ область гипотезъ, то, разумѣется, самой правдоподобной окажется та, которая объясняетъ эти переходы приращеніемъ народонаселенія и увеличившимися потребностями питанія. Контъ вооружается противъ этой гипотезы, старается доказать ея нераціональность и противупоставляетъ ей свою собственную гипотезу. Но какъ возраженія Конта, такъ и его собственная попытка объяснить переходъ отъ бродячей жизни къ осѣдлой замѣчательны по своей неудачности.

Главное возраженіе Конта состоитъ въ томъ, что никакая потребность, какъ-бы она ни была сильна, не можетъ создать въ человѣкѣ новую способность. «Въ данномъ случаѣ, — говоритъ Контъ,—человѣкъ постарался-бы избавиться отъ избытка населенія болѣе частымъ употребленіемъ тѣхъ ужасныхъ средствъ, къ которымъ онъ обращается даже въ болѣе цивилизованныя времена, вмѣсто того, чтобы промѣнять кочевую жизнь на земледѣльческую до тѣхъ поръ, пока его не подготовило къ тому достаточнымъ образомъ его умственное и нравственное развитіе». Конту былъ совершенно неизвѣстенъ дарвиновскій принципъ *естественнаго выбора*,—принципъ, который, безъ сомнѣнія, произведетъ переворотъ не только въ ботаникѣ и въ зоологіи, но и въ пониманіи исторіи. *Ужасныя средства*, о которыхъ упоминаетъ Контъ, заключались конечно въ истребительныхъ войнахъ, въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ и въ людоѣдствѣ. Очень правдоподобно, что всѣ эти средства дѣйствительно употреблялись, и что цѣлыя многочисленныя племена, заводя между собою непримиримую вражду за охотничьи мѣста или за пастбища, то есть вообще за средства пропитанія, совершенно стирали другъ друга съ лица земли. Исторія Сѣверо-Американскихъ туземцевъ переполнена такими примѣрами. *Естественный выборъ* уничтожаетъ такимъ образомъ тѣ племена, которыя не могутъ приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, и сохраняетъ тѣ племена или тѣ остатки племенъ, которые умѣютъ найдти выходъ изъ даннаго затрудненія. Сотни или тысячи сильныхъ и даровитыхъ дикарей погибаютъ именно отъ того, что они даровиты и сильны, именно отъ того, что дикая, кочевая жизнь развила въ ихъ крѣпкихъ организмахъ такія неукротимыя страсти, которыя не могутъ уложиться въ узкую и скромную рамку осѣдлаго существованія. Сживаются-же съ новыми условіями и оставляютъ по себѣ потомство быть можетъ именно посредственныя, вялыя и флегматическія натуры, у которыхъ нѣтъ преобладающей органической страсти къ приключеніямъ,

тревогамъ и опасностямъ кочевого быта. Легко можетъ быть, что переходъ отъ пастушества къ земледѣлію требуетъ со стороны дикарей не какой-нибудь новой способности, а только нѣкотораго ослабленія старыхъ страстей. Естественный выборъ уничтожаетъ тѣхъ людей, въ которыхъ эти страсти особенно сильны, и тогда переходъ становится возможнымъ. Но такъ какъ дѣйствующей силой въ естественномъ выборѣ является непремѣнно гнетъ внѣшнихъ обстоятельствъ и преимущественно голода, вытекающаго изъ многолюдства, то возраженіе Конта оказывается несостоятельнымъ. Объяснительная гипотеза Конта еще болѣе неудачна. «Непосредственное обожаніе внѣшняго міра,—говоритъ Контъ,—болѣе спеціально направленное по своей природѣ къ ближайшимъ и самымъ употребительнымъ предметамъ, должно конечно развивать въ высокой степени эту долю, сначала очень слабую, человѣческихъ наклонностей, которая инстинктивно привязываетъ насъ къ родной землѣ. Трогательная скорбь, которую такъ часто выражалъ въ древнихъ войнахъ побѣжденный, поставленный въ необходимость оставить боговъ-покровителей, относилась преимущественно не къ отвлеченнымъ и общимъ существамъ, которыхъ онъ могъ найдти вездѣ, какъ напримѣръ Юпитера, Минерву, и пр.;—эта скорбь прилагалась гораздо больше къ такъ называемымъ домашнимъ богамъ, и преимущественно къ богамъ очага, то есть къ чистымъ фетишамъ.»

Невозможно понять, какимъ образомъ обожаніе ближайшихъ предметовъ можетъ развить въ *кочевомъ* племени наклонность къ *осѣдлой* жизни или привязанность къ родной землѣ. Представьте себѣ, что какой-нибудь киргизъ обожаетъ ближайшіе предметы, напримѣръ то сѣдло, на которомъ онъ сидитъ, или ту кибитку, въ которой путешествуютъ его семейство и весь его домашній скарбъ; спрашивается, почему-же киргизъ, изъ обожанія къ сѣдлу и къ кибиткѣ, не прикрѣпитъ это обожаемое сѣдло къ одному опредѣленному мѣсту и не превратитъ обожаемую кибитку въ неподвижное жилище?—Сколько-бы онъ ни обожалъ эти ближайшіе предметы, это обожаніе нисколько не помѣшаетъ ему постоянно перевозить ихъ съ собою съ одного мѣста на другое. Какимъ образомъ обожаніе киргиза можетъ направиться на извѣстный холмъ, лугъ или ручей, то есть вообще на опредѣленную мѣстность, это также совершенно непонятно. Сегодня киргизъ пришелъ на стоянку; дня черезъ три онъ переходитъ на другое мѣсто; неужели-же въ эти три дня онъ можетъ проникнуться къ данной мѣстности такимъ обожаніемъ, которое заставитъ его передѣлать всѣ свои привычки и отказаться отъ того образа жизни, который завѣщали ему его предки?—Чтобы полюбить данную мѣстность, надо предварительно сдѣлаться осѣдлымъ жителемъ. Любовь къ родной землѣ есть *слѣдствіе* осѣдлой жизни, поэтому объяснять переходъ къ земледѣлію любовью къ землѣ—значитъ принимать слѣдствіе за причину. *Трогательная скорбь* древнихъ грековъ, разлучающихся съ родиной и съ домашними фетишами, ровно ничего не доказываетъ. Домашній фетишъ сдѣлался для нихъ эмблемой родины именно потому, что они уже съ незапамятныхъ временъ сдѣлались осѣдлымъ народомъ. Это значеніе фетишей доказываетъ только то, что вмѣстѣ съ образомъ жизни народа измѣняется характеръ его религіи. Но чтобы фетишъ могъ внушить любовь къ родной землѣ кочевому народу, то есть такимъ людямъ, у которыхъ, собственно говоря, никогда не было родной земли, этого конечно не съумѣетъ доказать ни одинъ мыслитель и ни одинъ діалектикъ въ цѣломъ мірѣ. Причины, побудившія дикихъ фетишистовъ приняться за земледѣліе, остаются такимъ образомъ неразъясненными, и неудача Конта доказываетъ намъ особенно наглядно, что всего благоразумнѣе совершенно отказаться отъ рѣшенія такихъ вопросовъ, которые не допускаютъ прямого изслѣдованія. Весь періодъ фетишизма такъ далекъ отъ насъ и такъ мало понятенъ намъ по своему характеру, что всѣ наши гипотезы, относящіяся къ этому періоду, оказываются въ высшей степени сомнительными.

IV.

Подъ вліяніемъ наблюденій и невольныхъ обобщеній фетишизмъ превращается понемногу въ политеизмъ; матерія перестаетъ жить самостоятельной жизнью и подчиняется волѣ многихъ высшихъ невидимыхъ существъ, надѣленныхъ всѣми человѣческими страстями, слабостями и потребностями. Эта вторая фаза теологической философіи гораздо болѣе первой доступна изученію. Политеизмъ наполняетъ собою всю древнюю исторію; подъ вліяніемъ политеизма сложились великія теократіи Индіи и Египта, развернулась умственная жизнь древней Греціи и выросло политическое могущество Рима. Вступая въ періодъ политеизма, люди были дикарями, едва знакомыми съ первыми начатками грубой промышленности и патріархальной общественности. Выходя изъ періода политеизма, люди живутъ уже въ огромныхъ государствахъ, имѣютъ чрезвычайно сложныя системы административныхъ и судебныхъ учрежденій, обсуживаютъ и рѣшаютъ запутанные общественные вопросы, пускаются въ дальновидныя политическія соображенія, ведутъ обширную торговлю, фабрикуютъ предметы самой утонченной роскоши, сооружаютъ громадныя зданія, создаютъ великолѣпнѣйшія статуи

и картины, пишутъ поэмы и эпиграммы, философскія разсужденія и историческія сочиненія, математическіе трактаты и критическіе комментаріи.—Вступая въ періодъ политеизма, всѣ люди были одинаково грубы и дики; всѣ были похожи одинъ на другого, какъ по образу жизни, такъ и по умственному развитію. Выходя изъ этого періода, люди распадаются уже на множество различныхъ категорій и подраздѣленій: тутъ есть уже знать и чернь, аристократы и демократы, монархисты и республиканцы, ученые и невѣжды, жрецы и поклонники, милліонеры и голодные пролетаріи. Словомъ, тутъ мы узнаемъ *цивилизацію* со всѣми ея роскошными задатками будущаго развитія и со всѣми ея грязными и кровавыми пятнами, которыя потомкамъ придется отмывать или залечивать. Всѣ эти проявленія цивилизаціи возникли или по крайней мѣрѣ развернулись во время господства политеизма; на всѣхъ этихъ проявленіяхъ лежитъ печать его вліянія. Разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ это вліяніе—значитъ опредѣлить настоящій характеръ и историческое значеніе политеизма.

Развитіе *науки* начинается подъ господствомъ политеизма. Наукой называется сознательное и систематическое исканіе законовъ природы. Чтобы приступить къ этому исканію, надо прежде всего предположить, что неизмѣнные законы существуютъ или по крайней мѣрѣ могутъ существовать. Это первое предположеніе было невозможно въ періодъ фетишизма, когда каждая частица матеріи жила своей личной, измѣнчивой и капризной жизнью, когда напримѣръ рѣка мерзла или не мерзла, вѣтеръ дулъ или не дулъ, градъ падалъ или не падалъ, смотря по личнымъ желаніямъ или соображеніямъ тѣхъ фетишей, которые назывались рѣкою, вѣтромъ или градомъ. Фетишизмъ допускалъ только тѣ случайныя и разрозненныя наблюденія, которыя врываются въ сознаніе человѣка и укореняются въ его памяти помимо его собственнаго желанія. Человѣкъ не могъ не замѣтить напримѣръ, что рѣка замерзаетъ именно тогда, когда онъ, человѣкъ, чувствуетъ сильное ощущеніе холода; онъ не могъ не замѣтить, что во время замерзанія рѣки деревья всегда обнажены и земля покрыта поблекшей, желтой травой; онъ не могъ не замѣтить, что въ это-же время и дни всегда становятся короче ночей. Эти наблюденія, невольныя и неизбѣжныя, конечно не могутъ быть названы даже и началомъ науки; однако-же эти наблюденія наносятъ жестокій ударъ первобытному фетишизму и такимъ образомъ сворачиваютъ съ дороги то препятствіе, при существованіи котораго наука не можетъ ни развернуться, ни даже возникнуть. Фетишистъ видитъ, что и вода, и деревья, и трава, и температура воздуха, и величина дней и ночей измѣняются одновременно, и эту одновременность онъ замѣчаетъ не одинъ разъ, не два раза, а постоянно, изъ года въ годъ. Ему приходится непремѣнно предположить одно изъ двухъ: или вода, деревья, трава, воздухъ, солнце сговариваются между собою, или-же они находятся подъ командой у какого-нибудь высшаго начальника; въ сущности, оба предположенія сводятся къ одному, именно—къ тому, что какая-то причина заставляетъ постоянно воду, деревья, траву, воздухъ и солнце дѣйствовать заодно; а такъ какъ первобытный человѣкъ не можетъ себѣ представить никакой причины, кромѣ чьей-нибудь личной воли, то въ результатѣ и получается непремѣнно очень большой и очень сильный начальникъ, который не живетъ ни въ водѣ, ни въ деревьяхъ, ни въ травѣ, ни въ воздухѣ, ни въ солнцѣ, а гдѣ-то внѣ этихъ предметовъ и надъ ними.—Но всякій дикарь знаетъ очень хорошо, что начальникъ только тогда и можетъ называться начальникомъ, когда у него есть подчиненные. На что же бы это въ самомъ дѣлѣ было похоже, еслибы главному начальнику приходилось самому бѣгать ко всѣмъ фетишамъ и напоминать водѣ, что ей пора мерзнуть, травѣ, что ей пора желтѣть, деревьямъ, что имъ пора ронять листья на землю? Необходимо предположить, что у главнаго начальника множество разныхъ помощниковъ и адъютантовъ, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ рѣками, другой моремъ, третій вѣтромъ, четвертый травой, пятый деревьями, шестой солнцемъ, и такъ далѣе. Когда вся эта іерархія оказывается окончательно сформированной, тогда, разумѣется, фетиши сначала превращаются въ жалкое и безгласное податное сословіе, а потомъ мало по малу совершенно утрачиваютъ свое существованіе. Тогда матерія становится простой, бездушной матеріей, подчиненной высшему начальству; тогда становятся возможными разсужденія о свойствахъ этой матеріи; тогда рождается понятіе о постоянныхъ законахъ, которые главный начальникъ конечно всегда можетъ отмѣнить или пріостановить, но которыхъ онъ однако обыкновенно не отмѣняетъ и не пріостанавливаетъ.

Сознательное, *научное* изслѣдованіе такимъ образомъ получаетъ нѣкоторый просторъ, но само собою разумѣется, что просторъ этотъ очень невеликъ, и что послѣдовательное проведеніе новорожденной идеи о постоянныхъ законахъ совершенно невозможно и даже немыслимо, потому что это послѣдовательное проведеніе разрушило-бы не только все зданіе политеистической миѳологіи, но даже и общій фундаментъ всякой теософіи. «Законъ самъ по себѣ, — думаетъ догадливый политеистъ, — а всетаки если я хорошенько попрошу главнаго

начальника или даже кого-нибудь изъ старшихъ помощниковъ то они, какъ добрые люди, пріостановятъ для меня дѣйствіе закона и сдѣлаютъ напримѣръ такъ, что вѣтеръ утихнетъ, что молнія не ударитъ въ мой домъ, что голодная саранча не опустится на мою пшеницу.» Само собою разумѣется, что это размышленіе политеиста кладетъ предѣлъ научному изслѣдованію и подвергаетъ очень серьезной опасности тѣхъ слѣпыхъ мыслителей, которымъ удается въ собственномъ умѣ перешагнуть черезъ этотъ предѣлъ. Какъ только возникаетъ *сознательное* изслѣдованіе, такъ обозначается тотчасъ-же естественная и непримиримая вражда между наукой и теософіей,— вражда, которая можетъ окончиться только совершеннымъ истребленіемъ одной изъ воюющихъ сторонъ. Все, что̀ выигрываетъ наука, то теряетъ теософія; а такъ какъ наука со временъ до-историческаго фетишизма выиграла очень много, то надо полагать, что ея противница потеряла также немало. Дѣйствительно, вся исторія человѣческаго ума, а слѣдовательно и человѣческихъ обществъ есть не что иное, какъ постоянное усиленіе науки, соотвѣтствующее такому-же постоянному ослабленію теософіи, которая при вступленіи человѣчества въ исторію пользовалась всеобъемлющимъ и безраздѣльнымъ могуществомъ.

Несмотря на этотъ вѣчный и роковой антагонизмъ, теософія, сама того не замѣчая и не желая, постоянно вручала своей противницѣ оружіе и собирала для нея матеріалы, которыми наука постоянно пользовалась со свойственными ей одной неподкупностью, неумолимостью, неблагодарностью и коварствомъ.

Полудикій человѣкъ, только-что отдѣлавшійся отъ грубѣйшаго фетишизма, не могъ приняться прямо за астрономическія наблюденія или за анатомическія изслѣдованія. Какой интересъ онъ могъ находить въ движеніи небесныхъ свѣтилъ или въ расположеніи сердца, печени, селезенки и легкихъ въ тѣлѣ барана? Во-первыхъ, никто не могъ ему объяснить, что его праправнуки будутъ нуждаться въ астрономическихъ познаніяхъ для навигаціи, а въ анатомическихъ свѣдѣніяхъ—для леченія болѣзней. Во-вторыхъ, еслибы даже кто-нибудь и могъ дать ему эти объясненія, то онъ по всей вѣроятности отвѣчалъ-бы очень спокойно, что желаетъ жить для самого себя, а не для своихъ праправнуковъ,которыхъ ему никогда не придется увидѣть въ глаза. Что-же касается до безкорыстной любознательности, то она для круглаго невѣжды и для человѣка, никогда не мыслившаго, совершенно невозможна, потому что въ наукѣ, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, l'appetit vient en mangeant. Такимъ образомъ наука рисковала остаться на мели, но къ ней подоспѣла на помощь добродушная теософія, ухитрившаяся внушить своему полудикому воспитаннику ту заманчивую мысль, что звѣзды имѣютъ постоянное и самое рѣшительное вліяніе на всю его судьбу и что по внутренностямъ зарѣзаннаго барана можно читать, какъ по раскрытой книгѣ, всю будущность отдѣльныхъ личностей или даже цѣлыхъ племенъ. Чѣмъ глубже невѣжество человѣка, чѣмъ слабѣе работаетъ его мысль, чѣмъ полновластнѣе господствуетъ надъ его умомъ теософія, созданная его фантазіей, тѣмъ рельефнѣе и непоколебимѣе проявляется въ человѣкѣ та простодушная увѣренность, что весь міръ сотворенъ именно для него, и что все высшее начальство постоянно заботится объ его участи, постоянно слѣдитъ за его поведеніемъ, постоянно подаетъ ему разные сигналы и постоянно готово отвѣчать ему тѣмъ или другимъ путемъ на всѣ его скромные или нескромные вопросы. Этихъ сигналовъ и отвѣтовъ политеистъ ищетъ и въ узорахъ звѣзднаго неба, и въ полетѣ различныхъ птицъ, и въ кишкахъ жертвеннаго животнаго, и въ безсвязныхъ словахъ полоумной пиѳіи, и въ безтолковыхъ сновидѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ переполненнаго желудка. Кто во всемъ видитъ совѣтъ сверху или предзнаменованіе, тотъ, разумѣется, на всякую мелочь долженъ обращать вниманіе. Понятно, что эта постоянная внимательность, возбужденная теософіей, собираетъ безсознательно богатый запасъ сырыхъ матеріаловъ, которыми рано или поздно съумѣетъ воспользоваться наука. Ученая дѣятельность великаго Гиппократа представляетъ намъ очень яркій примѣръ того искусства, съ которымъ наука прямо изъ рукъ теософіи беретъ собранные ею матеріалы, составляющіе для самой теософіи мертвый капиталъ. Больные, лежавшіе въ храмахъ Асклепія или Эскулапа и получившіе облегченіе, имѣли привычку послѣ выздоровленія описывать свои страданія и оставлять эти описанія въ храмѣ для прославленія вылечившаго ихъ божества. Въ этихъ храмахъ набрались цѣлыя груды подобныхъ описаній; Гиппократъ объѣхалъ всѣ эти храмы, тщательно изучилъ накопившіяся въ нихъ описанія, провѣрилъ ихъ своими личными наблюденіями и составилъ, на основаніи этихъ богатыхъ матеріаловъ, тѣ великолѣпныя характеристики различныхъ болѣзней, которыя своей точностью и наглядностью до сихъ поръ изумляютъ и восхищаютъ лучшихъ представителей медицины.

V.

Съ *искусствомъ* теософія всегда жила въ добромъ согласіи, а политеизмъ, болѣе чѣмъ какая либо другая фаза теософіи, своимъ влі-

яніемъ благопріятствовалъ и содѣйствовалъ развитію всѣхъ различныхъ отраслей художественнаго творчества. Политеизмъ вызывалъ постоянную и напряженную дѣятельность человѣческаго воображенія, которому приходилось рѣшать безапелляціонно всѣ вопросы общаго міросозерцанія. Не трудно понять, что политеизмъ предоставлялъ работѣ воображенія гораздо больше простора, чѣмъ фетишизмъ. Фетишистъ, одушевляя прямо видимые предметы, принужденъ былъ ограничивать свои фантазіи тѣмъ, что̀ онъ дѣйствительно видѣлъ, или покрайней мѣрѣ тѣмъ, что̀ ему мерещилось. Для политеиста, напротивъ того, не существовало никакой границы; онъ фантазировалъ совсѣмъ не о тѣхъ предметахъ, которые находились передъ его глазами; для него былъ открытъ міръ невидимыхъ существъ, въ которомъ онъ, разумѣется, могъ распоряжаться, какъ ему было угодно. Фетишъ былъ привязанъ къ извѣстному мѣсту, и поэтому объ немъ трудно было сочинить какіе-нибудь сложные и замысловатые миѳы; трудно въ самомъ дѣлѣ было напримѣръ придумать, что дерево вышло замужъ за камень и потомъ вмѣстѣ съ этимъ камнемъ ведетъ войну противъ рѣки. Эти выдумки показались-бы нескладными и неправдоподобными самому грубому фетишисту, который видѣлъ-бы, что дерево, камень и рѣка не имѣютъ между собою ни малѣйшаго соприкосновенія. Напротивъ того, невидимымъ существамъ можно было съ величайшимъ удобствомъ приписывать всевозможные свадьбы, ссоры, драки, кутежи, путешествія и всякія другія приключенія, составляющія весь интересъ обыкновенной жизни тогдашняго времени. Словомъ, самое роскошное развитіе миѳологіи возможно только въ періодъ политеизма. Тутъ это роскошное развитіе не только возможно, но даже и необходимо.

Еслибы догматическая часть политеизма заключалась только въ сухой и безцвѣтной номенклатурѣ боговъ, управляющихъ различными департаментами природы, то политеизмъ очевидно не могъ-бы имѣть никакого опредѣленнаго вліянія ни на умственную жизнь отдѣльныхъ личностей, ни на общественную жизнь цѣлыхъ націй. Поэты непремѣнно должны были довершить дѣло теософовъ; когда для объясненія какого-нибудь явленія теософы создавали новое божество, тогда поэты тотчасъ овладѣвали этимъ новымъ созданіемъ и обрабатывали во всѣхъ подробностяхъ его физіономію, его костюмъ, его характеръ, его наклонности и атрибуты, его отношенія къ людямъ, его положеніе въ общей іерархіи безсмертныхъ и всѣ различныя приключенія его жизни, въ которыхъ обнаруживаются его индивидуальныя особенности. Постоянно опираясь такимъ образомъ на поэзію, теософія конечно постоянно должна была относиться къ ней съ величайшей благосклонностью. Художники и преимущественно поэты считались въ древности любимцами боговъ и самыми компетентными истолкователями ихъ воли. Разрабатывая такимъ образомъ миѳы, поэзія кромѣ того должна была заодно съ теософіей выяснять и распространять нравственное ученіе, вытекающее изъ основныхъ догматовъ господствующей доктрины. Эта задача досталась на долю поэзіи только тогда, когда уже совершилось превращеніе фетишизма въ политеизмъ.

Фетишизмъ не могъ имѣть значительнаго вліянія на нравственныя понятія людей, и вслѣдствіе этого поэзія фетишистовъ, не имѣя возможности прислониться съ этой стороны къ господствующей теософіи, принуждена была оставлять почти нетронутой область частной и общественной нравственности, которую она со временъ политеизма навсегда присоединила къ своимъ владѣніямъ. Почему фетишизмъ не дѣйствовалъ на нравственныя понятія — объяснить не трудно. Какое дѣло могло быть кому-нибудь фетишу, напримѣръ рѣкѣ, камню, дереву,—до того, хорошо или дурно будетъ вести себя одинъ человѣкъ въ отношеніи къ другому человѣку? Фетишъ могъ требовать себѣ извѣстныхъ знаковъ уваженія и оскорбляться непочтительными поступками, направленными личностями противъ него, но онъ никакъ не могъ превратиться въ повсемѣстнаго блюстителя справедливости, цѣломудрія и всякой нравственной чистоты, не могъ именно потому, что имѣлъ слишкомъ частное значеніе, былъ прикрѣпленъ къ опредѣленному мѣсту и окруженъ множествомъ другихъ, равносильныхъ фетишей. Дикарь легко могъ вообразить, что рѣка сердится, когда въ нее бросаютъ какую-нибудь гадость, но ему никакъ не могло придти въ голову, что рѣка будетъ на него въ претензіи, если онъ украдетъ у своего сосѣда топоръ или лопату,—не могло придти потому, что онъ, дикарь, нисколько не прогнѣвался-бы на своего сосѣда, еслибы тотъ обокралъ какое нибудь третье лицо. Наблюденія путешественниковъ подтверждаютъ, какъ нельзя лучше, вѣрность этихъ замѣчаній. Нравственныя понятія чрезвычайно смутны у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Многіе невиннѣйшіе поступки считаются тяжелыми преступленіями, и въ то-же время многіе поступки, чрезвычайно вредные для отдѣльныхъ личностей и для цѣлаго общества, кажутся предосудительными только тому человѣку, которому они наносятъ прямой ущербъ. Такъ напримѣръ, у камчадаловъ, по словамъ Вайца («Anthropologie der Naturvölker», I, 324), не позволяется ткнуть ножомъ въ кусокъ угля или отскребать ножомъ снѣгъ отъ башмаковъ и въ то-же время многіе

грубѣйшіе пороки считаются совершенно позволительными. Въ той-же книгѣ Вайцъ разсказываетъ, что у одного бушмена спросили: «что такое добро и что такое зло?»—Бушменъ подумалъ и отвѣчалъ: «когда я ворую женъ у другихъ людей, — это добро, а когда у меня воруютъ жену—это зло».—Понятіе добра отожествляется такимъ образомъ съ пріятнымъ ощущеніемъ, а понятіе зла—съ непріятнымъ; въ своемъ *основномъ принципѣ* разсужденіе бушмена совершенно вѣрно, но бушменъ грѣшитъ тѣмъ, что у него не хватаетъ предусмотрительности, вслѣдствіе чего онъ и рискуетъ поплатиться за минутное наслажденіе продолжительными страданіями. Такъ напримѣръ, идя *дѣлать добро* (то есть воровать чужихъ женъ), онъ рискуетъ *надѣлать очень много зла* (т. е. сильно помять себѣ бока кулаками и дубинами обворованныхъ мужей). Это отсутствіе предусмотрительности составляетъ единственное существенное различіе между нравственными понятіями бушмена съ одной стороны и послѣдовательнаго европейскаго утилитариста съ другой стороны. Изъ этого основного различія вытекаютъ всѣ остальныя несходства ихъ нравственнаго кодекса. Существенное-же сходство ихъ нравственныхъ понятій заключается въ томъ, что бушменъ, какъ грубый фетишистъ, и послѣдовательный утилитаристъ, какъ человѣкъ, совершенно освободившійся отъ теософической опеки, оба не ожидаютъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло. У бушмена область междучеловѣческихъ отношеній еще не подошла подъ господство теософіи; у утилитариста эта область уже вышла изъ-подъ этого господства; бушменъ и утилитаристъ, сходные между собою по *основному принципу* нравственности, стоятъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ историческаго развитія; и бушменскому племени, если оно двинется впередъ по дорогѣ къ практическому позитивизму или утилитаризму, придется на долю отказаться отъ того *основного принципа*, къ которому со временемъ, черезъ нѣсколько столѣтій, непремѣнно надо будетъ придти обратно. Бушмену надо сначала ввести въ нравственныя понятія элементъ теософической опеки, и это введеніе совершается именно тогда, когда изъ фетишизма вырабатывается политеизмъ. Когда человѣкъ составляетъ себѣ понятіе о такихъ существахъ, которыя издали управляютъ стихіями, посылаютъ дождь и градъ, бурю и саранчу, урожай и голодъ, здоровье и болѣзнь, радость и горе, удачу и неудачу, тогда человѣку уже очень не трудно вообразить себѣ, что эти существа, одаренныя необыкновенной зоркостью, чуткостью и воспріимчивостью, способны управлять судьбою своихъ поклонниковъ и то наказывать, то награждать людей за ихъ поступки въ отношеніи къ другимъ людямъ. Тогда возникаетъ понятіе нравственнаго закона; санкціей этого закона оказывается воля безсмертныхъ; и поэзія, прислоняясь къ теософіи, начинаетъ разъяснять и обобщать отдѣльныя статьи установившагося кодекса.

Доктрина политеизма, состоявшая цѣликомъ изъ яркихъ и конкретныхъ образовъ и не заключавшая въ себѣ никакихъ туманныхъ отвлеченностей и логическихъ тонкостей, была въ высшей степени доступна пониманію массъ и вслѣдствіе этого пользовалась въ свое время такой громадной популярностью, какой не достигла впослѣдствіи никакая другая философія. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ тѣ времена, когда слагались гомеровскія пѣсни, всѣ греки, отъ перваго до послѣдняго, отъ самаго богатаго до самаго бѣднаго, отъ самаго умнаго до самаго глупаго, одинаково пламенно и простодушно вѣрили въ одни и тѣ-же миѳы и плѣнялись одними и тѣми-же идеалами красоты, мужества, смѣтливости и всякихъ другихъ физическихъ и нравственныхъ совершенствъ. Въ цвѣтущее время западной теософіи такого полнаго единодушія между массой и ея вождями не было и не могло быть, потому что высшія теософическія умозрѣнія, поглощавшія силы вождей, постоянно оставались непонятными для массы, которая удовлетворялась попрежнему довольно грубымъ политеизмомъ. Обширная популярность стараго политеизма очевидно составляла одну изъ самыхъ важныхъ причинъ процвѣтанія искусства. Художникъ тѣхъ временъ могъ обращаться съ своими произведеніями къ уму и чувству цѣлаго народа, и цѣлый народъ, отъ правителя государства до послѣдняго пастуха, видѣлъ въ даровитомъ художникѣ достойнаго выразителя общенародныхъ и всѣмъ понятныхъ, дорогихъ и близкихъ идей, вѣрованій и стремленій. Всякій аѳинскій ремесленникъ могъ восхищаться совершенно сознательно мускулами Геркулеса или грудью Венеры; но, чтобы понимать выраженіе лица рафаэлевскихъ мадоннъ, надо предварительно познакомиться съ такими мыслями и съ такими чувствами, которыми мужику заниматься некогда и не зачѣмъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что процвѣтаніе искусства во времена политеизма обусловливается четырьмя главными причинами: *первая*—толчокъ, данный политеизмомъ человѣческому воображенію; *вторая*—участіе поэзіи въ вырабатываніи догматическихъ подробностей; *третья*—подчиненіе между-человѣческихъ отношеній теософическому вліянію; *четвертая*—обширная и единственная въ своемъ родѣ популярность политеизма.—Этими четырьмя причинами объясняются очень удовлетворительно всѣ чудеса греческой поэзіи и греческой скульптуры.

VI.

Въ древнемъ мірѣ *война* была неизбѣжна и необходима. Въ періодъ фетишизма война вывела отдѣльныя семейства изъ уединенія и сгруппировала ихъ въ небольшія общества. Въ періодъ политеизма война должна была связать эти разрозненныя группы людей въ большія государства, внутри которыхъ сдѣлался-бы возможнымъ обширный, постоянный и плодотворный обмѣнъ продуктовъ и идей.

Европеецъ XIX вѣка, мало знакомый съ физіономіей и характеромъ древности, можетъ усомниться въ необходимости этого связыванія; онъ можетъ подумать, что всякаго рода обмѣны и сношенія были совершенно совмѣстимы съ существованіемъ множества отдѣльныхъ и независимыхъ политическихъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто-же мѣшаетъ напримѣръ нѣмцу завести банкирскій домъ во Франціи, англичанину—открыть мишинную фабрику въ Россіи, русскому—слушать лекціи въ нѣмецкомъ университетѣ, и такъ далѣе? Нѣтъ очевидно никакой надобности соединять Россію, Германію, Францію и Англію въ одну громадную имперію для того, чтобы облегчить или усилить международныя сношенія.

Разсужденіе это очень вѣрно, но къ древности оно не прилагается. Въ древности существовали только двѣ политическія формы: на востокѣ—огромныя монархіи, въ которыхъ гражданинъ имѣлъ право жить до тѣхъ поръ, пока начальство не посадитъ его на колъ, и владѣть имуществомъ до тѣхъ поръ, пока начальство не отберетъ его въ казну; на западѣ—крошечныя республики, величиной съ небольшой русскій уѣздъ,—республики, въ которыхъ гражданинъ пользовался болѣе обширными правами, но въ которыхъ всѣ права принадлежали именно только коренному гражданину, а никакъ не пріѣзжимъ иностранцамъ. Каждый гражданинъ становился безправнымъ иностранцемъ на разстояніи какихъ-нибудь тридцати или сорока верстъ отъ той площади, на которой онъ, какъ членъ державнаго народа (peuple souverain), рѣшалъ судьбу цѣлаго государства. Аѳинянинъ былъ иностранцемъ въ Мегарѣ, въ Ѳивахъ, въ Коринѳѣ, въ Аргосѣ, въ Спартѣ, словомъ—во всѣхъ греческихъ городахъ, кромѣ Аѳинъ. Само собою разумѣется, что Аѳины въ этомъ отношеніи платили взаимностью гражданамъ Мегары, Ѳивъ, Коринѳа и всѣхъ остальныхъ греческихъ республикъ. А каково было положеніе человѣка, живущаго въ чужомъ городѣ,—это видно всего лучше изъ аѳинскаго закона объ *андролепсіи*. Если кого-нибудь аѳинянина убивали за-границей и если городъ, въ которомъ было совершено убійство, отказывался наказать преступниковъ, то родственникамъ убитаго, по закону объ *андролепсіи*, предоставлялось право захватить въ Аѳинахъ трехъ гражданъ провинившагося города и потащить ихъ въ аѳинскій судъ, гдѣ съ ними тотчасъ расправлялись, какъ съ убійцами Этотъ законъ доказываетъ очень ясно двѣ вещи: вопервыхъ, что убійства иностранцевъ во всѣхъ греческихъ городахъ оставались очень часто безнаказанными; и во-вторыхъ, что различныя республики считали себя въ положеніи хронической вражды между собою и что вслѣдствіе этого личность иностранца никогда не находилась въ полной безопасности и постоянно изображала собою заложника, съ котораго во всякую данную минуту могутъ содрать шкуру за неизвѣстныя ему провинности его соотечественниковъ. Мудрено-ли послѣ этого, что грекъ, родившійся въ одномъ городѣ, не имѣлъ права жениться на гречанкѣ, родившейся въ сосѣднемъ городѣ? Мудрено-ли, что два города острова Крита должны были заключить между собою формальный и торжественный договоръ для того, чтобы браки между ихъ жителями сдѣлались возможными и законными? Мудрено-ли, что въ Аѳинахъ всѣ жители иностраннаго происхожденія (*метики*) были обложены поголовной податью и продавались въ рабство, когда не могли ее уплатить? Мудрено-ли, что греческая республика почти никогда не давала права гражданства иностранцу или даже его потомкамъ, хотя-бы они родились въ городѣ, прожили въ немъ цѣлое столѣтіе и много разъ проливали за него кровь въ сраженіяхъ? Мудрено-ли напримѣръ, что крошечная и безсильная Мегара даровала съ самаго своего основанія право гражданства только двумъ особамъ: Геркулесу и Александру Македонскому? Мудрено-ли наконецъ, что при такихъ условіяхъ сильное движеніе продуктовъ и идей было невозможно, что заниматься обширной торговлей значило быть отчаяннымъ мошенникомъ, и что объединяющія завоеванія были совершенно необходимы для того, чтобы цивилизація и политика могли выбиться изъ грязной колеи греческихъ мелкопомѣстныхъ сплетенъ, перебранокъ и дракъ?

Итакъ, *война была необходима*, и всякія чувствительныя декламаціи противъ *древнихъ* войнъ такъ-же остроумны, какъ напримѣръ сокрушенія о томъ, что семилѣтній ребенокъ неспособенъ рѣшить квадратныя уравненія. Съ этой стороны политеизмъ сильно помогалъ историческому движенію, во-первыхъ, возбуждая въ людяхъ воинственныя наклонности, во-вторыхъ, поддерживая въ войскахъ необходимую дисци-

плину, и въ-третьихъ, ослабляя истребительный характеръ древнихъ войнъ.

Боги политеизма были чисто національными богами, которыхъ значеніе возрастало или понижалось вмѣстѣ съ политическимъ могуществомъ ихъ поклонниковъ. Каждая нація старалась доставить своимъ богамъ господство надъ чужими богами; каждая нація была твердо увѣрена, что ея боги сражаются вмѣстѣ съ нею противъ ея враговъ и вмѣстѣ съ нею торжествуютъ побѣду или терпятъ пораженіе и подпадаютъ подъ иго безсмертныхъ покровителей враждебнаго народа. Вслѣдствіе этого религіозный элементъ примѣшивался постоянно въ большей или меньшей степени ко всѣмъ войнамъ, происходившимъ въ древности между различными національностями. Защищаясь противъ персовъ, греки чувствовали, что они защищаютъ своихъ олимпійцевъ; потомъ, нападая на персовъ, греки мстили имъ за разрушеніе и поруганіе своей святыни. Войны противъ персовъ и вообще противъ такъ называемыхъ варваровъ всегда доставляли олимпійцамъ величайшее удовольствіе; весь Олимпъ безраздѣльно былъ въ этомъ случаѣ заодно съ греческими войсками. Напротивъ того, войны между отдѣльными греческими городами всегда были антипатичны олимпійцамъ; затѣвая междуусобную войну, греки чувствовали, что религіозныя вѣрованія не могутъ служить имъ опорой, и вслѣдствіе этого постоянно смотрѣли на подобныя войны, какъ на общенародное страданіе и даже какъ на преступленіе, которое часто становилось неизбѣжнымъ, но никогда не могло сдѣлаться законнымъ и похвальнымъ. Естественныя бѣдствія, поражавшія Грецію во время пелопонезской войны, — неурожаи, землетрясенія, повальныя болѣзни,—постоянно объяснялись гнѣвомъ боговъ, возмущенныхъ раздорами избранной и возлюбленной націи.

Когда лучшіе люди Греціи—философы, поэты, ораторы,—напрягали всѣ свои усилія, чтобы положить конецъ безплодному и кровопролитному междуусобію, тогда они постоянно становились на почву общенародныхъ вѣрованій, рисовали яркими красками естественную противоположность между Греціей и Персіей, льстили національной гордости грековъ, разжигали ихъ ненависть противъ восточныхъ варваровъ и этой глубокой ненавистью старались сплотить ихъ разрозненныя силы въ непобѣдимый наступательный союзъ. Съ точки зрѣнія отвлеченно-добродѣтельной филантропіи, такая тактика была конечно въ высшей степени предосудительна. Но, становясь на точку зрѣнія положительной исторической науки, мы принуждены сознаться, что благоразумнѣе и общеполезнѣе этой тактики въ данную минуту ничего нельзя было придумать. Устранить войну было невозможно; надъ этимъ безполезно было и задумываться; можно было выбирать только одно изъ двухъ: или ежедневныя мелкія драки, не ведущія за собою никакихъ результатовъ, кромѣ увѣчья и смертоубійства, или-же огромныя завоевательныя войны, очень кровопролитныя, очень убыточныя, но зато дѣйствительно способныя разбить тѣ китайскія стѣны, которыми огораживалась со всѣхъ сторонъ каждая древняя національность. Передовые люди Греціи постоянно стремились къ послѣднему, то есть къ большой завоевательной войнѣ, и они были совершенно правы, хотя, разумѣется, они при этомъ руководствовались не историко-философскими соображеніями о цивилизующемъ вліяніи войны, а узко-національными страстями и предубѣжденіями. Если можно было чѣмъ-нибудь связать между собою перессорившихся грековъ, то можно было связать ихъ именно только общей ненавистью ихъ къ другимъ народамъ. Политеизмъ подогрѣвалъ эту ненависть и такимъ образомъ оказывалъ людямъ существенную услугу. Конечно исключительный греческій патріотизмъ, основанный на ненависти и на презрѣніи ко всему остальному человѣчеству, долженъ теперь казаться намъ очень узкимъ, мелкимъ и жалкимъ. Но даже и этотъ патріотизмъ покажется намъ очень широкимъ и величественнымъ, если мы сравнимъ его съ патріотизмомъ аѳинскимъ или ѳивскимъ, основаннымъ на ненависти и на презрѣніи ко всѣмъ варварамъ и кромѣ того даже ко всѣмъ остальнымъ грекамъ. Эти уѣздные патріотизмы были гораздо смѣшнѣе, глупѣе и вреднѣе теперешнихъ лихтенштейнскихъ или рейбсъ-лобенштейнъ-эберсдорфскихъ патріотизмовъ. Парализируя до нѣкоторой степени эти безчисленные патріотизмы вліяніемъ общихъ вѣрованій, общихъ праздниковъ, общихъ оракуловъ, политеизмъ приносилъ людямъ несомнѣнную пользу.

Боги политеизма стояли очень близко къ своимъ поклонникамъ и очень часто вступали съ ними въ прямыя сношенія; оракулы и различныя гаданія, имѣвшія государственное значеніе только во времена политеизма, давали каждому вѣрующему полную возможность во всякую данную минуту заглядывать въ будущее и заводить разговоръ съ правителями вселенной. Въ тѣ времена, когда въ полудикихъ людяхъ еще слаба была привычка повиноваться какой-бы то ни было власти, эти ежедневныя сношенія съ богами были чрезвычайно полезны для поддержанія той дисциплины, безъ которой война превратилась-бы въ безтолковую, безцѣльную и безплодную драку. Начальникъ войска, стоявшій на одной степени развитія съ своими воинами и вѣрившій совершенно искренно въ оракулы, въ гаданія, въ пророческіе сны, естественнымъ образомъ давалъ всѣмъ этимъ неопредѣленнымъ намекамъ такія толкованія, которыя въ дан-

ную минуту соотвѣтствовали его собственнымъ стратегическимъ соображеніямъ. Эти соображенія, освященныя такимъ образомъ божественнымъ авторитетомъ, конечно получали для воиновъ такую обязательную силу, которая была-бы немыслима, еслибы начальнику приходилось дѣйствовать на своихъ подчиненныхъ голымъ страхомъ наказанія. Кромѣ того поддерживать дисциплину палкой, напримѣръ въ греческихъ войскахъ, было довольно затруднительно, потому что въ качествѣ простыхъ воиновъ сражались за отечество лучшіе, знатнѣйшіе и даровитѣйшіе граждане Греціи, богачи, аристократы, философы, поэты, политики, историки и ораторы. Только такіе воины, шедшіе въ бой съ полнымъ и сознательнымъ воодушевленіемъ, могли разбивать непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ разъ въ двадцать или въ тридцать; только такимъ составомъ греческихъ армій объясняются побѣды, одержанныя ими надъ персами при Марафонѣ и при Платеѣ. А при такомъ составѣ армій дисциплина конечно могла поддерживаться только идеями и вѣрованіями, а не шпицрутенами.

Разогрѣвая воинственныя страсти и укрѣпляя дисциплину, политеизмъ въ то-же время ослабляетъ истребительный характеръ международныхъ столкновеній. Когда фетишисты дерутся между собой, тогда они стараются преимущественно о томъ, чтобы зарѣзать, изжарить и съѣсть непріятеля; война между людьми имѣетъ въ это время почти такой-же характеръ, какъ война людей съ дикими животными; вліяніе теософической доктрины проявляется только въ томъ, что побѣдитель приглашаетъ своихъ фетишей къ себѣ на пиръ и угощаетъ ихъ человѣческимъ мясомъ, добытымъ во время сраженія или послѣ побѣды. О какихъ-бы то ни было политическихъ или экономическихъ отношеніяхъ между побѣдителями и побѣжденными не можетъ быть и рѣчи тогда, когда побѣжденный изображаетъ своей особой кусокъ мяса, болѣе или менѣе жирный и болѣе или менѣе удовлетворительный въ гастрономическомъ отношеніи. Возможность примиренія между побѣдителями и побѣжденными является только тогда, когда область между-человѣческихъ отношеній подчиняется вліянію господствующей теософической доктрины. Этотъ общій прогрессъ въ господствующемъ міросозерцаніи, съ своей стороны, становится возможнымъ только тогда, когда настоятельныя, ежедневныя требованія желудка начинаютъ получать себѣ болѣе правильное и болѣе обильное удовлетвореніе. Что идетъ впереди, матеріальное или умственное совершенствованіе, рѣшить довольно трудно; но можно сказать навѣрное, что значительные успѣхи въ общемъ міросозерцаніи совершенно невозможны тамъ, гдѣ физическія условія не допускаютъ никакихъ существенныхъ улучшеній матеріальнаго быта. У народовъ, дошедшихъ до политеизма, людоѣдство и связанныя съ нимъ человѣческія жертвоприношенія, то есть приглашеніе фетишей на приготовленный пиръ, обыкновенно исчезаютъ. Войны ведутся не за тѣмъ, чтобы превратить побѣжденнаго врага въ такое кушанье, а за тѣмъ, чтобы подчинить его господству побѣдителя; вмѣсто звѣрской кровожадности главнымъ двигателемъ войны является властолюбіе; на человѣка, въ которомъ видѣли прежде кусокъ мяса, начинаютъ смотрѣть, какъ на рабочую силу; словомъ, систематическое людоѣдство замѣняется такимъ-же систематическимъ порабощеніемъ побѣжденныхъ людей. Это порабощеніе находится въ полной гармоніи съ основнымъ характеромъ политеизма: какъ побѣдители господствуютъ надъ побѣжденными, такъ точно и боги побѣдителей господствуютъ надъ богами побѣжденныхъ,—надъ богами, которые однако, отступая на задній планъ, нисколько не теряютъ своего божественнаго достоинства; несмотря на религіозный характеръ политическихъ войнъ, побѣда однихъ политеистовъ надъ другими не ведетъ за собою никакихъ религіозныхъ преслѣдованій и никакого насильственнаго обращенія побѣжденныхъ къ теософическому міросозерцанію побѣдителей. Послѣ побѣды совершается обыкновенно простое, механическое сліяніе политеистическихъ доктринъ; если напримѣръ у побѣжденныхъ было двадцать боговъ, а у побѣдителей—пятнадцать, то послѣ побѣды въ государствѣ, составившемся изъ побѣдителей и побѣжденныхъ, окажется всего тридцать пять боговъ, причемъ, разумѣется, богамъ побѣдителей достанутся высшія мѣста, а богамъ побѣжденныхъ—низшія. Религіознаго антагонизма не будетъ ни малѣйшаго, тѣмъ болѣе, что сами побѣжденные увидятъ въ своемъ собственномъ пораженіи ясное доказательство превосходства чужихъ покровителей. Отсутствіе религіозной ненависти облегчитъ въ очень значительной степени сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ въ одинъ народъ; двѣ различныя націи превратятся понемногу въ два различныя сословія, отдѣленныя другъ отъ друга тонкими и шаткими перегородками, которыя, рано или поздно, будутъ подточены и опрокинуты естественнымъ развитіемъ промышленной дѣятельности и политической жизни.

Для обширныхъ и прочныхъ завоеваній искренній политеизмъ удобнѣе и полезнѣе всѣхъ остальныхъ формъ теософическаго міросозерцанія. Монотеизмъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ завоевательной эпохи именно потому, что онъ составляетъ высшую фазу умственнаго развитія, наступающую обыкно-

венно тогда, когда обширныя завоеванія уже окончены и когда различныя націи, соединенныя подъ однимъ господствомъ, уже успѣли подѣйствовать другъ на друга обмѣномъ вѣрованій, обычаевъ и понятій. Войны искреннихъ и ревностныхъ монотеистовъ отличаются обыкновенно самой систематической и чисто-истребительной жестокостью. Политеистъ въ богахъ своего врага видитъ все-таки боговъ, которыхъ онъ уважаетъ, хотя и старается подчинить ихъ господству своихъ собственныхъ безсмертныхъ покровителей. Для монотеиста, напротивъ того, всякіе чужіе боги — непримиримые враги, съ поклонниками которыхъ невозможны никакіе компромиссы и необязательны никакіе договоры. Монотеисты поступали именно такимъ образомъ вездѣ, гдѣ они дѣйствовали подъ исключительнымъ вліяніемъ своего теософическаго міросозерцанія. Для примѣра достаточно будетъ вспомнить о томъ, какимъ образомъ евреи покорили Палестину или какимъ образомъ распоряжались испанцы въ Андалузіи съ маврами, а въ Америкѣ—съ индѣйцами. Въ концѣ прошлаго столѣтія искренніе и ревностные монотеисты, вандейцы и шуаны, воевали съ невѣрующими гражданами французской республики; эта война была очень похожа на дѣйствія испанцевъ въ Андалузіи и въ Америкѣ; благочестивые роялисты старались вразумлять плѣнныхъ вольтеріанцевъ—сдираніемъ кожи, ломаніемъ костей, поджариваніемъ на медленномъ огнѣ, закапываніемъ въ землю и всякими другими инквизиторскими затѣями. Еслибы завоеватели древняго міра, Александръ Македонскій, Сципіонъ, Лукуллъ, Помпей, Цезарь, были искренними и ревностными монотеистами, они навѣрное пролили-бы въ десять разъ больше крови, и цѣной этой крови не купили-бы никакихъ прочныхъ политическихъ результатовъ.

VII.

Вся экономическая жизнь древнихъ обществъ была построена на *рабствѣ*, и положительная философія, къ немалому ужасу всѣхъ добродѣтельныхъ либераловъ, доказываетъ неопровержимо, что въ свое время рабство было такъ же неизбѣжно и необходимо, какъ завоевательныя войны. Во-первыхъ, дикій фетишистъ не могъ-же сразу превратиться въ расиновскаго героя, объявляющаго своему врагу, что, побѣдивши его оружіемъ, онъ вслѣдъ затѣмъ желаетъ немедленно побѣдить его деликатностью и великодушіемъ. Чтобы воздержаться отъ зарѣзыванія и пожиранія плѣнниковъ, суровому побѣдителю надо было непремѣнно имѣть въ виду, что, оставаясь въ живыхъ, плѣнники доставятъ ему значительную выгоду, далеко перевѣшивающую мимолетное гастрономическое наслажденіе. А въ чемъ-же могла состоять эта выгода? Очевидно только въ той работѣ, къ которой можно было приневолить плѣнниковъ, или-же—въ томъ выкупѣ, который можно было вытребовать за нихъ отъ ихъ родственниковъ. Но когда была завоевана цѣлая страна, тогда выкупъ становился невозможнымъ, потому что все имущество жителей само собою превращалось въ собственность побѣдителей; тогда побѣжденные могли откупиться отъ смерти только своимъ личнымъ трудомъ, и рабство было неизбѣжно. Еслибы побѣдителямъ не приходила въ голову простая и естественная мысль обратить въ свою пользу трудъ побѣжденныхъ, то безпрестанныя истребительныя войны могли-бы стереть съ лица земли всю нашу породу, такъ точно, какъ это случилось съ очень многими племенами сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, имѣвшихъ привычку замучивать до смерти своихъ военно-плѣнныхъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что рабство спасло нашу породу отъ истребленія, и что лѣнь, корыстолюбіе и властолюбіе побѣдителей очень долго были единственнымъ возможнымъ двигателемъ экономическаго и даже нравственнаго совершенствованія. Клинъ надо было выбивать клиномъ; кровожадность людоѣда можно было вытѣснить только низкими своекорыстными инстинктами рабовладѣльца.

Далѣе, рабство составляетъ ту единственную школу, которая могла переработать неукротимый темпераментъ дикаря и превратить лѣнивое и кровожадное животное въ разсудительнаго и трудолюбиваго ремесленника. Эта школа отличалась крайней суровостью, но рекомендовать въ отношеніи къ дикарю мягкія воспитательныя средства могутъ только тѣ добродушные люди, которые полагаютъ, что дикарь отличается отъ нашего простолюдина только оригинальностью своего костюма и отсутствіемъ нѣкоторыхъ элементарныхъ знаній по части общественнаго этикета. Кромѣ того мягкія воспитательныя средства возможны только тогда, когда воспитатель по своему умственному развитію стоитъ гораздо выше своего воспитанника; но такъ какъ рабовладѣлецъ и рабъ были оба одинаково первобытными людьми, то, разумѣется, они и должны были дѣйствовать другъ на друга самыми первобытными средствами. Полное отвращеніе къ труду, совершенное отсутствіе предусмотрительности и звѣрская страстность составляютъ общіе отличительные признаки всѣхъ дикихъ народовъ. Когда всѣ обитатели нашей планеты были одарены этими наклонностями, тогда, разумѣется, всѣ хотѣли воевать и бражничать, и никто не хотѣлъ работать. Но такъ какъ кому-нибудь непремѣнно надо было работать, то, разумѣется, роль рабочей скотины досталась слабѣйшимъ членамъ каждой отдѣльной семьи, то-есть женщинамъ.

Нѣтъ ни одного дикаго народа, у котораго женщина не была-бы порабощена и завалена непосильной работой. Слѣдовательно, когда какой-нибудь древній завоеватель покорялъ какую-нибудь страну и порабощалъ ея жителей, тогда фактъ порабощенія не былъ совершенно новымъ явленіемъ; рабство не вводилось вновь, оно только распространялось и видоизмѣнялось. Если-же мы поставимъ себѣ вопросъ: которая изъ двухъ формъ рабства полезнѣе, порабощеніе-ли женщинъ мужчинами, или-же порабощеніе одной націи другой націей, то намъ во всѣхъ отношеніяхъ придется отдать предпочтеніе второй формѣ. Рабство женщинъ, доставляющее мужчинамъ возможность драться и кутить, можетъ продолжаться безгранично долго; въ этомъ рабствѣ нѣтъ никакихъ задатковъ развитія; это рабство само себя поддерживаетъ; оно могло-бы прекратиться только тогда, когда измѣнились-бы вкусы мужчины, а этимъ вкусамъ нѣтъ никакого основанія измѣняться, если только ихъ не измѣнитъ давленіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Женщина будетъ надрываться надъ работой, мужчина будетъ буянить или бить баклуши, и семья будетъ жить въ грязи и въ нуждѣ до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ завоеваніе и пока не возникнетъ новая форма рабства. Невозможно даже и представить себѣ, чтобы какое-нибудь другое событіе могло положить конецъ мелкимъ дракамъ и глупой праздности безпечныхъ дикарей Завоеваніе приноситъ съ собою вынужденный миръ, желѣзный гнетъ и обязательный трудъ. Дикарямъ приходится очень тяжело; они отказываются работать и бунтуютъ; ихъ усмиряютъ жестокими казнями; страданія нѣсколькихъ поколѣній оказываются необходимыми для того, чтобы перевоспитать дикую природу, чтобы укротить воинственные порывы и чтобы создать привычку къ правильному труду. Наконецъ, когда характеръ населенія переработанъ, когда привычка къ миролюбивымъ промышленнымъ занятіямъ пріобрѣтена, тогда рабъ начинаетъ мечтать не о томъ, чтобы воевать и лежать на боку, какъ дѣлали его славные предки,—а о томъ, чтобы работать на самого себя, то есть потреблять вмѣстѣ съ своимъ семействомъ продукты собственнаго труда. Тогда историческая роль рабства оказывается законченной; уродливыя стороны этого отжившаго учрежденія начинаютъ мозолить глаза всѣмъ честнымъ мыслителямъ даннаго общества и напоминаютъ о себѣ различными болѣзненными явленіями во всѣхъ отрасляхъ промышленной, политической и умственной жизни. Сами рабовладѣльцы начинаютъ замѣчать, что доброе, старое время невозвратимо, и наконецъ рабство такъ или иначе, путемъ законнаго преобразованія или насильственнаго переворота, уходитъ въ область исторіи.

Впрочемъ паденіе рабства невозможно до тѣхъ поръ, пока не прекратится завоевательная дѣятельность господствующихъ классовъ. Война и рабство, взаимно поддерживая другъ друга, идутъ постоянно рука объ руку. Съ одной стороны, война постоянно наполняетъ невольничьи рынки дешевымъ человѣческимъ товаромъ. Съ другой стороны, даровой трудъ, придавая всѣмъ хозяйственнымъ и промышленнымъ операціямъ самый простѣйшій и первобытный характеръ, позволяетъ богачамъ и аристократамъ направлять всѣ ихъ умственныя силы на далекія военныя предпріятія. Паденіе рабства непремѣнно парализировало-бы дѣятельность завоевателей, потому что тогда внутреннія заботы тотчасъ одержали-бы перевѣсъ надъ внѣшними. Но именно по этой причинѣ паденіе рабства и немыслимо тогда, когда господствуетъ завоевательная политика; тогда завоеватели берегутъ рабство, какъ зѣницу ока; они совершенно справедливо видятъ въ немъ необходимый фундаментъ своего военнаго могущества и, чтобы отстоять этотъ фундаментъ, готовы рѣшиться на самыя тяжелыя пожертвованія и кинуться въ самую опасную борьбу. Достаточно вспомнить, съ какой непоколебимой энергіей Крассъ и Помпей подавляли возмущеніе невольниковъ и гладіаторовъ. Когда возмутились противъ Рима итальянскіе города, тогда Римъ пошелъ на уступки. Но уступки невольникамъ были для него немыслимы; сенатъ понималъ очень хорошо, что если фундаментъ начнетъ шевелиться и заявлять свои человѣческія права, то произойдетъ немедленно радикальный переворотъ, послѣ котораго новымъ людямъ придется перестраивать за-ново все общественное зданіе, по новому плану и на немыслимыхъ для сенаторовъ основаніяхъ. Общественный порядокъ, построенный на рабствѣ, никогда не можетъ считать себя совершенно прочнымъ; онъ постоянно подвергается болѣе или менѣе сильнымъ конвульсіямъ, въ которыхъ обнаруживаются намеки на предстоящій переворотъ и задатки будущаго обновленія. Еслибы къ естественнымъ затрудненіямъ, вытекающимъ изъ самаго существованія рабства, присоединились еще какія-нибудь религіозныя затрудненія, еслибы проявилось несогласіе между идеей рабства и направленіемъ господствующей теософической доктрины, то быть-можетъ государственнымъ людямъ древности не удалось-бы поддержать рабовладѣльческій порядокъ вещей до окончанія завоевательной эпохи. Къ счастью для воинственныхъ рабовладѣльцевъ, политеизмъ былъ въ этомъ отношеніи очень удобенъ, уступчивъ и сговорчивъ. Онъ не требовалъ отъ своихъ адептовъ религіозной нетерпимости и въ то-же время не воспитывалъ въ нихъ чувства религіознаго равенства. Боги побѣжденныхъ вхо-

дили въ пантеонъ побѣдителя, но занимали въ этомъ пантеонѣ низшія мѣста. Неравенство между людьми освящалось такимъ образомъ неравенствомъ, существовавшимъ въ мірѣ боговъ, и въ то-же время между рабомъ и господиномъ не оставалось мѣста для взаимной религіозной ненависти. Многочисленныя возмущенія рабовъ были постоянно направлены только противъ невыносимыхъ жестокостей и злоупотребленій; до полнаго догматическаго отрицанія рабства никогда не возвышались въ древнемъ мірѣ даже сами рабы. Это отрицаніе созрѣло впослѣдствіи подъ вліяніемъ монотеистическихъ доктринъ, которыя по своему основному направленію настолько-же враждебны войнѣ и рабству, насколько политеизмъ имъ благопріятенъ. Конечно и война, и рабство могутъ втеченіи цѣлыхъ столѣтій уживаться вмѣстѣ съ монотеизмомъ, но это значитъ только, что какія-нибудь мѣстныя особенности, климатическія или этнографическія, мѣшаютъ господствующей доктринѣ развить изъ себя и провести въ общественное сознаніе тѣ практическія требованія, которыя вытекаютъ изъ нея прямымъ логическимъ путемъ.

Особенно важно и благопріятно для рабства и для завоевательной политики было то обстоятельство, что обѣ власти, свѣтская и духовная,—или, другими словами, *практическая* и *теоретическая* *),—во все *время господства политеизма* сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Кто управлялъ дѣлами государства, тотъ былъ верховнымъ судьей и въ области вѣрованій. Истолкованіе доктрины находилось въ рукахъ того самаго класса, который пользовался плодами завоеваній и извлекалъ себѣ личную выгоду изъ обязательнаго труда. Въ тѣхъ древнихъ обществахъ, которыя по географическимъ особенностямъ своего положенія были избавлены отъ необходимости вести постоянныя войны, напримѣръ въ Египтѣ и въ Индіи, жрецы давали направленіе всей внутренней и внѣшней политикѣ. Въ тѣхъ обществахъ, напротивъ того, для которыхъ война была постояннымъ занятіемъ, напримѣръ въ Греціи и въ Римѣ, военные правители государства были сами жрецами или по крайней мѣрѣ держали жрецовъ въ полномъ повиновеніи. Въ обоихъ случаяхъ раздвоенія властей не существовало; жрецъ и правитель сливались въ одномъ лицѣ или по крайней мѣрѣ въ одномъ господствующемъ классѣ, съ той только разницей, что въ первомъ случаѣ политическая дѣятельность являлась однимъ изъ аттрибутовъ жреца, а во второмъ случаѣ жреческая дѣятельность являлась однимъ изъ аттрибутовъ воина. Въ обоихъ случаяхъ это вліяніе властей вело за собою тотъ естественный результатъ, что теософическая доктрина очень искусно принаровлялась къ потребностямъ текущей политики и превращалась въ орудіе господства въ первомъ случаѣ—для жрецовъ, во второмъ—для завоевателей. Такъ какъ рабство было выгодно для господствующаго класса, то, разумѣется, оно не могло встрѣтить себѣ никакихъ возраженій со стороны доктринъ, которыхъ храненіе и комментированіе находились въ рукахъ того-же господствующаго класса.

*) Контъ постоянно употребляетъ выраженія pouvoir temporel и pouvoir spirituel. Если переводить эти слова буквально, то надо будетъ переводить: *свѣтская власть* и *духовная власть*. Но эти слова имѣютъ по-русски слишкомъ спеціальное значеніе, и поэтому я предпочитаю употреблять болѣе общія выраженія: *практическая власть* и *теоретическая власть*. Мое намѣреніе оправдывается тѣмъ, что самъ Контъ въ пятымъ томѣ своей «Положительной философіи» говоритъ: «principaux pouvoirs politiques, soit temporels ou pratiques, soit même spirituels ou théoretiques». Temporel и pratique, spirituel и théoretique оказываются равносильными терминами.

VIII.

Сохраняя свои общія типическія свойства, политеизмъ проявляется въ трехъ различныхъ историческихъ формахъ. Представителями этихъ трехъ формъ могутъ служить Индія, Греція и Римъ. Въ первой мы видимъ чистую теократію. Во второй—военный политеизмъ, задержанный въ своемъ развитіи. Въ третьемъ—военный политеизмъ, развернувшій всѣ свои силы и принявшій строго опредѣленное и совершенно послѣдовательное завоевательное направленіе.

Основной характеръ *чистой теократіи* заключается въ строгой наслѣдственности всѣхъ общественныхъ должностей и всѣхъ отраслей частной промышленности. При этомъ общественномъ устройствѣ вся нація распадается на извѣстное число строго разграниченныхъ кастъ, въ которыя никому не позволяется входить со стороны и изъ которыхъ никому не позволяется выходить вонъ. Сынъ жреца долженъ быть жрецомъ; сынъ воина—воиномъ; сынъ пастуха—пастухомъ, и такъ далѣе. На личныя способности и наклонности при этомъ не обращается никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что принципъ кастъ, освященный многовѣковой древностью установившагося обычая, получаетъ себѣ кромѣ того сверхъестественную санкцію посредствомъ какого-нибудь замысловатаго космогоническаго миѳа. Такъ напримѣръ, индѣйскій политеизмъ выводитъ существованіе кастъ изъ того обстоятельства, что Брама создалъ людей изъ *различныхъ* частей своего тѣла и такимъ образомъ самъ отъ вѣка установилъ между людьми естественное неравенство.

Наслѣдственность занятій неизбѣжна въ такое время, когда все воспитаніе основано исключительно на механическомъ подражаніи

очень понятно, что ребенокъ съ малыхъ лѣтъ присматривается къ отцовскому ремеслу, потомъ, подростая, начинаетъ помогать отцу въ его занятіяхъ и наконецъ, сдѣлавшись юношей, оказывается достаточно приготовленнымъ, чтобы работать вмѣстѣ съ отцомъ или даже чтобы совершенно замѣнить его, если ему уже пора на покой. Наслѣдственность занятій существуетъ въ очень обширныхъ размѣрахъ даже въ современныхъ европейскихъ обществахъ. Почти всѣ хлѣбопашцы занимаются своимъ дѣломъ по наслѣдству и навѣрное ведутъ эту ненарушимую преемственность занятій съ такихъ отдаленныхъ временъ, до которыхъ не восходятъ даже самыя баснословныя генеалогіи древнѣйшихъ аристократическихъ фамилій. Но если фактъ наслѣдственности существуетъ повсемѣстно, то возведеніе этого факта въ обязательный принципъ все таки становится возможнымъ только при особенныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, парализирующихъ развитіе военной дѣятельности. Когда страна лежитъ въ тепломъ климатѣ и обладаетъ плодородной почвой, когда она защищена со всѣхъ сторонъ морями, горами или пустынями, тогда она становится колыбелью ранней цивилизаціи, которая, развившись до чистой теократіи, останавливается и замираетъ въ этой политической формѣ. Создавши себѣ множество боговъ, то есть, возвысившись до политеизма, обитатели тихой и плодородной страны начинаютъ нуждаться въ посредникахъ, то-есть въ такихъ людяхъ, которые умѣли-бы передавать богамъ просьбы простыхъ поклонниковъ и склонять въ ту или въ другую сторону волю боговъ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ мельчайшихъ условій необходимаго мистическаго этикета. Важное умѣнье дипломатизировать съ богами и съ поклонниками требуетъ сначала особенныхъ способностей, а потомъ продолжительнаго навыка. Поэтому надо полагать, что первыми жрецами сдѣлались люди, одаренные пылкимъ воображеніемъ и изворотливымъ умомъ; потомъ эти первые жрецы должны были передать свое прибыльное искусство своимъ дѣтямъ, и жреческія обязанности, подобно всякому другому ремеслу, должны были понемногу превратиться въ неотъемлемое достояніе извѣстныхъ родовъ. Эти жреческія фамиліи были очевидно поставлены въ такое выгодное положеніе, что, даже обладая самыми обыкновенными способностями, онѣ непремѣнно должны были захватить въ свои руки обѣ отрасли политическаго господства— теоретическую и практическую. Для этого требовалось только одно условіе: отсутствіе внѣшней войны. Соблюденіе этого необходимаго условія становится очень правдоподобнымъ, если взять въ разсчетъ почву, климатъ и географическое положеніе разсматриваемой страны. Изобиліе плодовъ земныхъ избавляетъ жителей отъ необходимости идти за добычей въ чужія земли; а естественныя границы страны—моря, горы и пустыни—ограждаютъ ее отъ постороннихъ вторженій; такимъ образомъ жители могутъ очень легко обойтись какъ безъ наступательной, такъ и безъ оборонительной войны. Отсутствіе настоятельной необходимости въ войнѣ даетъ жрецамъ полную возможность укоренить понемногу въ умахъ соотечественниковъ то убѣжденіе, что ихъ страна—лучше всѣхъ земель въ мірѣ, что всѣ иностранцы—поганые люди, съ которыми не должно имѣть никакихъ сношеній, что мореплаваніе—смертный грѣхъ, что путешествовать—значитъ осквернять себя соприкосновеніемъ съ погаными землями и съ погаными людьми, и что вообще порядочный человѣкъ долженъ непремѣнно жить дома, вести себя скромно—и кормить жрецовъ до отвалу. Задача жрецовъ значительно облегчается естественнымъ пристрастіемъ неразвитыхъ людей ко всему знакомому и родному и такимъ-же естественнымъ отвращеніемъ ихъ ко всему незнакомому и чужому. Жрецамъ надо только возвести эти самородные инстинкты на степень религіознаго догмата; какъ только это дѣло сдѣлано, такъ страна уже обведена прочной китайской стѣной, подъ прикрытіемъ которой роскошное растеніе теократіи можетъ процвѣтать втеченіи цѣлыхъ тысячелѣтій.

Междуусобныя войны не могутъ помѣшать развитію теократіи; всѣ приготовленія къ междуусобной войнѣ должны происходить передъ глазами самихъ жрецовъ; слѣдовательно, если жрецы не одобряютъ этой войны, то они имѣютъ полную возможность задавить ее въ самомъ зародышѣ, дѣйствуя на отдѣльныя группы соотечественниковъ то просьбами, то совѣтами, то угрозами, то различными хитростями. Принимая на себя благообразную роль примирителей, устраняя поводы къ несогласіямъ и разбирая возникающія ссоры между отдѣльными личностями или даже между цѣлыми деревнями, жрецы значительно усиливаютъ и упрочиваютъ свое вліяніе на массу. Огромное преимущество жрецовъ передъ всѣми остальными жителями страны состоитъ въ томъ, что они имѣютъ очень много свободнаго времени; ихъ обязанность, по мнѣнію ихъ добродушныхъ соотечественниковъ, состоитъ въ томъ, чтобы постоянно бесѣдовать съ высшими существами, выслушивать и запоминать ихъ волю, угождать всѣмъ ихъ желаніямъ, и вообще всѣми возможными средствами поддерживать полную гармонію между населеніемъ страны и безсмертными его покровителями. Мыслители прошлаго столѣтія относились, какъ извѣстно, очень непочтительно къ этимъ своеобразнымъ занятіямъ жрецовъ; люди XVIII вѣка говорили со свойственной имъ рѣзкостью, что жрецы просто морочили людей, разсказывая имъ, ради денегъ и ради

власти, такія сказки, которымъ сами нисколько не вѣрили. Это мнѣніе, соблазнительное по своей простотѣ, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи очень шаткимъ и поверхностнымъ. Спрашивается: почему и какимъ образомъ жрецы могли знать, что тѣ исторіи, которыя они разсказываютъ людямъ, — чистыя небылицы, и что тѣ магическія церемоніи, которыя они совершаютъ, не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на естественный ходъ событій? Что жрецы выдавали людямъ свои гипотезы за несомнѣнныя истины—это очевидно; но если мы заподозримъ жрецовъ въ томъ, что они, публикуя свои гипотезы, были сами твердо убѣждены въ ихъ совершенной ложности, то мы точно также должны будемъ приписать такую-же сознательную недобросовѣстность тѣмъ безчисленнымъ современнымъ ученымъ, которыхъ теоріи оказываются несостоятельными передъ судомъ болѣе проницательныхъ или болѣе осторожныхъ изслѣдователей.

Знать достовѣрно ложность какой-нибудь теоріи можетъ только тотъ человѣкъ, который знаетъ истинное объясненіе или по крайней мѣрѣ знаетъ нѣсколько фактовъ, совершенно несовмѣстныхъ съ данной теоріей. Но развѣ-же жрецы могли обладать такими обширными знаніями, которыя могли-бы доказать имъ несостоятельность теософическаго міросозерцанія? Еслибы они, полудикіе люди, возвысились вдругъ до положительнаго пониманія природы, то въ этомъ исполинскомъ прыжкѣ человѣческаго ума на самую вершину историческаго развитія конечно надо было-бы видѣть еще болѣе необъяснимое чудо, чѣмъ всѣ тѣ чудеса, о которыхъ жрецы простодушно разсказывали простодушнымъ поклонникамъ. Далѣе, если мы даже допустимъ существованіе этого невозможнѣйшаго изъ всѣхъ невозможныхъ чудесъ, то передъ нами возникнетъ еще одна непобѣдимая психологическая трудность: если жрецы знали истинное объясненіе всей космической загадки, то какая надобность имъ была выдумывать ложное объясненіе и тщательно прятать истинное? Имъ хотѣлось богатства и власти? Прекрасно. Но истинное объясненіе доставило-бы имъ въ изобиліи и то, и другое. Куда-бы они ни повели народъ, въ фантастическую-ли область ми[illegible]ологіи, или въ свѣтлый міръ [illegible] реальнаго знанія, во всякомъ случаѣ *они*, а не другіе люди, оказались-бы вождями народа и воспользовались-бы безпрепятственно всѣми выгодами и преимуществами, которыя достаются вездѣ и всегда на долю вождей. Когда извѣстное направленіе уже принято, когда въ жреческомъ сословіи уже составились свои опредѣленныя традиціи, когда народъ уже сжился съ миѳологическими сказками и съ магическими обрядами, тогда конечно жрецамъ гораздо легче и выгоднѣе поддерживать мелкими плутнями авторитетъ установившихся понятій и привычекъ, чѣмъ прокладывать серьезнымъ умственнымъ трудомъ новыя дороги. Но вѣдь было-же время, когда *всѣ* дороги были новыми. Въ это время жрецы шли по той единственной дорогѣ, которая была для нихъ возможна, и шли съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ, что эта дорога дѣйствительно ведетъ къ истинѣ, къ добру и къ началу всѣхъ началъ. Эти первобытныя времена недоступны изслѣдованіямъ историка. Вездѣ, гдѣ историкъ видитъ теократію, онъ застаетъ ее уже въ томъ періодѣ ея существованія, въ которомъ она, являясь вреднымъ тормазомъ умственнаго и общественнаго движенія, охраняетъ съ старческимъ упорствомъ огромные запасы миѳическихъ преданій, магическихъ церемоній, безполезныхъ обычаевъ и уродливыхъ учрежденій. Но само собою разумѣется, что теократія не могла отличаться этими свойствами съ самаго начала своего существованія. Ей непремѣнно надо-же было сначала *собирать* тѣ сокровища, которыя она впослѣдствіи стала *охранять*. Ей непремѣнно надо-же было сначала *пріобрѣсти* чѣмъ-нибудь то слѣпое довѣріе массъ, на которое она впослѣдствіи стала опираться. Нѣтъ и не можетъ быть такой дряхлой старухи, которая въ свое время не была-бы молодой дѣвушкой. Теократія также имѣла свой періодъ молодости, дѣятельной силы и поэтической искренности. Теократія въ свое время была прогрессивнымъ и благодѣтельнымъ элементомъ. Это мнѣніе историкъ можетъ высказать даже a priori, потому что еслибы этого не было, то теократія никакимъ образомъ не могла-бы привиться къ народной жизни и пустить въ нее глубокіе корни. Дарвиновскій законъ естественнаго выбора прилагается къ жизни идей и учрежденій такъ точно, какъ и къ жизни органическихъ существъ. Сохраняется только то, что само по себѣ крѣпко и приспособлено къ обстоятельствамъ времени и мѣста.

Не трудно объяснить, въ чемъ имен[illegible]но заключалось благотворное вліяніе во[illegible]зникающей теократіи. Это вліяніе вы[illegible]текало именно изъ того условія, кот[illegible]орое составляло, какъ я замѣтилъ выше, огромное преимущество жрецовъ надъ массой. Обезпечивая матеріальное благосостояніе нѣкоторыхъ избранныхъ личностей, избавляя этихъ даровитыхъ родоначальниковъ будущей жреческой касты отъ физическаго труда и отъ всякихъ мелкихъ житейскихъ заботъ, народъ требовалъ отъ своихъ избранниковъ, чтобы они безраздѣльно предавались изученію теософическихъ тайнъ, которыя въ то время какъ массѣ, такъ и ея избранникамъ казались единственнымъ ключомъ къ разрѣшенію всевозможныхъ космическихъ, нравственныхъ, юридическихъ, технологическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Спрашивается: чѣмъ должны были наполнить свои безконечные досуги тѣ даровитые

люди, которые самымъ добросовѣстнымъ образомъ желали оправдать довѣріе соотечественниковъ? Какимъ образомъ могли они приняться за изученіе тѣхъ таинственныхъ особъ, съ которыми имъ велѣно было вступить въ постоянныя сношенія? Старыхъ книгъ у нихъ не было; торной дороги для нихъ не существовало; значитъ, надо было пробивать эту дорогу силами собственнаго ума и воображенія; средство для этого имѣлось только одно: принимая всю природу за раскрытую книгу, надо было вглядываться, вслушиваться, вдумываться, вживаться во всѣ окружающія явленія. Соприкосновеніе неиспорченнаго человѣческаго ума съ живой природой никогда не можетъ оставаться совершенно безплоднымъ. Вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ галлюцинацій, ошибочныхъ гипотезъ и безобразныхъ миѳовъ основатели древнихъ теократій вынесли изъ своей тихой созерцательной жизни нѣсколько замѣчательныхъ наблюденій, которыхъ не могли-бы собрать и удержать въ памяти ни воины, постоянно погруженные въ тревоги боевой жизни, ни чернорабочіе, задавленные грубымъ мускульнымъ трудомъ. Всѣмъ извѣстно, что древнѣйшія въ мірѣ астрономическія наблюденія принадлежатъ жрецамъ Индіи, Египта и Ассиріи. Всѣмъ извѣстно также, что медицина, ариѳметика, геометрія и пластическія искусства родились въ тѣхъ-же жреческихъ коллегіяхъ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ они и не могли родиться. Для ихъ рожденія необходимо было существованіе особаго класса людей, освобожденныхъ отъ всякихъ практическихъ заботъ и прикованныхъ личными выгодами къ наблюденію, созерцанію и размышленію. Такъ какъ полудикимъ политеистамъ никакъ не могла придти въ голову блистательная мысль устроить академію наукъ или какое-нибудь общество любителей естествознанія, то само собой разумѣется, что первая корпорація изслѣдователей и мыслителей могла появиться на свѣтъ только въ видѣ жреческаго сословія.

Но, родившись въ жреческихъ коллегіяхъ, науки и искусства не могли въ нихъ развиваться. Основатели теократіи были пытливыми изслѣдователями и смѣлыми мыслителями; отдаленные потомки ихъ сдѣлались безсильными и тупыми буквоѣдами; превращеніе это было неизбѣжно. Первые жрецы сами прокладывали дорогу и сами завоевывали себѣ вліяніе на массу. При этомъ они имѣли дѣло съ живой природой. Приготовляя себѣ преемниковъ, они конечно передавали имъ безъ разбору всѣ свои наблюденія, всѣ свои галлюцинаціи и всѣ свои рискованныя гипотезы. Преемники все это старались запомнить и потомъ, принимаясь за свою многостороннюю жреческую дѣятельность, усиливались согласить объясненія предковъ съ своими собственными наблюденіями. Такимъ образомъ составлялись новыя гипотезы, которыя опять передавались преемникамъ и опять подвергались съ ихъ стороны различнымъ повѣркамъ и комментированіямъ. Общественное могущество жрецовъ росло конечно вмѣстѣ съ запасомъ ихъ наблюденій и изобрѣтеній. Всякое крошечное открытіе, сдѣланное жрецами, принималось народомъ за внушеніе свыше и за чудесное проявленіе божественной благосклонности. Такъ какъ подобныя открытія дѣлались только жрецами, свободными отъ житейскихъ заботъ, то, разумѣется, въ народѣ скоро должно было составиться понятіе о высшемъ сверхчеловѣческомъ значеніи жреческаго сословія. Постоянно увеличиваясь, могущество жрецовъ должно было наконецъ дойти до того maximum'а, дальше котораго идти невозможно. Остановившись на этой вершинѣ, жреческое сословіе начинаетъ быстро деморализироваться. Оно заботится не о новыхъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, а только о томъ, чтобы сохранить за собою свое *относительное* превосходство надъ массой. Это превосходство основано преимущественно на томъ, что масса очень невѣжественна. Значитъ, для сохраненія желаннаго превосходства надо поддерживать это спасительное невѣжество. Достигши вершины своего могущества, жрецы имѣютъ уже за собою цѣлый громадный кодексъ теософическихъ гипотезъ и преданій, сложившихся при ихъ предшественникахъ. Такъ какъ эти гипотезы и преданія составляютъ тотъ путь, по которому жреческая каста пришла къ своему величайшему могуществу, то жрецы конечно должны питать къ нимъ почтительную нѣжность и должны особенно сильно стараться о томъ, чтобы въ народѣ эта почтительная нѣжность доходила до совершенно слѣпого и страстнаго обожанія. Такимъ образомъ между человѣческимъ умомъ и живой природой воздвигаются мертвыя книги, написанныя даровитыми невѣждами и годныя только на то, чтобы служить образчикомъ міросозерцанія, господствовавшаго въ далекой древности. Для того, чтобы человѣческій умъ не вырвался какъ нибудь изъ узкаго круга старыхъ преданій, жрецы ставятъ каждому изъ своихъ соотечественниковъ въ непремѣнную обязанность жить такъ, какъ жили его предки, заниматься тѣмъ же ремесломъ, употреблять тѣ-же орудія, носить такое-же платье, питаться такой-же пищей, и такъ далѣе. Затѣмъ умственное движеніе совершенно замираетъ; народъ повертывается спиной къ будущему и видитъ свой идеалъ въ прошедшемъ. Такое положеніе вещей можетъ продолжаться безконечно долго, и только постоянныя столкновенія съ высшими формами цивилизаціи могутъ со временемъ вывести изъ болѣзненнаго усыпленія несчастный народъ, задавленный свинцовой тяжестью бездушной и безтолковой теократіи.

IX.

Война спасаетъ древній міръ отъ теократической спячки. Война разрушаетъ принципъ наслѣдственности, потому что, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества отъ внѣшнихъ враговъ, тогда всѣ здоровые люди берутся за оружіе, и тогда уже неудобно разбирать, чей отецъ былъ воиномъ, чей—купцомъ и чей — свинопасомъ. Въ сраженіяхъ обнаруживаются личныя качества бойцовъ —сила, ловкость, храбрость, хладнокровіе, смѣтливость, распорядительность,—и самыя очевидныя выгоды цѣлаго народа требуютъ того, чтобы каждому бойцу давалось мѣсто, соотвѣтствующее его личнымъ достоинствамъ, а не общественному положенію его родителей. Поэтому у народа, ведущаго частыя войны, касты непремѣнно перемѣшиваются и понемногу сглаживаются. Но война можетъ дѣйствовать на развитіе народа совершенно различнымъ образомъ, смотря по тому, какое она приметъ направленіе: безцѣльно-безалаберное или систематически-завоевательное. Въ первомъ случаѣ развертываются преимущественно умственныя способности даннаго народа; во второмъ случаѣ—его общественныя учрежденія. Греція и Римъ воплотили въ своей исторіи эти двѣ различныя стороны военнаго политеизма.

Территорія Греціи изрѣзана по всѣмъ направленіямъ горными хребтами и глубокими заливами; участки удобной земли разбросаны по всей странѣ и отдѣлены другъ отъ друга естественными перегородками; на каждомъ изъ такихъ участковъ возникло и развилось населеніе, имѣвшее мало постоянныхъ сношеній съ сосѣдями и вслѣдствіе этого успѣвшее выработать себѣ свои собственныя учрежденія, свою опредѣленную физіономію и очень энергическое чувство своей политической полноправности и самостоятельности. Всѣ эти поселенія были связаны между собою единствомъ языка, теософической доктрины и національнаго характера; свободные жители всѣхъ этихъ поселеній гордилисьименемъ эллиновъ и противополагали себя, какъ членовъ одного великаго народа, всѣмъ остальнымъ людямъ, которыхъ они называли варварами и считали созданными для вѣчнаго рабства. Но, сознавая свое національное единство въ области мысли, греки никакъ не могли и не умѣли осуществить это единство въ политической жизни. Ни одно изъ мелкихъ греческихъ поселеній не хотѣло пожертвовать въ пользу этого единства ни одной частицы своей отдѣльной автономіи и ни одной мельчайшей подробности своей внутренней организаціи. Каждый городокъ готовъ былъ защищать свою независимость до послѣдней капли крови, какъ противъ азіятскихъ варваровъ, такъ и противъ своихъ ближайшихъ греческихъ сосѣдей; каждому городку хотѣлось господствовать надъ другими городками, и ни одному изъ нихъ не хотѣлось покоряться другимъ. Если мы при этомъ возьмемъ въ соображеніе, что всѣ жители этихъ отдѣльныхъ городковъ были одинаково храбры, одинаково воинственны, одинаково корыстолюбивы, одинаково тщеславны, одинаково сильны, ловки и развиты въ физическомъ отношеніи, одинаково вооружены и одинаково искусны во всѣхъ воинскихъ эволюціяхъ, то мы конечно поймемъ, что, во-первыхъ, постоянныя войны между этими людьми были совершенно неизбѣжны, и что, во-вторыхъ, эти безконечныя войны не могли привести ни къ какому прочному политическому результату, то есть, не могли окончиться соединеніемъ всей Греціи въ одно стройное и могущественное государство, способное завоевать весь остальной образованный міръ. — «Такъ напримѣръ,—говоритъ Контъ,—аѳинское племя во время самаго блистательнаго своего преобладанія въ Архипелагѣ, въ Азіи, во Фракіи и т. д. было принуждено довольствоваться центральной территоріей, едва-ли равнявшейся французскому департаменту средней величины и окруженной со всѣхъ сторонъ многочисленными соперниками, которыхъ дѣйствительное покореніе въ то время справедливо считалось неисполнимымъ. Аѳины могли съ большей надеждой на успѣхъ предпринять завоеваніе напримѣръ Египта или Малой Азіи, чѣмъ завоеваніе не только Спарты, но даже Ѳивъ или Коринѳа, или даже можетъ-быть маленькой сосѣдней республики Мегары.»

При такихъ условіяхъ война не могла быть для грековъ серьезнымъ государственнымъ дѣломъ; война была для нихъ дѣломъ страсти; въ войнѣ ихъ съ персами можно видѣть взрывъ національной ненависти противъ дерзкихъ азіятскихъ варваровъ, осмѣлившихся ворваться въ прекрасную Элладу; въ ихъ междуусобныхъ войнахъ можно видѣть постоянное проявленіе ихъ узкихъ своекорыстныхъ страстей. Въ первомъ случаѣ война была подвигомъ патріотическаго энтузіазма и даже отчасти дѣломъ необходимой обороны; во второмъ случаѣ война была просто организованнымъ грабежемъ, который не оправдывался и не облагораживался никакой высшей идеей. Войны второй категоріи случались гораздо чаще первыхъ войнъ; этими безплодными, но очень упорными драками между единокровными сосѣдями или даже между гражданами одного города переполнена вся исторія древней Греціи; эти драки вытекали изъ топографическихъ условій: сосѣдъ былъ тутъ-же, подъ рукой, за ближайшимъ холмомъ или ручьемъ; а чтобы колотить перса, надо было снаряжать цѣлый флотъ и отправляться въ другую часть свѣта. Но если драки съ сосѣдями были дѣломъ сподручнымъ, то во всякомъ случаѣ не надо было обладать особенной геніаль-

ностью, чтобы оцѣнить по достоинству все безобразіе и всю пошлость этихъ ежедневныхъ потасовокъ. Греки отъ природы были очень не глупы; поэтому умнѣйшіе изъ грековъ никакъ не могли предаваться всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ тѣмъ мелкимъ разбойническимъ продѣлкамъ, которыя находили себѣ постоянную пищу въ неугомонныхъ страстяхъ раздражительной массы и узколобыхъ аристократовъ. Даже эта масса и эти аристократы, постоянно возбуждавшіе своей пылкостью или заносчивостью разныя волненія и междуусобныя войны, смотрѣли на эти кровавыя событія, какъ на страданія и посрамленіе великаго греческаго народа. Лучшіе умы древней Греціи относились къ этимъ событіямъ совершенно отрицательно; но въ то-же время, зная политическую жизнь своей страны и характеръ своихъ соотечественниковъ, они не видѣли никакой возможности искоренить это зло практической дѣятельностью. Не видя въ государственныхъ занятіяхъ своего времени никакой великой цѣли и никакой руководящей идеи, сильные умы должны были отвернуться отъ политической практики и наполнить свою жизнь или общими теоретическими размышленіями о мірѣ, о человѣкѣ и объ обществѣ, или созерцаніемъ и воспроизведеніемъ всѣхъ прекрасныхъ явленій физической природы и человѣческаго характера. Политическая безтолковщина древней Греціи насильно толкала лучшихъ и даровитѣйшихъ ея гражданъ въ умозрительную философію и въ чистое искусство. Для позитивиста абсолютное зло и абсолютное добро не существуютъ. Позитивистъ понимаетъ, что чистое искусство и умозрительная философія, очень вредныя и предосудительныя въ XIX столѣтіи, могли быть, и даже дѣйствительно были, не только полезны, но даже необходимы для историческаго развитія человѣческаго ума и человѣческой общественности, — такъ же точно, какъ были полезны, неизбѣжны и необходимы война и рабство, которыя точно также сдѣлались теперь очень вредными и предосудительными явленіями. Въ древнихъ теократическихъ обществахъ наука и искусство были орудіями; современные реалисты стараются также превратить ихъ въ орудія. Теократы пользовались искусствомъ и наукой, какъ средствами основать и упрочить свое господство надъ массой. Выше и привлекательнѣе этой цѣли они не могли себѣ ничего представить. Когда каждый человѣкъ видѣлъ въ чужомъ или незнакомомъ человѣкѣ своего естественнаго врага, тогда конечно никто не могъ работать для общаго блага. Кромѣ того, когда всѣ отрасли науки и промышленности лежали въ колыбели, тогда самый человѣколюбивый дѣятель въ мірѣ былъ не въ состояніи вообразить себѣ, что мышленіе и творчество могутъ обнаружить чувствительное вліяніе на матеріальный бытъ и на характеръ всей нашей породы. Стало быть, наука и искусство сначала непремѣнно должны были оказаться мелкими орудіями мелкихъ и дрянныхъ страстей. Прямо изъ рукъ этихъ мелкихъ и дрянныхъ страстей наука и искусство никакъ не могли перейдти въ руки той великой страсти, которая воодушевляетъ современныхъ реалистовъ.

Откуда-же взялось-бы вдругъ, во-первыхъ, широкое и горячее человѣколюбіе и, во-вторыхъ, понятіе о преобразовательной силѣ науки, техники и поэзіи?—Чтобы пріобрѣсти себѣ великую способность наслаждаться любовью къ людямъ и общеполезной дѣятельностью, человѣку необходимо было очень долго воспитывать себя въ такой школѣ, которая постепенно утончала и облагораживала-бы его наслажденія. Личное наслажденіе и общеполезная дѣятельность (которую тупые моралисты называютъ на своемъ безсмысленномъ жаргонѣ *долгомъ*) дѣйствительно сливаются въ высшемъ единствѣ, но на эту точку соединенія не можетъ сразу прыгнуть звѣрообразный политеистъ, умѣющій наслаждаться только кровопролитной дракой, дикимъ пьянствомъ, животнымъ сладострастіемъ, безпечной праздностью и самыми грубыми формами господства надъ другими людьми. Для такого человѣка могло считаться прогрессомъ даже умѣнье цѣнить красоту формъ и красокъ въ женщинѣ, въ лошади, въ оружіи, въ костюмѣ, въ домашней утвари и такъ далѣе. Еще болѣе значительный прогрессъ можно видѣть въ умѣньи наслаждаться словами и содержаніемъ пѣсни, легенды или сказки У героевъ троянской войны эти умѣнья были уже развиты въ высокой степени. Только къ этимъ умѣньямъ и могли прислониться, для своего дальнѣйшаго развитія, зародыши науки и искусства, перенесенные въ Грецію изъ теократическаго Египта. То, что въ Египтѣ было политическимъ орудіемъ, должно было на первыхъ порахъ сдѣлаться въ Греціи пріятной забавой. Скульптура, которая въ Египтѣ поражала массу мрачной таинственностью своихъ произведеній—символическихъ фигуръ, получеловѣческихъ, полузвѣриныхъ,—превратилась въ Греціи въ свѣтлое, радостное и общепонятное прославленіе человѣческой красоты. Научныя наблюденія, хранившіяся египетскими жрецами въ глубокой тайнѣ и служившія имъ оружіемъ для подавленія невѣжественныхъ массъ, въ школахъ греческихъ философовъ сдѣлались доступными для каждаго желающаго. Ни греческое искусство, ни греческая философія не имѣли никогда серьезной и ясно-обозначенной общественной тенденціи. Величественные портики, красивыя статуи, стройныя философскія системы были нужны греку только для того, чтобы наполнять и разнообразить жизнь пріятными ощущеніями. Въ наше

время, когда наука и литература сдѣлались великими общественными силами, такое отношеніе къ знанію и къ творчеству было-бы совершенно непозволительно. Но во времена Пизистрата или Перикла единственнымъ двигателемъ человѣческаго ума на пути сознательнаго изслѣдованія было именно то удовольствіе, которое умнѣйшіе изъ тогдашнихъ людей находили въ процессѣ собственнаго мышленія. Освобожденіе науки и искусства отъ узкихъ и корыстныхъ теократическихъ соображеній составляетъ такой необходимый и такой громадный успѣхъ, безъ котораго не были-бы возможны никакія дальнѣйшія усовершенствованія. Благодаря этому освобожденію, греческій мыслитель могъ искать истину для самой истины, не обращая никакого вниманія на то, противорѣчитъ ли она или нѣтъ старымъ преданіямъ или существующему общественному устройству. Это чистое и безкорыстное стремленіе къ истинѣ, невозможное въ древнихъ теократіяхъ, сдѣлалось доступнымъ для греческихъ мыслителей только потому, что они были простыми гражданами, частными людьми, не связанными единствомъ интересовъ ни съ жрецами, ни съ администраторами. А существованіе этого класса совершенно свободныхъ мыслителей, занимающихся мышленіемъ изъ любви къ истинѣ, обусловливается, какъ мы видѣли выше, во-первыхъ тѣмъ, что война разбила теократическія формы въ самомъ зародышѣ, и во-вторыхъ тѣмъ, что политическая безалаберщина оттолкнула лучшихъ людей Греціи отъ государственныхъ занятій.

Свободные мыслители древней Греціи оказали людямъ двѣ громадныя услуги: во-первыхъ, они довели геометрію до высокой степени совершенства и заложили своими математическими открытіями тотъ прочный и необходимый фундаментъ, на которомъ стоятъ вся наука и вся положительная философія нашего времени; во-вторыхъ, они своими метафизическими системами совершенно расшатали доктрину политеизма и сдѣлали первую смѣлую попытку выйдти на новую дорогу изъ-подъ тяжелой теософической опеки. Попытка оказалась неудачной, по недостатку фактическихъ знаній; но смѣлость греческихъ мыслителей не пропала даромъ и вызвала, много столѣтій спустя, такихъ подражателей, у которыхъ, кромѣ живого стремленія къ истинѣ, кромѣ умственной неустрашимости, есть еще громаднѣйшій арсеналъ сдѣланныхъ открытій, собранныхъ опытовъ и неопровержимыхъ обобщеній. Что было у греческихъ мыслителей смутнымъ угадываніемъ, то сдѣлалось для новѣйшихъ подражателей ихъ яснымъ, отчетливымъ и спокойнымъ пониманіемъ. Попытка, неудавшаяся грекамъ, совершенно удалась современнымъ европейцамъ.

X.

Въ римскомъ политеизмѣ религія совершенно подчинена политикѣ, которая имѣетъ строго-завоевательное направленіе, обусловленное характеромъ и географическимъ положеніемъ римскаго народа. Римъ обязанъ своими обширными завоеваніями не столько храбрости легіоновъ, сколько хладнокровной разсчетливости сената и народа. Храбростью отличались всѣ древніе обитатели Европы; и самнитяне, и греки, и македоняне, и галлы, и иберійцы—всѣ они были чрезвычайно воинственны и неудержимо храбры, а между тѣмъ только однимъ римлянамъ досталось господство надъ древнимъ міромъ. Завоевателей въ древности было очень много, но результаты ихъ подвиговъ исчезали обыкновенно вмѣстѣ съ ихъ личностями и не могли образовать никакой прочной связи между покоренными народами. Всѣ великія монархіи передней Азіи—вавилонская, ассирійская, персидская—были только конгломератами народовъ, платящихъ дань общему побѣдителю, но нисколько не связанныхъ между собой единствомъ законовъ, обычаевъ, вѣрованій, образованія, промышленной жизни и административныхъ учрежденій. Александръ Македонскій первый задумалъ произвести дѣйствительное сліяніе между побѣжденными національностями, и его завоеванія, несмотря на крайнюю непродолжительность его собственной жизни и несмотря на бездарность его преемниковъ, распространили греческую цивилизацію въ передней Азіи и въ сѣверовосточной Африкѣ. Но прочное покореніе и глубокое объединеніе рѣзко обозначенныхъ народностей древняго міра составляли такую колоссальную задачу, которая далеко превышала силы отдѣльной личности и которую могъ рѣшить втеченіи нѣсколькихъ столѣтій только цѣлый народъ, одаренный всѣми важнѣйшими качествами воина и администратора. Такимъ народомъ оказались римляне.

Римляне не были ни фанатиками, ни мыслителями, ни художниками, ни героями; они были преимущественно ростовщиками и кляузниками. Добродѣтельный Катонъ называетъ божественнымъ того человѣка, который втеченіи своей жизни пріобрѣтаетъ больше богатствъ, чѣмъ сколько оставили ему его предки. Пламенный патріотъ Брутъ, зарѣзавшій Цезаря, бралъ или, точнѣе, дралъ съ своихъ должниковъ по *сорока восьми* процентовъ. «Лихоимство,—говоритъ Тацитъ,—было у насъ стариннымъ порокомъ и самой обыкновенной причиной нашихъ раздоровъ и нашихъ возмущеній. Законы противъ лихоимства нарушались самими сенаторами, изъ которыхъ ни одинъ не былъ чистъ отъ подобныхъ злоупотребленій.» Трудно себѣ представить, чтобы римляне могли когда-нибудь

серьезно составлять законы противъ лихоимства. Законы XII таблицъ предоставляютъ, напротивъ того, кредитору такую безграничную власть надъ должникомъ, которая многимъ новымъ историкамъ показалась даже неправдоподобной и которая конечно могла дѣйствовать на ростовщиковъ только самымъ поощряющимъ образомъ. Вотъ текстъ закона, какъ переводитъ его Мишле: «Пусть его (должника) зовутъ въ судъ. Если онъ не пойдетъ, возьми свидѣтелей, заставь его. Если онъ будетъ медлить и попробуетъ бѣжать, захвати его. Если старость или болѣзнь мѣшаютъ ему явиться, дай ему лошадь, но носилокъ не нужно. За богача—пусть ручается богачъ; за пролетарія—кто захочетъ. Когда долгъ признанъ и дѣло обсуждено,—тридцать дней отсрочки. Потомъ пусть его схватятъ и ведутъ къ судьѣ. Закатъ солнца закрываетъ судъ. Если онъ не удовлетворяетъ требованіямъ суда, если никто за него не ручается, кредиторъ уведетъ его къ себѣ и привяжетъ его ремнями или цѣпями, вѣсомъ въ пятнадцать фунтовъ,—меньше пятнадцати фунтовъ, если того хочетъ кредиторъ. Пусть узникъ кормится своей пищей. Или-же дайте ему фунтъ муки или больше, смотря по вашему желанію. Если онъ не заплатитъ, держите его въ оковахъ шестьдесятъ дней; между тѣмъ приводите его въ судъ три раза въ базарные дни и объявляйте публикѣ, на какую сумму простирается долгъ. На третій базарный день, если окажется нѣсколько кредиторовъ, пусть они разрѣжутъ тѣло должника. Если они отрѣжутъ больше или меньше, пусть они за то не подвергаются отвѣтственности. Если они хотятъ, они могутъ продать его въ чужія земли, за Тибръ.»—Текстъ закона самъ по себѣ такъ выразителенъ, что онъ лучше всякихъ пространныхъ разсужденій обрисовываетъ народный характеръ римлянъ, неустрашимо доводившихъ свое уваженіе къ священнымъ правамъ капитала до хладнокровнаго и методическаго разрѣзыванія несостоятельнаго человѣческаго тѣла, которое въ эту тяжелую минуту могло успокоивать себя тѣмъ разсужденіемъ, что его рѣжутъ на самомъ законномъ основаніи и съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ формальностей. У римлянъ былъ еще другой законъ, изъ котораго усматривается, что римляне умѣли превращать въ наличныя деньги даже своихъ родныхъ и законныхъ дѣтей. Этотъ законъ говоритъ, что отецъ имѣетъ право продать сына въ рабство *только три раза*. Это значитъ, что сынъ, проданный своимъ отцомъ и отпущенный на волю покупщикомъ, возвращается подъ власть отца, который имѣетъ полное право продать его *вторично*; если второй покупщикъ также отпуститъ его на волю, то отецъ опять овладѣваетъ имъ и можетъ продать его *въ третій разъ*. Послѣ *третьей* продажи отецъ уже теряетъ надъ сыномъ всякую власть.—Существованіе такого закона доказываетъ очевидно, что многіе отцы дѣйствительно торговали своими дѣтьми, и что общественное мнѣніе относилось къ подобной торговлѣ очень снисходительно. Ясное дѣло, что законодателю никогда не приходитъ въ голову фантазія ограничивать извѣстными постановленіями такіе поступки, къ которымъ данное общество не обнаруживаетъ ни малѣйшей наклонности.

Кляузничество римлянъ наложило свою печать на всѣ явленія ихъ частной, общественной и государственной жизни. Постоянно стараясь поживиться чужимъ достояніемъ, нарушая на каждомъ шагу чужія права, римляне въ то-же время обнаруживали самое глубокое уваженіе къ формальной сторонѣ всякихъ договоровъ, условій, законовъ, обычаевъ, традицій и церемоній. Объявляя какому-нибудь народу войну, римляне всегда устраивали такъ, что эта война, чисто завоевательная съ ихъ стороны, принимала видъ вынужденной обороны. Римляне всегда прикидывались обиженными и надѣялись этимъ маневромъ обезпечить за собою содѣйствіе высшихъ силъ. При объявленіи войны соблюдались всегда извѣстныя формальности.

До какихъ ребяческихъ уловокъ доводило римлянъ ихъ стремленіе сражаться постоянно за правое дѣло—это всего лучше видно изъ ихъ поступка съ самнитянами. Самницкій генералъ, Кай Понцій, окружилъ римскую армію въ узкомъ горномъ проходѣ и, вмѣсто того, чтобы уничтожить ее, заключилъ съ консуломъ Постуміемъ миръ, выгодный для самнитянъ. Сенатъ отказался утвердить этотъ договоръ, отговариваясь тѣмъ, что этотъ договоръ, заключенный безъ вѣдома народа и безъ участія жрецовъ-феціаловъ, не имѣетъ никакой обязательной силы. Это мнѣніе было высказано самимъ Постуміемъ, который требовалъ только, чтобы для соблюденія закона феціалы выдали самнитянамъ, съ должными церемоніями, его, Постумія, и всѣхъ другихъ предводителей, подписавшихъ неутвержденный договоръ. Желаніе Постумія было исполнено. Феціалы отвезли ихъ въ непріятельскій лагерь, раздѣли ихъ до-гола и связали ихъ по рукамъ и по ногамъ, причемъ Постумій приказалъ затянуть ремень потуже для того, чтобы вся церемонія была исполнена съ безукоризненной добросовѣстностью. «Такъ какъ эти люди,—заговорилъ феціалъ, введя плѣнниковъ въ собраніе самнитянъ,—безъ воли римскаго народа обѣщали заключить мирный договоръ (заключенный договоръ превратился въ обѣщаніе) такъ какъ въ этомъ случаѣ они впали въ оплошность, то, чтобы снять съ римскаго народа отвѣтственность за нечестивое преступленіе, я выдаю вамъ этихъ людей.» У Постумія былъ приготовленъ для самнитянъ новый сюрпризъ; въ то время, когда феціалъ договаривалъ свою рѣчь,

связанный консулъ ухитрился толкнуть его ногой и крикнулъ тотчасъ, что онъ, человѣкъ, выданный самнитянамъ, нанесъ оскорбленіе римскому жрецу, и что вслѣдствіе этого римляне имѣютъ законное основаніе вести съ самнитянами войну. Въ поведеніи Постумія обнаруживаются очень ярко, какъ мужество, такъ и пронырство римлянъ. Постумій смѣло и весело идетъ на встрѣчу мучительной смерти и въ то-же время тщательно наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ мельчайшихъ формальностей, выгораживающихъ римскій народъ отъ всякой нравственной отвѣтственности передъ богами и передъ людьми. Правда, что самнитяне тотчасъ освободили выданныхъ имъ полководцевъ; но на такое великодушіе никакъ нельзя было разсчитывать, и Постумій съ своей стороны принялъ, какъ мы видѣли, всѣ мѣры, чтобы вывести изъ терпѣнія тѣхъ людей, отъ которыхъ зависѣла его участь.

Передъ началомъ каждой войны римскій феціалъ отправлялся на границу враждебнаго народа и, произнося объявленіе разрыва, бросалъ копье на непріятельскую землю. Это было очень удобно, пока римляне воевали исключительно съ итальянцами. Но не за долго до начала пуническихъ войнъ римлянамъ пришлось сразиться съ Пирромъ, царемъ эпирскимъ, ворвавшимся въ Италію. Посылать феціала въ Грецію было неудобно, а между тѣмъ отказаться отъ исполненія старой церемоніи было слишкомъ страшно. Римляне вывернулись изъ этого затрудненія посредствомъ юридической фикціи. Они заставили одного эпирскаго перебѣжчика купить въ окрестностяхъ Рима поле, которое и должно было изображать сначала Эпиръ, а потомъ и всѣ остальныя непріятельскія земли. Передъ каждой войной феціалъ, произнося приличную рѣчь, бросалъ въ это поле копье, и затѣмъ всѣ формальности, относящіяся къ объявленію войны, считались исполненными. Кляузничая такимъ образомъ съ людьми, римляне старались даже такими-же уловками перехитрить боговъ и судьбу. Однажды сенатъ отыскалъ въ сивиллиныхъ книгахъ предсказаніе, что галлы два раза должны овладѣть городомъ. Чтобы предотвратить это бѣдствіе, сенатъ приказалъ зарыть живьемъ двухъ галловъ, мужчину и женщину, въ самой серединѣ Рима. Такъ какъ галлы подъ предводительствомъ Бренна уже одинъ разъ овладѣли Римомъ и такъ какъ зарытые галлы, по мнѣнію сената, также овладѣли римской землей, то предсказаніе оказалось исполненнымъ, и римляне успокоились.

XI.

Типическія особенности римскаго характера—спокойная разсудительность, хладнокровная разсчетливость, мужественная настойчивость и мошенническая изворотливость—выработались или по крайней мѣрѣ развернулись съ полной силой во время двухсотлѣтней внутренней борьбы патриціевъ и плебеевъ. Въ греческихъ республикахъ аристократы и чернь постоянно вели между собой истребительныя войны и при каждомъ удобномъ случаѣ призывали другъ противъ друга военныя силы другихъ народовъ. Въ Римѣ, напротивъ того, такая-же точно борьба окончилась безъ кровопролитія, и не только никогда не отдавала города на жертву иностранцамъ, но даже ни разу не помѣшала враждующимъ сословіямъ вести общими силами упорныя завоевательныя войны. Духъ холоднаго формализма и разсчетливаго кляузничества избавилъ Римъ отъ бѣдствій междуусобной войны, которая навѣрное отняла-бы у римлянъ возможность завоевать впослѣдствіи тогдашній образованный міръ. Патриціи и плебеи, глубоко проникнутые любовью къ сутяжничеству и уваженіемъ къ внѣшнимъ формамъ легальности, старались преимущественно о томъ, чтобы перехитрить и переупрямить другъ друга. Плебеи медленно, разсчетливо и осторожно подвигались впередъ; патриціи упорно отстаивали каждый клочокъ своихъ привилегій, торговались изъ-за каждой мелочи, оттягивали время разными благовидными уловками, развлекали своихъ противниковъ разными хитростями и медленно уступали ихъ легальному натиску. Эта продолжительная борьба оказалась для обѣихъ сторонъ такой превосходной школой политическаго пронырства, послѣ которой римлянамъ сдѣлалось уже очень нетрудно справляться съ другими націями, руководствуясь извѣстнымъ девизомъ: «Divide et impera» («Раздѣляй и господствуй»).

Во всѣхъ своихъ завоевательныхъ предпріятіяхъ римляне дѣйствовали постоянно съ той осмотрительностью и разсчетливостью, которыя составляютъ основныя свойства ихъ національнаго характера. Они никогда не бросались, очертя голову, въ далекія или рискованныя предпріятія; они никогда не вели войнъ изъ-за принциповъ, никогда не увлекались ни любовью къ славѣ, ни ненавистью, ни дружбой, и постоянно имѣли въ виду только осязательныя выгоды—деньги, земли и рабочую силу. Въ ихъ войнахъ нѣтъ ничего похожаго на блистательные подвиги Александра. Политика сената обыкновенно умѣла такъ хорошо изолировать врага и такъ ловко выбирать удобную минуту для начала войны, что успѣхъ нападенія оказывался почти независимымъ отъ личныхъ талантовъ полководца. Самая трудная часть завоевательной карьеры Рима заключается конечно въ ея началѣ, то-есть въ покореніи Италіи. Когда Италія была завоевана, тогда уже можно было сказать заранѣе, что весь древній міръ сдѣлается добычей римлянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ земли этого древняго міра уже

давно были истощены многими вѣками безпорядочныхъ войнъ и самой скверной администраціи. Завоеваніе Италіи шло туго и медленно; римлянамъ пришлось потратить на это дѣло около четырехъ столѣтій. Непобѣдимое упорство и неизмѣнная послѣдовательность римской политики втеченіи всего этого продолжительнаго и многотруднаго періода объясняются преимущественно тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣла республики постоянно находились въ рукахъ цѣлаго привилегированнаго сословія, а не отдѣльныхъ личностей и не народной массы.

Аристократическій образъ правленія можетъ сдѣлаться, и обыкновенно дѣлается, для народа тяжелѣе самаго безумнаго личнаго деспотизма; привилегированное сословіе можетъ устроить такую утонченную, многостороннюю и систематическую эксплоатацію массъ, въ которой вовсе не нуждается единичный деспотъ. Съ этой точки зрѣнія аристократія хуже всякой тираніи. Эти обыкновенные плоды свои аристократическій образъ правленія принесъ и въ Римѣ. Но если взглянуть на римскую республику съ точки зрѣнія ея завоевательной карьеры, то надо будетъ согласиться, что эта карьера была возможна только при аристократическомъ правительствѣ; еслибы дѣлами Рима завѣдывала масса, то эта масса, не имѣя возможности посвящать все свое время политическимъ размышленіямъ, непремѣнно, въ большей или меньшей степени, стала-бы дѣйствовать по свободному вдохновенію, уступая напору хорошихъ или дурныхъ страстей и увлекаясь доводами краснорѣчивыхъ ораторовъ. Можно сказать навѣрное, что римскій народъ все-таки не обнаружилъ-бы той подвижности и того легкомыслія, которыми прославились напримѣръ аѳиняне; но трудно также предположить, чтобы, находясь въ рукахъ народной массы, римская политика могла сохранять постоянно тотъ характеръ неумолимой разсудочности и безстрастной послѣдовательности, которымъ она отличалась втеченіи многихъ вѣковъ и безъ котораго побѣды римскихъ полководцевъ оказались-бы безплодными.

Еслибы Римъ былъ монархіей, то послѣдовательная политика была-бы еще менѣе возможна, потому что для этого надо было-бы предположить, что на римскомъ престолѣ появляются, одинъ за другимъ, нѣсколько десятковъ царей, одинаково даровитыхъ, разсчетливыхъ, безстрастныхъ и безсовѣстныхъ. Всѣ эти качества, очень рѣдкія въ отдѣльныхъ личностяхъ и никогда не встрѣчающіяся въ цѣлыхъ массахъ, очень обыкновенны въ тѣхъ сословіяхъ, которыхъ члены съ малыхъ лѣтъ воспитываются для общественной дѣятельности и потомъ служатъ государству втеченіи всей своей жизни то въ совѣтѣ, то на полѣ сраженія. Эти сословія до такой степени пріучаются видѣть въ своихъ собственныхъ интересахъ интересы всего отечества, что они систематически разнуздываютъ свои эгоистическіе инстинкты, систематически подавляютъ въ себѣ всѣ добрыя чувства и вмѣняютъ себѣ въ высокую патріотическую заслугу это сознательное искаженіе человѣческаго образа. На что́ не рѣшился-бы деспотъ, на то рѣшается аристократія, потому что она сама для себя составляетъ то общественное мнѣніе, которое оправдываетъ и одобряетъ ея рѣшимость. Только въ рядахъ аристократіи могутъ составиться крѣпкія политическія традиціи; только аристократія, подвергающаяся медленному обновленію снизу, можетъ соединить старческую осторожность съ юношеской энергіей и во всякую данную минуту дѣйствовать противъ своихъ враговъ то волчьимъ ртомъ, то лисьимъ хвостомъ. Словомъ, всѣ дурныя стороны аристократическаго правительства пришлись какъ нельзя болѣе кстати, когда Римъ вступилъ на поприще завоевательныхъ войнъ.

Побѣда плебеевъ надъ патриціями уничтожила, правда, кастическій характеръ римской аристократіи, но все государственное устройство римской республики осталось попрежнему аристократическимъ, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что элементъ богатства сталъ на одну доску съ элементомъ родовой знатности. Высшія государственныя должности перестали быть исключительнымъ достояніемъ патриціевъ, но продолжали попрежнему сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ фамилій, по той простой причинѣ, что дѣтямъ богачей, консуловъ или сенаторовъ было очень нетрудно остановить на себѣ вниманіе избирателей и побѣдить на выборахъ бѣдныхъ или незнатныхъ соискателей. Вслѣдствіе этого высшія должности въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ могли-бы считаться почти наслѣдственными, и, сообразно съ этимъ обстоятельствомъ, все воспитаніе направлялось въ этихъ семействахъ къ тому, чтобы приготовлять военачальниковъ и администраторовъ. Связанные между собою узами родства и единствомъ общихъ аристократическихъ интересовъ, молодые воины и старые сенаторы такъ хорошо понимали другъ друга и дѣйствовали съ такимъ единодушіемъ, что смѣлая предпріимчивость первыхъ и холодная разсчетливость вторыхъ взаимно поддерживали и дополняли другъ друга во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ римской исторіи. Такъ какъ жреческія должности принадлежали тому-же высшему классу военачальниковъ и правителей, то понятно, что всѣ возможные авторитеты, теоретическіе и практическіе, граж[illegible]нскіе и военные, тянули всѣ силы народ[illegible] въ одну и ту-же сторону, на одну и т[illegible]же завоевательную дорогу.

Покоряя своихъ со[illegible]ѣдей, Римъ умѣлъ немедленно превраща[illegible] своихъ побѣжденныхъ враговъ въ вѣр[illegible]ыхъ союзниковъ и въ полезныя

орудія для дальнѣйшихъ завоеваній. Сами итальянцы покорили для Рима Италію, и тѣ-же итальянцы завоевали впослѣдствіи подъ начальствомъ римскихъ полководцевъ весь образованный міръ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ распоряженіяхъ римскаго сената преобладалъ постоянно элементъ политическаго разсчета. Не увлекаясь чувствомъ ненависти и злорадства, сенатъ вовсе не хотѣлъ унижать, давить и порабощать побѣжденныхъ враговъ, въ содѣйствіи которыхъ онъ постоянно нуждался для расширенія своего господства. Одной силой оружія Римъ конечно не могъ держать въ повиновеніи всю Италію, а между тѣмъ только господство надъ военными силами Италіи могло доставить Риму побѣду надъ другими государствами. Поэтому сенатъ поневолѣ долженъ былъ предоставлять итальянцамъ коекакія права, заключать съ ними особыя условія и вообще воздерживаться въ отношеніи къ нимъ отъ тѣхъ грубыхъ проявленій насилія, которыя считались въ древности естественнымъ послѣдствіемъ побѣды. Располагая всѣми вооруженными силами Италіи, римская аристократія блистательнымъ образомъ выполнила свою задачу; она скрутила и обобрала весь тогдашній историческій міръ, въ томъ числѣ и своихъ собственныхъ соотечественниковъ, доблестныхъ гражданъ города Рима. Въ то время, когда римскіе легіоны покоряли и опустошали Азію, пауперизмъ въ Италіи и въ Римѣ былъ доведенъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, до какихъ врядъ-ли возвысилась даже современная Англія, находящаяся также подъ управленіемъ родовой и денежной аристократіи. «У дикихъ звѣрей,— говорилъ Тиверій Гракхъ,—есть пещеры, въ которыя они могутъ удаляться, а у людей, проливающихъ свою кровь за Италію, нѣтъ въ Италіи ничего, кромѣ солнечнаго свѣта и того воздуха, которымъ они дышатъ. Безъ постоянныхъ жилищъ они бродятъ по всей странѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Полководцы ихъ обманываютъ, когда они убѣждаютъ ихъ сражаться за могилы предковъ и за домашніе очаги. Развѣ хоть у одного изъ этихъ людей есть своя домашняя святыня и семейная гробница? Они дерутся и умираютъ только затѣмъ, чтобы поддерживать чужую роскошь. Ихъ называютъ владыками міра, а между тѣмъ у нихъ нѣтъ комка земли, который составлялъ-бы ихъ собственность.»

Весь государственный механизмъ Рима былъ приспособленъ къ завоевательной войнѣ; завоевательная война была необходима для того, чтобы поддержать въ механизмѣ порядокъ и стройность. Консулы только на то и годились, чтобы водить легіоны въ аттаку; сенатъ только тѣмъ и былъ замѣчателенъ, что умѣлъ ссорить между собою враговъ римской республики и награждать своихъ союзниковъ, обирая въ ихъ пользу своихъ противниковъ. Когда всѣ противники, которыхъ можно было покорить и обобрать, оказались покоренными и обобранными, когда всѣ враги римской республики превратились въ ея подданныхъ, тогда римское государственное устройство оказалось совершенно несостоятельнымъ и быстро обнаружило всѣ признаки полнаго разложенія. Въ Италію были снесены со всѣхъ сторонъ горы серебра, золота и всякихъ драгоцѣнностей; такого колоссальнаго и систематическаго грабежа не видѣлъ еще и по всей вѣроятности никогда больше не увидитъ міръ. «Гдѣ богатства тѣхъ народовъ,—говоритъ Цицеронъ въ своей рѣчи pro lege Manilia,—которые теперь доведены до нищеты? Странный вопросъ! Развѣ вы не видите, что Аѳины, Пергамъ, Кизикъ, Милетъ, Хіосъ, Самосъ, вся Азія, Ахаія, Греція, Сицилія свезены цѣликомъ въ наши загородные дворцы?» — Вмѣстѣ съ драгоцѣнностями римскіе генералы захватывали несмѣтныя массы невольниковъ; цѣлыя населенія продавались въ рабство, и такъ какъ число покупателей было очень ограниченно, то, разумѣется, дешевизна людей доходила до самыхъ комическихъ размѣровъ. Послѣ подвиговъ Лукулла въ Азіи раба можно было купить за четыре драхмы (меньше рубля серебромъ). Встрѣчаясь съ такими цифрами, читатель перестаетъ удивляться тому, что римляне тратили рабовъ на гладіаторскія игры, или тому, что Веллій Полліонъ кормилъ своихъ любимыхъ рыбъ живыми рабами. Это продовольствованіе рыбъ могло показаться Полліону выгоднымъ даже въ экономическомъ отношеніи, потому что, когда взрослый и здоровый человѣкъ цѣнится въ цѣлковый, тогда этотъ человѣкъ очевидно не имѣетъ даже значенія рабочей силы. Вытягивая изъ провинцій рабочее населеніе и платя за человѣка по четыре драхмы, римскіе олигархи этими поступками объявляли громогласно всему міру, что только они, олигархи, имѣютъ право жить на свѣтѣ и потреблять продукты человѣческаго труда; что необходимой должна считаться только та доля труда, которая удовлетворяетъ потребностямъ и прихотямъ олигарховъ, и что затѣмъ вся остальная масса наличной трудовой силы должна продаваться за безцѣнокъ, какъ вещь, совершенно излишняя и ни на что негодная *). Этимъ образомъ дѣйствій римская олигархія очевидно обрекла всѣ провинціи на голодную смерть и на запустѣніе. Придя къ такому поразительному политическому и экономическому абсурду, римская республика непремѣнно должна была погибнуть; вопросъ могъ состоять только въ томъ, погибнетъ-ли она одна, или-же погубитъ вмѣстѣ съ собой всѣ свои обширныя владѣнія.

*) Аристократы нашего времени, мальтузіанцы, говорятъ даже, что изобиліе рабочей силы очень вредно. Веллій Полліонъ оказывается благодѣтелемъ человѣчества.

Имперія рѣшила этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что погибнуть должны только одни отжившія республиканскія учрежденія.

Превращеніе республики въ имперію, или, другими словами, переходъ верховной власти отъ привилегированнаго сословія къ одной всесильной личности,—оказалось для провинцій истиннымъ благодѣяніемъ. Этого не отрицаетъ даже Тацитъ, несмотря на всю свою ненависть къ цезарямъ. Что благоразумные императоры не допускали въ провинціяхъ тѣхъ грабительствъ, которыми отличались аристократы республиканскихъ временъ,—это само собою разумѣется и никѣмъ не оспаривается. Но даже отъявленные негодяи, вродѣ Калигулы, Нерона или Домиціана, были для провинцій менѣе вредны и опасны, чѣмъ республиканская олигархія. Тиранія самыхъ звѣрообразныхъ императоровъ разыгрывалась только въ самомъ Римѣ и обрушивалась преимущественно на богатыхъ и знатныхъ людей. Провинціалы были очень довольны именно тѣми императорами, которые въ Римѣ пріобрѣли себѣ репутацію людоѣдовъ. Когда нѣкоторые губернаторы посовѣтовали Тиверію увеличить подати, наложенныя на провинціаловъ, Тиверій отвѣчалъ имъ, что «хорошій пастухъ долженъ стричь, а не обдирать своихъ овецъ». Домиціанъ, по словамъ Светонія, такъ искусно умѣлъ держать въ рукахъ провинціальныхъ губернаторовъ, что они въ его время отличались небывалымъ безкорыстіемъ и неслыханной честностью. Проконсулы временъ республики посылались въ провинціи на кормленіе, не получая отъ государства никакого жалованья и пользуясь совершенно неограниченной властью. Они обращались съ провинціей, какъ съ непріятельской страной, и никто не могъ требовать отъ нихъ отчета, кромѣ ихъ сообщниковъ и родственниковъ, засѣдавшихъ въ сенатѣ. Губернаторы временъ имперіи, напротивъ того, получили опредѣленные оклады жалованья, были снабжены инструкціями, ограничивавшими ихъ власть, и подчинены строгому надзору со стороны приближенныхъ людей императора, неимѣвшихъ ничего общаго съ аристократическимъ сословіемъ. Вся внутренняя политика императоровъ, хорошихъ и дурныхъ, постоянно была направлена къ тому, чтобы унижать жалкіе остатки старой сенаторской аристократіи. Лучшіе изъ императоровъ достигали этой цѣли тѣмъ, что предоставляли права гражданства провинціаламъ, или тѣмъ, что старались ограничить власть господъ надъ рабами. Худшіе деспоты просто душили и обирали богатыхъ аристократовъ, знаменитые предки которыхъ душили и обирали провинціаловъ. Тѣ факты, что Калигула произвелъ своего любимаго жеребца Инцитата въ сенаторы или что Домиціанъ созвалъ полное собраніе сената для обсужденія вопроса о рыбномъ соусѣ, оказываются вовсе не симптомами умственнаго разстройства, а, напротивъ того, очень злыми насмѣшками деспотовъ надъ обломками аристократіи, которая, окончивъ свою завоевательную задачу, потеряла смыслъ своего существованія и лишилась всѣхъ своихъ прежнихъ достоинствъ. Калигула и Домиціанъ нисколько не ошиблись въ своихъ современникахъ, предположивши въ нихъ способность глотать съ пріятной улыбкой всевозможныя оскорбленія, идущія сверху; извѣстно, что сенаторы Калигулы торжественно благодарили своего повелителя за ту честь, которая была оказана ихъ сословію производствомъ Инцитата. Извѣстно также, что сенаторы Домиціана произносили по вопросу о соусѣ длинныя, серьезныя и горячія рѣчи.—Удары цезарей сыпались большей частью на такія физіономіи, которыя умѣли выражать только одно подобострастное умиленіе.

Имперія убила аристократію, но сама не поставила на ея мѣсто никакой новой идеи, ничего, кромѣ полновластной личности, которая почти всегда оказывалась совершенно неблагонадежной и вела себя до крайности неприлично. Весь періодъ имперіи можетъ быть названъ продолжительнымъ разложеніемъ стараго римскаго механизма, приспособленнаго для завоевательной войны и пришедшаго въ совершенную негодность на другой-же день послѣ окончательной побѣды. Прекративши насильственнымъ образомъ безплодныя войны между цивилизованными націями древняго міра, римское господство произвело сближеніе враждовавшихъ народностей. Это сближеніе совершилось именно въ періодъ имперіи. Тутъ перемѣшались между собою и національности, и религіи, и философскія школы, и юридическія понятія, и сословія. Въ общемъ результатѣ получилась очень мутная помѣсь, изъ которой однако, при содѣйствіи варваровъ, выработались мало по малу новыя формы болѣе прочной и богатой цивилизаціи. Греческая философія распространилась по всей имперіи и подготовила превращеніе политеизма въ монотеизмъ. Матеріалы для этого превращенія нашлись въ самой миѳологіи грековъ и римлянъ, въ которой существовало съ незапамятныхъ временъ понятіе Судьбы, подчинявшей своему таинственному вліянію поступки и желанія людей и боговъ. Когда созрѣвающій человѣческій умъ началъ подмѣчать въ различныхъ явленіяхъ природы строгую правильность и неизмѣнное постоянство, тогда понятіе Судьбы постепенно выдвинулось на первый планъ, обрисовалось яснѣе, получило опредѣленные личные аттрибуты и превратило всю толпу боговъ и богинь въ безгласную и послушную толпу слугъ и служанокъ. Этому перевороту должно было въ значительной степени содѣйствовать то обстоятельство, что національные боги, не умѣвшіе защитить своихъ поклонниковъ отъ римскаго

оружія и склонившіеся передъ величіемъ Юпитера Капитолійскаго, потеряли въ глазахъ порабощенныхъ націй большую часть своего прежняго авторитета. Насколько римскій императоръ былъ сильнѣе мелкихъ національныхъ царей, настолько-же новый богъ долженъ былъ оказаться сильнѣе прежнихъ національныхъ боговъ. Когда въ Римъ сбѣжались съ разныхъ концовъ древняго міра десятки религій, тогда мелкое соперничество разнокалиберныхъ культовъ и жрецовъ пробудило въ очень многихъ умахъ стремленіе къ какому-нибудь болѣе широкому, высокому и чистому единству, которое положило-бы конецъ скандальнымъ жреческимъ интригамъ, рекламамъ, фокусамъ и ссорамъ. Философія въ періодъ имперіи приняла теологическое направленіе и, стараясь отыскать въ языческихъ миѳахъ высшій символическій смыслъ, выработала, подъ прикрытіемъ старыхъ именъ, новое монотеистическое ученіе. Видя передъ собою ту колоссальную деморализацію, которою римская имперія далеко превзошла всѣ остальныя историческія эпохи, философы очень добросовѣстно стремились къ тому, чтобы обновить и образумить общество вліяніемъ философскихъ доктринъ. Философы старались устроить какое то царство разума, въ которомъ верховная власть будетъ принадлежать мыслителямъ и въ которомъ всѣ люди будутъ добродѣтельны и счастливы, какъ кроткія и послушныя овцы. Чтобы ввести людей въ это царство благонравія и блаженства, философамъ надо было выработать и распространить сильную и убѣдительную нравственную доктрину, а для этого имъ непремѣнно надо было выдти въ ту или другую сторону изъ области метафизики, въ которой обрѣталась греческая философія послѣ своего разрыва съ господствующимъ политеизмомъ. Построить какую-бы то ни было нравственную доктрину можно только или на вѣрѣ, или на знаніи. Чтобы считать одни поступки обязательными, а другіе предосудительными, человѣкъ долженъ или воображать себѣ, что надъ нимъ есть высшая сила, посылающая ему награды и наказанія, или знать, посредствомъ точнаго изслѣдованія окружающей природы и собственнаго организма, что одни поступки приносятъ ему пользу, а другіе—вредъ. Знанія философовъ были такъ отрывочны и недостаточны, что на нихъ невозможно было построить нравственную и соціальную доктрину. Метафизика по своему обыкновенію привела всѣхъ искреннихъ мыслителей только къ систематическому сомнѣнію, превратившему наконецъ весь внѣшній міръ въ призракъ и въ обманъ чувствъ. Такими діалектическими тонкостями невозможно было дѣйствовать на массы и реформировать общественную жизнь. Поэтому когда философія почувствовала въ себѣ призваніе къ практической дѣятельности, тогда она поневолѣ откинулась назадъ, къ теологіи, и въ этой области остановилась на той доктринѣ, которая по своей раціональности стояла выше древнихъ миѳовъ и была болѣе способна внести въ общество единодушіе, порядокъ и нравственную чистоту. Философы и народныя массы встрѣтились въ своихъ стремленіяхъ на монотеизмѣ, и хотя смѣлыя надежды философовъ далеко не осуществились, однако тѣмъ не менѣе человѣчество вступило въ новую фазу своего историческаго развитія. Вмѣстѣ съ основной доктриной измѣнились по обыкновенію всѣ отрасли умственной дѣятельности, всѣ государственныя учрежденія и всѣ важнѣйшія формы общественной жизни. Здѣсь оканчивается древняя исторія и начинается средневѣковой періодъ, наполненный такими явленіями, о которыхъ древность не имѣла понятія.

XII.

Вѣрованія политеистовъ имѣли чисто національное значеніе; каждое отдѣльное политическое тѣло имѣло своихъ спеціальныхъ покровителей, которыхъ господство не распространялось на сосѣдей. Умилостивленіе этихъ національныхъ боговъ жертвоприношеніями и различными церемоніями составляло прямую обязанность существующаго правительства. Обѣ власти, духовная или теоретическая (pouvoir spirituel) и свѣтская или практическая (pouvoir temporel), во времена политеизма оставались неразлучными и сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ. Переходъ къ монотеизму разорвалъ древнюю связь, существовавшую между религіей и народностью. Верховное существо монотеистовъ уже не могло быть спеціальнымъ покровителемъ отдѣльнаго племени; это верховное существо сдѣлалось творцомъ и правителемъ всего міра, отцомъ и судьей всѣхъ людей, безъ различія національностей. Не имѣя никакого мѣстнаго или племенного характера, монотеизмъ можетъ сдѣлаться общей религіей многихъ народовъ, разбросанныхъ по различнымъ частямъ свѣта, управляющихся различными законами и составляющихъ множество независимыхъ политическихъ тѣлъ.

Единственной связью между этими различными народами окажутся ихъ общія вѣрованія; въ тѣ времена, когда теологическое міросозерцаніе безраздѣльно господствуетъ надъ умами людей, эта единственная связь имѣетъ очень важное значеніе; народы, связанные общими вѣрованіями, считаютъ себя до нѣкоторой степени членами одной общей семьи и противуполагаютъ себя всему остальному міру, который, по ихъ мнѣнію, коснѣетъ въ пагубномъ заблужденіи. У народовъ, связанныхъ единствомъ теософической доктрины, пробуждается конечно стремленіе поддерживать эту связь,

сохраняя въ чистотѣ первобытное ученіе и взаимно предостерегая другъ друга отъ такихъ нововведеній и умозаключеній, которыя такъ или иначе могутъ нарушить эту драгоцѣнную чистоту. Возникаетъ потребность совѣщаться или переписываться о религіозныхъ дѣлахъ; обнаруживается необходимость создать какую нибудь центральную власть, къ которой можно было-бы обращаться съ разныхъ сторонъ за рѣшеніемъ спорныхъ догматическихъ или дисциплинарныхъ вопросовъ. Словомъ, космополитическій характеръ монотеизма, при благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, естественнымъ образомъ приводитъ за собою учрежденіе такой власти, которая по возможности старается сдѣлать себя независимой отъ отдѣльныхъ національныхъ правительствъ. Когда національныя правительства сильны и и бдительны, тогда эти старанія оказываются неудачными; когда-же въ политическомъ мірѣ господствуетъ безпорядочная борьба личныхъ страстей и частныхъ интересовъ, тогда эти старанія увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, что́ и случилось дѣйствительно въ средневѣковой Европѣ, гдѣ, какъ извѣстно, космополитическая власть папъ впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій боролась съ національными правительствами за верховное господство.

Въ этой средневѣковой борьбѣ папъ съ императорами и съ королями Огюстъ Контъ усматриваетъ то раздѣленіе властей, которое, по его мнѣнію, должно сдѣлаться основаніемъ будущаго національнаго общественнаго устройства, примиряющаго въ себѣ всѣ разумныя требованія порядка и прогресса. Чтобы понять взглядъ Конта на раздѣленіе властей, надо сначала познакомиться съ его мнѣніями о тѣхъ обязанностяхъ, которыя нормально-организованное общество должно налагать на лучшихъ своихъ мыслителей. Философы древней Греціи мечтали о томъ, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ отрасли верховной власти; они полагали, что господство по всѣмъ правамъ должно принадлежать разуму, и что народъ будетъ счастливъ только тогда, когда его дѣлами будутъ завѣдывать самые геніальные и глубокомысленные изъ его соотечественниковъ. Къ этой мечтѣ греческихъ философовъ Контъ относится очень недоброжелательно. Онъ полагаетъ, что геніальный мыслитель въ большей части случаевъ оказался-бы очень посредственнымъ, или даже никуда негоднымъ администраторомъ. Фридрихъ II сказалъ однажды, что, еслибы онъ захотѣлъ разорить въ конецъ какую-нибудь провинцію, то предоставилъ-бы ея управленіе своимъ друзьямъ-философамъ. Упоминая мимоходомъ объ этихъ извѣстныхъ словахъ, Контъ говоритъ, что они превосходно выражаютъ собой чистѣйшую истину, потому что для занятія вседневными практическими дѣлами простое и трезвое благоразуміе гораздо полезнѣе, чѣмъ глубокомысліе и геніальность. Дѣло мыслителей—прокладывать новые пути, вырабатывать новые принципы, обогащать и освѣжать жизнь новыми руководящими идеями. Дѣло администраторовъ—идти по этимъ вновь проложеннымъ дорогамъ и прикладывать данныя общія идеи къ мелкимъ и случайнымъ обстоятельствамъ мѣста и времени. Мыслитель ищетъ общихъ законовъ и обращаетъ мало вниманія на частныя особенности изучаемыхъ явленій; администраторъ, напротивъ того, постоянно имѣетъ дѣло съ конкретными подробностями, отъ которыхъ въ большей части случаевъ зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ его распоряженій. Поэтому мыслителю, превратившемуся въ администратора, пришлось-бы насиловать свою природу, и еслибы даже ему удалось приневолить себя къ аккуратному и кропотливому выполненію мелкихъ практическихъ обязанностей, то во всякомъ случаѣ лучшая и драгоцѣннѣйшая часть его умственныхъ силъ осталась-бы неприложенной къ дѣлу и слѣдовательно пропала-бы даромъ для человѣчества. Кромѣ того въ правительствѣ, составленномъ изъ мыслителей, высшія мѣста все-таки ни въ какомъ случаѣ не достались-бы первоклассным геніямъ. Подвиги и силы тѣхъ геніевъ, которые дѣйствительно производятъ перевороты въ общественномъ сознаніи, большей частью не могутъ быть оцѣнены по достоинству современниками, именно потому, что геній слишкомъ далеко хватаетъ впередъ и слишкомъ рѣзко противурѣчитъ установившимся теоріямъ. Не умѣя понять геніальнаго мыслителя, современники видятъ въ немъ или безтолковаго фантазера, или вреднаго шарлатана; пониманіе начинается только тогда, когда многолѣтняя работа мыслителя приведена къ концу и разъяснена обществу другими мыслителями, менѣе даровитыми, чѣмъ первый мыслитель, но болѣе понятливыми, чѣмъ масса равнодушныхъ и недовѣрчивыхъ современниковъ. Когда это пониманіе становится всеобщимъ, тогда уже поздно призывать генія въ верховный совѣтъ, потому что геній уже умеръ или по крайней мѣрѣ превратился въ дряхлаго старика. Стало быть, правительство философовъ было-бы во всякомъ случаѣ правительствомъ философствующихъ посредственностей, неспособныхъ сдѣлать ничего великаго ни въ области мысли, ни въ области практической жизни. Наконецъ особенно важно то обстоятельство, что, присвоивъ себѣ господство надъ обществомъ и превратившись въ правительство, мысль тотчасъ начинаетъ слабѣть и развращаться; для того, чтобы сохранять всю свою силу и всю свою свѣжесть, мысль должна постоянно оставаться чисто-прогрессивной силой, вѣчно недовольной тѣмъ, что́ существуетъ, вѣчно критикующей

несовершенства настоящаго, вѣчно стремящейся къ болѣе полной и къ болѣе разумной жизни. Если мысль выйдетъ изъ этого положенія систематической оппозиціи, если она присвоитъ себѣ прямое господство, то она, подобно всякому другому правительству, проникается инстинктомъ самосохраненія и незамѣтнымъ образомъ, мало по малу, направитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы поддерживать тотъ порядокъ вещей и тотъ строй понятій, которые создали ея политическое могущество. Однимъ словомъ, еслибы греческіе философы успѣли осуществить свою мечту, то ихъ идеальное государство очень скоро превратилось-бы въ неподвижную теократію, систематически подавляющую внутри себя всякую самодѣятельность индивидуальной мысли.

Итакъ, стремленія греческихъ философовъ ошибочны. Спрашивается теперь, какимъ-же образомъ должно выражаться въ нормально-организованномъ обществѣ оплодотворяющее вліяніе сильной мысли?

Отвергая честолюбивыя мечты греческихъ философовъ, Контъ полагаетъ въ то-же время, что дѣйствительныя отношенія этихъ философовъ къ обществу были также совершенно ненормальны, именно потому, что эти философы дѣйствовали въ разсыпную и не имѣли никакого оффиціальнаго характера. По соображеніямъ Конта оказывается, что лучшіе мыслители даннаго общества должны составить изъ себя теоретическую власть, совершенно независимую отъ практической, но имѣющую, подобно всякому другому правительству, свою внутреннюю іерархическую организацію. Эта теоретическая власть должна завѣдывать воспитаніемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; то есть, внушивши подростающему поколѣнію извѣстныя понятія, чувства и стремленія, она должна своимъ постояннымъ вліяніемъ на общество и на отдѣльныя личности направлять своихъ бывшихъ воспитанниковъ къ неуклонному примѣненію усвоенныхъ идей къ дѣйствительной жизни.

Не трудно понять, что идея Конта объ организованной и независимой теоретической власти нисколько не лучше той мечты греческихъ философовъ, которую самъ-же Контъ разбиваетъ самыми побѣдоносными и неопровержимыми аргументами. Геніямъ приходится оставаться за штатомъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, потому что въ обоихъ случаяхъ высшія мѣста въ правительственной іерархіи будутъ доставаться не тѣмъ мыслителямъ, которые умнѣе остальныхъ, а тѣмъ, которые умѣютъ пріобрѣсти себѣ наиболѣе обширную извѣстность. Мысль, какъ здѣсь, такъ и тамъ, превратится въ консервативную силу и сдѣлается тормазомъ, вмѣсто того чтобы быть двигателемъ. Организованная іерархія Конта непремѣнно разовьетъ въ себѣ тѣ естественные инстинкты, которые свойственны всякому правительству, практическому или теоретическому,—разовьетъ ихъ именно потому, что она—организованная іерархія и слѣдовательно, подобно всякому другому организму, поставлена въ необходимость отстаивать прежде всего свое собственное органическое существованіе. Въ конечномъ результатѣ получилась-бы чистѣйшая теократія, или-же получился-бы чистый нуль, то есть независимая теоретическая власть, придуманная Контомъ, принуждена была-бы или захватить въ свои руки всѣ отрасли политическаго господства, или-же отказаться отъ своей независимости и подчиниться свѣтскому правительству. Двѣ независимыя верховныя власти не могутъ существовать рядомъ въ одномъ и томъ-же обществѣ; онѣ могутъ только бороться между собою, и борьба ихъ рано или поздно непремѣнно должна кончиться тѣмъ, что одна власть уничтожитъ и прогонитъ другую. Такъ точно было и въ средневѣковой Европѣ. Если-же Контъ при всей своей необыкновенной проницательности принялъ ожесточенную борьбу за полюбовное размежеваніе, то эту странную ошибку можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что Контъ, увлеченный своей собственной политической утопіей, постарался увидѣть въ исторіи оправданіе этой утопіи и, находясь въ этомъ далеко не безпристрастномъ настроеніи, повѣрилъ съ особеннымъ удовольствіемъ чувствительнымъ розсказнямъ католическихъ писателей, подобныхъ монсиньору Боссюэту и графу де-Местру. На этихъ двухъ изобрѣтателей Контъ дѣйствительно ссылается очень часто, причемъ онъ обыкновенно называетъ ихъ «l'illustre de Maistre», «le grand Bossuet».

XIII.

По мнѣнію Конта, великая политическая задача католицизма состояла въ томъ, чтобы, устраняя опасныя мечты греческой философіи о верховномъ господствѣ разума, доставить мыслителямъ правильное и постоянное вліяніе на теченіе общественныхъ дѣлъ.

«Вмѣсто того,—говоритъ Контъ,—чтобы увѣковѣчивать между людьми дѣла и людьми мысли печальную борьбу, которая должна была истощать самыя драгоцѣнныя силы человѣческой цивилизаціи, надо было устроить между ними постоянное соглашеніе, которое могло-бы превратить ихъ гибельный антагонизмъ въ полезное соперничество, единодушно направленное къ наилучшему удовлетворенію главныхъ общественныхъ потребностей; надо было по возможности назначить для каждой изъ двухъ великихъ силъ въ совокупности политической системы правильное участіе, со-

вершенно отдѣльное и независимое, хотя и направленное къ одной общей цѣли; надо было пристроить обѣ силы къ такому назначенію, которое соотвѣтствовало-бы ихъ характеристическимъ особенностямъ.» — Вслѣдъ затѣмъ читатель узнаетъ, къ крайнему своему удивленію, что католицизмъ побѣдилъ эту громадную трудность самымъ восхитительнымъ образомъ (de la manière la plus admirable) и что онъ, несмотря на множество препятствій, произвелъ то фундаментальное раздѣленіе властей, въ которомъ здравая философія, наперекоръ современнымъ предразсудкамъ, должна видѣть величайшее усовершенствованіе общественнаго организма.

Если мы отдадимъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ такое — практическая власть и что́ такое—теоретическая власть, то мы немедленно сообразимъ, что средневѣковой католицизмъ о раздѣленіи властей не имѣлъ и не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Практической властью называется та власть, которая собираетъ налоги, ведетъ войны, заключаетъ трактаты, издаетъ законы, чеканитъ монету, преслѣдуетъ преступниковъ и творитъ надъ ними судъ и расправу. Отличительный признакъ этой практической власти заключается въ томъ, что въ случаѣ надобности она можетъ и должна поддерживать вооруженной силой каждое изъ своихъ распоряженій или требованій. Теоретической властью, напротивъ того, можно назвать только ту силу, которая вырабатываетъ и формируетъ общественное мнѣніе. Такой силой можетъ быть только мысль, не имѣющая за собою никакихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ и дѣйствующая на общество исключительно своей собственной, внутренней разумностью и убѣдительностью. Раздѣленіе властей существуетъ только въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ мысль не терпитъ никакихъ преслѣдованій и не получаетъ никакого покровительства со стороны матеріальной силы, находящейся въ распоряженіи практической власти. На общеупотребительномъ политическомъ языкѣ раздѣленіе властей называется свободой мысли и свободой совѣсти. Такимъ раздѣленіемъ властей пользуются въ настоящее время только Англія и Америка. Но это раздѣленіе властей совершенно несовмѣстно съ какой бы то ни было *организаціей* теоретической власти. Всякая организація непремѣнно подчиняетъ волю отдѣльной личности волѣ начальника или рѣшенію большинства. Но что-же вы будете дѣлать, если найдется такая личность, которая захочетъ дѣйствовать по своему, не обращая вниманія ни на приказанія начальника, ни на рѣшенія своихъ товарищей?—Вы сдѣлаете одно изъ двухъ: или вы предоставите этой своенравной личности полную свободу, или-же вы употребите противъ нея матеріальную силу, которая переломитъ ея своенравіе какими-нибудь энергическими внушеніями, напримѣръ розгами, или тюремнымъ заключеніемъ, или смертной казнью. Въ первомъ случаѣ я осмѣлюсь спросить васъ: куда-же дѣвалась ваша организація, и на что же она нужна, если каждая отдѣльная личность дѣлаетъ въ области мысли все, что́ ей вздумается?—Во второмъ случаѣ вы мнѣ позволите спросить у васъ: куда дѣвалось раздѣленіе властей, и можно-ли называть вашу организованную власть *теоретической*, если она пускаетъ въ ходъ матеріальную силу? *Бичи*, *темницы*, *топоры* — развѣ это все *теоретическія* средства? Всѣ эти средства вы можете заимствовать только у практической власти, и всѣми этими средствами вы можете пользоваться только въ такомъ случаѣ, если это вамъ будетъ положительно разрѣшено практической властью. Значитъ, пользуясь этими средствами, вы ставите ваше sanctum sanctorum, вашу теоретическую святыню подъ покровительство практической власти; а кто требуетъ покровительства, тотъ, разумѣется, подчиняется контролю, потому что въ самомъ дѣлѣ гдѣже вы найдете такихъ полоумныхъ людей, которые, зажмуривъ глаза, согласились бы покровительствовать неизвѣстно чему? Стало быть, верховнымъ судьей въ дѣлѣ теоріи оказывается самымъ естественнымъ и неизбѣжнымъ образомъ практическая власть. Гдѣ-же послѣ этого ваша самостоятельность? Ясное дѣло, что надо выбирать одно изъ двухъ: или организацію, или независимость. Эти два условія взаимно исключаютъ другъ друга.

Контъ, какъ настоящій французъ, дорожитъ преимущественно единствомъ и порядкомъ; его смущаютъ и приводятъ въ негодованіе хаотическое разнообразіе и дерзкая пестрота личныхъ сужденій; онъ отзывается съ непритворнымъ отвращеніемъ объ *умственной анархіи* нашего времени; сокрушаясь надъ этой *анархіей*, въ которой нѣтъ ничего печальнаго и предосудительнаго, онъ очень мало заботится о сохраненіи независимости, и, разсуждая очень пространно и торжественно о раздѣленіи властей, самъ на каждомъ шагу, во имя единства и порядка, отступаетъ отъ этого основного принципа своей политической философіи. Непомѣрное пристрастіе Конта къ любезному единству и порядку внушаетъ ему пламенную нѣжность и глубокое уваженіе къ средневѣковой католической системѣ, которую онъ прямо называетъ *образцовымъ произведеніемъ политической мудрости* (le chef-d'oeuvre politique de la sagesse humaine); Контъ боится даже, что онъ, по недостатку мѣста, не успѣетъ достаточно передать читателю въ своемъ общемъ философскомъ трактатѣ то *глубокое восхищеніе*, которымъ онъ *уже давно проникнутъ* въ отношеніи къ основному плану средневѣковой общественности.

Контъ выражаетъ наконецъ ту мысль, что было-бы чрезвычайно полезно сосредоточить всѣ политическія разсужденія и споры между двумя главными направленіями, — католическимъ и положительнымъ; всѣ остальныя доктрины онъ сваливаетъ въ одну кучу и называетъ презрительнымъ именемъ протестантской метафизики; эта метафизика, по его мнѣнію, порождаетъ только безплодныя и безконечныя пренія, радикально враждебныя всякому здравому политическому плану. Но вслѣдъ затѣмъ Контъ тотчасъ-же признается, что положительную школу составляетъ въ данную минуту одна его собственная особа, изъ чего слѣдуетъ очевидное заключеніе, что бесѣдовать и спорить о политикѣ имѣютъ разумное право только графъ де-Местръ съ одной стороны и Огюстъ Контъ съ другой стороны. Такъ какъ обѣ компетентныя стороны питаютъ одинаково сильную любовь къ единству и къ порядку, то можно поручиться заранѣе, что свобода мысли будетъ задавлена во всякомъ случаѣ, какимъ бы результатомъ ни закончилась борьба между обожателями Пія IX и новымъ папой позитивизма. Къ счастью для современнаго человѣчества, такъ называемая протестантская метафизика, къ которой отнесены безъ разбора и Вольтеръ, и Фейербахъ, и Фурье, и Прудонъ,—вовсе не намѣрена подавать въ отставку и уступать поле сраженія *здравымъ политическимъ планамъ* графа де-Местра и Огюста Конта. Дѣло отрицанія далеко еще не кончено даже въ западной Европѣ; а когда начнется дѣло созиданія, то оно будетъ производиться вовсе не по тѣмъ планамъ, которые Контъ считаетъ здравыми. Политическія тенденціи Конта кладутъ ложный розовый колоритъ на всѣ средневѣковыя учрежденія, которыя онъ подвергаетъ тщательному и подробному анализу. Общій взглядъ Конта на средневѣковую систему совершенно невѣренъ; симпатіи его направляются къ тому политическому организму, который по мѣрѣ силъ своихъ поддерживалъ и упрочивалъ въ европейскихъ обществахъ нищету и тупоуміе. Несмотря на эти капитальныя ошибки Конта, его историческій анализъ заключаетъ въ себѣ множество чрезвычайно глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній. Даже тамъ, гдѣ онъ ошибается и приходитъ въ совершенный разладъ съ исторической истиной, онъ все-таки остается сильнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ, котораго заблужденія и натяжки оказываются болѣе интересными и поучительными, чѣмъ самыя безукоризненно вѣрныя словоизліянія добродѣтельныхъ, умѣренныхъ и аккуратныхъ либераловъ нашего времени.

Въ средневѣковомъ обществѣ было немыслимо то раздѣленіе властей, которое Огюсту Конту желательно въ немъ усматривать. Еслибы это раздѣленіе дѣйствительно существовало, то папы не имѣли бы ни малѣйшей возможности преслѣдовать и истреблять еретиковъ. Папы могли-бы дѣйствовать противъ нихъ только увѣщаніями и аргументами, а въ крайнемъ случаѣ—ругательствами и проклятіями; но такъ какъ еретики, по своему извѣстному упрямству, стали-бы навѣрное платить папамъ той-же монетой, то, разумѣется, знаменитое католическое единство очень быстро расползлось-бы въ разныя стороны, и средневѣковая Европа огорчила-бы великихъ организаторовъ де-Местра и Конта такой-же безпорядочной пестротой разнообразнѣйшихъ сектъ, какой украшается въ настоящее время Сѣверная Америка, не имѣющая ни малѣйшаго понятія о высокихъ прелестяхъ единства, системы и порядка. Папы въ самое цвѣтущее время своего могущества безпрестанно обращаются къ императору и къ королямъ за такими аргументами, которые всегда дѣйствуютъ на еретиковъ сильнѣе всякихъ увѣщаній, ругательствъ и даже проклятій. По приглашенію папъ свѣтская власть безпрестанно вѣшаетъ и сжигаетъ неугомонныхъ спорщиковъ то по одиночкѣ, то цѣлыми сотнями. Въ началѣ XIII вѣка самый могущественный изъ папъ, Иннокентій III, напускаетъ на южную Францію десятки тысячъ вооруженныхъ крестоносцевъ, которые жгутъ города, рѣжутъ людей, насилуютъ женщинъ и наконецъ всѣми этими подвигами благополучно возстановляютъ нарушенное единство католической системы, этого *образцоваго произведенія политической мудрости*. Немного позднѣе преемникъ Иннокентія III, Григорій IX, учреждаетъ инквизицію, которая начинаетъ неусыпно заботиться о поддержаніи великаго единства и поддерживаетъ его тѣмъ, что постоянно передаетъ заподозрѣнныхъ людей въ распоряженіе свѣтской власти, всегда имѣющей въ готовности весьма достаточное количество висѣлицъ и костровъ. Пока свѣтская или практическая власть находитъ для себя удобнымъ оказывать теоретической власти эти дружескія услуги, до тѣхъ поръ любезное Огюсту Конту единство кое-какъ держится, хотя постоянно трещитъ и скрипитъ то въ Англіи, то во Франціи, то въ Германіи. Какъ только предупредительная любезность практической власти истощается, такъ тотчасъ же разрушается великое единство и начинается ненавистное для Огюста Конта протестантское безобразіе. Ясно, кажется, что средневѣковая теоретическая власть держалась впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій не своимъ собственнымъ могуществомъ, не внутренней разумностью и убѣдительностью своей основной идеи, а только искусственной и чисто внѣшней поддержкой матеріальной силы, то есть практической власти. Есть-ли послѣ этого какая-нибудь возможность говорить серьезно о раздѣленіи властей?

Въ теоретическихъ трактатахъ очень легко и удобно раздѣлять то, что́ нераздѣлимо въ дѣй-

*

ствительной жизни. Но при всемъ томъ средневѣковые мыслители даже въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ никогда не думали провозглашать взаимную независимость обѣихъ властей. Одни изъ этихъ мыслителей поддерживали притязанія папъ, другіе отстаивали права императоровъ и королей. Первые были гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе вторыхъ. Первые объявляли очень откровенно, что папѣ принадлежитъ верховная власть надъ всѣми государями и надъ всѣми народами. Вторые превозносили божественныя права свѣтскихъ властителей, но въ то-же время никакъ не осмѣливались утверждать, что императоры и короли не обязаны повиноваться папамъ. Они просто обходили молчаніемъ щекотливый вопросъ о столкновеніяхъ между обѣими властями, совѣтовали государямъ уважать папу, какъ отца, и успокаивались на той обманчивой надеждѣ, что любовь и уваженіе будутъ устранять всякіе поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ. Эта нерѣшительность имперіалистовъ доказываетъ какъ нельзя лучше совершенную невозможность провести ясную пограничную черту между обѣими властями даже въ теоретическомъ разсужденіи. Клерикальная партія, напротивъ того, не обнаруживала никакихъ колебаній, именно потому, что раздѣленіе властей вовсе не входило въ ея разсчеты. Вся программа этой партіи была въ высшей степени проста и послѣдовательна: надо было безъ дальнѣйшихъ церемоній превратить императоровъ и королей въ папскихъ приказчиковъ, которыхъ папа могъ-бы по своему благоусмотрѣнію штрафовать и выгонять въ отставку. Эти стремленія папъ къ клерикальной диктатурѣ высказывались во всеуслышаніе, какъ самими папами, такъ и всѣми публицистами ультрамонтанскаго лагеря. Но поддерживать такія неумѣренныя притязанія послѣ скандальнаго раскола, совершившагося въ XV вѣкѣ, и въ особенности послѣ реформаціи было уже довольно затруднительно. Потерявши свое господство надъ умами довѣрчивыхъ массъ и нуждаясь для своего существованія въ милостивомъ покровительствѣ свѣтской власти, папы, изъ чувства самосохраненія, должны были предать благоразумному забвенію средневѣковыя теоріи о низложеніи императоровъ и о разрѣшеніи подданныхъ отъ присяги. Знаменитые діалектики и дипломаты католицизма, іезуиты, постарались соорудить новую теорію папской власти, приспособленную до нѣкоторой степени къ измѣнившимся условіямъ времени. Однако и въ этой новой теоріи, составленной нарочно для того, чтобы пощадить самолюбіе королей и народовъ, — обѣ власти остаются нераздѣленными, и папа попрежнему является верховнымъ судьей свѣтскихъ правителей. Различіе между старой и новой теоріей состоитъ только въ томъ, что Григорій VII и Иннокентій III *прямо* присвоивали папѣ свѣтскую власть, между тѣмъ какъ іезуиты, напротивъ того, считаютъ свѣтскую власть *косвеннымъ послѣдствіемъ* духовной власти. Вся разница заключается въ процессѣ доказательствъ, что-же касается до результатовъ, то въ нихъ не оказывается никакой перемѣны.

Изъ всего этого разсужденія получается тотъ очевидный результатъ, что короли совершенно самостоятельны... если только они безпрекословно повинуются папѣ. Если-же они выходятъ изъ повиновенія, то они, разумѣется, становятся тотчасъ вредными *для спасенія душъ*, превращаются въ рабовъ грѣха и слѣдовательно утрачиваютъ всякую возможность пользоваться самостоятельностью. Тогда, разумѣется, папа съ крайнимъ прискорбіемъ беретъ ихъ подъ свою спасительную опеку, какъ малолѣтнихъ или слабоумныхъ. Повидимому въ этой теоріи все обстоитъ совершенно благополучно, и *спасеніе душъ* обезпечено какъ нельзя лучше противъ всевозможныхъ враждебныхъ случайностей. Несмотря на всѣ эти достоинства, папа Сикстъ V нашелъ эту теорію столь оскорбительной для величія римскаго престола, что немедленно внесъ сочиненіе іезуита Беллармина въ списокъ тѣхъ вредныхъ и безнравственныхъ книгъ, которыхъ чтеніе запрещается послушнымъ дѣтямъ католической церкви. Несмотря на всѣ перевороты, совершившіеся въ политическомъ и въ религіозномъ мірѣ, Сикстъ V въ шестнадцатомъ столѣтіи не думалъ отказываться отъ притязаній своихъ великихъ предшественниковъ. «Мы возведены, — пишетъ онъ, — на верховный престолъ справедливости, и мы обладаемъ неограниченнымъ господствомъ надъ всѣми королями и государями земли, надъ всѣми народами не по человѣческому, а по божескому установленію.»

Если Контъ называетъ мечты греческихъ философовъ безразсудными, то онъ долженъ, выражаясь математическимъ языкомъ, назвать мечты средневѣковыхъ клерикаловъ безразсудными въ квадратѣ или въ кубѣ, потому что конечно ни Пиѳагоръ, ни Платонъ никогда не мечтали о томъ, что они обладаютъ или будутъ обладать неограниченнымъ господствомъ надъ всѣми государями и народами земли.

XIV.

Важнѣйшая заслуга католицизма, по словамъ Конта состояла въ томъ, что онъ, учредивши чисто-нравственную власть, ввелъ постепенно нравственность въ политику, въ которой господствовали до того времени грубая сила и своекорыстный разсчетъ. Контъ полагаетъ, что въ древнемъ мірѣ нравственность была подчинена политикѣ, между тѣмъ какъ въ новомъ мірѣ, напротивъ

того, политика подчиняется нравственности. Эту перемѣну Контъ приписываетъ католицизму. За нее католицизму стоило-бы дѣйствительно сказать большое спасибо, еслибы только эта перемѣна дѣйствительно была произведена. Но ничего похожаго на подобную перемѣну нельзя отыскать ни въ средневѣковой исторіи, ни въ новой исторіи, ни въ той самоновѣйшей исторіи, съ которой мы знакомимся по газетамъ. Гдѣ-жъ они, эти Аристиды и Катоны политическаго міра? Гдѣ они, эти добродѣтельные и безкорыстные администраторы, отказывающіеся, во имя высшихъ нравственныхъ принциповъ, отъ удобнаго случая поживиться за счетъ слабаго сосѣда клочкомъ земли или нѣсколькими милліонами военной контрибуціи? Вмѣсто ожидаемыхъ и требуемыхъ Аристидовъ и Катоновъ мы получаемъ двухъ Наполеоновъ, Луи-Филиппа, Меттерниха, Пальмерстона, Баха, Мантейфеля, Бисмарка, Шмерлинга, Гайнау, Радецкаго, Морни и обильную коллекцію разныхъ другихъ, столь-же миловидныхъ воплощеній современной политической добросовѣстности и деликатности. Всѣ эти свѣтила государственной мудрости оказали нѣкоторымъ сообразительнымъ людямъ XIX вѣка ту дѣйствительно капитальную услугу, что отбили у нихъ всякую охоту гоняться за тѣмъ неуловимымъ призракомъ отвлеченной нравственности, который къ сожалѣнію увлекалъ за собой Огюста Конта втеченіи всей его жизни. Сообразительные люди нашего времени поняли наконецъ, что справедливость водворится во всѣхъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ не тогда, когда всѣ жители нашей планеты проникнутся высокими добродѣтелями, а тогда, когда каждый нахалъ будетъ встрѣчать себѣ очень чувствительный отпоръ со стороны тѣхъ безотвѣтныхъ личностей, надъ которыми онъ во времена ихъ безотвѣтности привыкъ куражиться и озорничать. Поэтому сообразительные люди во всей Европѣ только о томъ и заботятся, чтобы положить конецъ овечьей безотвѣтности большинства и организовать достаточную силу отпора во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такая сила требуется условіями общественнаго механизма.

Въ современной политикѣ принципъ выгоды никогда не совпадаетъ съ принципомъ справедливости; частная жизнь въ малыхъ размѣрахъ представляетъ собой картину точно такого-же разлада. Глядя на эти явленія, одни мыслители умозаключаютъ, что принципы выгоды и справедливости по самой природѣ своей осуждены вести между собой вѣчную вражду; дойдя до такого убѣжденія, мыслители эти становятся на сторону справедливости и начинаютъ требовать отъ своихъ послѣдователей и отъ всѣхъ людей, чтобы они постоянно зарѣзывали свои собственныя выгоды на алтарѣ добродѣтели, нравственности и человѣколюбія. Если, разсуждаютъ мыслители, каждый человѣкъ во всякую данную минуту будетъ готовъ отдать ближнему послѣднюю рубашку, то, разумѣется, на свѣтѣ не будетъ ни голодныхъ, ни раздѣтыхъ, ни ограбленныхъ, ни избитыхъ людей. Разсужденіе очень основательное и добродушное,—но къ сожалѣнію бѣдные классы общества, какъ больные, чающіе движенія воды, ждутъ безуспѣшно почти двѣ тысячи лѣтъ, чтобы въ ихъ богатыхъ соотечественникахъ пробудилось эксцентрическое желаніе снимать съ себя въ пользу ближняго послѣднюю рубашку. Желаніе это не пробуждается, и люди до сихъ поръ постоянно производятъ сниманіе рубашекъ не надъ собой, а надъ своими безсильными и неопытными ближними, которые на юмористическомъ языкѣ филантроповъ называются младшими братьями. Въ виду такихъ выразительныхъ фактовъ, другіе мыслители, болѣе дальновидные, сообразили, что, если бѣднымъ классамъ общества надо будетъ для улучшенія своей участи ожидать терпѣливо, пока старшіе братья украсятся добродѣтелями,—то дѣло этихъ бѣдныхъ классовъ всего лучше будетъ теперь-же сдать въ архивъ съ полной увѣренностью, что оно рѣшится послѣ дождика въ четвергъ. Эти другіе мыслители поняли, что требовать отъ старшихъ братьевъ ненависти къ собственнымъ выгодамъ - значитъ требовать психологической невозможности и слѣдовательно — умышленно или неумышленно — увѣковѣчивать то положеніе вещей, благодаря которому процвѣтаетъ сниманіе рубашекъ, совершенно неспособное улучшить положеніе младшихъ, подвергающихся этому сниманію. Мыслители поняли, что принципъ выгоды въ настоящее время даетъ неудовлетворительные результаты только потому, что онъ недостаточно обобщенъ, и что огромное большинство—именно всѣ младшіе братья—по своему развитію и по своему положенію находятся въ невозможности руководствоваться въ жизни этимъ великимъ принципомъ. Если *каждый* будетъ постоянно стремиться къ своей собственной выгодѣ, и если *каждый* будетъ правильно понимать свою собственную выгоду, то конечно никто не будетъ снимать рубашку съ самого себя, но зато это добродѣтельное сниманіе окажется излишнимъ, потому что каждый будетъ отстаивать твердо и искусно собственную рубашку, и вслѣдствіе этого каждая рубашка будетъ украшать и согрѣвать именно то тѣло, которое ее выработало Такимъ образомъ если принципъ личной выгоды будетъ съ неуклонной послѣдовательностью проведенъ во всѣ отправленія общественной жизни, то каждый будетъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, и только тѣмъ, что́ принадлежитъ ему по самой строгой справедливости. Чѣмъ силь-

нѣе работаетъ мысль въ этомъ направленіи, тѣмъ сознательнѣе становится стремленіе къ личной выгодѣ,—тѣмъ искуснѣе и безобиднѣе производится полюбовное размежеваніе соприкасающихся интересовъ,—тѣмъ рѣшительнѣе обнаруживается вліяніе просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія на всѣ распоряженія практической власти, — и слѣдовательно тѣмъ неотразимѣе оказывается преобладаніе великихъ нравственныхъ принциповъ надъ мелкими политическими разсчетами. Всѣ эти превосходные результаты достигаются не искорененіемъ эгоизма, а, напротивъ того,—систематическимъ превращеніемъ всѣхъ гражданъ, съ перваго до послѣдняго, въ совершенно послѣдовательныхъ и правильно разсчитывающихъ эгоистовъ. При такомъ взглядѣ на вещи, нравственное воспитаніе отдѣльной личности или цѣлаго общества не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія; нравственное совершенствованіе оказывается только однимъ изъ неизбѣжныхъ послѣдствій умственнаго развитія: что́ содѣйствуетъ работѣ мысли, то возвышаетъ нравственность; что̀ притупляетъ умъ, то ведетъ къ нравственному паденію.

Контъ, при всемъ своемъ глубокомысліи, не съумѣлъ однако-же отдѣлиться отъ толпы тѣхъ рутинныхъ моралистовъ, которые уже Богъ знаетъ сколько вѣковъ ведутъ комическую борьбу съ человѣческимъ эгоизмомъ, то есть съ самымъ великимъ, плодотворнымъ и неистребимымъ свойствомъ нашей животной природы. Къ счастью для насъ, наши зоологическіе предки оставили намъ такую богатую закваску эгоистической силы, которая не поддается никакимъ морализаторскимъ попыткамъ и которая будетъ волновать и мучить личность и общество до тѣхъ поръ, пока коллективный умъ человѣчества не отыщетъ для нея широкаго и правильнаго исхода. Еслибъ не было у насъ этой неугомонной зоологической страстности, этой неутолимой жажды личнаго наслажденія, то спиритуалисты съ одной стороны и мальтузіанцы съ другой стороны давнымъ-давно успѣли-бы превратить въ кастратовъ огромное большинство нашей породы. Человѣчество спаслось отъ гибели на каждомъ шагу именно тѣми грубыми животными страстями, противъ которыхъ вооружаются средневѣковые моралисты и вмѣстѣ съ ними позитивистъ Контъ. Нравственная доктрина Конта обрисовывается очень ярко словомъ *альтрюизмъ*, которое онъ самъ придумалъ для того, чтобы, въ противоположность къ *эгоизму*, обозначить способность жить для другихъ —vivre pour autrui. Въ этой доктринѣ онъ сходится съ средневѣковымъ католицизмомъ, которому онъ и свидѣтельствуетъ свое почтеніе за мнимое проведеніе этой доктрины въ политическую жизнь. Но мораль Конта и его средневѣковыхъ друзей вытекаетъ изъ такого превратнаго взгляда на человѣческую природу, что каждая попытка приложить эту мораль къ дѣйствительности вовлекаетъ моралистовъ въ безвыходныя противорѣчія съ ихъ собственнымъ ученіемъ. Именно эти роковыя противорѣчія убили теоретическую власть средневѣковыхъ моралистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключались общественныя обязанности средневѣковаго аббата? Отказываясь отъ всякой личной выгоды и отъ всякаго личнаго наслажденія, отъ богатства, отъ власти, отъ комфорта, отъ почестей, отъ любви, отъ семейной жизни,—онъ долженъ былъ постоянно побуждать всѣхъ своихъ ближнихъ къ такимъ-же точно подвигамъ аскетическаго самоотреченія. Но у ближняго были свои собственныя понятія и тенденціи: ему хотѣлось наѣдаться до отвалу, напиваться до безчувствія, наслаждаться до изнеможенія и драться съ каждымъ подобнымъ себѣ буяномъ. Такими ближними были почти всѣ феодальные бароны, то есть именно тѣ люди, на которыхъ средневѣковому аббату было необходимо дѣйствовать, если только этотъ аббатъ относился серьезно къ своимъ обязанностямъ и чувствовалъ искреннее желаніе сколько-нибудь осмыслить и облагородить окружающую жизнь вліяніемъ своихъ возвышенныхъ нравственныхъ доктринъ. Но, чтобы господствовать надъ умами сильныхъ и богатыхъ буяновъ, чтобы не превратиться въ ихъ шута и лакея, аббату было необходимо или удивлять ихъ какими-нибудь сверхъестественными подвигами самоистязанія, или же стоять съ ними наравнѣ по своему богатству, по своему могуществу и по своему положенію въ обществѣ. Путь самоистязанія такъ узокъ и прискорбенъ, что на него вступало всегда самое незначительное меньшинство даже въ тѣ времена, когда аскетическое воодушевленіе принимало до нѣкоторой степени эпидемическій характеръ. Поэтому аббатамъ, чистосердечно преданнымъ своей доктринѣ, но не чувствовавшимъ въ себѣ присутствія факирскихъ наклонностей, приходилось поневолѣ стремиться къ богатству и къ разнымъ другимъ суетнымъ благамъ для того, чтобы этими благами поддерживать достоинство своего сана и вліяніе всей корпораціи на общественныя дѣла. Этимъ и начинался рядъ роковыхъ внутреннихъ противорѣчій. Аббатъ гнался за богатствомъ, чтобы доставить силу и вѣсъ такой доктринѣ, которая отъ своихъ адептовъ требуетъ презрѣнія къ богатству. Вслѣдствіе этого каждому желающему представлялся ежеминутно удобный случай уличать аббата въ вопіющемъ разладѣ между словами и поступками. Изъ этого перваго противорѣчія развивалось множество другихъ противорѣчій, еще болѣе крупныхъ и скандальныхъ. Въ средніе вѣ-

ка основаніе богатства и могущества заключалось въ обладаніи населенными землями. Аббаты и епископы превратились въ феодальныхъ бароновъ. Вступая во владѣніе, баронъ обязанъ былъ приносить присягу своему сюзерену, то есть тому высшему властителю, который считался настоящимъ собственникомъ даннаго помѣстья и которому баронъ обязанъ былъ помогать во время войны. Желая владѣть землею, аббаты и епископы должны были подчиняться тѣмъ условіямъ, съ которыми было связано это владѣніе. Они должны были являться по требованію сюзерена съ опредѣленнымъ числомъ вооруженныхъ людей, несмотря на то, что основная доктрина была совершенно враждебна не только наступательнымъ, но и оборонительнымъ войнамъ. Такъ какъ земли, находившіяся во владѣніи епископовъ и аббатовъ, принадлежали императору, королямъ, герцогамъ и разнымъ другимъ свѣтскимъ владѣтелямъ, то эти-же владѣтели присвоили себѣ право производить въ аббаты и въ епископы, кого имъ было угодно. Духовныя должности стали отдаваться придворнымъ любимцамъ или продаваться съ аукціоннаго торга. Въ X вѣкѣ случалось нерѣдко, что ребята 5—10 лѣтъ попадали по протекціи въ епископы. «Школьники и безбородые мальчишки,—пишетъ Бернаръ Клервальскій,—по знатности своего происхожденія, производятся въ церковныя должности и, выдерживая экзаменъ подъ ферулою учителя, радуются болѣе своему избавленію отъ розогъ, чѣмъ полученію епископскаго сана.» Эти явленія вытекали очень естественно изъ того обстоятельства, что епископы и аббаты владѣли обширными помѣстьями; а владѣніе это было необходимо для того, чтобы представители теоретической власти могли дѣйствовать на своихъ современниковъ. Между тѣмъ искренніе моралисты никакъ не могли переносить тѣхъ безобразій, которыя позволяла себѣ практическая власть, торговавшая духовными должностями и назначавшая въ епископы малолѣтнихъ ребятъ.

Для прекращенія этихъ безобразій понадобилось начать колоссальную борьбу между папствомъ и имперіей. Для достоинства клерикаловъ, для самостоятельности ихъ корпораціи, для утвержденія и распространенія ихъ доктрины—эта борьба была совершенно необходима, но въ то же время всякая борьба, всякія честолюбивыя стремленія, всякія воинственныя манифестаціи прямо противоположны духу и буквѣ ихъ основной доктрины. Клерикаламъ представлялась такимъ образомъ очень печальная дилемма: покориться свѣтской власти—значило обречь себя на безсиліе и деморализацію; а возстать противъ этой власти—значило нарушить самые основные законы той морали, которая составляетъ единственную raison d'être клерикальной корпораціи. Руководствуясь тѣмъ естественнымъ инстинктомъ самосохраненія, который живетъ въ каждомъ индивидуальномъ и коллективномъ организмѣ,—клерикальная корпорація выбрала второй путь. Этотъ путь привлекъ папство сначала къ высшей точкѣ его могущества, а потомъ—къ окончательной погибели, потому что противорѣчіе между доктриной и жизнью сдѣлалось очевиднымъ для самыхъ довѣрчивыхъ простаковъ. Борьба папства съ имперіей относится къ самому цвѣтущему времени средневѣкового католицизма; если въ католицизмѣ дѣйствительно существовало стремленіе подчинять политику нравственности, то это стремленіе должно было выразиться особенно сильно именно въ это время. Между тѣмъ оказывается, что весь этотъ періодъ наполненъ такой борьбой, которую, съ точки зрѣнія католической морали, надо признать за величайшую безнравственность. Папы пускаютъ въ ходъ противъ императоровъ и королей чистореволюціонныя средства, между тѣмъ какъ имъ, папамъ, было строго приказано повиноваться предержащимъ властямъ. Значитъ, политика преобладаетъ надъ нравственностью, вмѣсто того чтобы подчиняться ей. Дѣло дошло до того, что папа Урбанъ II уговорилъ принца Генриха, сына императора Генриха IV, взбунтоваться противъ отца и вести съ нимъ кровопролитную войну. То ожесточеніе, съ которымъ сынъ сталъ преслѣдовать отца, называлось на языкѣ папы *внушеніемъ свыше* и выполненіемъ божественной воли. Папы очевидно утвердились сразу очень прочно на томъ основательномъ разсужденіи, что цѣль оправдываетъ средства. Это разсужденіе дѣлаетъ величайшую честь ихъ политическимъ способностямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно отнимаетъ у насъ всякую возможность приписывать католицизму внесеніе нравственности въ политику, потому что иначе намъ пришлось-бы воздать такую-же точно похвалу Николаю Макіавелли и ордену іезуитовъ.

XV.

Втянувшись въ упорную борьбу съ императорами, великіе папы XII и XIII столѣтій сдѣлались предводителями политической партіи и стали поступать такъ, какъ поступаютъ вездѣ и всегда политическіе дѣятели. Папы постоянно дѣлали то, чего требовали отъ нихъ обстоятельства. Во всемъ своемъ поведеніи они обнаружили очень много искусства, энергіи, твердости и неустрашимости и очень мало добросовѣстности и нравственной разборчивости. Такъ напримѣръ, Григорій IX напалъ на сицилійскія владѣнія Фридриха II въ то время, когда Фридрихъ находился въ Палестинѣ и

слѣдовательно, въ качествѣ крестоносца, имѣлъ полнѣйшее право считать себя совершенно неприкосновеннымъ для всякаго христіанскаго государя. Иннокентій IV преслѣдовалъ того-же Фридриха съ такой страстной и неутомимой ненавистью, которая привела въ ужасъ добродушнаго Людовика IX, дѣлавшаго безуспѣшныя попытки помирить папу съ императоромъ. Послѣ смерти Фридриха Иннокентій сталъ проповѣдывать крестовый походъ противъ сына его, Конрада; примасъ Германіи, архіепископъ майнцскій, былъ отрѣшенъ отъ должности за то, что на воинственныя прокламаціи папы онъ осмѣлился отвѣчать словами Іисуса Христа: «вложи мечъ твой въ ножны!» Жизнь и доктрина разошлись между собой такъ далеко, что указанія на доктрину превратились въ политическія преступленія. Видя истребительныя наклонности папы, одинъ епископъ и одинъ аббатъ сговорились между собой зарѣзать Конрада. Послѣ смерти Конрада папа объявилъ себя опекуномъ его сына, двухлѣтняго Конрадина. Въ качествѣ опекуна, Иннокентій на-чисто обобралъ своего питомца, давши предварительно торжественное и публичное письменное обѣщаніе сохранить его права въ полной неприкосновенности. Преемники Иннокентія продолжали его политику, и дѣло кончилось тѣмъ, что Сицилія досталась французскому принцу, Карлу Анжуйскому, а Конрадинъ, которому папство торжественно обѣщало свое покровительство, погибъ на эшафотѣ по приказанію новаго сицилійскаго короля, возлюбленнаго сына римской церкви. Итакъ, преобладаніе нравственности надъ политикой оказывается чистѣйшимъ миѳомъ.

Убѣдившись въ политическомъ безсиліи средневѣковой морали, посмотримъ теперь, какія именно стороны этой нравственной доктрины привлекаютъ къ себѣ особенное сочувствіе Огюста Конта.

Прежде всего Конту очень нравится то, что средневѣковые моралисты проповѣдывали людямъ смиреніе. Контъ полагаетъ, что человѣческую гордость слѣдуетъ постоянно унижать какъ можно сильнѣе; онъ надѣется, что *новая общественная философія утвердитъ и даже усовершенствуетъ въ значительной степени этотъ важный отдѣлъ нравственнаго ученія*. Надежды Конта основываются на томъ обстоятельствѣ, что положительныя науки ежеминутно убѣждаютъ человѣка въ слабости и ограниченности его ума. Къ какимъ полезнымъ или пріятнымъ результатамъ приведетъ людей это постоянное униженіе гордости, этого Контъ не объясняетъ; но догадаться очень не трудно, почему смиреніе такъ дорого Конту. Тутъ дѣйствуетъ очевидно неистощимая любовь къ дисциплинѣ и къ субординаціи, которыя, какъ извѣстно, развертываются въ полномъ блескѣ именно тогда, когда забитыя, разоренныя и задавленныя массы утрачиваютъ всякое сознаніе своего человѣческаго достоинства. Тогда надъ милліонами смиренныхъ людей господствуетъ горсть такихъ личностей, къ которымъ проповѣдь смиренія вовсе не относится. Въ средніе вѣка моралисты умѣли смирять только тѣхъ, которые уже были слишкомъ достаточно смирены обстоятельствами жизни. На бароновъ, на рыцарей, на всѣхъ сытыхъ и пьяныхъ средневѣковыхъ буяновъ проповѣдь смиренія совсѣмъ не дѣйствовала. А каково было смиреніе самихъ проповѣдниковъ — это можно видѣть напримѣръ изъ слѣдующаго случая: въ 1063 году, въ праздникъ Рождества, фульдскій аббатъ въ Госларскомъ соборѣ подрался во время обѣдни съ гильдесгеймскимъ епископомъ изъ за рѣшенія вопроса о томъ, кому изъ нихъ сидѣть возлѣ примаса Германіи, архіепископа майнцскаго. Дѣло происходило въ присутствіи малолѣтняго короля, Генриха IV. Герцогъ баварскій помирилъ воинственныхъ прелатовъ, и побѣда осталась за аббатомъ. Но на слѣдующій годъ епископъ принялъ свои мѣры заблаговременно и въ Троицынъ день спряталъ въ алтарѣ отрядъ вооруженныхъ людей. Въ то время, когда разставляли кресла, эти воины кинулись на людей фульдскаго аббата и обратили ихъ въ бѣгство. Люди аббата воротились съ новыми силами, и въ церкви произошла кровопролитная свалка, причемъ проповѣдники смиренія,— аббатъ и епископъ, оба ободряли бойцовъ воинственными жестами и восклицаніями.

Далѣе Конту очень нравятся суровыя отношенія средневѣковой морали къ самоубійству, на которое древніе философы смотрѣли съ большимъ уваженіемъ. Въ самоубійствѣ конечно нѣтъ ничего похвальнаго и полезнаго для общества, но такъ какъ каждый человѣкъ очень достаточно защищенъ противъ самого себя инстинктомъ самосохраненія и такъ какъ вслѣдствіе этого самоубійство всегда и вездѣ бываетъ чрезвычайно рѣдко, то нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній придавать особенно важное значеніе суровымъ или снисходительнымъ взглядамъ моралистовъ на это преступленіе. Самоубійцами дѣлаются обыкновенно или помѣшанные, или неизлечимо больные, или осужденные на смерть. Во всѣхъ этихъ людяхъ общество почти ничего не теряетъ или по крайней мѣрѣ теряетъ только то, чтó оно само готовилось у себя отнять. Но Контъ возмущается въ самоубійствѣ не тѣмъ реальнымъ убыткомъ, который наносится обществу, а преимущественно фактомъ неповиновенія, непозволительнымъ нарушеніемъ должной субординаціи. Поэтому онъ выражаетъ надежду, что при господствѣ положительной философіи самоубійство будетъ осуждаться еще строже, и что это осужденіе окажется вполнѣ дѣйстви-

тельнымъ, несмотря на то, что позитивиста уже нельзя будетъ пугать загробными мученіями. Здѣсь намъ представляется превосходный случай измѣрить всю колоссальность того деспотизма, которому, по мнѣнію Конта, можно и должно подчинять людей для ихъ-же собственнаго благополучія. Контъ говоритъ, что «люди должны быть непобѣдимо привязаны къ жизни, такъ чтобы они не могли избавлять себя отъ ея мучительныхъ послѣдствій внезапной катастрофой, предоставляющей каждому опасную способность уничтожать по своему произволу ту необходимую реакцію, которую общество разсчитывало на него произвести». Слова *необходимая реакція* очевидно обозначаютъ наказаніе, на столько тяжелое, что виновный предпочитаетъ ему лишеніе жизни. Преступникъ, поставленный въ такое положеніе, видитъ въ обществѣ своего злѣйшаго врага; между преступникомъ и обществомъ порваны всѣ связи; нѣтъ мѣста для другихъ чувствъ, кромѣ взаимной ненависти; чтобы вырваться изъ рукъ своего неумолимаго преслѣдователя, преступникъ прибѣгаетъ къ самому отчаянному средству. И въ эту-то минуту, когда человѣкъ, отвергнутый обществомъ, бросаетъ ему свое послѣднее проклятіе, въ эту минуту Контъ считаетъ возможнымъ тотъ шансъ, что преступника удержитъ уваженіе къ господствующему суровому взгляду на самоубійство. Для того чтобы этотъ шансъ былъ дѣйствительно возможенъ, надо систематически съ самой колыбели превращать человѣка въ автомата, который будетъ не только поступать, но даже чувствовать и думать исключительно такъ, какъ того требуютъ законы и обычаи даннаго общества. Такая дрессировка составляетъ для Конта вѣнецъ его желаній. Онъ желаетъ этой дрессировки не для того, чтобы уничтожить самоубійства; напротивъ того, уничтоженіе самоубійствъ имѣетъ въ его глазахъ огромную важность именно потому, что оно выражаетъ собою полный успѣхъ дрессировки. Личность выдрессирована такъ, что прививныя чувства и мысли становятся сильнѣе естественныхъ инстинктовъ, и что страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ продолжаетъ дѣйствовать тогда, когда разорваны всѣ связи съ обществомъ и когда уже замолчалъ даже голосъ самосохраненія. Выше этого идеала не поднимался еще ни одинъ теоретикъ деспотизма въ цѣломъ мірѣ.

Какъ рѣшительный противникъ эмансипаціи женщинъ, Контъ восхищается тѣми отношеніями, которыя установила между обоими полами средневѣковая мораль. Контъ съ особеннымъ удовольствіемъ настаиваетъ на томъ обстоятельствѣ, что католицизмъ, устраняя женщину отъ священнодѣйствія, къ которому ихъ допускала отчасти классическая древность,— стремится такимъ образомъ привязать женщинъ къ домашнему очагу, на которомъ и должны сосредоточиваться всѣ ихъ помышленія и вся ихъ дѣятельность. Отведя женщинамъ ихъ настоящее мѣсто, католицизмъ, по мнѣнію Конта, значительно улучшилъ ихъ общественное положеніе и доставилъ имъ со стороны мужчинъ то уваженіе, которое составляетъ выдающуюся черту въ рыцарскихъ нравахъ. Средневѣковая жизнь дѣйствительно произвела въ судьбѣ женщинъ довольно важныя улучшенія, но эти улучшенія не могутъ быть приписаны католицизму, который вообще относился къ женщинѣ очень сурово и презрительно. Средневѣковые моралисты любили попрекать своихъ современницъ грѣхомъ неосмотрительной Еввы и совѣтовали имъ очень серьезно оплакивать, не осушая глазъ, тотъ поступокъ легкомысленной прародительницы, благодаря которому человѣчество утратило свое первобытное блаженство. Строгіе моралисты утверждали также, что женщины, унаслѣдовавъ отъ Еввы ея легкомысліе, составляютъ и будутъ составлять постоянно самое серьезное препятствіе на пути человѣчества къ нравственному совершенству и къ вѣчной жизни. Изъ такого суроваго взгляда на женщину никакъ не могло развиться чувство почтительной и страстной рыцарской любви. Это чувство и не развилось-бы никогда, если бы католическая мораль не нашла себѣ рѣшительнаго противувѣса въ характерѣ германской расы. При какихъ условіяхъ сформировался этотъ характеръ, мы не знаемъ, но достовѣрно извѣстно то, что уваженіе къ женщинѣ встрѣчается въ древнѣйшихъ германскихъ легендахъ и законахъ, сложившихся задолго до вторженія германцевъ въ предѣлы Римской имперіи. По баварскимъ законамъ за оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, платится болѣе высокій штрафъ, чѣмъ за оскорбленіе мужчины, потому, говоритъ законъ, что женщина не можетъ сама защитить себя оружіемъ. Кто пожметъ свободной женщинѣ палецъ или руку, тотъ, по салическому закону, долженъ заплатить 15 солидовъ золота (около 375 рублей) кто пожметъ женщинѣ руку выше локтя, — платитъ вдвое (Laurent. «Les barbares et le catholicisme», p. 36). Скандинавскія саги заключаютъ въ себѣ множество эпизодовъ самой почтительной любви между сильными королями съ одной стороны и простыми пастушками съ другой стороны. Все это такіе задатки, изъ которыхъ рыцарскимъ нравамъ вовсе не трудно было развиться. Здѣсь и также во многихъ другихъ случаяхъ Контъ обращаетъ слишкомъ мало вниманія на характеръ расы, помимо котораго невозможно составить себѣ ясное понятіе о средневѣковыхъ идеяхъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ.

Воздавши католицизму должную дань уваженія за привязываніе женщинъ къ домашнему очагу, Контъ выражаетъ надежду, что эмансипаторскія попытки ашего времени потерпятъ

полнѣйшую неудачу, и что подъ господствомъ позитивизма женщины всѣхъ классовъ общества будутъ предаваться исключительному исполненію высокихъ обязанностей супруги и матери. Люди, желающіе обезпечить за женщинами экономическую дѣятельность, обыкновенно указываютъ барынямъ и барышнямъ на кухарокъ и прачекъ, умѣющихъ добывать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Контъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ указываетъ прачкамъ и кухаркамъ на барынь и барышень, которыя навѣрное никакъ не ожидали и не надѣялись превратиться для кого бы то ни было въ образецъ, достойный подражанія. Контъ говоритъ съ своей обыкновенной серьезностью и торжественностью, что «въ высшихъ классахъ общества женщины могли съ большимъ удобствомъ слѣдовать своему истинному назначенію и вслѣдствіе этого должны нѣкоторымъ образомъ сдѣлаться естественнымъ типомъ, къ которому со временемъ будутъ по возможности стремиться съ разныхъ сторонъ всѣ другія формы женскаго существованія». Итакъ, всѣмъ женщинамъ предписывается, во имя положительной философіи, стремиться къ благородной праздности, которая, по изслѣдованіямъ Конта, оказывается необходимой для безукоризненнаго выполненія высокихъ обязанностей супруги и матери. Супруга, какъ извѣстно, должна своимъ сознательнымъ сочувствіемъ подкрѣплять и ободрять своего мужа, работающаго на пользу общества и обязаннаго твердо стоять за то, что̀ онъ считаетъ правдой. Мать, какъ извѣстно, должна пріучать своихъ дѣтей къ труду и къ честному пониманію человѣческихъ и гражданскихъ обязанностей. По теоріи Конта оказывается, что хорошей супругой и хорошей матерью будетъ только та женщина, которая сама никогда не трудилась, никогда не принимала никакого участія въ общественной жизни, не несла на себѣ никакой серьезной обязанности и не умѣла полюбить дѣятельной любовью ни одной великой идеи. Такая женщина особенно способна дѣлить со своимъ мужемъ его заботы, способна потому, что сама не имѣетъ объ этихъ заботахъ никакого понятія. Такая женщина особенно способна внушить своему сыну любовь къ труду, способна потому, что сама не оскверняла своихъ нѣжныхъ рукъ никакой работой. Такая женщина особенно способна воодушевить мужа, брата или сына на смѣлое и честное выполненіе великаго гражданскаго долга, способна потому, что сама безраздѣльно погружалась мыслью и чувствомъ въ повѣрку копѣечныхъ счетовъ, представляемыхъ кухарками, прачками, портнихами и обойщиками.

Далѣе Контъ восхищается тѣмъ, что католицизмъ освятилъ неразрушимость брака. Эта неразрушимость,—разсуждаетъ Контъ,—превосходно соотвѣтствуетъ истиннымъ потребностямъ нашей природы; безъ этой неразрушимости «наша краткая жизнь потратилась-бы на безконечный и обманчивый рядъ плачевныхъ попытокъ». Опасность *потратить* на глупости *краткую жизнь* обусловливается такими общественными явленіями, надъ которыми самая возвышенная нравственная доктрина не можетъ имѣть ни малѣйшаго контроля. Устранить эту опасность католицизмъ былъ не въ силахъ. Въ самомъ дѣлѣ, тратить жизнь на *плачевныя попытки*, то есть устраивать свадьбы и разводы по нѣскольку разъ въ годъ, могутъ только тѣ мужчины и женщины, которые не имѣютъ никакихъ серьезныхъ занятій и обязанностей и которые живутъ на всемъ на готовомъ, присвоивая себѣ и поглощая въ изобиліи продукты чужого труда. Кто самъ зарабатываетъ себѣ пропитаніе, тому некогда бѣгать по городамъ и селамъ для пріобрѣтенія новыхъ интересныхъ знакомствъ, способныхъ повести за собою *плачевную попытку*. Кто занятъ съ утра до вечера серьезными заботами, тотъ ищетъ себѣ серьезнаго сочувствія, а не гаремныхъ развлеченій, годныхъ только для тѣхъ людей, которые съ утра до вечера страдаютъ болѣзненной скукой тунеядца. *Плачевныя попытки* для трудящагося человѣка были-бы положительно непріятны, еслибы даже онѣ были возможны, то есть, еслибы даже у него было на то достаточно свободнаго времени. Работникъ, какъ человѣкъ, принужденный смотрѣть на жизнь серьезно, умѣетъ цѣнить дружбу и вносить элементъ дружбы во всѣ свои отношенія къ близкимъ и симпатичнымъ ему людямъ; при такихъ условіяхъ о *плачевныхъ попыткахъ* нечего и заикаться, потому что всякому извѣстно, что старый другъ лучше новыхъ двухъ и что никому никогда не приходило въ голову разорвать сношенія съ вѣрнымъ и испытаннымъ другомъ изъ любви къ разнообразію или вслѣдствіе неопредѣленной надежды отыскать себѣ новаго друга, еще болѣе доброкачественнаго. Слѣдовательно, если мы видимъ, что въ какомъ-нибудь обществѣ господствуетъ наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, то причину этого уродливаго явленія мы должны искать никакъ не въ томъ, что данное общество не обсыпано благодѣяніями средневѣковой морали. Причину надо искать гораздо глубже, въ экономическомъ и соціальномъ строѣ даннаго общества. Лечить это общество надо также не регламентаціей половыхъ отношеній, а радикальными экономическими преобразованіями. Прежде всего надо замѣтить, что *плачевнымъ попыткамъ* нигдѣ и никогда не можетъ предаваться все населеніе страны сверху до низу. *Плачевныя попытки*—занятіе барское, доступное только самому незначительному меньшинству, и чѣмъ ярче обозначается наклонность къ *плачев-*

нымъ попыткамъ, тѣмъ незначительнѣе по своему числу то меньшинство, которое имъ предается. Проще и яснѣе, — чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣляются богатства, тѣмъ сильнѣе свирѣпствуетъ развратъ, потому что съ одной стороны меньшинство, желая разогнать свою скуку, требуетъ себѣ птичьяго молока и пускается во всякія затѣи, а съ другой стороны большинство, постоянно имѣя передъ собою перспективу голодной смерти, оказывается въ высшей степени способнымъ питать всевозможныя затѣи своей собственной плотью и кровью. Словомъ, меньшинство выдвигаетъ купцовъ, а большинство поставляетъ товаръ. Когда историкъ говоритъ о господствѣ *плачевныхъ попытокъ* въ данномъ обществѣ, то онъ при этомъ постоянно имѣетъ въ виду только меньшинство, которое такимъ образомъ играетъ роль *всего общества*, отбрасывая массу націи на самый задній планъ, — туда, куда историку дѣйствительно незачѣмъ и заглядывать, потому что въ этихъ сферахъ жизнь и движеніе мысли остановились и оцѣпенѣли подъ гнетомъ нужды и непомѣрнаго воловьяго труда. Настоящее зло именно и состоитъ въ тяжеломъ положеніи массъ.. Изъ этого основного зла развивается множество всякихъ нарывовъ и прыщей, которые могутъ служить для историка драгоцѣнными симптомами существующей болѣзни, но которые никакъ не допускаютъ отдѣльнаго или частичнаго леченія. Однимъ изъ этихъ второстепенныхъ нарывовъ оказывается наклонность къ *плачевнымъ попыткамъ*, — наклонность, которая устоитъ противъ всякой возвышенной морали и погибнетъ только тогда, когда та или другая реформа нанесетъ рѣшительный ударъ сложному механизму, парализующему производительность народнаго труда. Когда не будетъ тунеядцевъ, тогда не будетъ и пороковъ, развивающихся изъ тунеядства. Что-же касается до запрещенія разводовъ, то оно никакимъ образомъ не можетъ положить конецъ *плачевнымъ попыткамъ*, потому что настоящіе любители такихъ *попытокъ* всего менѣе заботятся о томъ, чтобы принимать насебя какія нибудь обязательства. Развода можетъ желать только такой человѣкъ, который, будучи связанъ съ одной особой, полюбилъ серьезно другую и вслѣдствіе этого считаетъ необходимымъ дать этой другой прочное общественное положеніе. Напротивъ того, люди, забавляющіе себя разнообразіемъ, не имѣютъ никакой причины добиваться развода, потому что брачныя узы никогда не мѣшали любовнымъ шалостямъ и даже придавали этимъ шалостямъ всю прелесть запрещеннаго плода, особенно привлекательнаго для скучающихъ тунеядцевъ.

Контъ утверждаетъ, — по поводу неразрушимости брака, — что огромное большинство нашей породы состоитъ изъ безцвѣтныхъ личностей, для которыхъ полная самостоятельность даже обременительна и которымъ гораздо удобнѣе подчиняться неодолимой необходимости и жить по предписанной программѣ, чѣмъ выбирать себѣ дорогу и составлять планъ дѣйствій собственнымъ умомъ. Это разсужденіе показываетъ ясно, что неразрушимость брака является только одной крошечной частицей той благодѣтельной опеки, которая, по мнѣнію Конта, должна осчастливить безцвѣтное большинство. Какъ неразрушимость брака, такъ и запрещеніе самоубійства особенно драгоцѣнны Конту именно потому, что обозначаютъ собою искорененіе личнаго своеволія и торжество спасительной субординаціи. Безцвѣтность большинства служитъ оправданіемъ опеки, но само собою разумѣется, что опека въ свою очередь будетъ поддерживать, упрочивать и даже усиливать эту безцвѣтность, великодушно снимая съ безцвѣтныхъ людей тяжелую обязанность задумываться надъ задачами жизни. Такимъ образомъ опека и безцвѣтность будутъ взаимно увѣковѣчивать другъ друга, и атрофія головного мозга сдѣлается одной изъ важнѣйшихъ причинъ прочнаго человѣческаго благосостоянія, подобно тому, какъ атрофія ногъ считается у китайцевъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій физической красоты.

Наконецъ Контъ объяснилъ намъ, что католицизмъ замѣнилъ энергическій, но дикій патріотизмъ древнихъ болѣе возвышеннымъ чувствомъ человѣколюбія или всеобщаго братства. Вслѣдъ затѣмъ Контъ оговаривается на счетъ религіозныхъ антипатій, которыя на самомъ дѣлѣ значительно стѣсняли проявленіе доброжелательныхъ чувствъ. Эта оговорка Конта почти совершенно уничтожаетъ его главную мысль. Если положить на одну чашку вѣсовъ всю массу ненависти, порожденной и взлелѣянной католицизмомъ, а на другую — всю массу любви, выработанной имъ-же, то по всей вѣроятности первая чашка перетянетъ. О крестовыхъ походахъ и обо всѣхъ другихъ войнахъ съ сарацинами и съ сѣверными язычниками говорить незачѣмъ; эти войны могли быть порождены національной ненавистью и политической необходимостью; хотя въ такомъ случаѣ онѣ, разумѣется, не имѣли бы того истребительнаго характера, который былъ имъ приданъ вліяніемъ католицизма. Гораздо важнѣе отношенія средневѣковыхъ европейцевъ къ евреямъ, которые жили съ ними рядомъ, въ однихъ и тѣхъ же городахъ, и которые конечно могли-бы слиться съ ними, войти въ составъ отдѣльныхъ европейскихъ націй и превратиться въ полезныхъ и счастливыхъ гражданъ, еслибы ихъ не преслѣдовала религіоз-

ная ненависть католиковъ, поощряемыхъ сентенціями соборовъ и пастырскими посланіями папъ и епископовъ. Еще важнѣе отношенія католиковъ къ еретикамъ; здѣсь католицизмъ является прямо силой, разрывающей всѣ гражданскія и родственныя связи; здѣсь католицизмъ вооружаетъ одну половину народа противъ другой; здѣсь онъ превращаетъ своихъ адептовъ въ шпіоновъ, доносчиковъ и палачей; словомъ, здѣсь онъ производитъ на свѣтъ такое нравственное безобразіе, о которомъ классическая древность не имѣла понятія. Шпіоны, доносчики и палачи были конечно и въ Греціи, и въ Римѣ, но тамъ занимались этими дѣлами люди, продавшіе свою совѣсть за наличныя деньги; на нихъ такъ и смотрѣли даже тѣ особы, которыя пользовались ихъ услугами. Католицизмъ, напротивъ того, выдумавши новое преступленіе *ересь*, ухитрился превратить доносы и пытки въ доблестные подвиги и въ священную обязанность. Инквизиторы очень серьезно считали себя благодѣтелями человѣчества, а несчастные люди, поддерживавшіе дѣятельность инквизиторовъ своими доносами, совершенно искренно были убѣждены въ томъ, что исполняютъ важнѣйшій долгъ честнаго человѣка. Если мы примемъ въ соображеніе, что ереси возникали и плодились въ каждомъ городишкѣ или мѣстечкѣ, и что при всеобщей напуганности ревностныхъ католиковъ ересью могло показаться имъ каждое неосторожное слово, произнесенное сдуру или съ-пьяну, то мы поймемъ, что чувства ненависти и взаимнаго недовѣрія, порожденныя ежедневными усиліями проповѣдниковъ и моралистовъ, должны были совершенно заглушать чувство общаго человѣколюбія, предписанное буквою и духомъ основной доктрины. Не мѣшаетъ также припомнить здѣсь и ту знаменитую вражду между гвельфами и гибеллинами, которая родилась и выросла подъ вліяніемъ вѣковой борьбы папства и имперіи. Здѣсь не было даже и догматическаго разногласія. Здѣсь папа, какъ глава политической партіи, пользовался противъ своихъ *политическихъ* противниковъ тѣмъ оружіемъ, которое онъ, какъ глава церкви, имѣлъ право употреблять только противъ враговъ религіи. Все это приносило очень мало пользы нравственному совершенствованію европейцевъ, но все это вытекало самымъ логическимъ образомъ изъ основныхъ свойствъ той системы, которую Контъ называетъ le chef-d'oeuvre politique de le sagesse humaine. Если существуетъ *организованная* теоретическая власть, то она должна заботиться о своемъ самосохраненіи и вслѣдствіе этого должна, отложивъ въ сторону нравственную разборчивость, бить своихъ враговъ всѣмъ тѣмъ, что попадается ей подъ руку, то есть всѣмъ тѣмъ, что человѣческая глупость оставляетъ въ ея распоряженіи. Отъ такой власти, которая ежеминутно борется за свое существованіе, смѣшно даже и требовать, чтобы она развивала въ своихъ приверженцахъ чувство всеобщаго человѣколюбія. Эта власть прежде всего постарается превратить своихъ приверженцевъ въ солдатъ, готовыхъ биться за нее на жизнь и на смерть во всякую данную минуту съ кѣмъ бы то ни было и какими бы то ни было, честными или безчестными, средствами. Того требуетъ логика вещей, и слѣдовательно о всеобщемъ человѣколюбіи нечего и думать, потому что этому чувству можетъ научить людей только свобода, посвященная разумному и общественному труду.

Католическое милосердіе, по мнѣнію Конта, даетъ людямъ самое лучшее средство облегчать по возможности страданія, неизбѣжныя въ общественной жизни и относящіяся преимущественно къ распредѣленію богатствъ. Этому трогательному милосердію Контъ съ горечью противуполагаетъ тѣ *чисто матеріальныя или политическія мѣры, безсильныя и тиранническія и способныя повести за собою самыя тяжелыя общественныя потрясенія*, — словомъ, тѣ мѣры, къ которымъ желаютъ прибѣгнуть безразсудные соціалисты. Само собою разумѣется, что католики оказываются несравненно мудрѣе и добродѣтельнѣе соціалистовъ, и что позитивистамъ предписывается подражать католикамъ. Рѣшеніе задачи о голодныхъ людяхъ возлагается на будущую теоретическую власть, которая дастъ богачамъ превосходное нравственное воспитаніе и обяжетъ ихъ такимъ образомъ осыпать бѣдное человѣчество всевозможными благодѣяніями. Это наивное рѣшеніе, эта апологія богадѣленъ, милостыни и нищенства показываетъ ясно, что Контъ не имѣлъ никакого понятія о тѣхъ простѣйшихъ законахъ, по которымъ совершаются въ обществѣ движеніе и накопленіе продуктовъ труда. И еслибы контовскія идеи были проведены въ жизнь, то онѣ дали-бы совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ ожидалъ отъ нихъ Контъ. Но нетрудно понять, что эти идеи неприложимы. Чисто-нравственное вліяніе оказывается всегда совершенно безсильнымъ, если оно идетъ наперекоръ личнымъ выгодамъ тѣхъ людей, на которыхъ слѣдуетъ дѣйствовать, и если кромѣ того оно ежеминутно парализируется тѣми разнообразными искушеніями, которыя порождаетъ весь строй общественной жизни. При такихъ условіяхъ сами вліятели развращаются до мозга костей и становятся на одинъ уровень съ тѣми людьми, которыхъ требовалось облагородить. Эту истину доказали своимъ примѣромъ католическіе монахи, аббаты, епископы, кардиналы и папы. Эту же-истину испыталъ-бы на себѣ немедленно контовскій pouvoir spirituel, еслибы только онъ дѣйствительно могъ организоваться. Поэтому для рѣшенія задачи о голодныхъ

людяхъ необходимо соблюденіе двухъ условій. Во-первыхъ, задачу эту должны рѣшить непремѣнно тѣ люди, которые въ ея разумномъ рѣшеніи находятъ свои личныя выгоды, то есть, ее должны рѣшать сами работники. Во-вторыхъ, рѣшеніе задачи заключается не въ воздѣлываніи личныхъ добродѣтелей, а въ перестройкѣ общественныхъ учрежденій.

Этихъ двухъ условій не выполнили ни Контъ, ни его средневѣковые друзья. Впрочемъ надо и то сказать, что Контъ, подобно католическимъ моралистамъ, мирится очень добродушно съ пауперизмомъ, видя въ немъ неизбѣжное и слѣдовательно нормальное явленіе. Это, по его соображеніямъ, одно изъ inconvenients inséparables de l'état social. Это значитъ, что соціальная задача для него неразрѣшима, и что слѣдовательно съ нимъ нечего и толковать о такихъ вопросахъ, въ которыхъ онъ ровно ничего не понимаетъ.

XVI.

Все, что Контъ говоритъ объ историческомъ развитіи нравственности, составляетъ самое слабое и въ то-же время единственное слабое мѣсто его великаго историко-философскаго труда. Основная причина его ошибокъ заключается въ той совершенно несостоятельной мысли, что нравственность можетъ развиваться и совершенствоваться сама собой, независимо отъ успѣховъ знанія и отъ различныхъ улучшеній въ экономической жизни общества. Конечно Контъ понималъ очень хорошо, что области знанія, промышленности и нравственности находятся въ постоянномъ сообщеніи между собой и вслѣдствіе этого постоянно дѣйствуютъ другъ на друга; но ошибка его заключалась именно въ томъ, что онъ принималъ нравственность за отдѣльную область, въ которой могутъ совершаться самостоятельныя измѣненія и которая посредствомъ этихъ измѣненій можетъ дѣйствовать на другія области и на всю совокупность человѣческаго существованія и развитія.

Неосновательность этого мнѣнія доказать не трудно. Въ самомъ дѣлѣ, основной принципъ всей человѣческой дѣятельности заключается вездѣ и всегда въ стремленіи человѣка къ собственной выгодѣ, то есть къ тому, что соотвѣтствуетъ потребностямъ его организма. Этотъ основной принципъ не измѣняется нигдѣ и никогда, но поступки, въ которыхъ проявляется стремленіе къ выгодѣ, могутъ быть безконечно разнообразны, во-первыхъ—потому, что пониманіе выгоды бываетъ неодинаково, а во-вторыхъ—потому, что средства, находящіяся въ распоряженіи человѣка, бываютъ также неодинаковы. Пониманіе собственной выгоды есть не что иное, какъ практическій выводъ изъ всего міросозерцанія, то есть изъ совокупности всѣхъ взглядовъ человѣка на природу, на самого себя и на окружающихъ людей. Особенности-же міросозерцанія зависятъ, во-первыхъ, отъ количества собранныхъ наблюденій, и во-вторыхъ—отъ логическаго достоинства теорій, построенныхъ на основаніи добытыхъ фактическихъ знаній; вѣрность и разумность даннаго міросозерцанія увеличиваются или тогда, когда наростаетъ запасъ фактовъ, или тогда, когда совершенствуются логическіе пріемы. Эти двѣ категоріи улучшеній относятся одинаково къ области умственнаго развитія и обнаруживаютъ одинаково сильное вліяніе на пониманіе личной выгоды. Наблюденія и размышленія человѣка надъ природой и надъ собственнымъ организмомъ не только даютъ ему пониманіе личной выгоды, но въ то-же время показываютъ ему и тѣ пути, по которымъ онъ долженъ идти къ этой выгодѣ. Совокупность этихъ путей называется промышленностью и составляетъ прикладную отрасль умственнаго развитія. Составивъ себѣ извѣстное пониманіе личной выгоды и принаровившись къ тѣмъ средствамъ, которыми достигается выбранная цѣль, человѣкъ втягивается въ извѣстный образъ жизни и пріобрѣтаетъ себѣ извѣстный комплектъ привычекъ. Та часть этого комплекта, которая обнимаетъ собой отношенія человѣка къ другимъ людямъ, называется *нравственностью*. Спрашивается теперь, какія причины могутъ произвести въ пріобрѣтенныхъ привычкахъ какія-бы то ни было измѣненія?—Привычки, а слѣдовательно и нравственность могутъ измѣниться только тогда, когда измѣняются основанія привычекъ, то есть *пониманіе* или *средства*. Улучшиться эти привычки могутъ только тогда, когда совершится какое-нибудь открытіе, или возникнетъ болѣе раціональная гипотеза, или будетъ сдѣлано какое-нибудь изобрѣтеніе,—вообще тогда, когда расширится міръ человѣческой мысли или усилится господство человѣка надъ природой. Высшая точка нравственнаго развитія будетъ достигнута тогда, когда *пониманіе* выгоды сдѣлается безукоризненно вѣрнымъ, и когда *средства* уравновѣсятъ желанія, то есть тогда, когда человѣкъ дойдетъ до крайнихъ предѣловъ теоретическаго знанія и практическаго могущества. Составные элементы нравственности заключаются такимъ образомъ въ чистой и въ прикладной наукѣ.

Контъ смотритъ на это дѣло иначе. Объявляя непримиримую вражду принципу личной выгоды, Контъ видитъ главную задачу нравственности въ систематическомъ ослабленіи эгоизма. Эта борьба съ эгоизмомъ должна состоять въ особен-

ныхъ упражненіяхъ, клонящихся къ искусственному удерживанію страстей и къ такому-же искусственному расшевеливанію доброжелательныхъ влеченій. Если оказывается такимъ образомъ крайняя необходимость дрессировать и гонять на кордѣ человѣка, какъ манежную лошадь, то, разумѣется, надо создать особенный организованный классъ берейторовъ, обязанныхъ хранить и совершенствовать великіе принципы манежной выѣздки. Этотъ классъ берейторовъ называется у Конта pouvoir spirituel и занимается не возвышеніемъ уровня человѣческихъ знаній и даже не распространеніемъ знаній уже добытыхъ, а именно формированіемъ добродѣтельныхъ привычекъ и придумываніемъ разныхъ морализирующихъ упражненій. Чтобы эта нравственная гимнастика имѣла какіе-нибудь шансы успѣха, теоретическая власть непремѣнно должна быть организована и приведена къ строгому единству, потому что какія-бы то ни было привычки могутъ получить обязательную силу только въ томъ случаѣ, если каждая отдѣльная личность будетъ постоянно встрѣчаться съ этими привычками во всемъ окружающемъ обществѣ. Напротивъ того, іерархическая органическая организація и строгое единство были-бы совершенно излишни и даже невозможны, еслибы настоящее значеніе нравственности было опредѣлено вѣрно и еслибы вслѣдствіе этого теоретическая власть дѣйствовала не на привычки людей, а на ихъ убѣжденія, и дѣйствовала-бы не силою авторитета, а очевидностью строгихъ доказательствъ. Признавая необходимость дрессировки и берейторовъ, Контъ нашелъ въ средневѣковой организаціи именно то, что́ онъ считалъ особенно драгоцѣннымъ: онъ нашелъ тамъ цѣлое громадное министерство, старавшееся регламентировать нравственность и не обращавшее никакого вниманія ни на реальныя свойства природы и человѣка, ни на условія мѣста и времени. Этого было довольно, чтобы очаровать и ослѣпить Конта. Увлекшись своими морализаторскими пристрастіями, онъ увидалъ въ средневѣковой системѣ небывалое раздѣленіе властей и еще болѣе небывалое преобладаніе справедливости надъ политическимъ разсчетомъ. Кромѣ того онъ въ своемъ увлеченіи приписалъ необыкновенную плодотворность и дѣйствительность разнымъ нравственнымъ сентенціямъ и декретамъ, которые оставались всегда мертвой буквой и которые, по своей противуположности съ естественными человѣческими наклонностями и потребностями, ни въ какомъ случаѣ не могли принести людямъ ни малѣйшей пользы. Эти ошибочныя мнѣнія Конта, выходящія изъ его невѣрнаго взгляда на нравственность и изъ его неосновательной ненависти къ эгоизму, я постарался опровергнуть на предыдущихъ страницахъ. Теперь я снова обращаюсь къ тѣмъ глубокимъ и разумнымъ идеямъ Конта, съ которыми я совершенно согласенъ.

Вся исторія человѣческой мысли представляетъ намъ колоссальную борьбу разсудка съ воображеніемъ,—борьбу, которая не кончена до сихъ поръ, но въ которой окончательная побѣда разсудка не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію. Съ тѣхъ поръ какъ началась достовѣрная исторія, разсудокъ постоянно одерживаетъ побѣды, а воображеніе, дѣлая одну уступку за другой, постоянно отодвигается назадъ, оставляетъ разсудку все больше и больше простора и при этомъ занимаетъ новыя укрѣпленныя позиціи, которыя его неутомимый противникъ беретъ приступомъ, несмотря на самое упорное и продолжительное сопротивленіе. Въ началѣ исторіи воображеніе было всесильно; во времена *фетишизма* для разсудка не было мѣста; самыя простыя и мелкія явленія объяснялись фантастическимъ образомъ; однако-же разсудокъ, опираясь на свидѣтельство пяти чувствъ, сдѣлалъ свое дѣло и выбилъ воображеніе изъ самой крѣпкой его позиціи; воображеніе отодвинулось назадъ, предоставило разсудку объясненіе простѣйшихъ явленій и состроило себѣ новую твердыню—систему *политеизма*. Укрѣпившись тѣми наблюденіями, которыя сдѣлались возможными послѣ паденія фетишизма, разсудокъ повелъ свою аттаку противъ политеизма и подрылъ его тѣмъ аргументомъ, что постоянство и правильность, замѣчаемыя во всѣхъ явленіяхъ природы, несовмѣстны съ гипотезой о существованіи многихъ правителей, способныхъ расходиться между собою въ своихъ мнѣніяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Тогда воображеніе еще разъ отступило назадъ и выработало себѣ ту доктрину, которая наложила свою печать на средневѣковой періодъ. Разсудокъ конечно не угомонился. Такъ какъ средневѣковая доктрина была уступкой, которую воображеніе принуждено было сдѣлать разсудку, то, разумѣется, эта доктрина была для разсудка менѣе стѣснительна, чѣмъ политеизмъ. Поэтому водвореніе средневѣковой доктрины было полезно для умственнаго развитія Европы. Однако-же несомнѣнно то, что вслѣдъ за торжествомъ новой доктрины надъ политеизмомъ умственное движеніе пріостановилось на нѣсколько столѣтій; съ III вѣка до XI-го Европа не произвела ничего новаго и оригинальнаго ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Замѣчательно, что эта пріостановка произошла раньше нашествія варваровъ. Этотъ упадокъ умственной дѣятельности объясняется съ одной стороны общимъ политическимъ и экономическимъ разслабленіемъ Римской имперіи и съ другой стороны — направленіемъ новой доктрины, требовавшей отъ своихъ адептовъ высокихъ добродѣтелей и относившейся не только равнодушно, но даже презрительно и враждебно къ

научнымъ и литературнымъ занятіямъ, заподозрѣннымъ въ порожденіи умственной гордости. Умные и даровитые люди рождались конечно и въ тѣ вѣка, которые считаются эпохой самаго глубокаго невѣжества и варварства; потребность работать умомъ не замирала никогда; но этой потребности средневѣковая доктрина открыла новую форму удовлетворенія. Умные, даровитые и даже геніальные люди въ то время были необходимы для того, чтобы развить главныя подробности доктрины, чтобы устранить внутреннія противорѣчія и разномыслія, чтобы поддерживать письмами и поученіями общее единодушное воодушевленіе, чтобы привлекать постоянно новыхъ адептовъ, чтобы основать великое европейское единство и чтобы надъ этимъ единствомъ поставить тотъ сильный и стройный политическій организмъ, который впослѣдствіи далъ папамъ возможность побѣждать императоровъ и королей. Этотъ политическій организмъ надо было сформировать, и дѣло это было тѣмъ болѣе трудно, что въ прошедшемъ не существовало ни одного такого учрежденія, которое можно было-бы взять за образецъ. Это формированіе производилось втеченіи цѣлаго тысячелѣтія и было закончено во второй половинѣ XI вѣка папой Григоріемъ VII. Во все это время практическія заботы этого созиданія постоянно поглощали умственныя способности тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ могли-бы сдѣлаться Ньютонами, Колумбами, Гарвеями или Шекспирами. Диспуты о разныхъ очень возвышенныхъ и неудобопонятныхъ матеріяхъ не прекращались никогда, даже въ самыя мрачныя времена европейскаго невѣжества. Само собою разумѣется, что эти диспуты не дали никакихъ осязательныхъ результатовъ, то есть не обогатили человѣчества новыми знаніями, но считать эти диспуты совершенно безполезными—было-бы очень неосновательно. Они пробудили и развернули въ тогдашнихъ людяхъ расположеніе и способность къ упорному умственному труду; они выучили ихъ слѣдить за всѣми изгибами и изворотами мысли и выводить изъ даннаго положенія всевозможныя близкія и отдаленныя послѣдствія; они заставили ихъ уважать силу человѣческой мысли, которую ревностные моралисты окончательно стерли-бы съ лица земли, еслибы она не оказалась необходимой для созерцанія высшихъ истинъ и для посрамленія разномыслящихъ диспутантовъ; они одни наконецъ подготовили и сдѣлали возможнымъ то искреннее, страстное и трогательное уваженіе, съ которымъ глубоко вѣрующіе діалектики католическаго міра преклонились передъ твореніями проклятаго и великаго язычника Аристотеля.

Умственная эмансипація начинается съ того времени, когда творенія Аристотеля сдѣлались необходимой составной частью и даже фундаментомъ клерикальнаго образованія. Схоластика, обруганная, осмѣянная и превращенная въ синонимъ безсмыслицы счастливыми писателями XVIII вѣка, была первымъ шагомъ средневѣкового ума на пути къ окончательному освобожденію. Дѣло въ томъ, что традиціонная доктрина стала нуждаться въ поддержкѣ со стороны той діалектики, которую средневѣковые мыслители почерпнули изъ Аристотеля. Доктрина, гордившаяся въ былое время девизомъ credo quia absurdum, заключила тѣсный союзъ съ философіей, надѣясь превратить ее въ послушное оборонительное оружіе. Разсчетъ оказался очень невѣрнымъ. Когда мыслителю приказано употребить всю силу его логики на то, чтобы развить изъ даннаго положенія всѣ его послѣдствія, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что мыслителю ни подъ какимъ видомъ не придетъ въ голову лукавая и опасная мысль начать изслѣдованіе съ повѣрки того самаго положенія, которое было выдано ему за аксіому, не требующую никакихъ доказательствъ. Можетъ-быть сотни мыслителей обнаружатъ самое похвальное умственное благонравіе и не дотронутся своимъ діалектическимъ оружіемъ до тѣхъ основныхъ положеній, которыя довѣрены ихъ защитѣ. Но если даже на цѣлую тысячу благонравныхъ мыслителей придется хоть одинъ нескромный и недовѣрчивый искатель истины и если этотъ неустрашимый искатель сдвинетъ съ мѣста хоть одинъ тезисъ общеобязательной традиціи, то его дѣла не затушуетъ никогда вся благонравная тысяча.

Средневѣковая доктрина никакъ не могла обходиться безъ содѣйствія метафизики; на метафизикѣ было построено все ея ученіе, въ которомъ уже не было общедоступной и яркой конкретности и рельефности, составлявшихъ силу и популярность древняго политеизма. Метафизикой должна была средневѣковая доктрина защищаться противъ своихъ внутреннихъ враговъ. Метафизика пропитала насквозь всю эту доктрину и понемногу раскрошила весь тотъ строй понятій и гипотезъ, къ которому она была призвана на помощь. Сначала возникло отрицаніе разныхъ дисциплинарныхъ подробностей, потомъ родилась критика политической организаціи, наконецъ дошло дѣло до анализа основной доктрины. Это постепенное разрушеніе продолжается съ XII вѣка до нашего времени, а между тѣмъ средневѣковая организація теоретической власти все еще существуетъ, несмотря на то, что передовые умы уже давно освободились изъ-подъ ея господства.

Живучесть средневѣковой іерархіи обусловливается нѣкоторыми замѣчательными особенностями ея внутренней организаціи. Въ этомъ

отношеніи особенно важно то обстоятельство, что клерикальное сословіе пополнялось постоянно изъ всѣхъ классовъ общества, не исключая и низшихъ. Сильныя дарованія прокладывали сыну простого крестьянина дорогу къ высшимъ клерикальнымъ должностямъ и даже къ папскому престолу. Не стѣсняясь въ выборѣ своихъ членовъ никакими посторонними соображеніями, не требуя отъ нихъ ни знатности происхожденія, ни богатства, словомъ—ничего, кромѣ личныхъ достоинствъ, клерикальная корпорація постоянно имѣла въ своемъ распоряженіи огромное количество сильныхъ умовъ и твердыхъ характеровъ и кромѣ того втеченіи многихъ вѣковъ постоянно притягивала къ себѣ и обращала въ свою пользу тѣ дарованія, которыя могли-бы составить ей опасную оппозицію или конкуренцію, еслибы оставались непристроенными къ ея оффиціальной дѣятельности. Набирая себѣ отовсюду даровитыхъ защитниковъ, клерикальная корпорація подвергала ихъ долговременному вліянію тѣхъ идей, за которыя они должны были бороться; она формировала по своему ихъ умъ и характеръ, втягивала ихъ въ кругъ клерикальныхъ понятій и стремленій, испытывала и упражняла ихъ силы на низшихъ ступенькахъ іерархической лѣстницы и допускала ихъ къ вліятельнымъ должностямъ только тогда, когда они, проникнутые насквозь духомъ и тенденціями системы, не имѣли уже ни желанія, ни возможности выбиться изъ традиціонной колеи и пуститься въ какія-нибудь опасныя умствованія или нововведенія. Консервативное направленіе всей корпораціи, соотвѣтствующее вполнѣ характеру самой доктрины, поддерживалось даже тѣмъ, что замѣщеніе всѣхъ должностей производилось не по выбору снизу, а по назначенію сверху. Высшія должностныя лица, дававшія такимъ образомъ импульсъ всему клерикальному организму, были конечно особенно сильно расположены къ охраненію традиціоннаго порядка, во-первыхъ потому, что этотъ порядокъ доставлялъ имъ всѣ наслажденія обширной власти, а во-вторыхъ потому, что они, по давности своего служенія, имѣли возможность сильнѣе своихъ подчиненныхъ втянуться въ корпоративные интересы и проникнуться преданіями клерикальной политики. Безграничная преданность общему дѣлу, доходившая у клерикаловъ до самыхъ грандіозныхъ размѣровъ, объясняется преимущественно тѣмъ, что ихъ безбрачное состояніе отнимало у нихъ возможность увлекаться частными, семейными интересами. Клерикалу, какъ холостяку, надо было или вдаться въ безобразный кутежъ, или посвятить свою жизнь тѣмъ интересамъ корпораціи, которые онъ, по всему складу своихъ понятій, принималъ за высшіе интересы всего человѣчества. Многіе конечно шли по первому пути и превращали жизнь въ грязную оргію, но такъ какъ клерикальная корпорація постоянно забирала въ себя самыхъ умныхъ и даровитыхъ людей, то она и была всегда богата такими личностями, которымъ непремѣнно надо было любить, мыслить и дѣйствовать и которыя должны были обратить на служеніе интересамъ корпораціи всю силу, страстность и глубину своихъ неудовлетворенныхъ стремленій. Безбрачное состояніе клерикаловъ было особенно необходимо для того, чтобы корпорація не превратилась въ замкнутую касту. Еслибы принципъ наслѣдственности водворился въ іерархіи, то, разумѣется, онъ произвелъ-бы немедленное пониженіе ея интеллектуальнаго могущества, и личныя дарованія, оттѣсненныя отъ клерикальныхъ должностей, проложили-бы себѣ какую-нибудь новую дорогу и, привлекая къ себѣ вниманіе и довѣріе общества, подорвали-бы такимъ образомъ значеніе теоретической власти, потерявшей возможность побѣждать своихъ противниковъ превосходствомъ ума и таланта.

XVI.

Средневѣковая организація свѣтскаго общества, то есть феодальная система, сформировалась, по мнѣнію Конта, вслѣдствіе того, что военная дѣятельность, имѣвшая въ древности завоевательный характеръ, начала принимать оборонительное направленіе. Когда римскіе легіоны столкнулись на востокѣ съ парфянами, а на сѣверѣ—съ германцами, тогда дальнѣйшее расширеніе римскихъ владѣній должно было прекратиться. Съ одной стороны, нравы азіятскихъ народовъ, не затронутыхъ эллинизмомъ, были такъ несходны съ нравами римлянъ, что сліяніе между ними было-бы невозможно даже и въ томъ случаѣ, еслибы всѣ военныя предпріятія римлянъ противъ восточныхъ сосѣдей увѣнчивались постоянно полнымъ успѣхомъ. Съ другой стороны, германцы были еще такъ мало привязаны къ землѣ и, въ случаѣ военной неудачи, такъ легко могли покинуть свои жилища и перейти на новыя мѣста, что превратить ихъ въ подданныхъ Римскаго государства не было никакой возможности. Поэтому важнѣйшей обязанностью римскихъ императоровъ сдѣлалось естественнымъ образомъ постоянное охраненіе римскихъ границъ, ежегодно подвергавшихся опустошительнымъ набѣгамъ со стороны неукротимыхъ сѣверныхъ варваровъ. Охраненіе это было тѣмъ болѣе затруднительно, что сѣверная граница Римской имперіи была очень длинна, и почти на всемъ своемъ протяженіи соприкасалась съ жилищами воинственныхъ народовъ германскаго племени. Такъ какъ характеръ оборонительной войны состоитъ именно въ томъ, что иниціатива принадлежитъ противнику, который выбираетъ самъ, по сво-

ему благоусмотрѣнію, время и мѣсто своего нападенія,—то, разумѣется, римляне, державшіеся на своихъ границахъ въ оборонительномъ положеніи, принуждены были постоянно поджидать враговъ на всѣхъ пограничныхъ пунктахъ и во всякую данную минуту. Начальники пограничныхъ земель должны были имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество вооруженныхъ людей, ежеминутно готовыхъ вступить въ сраженіе съ варварами; кромѣ того эти начальники нуждались въ довольно-обширной автономіи; имъ надо было ежеминутно соображаться съ быстро-измѣняющимися обстоятельствами и дѣйствовать рѣшительно, на свой страхъ, не сносясь съ центральнымъ правительствомъ и не дожидаясь отъ него инструкцій и разрѣшеній, которыя въ большей части случаевъ оказывались-бы ненужными или неудобными по своей запоздалости. Начальникъ, постоянно защищающій свой край по своему собственному плану и такими силами, которыя разъ навсегда отданы въ его распоряженіе, долженъ почувствовать рано или поздно, что связь его съ центральной властью слабѣетъ и даже можетъ оборваться, если онъ самъ захочетъ воспользоваться обстоятельствами. Въ честолюбивыхъ желаніяхъ никогда не бываетъ недостатка, и дѣйствительно многіе губернаторы римскихъ провинцій старались отдѣлиться отъ имперіи или по крайней мѣрѣ превратить свою должность въ наслѣдственное достояніе своего семейства.

Если-бы Римская имперія была въ силахъ пересоздать свою внутреннюю организацію сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, то ей пришлось-бы въ III или въ IV вѣкѣ раздробиться такъ точно, какъ раздробилась впослѣдствіи монархія Карла Великаго. Только это раздробленіе могло спасти ее отъ варваровъ; оно было необходимо, потому что централизація, очень удобная для наступательной войны, никуда не годится для оборонительныхъ дѣйствій. Но перерожденіе было уже невозможно. Съ одной стороны, натискъ варваровъ былъ черезчуръ стремительный; съ другой стороны, экономическое изнеможеніе имперіи дошло до такихъ размѣровъ, что число ея жителей стало уменьшаться съ ужасающей быстротой; чѣмъ больше народа погибало отъ голода и отъ разныхъ болѣзней, порожденныхъ лишеніями и страданіями, тѣмъ хуже становилось положеніе тѣхъ, которые оставались въ живыхъ. Фиску, какъ существу безличному и отвлеченному, не было никакого дѣла до народныхъ бѣдствій. Чего не могли заплатить мертвые, то раскладывалось на живыхъ; чѣмъ меньше становилось число работниковъ и плательщиковъ, тѣмъ обременительнѣе дѣлались налоги; чѣмъ больше накоплялось недоимокъ, тѣмъ сильнѣе становились нажимающіе снаряды; пытки сдѣлались необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ финансоваго управленія. Народъ былъ до такой степени забитъ, разоренъ, задавленъ и опутанъ громадной сѣтью бюрократической администраціи, что даже послѣднее отчаянное лекарство противъ общественныхъ болѣзней, вооруженное возстаніе, сдѣлалось для него недоступнымъ. Его энергія была убита. При такомъ положеніи дѣлъ остановить вторженіе варваровъ не было никакой возможности. Поэтому феодальная система сложилась только тогда, когда варвары завоевали Римскую имперію и усѣлись въ различныхъ ея провинціяхъ. Послѣ этого завоеванія необходимость оборонительной войны нисколько не прекратилась. Завоевателямъ имперіи грозили со всѣхъ сторонъ новые враги, искавшіе себѣ также добычи или удобныхъ земель для поселенія. Съ юга на Европу надвигались сарацины; съ сѣвера разсыпались по всѣмъ европейскимъ морямъ легкіе корабли скандинавскихъ пиратовъ; съ востока на Германію кидались венгры; въ самой Германіи до временъ Карла Великаго разбойничали саксы; съ береговъ Балтійскаго моря дѣйствовали славяне и пруссы. Всѣ эти разноплеменные враги тревожили Европу отъ VII до XI вѣка, то есть именно въ то время, когда вырабатывалась феодальная организація. Постоянно ведя оборонительныя войны, европейское общество естественнымъ образомъ вылилось въ тѣ формы, которыя всего лучше приспособлены къ оборонѣ. Само собою разумѣется, что характеръ и обычаи германскаго племени наложили на эти формы печать своего вліянія и придали имъ тѣ типическія особенности, съ которыми феодальная система появляется въ средневѣковой исторіи. Безпорядочная и безтолковая воинственность феодальныхъ владѣтелей, обращавшихъ ежеминутно другъ противъ друга тѣ силы, которыми необходимо было отражать общаго врага,—обусловливалась конечно не раздробленіемъ территоріи, а именно темпераментомъ германскихъ завоевателей, еще не укрощенныхъ цивилизаціей и не примѣнившихся къ потребностямъ мирной и разумной общественной жизни. Еслибы вырабатываніе феодальной организаціи досталось на долю какому-нибудь другому народу, болѣе благовоспитанному, то, разумѣется, въ исторіи феодализма оказалось-бы меньше безполезнаго кровопролитія, и временное назначеніе феодализма было-бы выполнено быстрѣе, то есть необходимость постоянныхъ оборонительныхъ войнъ миновалась-бы раньше вслѣдствіе того, что безпокойные сосѣди, отбитые на всѣхъ пунктахъ, были-бы направлены, силою оружія, на дорогу мирнаго гражданскаго и промышленнаго развитія.

Когда прекратились завоевательныя предпріятія римлянъ, тогда положеніе рабовъ стало

медленно измѣняться къ лучшему. Невольничьи рынки пополнялись почти исключительно военноплѣнными и вообще всѣми беззащитными людьми, которые захватывались въ непріятельской странѣ римскими легіонами. Пока война была постояннымъ занятіемъ римлянъ и производилась въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, сопровождаясь опустошеніемъ цѣлыхъ обширныхъ и богатыхъ государствъ, до тѣхъ поръ рыночная цѣна рабовъ держалась такъ низко, что римскіе вельможи могли покупать себѣ цѣлыя арміи или, какъ говоритъ Плиній, цѣлыя націи невольниковъ, которыхъ жизнь не цѣнилась почти ни во что и которыхъ матеріальное благосостояніе такимъ образомъ не было гарантировано даже личнымъ интересомъ владѣльца. Чтобы охарактеризовать одной чертой тогдашнюю дешевизну человѣческой жизни, достаточно упомянуть о гладіаторскихъ играхъ, которыя для развлеченія державнаго народа губили въ нѣсколько часовъ тысячи молодыхъ, здоровыхъ, сильныхъ и ловкихъ людей. Когда кончились опустошительныя завоеванія, тогда притокъ новыхъ рабовъ прекратился, и такъ какъ привычка расходовать людей безъ счету успѣла пустить въ жизни аристократовъ очень глубокіе корни, то, разумѣется, скоро оказался чувствительный недостатокъ рабочихъ рукъ. Запросъ на людей усилился, а подвоза не было и не предвидѣлось; вслѣдствіе этого цѣна раба должна была повыситься и, соразмѣрно съ этимъ повышеніемъ, должно было улучшиться его положеніе, потому что владѣльцу становилось уже убыточно засѣкать раба до смерти или посылать его на арену за неудачное приготовленіе соуса или за разбитіе какой-нибудь вазы. Такъ какъ рабы для каждаго землевладѣльца были совершенно необходимы, и такъ какъ число рабовъ продолжало быстро уменьшаться вслѣдствіе скаредности хозяевъ, то очевидно покупка рабовъ съ каждымъ десятилѣтіемъ должна была становиться все болѣе и болѣе затруднительной, вслѣдствіе чего владѣльцы должны были все крѣпче и крѣпче держаться за тѣхъ людей, которые уже находились въ ихъ рукахъ. Идя по этому пути, надо было наконецъ придти къ тому убѣжденію, что продавать раба вообще невыгодно, и что рабъ долженъ быть наглухо привязанъ къ той землѣ, которую онъ обрабатываетъ. Конечно это убѣжденіе, превращавшее рабство въ крѣпостную зависимость, не могло имѣть вліянія на судьбу тѣхъ людей, которые окружали особу хозяина и составляли его дворню. Этихъ людей незачѣмъ было прикрѣплять къ землѣ, но продавать ихъ также было невыгодно, потому что дворня состояла обыкновенно изъ ремесленниковъ, а ремесленники при всеобщемъ упадкѣ промышленной предпріимчивости и расторопности съ каждымъ годомъ становились рѣже и цѣннѣе.

Уже одно то обстоятельство, что рабы перестали быть предметомъ вседневной торговли, значительно улучшило ихъ положеніе. Хозяину рабъ дѣлался необходимымъ не только для работы, но и для завода. Хозяинъ для своей-же собственной выгоды долженъ былъ давать рабу возможность производить на свѣтъ и выкармливать здоровыхъ дѣтей. Хозяинъ для этого долженъ былъ доставлять рабу по меньшей мѣрѣ хоть тѣ удобства жизни, которыми пользовались въ благоустроенныхъ скотныхъ дворахъ быки и бараны. Въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было прежде, когда хозяину выгодно было въ три-четыре года выжимать изъ раба всю его рабочую силу и потомъ выбрасывать его вонъ, въ видѣ негоднаго калѣки,—въ сравненіи съ этимъ прежнимъ рабствомъ, говорю я, новое положеніе раба, получившаго одинаковыя права съ быками и баранами, составляло значительное усовершенствованіе. Прикрѣпленный навсегда къ участку земли или къ особѣ хозяина, рабъ могъ уже не только исполнять обязанности заводскаго производителя, но и завязывать прочныя отношенія съ любимой женщиной и вообще пользоваться по крайней мѣрѣ нѣкоторыми правами мужа и отца. Его не разлучали съ женой; малолѣтнихъ дѣтей не отрывали отъ матери; вслѣдствіе этого въ рабскомъ населеніи становится возможнымъ развитіе лучшихъ человѣческихъ чувствъ, за которыми непремѣнно должно слѣдовать постоянно возрастающее сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства,—сознаніе, заключающее въ себѣ зародыши грознаго и неподкупнаго суда надъ всѣми неправдами порабощенія и эксплоатаціи.

Католицизмъ узаконилъ и освятилъ семейныя отношенія несвободныхъ людей; бракъ крѣпостного крестьянина получилъ одинаковую силу съ бракомъ барона или короля. Кромѣ того католицизмъ вообще предписалъ крѣпостнымъ исполненіе тѣхъ-же самыхъ нравственныхъ законовъ, которые были обязательны для сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ людей. Равенство обязанностей предполагаетъ равенство правъ, и хотя средневѣковые моралисты вовсе не желали придти къ этому послѣднему заключенію, однако-же оно было неизбѣжно, и къ нему стремились постоянно тѣ люди, для которыхъ оно было особенно обаятельно и интересно. Сравнивая свое поведеніе съ поведеніемъ своего барона, какой-нибудь честный мужикъ легко могъ придти къ той мысли, что онъ, мужикъ, исполняетъ въ отношеніи къ барону всѣ свои нравственныя обязанности, и что, напротивъ того, баронъ всѣ свои обязанности ежеминутно нарушаетъ; мужикъ легко могъ сообразить, что увлекающагося или заблуждающагося барона не мѣшало-бы, для его же собственной пользы, наставлять на путь истины матеріальной силой,

составляющей самое общеупотребительное лекарство противъ всякихъ мужицкихъ заблужденій или увлеченій. Мужикъ видѣлъ, какъ его баронъ круто и рѣшительно расправлялся съ своими обидчиками, не обращая вниманія на ихъ высокое положеніе въ свѣтскомъ обществѣ или даже въ церковной іерархіи; мужикъ зналъ, что его баронъ воюетъ съ епископомъ или отсиживается въ своемъ крѣпкомъ замкѣ отъ королевскаго войска. Этотъ примѣръ непремѣнно долженъ былъ дѣйствовать заразительно на такого человѣка, для котораго сопротивленіе составляло насущную необходимость, потому что этому человѣку приходилось отстаивать не богатство, а послѣдній кусокъ черстваго хлѣба, облитаго пóтомъ и слезами. Такимъ образомъ обѣ средневѣковыя власти, теоретическая и практическая, оказали мужику по одному невольному, но тѣмъ не менѣе капитальному благодѣянію; первая, наложивши на мужика нравственныя обязанности, воспитала въ немъ чувство собственнаго достоинства; вторая пояснила ему, посредствомъ нагляднаго обученія, какими способами слѣдуетъ защищать это достоинство противъ посягательствъ различныхъ нахаловъ и буяновъ. Мужикъ оказался ученикомъ понятливымъ и даровитымъ.

Одинъ изъ самыхъ популярныхъ средневѣковыхъ романовъ, «Roman de Rou», рисуетъ слѣдующими крупными чертами господствующее настроеніе угнетенныхъ массъ. «Господа,—размышляетъ грубое мужичье,—не дѣлаютъ намъ ничего, кромѣ зла; мы отъ нихъ не можемъ добиться ни добросовѣстности, ни справедливости, они всѣмъ владѣютъ, все себѣ позволяютъ, все поѣдаютъ, а насъ заставляютъ жить въ бѣдности и въ печали. Для насъ каждый день—тяжелый день; нѣтъ у насъ ни одного спокойнаго часа; мы завалены повинностями и поборами, оброками и барщиной. И съ какой стати мы все это терпимъ? Вырвемся изъ-подъ ихъ власти; мы - такіе-же люди, какъ они; у насъ тѣ-же члены, тотъ-же ростъ, та-же сила, то-же терпѣніе, и насъ сто противъ одного. Будемъ защищаться противъ рыцарей, будемъ крѣпко стоять другъ за друга, и никто надъ нами не станетъ барствовать, и мы будемъ рубить себѣ лѣсъ, будемъ ловить дичь въ лѣсу и рыбу въ прудахъ, и будемъ все дѣлать по своему, и въ лѣсахъ, и на лугахъ, и на водѣ.» (Laurent, «Féodalité et l'église», p. 599.) Размышленія, приписанныя мужикамъ, вовсе не выдуманы самимъ поэтомъ; такія размышленія существовали въ живой дѣйствительности и приносили обильные плоды. Всѣ обиженные классы средневѣкового общества постоянно волновались, и, разумѣется, только одни эти волненія вынудили у господствующаго сословія такія уступки, которыя расшатали феодальную систему и выработали изъ себя основные элементы новой государственной и общественной жизни, очень неудовлетворительной, но по крайней мѣрѣ способной развиваться и совершенствоваться. Требованія мужиковъ и мѣщанъ были обыкновенно чрезвычайно умѣренны; они желали мира, правильнаго суда и точнаго опредѣленія денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Обѣ власти, феодальная и клерикальная, видѣли въ такихъ требованіяхъ неслыханную и непростительную дерзость. Рыцари дѣйствовали противъ этихъ претензій силою оружія, а папы и епископы — силою самыхъ усердныхъ молитвъ и самыхъ торжественныхъ проклятій.

Въ концѣ XII вѣка (1172 г.) въ низшихъ слояхъ французской націи началось обширное движеніе, направленное противъ безтолковыхъ феодальныхъ междоусобій и противъ безсовѣстныхъ барскихъ притѣсненій. Плотникъ Дюранъ пришелъ къ епископу города Пюи и объявилъ ему, что Мадонна приказала ему, Дюрану, проповѣдывать людямъ миръ; въ доказательство своихъ словъ Дюранъ показывалъ пергаментъ, полученный имъ съ неба; на пергаментѣ была нарисована Мадонна, держащая на рукахъ младенца; кругомъ изображенія было написано: «Агнецъ божій, принявшій на себя грѣхи міра, пошли намъ миръ!»—Епископъ прогналъ отъ себя посланника Мадонны; народъ сначала посмѣялся надъ его проповѣдью, однако черезъ нѣсколько дней къ Дюрану присоединилось больше ста человѣкъ; въ началѣ слѣдующаго, 1173, года число его учениковъ дошло до пяти тысячъ; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ движеніе охватило всю Францію. Послѣдователи Дюрана называли себя *братьями мира* и устроили себѣ особенный костюмъ,—бѣлый полотняный или шерстяной капюшонъ. Когда *братьевъ мира* или *капюшонниковъ* оказалось уже очень много, тогда они взялись за свое дѣло очень серьезно и съ большой энергіей. Они рѣшились силой оружія водворить и поддерживать миръ на всемъ пространствѣ своего отечества. Началось радикальное исправленіе феодальныхъ нравовъ посредствомъ матеріальной силы. *Братья мира* стали давать генеральныя сраженія тѣмъ баронамъ, которые, не слушая ихъ увѣщаній, продолжали нарушать общественное спокойствіе своими глупыми раздорами. Особенно ревностно и успѣшно *братья мира* занялись преслѣдованіемъ наемныхъ дружинъ, такъ называемыхъ *рутьеровъ* или *брабансоновъ*, составившихъ себѣ печальную знаменитость самыми безобразными злодѣяніями. Въ одномъ сраженіи *братья мира* истребили отъ десяти до двѣнадцати тысячъ этихъ бандитовъ. Пропаганда Дюрана усилилась до такой степени, что въ его братство стали поступать мужчины и женщины изъ всѣхъ сословій: монахи, аббаты, епископы,

*

рыцари, графы надѣвали бѣлый капюшонъ и клялись охранять общественное спокойствіе; безтолковыя феодальныя войны очевидно начали тяготить даже самихъ бойцовъ.

Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилось движеніе *капюшонниковъ*, еслибы оно не возстановило противъ себя всѣхъ высшихъ сословій, принявши чисто-соціальное направленіе, находившееся впрочемъ въ самой тѣсной логической связи съ его основными стремленіями. Если *капюшонники* хотѣли водворить миръ, то, разумѣется, имъ невозможно было смотрѣть равнодушно на ту постоянную глухую войну, которую каждый феодалъ велъ ежедневно съ своими крестьянами, заваливая ихъ работой, отнимая у нихъ имущество и подвергая ихъ, по своему благоусмотрѣнію, тѣлеснымъ и всякимъ другимъ наказаніямъ. *Братья мира* вмѣшались въ домашнія дѣла земледѣльческой аристократіи. «До того дошло ихъ неистовое безуміе,—пишетъ въ своей хроникѣ одинъ благочестивый каноникъ,—что глупый этотъ народъ предписалъ графамъ обращаться съ подданными снисходительнѣе прежняго.» Такое неистовое безуміе, клонившееся дѣйствительно къ уничтоженію крѣпостной зависимости, заслуживало конечно самаго строгаго наказанія. Представители обѣихъ властей сообразили наконецъ, что наряжаться въ бѣлые капюшоны и кокетничать съ идеями всеобщаго мира — значитъ подкапывать тотъ самый порядокъ, который даетъ имъ деньги, господство и всѣ прочія житейскія удовольствія. Бароны и епископы соединили всѣ свои силы противъ общаго врага и въ началѣ XIII вѣка стерли съ лица земли опасныхъ негодяевъ, осмѣлившихся завести рѣчь о какой-то безнравственной снисходительности. При этомъ удобномъ случаѣ нѣкоторые прелаты обезсмертили свои имена тѣмъ пламеннымъ усердіемъ и той спасительной свирѣпостью, съ которыми они принялись вырѣзывать и выжигать изъ сознанія французской націи *неистовое безуміе* и ядовитую ересь плотника Дюрана.

Этотъ разсказъ показываетъ ясно, до какой степени правы тѣ почтенные люди, которые утверждаютъ у насъ и заграницей, что все происходитъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, что демократія нуждается въ долговременномъ пребываніи подъ разнообразными педагогическими ферулами, и что простой народъ всѣми своими добрыми чувствами и помышленіями обязанъ исключительно благотворному вліянію обѣихъ властей, теоретической и практической, въ особенности первой, — впрочемъ и второй, тоже въ особенности. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы теорія и практика, соединившись вмѣстѣ, не урезонили глупаго плотника Дюрана, то Франція имѣла-бы несчастье пользоваться съ XIII вѣка свободой промышленности, равенствомъ гражданъ предъ закономъ и разными другими преждевременными затѣями, которыя, по соображеніямъ всѣхъ философствующихъ историковъ, въ томъ числѣ и Конта, имѣли право утвердиться на земномъ шарѣ никакъ не раньше XVIII столѣтія. Епископы и бароны спасли Францію отъ этой ужасной опасности и, совершивши въ золотой вѣкъ своего господства цѣлый рядъ такихъ-же блестящихъ и полезныхъ подвиговъ, упрочили за собой безсмертное право на уваженіе и признательность всего человѣчества вообще, и философствующихъ историковъ въ особенности. Милль говоритъ, что тѣ люди, которые сомнѣваются въ возможности превратить исторію въ науку, отложатъ свои сомнѣнія, познакомившись съ трудами Конта. Дѣйствительно, Контъ убѣждаетъ и увлекаетъ читателя силою своего отвлеченнаго анализа Но какъ только читатель обращается къ живымъ историческимъ фактамъ, такъ въ умѣ его пробуждаются снова прежнія сомнѣнія и прежній взглядъ на исторію, какъ на громадный арсеналъ, изъ котораго всѣ политическія партіи могутъ брать себѣ всевозможные аргументы.

XVII.

Клерикально-военная организація средневѣкового европейскаго общества въ самый цвѣтущій періодъ своего существованія заключала въ себѣ зародыши неизбѣжнаго и близкаго разложенія. Обѣ власти, духовная или теоретическая (pouvor spiritue1) и свѣтская или практическая (pouvoir tempore1), не могли жить между собою въ добромъ согласіи, потому что между ними не было и никогда не могло быть ясно обозначенной пограничной линіи. Папы враждовали постоянно съ императорами и съ королями; въ разгарѣ борьбы обѣ воюющія стороны старались какъ можно торжественнѣе взводить другъ на друга такія скандальныя обвиненія, которыя, возобновляясь изъ года въ годъ, непремѣнно должны были поколебать и наконецъ уничтожить почтительныя чувства самыхъ простодушныхъ и благочестивыхъ людей. Разрушительнѣе всякихъ обвиненій дѣйствовали тѣ общія теоріи, которыми папа и императоръ поражали другъ друга и которыя черезъ нѣсколько времени были обращены съ полнымъ успѣхомъ какъ противъ папы, такъ и противъ императора. Папы утверждали постоянно, что подданные имѣютъ полное право и даже обязаны поднимать оружіе противъ государя, запятнавшаго себя ересью или снисхожденіемъ къ еретикамъ. Свѣтскіе владыки съ своей стороны утверждали такъ-же настойчиво, что папы не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ область международныхъ отношеній, политики и государственнаго управленія. Понятно, какіе результаты должны были развиться

изъ подобныхъ разсужденій, провозглашавшихся во всеуслышаніе.

Если подданные, для спасенія своихъ душъ, обязаны сопротивляться царствующему еретику, то, разумѣется, на этихъ подданныхъ налагается священная обязанность тщательно контролировать все поведеніе владѣтельной особы для того, чтобы замѣтить во-время приближеніе опасности, то есть зловѣщіе признаки ереси. А что̀ такое ересь? Вѣрнѣе было-бы спросить: что такое не ересь? Другими словами, есть-ли такой поступокъ, который въ случаѣ надобности не могъ бы превратиться въ обвинительный пунктъ. Если властелинъ не соблюдаетъ постовъ, онъ—еретикъ. Если онъ держитъ при себѣ, въ качествѣ лейбъ-медика, ученаго еврея или араба, онъ—еретикъ. Если онъ не вѣшаетъ и не сжигаетъ евреевъ, колдуновъ, сарациновъ и вольнодумцевъ,—онъ еретикъ. Если онъ женится на дочери такого владѣтеля, на котораго сердится папа,—онъ еретикъ. Наконецъ всякое нарушеніе божескаго закона, всякая несправедливость, всякое притѣсненіе, всякій тяжелый налогъ, всякая безполезная война могутъ также съ полнымъ удобствомъ превратиться въ ересь. Клерикалы имѣли, правда, обыкновеніе смотрѣть сквозь пальцы на такіе проступки, которые не заключали въ себѣ прямыхъ посягательствъ на выгоды ихъ корпораціи. Но нетрудно было предвидѣть, что народъ, пріученный своими пастырями разсуждать о ересяхъ высшаго начальства, обратитъ непремѣнно развернувшуюся силу анализа именно противъ тѣхъ проступковъ, къ которымъ пастыри относятся равнодушно и которые тѣмъ не менѣе ложатся самымъ тяжелымъ бременемъ на его экономическое существованіе,—словомъ, ультрамонтанская теорія сопротивленія вѣнценоснымъ еретикамъ, проведенная въ народное сознаніе съ самыми возвышенными и трансцедентальными цѣлями, порождаетъ изъ себя самымъ логическимъ путемъ, при содѣйствіи папскихъ посланій и соборныхъ уложеній, тѣ знаменитыя droit de résistance и droit d'insurrection, которыя были провозглашаемы въ концѣ прошлаго столѣтія французскими національными собраніями.

Съ другой стороны, императорская теорія о невмѣшательствѣ папы въ свѣтскія дѣла приводитъ къ такимъ-же точно неожиданно-радикальнымъ результатамъ. Если папѣ не должно быть никакого дѣла до политики, то онъ теряетъ всякое право и всякую возможность блюсти чистоту доктрины. Предположимъ, что король ведетъ войну со своимъ сосѣдомъ, преступнымъ покровителемъ проклятыхъ еретиковъ. Давши другъ другу достаточное количество кровопролитныхъ сраженій и взявши другъ у друга достаточное количество укрѣпленныхъ городовъ, воинственные сосѣди начинаютъ переговоры. Папа запрещаетъ заключать миръ, доказывая совершенно основательно, что между католикомъ и еретикомъ не должно быть никакихъ трактатовъ и никакихъ сношеній, кромѣ истребительной войны. Папѣ отвѣчаютъ, что это—совсѣмъ не его дѣло. Католическая держава становится добрымъ сосѣдомъ неисправимаго еретика. Нарушеніе доктрины оказывается очевиднымъ, и блюстителю ея чистоты велѣно хранить скромное молчаніе. Далѣе еретики сосѣдняго государства пріѣзжаютъ въ католическіе города, заводятъ въ нихъ свои лавки, мастерскія, конторы и, расположившись, начинаютъ отправлять открыто свои поганыя церемоніи. Папа, глядя на это безобразіе, приказываетъ епископамъ дѣйствовать. Епископы отдаютъ своимъ подчиненнымъ приказаніе хватать, вѣшать, жечь, однимъ словомъ,—возстановлять чистоту и порядокъ. Подчиненные отвѣчаютъ: «нельзя; не велѣно. Заключенъ трактатъ о взаимной вѣротерпимости». Епископы обращаются къ высшимъ властямъ.—Власти отвѣчаютъ: «сидите смирно. Это не ваше дѣло—политика». Далѣе одинъ изъ еретиковъ пускаетъ въ продажу книгу, въ которой излагаются неподходящія умствованія. Епископы опять приходятъ въ азартъ. Имъ опять говорятъ: «не волнуйтесь. Это—политика».—Оно конечно, все это политика, но вѣдь посредствомъ политики можно дойти и до вѣротерпимости, и до индифферентизма, и до скептицизма, и такъ далѣе, и такъ далѣе, вплоть до Молешота и Бюхнера. А епископы вмѣстѣ съ папой во все это время должны сидѣть сложа ручки и потупивъ глазки. Спрашиваю я васъ, развѣ это хорошо? И на что̀ это похоже? И какія-же послѣ этого дѣйствительныя права остаются за папою и за епископами? Права возводить очи къ небу и произносить чувствительныя рѣчи? Согласитесь, что на такихъ правахъ далеко не уѣдешь, тѣмъ болѣе, что этими самыми правами пользуется безпрепятственно самый скромный изъ протестантскихъ пасторовъ.

Само собою разумѣется, что папы не желали прокладывать дорогу французскимъ революціонерамъ, что императоры не питали никакой нѣжности къ философіи Фейербаха. Но дѣло въ томъ, что идеи растутъ и развиваются своими собственными силами, не спрашивая позволенія у тѣхъ людей, которые въ первый разъ выпустили ихъ на свѣтъ. Произнося какое нибудь сужденіе, вы отдаете вашу мысль всѣмъ вашимъ слушателямъ, и тутъ начинается длинный рядъ такихъ умозаключеній, которыхъ вы никакъ не могли предвидѣть. Чѣмъ многочисленнѣе ваша аудиторія, тѣмъ разностороннѣе будетъ обсужденіе и разсматриваніе вашей мысли и тѣмъ многочисленнѣе будутъ тѣ послѣдствія и приложенія, къ которымъ ваша мысль послужитъ поводомъ. Аудиторія папъ и импе-

раторовъ была безконечно велика; они говорили передъ цѣлыми народами, и ихъ мысли обсуждались и комментировались многими поколѣніями. Мудрено-ли, что отъ такой аудиторіи не ускользнулъ ни одинъ изъ возможныхъ выводовъ, и что коллективный умъ Европы оказался гораздо сильнѣе и дальновиднѣе единичныхъ умовъ ея средневѣковыхъ наставниковъ? А если это нисколько немудрено, то немудрено и то, что Европа вывела изъ папскихъ и королевскихъ теорій такія умозаключенія, которыхъ не замѣчали и не желали получить ни короли, ни папы.

Кромѣ основного антагонизма, существовавшаго между обѣими властями, теоретической и практической,—въ каждой изъ этихъ властей скрывались еще источники внутреннихъ раздоровъ, вслѣдствіе которыхъ общее разложеніе всей системы становилось еще болѣе неизбѣжнымъ. Враждуя съ императоромъ и съ королями, папа кромѣ того ссорился постоянно со своими подчиненными, то есть—епископами, аббатами и докторами теологіи, стоявшими за права и за самостоятельность отдѣльныхъ національныхъ церквей. Ведя борьбу съ папою, императоръ и короли кромѣ того враждовали постоянно со своими вассалами, съ разными герцогами, графами и баронами, которые то старались расширить свои права, то принуждены были защищаться противъ захватовъ центральной власти.

Средневѣковое statu quo никакъ не могло быть прочнымъ, потому что оно состояло изъ зародышей нѣсколькихъ политическихъ системъ, взаимно исключавшихъ другъ друга: каждый изъ этихъ зародышей стремился къ развитію, а чтобы развиться, ему надо было задушить и проглотить другіе зародыши, образовавшіе вмѣстѣ съ нимъ данное statu quo. При такихъ условіяхъ борьба была неизбѣжна, и результатомъ борьбы должно было оказаться развитіе какого-нибудь одного зародыша и подавленіе остальныхъ, что во всякомъ случаѣ вело за собою радикальное измѣненіе средневѣковой общественности.

Всѣ враждущіе элементы средневѣкового общества стояли на почвѣ одной общей доктрины, которая для всѣхъ была одинаково обязательна и ненарушима. Интересы у всѣхъ враждующихъ элементовъ были, напротивъ того, различны или, вѣрнѣе, взаимно противуположны. Задача каждой воюющей стороны состояла въ томъ, чтобы ссылками на общеобязательную доктрину оправдать свои собственныя притязанія и опровергнуть притязанія противниковъ. Другими словами, надо было посредствомъ искусной аргументаціи приноровить доктрину къ интересамъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что аргументація тутъ ни на что не нужна. Всякому извѣстно, что право сильнаго—самое лучшее и самое надежное изъ всѣхъ возможныхъ правъ. Ну, стало быть, кто сильнѣе—тотъ ступай и бери себѣ преспокойно все, что́ ему желательно получить; а слабѣйшій въ это время пускай ссылается на высокія истины и аргументируетъ съ горя, сколько душѣ его будетъ угодно. Это вѣрно: сила всегда рѣшаетъ дѣло. Но теперь возникаютъ два вопроса. Во-первыхъ, что́ значитъ быть сильнѣйшимъ? И во-вторыхъ, какими средствами можно привлечь на свою сторону силу, рѣшающую дѣло? Въ такой борьбѣ, какую вели между собою разнородные элементы средневѣкового общества, быть сильнѣйшимъ значитъ очевидно имѣть въ своемъ распоряженіи бо́льшую толпу людей и бо́льшую массу матеріальныхъ средствъ. Какимъ-же образомъ собрать эти средства и сгруппировать людей? Приказать людямъ, чтобы они пришли и принесли съ собою деньги и продукты? Это средство очень просто и употребляется съ полнымъ успѣхомъ сильными и организованными правительствами современной Европы,—правительствами, которыя внутри государства не встрѣчаютъ себѣ никакихъ соперниковъ. Но когда споръ идетъ именно о томъ, кому быть въ данной странѣ правительствомъ—папѣ или королю, папѣ или епископамъ, королю или баронамъ,—тогда простое приказаніе оказывается безсильнымъ и неумѣстнымъ. Тогда первый и самый важный актъ борьбы,—собираніе силъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть исходъ дѣла,—принимаетъ видъ состязательнаго процесса, причемъ роль присяжныхъ достается всей массѣ народонаселенія,—той самой безгласной, задавленной и невѣжественной массѣ, на которую сильные міра до борьбы и послѣ побѣды не обращаютъ обыкновенно никакого вниманія. Подкупить этихъ присяжныхъ нѣтъ возможности. Чѣмъ вы подкупите цѣлый народъ, отъ котораго кромѣ того вы сами ожидаете себѣ всѣхъ благъ земныхъ, и богатства, и власти, и славы? Запугать ихъ тоже невозможно, потому что они сами должны составить ядро той силы, которая будетъ запугивать и увлекать другихъ. Остается одно средство—убѣдить, то есть написать на своемъ знамени имя любимой идеи и доказать всѣми правдами и неправдами искусной и увлекательной аргументаціи, что сущность вашего дѣла дѣйствительно соотвѣтствуетъ его обольстительной вывѣскѣ. Значитъ, аргументація необходима для собиранія силъ и слѣдовательно для успѣшнаго исхода всей борьбы. Лютеръ увлекъ своей аргументаціей сотни слушателей, эти сотни сообщили свое увлеченіе десяткамъ тысячъ, десятки тысячъ потянули за собою милліоны,—и пошло, и пошло, и образовалась наконецъ та грозная сила, которая произвела громадный

переворотъ и втеченіи столѣтія выдерживала съ полнымъ успѣхомъ натискъ католическихъ державъ.

Аргументація начала играть въ исторіи особенно важную роль съ того времени, какъ массы начали размышлять. Аргументація сохранитъ свое преобладающее вліяніе до тѣхъ поръ, пока массы не выучатся распознавать безошибочно свои собственныя выгоды. Когда водворится это безошибочное распознаваніе, основанное на отчетливомъ пониманіи законовъ природы, тогда масса перестанетъ служить орудіемъ честолюбивыхъ аргументаторовъ. Тогда невозможно будетъ увлекать массу въ такія движенія, въ которыхъ она исправляетъ должность кошки, вытаскивающей изъ горячей золы каштаны для прожорливой мартышки. Но что̀ будетъ невозможно тогда, въ счастливыя времена трезваго благоразумія и положительнаго знанія, то было неизбѣжно въ періодъ разложенія средневѣковыхъ идей и учрежденій. Тогда каждый изъ состязавшихся общественныхъ элементовъ аргументировалъ на-пропалую, строилъ на общемъ фундаментѣ обязательной доктрины свою собственную хитрую теорію, обращался къ массамъ во имя высшихъ неземныхъ интересовъ, фанатизировалъ простыхъ людей пламенными рѣчами, натравливалъ ихъ другъ на друга и заливалъ рѣками человѣческой крови ту землю, на которой онъ хотѣлъ основать свое господство и на которой для фанатизированной массы готовилась попрежнему мрачная будущность неблагодарнаго труда и безотвѣтнаго повиновенія.

XVIII.

Необходимость искусной аргументаціи породила цѣлые многочисленные классы и корпораціи ученыхъ, записныхъ, неутомимыхъ и неистощимыхъ аргументаторовъ, мастеровъ діалектическаго дѣла, безстрашныхъ рыцарей рогатаго силлогизма, которые во время продолжительнаго разложенія средневѣковыхъ формъ незамѣтно прибрали къ рукамъ обѣ отрасли власти—теоретическую и практическую. Споры папъ съ національными церквами рѣшались сочиненіями и рѣчами докторовъ теологіи, посѣдѣвшими надъ фоліантами Аристотеля, Ѳомы Аквинскаго и Алберта Великаго. Споры королей съ графами и баронами рѣшались приговорами опытныхъ юристовъ или легистовъ, потратившихъ лучшіе годы жизни на изученіе всѣхъ тонкостей Юстиніанова кодекса, знаменитыхъ римскихъ юрисконсультовъ и безчисленныхъ особенностей феодальнаго обычнаго права (droit coutumier). Главное достоинство легистовъ и теологовъ состояло въ томъ, что они всегда знали заранѣе, на чью сторону должны склониться вѣсы правосудія, и что вся ихъ кружевная, художественная аргументація приводила ихъ аккуратно къ тому окончательному рѣшенію, къ которому слѣдовало придти, принимая въ соображеніе обстоятельства времени, мѣста и политической атмосферы. Кого надо было уморить—тотъ умиралъ; кого надо было отрѣшить отъ должности—тотъ отрѣшался; кого надо было обобрать—тотъ и обирался; и все это совершалось съ соблюденіемъ всѣхъ законовъ формальной логики и съ подведеніемъ неизмѣримаго количества цитатъ, статей, пунктовъ, папскихъ буллъ и соборныхъ уложеній. Что-же касается до враждебныхъ столкновеній королей съ папами, то здѣсь, при рѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ, волны юридическаго краснорѣчія сливались съ потоками теологической учености на черезполосныхъ владѣніяхъ государственной исторіи и каноническаго права. Такимъ образомъ испытанные въ бояхъ аргументаторы вѣдали и рѣшали важнѣйшіе вопросы тогдашняго мудренаго времени, богато одареннаго всевозможной путаницей идей, страстей, интересовъ и стремленій. Аргументаторы эти, несмотря на различіе костюма, образа жизни и общественнаго положенія, всѣ безъ исключенія были метафизиками. Это обстоятельство приводитъ меня къ вопросу о томъ, что такое метафизика, и въ чемъ состоятъ типическія особенности метафизическаго мышленія?

По времени своего развитія и процвѣтанія метафизика занимаетъ середину между теософіей и положительной наукой. Метафизика родилась тогда, когда теософія склонилась къ упадку,—и начала дряхлѣть тогда, когда возмужала положительная наука. Это историческое положеніе метафизики опредѣляетъ собою всѣ основныя черты ея характера Метафизика могла возникнуть именно только въ такое время и только при подобныхъ обстоятельствахъ. Спрашивается: что̀ можетъ сдѣлать человѣческій умъ, въ которомъ уже пробудилась потребность размышлять и у котораго въ то-же время еще нѣтъ достаточныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній ни объ явленіяхъ и законахъ окружающаго міра, ни о размѣрахъ собственныхъ силъ?—Обрѣтаясь въ счастливомъ невѣдѣніи трудностей и невозможностей, такой умъ съ юношеской самонадѣянностью будетъ бросаться какъ-разъ на самые неразрѣшимые вопросы, во-первыхъ потому, что эти вопросы имѣютъ особенно величественную физіономію, а во-вторыхъ потому, что для ихъ постановки не требуется никакихъ предварительныхъ точныхъ знаній. — Соображая очень основательно, что свидѣтельства пяти чувствъ не могутъ дать на величественные вопросы никакихъ отвѣтовъ, начинающій умъ относится съ презрительнымъ равнодушіемъ къ опыту и наблюденію и для отысканія истины полагается исключительно на свою собственную логическую силу. Отважно пускаясь въ работу, умъ производитъ цѣлыя груды логическихъ вы-

кладокъ, недопускающихъ никакой повѣрки и неимѣющихъ никакого соотношенія съ явленіями и законами существующаго міра. Вся масса этихъ логическихъ построеній называется метафизикой. Но, чтобы вести какое-бы то ни было логическое разсужденіе, надо непремѣнно имѣть исходную точку. Чтобы построить логическимъ путемъ систему мірозданія, метафизикъ непремѣнно долженъ положить въ основаніе всего изслѣдованія какую-нибудь несомнѣнную непоколебимую аксіому, такъ точно, какъ Архимедъ, чтобы перевернуть землю, непремѣнно долженъ былъ отыскать сначала твердую точку опоры. Эту необходимую аксіому, эту твердую точку опоры сама логика создать не можетъ, потому что логика вообще не создаетъ ничего, а только разрабатываетъ уже созданный и собранный матеріалъ. Откуда-же возьметъ метафизикъ ту аксіому, безъ которой не можетъ начаться его работа? Онъ долженъ брать ее непремѣнно изъ области воображенія или изъ той области опыта и наблюденія, на которую онъ съ высоты своего призрачнаго величія бросаетъ убійственно-презрительные взгляды.

Если мы теперь припомнимъ, что метафизика составляетъ промежуточную инстанцію между увядающей теософіей и расцвѣтающей наукой, то намъ не трудно будетъ сообразить, что метафизику приходится брать матеріалы для логическихъ работъ съ одной стороны изъ теософіи, съ другой стороны—изъ положительной науки. Самой метафизикѣ принадлежитъ только та діалектическая паутина, которую она прикрѣпляетъ къ различнымъ твердымъ тезизамъ, изготовленнымъ теософіей или наукой. Достоинство діалектическаго построенія можетъ быть очень различно, но во всякомъ случаѣ оно находится въ прямой зависимости отъ достоинства тѣхъ тезисовъ, которые были положены въ основаніе. Если основные тезисы вѣрны, вся система имѣетъ нѣкоторые шансы оказаться правдоподобной. Если основные тезисы фантастичны, общій результатъ будетъ навѣрное очень уродливъ. Находясь на рубежѣ двухъ областей, метафизика имѣетъ вообще двусмысленный, подвижной и измѣнчивый характеръ. Чѣмъ ближе стоятъ ея отдѣльные представители къ области традиціонныхъ доктринъ, тѣмъ сильнѣе оказывается въ ихъ произведеніяхъ элементъ фантазіи, потому что тѣмъ большее количество тезисовъ берется изъ теософіи. По мѣрѣ того какъ мы приближаемся къ настоящему времени, по мѣрѣ того какъ усиливается преобладаніе положительной науки, метафизическія системы становятся трезвѣе, разумнѣе и скромнѣе, потому что всѣ или почти всѣ тезисы берутся изъ опыта и наблюденія. Ѳома Аквинскій и Албертъ Великій съ одной стороны, Гельвецій и Фейербахъ съ другой стороны, оказываются всѣ четверо несомнѣнными метафизиками, несмотря на то, что первые двое стоятъ твердо на почвѣ традиціи, а послѣдніе примыкаютъ самымъ тѣснымъ образомъ къ даннымъ положительнаго знанія. Между двумя обозначенными крайностями можно было-бы вставить всѣ промежуточныя звенья, такъ что Гельвецій оказался-бы законнымъ потомкомъ Ѳомы Аквинскаго, и такъ что мы увидѣли-бы ясно, какимъ образомъ потокъ метафизическаго мышленія постоянно очищался отъ остатковъ традиціи и постоянно обогащался тезисами положительной науки.

У читателя родился теперь быть можетъ вопросъ: да почему-же Ѳома Аквинскій—метафизикъ? И если онъ метафизикъ, то гдѣ-же ясная граница между метафизикомъ и чистымъ теологомъ?

На это я отвѣчу, что въ той фазѣ теологической философіи, къ которой относится дѣятельность Ѳомы Аквинскаго, требуемую границу показать довольно трудно, потому что нѣкоторая доля метафизики примѣшивается неизбѣжно ко всякой теософіи, кромѣ чистаго первобытнаго фетишизма, о которомъ я говорилъ подробно въ началѣ этой статьи. Впрочемъ существенное различіе обоихъ элементовъ обнаружится тотчасъ, если мы попробуемъ сравнить Ѳому Аквинскаго съ какимъ-нибудь основателемъ религіи, напримѣръ съ Магометомъ. Магометъ объявляетъ аравитянамъ, что онъ—посланникъ Аллаха, и что Аллахъ даетъ людямъ такія-то и такія-то приказанія. При этомъ Магометъ нисколько не старается доказать своимъ слушателямъ посредствомъ логическихъ аргументовъ разумность или правдивость своихъ словъ. Онъ не разсуждаетъ, не диспутируетъ, а приказываетъ и требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія во имя своего исключительнаго положенія, то есть во имя своего посланничества. Позднѣйшіе вѣрующіе комментаторы Корана, напротивъ того, нисколько не думаютъ присвоивать себѣ тѣ исключительныя права, которыми пользовался самъ Магометъ. Слова учителя эти комментаторы принимаютъ на вѣру, какъ несомнѣнную истину, но они не могутъ и не хотятъ требовать, чтобы читатели принимали ихъ собственные комментаріи также на вѣру. Эти комментаторы не выдаютъ своихъ произведеній за внушенія Аллаха и поэтому хотятъ дѣйствовать на читателей одной внутренней силой логической убѣдительности. Въ сочиненіяхъ такихъ комментаторовъ оказываются обязательными для мусульманскихъ читателей только основные тезисы, взятые цѣликомъ изъ Магомета. Что-же касается до діалектическихъ узоровъ, которыми обставлены или опутаны эти тезисы, то они обязательны настолько, насколько въ нихъ соблюдены законы человѣческой логики. Этимъ діалектическимъ узорамъ можно противупоставлять другіе узоры, вовсе на нихъ не похожіе, оставаясь

при всемъ томъ безукоризненнымъ вѣрующимъ сектаторомъ Магомета. Если мы обратимся теперь къ Ѳомѣ Аквинскому, то мы увидимъ, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на вышеуказанныхъ комментаторовъ и нисколько не похожъ на Магомета. Вслѣдствіе этого онъ вмѣстѣ съ комментаторами Корана попадаетъ въ разрядъ метафизиковъ, то есть такихъ людей, которые размышляютъ, диспутируютъ, аргументируютъ и умозаключаютъ, обращаясь постоянно не къ вѣрѣ, а къ разсудку слушателей и читателей, обязанныхъ вѣрить только основнымъ тезисамъ, а не прибавленіямъ и поясненіямъ толкователя.

До сихъ поръ я говорилъ о *чистой* метафизикѣ, которая, опираясь на нѣсколько тезисовъ, недостаточныхъ по количеству или никуда негодныхъ по качеству, старалась съ юношеской смѣлостью и съ безкорыстной любовью къ истинѣ постигнуть и уловить абсолютную сущность міозданія и человѣческаго духа. Полновластно господствуя втеченіи нѣсколькихъ столѣтій надъ всѣми передовыми умами средневѣковой Европы, метафизическое мышленіе просочилось понемногу во всѣ отрасли общественной жизни, пробралось въ оцѣнку всѣхъ междучеловѣческихъ отношеній и породило изъ себя многія видоизмѣненія *прикладной* метафизики, направленной къ различнымъ житейскимъ цѣлямъ, похвальнымъ и предосудительнымъ, высокимъ и низкимъ, крупнымъ и мелкимъ. Что въ высшихъ слояхъ умственнаго міра называлось схоластикой и считалось вѣнцомъ человѣческой жизни, то, спустившись внизъ и принявши грязновато-практическій колоритъ, превратилось въ юридическое кляузничество, крючкотворство, пронырство и пролазничество. Когда нравы смягчились и частныя войны стали выходить изъ употребленія, тогда прикладной метафизикой стали рѣшаться всѣ спорные вопросы, и тогда для сутяжничества наступила такая лафа, какой невозможно отыскать во всѣхъ остальныхъ періодахъ всемірной исторіи. Такъ какъ логика, по самой сущности своей, прикладывается ко всякому дѣлу, то, разумѣется, по поводу барана, пойманнаго въ чужомъ огородѣ, можно было пускаться въ такое же безбрежное море діалектическихъ изворотовъ и хитрыхъ цитатъ, въ какомъ плавали отцы Констанскаго собора, стараясь засудить Гусса и опредѣлить точныя границы папской власти. Впрочемъ господство метафизики не могло сдѣлаться прочнымъ и постояннымъ ни въ высшей области умозрѣнія, ни въ болѣе скромной сферѣ практической жизни. Метафизика сама, своей собственной дѣятельностью, неизбѣжно должна была подрыть, опрокинуть и раскрошить основныя причины своего могущества. Понятно напримѣръ, что огромное значеніе средневѣковыхъ юристовъ или легистовъ обусловливалось преимущественно непроходимой путаницей частныхъ законовъ, обычаевъ, правъ, привилегій и монополій, которые ежеминутно сталкивались, перекрещивались и переплетались между собою въ каждомъ городкѣ и въ каждой деревушкѣ. Легисты быть можетъ вовсе не имѣли опредѣленнаго намѣренія привести этотъ хаосъ къ простотѣ и единству. Легисты во всякомъ данномъ случаѣ старались только рѣшать спорный вопросъ въ пользу своихъ патроновъ. Но въ результатѣ этихъ частныхъ усилій получалось все-таки упрощеніе и объединеніе. Существуютъ, положимъ, два взаимно-противоположные обычая въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Легистъ, чтобы выиграть одинъ процессъ, опирается на обычай A и во имя его торжественно отрицаетъ обычай B, усиливая свое отрицаніе множествомъ почтенныхъ цитатъ, которыя у всякаго мало-мальски порядочнаго легиста всегда имѣются на-готовѣ. Затѣмъ тотъ-же легистъ или его товарищъ, чтобы выиграть другой процессъ, превозноситъ до небесъ обычай B и торжественно хоронитъ обычай A подъ цѣлой грудой самыхъ авторитетныхъ цитатъ. Потомъ представляется третій случай, въ которомъ оба обычая, и A, и B, безпощадно отрицаются, какъ очевидныя злоупотребленія, осужденныя давнымъ-давно римскими законами, каноническимъ правомъ, папскими буллами, соборными уложеніями, историческими примѣрами и юридическими прецедентами. Каждое изъ трехъ рѣшеній заносится въ лѣтописи Ѳемиды и становится такимъ фактомъ, на который навѣрное будутъ опираться въ случаѣ надобности легисты слѣдующихъ поколѣній. Каждая изъ трехъ тропинокъ превратится понемногу въ торную дорогу. Такимъ образомъ получится наконецъ тотъ результатъ, что оба мѣстные обычая утратятъ свою обязательную силу и понемногу придутъ въ забвеніе. Жители обѣихъ мѣстностей увидятъ, что обычай составляетъ для нихъ самую ненадежную гарантію; вслѣдствіе этого въ нихъ зародится стремленіе къ болѣе опредѣленному и однородному законоположенію, которое установило-бы какую-нибудь границу произвольнымъ умствованіямъ прикладной метафизики. Когда это стремленіе сдѣлается достаточно общимъ и достаточно сознательнымъ, тогда оно воплотится въ дѣйствительной жизни и нанесетъ могуществу прикладной метафизики роковой ударъ, послѣ котораго юристы потеряютъ возможность стряпать новый законъ для каждаго новаго случая.

О *чистой* метафизикѣ можно сказать то-же самое. Она сама губитъ свое господство. Обиліе метафизическихъ системъ, взаимно истребляющихъ другъ друга, приноситъ мыслящимъ людямъ полное разочарованіе, подрываетъ въ ко-

нецъ авторитетъ основныхъ тезисовъ, недопускающихъ повѣрки опыта, и порождаетъ ту гибельную для метафизики мысль, что для нашего ограниченнаго ума многіе величественные вопросы останутся навсегда совершенно неразрѣшенными.

XIX.

Съ XIII вѣка въ европейской исторіи начинаютъ играть важную и почетную роль два разряда метафизическихъ корпорацій, во-первыхъ—университеты, и во-вторыхъ—парламенты *). Университеты отстаиваютъ противъ папъ самостоятельность національныхъ церквей. Парламенты, въ ущербъ могущественнымъ и непокорнымъ феодаламъ, стараются расширить права королевской власти. Парламенты и университеты вмѣстѣ аргументируютъ за короля противъ всепоглощающихъ притязаній папы. Обѣ метафизическія корпораціи на всѣхъ пунктахъ одерживаютъ рядъ громкихъ и блистательныхъ побѣдъ. Въ началѣ XIV вѣка французскій король Филиппъ Красивый, при содѣйствіи метафизиковъ, судитъ и захватываетъ въ плѣнъ ретиваго папу Бонифація VIII, послѣдняго представителя необузданныхъ клерикальныхъ стремленій. Бонифацій умираетъ. Его преемникъ, Климентъ V, поселяется въ южной Франціи, въ городѣ Авиньонѣ, и становится покорнѣйшимъ слугою французскаго короля и окружающихъ его метафизиковъ. Въ это время метафизики засуживаютъ до смерти орденъ темпліеровъ, который считается опаснымъ для государства и кромѣ того обладаетъ огромными богатствами, весьма привлекательными для короля Филиппа. Папа безпрекословно ратификуетъ смертный приговоръ, произнесенный докторами и легистами. Преемники Климента продолжаютъ жить въ Авиньонѣ и повиноваться метафизикамъ, засѣдающимъ въ судахъ и университетахъ французскаго королевства и управляющимъ дѣйствіями французскаго правительства. Въ XV вѣкѣ начинается великій расколъ; въ католическомъ мірѣ появляются два папы, — одинъ римскій, другой авиньонскій. Кто разсудитъ между ними? Разсудятъ университетскіе метафизики. Они собираются въ Констансѣ, судятъ папъ, отрѣшаютъ ихъ отъ должности и даютъ католическому міру новаго папу, Мартина V.

Въ это время парламентскіе метафизики потихоньку расширяютъ королевскую прерогативу и длиннымъ рядомъ незамѣтныхъ, осторожныхъ и строго-послѣдовательныхъ стѣсненій и захватовъ доводятъ владѣтельныхъ герцоговъ и графовъ французскаго королевства до горькой необходимости превратиться въ ревностныхъ искателей придворныхъ должностей и королевскихъ улыбокъ.

Два столѣтія кропотливой метафизической работы произвели въ положеніи европейскихъ обществъ слѣдующія капитальныя перемѣны.

Къ концу XV вѣка папа превращенъ въ мелкаго итальянскаго владѣтеля, который хлопочетъ только о томъ, чтобы округлять свою область и набивать карманы своимъ племянникамъ и побочнымъ дѣтямъ.

Національныя церкви пріобрѣли себѣ почти полную независимость отъ папы и въ то-же время подчинились въ очень значительной степени господству свѣтской власти.

Аристократія на всемъ материкѣ Европы стѣснена, обуздана и унижена.

Королевская власть получила рѣшительное преобладаніе надъ всѣми остальными свѣтскими и духовными элементами, заявившими въ средневѣковыхъ обществахъ какія-бы то ни было притязанія на господство.

Англія въ своемъ развитіи отклонилась отъ этого пути. Въ Англіи оффиціальная церковь также подчинилась государству, но окончательное преобладаніе досталось не королю, а земледѣльческой аристократіи.

Здѣсь не мѣшаетъ остановиться, чтобы разсмотрѣть и обсудить замѣчательное разногласіе, возникшее по поводу Англіи между двумя величайшими историко-философами текущаго столѣтія, Контомъ и Боклемъ.

Контъ видитъ въ развитіи Англіи *замѣчательную политическую аномалію* и отдаетъ рѣшительное предпочтеніе тому пути, по которому шло развитіе Франціи и вообще всей континентальной Европы. Онъ говоритъ, что королевская власть, спасая Европу отъ политической анархіи, содѣйствовала въ то-же время такому радикальному истребленію средневѣковыхъ формъ, какое не могло-бы совершиться подъ господствомъ аристократіи. Хотя каждый изъ двухъ элементовъ, — аристократія и корона, — одержавши побѣду, старался возстановить въ свою пользу старый порядокъ, однако же, по мнѣнію Конта, эти вредныя реставраціонныя попытки со стороны аристократіи гораздо болѣе опасны, чѣмъ со стороны королевской власти, потому что въ первомъ случаѣ онѣ оказываются несравненно болѣе успѣшными и прочными, чѣмъ во второмъ. Сравнивая совершенно новыя бюрократическія формы, господ-

*) Я употребляю здѣсь слово *парламентъ* не въ англійскомъ, а во французскомъ смыслѣ. Во Франціи парламентами назывались, какъ извѣстно, не собранія выборныхъ представителей націи, а просто высшія судебныя мѣста, имѣвшія впрочемъ нѣкоторыя политическія права. Англійскому парламенту соотвѣтствовали во Франціи Etats Généraux, которыя однако собирались рѣдко и никогда не имѣли постояннаго вліянія на государственныя дѣла.

ствующія на всемъ монархическомъ материкѣ Европы, съ безчисленнымъ множествомъ старыхъ средневѣковыхъ обычаевъ и учрежденій, сохранившихся въ аристократической Англіи, читатель долженъ согласиться, что въ замѣчаніи Конта есть значительная доля правды.

Бокль, напротивъ того, находитъ развитіе Англіи особенно естественнымъ, здоровымъ и правильнымъ. Объясняя причины, побудившія его приняться именно за исторію Англіи, онъ объявляетъ положительно, что руководствуется «вовсе не тѣми побужденіями, которыя удостоиваютъ названія патріотизма». Онъ изучаетъ исторію Англіи, чтобы добраться до общихъ законовъ человѣческаго развитія; а выбралъ онъ именно Англію потому, что «изъ всѣхъ странъ Европы только въ одной Англіи правительство было наиболѣе спокойно, а народъ наиболѣе дѣятеленъ; только здѣсь свобода народная покоилась на болѣе широкомъ основаніи; каждый могъ говорить, что́ думаетъ, и дѣлать, что́ угодно, — слѣдовать своимъ наклонностямъ и распространять свои мнѣнія; только здѣсь были менѣе сильны преслѣдованія за вѣру, и потому только въ Англіи легче наблюдать движеніе и развитіе человѣческаго духа, нестѣсненнаго тѣми ограниченіями, которымъ онъ подвергнутъ во всѣхъ другихъ странахъ; здѣсь проповѣдываніе ересей менѣе опасно и исполненіе еретическихъ обрядовъ болѣе обыкновенно; здѣсь враждебныя вѣроисповѣданія процвѣтаютъ другъ подлѣ друга, возвышаются и падаютъ безъ всякаго препятствія, по желанію народа, нестѣсняемаго ни требованіями церкви, ни надзоромъ правительства; здѣсь всѣ интересы, всѣ классы предоставлены самимъ себѣ; здѣсь впервые подверглось нападенію во все вмѣшивающееся ученіе такъ называемой покровительственной системы и въ первый разъ было отвергнуто,—словомъ, всѣ опасныя крайности, къ которымъ ведетъ вмѣшательство, были избѣгнуты: деспотизмъ и бунтъ равно рѣдки; такъ какъ уступка признана основнымъ началомъ политики, то развитіе народное наименѣе нарушается властью привилегированныхъ классовъ, вліяніемъ отдѣльныхъ сектъ или насиліемъ деспотическихъ правителей.»

По своему тону эти слова Бокля напоминаютъ отчасти тѣ дифирамбы, которые поются во славу блаженной англійской конституціи Маколеемъ и всѣми подобными ему панегиристами буржуазіи. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается совсѣмъ не то. Бокль говоритъ не о благосостояніи англійскаго народа,—что̀ было-бы конечно безсовѣстно и нелѣпо,—а только о самодѣятельности его и объ отсутствіи стѣсненій,—то есть о такихъ особенностяхъ англійской жизни, которыя врядъ-ли рѣшится отрицать самый горячій противникъ англомановъ и доктринеровъ. Англоманія, насажденная во Франціи послѣдователями Монтескьё и сподвижниками Гизо, а у насъ—катковской школой публицистовъ и профессоровъ, вызвала противъ себя очень сильную реакцію, которая въ свою очередь зашла слишкомъ далеко или по крайней мѣрѣ приняла ложное направленіе. Выдавать англійскую конституцію за панацею всѣхъ общественныхъ золъ было конечно нелѣпо; пересаживать на европейскій материкъ такія учрежденія, подъ покровомъ которыхъ расцвѣли всѣ прелести колоссальнаго пауперизма, было-бы безразсудно. Указывать самымъ энергическимъ образомъ на общественныя болѣзни Англіи, въ которой доктринеры усматривали земной рай, было необходимо. Но при этомъ надо было останавливаться на чистомъ отрицаніи. Надо было говорить просто, что въ Англіи очень много дурного, не прибавляя и не подразумѣвая той мысли, что это дурное не существуетъ на континентѣ или существуетъ въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Ставить какую-нибудь континентальную страну выше Англіи или даже игнорировать тѣ огромныя преимущества, которыя отличаютъ Англію отъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ земель, значило впадать въ очень вредный и опасный парадоксъ. Франція, подобно всѣмъ другимъ континентальнымъ странамъ, не имѣетъ никакой основательной причины чваниться своимъ историческимъ развитіемъ и предпочитать его развитію Англіи. Конечно старыхъ формъ въ Англіи больше, чѣмъ во Франціи; но при этомъ остается спросить, въ какомъ отношеніи новѣйшіе наполеоновскіе чиновники и жандармы полезнѣе или пріятнѣе для народа, чѣмъ старые англійскіе муниципалитеты, шерифы и констебли? Громадные бюджеты Фульда съ ординарными, экстраординарными, добавочными и дополнительными расходами составляютъ конечно самое новое изобрѣтеніе финансовой науки, но врядъ-ли найдется даже во Франціи, пристрастной ко всякимъ новостямъ, много людей, способныхъ признать эту крупную новость за великое благодѣяніе. Систематическое развращеніе литературы посредствомъ субсидій и интимидацій составляетъ также совершенно новое явленіе, въ которомъ нѣтъ ничего средневѣковаго и въ которомъ все-таки трудно найти что-нибудь хорошее.

Вопросъ о новыхъ и старыхъ формахъ надо оставить въ сторонѣ. Тотъ масштабъ, которымъ Контъ измѣряетъ сравнительное достоинство двухъ общественныхъ движеній, французскаго и англійскаго, неудобенъ потому, что у Конта есть при этомъ своя затаенная мысль, управляющая всѣмъ ходомъ его анализа. Контъ возлюбилъ Францію за то, что она, по его мнѣнію, ближе всѣхъ другихъ частей Европы подошла къ своему окончательному обновленію, то есть къ учрежденію положительнаго или

позитивнаго порядка вещей. Но такъ какъ контовскій régime positif составляетъ самую неосуществимую и самую непривлекательную изъ всѣхъ утопій, то пристрастіе Конта къ Франціи оказывается лишеннымъ достаточнаго основанія, потому что французскій народъ такъ-же безконечно далекъ отъ *окончательнаго обновленія*, какъ и всѣ остальные народы земного шара.

Оставляя въ сторонѣ затаенную мысль и неудобный масштабъ Огюста Конта, мы должны будемъ признаться, что Англія во всѣхъ отношеніяхъ опередила Францію, несмотря на тѣ громадныя усилія и пожертвованія, которыми Франція оплачивала свое прогрессивное движеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ взглянуть именно на самое больное мѣсто Англіи—на ея пауперизмъ. Положеніе англійскаго работника очень тяжело — это правда. Но, во-первыхъ, положеніе французскаго работника, напримѣръ ліонскаго ткача, нисколько не легче; а во вторыхъ, въ Англіи для удовлетворительнаго рѣшенія рабочаго вопроса имѣется въ наличности несравненно болѣе матеріаловъ, чѣмъ во Франціи или въ какой-бы то ни было другой странѣ европейскаго материка. Эти матеріалы заключаются именно въ привычкѣ англійскаго народа къ самодѣятельности и къ самой широкой политической и гражданской свободѣ.

Мнѣ случалось иногда слышать и читать разсужденія о томъ, что когда человѣкъ умираетъ съ голода, тогда ему нѣтъ никакого дѣла до политическихъ правъ и гарантій. Разсужденія эти основательны. Когда человѣкъ *буквально* умираетъ отъ голода или отъ чего нибудь другого, напримѣръ отъ водяной или чахотки,—тогда ему дѣйствительно нѣтъ никакого дѣла ни до конституціи, ни до митинговъ, ни до habeas corpus, ни до свободы печати. Но когда человѣкъ живъ и до нѣкоторой степени здоровъ, когда онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, когда онъ старается всѣми силами улучшить свое положеніе и отбиться отъ гнетущей бѣдности, тогда для него имѣютъ огромное значеніе законы и обычаи той земли, въ которой ему приходится жить и дѣйствовать. Въ настоящее время уже дознано, что ассоціація, въ той или въ другой формѣ, составляетъ самое надежное наступательное и оборонительное оружіе противъ бѣдности. Но гдѣ-же ассоціацію легче составить, гдѣ легче найти для нея способныхъ членовъ, гдѣ она будетъ дѣйствовать съ бо̀льшимъ успѣхомъ—въ такой-ли странѣ, гдѣ предпріимчивость и сметливость народа воспитана и укрѣплена всѣмъ ходомъ его исторіи, и гдѣ всѣ жители могутъ свободно собираться и разсуждать о частныхъ и общественныхъ дѣлахъ,—или-же въ такой странѣ, гдѣ народъ впродолженіи многихъ столѣтій былъ систематически отучаемъ отъ всякой иниціативы, и гдѣ за народомъ, какъ за шаловливымъ ребенкомъ, смотрятъ ежеминутно сотни заботливыхъ благодѣтелей, наставниковъ и гувернеровъ? Отвѣтъ, кажется, ясенъ. Существующіе факты подтверждаютъ мысли, которыя могутъ быть выведены путемъ апріорическаго разсужденія. Кто у кого беретъ уроки по рабочему вопросу—Англія у Франціи, или наоборотъ? Наоборотъ, какъ разъ наоборотъ!—Общества взаимнаго страхованія, общества взаимнаго вспоможенія, общества для оптовыхъ закупокъ пищи и сырья, кредитныя учрежденія для рабочихъ классовъ, грандіозныя стачки, кооперативныя общества, — все это впервые приняло серьезные размѣры въ Англіи, несмотря на то, что первая мысль о многихъ изъ этихъ комбинацій родилась у мыслителей европейскаго материка. Дѣло въ томъ, что во Франціи, и на материкѣ вообще, мысль и жизнь, теорія и практика отдѣлены другъ отъ друга такой пустыней, чрезъ которую не хватаетъ самый сильный человѣческій голосъ, и въ которой изъ году въ годъ погибаютъ отъ различныхъ притѣсненій отважные чудаки, дерзающіе черезъ нее перебираться.

До какой степени Франція отстала отъ Англіи даже по рабочему вопросу, которымъ обыкновенно попрекаютъ коварный Альбіонъ, видно уже изъ того факта, что во Франціи очень недавно (именно въ 1864 году) отмѣненъ уголовный законъ, положительно запрещающій всякія стачки между работниками. Поучительно будетъ также припомнить, съ одной стороны, громадные англійскіе митинги, которые собираются и расходятся совершенно безпрепятственно,—а съ другой стороны—тѣ тонкости и хитрости, которыя въ прошломъ году (1865) были пущены въ ходъ парижскими извозчиками для того, чтобы устроить стачку, не нарушая закона противъ собраній, заключающихъ въ себѣ болѣе двадцати человѣкъ. При этомъ надо взять въ разсчетъ, что громадные митинги собираются и расходятся безпрепятственно въ такой странѣ, въ которой большинство жителей не имѣетъ избирательныхъ правъ, между тѣмъ какъ хитрости извозчиковъ устраиваются тамъ, гдѣ существуетъ и процвѣтаетъ поголовная подача голосовъ. Въ первой странѣ народъ безправенъ, во второй - онъ полновластенъ; повидимому въ первой должно существовать гораздо больше стѣсненій, чѣмъ во второй; а между тѣмъ выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Безправный народъ дѣлаетъ, что̀ ему угодно; а полновластный народъ безъ разрѣшенія полиціи не смѣетъ толковать о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Чѣмъ объяснить себѣ такое удивительное противорѣчіе?

Мнѣ кажется, что оно объясняется именно только крайней болѣзненностью того самаго

развитія, которое Контъ считаетъ нормальнымъ. На современной Франціи лежитъ гнетъ ея ужаснаго тысячелѣтняго прошедшаго, и этого гнета она до сихъ поръ не могла сбросить съ себя никакими конвульсивными потрясеніями. Французы умѣютъ побѣждать, но послѣ побѣды, когда разобрана послѣдняя баррикада, они тотчасъ торопятся возложить все свое упованіе на какого нибудь отца и благодѣтеля, который въ награду за ихъ добродушіе черезъ нѣсколько лѣтъ непремѣнно заставитъ ихъ соорудить новыя баррикады, имѣющія повести за собою новое упованіе и новое добродушіе. Французы много разъ мѣняли своихъ правителей но имъ никогда не приходило въ голову, что въ пользу этихъ правителей они, французы, постоянно отказываются отъ такихъ правъ, которыя каждый человѣкъ непремѣнно долженъ удерживать при самомъ себѣ, если онъ не желаетъ превратиться въ самое жалкое, ничтожное и зависимое существо. Англичанинъ, напротивъ того, сросся съ этими необходимыми правами до такой степени, что для него безъ нихъ немыслимо существованіе, и что его правительство, выбранное меньшинствомъ націи, все-таки считаетъ всякое посягательство на эти общія права дѣломъ въ высшей степени рискованнымъ.

Это основное различіе двухъ характеровъ выработалось на глазахъ исторіи.

Въ Англіи со временъ Вильгельма Завоевателя королевская власть была очень сильна. Въ это самое время французскіе короли были очень слабы. Въ Англіи аристократія должна была заключить съ народомъ наступательный и оборонительный союзъ противъ короля. Во Франціи, напротивъ того, король принужденъ былъ опираться на народъ, чтобы сдерживать и подавлять аристократовъ. Борьба англійскихъ аристократовъ съ королемъ, не только наступательная, но и оборонительная, во всякомъ случаѣ должна была принимать внѣшній видъ и дѣйствительный характеръ хроническаго возмущенія. Вслѣдствіе этого англійскіе аристократы неизбѣжно должны были, такъ или иначе, охотно или неохотно, играть роль агитаторовъ и демагоговъ. Иначе имъ нечего было и дѣлать; иначе имъ не зачѣмъ было и соединяться съ народомъ. Напротивъ того, дѣйствія французскихъ королей противъ аристократіи, даже самыя произвольныя и наступательныя, всегда могли облечься въ приличную форму и прослыть за необходимое подавленіе аристократическихъ мятежей. Вслѣдствіе этого французскимъ королямъ не было ни малѣйшей надобности обращаться въ этой борьбѣ къ какимъ-бы то ни было революціоннымъ средствамъ, способнымъ заронить въ народные умы опасныя сѣмена кичливаго самосознанія. Во Франціи угнетенный народъ апеллировалъ на графа или барона къ королю; каждое облегченіе народныхъ страданій принимало форму милости, пожалованной сверху за благонравіе и смиреніе. Въ Англіи главнымъ источникомъ всякаго угнетенія былъ самъ король, на котораго можно было апеллировать только къ собственному вооруженному кулаку; каждая льгота имѣла характеръ уступки, вырванной народомъ и его вождями сознательно и насильно, съ открытымъ нарушеніемъ всѣхъ законовъ благонравія и смиренія. Такимъ образомъ своенравный англичанинъ изворачивался постоянно собственными средствами, а кроткій французъ уповалъ преимущественно на силу, сообразительность и великодушіе начальства. Спустя нѣсколько столѣтій оригинальная метода англійской апелляціи была перенесена и во Францію; но это случилось очень недавно, всего лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, и случилось тогда, когда привычки упованія пустили уже въ характеръ французовъ очень глубокіе, быть можетъ даже неистребимые, корни. Впродолженіи цѣлаго столѣтія французъ въ тяжелыя минуты своей жизни твердилъ добродушную поговорку: «Si le roi savait!» Съ этой поговоркой онъ не желаетъ разставаться и вслѣдствіе этого усердно стремится создать себѣ такое правительство, которое будетъ все знать, во все вмѣшиваться и съ утра до вечера учить всѣхъ кротости и хорошимъ манерамъ. А до сихъ поръ французу приходится только повторять: «Si le comité savait!» «Si le consul savait!» «Si l'empereur savait!» «Si le roi savait!» «Si le président savait!» «Si l'empereur savait!» И потомъ опять ту-же канитель съ начала. Есть у французовъ великіе и смѣлые мыслители, которымъ эта канитель давно надоѣла, но французы обращаютъ на нихъ мало вниманія и утверждаютъ торжественно, что Бастіа и Викторъ Кузенъ не въ примѣръ глубокомысленнѣе Фурье и Прудона. Рождаясь въ нѣдрахъ буржуазіи, эти сужденія спускаются внизъ къ народу и приносятъ свои сочные и сладкіе плоды. Народъ тупѣетъ и восхищается славой второй имперіи, и будетъ восхищаться до тѣхъ поръ, пока бюджеты Фульда не переполнятъ мѣру буржуазнаго терпѣнія. Тогда начнутся опять поиски такого правительства, которое обладало-бы всевѣдѣніемъ и вездѣприсутствіемъ. Потративъ на эти поиски нѣсколько столѣтій, народъ конечно перевоспитается и пріобрѣтетъ себѣ тотъ складъ ума и характера, которымъ англичане обладаютъ въ настоящую минуту. Изъ чего слѣдуетъ то неотразимое заключеніе... что благосклонный читатель самъ подведетъ итоги всѣхъ предшествующихъ разсужденій.

XX.

Впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій различные элементы средневѣкового общества спо-

рили между собою и обижали другъ друга такъ, какъ это дѣлается въ кругу добрыхъ знакомыхъ и родственниковъ, которымъ вмѣстѣ тошно, а порознь скучно. Нанося другъ другу очень чувствительные удары, враждующіе элементы вовсе не думали и не желали истреблять другъ друга и перестраивать заново всю систему. Старая машина скрипѣла и расклеивалась; несообразности ея мозолили каждому глаза, но никому еще не приходило въ голову, что приближается начало такого генеральнаго разрушенія, которое наполнитъ собою всю жизнь многихъ поколѣній. Первымъ систематическимъ отрицателемъ старой машины, увлекшимъ за собою значительное число послѣдователей и оставившимъ послѣ себя прочное дѣло, былъ Лютеръ. У него было, правда, много предшественниковъ, не уступавшихъ ему ни въ умѣ, ни въ смѣлости; но эти предшественники своей дѣятельностью успѣли только высушить тѣ сырыя дрова, которыя Лютеру удалось наконецъ зажечь.

Систематическое отрицаніе Лютера хватало очень далеко. Въ области мысли онъ былъ очень робокъ. Онъ вѣрилъ въ колдовство. Онъ имѣлъ личныя непріятности съ чортомъ. Онъ проповѣдывалъ преслѣдованіе еретиковъ. Онъ всѣми силами старался унизить человѣческій умъ и подавить его пытливость. Въ политической жизни онъ дѣйствовалъ смѣлѣе, но смѣлость эта была чисто вынужденная. Отложиться отъ Рима значило конечно рѣшиться на радикальную мѣру. Но Лютеръ шагнулъ такъ широко только потому, что тутъ не было никакой возможности сдѣлать полшага или четверть шага. Римъ по своему обыкновенію не поддавался ни на какіе компромиссы и требовалъ себѣ полной покорности, въ которой слышался для Лютера непріятный запахъ тюрьмы и костра. Отступать назадъ было поздно; на поддержку сильныхъ людей можно было разсчитывать: значитъ, надо было шагнуть. И Лютеръ дѣйствительно сдѣлалъ тотъ огромный шагъ, которымъ онъ, поворачивая къ первымъ вѣкамъ христіанства, отрицалъ, во имя основной доктрины, всѣ историческія учрежденія западной церкви. Нравственныя послѣдствія этого шага были громадны. Но непосредственная перемѣна, произведенная Лютеромъ, была ничтожна. Онъ только сформулировалъ громко и откровенно то отношеніе національныхъ церквей къ Риму, которое de facto начинало уже устанавливаться во всемъ католическомъ мірѣ. Вездѣ церковь была уже болѣе или менѣе подчинена государству. Лютеръ возвелъ это подчиненіе въ догматъ, что конечно доставило немалое удовольствіе его покровителю, Фридриху Мудрому, и разнымъ другимъ, мудрымъ и немудрымъ герцогамъ и курфюрстамъ. Умственная робость Лютера составляетъ главную причину его практическихъ успѣховъ. За нимъ пошли очень многіе, потому что его отрицаніе очень многимъ было по плечу и очень немногихъ могло озадачить и отпугнуть. Но понятно всякому, что въ дѣлѣ систематическаго отрицанія—лиха бѣда начать. Всякій отрицатель говоритъ обыкновенно: я пойду до сихъ поръ и здѣсь остановлюсь. И всякій отрицатель находитъ себѣ послѣдователей и преемниковъ, которые ведутъ его дѣло дальше, повторяя тѣ же самыя слова передъ новой границей, чрезъ которую въ свою очередь перешагнутъ ихъ предпріимчивые ученики.

Хотя Лютеръ былъ очень яростнымъ врагомъ свободной мысли, однако-же его собственный протестъ противъ всей тысячелѣтней исторіи клерикальной корпораціи основывается исключительно на правѣ свободнаго личнаго изслѣдованія. Еслибы у Лютера спросили, почему онъ осмѣливается осуждать дѣло великихъ папъ и мудрыхъ учителей, то Лютеръ отвѣчалъ-бы конечно: потому что это дѣло противорѣчитъ духу основной доктрины. И затѣмъ начались-бы цитаты. Но тутъ можно было-бы остановить Лютера и возразить ему, что всѣ тексты, на которые онъ ссылается, существовали за много вѣковъ до его рожденія, что всѣ они прилежно читались и заучивались наизусть многими тысячами умныхъ, ученыхъ и благочестивыхъ людей, и что, несмотря на все это, эти умные, ученые и благочестивые люди соорудили то клерикальное зданіе, которое онъ, Лютеръ, желаетъ опрокинуть. Затѣмъ можно было-бы спросить у Лютера, неужели онъ, простой и ничтожный августинскій монахъ, считаетъ себя умнѣе тѣхъ великихъ комментаторовъ, которые назывались: Doctor admirabilis, Magister Sententiarum, Doctor Angelicus, Doctor subtilis и т. д.? На это Лютеръ былъ-бы принужденъ отвѣчать такъ: очень можетъ быть, что каждый изъ этихъ людей во сто разъ умнѣе меня, но къ сожалѣнію я никакъ не могу взять на прокатъ ихъ великіе умы и замѣнить ими мой собственный ничтожный умишко. Какъ-бы ни были велики или малы мои способности, во всякомъ случаѣ я могу размышлять только моимъ собственнымъ умомъ, и мои размышленія привели меня именно къ этимъ результатамъ. Лютеру конечно было очень желательно конфисковать въ свою пользу право свободнаго изслѣдованія и уложить навсегда человѣческую мысль въ ту новенькую коробочку, которую онъ для нея приготовилъ собственнымъ умомъ. Но такое желаніе было-бы въ высшей степени наивно, потому что, разумѣется, было неизмѣримо легче перешагнуть черезъ самого Лютера, чѣмъ черезъ ту гору великихъ авторитетовъ, черезъ которую Лютеръ перебросилъ своихъ послѣдователей. Старый тормазъ, сдерживавшій личную критику, былъ оборванъ самимъ Люте-

ромъ, и поправить это дѣло было уже невозможно, потому что подобные тормазы изготовляются тысячелѣтіями и еще потому, что умственное движеніе, создавшее Лютера, клонилось совсѣмъ не къ тому, чтобы превратить этого Лютера въ папу протестантизма. Протестантскія секты стали плодиться съ замѣчательной быстротой, и каждая послѣдующая секта оказывалась обыкновенно смѣлѣе и радикальнѣе предыдущей. Каждая была вполнѣ убѣждена въ томъ, что она произнесла послѣднее слово; держась такого взгляда на собственную дѣятельность, каждая секта чувствовала приливы ужаса и добродѣтельной ярости, когда вдругъ оказывалось, что можно произнести новое слово, еще болѣе послѣднее. Входить въ догматическія подробности я не считаю нужнымъ, но замѣчу мимоходомъ, что самыя крайнія протестантскія секты, послѣдователи Социна и Чаннинга, антитринитаріи или унитаріане, сами того не замѣчая, совершенно вышли за предѣлы основной доктрины и составляютъ переходъ отъ протестантизма къ философскому деизму. Словомъ, принципъ свободнаго изслѣдованія развернулся и, помимо воли отдѣльныхъ личностей, породилъ изъ себя всѣ свои логическія послѣдствія, не стѣсняясь даже тѣмъ медленнымъ огнемъ, на которомъ свободный изслѣдователь Жанъ Кальвинъ три часа жарилъ, въ свободномъ городѣ Женевѣ, свободнаго изслѣдователя Михаила Сервета.

Не трудно себѣ представить, какой ужасъ и какая ярость обуревали католиковъ въ то время, когда съ неудержимой силой развертывался принципъ свободнаго изслѣдованія. Католики думали положительно, что въ европейскія націи вселились легіоны бѣсовъ. Событія трехъ послѣднихъ столѣтій до сихъ поръ составляютъ для католическихъ мыслителей камень преткновенія и неразрѣшимую загадку. Что Европой овладѣло безуміе — это для нихъ очевидно, но съ какой стати нашло на нее это безуміе, и отчего оно до сихъ поръ не проходитъ, и какъ объяснить себѣ хроническое помѣшательство десяти поколѣній—это все такіе вопросы, передъ которыми становится въ тупикъ вся мудрость Бональдовъ, Шатобріановъ и де-Местровъ. Успѣхи протестантовъ пробудили въ католикахъ XVI вѣка чувство самосохраненія. Надо было, во что бы то ни стало, спасаться отъ наплыва еретическихъ сомнѣній, которыя могли, чего добраго, смыть съ лица земли всѣ сооруженія Григорія VII и Иннокентія III. Спасаться можно было только подъ покровительство королевской власти, укрѣпившейся на развалинахъ средневѣкового общества. Католицизмъ дѣйствительно смиренно отдался подъ защиту свѣтской власти и вслѣдствіе этого окончательно и безпрекословно подчинился ея господству, возмущаясь противъ него только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда это господство становилось опаснымъ для его существованія. Тѣ времена, когда представители клерикальной власти распекали королей за безнравственное поведеніе, прошли безвозвратно. Францискъ I, сгнившій за-живо отъ избытка своего цѣломудрія, считался постоянно образцомъ добродѣтели и нравственности и жилъ со своими клерикалами въ неразрывной дружбѣ, несмотря даже на то, что онъ заключилъ союзъ съ турецкимъ султаномъ и помогалъ деньгами нѣмецкимъ протестантамъ, воевавшимъ съ Карломъ V. Клерикаламъ мудрено было придираться къ такимъ мелочамъ въ то время, когда во Францію уже врывался кальвинизмъ и когда по ту сторону Ла-Манша Генрихъ VIII съ полнымъ успѣхомъ провозглашалъ себя папою Англіи собственно для того, чтобы обвѣнчаться съ хорошенькой англичанкой.

Читателю можетъ быть покажется страннымъ, что клерикальная власть, до крайности любезная къ Франциску, вздумала контролировать поступки Генриха. Я напомню читателю, что здѣсь клерикальная власть попалась между двухъ огней. Генрихъ VIII былъ женатъ на Катеринѣ Аррагонской и требовалъ себѣ у папы развода, а Катерина была родная тетка Карла V, такъ что согласиться на разводъ значило-бы нанести оскорбленіе самому сильному государю тогдашней Европы. Папа не согласился, и равнодушіе англичанъ къ римскому престолу оказалось до такой степени значительнымъ, что Генрихъ, не имѣя вокругъ себя ни одного полка постоянной арміи, рѣшился изъ-за любовной фантазіи произвести религіозный переворотъ.—И переворотъ совершился безпрепятственно. Тѣсный союзъ католицизма съ королевской властью казался великимъ благополучіемъ для обѣихъ сторонъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего-же лучше: короли будутъ защищать доктрину матеріальной силой, а доктрина, въ свою очередь, будетъ оправдывать и освящать въ глазахъ народа всѣ распоряженія королевской власти. При этихъ глубокихъ политическихъ соображеніяхъ было упущено изъ виду только то ничтожное обстоятельство, что такая доктрина, которая сама нуждается въ защитѣ со стороны матеріальной силы,—ровно ничего не можетъ оправдывать и освящать своимъ авторитетомъ. Вслѣдствіе этого ничтожнаго обстоятельства знаменитый союзъ сдѣлался гибельнымъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Съ одной стороны, клерикалы, ублажая своихъ покровителей, превращая всѣ ихъ страсти и капризы въ высокія добродѣтели, постоянно превознося то, что́ и безъ того стояло высоко, и постоянно принижая то, что́ и безъ того было принижено и задавлено,—словомъ, дѣлаясь самыми гибкими и

послушными орудіями возрастающаго деспотизма, —клерикалы окончательно уронили и обезчестили себя въ глазахъ всѣхъ людей, имѣвшихъ даже инстинктивныя и смутныя понятія о чести и объ общественной пользѣ. Съ другой стороны, короли, рѣшившись защищать идеи, осужденныя умственнымъ движеніемъ времени, взяли на себя тяжелую обузу, которой бремя не уравновѣшивалось никакими выгодами. Королямъ, какъ покровителямъ клерикальной корпораціи, приходилось преслѣдовать и истреблять тысячи такихъ людей, которые, увеличивая своимъ трудолюбіемъ массу народнаго богатства, ничѣмъ не нарушали общественнаго спокойствія. Казни еретиковъ производились въ грандіозныхъ размѣрахъ, разоряли промышленную жизнь богатыхъ и цвѣтущихъ областей, сокращали доходы королевской казны и наконецъ, переполняя мѣру народнаго терпѣнія, вели за собою самыя серьезныя политическія потрясенія, въ которыхъ королевская власть ровно ничего не могла выиграть и въ которыхъ она обыкновенно очень много проигрывала. Междоусобныя войны, опустошавшія Францію въ XVI столѣтіи, обязаны своимъ происхожденіемъ клерикальной политикѣ Генриха II и его преемниковъ. Возстаніе Нидерландовъ, нанесшее первый ударъ колоссальному могуществу испанской монархіи, было возбуждено тѣснымъ союзомъ Карла V и Филиппа II съ увядающими идеями католицизма. Такъ какъ протестантизмъ, превращаясь въ господствующую доктрину, принималъ немедленно всѣ замашки католицизма, то здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что союзъ англійскихъ королей съ епископальной церковью противъ всевозможныхъ диссидентовъ содѣйствовалъ въ очень значительной степени той катастрофѣ, которая погубила Карла I. Союзъ королей съ клерикалами естественнымъ образомъ велъ за собою противоположный союзъ между агитаторами и диссидентами. Борьба значительно упростилась: всѣ средневѣковые элементы сгруппировались вокругъ свѣтской власти и увидѣли себя лицомъ къ лицу съ тѣми новыми силами, которыя въ то время начинали сознавать и заявлять свое существованіе.

XXI.

Съ XIV столѣтія общій ходъ событій направляется во всей западной Европѣ къ свѣтской диктатурѣ, которая на материкѣ должна была принять автократическую, а въ Англіи—олигархическую форму. Протестантское движеніе помѣшало этой неизбѣжной диктатурѣ утвердиться въ началѣ XVI столѣтія. Слабѣйшій изъ двухъ свѣтскихъ элементовъ, боровшихся между собою за верховное господство, нашелъ себѣ въ протестантизмѣ неожиданную точку опоры и вслѣдствіе этого протянулъ борьбу еще на цѣлое столѣтіе. Въ Англіи Генрихъ VIII, какъ представитель слабѣйшаго элемента, обратился къ протестантизму, провозгласилъ себя главою церкви, и этимъ смѣлымъ поступкомъ, вытекавшимъ изъ любовнаго каприза, значительно усилилъ королевскую власть, которая развернула все свое могущество во время блестящаго царствованія Елизаветы. Въ это же самое время во Франціи аристократія, какъ слабѣйшій элементъ, бросилась въ гугенотское движеніе и надѣлала своимъ королямъ очень много хлопотъ. Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи борьба все-таки кончилась пораженіемъ слабѣйшаго элемента, потому что сильнѣйшій элементъ пустилъ въ ходъ свою обыкновенную тактику: онъ обратился къ народу и при его содѣйствіи одержалъ полную побѣду. Во Франціи вступленіе на престолъ Генриха IV, который, въ угоду націи, принялъ католическую религію, нанесло рѣшительный ударъ гугенотамъ, какъ политической партіи. Нантскій эдиктъ далъ искреннимъ протестантамъ свободу вѣроисповѣданія: вслѣдствіе этого неискренніе протестанты, то есть честолюбивые аристократы, превращавшіе религію въ политическое оружіе, остались безъ солдатъ и одинъ за другимъ отправились ко двору искать себѣ доходныхъ мѣстъ и знаковъ отличія. Въ Англіи долгій парламентъ положилъ конецъ произволу Карла I. Какъ въ Англіи такъ и во Франціи побѣда была одержана націей; но плодами побѣды воспользовались въ Англіи – аристократія, а во Франціи – король. Впрочемъ и во Франціи, и въ Англіи, послѣ побѣды обнаружились попытки ограничить могущество того элемента, которому въ ближайшемъ будущемъ должна была принадлежать диктатура. Во Франціи парламентскіе метафизики или, яснѣе, юристы начали вмѣшиваться въ распоряженія верховной власти и, во имя общественной пользы, стали дѣлать королямъ очень серьезныя и рѣзкія замѣчанія, которыя на оффиціальномъ языкѣ того времени назывались remontrances. За подобныя дерзости юристовъ посылали въ Бастилію; тогда народъ выражалъ свое неудовольствіе какимъ нибудь шумнымъ скандаломъ; но такъ какъ эти скандалы производились всегда безсвязно и безтолково, то они и не привели за собою никакихъ прочныхъ послѣдствій. Волненія фронды оказались послѣднимъ громкимъ протестомъ Франціи противъ надвигавшейся диктатуры. Въ этомъ протестѣ дѣйствовали за-одно тщеславные аристократы, добивавшіеся табуретовъ для своихъ супругъ, парламентскіе педанты, защищавшіе тощую идею легальности, и голодные бѣдняки, стоявшіе за интересы собственныхъ желудковъ. Такой неестественный союзъ не могъ сдѣлать

ничего путнаго; вслѣдъ за временами Фронды наступила диктатура Людовика XIV, которая совершенно раздавила идею легальности, набила мякиной милліоны французскихъ желудковъ и разрѣшила во всѣхъ отношеніяхъ только однихъ аристократовъ, имѣвшихъ неизреченное счастье присутствовать при petits-levers и petits-couchers и даже держать въ рукахъ королевскія рубашки.

Въ Англіи подобныя попытки проявились сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Во времена пуританской республики вожди народа закрыли палату лордовъ. Но самъ народъ еще довольно смутно понималъ свои собственныя выгоды. Реставрація была встрѣчена съ восторгомъ, и лучшимъ людямъ Англіи пришлось искать себѣ новой родины за Атлантическимъ океаномъ, гдѣ гнетъ укоренившихся привычекъ не мѣшалъ имъ осуществлять самые широкіе демократическіе планы. Послѣ вторичнаго изгнанія Стюартовъ, въ 1688 году, преобладаніе аристократіи окончательно установилось въ Англіи.

Когда во всей Европѣ окончилась борьба между короной и аристократіей, тогда началось между этими двумя элементами довѣрчивое и дружелюбное сближеніе. Въ Англіи пэры приняли королевскую власть подъ свое высокое покровительство. На материкѣ Европы короли стали смотрѣть на свое дворянство, какъ на опору своего авторитета. Словомъ, наступилъ золотой вѣкъ всеобщей преданности. Всѣ элементы, наполнившіе средневѣковую исторію шумомъ своихъ противурѣчивыхъ притязаній, стали пировать и веселиться въ полномъ единодушіи. Короли, клерикалы и аристократы сомкнулись въ неразрывный союзъ. Исключенной изъ этого союза оказалась только та черноземная сила, которая отправляла денежныя и натуральныя повинности. Пригласить эту силу на общій пиръ любви и дружбы не оказалось никакой возможности, во-первыхъ потому, что эта сила въ одно мгновеніе ока проглотила бы всѣ приготовленные деликатесы, а во-вторыхъ потому, что эта сила, по необъяснимой странности своего характера, умывалась очень рѣдко и одѣвалась въ какія-то весьма непрезентабельныя и даже до нѣкоторой степени неправдоподобныя лохмотья. Кромѣ того эта же сила обладала врожденной наклонностью къ самымъ труднымъ и грязнымъ работамъ; по всѣмъ этимъ причинамъ рѣшено было оставить ее за штатомъ. Что-же касается до метафизики, то она, по всегдашней подвижности, двусмысленности и эластичности своей натуры, раздвоилась, такъ что одни изъ ея представителей стали восхищаться деликатесами благороднаго пиршества, а другіе въ это-же время начали подвергать сомнѣнію врожденную наклонность черноземной силы къ самымъ труднымъ и грязнымъ работамъ. Одни стали говорить, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, а другіе рѣшились возражать, что бальный залъ—не міръ и что за предѣлами теплаго и свѣтлаго зала многое идетъ дурно и съ каждымъ годомъ становится хуже. Разсужденія воспослѣдовали весьма интересныя и поучительныя, но объ нихъ рѣчь впереди, потому что въ настоящее время слѣдуетъ разсмотрѣть видоизмѣненія, произведенныя въ общей европейской политикѣ прочнымъ утвержденіемъ той диктатуры, которая положила конецъ средневѣковой борьбѣ общественныхъ элементовъ.

Сказать: «L'Etat—c'est moi!» было не трудно, но въ самомъ дѣлѣ замѣнить собственной особой коллективный умъ цѣлой націи было очень мудрено и даже совсѣмъ невозможно. Когда центральная власть довела до совершеннаго ничтожества всѣ враждебные ей элементы, тогда въ рукахъ короля сосредоточилась такая необъятная масса дѣлъ, которая далеко превосходила размѣры обыкновенныхъ человѣческихъ силъ. Быстрое развитіе промышленной жизни и возрастающая сложность международныхъ отношеній съ каждымъ годомъ увеличивали число, разнообразіе и трудность политическихъ, финансовыхъ и административныхъ задачъ, постоянно требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Самый сильный и обширный умъ не могъ рѣшать всѣ эти задачи собственными силами; необходимы были необыкновенныя способности и самая напряженная дѣятельность даже для того, чтобы только обозрѣвать и контролировать рѣшенія, пріисканныя другими людьми. Эти способности и эта охота къ труду встрѣчаются вообще довольно рѣдко, въ особенности у такихъ личностей, которымъ нѣтъ надобности прокладывать себѣ собственными усиліями дорогу къ власти, къ богатству и къ различнымъ наслажденіямъ жизни. Поэтому легко могло случаться, и дѣйствительно случалось очень часто, что король не могъ и не желалъ тратить драгоцѣнное время на прочитываніе и обдумываніе скучныхъ и головоломныхъ смѣтъ, докладовъ и проэктовъ. Самъ Людовикъ XIV, авторъ фразы: «l'Etat—c'est moi!» занимался преимущественно сначала выдѣлываніемъ балетныхъ па, а потомъ — перебираніемъ четокъ и чтеніемъ латинскихъ молитвъ. Понятно, что въ такихъ рукахъ не могла сосредоточиваться центральная власть, получившая дѣйствительно самое полное господство надъ всѣми отправленіями общественной жизни. Королю были необходимы не только послушные и расторопные чиновники, способные исполнить данное приказаніе, но и настоящіе государственные дѣятели, способные самостоятельно обдумывать и создавать цѣлые обширные планы. Короли нуждались не въ агентахъ, а въ министрахъ, и министры дѣйствительно начинаютъ играть въ исторіи очень значительную роль съ того времени, какъ установилась въ Европѣ королевская автократія. Политика европей-

скихъ государствъ обусловливается обыкновенно, съ этого времени не личными взглядами королей, а соображеніями министровъ. Такъ напримѣръ, благочестивый король Людовикъ XIII былъ вовсе не прочь отъ того, чтобы всѣми силами истреблять протестантовъ внутри государства и за его предѣлами; между тѣмъ Франція во время его царствованія предоставляла своимъ гражданамъ полную свободу вѣроисповѣданія и очень дѣятельно помогала нѣмецкимъ протестантамъ деньгами и оружіемъ. Все это дѣлалось по мысли и по желанію великаго министра, кардинала Ришельё.

Министры должны были непремѣнно быть или по крайней мѣрѣ казаться даровитыми и свѣдущими людьми. Знатность рода тутъ не могла приниматься въ соображеніе. Самые недальновидные умы понимали очень хорошо, что безъ личныхъ способностей и безъ обширныхъ знаній невозможно ворочать громадную и сложную административную машину. Поэтому ни въ одномъ европейскомъ государствѣ аристократическіе предразсудки, несмотря на всю свою силу, не возвысились до грандіозно-нелѣпой попытки ввести въ назначеніе министровъ принципъ наслѣдственности или сдѣлать министерскія мѣста доступными только для высшихъ дворянскихъ фамилій. Во Франціи простолюдинъ (roturier) не могъ дослужиться до офицерскаго чина; но всѣ важнѣйшіе гражданскіе чиновники, интенданты, контролеры или министры были обыкновенно простолюдинами. Въ той-же Франціи множество должностей продавалось отъ короны въ наслѣдственную собственность. Но никому изъ французскихъ королей въ самыя тяжелыя минуты безденежья не приходила въ голову остроумная мысль продать съ аукціона должности министровъ, хотя, разумѣется, нашлись-бы покупатели, готовые заплатить за такія вліятельныя мѣста очень хорошія деньги. Идеи вѣка и духъ времени проникаютъ слабо и медленно въ міръ блестящихъ салоновъ. Но духъ времени необходимъ даже для тѣхъ людей, которые не имѣютъ понятія о его существованіи; безъ его содѣйствія самыя сильныя лица ежеминутно рискуютъ очутиться въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ положеніи; онѣ будутъ отдавать такія приказанія, которыя не могутъ быть приведены въ исполненіе; онѣ будутъ получать отъ сдѣланныхъ распоряженій совсѣмъ не тѣ результаты, которыхъ онѣ добивались и ожидали. Поэтому оказалась очевидная необходимость впустить духъ вѣка въ королевскіе совѣты, и представителями этого духа явились министры, которые, родившись въ бѣдности, проведя молодость среди лишеній и упорнаго труда, имѣли по крайней мѣрѣ хоть какое-нибудь понятіе о темныхъ и грязныхъ закоулкахъ народной жизни. Разумѣется, очень немногіе министры являлись вполнѣ достойными представителями вѣка; очень немногіе проникались лучшими идеями своего времени и рѣшались защищать во что бы то ни стало дѣйствительныя потребности своихъ соотечественниковъ, но по крайней мѣрѣ всѣ они знали до нѣкоторой степени, что́ возможно и что́ невозможно въ данную минуту. Даже и эти скромныя знанія, проникая въ область высшей политики, часто спасали Европу отъ очень тяжелыхъ испытаній.

Дѣятельность министровъ естественнымъ образомъ должна была понизить значеніе королевской власти, тѣмъ болѣе, что короли обыкновенно не имѣли возможности контролировать административную тактику министровъ съ достаточнымъ знаніемъ дѣла. Вмѣшательство королей въ политику выражалось обыкновенно въ той формѣ, что министръ впадалъ въ немилость и получалъ отставку вслѣдствіе какой нибудь мелкой дворцовой интриги. Извѣстно напримѣръ, что Людовикъ XIV и Людовикъ XV находились оба подъ вліяніемъ своихъ духовниковъ и своихъ любовницъ, которые по своему благоусмотрѣнію тасовали министровъ и поворачивали въ разныя стороны внѣшнюю политику Франціи. Поэтому министрамъ надо было постоянно вести рядомъ двѣ дипломатическія игры, одну—общеевропейскую, другую—версальскую; то есть, кромѣ великихъ государственныхъ вопросовъ, надо было еще постоянно изучать мелкія особенности придворной тактики. Даже такой великій человѣкъ, какъ Ришельё, признавался, что выслѣживаніе и распутываніе мелкихъ придворныхъ интригъ и сплетенъ доставляло ему гораздо больше хлопотъ, чѣмъ обдумываніе крупныхъ вопросовъ европейской политики. Понятно, что эти отношенія королей къ важнымъ государственнымъ дѣламъ не могли оставаться тайной для общества. Эти отношенія разбирались, обсуживались, осмѣивались, и въ общемъ результатѣ получался очевидный ущербъ для королевскаго авторитета.

XXII.

Въ цвѣтущія времена средневѣковаго порядка постоянныя и правильныя международныя сношенія не существовали, а въ экстренныхъ случаяхъ естественнымъ посредникомъ между враждующими государствами являлся папа, въ лицѣ своихъ легатовъ. Съ XIV вѣка европейское могущество папъ стало быстро понижаться, и въ-то же время постоянныя сношенія между различными державами стали гораздо болѣе необходимыми, чѣмъ прежде, во времена промышленнаго застоя и умственной неподвижности. Для удовлетворенія этой возрастающей потребности появились дипломатическіе агенты, которые вмѣстѣ съ министрами забрали въ свои руки всѣ нити евро-

пейской политики. Первымъ значительнымъ подвигомъ дипломатовъ было заключеніе Вестфальскаго мира, окончившаго собою тридцатилѣтнюю войну и окончательно отдѣлившаго отъ папскаго престола половину Европы. Легко можетъ быть, что вѣнскій конгрессъ былъ послѣднимъ значительнымъ подвигомъ европейской дипломатіи; по крайней мѣрѣ съ того времени совершилось много такихъ событій, которыя захватывали врасплохъ всевозможныхъ Талейрановъ и Меттерниховъ и разстраивали всѣ тончайшія соображенія этихъ проницательныхъ и дальновидныхъ господъ; съ того времени сдѣлалось черезчуръ очевиднымъ то обстоятельство, что ходомъ событій управляютъ совсѣмъ особенныя силы, составляющія для дипломатовъ вѣчную загадку, и дипломатія, чтобы не попадаться ежеминутно въ просакъ, соглашается повидимому принять на себя безобидную роль зрителя, дающаго оффиціальныя названія совершившимся фактамъ. Но въ первые вѣка послѣ реформаціи дипломаты спасли Европу отъ многихъ страданій, и спасли ее именно тѣмъ извѣстнымъ презрѣніемъ ко всякимъ принципамъ, которое составляетъ самый естественный аттрибутъ истиннаго дипломата. Противуположные принципы,—католицизмъ и протестантизмъ, — стараясь побѣдить и уничтожить другъ друга, пролили въ то время очень много крови, и пролили-бы ея еще гораздо больше, еслибы международныя отношенія находились въ рукахъ людей, проникнутыхъ глубокими убѣжденіями. Люди, глубоко убѣжденные, въ то время были похожи на Филиппа II испанскаго, объявлявшаго торжественно, что онъ скорѣе согласится царствовать надъ пустыней, чѣмъ надъ страной еретиковъ. Десятокъ такихъ людей, поставленныхъ на высокія мѣста, могли превосходно воспользоваться фанатическими страстями массъ и дѣйствительно превратить Европу въ пустыню.

Такъ-бы оно и случилось, еслибы напримѣръ католическія державы обратили вниманіе на протестъ папы, который послѣ тридцатилѣтняго кровопролитія все-таки отказался подписать Вестфальскій миръ, позволявшій протестантамъ существовать на бѣломъ свѣтѣ. Къ счастью для Европы, ея королями были въ это тяжелое время люди беэпечные и безхарактерные, и политическими дѣлами заправляли министры и дипломаты,—люди, вышедшіе изъ низшихъ классовъ общества и превосходно выучившіеся впродолженіи долгой и трудной служебной карьеры предпочитать мелкія выгоды всевозможнымъ великимъ идеаламъ, принципамъ и убѣжденіямъ. Такіе люди хорошо понимали, что царствовать надъ пустынями неудобно, потому что тамъ не съ кого будетъ собирать подати; вслѣдствіе такихъ соображеній яростные вопли принциповъ были оставлены безъ вниманія, и надъ замиренной Европой воцарилась система мелкихъ компромиссовъ,ловкихъ сдѣлокъ и осторожныхъ взаимныхъ надувательствъ. Эту систему дипломаты называютъ системой политическаго равновѣсія, но ее можно было-бы также назвать системой организованнаго недовѣрія. Какъ только какая-нибудь держава такъ или иначе начинаетъ усиливаться, такъ всѣ остальныя державы должны тотчасъ усматривать себѣ въ этомъ усиленіи косвенную угрозу, вслѣдствіе которой слѣдуетъ сообразно съ обстоятельствами принимать различныя мѣры, болѣе или менѣе рѣшительныя и энергическія. Эта политическая теорія очень обременительна для всѣхъ европейскихъ государствъ и не приноситъ никакой пользы ни одному изъ нихъ; но надо признаться, что она составляетъ неизбѣжный переходъ отъ старой феодальной воинственности къ счастливымъ и уже недалекимъ временамъ разумнаго миролюбія и промышленной солидарности. Средневѣковая воинственность угасла уже давно; въ исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій рѣдко можно встрѣтить такія безцѣльныя войны, какія загорались въ средніе вѣка исключительно отъ избытка рыцарской отважности и барской праздности. Крупно-нелѣпыя личности, подобныя Карлу XII и Наполеону I, представляютъ собою одинокія явленія, совершенно непохожія на все то, что̀ ихъ окружаетъ. Безкорыстная страсть къ войнѣ уже начинала угасать въ то время, когда протестантское движеніе охватило Европу. Тутъ война сдѣлалась неизбѣжной не потому, что людямъ нравились военныя упражненія, а потому, что каждый изъ противуположныхъ принциповъ считалъ войну единственнымъ средствомъ самосохраненія. Когда-же завязались продолжительныя и упорныя войны, тогда война очень скоро сдѣлалась самымъ выгоднымъ и даже единственнымъ выгоднымъ ремесломъ, потому что грабить, рѣзать и жечь гораздо пріятнѣе, чѣмъ быть ограбленнымъ, зарѣзаннымъ и сожженнымъ. Война, бывшая сначала средствомъ для очень многихъ людей, превратилась въ самостоятельную цѣль. Плохо уснувшіе инстинкты разрушенія и грабежа поднялись снова во всемъ средневѣковомъ величіи, и въ XVII столѣтіи, во времена Галилея и Кеплера, на историческую сцену выступили такіе артисты живодерства, какъ напримѣръ Тилли, Мансфельдтъ, Папенгеймъ и въ особенности несравненный герцогъ Фридландскій, Валленштейнъ. Вторая половина того-же столѣтія наполнена войнами Людовика XIV, которому во что-бы то ни стало хотѣлось уничтожить голландскую республику, какъ вредный притонъ протестантизма и вольнодумства. Вильгельмъ Оранскій понималъ, что побѣда Франціи можетъ надѣлать всей Европѣ очень много зла, и поэтому, вступивши въ 1688 г. на англійскій престолъ, онъ составилъ противъ

Людовика сильную коалицію, которая сломила его усердіе въ пропагандированіи деспотизма. Война была продолжительная и кровопролитная, но никакъ нельзя утверждать, что воюющія стороны воевали изъ любви къ искусству. У каждаго лагеря были свои принципы, которые никакъ не могли ужиться между собою въ мирѣ, и которыхъ борьба далеко не кончена даже въ настоящее время. Въ началѣ XVIII вѣка испанскій престолъ оказался вакантнымъ; само собою разумѣется, что ни одинъ изъ двухъ враждебныхъ лагерей не могъ безъ боя уступить другому цѣлое королевство; началась новая война, которая также вовсе не похожа на безцѣльныя средневѣковыя свалки. Затѣмъ между Франціей и Англіей начинаются войны, имѣющія совершенно новый, меркантильный характеръ,—войны, направленныя къ тому, чтобы убить торговлю противника и на ея развалинахъ основать свое собственное торговое могущество. Эти войны вытекали изъ ошибочныхъ взглядовъ на торговлю, но уже одна возможность такихъ ошибокъ показываетъ ту преобладающую важность, которую интересы промышленности упрочили за собою съ XVIII вѣка въ политикѣ передовыхъ европейскихъ государствъ. Другія войны XVIII в., напримѣръ семилѣтняя война и безплодныя усилія Англіи подавить американское возстаніе, составляютъ естественныя послѣдствія той диктатуры, которая можетъ распоряжаться по своему благоусмотрѣнію кровью и деньгами безотвѣтнаго народа. Вообще исторія всѣхъ войнъ, предпринятыхъ и веденныхъ втеченіи трехъ послѣднихъ столѣтій, даетъ тотъ выразительный результатъ, что народные инстинкты постоянно склонялись къ миру, диктатура вызывала войну, а министры вмѣстѣ съ дипломатами, подобно всякимъ метафизикамъ, старались лавировать и балансировать между двумя непримиримыми и несогласимыми крайностями.

XXIII.

Задолго до реформаціи въ Европѣ уже были такіе люди, умственныя требованія которыхъ не могли удовлетвориться протестантскимъ движеніемъ. Уже въ XIII вѣкѣ философія Аверроэса находила себѣ ревностныхъ почитателей въ Италіи и во Франціи; за эту философію пошли на костеръ въ началѣ XIV столѣтія нѣкоторые черезчуръ смѣлые парижскіе метафизики; объ этой философіи достаточно будетъ замѣтить, что Аверроэсъ или, правильнѣе, Ибнъ-Рошдъ, будучи самъ мусульманиномъ, открыто смѣялся надъ Магометомъ, презиралъ Коранъ и относился съ самымъ крайнимъ недовѣріемъ ко всему фантастическому. Эти тенденціи, переложенныя на европейскіе нравы, привились довольно прочно тамъ, гдѣ повидимому имъ всего менѣе слѣдовало-бы находиться,—именно въ высшихъ слояхъ итальянскаго духовенства. Достовѣрно извѣстно, что папы и кардиналы XV вѣка сами считали себя очень искусными актерами и отъ души удивлялись несокрушимому легковѣрію своей громадной публики. Папамъ и кардиналамъ было, разумѣется, неудобно популяризировать тѣ идеи, которыми они сами были проникнуты; но въ то же время имъ невозможно было играть роль съ утра до вечера, и притомъ каждый день, втеченіе многихъ лѣтъ; необходимо было по временамъ снимать тяжелую маску, бросать другъ на друга откровенно насмѣшливые взгляды и при затворенныхъ дверяхъ наслаждаться такой умственной пищей, которая соотвѣтствовала ихъ настоящимъ понятіямъ и наклонностямъ. Поэтому, строго запрещая распространеніе такой пищи въ обширныхъ кругахъ обыкновенныхъ потребителей, папы и кардиналы поощряли ея изготовленіе и держали при себѣ, въ видѣ придворной забавы, такихъ мыслителей и поэтовъ, которыхъ по настоящему, во имя всѣхъ неприкосновенныхъ истинъ, слѣдовало-бы зажарить самымъ тщательнымъ образомъ. Правда, что эти мыслители и поэты понимали свое положеніе и не обнаруживали никакихъ нескромныхъ наклонностей къ распространенію своихъ идей. Они относились къ непросвѣщенной массѣ съ самымъ величественнымъ презрѣніемъ, а на собственныя идеи они смотрѣли, какъ на свое личное сокровище и утѣшеніе; имъ никакъ не приходило въ голову, что между этими идеями и умами массы можетъ произойти химическое соединеніе, способное развить изъ себя самыя удивительныя и неожиданныя послѣдствія. Они не добивались этого химическаго соединенія, но, любя свои идеи, они, разумѣется, дѣлились ими съ тѣснымъ кружкомъ друзей и учениковъ.

Такимъ образомъ непозволительныя тенденціи жили тихо и незамѣтно до тѣхъ поръ, пока не отыскалась для нихъ удобная форма, въ которой онѣ смѣло могли выступить на свѣтъ. Такой формой оказалась страсть къ изученію классической древности. Эта страсть въ XV вѣкѣ охватила Италію и затѣмъ всю Европу. Изучать литературу грековъ и римлянъ—тутъ очевидно не было ничего предосудительнаго; въ страсти къ классическимъ литературамъ можно было признаваться открыто; поэтовъ и мыслителей древности можно было читать съ восхищеніемъ и комментировать съ восторгомъ передъ цѣлыми сотнями любознательныхъ учениковъ. О древности можно было говорить свободно; тутъ можно было, съ одной стороны, давать полную волю собственной критикѣ и, съ другой стороны, публично преклоняться передъ той свободой мысли и широтой взгляда, которыя характеризуютъ лучшихъ представителей древней философіи; кромѣ того тутъ можно было, подъ видомъ

восхищенія литературными красотами, заявлять свое пламенное и безграничное сочувствіе идеямъ и явленіямъ, діаметрально противуположнымъ и враждебнымъ всему тому, чему приказано было безусловно сочувствовать. Даже въ совершенно невинномъ благоговѣніи къ чистотѣ и изяществу цицероновскаго языка можно было скрыть тонкій и тѣмъ болѣе язвительный намекъ на грубость и безобразіе той варварской латыни, на которой были написаны грозныя буллы величайшихъ папъ и ужасные фоліанты Ѳомы Аквинскаго, Дунса Скотта и всѣхъ другихъ свѣтилъ католической теологіи. Вообще можно сказать, что ревностное изученіе классическихъ литературъ значительно увеличило во всей Европѣ число насмѣшливыхъ взглядовъ и лукавыхъ улыбокъ. Особенно важно было то обстоятельство, что открылась возможность постоянно увеличивать это число, не подвергаясь ни малѣйшей опасности и не нарушая никакихъ правилъ субординаціи и благочестія.

Реформація застала Германію въ полномъ разгарѣ классическихъ увлеченій. Знаменитѣйшіе изъ тогдашнихъ гуманистовъ, въ особенности Эразмъ Роттердамскій, отнеслись къ протестантскому движенію съ самымъ глубокимъ равнодушіемъ. По ихъ мнѣнію, не стоило ссориться съ Римомъ и поднимать шумъ на всю Европу, чтобы ограничиться тѣми мелочами, на которыхъ остановился Лютеръ. Эразмъ остался вѣренъ католицизму такъ точно, какъ онъ остался-бы вѣренъ буддизму, еслибы буддизмъ позволялъ ему жить спокойно и размышлять въ тепломъ кабинетѣ о различныхъ проявленіяхъ человѣческой глупости. Эразмъ и подобные ему книжники нисколько не желали и не считали возможнымъ обращать массу на путь истины. Вѣчное раздвоеніе между массой и мыслителями казалось имъ неизбѣжнымъ. Осуждать ихъ за это не слѣдуетъ. Они сдѣлали свое дѣло именно въ качествѣ книжниковъ и гордыхъ аристократовъ умственнаго міра. Прежде чѣмъ популяризировать философскую доктрину систематическаго отрицанія, надо было выработать ее. А чтобы выработать ее, надо было предварительно устроить такую лабораторію, въ которой можно было-бы работать съ полной безопасностью. Кромѣ того надо было сформировать такихъ людей, которые могли и желали-бы заняться этой серьезной и суровой работой. Надо было унести и спрятать свободную мысль въ самыя тихія убѣжища книжной науки,—въ такія мѣста, въ которыя-бы не заглядывала тупая ненависть бѣснующихся сектаторовъ, подобныхъ Кальвину. Надо было въ глубокой тишинѣ передавать немногимъ избраннымъ любовь къ свободному анализу для того, чтобы эта любовь сохранилась во всей своей чистотѣ до тѣхъ болѣе счастливыхъ временъ, когда прекратятся крики и драки фанатиковъ, и когда свободному мыслителю можно будетъ произнести во всеуслышаніе свое глубоко-обдуманное слово.

Хотя протестантское движеніе возбудило на нѣсколько десятилѣтій такія страсти, которыя совершенно враждебны свободному изслѣдованію, однако же по всей вѣроятности практическіе успѣхи Лютера, Кальвина и другихъ сектаторовъ заронили въ умы кабинетныхъ мыслителей ту смутную и робкую надежду, что когда нибудь настанетъ и для ихъ любимыхъ идей время практическихъ успѣховъ. Если масса убѣждается доводами Лютера и отказывается отъ папы, то со временемъ она можетъ убѣдиться доводами другого мыслителя и отказаться отъ Лютера. Если масса могла пойдти за Лютеромъ, то стало-быть она не осуждена на вѣчную умственную неподвижность, и стало-быть мыслитель можетъ искоренять самыя застарѣлыя ея заблужденія, если только съумѣетъ спускаться до уровня ея пониманія. Кромѣ того протестантская полемика въ первый разъ показала кабинетнымъ мыслителямъ, что̀ такое книгопечатаніе, и чѣмъ оно можетъ сдѣлаться въ рукахъ сообразительнаго и предпріимчиваго человѣка. Узнавши такимъ образомъ впечатлительность массы и силу книгопечатанія, кабинетные мыслители, далеко опередившіе протестантовъ смѣлостью и послѣдовательностью своихъ идей, непремѣнно должны были, рано или поздно, выйдти изъ своихъ тихихъ убѣжищъ въ открытое житейское море.

Продолжительныя бѣдствія религіозныхъ войнъ, послѣдовавшихъ за протестантскимъ движеніемъ, нанесли жестокій ударъ тому самому усердію, которое побуждало пылкихъ людей браться за оружіе. Въ практической жизни прямой опытъ дѣйствуетъ неотразимо на самыхъ необузданныхъ супранатуралистовъ. Когда оказалось безсильнымъ даже такое героическое лекарство, какъ Варѳоломеевская ночь, тогда враждебнымъ сектамъ поневолѣ пришлось сознаться въ томъ, что всѣ онѣ одинаково дорожатъ своими идеями, и что ни одной изъ нихъ не удается ни переубѣдить, ни истребить всѣхъ своихъ противниковъ. За разгаромъ воинственныхъ страстей послѣдовало общее утомленіе и желаніе мира во что бы то ни стало. Фанатизмъ подъ конецъ XVI вѣка смѣнился во Франціи такимъ замѣчательнымъ равнодушіемъ, что образовалась цѣлая могущественная партія такъ называемыхъ *политиковъ* или религіозныхъ примирителей, смотрѣвшихъ на догматическіе вопросы съ чисто-государственной точки зрѣнія. «Многимъ, — писалъ Дюплесси Морне въ началѣ XVII вѣка,—теперь надо сперва сказать, что есть религія, прежде чѣмъ сказать—какая». Двумя самыми яркими воплощеніями этого индифферентизма являются два величайшіе правителя старой Франціи, Генрихъ IV и

кардиналъ Ришельё. Пользуясь такимъ удобнымъ положеніемъ дѣлъ, свободный анализъ въ первый разъ выступилъ открыто передъ французскимъ обществомъ. Въ 1588 году Монтень издалъ свои «Essais», въ которыхъ очень мягко и вѣжливо выражаются совершенно скептическія отношенія къ самымъ почтеннымъ идеямъ католичества. «Дѣйствительно,—говоритъ онъ напримѣръ,—у насъ нѣтъ другого мѣрила истинному и разумному, кромѣ примѣра и понятія о мнѣніяхъ и обычаяхъ страны, гдѣ мы живемъ: вотъ совершенная религія, совершенное благоустройство, совершенное и удовлетворительное пользованіе всѣмъ». Въ 1601 году появилась книга Шаррона: «De la sagesse». Объ этой книгѣ Бокль сообщаетъ намъ слѣдующія подробности: «Шарронъ припоминаетъ своимъ соотечественникамъ, что ихъ религія зависитъ отъ случайныхъ условій ихъ рожденія и воспитанія, и что, еслибы они родились въ магометанской землѣ, они были-бы такими-же ревностными магометанами, какъ теперь христіанами. Этими соображеніями онъ доказываетъ всю нелѣпость соболѣзнованій о различіи религій, такъ какъ это различіе есть результатъ обстоятельствъ, независящихъ отъ людей. Слѣдуетъ также замѣтить, что каждая изъ этихъ различныхъ религій объявляетъ себя единственно-истинной, и всѣ онѣ основаны на сверхъ-естественныхъ притязаніяхъ, какъ-то: тайнахъ, чудесахъ, пророчествахъ, и т. п. Люди, именно потому, что забыли все это, сдѣлались рабами своего собственнаго легковѣрія, которое составляетъ главнѣйшее препятствіе всякому истинному знанію и которое можно устранить только принятіемъ широкой и общей точки зрѣнія, которая показала-бы намъ, какъ всѣ народы равно упорно держатся за понятія, въ которыхъ воспитаны. Если мы взглянемъ нѣсколько глубже,—говоритъ Шарронъ,—то увидимъ, что каждая изъ великихъ религій основана на той, которая ей предшествуетъ. Такимъ образомъ религія евреевъ основана на египетской; христіанство есть результатъ іудейства, а изъ двухъ послѣднихъ естественно происходитъ исламъ. Вотъ почему,—присовокупляетъ авторъ,—мы должны возвыситься надъ притязаніями враждебныхъ сектъ и, не пугаясь будущихъ наказаній, не увлекаясь надеждой на будущее блаженство, довольствоваться практической религіей, состоящей въ исполненіи обязанностей жизни, и, нестѣсняемые догматами какого-нибудь отдѣльнаго вѣрованія, стремиться къ тому, чтобы душа вошла сама въ себя и, усиліемъ самосозерцанія, восторгалась несказаннымъ величіемъ существа изъ существъ, высшей причины всего творенія.» *)

*) Русскій переводъ. Бокль Т. I. Стр. 391, 392.

Размышленія Шаррона до такой степени понравились французамъ, что книга его въ шесть лѣтъ выдержала три изданія. Изъ этого обстоятельства мы уже видимъ ясно, что та почва, на которой впослѣдствіи пришлось дѣйствовать Вольтеру, начала подготовляться очень рано. Подготовленіе продолжалось, тѣми или другими путями, втеченіи всего XVII столѣтія. Въ 1637 году Декартъ издалъ свой «Discours de la Méthode», написанный такимъ увлекательнымъ языкомъ, который до сихъ поръ считается образцомъ ясности, изящества и живости. Въ этомъ сочиненіи мыслитель прямо и совершенно сознательно обращается къ обществу, минуя тѣхъ патентованныхъ философовъ, по мнѣнію которыхъ вся истина замурована на вѣчныя времена въ старыхъ фоліантахъ. «Если,—говоритъ Декартъ,—я пишу по-французски, на языкѣ моихъ соотечественниковъ, а не по-латыни, не на языкѣ моихъ учителей, то это дѣлается потому, что я надѣюсь, что тѣ люди, которые руководствуются своимъ естественнымъ и неиспорченнымъ разумомъ, оцѣнятъ лучше мои мнѣнія, чѣмъ тѣ люди, которые вѣрятъ исключительно старымъ книгамъ.»—Въ такихъ словахъ уже слышатся ноты вольтеровскаго свиста; общество признается верховнымъ судьей, здравый смыслъ становится выше авторитетовъ.—Въ области мысли Декартъ не только является самымъ неутомимымъ разрушителемъ, но онъ даже съ крайней догматической рѣзкостью возводитъ разрушеніе старыхъ идей въ основной принципъ, безъ котораго мыслителю не позволяется сдѣлать ни одного шагу на пути изслѣдованія и умозрѣнія. «Когда я,—говоритъ онъ въ томъ-же «Discours», предназначенномъ для всей массы мыслящихъ читателей,—приступилъ къ изысканію истины, я нашелъ, что лучшее средство для этого—отбросить все, что́ я прежде получилъ, и отказаться отъ моихъ старыхъ мнѣній съ тѣмъ, чтобы положить имъ новое основаніе; я думалъ, что такимъ образомъ легче выполню великую задачу жизни, чѣмъ еслибы держался старыхъ началъ, которыя я принялъ въ молодости, не разсматривая, дѣйствительно-ли они вѣрны».— *Отбросить все, что́ я прежде получилъ*! При этомъ нѣтъ никакихъ ограничительныхъ оговорокъ! И это высказывается самымъ яснымъ и увлекательнымъ французскимъ языкомъ! Не чувствуете-ли вы, мой читатель, что морозъ подираетъ васъ по кожѣ? Я положительно это чувствую.

Впродолженіи всего XVII вѣка Голландія была постояннымъ безопаснымъ убѣжищемъ свободныхъ мыслителей. Германію опустошала въ это время тридцатилѣтняя война; въ Англіи свободную мысль преслѣдовали сначала Стюарты вмѣстѣ съ епископальной церковью, а потомъ—пуритане; во Франціи, даже до вступ-

ленія на престолъ Людовика XIV, свободные мыслители никакъ не могли считать себя безопасными, потому что кардиналъ Ришельё, недававшій духовенству ни малѣйшаго вліянія на важныя государственныя дѣла, вовсе не былъ расположенъ ссориться съ клерикалами изъ-за того, чтобы спасти отъ наказанія какого-нибудь одного попавшагося вольнодумца. Когда-же началось правленіе Людовика XIV, тогда свободная мысль совершенно замерла во Франціи слишкомъ на пятьдесятъ лѣтъ. Но въ это самое время она снова съ небывалой силой пробудилась въ Англіи, гдѣ Карлъ II началъ рѣшительно поощрять самыя смѣлыя отрицательныя доктрины. «Самымъ опаснымъ врагомъ духовенства,—говоритъ Бокль,—въ XVII вѣкѣ былъ конечно Гоббесъ, тончайшій діалектикъ эпохи, писатель, отличающійся необыкновенной ясностью и между англійскими метафизиками уступающій только Беркли. Этотъ глубокій мыслитель издалъ нѣсколько сочиненій, неблагопріятныхъ церкви и прямо противоположныхъ началамъ, которыя существенно необходимы для власти духовенства. Духовенство, какъ и слѣдовало ожидать, ненавидѣло его; его ученіе было объявлено въ высшей степени опаснымъ, и онъ былъ обвиненъ въ желаніи ниспровергнуть народную религію и испортить народную нравственность. Это зашло такъ далеко, что каждаго, кто осмѣливался думать самостоятельно, клеймили именемъ гоббиста или, какъ иногда выражались, гоббіанца. Такая открытая вражда духовенства была достаточной рекомендаціей передъ Карломъ. Король еще до своего вступленія на престолъ принялъ многія изъ началъ Гоббеса и послѣ возстановленія оказывалъ ему почтеніе, которое возмущало нѣкоторыхъ. Онъ защищалъ его отъ враговъ, даже не безъ нѣкоторой аффектаціи повѣсилъ портретъ его въ своей комнатѣ въ Вайтголлѣ и назначилъ пенсію этому страшнѣйшему изъ всѣхъ дотолѣ появлявшихся враговъ церковной іерархіи.»

Здѣсь особенно выразителенъ тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVII вѣка вольнодумцы уже имѣли въ Англіи свою коллективную кличку, вполнѣ соотвѣтствующую слову *вольтерьянецъ*, возникшему въ слѣдующемъ столѣтіи. Огюстъ Контъ относится къ Гоббесу съ большимъ уваженіемъ, называетъ его l'illustre Hobbes, горячо защищаетъ его память противъ обвиненій въ раболѣпствѣ передъ свѣтской властью, говоритъ, что это клевета, взведенная на великаго мыслителя англійскими аристократами и клерикалами, и наконецъ провозглашаетъ Гоббеса настоящимъ отцомъ отрицательной философіи. Большая часть сочиненій Гоббеса была написана и напечатана въ Голландіи, гдѣ Гоббесъ жилъ во все время протектората Кромвеля. Послѣ Гоббеса работали въ томъ-же направленіи и въ той-же гостепріимной странѣ Бенедиктъ, Спиноза и Пьеръ Бэль (Bayle).

Когда кончилась ихъ дѣятельность, тогда отрицательная доктрина оказалась окончательно выработанной во всѣхъ своихъ основныхъ чертахъ. Преемникамъ этихъ людей оставалось только размѣнять на мелкую монету и пустить въ общее обращеніе всю груду ихъ антикатолическихъ идей. За эту работу принялись съ необыкновеннымъ рвеніемъ и съ изумительнымъ искусствомъ талантливые французскіе писатели XVIII вѣка, во главѣ которыхъ стоялъ Вольтеръ. Задача этихъ писателей состояла совсѣмъ не въ томъ, чтобы открывать міру новыя истины, а въ томъ, чтобы сдѣлать уже добытыя истины неотъемлемымъ достояніемъ каждаго читающаго человѣка. Еслибы всѣ истины были открыты, еслибы всѣ заблужденія были опровергнуты, то весь міръ все-таки оставался-бы въ самой глубокой тьмѣ невѣжества и суевѣрія до тѣхъ поръ, пока великія открытія и опроверженія лежали-бы тихо и смирно въ большихъ и мудреныхъ книгахъ, непонятныхъ и незанимательныхъ для простыхъ смертныхъ. Чтобы придать открытіямъ и опроверженіямъ полную и широкую практическую вліятельность, чтобы извлечь изъ нихъ силу, разгоняющую позорный и вредный сонъ человѣческаго ума, чтобы оплодотворить ими жизнь цѣлыхъ великихъ народовъ,—надо было втеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій постоянно придумывать для этихъ открытій и опроверженій новыя формы, разнообразныя, легкія, граціозныя, смѣшныя, пестрыя, яркія, блестящія, какія угодно, но только непремѣнно такія, которыя бросались-бы въ глаза, дразнили любопытство, врѣзывались въ память и незамѣтно овладѣвали-бы всѣмъ существомъ очарованнаго читателя. И все это было исполнено. И міръ узналъ въ первый разъ, что̀ такое литература, и что могутъ сдѣлать съ цѣлымъ вѣкомъ великіе мастера словеснаго дѣла,—мастера, которыхъ нельзя назвать ни поэтами, ни учеными, ни философами. Писателей XVIII вѣка называютъ, правда, философами, и они сами очень любили украшать себя этимъ именемъ, но на самомъ дѣлѣ они нисколько не философы, а просто умные и талантливые литераторы, превосходно понявшіе или угадавшіе потребности своего времени. Какой-же напримѣръ философъ самъ Вольтеръ? Въ чемъ состоитъ его философская система? Еслибы кто-нибудь задалъ ему этотъ вопросъ, онъ навѣрное отдѣлался-бы отъ этого вопроса какой-нибудь шуткой и оказался-бы совершенно правымъ, потому что его задача состояла совсѣмъ не въ томъ, чтобы сооружать системы, а въ томъ, чтобы съ утра до вечера, втеченіи пятидесяти лѣтъ, вести убійственную партизанскую войну про-

тивъ всѣхъ средневѣковыхъ заблужденій и несправедливостей. Но философомъ его все-таки называть не годится. Вольтеръ до конца своей жизни оставался деистомъ, но многіе изъ его сподвижниковъ пошли дальше и дошли наконецъ до nec plus ultra.

Я предоставляю Боклю нарисовать намъ печальную картину ихъ гибельныхъ заблужденій. «Между писателями низшаго разряда,—говоритъ Бокль, - Дамилавилль, Делейръ, Марешаль, Нежонъ, Туссенъ были ревностными распространителями холоднаго и мрачнаго ученія, которое, чтобы погасить надежду на будущую жизнь, изгоняетъ изъ души человѣческой возвышенное чувство ея безсмертія, и—странно сказать!—даже нѣкоторые изъ величайшихъ умовъ не могли ускользнуть отъ этой заразы. Атеизмъ открыто защищался Кондорсé, Д'Аламберомъ, Дидро, Гельвеціемъ, Лэландомъ, Лапласомъ, Мирабо и Сенъ-Ламберомъ. Дѣйствительно, все это такъ полно согласовалось съ общимъ настроеніемъ, что въ обществѣ люди хвастались тѣмъ, что въ другой странѣ и въ другое время было-бы рѣдкимъ и исключительнымъ заблужденіемъ, эксцентрическимъ мнѣніемъ, которое зараженные имъ старались-бы скрывать. Въ 1764 году Юмъ встрѣтилъ въ домѣ барона Гольбаха общество знаменитѣйшихъ французовъ, жившихъ тогда въ Парижѣ. Великій шотландецъ, знавшій общее настроеніе, воспользовался случаемъ представить доводы противъ возможности существованія атеиста въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Что касалось до него, онъ никогда не встрѣчалъ атеиста. «Вы были довольно несчастливы,—сказалъ Гольбахъ,—но въ настоящее время вы видите ихъ здѣсь за столомъ семнадцать». Надо полагать, что, услышавъ эти ужасныя слова, *великій шотландецъ* поспѣшно зажалъ свои великія уши и тоскливо повѣсилъ свой великій носъ.

Когда отрицательныя доктрины произвели полный переворотъ въ мірѣ идей, тогда образовалась, подъ предводительствомъ Руссо, политическая школа, которая прямо нападала на существующія учрежденія, во имя того воображаемаго совершенства и блаженства, которыми пользовался человѣкъ, находясь въ естественномъ состояніи. «Revenons à la nature!» было постояннымъ боевымъ крикомъ этой школы, которая знала натуру очень плохо, но которая зато мѣтко попадала въ слабую и гнилую сторону общества, дошедшаго дѣйствительно до послѣднихъ предѣловъ нелѣпой, безобразной и болѣзненной искусственности. Вмѣстѣ съ школою Руссо на существующія учрежденія стали нападать, съ другой стороны, менѣе страстнымъ, но болѣе разсудительнымъ образомъ солидные и серьезные экономисты, которые доказывали что правительство своимъ вмѣшательствомъ жестоко тормозитъ народную промышленность и само себя разоряетъ своими собственными усиліями. Около этого-же времени образовался расколъ въ средѣ юристовъ; нашлось множество смѣлыхъ судей и адвокатовъ, которые вслѣдъ за маркизомъ Беккаріа стали жестоко нападать на варварство средневѣковыхъ казней, на безобразіе пытки, на несправедливость и неразумность всего уголовнаго судопроизводства. Старое общественное зданіе очевидно не могло устоять противъ всѣхъ этихъ горячихъ нападеній, которымъ сочувствовали въ значительной степени сами оффиціальные хранители традицій и существующихъ учрежденій.

1866.

ПОПУЛЯРИЗАТОРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ДОКТРИНЪ.

I.

Въ статьѣ «Времена метафизической аргументаціи» *) было брошено нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній о французской литературѣ XVIII вѣка. Чтобы выяснить и дополнить эти замѣчанія, я постараюсь теперь опредѣлить общій характеръ того великаго умственнаго движенія, которое положило конецъ средневѣковому порядку вещей.

Во время продолжительнаго царствованія Людовика XIV французы совершенно разучились отстаивать свои права волненія фронды были забыты; дворянство служило при дворѣ и танцовало менуэты; парламенту было объяснено разъ навсегда, что Людовикъ XIV— не король, а государство; галликанская церковь, въ лицѣ своего величайшаго свѣтила, Боссюта, провозглашала торжественно, что пассивное повиновеніе королю, наперекоръ папѣ, наперекоръ всему и всѣмъ,составляетъ самую священную обязанность настоящаго христіанина. Людовикъ XIV впродолженіи пятидесяти лѣтъ слишкомъ дѣлалъ все, что̀ ему было угодно. Хотѣлъ тратить милліоны на постройку версальскихъ дворцовъ — и тратилъ; хотѣлъ вести безтолковыя войны — и велъ; хотѣлъ опустошать въ своемъ собственномъ королевствѣ цѣлыя области, населенныя мирными и трудолюбивыми протестантами,—и опустошалъ. Словомъ запрету не было ни въ чемъ, и удовольствія получались самыя разнообразныя. Дѣло короля состояло въ томъ, чтобы выдумывать затѣи и требовать денегъ: это значило, что король заботится о своей славѣ, поощряетъ промышленность и кормитъ бѣдняковъ, доставляя имъ возможность строить фонтанчики и павильончики, плести кружева дѣлать огромные парики и вышивать золотомъ атласные жилеты и бархатные кафтаны.

Счастливая Франція, осыпаемая впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ такими истинно-великими благодѣяніями, преуспѣла до того, что дальше преуспѣвать было уже невозможно. Дальше оставалась одна только голодная смерть. Тѣ люди, на которыхъ лежала обязанность представлять фиску деньги по первому востребованію, видѣли, что съ каждымъ годомъ собираніе доходовъ становится болѣе затруднительнымъ, и что этому горю не помогаютъ никакія военныя экзекуціи. Эти люди занимали сами очень теплыя мѣста, и поэтому они вовсе не были расположены ни къ вольнодумству, ни къ сантиментальности; но и этимъ людямъ нельзя было не замѣтить, что все государственное хозяйство идетъ изъ рукъ вонъ дурно, и что рабочія силы націи находятся при послѣднемъ издыханіи. Министры, интенданты, епископы, генеральные откупщики, всѣ чувствовали болѣе или менѣе смутно, что *такъ* нельзя продолжать. Бѣдность была такъ широко распространена, что она мозолила глаза всѣмъ, кромѣ Людовика, который ограждался отъ непристойныхъ зрѣлищъ постоянными стараніями раззолоченной и улыбающейся придворной толпы. Когда какая-нибудь печальная истина упорно выглядываетъ на свѣтъ изъ каждой прорѣхи существующаго порядка, когда эту истину нельзя замазать никакой штукатуркой, ни оффиціальными софизмами, ни бюрократическими палліативами, ни величественнымъ игнорированіемъ, ни внушительной строгостью, тогда, рано или поздно, эта истина высказывается во всеуслышаніе и овладѣваетъ всѣми умами. Чтобы высказать то, что̀ ощущается всѣми, не надо обладать особенной геніальностью; но чтобы заговорить о такомъ предметѣ, о которомъ всѣ думаютъ и о которомъ никто не смѣетъ произнести ни одного слова, надо отличаться отъ другихъ недюжинной любовью къ истинѣ или къ тѣмъ интересамъ, которые страдаютъ отъ общаго молчанія.

При Людовикѣ XIV общеобязательное молчаніе было нарушено тремя тихими и почтительными голосами. О несовершенствахъ господствующей системы заговорили архіепископъ Фенелонъ, маршалъ Франціи Вобанъ и чиновникъ руанскаго суда Буагильберъ. Всѣмъ троимъ демократическія тенденціи были совершенно не по чину, да и не по темпераменту. Всѣ трое хлопотали не о какихъ-нибудь размашистыхъ

*) Подъ этимъ заглавіемъ въ сборникѣ «Лучъ», изданномъ въ 1866 г., были помѣщены послѣднія главы «Историческихъ Идей» Огюста Конта (гл. XVII—XXIII). *Изд.*

теоріяхъ, а только о томъ, чтобы у народа не совсѣмъ были отняты средства питаться, плодиться, работать и платить подати. Самымъ дерзновеннымъ сочиненіемъ Фенелона были «Приключенія Телемака». Но это сочиненіе, уносящее читателя въ Грецію и въ глубокую древность, казалось столь дерзновеннымъ самому автору, что онъ вовсе не считалъ возможнымъ выпускать его въ свѣтъ. Книга эта была напечатана безъ вѣдома автора, который написалъ ее исключительно для своего воспитанника, герцога бургонскаго, внука Людовика XIV. Печатаніе этой книги было остановлено парижской полиціей и оказалось возможнымъ только въ голландскомъ городѣ Гагѣ. Ядовитость этой ужасной книги состоитъ въ томъ, что она воспѣваетъ добродѣтели и мудрость такихъ благодѣтельныхъ монарховъ, которые не ведутъ разорительныхъ войнъ и не забавляются великолѣпными постройками, а развиваютъ земледѣліе, поощряютъ торговлю и водворяютъ въ народѣ патріархальную простоту нравовъ. Злостность этого памфлета была такъ очевидна, что Людовикъ XIV отнялъ у Фенелона мѣсто воспитателя и запретилъ ему, какъ обличителю и критикану, являться ко двору. Другой конечно за такое неистовство просидѣлъ-бы лѣтъ двадцать въ Бастиліи, но Фенелону при всей его преступности многое можно было простить за его архіепископское достоинство. Чрезъ три года послѣ исторіи о Телемакѣ герцогу бургонскому пришлось проѣзжать черезъ городъ Камбре, въ которомъ находилась епископская резиденція Фенелона. Король былъ такъ великодушенъ, что позволилъ герцогу повидаться съ преступнымъ обличителемъ войнъ и построекъ; но такъ какъ герцогъ былъ очень молодъ, а Фенелонъ очень лукавъ и опасенъ, то имъ строго запрещено было оставаться вмѣстѣ безъ свидѣтелей. Такимъ образомъ разрушительная ярость Фенелона была обуздана.

Другимъ разрушителемъ оказался на старости лѣтъ знаменитый инженеръ Вобанъ. Основавши на своемъ вѣку тридцать-три новыя крѣпости и перестроивши триста старыхъ крѣпостей, Вобанъ долженъ былъ не только изъѣздить всю Францію вдоль и поперекъ, но еще кромѣ того жить болѣе или менѣе долго въ различныхъ мѣстностяхъ своего отечества. Онъ внимательно всматривался во все, что́ его окружало, вездѣ находилъ бѣдность и злоупотребленія, вездѣ подмѣчалъ однѣ и тѣ-же причины народныхъ страданій и наконецъ рѣшился изложить результаты своихъ наблюденій въ политико-экономическомъ трактатѣ подъ заглавіемъ: «Projet d'une dîme royale» («Проэктъ королевской десятины»). Въ этой книгѣ онъ старался доказать, что основная причина народныхъ бѣдствій заключается въ неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, т. е. въ томъ, что чернь и бѣдняки платятъ безконечно много, а богатые и знатные люди, духовенство, дворянство и чиновничество избавлены отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей. Эту книгу, въ которой привилегированные тунеядцы были названы *порожденіемъ ехидны*, старый маршалъ представилъ самому королю съ тѣмъ трогательнымъ и смѣлымъ простодушіемъ, которымъ отличаются только малолѣтніе ребята и геніальные люди. Вобанъ конечно судилъ короля по самому себѣ; и, разумѣется, онъ оказывалъ Людовику XIV слишкомъ много чести. Книгу Вобана запретили, конфисковали и уничтожили. Старикъ не вынесъ этого удара и умеръ чрезъ одиннадцать дней послѣ уничтоженія книги. Умеръ онъ конечно не отъ того, что на него прогнѣвался повелитель Франціи, не отъ того, что этотъ гнѣвъ могъ преградить ему дорогу къ дальнѣйшему повышенію или даже отнять у него тѣ преимущества, которыми онъ пользовался. Вобана сразило то, что онъ принужденъ былъ въ одну минуту жестоко разочароваться. Вѣрованія всей его жизни погибли передъ его глазами. Онъ былъ увѣренъ, что король не знаетъ и что *порожденія ехидны* отводятъ ему глаза отъ народныхъ страданій. И вдругъ оказалось, что король не хочетъ знать, и что всѣ *порожденія ехидны* пользуются его сознательнымъ покровительствомъ. Во что́-же превращались при такихъ условіяхъ всѣ труды и всѣ подвиги честнаго патріота и храбраго солдата Вобана? Какой смыслъ получали его тридцать-три крѣпости, сто сорокъ сраженій и пятьдесятъ-три осады? Онъ думалъ прежде, что онъ сражался за свое отечество. Теперь оказывалось, что своими побѣдами онъ усилилъ и возвеличилъ самыхъ опасныхъ враговъ и самыхъ ненасытныхъ грабителей Франціи. Сдѣлавши такое открытіе, молодой человѣкъ круто повернулъ-бы въ противоположную сторону всѣ свои мысли и всю свою жизнь. Но такому старику, какъ Вобанъ, оставалось только назвать себя старымъ дуракомъ и умереть, проклиная день и часъ своего рожденія.

Буагильберъ въ книгѣ своей «Détail de la France sous le règne de Louis XIV» («Подробное описаніе Франціи въ царствованіе Людовика XIV») доказывалъ, подобно Вобану, что для спасенія и благосостоянія государства необходимо равномѣрное распредѣленіе податей. Финансовое искусство, по еретическимъ мнѣніямъ Буагильбера, должно было состоять не въ выжиманіи денегъ всѣми правдами и неправдами, а въ разумномъ возвышеніи производительныхъ силъ націи. За эти дерзкія умствованія Буагильберъ потерялъ свое мѣсто, но такъ какъ у него была при дворѣ сильная протекція, то его скоро простили и снова опредѣлили къ прежней должности.

Такимъ образомъ королевская власть, въ лицѣ

Людовика XIV, получила свое первое предостереженіе слишкомъ за восемьдесятъ лѣтъ до начала революціи. Раскаяться и исправиться было еще очень возможно. Впродолженіи всей первой половины XVIII вѣка политическія стремленія самыхъ смѣлыхъ французскихъ мыслителей были чрезвычайно умѣренны. Просвѣщенный и заботливый деспотизмъ, обуздывающій ярость клерикаловъ и расходующій разумнымъ образомъ государственные доходы,—составлялъ вѣнецъ ихъ желаній. Еслибы преемники Людовика XIV были похожи на Петра I или на Фридриха II прусскаго, еслибы они понимали необходимость радикальныхъ преобразованій, то вся литература оказалась-бы ихъ усердной союзницей. Руссо сталъ-бы воспѣвать высокія совершенства феодальной системы, французскій народъ продолжалъ-бы гордиться своими вѣрноподданническими чувствами, и революція сдѣлалась-бы ненужной и невозможной. Но Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV хотѣли наслаждаться жизнью и не умѣли возвыситься до какихъ-бы то ни было твердыхъ и опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій. Ихъ ребяческіе капризы, ихъ скандальная бездарность, ихъ самодовольная фривольность доказали наконецъ французамъ, что возлагать все упованіе на добродѣтели и таланты Людовиковъ—дѣло очень рискованное и неблагоразумное. Людовикъ XIV, Филиппъ Орлеанскій и Людовикъ XV оказались такимъ образомъ самыми замѣчательными популяризаторами отрицательныхъ доктринъ,—такими популяризаторами, безъ содѣйствія которыхъ ни Вольтеръ, ни Монтескьё, ни Дидро, ни Руссо не нашли бы себѣ читателей и даже не вздумали-бы приняться за свою критическую дѣятельность. Популяризаторская работа Людовика XIV оказалась до такой степени успѣшной, что народъ обезумѣлъ отъ радости, узнавши о его смерти. Конечно никто, кромѣ самого Людовика XIV, не могъ насадить и воспитать такія нѣжныя чувства въ сердцахъ французскаго народа, гордившагося своей пламенной привязанностью къ династіи Бурбоновъ. А безъ этого основного фундамента, заложеннаго самимъ Людовидомъ XIV, развитіе и распространеніе отрицательныхъ доктринъ было бы невозможно. Смѣлые и проницательные мыслители могли-бы правда понимать нелогичности и неточности господствующаго міросозерцанія; они могли бы замѣчать неразумность установившихся междучеловѣческихъ отношеній; но они постоянно чувствовали-бы свое одиночество, и врядъ-ли даже рѣшились-бы дѣлиться съ массой своими непочтительными размышленіями. Масса не стала-бы ихъ слушать. Масса заставила бы ихъ молчать, потому что масса очень охотно мирится со всякими несообразностями, если только она къ нимъ привыкла, и если онѣ не причиняютъ ей чрезчуръ невыносимой боли. Но такъ какъ французскіе Людовики и Филиппы позаботились о томъ, чтобы эта боль сдѣлалась дѣйствительно невыносимой, то размышленіе, анализъ и отрицаніе оказались настоятельной потребностью для самыхъ обыкновенныхъ умовъ, и масса, вынужденная своими правителями, направилась поневолѣ къ древу познанія добра и зла.

II.

Открытіе Америки, кругосвѣтное плаваніе Магеллана и астрономическія изслѣдованія Коперника, Кеплера и Галилея показали ясно всѣмъ знающимъ и мыслящимъ людямъ, что міроздание устроено совсѣмъ не по тому плану, который рисовали впродолженіи многихъ столѣтій папы, кардиналы, епископы и доктора всѣхъ высшихъ схоластическихъ наукъ. Разрывъ между свободной мыслью изслѣдователей и вѣковыми традиціями католицизма и протестантизма былъ очевиденъ, но очевиденъ только для тѣхъ немногихъ людей, которые серьезно посвящали себя научнымъ занятіямъ. Массѣ до этого разрыва не было никакого дѣла, и она продолжала подчиняться традиціямъ, которыхъ несостоятельность была доказана съ математической точностью. Увлечь массу вслѣдъ за передовыми мыслителями могла только невыносимая боль, причиненная ей ея любезными традиціями. Такая боль дѣйствительно явилась къ услугамъ массы въ видѣ тѣхъ преслѣдованій, которымъ остроумный король Людовикъ XIV вздумалъ подвергнуть протестантовъ въ концѣ XVII вѣка. Всѣ мы конечно слышали слово *драгоннады*, и всѣ мы знаемъ, что этимъ словомъ обозначаются какія-то скверныя штуки, которыя продѣлывались французскими драгунами надъ французскими протестантами. Но далеко не всѣ мы знаемъ, до какихъ предѣловъ простиралась скверность этихъ штукъ. Представьте себѣ, что на мирныхъ и беззащитныхъ гражданъ напускали солдатъ, которымъ было дано право забавляться надъ ними, какъ угодно, лишь-бы только эти граждане не умирали на мѣстѣ отъ солдатскихъ увеселеній; представьте себѣ далѣе, что тогдашніе солдаты, получивши такія завидныя права, обнаружили остроуміе и тонкую изобрѣтательность краснокожихъ индѣйцевъ, захватившихъ въ плѣнъ злѣйшаго и опаснѣйшаго врага. Что они насиловали женъ и дочерей протестантовъ въ присутствіи родителей и мужей, это уже само собою разумѣется и составляетъ только добродушно-комическую прелюдію ихъ веселыхъ шалостей. Настоящія-же шалости были болѣе серьезнаго характера: солдаты втыкали въ упорныхъ еретиковъ булавки съ ногъ до головы, рѣзали ихъ перочинными ножами, рвали носы раскаленными щипцами, вырывали ногти

на пальцахъ рукъ и ногъ, лили въ ротъ кипятокъ, ставили ноги въ растопленное сало, которое постепенно доводилось до кипѣнія. «Одного изъ протестантовъ,—говоритъ Бокль, — по имени Ріо, они крѣпко связали, сжали пальцы на рукахъ, воткнули булавки подъ ногти, жгли порохъ въ ушахъ, проткнули во многихъ мѣстахъ ляшки и налили уксусу и насыпали соли въ раны.» Въ это-же самое время такіе-же точно эпизоды разыгрывались, по приказанію Іакова II, въ Шотландіи надъ тамошними пресвитеріанцами. Такія вещи, совершающіяся не въ глухомъ застѣнкѣ, не по приговору судьи, не по правиламъ уголовной практики, а на улицахъ или въ частныхъ домахъ, по свободному вдохновенію пьяныхъ солдатъ, — могли-бы произвести очень непріятное впечатлѣніе даже на такую страну, которая была-бы сплошь заселена фанатическими и совершенно невѣжественными католиками. Но Франція Людовика XIV уже гордилась своей блестящей литературой, своимъ высоко-развитымъ искусствомъ, своими утонченными и отполированными манерами. Эта Франція была уже достаточно вылечена отъ средневѣкового фанатизма страданіями междуусобныхъ войнъ и ужасами Варѳоломеевской ночи. Отмѣненіе Нантскаго эдикта и драгоннады не могли быть особенно пріятны даже и для католическаго населенія страны. Протестанты были народъ трудолюбивый, промышленный, торговый и зажиточный; у нихъ было много дѣловыхъ сношеній и связей со всѣмъ промышленнымъ и торговымъ міромъ Франціи; всѣ эти связи должны были вдругъ оборваться; при этомъ конечно многимъ католическимъ купцамъ и фабрикантамъ пришлось ухватиться за карманъ и усомниться въ излишнемъ усердіи великаго короля. Во всей торговлѣ должно было произойдти такое замѣшательство, которое вѣроятно доказало многимъ искреннимъ католикамъ, что фанатическія преслѣдованія ведутъ за собою чувствительныя неудобства.

Вслѣдъ за отмѣненіемъ Нантскаго эдикта полмилліона протестантовъ выселились изъ Франціи. Они бѣжали въ Голландію, въ Швейцарію, въ Пруссію, въ Англію и даже въ Сѣверную Америку. Можно себѣ представить, какое потрясающее впечатлѣніе должны были производить на всѣхъ ближайшихъ сосѣдей Франціи эти длинныя вереницы переселенцевъ, изъ которыхъ многіе были истомлены нуждой и голодомъ и изъ которыхъ каждый сообщалъ какія-нибудь новыя подробности о разыгравшихся сценахъ угнетенія, грабежа, насилія и мучительства. Въ томъ поколѣніи, которое видѣло этихъ измученныхъ бѣглецовъ, еще были живы страшныя преданія о насиліяхъ и опустошеніяхъ тридцатилѣтней войны; сближая эти свѣжія преданія съ тѣми картинами, которыя развертывались теперь передъ его глазами, всякій лавочникъ, всякій ремесленникъ, всякій простой мужикъ могъ думать, что подвигается новая тридцатилѣтняя война католиковъ съ протестантами. Такой войны не могъ желать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, тѣмъ болѣе, что слѣды этой войны были еще слишкомъ замѣтны на всемъ пространствѣ германской территоріи. Но, глядя на французскихъ изгнанниковъ, каждый неглупый человѣкъ легко могъ сообразить, что война, подобная тридцатилѣтней, будетъ постоянно, какъ дамокловъ мечъ, висѣть надъ Европой до тѣхъ поръ, пока протестанты и католики не перестанутъ ненавидѣть и преслѣдовать другъ друга. Когда масса была наведена на подобныя мысли живыми и яркими впечатлѣніями дѣйствительной жизни, тогда проповѣдь всеобщей терпимости становилась въ высшей степени умѣстной, и давнишняя борьба передовыхъ мыслителей противъ фанатизма получала возможность увѣнчаться самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Мыслители, опираясь на общеизвѣстные факты, могли сказать массѣ громко и торжественно, что ея страданіямъ и преступленіямъ не будетъ конца до тѣхъ поръ, пока не уничтожится въ ея коллективномъ умѣ то основное заблужденіе, изъ котораго развиваются фанатическій энтузіазмъ и фанатическая ненависть. При всей своей ребяческой нѣжности къ основному заблужденію, несогласному съ дознанными законами природы, масса всетаки была расположена терпѣливо слушать серьезныя поученія мыслителей, потому что воспоминанія о тридцатилѣтней войнѣ и блѣдныя лица французскихъ бѣглецовъ поневолѣ наводили массу на непривычныя для нея размышленія. Католическіе и протестантскіе клерикалы съ своей стороны старались по мѣрѣ силъ помогать мыслящимъ проповѣдникамъ терпимости разными мелкими гадостями и прижимками, которыя каждый день напоминали понемногу массѣ о крупныхъ страданіяхъ и преступленіяхъ, вытекающихъ вмѣстѣ съ фанатизмомъ изъ основного заблужденія.

Драгоннады одобрялись безусловно самыми блестящими представителями галликанской церкви.

L'illustre Bossuet былъ ревностнымъ и краснорѣчивымъ панегиристомъ этихъ энергическихъ распоряженій. Либералъ и филантропъ Фенелонъ, часто критиковавшій дѣйствія правительства въ письмахъ къ вліятельнымъ лицамъ, во всю свою жизнь не сказалъ ни одного слова противъ преслѣдованія протестантовъ. Подобные факты постоянно вели общество къ тому убѣжденію, что клерикалы давно и навсегда разучились служить дѣлу любви и милосердія, и что ихъ одряхлѣвшая корпорація съ каждымъ годомъ становится болѣе вредной для общественнаго развитія. На этомъ убѣжденіи

разсуждающая масса начала сходиться съ передовыми умами. Мыслители замѣтили признаки такого зарождающагося взаимнаго пониманія и, пользуясь благопріятными условіями времени, заговорили противъ суевѣрія и фанатизма такимъ смѣлымъ и вразумительнымъ языкомъ, какого никогда еще не слыхала Европа.

Въ то самое время, когда Людовикъ XIV безобразничалъ и неистовствовалъ во Франціи, одинъ изъ его вѣрноподданныхъ, протестантъ Пьеръ Бэйль, издавалъ въ Голландіи журналы, книги и брошюры, въ которыхъ общепонятнымъ, живымъ и увлекательнымъ французскимъ языкомъ провозглашалась полная автономія разума и доказывалась совершенная непримиримость его требованій съ духомъ и буквой традиціонныхъ доктринъ. Живя въ свободной странѣ, Бэйль все-таки не могъ высказываться вполнѣ откровенно. Его убѣжденія испугали и оттолкнули бы его современниковъ. Эти убѣжденія пришлись не по вкусу даже Вольтеру. Поэтому Бэйль, не вдаваясь въ догматическое изложеніе своихъ собственныхъ идей, ограничивался постоянно вѣжливой, осторожной, но очень остроумной и язвительной критикой тѣхъ понятій, во имя которыхъ сооружались костры и опустошались цвѣтущія области. Тонъ Бэйля отличался обыкновенно почтительностью и смиреніемъ, но въ этой смиренной почтительности слышится для каждаго мыслящаго читателя бездонная глубина сомнѣнія и отрицанія. Бэйль высказывалъ не все, что̀ думалъ; но даже и то, что̀ онъ высказывалъ, бывало иногда изумительно смѣло. Такъ напримѣръ, уже въ 1682 году онъ утверждалъ печатно, что невѣріе лучше суевѣрія; поэтому онъ требовалъ отъ государства неограниченной терпимости даже и для крайнихъ еретиковъ. Это требованіе повторялось не разъ въ его брошюрахъ, написанныхъ по поводу преслѣдованія французскихъ протестантовъ. Далѣе тотъ-же неустрашимый мыслитель задавалъ себѣ и обсуживалъ съ разныхъ сторонъ вопросъ: можетъ ли существовать государство, составленное изъ атеистовъ? На этотъ вопросъ Бэйль не даетъ прямого отвѣта, но весь процессъ его доказательствъ очевидно клонится къ тому результату, что нравственность можетъ существовать независимо отъ культа. — Эти мысли Бэйля остаются очень смѣлыми даже и для нашего времени. Въ журналѣ Бэйля «Nouvelles de la république des lettres» забавлялся иногда анти-клерикальными шалостями остроумный писатель Фонтенель. Въ 1686 году, въ то самое время, когда французскіе протестанты терпѣли жестокое преслѣдованіе, въ журналѣ Бэйля появилась сатирическая аллегорія Фонтенеля, въ которой осмѣивался весь споръ католиковъ съ протестантами. «Письмо, — говоритъ Геттнеръ, — писанное будто-бы въ Батавіи, разсказываетъ, что на островѣ Борнео спорили о престолонаслѣдіи двѣ сестры: Меро (Mero, Rome) и Энегъ (Enègue, Genève), т. е. католицизмъ и протестантизмъ. Меро признана была безъ затрудненія, но скоро невыносимымъ гнетомъ и притѣсненіями оттолкнула отъ себя всѣ болѣе свободные умы; всѣ подданные должны были сообщать ей самыя тайныя свои мысли, приносить ей всѣ свои деньги; высшая милость, которую оказывала королева, было цѣлованіе ноги, но прежде, чѣмъ ихъ допускали къ этому, они должны были преклониться передъ костями умершихъ любимцевъ. Тогда выступила новая королева, Энегъ. Она уничтожаетъ всѣ эти жестокія нововведенія, требуетъ себѣ престола, называетъ себя настоящей дочерью недавно умершей королевы и доказываетъ эти притязанія своимъ сходствомъ съ матерью, между тѣмъ какъ Меро съ своей стороны сильно заботилась о томъ, чтобы скрывать и подмѣнивать портреты матери». — Въ томъ же 1686 году появилась книга Фонтенеля «Entretiens sur la pluralité des mondes» («Разговоры о множествѣ міровъ»). Эта книга развивала въ популярной формѣ тѣ самыя мысли, за которыя въ началѣ XVII столѣтія сгорѣлъ на кострѣ Джіордано Бруно. Фонтенель старался провести въ сознаніе всего читающаго общества астрономическія открытія Коперника и философскія идеи о природѣ, созданныя творческой фантазіей Декарта. Тутъ, разумѣется, было объяснено подробно, что неподвижныя звѣзды — не лампады, прицѣпленныя къ небесному своду для освѣщенія земли, а великіе центры самостоятельныхъ планетныхъ системъ, составленныхъ изъ такихъ небесныхъ тѣлъ, на которыхъ по всей вѣроятности развивается своя собственная, богатая и разнообразная органическая жизнь. Эта мысль, за которую римская инквизиція сожгла Джіордано Бруно, очень благополучно сошла съ рукъ Фонтенелю, несмотря на то, что его книга, изданная при Людовикѣ XIV, произвела на читающую публику сильное впечатлѣніе и понравилась даже легкомысленнымъ свѣтскимъ людямъ, совершенно неспособнымъ къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ. Въ 1687 году Фонтенель издалъ «Исторію оракуловъ», въ которой онъ разбиралъ хитрости языческихъ жрецовъ, стараясь при этомъ навести читателя на разныя поучительныя размышленія о современной дѣйствительности. Хранители общественной нравственности поняли наконецъ, куда клонятся литературныя забавы Фонтенеля. Тутъ всплыла на верхъ и аллегорія о двухъ царицахъ острова Борнео. Ключъ къ ея пониманію отыскался, и Фонтенелю было поставлено на видъ, что его ожидаетъ Бастилія. Фонтенель тотчасъ-же раскаялся, исправился, сталъ изливать на іезуитовъ потоки хвалебныхъ стихотвореній и съ тѣхъ поръ навсегда пересталъ

огорчать хранителей общественной непорочности. За такое благонравіе Фонтенель сподобился прожить на свѣтѣ сто лѣтъ. Онъ умеръ въ 1757 году, когда Вольтеръ уже господствовалъ надъ общественнымъ мнѣніемъ всей Европы.

III.

Людовикъ XIV умеръ въ 1715 году. Вольтеру было въ это время съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и онъ уже былъ на столько извѣстенъ въ парижскомъ обществѣ своей язвительностью, что, когда по рукамъ стала ходить рукописная сатира противъ покойнаго короля,— эта сатира была приписана Вольтеру, который впрочемъ былъ совершенно неповиненъ въ ея сочиненіи. За это мнимое преступленіе Вольтеръ попалъ на годъ въ Бастилію. Въ 1726 году Вольтеръ еще разъ посидѣлъ въ Бастиліи за ссору съ шевалье де-Рогановъ, который впрочемъ былъ самъ кругомъ виноватъ и вообще дѣйствовалъ въ отношеніи къ Вольтеру самымъ безчестнымъ и позорнымъ образомъ. Второе заключеніе Вольтера продолжалось недолго: по словамъ Бокля—полгода, а по мнѣнію Геттнера—всего двѣнадцать дней. Кто изъ нихъ правъ, Бокль или Геттнеръ, этого я не знаю, да это и не важно. Если мы примемъ цифру Бокля, какъ болѣе крупную, то и тогда окажется, что Вольтеръ, прожившій на свѣтѣ почти 84 года и сражавшійся съ самыми сильными человѣческими предразсудками слишкомъ 60 лѣтъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ всего полтора года, да и то по такимъ причинамъ, которыя съ его литературной дѣятельностью не имѣютъ ничего общаго. Этими двумя ничтожными заключеніями ограничиваются всѣ враждебныя столкновенія Вольтера съ предержащими властями. Вся остальная жизнь его протекла весело, спокойно, въ почетѣ и въ довольствѣ. Онъ велъ переписку почти со всѣми европейскими государями, въ томъ числѣ и съ папами. Онъ со всѣхъ сторонъ получалъ пенсіи и знаки отличія. Онъ былъ gentilhomme ordinaire de la chambre du roi, камергеромъ Фридриха Великаго, оффиціальнымъ исторіографомъ Франціи и членомъ французской академіи. Онъ пускался во всякія спекуляціи, игралъ на биржѣ, принималъ участіе въ государственныхъ займахъ и поставкахъ для войска; онъ хитрилъ, барышничалъ, кляузничалъ и даже мошенничалъ. Онъ нажилъ и сохранилъ большое состояніе. Онъ дошелъ до такихъ извѣстныхъ степеней, которымъ могъ-бы позавидовать даже Молчалинъ. И при всемъ томъ онъ постоянно оставался Вольтеромъ,—тѣмъ неутомимымъ бойцомъ, тѣмъ великимъ публицистомъ, который не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи, и котораго имя до сихъ поръ наводитъ на всѣхъ европейскихъ піетистовъ самый комическій ужасъ. — Какимъ образомъ могъ Вольтеръ гоняться за двумя зайцами и успѣшно ловить ихъ обоихъ? Какимъ образомъ могъ онъ въ одно и то-же время стоять во главѣ философской оппозиціи и пользоваться милостивымъ расположеніемъ всѣхъ высшихъ начальствъ?—Это замѣчательное явленіе, которое теперь сдѣлалось уже навсегда невозможнымъ, объясняется, по моему крайнему разумѣнію, только тѣмъ обстоятельствомъ, что сила человѣческой мысли и возможныя послѣдствія умственнаго движенія были въ то время еще очень мало извѣстны всѣмъ начальствующимъ лицамъ и корпораціямъ.

Правители XVIII вѣка, подобно средневѣковымъ государямъ и папамъ, не боялись мысли и преслѣдовали оппозиціонныхъ мыслителей, не какъ нарушителей общественнаго спокойствія, а какъ нахаловъ, осмѣливающихся думать и говорить дерзости. Наказанія клонились совсѣмъ не къ тому, чтобы предотвратить вредъ, могущій произойти отъ дѣятельности писателя; объ этомъ вредѣ никто и не думалъ. Какой, дескать, вредъ можетъ сдѣлать ничтожный и голодный прохвостъ, марающій бумагу для того, чтобы зашибить нѣсколько грошей на хлѣбъ и на дрова. Наказанія имѣли только тотъ смыслъ, что, молъ, не смѣй ты, бестія и прощалыга, соваться съ твоими глупыми разсужденіями туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ. Наказанія были мщеніемъ за дерзость и поэтому обусловливались исключительно силою того гнѣва, которымъ обуревалась важная особа, имѣющая власть карать и миловать. Вслѣдствіе этого самой опасной была для писателей именно та отрасль литературы, которая была всего ничтожнѣе и всего менѣе могла дѣйствовать на общественную жизнь въ какомъ бы то ни было направленіи. Всего больнѣе доставалось сочинителямъ сатиръ или пасквилей, направленныхъ противъ отдѣльныхъ личностей. Напишите вы, напримѣръ, игривые стишки о томъ, что дворецкій маркиза А обладаетъ сизымъ носомъ и толстымъ брюхомъ,—васъ почти навѣрное засадятъ въ тюрьму, потому что маркизъ А сочтетъ себя оскорбленнымъ въ лицѣ своего любимаго лакея и, пылая благородной амбиціей, непремѣнно выхлопочетъ на ваше имя lettre de cachet. Попробуйте-же вы, напротивъ того, не затрогивая брюха и носа, самымъ осязательнымъ образомъ перевернуть вверхъ дномъ вашей книгой всѣ господствующія въ оффиціальныхъ сферахъ понятія о юстиціи, о финансовомъ управленіи, о сословныхъ отношеніяхъ, о международномъ правѣ, о какомъ нибудь другомъ предметѣ первостепенной важности,—и опасность окажется для васъ гораздо менѣе значительной, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Если-же вамъ желательно, чтобы эта опасность уменьшилась до нуля, то сдѣлайте вотъ что: посвятите вы вашу книгу тому самому начальствующему лицу, ко-

тораго идеи вы подвергаете самой разрушительной критикѣ; кромѣ того разсыпьте въ вашемъ введеніи и въ примѣчаніяхъ множество самыхъ восторженныхъ и самыхъ голословныхъ комплиментовъ всѣмъ тѣмъ сильнымъ особамъ, которыхъ систему вы отрицаете на-повалъ. Книга ваша пройдетъ тогда совершенно безпрепятственно. Всѣ вліятельныя лица скажутъ, что ваши идеи конечно довольно опрометчивы, но что вы сами—человѣкъ благовоспитанный, скромный и почтительный, и что слѣдовательно нѣтъ никакой надобности огорчать васъ запрещеніемъ вашей книги или препровожденіемъ вашей особы въ Бастилію.

Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ человѣческія общества и вплоть до самаго XVIII вѣка, литература считалась постоянно забавой, очень тонкой и благородной, пожалуй даже возвышенной, но совершенно лишенной всякаго серьезнаго значенія, политическаго или общественнаго. Писатель могъ быть художникомъ или мудрецомъ, но въ глазахъ дѣловыхъ людей онъ всегда оставался балясникомъ, кривляющимся для собственнаго удовольствія и потѣхи публики. Литература стояла на одной доскѣ съ музыкой, живописью и скульптурой. Она могла украшать жизнь фешенебельнаго общества, но никто не повѣрилъ-бы, что она можетъ отливать эту жизнь въ совершенно новыя формы.

Въ XVIII столѣтіи чтеніе сдѣлалось насущной потребностью для тѣхъ классовъ общества, которые распоряжаются судьбою народовъ. Тотъ матеріалъ, которымъ удовлетворяется эта новая потребность, получилъ очень важное значеніе. Фабриканты этого матеріала сдѣлались изготовителями общественнаго мнѣнія. Книги, журналы и газеты образовали между тысячами и десятками тысячъ индивидуальныхъ умовъ такую тѣсную и крѣпкую связь, которая до того времени была невозможна и немыслима. Съ тѣхъ поръ какъ народилось на свѣтъ невиданное диво—общественное мнѣніе цѣлой націи, цѣлой большой страны—съ этихъ поръ, говорю я, писатели сдѣлались для европейскихъ обществъ тѣмъ, чѣмъ были для крошечныхъ греческихъ республикъ ораторы.

«Я думаю,—говорилъ въ нижней палатѣ членъ англійскаго парламента, Данверзъ, я думаю, Великобританіей управляетъ власть, о верховномъ преобладаніи которой до сихъ поръ не было слышно ни въ какой вѣкъ, ни въ какой странѣ. Власть эта, сэръ, не состоитъ въ неограниченной волѣ одного государя, ни въ силѣ войска, ни во вліяніи духовенства,—это также не власть юбокъ; это—власть печати, сэръ. Матеріалы, которыми наполняются наши еженедѣльныя газеты, читаются съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ акты парламента; а мнѣніе каждаго изъ этихъ писакъ имѣетъ въ глазахъ толпы больше значенія, чѣмъ мнѣніе лучшихъ политическихъ людей королевства.» Эти слова были произнесены въ 1738 году, и Бокль говоритъ, что это—самое раннее указаніе на возникающую власть печати, которая въ первый разъ во всемірной исторіи сдѣлалась выразительницей общественнаго мнѣнія. Въ половинѣ XVIII вѣка Малербъ, директоръ департамента по дѣламъ печати, вступая во французскую академію, говорилъ такъ: «литература и философія теперь снова завоевали себѣ ту свободу, какую онѣ имѣли въ древней Греціи; *онѣ даютъ народамъ законодателей;* благородное одушевленіе овладѣло всѣми умами; пришло время, когда каждый, способный мыслить и писать, *чувствуетъ себя обязаннымъ направить свои мысли къ общему благу*». Академическія рѣчи всегда переполняются общими мѣстами, пріятными для слушателей, для правительства, для академіи и для всѣхъ вообще присутствующихъ и отсутствующихъ, живыхъ и умершихъ. Поэтому-то именно слова Малерба и должны имѣть въ нашихъ глазахъ особенную знаменательность. Если та мысль, что литература и философія *даютъ народамъ законодателей*, сдѣлалась общимъ мѣстомъ, очень приличнымъ въ офиціальной академической рѣчи, произнесенной важнымъ и солиднымъ чиновникомъ, начальникомъ французской печати, то, разумѣется, взглядъ на писателей какъ на милыхъ забавниковъ окончательно смѣнился тѣмъ серьезнымъ взглядомъ, вслѣдствіе котораго каждый мыслящій писатель *чувствуетъ себя обязаннымъ направить свои мысли къ общему благу*. Если-же мы воротимся назадъ, не очень далеко, всего только къ эпохѣ Людовика XIV, то мы увидимъ, что литература все еще продолжаетъ забавлять публику (divertir le public, какъ говоритъ о самомъ себѣ Пьеръ Корнель) и ни о какомъ общемъ благѣ не смѣетъ подумать. Кто стоитъ на первомъ планѣ во французской литературѣ XVII вѣка?—Корнель, Расинъ, Буало, Мольеръ. За какія заслуги?—За чувствительныя трагедіи, за веселыя комедіи, за ничтожныя сатиры, и преимущественно за чистоту языка и за изящество стиховъ. Правда, что въ «*Тартюфѣ*» Мольера можно уже замѣтить отдаленный пророческій намекъ на будущую роль литературы. Кто стоитъ на первомъ планѣ во французской литературѣ XVIII вѣка?—Вольтеръ, Монтескьё, Дидро, Руссо, Гельвецій, Бомарше. За что?—За такія произведенія, которыя затрогиваютъ съ разныхъ сторонъ самые важные и глубокіе вопросы міросозерцанія частной нравственности общественной жизни. Ясно, стало быть, что перемѣна совершилась именно на рубежѣ двухъ столѣтій, XVII и XVIII. Впечатлѣніе, произведенное книгами Фонтенеля и журналами Бэйля, можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ великомъ превращеніи литературы изъ милой забавы въ серьезное дѣло.

Такъ какъ дѣятельность Вольтера и его ближайшихъ преемниковъ вплоть до 1789 года была первымъ яркимъ проявленіемъ серьезной и вліятельной литературы, превратившейся въ общественную силу, то, разумѣется, отношенія этой дѣятельности къ тогдашнимъ властямъ были еще очень неясны, неопредѣленны и подвержены многимъ колебаніямъ. Власти видѣли, что народилась на свѣтъ новая сила, но онѣ еще не знали, что это за сила, и чего отъ нея можно ожидать, и до какихъ размѣровъ можетъ дойти ея развитіе, и какимъ образомъ слѣдуетъ съ нею обращаться. Власти смотрѣли на возрастающую силу литературы не со страхомъ, а скорѣе съ любопытствомъ и даже съ тщеславнымъ удовольствіемъ. Властямъ было пріятно видѣть, что подъ ихъ господствомъ плодятся такія чудеса, о которыхъ прежнія времена не имѣли понятія. Въ простотѣ души своей, тогдашнія власти играли съ великими идеями такъ же весело и беззаботно, какъ невинныя дѣти могутъ играть съ заряженными пистолетами. Конечно иногда задавались писателямъ сильныя острастки, но именно эти-то острастки и обнаруживаютъ всю невинность и беззаботность тогдашнихъ властей; въ этихъ острасткахъ не было ничего систематическаго; онѣ давались отъ полноты начальственной досады и для проявленія начальственнаго величія; ихъ можно было всегда предотвратить выраженіями покорности и благовоспитанности, а также вліяніемъ личныхъ связей и сильныхъ протекцій. Словомъ, замѣчая совершенно новое положеніе литературы, тогдашнія власти, по старой привычкѣ, все-таки продолжали обходиться съ этой обновившейся литературой такъ, какъ взбалмошная барыня обходится съ комнатной собачкой. У тогдашнихъ властей не хватало характера и послѣдовательности ни на то, чтобы обольстить и усыпить писателей постоянной любезностью, ни на то, чтобы запугать и раздавить ихъ желѣзной строгостью. Поэтому писатели очень сильно ненавидѣли правительство и очень мало боялись его.

Бокль съ большимъ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергалась въ прошломъ столѣтіи французская литература. Такое негодованіе какъ нельзя болѣе понятно со стороны англійскаго радикала, для котораго неограниченная свобода печати сдѣлалась насущной потребностью организма. Но отъ глубокомысленнаго историка, подобнаго Боклю, мы имѣемъ право ожидать и требовать болѣе объективнаго взгляда на дѣло. Если мы просто будемъ сравнивать положеніе современныхъ писателей съ положеніемъ писателей прошлаго столѣтія, то мы найдемъ, быть можетъ, что положеніе первыхъ почетнѣе и безопаснѣе. Но если мы вслѣдствіе этого выведемъ заключеніе, что положеніе литературы съ прошлаго столѣтія улучшилось, и что мы должны сокрушаться надъ жестокими страданіями нашихъ предшественниковъ, то мнѣ кажется, что мы сдѣлаемъ ошибку. Какъ граждане болѣе благоустроенныхъ государствъ, современные европейцы дѣйствительно счастливѣе своихъ дѣдовъ; но какъ писатели, современные европейцы встрѣчаютъ себѣ больше препятствій и терпятъ больше преслѣдованій. Сравните общіе уголовные законы и уголовное судопроизводство прошлаго столѣтія съ общими уголовными законами и уголовнымъ судопроизводствомъ нашего времени. Вы найдете громадную разницу: съ одной стороны—пытка и мучительныя смертныя казни; съ другой стороны — почти полная отмѣна простой смертной казни, пенитенціарная тюрьма и судъ присяжныхъ. Положимъ, что пенитенціарная система не Богъ знаетъ какое совершенство, но во всякомъ случаѣ гораздо удобнѣе сидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ умирать на колесѣ или на кострѣ. Кромѣ того гораздо удобнѣе защищаться передъ присяжными, чѣмъ давать показанія въ застѣнкѣ. Значитъ, улучшеніе есть, и значительное. Спросите-же вы теперь, распространяется-ли это улучшеніе на писателей? То есть, задайте себѣ два вопроса: поступали-ли съ писателями XVIII вѣка по всей строгости тогдашнихъ уголовныхъ законовъ? и поступаютъ-ли съ теперешними писателями по всей строгости теперешнихъ уголовныхъ законовъ? На первый вопросъ исторія XVIII вѣка отвѣтитъ вамъ: «нѣтъ». На второй вопросъ современная дѣйствительность отвѣтитъ вамъ: «да». Съ теперешними писателями обращаются точно такъ-же, какъ съ теперешними обыкновенными преступниками. Съ писателями XVIII вѣка, напротивъ того, обращались гораздо деликатнѣе и гуманнѣе, чѣмъ съ тогдашними обыкновенными преступниками.

Значитъ, положеніе писателей, а слѣдовательно и литературы, ухудшилось съ прошлаго столѣтія, хотя въ то же время всякому человѣку, писателю и не писателю, жить удобнѣе въ XIX вѣкѣ, чѣмъ въ XVIII. Жить удобнѣе, но писать труднѣе. При этомъ, разумѣется, Англію невозможно принимать въ разсчетъ, потому что въ Англіи писатель, какъ писатель, не можетъ сдѣлаться преступникомъ и не имѣетъ никакого отношенія къ уголовнымъ законамъ. Бокль собралъ много примѣровъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, въ которыхъ онъ обвиняетъ французскихъ администраторовъ прошлаго столѣтія. Въ чемъ-же состоятъ эти преслѣдованія?—Въ томъ, что сочиненіе конфискуется или сжигается par la main du bourreau (рукою палача), авторъ сажается въ крѣпость, въ тюрьму. На долго-ли по крайней мѣрѣ сажается? Лѣтъ на тридцать или двадцать? Увы, нѣтъ! Всего чаще на нѣсколько мѣсяцевъ. Былъ-ли хоть одинъ изъ тогдашнихъ

писателей сожженъ, колесованъ, повѣшенъ, или по крайней мѣрѣ сосланъ на галеры? Подвергался-ли хоть одинъ писатель пыткѣ? Ни одинъ. А между тѣмъ пытка была тутъ какъ нельзя болѣе умѣстна. Большая часть самыхъ знаменитыхъ и смѣлыхъ книгъ выходила тогда въ свѣтъ безъ имени автора, и авторъ въ случаѣ переполоха обыкновенно отрекался отъ своего сочиненія. Вотъ тутъ-то бы и слѣдовало вывертывать ему руки и сокрушать ноги для полученія чистосердечнаго признанія. Еслибы въ XVIII столѣтіи смотрѣли на литературу такъ-же сурово, какъ смотрятъ на нее въ XIX, то многимъ энциклопедистамъ пришлось-бы побывать въ застѣнкѣ.

Самое строгое наказаніе, обрушившееся въ прошломъ столѣтіи на французскаго писателя, изображено у Бокля слѣдующимъ образомъ: «Де-Форжъ напримѣръ, писавшій противъ ареста претендента на англійскій престолъ, былъ только за это заключенъ на три года въ подземелье, имѣвшее 8 квадратныхъ футовъ». А въ примѣчаніи добавлена та подробность, что свѣтъ доходилъ къ преступнику только сквозь расщелину церковной лѣстницы. По нашему теперешнему масштабу это—сущіе пустяки. Латюдъ высидѣлъ больше двадцати лѣтъ въ разныхъ тюрьмахъ единственно за то, что, желая пріобрѣсти себѣ протекцію маркизы де-Помпадуръ, пустилъ въ ходъ очень плоскую и неискусную мистификацію. Нѣкоторыя изъ тюремъ Латюда были не лучше того подземелья, въ которомъ сидѣлъ де-Форжъ.— Драматическій писатель Фаваръ былъ посаженъ въ крѣпость за то, что его жена, актриса Шантильи, не хотѣла сдѣлаться любовницей Мориса Саксонскаго. Долго-ли онъ просидѣлъ, этого я не знаю, но ужъ и то достаточно выразительно, что его посадили за такую провинность. Наконецъ надобно еще замѣтить, что lettres de cachet (приказы объ арестованіи) для нѣкоторыхъ важныхъ особъ составляли предметъ выгодной торговли. За извѣстную сумму денегъ можно было получить бланкъ и написать на немъ имя того лица, которое, по соображеніямъ покупщика, должно было переселиться въ Бастилію. Однажды случилось, что двое супруговъ смертельно надоѣли другъ другу; обѣ заинтересованныя стороны отправились хлопотать о lettres de cachet, и обѣ достигли своей цѣли, такъ что мужа посадили въ тюрьму по ходатайству жены, а жену—по ходатайству мужа. Ясное дѣло, что личная свобода гражданъ ставилась ни во что. Человѣка сажали въ тюрьму, человѣка забывали въ тюрьмѣ на десятки лѣтъ, власти забывали даже, за что былъ посаженъ человѣкъ,—и никто не находилъ это особенно удивительнымъ. Но мало-мальски извѣстный и замѣчательный писатель не могъ быть такимъ образомъ забытъ и заброшенъ. Его помнили, объ немъ хлопотали, его вытаскивали на свободу. Словомъ, въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ было сносно жить только привилегированнымъ классамъ, писательство было знакомъ отличія, дававшимъ нѣкоторыя льготы и преимущества. Чѣмъ самостоятельнѣе и смѣлѣе былъ писатель, тѣмъ значительнѣе была его извѣстность, и тѣмъ бережнѣе обходились съ нимъ власти, потому что онъ въ ихъ глазахъ получалъ значеніе аристократа. Все это происходило, разумѣется, отъ неопытности властей, но именно вслѣдствіе этой неопытности оффиціальныхъ дѣятелей Вольтеръ имѣлъ возможность вести свою пропаганду подъ покровительствомъ важныхъ особъ, охранявшихъ общественную нравственность.

Кому дороги результаты вольтеровской дѣятельности, тотъ не долженъ ставить Вольтеру въ упрекъ его хитрости, ухаживанія и заискиванія. Всѣ эти маневры помогали успѣху главнаго дѣла; сгибаясь часто въ дугу, вмѣсто того чтобы драпироваться въ мантію маркиза Позы, Вольтеръ въ то-же время никогда не упускалъ изъ виду единственной цѣли своей жизни. Онъ льстилъ своимъ высокимъ покровителямъ и превращалъ ихъ въ свои орудія. Вольтеръ былъ достаточно мелоченъ, чтобы искать знаковъ отличія и тщеславиться ими, но его страстная любовь къ идеѣ была такъ сильна, эта любовь такъ безраздѣльно господствовала надъ всѣми его поступками, что онъ невольно, по непреодолимому влеченію и безъ малѣйшей борьбы, обращалъ на служеніе своей идеѣ всѣ связи и протекціи, которыя ему удавалось пріобрѣтать.—Никому изъ высокихъ покровителей Вольтера даже и не приходило въ голову, чтобы существовала какая-нибудь возможность подкупить или обезоружить Вольтера и отвлечь его ласками или почестями отъ той смертельной борьбы, которую онъ велъ противъ клерикализма. Кто покровительствовалъ Вольтеру, тотъ самъ становился подъ его знамя, подчинялся его могуществу и обязывался по меньшей мѣрѣ не мѣшать распространенію раціонализма. Въ мірѣ мысли Вольтеръ не дѣлалъ никому ни малѣйшей уступки, да никто не осмѣливался и требовать отъ него такихъ уступокъ. Зато въ своихъ пріемахъ и аллюрахъ Вольтеръ былъ гибокъ и эластиченъ, какъ хорошо закаленная стальная пружина. Въ своей частной жизни онъ готовъ былъ разыгрывать безпрекословно всѣ тѣ комедіи, которыхъ могло потребовать отъ него окружающее общество. Эта эластичность и гибкость составляютъ одну изъ основныхъ причинъ и изъ важнѣйшихъ сторонъ его значенія. Именно это умѣнье не тратить силъ на мелочи и не раздражать окружающихъ людей изъ-за пустяковъ доставило его пропагандѣ неотразимое могущество и безпримѣрное распространеніе. На массу робкихъ и вялыхъ умовъ,

которые вездѣ и всегда рѣшаютъ дѣло въ качествѣ хора и черноземной силы, дѣйствовало чрезвычайно успокоительно и ободрительно то обстоятельство, что антиклерикальныя идеи проповѣдуются не какимъ-нибудь чудакомъ, сорванцомъ или сумасбродомъ, а солиднымъ и важнымъ бариномъ, господиномъ Вольтеромъ, отлично устраивающимъ свои дѣлишки и ведшимъ дружбу съ самыми знатными особами во всей Европѣ. Поэтому нельзя не отдать должной дани уваженія даже и тому чичиковскому элементу, который безспорно занимаетъ въ личности Вольтера довольно видное мѣсто. Чтобы имѣть какое-нибудь серьезное значеніе, пропаганда Вольтера должна была адресоваться не къ лучшимъ людямъ, не къ избраннымъ умамъ, а ко всему читающему обществу, ко всему грамотному стаду, ко всевозможнымъ дубовымъ и осиновымъ головамъ, ко всевозможнымъ картофельнымъ и тѣстообразнымъ характерамъ. Всей этой толпѣ надо было говорить впродолженіи многихъ лѣтъ: «ослы, перестаньте-же вы наконецъ лягать другъ друга въ рыло за такіе пустяки, которыхъ вы сами не понимаете и которыхъ никогда не понимали ваши руководители!» — Принимаясь за такое дѣло, стараясь вразумить такихъ слушателей, надо было запастись колоссальнымъ терпѣніемъ и затѣмъ пустить въ ходъ всѣ средства, способныя вести къ успѣху, всѣ безъ исключенія, бѣленькія, сѣренькія и черненькія. Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ была наружная благонадежность и сановитость господина Вольтера. Надо было пріобрѣсти эту внушительную сановитость во что бы то ни стало, хотя-бы даже отъ этого произошелъ большой ущербъ для идеальной чистоты характера. Вольтеру это пріобрѣтеніе не стоило большого труда, потому что характеръ его никогда не отличался идеальной чистотой. Этотъ пронырливый характеръ, соединенный съ бойкимъ, острымъ, неутомимымъ, но очень не глубокимъ умомъ, былъ превосходно принаровленъ къ той задачѣ, за которую взялся Вольтеръ. Съ одной стороны, живой умъ, пристрастившійся на всю жизнь къ одной очень не хитрой идеѣ, спасалъ Вольтера отъ той тины, въ которую тянулъ его чичиковскій элементъ характера; съ другой стороны, чичиковскій элементъ предохранялъ Вольтера отъ смѣшного и вреднаго для общаго дѣла донъ-кихотства, которое могло развиться изъ необузданной любви къ идеѣ. Такимъ образомъ Вольтеру удалось соблюдать постоянно ту золотую умѣренность, которую презираетъ и отвергаетъ могучій творческій геній, но которая съ неотразимой силой привлекаетъ къ себѣ умы и сердца респектабельной буржуазіи, стоявшей въ то время на очереди и составлявшей собою громадную аудиторію знаменитаго популяризатора.

IV.

Геттнеръ очень сильно нападаетъ на Вольтера за различныя проявленія его уклончивости. «И что̀ наконецъ сказать о томъ, — спрашиваетъ онъ въ пылу добродѣтельнаго волненія, — что онъ всегда, если приходила опасность, дерзко и лживо отказывался отъ своихъ книгъ, вмѣсто того чтобы честно и мужественно признавать ихъ своими? 13 августа 1763 г. Вольтеръ пишетъ къ Гельвецію: «не нужно никогда ставить своего имени; я не написалъ даже и «Pucelle». «И этой коварной лживостью онъ пользуется всегда съ изобрѣтательностью, не слишкомъ завидной.»

Добродѣтельное негодованіе Геттнера смѣшно до послѣдней степени. Послѣ этого остается только ругать подлецомъ того цыпленка, который съ *коварной лживостью* улепетываетъ отъ повара, вмѣсто того чтобы *честно и мужественно* стремиться въ его объятія. Конечно поваръ былъ-бы очень доволенъ *честностью* и *мужествомъ* добродѣтельнаго цыпленка, но трудно понять, какую-бы эта *честность* и это *мужество* могли принести пользу, во-первыхъ, пернатому Аристиду, а во вторыхъ — всей его цыплячьей породѣ. Положимъ, что Вольтеръ исполнилъ-бы желанія Геттнера и признался бы *честно и мужественно* въ своихъ литературныхъ грѣхахъ. Что-же бы изъ этого вышло? Вольтера засадили-бы въ Бастилію. Кому-же бы это было выгодно, философамъ или іезуитамъ? Развѣ вольтеріанцы разгромили бы Бастилію, освободили-бы своего предводителя? Ни чуть не бывало. Вольтеръ просидѣлъ бы въ каморкѣ нѣсколько мѣсяцевъ, разстроилъ-бы свое здоровье и потратилъ-бы даромъ то время, которое онъ могъ-бы употребить на дальнѣйшее преслѣдованіе клерикаловъ. И все это только для того, чтобы лишній разъ удивить парижскую полицію *честностью и мужествомъ*. Нечего сказать: цѣль великая и достойная!

Герои свободной мысли такъ недавно выступили на сцену всемірной исторіи, что до сихъ поръ еще не установлена та точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ оцѣнивать ихъ поступки и характеры. Историки все еще смѣшиваютъ этихъ людей съ бойцами и мучениками супранатурализма. Волтера судятъ такъ, какъ можно было-бы судить напримѣръ Іоанна Гусса. Когда Вольтеръ уклоняется отъ той чаши, которую Гуссъ спокойно и смѣло выпиваетъ до дна, тогда Вольтера заподозрѣваютъ и обвиняютъ въ недостаткѣ мужества и честности. Это совершенно несправедливо. Утилитариста невозможно мѣрять той мѣркой, которая прикладывается къ мистику. Для Гусса отречься отъ своихъ идей значило отказаться отъ вѣчнаго блаженства и кромѣ того потянуть за собою въ геенну огненную тысячи слабыхъ людей,

которыхъ отреченіе Гусса сбило-бы съ толку и поворотило-бы назадъ къ заблужденіямъ папизма. Поэтому Гуссу былъ чистѣйшій разсчетъ идти на костеръ, повторяя тѣ формулы, которыя онъ считалъ истинными и спасительными. Для Вольтера, напротивъ того, важно было только то, чтобы его идеи западали какъ можно глубже въ умы читателей и распространялись въ обществѣ какъ можно быстрѣе и шире. Хорошо. Книга напечатана, раскуплена и прочтена. На книгѣ нѣтъ имени автора, а между тѣмъ она производитъ сильное впечатлѣніе. Значитъ, дѣйствуютъ сами идеи, не нуждаясь въ томъ обаяніи, которое было-бы имъ придано именемъ извѣстнаго писателя. Только такое дѣйствіе и соотвѣтствуетъ вполнѣ цѣли и направленію волтеровской пропаганды. Эта пропаганда должна была пріучить людей къ тому, чтобы они, не преклоняясь передъ авторитетами, цѣнили внутреннюю разумность и убѣдительность самой идеи. Затѣмъ начинается тревога. Разъискиваютъ автора. Призываютъ къ допросу Вольтера. Вольтеръ отвѣчаетъ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Скажите на милость, кому и чему онъ вредитъ этимъ отвѣтомъ? Онъ только отнимаетъ у іезуитовъ и у полицейскихь сыщиковъ возможность помучить оппозиціоннаго мыслителя. Это съ его стороны очень нелюбезно, но вѣдь онъ никогда и не обязывался увеселять своей особой іезуитовъ и сыщиковъ. А читателей отреченіе Вольтера нисколько не обманываетъ и не смущаетъ; читатели посмѣиваются и говорятъ между собою: «Какъ-же! Держи карманъ! Дурака нашелъ! Такъ сейчасъ онъ тебѣ и признается!» Конечно все это очень похоже на тактику бурсаковъ въ отношеніи къ начальству; но что́ же дѣлать? Бываютъ такія времена, когда цѣлое общество уподобляется одной огромной бурсѣ. Виноваты въ этомъ не тѣ люди, которые лгутъ, а тѣ, которые заставляютъ лгать.

Описывая старческіе годы Вольтера, Геттнеръ находитъ новую пищу для добродѣтельнаго негодованія. «Какъ прискорбно, — говоритъ онъ, — что при всемъ томъ и въ это послѣднее и самое блестящее время Вольтера не было недостатка въ пятнахъ! Онъ попрежнему отпирается отъ своихъ книгъ. Мало того, онъ причащается, ходитъ на исповѣдь, чтобы избавиться отъ клерикальныхъ преслѣдованій, между тѣмъ какъ вся его дѣятельность направлена къ уничтоженію этихъ ученій и обычаевъ. Фарнгагенъ несправедливо извиняетъ эти хитрости и притворство, эти засады и внезапныя нападенія, это искусное умѣнье идти впередъ и быстро исчезать,—извиняетъ, какъ позволительныя и необходимыя вспомогательныя средства партизанской войны. Эту временную покорность не только люди благочестивые считали безбожной дерзостью, но даже и люди его партіи осуждали, какъ вещь жалкую и трусливую.»

Что *люди благочестивые* были недовольны—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но я опять таки повторю, что Вольтеръ не подрядился утѣшать *людей благочестивыхъ*. Чтобы узнать, похвальны-ли, или предосудительны поступки Вольтера, огорчающіе Геттнера, надо только поставить вопросъ: помогали они или мѣшали успѣху его общественной работы? Придется отвѣтить: помогали, потому что избавляли знаменитаго популяризатора отъ клерикальныхъ преслѣдованій, которыя доставляли-бы ему лишнія хлопоты, портили бы ему кровь, разстроивали-бы его здоровье и такимъ образомъ отвлекали-бы его отъ общественныхъ занятій. Значитъ, позволяя себѣ мелкія хитрости, Вольтеръ, сознательно или безсознательно, повиновался естественному чувству самосохраненія.

Здѣсь опять свободные мыслители смѣшиваются съ сектаторами и вѣрующими адептами. Еслибы то, что́ дѣлалъ Вольтеръ, было сдѣлано кальвинистомъ или лютераниномъ, тогда дѣло другое, тогда можно было-бы говорить о вещи *жалкой и трусливой*, потому что лютеране и кальвинисты, подобно католикамъ, придаютъ очень важное значеніе всѣмъ внѣшнимъ подробностямъ культа. Но со стороны Вольтера тутъ нѣтъ ничего похожаго на отступничество, потому что Вольтеръ питаетъ самое полное равнодушіе ко всякому культу со всѣми его подробностями. Вольтеръ вовсе не хотѣлъ сдѣлаться основателемъ какой-нибудь новой философской религіи; онъ также вовсе не пылалъ фанатической ненавистью къ существующему культу; онъ ненавидѣлъ только ту своекорыстную или тупую исключительность, которая порождаетъ убійства, религіозныя преслѣдованія, междуусобныя распри и международныя войны. *Терпимость* была первымъ и послѣднимъ словомъ его философской проповѣди. Поэтому онъ, нисколько не краснѣя и не измѣняя самому себѣ, могъ подчиняться всевозможнымъ формальностямъ, предписаннымъ мѣстными законами или обычаями. Геттнеру слѣдовало-бы все это знать и понимать, тѣмъ болѣе, что онъ въ своей книгѣ выписываетъ изъ «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations» слѣдующія размышленія Вольтера объ англійскихъ деистахъ: «Эти люди согласны со всѣми другими въ общемъ почитаніи единаго Бога; они отличаются только тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ твердыхъ положеній ученія и никакихъ храмовъ, и что они, вѣря въ Божію справедливость, одушевлены величайшей терпимостью. Они говорятъ, что ихъ религія—религія чистая и такая-же старая, какъ свѣтъ; у нихъ нѣтъ никакого тайнаго культа, *и потому они безъ угрызеній*

*

совѣсти могутъ подчиниться и публичнымъ религіознымъ обычаямъ.»—Кто читалъ Вольтера, тотъ знаетъ, что онъ сочувствовалъ англійскимъ деистамъ больше, чѣмъ какимъ-бы то ни было другимъ мыслителямъ; говоря о нихъ и за нихъ, онъ говоритъ о себѣ и за себя; поэтому подчеркнутыя мною слова окончательно рѣшаютъ вопросъ и доказываютъ ясно, что, *подчиняясь публичнымъ религіознымъ обычаямъ*, Вольтеръ не дѣлалъ никакихъ *жалкихъ и трусливыхъ вещей*.

V.

Вольтеръ ненавидѣлъ всякія метафизическія тонкости, которыя,—сказать по правдѣ,—были ему рѣшительно не по силамъ. Вольтера ни подъ какимъ видомъ нельзя назвать великимъ или даже просто замѣчательнымъ мыслителемъ. Его умъ хваталъ очень недалеко и былъ совершенно неспособенъ прослѣдить какую-бы то ни было идею до самаго конца, до самыхъ послѣднихъ и отдаленныхъ ея развѣтвленій. По своимъ умственнымъ силамъ Вольтеръ стоялъ гораздо ниже многихъ людей, убившихъ всѣ свои прекрасныя дарованія на безплодныя метафизическія построенія. Вольтеръ былъ совершенно застрахованъ отъ всякой метафизической заразы своей—извините за выраженіе!—своей ограниченностью, соединенной съ колоссальнѣйшимъ тщеславіемъ и съ неподражаемымъ искусствомъ персифлированія.

Умъ Вольтера становился втупикъ на первыхъ двухъ-трехъ шагахъ отвлеченнаго философствованія; Вольтеръ терялъ возможность слѣдить за ходомъ мысли, и тутъ немедленно подоспѣвало къ нему на выручку драгоцѣнное тщеславіе. Не могъ же онъ, онъ, Аруэ-де-Вольтеръ, онъ, великій Вольтеръ, признать свое безсиліе и попросить пардона! Поэтому онъ тотчасъ рѣшалъ безапелляціонно, что тутъ совсѣмъ нечего и понимать. Затѣмъ онъ высовывалъ метафизику языкъ и отдѣлывалъ его такъ ловко прелестнѣйшими шутками и насмѣшками, что метафизикъ, который быть-можетъ былъ гораздо умнѣе Вольтера, оставался въ дуракахъ и окончательно погибалъ во мнѣніи всей читающей публики. Вся дѣятельность Вольтера изображаетъ собою возмущеніе простого здраваго смысла противъ ошибочныхъ увлеченій и безплодныхъ фейерверковъ человѣческой геніальности. Основатели различныхъ метафизическихъ школъ, напримѣръ Декартъ и Лейбницъ, и даже свѣтила схоластики, Ѳома Аквинскій, Рожеръ Бэконъ, Альбертъ Великій, обладали безспорно громадными умственными силами, но всѣ они имѣли несчастье, по обстоятельствамъ времени, потратить бóльшую часть или даже всю совокупность своихъ силъ на такія работы, которыя, во-первыхъ, не могли получить никогда никакого практическаго приложенія, и во вторыхъ, по своей крайней трудности и головоломности, должны были навсегда остаться непонятными и недоступными для огромнаго большинства обыкновенныхъ или посредственныхъ человѣческихъ умовъ. Человѣческая посредственность, въ лицѣ самаго блестящаго и самаго ловкаго своего представителя, Вольтера, произнесла рѣшительный и безповоротный приговоръ отверженія надъ всѣми этими громадными, титаническими, изумительными, но совершенно безполезными трудами. Задача Вольтера была чисто-отрицательная. Изъ той громадной кладовой, въ которой хранятся умственныя сокровища человѣчества, надо было выкинуть много разнаго добра; вмѣстѣ съ этимъ добромъ надо было выбросить и тѣ шкафы, въ которыхъ оно лежало, выбросить для того, чтобы на будущее время человѣческія силы не тратились больше на обогащеніе этихъ ненужныхъ шкафовъ новымъ содержаніемъ. Чтобы произвести это выбрасываніе съ должной рѣшительностью и безтрепетностью, надо было во всѣхъ осужденныхъ шкафахъ не видѣть ни одной хорошей или привлекательной черты. Надо было ненавидѣть сплошной и цѣльной ненавистью; презирать самымъ чистымъ и искреннимъ презрѣніемъ, неразбавленнымъ никакими проблесками снисхожденія или состраданія. А такимъ образомъ ненавидитъ и презираетъ только *непониманіе*, потому что нѣтъ того человѣческаго чувства, нѣтъ того человѣческаго поступка, нѣтъ той человѣческой мысли, въ которыхъ при полномъ и всестороннемъ пониманіи нельзя было-бы найти хоть чего-нибудь достойнаго уваженія или любви, или по крайней мѣрѣ теплаго сожалѣнія. Но такъ какъ безпощадное выбрасываніе бываетъ иногда совершенно необходимо, то и непониманіе оказываетъ иногда человѣчеству драгоцѣнныя и незамѣнимыя услуги. Еслибы Вольтеръ былъ способенъ понимать логическую красоту и величественность тѣхъ метафизическихъ построеній, которыя ему надо было осмѣять и выбросить, то въ его сарказмахъ не было-бы той непринужденности, той неподдѣльной искренности, той самодовольной граціи, той заразительной веселости, которыя сообщали имъ неотразимую силу и обезпечивали собою успѣхъ всей отрицательной работы. Вольтеръ не былъ-бы Вольтеромъ, еслибы у него было побольше ума и поменьше тщеславія. Въ такомъ случаѣ мысли его были-бы болѣе глубоки, а приговоры менѣе рѣшительны. По этимъ двумъ причинамъ дѣйствіе его на толпу было-бы менѣе сильно. Такимъ образомъ чуть-ли не всѣ недостатки Вольтера, какъ умственные, такъ и нравственные, шли на пользу его популяризаторской работы.

Когда Вольтеръ осмѣиваетъ различныя дурачества умныхъ и глупыхъ людей, тогда онъ ве-

ликолѣпенъ и неотразимъ. Но когда онъ начинаетъ кропать что-то похожее на собственную систему, когда онъ самъ стремится сооружать и мудрствовать, тогда у читателя съ невѣроятной быстротой увядаютъ уши. Особенно печально становится положеніе читателя тогда, когда Вольтера удручаютъ высшіе вопросы общаго міросозерцанія. Тутъ уже переполняется мѣра читательскаго терпѣнія.

Вольтеръ—деистъ. Это-бы еще ничего. Даже трогательно и похвально. Еслибы онъ, подобно Магомету, крикнулъ просто во всеуслышаніе: «*Аллахъ есть Аллахъ!*» все обстояло-бы совершенно благополучно и всякія возраженія сдѣлались-бы невозможными. Но Вольтеръ къ несчастью томится желаніемъ доказывать основной тезисъ своей доктрины. Ему, изволите-ли видѣть, какъ философу, никакъ не возможно принимать что-бы то ни было на вѣру, а такъ какъ онъ доказывать рѣшительно не умѣетъ, и такъ какъ тутъ вообще на доказательствахъ далеко не уѣдешь, то передъ несчастнымъ читателемъ совершается настоящее столпотвореніе вавилонское. Гипотезы подпираются гипотезами: сравненія, сантиментальныя восклицанія и эффектныя вопросительныя тирады принимаются за доказательства; на какомъ-нибудь одномъ лядащемъ фактѣ, невѣрно подмѣченномъ и неправильно истолкованномъ, сооружается цѣлая сложная теорія; самъ того не замѣчая, нашъ философъ на каждомъ шагу путается въ грубыхъ противорѣчіяхъ; самъ того не замѣчая, онъ ежеминутно перепрыгиваетъ съ одной точки зрѣнія на другую; словомъ, получается такая мерзость запустѣнія, которая жестоко компрометируетъ почтенный тезисъ, не допускающій и не требующій никакихъ доказательствъ.

Любимымъ конькомъ Вольтера является идея о цѣлесообразности и предустановленности всего существующаго. Въ самомъ дѣлѣ, глазъ созданъ для того, чтобы видѣть, ухо—для того, чтобы слышать, зубы—для того, чтобы жевать, желудокъ—для того, чтобы переваривать пищу. Сдѣлавши заразъ столько открытій, Вольтеръ торжествуетъ побѣду надъ дерзновенными скептиками, и затѣмъ начинаются чувствительныя восклицанія о томъ, какъ это все разсчитано, предусмотрѣно, приспособлено и направлено. Все это очень назидательно и убѣдительно, но только Вольтеру слѣдовало-бы набрать побольше примѣровъ и повести процессъ доказательства хотя-бы напримѣръ такимъ образомъ: баранъ созданъ для того, чтобы ѣсть траву; волкъ — для того, чтобы ѣсть барана; мужикъ—для того, чтобы убивать и обдирать волка; маркизъ — для того, чтобы тузить и разорять мужика; а Людовикъ XIV — для того, чтобы сажать маркиза въ Бастилію и конфисковать его наслѣдственное имѣніе. Въ этой лѣствицѣ живыхъ существъ каждый пристроенъ къ своему мѣсту, каждый что-нибудь дѣлаетъ и каждый щедро одаренъ необходимыми для того снарядами или орудіями. Значитъ, цѣлесообразность выдержана великолѣпно. Остается только поставить и разрѣшить вопросъ: для кого или для чего нужна эта прекрасная цѣлесообразность, къ чему она ведетъ и съ какой стати сгруппированы эти живыя существа, которыя постоянно обижаютъ и терзаютъ, и даже истребляютъ другъ друга? Для кого сооружена вся лѣствица—для барана, для волка, для мужика, для маркиза или для Людовика XIV? Такъ какъ баранъ, волкъ и мужикъ играютъ тутъ совершенно страдательныя роли, отъ которыхъ они охотно отказались бы, то лѣствица построена очевидно не *для* нихъ, а скорѣе *противъ* нихъ. Значитъ, она построена для маркиза и для Людовика XIV? Прекрасно; но въ такомъ случаѣ только маркизъ, пока онъ не попалъ еще въ Бастилію, и Людовикъ XIV могутъ восхищаться порядкомъ, красотой, гармоніей и цѣлесообразностью природы. Для мужика всѣ эти прелести не существуютъ. Еслибы мужику вздумалось философствовать по Вольтеру, то онъ пришелъ-бы къ такимъ результатамъ, которые привели бы Вольтера въ неописанный ужасъ. Если сообразилъ-бы мужикъ, что въ природѣ все сдѣлано и дѣлается съ тонкимъ разсчетомъ и съ умысломъ, то стало быть, когда природа заставляетъ насъ страдать, она также поступаетъ умышленно. «Вотъ меня,—продолжалъ-бы мужикъ,—эта милѣйшая природа донимаетъ каждый день съ тѣхъ поръ, какъ я себя запомню, то голодомъ, то холодомъ, то палками; такъ это она стало-быть все нарочно надо мною куражилась. Спасибо за угощеніе!»—«Позвольте, господинъ мужикъ,—заговорилъ бы Вольтеръ, понимая, что дѣло принимаетъ самый неблагополучный оборотъ, — позвольте! Васъ терзаетъ не природа, васъ терзаютъ люди.»—«Господинъ Вольтеръ,—отвѣчаетъ мужикъ,—людей произвела та-же природа. Если въ природѣ все разсчитано, предусмотрѣно и цѣлесообразно, то она можетъ и должна отвѣчать за каждое изъ своихъ созданій.»

Читатели мои, я самъ вижу, что мужикъ неистовствуетъ, но увѣряю васъ, что тутъ виноватъ не мужикъ, а Вольтеръ. Ученіе о цѣлесообразности въ природѣ ведетъ за собою ужасныя заключенія, подрывающія или по крайней мѣрѣ извращающія основной тезисъ вольтеровской доктрины. И отъ этихъ заключеній вы ничѣмъ не отвертитесь до тѣхъ поръ, пока въ мірѣ будетъ существовать страданіе. А страданіе неистребимо, потому что вся органическая жизнь основана на безпрерывномъ взаимномъ истребленіи живыхъ и чувствующихъ существъ. Самъ того не замѣчая и не желая, Вольтеръ подвергаетъ себя опасности пасть ницъ передъ кровожаднымъ Молохомъ или передъ индѣй-

скимъ Шивою, на которомъ надѣто ожерелье изъ человѣческихъ костей. Вся бѣда состоитъ въ томъ, что вольтеровскую доктрину невозможно *доказать*. Ее можно только *принимать на вѣру*. Кто можетъ—тотъ и вѣрь. Кто не можетъ... ну, тотъ вѣроятно и самъ знаетъ, что̀ ему дѣлать.

Прогуливаясь съ философскими цѣлями по кунсткамерѣ мірозданія, Вольтеръ конечно не могъ оставить незамѣченнымъ такого слона, какъ страданіе или зло. Вольтеръ понималъ, что этотъ слонъ очень опасенъ для его доктрины, и много было потрачено безплоднѣйшихъ усилій на то, чтобы придать проклятому слону сколько-нибудь благопристойную и почтенную наружность. Сначала Вольтеръ, идя по слѣдамъ англійскихъ мыслителей, Шэфтсбёри, Попа и Болинброка, старался доказать, что зло совсѣмъ не существуетъ, и что все на свѣтѣ идетъ такъ, какъ оно должно идти. Тутъ можно было разыгрывать варіаціи на ту тему, что страданія даютъ особенную цѣну наслажденію, и что они также необходимы въ жизни, какъ темныя краски въ картинѣ. Метафоръ и красивыхъ словъ можно было набрать довольно, но сама по себѣ эта позиція была такъ слаба и неудобна, что Вольтеръ впослѣдствіи бросилъ ее и даже самымъ жестокимъ образомъ осмѣялъ жалкіе и плоскіе софизмы тѣхъ приторныхъ оптимистовъ, которые не съумѣли исправиться и образумиться вмѣстѣ съ нимъ. Что Вольтеръ честно и рѣшительно отказался отъ тѣхъ ошибочныхъ мнѣній, которыя онъ самъ защищалъ очень долго и очень упорно,—это конечно дѣлаетъ величайшую честь его прямодушію. Но ни малѣйшей чести не дѣлаетъ его философской сообразительности то обстоятельство, что для побѣды надъ очевиднымъ заблужденіемъ ему понадобился сильный толчокъ изъ окружающаго міра. Вольтера поразило то знаменитое землетрясеніе, которое въ 1755 г. разрушило Лиссабонъ. Задумываясь надъ этимъ ужаснымъ событіемъ, онъ понялъ наконецъ, что зло, существующее въ природѣ, не можетъ быть замаскировано и затушевано никакими сладостными метафорами. Но чтобы додуматься до этихъ заключеній, не было никакой надобности созерцать погибель португальской столицы. Разрушеніе Лиссабона не прибавило рѣшительно ничего существеннаго къ тому запасу опыта, которымъ давно располагали всѣ современники Вольтера, начиная отъ академиковъ и кончая деревенскими старухами. Для кого же могла быть новостью та истина, что силы природы очень часто разрушаютъ человѣческое благосостояніе и посягаютъ на человѣческую жизнь? Градъ, засуха, саранча, наводненія, пожары отъ грозы, скотскіе падежи, моровыя язвы—все это было достаточно извѣстно всему міру за нѣсколько тысячелѣтій до лиссабонскаго землетрясенія. Каждая десятина, выбитая градомъ, каждая хижина, сожженная молніей, каждая телушка, околѣвшая отъ заразы, могли-бы сказать Вольтеру точь-въ-точь то-же самое, что̀ прокричало ему разрушеніе Лиссабона. Вольтеръ поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ обыкновенно поступаетъ толпа. Онъ прошелъ спокойно и равнодушно передъ тысячами мелкихъ явленій и потомъ остановился съ наивнымъ изумленіемъ передъ однимъ крупнымъ фактомъ, въ которомъ не было ничего новаго и удивительнаго, кромѣ величины. Чтобы какъ-нибудь примирить несомнѣнное существованіе зла со своей основной доктриной, Вольтеръ ухватывается обѣими руками за будущую жизнь. Наконецъ умствованія утомляютъ Вольтера, и онъ смиряется духомъ. «Вопросъ о происхожденіи зла,—говоритъ онъ,—остается неразрѣшимой путаницей, отъ которой нѣтъ другого спасенія, какъ довѣріе къ Провидѣнію.» «Высшее существо сильно, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—мы слабы, мы также необходимо ограничены, какъ высшее существо необходимо безконечно; зная, что одинъ лучъ ничего не значитъ противъ солнца, я покорно подчиняюсь высшему свѣту, который долженъ просвѣтить меня во мракѣ міра.» И давно-бы такъ слѣдовало распорядиться. Не за чѣмъ было съ самаго начала портить чистый медъ вѣрующаго смиренія гнуснымъ дегтемъ философскаго высокомѣрія.

Вольтеръ на старости лѣтъ очень сильно воевалъ съ молодыми французскими писателями, дошедшими до крайняго скептицизма. Несмотря на всѣ эти добродѣтельныя усилія, клерикалы и піетисты всей Европы до сихъ поръ считаютъ Вольтера патріархомъ и коноводомъ французскихъ скептиковъ и матеріалистовъ. И надо сказать правду, клерикалы и піетисты нисколько не ошибаются. На Вольтерѣ воспитывались всѣ молодые люди, способные и желавшіе рѣшать силами собственнаго ума высшіе вопросы міросозерцанія. Благодаря литературной дѣятельности Вольтера, тѣ антиклерикальныя идеи, которыя до того времени переходили потихоньку отъ одного мыслителя къ другому, получили небывалое распространеніе и сдѣлались общимъ достояніемъ всей читающей Европы. По милости Вольтера сомнѣніе проникло въ тысячи свѣжихъ и пылкихъ головъ. Всѣхъ своихъ читателей Вольтеръ хотѣлъ привести къ всеобщей терпимости и остановить на точкѣ зрѣнія деизма. Первая цѣль была достигнута, но вторая была недостижима: всякое движеніе идетъ обыкновенно гораздо дальше, чѣмъ того желалъ первый коноводъ; каждое движеніе обыкновенно вырывается изъ рукъ перваго защитника, который очень часто становится тормазомъ и при этомъ почти никогда не достигаетъ своей цѣли, если только движеніе съ са-

маго начала было серьезно и соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ времени и даннаго общества. Въ числѣ тѣхъ многихъ тысячъ, которыя восхищались остроуміемъ вольтеровскихъ памфлетовъ противъ католицизма, непремѣнно должно было оказаться хоть нѣсколько десятковъ серьезныхъ, сильныхъ и послѣдовательныхъ умовъ. Для этихъ умовъ очень скоро сдѣлались невыносимыми тѣ внутреннія противорѣчія, на которыхъ Вольтеру угодно было благодушно почивать, какъ на побѣдныхъ лаврахъ. Эти умы не могли переваривать ту неестественную смѣсь поклоненія авторитету и знанія, которой упивался Вольтеръ. Имъ надо было что-нибудь одно, или credo quia absurdum, или отрицаніе всего того, что́ не можетъ быть положительно доказано. Имъ надо было или воротиться къ положительнымъ вѣрованіямъ, или миновать всевозможные Геркулесовы столбы и выйдти въ открытый океанъ совершенно свободнаго и строго-реальнаго изслѣдованія. За погибшія души этихъ людей долженъ отвѣчать популяризаторъ Вольтеръ, потому что онъ первый взбунтовалъ ихъ противъ клерикаловъ, у которыхъ въ это время, также по наущенію Вольтера, была отнята возможность придерживать и придавливать человѣческую мысль благонадежными мѣрами спасительной строгости. Виновность Вольтера нисколько не уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не одобрялъ крайнихъ выводовъ, добытыхъ его учениками. Поставивши этихъ учениковъ въ такое положеніе, въ которомъ не могутъ удержаться сильные и послѣдовательные умы, Вольтеръ обязанъ отвѣчать за всѣ дальнѣйшія умозрѣнія французскихъ мыслителей. Деизмъ Вольтера составляетъ только станцію на дорогѣ къ дальнѣйшимъ выводамъ Дидро, Гольбаха и Гельвеція.

VI.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадныхъ заслугахъ Вольтера, надо судить его не какъ мыслителя, а какъ практическаго дѣятеля, какъ самаго ловкаго изъ всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ публицистовъ и агитаторовъ. Вольтеръ особенно великъ не тѣми идеями, которыя онъ развивалъ въ своихъ книгахъ и брошюрахъ, а тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ на своихъ современниковъ этими книгами и брошюрами. Силою этого впечатлѣнія Вольтеръ сдѣлалъ Европѣ такой подарокъ, котораго цѣна растетъ до сихъ поръ и будетъ увеличиваться постоянно съ каждымъ столѣтіемъ. Вольтеръ подарилъ Европѣ ея общественное мнѣніе. Онъ цѣлымъ рядомъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ показалъ европейскимъ обществамъ, что ихъ судьба находится въ ихъ собственныхъ рукахъ, и что имъ стоитъ только размышлять, желать и настаивать для того, чтобы управлять по своему благоусмотрѣнію всѣмъ ходомъ историческихъ событій, крупныхъ и мелкихъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Вольтеръ открылъ европейскимъ обществамъ тайну ихъ собственнаго могущества. Вольтеръ доказалъ Европѣ, что она можетъ и должна быть живой, дѣятельной и самосознательной личностью, а не мертвымъ и пассивнымъ матеріаломъ, надъ которымъ различные канцеляріи, дипломаты и полководцы обнаруживаютъ свои таланты и производятъ свои эксперименты. Что же именно дѣлалъ Вольтеръ для того, чтобы разрѣшить эту громадную задачу, отъ рѣшенія которой зависитъ дальнѣйшая постановка всѣхъ прочихъ общественныхъ задачъ?—Вольтеръ писалъ, но писалъ такъ, какъ до него не умѣли и не смѣли писать; онъ затрогивалъ такіе вопросы, къ которымъ никто изъ его современниковъ не могъ относиться равнодушно; онъ разрабатывалъ эти вопросы такимъ неотразимо увлекательнымъ образомъ, что его читали десятки, а можетъ-быть и сотни тысячъ людей. Знаменитость Вольтера росла и выросла наконецъ до такихъ размѣровъ, до которыхъ никогда, ни прежде, ни послѣ, не доходила извѣстность простого писателя. «Русская императрица,—говоритъ Кондорсе въ біографіи Вольтера,—короли прусскій, датскій, шведскій старались заслужить похвалу Вольтера и поддерживали его благія дѣла; во всѣхъ странахъ вельможи, министры, стремившіеся къ славѣ, искали одобренія фернейскаго философа (Вольтера) и довѣряли ему свою надежду на успѣхи разума, свои планы распространенія свѣта и уничтоженія фанатизма. Во всей Европѣ онъ основалъ союзъ, котораго онъ былъ душой. Воинственнымъ крикомъ этого союза было: «разумъ и терпимость!» Совершена-ли была гдѣ-нибудь большая несправедливость, оказалось-ли кровавое преслѣдованіе, нарушалось-ли человѣческое достоинство,—сочиненіе Вольтера передъ всей Европой выставляло виновныхъ къ позорному столбу. И какъ часто рука притѣснителей дрожала отъ страха передъ этимъ вѣрнымъ мщеніемъ.»—Цитируя эти слова Кондорсе, Геттнеръ говоритъ, что они совершенно справедливы. Итакъ, сила Вольтера была очень велика. Но эта сила была основана исключительно на довѣріи и сочувствіи читающаго общества. Значитъ, чѣмъ выше поднимался Вольтеръ, тѣмъ больше вѣсу пріобрѣтали мнѣнія и желанія общества. *Рука притѣснителей дрожала* очевидно не передъ Вольтеромъ. Вольтеръ былъ только докладчикомъ, а судьей являлась читающая Европа. Но для того, чтобы этотъ судъ былъ дѣйствительно страшенъ для притѣснителей, надо было, чтобы голосъ докладчика во всякую данную минуту находилъ себѣ десятки тысячъ внимательныхъ слушателей. Чтобы вызвать къ жизни обще-

ственное мнѣніе и чтобы всегда поддерживать его дѣятельность тамъ, гдѣ оно еще не привыкло вмѣшиваться постоянно въ общественныя дѣла и гдѣ весь строй существующихъ учрежденій враждебенъ такому вмѣшательству,—необходима необыкновенная сила таланта и непоколебимая твердость убѣжденій со стороны того человѣка, который при такихъ невыгодныхъ условіяхъ осмѣливается принять на себя великія обязанности публициста. Сосредоточивши на себѣ вниманіе всей Европы, Вольтеръ сдѣлалъ возможнымъ существованіе общественнаго мнѣнія, затѣмъ онъ самъ сдѣлался руководителемъ этого вновь созданнаго общественнаго мнѣнія и показалъ, что общество можетъ и обязано контролировать и судить своихъ опекуновъ. А что̀ такое общество? Вы, я, наши братья и сестры, дяди и тетки, отцы и матери, родственники и знакомые, родственники родственниковъ и знакомые знакомыхъ, и такъ далѣе—вотъ вамъ и общество. Каждый изъ насъ порознь слабѣе встрѣчнаго полисмэна. Но всѣ мы вмѣстѣ непобѣдимы и неотразимы. Судите же теперь, какой глубокой благодарностью обязаны мы тѣмъ великимъ людямъ, которые соединяютъ насъ между собой обаятельной силой живого и горячаго слова и которые, сплотивши насъ въ одну громадную и неотразимую лавину, ведутъ и направляютъ насъ туда, гдѣ мы можемъ спасать нашихъ братьевъ или увеличивать и упрочивать нашими приговорами наше собственное матеріальное и умственное благосостояніе. Величайшимъ изъ этихъ великихъ людей надо признать Вольтера, потому что онъ первый соединилъ и повелъ за собой читающую Европу къ свѣтлому будущему, и еще потому, что послѣ его смерти не появлялось ни одного человѣка, который былъ-бы равенъ ему по глубинѣ и обширности своего вліянія.

Когда во время революціи прахъ Вольтера былъ перенесенъ въ Пантеонъ, тогда пьедесталъ его памятника получилъ слѣдующую надпись: «Тѣни Вольтера. Поэтъ, историкъ, философъ, онъ расширилъ предѣлы человѣческаго ума и научилъ его быть свободнымъ. Онъ защитилъ Каласа, Сирвана, де-ла-Барра и Монбальи; онъ сражался съ атеистами и съ фанатиками; онъ внушалъ терпимость; онъ отстаивалъ права человѣка противъ феодальнаго рабства.» Защищеніе Каласа и другихъ подсудимыхъ поставлено на ряду съ самыми замѣчательными подвигами Вольтера. Такъ оно и должно быть. Роль Вольтера въ этихъ четырехъ уголовныхъ процессахъ имѣетъ громадное общественное значеніе, не говоря уже о томъ, что она дѣлаетъ величайшую честь человѣколюбію и великодушію Вольтера. Вмѣшательство Вольтера въ первый разъ показало всей Европѣ, что надъ высшими трибуналами есть еще одна инстанція, которая можетъ пересматривать и кассировать приговоры, судить и осуждать недобросовѣстныхъ или тупоумныхъ судей, оправдывать и реабилитировать невинныхъ, пострадавшихъ отъ судейской оплошности или злонамѣренности. Въ Тулузѣ сынъ Жана Каласа, Маркъ Антонъ, повѣсился въ домѣ своего отца. Жанъ Каласъ былъ протестантъ, а Тулуза населена самыми ревностными католиками. Наперекоръ всякому здравому смыслу и правдоподобію, какой-то негодяй распустилъ въ городѣ слухъ, что Маркъ Антонъ повѣшенъ своими родителями за намѣреніе перейти въ католицизмъ. Самоубійцу превратили въ мученика. Трупъ его, выставленный въ церкви, сталъ творить чудеса. Семейство Каласовъ попало въ тюрьму, было заковано въ цѣпи и отдано подъ судъ. Не имѣя никакихъ доказательствъ, кромѣ народнаго говора и чудесъ святого самоубійцы, тулузскій парламентъ приговорилъ Жана Каласа, 72-лѣтняго старика, къ колесованію. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Дѣти Каласа разосланы по монастырямъ и обращены силой въ католицизмъ. Имѣніе казненнаго конфисковано, и вдова его осталась одна, безъ земли и безъ средствъ къ существованію. Значитъ, правосудіе удовлетворено, и дѣло кончено. Некому поднимать его и некуда его вести дальше. Тулузскій парламентъ—верховное судебное мѣсто, и приговоры его, не нуждаясь ни въ чьей конфирмаціи, не могутъ быть оспариваемы правильнымъ апелляціоннымъ порядкомъ. Но Вольтеръ впутывается въ этотъ благополучно оконченный процессъ—Вольтеру нѣтъ дѣла до юридической правильности и до канцелярскаго порядка. Вольтеръ раскапываетъ всю исторію съ самаго начала, печатаетъ свое знаменитое сочиненіе о терпимости, излагаетъ въ немъ процессъ Каласа, какъ возмутительный примѣръ католическаго фанатизма, доведеннаго до людоѣдства, пишетъ письма къ знаменитымъ адвокатамъ, къ министрамъ, къ государямъ,—словомъ, работаетъ за Каласовъ неутомимо и безкорыстно цѣлые три года, и все это дѣлаетъ Вольтеръ, кумиръ всей мыслящей Европы, слабый и больной семидесятилѣтній старикъ. А ему-то что̀ за дѣло? Что̀ онъ за оберъ-прокуроръ? По какому праву мѣшаетъ онъ тулузскому парламенту колесовать, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, тѣхъ французовъ, которые, живя въ Тулузѣ, имѣютъ безразсудство не нравиться ему, всесильному тулузскому парламенту? Такіе вопросы предлагались конечно многими непоколебимыми приверженцами спасительной юридической правильности, и на такіе вопросы пылкіе обожатели фернейскаго философа отвѣчали по всей вѣроятности, что Вольтеръ, по праву мыслящаго человѣка и честнаго гражданина, обращается къ верховному суду обще-

ственнаго мнѣнія и требуетъ отъ французской націи, чтобы она защищала своихъ дѣтей отъ произвола парламентскихъ совѣтниковъ, ослѣпленныхъ религіозной ненавистью или запуганныхъ криками фанатической уличной толпы. Подобные разговоры велись вездѣ, гдѣ люди умѣли читать и понимать французскія книги, а въ Парижѣ эти разговоры велись такъ громко, что государственный совѣтъ предписалъ тулузскому парламенту выслать документы по дѣлу Каласа. Весь процессъ былъ пересмотрѣнъ, и приговоръ тулузскаго парламента объявленъ несправедливымъ. Почти въ одно время съ Каласомъ попалъ подъ судъ протестантъ Сирванъ, котораго также безъ малѣйшаго основанія подозрѣвали въ томъ, что онъ утопилъ въ колодцѣ свою дочь, насильно обращенную въ католицизмъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Сирванъ имѣлъ довольно вѣрное понятіе о французскомъ правосудіи, и постарался убѣжать. Его заочно приговорили къ смерти. Имѣніе его конфисковали. «Вольтеръ,—говоритъ Геттнеръ,— и здѣсь явился защитникомъ и мстителемъ. Правительства бернское и женевское, русская императрица, короли польскій, прусскій и датскій, ландграфъ гессенскій, герцоги саксонскіе по вызову Вольтера прислали несчастному семейству богатую помощь. Вольтеръ обратился прямо къ тулузскому парламенту, который опять по закону былъ высшей судебной инстанціей въ дѣлѣ Сирвана; исходъ процесса Каласа далъ перевѣсъ свободномыслящей партіи, и Сирванъ былъ оправданъ.» Семнадцатилѣтняго мальчика де-ла-Барра обвинили въ томъ, что онъ будто-бы вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ д'Эталлондомъ изломалъ и опрокинулъ деревянное распятіе, стоявшее на мосту въ городѣ Аббевилѣ. Прямыхъ уликъ не оказалось; но зато нашлись добрые и благочестивые люди, которые припомнили съ сокрушеніемъ сердца, что однажды де-ла-Барръ и д'Эталлондъ, встрѣтившись съ процессіей, не сняли передъ нею шляпъ, и что кромѣ того де-ла-Барръ какъ-то разъ у себя на квартирѣ пѣлъ легкомысленные куплеты, направленные противъ чести Святой Маріи Магдалины. Показанія добрыхъ и благочестивыхъ людей рѣшили участь безразсудныхъ молокососовъ. Считая ихъ преступленіе вполнѣ доказаннымъ, судъ приговорилъ де-ла-Барра къ колесованію, что̀ и было исполнено въ 1765 году. Д'Эталлонду же было оказано нѣкоторое снисхожденіе. Судъ приказалъ вырѣзать у него языкъ и отрубить ему руки. Д'Эталлондъ не пожелалъ воспользоваться этими милостями и ухитрился бѣжать. Прибѣжалъ онъ прямо къ Вольтеру, къ общепризнанному и возлюбленному патріарху всѣхъ европейскихъ вольнодумцевъ. Тутъ онъ съоткровенностью ребенка разсказалъ всѣ подробности дѣла. Вольтеръ препроводилъ д'Эталлонда въ Пруссію и рекомендовалъ его Фридриху II, который принялъ его къ себѣ на службу и далъ ему офицерскій чинъ. Вольтеръ, съ своей стороны, въ превосходномъ мемуарѣ раскрылъ передъ читающей Европой всѣ закулисныя пружины той грязной интриги, которая погубила де-ла-Барра. Эти пружины состояли въ томъ, что одинъ вліятельный господинъ, Беллеваль, началъ строить куры теткѣ де-ла-Барра, настоятельницѣ женскаго монастыря. Получивши на свои авансы презрительный отказъ, Беллеваль рѣшился мстить и направилъ на молодого вѣтренника де-ла-Барра всѣхъ клерикаловъ и тартюфовъ города Аббевиля и его окрестностей. Въ результатѣ получилось колесованіе. Старуха Монбальи выпила не въ мѣру и умерла отъ апоплексическаго удара. Зѣваки и сплетники города Сентъ-Омера увидали въ этой скоропостижной смерти слѣды насилія и взвели подозрѣніе на сына покойницы и на его жену. Подозрительныя личности были арестованы и отданы подъ судъ. Доказательствъ не нашлось никакихъ, но судьи, стремясь къ исправленію общественной нравственности, не пожелали останавливаться на разныхъ мелочныхъ соображеніяхъ и смѣло приговорили обоихъ обвиненныхъ къ мучительной казни. Монбальи колесовали и сожгли, но казнь его жены была отложена по случаю ея беременности. Въ это время Вольтеръ послалъ мемуаръ объ этомъ дѣлѣ въ министерство. Процессъ пересмотрѣли, казненнаго Монбальи объявили невиннымъ. Жену его приговоренную къ смерти, освободили.

Эти четыре процесса слѣдовали одинъ за другимъ, съ очень короткими промежутками времени. Самый ранній изъ нихъ, процессъ Каласа, былъ рѣшенъ въ 1762 году и перерѣшенъ въ 1765 году. Самый поздній, процессъ Монбальи, разыгрался въ 1770 году. Едва успѣвало утихнуть волненіе, возбужденное въ обществѣ однимъ вопіющимъ насиліемъ, какъ начинались немедленно толки о новой, такой-же очевидной и возмутительной несправедливости. Втеченіи восьми лѣтъ раскрылось четыре юридическія убійства, и высшія государственныя власти за одно съ общественнымъ мнѣніемъ страны оффиціально признали ихъ убійствами. Два изъ этихъ убійствъ были совершены на югѣ Франціи и два—на сѣверѣ. Значитъ, суды были одинаково ревностны, проницательны и справедливы на всемъ пространствѣ французской территоріи. Четыре гадости были открыты по иниціативѣ частнаго человѣка, дряхлаго и больного старика. Но сколько-же гадостей оставалось въ неизвѣстности? Сколько ихъ совершилось въ послѣднія десятилѣтія? Сколько еще совершится въ ближайшія двадцать или тридцать лѣтъ? И кто можетъ сказать навѣрное,

что эти будущія гадости не обрушатся ни на него, ни на его ближайшихъ родственниковъ и друзей? Вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ тащить всѣ рѣшенные процессы къ Вольтеру, да и самъ Вольтеръ всетаки не способенъ воскрешать своими защитительными мемуарами колесованныхъ и сожженныхъ людей. Питая свой духъ такими мрачными и неуспокоительными размышленіями, каждый французъ, способный подмѣчать и обобщать явленія общественной жизни, долженъ былъ придти къ тому результату, что суды его родины, какъ двѣ капли воды, похожи на аулы предпріимчивыхъ горцевъ, которые безъ малѣйшей опасности для самихъ себя распространяютъ ужасъ и опустошеніе по всѣмъ окружающимъ мѣстностямъ. Послѣ этого не трудно было добраться и до того практическаго заключенія, что общество, уже возвысившееся до самосознанія, обязано изъ чувства самосохраненія сосредоточить всѣ свои силы противъ этихъ воинственныхъ ауловъ и противъ всего того, что̀ поддерживаетъ и упрочиваетъ ихъ существованіе.

Вступаясь за мучениковъ французскаго правосудія, Вольтеръ не развивалъ никакихъ отвлеченно широкихъ теорій. Онъ просто и спокойно проводилъ самыя широкія теоріи въ дѣйствительную жизнь. Онъ не разсуждалъ о souveraineté du peuple. Онъ прямо и рѣшительно прикладывалъ ее къ дѣлу. Онъ не проповѣдывалъ противъ стараго зла, а фактически уничтожалъ его. Процессы Каласа и всѣхъ другихъ вольтеровскихъ protégés нанесли старому порядку болѣе жестокіе удары, чѣмъ могли бы то сдѣлать десятки томовъ самой тонкой, остроумной и разрушительной теоретической критики. Защитительные мемуары Вольтера были уже не словами, а дѣлами. Это уже не подготовленіе переворота, а настоящее его начало. Здѣсь живая сила общественнаго мнѣнія, живая воля мыслящаго и энергическаго народа дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, стали выше всѣхъ существующихъ законовъ. Съ этой минуты эти старые, средневѣковые законы могутъ уже считаться отмѣненными. Затѣмъ остается только облечь совершившійся фактъ въ юридическую форму. Объ этомъ уже позаботились дѣятели учредительнаго собранія, открывшаго свои засѣданія черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ смерти Вольтера.

Блестящую кампанію, открытую Вольтеромъ противъ старыхъ французскихъ судовъ, тѣсно связанныхъ со всей совокупностью старыхъ общественныхъ учрежденій, закончилъ достойнымъ образомъ Бомарше, знаменитый авторъ «Севильскаго цирульника» и «Свадьбы Фигаро». Бомарше находился въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Вольтеръ. Во-первыхъ, Вольтеръ былъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ, а Бомарше, вступая въ борьбу съ парижскимъ парламентомъ, былъ еще совершенно неизвѣстенъ. Во-вторыхъ, Вольтеръ вступался за другихъ, а Бомарше—за самого себя. Въ-третьихъ, вольтеровскіе процессы были процессами уголовными: тутъ шло дѣло о человѣческой жизни и о чести цѣлыхъ семействъ; тутъ являлись въ видѣ декорацій и аттрибутовъ цѣпи, застѣнки, орудія пытки, костры и висѣлицы; тутъ было чѣмъ расшевелить въ читающей публикѣ любопытство, сочувствіе и негодованіе. Процессъ Бомарше, напротивъ того, былъ простымъ тяжебнымъ дѣломъ, возникшимъ изъ-за незначительной денежной суммы и запутаннымъ происками и интригами обѣихъ состязавшихся сторонъ. Бомарше по-настоящему при обыкновенныхъ условіяхъ не могъ-бы даже разсчитывать на сочувствіе публики, потому что онъ самъ былъ далеко не правъ, хотя, разумѣется, противники его были еще болѣе виноваты. Но ненависть общества ко всѣмъ частямъ стараго государственнаго порядка была такъ безпредѣльна, что общество все простило смѣлому Бомарше и тотчасъ превратило его въ героя и въ великаго дѣятеля, какъ только оно увидѣло въ немъ человѣка, способнаго наносить господствующей системѣ сильные и мѣткіе удары. Дѣло было вотъ какъ. Финансистъ Дюверне, находившійся въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ ловкимъ и предпріимчивымъ Бомарше, умирая, призналъ въ своихъ бумагахъ, что онъ остался долженъ Бомарше пятнадцать тысячъ ливровъ. Наслѣдникъ Дюверне, графъ Ла-Блашъ, вздумалъ оспаривать этотъ долгъ. Бомарше, никогда не отличавшійся уступчивостью, началъ процессъ въ концѣ 1771 года. Въ 1772 году дѣло, рѣшенное первой инстанціей въ пользу Бомарше, перешло въ парламентъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ парламента Мопу. Это было собраніе, произвольно созданное королемъ Людовикомъ XV и его министромъ Мопу; оно замѣняло собой парижскій парламентъ, который за свою непокорность королевской власти былъ уничтоженъ и отправленъ въ изгнаніе. Бомарше отправился къ докладчику этого парламента, Гезману, но не успѣлъ повидаться съ нимъ и окольными путями получилъ тотъ благой совѣтъ, что для умилостивленія докладчика слѣдуетъ поднести подарокъ его женѣ. Бомарше съ благодарностью принялъ этотъ совѣтъ и представилъ госпожѣ Гезманъ сто луидоровъ, золотые часы съ алмазами и пятнадцать луидоровъ для передачи какому-то секретарю. Бомарше, какъ непобѣдимый кремень и кулакъ, велъ все это дѣло съ такой цинической откровенностью, что обязалъ госпожу Гезманъ отдать назадъ всѣ сокровища, если процессъ будетъ проигранъ. Госпожа Гезманъ, которой подобныя объясненія и сдѣлки были нипочемъ, совершенно согласилась на эти условія. Процессъ проигрался, потому что Ла-Блашъ съ

своей стороны порадовалъ докладчика болѣе убѣдительнымъ приношеніемъ. Бомарше потребовалъ назадъ свои дары. Madame Гезманъ отдала ему часы и сто луидоровъ, но съ пятнадцатью луидорами она почему-то ни подъ какимъ видомъ не хотѣла разстаться. Бомарше, взбѣшенный донельзя проигрышемъ процесса, тотчасъ-же такъ громко разблаговѣстилъ скандальную исторію о луидорахъ, что самъ Гезманъ очутился въ очень неудобномъ и опасномъ положеніи. Гезманъ рѣшился на отчаянный маневръ. Рѣшительно отрицая всю исторію о часахъ и о деньгахъ, онъ подалъ въ парламентъ форменную жалобу на Бомарше, какъ на клеветника. Теперь Бомарше очутился въ тискахъ: если съ его стороны не было клеветы, то значитъ была попытка подкупить членовъ суда. Альтернатива была печальная. Дѣло, какъ видите, пакостное во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Бомарше вышелъ изъ этого дѣла побѣдителемъ, героемъ, мученикомъ, любимцемъ всей Европы, добродѣтельнымъ Цицерономъ и чуть-чуть не отцомъ отечества. «Бомарше,—говоритъ Геттнеръ,—обратился къ публикѣ съ четырьмя мемуарами. Неумолимо и съ непреклоннымъ мужествомъ, гнѣвомъ и одушевленіемъ преслѣдуя врага во всѣхъ его убѣжищахъ и укрѣпленіяхъ, остроумный до наглости и шутовства и въ то-же время доходящій въ нравственномъ раздраженіи до истинно-поразительной возвышенности, онъ приводитъ цѣлое общественное мнѣніе въ самое живое движеніе, дѣлаетъ свой интересъ интересомъ всѣхъ, становится мстителемъ нарушенной справедливости и съ проницательностью злобы выставляетъ всѣ тѣ страшныя интриги и преступленія, отъ которыхъ страдало тогда французское правосудіе. Впечатлѣніе, произведенное этими мемуарами, прошло всѣ слои населенія, даже всю Европу. Первый мемуаръ въ первые-же два дня проданъ былъ въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ; со второго мемуара его процессъ сдѣлался, какъ тогда выражались, la cause de la nation, можно даже сказать—процессомъ всего образованнаго міра.» Въ своемъ четвертомъ мемуарѣ Бомарше высказалъ уже самымъ категорическимъ образомъ, какъ общепризнанную истину, мысль о верховномъ господствѣ націи. «La nation,—говоритъ онъ,—n'est pas assise sur les bancs de ceux pui prononcent; mais son oeil majestueux plane sur l'assemblée. Si elle n'est jamais le juge des particuliers, elle est en tout temps le juge des juges.» («Нація не сидитъ на скамьяхъ тѣхъ людей, которые произносятъ приговоры; но ея величественный взоръ носится надъ собраніемъ. Если она никогда не бываетъ судьей частныхъ лицъ, то она бываетъ судьей судей.») Кажется, ясно и выразительно. Слышатся даже ноты той вкрадчивой лести державному народу, безъ которой впослѣдствіи не могла обойтись ни одна рѣчь революціонныхъ ораторовъ. А между тѣмъ когда Бомарше писалъ свой четвертый мемуаръ, тогда еще жили на свѣтѣ старики, помнившіе вѣкъ того короля, который считалъ себя государствомъ. Къ числу этихъ стариковъ принадлежалъ и самъ Вольтеръ. Все разстояніе отъ чисто-турецкаго деспотизма до самодержавія народа было пройдено двумя поколѣніями. Крупные то были люди! Умѣли они и веселиться, и работать. Парламентъ Мопу въ началѣ 1774 года приговорилъ къ ошельмованію (blâme) какъ госпожу Гезманъ, такъ и ея противника Бомарше. Ошельмованіе это влекло за собою потерю всѣхъ гражданскихъ правъ и состояло въ томъ, что осужденнаго ставили на колѣни, а президентъ произносилъ во всеуслышаніе установленную формулу: «la cour te blâme et te déclare infâme» («судъ шельмуетъ тебя и объявляетъ тебя безчестнымъ»). Собственно говоря, рѣшеніе парламента было совершенно справедливо: онъ ошельмовалъ одну сторону за то, что она брала взятки, а другую—за то, что она ихъ предлагала. Мудрѣе этого и Соломонъ ничего бы не придумалъ. Но французской націи было въ то время не до мудрости парламентскихъ совѣтниковъ и не до справедливости отдѣльныхъ приговоровъ. Нація стремилась въ то время всей силой своихъ мыслей и желаній къ полному обновленію всѣхъ своихъ учрежденій и къ неограниченному господству надъ всѣми отправленіями своей жизни. Когда, находясь въ такомъ напряженномъ ожиданіи грядущихъ событій, нація слышала сильную и вѣрную музыку, тогда нація называла музыканта героемъ и великимъ дѣятелемъ, нисколько не освѣдомляясь о томъ, ведетъ ли этотъ драгоцѣнный музыкантъ трезвую и цѣломудренную жизнь. Нація была права въ своемъ инстинктѣ. Когда цѣлое общество переживаетъ тяжелый и мучительный кризисъ, тогда тихія добродѣтели частной жизни отступаютъ на самый задній планъ, оставляя поле дѣйствій совершенно открытымъ для тѣхъ могучихъ и блестящихъ дарованій, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе великой общественной задачи, поставленной на очередь медленнымъ и грознымъ теченіемъ историческихъ событій. Поэтому немудрено, что нація совершенно забыла поступокъ Бомарше и запомнила только его великолѣпные мемуары. «Бомарше,—говоритъ Геттнеръ,—явился передъ судомъ; но общественное мнѣніе сдѣлало изъ осужденія Бомарше осужденіе парламента. Бомарше получилъ безчисленное множество визитовъ. На другой-же день послѣ осужденія принцъ Конти пригласилъ заклейменнаго на блистательный пиръ. «Nous sommes,—говорилъ принцъ въ своемъ письмѣ,—d'assez bonne maison pour donner l'exemple á la France de la manière dont on doit traiter un grand citoyen tel que vous.» («Мы изъ достаточно хорошаго дому,

чтобы подать Франціи примѣръ, какимъ образомъ слѣдуетъ обращаться съ великимъ гражданиномъ, подобнымъ вамъ.») Вездѣ, куда ни показывался Бомарше, онъ принимаемъ былъ съ восторженными криками. Парламентъ Мопу не могъ сопротивляться этому удару. Нападенія въ стихахъ и прозѣ становились все многочисленнѣе и сильнѣе. Онъ влачилъ свое существованіе еще нѣсколько мѣсяцевъ, презираемый и гонимый всѣми.

Принцъ королевской крови Конти не умѣлъ составить себѣ даже и приблизительнаго понятія о томъ результатѣ, къ которому ведетъ блистательная дѣятельность великихъ гражданъ, подобныхъ Бомарше. Въ простотѣ своей доброй души принцъ Конти во всемъ этомъ дѣлѣ не видѣлъ ничего, кромѣ чувствительнаго пораженія, нанесеннаго парламенту Мопу. Принцъ рѣшительно не понималъ того, что общество, узнавшее свою собственную силу и сломившее этой силой одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ учрежденій, войдетъ во вкусъ и будетъ подавлять своимъ могуществомъ все то, что̀ не соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Райское простодушіе высшей французской знати,—простодушіе, до котораго нашъ испорченный вѣкъ уже не можетъ возвыситься, выразилось еще рельефнѣе по поводу того-же великаго гражданина въ дѣлѣ о его знаменитой комедіи «Свадьба Фигаро». Комедія эта была окончена въ 1781 году. Слухи и толки о ней ходили по всему Парижу. Бомарше читалъ ее во многихъ аристократическихъ отеляхъ. Слушатели были въ восторгѣ. Но Людовикъ XVI рѣшительно не позволялъ этой комедіи появиться на сценѣ. Бомарше три года интриговалъ противъ этого запрещенія и наконецъ побѣдилъ сопротивленіе короля, и, разумѣется, побѣдилъ только потому, что короля осадили со всѣхъ сторонъ просьбами и воплями королева, принцы и принцессы, которымъ чрезвычайно желательно было посмотрѣть, какимъ образомъ Фигаро при всей парижской публикѣ высшихъ и низшихъ сортовъ будетъ отдѣлывать своими убійственными насмѣшками привилегію дворянства и всѣ закоренѣлыя несообразности стараго феодальнаго порядка. Геттнеръ замѣчаетъ очень основательно, что «теперь никакая театральная цензура не потерпѣла-бы подобной пьесы». Комедія была дана въ первый разъ 27 апрѣля 1784 года. И затѣмъ театральная дирекція впродолженіи десяти недѣль каждый день просвѣщала добрыхъ парижанъ «Свадьбою Фигаро». Примѣру Парижа послѣдовали театры всѣхъ большихъ и маленькихъ провинціальныхъ городовъ. Словомъ, по милости принцевъ и принцессъ, критика старыхъ учрежденій сдѣлалась доступной всѣмъ французамъ, имѣвшимъ возможность заплатить какой-нибудь четвертакъ за мѣсто въ театральномъ райкѣ. Всѣ эти французы увидѣли ясно, до какой степени всѣ они единодушны въ своей ненависти къ старому злу. Всѣ они почувствовали и поняли, что учрежденія, осужденныя и осмѣянныя цѣлой націей, не могутъ существовать. А между тѣмъ принцы и принцессы продолжали простодушничать. 19 августа 1785 года они сами разыграли «Свадьбу Фигаро» въ маломъ Тріанонѣ. Королева Марія-Антуанета исполнила роль Розины; а графъ д'Артуа, будущій король Карлъ X, изобразилъ Фигаро и очень мило осмѣялъ все то, на чемъ основывалось его собственное величіе и благосостояніе. Эти люди утѣшались такими забавами за *четыре года* до того переворота, который однихъ повелъ на эшафотъ, а другимъ приготовилъ разореніе и двадцатилѣтнее изгнаніе.

VII.

Втеченіи всей второй половины XVIII вѣка вниманіе французскаго общества сосредоточивается почти исключительно на литературѣ, и притомъ преимущественно на серьезныхъ ея отрасляхъ. Героями дня и властителями думъ являются писатели. У французовъ въ это время нѣтъ ни великихъ полководцевъ, ни смѣлыхъ преобразователей, ни даже благоразумныхъ правителей. Франція Людовика XV гордится только своими книгами. Книгъ у нея дѣйствительно очень много; онѣ быстро и безостановочно появляются одна за другой; онѣ покупаются и читаются на расхватъ; онѣ обсуживаютъ съ самыхъ различныхъ сторонъ самые важные и интересные вопросы; онѣ говорятъ о религіи и о нравственности, о природѣ и о человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о правахъ и обязанностяхъ, о душѣ и объ умственныхъ способностяхъ, объ англійской конституціи и о республиканскихъ добродѣтеляхъ, о земледѣліи и промышленности, о собственности и о распредѣленіи богатствъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ книги поражаютъ своихъ читателей смѣлостью и неслыханностью сужденій, которыя при всемъ своемъ разнообразіи оказываются всѣ до одной совершенно непримиримыми съ общеобязательнымъ кодексомъ традиціонныхъ доктринъ и съ укоренившимися формами государственной и общественной жизни. Ударъ слѣдуетъ за ударомъ. Подъ этими ударами падаютъ одно за другимъ въ самыхъ различныхъ областяхъ знанія коренныя заблужденія, на которыхъ выросли и сложились любимыя привычки, условные идеалы, игрушечныя радости и копѣечныя огорченія читающаго общества. Каждый ударъ вызываетъ бурю разнородныхъ страстей то въ обществѣ, то въ правительственныхъ сферахъ; и безъ какого-нибудь удара не проходитъ почти ни одного года, такъ что умы читателей находятся въ постоянномъ напряженіи и въ

безвыходной тревогѣ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ обиліи сильныхъ умственныхъ впечатлѣній, которое переживала тогдашняя публика, и о той быстротѣ, съ которой самыя разнообразныя впечатлѣнія смѣняли и тѣснили другъ друга,—надо посмотрѣть, въ какомъ хронологическомъ порядкѣ появлялись на свѣтъ самыя замѣчательныя произведенія отрицательной философіи. Я буду называть только тѣ сочиненія, которыя вошли въ исторію литературы, и вошли не столько за свое абсолютное достоинство, сколько за свое историческое значеніе. Стало-быть мы здѣсь будемъ имѣть дѣло только съ такими книгами, которыя въ свое время произвели на читателей сильное и глубокое впечатлѣніе.

Въ 1748 году Монтескьё издаетъ «L'esprit des lois» («Духъ законовъ»), въ которомъ превозноситъ до небесъ англійскую конституцію, совершенно непохожую на учрежденія старой французской монархіи и составляющую для Франціи самую недостижимую изъ всѣхъ возможныхъ утопій. Книга въ полтора года выдерживаетъ *двадцать-два* изданія.

Въ томъ же году Дидро издаетъ свои «Pensées philosophiques» («Философскія размышленія»). Парламентъ сжигаетъ эту книгу. Ее тотчасъ-же издаютъ вновь и распространяютъ тайно.

Вдохновившись *размышленіями* Дидро, Ла-Меттри около этого-же времени издаетъ въ Голландіи двѣ книги, проникнутыя такимъ яростнымъ матеріализмомъ, котораго не можетъ выдержать даже голландское общество и изгоняетъ Ла-Меттри изъ своей среды. Непозволительныя его книги называются: «Histoire naturelle de l'âme» («Естественная исторія души») и «L'homme machine» («Человѣкъ-машина»).

Въ 1749 году Дидро издаетъ «Письмо о слѣпыхъ» («Lettre sur les aveugles») и попадаетъ за него на три мѣсяца въ Венсенскую крѣпость.

Въ 1749 году Руссо издаетъ «Discours sur les sciences et les arts», въ которомъ онъ доказываетъ, что цивилизація развратила человѣка. Руссо получаетъ премію отъ дижонской академіи и сразу становится европейской знаменитостью.

Въ 1751 году выходитъ первый томъ «*Энциклопедіи*».

Въ 1752 году—второй томъ «*Энциклопедіи*». Поднимается жестокая буря. Сорбонна осуждаетъ книгу. Парижскій архіепископъ издаетъ противъ нея (т. е. противъ книги) пастырское посланіе. На оба тома накладываютъ запрещеніе. Вслѣдствіе всего этого «*Энциклопедію*» покупаютъ и читаютъ, по словамъ современника и очевидца Барбье, всѣ парижскіе лавочники и тряпичники.

Въ 1753 году Дидро издаетъ «Interprétation de la nature» («Истолкованіе природы»), а Руссо издаетъ «Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes» («Разсужденіе о причинахъ и основаніяхъ неравенства между людьми»).

Въ томъ-же 1753 году выходитъ третій томъ «*Энциклопедіи*». Поссорившись съ духовенствомъ, правительство стало относиться къ этому изданію довольно благосклонно.

Въ 1754 году Кондильякъ издаетъ «Traité des sensations» («Трактатъ объ ощущеніяхъ»). Всѣ отправленія психической дѣятельности выводятся изъ чувственныхъ ощущеній. Психологія сводится на физіологію нервной системы.

Въ 1755 году Морелли издаетъ «Code de la nature» («Кодексъ природы»). Проэктъ новаго общественнаго устройства. Всѣ люди уравниваются въ правахъ. Дѣтямъ дается общественное воспитаніе. Земля и рабочіе инструменты составляютъ общую собственность. Денегъ нѣтъ и быть не должно. Трудъ обязателенъ для всѣхъ. Трудъ соразмѣряется съ силами, а вознагражденіе продуктами—съ потребностями каждаго человѣка по извѣстной формулѣ: à chacun selon ses forces, à chacun selon ses besoins. Любопытно замѣтить, что министръ Войе-д'Аржансонъ, которому въ 1755 году было больше шестидесяти лѣтъ, прочитавши «Code de la nature», назвалъ его *книгою книгъ* и поставилъ автора этой книги гораздо выше Монтескьё. Это тотъ самый д'Аржансонъ, который принесъ въ засѣданіе Королевскаго совѣта мужицкій хлѣбъ, испеченный изъ мякины и коры, и сказалъ Людовику XV: «Вотъ, государь, какой хлѣбъ ѣдятъ ваши подданные!»—Король отвѣчалъ съ большой находчивостью: «Будь я на ихъ мѣстѣ, я-бы давно взбунтовался».—Если книга Морелли подѣйствовала на шестидесятилѣтняго министра, то не трудно себѣ представить, какъ сильно должна была она поразить болѣе молодыхъ и впечатлительныхъ читателей.

Въ 1757 году Вольтеръ издаетъ «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations»,—книгу, за которую Бокль не совсѣмъ основательно называетъ Вольтера величайшимъ изъ всѣхъ европейскихъ историковъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что эта книга составляетъ первый опытъ бытовой исторіи и кладетъ основаніе всей новѣйшей исторіографіи. При этомъ Вольтеръ конечно не упускаетъ изъ виду своей любимой идеи, такъ что всю его книгу можно назвать огромнымъ и убійственно остроумнымъ памфлетомъ противъ суевѣрія, фанатизма, клерикализма и туманныхъ отвлеченностей.

Съ 1754 по 1756 годъ выходятъ четвертый, пятый и шестой томы «*Энциклопедіи*». Главные редакторы ея, Дидро и д'Аламберъ, стараются, не измѣняя основной идеѣ, вести дѣло немного осторожнѣе.

Въ 1757 году выходитъ седьмой томъ «*Энциклопедіи*», въ которомъ редакторы, ободренные затишьемъ, дѣйствуютъ смѣлѣе. Д'Аламберъ пишетъ къ Вольтеру, что седьмой томъ будетъ сильнѣе всѣхъ предыдущихъ. Вольтеръ кланяется и благодаритъ, но клерикалы бьютъ тревогу во всѣхъ своихъ журналахъ, и правительство принимаетъ ихъ сторону.

Въ 1758 году Гельвецій издаетъ книгу «De l'esprit» («О разумѣ»). Изъ ощущеній физической боли и физическаго удовольствія выводятся всѣ человѣческіе страсти, чувства и поступки. Эгоизмъ признается единственнымъ двигателемъ всякой человѣческой дѣятельности, какъ самой преступной, такъ и самой возвышенно-честной и героической. Добромъ называется то, что́ согласно съ общимъ интересомъ, а зломъ—то, что́ вредитъ этому интересу и подрываетъ существованіе общества. Человѣкъ дѣлаетъ добро и зло вслѣдствіе одинаковыхъ побужденій, т. е. вслѣдствіе того удовольствія, которое доставляетъ или обѣщаетъ ему данный поступокъ. Противъ этой книги поднимается жестокая буря; іезуиты и янсенисты преслѣдуютъ ее общими силами; парижскій архіепископъ совершенно справедливо видитъ въ ней отрицаніе свободной воли и нравственнаго закона. Сорбонна повторяетъ и усиливаетъ эти обвиненія; государственный прокуроръ усматриваетъ въ книгѣ Гельвеція собраніе самыхъ опасныхъ ученій, пущенныхъ въ ходъ «*Энциклопедіей*». Книгой недовольны даже и сами философы; Вольтеръ, Дидро, Бюффонъ и Гриммъ осуждаютъ ее, какъ собраніе парадоксовъ, или отзываются о ней насмѣшливо.

Въ 1759 году книгу Гельвеція публично сжигаютъ по опредѣленію парламента; цензора Терсье, дозволившаго ея печатаніе, отставляютъ отъ службы. Между тѣмъ книга раскупается; въ самое короткое время она выдерживаетъ *пятьдесятъ* изданій; ее переводятъ почти на всѣ живые языки Европы. Гельвецій становится европейской знаменитостью

Въ томъ-же 1759 году, черезъ мѣсяцъ послѣ сожженія книги Гельвеція, слѣдственная коммисія, наряженная по дѣлу объ «*Энциклопедіи*», приводитъ свои работы къ благополучному окончанію. Привилегія, выданная отъ правительства въ 1746 году на изданіе «*Энциклопедіи*», уничтожается; продажа вышедшихъ и слѣдующихъ томовъ запрещается «во вниманіе того, что польза, приносимая искусству и наукѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ вреду, приносимому религіи и нравственности».

Въ томъ-же 1759 году Кенэ издалъ книгу «Essai sur l'administration des terres», которая вмѣстѣ съ книгой «Tableau économique», изданной въ 1758 году, составляетъ основаніе теоріи *физіократовъ*, т. е. экономистовъ, старавшихся обратить вниманіе правительства на земледѣліе, какъ на единственный источникъ народнаго богатства. Этихъ экономистовъ можно назвать продолжателями Вобана и Буагильбера. Подобно этимъ двумъ писателямъ, они нисколько не возстаютъ противъ деспотизма, не требуютъ никакихъ конституціонныхъ гарантій и желаютъ только, чтобы правительство сдѣлалось хорошимъ хозяиномъ, понимающимъ свои собственные интересы. Направленіе всей школы характеризуется слѣдующими словами, составляющими эпиграфъ къ главному сочиненію Кенэ «Tableau économique»: «Pauvres paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi». («Когда бѣдны мужики, тогда бѣдно государство; когда бѣдно государство, тогда бѣденъ король.») Средства, предлагавшіяся физіократами для устраненія бѣдности, признаны теперь односторонними и неудовлетворительными; важное значеніе этихъ писателей обусловливается не положительными ихъ проэктами, а отрицательной стороной ихъ дѣятельности; всѣ они твердятъ обществу постоянно, что Франція бѣдна и быстрыми шагами идетъ къ окончательному разоренію. Эти слова, подкрѣпленныя множествомъ прилежно собранныхъ фактовъ, дѣйствуютъ на общество, и дѣйствуютъ такъ сильно, что уже въ 1759 году Вольтеръ въ своихъ письмахъ жалуется на охлажденіе общества къ изящной словесности. «Грація и вкусъ,—говоритъ онъ,—кажется, изгнаны изъ Франціи и уступили мѣсто запутанной метафизикѣ, политикѣ мечтателей, громаднымъ разсужденіямъ о финансахъ, о торговлѣ, о народонаселеніи, которыя не прибавятъ государству ни одного экю, ни одного лишняго человѣка.» Надо полагать, что *грація и вкусъ* прибавляютъ государству и то, и другое!

Въ 1761 году Руссо издаетъ свой романъ «La nouvelle Héloïse». *Грація и вкусъ* торжествуютъ, несмотря на успѣхи экономистовъ. Романъ распродается съ безпримѣрной и невѣроятной быстротой. Основные мотивы «Новой Элоизы»—любовь, добродѣтель и сельская природа. Знатныя дамы проводятъ надъ этимъ романомъ цѣлыя ночи на пролетъ, забывая о балѣ, который ожидаетъ ихъ, и о запряженной каретѣ, которая стоитъ у подъѣзда. Въ библіотекѣ для чтенія является такое множество читателей, требующихъ себѣ «Новую Элоизу», что плата назначается за чтеніе этой книги не по днямъ, а по часамъ: за часъ платится по 12 су.

Въ 1762 году Руссо издаетъ книгу «Emile ou de l'éducation» («Эмиль или о воспитаніи»). Въ этой книгѣ находится знаменитое profession de foi du vicaire savoyard (исповѣданіе вѣры савойскаго викарія), въ которомъ Руссо опровергаетъ клерикаловъ съ одной стороны и матеріалистовъ съ другой стороны. Блистательный успѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ буря въ

клерикальныхъ и правительственныхъ сферахъ. Въ парламентѣ начинаютъ говорить, что вмѣстѣ съ книгами слѣдуетъ сжигать и авторовъ. Книгу сжигаютъ; автора посылаютъ арестовать, но онъ бѣжитъ за-границу. Женева, въ которой Руссо ищетъ себѣ пристанища, гонитъ его вонъ. Бернъ поступаетъ точно такъ-же. Наконецъ Руссо находитъ себѣ пріютъ въ княжествѣ Нефшательскомъ, которое въ то время принадлежало Пруссіи. Между тѣмъ отъ всѣхъ этихъ преслѣдованій цѣна «Эмиля» быстро растетъ. Книга, стоившая сначала восемнадцать ливровъ, продается за два луидора. Ее перепечатываютъ въ Голландіи и распространяютъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Одинъ офицеръ, увлеченный идеями «Эмиля», стремится бросить службу и учиться столярному ремеслу. Самъ Руссо отклоняетъ его отъ этого намѣренія. Начитавшись «Эмиля», знатныя барыни начинаютъ сами кормить своихъ дѣтей. Это кормленіе входитъ въ моду и производится въ гостиныхъ собственно для того, чтобы посторонніе мужчины видѣли, во-первыхъ, сокровища материнской нѣжности, а во-вторыхъ — красоту обнаженной груди. Въ томъ-же 1762 году Руссо издаетъ книгу: «Du contrat social ou principes du droit politique» («Объ общественномъ договорѣ или принципы государственнаго права»). Этой книгой Руссо кладетъ основаніе республиканской школѣ, такъ точно какъ Монтескьё своимъ «Духомъ законовъ» положилъ основаніе конституціонной школѣ. «Contrat social» сдѣлался впослѣдствіи настольной книгой Робеспьера и былъ положенъ въ основаніе той конституціи, которую выработалъ конвентъ въ 1793 году. «Эмиль» и «Общественный договоръ» доставили своему автору громадную популярность. «Трудно выразить, — писалъ Юмъ изъ Парижа въ 1765 году, — даже вообразить народный энтузіазмъ къ нему. Никто никогда не обращалъ на себя въ такой степени народное вниманіе. Вольтеръ и всѣ другіе совершенно затемнены имъ». Въ томъ же 1762 году Вольтеръ написалъ свое сочиненіе о *терпимости* въ защиту казненнаго Каласа. О впечатлѣніи, произведенномъ этой книгой на весь образованный міръ, уже было говорено выше.

Въ 1764 году правительство запрещаетъ изданіе какихъ-бы то ни было сочиненій по вопросамъ, касающимся государственнаго управленія.

Въ 1766 г. выходятъ послѣдніе десять томовъ «*Энциклопедіи*». Клерикалы плачутъ и шумятъ. Правительство сажаетъ книгопродавцевъ на недѣлю въ Бастилію. Продажа книги продолжается. Министръ Шуазель и директоръ книжной торговли Малербъ тянутъ руку энциклопедистовъ и успѣваютъ разными придворными хитростями склонить короля къ снисходительности. Правительство рѣшается смотрѣть сквозь пальцы на продажу «*Энциклопедіи*», которая расходится великолѣпно. Уже въ 1769 году было распродано *тридцать тысячъ* экземпляровъ, и чистый барышъ книгопродавцевъ-издателей дошелъ до 2,6 0,393 ливровъ, несмотря на то, что печатаніе стоило 1,158,958 ливровъ.

Въ томъ-же 1766 году Гурнэ издалъ книгу «Essai sur l'esprit de la législation favorable à l'agriculture» («Опытъ о духѣ законодательства, благопріятнаго для земледѣлія»). Гурнэ принадлежитъ къ одному лагерю съ Кенэ. Это опять разсужденія о финансахъ, о бѣдности и о народномъ хозяйствѣ, — разсужденія, совершенно враждебныя *граціямъ* и *вкусу*. Это — протесты противъ барщины, противъ обременительныхъ налоговъ, противъ цеховыхъ стѣсненій, противъ внутреннихъ таможенъ, противъ мелочной и произвольной правительственной регламентаціи.

Въ 1767 году правительство угрожаетъ смертной казнью каждому писателю, котораго сочиненія клонятся къ возбужденію умовъ. Въ то-же время писателямъ запрещается, подъ страхомъ смертной казни, разсуждать о финансахъ.

Въ томъ же 1767 году Мерсье де ла-Ривьеръ издаетъ книгу: «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques» («Естественный и необходимый порядокъ гражданскихъ обществъ»). Авторъ обсуживаетъ, съ точки зрѣнія физіократовъ, всевозможные вопросы государственнаго управленія и народнаго хозяйства. Правительственныя запрещенія и угрозы остаются мертвой буквой.

Въ 1768 году Кенэ издаетъ книгу «Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain» («Физіократія или естественное устройство правленія, самаго выгоднаго для человѣческаго рода»). Задача поставлена широко, и на запрещенія правительства обращается мало вниманія.

Въ томъ же 1768 году Гольбахъ издаетъ книгу «Lettres à Eugenie ou préservatif contre les préjugés» («Письма къ Евгеніи или предохранительное средство противъ предразсудковъ»). Эта книга, подобно всѣмъ остальнымъ сочиненіямъ Гольбаха, выходитъ въ свѣтъ безъ имени автора, потому что всѣ произведенія этого писателя проповѣдуютъ такой необузданный матеріализмъ, который приводитъ въ ужасъ даже многихъ философовъ вольтеровской школы.

Въ 1770 году Галіани издаетъ «Dialogues sur le commerce des blés» («Діалоги о хлѣбной торговлѣ»). Здѣсь начинается полемика съ физіократами, которые сосредоточивали все свое вниманіе на земледѣліи. Галіани выдвигаетъ впередъ вопросъ о промышленномъ трудѣ

и о фабричномъ работникѣ. Въ книгѣ Галіани заключается уже, по мнѣнію Геттнера, зародыши новѣйшей соціальной науки.

Въ 1770 году Гольбахъ издаетъ книгу «Système de la nature» («Система природы»). Бокль считаетъ появленіе этого сочиненія важной эпохой въ исторіи Франціи. Объ этой книгѣ принято говорить не иначе, какъ съ добродѣтельнымъ ужасомъ и негодованіемъ. Даже Гёте, который никогда не былъ ни клерикаломъ, ни даже деистомъ, говоритъ, что онъ едва могъ выносить присутствіе этой книги и содрогался передъ нею, какъ передъ привидѣніемъ. Вольтеръ, Фридрихъ Великій и д'Аламберъ были глубоко возмущены «Системою природы». Вольтеръ старался уничтожить ее серьезными аргументами и легкими сарказмами. Однако-же книга устояла, и самъ Вольтеръ былъ принужденъ признаться печатно, что она распространена во всѣхъ классахъ общества и что ее читаютъ ученые, невѣжды и женщины. Изъ всѣхъ первоклассныхъ дѣятелей французской литературы только одинъ Дидро совершенно одобрилъ книгу Гольбаха.

Въ 1773 году Бомарше печатаетъ свои защитительные мемуары. Ихъ сжигаетъ палачъ, и, разумѣется, они вслѣдствіе этого раскупаются съ удвоенной быстротой.

Въ 1774 году Тюрго, самый замѣчательный изъ физіократовъ, издаетъ свои «Recherches sur la nature et l'origine des richesses» («Изслѣдованіе о природѣ и происхожденіи богатствъ»).

Въ томъ же 1775 году Бомарше ставитъ на сцену «Севильскаго цирюльника», въ которомъ плебей Фигаро дурачитъ и осмѣиваетъ знатныхъ господъ.

Въ 1776 году Мабли издаетъ книгу «De la législation ou principes des lois» («О законодательствѣ, или принципы законовъ»). Всѣ люди, по мнѣнію Мабли, имѣютъ одинаковое право развивать свои способности и наслаждаться своимъ существованіемъ. Кто удерживаетъ для самого себя излишекъ, необходимый для жизни его ближняго, тотъ, по мнѣнію Мабли, вноситъ въ общество понятіе войны, извращаетъ божественный порядокъ міра и оказывается безбожникомъ.

Въ 1778 году старикъ Вольтеръ пріѣзжаетъ въ Парижъ. Его встрѣчаютъ такъ, какъ не встрѣчали никогда владѣтельныхъ особъ. Демонстраціи парижанъ до такой степени замѣчательны и такъ ярко характеризуютъ тогдашнее настроеніе умовъ, что я считаю необходимымъ привести здѣсь слова очевидца Гримма, внесенныя Геттнеромъ въ его «Исторію литературы XVIII вѣка».

«Сегодня, 31 марта, знаменитый старикъ въ первый разъ былъ въ академіи и въ театрѣ. Огромная толпа людей слѣдовала за его экипажемъ даже во дворы Лувра, желая его видѣть. Всѣ двери, всѣ входы академіи были заняты; потокъ раскрылся только, чтобы дать ему мѣсто, и потомъ быстро сомкнулся снова и съ громкой радостью привѣтствовалъ его. Вся академія вышла ему на встрѣчу въ первую залу,— честь, которой не получалъ еще никто изъ ея членовъ, даже никто изъ иностранныхъ государей. Ему назначили мѣсто директора и выбрали его единогласно директоромъ... Когда онъ ѣхалъ отъ Лувра къ театру, это было совершенно похоже на тріумфъ. Все было переполнено людьми обоего пола, всякаго возраста и званія. Едва только показывалась издали карета, раздавался всеобщій радостный кличъ; съ приближеніемъ его восклицанія, аплодисменты и восторгъ удвоивались. Наконецъ, когда толпа видѣла уже почтеннаго старика, отягощеннаго столькими годами, столькой славой, видѣла, какъ онъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ, выходилъ изъ экипажа, умиленіе и удивленіе достигали высшей степени. Всѣ улицы, всѣ балюстрады домовъ, лѣстницы, окна были усыпаны зрителями, и едва останавливалась карета, какъ все лѣзло на колеса и на экипажъ, чтобы посмотрѣть вблизи на знаменитаго человѣка. Въ самомъ театрѣ, гдѣ Вольтеръ вошелъ въ каммергерскую ложу, суматоха радости, казалось, стала еще больше. Онъ сидѣлъ между г-жей Дени и г-жей де-Виллетъ. Знаменитѣйшій изъ актеровъ, Бризаръ, подалъ дамамъ лавровый вѣнокъ съ просьбой увѣнчать старика. Но Вольтеръ тотчасъ положилъ вѣнокъ въ сторону, хотя публика громкими криками и рукоплесканіями заставляла его оставить на головѣ. Всѣ дамы стояли. Вся зала наполнилась пылью отъ передвиженія человѣческой массы. Только съ трудомъ можно было начать пьесу. Когда занавѣсъ упалъ, шумъ поднялся снова. Старикъ всталъ съ своего мѣста, чтобы благодарить, и тогда посреди сцены явился на высокомъ пьедесталѣ бюстъ великаго человѣка; его окружили всѣ актеры и актрисы съ вѣнками и гирляндами изъ цвѣтовъ; на заднемъ планѣ стали воины, выходившіе въ пьесѣ. Имя Вольтера раздавалось изъ всѣхъ устъ; это было восклицаніе радости, благодарности и удивленія; зависть, ненависть, фанатизмъ и нетерпимость должны были скрыть свою злобу, и общественное мнѣніе въ первый разъ быть-можетъ высказалось свободно и въ полномъ блескѣ. Бризаръ положилъ на бюстъ первый вѣнокъ, за нимъ слѣдовали другіе, наконецъ г-жа Вестрисъ обратила къ виновнику торжества нѣсколько стиховъ, написанныхъ маркизомъ Сен-Маркомъ, которые торжественно высказывали, что лавровый вѣнокъ даетъ ему сама Франція. Минута, когда Вольтеръ оставлялъ театръ, была, если можно, еще трогательнѣе, чѣмъ его вступленіе. Казалось, онъ изнемогалъ подъ тяжестью лѣтъ

и лавровъ. Кучера просили ѣхать потише, чтобъ можно было идти за нимъ: большая часть народа провожала его съ криками: «Да здравствуетъ Вольтеръ!»

Послѣ этого торжества, разумѣется, не осталось во всемъ Парижѣ ни одного блузника, которому было-бы неизвѣстно имя Вольтера и который не имѣлъ-бы по крайней мѣрѣ самаго общаго и неопредѣленнаго понятія о его заслугахъ. Каждый блузникъ зналъ по меньшей мѣрѣ то, что Вольтеръ — писатель, и что писатель своими трудами можетъ сдѣлаться идоломъ и гордостью цѣлаго народа. Это уже очень важно и многознаменательно, когда одно имя повторяется съ благоговѣніемъ во всѣхъ слояхъ общества.

Черезъ два мѣсяца послѣ своего тріумфальнаго шествія Вольтеръ умираетъ. Во избѣжаніе всякихъ выразительныхъ демонстрацій, правительство на нѣсколько времени запрещаетъ актерамъ играть драмы Вольтера и не позволяетъ журналистамъ упоминать о его смерти.

Между тѣмъ событія идутъ своимъ чередомъ, и положеніе съ каждымъ годомъ становится болѣе напряженнымъ. Я закончу мой хронологическій перечень слѣдующими тремя фактами.

Въ 1781 году министръ Неккеръ печатаетъ свой «Compte rendu» (Отчетъ) о состояніи французскихъ финансовъ. Отчетъ этотъ клонился къ тому, чтобы сломить сопротивленіе привилегированныхъ классовъ и самого короля давленіемъ общественнаго мнѣнія. Поэтому этотъ отчетъ имѣетъ чисто обличительное направленіе и производитъ на общество потрясающее впечатлѣніе. Болѣе 6,000 экземпляровъ раскупается въ первый-же день; а потомъ постоянная работа въ друхъ типографіяхъ не успѣваетъ удовлетворять всѣхъ требованій изъ столицы, изъ провинцій и изъ-за границы. Отчетъ Неккера лежитъ въ карманѣ у каждаго аббата и на туалетѣ у каждой дамы. Другое сочиненіе Неккера «Administration des finances» расходится въ 80,000 экземпляровъ.

27 апрѣля 1784 года была дана въ первый разъ комедія Бомарше «Свадьба Фигаро». «Съ ранняго утра,— говоритъ Геттнеръ, — Théâtre Français былъ осаждаемъ массами. Знатныя дамы обѣдали въ актерскихъ ложахъ, чтобы обезпечить себѣ хорошія мѣста; въ толпѣ, какъ разсказываютъ достовѣрныя извѣстія, три человѣка были задавлены. Впечатлѣніе было неслыханное въ исторіи сцены. Шестьдесятъ-восемь представленій даны были безъ перерыва одно за другимъ». — Гриммъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ значеніе комедій Бомарше: «Много и вѣрно говорено было о великомъ вліяніи Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, самый народъ мало однако читалъ этихъ писателей. Но представленіе «Свадьба Фигаро» и «Цирульника» безвозвратно предало правительство, судъ, дворянство и финансовый міръ на осужденіе всего населенія, всѣхъ большихъ и маленькихъ городовъ.»

Въ 1787 году архіепископъ тулузскій, Ломени де-Бріеннь, бывшій въ то время первымъ министромъ, представилъ парижскому парламенту королевскій эдиктъ, предоставлявшій протестантамъ всѣ тѣ гражданскія права, которыми до того времени пользовались только одни католики. Парламентъ, несмотря на свое тогдашнее оппозиціонное настроеніе, безпрекословно внесъ эдиктъ въ протоколъ и придалъ ему такимъ образомъ силу закона. Итакъ, король, парламентъ и церковь, въ лицѣ архіепископа тулузскаго, признали необходимость полной вѣротерпимости. Такимъ неслыханнымъ чудомъ Франція была обязана исключительно своей литературѣ, которая тихо и незамѣтно переработала всѣ понятія не только въ обществѣ, но даже и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Людовикъ XVI былъ также сыномъ своего вѣка, и роль Людовика XIV была ему не только не по силамъ, но и не по убѣжденіямъ. Старый порядокъ опротивѣлъ даже и самому королю.

VIII.

Сухая и сжатая хроника, наполняющая предыдущую главу, необходима читателю для того, чтобы онъ могъ бросить общій взглядъ на всю совокупность разнообразныхъ умственныхъ впечатлѣній, пережитыхъ читающей Франціей, а влѣдъ за нею и всей мыслящей Европой во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Разсматривая внимательно эту хронику, читатель увидитъ три различныя теченія идей,—три теченія, дѣйствовавшія на умы съ одинаковой силой и въ одно время.

Во-первыхъ, работы экономистовъ Кенэ, Гурнэ, Мерсье-де-ла-Ривьера и многихъ другихъ. Эти люди критикуютъ терпѣливо, внимательно и добросовѣстно тѣ части и отрасли феодальнаго порядка, которыя соприкасаются съ народнымъ хозяйствомъ и дѣйствуютъ на производныя силы Франціи. Этимъ людямъ часто недостаетъ ширины взглядовъ, но зато они всегда превосходно знаютъ тѣ факты, о которыхъ они говорятъ. Ихъ можно упрекнуть въ односторонности, но никогда нельзя заподозрить въ поверхностномъ диллетантизмѣ.

Во-вторыхъ, труды энциклопедистовъ, продолжающихъ дѣло Вольтера и уничтожающихъ послѣднія основанія клерикализма и піетизма.

Въ третьихъ, дѣятельность писателей, рисующихъ яркія картины того всеобщаго благополучія, къ которому должно стремиться человѣчество и которое не можетъ быть достигнуто при существованіи старыхъ учрежденій. Самымъ

сильнымъ представителемъ этого послѣдняго направленія является Жанъ-Жакъ Руссо.

Объ экономистахъ я распространяться не буду, во-первыхъ потому, что для этого пришлось бы вдаваться въ очень подробныя изслѣдованія о хозяйственныхъ нелѣпостяхъ старой французской монархіи, а во-вторыхъ потому, что уже въ 1776 году идеи французскихъ физіократовъ были совершенно опрокинуты знаменитой книгой Адама Смита о народномъ богатствѣ. Такъ какъ главное сочиненіе Кенэ «Tableau économique» вышло въ 1758 г., то, стало быть, могущество физіократовъ продолжалось всего восемнадцать лѣтъ. Главная-же ихъ ошибка состояла въ томъ, что они видѣли въ землѣ единственный источникъ народнаго богатства и трудъ земледѣльца считали единственнымъ производительнымъ трудомъ, имѣющимъ право на исключительное поощреніе со стороны государства. Слово *физіократія* значитъ *господство природы*. Французскіе экономисты прошлаго столѣтія придали своему ученію это названіе потому, что они старались доставить рѣшительное преобладаніе тѣмъ интересамъ, которые опираются на землю, на почву, на производительныя силы самой природы.

Гораздо обширнѣе было вліяніе представителей общественныхъ теорій и энциклопедистовъ. Ихъ идеи глубоко волновали всю Европу и, облекаясь постоянно въ новыя формы, продолжаютъ дѣйствовать и развиваться до нашего времени. Поэтому я считаю необходимымъ остановиться здѣсь сначала на дѣятельности Руссо, а потомъ—на міросозерцаніи энциклопедистовъ.

Въ настоящее время всѣ или почти всѣ мыслящіе люди убѣждены въ томъ, что человѣчество постоянно идетъ впередъ, совершенствуется и развивается. Кто признаетъ теорію прогресса, тотъ знаетъ также, что этотъ прогрессъ совершается не по произволу отдѣльныхъ личностей, а по общимъ и неизмѣннымъ законамъ природы. Но въ пониманіи обѣихъ великихъ идей—прогресса и законности—надо тщательно избѣгать двухъ нелѣпыхъ крайностей, ведущихъ за собою самый безсмысленный оптимизмъ. Человѣчество подвигается впередъ—это вѣрно; но никакъ не слѣдуетъ думать, что каждый шагъ человѣчества есть непремѣнно шагъ впередъ, и каждое движеніе—движеніе къ лучшему. Напротивъ того, человѣчество подвигается впередъ не по прямой линіи, а зигзагами; каждый успѣхъ покупается цѣною многихъ ошибочныхъ попытокъ. Правда, что ошибки эти не пропадаютъ совершенно даромъ; онѣ увеличиваютъ запасъ опытности; онѣ до нѣкоторой степени предохраняютъ отъ ошибокъ въ будущемъ; но ошибки все-таки остаются ошибками; и въ ту минуту, когда нація гонится за призракомъ или отворачивается отъ своей существенной выгоды,—никакъ невозможно утверждать что нація поступаетъ очень благоразумно и что ея дѣла улучшаются.

То-же самое надо сказать и объ идеѣ законности. Никакъ не слѣдуетъ утверждать, что отдѣльныя личности своими поступками, своими личными качествами, складомъ ума и особенностями характера не могутъ подѣйствовать ни въ дурную, ни въ хорошую сторону на общее теченіе событій. Напротивъ того, отдѣльныя личности постоянно дѣйствуютъ то въ дурную, то въ хорошую сторону, но ихъ вліянія взаимно уравновѣшиваются и становятся незамѣтными, если мы беремъ для разсмотрѣнія достаточно большіе періоды времени, напримѣръ цѣлыя тысячелѣтія. Еслибы мы могли напримѣръ взглянуть на положеніе Европы въ 2866 году, то мы, разумѣется, никакъ не могли-бы опредѣлить, въ какомъ направленіи подѣйствовали на европейскую цивилизацію личный характеръ и военные таланты Наполеона I. Оказалось-бы, что всѣ слѣды его вліянія совершенно изглажены, и Европа прошла въ тысячелѣтіе какъ-разъ тотъ путь, который она должна была пройдти по вѣчнымъ и незыблемымъ законамъ природы. Но если вы теперь, въ 1866 году, вздумаете утверждать, что умъ и характеръ Наполеона I не имѣли вліянія на ходъ событій, то вамъ скажутъ, что, будь напримѣръ у Наполеона I поменьше военныхъ талантовъ и тщеславія, да побольше благоразумія, тогда-бы вся Европа съ 1807 г. наслаждалась глубокимъ миромъ, и тогда не было-бы той бѣшеной католической реакціи, которая могла развернуться въ полномъ блескѣ только подъ покровительствомъ торжествующаго легитимизма. У Наполеона была своя историческая задача, не особенно завидная и блестящая, но все-таки такая, которую можно было выполнить хорошо и выполнить дурно. Послѣ того какъ революція была остановлена на всемъ ходу, военная диктатура сдѣлалась сначала возможной, а потомъ неизбѣжной; но можно было воспользоваться ею благоразумно и воспользоваться нелѣпо; то или другое употребленіе доктрины зависѣло уже вовсе не отъ великихъ и общихъ причинъ, а просто отъ личныхъ особенностей диктатора. Наполеонъ выполнилъ свою задачу отвратительно дурно, и тѣ люди, которымъ приходится жить въ ближайшія десятилѣтія, чувствуютъ на себѣ дурныя послѣдствія его ошибокъ. То-же самое можно сказать и о всякой другой исторической задачѣ, достающейся на долю отдѣльной личности; каждая задача можетъ быть рѣшена и очень хорошо, и очень дурно, и съ грѣхомъ пополамъ. Въ половинѣ XVIII вѣка стояла на очереди важная задача. Надо было повернуть противъ феодальнаго государства то отрицаніе, которое въ первой половинѣ столѣтія дѣйствовало исключительно противъ клерикальной партіи. Надо было громко объявить людямъ, что

пора перейти отъ смѣлыхъ мыслей къ смѣлымъ дѣламъ. Эту задачу рѣшилъ Руссо. Слово его было достаточно громко и увлекательно. Люди встрепенулись и передъ ними открылась перспектива новой жизни. А между тѣмъ нельзя не пожалѣть о томъ, что рѣшеніе этой капитальной задачи досталось именно Жанъ-Жаку Руссо. Нельзя не сказать, что Европа осталась бы въ большихъ барышахъ, еслибы Руссо умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, не напечатавши ни одной строки. Руссо рѣшилъ задачу, но на свое рѣшеніе онъ положилъ грязные слѣды своей бабьей, плаксивой, взбалмошной, расплывающейся, мелочной и въ то-же время фальшивой, двоедушной и фарисейской личности. У Руссо былъ тотъ талантъ, былъ тотъ умъ, были тѣ страсти, которые были необходимы для рѣшенія задачи. Но кромѣ того у Руссо было многое множество болѣзней,слабостей,пошлостей и гнусностей, безъ которыхъ основатель французской соціальной науки могъ-бы обойтись съ величайшимъ удобствомъ для самого себя и съ огромной пользой для своего дѣла. Такъ напримѣръ, Руссо не было ни малѣйшей необходимости страдать разстройствомъ мочевого пузыря и хронической безсонницей. Дѣло всеобщей перестройки очевидно выиграло-бы, еслибы ея первымъ мастеромъ былъ человѣкъ совершенно здоровый, крѣпкій, веселый, дѣятельный и неутомимый.

Читатели мои ужасаются или смѣются. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ толковать о мочевомъ пузырѣ, когда разсматривается рѣшеніе великой исторической задачи? Что̀ общаго имѣетъ мочевой пузырь Руссо съ идеями «Эмиля» и «Общественнаго договора»?—Къ сожалѣнію, эти вещи имѣютъ между собой гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ вы предполагаете, господа идеалисты. Я докажу вамъ это словами самого Руссо. Въ 1752 году быда дана съ большимъ успѣхомъ на придворномъ театрѣ комическая опера Руссо: «Деревенскій гадатель». Король, которому очень понравилась музыка, выразилъ желаніе, чтобы Руссо былъ ему представленъ. Теперь выступаетъ на сцену мочевой пузырь. «Вслѣдъ за мыслью о представленіи,—говоритъ Руссо въ своихъ «Признаніяхъ» (которыя Устряловъ напрасно назвалъ въ русскомъ переводѣ «Исповѣдью»),—я задумался надъ необходимостью часто выходить изъ комнаты вслѣдствіе моей болѣзни, что̀ заставило меня много страдать въ вечеръ, проведенный въ театрѣ, и что̀ могло мучить меня и на слѣдующій день, когда мнѣ предстояло быть въ галлереѣ или въ комнатахъ короля среди всѣхъ вельможъ, ожидающихъ появленія его величества. *Эта болѣзнь была главной причиной*, по которой я держалъ себя въ сторонѣ отъ собраній и которая не позволяла мнѣ ходить въ гости къ женщинамъ. Одна мысль о томъ положеніи, въ которое могла поставить меня эта потребность, была способна усилить ее до такой степени, что мнѣ сдѣлалось-бы дурно, или дѣло не обошлось-бы безъ скандала, которому я предпочелъ-бы смерть. Только люди, знакомые съ такимъ состояніемъ, могутъ понять, какъ страшно подвергать себя такой опасности». — Самъ Руссо, какъ видите, признается, что *болѣзнь была главной причиной*, удалявшей его отъ людей. Надо замѣтить, что эта болѣзнь была у него врожденной. Значитъ, онъ съ самаго дѣтства чувствовалъ въ обществѣ постоянное безпокойство. Эта совершенно опредѣленная боязнь должна была наконецъ породить въ немъ общую неразвязность и застѣнчивость; эти особенности вызывали шутки и насмѣшки товарищей; отъ этихъ шутокъ и насмѣшекъ робость должна была увеличиваться, и къ ней должна была присоединяться злобная недовѣрчивость къ людямъ и, какъ подкладка этой недовѣрчивости, тоскливо-сантиментальное стремленіе къ какимъ-то лучшимъ людямъ, сладкимъ, чувствительнымъ, нѣжнымъ и слезливымъ. Всѣ «Признанія» Руссо составляютъ одну длиннѣйшую и скучнѣйшую жалобу на то, что люди не умѣютъ его понимать, не умѣютъ любить, стараются всячески изобидѣть, составляютъ противъ него заговоры и причиняютъ его прекрасной душѣ такія страданія, которыя имъ, простымъ и грубымъ людямъ, даже совершенно недоступны. И Руссо напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы наплевать на людей и удалиться въ пустыню, на лоно природы, которая никому не мѣшаетъ *часто выходить изъ комнаты*. Но Руссо такъ мелоченъ, что онъ никакъ не можетъ дѣйствительно наплевать на людей; его тревожитъ каждая свѣтская сплетня, какъ бы она ни была невинна или глупа; въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ онъ отыскиваетъ себѣ оскорбленіе; на каждомъ шагу онъ, отшельникъ и мудрецъ, вламывается въ амбицію, лѣзетъ объясняться, выказываетъ свое достоинство, визжитъ, плачетъ, кидается въ объятія, и вообще надоѣдаетъ всѣмъ своимъ знакомымъ до такой степени, что всѣ дѣйствительно начинаютъ тяготиться его присутствіемъ. Руссо ненавидитъ то общество, въ которомъ онъ живетъ, но въ этой ненависти нѣтъ ничего высокаго и прекраснаго. Онъ ненавидитъ въ немъ не тѣ крупныя препятствія, которыя парализуютъ полезную дѣятельность; онъ ненавидитъ только какія-то мелкія несовершенства отдѣльныхъ личностей, безчувственность злодѣя Дидро, суровость негодяя Гольбаха, высокомѣріе изверга Гримма, неискренность мерзавки д'Эпине. Въ «Признаніяхъ» радикала Руссо вы не найдете ни одной сильной, и глубоко-прочувствованной политической ноты но зато найдете груды замысловатыхъ соображеній о коварныхъ проискахъ Дидро и Гола-

баха противъ репутаціи кроткаго и добродѣтельнаго Жанъ-Жака.

Политическая дряблость радикала Руссо была такъ велика, что онъ по какому-то ничтожному личному поводу напалъ печатно на Дидро и объявилъ публикѣ о своемъ разрывѣ съ нимъ въ то самое время, когда Дидро, какъ редакторъ «Энциклопедіи», несъ на себѣ всю тяжесть правительственныхъ и клерикальныхъ преслѣдованій. Сенъ-Ламберъ, которому Руссо, по старой дружбѣ, послалъ свою ядовитую брошюру, отвѣчалъ ему убійственнымъ письмомъ, котораго не дай Богъ никому получить отъ стараго друга. «Поистинѣ,милостивый государь,—пишетъ Сенъ-Ламберъ,—я не могу принять вашего подарка. При чтеніи того мѣста вашего предисловія, гдѣ вы, по поводу Дидро, приводите выписку изъ экклезіаста, книга выпала у меня изъ рукъ... Вамъ не безъизвѣстны преслѣдованія, которыя онъ терпитъ, а вы примѣшиваете голосъ стараго друга къ крикамъ зависти. Не могу скрыть отъ васъ, милостивый государь, какъ возмущаетъ меня подобная жестокость... Милостивый государь, мы слишкомъ расходимся въ нашихъ принципахъ, чтобъ имѣть возможность сойтись когда-нибудь. Забудьте мое существованіе; это не должно быть для васъ трудно... Я-же, милостивый государь, обѣщаю вамъ забыть вашу особу и помнить только ваши таланты.» И Руссо самодовольно выписываетъ это письмо въ своихъ «Признаніяхъ», считая себя и въ этомъ случаѣ жертвой человѣческой испорченности.

Болѣзнь Руссо развивала въ немъ любовь къ уединенію, а уединеніе развивало мечтательность. Руссо самъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ въ лѣсахъ Монморанси окружалъ себя идеальными существами и проливалъ сладостныя слезы надъ великими добродѣтелями Юліи и Сенъ-Пре, героевъ «Новой Элоизы». Болѣзнь внушала Руссо отвращеніе къ дѣятельной и тревожной жизни: въ то время, когда все кругомъ Руссо кипѣло ожесточенной борьбой, самъ Руссо мечталъ только о томъ, какъ бы найти себѣ гдѣ нибудь спокойный уголокъ и устроить вокругъ себя любезную идиллію. Такъ какъ борьба, требующая постоянныхъ и разнообразныхъ столкновеній съ людьми, была рѣшительно не по силамъ больному мечтателю, то онъ и не могъ никогда пристраститься къ такой цѣли, которая можетъ быть достигнута только путемъ упорной и продолжительной борьбы. У Руссо, у этого кумира якобинцевъ, не было въ жизни никакой опредѣленной цѣли. Онъ вовсе не желалъ ввести въ сознаніе общества тѣ или другія идеи. Еслибы у него было это желаніе, то онъ, подобно Вольтеру, писалъ бы до послѣдняго издыханія и устроивалъ-бы всю свою жизнь такъ, какъ того требовали удобства писанія и печатанія. Но этого не было. Онъ бросилъ литературную дѣятельность, какъ только получилъ возможность жить потихоньку на заработанныя деньги. Выбирая себѣ мѣсто жительства, онъ обращаетъ вниманіе только на красоту окружающей природы, а совсѣмъ не на ту степень свободы, которой пользуется въ данной странѣ печатное слово. Не угодно ли вамъ полюбоваться на идеалъ счастливой жизни, нарисованной рукой самого Руссо. «Лѣта романическихъ плановъ прошли,—говоритъ онъ въ «Признаніяхъ»,—дымъ пустого тщеславія скорѣе отуманивалъ меня, чѣмъ льстилъ мнѣ, мнѣ оставалась одна послѣдняя надежда — жить безъ принужденія, въ вѣчной праздности. Это жизнь блаженныхъ на томъ свѣтѣ, и я отнынѣ полагалъ въ ней мое высочайшее счастье въ этомъ мірѣ»... «Праздность, которую я люблю,— поясняетъ онъ далѣе, —не есть праздность лѣнивца, который, сложа руки, остается въ совершенномъ бездѣйствіи, ни о чемъ не думая, ничего не дѣлая. Это—праздность ребенка, находящагося безпрестанно въ движеніи и все-таки ничего не дѣлающаго, и праздность болтуна, который мелетъ всякій вздоръ, между тѣмъ какъ руки его остаются въ покоѣ. Я люблю заниматься пустяками, начинать сто вещей и не кончать ни одной, ходить куда вздумается, каждую минуту перемѣнять планы, слѣдить за мухою во всѣхъ ея пріемахъ, желать сдвинуть скалу, чтобы посмотрѣть, что̀ подъ нею, съ жаромъ принять работу, которой хватитъ на десять лѣтъ, и бросить ее черезъ десять минутъ, цѣлый день предаваться безделью безъ порядка и безъ послѣдовательности и во всемъ подчиняться только минутному капризу.»

Врядъ-ли можно найдти другого знаменитаго человѣка, который съ такимъ искреннимъ самодовольствомъ любовался-бы публично своей собственной дрянностью и тряпичностью. Вы видите изъ его словъ, что когда онъ писалъ «Эмиля» и «Общественный договоръ», тогда онъ только *отуманивалъ себя дымомъ пустого тщеславія*. Теперь дымъ разсѣялся, и Руссо понялъ, что *вѣчная праздность ребенка* составляетъ его настоящее призваніе. Не умѣя быть героемъ и бойцомъ, Руссо не умѣетъ также цѣнить и понимать бойцовъ и героевъ. Сила, энергія, смѣлость, настойчивость, эластичность, изворотливость, неутомимость, — всѣ эти качества, драгоцѣнныя съ точки зрѣнія бойца, въ глазахъ Руссо не имѣютъ никакого значенія. Онъ дорожитъ только красивыми чувствами, трогательными изліяніями, чистотой цѣломудреннаго сердца, кротостью голубинаго нрава, способностью созерцать, благоговѣть, ныть и обливаться теплыми слезами восторга. Онъ влюбленъ въ какую-то добродѣтель и желаетъ, чтобы всѣ люди были по возможности добродѣтельны. Но при этомъ онъ

самого себя считаетъ за очень добродѣтельнаго человѣка и даже умиляется до слезъ надъ красотами своей души. Это обстоятельство ясно показываетъ читателю, что возлюбленная добродѣтель Руссо заключается именно *только* въ тонкости прекрасныхъ чувствъ, потому что эта добродѣтель не помѣшала ему отдать пять человѣкъ своихъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ, и вообще не заставила его сдѣлать ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго поступка, ничего такого, что́ можно было-бы хоть издали сравнить съ великими подвигами человѣколюбія, сдѣланными злымъ насмѣшникомъ Вольтеромъ, который никогда не толковалъ печатно о добродѣтели.

Итакъ, идеалъ Руссо былъ совершенно ложенъ; та мѣрка, которой онъ измѣрялъ достоинства людей, никуда не годится. Этотъ ложный идеалъ и эта негодная мѣрка, обязанные своимъ происхожденіемъ болѣзненному состоянію автора, бросаютъ совершенно фальшивый колоритъ на самыя замѣчательныя произведенія Руссо, на «Эмиля» и на «Общественный договоръ». Въ лицѣ своего идеальнаго воспитанника, Эмиля, Руссо формируетъ не гражданина, не мыслителя, не героя той великой борьбы, которая должна перестроить и обновить общество, а только здороваго и невиннаго ребенка, который съумѣетъ до конца своей жизни уберечь отъ козней общества свою невинность и свое здоровье. Руссо боится до крайности, чтобы его Эмиль не провелъ ночи въ объятіяхъ камеліи; но онъ нисколько не боится того, что вся жизнь Эмиля можетъ пройдти безслѣдно въ сонной идиллической безпечности, которая къ тридцатилѣтнему возрасту превратитъ Эмиля въ Афанасія Ивановича.

Въ своемъ «Общественномъ договорѣ» Руссо считаетъ необходимымъ, чтобы законодатель и правительство дѣлали гражданъ добродѣтельными. Это стремленіе кладетъ въ идеальное государство Руссо зерно злѣйшаго клерикальнаго деспотизма. Руссо думаетъ, что людей надо искусственнымъ образомъ пріучать къ добродѣтели. Это — огромная ошибка. Каждый здоровый человѣкъ добръ и честенъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его естественныя потребности удовлетворяются достаточнымъ образомъ. Когда же органическія потребности остаются неудовлетворенными, тогда въ человѣкѣ пробуждается животный инстинктъ самосохраненія, который всегда бываетъ и всегда долженъ быть сильнѣе всѣхъ привитыхъ нравственныхъ соображеній. Противъ этого инстинкта не устоятъ никакія добродѣтельныя внушенія. Поэтому государству не зачѣмъ и тратить силы и время на подобныя внушенія, которыя въ однихъ случаяхъ не нужны, а въ другихъ—безсильны. Государство исполняетъ свою задачу совершенно удовлетворительно, когда оно заботится только о томъ, чтобы граждане были здоровы, сыты и свободны, то-есть, чтобы они на всемъ протяженіи страны дышали чистымъ воздухомъ, чтобы они раньше времени не вступали въ бракъ, чтобы всѣ они имѣли полную возможность работать и потреблять въ достаточномъ количествѣ продукты своего труда и чтобы наконецъ всѣ они могли пріобрѣтать положительныя знанія, которыя избавляли бы ихъ отъ разорительныхъ мистификацій всевозможныхъ шарлатановъ и кудесниковъ. Если же государство не ограничивается этими заботами, если оно врывается въ область убѣжденій и нравственныхъ понятій, если оно старается навязать гражданамъ возвышенныя чувства и похвальныя стремленія, то оно притупляетъ гражданъ, превращая ихъ въ послушныхъ ребятъ или въ безсовѣстныхъ лицемѣровъ. Оффиціальныя хлопоты о добродѣтеляхъ открываютъ широкую дорогу религіознымъ преслѣдованіямъ. Это мы видимъ уже въ теоретическомъ трактатѣ Руссо. Четвертая книга «Общественнаго договора» говоритъ, что въ государствѣ должна существовать религія, обязательная для всѣхъ гражданъ. Кто не признаетъ государственной религіи, того слѣдуетъ выгонять изъ государства, не какъ безбожника, а какъ нарушителя закона. Кто призналъ эту религію и однакоже дѣйствуетъ противъ нея, тотъ подвергается смертной казни, какъ человѣкъ, солгавшій передъ закономъ. Этими двумя принципами можно оправдать и узаконить все, что́ угодно: и драгоннады, и инквизицію, и изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, и вообще всевозможныя формы религіозныхъ преслѣдованій. И герцогъ Альба, и Торквемада, и Ле-Теллье могутъ прикрыть всѣ свои подвиги тѣмъ аргументомъ, что они наказываютъ не еретиковъ, а государственныхъ преступниковъ. Именно этимъ аргументомъ и оправдывались въ Англіи, при Елисаветѣ, преслѣдованія, направленныя противъ католиковъ. Руководствуясь принципами Руссо, Робеспьеръ погубилъ на эшафотѣ много такихъ людей, которые были очень полезны Франціи, напримѣръ Дантона, Демулена, Шомета, Анахарсиса Клоца. Онъ обвинялъ ихъ правда въ различныхъ заговорахъ и сношеніяхъ съ Питтомъ, но врядъ ли даже онъ самъ вѣрилъ въ существованіе этихъ заговоровъ. Настоящей причиной его ненависти къ этимъ людямъ было то обстоятельство, что всѣ они были скептиками, и что вслѣдствіе этого Робеспьеръ, какъ послушный ученикъ Руссо, признавалъ ихъ недостойными жить въ добродѣтельной Французской республикѣ.

IX.

Изъ энциклопедистовъ я возьму только Дидро и Гольбаха. Оба они—здоровые, веселые, тру-

долюбивые люди, безгранично преданные своимъ идеямъ. Оба они гораздо моложе Вольтера: Дидро — на девятнадцать, а Гольбахъ — на двадцать-девять лѣтъ. Дидро воспитывался въ коллегіи іезуитовъ и хотѣлъ сначала поступить въ духовное званіе, но потомъ, когда способности его развернулись, онъ совершенно отказался отъ этого намѣренія, сталъ заниматься съ особеннымъ жаромъ математикой, древними и новыми языками и наконецъ рѣшительно объявилъ своему отцу, что никогда не выберетъ себѣ опредѣленной профессіи. Отецъ его, богатый и солидный буржуа, разсердился и вздумалъ запугать его лишеніями. Дидро остался въ Парижѣ безъ копѣйки денегъ и началъ заниматься литературными работами по заказу книгопродавцевъ. Потомъ женился по любви на бѣдной дѣвушкѣ и окончательно разсорился съ отцомъ. Наконецъ, въ 1746 году, Дидро сошелся съ книгопродавцемъ Ле-Бретономъ, у котораго была въ рукахъ привилегія на изданіе англійской «Энциклопедіи» Чамберса во французскомъ переводѣ, но не было подъ руками людей, способныхъ взяться за переводъ этой книги. Дидро, которому было въ это время 33 года и который уже давно чувствовалъ въ себѣ силы взяться за большой и важный трудъ, посовѣтовалъ Ле-Бретону издать оригинальную французскую энциклопедію и составилъ для этого изданія самый широкій планъ. Онъ задумалъ дать французскому обществу не какую-нибудь простую справочную книгу, не какое-нибудь мертвое собраніе техническихъ терминовъ и отрывочныхъ фактовъ, а такое произведеніе, которое вмѣстило бы въ себѣ всю философію вѣка и показало-бы ясно жизненное значеніе новаго міросозерцанія, смѣло объявляющаго войну клерикальному деспотизму. Работа началась съ 1749 года и продолжалась по 1766 годъ. Впродолженіи первыхъ восьми лѣтъ Дидро раздѣлялъ труды редакціи съ д'Аламберомъ, но въ 1757 году, когда седьмой томъ «Энциклопедіи» вызвалъ противъ себя жестокую бурю, д'Аламберъ счелъ благоразумнымъ удалиться отъ такого опаснаго предпріятія, и вся тяжесть редакціонной работы и отвѣтственности упала на одного Дидро. Сотрудники чувствовали ежеминутно припадки трусости; Ле-Бретонъ позволялъ себѣ, во избѣжаніе столкновеній съ властями, смягчать въ статьяхъ слишкомъ рѣзкія выраженія, и Дидро все это долженъ былъ улаживать и устраивать, ободрять сотрудниковъ, обуздывать книгопродавца, хлопотавшаго только о барышахъ, вести дружбу и тонкую политику съ властями, хитрить и уступать въ однѣхъ статьяхъ и потомъ наверстывать сдѣланныя уступки подъ другими рубриками. Все это онъ выполнилъ съ блестящимъ успѣхомъ. При этомъ онъ относился такъ добросовѣстно къ мельчайшимъ подробностямъ своего дѣла, что для удовлетворительнаго описанія различныхъ ремеслъ и промысловъ онъ проводилъ цѣлые дни въ мастерскихъ, разсматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ различныя машины и усвоилъ себѣ всѣ техническіе пріемы работниковъ. Книгопродавцы, какъ мы видѣли выше, выручили за «Энциклопедію» больше двухъ съ половиною милліоновъ ливровъ чистаго барыша, а Дидро за всю свою семнадцатилѣтнюю работу получилъ 20,000 ливровъ единовременно, да по 2,500 ливровъ за каждый томъ. Впрочемъ Дидро былъ некорыстолюбивъ; онъ съ безпредѣльной щедростью помогалъ своимъ друзьямъ деньгами и перомъ; онъ охотно поправлялъ и передѣлывалъ чужія рукописи, приставлялъ къ нимъ предисловія и вообще разбросалъ множество блестящихъ мыслей по разнымъ книгамъ своихъ единомышленниковъ. Дѣло не въ томъ, говорилъ онъ часто, кѣмъ сдѣлана вещь, мною или другимъ; надо только, чтобы она была сдѣлана, и сдѣлана хорошо. Философскія убѣжденія Дидро дались ему не сразу. Онъ купилъ ихъ цѣной тяжелыхъ сомнѣній и продолжительной умственной борьбы. Его сочиненія указываютъ на три фазы въ его развитіи. Въ 1745 году въ сочиненіи «Essai sur le mérite et sur la vertu» («Опытъ о заслугахъ и о добродѣтели») онъ является философствующимъ католикомъ и доказываетъ, что добродѣтель можетъ основываться только на религіи. Въ 1747 году въ «Прогулкѣ скептика» онъ, по словамъ Геттнера, *«бросается въ пропастъ большого сомнѣнія»* и утверждаетъ, что нѣтъ въ человѣческой жизни другой цѣли, кромѣ чувственныхъ наслажденій. Затѣмъ начинаются попытки спасти что-нибудь изъ прежнихъ вѣрованій, и Дидро на нѣсколько времени становится деистомъ; но эти попытки не удовлетворяютъ его, и съ 1749 года онъ уже на всю жизнь остается крайнимъ матеріалистомъ. Этими послѣдними убѣжденіями проникнуты всѣ его работы, помѣщенныя въ «Энциклопедіи». Умирая въ 1784 году, онъ сказалъ, что *сомнѣніе есть начало философіи*. Это были его послѣднія слова.

Баронъ Гольбахъ, богатый человѣкъ, получившій въ Парижѣ очень основательное образованіе, занимался естественными науками, въ особенности химіей, кормилъ философовъ великолѣпными обѣдами и часто помогалъ имъ своими обширными знаніями. Онъ писалъ для «Энциклопедіи» химическія статьи и печаталъ матеріалистическія книги, никогда не выставляя на нихъ своего имени. Знаменитая его «Système de la nature» вышла въ свѣтъ тогда, когда Гольбаху было уже сорокъ-семь лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого сочиненія Гольбаху помогалъ Дидро. Принимая въ соображеніе тотъ ужасъ, которымъ эта книга поразила всю философствующую Европу, мы можемъ утверждать

положительно, что «Système de la nature» составляетъ послѣднюю, крайнюю вершину въ развитіи отрицательныхъ доктринъ XVIII вѣка.

Гольбахъ думаетъ, что все совершается въ природѣ по вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Эта идея служитъ фундаментомъ для всѣхъ его остальныхъ построеній. Человѣкъ, по его мнѣнію, не можетъ освободиться отъ законовъ природы даже въ своей мысли. Какъ для чувствованія, такъ и для мышленія необходима, по мнѣнію Гольбаха, нервная система, соприкасающаяся съ внѣшнимъ міромъ посредствомъ органовъ и аппаратовъ зрѣнія, слуха, вкуса, осязанія и обонянія. Безъ органовъ и нервной системы нѣтъ ни мышленія, ни чувствованія, такъ точно, какъ безъ музыкальнаго инструмента нѣтъ музыкальнаго звука и слѣдовательно нѣтъ также и отдѣльныхъ качествъ звука— нѣжности или пронзительности, пѣвучести или пискливости, протяжности или отрывистости. Представить себѣ мысль, отрѣшенную отъ необходимыхъ условій ея проявленія, то-есть отъ нервной системы, это, по мнѣнію Гольбаха, все равно, что представить себѣ звукъ, существующій независимо отъ инструмента. Это значитъ вообразить себѣ дѣйствіе безъ причины... Матерія, по мнѣнію Гольбаха, неистребима; ни одна частица ея не можетъ исчезнуть; но частицы эти безпрестанно передвигаются, и вслѣдствіе этого передвиженія формы и комбинаціи безпрестанно разрушаются и возникаютъ. Передвиженія частицъ совершаются по тѣмъ-же вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ, которыми обусловливается теченіе великихъ небесныхъ свѣтилъ. Это значитъ, что если частица матеріи сто милліоновъ разъ будетъ поставлена въ одинаковое положеніе, то она сто милліоновъ разъ пойдетъ по одному и тому-же пути и вступитъ въ однѣ и тѣ-же комбинаціи. Тѣ частицы матеріи, которыя входятъ въ составъ человѣческаго тѣла, подчиняются, по мнѣнію Гольбаха, въ своихъ движеніяхъ такимъ-же точно вѣчнымъ и неизмѣннымъ законамъ. Изъ этого правила нѣтъ исключенія. Какъ частицы желудочнаго сока вступаютъ въ химическія соединенія съ частицами пищи *по необходимости*, такъ кровяные шарики поглощаютъ кислородъ *по необходимости*, такъ точно и частицы мозга передвигаются и претерпѣваютъ химическія измѣненія *по необходимости*. Результатомъ этихъ передвиженій и химическихъ измѣненій оказывается процессъ мышленія, который слѣдовательно также, по мнѣнію Гольбаха, отличается всегда характеромъ непреклонной *необходимости*. Человѣкъ поступаетъ такъ или иначе, потому что желаетъ такъ или иначе; желаніе обусловливается предварительнымъ размышленіемъ, а размышленіе есть неизбѣжный результатъ данныхъ внѣшнихъ впечатлѣній и данныхъ особенностей мозга. Значитъ, что-же такое преступленіе и что такое наказаніе? Природа, по мнѣнію Гольбаха, не знаетъ ни того, ни другого; въ природѣ нѣтъ ничего, кромѣ безконечной цѣпи причинъ и слѣдствій, — такой цѣпи, изъ которой невозможно выкинуть ни одного звена.

Повидимому Гольбахъ долженъ быть самымъ ужаснымъ и отвратительнымъ человѣкомъ. Иначе какимъ образомъ могъ-бы онъ быть и матеріалистомъ? Однако-же, къ удивленію всѣхъ любителей доброй нравственности, Гольбахъ оказывается человѣкомъ хорошимъ. «Я,—говоритъ Гриммъ,—рѣдко встрѣчалъ такихъ ученыхъ и разносторонне образованныхъ людей, какъ Гольбахъ; я никогда не встрѣчалъ людей, у которыхъ было-бы такъ мало тщеславія и самолюбія. Безъ живой ревности къ успѣху всѣхъ наукъ, безъ стремленія, ставшаго у него второй природой, сообщать другимъ все, что̀ казалось ему важно и полезно, онъ-бы никогда не высказалъ своей безпримѣрной начитанности. Съ его ученостью было-бы то-же, что̀ съ его богатствомъ. Его никогда-бы не угадали, еслибы онъ могъ ее скрыть, не вредя своему собственному наслажденію и особенно наслажденію своихъ друзей. Человѣку такихъ взглядовъ не должно было стоить большого труда — вѣрить въ господство разума, потому что его страсти и удовольствія были именно таковы, каковы они должны быть, чтобы дать перевѣсъ хорошимъ правиламъ. Онъ любилъ женщинъ, любилъ удовольствія стола, былъ любопытенъ; но ни одна изъ этихъ склонностей не овладѣвала имъ вполнѣ. Онъ не могъ ненавидѣть никого; только тогда, когда онъ говорилъ о распространителяхъ угнетенія и суевѣрія, его врожденная кротость превращалась въ ожесточеніе и жажду борьбы.»

Оканчивая эту статью, я совѣтую читателямъ, заинтересовавшимся умственной жизнью прошлаго столѣтія, прочитать книгу Геттнера «Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка». Въ этой книгѣ читатели найдутъ толковое, безпристрастное и занимательное изложеніе біографическихъ фактовъ и философскихъ доктринъ въ связи съ общей картиной времени.

1867.

ВЗГЛЯДЫ АНГЛІЙСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА УМСТВЕННЫЯ ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННАГО ОБЩЕСТВА.

I.

Со временъ такъ называемаго возрожденія наукъ и искусствъ Англія пользовалась постоянно всѣми благодѣяніями превосходнаго классическаго образованія. Каждый респектабельный отецъ семейства считалъ своимъ священнымъ долгомъ помѣщать своихъ сыновей въ такія школы и коллегіи, въ которыхъ изученіе латинскихъ и греческихъ писателей процвѣтало самымъ роскошнымъ образомъ. Въ этихъ школахъ или гимназіяхъ и коллегіяхъ или университетахъ не существовало почти никакихъ научныхъ занятій. кромѣ изученія чистой математики и классической древности. Преподаватели древнихъ языковъ и литературъ предавались своему дѣлу съ такой добросовѣстной любовью и съ такимъ доблестнымъ увлеченіемъ, что воспитанники не только выучивались свободно читать и понимать самыхъ трудныхъ греческихъ и латинскихъ писателей, но даже и сами становились латинскими и греческими писателями, т. е. прозой Цицерона или стихомъ Пиндара писали классныя сочиненія на заданныя темы.

Основательное знаніе древнихъ языковъ и литературъ считалось необходимымъ приготовленіемъ ко всякой такъ называемой либеральной профессіи. Безъ классическаго образованія молодой человѣкъ не могъ сдѣлаться ни юристомъ, ни медикомъ, ни священникомъ; въ порядочномъ обществѣ человѣкъ, лишенный классическаго образованія, считался неучемъ, неспособнымъ не только судить о политикѣ или о литературѣ, но даже поддерживать обыкновенный свѣтскій разговоръ.

Такъ было во времена Елисаветы, и въ такомъ же положеніи остается дѣло общаго образованія въ Англіи до настоящаго времени. Если классическое образованіе дѣйствительно развертываетъ и укрѣпляетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ всѣ умственныя способности учащагося юношества, если оно дѣйствительно формируетъ молодыхъ людей, въ высокой степени годныхъ ко всякому полезному труду, если оно дѣйствительно составляетъ одинаково превосходную подготовку ко всякимъ дальнѣйшимъ специально-научнымъ занятіямъ, —то, разумѣется, англичанамъ остается только радоваться на свои учебныя заведенія и тщательно оберегать господствующую въ нихъ систему отъ всякихъ преобразовательныхъ попытокъ, которыя очевидно могутъ только нарушить ея благородную классическую чистоту.

Англичанъ невозможно упрекнуть въ легкомысленномъ пристрастіи къ нововведеніямъ. Англичанамъ несвойственно увлекаться идеями и ломать установившіяся житейскія формы только потому, что онѣ не соотвѣтствуютъ новымъ идеямъ. Англичане перестроиваютъ ту или другую часть стараго общественнаго зданія только тогда, когда они начинаютъ чувствовать дѣйствительное неудобство или предвидятъ въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительную опасность. То, что старо и въ то-же время крѣпко, удобно и практично, то тѣмъ болѣе дорого англичанину, чѣмъ дольше прожило на свѣтѣ. Господствуя въ Англіи втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, классическое образованіе срослось со всѣми національными привычками и воспоминаніями англичанъ, со всѣми особенностями ихъ ума и характера, со всѣми ихъ литературными пріемами и преданіями. Нападать на классическое образованіе значитъ возставать противъ такой системы,которая имѣетъ свое блистательное прошедшее, и на сторонѣ котораго находятся всѣ предвзятыя симпатіи общества. На такой подвигъ не отважится безъ достаточныхъ побудительныхъ причинъ ни одинъ здравомыслящій англичанинъ, тѣмъ болѣе, что англійское

общество никогда не прощаетъ яркой умственной оригинальности даже геніальнымъ людямъ, подобнымъ Байрону или Боклю.

Еслибы классическое образованіе, господствующее въ Англіи до настоящей минуты, сколько-нибудь удовлетворяло умственнымъ потребностямъ даже того незначительнаго меньшинства, которое имѣетъ возможность выбирать и покупать себѣ самый лучшій и самый дорогой сортъ интеллектуальнаго развитія, то это меньшинство, влюбленное въ историческое прошедшее своей родины, конечно съумѣло-бы оградить отъ всякихъ реформаторскихъ предложеній и попытокъ почтенную старину, на которой лежитъ священная пыль многихъ столѣтій. Между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что старину критикуютъ, что противъ нея раздаются въ англійской печати почтительные, но очень твердые голоса, и что англійское общество внимательно прислушивается къ тѣмъ полновѣснымъ замѣчаніямъ, которымъ подвергается господствующая учебная система.

Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ будетъ небезполезно познакомиться какъ съ существеннымъ смысломъ и общимъ направленіемъ этихъ замѣчаній, такъ и съ тѣмъ поучительнымъ фактомъ, что такія замѣчанія дѣйствительно высказываются въ Англіи публично людьми извѣстными, почтенными и въ высшей степени способными составить себѣ основательное мнѣніе о томъ, какія именно занятія развертываютъ и укрѣпляютъ умственныя силы человѣческаго ума.

Книга Юманса «Новѣйшая культура, ея настоящія стремленія и потребности» («Modern culture, its true aims and requirements»), изданная въ Лондонѣ въ началѣ нынѣшняго 1867 года, даетъ намъ по этому вопросу обильный запасъ самыхъ любопытныхъ матеріаловъ. Эта книга составлена преимущественно изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ недавнее время первоклассными англійскими мыслителями и учеными. Вслѣдъ за лекціями напечатано нѣсколько мелкихъ статей, извлеченныхъ изъ сочиненій различныхъ очень извѣстныхъ писателей; вся книга заканчивается протоколами показаній, данныхъ пятью натуралистами въ коммисіи англійскихъ публичныхъ школъ. Имена этихъ натуралистовъ Карпентеръ, Ляйелль, Фарадей, Оуэнъ и Гукеръ— извѣстны всему читающему міру. Лекціи, мелкія статьи и показанія приходятъ съ разныхъ сторонъ къ одному и тому-же результату, именно—къ тому изумительному заключенію, что господствующая система общаго образованія нуждается въ самыхъ обширныхъ и глубокихъ преобразованіяхъ.

II.

Въ первой лекціи профессоръ Тиндалль доказываетъ необходимость ввести въ систему общаго образованія основательное изученіе физики. Изложенію своего предмета Тиндаль предпосылаетъ общія размышленія о неизбѣжности и необходимости перемѣнъ во всякомъ дѣлѣ, созданномъ людьми и выработанномъ исторіей.

«Я не думаю,—говоритъ Тиндалль,—чтобы нашему вѣку или какому-бы то ни было другому отдѣльному вѣку было суждено основать систему воспитанія, годную для всѣхъ вѣковъ. Основы человѣческой природы по всей вѣроятности неизмѣнны. но этого нельзя сказать о тѣхъ формахъ, въ которыхъ проявляется духъ человѣчества. Онъ бываетъ то воинственнымъ, то миролюбивымъ, то религіознымъ, то расположеннымъ къ скептицизму, и исторія не что иное, какъ перечень его видоизмѣненій. Таковъ законъ природы во всемъ мірѣ, и поэтому нельзя объяснять опрометчивостью или страстью къ разрушенію то обстоятельство, что составные элементы человѣческой культуры измѣняются съ теченіемъ времени, и что требованія настоящаго расходятся съ требованіями прошедшаго. Если вы не рѣшились утверждать, что міръ прошедшаго или какая-нибудь отдѣльная часть его были совершенно законченнымъ выраженіемъ человѣческой зрѣлости; что мудрость человѣка уже дошла до высшей точки своего развитія; что умъ нынѣшняго дня обладаетъ болѣе ограниченными силами или располагаетъ болѣе узкимъ горизонтомъ, чѣмъ умъ прежнихъ временъ, - то вы не имѣете никакого основанія требовать, чтобы мы принимали безусловно системы прошедшаго; и вы также не имѣете права разрывать мои связи съ тѣмъ міромъ и вѣкомъ, въ которыхъ я живу, и сосредоточивать мою умственную жизнь на созерцаніи минувшаго времени. Кто можетъ порицать меня, если я дорожу той увѣренностью, что міръ до сихъ поръ молодъ, что у него лежитъ впереди громадное поприще, что англичанинъ нынѣшняго дня сдѣланъ изъ такого-же хорошаго матеріала, какъ древній грекъ или римлянинъ, и что у него имѣется такое-же высокое и самостоятельное назначеніе? Принимая съ благодарностью то, что̀ древность можетъ намъ предложить, мы никогда не должны забывать, что нынѣшнее столѣтіе имѣетъ такое-же точно законное право на свои формы мышленія и на свои методы образованія, какое имѣли на свои формы и методы всѣ предшествующія столѣтія, и что намъ открыты теперь тѣ-же источники могущества, какіе были открыты человѣчеству въ какой-бы то ни было другой періодъ міровой жизни.»

Если примѣръ прошедшаго не долженъ служить абсолютно обязательнымъ закономъ для

настоящаго, если, напротивъ того, всякое усовершенствованіе въ области мысли и жизни основано на томъ, что настоящее самостоятельно обсуживаетъ идеи и дѣйствія прошедшаго, открываетъ въ нихъ ошибки и старается ихъ избѣгать, то, разумѣется, вопросъ о пригодности или непригодности физики въ системѣ общаго образованія долженъ рѣшиться не на основаніи прецедентовъ, а посредствомъ тщательнаго разсмотрѣнія естественныхъ и существующихъ въ данное время потребностей человѣческаго ума. Прійдя къ вопросу именно съ этой стороны, Тиндалль утверждаетъ, что раціональное преподаваніе физики составляетъ только осмысленное продолженіе тѣхъ уроковъ, которые сама природа даетъ каждому ребенку съ первой минуты его рожденія.

«Первый опытъ,—говоритъ Тиндалль,—каждаго человѣка есть физическій опытъ: всасывающій насосъ не что иное, какъ подражаніе первому дѣйствію каждаго новорожденнаго ребенка. Я не думаю, чтобы уваженіе этого ребенка къ родителямъ уменьшилось, или чтобы онъ сдѣлался менѣе хорошимъ гражданиномъ, когда его созрѣвшая опытность покажетъ ему, что атмосфера помогла ему вытянуть изъ груди матери первый глотокъ молока. Ребенокъ растетъ и продолжаетъ производить опыты: онъ тянется руками къ лунѣ, и неудача научаетъ его уважать разстояніе. Съ теченіемъ времени его маленькіе пальцы пріобрѣтаютъ достаточно механическаго такта, чтобы держать ложку; онъ засовываетъ ее къ себѣ въ ротъ, поранивает себѣ десны и знакомится такимъ образомъ съ непроницаемостью матеріи; онъ роняетъ ложку и прыгаетъ отъ удовольствія слыша, какъ она ударяется объ столъ. Опытъ, сдѣланный нечаянно, повторяется съ умысломъ, и юный Ньютонъ составляетъ себѣ такимъ образомъ первыя понятія о звукѣ и тяготѣніи. Случаются однако огорченія и наказанія на пути юнаго изслѣдователя; онъ неизбѣжно дѣлаетъ ошибки, а природа также непремѣнно уличаетъ его въ этихъ ошибкахъ. Онъ падаетъ съ лѣстницъ, обжигаетъ себѣ пальцы, порѣзываетъ руку, обвариваетъ языкъ и такимъ путемъ изучаетъ условія своего физическаго благосостоянія. Такого образа дѣйствій держится природа, и ея воспитанникъ дѣлаетъ изумительные успѣхи. Его наслажденія на время остаются чисто-физическими, и лавка кондитера стоитъ для него на первомъ планѣ человѣческаго благополучія; но цвѣты болѣе утонченной жизни уже начинаютъ распускаться, и связь между причиной и слѣдствіемъ возникаетъ въ умѣ ребенка. Онъ начинаетъ замѣчать, что теперешнее положеніе вещей не есть окончательное, но зависитъ отъ другого, которое было прежде и въ свою очередь смѣнится чѣмъ-нибудь новымъ. Онъ становится задачей для самого себя, и чтобы удовлетворить своему только-что пробудившемуся любопытству, онъ предлагаетъ всевозможные несообразные вопросы. Потребности и стремленія человѣческой природы выражаются въ этихъ раннихъ порывахъ ребенка.»

При той системѣ образованія, которая господствуетъ въ Англіи, эти ранніе порывы ребенка въ большей части случаевъ остаются совершенно безплодными; взрослые не хотятъ и не умѣютъ ими пользоваться для того, чтобы незамѣтнымъ образомъ, безъ усилій и безъ борьбы, снабжать ребенка разнообразными свѣдѣніями; пока ребенку дозволяется бѣгать и шалить на свободѣ, до тѣхъ поръ взрослые или совсѣмъ не отвѣчаютъ на многочисленные вопросы ребенка, или отвѣчаютъ на нихъ какими-нибудь безсмыслицами, успокоивая себя тѣмъ общеизвѣстнымъ разсужденіемъ, что ребенокъ, когда выростетъ, въ свое время самъ разузнаетъ подробно все то, о чемъ онъ разспрашиваетъ. Ребенокъ подростаетъ; его сажаютъ за книгу, о которой ему уже давно толковали, какъ объ источникѣ всякаго знанія; но во всѣхъ своихъ азбукахъ и учебникахъ ребенокъ не находитъ ничего похожаго на тѣ отвѣты, которыхъ онъ такъ усиленно и такъ напрасно добивался отъ взрослыхъ; тотъ книжный міръ, въ который его втягиваютъ и вгоняютъ насильно при постоянномъ содѣйствіи увѣщаній, упрековъ и наказаній, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ міромъ живыхъ явленій, съ тѣмъ міромъ красокъ, звуковъ и ощущеній, деревьевъ и цвѣтовъ, звѣрей и птицъ, желаній и волненій, радости и горя, который знакомъ и дорогъ ему съ колыбели и который уже успѣлъ породить въ его горячей головѣ сотни смѣлыхъ и мудреныхъ вопросовъ. Книжная работа, которой отдаленная цѣль при всѣхъ своихъ великихъ достоинствахъ остается непостижимой для ребенка, на долгое время отвлекаетъ его мысли отъ живой природы и кладетъ конецъ тому естественному развитію любознательности и наблюдательности, которое при своевременномъ и тщательномъ содѣйствіи умнаго наставника могло-бы легко и свободно ввести подрастающаго ученика въ сферу серьезныхъ научныхъ занятій. Въ школѣ ребенка знакомятъ насильно съ тѣмъ, что́ никогда не могло его интересовать, чего онъ никогда не видалъ въ глаза и о чемъ предшествующая жизнь не дала ему даже самаго отдаленнаго понятія; и въ то-же время въ его головѣ оставляютъ совершенно неразобраннымъ и неразъясненнымъ тотъ хаосъ образовъ, представленій и понятій, который порожденъ вліяніемъ жизни, и въ которомъ самъ ребенокъ чувствуетъ настоятельную потребность опознаться и оріентироваться. Такимъ образомъ жизнь съ минуты рожденія вела умственное развитіе ребенка по одному пути; школа поворачиваетъ или по крайней мѣрѣ старается поворотить его на

другой путь; понятно, что́ должно произойти и дѣйствительно происходитъ вслѣдствіе этого поворачиванія: силы воспитателя сталкиваются съ силами ребенка и взаимно парализуютъ другъ друга; начинается борьба тамъ, гдѣ могло-бы и должно было-бы существовать самое полное единодушіе и самое искреннее взаимное сочувствіе; воспитатель видитъ препятствіе въ любознательности ребенка, направленной совсѣмъ не на тѣ вопросы, которые рѣшаются въ школьныхъ учебникахъ; ребенокъ съ своей стороны видитъ скучнаго и несноснаго мучителя въ томъ самомъ человѣкѣ, который при другихъ условіяхъ педагогической организаціи могъ-бы сдѣлаться для него неисчерпаемымъ источникомъ живѣйшихъ умственныхъ наслажденій; чѣмъ даровитѣе ребенокъ, чѣмъ сильнѣе работаетъ въ его молодой головѣ пробудившаяся мысль, чѣмъ тревожнѣе и неугомоннѣе его самородная любознательность, тѣмъ противнѣе покажется ему міръ грамматическихъ отвлеченностей, міръ склоненій и спряженій, правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, толстыхъ лексиконовъ и запутанныхъ конструкцій; чѣмъ даровитѣе ребенокъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ та ломка, которой онъ подвергается въ школѣ при первомъ столкновеніи съ мертвымъ книжнымъ ученіемъ. Легко можетъ быть, что эта ломка до нѣкоторой степени неизбѣжна, потому что умъ ребенка долженъ непремѣнно рано или поздно пріучиться къ книжнымъ отвлеченностямъ, безъ которыхъ невозможны дальнѣйшія научныя занятія, но не подлежитъ сомнѣнію то, что учебная система, господствующая въ Англіи, относится съ непозволительнымъ высокомѣріемъ къ естественнымъ наклонностямъ и умственнымъ потребностямъ того живого матеріала, надъ которымъ она производитъ свои отважныя манипуляціи. «Нѣсколько дней тому назадъ,—говоритъ Тиндалль,—одинъ магистръ словесности, молодой человѣкъ, получившій современное образованіе, заявилъ мнѣ, что въ первыя двадцать лѣтъ своей жизни онъ не пріобрѣлъ никакихъ свѣдѣній о свѣтѣ, теплотѣ, магнетизмѣ или электричествѣ; изъ этихъ двадцати лѣтъ двѣнадцать было потрачено посреди древнихъ, и въ это время была порвана всякая связь между его умомъ и явленіями природы.»

Этотъ перерывъ пришелся какъ разъ въ то время, когда, по мнѣнію внимательныхъ и компетентныхъ наблюдателей, молодой умъ всего болѣе способенъ пріучаться исподволь къ индуктивному методу мышленія, то-есть къ внимательному разсматриванію и осторожному обобщенію отдѣльныхъ фактовъ. Какъ сильна именно въ это время отъ 8-ми лѣтъ до 20-ти, потребность вглядываться и вдумываться въ явленія окружающей природы, это видно изъ любопытнаго примѣра, приведеннаго въ лекціи Тиндаля.

Въ одной земледѣльческой школѣ въ Гемпширѣ было составлено между воспитанниками общество, которое собиралось разъ въ недѣлю для чтенія и обсужденія статей и докладовъ, написанныхъ самими членами по различнымъ вопросамъ. У этого общества были свой предсѣдатель, свой казначей и даже свой ежемѣсячный журналъ, печатавшійся въ небольшой училищной типографіи. При засѣданіяхъ общества присутствовали обыкновенно многіе изъ учителей. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ обычаевъ въ этихъ еженедѣльныхъ собраніяхъ было то, что послѣ окончанія очередныхъ занятій каждый членъ общества имѣлъ право предлагать вопросы по каждому дѣлу, о которомъ онъ желалъ собрать какія-нибудь свѣдѣнія. Вопросы эти или записывались заранѣе въ особую книгу, или писались на клочкѣ бумаги во время самаго засѣданія и потомъ вручались секретарю, который обязанъ былъ прочитать ихъ вслухъ. Послѣ этого кто изъ присутствующихъ чувствовалъ себя способнымъ разрѣшать недоумѣніе товарища или ученика, тотъ и давалъ требуемый отвѣтъ Понятно, что, благодаря этому обычаю, въ кругу учениковъ господствовалъ постоянно самый живой и плодотворный обмѣнъ мыслей и знаній. Что́ было прочтено или подмѣчено однимъ, то скоро становилось достояніемъ всѣхъ. Въ собраніяхъ общества присутствовали ребята отъ 8 до 18 лѣтъ, и вотъ въ какомъ родѣ были предлагавшіеся вопросы:

Въ чемъ состоятъ обязанности королевскаго астронома?

Что́ такое морозъ?

Почему громъ и молнія случаются лѣтомъ чаще, чѣмъ зимой?

Отчего происходятъ падающія звѣзды?

Какая причина того ощущенія, которое называется бѣганіемъ мурашекъ по кожѣ?

Какая причина смерчей?

Какая причина икоты?

Если полотенце намочено водой, то почему мокрая часть становится темнѣе, чѣмъ была прежде?

Что такое ланкаширскія вѣдьмы?

Падаетъ-ли роса или поднимается?

Какъ устроенъ гидравлическій прессъ?

Когда въ воздухѣ больше кислорода: зимой или лѣтомъ?

Что̀ это за кольца мы видимъ вокругъ горящаго газа и вокругъ солнца?

Что̀ такое громъ?

Почему черную шляпу можно сдвинуть съ мѣста, образовавъ вокругъ нея магнетическій кругъ, а бѣлую нельзя?

Отчего происходитъ испарина?

Какая разница между душою и умомъ?

Противно-ли правиламъ вегетаріанизма ѣсть яйца?

Эти восемнадцать вопросовъ выписаны Тиндаллемъ на удачу изъ той книги, въ которую они вносились. Изъ этихъ восемнадцати вопросовъ только три, о королевскомъ астрономѣ, о ланкаширскихъ вѣдьмахъ и о правилахъ вегетаріанизма, не относятся къ области естествознанія. Огромное-же большинство этихъ вопросовъ, возникшихъ безо всякихъ постороннихъ вліяній и начальственныхъ внушеній, можетъ быть разрѣшено только тогда, когда ученикамъ будутъ сообщены предварительно довольно обширныя свѣдѣнія по части физики, химіи и физіологіи. Списокъ этихъ вопросовъ показываетъ довольно ясно, въ какомъ именно направленіи работаетъ молодая мыслъ и развертывается самородная дѣтская любознательность.

Нетрудно понять, что ребенокъ, поставившій вопросъ, не удовлетворится короткимъ и категорическимъ отвѣтомъ. Когда онъ спрашиваетъ о росѣ, падаетъ-ли она, или поднимается, то онъ требуетъ себѣ не справки по этому предмету, а подробнаго объясненія даннаго феномена,—такого объясненія, которое дало-бы ему возможность понять, какимъ путемъ совершается образованіе росы. Если вы просто отвѣтите ему: роса падаетъ, то онъ тотчасъ же спроситъ у васъ: какъ-же она падаетъ и откуда она берется? Если вы захотите удовлетворить его любознательность, то вы будете принуждены объяснить ему тѣ законы, по которымъ совершается испареніе воды и обратный переходъ водяныхъ паровъ въ капельно-жидкое состояніе; далѣе вы должны будете познакомить его съ явленіями лучеиспусканія и теплопроводности; и наконецъ вамъ придется дать ему понятіе о тѣхъ сложныхъ процессахъ, которые происходятъ въ организмѣ каждой ничтожнѣйшей былинки. Когда все это будетъ сдѣлано, то вопросъ о росѣ окажется исчерпаннымъ, но зато самый процессъ вашего объясненія породитъ въ свою очередь такое множество новыхъ вопросовъ, что отвѣтить на нихъ можно будетъ только полнымъ и систематическимъ курсомъ физики, химіи и физіологіи,—курсомъ, который по всей вѣроятности будетъ выслушанъ вашимъ юнымъ собесѣдникомъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и съ живѣйшимъ наслажденіемъ.

Еслибы вмѣсто вопроса о росѣ мы взяли вопросъ о громѣ, о морозѣ, объ испаринѣ, о мокромъ полотенцѣ, или вообще какой бы то ни было изъ пятнадцати вопросовъ, врѣзывающихся въ область естествознанія, то мы пришли-бы къ тому-же самому выводу, то есть мы убѣдились-бы въ томъ, что въ этомъ случаѣ надо или систематически подавлять самородную любознальность молодого ума, отсылая ребенка къ учебнику латинской грамматики и запрещая ему тратить драгоцѣнное время на пустые разговоры, или же удовлетворять его любознательность подробными объясненіями, которыя неизбѣжно должны превратиться въ полные курсы по различнымъ отраслямъ естествознанія.

Тиндалль придаетъ важное значеніе тому обстоятельству, на которое обыкновенные педагоги обращаютъ очень мало вниманія, именно тому, что дѣти, слушая курсъ физики, вызванный ихъ собственными вопросами, будутъ учиться и напрягать свое вниманіе съ удовольствіемъ.

«Привлекать удовольствіе на сторону умственнаго труда—это дѣло величайшей важности,—говоритъ онъ,—потому что упражненіе ума, подобно тѣлесному упражненію, зависитъ въ своей цѣнности отъ того расположенія духа, при которомъ оно совершается. Каждый медикъ знаетъ, что идея здороваго упражненія не исчерпывается простымъ механическимъ движеніемъ, и что самымъ здоровымъ упражненіемъ оказывается то, при которомъ наслажденіе самымъ его процессомъ заставляетъ насъ забыть обо всѣхъ дальнѣйшихъ его цѣляхъ. Можно-ли напримѣръ замѣнить чѣмъ-нибудь восторженное ликованіе дѣтскихъ игръ, въ которыя дѣти играютъ изъ чистой любви къ игрѣ, безо всякаго помышленія о физіологическихъ законахъ, между тѣмъ какъ благосклонная природа незамѣтно для играющихъ идетъ къ своимъ цѣлямъ, обращая дѣтямъ на пользу даже ихъ собственную безсознательность? Вы можете устроить болѣе систематическія движенія, вы можете придумать средства для болѣе полнаго напряженія каждаго отдѣльнаго мускула, но вы не можете создать радость и веселье игры, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ пропала освѣжающая прелесть и живительность упражненія. Почти то-же самое можно сказать и объ умственномъ воспитаніи. Зачѣмъ-же такъ рѣзко отрывать умы дѣтей отъ ихъ здоровой и радостной дѣятельности, зачѣмъ закрывать имъ наглухо дорогу къ тому изученію, къ которому направлены самыя раннія ихъ стремленія и при которомъ собственная охота учащихся оказывала-бы сильное содѣйствіе укрѣпленію ихъ способностей? Зачѣмъ доводить эту исключительность до такихъ размѣровъ, что человѣкъ, если его не просвѣтитъ какое нибудь учрежденіе, вродѣ того, въ которомъ мы теперь собраны, можетъ дожить до зрѣлыхъ лѣтъ, оставаясь въ абсолютномъ невѣжествѣ касательно того, управляется-ли матеріальный міръ закономъ или случаемъ, и не происходятъ-ли въ самомъ дѣлѣ тѣ феномены, которые вызывали его дѣтскіе вопросы, отъ проказъ какихъ-нибудь гномовъ или другихъ силъ того-же разбора?»

Доказавъ естественность и законность тѣхъ желаній и умственныхъ позывовъ, которыхъ удовлетвореніе невозможно безъ систематическаго преподаванія физики, Тиндалль старается дать общее понятіе о той пользѣ, которую это преподаваніе принесетъ умственному развитію учащихся. Изученіе физики, по словамъ Тиндалля, состоитъ изъ двухъ процессовъ, взаимно дополняющихъ и постоянно смѣняющихъ другъ друга. Человѣкъ наблюдаетъ сначала единичные факты, подмѣчаетъ въ нихъ однородныя стороны, отъискиваетъ ихъ общую причину и составляетъ себѣ такимъ образомъ понятіе о законѣ, въ силу котораго одно явленіе вызываетъ собою другое. Этотъ процессъ, посредствомъ котораго человѣкъ идетъ отъ факта къ причинѣ, называется *индукціей* или *наведеніемъ*. Добравшись до такой формулы, которая кажется ему закономъ, человѣкъ начинаетъ разсуждать такъ: если законъ вѣренъ, то за такимъ-то явленіемъ неизбѣжно должно слѣдовать такое-то. Здѣсь умъ человѣка идетъ отъ найденной или угаданной причины къ ожидаемому послѣдствію; этотъ процессъ называется *дедукціей* или *выводомъ* и служитъ повѣркой для предшествующей индукціи; этотъ процессъ совершается въ головѣ экспериментатора, когда онъ производитъ опытъ, стараясь узнать посредствомъ этого опыта, дѣйствительно-ли вѣренъ найденный имъ законъ.

Теперь понятно, что изученіе физики можетъ сдѣлаться полезной умственной работой только тогда, когда ученикъ самъ дѣйствительно будетъ заниматься индукціей и дедукціей, то есть разсматривать явленія съ разныхъ сторонъ, сравнивать ихъ между собою, добираться до ихъ причины, отъискивать законы и потомъ придумывать и производить опыты для повѣрки отъисканнаго закона. Надо, чтобы ученикъ непремѣнно искалъ и находилъ, ошибался и самъ замѣчалъ свои ошибки, дѣлалъ неправильныя обобщенія и потомъ ломалъ себѣ голову, отъискивая причины той неудачи, которая получится при повѣркѣ индукціи. Словомъ, надо, чтобы ученикъ шелъ по тому самому тернистому пути изслѣдованія, по которому шли въ свое время безъ путеводителя и компаса великіе умы, создавшіе науку. Только при такомъ живомъ и практическомъ изученіи физики, только при постоянномъ непосредственномъ соприкосновеніи съ тѣми явленіями, которыя составляютъ собою матеріалъ науки, можетъ быть рѣчь о томъ особомъ вліяніи, которое положительная наука, подобная физикѣ, производитъ на умъ ученика, и о тѣхъ особыхъ умственныхъ пріемахъ и навыкахъ, которые пріобрѣтаются ученикомъ въ строгой школѣ положительнаго знанія. Если-же ученикъ будетъ изучать физику по учебнику, то тутъ не будетъ со стороны ученика ни индукціи, ни дедукціи; положительная наука не произведетъ на его умственныя способности никакого особеннаго вліянія; его мысль не усвоитъ себѣ никакихъ новыхъ пріемовъ и навыковъ; получится только обогащеніе памяти множествомъ различныхъ формулъ и приступовъ къ доказательствамъ; образовательная и воспитательная сила положительнаго знанія утратится безслѣдно и безвозвратно. Ученикъ пройдетъ весь учебникъ, съ первой страницы до послѣдней, и все-таки не выучится размышлять такъ какъ размышляютъ естествоиспытатели. Количество извѣстныхъ ему фактовъ значительно увеличится, но способности наблюдать и сравнивать явленія, подводить ихъ подъ общія правила и провѣрять эти правила опытами останутся по всей вѣроятности въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онѣ находились до начала учебныхъ занятій. Учителю конечно гораздо легче дать въ руки ученику учебную книгу и наблюдать за исправнымъ выучиваніемъ уроковъ, чѣмъ устраивать такой планъ занятій, при которомъ ученикъ самъ могъ-бы дорабатываться и додумываться до основныхъ законовъ природы; но тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы облегчать задачу учителя; его задача должна быть трудной, чтобы быть плодотворной. Чтобы приносить пользу, учитель долженъ быть человѣкомъ даровитымъ и трудолюбивымъ, а для такого человѣка невыносимо механическое задаваніе и выслушиваніе мертвыхъ книжныхъ уроковъ; для такого человѣка невыносима именно та легкость педагогической задачи, за которой гонятся и которую устраиваютъ себѣ всѣми правдами и неправдами бездарные рутинеры. Напротивъ того, руководить молодой умъ на пути живого наблюденія и изслѣдованія, укрѣплять его силы постепенно усложняющимися упражненіями, слѣдить за его побѣдами и неудачами—это такая обязательная работа, за которую можетъ приняться съ удовольствіемъ и съ пользой для самого себя свѣтлый и дѣятельный умъ. Тиндалль представляетъ изъ своей собственной педагогической практики такіе факты, которые показываютъ ясно, чего именно онъ требуетъ отъ хорошаго преподавателя физики или какой-бы то ни было другой положительной науки.

«Одной изъ обязанностей, выпавшихъ на мою долю,—говоритъ Тиндалль,—во время того періода, о которомъ я говорилъ, было преподаваніе математики въ одномъ классѣ, и я находилъ обыкновенно, что Эвклидъ и древняя геометрія вообще, когда они обращаются къ разуму, составляютъ учебное занятіе, очень привлекательное для молодежи. Я имѣлъ обыкновеніе отвлекать мальчиковъ отъ рутины книги и обращаться къ ихъ самодѣятельности, предлагая имъ для разрѣшенія вопросы, не включенные въ эту рутину. Сначала это свертываніе съ проторен-

ной дороги возбуждало обыкновенно небольшое неудовольствіе; ученики чувствовали себя такъ, какъ чувствуетъ себя ребенокъ, попавшій въ общество незнакомыхъ людей; но ни разу не случалось со мною, чтобы это неудовольствіе оказалось продолжительнымъ. Когда мальчикъ былъ совершенно обезкураженъ, я ободрялъ его, разсказывая ему анекдотъ о Ньютонѣ, который говорилъ, что онъ отличается отъ другихъ людей только своимъ терпѣніемъ; или о Мирабо, которому слуга доказывалъ, что какое-то дѣло невозможно, и который на эти доводы отвѣчалъ приказаніемъ никогда впередъ не употреблять этого глупаго слова. Ободренный такимъ образомъ, мальчикъ возвращался къ своей работѣ съ улыбкой, въ которой быть-можетъ выражалась доля сомнѣнія, но которая тѣмъ не менѣе доказывала рѣшимость попытаться снова. Я видѣлъ, какъ загорались его глаза, и наконецъ слышалъ, какъ онъ восклицалъ: «я нашелъ, сэръ!» съ такимъ удовольствіемъ, которое только своими размѣрами отличалось отъ восторга Архимеда. Сознаніе собственныхъ умственныхъ силъ, пробужденное такимъ образомъ, имѣло громадную цѣну, и, воодушевленный этимъ сознаніемъ, классъ дѣлалъ изумительные успѣхи. Я часто давалъ мальчикамъ на выборъ продолжать занятія по книгѣ или пробовать силы надъ другими предложеніями, которыхъ не было въ учебникѣ. Ни разу не случалось такъ, чтобы ученики выбрали книгу. Я всегда былъ готовъ помочь, когда мнѣ казалось, что помощь необходима, но мои предложенія обыкновенно отклонялись. Мальчики отвѣдали сладость интеллектуальныхъ завоеваній и искали побѣдъ, пріобрѣтенныхъ собственными силами. Я видѣлъ ихъ геометрическіе чертежи, нацарапанные на стѣнахъ или вырѣзанные на бревнахъ частокола, которымъ былъ обнесенъ рекреаціонный дворъ; видѣлъ я также безчисленное множество другихъ наглядныхъ свидѣтельствъ того живого интереса, который возбуждали къ себѣ эти занятія. Что касается до опытности въ дѣлѣ преподаванія, то я въ это время былъ совершеннымъ птенцомъ; я ничего не зналъ о правилахъ педагогики, какъ ее называютъ нѣмцы; но я былъ проникнутъ тѣмъ духомъ, о которомъ я говорилъ въ началѣ этого разсужденія, и старался сдѣлать геометрію *средствомъ*, а не *отраслью* образованія. Опытъ оказался успѣшнымъ, и нѣкоторые изъ самыхъ обаятельныхъ часовъ моей жизни были доставлены мнѣ наблюденіями надъ сильнымъ и радостнымъ разцвѣтаніемъ мыслительной силы, возбужденной и вызванной вышеописаннымъ способомъ.

«И далѣе то удовольствіе, которое мы всѣ испытывали, удвоилось, когда мы стали прикладывать наши математическія знанія къ разрѣшенію физическихъ задачъ. Многіе предметы, встрѣчавшіеся на каждомъ шагу, получали для насъ такимъ образомъ новую занимательность и новое значеніе. Качель, качальная доска, напряженіе веревокъ въ исполинскомъ шагѣ, паденіе и подскакиваніе ножного мячика, выгоды маленькаго мальчика сравнительно съ большимъ при крутыхъ поворотахъ, въ особенности въ скользкую погоду—все это становилось предметомъ изслѣдованія. Предположивъ, что дама стоитъ передъ зеркаломъ, которое по своей величинѣ равняется всему ея росту, мы должны были узнать, какая именно часть этого зеркала дѣйствительно полезна дамѣ? И мы съ большимъ удовольствіемъ узнавали тотъ экономическій фактъ, что она можетъ обойтись безъ нижней половины зеркала и при этомъ все-таки увидѣть всю свою фигуру. Насъ также глубоко интересовало то, что по жужжанію пчелы мы опредѣляли сколько разъ въ минуту маленькое насѣкомое взмахиваетъ крыльями. Производя наши изслѣдованія надъ маятникомъ, мы интересовались узнать, какимъ это образомъ полковникъ Сабинъ посредствомъ маятника опредѣлилъ фигуру земли, и мы также были очень озадачены тѣмъ заключеніемъ, которое позволялъ намъ сдѣлать тотъ-же маятникъ, именно той мыслью, что еслибы ежедневная скорость движенія земли была въ семнадцать разъ больше теперешней, то на экваторѣ центробѣжная сила оказалась-бы совершенно равной силѣ тяготѣнія, и что слѣдовательно тамошній житель имѣлъ-бы одинаковое стремленіе падать и къ верху, и къ низу. Всѣ эти вещи были для насъ источниками изумленія и наслажденія; мы не могли не восхищаться настойчивостью человѣка, совершившаго такіе подвиги; и потомъ, когда мы припоминали, что мы сами одарены тѣми-же силами и можемъ трудиться на томъ-же обширномъ полѣ, тогда разростались въ насъ надежды, что когда-нибудь впослѣдствіи мы также съумѣемъ подвинуть дѣло немного впередъ и присоединимъ къ добытымъ завоеваніямъ результаты нашихъ собственныхъ побѣдъ.

«Я знаю, что мнѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами въ томъ, что я такъ долго останавливался на этомъ предметѣ. Но дни, прожитые мною въ средѣ этихъ юныхъ философовъ, произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Въ ихъ обществѣ я пріобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія о себѣ самомъ и о человѣческой природѣ, и составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о призваніи учителя. Если есть въ Англіи профессія неизмѣримой важности, то, по моему мнѣнію, это — профессія школьнаго учителя. И если есть положеніе, въ которомъ недобросовѣстность и бездарность производятъ самый серьезный вредъ, понижая нравственный строй и возбуждая презрѣніе и хитрость тамъ, гдѣ должны быть вызваны уваженіе и благородная правдивость, то это — положеніе школьнаго учителя. Когда человѣкъ, расширившій свой умъ и свое сердце, входитъ въ об-

щество мальчиковъ; когда онъ вливаетъ въ нихъ струю своей личности, и когда онъ въ повышеніи ихъ чувствъ и понятій замѣчаетъ дѣйствіе своего собственнаго характера, тогда нечего и говорить о томъ, что его положеніе почетно. Это—благословенное положеніе. Такой человѣкъ — благодать для самого себя и для всего, что́ его окружаетъ. Я полагаю, что такихъ людей можно найти въ Англіи, и что разъискивать ихъ обязаны тѣ, кто въ настоящее время занимается устройствомъ учебной части. Потому что какія бы средства образованія ни были выбраны, физическія или филологическія, успѣхъ всегда будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ того количества жизни, любви и серьезности, которое самъ учитель принесетъ съ собою къ своему призванію.»

При разумномъ, практическомъ методѣ преподаванія физика приноситъ ученику ту пользу, что пріучаетъ его къ внимательному наблюденію и къ осмотрительному обобщенію окружающихъ фактовъ. Занимаясь физикой, ученикъ усваиваетъ себѣ индуктивный способъ мышленія, съ которымъ его не можетъ познакомить ни математика, ни латинскій синтаксисъ, ни греческая просодія, ни даже чтеніе божественнаго Гомера или божественнаго Платона. Индуктивный способъ мышленія былъ почти совершенно неизвѣстенъ всей классической древности; древніе мыслители старались отгадывать тамъ, гдѣ необходимо было наблюдать и изучать. Индукція развилась вмѣстѣ съ успѣхами естествознанія; она проявилась въ этихъ успѣхахъ и она-же ихъ породила; поэтому физика вмѣстѣ съ другими отраслями естествознанія остается до сихъ поръ и по всей вѣроятности останется навсегда для всѣхъ подрастающихъ поколѣній единственной возможной школой индуктивнаго мышленія. Чтобы выучиться наблюденію, надо наблюдать; чтобы выучиться обобщенію, надо обобщать; а когда мы стараемся по мѣрѣ нашихъ силъ наблюдать и обобщать тѣ явленія, которыя насъ окружаютъ и такъ или иначе возбуждаютъ наше любопытство и привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе, тогда это значитъ, что мы занимаемся или стараемся заниматься той или другою отраслью естествознанія, потому что всѣ окружающія насъ явленія составляютъ достояніе той или другой науки, доразвившейся до извѣстныхъ результатовъ путемъ индукціи, то есть наблюденія и обобщенія. Если мы хотимъ учиться наблюденію и обобщенію, то мы можемъ выбрать для нашихъ упражненій въ этихъ процессахъ или органическую природу, или неорганическую природу. Если мы выберемъ органическую природу, то мы при нашей непривычкѣ наблюдать и обобщать тотчасъ запутаемся въ лабиринтѣ тѣхъ сложныхъ отправленій, изъ которыхъ состоитъ жизнь растенія или тѣмъ болѣе животнаго. Кромѣ того мы скоро замѣтимъ, что и растенія, и животныя вмѣстѣ со всей неорганической природой подчинены какимъ-то общимъ законамъ, которые намъ необходимо предварительно узнать для того, чтобы имѣть возможность изучать впослѣдствіи собственно-органическія отправленія въ жизни растеній и животныхъ. Эти общіе законы, тѣ законы, по которымъ совершается движеніе, распространяются свѣтъ, звукъ и теплота, — составляютъ предметъ физики. Эти законы проще тѣхъ законовъ, по которымъ совершаются органическія отправленія. Эти законы имѣютъ болѣе обширный кругъ дѣйствія. Чтобы добраться до этихъ законовъ, нѣтъ надобности знать предварительно какіе-нибудь другіе законы. Надо только вычислять и измѣрять, то есть усвоить себѣ тѣ навыки и пріемы, которые даетъ намъ изученіе ариѳметики, алгебры и геометріи. По всѣмъ этимъ причинамъ первый шагъ въ дѣлѣ индуктивнаго мышленія долженъ быть сдѣланъ посредствомъ изученія физики, которая въ свою очередь должна отворить намъ двери въ другія высшія области естествознанія. Во всѣхъ этихъ областяхъ господствуетъ одинъ и тотъ-же духъ, — духъ спокойнаго и безпристрастнаго изслѣдованія,—духъ чистой, безкорыстной и неустрашимой любви къ истинѣ, какова-бы она ни была и въ какомъ-бы суровомъ видѣ ни представилась она непривычнымъ глазамъ новопосвященнаго адепта. Кто входитъ въ эти области естественнымъ путемъ наблюденія и размышленія, тотъ пріучается любить истину во что бы то ни стало, стремиться къ ней силами своего ума и характера, принимать ее съ покорностью и признательностью изъ рукъ соперника или врага, мыслить честно и смѣло, не подкупая себя никакими посторонними соображеніями, и ставить всегда и вездѣ великую общую цѣль,— отъискиваніе истины, — выше мелкихъ и дрянныхъ внушеній личнаго самолюбія. Если умственный трудъ можетъ сдѣлаться школой для характера, то больше всѣхъ другихъ проявленій умственнаго труда способно сдѣлаться такой школой изученіе природы, требующее отъ своихъ адептовъ строгой правдивости, неподкупной зоркости, тонкой проницательности и желѣзнаго терпѣнія. Что́ говорится объ изученіи природы вообще, то, разумѣется, прилагается въ частности и къ физикѣ, составляющей необходимое начало и первую ступень этого изученія.

Тиндалль думаетъ, что изученіе физики одинаково необходимо для всѣхъ классовъ общества.

«Какъ орудіе умственнаго развитія, — говоритъ онъ, — изученіе физики полезно всѣмъ: по своему отношенію къ спеціальнымъ занятіямъ цѣнность этого изученія еще болѣе осязательна, хотя и не такъ велика. Съ какой стати

напримѣръ члены парламента должны оставаться несвѣдущими касательно такихъ предметовъ, по поводу которыхъ они призваны издавать законы? Въ этой странѣ практической физики зачѣмъ они должны быть неспособными составить себѣ самостоятельное мнѣніе о какомъ-нибудь физическомъ вопросѣ? Зачѣмъ сенаторъ при обсужденіи научнаго вопроса долженъ отдавать себя на произволъ спорящихъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока благодѣтельная дремота не избавитъ его отъ дикаго шума непонятныхъ преній, происходящихъ передъ нимъ въ залѣ комитета? То образованіе, которое оставляетъ подобные пробѣлы, нарушаетъ свои обязанности передъ Англіей. Что касается до нашего рабочаго народа, рабочаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то изученіе физики было-бы ему полезно не только какъ средство интеллектуальнаго развитія, но также и какъ нравственное вліяніе, способное предохранить этихъ людей отъ привычекъ, унижающихъ человѣческое достоинство. Исправленіе человѣка зависитъ чаще отъ косвеннаго, чѣмъ отъ прямого дѣйствія воли. Чтобы сломить силу искушенія, воля должна найти себѣ противъ него оплотъ въ какомъ-нибудь опредѣленномъ положеніи своей силы. Пьяница напримѣръ находится въ опасномъ положеніи, пока онъ только говоритъ или божится, что будетъ воздерживаться отъ пьянства. Его мысли, если онѣ не привлечены какой-нибудь другой силой, будутъ постоянно возвращаться къ кабаку, и, чтобы избавлять его постоянно отъ этого притяженія, вы должны дать ему какой-нибудь противуположный интересъ. Придавая предметамъ, окружающимъ постоянно рабочаго человѣка, такую занимательность, которая будетъ вызывать его на размышленіе, вы откросте ему новыя наслажденія, и каждое изъ этихъ наслажденій сдѣлается для него точкой опоры въ борьбѣ съ искушеніемъ. Кромѣ того наши мануфактуры и плавильни представляютъ обширное поле для наблюденій, и еслибы тѣ, которые въ нихъ работаютъ, сдѣлались способными при содѣйствіи предварительнаго образованія оцѣнивать то, что́ они видятъ, то наука обогатилась-бы неисчислимыми пріобрѣтеніями. Кто можетъ сказать, какіе Самсоны умственнаго міра работаютъ въ настоящую минуту съ закрытыми глазами въ нашихъ манчестерскихъ и бирмингамскихъ кузницахъ и заводахъ? Дайте этимъ Самсонамъ зрѣніе, надѣлите ихъ кое-какими знаніями по части физики — и вы умножите шансы открытій и тѣмъ самымъ расширите поприще будущаго національнаго процвѣтанія. Въ нашихъ многоразличныхъ техническихъ операціяхъ мы часто играемъ такими силами, которыя въ случаѣ нашего незнанія становятся причинами нашей погибели. Въ локомотивѣ дѣйствуютъ такіе двигатели, о которыхъ по всей вѣроятности никогда не мечталъ строитель и которые однако достаточно сильны, чтобы превратить машину въ истребительное орудіе. Далѣе, когда мы подумаемъ объ умственномъ развитіи того народа, который трудится въ нашихъ угольныхъ копяхъ, тогда мы перестанемъ изумляться тѣмъ ужаснымъ взрывамъ, которые случаются тамъ отъ времени до времени.

«Еслибы эти люди обладали достаточными физическими свѣдѣніями, то, безъ сомнѣнія, изъ среды самихъ работниковъ вышла-бы такая система предосторожностей, вслѣдствіе которой эти потрясающія событія перестали-бы повторяться. Еслибы они обладали знаніемъ, то ихъ личные интересы доставили-бы имъ необходимый стимулъ для его практическаго приложенія, и такимъ образомъ двѣ цѣли оказались-бы достигнутыми въ одно и то-же время — возвышеніе людей и уменьшеніе бѣдствій.»

Приверженцы классическаго образованія никогда не рѣшались утверждать, что вся нація сверху до низу должна учиться греческой и латинской грамматикѣ, читать древнихъ поэтовъ и философовъ и писать стихи на двухъ мертвыхъ языкахъ. Напротивъ того, эти приверженцы говорили и продолжаютъ говорить положительно при каждомъ удобномъ случаѣ, что классическое образованіе годится только для высшихъ сословій, для людей богатыхъ и знатныхъ или по крайней мѣрѣ для обезпеченныхъ людей, которымъ нѣтъ надобности искать себѣ хлѣбную работу и въ виду этой необходимой работы торопиться окончаніемъ подготовительнаго ученія. Приверженцы классическаго образованія хотѣли и хотятъ до сихъ поръ, чтобы въ каждомъ человѣческомъ обществѣ существовали двѣ совершенно различныя и рѣзко разграниченныя системы умственнаго развитія — одна дорогая, основательная, утонченная, самаго высокаго сорта и самой отличной доброты, созданная для господъ и богачей, и другая дешевенькая, плохенькая, сшитая на живую нитку и существующая для всякихъ разночинцевъ. Первая ни при какихъ условіяхъ не могла и не должна была даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ спускаться къ народу. Второй точно такъ-же было на вѣчныя времена запрещено подниматься къ избранному обществу. Переходовъ и промежуточныхъ оттѣнковъ между первой и второй системой не допускалось никакихъ. Приверженцы классическаго образованія попада́ли такимъ образомъ въ очень странное и до нѣкоторой степени фальшивое положеніе. Чѣмъ больше они прославляли изученіе классической древности, какъ единственную годную подготовку ко всякой серьезной умственной дѣятельности, тѣмъ яснѣе просвѣчивалъ въ ихъ разсужденіяхъ тотъ основной мотивъ, что они очень добросовѣстно стараются всѣми силами

навсегда отрѣзать народу путь ко всякому серьезному и здоровому умственному труду.

Изъ словъ Тиндалля мы видимъ, что защитники естествознанія поступаютъ какъ-разъ наоборотъ. Говоря объ умственныхъ потребностяхъ націи, они дѣйствительно подразумѣваютъ всю націю и не стараются отдѣлить нѣсколькихъ избранныхъ отъ громаднаго большинства народа. Для нихъ нѣтъ ни избранныхъ, ни отверженныхъ. Они хотятъ, чтобы богачъ и бѣднякъ, лордъ и простой работникъ были способны понимать другъ друга, чтобы основы ихъ умственнаго развитія и существенныя черты ихъ образа мыслей были одинаковы, чтобы между ними было какъ можно больше точекъ соприкосновенія, чтобы число этихъ точекъ увеличивалось съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, и чтобы то различіе, которое неизбѣжно будетъ существовать между образованіемъ высшихъ и богатѣйшихъ сословій, было различіемъ, способнымъ постоянно уменьшаться,—различіемъ, состоящимъ не въ качествѣ умственнаго закала, а только въ количествѣ свѣдѣній, добытыхъ изъ школьнаго ученія и изъ прочитанныхъ книгъ. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не затруднится рѣшить, которая изъ двухъ противуположныхъ партій готовитъ націи болѣе спокойную будущность и болѣе счастливое развитіе.

III.

Послѣ лекціи Тиндалля помѣщена въ книгѣ Юманса лекція доктора Добени о необходимости химіи, какъ составной части общаго образованія. Добени, подобно Тиндаллю, сосредоточиваетъ вниманіе своихъ слушателей нестолько на практическую приложимость химіи, сколько на то вліяніе, которое основательное изученіе этой науки можетъ оказывать на умственное развитіе учащихся. Не придавая своимъ разсужденіямъ ни малѣйшаго полемическаго оттѣнка, отзываясь постоянно о классическомъ образованіи со всѣми наружными признаками глубокаго уваженія, Тиндалль, Добени и всѣ остальные натуралисты, которыхъ размышленія помѣщены въ книгѣ Юманса, постоянно поражаютъ любителей классицизма на ихъ собственной почвѣ, ихъ собственнымъ оружіемъ. Любители классицизма говорятъ: мы очень хорошо знаемъ, что англичанинъ нашего времени можетъ съ большимъ удобствомъ прожить свой вѣкъ, не прочитавши ни одной строки Горація или Анакреона; мы очень хорошо знаемъ, что знаніе двухъ древнихъ языковъ не нужно ни для того, чтобы заниматься ремесломъ, ни для того, чтобы завѣдывать фабрикой, ни для того, чтобы вести дѣла торговой фирмы, ни для того, чтобы служить въ арміи или во флотѣ, ни для того, чтобы дебютировать въ парламентѣ или защищать кліента передъ судомъ, словомъ, ни для одного изъ тѣхъ многихъ практическихъ занятій, которымъ предаются граждане Великобританскаго королевства. Все это мы знаемъ какъ нельзя лучше; но мы дорожимъ древними языками, грамматиками и литературами, какъ драгоцѣннымъ и незамѣнимымъ образовательнымъ средствомъ, какъ такой умственной пищей, которая изощряетъ, развертываетъ и укрѣпляетъ самымъ неподражаемымъ образомъ всѣ силы и способности учащейся молодежи.—Мы васъ понимаемъ, отвѣчаютъ на это натуралисты, и мы постараемся вамъ доказать, что наши науки, именно какъ образовательное средство, стоятъ гораздо выше той умственной пищи, которую вы считаете незамѣнимой.

Добени полагаетъ, что для тѣхъ многочисленныхъ умовъ, которые неспособны задумываться надъ отвлеченными истинами, наполняющими область математики, химія можетъ сдѣлаться превосходной школой мышленія, потому что здѣсь умъ работаетъ надъ осязательными явленіями и въ каждую данную минуту можетъ повѣрять свой теоретическій выводъ фактами живой дѣйствительности. Лучше всѣхъ другихъ физическихъ наукъ химія развиваетъ, по мнѣнію Добени, привычки къ точному наблюденію; она пріучаетъ человѣка обращать самое строгое вниманіе на всѣ мельчайшія особенности каждаго явленія; постоянно сдерживая порывы фантазіи указаніями опыта, она въ то-же время возбуждаетъ силу воображенія настолько, насколько это необходимо для того, чтобы человѣкъ могъ формировать новыя комбинаціи изъ впечатлѣній, полученныхъ извнѣ; и наконецъ она воспитываетъ въ учащемся способность открывать въ явленіяхъ сходство и различіе и распредѣлять пеструю массу существующихъ фактовъ по рубрикамъ и категоріямъ естественной классификаціи.

При изученіи химіи непосредственная работа надъ міромъ дѣйствительныхъ явленій еще болѣе необходима, чѣмъ при изученіи физики. Учиться химіи по книжкѣ безъ лабораторіи все равно, что совсѣмъ ей не учиться. Учиться химіи по книжкѣ—значить заваливать память плохо понятыми научными терминами и формулами. Такія занятія могутъ развить въ учащемся только печальную способность удовлетворяться неполнымъ и неяснымъ пониманіемъ изучаемаго предмета. Вмѣсто того чтобы укрѣплять мыслительную силу, такія занятія могутъ только отучать молодой умъ отъ серьезнаго мышленія.

Проникши въ лабораторію и вступивъ такимъ образомъ на путь опытнаго изслѣдованія, учащійся конечно начинаетъ съ повѣрки тѣхъ простѣйшихъ истинъ, которыя вычитаны имъ изъ первыхъ главъ учебника. Учащійся произво-

дитъ опыты, описанные въ книгѣ, и дѣйствуетъ по указанной программѣ, стараясь держаться къ ней какъ можно ближе; но при этомъ онъ не можетъ дѣйствовать машинально самые простые опыты удаются только въ томъ случаѣ, когда соблюдены всѣ необходимыя условія, и когда все вниманіе экспериментатора съ начала до конца остается постоянно сосредоточеннымъ на производящейся комбинаціи. Учебная книга не можетъ предвидѣть всѣ тѣ мелкія случайности, которыя могутъ помѣшать успѣху даннаго опыта; наткнувшись на неудачу, начинающій экспериментаторъ становится втупикъ, припоминаетъ всѣ мельчайшія подробности своего несостоявшагося опыта и старается отыскать причину неуспѣшнаго окончанія. Повтореніе опыта производится съ усиленной тщательностью; вниманіе учащагося устремляется преимущественно на ту сторону дѣла, въ которой оказалась, по его мнѣнію, оплошность; въ случаѣ новой неудачи начинается новое изслѣдованіе причинъ, и такимъ образомъ, дѣлая ошибки и потомъ отыскивая и исправляя ихъ, экспериментаторъ дополняетъ указанія учебника своими собственными наблюденіями, усвоиваетъ себѣ техническую сноровку своего дѣла и знакомится со всѣми тѣми особенностями различныхъ тѣлъ, которыя такъ или иначе могутъ видоизмѣнить своимъ вліяніемъ окончательные результаты его манипуляцій. Въ то-же время, чѣмъ ближе учащійся знакомится съ тайнами лабораторіи, тѣмъ чаще напрашивается къ нему въ голову соблазнительная мысль свернуть на минуту съ той протоoренной дороги, на которую указываетъ учебникъ, заглянуть мелькомъ въ какой-нибудь неизслѣдованный уголокъ химическаго дѣла и произвести какой-нибудь замѣчательный опытъ. Воображеніе учащагося разыгрывается; ему начинаетъ казаться, что онъ можетъ придумать новую комбинацію, посредствомъ которой ему удастся вырвать у природы одну изъ многихъ ея неразоблаченныхъ тайнъ; онъ приступаетъ къ работѣ съ горячностью, свойственной молодому изслѣдователю, и вдругъ блистательныя надежды смѣняются горькимъ разочарованіемъ; выведенныя заключенія оказываются скороспѣлыми и неосновательными; воздушный замокъ не выдерживаетъ тѣхъ испытаній, черезъ которыя должна быть проведена въ химической лабораторіи каждая привлекательная гипотеза. Юный экспериментаторъ приходитъ къ тому спасительному убѣжденію, что роскошный полетъ воображенія долженъ постоянно регулироваться указаніями трезваго разсудка и правильно понятаго опыта. Онъ не отказывается придумывать новыя комбинаціи; его работа постоянно наталкиваетъ его на новыя гипотезы; но путемъ неудачъ и разочарованій онъ пріучается сдерживать свою фантазію въ должныхъ границахъ и приходитъ понемногу къ тому равновѣсію различныхъ умственныхъ силъ, которое необходимо для успѣшнаго отправленія всякихъ серьезныхъ обязанностей Въ немъ развиваются умственная требовательность и строжайшая добросовѣстность; въ немъ растетъ и крѣпнетъ непреодолимое стремленіе отдавать себѣ самый точный и подробный отчетъ въ каждой мельчайшей особенности своего дѣла; ему становится отвратительнымъ всякое умственное неряшество, всякое неумѣніе или нежеланіе довести мысль до конца, всякое поверхностное геніальничанье, чуждающееся терпѣливаго чернаго труда и удовлетворяющееся кое-какими натянутыми аналогіями и искусственными полудоказательствами.

Чтобы показать, какое упорство въ преслѣдованіи и повѣркѣ своей мысли развивается въ умномъ человѣкѣ подъ вліяніемъ постоянныхъ и усидчивыхъ химическихъ занятій, Добени разсказываетъ въ общихъ чертахъ исторію одного изъ важнѣйшихъ открытій, сдѣланныхъ знаменитымъ химикомъ Деви. Въ настоящее время извѣстно, что электричество вольтова столба разлагаетъ воду на ея составныя части, водородъ и кислородъ. Это открытіе, доказавшее связь между электрическимъ притяженіемъ и химическимъ сродствомъ, далось сэру Гемфри Деви путемъ продолжительныхъ и разнообразныхъ экспериментовъ.

Сначала Деви находилъ постоянно, что къ кислороду разложенной воды примѣшивается кислота, а къ водороду—щелочь и даже известь. Деви предположилъ, что эти постороннія частицы отдѣляются отъ стѣнокъ сосуда и отъ другихъ тѣлъ, приходящихъ въ соприкосновеніе съ разлагаемой водой. Онъ сообразилъ, что стеклянный сосудъ производитъ соду, а хлопчатая бумага, которой были соединены полюсы электрическаго аппарата, порождаетъ соляную кислоту. Тогда вмѣсто стекляннаго сосуда онъ взялъ агатовый, а вмѣсто хлопчатой бумаги — волокна аміанта или горнаго льна. Вода разложилась, но, несмотря на принятыя предосторожности, у положительнаго полюса опять появилась соляная кислота, а у отрицательнаго—сода. Деви повторилъ опытъ много разъ, и всякій разъ получались приблизительно одинаковые результаты. Деви заключилъ, что агатъ разлагается, и замѣнилъ его чистымъ золотомъ. При разложеніи воды щелочь продолжала появляться попрежнему. Тогда Деви подвергнулъ ту воду, которую онъ употребилъ для своихъ экспериментовъ, самому тщательному химическому анализу, несмотря на то, что эта вода была дистиллирована. Въ квартѣ воды оказалось семь десятыхъ грана соляного вещества. Деви еще разъ самымъ тщательнымъ образомъ дистиллировалъ воду въ серебряныхъ сосудахъ,

представляя себѣ, что уже послѣ этой послѣдней операціи неоткуда будетъ взяться никакой посторонней примѣси. Разложивъ воду посредствомъ электрическаго тока, Деви нашелъ однако-же, что попрежнему получаются на обоихъ противоположныхъ полюсахъ кислота и щелочь. Но вмѣсто соды получился амміакъ, а вмѣсто соляной кислоты — селитряная. Тогда Деви остановился на томъ предположеніи, что оба эти вещества составились изъ соединенія азота, заключающагося въ окружномъ воздухѣ, съ обѣими составными частями разложенной воды, т. е. съ кислородомъ и водородомъ. Чтобы провѣрить эту гипотезу, потребовалось еще послѣднее, рѣшительное испытаніе. Надо было отдѣлить воду отъ соприкосновенія съ атмосфернымъ воздухомъ; поэтому Деви произвелъ разложеніе воды въ безвоздушномъ пространствѣ, подъ колоколомъ воздушнаго насоса. А чтобы успѣху опыта не помѣшалъ воздухъ, находящійся въ самой водѣ, Деви до начала разложенія выгналъ изъ нея весь воздухъ посредствомъ тщательнаго кипяченія. Повидимому всѣ причины неудачи были устранены, а между тѣмъ успѣхъ опыта еще разъ оказался неполнымъ: селитряная кислота появилась снова, хотя и въ гораздо меньшихъ доляхъ, чѣмъ при прежнихъ опытахъ. Для Деви такой неполный успѣхъ равнялся полному неуспѣху; никакіе приблизительные результаты не могли его удовлетворить; для него было немыслимо объяснить себѣ вкравшуюся погрѣшность какимъ-нибудь правдопобнымъ предположеніемъ и потомъ успокоиться на этомъ непровѣренномъ предположеніи. Ему надо было во что бы то ни стало устранить погрѣшность и доказать самому себѣ, не путемъ логическихъ выкладокъ и разсужденій, а неопровержимымъ свидѣтельствомъ осязательныхъ фактовъ, что случившаяся погрѣшность обусловливается именно той или другой причиной. Деви объяснилъ себѣ неудачу послѣдняго опыта тѣмъ обстоятельствомъ, что по всей вѣроятности воздухъ недостаточно хорошо былъ вытянутъ изъ подъ того колокола, подъ которымъ производилось разложеніе воды.

Чтобы вполнѣ обезпечить себя съ этой стороны, Деви сначала вытянулъ воздухъ, потомъ наполнилъ колоколъ чистымъ водородомъ и затѣмъ еще разъ опорожнилъ колоколъ самымъ тщательнымъ образомъ. Наконецъ долговременные труды великаго изслѣдователя увѣнчались самымъ полнымъ успѣхомъ. Впродолженіи двадцати четырехъ часовъ подъ рядъ Деви подвергалъ воду, поставленную подъ опорожненный колоколъ, дѣйствію вольтаическаго электричества, и во все это время не получилось ничего, кромѣ чистаго кислорода и чистаго водорода. Самый строгій химическій анализъ не могъ показать ни малѣйшихъ слѣдовъ щелочи и кислоты, которыя такъ долго преслѣдовали неутомимаго экспериментатора.

Мы не будемъ распространяться о научномъ значеніи того опыта, который такъ долго не удавался геніальному изслѣдователю. Для насъ въ настоящую минуту интересна только психологическая сторона разсказаннаго эпизода. Для насъ важенъ преимущественно тотъ комплектъ умственныхъ привычекъ, тотъ строй умственной выдержки или дисциплины, тотъ колоритъ отношеній человѣка къ своему труду, который обнаруживается съ поразительной яркостью въ этомъ величественномъ столкновеніи и въ этой глубоко драматической борьбѣ анализирующей мысли съ слѣпыми силами матеріи, подчиненными на вѣчныя времена незыблемымъ и ненарушимымъ законамъ.

Мы привыкли называть геніями тѣхъ людей, которые сдѣлали какое-бы то ни было важное открытіе въ области науки Та идея, которую мы связываемъ со словомъ *геній*, состоитъ, по нашему мнѣнію, изъ двухъ главныхъ и существенно различныхъ элементовъ. Во-первыхъ, чтобы изъ разсмотрѣнія и сличенія такихъ фактовъ, которые находятся передъ глазами у цѣлой толпы изслѣдователей, вывести такую идею, которая не приходила въ голову ни одному изслѣдователю, надо обладать необыкновенной силой умственныхъ способностей. Эта сила по всей вѣроятности родится вмѣстѣ съ человѣкомъ и не можетъ быть привита никакимъ воспитаніемъ, какъ бы оно ни было раціонально устроено. Но эта сила сама по себѣ недостаточна для того, чтобы превратить остроумную и привлекательную гипотезу въ общепризнанную научную истину. Блестящія гипотезы сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія ни въ наукѣ, ни въ практической жизни; онѣ каждый день возникаютъ и лопаются, какъ мыльные пузыри, не оставляя послѣ себя никакого прочнаго слѣда, и авторы ихъ считаются совсѣмъ не геніями, а только остроумными фантазерами, если у нихъ недостаетъ знаній, умѣнія и терпѣнія на то, чтобы защитить свою идею противъ всевозможныхъ сомнѣній, возраженій и опроверженій. Наткнувшись на счастливую идею, человѣкъ долженъ доказать ея вѣрность себѣ и другимъ. Чтобы серьезно доказывать какую-бы то ни было новую и оригинальную мысль, и чтобы этими доказательствами одержать побѣду надъ всѣми ея противниками,—надо собирать факты, надо разсматривать ихъ съ той или другой стороны, надо подвергать ихъ тому или другому освѣщенію, надо изучать и критиковать ихъ; словомъ, надо трудиться много и долго, терпѣливо и послѣдовательно, со смысломъ и съ знаніемъ дѣла. Это умѣнье трудиться и бороться за идею составляетъ второй необходимый элементъ геніаль-

ности, и этотъ второй элементъ можетъ быть пріобрѣтенъ посредствомъ разумнаго и цѣлесообразнаго воспитанія каждымъ здоровымъ и неглупымъ человѣкомъ. Если человѣкъ съ молодыхъ лѣтъ занимается такимъ дѣломъ, въ которомъ каждый шагъ впередъ требуетъ хладнокровія и терпѣнія, и если это дѣло привязываетъ къ себѣ человѣка, то можно сказать навѣрное, что этотъ человѣкъ скоро выучится размышлять и дѣйствовать хладнокровно и терпѣливо. Если человѣкъ изучаетъ серьезно и съ любовью такую науку, которая во всѣхъ своихъ подробностяхъ можетъ служить образцомъ и школой послѣдовательнаго и осмотрительнаго мышленія, то навѣрное этотъ человѣкъ, самъ того не замѣчая, подчинится дисциплинирующему дѣйствію этой любимой науки, и на всю жизнь внесетъ въ міръ собственной мысли ту послѣдовательность и ту осмотрительность, съ которыми онъ освоился въ сферѣ своихъ научныхъ занятій.

Съ одной стороны не трудно понять, что громадный умъ, не выдрессированный основательнымъ научнымъ образованіемъ, не выдержанный въ школѣ строгаго и точнаго мышленія, не закаленный въ привычкахъ къ упорному и отчетливому труду, останется въ большей части случаевъ яркимъ, но безплоднымъ явленіемъ: изъ такого громаднаго ума выработается по всей вѣроятности блестящій диллетантъ, который пробѣжитъ черезъ всѣ области человѣческаго знанія, набросаетъ въ каждую изъ нихъ по нѣскольку остроумныхъ гипотезъ и ни на одной изъ этихъ областей не остановится для того, чтобы оплодотворить ту или другую изъ нихъ усидчивымъ и послѣдовательнымъ трудомъ. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что обыкновенный умъ, усвоившій себѣ хорошіе пріемы и навыки, можетъ работать съ успѣхомъ и съ пользою на всѣхъ поприщахъ научной и практической дѣятельности. Если два послѣднія соображенія будутъ признаны вѣрными, то надо будетъ согласиться, что изъ двухъ составныхъ элементовъ геніальности второй, тотъ, который пріобрѣтается воспитаніемъ, важнѣе перваго, то есть того, который дается самой природой.

Еслибы мы даже, принимая въ разсчетъ ту скупость, съ которой природа производитъ геніальныхъ людей, пришли къ тому убѣжденію, что первый элементъ драгоцѣннѣе второго, то и въ этомъ случаѣ мы все-таки должны былибы признаться, что въ практическомъ отношеніи второй важнѣе перваго. Понятно—почему. Мы до сихъ поръ не имѣемъ подъ руками такихъ мѣръ, посредствомъ которыхъ мы могли-бы увеличить число счастливыхъ рожденій, дающихъ міру геніальныхъ дѣтей. Напротивъ того, мы уже знаемъ достовѣрно по теоретическимъ соображеніямъ и по многократнымъ опытамъ, что извѣстная система умственныхъ занятій развиваетъ въ человѣкѣ всѣ тѣ свойства и привычки, которыя одинаково необходимы для общеполезной дѣятельности и генію, и обыкновенному здоровому уму. Поэтому всѣ наши размышленія о необходимости перваго элемента не заставятъ насъ принять никакого практическаго рѣшенія. Напротивъ того, когда мы убѣдимся въ необходимости второго элемента, и когда мы поймемъ, что этотъ второй элементъ необходимъ для всей массы размышляющихъ людей,—тогда мы всей тяжестью просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія склонимся на сторону тѣхъ воспитывающихъ научныхъ занятій, посредствомъ которыхъ въ человѣкѣ развивается съ ранней молодости способность къ добросовѣстному мышленію, къ упорному и отчетливому изслѣдованію и къ терпѣливому труду.

«Я,—говоритъ Добени, окончивъ свой разсказъ объ открытіи Деви,—тѣмъ болѣе былъ расположенъ остановиться на этомъ особомъ родѣ изслѣдованія, что здѣсь философскій характеръ сэра Гемфри Деви представляется далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его обыкновенно разсматриваютъ поверхностные наблюдатели. Онъ является здѣсь не такой личностью, которая внезапнымъ внушеніемъ своего генія схватывала сразу блестящія открытія, производившія переворотъ въ цѣлой наукѣ, а, напротивъ того,—такимъ дѣятелемъ, который долгимъ и многотруднымъ путемъ изслѣдованія доходилъ до осуществленія мечты, представившейся сначала въ неясныхъ очеркахъ его могучему уму.»

«Если мы признаемъ, что двумя важнѣйшими услугами, оказанными этимъ великимъ мыслителемъ его любимой наукѣ, были: открытіе щелочныхъ и землистыхъ основаній и исправленіе нашихъ взглядовъ на сущность хлорина, — первое, какъ важнѣйшій вкладъ его въ область научныхъ фактовъ, а второе, какъ важнѣйшее усовершенствованіе, сдѣланное имъ въ логикѣ науки,—то мы найдемъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ результаты были добыты очень терпѣливымъ изслѣдованіемъ, многими мелкими и повидимому пустыми минипуляціями и такой настойчивостью въ стремленіи къ цѣли, которую не могли побѣдить никакія препятствія, усѣевавшія на каждомъ шагу его путь.

«Учащемуся полезно получить во-время то указаніе, что таковъ обыкновенно удѣлъ генія, не только тогда, когда онъ посвящаетъ свои силы наукѣ, но и тогда, когда онъ работаетъ въ какой-нибудь другой отрасли умственной дѣятельности; это правило одинаково подтверждается примѣрами Деви и Либиха, или примѣрами Фокса и Шеридана. Въ силу закона, господствующаго надъ нашей физической природой, мы можемъ переваривать, уподоблять и комбинировать съ большей или меньшей лег-

костью матеріалы, находящіеся у насъ подъ рукою, но мы не можемъ создавать ихъ въ точномъ смыслѣ этого слова; такъ точно ни одинъ умъ, какъ-бы онъ ни былъ могучъ, ни одно воображеніе, какъ-бы оно ни было плодовито, не могутъ идти съ успѣхомъ къ какой-бы то ни было хорошей цѣли, если они не пользуются въ обширныхъ размѣрахъ запасами знаній, собранныхъ другими людьми, и если они не располагаютъ умственнымъ фондомъ, составленнымъ изъ собственныхъ опытовъ и наблюденій.»

Доказавъ пользу химіи, какъ образовательнаго средства, Добени дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о значеніи химіи въ ряду другихъ естественныхъ наукъ и о необходимости знать химію для того, чтобы изучать жизнь растеній и животныхъ, и для того, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя совершались и совершаются постоянно на поверхности земного шара. Далѣе Добени говоритъ о тѣхъ практически полезныхъ свѣдѣніяхъ, которыя химія можетъ дать людямъ, стоящимъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Затѣмъ Добени пускается въ общія размышленія о той системѣ образованія, которая господствуетъ въ Англіи.

«Кто находитъ,—говоритъ онъ,—что дѣтей слѣдуетъ учить только тому, что̀ было сказано и сдѣлано другими людьми, — для того примѣръ китайцевъ можетъ служить поучительнымъ предостереженіемъ. Мы здѣсь видимъ націю, отодвинувшуюся назадъ на пути цивилизаціи вслѣдствіе того, что она полагалась исключительно на мудрость своихъ предковъ, слѣдовала въ техническомъ производствѣ тѣмъ правиламъ, которыя были ей переданы изъ далекаго прошедшаго, и посвящала большую часть своихъ ученыхъ досуговъ изученію всѣхъ тонкостей такого языка, которому повидимому можно выучиться вполнѣ только проработавши надъ нимъ цѣлую жизнь.

«Надо впрочемъ отдать справедливость этому народу въ томъ отношеніи, что онъ лучше другихъ націй можетъ оправдать свое пристрастіе къ стариннымъ понятіямъ и обычаямъ. Задолго до того времени, когда Европа вышла изъ варварства, Китай обладалъ искусствомъ книгопечатанія, порохомъ и компасомъ, его жители одѣвались въ шелкъ, что̀ считалось у насъ царственной роскошью даже во времена королевы Елисаветы, довели до совершенства обработку фарфора и поставили на высокую степень развитія земледѣліе и многія отрасли промышленности. Обширная Китайская имперія пользовалась патріархальнымъ управленіемъ; у нея была аристократія, основанная исключительно на разумномъ принципѣ интеллектуальнаго превосходства, засвидѣтельствованнаго публичными состязаніями; въ этой имперіи существовала полная система внутреннихъ сообщеній посредствомъ дорогъ и каналовъ; и былъ составленъ сводъ законовъ, который, даже съ нашей теперешней точки зрѣнія, оказывается проникнутымъ, по мнѣнію компетентныхъ судей, практическимъ благоразуміемъ и европейскимъ здравомысліемъ. Слѣдуетъ-ли удивляться тому, что, окруженный ордами простыхъ дикарей, и не получая никакихъ благопріятныхъ свѣдѣній о болѣе отдаленныхъ націяхъ, Китай воспиталъ въ себѣ преувеличенное уваженіе къ своему матеріальному и умственному превосходству и вообразилъ себѣ, будто-бы при его высокомъ положеніи перемѣны составляютъ единственную опасность, отъ которой должно остерегаться?—И между тѣмъ послѣ десяти вѣковъ застоя какое зрѣлище представляетъ намъ эта нація? Народонаселеніе изнѣженное и униженное, стоящее позади насъ даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыми оно преимущественно гордится, и неспособное усвоить себѣ въ какихъ-бы то ни было размѣрахъ изобрѣтенія другихъ народовъ; обезьянье племя, грязное и чувственное;—и классъ педантовъ, равнодушныхъ ко всякой отвлеченной наукѣ и способныхъ интересоваться только тѣми подробностями, которыя обѣщаютъ какую-нибудь осязательную и непосредственную выгоду. Я конечно не имѣю намѣренія сравнивать философію Конфуція съ философіей Аристотеля или литературныя произведенія монгольской націи съ созданіями, порожденными высшимъ умственнымъ типомъ, до котораго когда-либо возвышалось человѣчество. Но дурныя послѣдствія, на которыя я указывалъ, произошли, какъ мнѣ кажется, не отъ низкаго достоинства тѣхъ образцовъ, съ которыхъ китайцы производили копіи, а отъ ихъ рабскаго подчиненія этимъ образцамъ.»

Это указаніе на примѣръ китайцевъ тѣмъ болѣе выразительно и поучительно что его дѣлаетъ профессоръ Оксфордскаго университета, знаменитѣйшаго разсадника тѣхъ идей и стремленій, благодаря которымъ Англія рискуетъ уподобиться Китаю. Въ лекціи Тиндалля мы уже видѣли выраженіе той-же идеи, которую здѣсь развиваетъ Добени. Тиндалль также протестовалъ очень громко противъ подобострастныхъ отношеній къ мудрости далекаго прошедшаго. Тотъ-же мотивъ проходитъ, какъ мы увидимъ ниже, черезъ всѣ замѣчательнѣйшія лекціи, собранныя въ книгѣ Юманса.

«Защитники чисто классическаго образованія,—говоритъ далѣе Добени —упускаютъ изъ виду нѣкоторыя соображенія, помимо которыхъ трудно добраться до правильнаго заключенія по такому предмету.

«Во-первыхъ, какъ я уже замѣтилъ, желательно воспитывать и развивать способность

тщательно наблюдать, ясно понимать и правильно классифицировать встрѣчающіеся предметы. Всѣ эти дарованія всего лучше могутъ быть развиваемы въ ранній періодъ жизни, и ничто не можетъ развернуть ихъ такъ полно, какъ курсъ химическаго изученія.

«Во-вторыхъ, тѣ многія неотразимыя вліянія, которыя принуждаютъ учащагося окунуться въ дѣятельную жизнь тотчасъ послѣ выхода изъ школы или университета, часто мѣшаютъ ему усвоить себѣ сколько-нибудь здравыя понятія о физической наукѣ, если эта наука не входитъ въ составъ его школьнаго образованія.

«Наконецъ очень значительная часть человѣчества по складу своего ума неспособна заниматься науками, преподаваемыми въ нашихъ университетахъ, съ тѣмъ успѣхомъ, который требуется для того, чтобы эти занятія могли принести ожидаемую отъ нихъ пользу.

«Въ учебномъ заведеніи, предназначенномъ для воспитанія юношества цѣлой страны, какъ-бы высоко ни поднимались требованія, дающія права на отличіе, во всякомъ случаѣ уровень общеобязательныхъ требованій долженъ стоять низко; между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что большинство молодыхъ людей, учащихся въ университетѣ, дойдя до этого общеобязательнаго уровня безъ малѣйшихъ усилій, нисколько не старается идти дальше и подниматься выше.

«И это равнодушіе съ ихъ стороны не должно быть приписано ни отсутствію доброй воли, ни недостатку умственныхъ способностей, потому что эти-же самые люди въ своей послѣдующей жизни обнаруживаютъ большую рачительность и значительное здравомысліе въ качествѣ приходскихъ священниковъ, или должностныхъ лицъ, или даже членовъ законодательнаго собранія. Ихъ прежняя умственная апатія въ отношеніи ко всѣмъ академическимъ занятіямъ происходила, какъ я думаю, въ значительной степени оттого, что они были неспособны углубляться въ философію древняго міра или привязываться душой къ его ораторамъ, историкамъ или поэтамъ.

«Если съ этой неспособностью къ литературнымъ занятіямъ соединяется одинаковое нерасположеніе къ отвлеченному изученію или къ высшимъ отраслямъ математики, то всякій легко пойметъ, что такіе юноши мало подвинутся впередъ съ того пункта, на которомъ они остановились въ школѣ, и что время, которое они проведутъ въ университетѣ, будетъ потрачено преимущественно на охоту, рыбную ловлю и другія еще менѣе полезныя забавы.

«Людямъ такого умственнаго склада особенно полезно изученіе опытныхъ наукъ, потому что сильно практическія стремленія ихъ умовъ, мѣшающія имъ предаваться съ успѣхомъ главнымъ университетскимъ занятіямъ, дѣлаютъ ихъ преимущественно способными наблюдать явленія природы и кромѣ того въ большей части случаевъ оказываются сопряженными съ той сообразительностью и проницательностью, которыя необходимы для истолкованія подмѣченныхъ фактовъ.»

V.

Теперь мы перейдемъ въ область біологіи, то есть будемъ объяснять по тѣмъ матеріаламъ, которые даетъ книга Юманса, образовательное вліяніе тѣхъ наукъ, которыя занимаются явленіями органической природы. Всѣ живые организмы, существующіе на земномъ шарѣ, распадаются, какъ извѣстно, на два огромныя царства,—растительное и животное. Первымъ изъ этихъ двухъ царствъ занимается ботаника, вторымъ—зоологія. Въ обѣихъ этихъ наукахъ, находящихся въ тѣснѣйшемъ родствѣ между собой, господствуютъ одни и тѣ-же методы изслѣдованія; знаніе обѣихъ наукъ одинаково необходимо всякому, кто желаетъ имѣть сколько-нибудь отчетливое понятіе о томъ, что̀ совершается въ природѣ, вокругъ него и въ немъ самомъ. Поэтому доказывать отдѣльно сначала важность ботаники, потомъ важность зоологіи—значило-бы впадать въ неизбѣжныя повторенія, очень утомительныя и нисколько неубѣдительныя для читателя.

Въ книгѣ Юманса четыре лекціи (Генри—о ботаникѣ, Гексли — о зоологіи, Паджета — о физіологіи и самого Юманса—объ изученіи человѣка) посвящены защитѣ біологическихъ наукъ противъ тѣхъ застарѣлыхъ предубѣжденій, которыя до сихъ поръ поддерживаются даже въ Англіи непризванными руководителями общественнаго мнѣнія,—людьми, посѣдѣвшими надъ словарями и грамматиками и старающимися убѣдить себя и другихъ въ томъ, что трудъ цѣлой ихъ жизни принесъ очень много пользы ихъ соотечественникамъ. Защитники естествознанія говорятъ самымъ скромнымъ и умѣреннымъ тономъ; всѣ они, наперерывъ другъ передъ другомъ, свидѣтельствуютъ свое глубокое уваженіе тѣмъ чисто литературнымъ занятіямъ, которыя до сихъ поръ господствовали въ англійскихъ школахъ и коллегіяхъ; и всѣ они только позволяютъ себѣ замѣтить, что преобладаніе классическихъ языковъ и литературъ черезъ-чуръ исключительно, и что не мѣшало-бы отвести уголъ для... для чего-же именно?.. тутъ каждый изъ адвокатовъ произноситъ имя той науки, которую онъ защищаетъ, и не говоритъ ни слова о тѣхъ наукахъ, которыя защищаются его товарищами. Вслѣдствіе этого каждое требованіе, взятое отдѣльно,

кажется очень скромнымъ и удобоисполнимымъ. Отчего-бы въ самомъ дѣлѣ не ввести въ училище преподаваніе ботаники въ размѣрѣ двухъ-трехъ уроковъ въ недѣлю, не стѣсняя для этого новаго учебнаго предмета ни греческую грамматику, ни переводы съ латинскаго на греческій, ни сочиненіе латинскихъ стиховъ? Но бѣда состоитъ въ томъ, что если одно требованіе покажется вамъ законнымъ, то и другое, и третье, и четвертое требованія точно также покажутся вамъ основательными и разумными. Если вы убѣдитесь тѣми доказательствами, которыя приводятся въ пользу ботаники, то вамъ нечего будетъ возразить адвокатамъ физики, химіи, физіологіи и зоологіи. Если вы отворите дверь одной отрасли естествознанія, то въ эту дверь надо будетъ впустить и всѣ остальныя отрасли, потому что всѣ естественныя науки находятся въ тѣсной связи между собой и постоянно опираются одна на другую.

Поэтому скромность тѣхъ требованій, которыя высказываются англійскими натуралистами, никого не должна вводить въ заблужденіе. Совокупность этихъ требованій клонится положительно къ полному и самому радикальному перевороту въ той системѣ общаго образованія, которая господствовала въ Англіи со временъ реформаціи.

Какъ ботаника, такъ и зоологія распадаются на двѣ главныя части—абстрактную и конкретную. Первая занимается изслѣдованіемъ общихъ законовъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются жизненныя отправленія всѣхъ растеній и всѣхъ животныхъ. Вторая занимается описаніемъ частныхъ явленій, то есть тѣхъ формъ, въ которыхъ выражается на земномъ шарѣ растительная и животная жизнь и въ которыхъ проявляется дѣйствіе общихъ законовъ, открытыхъ абстрактной частью науки.

Абстрактная часть обоихъ главныхъ отдѣловъ біологіи въ свою очередь распадается на три части.

Первая изъ нихъ, *морфологія* или *анатомія*, занимается обобщеніями, законами или принципами, относящимися къ формѣ или организаціи растеній и животныхъ. Вторая, *физіологія*, занимается обобщеніями, законами или принципами, относящимися къ тѣмъ процессамъ, которыхъ совокупность образуетъ жизнь растеній и животныхъ. Третья, *таксономія*, занимается принципами классификаціи растеній и животныхъ.

Какимъ образомъ производятся изслѣдованія въ области морфологіи—это показываетъ очень наглядно Гексли въ своей лекціи объ изученіи зоологіи. Гексли беретъ морского рака, разсматриваетъ его и обращаетъ вниманіе слушателей на тотъ общеизвѣстный фактъ, что такъ называемый хвостъ рака состоитъ изъ шести отдѣльныхъ твердыхъ колецъ и изъ седьмой вѣерообразной оконечности. Отдѣливъ отъ этого хвоста одно изъ колецъ, Гексли замѣчаетъ, что къ его нижней поверхности прикрѣплена пара члениковъ, и что каждый изъ нихъ состоитъ изъ трехъ частей, связанныхъ между собою суставами. Разсматривая каждое кольцо отдѣльно, Гексли убѣждается въ томъ, что всѣ они устроены одинаково: къ каждому кольцу прикрѣплено по два членика, и каждый членикъ заключаетъ въ себѣ три отдѣльныя части. Если мы возьмемъ напримѣръ второе кольцо хвоста, то, разсматривая отдѣльно всѣ части этого кольца, мы можемъ найдти строго соотвѣтствующія имъ части въ третьемъ, четвертомъ или пятомъ кольцѣ. Эти части, взаимно соотвѣтствующія другъ другу, называются на языкѣ анатомовъ *гомологичными* частями. Если мы попробуемъ сравнить второе кольцо съ шестымъ, то мы замѣтимъ между ними значительное сходство и въ то-же время нѣкоторое различіе. Самыя кольца очень похожи другъ на друга, и каждое изъ нихъ снабжено парой члениковъ, состоящихъ изъ трехъ отдѣленій; но въ шестомъ кольцѣ первое отдѣленіе каждаго членика укорочено и утолщено, а послѣднія два отдѣленія расширены и сплющены. Почти такіе-же результаты даетъ намъ сравненіе среднихъ колецъ съ первымъ кольцомъ, примыкающимъ прямо къ грудному щиту рака. Рядъ этихъ простыхъ наблюденій, доступныхъ каждому зрячему человѣку, приводитъ насъ къ тому предположенію, что хвостъ рака составленъ изъ нѣсколькихъ кусковъ, въ которыхъ одинаковый основной планъ подвергается различнымъ измѣненіямъ. Отъ хвоста изслѣдователь переходитъ къ передней части тѣла. Съ перваго взгляда трудно найдти какое-нибудь сходство между сплошнымъ щитомъ, покрывающимъ голову и грудь животнаго, и хвостомъ, составленнымъ изъ семи отдѣльныхъ кусочковъ. Затрудненіе еще болѣе увеличивается, когда изслѣдователь, поворотивъ рака брюхомъ вверхъ, видитъ, что къ нижней поверхности его тѣла прикрѣплены сначала длинные усы или щупальца, потомъ шесть паръ челюстей, окружающихъ собою ротъ животнаго, и наконецъ пять паръ ногъ, изъ которыхъ передняя пара заканчивается большими клешнями. Повидимому нѣтъ возможности отыскать въ этой сложной системѣ разнообразныхъ органовъ рядъ колецъ, снабженныхъ парами трехъ суставчатыхъ члениковъ. Однакожъ, отдѣляя отъ тѣла животнаго его ноги, изслѣдователь замѣчаетъ, что каждая пара прикрѣплена къ ясно обозначенному отрѣзку на нижней поверхности щита. Вглядываясь въ эту нижнюю поверхность, изслѣдователь убѣждается въ томъ, что она составилась изъ сліянія нѣсколькихъ отдѣльныхъ колецъ. Разсматривая отдѣльно каждую

пару ногъ, усовъ или челюстей, изслѣдователь видитъ, что всѣ эти члены составлены по тому же основному плану, который былъ подмѣченъ въ члеиикахъ, прикрѣпленныхъ къ нижней поверхности хвоста. Въ концѣ концовъ получается тотъ результатъ, что тѣло рака составлено изъ двадцати колецъ, то есть, что на каждую пару членовъ приходится по одному кольцу; изъ этихъ двадцати колецъ шесть заднихъ остаются свободными и подвижными, а четырнадцать переднихъ сростаются наглухо, такъ что ихъ верхнія части образуютъ сплошной щитъ, въ которомъ не видно уже никакихъ швовъ или спаекъ.

Но какимъ путемъ можно доказать, что все это дѣйствительно правда, и что планъ, подмѣченный изслѣдователемъ въ организаціи морского рака, не навязанъ природѣ досужей фантазіей самого же изслѣдователя? Если давать волю такимъ предположеніямъ, что въ одномъ мѣстѣ кое-что прибавлено, а въ другомъ убавлено, а въ третьемъ измѣнено,—то можно будетъ безъ особеннаго труда, подмѣтить въ чемъ угодно какой угодно основной планъ. Чтобы этотъ будто-бы подмѣченный планъ имѣлъ сколько-нибудь серьезное научное значеніе, надо сначала доказать, что природа дѣйствительно строитъ по этому плану, то есть, что всѣ различные органы рака дѣйствительно выработались изъ колецъ, снабженныхъ парными члениками! Словомъ, анатомъ долженъ обратиться къ исторіи развитія или къ эмбріологіи, чтобы отыскать надежное подтвержденіе тѣмъ заключеніямъ, которыя добыты путемъ разсматриванія и разсѣченія взрослыхъ животныхъ.

Обращаясь къ фактамъ эмбріологіи, изслѣдователь находитъ, что ракъ сначала былъ яйцомъ, полужидкой массой желтка, заключенной въ прозрачную оболочку; въ этой каплѣ желтка, которая по величинѣ своей едва равнялась булавочной головкѣ, не видно было ни малѣйшихъ признаковъ тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ органовъ, которыми одарено взрослое животное. Черезъ нѣсколько времени на одной сторонѣ желтка появилось крошечное накопленіе клѣточекъ, которое постепенно разрослось и начало дѣлиться поперечными полосками на кусочки. Эти кусочки сдѣлались основой будущихъ колецъ; на нижней поверхности каждаго изъ этихъ кусочковъ появилось по двѣ бородавки, изъ которыхъ начали развиваться будущіе членики. Сначала всѣ эти членики совершенно похожи другъ на друга, но чѣмъ дальше идетъ процессъ развитія, тѣмъ болѣе они расходятся между собою до тѣхъ поръ, пока наконецъ они пріобрѣтаютъ свою окончательную форму, причемъ также переднія кольца или кусочки сливаются и сростаются въ одинъ сплошной щитъ.

Морфологическія наблюденія, подтвержденныя такимъ образомъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ эмбріологіи, дѣлаются основаніемъ классификаціи. Принимая того-же морского рака за исходную точку своихъ изслѣдованій надъ животнымъ царствомъ, зоологъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя животныя очень похожи на рака, другія менѣе похожи, третьи еще менѣе, и такъ далѣе, пока наконецъ онъ доберется до такихъ животныхъ, которыя совершенно не похожи на рака или, вѣрнѣе, имѣютъ съ нимъ только тѣ общіе признаки, которыми всякое животное отличается отъ растенія. Изъ животныхъ, очень сходныхъ между собою, составляется тѣсная группа, называемая родомъ; нѣсколько родовъ, имѣющихъ значительное количество общихъ признаковъ, составляютъ семейство; изъ нѣсколькихъ семействъ, болѣе сходныхъ между собою, чѣмъ съ другими семействами, образуется порядокъ, а изъ нѣсколькихъ порядковъ составляется классъ.

Сравнивая различныя животныя формы съ морскимъ ракомъ и собирая въ одну группу сходныя и родственныя явленія, натуралистъ составляетъ себѣ наконецъ понятіе о классѣ скорлуповатыхъ или ракообразныхъ животныхъ. Онъ сравниваетъ этотъ классъ съ другими классами и замѣчаетъ, что нѣкоторые классы имѣютъ съ нимъ больше сходства, чѣмъ другіе. Эти болѣе сходные классы, — насѣкомыя, пауки, многоножки, — включаются вмѣстѣ съ ракообразными въ обширную область членистыхъ или суставчатыхъ животныхъ. Наконецъ эти членистыя животныя вмѣстѣ съ червями и глистами входятъ въ составъ еще болѣе обширной группы, такъ называемаго подцарства кольчатыхъ (Annulosa).

Это составленіе группъ, соподчиненныхъ другимъ, болѣе обширнымъ группамъ, которыя въ свою очередь соединяются въ другія еще болѣе обширныя группы, совершенно необходимо для того, чтобы изслѣдователь не растерялся въ безконечномъ разнообразіи единичныхъ явленій, и чтобы онъ могъ окинуть общимъ взглядомъ все поле своей науки.

Для этого составленія группъ, кромѣ морфологическихъ или анатомическихъ наблюденій, необходимы еще и физіологическія изслѣдованія. Гексли показываетъ примѣръ физіологическихъ изслѣдованій надъ тѣмъ-же морскимъ ракомъ, который уже послужилъ ему исходной точкой для морфологическихъ и таксономическихъ соображеній. «Еслибы,—говоритъ Гексли,— мы подстерегли это животное въ его природной стихіи, мы бы увидѣли, что оно дѣйствительно карабкается своими сильными ногами по затопленнымъ утесамъ, среди которыхъ оно любитъ жить, или что оно плаваетъ, сильно ударяя воду своимъ большимъ хвостомъ, котораго око-

нечность распущена въ видѣ вѣерообразнаго весла; схватите его, и вы увидите, что его большія клешни служатъ ему такимъ наступательнымъ оружіемъ, которое не можетъ быть оставлено безъ вниманія; повѣсьте передъ нимъ кусокъ мяса, и оно жадно начнетъ ѣсть это мясо, раздирая и размельчая его своими многочисленными челюстями. Положимъ, что мы знали нашего рака только какъ безжизненную массу, какъ органическій кристаллъ — если мнѣ позволено будетъ употребить такое выраженіе,— и что вдругъ мы увидѣли съ его стороны проявленіе всѣхъ этихъ способностей: какія удивительно новыя идеи и новые вопросы возникли бы по этому случаю въ нашихъ умахъ! Великій новый вопросъ сложился-бы такъ: «какимъ образомъ все это происходитъ?» Главнѣйшей изъ новыхъ идей оказалась-бы идея приноровленія къ цѣли, понятіе о томъ, что на составныя части животныхъ тѣлъ слѣдуетъ смотрѣть не какъ на безсвязные куски, а какъ на орудія, работающія вмѣстѣ и выполняющія извѣстную задачу. Посмотримъ еще разъ на хвостъ рака съ этой новой точки зрѣнія. Морфологія научила насъ тому, что этотъ хвостъ—рядъ сегментовъ, составленныхъ изъ гомологичныхъ частей, подвергнувшихся различнымъ видоизмѣненіямъ, подъ которыми и сквозь которыя можно различить общій планъ строенія. Но если я посмотрю на ту-же часть съ физіологической точки зрѣнія, я увижу, что этотъ хвостъ—превосходно устроенное орудіе движенія посредствомъ котораго животное можетъ быстро подвигаться впередъ и назадъ. Но какимъ образомъ пускается въ ходъ эта замѣчательная двигательная машина? Еслибы я вдругъ убилъ одно изъ этихъ животныхъ и вынулъ изъ него всѣ мягкія части, я-бы нашелъ, что скорлупа сдѣлалась совершенно безжизненной и что она потеряла всякую способность двигаться, такъ точно, какъ ее потеряетъ мельничная механика, когда разорвана ея связь съ паровой машиной или съ водянымъ колесомъ. Но еслибы я вскрылъ рака и вынулъ изъ него внутренности, оставляя нетронутымъ бѣлое мясо, я-бы замѣтилъ, что ракъ попрежнему можетъ сгибаться и вытягивать хвостъ. Еслибы я отрѣзалъ хвостъ, я-бы пересталъ замѣчать въ немъ какія бы то ни было произвольныя движенія; но еслибы я ущипнулъ частицу мяса, я бы замѣтилъ въ немъ очень любопытное измѣненіе — каждая фибра сдѣлалась-бы короче и толще. Этимъ актомъ сокращенія тѣ части, къ которымъ прикрѣплены оконечности фибры, конечно сближаются между собою, и, смотря по отношеніямъ ихъ точекъ прикрѣпленія къ центрамъ движенія различныхъ колецъ, хвостъ сгибается или вытягивается. Тщательныя наблюденія надъ только-что вскрытымъ ракомъ показали-бы, что всѣ его движенія происходятъ отъ той-же самой причины, отъ сокращенія и утолщенія этихъ мясныхъ волоконъ, которыя обозначаются техническимъ именемъ мускуловъ. Тутъ мы, стало быть, имѣемъ капитальный фактъ. Движенія рака обусловливаются сокращаемостью мускуловъ. Но почему мускулъ сокращается именно въ эту минуту, а не въ другую? Почему цѣлая группа мускуловъ сокращается тогда, когда ракъ хочетъ вытянуть хвостъ, а другая—тогда, когда онъ хочетъ согнуть его? Что порождаетъ, направляетъ и контролируетъ двигательную силу? Опытъ,—великое орудіе, которымъ добывается истина въ естественныхъ наукахъ, отвѣчаетъ за насъ на этотъ вопросъ. Въ головѣ рака лежитъ маленькій кусокъ той особенной ткани, которая называется нервнымъ веществомъ. Нити подобнаго вещества соединяютъ этотъ мозгъ рака съ мускулами прямо или косвенно. Если эти соединяющія нити будутъ перерѣзаны, а мозгъ останется нетронутымъ, то способность производить такъ называемыя произвольныя движенія уничтожится въ тѣхъ частяхъ, которыя лежатъ ниже разрѣза; и съ другой стороны, если нити останутся неприкосновенными, а мозгъ будетъ уничтоженъ, то способность произвольныхъ движеній также исчезнетъ. Откуда выходитъ то неизбѣжное заключеніе, что сила, порождающая эти движенія, сосредоточена въ мозгу и распространяется вдоль по нервнымъ нитямъ.»

Мы видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ тотъ путь, по которому производятся въ обѣихъ областяхъ біологической науки морфологическія, таксономическія и физіологическія изслѣдованія. Теперь не трудно будетъ отвѣчать на вопросъ: почему, насколько и въ какомъ отношеніи полезно знакомить учащихся съ этими изслѣдованіями?

Всѣ эти изслѣдованія производятся посредствомъ наблюденія и опыта. Чтобы сдѣлать хорошее наблюденіе, надо видѣть все то и только то, что́ дѣйствительно находится въ данномъ случаѣ передъ глазами наблюдателя. Повидимому это очень легко, но на самомъ дѣлѣ это очень трудно. «Заблужденія,—говоритъ американскій ученый, Томасъ Гилль,—происходятъ въ свѣтѣ не столько отъ нелогическаго размышленія, сколько отъ невѣрнаго наблюденія и невнимательнаго слушанія. Ясно показывающій и умный свидѣтель, который можетъ объяснить точно, что́ именно онъ видѣлъ, и который видѣлъ все, что́ стоило видѣть, который можетъ пересказать отчетливо все, что́ онъ слышалъ, и который слышалъ все, что́ было при немъ сказано, встрѣчается рѣже, чѣмъ хорошій юристъ или судья. Большинство людей видятъ столько-же своимъ предрасположеннымъ воображеніемъ, сколько своими гла-

зами, и не знаютъ, какъ отдѣлить свои собственныя фантазіи или свое ошибочное истолкованіе факта отъ самаго факта, подлежавшаго наблюденію. Медики рѣдко могутъ получить отъ больного описаніе его ощущеній, не смѣшанное съ его собственными теоріями, относящимися къ причинамъ этихъ ощущеній; юристы почти никогда не получаютъ отчета о томъ, что̀ дѣлалъ человѣкъ, безъ примѣси догадокъ о побудительныхъ причинахъ его поступковъ; ученые люди знаютъ очень хорошо, что народное показаніе о какомъ бы то ни было мелкомъ явленіи совершенно недостовѣрно. Словомъ, мы оказали-бы большую услугу наукѣ, искусству, юриспруденціи, терапіи, литературѣ, и всему умственному и нравственному положенію общества, еслибы мы могли воспитать поколѣніе людей, которые умѣли и желали-бы тщательно и добросовѣстно пользоваться своими пятью чувствами и давать вѣрные отчеты о ихъ свидѣтельствѣ.»

Почти то-же самое говоритъ Милль въ своей логикѣ:

«Одинъ человѣкъ отъ невниманія или отъ неумѣнія обратить вниманіе, куда слѣдуетъ, видитъ только половину того, на что̀ онъ смотритъ; другой утверждаетъ гораздо больше того, что̀ онъ видитъ, смѣшивая видѣнное съ тѣмъ, что̀ онъ создаетъ воображеніемъ или догадками; третій отмѣчаетъ родовые признаки всѣхъ обстоятельствъ, но, не умѣя оцѣнить ихъ степень, оставляетъ количество каждаго обстоятельства неопредѣленнымъ и неизвѣстнымъ; четвертый видитъ цѣлое, но производитъ такое неуклюжее дѣленіе этого цѣлаго на части, бросая въ одну кучу то, что̀ слѣдовало-бы раздѣлить, и раздѣляя то, что̀ надо было-бы разсматривать въ связи, что результатъ получается такой-же, а иногда и того еще хуже, какъ еслибы не было сдѣлано никакой попытки анализа.»

Изъ этихъ мыслей, высказанныхъ компетентными судьями, не трудно вывести то заключеніе, что сдѣлать человѣка хорошимъ наблюдателемъ—значитъ оказать ему на всю жизнь очень немаловажную услугу, и притомъ оказать ее не ему одному, а всему тому обществу, въ которомъ этому человѣку придется жить. Но еслибы вы захотѣли нарочно придумать цѣлую систему умственной гимнастики, клонящейся исключительно къ развитію наблюдательности, то и тогда вамъ не удалось-бы придумать ничего лучше и цѣлесообразнѣе естественно-научныхъ занятій, которыя, упражняя наблюдательность самымъ разностороннимъ образомъ, сверхъ того даютъ еще учащемуся массу самыхъ разнообразно полезныхъ знаній. Всѣ естественно-научныя истины не только добыты сильнѣйшимъ и многовѣковымъ напряженіемъ человѣческой наблюдательности, но даже и усваиваются учащимся только по мѣрѣ того, какъ онъ развиваетъ въ себѣ способность наблюдать. Можно конечно заучить всѣ термины ботанической или зоологической классификаціи; ихъ можетъ, пожалуй, заучить даже и такой человѣкъ, который не только не разрѣзалъ ни одного растенія или животнаго, но и не видалъ ни одного анатомическаго рисунка. Но это знаніе терминовъ будетъ мертвымъ и безсмысленнымъ знаніемъ. Положите передъ этимъ человѣкомъ, совершавшимъ такой величественный подвигъ кретинизирующаго долбленія, какое угодно растеніе или животное и попросите его опредѣлить, къ какому классу, порядку и семейству слѣдуетъ его причислить, и вашъ знатокъ терминовъ немедленно станетъ втупикъ. Всѣ заученные термины и признаки перепутаются въ его головѣ, и торжество его учености ограничится тѣмъ, что онъ не назоветъ пчелу млекопитающимъ или не причислитъ курицу къ классу насѣкомыхъ. И даже этимъ скромнымъ торжествомъ онъ будетъ обязанъ не тѣмъ мудренымъ словамъ, которыя онъ выдолбилъ по книжкѣ, а тому запасу естественно-научныхъ знаній, который находится въ общемъ обращеніи и съ которымъ каждый изъ насъ поневолѣ знакомится еще въ дѣтствѣ все-таки путемъ непосредственнаго наблюденія. Работа наблюденія никакъ не можетъ быть передѣлана за учащагося его преподавателемъ или составителемъ его учебника. Кто самъ наблюдалъ, тотъ и знаетъ, но никакъ не можетъ передать свое живое знаніе тому человѣку, который не хочетъ или не можетъ наблюдать. Какъ бы ни была изобразительна лекція Гексли о хвостѣ морского рака, однако люди, наполнявшіе его аудиторію, никакъ не вынесутъ изъ его лекціи то ясное и полное понятіе о строеніи этого животнаго, которое имѣетъ самъ профессоръ. Чтобы возвыситься до этого яснаго и полнаго понятія, слушатели должны сами двинуться впередъ по тому пути, по которому идетъ Гексли. Они должны вскрыть нѣсколько десятковъ, а можетъ-быть и нѣсколько сотенъ ракообразныхъ животныхъ и просидѣть нѣсколько недѣль съ микроскопомъ въ рукѣ надъ развивающимися яйцами рака. Они должны долго работать надъ собой и часто приниматься съизнова за одно и то-же наблюденіе единственно для того, чтобы выдрессировать свое вниманіе и чтобы устранить тѣ ошибки, о которыхъ говоритъ Гилль, и которыя происходятъ то отъ разсѣянности, то отъ неукрощенной ретивости воображенія. Этой суровой дисциплины не выдержалъ-бы ни одинъ учащійся, еслибы его занятія были только гимнастическими упражненіями, направленными къ развитію наблюдательности. Но такъ какъ цѣль учащагося состоитъ не въ томъ, чтобы развить свои спо-

собности, а въ томъ, чтобы пріобрѣсти себѣ знанія, такъ какъ эти знанія имѣютъ для него самостоятельное и очень важное значеніе, и такъ какъ самый процессъ пріобрѣтенія знаній и борьбы съ трудностями въ высшей степени увлекателенъ, то учащійся находитъ въ себѣ силы для продолженія настойчивыхъ и добросовѣстныхъ занятій, побѣждаетъ въ себѣ лѣнь и разсѣянность, развиваетъ въ себѣ тонкую наблюдательность и въ то-же время формируетъ себѣ твердый характеръ, достойный мыслящаго работника.

VI.

О естественно-научномъ изученіи человѣка говорится, какъ я уже замѣтилъ выше, въ двухъ лекціяхъ, изъ которыхъ одна читана Паджетомъ, а другая—Юмансомъ, самимъ составителемъ сборника. Предметъ дѣйствительно такъ важенъ, что о немъ можно было и стоило говорить очень подробно, тѣмъ болѣе, что всѣ противники естествознанія возстаютъ всего сильнѣе именно противъ приложенія естественно-научнаго метода къ изученію самого человѣка. Это приложеніе считается у нихъ профанаціей человѣческаго достоинства.

Если преподаваніе физіологіи войдетъ въ программу общаго образованія, то, по мнѣнію Паджета, получатся двѣ категоріи выгодъ: во-первыхъ, выгоды для самой науки, и во-вторыхъ, выгоды для учащихся. Первая выгода для науки произойдетъ отъ того, что увеличится число компетентныхъ наблюдателей, способныхъ двигать науку впередъ подмѣчаніемъ тѣхъ фактовъ, надъ которыми онъ работаетъ. Вторая выгода, болѣе важная, состоитъ въ томъ, что физіологи и спеціалисты по другимъ наукамъ, въ содѣйствіи которыхъ нуждается физіологія, будутъ въ состояніи понимать другъ друга и соединять свои знанія для того, чтобы общими силами рѣшать трудныя и запутанныя физіологическія задачи. Въ настоящее время науки разрослись такъ широко, и раздѣленіе труда въ области научныхъ занятій приняло такіе значительные размѣры, что физіологу рѣдко удается обнять и усвоить себѣ вполнѣ даже всѣ отрасли своей собственной науки. О томъ, чтобы физіологъ былъ въ то-же время физикомъ или химикомъ, не можетъ быть и рѣчи; а между тѣмъ въ каждомъ процессѣ, совершающемся въ живомъ организмѣ, обнаруживается дѣйствіе механическихъ, химическихъ или электрическихъ силъ; при рѣшеніи какого бы то ни было новаго физіологическаго вопроса необходимо опредѣлить, какая доля участія принадлежитъ каждой изъ этихъ разнородныхъ силъ въ общемъ результатѣ. Чтобы опредѣлить эту долю участія, надо быть коротко знакомымъ съ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ силъ или надо обращаться за совѣтомъ къ спеціалистамъ по части механики, физики или химіи. Первое невозможно потому, что на изученіе четырехъ обширныхъ наукъ во всей ихъ полнотѣ не хватитъ никакой человѣческой жизни, никакого трудолюбія и никакой геніальности. А второе въ настоящее время затруднительно потому, что механикъ, физикъ, химикъ и физіологъ теряютъ другъ друга изъ виду и почти совершенно утрачиваютъ возможность понимать другъ друга съ той самой минуты, какъ они начинаютъ знакомиться съ положительной наукой. Единственнымъ общимъ достояніемъ всѣхъ этихъ ученыхъ оказывается ихъ школьное образованіе, которое даетъ имъ возможность разсуждать между собою о красотахъ Катулла и Анакреона, но рѣшительно не помогаетъ имъ понимать другъ друга тогда, когда заходитъ рѣчь объ ихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ. Труды физика читаются и обсуживаются только физиками, труды химика—только химиками, и такъ далѣе, именно потому, что общее образованіе не устанавливаетъ между спеціалистами никакой прочной умственной связи. Понятно само собою, что такое узкое обособленіе различныхъ наукъ совершенно уничтожаетъ значительную долю того живительнаго вліянія, которое каждое сколько-нибудь замѣчательное изслѣдованіе могло-бы производить на всю совокупность положительнаго знанія. Понятно также, что это зло можетъ быть устранено только самой обширной реформой общаго образованія.

Третья выгода, которую принесло-бы общераспространенное преподаваніе физики, состоитъ въ томъ, что молодые люди, способные посвятить себя этой наукѣ, съ ранней молодости поняли-бы свое настоящее назначеніе и пристроили-бы себя къ полезной работѣ, вмѣсто того чтобы тратить силы на безплодные поиски и неудачныя попытки. Въ такихъ молодыхъ людяхъ физіологія находила-бы себѣ постоянно готовый комплектъ усердныхъ работниковъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время физіологія въ Англіи, по признанію Паджета, вербуетъ себѣ новыхъ дѣятелей только благодаря различнымъ счастливымъ случайностямъ, благодаря тому напримѣръ, что книга, или разговоръ, или публичная лекція заинтересовали молодого человѣка, стоящаго на распутьи и способнаго сдѣлаться хорошимъ физіологомъ.

Мы переходимъ теперь къ тѣмъ выгодамъ, которыя повсемѣстное преподаваніе физіологіи доставитъ учащимся, то есть всему образованному обществу. Прежде всего распространеніе физіологическихъ знаній научитъ людей отно-

ситься благоразумно къ собственному здоровью. Всякій желаетъ быть здоровымъ, всякій тяготится болѣзнью, всякій во время болѣзни готовъ обратиться къ первому встрѣчному медику или даже знахарю, всякій готовъ пить съ вѣрой и надеждой самую горькую микстуру или неустрашимо пачкаться самой вонючей мазью, но почти никто не знаетъ и не хочетъ знать тѣхъ условій, которыхъ точное соблюденіе навѣрное избавило-бы его отъ необходимости валяться въ постели, охать, платить деньги доктору и аптекарю, и за эти же деньги переносить разнообразныя непріятности. Фанатическая вѣра въ лекарей и въ лекарства и близорукое презрѣніе къ самымъ элементарнымъ правиламъ гигіены очевидно происходятъ отъ того, что люди не имѣютъ никакого понятія о важнѣйшихъ процессахъ, совершающихся въ человѣческомъ организмѣ. Такъ называемые образованные люди наравнѣ съ простымъ народомъ не задаютъ себѣ вопроса о томъ, что̀ такое живой организмъ, а поступаютъ они съ своимъ организмомъ такъ, какъ поступаетъ ребенокъ со своей деревянной лошадкой: пока лошадка стоитъ на ногахъ, до тѣхъ поръ на ней можно ѣздить верхомъ, а если лошадка сломалась и повалилась на бокъ, то надо при содѣйствіи папаши или мамаши позвать столяра и отдать ему лошадку на излеченіе. Въ своихъ болѣзняхъ люди видятъ обыкновенно прямое послѣдствіе какой-нибудь единичной ошибки или неосторожности: человѣкъ ушибся, простудился, промочилъ ноги, объѣлся—и заболѣлъ, дальше этого люди не идутъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о причинахъ болѣзни. Если вы будете говорить имъ, что организмъ медленно портился неправильнымъ и неестественнымъ образомъ жизни, если вы будете искать причину болѣзни въ душной комнатѣ, въ сидячей жизни, въ просиживаніи ночей за работой или за картами, если вы будете доказывать человѣку, что болѣзнь развивалась въ немъ задолго до той минуты, когда онъ свалился въ постель, и что эту болѣзнь нельзя уничтожить пилюлями и каплями, потому что этими лекарствами невозможно создать организмъ, который не разстраивался-бы при нарушеніи его естественныхъ потребностей,—то всѣ ваши разумныя слова произведутъ самое слабое и поверхностное впечатлѣніе, потому что этимъ разсужденіямъ о потребностяхъ организма не къ чему прислониться въ головѣ паціента. Невозможно дѣйствовать постоянно по такой программѣ, въ вѣрности которой человѣкъ не способенъ убѣдиться силами собственнаго ума. Поэтому старая привычка обращаться съ собственнымъ организмомъ какъ съ деревянной лошадкой, равнодушной ко всѣмъ окружающимъ условіямъ, непремѣнно рано или поздно одержитъ побѣду надъ уваженіемъ больного къ совѣтамъ добросовѣстнаго медика; жизнь войдетъ въ старую колею, и правила гигіены забудутся впредь до новой болѣзни. Взглядъ на организмъ, какъ на деревянную лошадку, имѣетъ особенно печальную важность въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о гигіеническихъ мѣрахъ, необходимыхъ для того, чтобы предохранить здоровье цѣлыхъ обществъ. Медики твердятъ всѣмъ и каждому и доказываютъ статистическими цифрами, что всевозможныя заразительныя болѣзни гнѣздятся и развиваются съ особенной силой именно въ самыхъ грязныхъ частяхъ многолюдныхъ городовъ; несмотря на всѣ эти проповѣди, самыя необходимыя санитарныя распоряженія встрѣчаютъ себѣ со стороны общества такъ мало дѣятельнаго сочувствія, что они большей частью остаются на бумагѣ въ видѣ красивыхъ проэктовъ и начинаютъ приводиться въ исполненіе только тогда, когда общество, перепуганное извѣстіемъ о приближающейся холерѣ, на короткое время отдаетъ себя въ полное распоряженіе медиковъ. Это равнодушіе общества къ его собственнымъ драгоцѣннѣйшимъ интересамъ происходитъ очевидно отъ незнанія и исчезаетъ только тогда, когда здоровыя физіологическія свѣдѣнія сдѣлаются необходимымъ достояніемъ каждаго образованнаго человѣка. Нельзя ни требовать, ни ожидать, чтобы когда-бы то ни было каждый образованный человѣкъ зналъ физіологію на столько, на сколько знаютъ ее въ настоящее время врачи. Такой обширный объемъ знаній вовсе и не требуется для того, чтобы образованная масса гораздо лучше теперешняго понимала тѣ условія, отъ соблюденія которыхъ зависитъ ея здоровье. Необходимо не то, чтобы каждый образованный человѣкъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, зналъ, какой именно образъ жизни полезенъ для его здоровья, а только то, чтобы этотъ образованный человѣкъ умѣлъ отличать голосъ науки отъ выкрикиваній дерзкаго уличнаго шарлатанства, чтобы онъ зналъ, куда обратиться за совѣтомъ, чтобы онъ могъ понять, что данный совѣтъ дѣйствительно благоразуменъ, и чтобы онъ былъ способенъ убѣдиться въ томъ, что онъ серьезно обязанъ передъ самимъ собою, передъ своимъ семействомъ и передъ обществомъ слѣдовать тому совѣту, который онъ самъ призналъ хорошимъ и дѣльнымъ. Когда основныя истины физіологіи перестанутъ быть исключительной собственностью врачей и ученыхъ, тогда взглядъ общества на многія такъ называемыя мелочи вседневной жизни сдѣлается гораздо серьезнѣе и строже. Въ настоящее время общество смотритъ въ высшей степени снисходительно на всевозможныя нарушенія самыхъ необходимыхъ санитарныхъ правилъ;

во всѣхъ европейскихъ столицахъ единственнымъ поборникомъ общественной гигіены является полиція, и общественное мнѣніе позволяетъ всякому желающему уклоняться отъ выполненія самыхъ разумныхъ ея предписаній. Въ настоящее время въ большихъ городахъ трудно купить какіе-бы то ни было съѣстные припасы, въ которыхъ не оказалось-бы какого нибудь подлога или какой нибудь помѣси, и общество, браня купцовъ, по старой привычкѣ продолжаетъ потреблять всякую дрянь и не принимаетъ никакихъ разумныхъ мѣръ противъ этого медленнаго отравленія. Въ настоящее время рабочіе классы во всѣхъ большихъ городахъ помѣщаются въ темныхъ, сырыхъ, тѣсныхъ и холодныхъ подвалахъ, изъ которыхъ разныя тифозныя и возвратныя горячки распространяются по всѣмъ окрестностямъ, и достаточные люди, которымъ также приходится знакомиться съ этими болѣзнями, довольствуются тѣмъ, что вздыхаютъ о страданіяхъ меньшей братіи или въ лучшемъ случаѣ устраиваютъ благотворительные спектакли и лотереи. Въ настоящее время моды, преимущественно женскія, систематически идутъ наперекоръ всѣмъ законамъ физіологіи. Въ настоящее время школы выпускаютъ въ свѣтъ слабыхъ и дряблыхъ юношей, едва способныхъ принести какую-бы то ни было пользу себѣ или обществу, а родители ихъ освѣдомляются только о томъ, какія права и преимущества предоставляются воспитанникамъ того или другого учебнаго заведенія. Словомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на различныя стороны и отправленія общественной жизни, мы могли-бы подумать, что общество страдаетъ необузданнымъ идеализмомъ и неизлечимымъ презрѣніемъ къ матеріи. Нѣтъ той мелочи, нѣтъ той глупости, нѣтъ той безсмысленной фантазіи, на которую образованные люди не обращали-бы гораздо больше вниманія, чѣмъ на свое собственное здоровье. Поступая такъ, какъ будто-бы они считаютъ землю юдолью плача, а свою жизнь—временемъ изгнанія,—эти люди въ то-же время строятъ дороги, освѣщаютъ города газомъ, толкуютъ объ искусственномъ травосѣяніи, изобрѣтаютъ и заказываютъ машины, составляютъ акціонерныя компаніи, бросаются за деньгами всюду, гдѣ есть малѣйшая возможность или только неопредѣленная надежда ихъ добыть,—словомъ, стараются всѣми силами собирать тѣ разнородные матеріалы, изъ которыхъ извлекается наслажденіе жизнью. При этомъ забывается только одно условіе, именно то, что наслаждаться жизнью могутъ только здоровые люди, и что весь утонченный комфортъ, созданный современной цивилизаціей для немногихъ избранныхъ, даже этимъ избраннымъ не можетъ замѣнить безумно растраченнаго здоровья. Понятно, что здѣсь корень зла заключается не въ ошибочно восторженномъ презрѣніи къ земнымъ наслажденіямъ, а только въ совершенномъ незнаніи тѣхъ условій, которыя должны быть соблюдены для того, чтобы наслажденіе жизнью сдѣлалось возможнымъ даже для немногихъ избранныхъ. Кто не знаетъ, тому слѣдуетъ учиться. На эту тему приходится говорить съ утра до вечера втеченіи многихъ столѣтій всѣмъ людямъ, принимающимъ къ сердцу дѣйствительные интересы человѣчества.

Возвращаюсь къ лекціи Паджета. Другая выгода, доставляемая преподаваніемъ физіологіи, обусловливается, по мнѣнію Паджета, тѣмъ, что физіологія до сихъ поръ принадлежитъ къ числу неустановившихся наукъ и состоитъ въ значительной степени изъ гипотезъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, но еще не вполнѣ доказанныхъ. Въ другихъ положительныхъ наукахъ, напримѣръ въ астрономіи и въ физикѣ, ученикъ знакомится съ обильнымъ запасомъ истинъ, давнымъ-давно доказанныхъ,—такихъ истинъ, въ которыхъ ни одинъ знающій человѣкъ не сомнѣвается и противъ которыхъ ни откуда не можетъ послышаться ни одного сколько-нибудь серьезнаго возраженія. Въ этихъ окончательно изслѣдованныхъ областяхъ знанія нѣтъ мѣста для дальнѣйшихъ открытій и усовершенствованій; здѣсь, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ физики и астрономіи, не только отыскана сама истина, но также отысканъ на вѣчныя времена и наилучшій, то есть самый строгій и убѣдительный способъ ея доказыванія. Изучая эти отдѣлы, ученикъ получаетъ ясное понятіе о томъ, что такое положительная наука въ ея установившемся видѣ, въ состояніи того высшаго спокойствія, которымъ сопровождается несомнѣнное обладаніе истиной. Но такъ какъ вмѣстѣ съ астрономіей и физикой не преподается и не можетъ преподаваться исторія этихъ наукъ, то ученику остается совершенно неизвѣстной физіономія положительной науки, находящейся въ періодѣ развитія и борьбы. Этотъ пробѣлъ, котораго не могутъ пополнить физика и астрономія, пополняется преподаваніемъ физіологіи. Изучая послѣднюю, ученикъ съ молодыхъ лѣтъ освоивается съ той мыслью, что наши теперешнія знанія недостаточны и ограничены, что граница этихъ знаній находится въ постоянномъ колебаніи, и что усилія мыслящихъ работниковъ съ каждымъ годомъ отодвигаютъ эту границу дальше и дальше впередъ, постоянно покоряя человѣческому уму новые участки изъ обширной и неизмѣримой области неизвѣстнаго. Ученикъ, слушающій хорошій курсъ физіологіи, не только узнаетъ о томъ, что на границѣ знанія происходитъ ожесточенная борьба между человѣческимъ умомъ и безчисленными трудностями изучаемаго пред-

мета, но даже присутствуетъ при этой борьбѣ, слѣдитъ за ея главнѣйшими фазами и проникается горячимъ желаніемъ впослѣдствіи принять въ этой великой борьбѣ дѣятельное участіе. Такія впечатлѣнія, падающія на воспріимчивый умъ юношей, едва начинающихъ выходить изъ дѣтскаго возраста, не могутъ оставаться совершенно безплодными. Такими впечатлѣніями опредѣляется часто направленіе цѣлой жизни, и если оно дѣйствительно опредѣлится ими, то можно будетъ поручиться за то, что жизнь будетъ потрачена съ наслажденіемъ на честное, великое и полезное дѣло. Колеблющееся положеніе современной физіологіи можетъ принести учащимся также и ту пользу, что оно пріучитъ ихъ къ умственной осторожности и разовьетъ въ нихъ спасительную способность останавливаться на чистомъ сомнѣніи въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ еще не дозрѣлъ до окончательнаго разрѣшенія въ положительномъ или въ отрицательномъ смыслѣ. Наперекоръ глубокомысленной русской пословицѣ объ отрѣзываніи и отмѣриваніи, масса образованныхъ людей отрѣзываетъ, то есть рѣшаетъ вопросы, не отмѣривши ни разу, а только услышавши о томъ, что какіе-то люди когда-то произвели всѣ необходимыя измѣренія. Эта дурная привычка, происходящая отъ совершеннаго отсутствія научнаго образованія, производитъ большую путаницу во всѣхъ различныхъ отрасляхъ общественной жизни. «Для успѣховъ истины,—говоритъ Паджетъ, служитъ большимъ препятствіемъ то, что многіе люди съ одинаковой настойчивостью держатся за такія положенія, которыя доказаны, и за такія, которыя не доказаны, и даже за такія, которыя по самой своей сущности не допускаютъ доказательствъ. Они повидимому думаютъ (и общепринятое образованіе дѣйствительно способно породить такой взглядъ), что можно отвѣчать рѣшительно *да* или *нѣтъ* на каждый вопросъ, который можетъ быть поставленъ; и что вопросъ, получившій такой отвѣтъ, окончательно рѣшенъ и превратился въ неприкосновенную истину; мнѣ не зачѣмъ приводить примѣры этого заблужденія, потому что его вредныя послѣдствія замѣчаются повсемѣстно въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя порождаются опрометчивыми и настойчивыми сужденіями.»

VIII.

Изъ остальныхъ лекцій, помѣщенныхъ въ книгѣ Юманса, я упомяну еще о лекціи Уиуэлля (Whewell), въ которой разсматривается вліяніе научныхъ открытій на воспитаніе ума. Можно сказать, что эта лекція подводитъ итоги всей книгѣ Юманса и, разсматривая вопросъ объ умственныхъ потребностяхъ современнаго общества съ исторической точки зрѣнія, показываетъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, въ какую сторону клонятся естественныя стремленія цивилизованнаго міра, въ чемъ заключаются пробѣлы существующаго образованія и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ производятся серьезныя попытки пополнить эти несомнѣнно обозначившіеся пробѣлы. Тѣ лекціи, о которыхъ я говорилъ до сихъ поръ, разсматриваютъ программу общаго образованія только по отношенію къ той или другой отдѣльной наукѣ; лекція Уиуэлля, напротивъ того, бросаетъ общій взглядъ на всю совокупность знаній, изъ которыхъ слагается общее образованіе, и ставитъ очень ясно вопросъ о томъ, находится-ли это образованіе въ соотвѣтствіи съ современнымъ положеніемъ науки. Этотъ вопросъ, поставленный ясно и просто, допускаетъ конечно только отрицательный отвѣтъ, который, разумѣется, заключаетъ въ себѣ рѣшительный приговоръ осужденія надъ существующей системой общаго образованія.

Уиуэлль думаетъ, что каждое значительное усовершенствованіе въ дѣлѣ умственнаго образованія было результатомъ какого-нибудь важнаго научнаго открытія или цѣлой группы такихъ открытій. Когда передовые геніи вырываютъ у природы одну изъ ея великихъ тайнъ, тогда эта побѣда является заключительнымъ актомъ такой борьбы, въ которой силы человѣческаго ума развертывались до небывалыхъ размѣровъ или по крайней мѣрѣ дѣйствовали по какому-нибудь новому плану. Кто хочетъ быть образованнымъ человѣкомъ, тотъ долженъ очевидно имѣть ясное понятіе обо всѣхъ важнѣйшихъ умственныхъ интересахъ своей эпохи, долженъ знать, до какихъ границъ дошла мысль его предковъ и его современниковъ, какія побѣды она одерживала и къ какимъ методамъ она приноравливалась. Если одерживается новая побѣда и создается новый методъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ становится возможнымъ и необходимымъ новое расширеніе тѣхъ рамокъ, въ которыхъ было заключено до этого времени умственное образованіе. Люди, желающіе дисциплинировать и укрѣпить свой умъ новымъ методомъ, или, другими словами, люди, желающіе усвоить себѣ современное образованіе въ полномъ его объемѣ, должны конечно обратиться къ изученію того открытія, которое въ данную минуту составляетъ единственное существующее приложеніе новаго метода. Такимъ образомъ ясно, что открытіе и расширеніе программы умственнаго образованія находятся въ причинной связи между собою.

Выразивъ основную мысль своей лекціи въ отвлеченной формулѣ, Уиуэлль переходитъ къ изложенію тѣхъ историческихъ фактовъ, на которыхъ она построена. Первый важный шагъ

впередъ въ дѣлѣ умственнаго образованія, первый изъ тѣхъ шаговъ, которые засвидѣтельствованы исторіей,—былъ сдѣланъ, по мнѣнію Уиуэлля, тогда, когда Сократъ и Платонъ одержали побѣду надъ модными воспитателями аѳинскаго юношества, то есть надъ такъ называемыми софистами. Эти модные воспитатели учили молодого человѣка хорошо писать, хорошо говорить и поступать во всѣхъ случаяхъ жизни такъ, какъ того требовало мелкое житейское благоразуміе. Въ ихъ философіи, излагавшейся въ самой увлекательной формѣ, не было никакихъ твердыхъ принциповъ; они сами ни во что не вѣровали, ничего не знали и во всемъ сомнѣвались какъ-разъ настолько, насколько это было нужно для того, чтобы, не возмущая противъ себя толпы, пріобрѣсти себѣ безо всякаго умственнаго труда репутацію очень умныхъ людей. Образованіе, которое они давали аѳинской молодежи, было вообще очень похоже на то образованіе, которое до сихъ поръ называется блестящимъ и которое даже въ настоящее время дается свѣтскимъ людямъ, не имѣющимъ надобности добывать себѣ кусокъ хлѣба физическимъ или умственнымъ трудомъ. Сократъ и Платонъ не захотѣли останавливаться на блестящей внѣшности этого образованія; они не захотѣли также цѣнить его со стороны его практической пригодности; они потребовали отъ модной философіи, господствовавшей въ школахъ, твердыхъ принциповъ—и принциповъ этихъ не оказалось. Они спросили у софистовъ, въ чемъ состоитъ основная истина, изъ которой вытекаютъ всѣ второстепенныя положенія ихъ доктрины, и софисты не дали имъ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Въ діалогахъ Платона повторяются постоянно одни и тѣ-же вопросы: *что̀* мы знаемъ? *Какъ* мы это знаемъ? *Какимъ путемъ мышленія* мы доходимъ до этого знанія? *Изъ какихъ принциповъ* вытекаетъ это знаніе?

Чтобы ставить такіе глубокіе вопросы и не удовлетворяться фразами, имѣющими только внѣшній видъ отвѣтовъ, чтобы искать положительной истины и отличать ее отъ условныхъ понятій, находившихся въ общемъ обращеніи, чтобы во имя этой искомой истины объявлять ожесточенную войну этимъ укоренившимся условнымъ понятіямъ,—надо было имѣть какой-нибудь образчикъ такой истины, которая заслуживала-бы названіе вѣчной и необходимой и которую можно было-бы путемъ строгихъ доказательствъ доводить до самой полной и несомнѣнной очевидности. Образчикъ такой истины дѣйствительно существовалъ во времена Сократа и Платона; умы лучшихъ людей того поколѣнія, къ которому принадлежали эти мыслители, находились подъ свѣжимъ вліяніемъ великихъ геометрическихъ открытій, положившихъ прочное основаніе этой отрасли математики. Самъ Платонъ былъ замѣчательнымъ геометромъ и быть-можетъ лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ важность серьезныхъ математическихъ занятій для общаго строя и направленія всей умственной жизни тогдашняго образованнаго міра. «Онъ,—говоритъ Уиуэлль,—неоднократно убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ предаваться этимъ занятіямъ, онъ обѣщаетъ имъ, что изученіе геометріи поведетъ ихъ къ вѣрному понятію о себѣ; объясняетъ, какимъ образомъ это сдѣлается; онъ указываетъ на новыя отрасли математической науки, которыя должны быть созданы съ этой цѣлью; онъ не разъ ссылается на опредѣленія, аксіомы и доказательства геометрическихъ предложеній; онъ дѣлаетъ слѣдующую надпись надъ воротами садовъ Академіи, гдѣ сходились его ученики, чтобы слушать его поученія: «*пусть не входитъ сюда никто, не учившійся геометріи*».

Изученіе геометріи показало Платону, что въ мірѣ существуютъ истины, стоящія выше всякаго сомнѣнія, и что эти истины вполнѣ доступны человѣческому пониманію. Принимая этотъ несомнѣнный и совершенно осязательный фактъ за исходную точку своихъ умозрѣній, Платонъ старался убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что человѣкъ, способный возвышаться до познанія истины, обязанъ стремиться къ этому познанію и смотрѣть на него, какъ на высшее изъ благъ, доступныхъ ему на землѣ. Вдумываясь въ геометрическія истины, только-что открытыя имъ самимъ и его современниками, и всматриваясь въ тотъ путь, которымъ человѣческій умъ добирается до этихъ истинъ, Платонъ успѣлъ даже найти точку опоры для всей своей философской системы, и въ особенности для знаменитой доктрины о предварительномъ существованіи и о неразрушимости человѣческой души. Въ одномъ изъ діалоговъ Платона Сократъ и фессаліецъ Менонъ стараются открыть, что̀ такое добродѣтель. Такъ какъ попытки Менона отвѣчать на этотъ вопросъ оказываются неудачными, то Сократъ спрашиваетъ наконецъ: можемъ-ли мы *открывать* что бы то ни было? И если можемъ, то какимъ образомъ это дѣлается?

Отвѣчая себѣ на эти вопросы, Сократъ говоритъ, что мы можемъ открывать истины, и что онъ немедленно покажетъ своему собесѣднику, какимъ образомъ дѣлаются открытія. Затѣмъ онъ подзываетъ къ себѣ мальчика, рисуетъ на пескѣ геометрическую фигуру и задаетъ ему различные вопросы на счетъ проведенныхъ линій. Мальчикъ сначала становится втупикъ, но потомъ, всмотрѣвшись въ чертежъ, начинаетъ соображать правильно и отвѣчаетъ удовлетворительно. «Ты видишь,—говоритъ при этомъ Сократъ Менону,—я ничего не говорю ему. Онъ идетъ къ истинѣ, но я не учу

его. Онъ находитъ истину въ своемъ собственномъ умѣ Онъ не учится отъ другого, онъ припоминаетъ то, что̀ онъ уже зналъ прежде. Его знаніе — припоминаніе. Его наука — обращеніе къ прошлому. Изъ этого выводится то заключеніе, что душа мальчика жила и мыслила задолго до рожденія того тѣла, съ которымъ она связана въ данную минуту.» Въ *Федонѣ* Сократъ, бесѣдующій со своими учениками за нѣсколько минутъ до своей смерти, выводитъ изъ геометріи доказательство въ пользу безсмертія души. Онъ разсуждаетъ такъ: «если человѣкъ путемъ размышленій можетъ доходить до познанія незыблемыхъ истинъ, то, стало быть, человѣческій разумъ заключаетъ въ себѣ принципы вѣчной истины, и слѣдовательно долженъ быть самъ вѣчнымъ и неразрушимымъ.»

Мы видимъ такимъ образомъ, что вліяніе геометрическихъ открытій и того метода, которымъ они были сдѣланы, проникло очень глубоко въ самую сущность философской системы Платона. Можно сказать положительно, что эта философская система не могла-бы даже возникнуть или по крайней мѣрѣ не произвела-бы никакого прочнаго впечатлѣнія на тогдашнее общество, еслибы не существовало того импульса, который именно въ это время былъ данъ лучшимъ умамъ древней Греціи быстрымъ и роскошнымъ развитіемъ геометрическихъ изслѣдованій. Вмѣстѣ съ философіей Платона, созданной подъ вліяніемъ математическаго метода, въ греческія школы проникло преподаваніе геометріи, которая съ этого времени уже не переставала считаться необходимой составной частью серьезнаго и основательнаго образованія. Это значитъ, что расширеніе программы общаго образованія оказалось естественнымъ слѣдствіемъ такого-же расширенія, сдѣланнаго въ области научныхъ изслѣдованій.

Научное наслѣдіе древней Греціи перешло цѣликомъ къ новой Европѣ; всѣ открытія, сдѣланныя великими греческими математиками, сдѣлались на вѣчныя времена достояніемъ математической науки; такъ какъ наша наука получила очень многое отъ древнихъ грековъ, то и наше образованіе получило также очень многое отъ древне-греческаго образованія; преподаваніе геометріи перешло въ полномъ своемъ составѣ и почти въ неизмѣнномъ видѣ изъ древнихъ греческихъ школъ въ новыя европейскія. Римляне, напротивъ, сдѣлали очень мало для развитія науки, если мы будемъ понимать это послѣднее слово только въ смыслѣ точнаго, положительнаго и реальнаго знанія; именно потому вліяніе римлянъ оставило также очень мало слѣдовъ въ существующихъ системахъ образованія. Этотъ фактъ можетъ служить отрицательнымъ доказательствомъ той мысли, на которой построена лекція Уиуэлля. Но у римлянъ была своя спеціальность, въ которой они являются оригинальными мыслителями и прокладываютъ самостоятельные пути. Этой спеціальностью была юриспруденція, доктрина о правахъ и обязанностяхъ человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ. Эту спеціальность конечно невозможно поставить на одну доску съ тѣми науками, которыя посвящены изученію дѣйствительно существующихъ, вѣчныхъ и непоколебимыхъ законовъ природы. Въ юриспруденціи исходной точкой изслѣдованія служитъ не объективная истина, а условное положеніе, которое кажется истиннымъ людямъ одной эпохи, но которое черезъ нѣсколько столѣтій можетъ оказаться совершенно несостоятельнымъ передъ судомъ болѣе просвѣщеннаго потомства. Какъ бы то ни было, римляне работали очень усердно и съ большимъ успѣхомъ въ области юриспруденціи; этимъ дѣломъ занимались передовые умы римскаго общества, какъ во время республики, такъ и при императорахъ; въ умственной жизни римской націи юриспруденція стояла именно на томъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ наука въ жизни другихъ народовъ, менѣе поглощенныхъ чисто-политическими и мелкими житейскими заботами. Тѣ силы, которыя въ другихъ, болѣе богатыхъ цивилизаціяхъ тратятся на научныя открытія, уходили въ Римѣ на юридическія изслѣдованія, въ которыхъ обнаруживалось конечно много остроумія, діалектической ловкости и логической точности. Въ соотвѣтствіи съ этой оригинальной стороной римской изслѣдовательской дѣятельности находится то оригинальное направленіе, которое получило римское образованіе. Юридическая казуистика, замѣнявшая собою науку, проникла въ школы; каждый молодой римлянинъ, принадлежавшій къ хорошему обществу, долженъ былъ сдѣлаться до нѣкоторой степени юристомъ. Этой стороной своей умственной жизни Римъ подѣйствовалъ очень сильно и продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ на европейскія общества. Благоговѣйнымъ изученіемъ римскихъ юрисконсультовъ занимались изъ году въ годъ, втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, десятки тысячъ студентовъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Европы въ аудиторіи болонскаго, пизанскаго, падуанскаго и другихъ знаменитыхъ италіанскихъ университетовъ. Бо́льшая часть европейскихъ университетовъ до сихъ поръ предается комментированію римскихъ юристовъ. Можно сказать навѣрное, что до сихъ поръ по меньшей мѣрѣ половина всѣхъ молодыхъ людей, получающихъ высшее образованіе на пространствѣ цѣлой Европы, проходитъ черезъ юридическіе факультеты. Это обстоятельство объясняется конечно очень удовлетворительно притягательной силой административной, адвокатской и судейской карьеръ, внѣ которыхъ большин-

ство родителей не видитъ никакого вѣрнаго пристанища для своихъ дѣтей. Но дѣло не въ томъ. Для насъ важно въ настоящую минуту только то, что введеніе юридическаго элемента въ образованіе начинается съ того времени, когда юридическія изслѣдованія привлекли къ себѣ силы передовыхъ умовъ. Значитъ и здѣсь мы видимъ еще разъ, что направленіе научной дѣятельности и программа образованія находятся въ причинной связи между собою.

Образовательныя средства, заимствованныя нами отъ двухъ великихъ націй древняго міра,—математика и юриспруденція,—могутъ конечно въ значительной степени укрѣпить и развить молодой умъ, пріучая его къ строгой логической послѣдовательности. Но какъ математика, такъ и юриспруденція упражняютъ умъ только въ дедуктивномъ способѣ мышленія. Въ наше время такая односторонность умственнаго развитія тѣмъ болѣе неумѣстна, что почти всѣ великія открытія, составляющія гордость и силу новой европейской науки, добыты путемъ индукціи. Молодой умъ, воспитанный исключительно на математикѣ и на юриспруденціи, оказался-бы совершенно неспособнымъ не только принимать дѣятельное участіе въ трудахъ передовыхъ умовъ, обогащающихъ науку своими изслѣдованіями, но даже слѣдить за этими трудами и отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какимъ образомъ производится эта работа. Разобщенный своимъ одностороннимъ развитіемъ съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, въ которомъ заключается существенный смыслъ нашего времени, такой умъ могъ-бы легко погрузиться въ позорное бездѣйствіе или даже превратить себя въ слѣпое орудіе узкихъ и мелкихъ страстей и интересовъ, находящихся въ совершенномъ разладѣ съ общимъ дѣломъ человѣчества. Нельзя не замѣтить при этомъ, что дѣйствительно юристы и математики, совершенно поглощенные своими спеціальными занятіями, становятся часто не только индифферентистами, но даже ретроградами и реакціонерами.

Развитіе положительной науки, которой неотразимое господство надъ умами усиливается и расширяется съ каждымъ годомъ, несмотря на всевозможныя мелкія и крупныя препятствія, — начинается съ XVI столѣтія. Труды Галилея, Декарта, Бекона и Ньютона могутъ быть названы великимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи человѣческой мысли. Европейская или, вѣрнѣе, общечеловѣческая наука идетъ до сихъ поръ по той дорогѣ, которую проложили для нея эти великіе люди, и до сихъ поръ нѣтъ даже ни малѣйшаго основанія думать, чтобы она когда-нибудь имѣла возможность или была поставлена въ необходимость свернуть съ этой дороги. Кто ненавидитъ положительную науку, тотъ долженъ ненавидѣть и проклинать до сихъ поръ ея великихъ законодателей, если только желаетъ быть послѣдовательнымъ. Такіе послѣдовательные люди дѣйствительно находятся до сихъ поръ даже въ ученой Германіи. Не дальше какъ въ 1857 г. нѣмецкій пасторъ, докторъ Францъ, издалъ книжку о *претензіяхъ точнаго естествознанія* и старался доказать своимъ читателямъ, что такъ называемые законы природы совсѣмъ не существуютъ, что земля стоитъ неподвижно въ центрѣ мірозданія, что вокругъ нея вертятся всѣ небесныя тѣла, и что Коперникъ и Ньютонъ своими попытками ввести математическія вычисленія въ область астрономіи и физики не сдѣлали ничего, кромѣ самой вредной и непроходимой путаницы.

Въ XVII столѣтіи картезіанская философія завоевала себѣ господство надъ умами во Франціи и въ континентальной Европѣ. Декартъ былъ признанъ противникомъ и побѣдителемъ Аристотеля. Картезіанизмъ былъ для того времени новой истиной, которой знамя было поднято противъ устарѣлыхъ заблужденій. Въ чемъ заключалась отличительная особенность новаго ученія, это показываетъ намъ между прочимъ въ очень осязательной формѣ слѣдующій эпизодъ изъ остроумной книги Фонтенеля «Множество міровъ» («La pluralité des mondes»). Фонтенель сводитъ всѣхъ мудрецовъ древности въ театръ; тамъ даютъ балетъ, въ которомъ Фаэтона уноситъ вѣтеръ. Мудрецы ломаютъ себѣ головы надъ вопросомъ, какимъ образомъ это дѣлается, что танцоръ, играющій роль Фаэтона, поднимается кверху. Одинъ изъ мудрецовъ говоритъ: «у Фаэтона есть таинственное свойство, которое его уноситъ»; это говоритъ приверженецъ Аристотеля. Другой говоритъ: «Фаэтонъ составленъ изъ нѣкоторыхъ чиселъ, которыя заставляютъ его подниматься кверху»: это—пиѳагореецъ. Третій говоритъ: «у Фаэтона есть стремленіе къ потолку театра, и онъ не можетъ успокоиться, пока не отправится туда»; это—адептъ той философіи, которая объясняла вселенную любовью и ненавистью. Четвертый говоритъ: «у Фаэтона нѣтъ естественнаго стремленія летать, но онъ находитъ болѣе удобнымъ летѣть, чѣмъ оставлять пустоту въ верхней части театра»; это—извѣстная средневѣковая доктрина объ отвращеніи природы къ пустотѣ. Наконецъ приходитъ Декартъ и вмѣстѣ съ нимъ другіе новые мыслители. Они говорятъ: «Фаэтонъ поднимается потому, что его тянутъ кверху веревками, и что въ это самое время гири, потяжелѣе самаго Фаэтона, опускаются внизъ за кулисами». Прежнія системы или приписывали природѣ чисто человѣческія страсти и побужденія, или объясняли видимыя явленія какой-то туманной кабалистикой, въ которой терялся самъ ея изобрѣтатель, и которая во всякомъ случаѣ была еще непонятнѣе и запутаннѣе,

чѣмъ сами объясняемыя явленія. Новая философія, напротивъ того, старается объяснить, и дѣйствительно объясняетъ все, что́ происходитъ въ мірозданіи, дѣйствіемъ тѣхъ механическихъ, физическихъ и другихъ силъ, надъ которыми мы можемъ производить безчисленное множество всевозможныхъ опытовъ и наблюденій. Механическая теорія міра, съ которой Декартъ познакомилъ континентальную Европу, появилась и утвердилась въ Англіи въ той формѣ, которую ей придали геніальныя работы Ньютона, и въ которой она осталась на вѣчныя времена неотъемлемымъ достояніемъ общечеловѣческой науки. Послѣ колоссальнаго толчка, даннаго человѣческой мысли міровыми геніями XVII вѣка, умственное движеніе не прерывалось ни на минуту и продолжается до нашего времени съ постоянно возростающей быстротой,—съ такой быстротой, которая не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ лѣтописяхъ человѣческаго развитія. Открытія слѣдуютъ за открытіями; наблюденія и изслѣдованія перекрещиваются и сталкиваются между собою, провѣряя и подтверждая другъ друга; цѣлыя огромныя науки выходятъ одна за другой.

Та новая жизнь, которая проникла въ науку и создала въ ней рядъ невиданныхъ чудесъ, еще не успѣла пробраться въ школу. Современное образованіе еще не вылилось въ форму, которой настоятельно требуетъ теперешнее положеніе науки. Въ настоящее время образованіе и наука находятся въ разладѣ между собою. Но вся исторія человѣческаго развитія показываетъ ясно, что такой разладъ не можетъ сдѣлаться прочнымъ и постояннымъ. Его существованіе въ данную минуту или, пожалуй, даже въ данное столѣтіе объясняется именно небывалой громадностью того переворота, того броженія, которые совершаются до сихъ поръ и еще долго будутъ совершаться въ высшихъ сферахъ научной дѣятельности. Но потребность водворить гармонію между наукой и школой существуетъ несомнѣнно, усиливается съ каждымъ годомъ, сознается яснѣе и отчетливѣе, и заявляется громче и рѣшительнѣе голосами самыхъ компетентныхъ цѣнителей. Трудно сомнѣваться въ томъ, что эта потребность найдетъ себѣ быстрое и полное удовлетвореніе.

ЛЬЮИСЪ И ГЕКСЛИ.

(Предисловіе къ книгѣ Гексли: «Уроки элементарной физіологіи»).

Въ нашей литературѣ за послѣднія пять-шесть лѣтъ господствовала сильная и разносторонняя популяризаторская дѣятельность. Рабочихъ силъ было мало, но почти всѣ наличныя силы направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, посредствомъ переводовъ, извлеченій или компиляцій, знакомить общество съ результатами европейской науки. Хотя наши популяризаторы были малочисленны и недостаточно приготовлены къ своей высокой дѣятельности, однако ихъ дружнымъ усиліямъ удалось воспитать въ обществѣ уваженіе къ положительной наукѣ, удалось создать запросъ на такія знанія, которыми въ былое время способны были интересоваться только самые заклятые спеціалисты. Что дѣятельность нашихъ популяризаторовъ, компиляторовъ, переводчиковъ и издателей не можетъ считаться совершенно безуспѣшной,—это доказывается тѣми воплями и доносами, которые уже успѣла вызвать противъ себя въ нашемъ отечествѣ положительная наука. Если проницательное зрѣніе и чуткій слухъ нашихъ разнообразныхъ обскурантовъ уже подмѣтили для себя опасность въ развивающейся любви нашего общества къ естествознанію; если уваженіе къ микроскопу и къ химическому анализу уже включено нашими обскурантами въ число самыхъ важныхъ примѣтъ неблагонамѣреннаго и безпокойнаго человѣка,—то ясное дѣло, что знаніе становится силой и знаменемъ даже у насъ, въ Россіи.

Если дѣятельность нашихъ популяризаторовъ дѣйствительно заронила въ наше общество зародыши потребностей и стремленій, способныхъ жить и развиваться, то прямая обязанность всѣхъ людей, сознательно преданныхъ дѣлу добра и правды, состоитъ въ томъ, чтобы по мѣрѣ силъ охранять зародившееся умственное движеніе отъ всѣхъ ошибочныхъ уклоненій, въ высшей степени свойственныхъ первымъ шагамъ только-что пробудившейся мысли. Усилія популяризаторовъ клонились къ тому, чтобы возбудить въ обществѣ любознательность. Но для чего надо было возбуждать эту любознательность? Для чего надо было наглядными и осязательными примѣрами убѣждать неразвитыхъ читателей въ томъ, что истины положительной науки могутъ

сдѣлаться доступными и занимательными для всякаго мало-мальски грамотнаго человѣка?— Неужели только для того, чтобы неразвитые читатели разнообразили свои безконечные досуги чтеніемъ легкихъ и пріятныхъ книжекъ и статеекъ по физикѣ, химіи, ботаникѣ или зоологіи? Неужели только для того, чтобы «*Физіологія обыденной жизни*» Льюиса или «*Иллюстрированная жизнь животныхъ*» Брэма, или «*Растеніе*» Шлейдена появились на письменномъ столикѣ свѣтской барыни рядомъ съ романами Понсонъ-дю Террайля и съ историческими скандальностями Капфига? Однимъ словомъ, неужели расположеніе общества къ естествознанію было до сихъ поръ простой модой, которая завтра можетъ смѣниться неожиданной нѣжностью къ спиритизму или къ метафизикѣ? Неужели мы, популяризаторы, старались пустить въ ходъ эту моду только для того, чтобы впродолженіи двухъ-трехъ сезоновъ пококетничать передъ публикой въ качествѣ модныхъ писателей?

Нѣтъ. Мы до сихъ поръ смотрѣли и всегда будемъ смотрѣть очень серьезно на нашу дѣятельность. Цѣль нашей дѣятельности до сихъ поръ стояла и всегда будетъ стоять въ нашихъ глазахъ очень высоко, какъ-бы ни были недостаточны наши личныя силы и какъ-бы ни было мучительно для насъ ясное пониманіе этой недостаточности. Мы старались излагать научные факты живо и занимательно, мы старались переводить общедоступныя и увлекательно написанныя естественнонаучныя книжки совсѣмъ не для того, чтобы плодить на Руси безполезныхъ диллетантовъ, способныхъ оцѣнивать живость и занимательность журнальныхъ статеекъ и переводныхъ книжекъ. Диллетантъ, упивающійся втеченіи всей своей жизни занимательными книжками Фохта, Бюхнера, Льюиса, Росмесслера и другихъ даровитыхъ популяризаторовъ; диллетантъ, читающій постоянно только для своего личнаго наслажденія и совершенно неспособный перейти отъ пассивнаго воспринимапія впечатлѣній къ самостоятельному изученію, къ упорному и усидчивому труду,—вызываетъ въ насъ тѣ-же чувства презрительнаго состраданія, съ которыми мы смотримъ на человѣка, посвятившаго всю свою жизнь созерцанію картинъ и статуй, чтенію нашихъ лирическихъ поэтовъ или благоговѣйному слушанію квартетовъ и симфоній.

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что Россія нуждается въ мыслящихъ, знающихъ и неутомимыхъ работникахъ по всѣмъ многочисленнымъ отраслямъ чистой и прикладной науки. Мы видимъ и знаемъ, что наше юношество дома и въ школѣ развивается при такихъ невыгодныхъ условіяхъ, которыя въ большей части случаевъ мѣшаютъ ему отыскать себѣ вѣрную и прямую дорогу общеполезнаго труда. Мы хотѣли и хотимъ до сихъ поръ уравновѣсить эти невыгодныя условія живительнымъ и освѣжающимъ вліяніемъ литературы. Мы хотимъ, чтобы литература вносила постоянно чистую струю естествознанія въ ту умственную атмосферу, въ которой гибнутъ силы молодыхъ людей, способныхъ сдѣлаться мыслителями и работниками. Мы хотимъ, чтобы до каждаго развивающагося ума доходили обаятельныя свѣдѣнія о такихъ областяхъ знанія, въ которыхъ умные люди съ постоянно возрастающимъ успѣхомъ и наслажденіемъ отыскиваютъ истину на пользу своимъ ближнимъ. Но мы никакъ не хотимъ, чтобы развивающіеся умы остановились надолго или навсегда на собираніи этихъ обаятельныхъ свѣдѣній. Мы сообщаемъ эти свѣдѣнія именно для того, чтобы возбудить въ развивающемся умѣ желаніе идти трудной дорогой основательнаго изученія въ тѣ области знанія, о которыхъ мы ему разсказываемъ. Если это желаніе не возбуждается, это значитъ, что вся наша дѣятельность пропала даромъ. Если-же это желаніе дѣйствительно возбуждено, то развивающійся умъ долженъ проститься съ популяризующей литературой такъ точно, какъ ученикъ, успѣшно окончившій курсъ въ низшемъ училищѣ, прощается со своими учителями для того, чтобы перейти въ высшее учебное заведеніе и отдать себя въ руки новыхъ, болѣе свѣдущихъ наставниковъ. Тотъ человѣкъ, которому популяризующая естественнонаучная литература принесла дѣйствительную пользу, долженъ перейти отъ чтенія популярныхъ книгъ и статей къ изученію строго научныхъ сочиненій и къ практическимъ занятіямъ въ лабораторіяхъ и въ анатомическихъ театрахъ.

Чтобы достойнымъ образомъ выполнять свое просвѣтительное назначеніе, литература во всякую данную минуту должна удовлетворять всѣмъ умственнымъ потребностямъ читающихъ людей, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія. Однихъ она должна заинтересовать занимательнымъ изложеніемъ научныхъ истинъ. Другимъ, уже заинтересованнымъ, она должна давать возможность приступить къ серьезному изученію предмета. Третьимъ, уже втянувшимся въ изученіе, она должна сообщать тѣ отвѣты, которые даются авторитетами науки на многочисленные частные вопросы, ежеминутно возникающіе передъ учащимся. Для первой категоріи читателей должны существовать въ достаточномъ изобиліи занимательныя статьи и популярныя книжки; для второй—хорошіе учебники; для третьей—дѣльныя монографіи и изслѣдованія. Въ Россіи, гдѣ всѣ эти три отрасли научной литературы находятся еще въ колыбели, въ Россіи, гдѣ почти не появляются ни хорошія популяризаціи, ни хорошіе учебники, ни хорошія монографіи, безчисленные пробѣлы, оставляемые въ научномъ образованіи націи туземными

дѣятелями, должны конечно пополняться скромными усиліями трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ переводчиковъ.

Та книга, къ переводу которой приложено это предисловіе, предназначается для второй категоріи читателей. Подъ именемъ «*Уроковъ элементарной физіологіи*» Гексли издалъ не популярную книгу для любителей легкаго и пріятнаго чтенія, а очень хорошій учебникъ для тѣхъ людей, которые, не боясь труда и твердо рѣшившись напрягать свое вниманіе, желаютъ серьезно пріобрѣсти себѣ основательныя свѣдѣнія о различныхъ процессахъ, совершающихся въ тѣлѣ живого человѣка. Кто ожидаетъ найти въ книгѣ Гексли тѣ достоинства, которыя нравились читающей публикѣ въ «*Физіологіи обыденной жизни*» Льюиса, тому мы предсказываемъ полное разочарованіе. Въ «*Урокахъ элементарной физіологіи*» нѣтъ ни того игриваго литературнаго изложенія, ни тѣхъ занимательныхъ анекдотическихъ подробностей, которыя очень мало относятся къ физіологіи и которымъ однако-же книга Льюиса въ очень значительной степени обязана своимъ блестящимъ успѣхомъ. Кто требуетъ отъ книги только пріятнаго препровожденія времени, тотъ не одолѣетъ и десяти страницъ въ «*Урокахъ элементарной физіологіи*». Но кто уже дѣйствительно понимаетъ цѣну положительнаго знанія и кто серьезно хочетъ учиться для того «*Уроки*» Гексли сдѣлаются настольной книгой, потому что въ нихъ онъ найдетъ ясное, сжатое и чрезвычайно дѣльное изложеніе фактовъ именно въ томъ видѣ, какъ понимаютъ ихъ въ настоящую минуту лучшіе европейскіе изслѣдователи.

Я вовсе не думаю и не желаю возвеличивать Гексли въ ущербъ Льюису. Обѣ книги замѣчательно хороши, каждая въ своемъ родѣ, и каждая изъ нихъ вполнѣ достигаетъ той цѣли, къ которой стремились ихъ авторы. Я только констатирую тотъ фактъ, что эти двѣ книги принадлежатъ къ двумъ существенно различнымъ родамъ, и что цѣли обоихъ авторовъ были существенно различны. Литературныя украшенія и анекдотическія подробности, совершенно умѣстныя и даже необходимыя въ такой книгѣ, которая должна пробудить и расшевелить любознательность неразвитого читателя, оказываются излишними и только затемняютъ сущность дѣла въ томъ случаѣ, когда писатель обращается къ публикѣ, уже достаточно убѣдившейся въ необходимости приступить къ серьезному изученію предмета. Книгу Льюиса можно только читать, а книгу Гексли можно и должно непремѣнно изучать.

«*Уроки элементарной физіологіи*» написаны въ высшей степени ясно. Каждое слово обдумано и взвѣшено. Каждый эпитетъ стоитъ на своемъ мѣстѣ и дѣйствительно характеризуетъ тотъ предметъ, о которомъ авторъ хочетъ дать намъ точное понятіе. Всѣ отдѣлы науки расположены въ строжайшей систематической послѣдовательности, такъ что читателю нѣтъ надобности ни забѣгать впередъ, ни возвращаться назадъ для того, чтобы во всякую данную минуту вполнѣ понимать описанія и объясненія автора. Несмотря на всѣ эти достоинства, чѣмъ внимательнѣе вы будете читать Гексли и чѣмъ настойчивѣе вы будете его перечитывать, тѣмъ сильнѣе будетъ укореняться въ вашемъ умѣ то убѣжденіе, что никакая книга, какъ-бы она ни была превосходно написана, какими-бы роскошными рисунками она ни была снабжена, не можетъ дать вамъ полнаго и отчетливаго понятія о тѣхъ безконечно сложныхъ и переплетающихся между собой процессахъ, которыхъ совокупность называется жизнью. Я сказалъ: *не смотря на всѣ эти достоинства*. Я выразился неудачно. Вѣрнѣе было-бы сказать: *благодаря всѣмъ этимъ достоинствамъ*, потому что истинныя достоинства хорошаго физіологическаго трактата естественнымъ образомъ должны вести за собой тотъ общій результатъ, чтобы учащійся почувствовалъ себя неудовлетвореннымъ книжными объясненіями, и чтобы въ немъ зародилась непреодолимая потребность видѣть собственными глазами и разсматривать со всѣхъ сторонъ тѣ живыя явленія, на которыя книга могла дѣлать только болѣе или менѣе отдаленные намеки.

Подобно всѣмъ мыслящимъ натуралистамъ, Гексли придаетъ огромное значеніе практическому знакомству учащихся съ живыми фактами, составляющими предметъ ихъ изученія. Одинъ мѣсяцъ дѣльныхъ занятій въ лабораторіи или анатомическомъ театрѣ перевѣшиваетъ въ его глазахъ цѣлыя горы прочитанныхъ книгъ. Такого рода занятія рано или поздно должны сдѣлаться, по его мнѣнію, необходимой составной частью каждой сколько-нибудь раціональной системы общаго образованія. Въ одной публичной лекціи, читанной въ Кенсингтонскомъ музеумѣ, Гексли высказываетъ свои мысли о томъ методѣ, по которому должно производиться изученіе какой-бы то ни было отрасли естествознанія. Такъ какъ эти мысли примѣняются ближайшимъ образомъ къ изученію біологическихъ наукъ, и преимущественно физіологіи, то я считаю не лишнимъ познакомить съ ними читателей, которымъ онѣ, по моему мнѣнію, дадутъ возможность понять, съ какой именно точки зрѣнія самъ Гексли смотритъ на свои «*Уроки элементарной физіологіи*».

Гексли считаетъ образцовымъ тотъ способъ, по которому анатомія преподается обыкновенно въ медицинскихъ школахъ. Въ составъ этой методы преподаванія входятъ три элемента: лек-

ціи, демонстраціи и экзамены. Польза лекцій состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ гораздо сильнѣе книги возбуждаютъ любовь студентовъ къ наукѣ, разумѣется въ томъ случаѣ, если онѣ читаются сколько-нибудь даровитымъ, добросовѣстнымъ и уважаемымъ профессоромъ. Во-вторыхъ, лекціи направляютъ вниманіе учащихся на выдающіяся точки предмета и въ тоже время поневолѣ заставляютъ ихъ знакомиться со всѣмъ предметомъ, не позволяя имъ преждевременно пристраститься къ изученію какой-нибудь отдѣльной части. Для того, чтобы лекція достигла своей цѣли, Гексли считаетъ необходимыми нѣкоторыя спеціальныя предосторожности. Самая увлекательная ораторская рѣчь можетъ быть очень плохой, потому что вниманіе слушателей, поглощенное стройнымъ теченіемъ фразъ и періодовъ, не будетъ останавливаться на основныхъ положеніяхъ лекціи, вслѣдствіе чего общее впечатлѣніе останется по всей вѣроятности довольно смутнымъ. По мнѣнію Гексли, всего полезнѣе сосредоточивать сущность всей лекціи въ немногихъ сжатыхъ предложеніяхъ, которыя записываются студентами подъ диктовку профессора. Когда предложеніе продиктовано и записано, тогда профессоръ развиваетъ и поясняетъ его, рисуя при этомъ въ случаѣ надобности чертежи, особенно вразумительные для студентовъ именно потому, что эти чертежи возникаютъ тутъ-же подъ рукой профессора, который можетъ отдать себѣ и своимъ слушателямъ строжайшій отчетъ въ каждой отдѣльной черточкѣ. При такомъ методѣ преподаванія чисто литературныя достоинства лекціи конечно совершенно подчиняются серьезнымъ интересамъ дѣла. Во время слушанія учебнаго курса, составленнаго по такому методу, Гексли считаетъ усердное чтеніе ученыхъ сочиненій излишнимъ и даже вреднымъ. На обыкновенный вопросъ студентовъ о томъ, какія книги имъ слѣдуетъ читать, Гексли отвѣчалъ обыкновенно:

«Никакихъ. Записывайте ваши замѣтки тщательно и въ полномъ объемѣ; старайтесь понимать ихъ совершенно отчетливо; приходите ко мнѣ за объясненіемъ того, что́ остается для васъ непонятнымъ; и я-бы предпочелъ, чтобы вы не развлекали вашихъ мыслей чтеніемъ.»

Чего Гексли не ожидаетъ отъ чтенія книгъ, то онъ требуетъ отъ демонстраціи, то-есть отъ нагляднаго изученія предмета въ анатомическомъ театрѣ. «Великое благо, доставляемое научнымъ образованіемъ, — говоритъ Гексли,—со стороны-ли умственной дисциплины, или со стороны знанія — зависитъ отъ того, насколько умъ студента приводится въ непосредственное соприкосновеніе съ фактами, насколько онъ усвоиваетъ себѣ умѣнье обращаться за отвѣтами прямо къ природѣ и пріобрѣтать посредствомъ своихъ чувствъ конкретныя представленія о тѣхъ свойствахъ предметовъ, которыя выражаются и всегда будутъ выражаться на человѣческомъ языкѣ только приблизительно.

«Нашъ взглядъ на природу и наша манера говорить о ней измѣняются съ года на годъ; но фактъ, однажды усмотрѣнный, связь между причиной и слѣдствіемъ, однажды подмѣченная на живомъ примѣрѣ, составляютъ такое достояніе, которое не измѣняется и не пропадаетъ, а, напротивъ того, образуетъ точки опоры для новыхъ истинъ, группирующихся вокругъ нихъ путемъ естественнаго сродства. Поэтому великая задача научнаго преподавателя состоитъ въ томъ, чтобы напечатлѣть основные и неоспоримые факты науки не только словами въ умѣ, но и чувственными впечатлѣніями въ зрѣніи, слухѣ и осязаніи учащагося до такой степени прочно, чтобы впослѣдствіи каждый употребленный терминъ или сформулированный законъ вызывали въ немъ немедленно живые образы тѣхъ особенныхъ анатомическихъ или другихъ фактовъ, посредствомъ которыхъ былъ доказанъ законъ или поясненъ терминъ»... «Я понимаю, что процессъ дѣйствительныхъ зоологическихъ демонстрацій представляетъ значительныя практическія трудности.

«Разсѣченіе животныхъ вовсе не привлекательно и требуетъ большой траты времени; кромѣ того не легко доставать необходимое количество экземпляровъ, подлежащихъ анатомированію. Ботаникъ находится въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи: его матеріалы легко добываются; они чисты, не вредны для здоровья и могутъ разсѣкаться въ частномъ домѣ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. И этимъ обстоятельствомъ объясняется, я полагаю, тотъ фактъ, что ботаника преподается гораздо основательнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ ея сестра — зоологія. Но будь это трудно или легко, все-таки, если зоологія должна изучаться серьезно, то необходимо прибѣгать къ демонстраціи и слѣдовательно производить разсѣченія. Безъ этого ни одинъ человѣкъ не можетъ усвоить себѣ никакихъ здоровыхъ свѣдѣній объ организаціи животныхъ.»

Объ экзаменахъ Гексли говоритъ очень коротко, что необходимы экзамены письменные и словесные, и что ихъ польза въ настоящее время не оспаривается никѣмъ.

Если Гексли для основательнаго изученія предмета считаетъ необходимыми лекціи, демонстраціи и экзамены, то спрашивается, какую роль онъ отводитъ въ дѣлѣ изученія физіологіи своей собственной книгѣ или даже вообще лучшему изъ всѣхъ возможныхъ учебниковъ. Не трудно понять, что эта роль оказывается очень скромной: люди, подобные Гексли,

цѣнятъ только основательное знаніе и относятся съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ той ошибочной и вредной мысли, что для массы читателей должно существовать какое-то особенное знаніе изъ пятаго въ десятое,—знаніе, которое можетъ быть схвачено на-лету, кое-какъ, безъ усидчиваго труда, безъ собственныхъ наблюденій и опытовъ и безъ всякаго напряженія умственныхъ способностей. По мнѣнію людей, подобныхъ Гексли, къ знанію ведетъ только одинъ путь, и на этомъ пути не существуетъ почтовыхъ лошадей и экипажей, при содѣйствіи которыхъ богачъ могъ-бы сберечь свои силы и обогнать утомленнаго бѣдняка, принужденнаго тащиться пѣшкомъ.

Для желающихъ учиться книга также не можетъ быть такимъ чудеснымъ талисманомъ, который разомъ перенесъ-бы ихъ къ далекой цѣли ихъ усилій и избавилъ-бы ихъ отъ необходимости подчиняться сложной системѣ занятій, составляющей, по мнѣнію Гексли, единственную вѣрную дорогу къ положительному знанію. Книга можетъ только до нѣкоторой степени замѣнить собой лекціи. Кто потребуетъ отъ книги слишкомъ многаго, кто пожелаетъ, чтобы она замѣнила ему наглядное изученіе и практическія занятія въ лабораторіи или препаровочной, тотъ не получитъ отъ нея даже и того, что̀ она можетъ дать и непремѣнно дастъ читателю, умѣющему сдерживать свои требованія въ границахъ возможнаго.

Книга Гексли безъ сомнѣнія даетъ читателю все то, что̀ можетъ дать превосходная книга, но при этомъ, во избѣжаніе безсмысленныхъ разочарованій, надо постоянно имѣть въ виду, что въ дѣлѣ изученія какой-бы то ни было положительной науки всякая книга, какъ-бы она ни была хороша, должна непремѣнно оставлять читателя неудовлетвореннымъ, указывая ему вдаль на необозримо длинный рядъ опытовъ и наблюденій, цѣною которыхъ покупается прочное и плодотворное знаніе.

Лучшая похвала, которую можно сказать книгѣ Гексли, состоитъ именно въ томъ, что эта книга не успокоиваетъ читателя и не замаскировываетъ отъ него тѣхъ трудностей, которыми усѣяна дорога основательнаго изученія.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

Который часъ? *И. Вавилова.* Популярн. руковод. для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Физіологическая психологія. *Цигена.* Переводъ подъ редакціей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. Ц. 75 коп.

Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона.* Перев. съ французскаго. *Е. Предтеченскаго.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.

Уходъ за больными въ семьѣ. Д-ра *Энцлера.* Ц. 50 к.

Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.

Записки желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Переводъ съ французскаго. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Огородничество. Практич. настав. для народ. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Міръ грёзъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ франц. Ц. 1 р.

Физіологія души. *А. Герцена.* професс. Лозанскаго университета. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

Ручной трудъ. Составилъ *Графиньи.* Руководство къ домаш. занятіямъ ремеслами. Пер. съ фр. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ пап.—1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Переводъ съ 5-го итал. изданія *д-ра Лейненберга.* Ц. 1 р. 50 к.

Умственныя эпидеміи. *Д-ра Реньяра.* Перев. съ франц. *Эл. Зауэръ.* Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣн. 6-е изд. значительно исправленное съ 65 рис. Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Перев. съ фр. *В. Черкасова.* Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 80 к.

Звѣздный міръ. Популярно-астрономическія бесѣды *Предтеченскаго.* Съ мног. рис. Ц. 30 к.

Телефонъ и его практическія примѣненія. Соч. *Майера* и *Присса.* Пер. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Со мног. рисунками. Ц. 2 р.

Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перевелъ и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. *Селоменса.* Съ англ. 81 рис. Ц. 1. 25 к.

О безопасности электрич. освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *О. Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Электрическая передача энергіи (передача силы на разстояніе). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. о воздуш. звонкахъ. 114 рис. Пер. съ анг. *Головъ.* Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Популяр. обзоръ его трудовъ, состав. *Гексли. Гейки, Дайеромъ* и *Романесомъ.* Съ портр. Дарвина. Ц. 75 к.

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленковъ.* 500 стр. 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* Съ франц. 2-е изд. Ц. 40 к.

Психологія великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.

Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и рисунками. 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Составилъ *Г. Тисандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа.* Ц. 10 к.

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ питомниковъ и обученіе садоводству. *А. Волотовскаго.* Ц. 20 к.

Для дѣтей и юношества.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 рисунками. Перев. *Б. Порозовской.* Цѣна каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 к., въ изящномъ переп. по 3 тома—2 р. 50 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. *Ф. Павленкова.* Издается съ 1894 г. Всѣхъ книжекъ будетъ отъ 150 до 200. Вышло до 10 мая тридцать книжекъ, отъ № 1 до 30. Цѣны книжекъ отъ 5 до 20 коп.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой:* 1) Давидъ Копперфильдъ; 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго ром. 40 к. Въ пап. 50 к. въ переплетѣ по 6 ром.—3 р. 25 к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ. Ц. кажд. ром. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл. по 5 роман. Ц. 2 р. 80 к.

Всякому гвоздю свое мѣсто *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Дѣтскій маскарадъ. *Н. Азбелева.* Съ 16 рис. Ц. 20 к.

Блуждающіе огоньки. Сборн. дѣтск. разсказовъ. *Бажиной.* Съ мног. рис. Ц. 1 р. Въ пап.—1 р. 25 к. Въ пер.—1 р. 60 к.

Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ. *В. Буша.* Пер. съ нѣм. 100 рис. 2-е изд. Цѣна въ папкѣ 50 к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множ. рисунковъ. Ц. 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рисунковъ. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 75 к.

Въ добрый часъ! Сборн. дѣтск. разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 25 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ.* Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. Ц. кажд. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рис. 2-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переп. 2 р.

Послушаемъ! Дѣтскіе разсказы. *А. Нольде.* 28 рис. Цѣна въ папкѣ 1 р., въ переп. 1 р. 35 к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Съ 107 рис. Ц. 30 к. Въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращ. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. 1 р. «Объясненіе» къ нимъ 5 к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 55 фиг. и таб. Ц. 1 р. Въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрич. игръ. Съ 300 рис. и 39 кастет. Ц. 1 р.

Образовательное путешествіе. *В. Ворисгофера.* Съ 73 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Чрезъ дебри и пустыни. *В. Ворисгофера.* Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

Сказочная страна. *В. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

Приключенія контрабандиста. *В. Ворисгофера.* Съ иллюс. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р. 25 к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

Вечерніе досуги. *А. Круглова.* Съ 70 рис. 2 изд. Ц. 1 р. въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р. 25 к.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспомин. всемірнаго путешественника. *В. Галузѣева.* Съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рисунками. Ц. 50 к.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Съ рисунками. Ц. кажд. кн. по 35 к.

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.

Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ перепл.—2 руб.

20 біографій образц. русск. писателей. *В. Острогорскаго.* 4-е изд. Съ 20 портр. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ пер. 1 р.

Янии Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Съ 6 рис. Ц. 25 к.
Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 50 к.
Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к. въ папкѣ—1 р. въ пер.—1 р. 30 к.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к.
Курсъ начальной механики. *Рыкачева.* 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Практическая геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 чертеж. Ц. 60 к.
Курсъ метеорологіи и климатологіи. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рисунками и 6 картами. Ц. 2 р.
Основы химич. технологіи. *Селезнева.* Съ 70 рис. Ц. 1р. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц. 4 р.
Учебникъ химіи. *Альмендингена.* 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е дополненное изд. Ц. 15 к.
Сборникъ самостоят. упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* Ц. 25 к.
Методика ариѳметики. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметическихъзадачъ съучителемъ. Приложеніе къ «Методикѣ ариѳметики». *С. Житкова.* 4-е изд. Ц. 40 к.
Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изданіе, съ 10-ю раскраш. картами и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова.* Ц. 1 р.
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* 800 рис. 13-е изд. Ц. 20к.
Объясненіе къ «Наглядной Азбукѣ». *Ф. Павленкова.* 7-е изданіе. Ц. 15 к.
Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 8-е изд. 200 рис. Ц. 5 к.
Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма Съ прил. церк.-славянской грамоты и многими рис. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к. 2-я кн. Ц. 40 к.
Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 8-е изд., 100 рис. Ц. 1 к.
Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) къ «Родному слову» Ушинскаго (400 рис.), 2) къ азбукѣ Бунакова (460 рис.), 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430 рис.), 4) **Общія наглядно-звуковыя прописи** (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.

Элементарная грамматика русск. языка. *Чудинова.* Ц. 50 к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. *А. Н. Корфа.* Ц. 50 к.
Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. бар. *Н. А. Корфъ.* 15-е изд., съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.
Начальн. рус. грамматика. *Н. Бучинскаго.* Ц. 30 к.
Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низш. учебныхъ заведеній и младш. классовъ гимназій. (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.
Церковно-славян. букварь. *Т. Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5.
Руководство къ „Ц.-С. букварю“. *Т. Лубенца.* Ц. 15.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Переделъ баронъ Н. Корфъ. Ц. 75 к.
Триста письменныхъ работъ. Задачи для упражненій въ письмѣ къ начальной школѣ. *Н. А. Корфа.* Ц. 15 к.
Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грамматическихъ правилъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 12 к.
Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыраева.* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ Ц. 50к. 3) Элементарныя свѣдѣнія о знакахъ препинанія Ц. 35 к. 3) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.
Сборникъ ариѳметическ. задачъ. *Лубенца.* 13-е изд. (ок. 2000 зад. и 3000 числен. примѣровъ). Ц. 40 к. Тотъ же «Сборникъ по частямъ: Годъ I—12к. Г. II—15к. Г. III—20к.
Сборникъ алгебрическихъ задачъ. *М. Савицкаго.* Ц. 40 к.
Первое знакомство съ физикой. *Герасимова.* 96 рис. Ц. 50 к.
Дешевый географ. атласъ. 10 раскр. карт. Ц. 30 к.
Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. съ 57 портретами. Ц. 2 р. Въ перепл. 2 р. 75 к.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Перев. подъ редакц. проф. *И. Мечникова.* Съ 345 рис. 2-е изд. съ портрет. автора. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1р. 50 к.
Краткій курсъ ботаники. *М. Сіязова.* Съ 118 р. Ц. 50 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунками въ текстѣ. Ц. 75 к.
Руководство къ рисованію акварелью. *Лакассаня.* 120 политипажей и 6 акверелей. Ц. 1 р. 50 к.

Съ осени 1890 г. Ф. Павленковымъ издается біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ ея войдутъ біографіи 200 лицъ. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 100 и болѣе страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются кромѣ того карты, снимки съ картинъ и ноты. Ежемѣсячно выпускается 4 книжки.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—**25** коп.

До мая 1894 г. вышли отдѣльными книжками 143 біографіи слѣдующихъ лицъ:

Протопопа Аввакума, Андерсена, Аристотеля, Байрона, Баха, Беккаріа и Бентама, Бёрне, Бэкона, *Бѣлинскаго, Карла Бэра,* Беранже, Бетховена, *Богдана Хмельницкаго,* Боккачіо, Бомарше, *Боткина,* Джіордано Бруно, Рихарда Вагнера, Леонардо да Винчи, *Волкова* (основателя русск. театра), Вольтера, *Воронцовыхъ,* Галилея, Гарвея, Гарибальди, Гаррика, Гегеля, Гейне, Гете, Гладстона, *Глинки,* Говарда, *Гоголя, Грибоѣдова,* Григорія VII, А. Гумбольдта, Гуса, Гутенберга, Гюго, Дагерра и Ніэпса, Даламбера, Данте, Дарвина, *Даргомыжскаго, кн. Дашковой, Демидовыхъ, Державина,* Дефо, Дженнера, Диккенса, *Достоевскаго,* Жоржъ-Занда, *Иванова* (художника), *Іоанна Грознаго,* Кальвина, *Канкрина,* Канта, *Кантемира, Каразина* (основателя харьк. университета), Карлейля, Кеплера, *Ковалевской,* Колумба, Конфуція, *Кольцова,* Коперника, *Барона Н. А. Корфа, Крамского, Крылова,* Кювье, Лавуазье. Лапласа и Эйлера, Лейбница, *Лермонтова,* Лессепса, Лессинга, Ливингстона, Линкольна, Линнея, Лойолы, Локка, *Ломоносова,* Ляйелля, Маколея, Мейербера, Микель-Анджело, Милля, Мильтона, Мирабо, Мицкевича, Мольера, Монтескье, Томаса Мора, Моцарта, *Никитина, Никона, Новикова,* Ньютона, Роберта Оуэна, Паскаля, Песталоцци, *Перова, Пирогова, Писарева, Писемскаго, Потемкина, Пржевальскаго,* Прудона, *Пушкина,* Рабле, Рафаэля, Ришелье, Сакіа-Муни (Будды), *Салтыкова,* Савонаролы, Свифта, *Сенковскаго,* В. Скотта, Адама Смита, *Сперанскаго,* Стефенсона и Фультона, *Струве,* Стэнли, *Сырова,* Теккерея, Торквемады, Уатта, *Ушинскаго,* Фарадея, *Фонвизина,* Франклина, Цвингли, *Шевченко,* Шиллера, Шопенгауэра, Шопена, Шумана, *Щепкина,* Эдисона и Морзе, Джорджъ-Элліота, Юма, *Ѳедотова.*

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Аксакова, Александра II, Бальзака, Бисмарка, Бокля, Вашингтона, *В. В. Верещагина,* Вирхова, Гайдна, *Гончарова,* Грахковъ, *Грановскаго,* Декарта, Дидро, *Добролюбова, Екатерины II, Жуковскаго,* Ибсена, *Карамзина,* Кетле, Кондорсе, Конта, *Н. И. Костомарова,* Кука, *Лобачевскаго,* Лютера, Магомета, Макіавелли, *Меншикова,* Меттерниха, Мольтке, Т. Мюнцера, Наполеона I, *Некрасова, Островскаго,* Пастера, *Петра Великаго,* Платона, *Н. Полевого, Радищева,* Рембрандта, Ренана, Рикардо, Ротшильдовъ, Руссо, Сенеки, Сервантеса, *Скобелева,* Сократа, *С. Соловьева,* Спенсера, Спинозы, *Станкевича, Суворова, Льва Толстого, Тургенева, Успенскаго,* Франциска-Ассизскаго, Фридриха II, Цицерона, *Чайковскаго,* Шекспира, *А. Н. Энгельгардта,* и др.

Курсивными буквами въ обоихъ столбцахъ обозначены имена русскихъ дѣятелей.

Изданіе Ф. Павленкова.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и статьей ЕВГЕНІЯ СОЛОВЬЕВА (автора біографіи Писарева).

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМОВЪ

1-й ТОМЪ. Первые литературные опыты. Несоразмѣрныя претензіи. Народныя книжки. Идеализмъ Платона. Физіологическіе эскизы Молешота. Процессъ жизни (по Фохту). Схоластика XIX вѣка. Стоячая вода. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова. Библіографическія замѣтки. Меттернихъ.

2-й ТОМЪ. Аполлоній Тіанскій. Московскіе мыслители. Русскій Донъ-Кихотъ. Вольные русскіе переводчики. Генрихъ Гейне. Пчелы, Физіологическія картины. Базаровъ. Очерки изъ исторіи печати во Франціи. Зарожденіе культуры.

3-й ТОМЪ. Наша университетская наука. Историческіе эскизы. Цвѣты невиннаго юмора. Мотивы русской драмы. Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Историческое развитіе европейской мысли.

4-й ТОМЪ. Реалисты. Кукольная трагедія. Промахи незрѣлой мысли. Романъ кисейной дѣвушки. Сердитое безсиліе. Прогулка по садамъ россійской словесности. Переломъ въ умственной жизни средневѣковой Европы. Мысли Вирхова о воспитаніи женщинъ. Педагогическіе софизмы. Разрушеніе эстетики. Школа и жизнь.

5-й ТОМЪ. Пушкинъ и Бѣлинскій. Подвиги европейскихъ авторитетовъ. Посмотримъ! Подростающая гуманность. Историческія идеи Огюста Конта. Погибшіе и погибающіе. Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ. Взгляды англійскихъ мыслителей на умственныя потребности современнаго общества. Льюисъ и Гексли.

6-й ТОМЪ. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Образованная толпа. Борьба за жизнь. Романы Андре Лео. Старое барство. Французскій крестьянинъ 1789 г.— Приложеніе: Литературный процессъ ко 2-му тому Сочиненій Д. И. Писарева въ 1868 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Обложка напечатана въ типографіи Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1894.

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, публицистика и законовѣдѣніе.

Сочиненія Чирльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ)—1 р. 50 к.—До 10 декабря 1893 г. вышли первые пять томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Дорритъ. Большія ожиданія. 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба. Тяжелыя времена. 7) Николай Никльби. Три святочныхъ разсказа. 8-й томъ печатается.

Сочиненія Пушкина. Съ портр., біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 кар.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (въ 5 пер.) 1 р. и 2 р.

Сочиненія Лермонтова (въ одномъ томѣ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ, біографіей, написанной *А. М. Скабичевскимъ*, и 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., въ простомъ перепл.—1 р. 40 к., въ коленкоровомъ съ золотымъ тисненіемъ—2 руб.

Сочиненія Лермонтова (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретомъ автора, его біографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна за всѣ 4 тома 1 р., въ двухъ простыхъ переплетахъ—1 р. 50 к., въ двухъ роскошныхъ переплетахъ—2 руб.

Сочиненія Н. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей *Н. Михайловскаго*. Ц. 3 р., въ пер.—4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Восемь томовъ. Ц. каждаго—1 р. Перепл. для 2 том. вмѣстѣ по 75 к.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3 изданіе въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и статей *Н. К. Михайловскаго*. Ц. за два тома—3 р. Переплеты въ 50 к. и въ 1 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора и статей *М. Протопопова*. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплеты въ 50 к. и 1 р.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литерат. характеристики. Съ порт. автора. Ц. за все собраніе въ двухъ больш. том. (до 1700 стр.) 3 р. Перепл.—въ 50 к. и 1 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. 44 иллюстраціи съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 25 к.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева*. Ц. въ папкѣ 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. *Том. Карлейля*. Перев. *В. Яковенко*. Ц. 1 р. 50 к.

По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. Съ франц. 350 стр. 2-е изд. Ц. 80 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ *Эд. Бульвера*. Переводъ съ англійск. *А. Каменскаго*. Ц. 50 к.

Исторія французской революціи. *И. Карно*. Переводъ съ франц. Около 400 страницъ. Ц. 1 р.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos'a*. Пер. съ анг. и дополнилъ *В. Ранцовъ*. Съ 16 порт. Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами*. 3-е изданіе, дополненное научно-предсказательнымъ очеркомъ Рише: «Куда мы идемъ?». Ц. 1 руб.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціал. борьбы съ экономич. язвами современнаго общества) *Бутса*. Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова*. Ц. 35 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина*. Роскошное изд. съ 188 рис. Ц. 60 к. въ пап. 75 к. въ пер. 1 р.

Голодъ. Романъ *К. Гамсуна*. Съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Забота. Романъ *Зудермана*. Съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони*. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ *К. Фламмаріона*. Съ 89 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

Новѣйшіе русскіе писатели. Книга для домашняго чтенія. *А. Цвѣткова*. Съ 72 портр. Ц. 3 р. въ пер 3 р. 75 к.

Исторія новѣйшей Рус. литературы (1848 — 1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго*. 2-е исправленное изд. Ц. 2 р.

Исторія русской цензуры. *А. М. Скабичевскаго*. Ц. 2 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца*. 2-е изд. Ц. 75 к.

Въ раздумьи. Очерки и разсказы изъ жизни русской

Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусствъ. *Макса Нордау*. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. Сементковскаго*. Ц. 1 р. 60 к.

Исторія культуры. *Липперта*. Перев. съ нѣмецкаго. Съ 85 рис. Ц. 1 р. 60 к.

Матери великихъ людей. *Блока*. Переводъ *З. Горской*. Со многими рисунками. Ц. 60 к.

Долой оружіе! Анти-военный романъ *Б. Зутнеръ*. Компактное изданіе. Цѣна 80 коп.

Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Романъ *Э. Постери*. Съ итальянскаго. Ц. 1 р.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ. *Н. К. Михайловскаго*. Ц. 1 руб.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау*. Перев. съ 4-го нѣмецкаго изд. *Э. Зауеръ*. 3-е изд. Ц. 1 р.

Больная любовь. Гигіенич. романъ *Мантегацца*. Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа*. Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельскаго). *С. Приклонскаго*. Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки *И. Тимощенкова*. Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки *А. Бахтіарова*. Ц. 1 р. 50 к.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *С. Горянской*, под. ред. *Я. Абрамова*. Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ *В. Фармаковскій*. Изданіе 4-е. Цѣна 1 р. 25 к.

Исторія книги на Руси. *А. Бахтіарова*. Со многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова*. 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Романъ изъ исторіи нашего времени. *Вологдина* (Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей. Составилъ *В. Никитинъ*. Ц. 1 р.

Популярно-научныя книги.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича*. Съ 91 рис. Ц. 1 р.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле*. 116 стр. Ц. 30 к.

Пессимизмъ. Сочиненіе *Джемса Селли*. Популярный обзоръ всѣхъ пессимистическихъ ученій. Пер. съ англійскаго подъ редакціей *В. Яковенко*. Цѣна 1 р. 50 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращ. изложеніи. *Коллинга*. Перев. съ англійскаго *И. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Законы подражанія. *Тарда*. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Ч. 2-я. Ц. 50 к.

Гигіена женщины. Д-ра *М. Тило*. Ц. 40 к.

Гигіена семьи. *Гебера*. Переводъ съ нѣм. Ц. 50 к.

Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейра*. Съ 30 рисунками. Цѣна 75 к.

Уходъ за больными дѣтьми. Д-ра *Э. Перье*. Переводъ съ франц. Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.

Дѣтскій докторъ. Популярное руководство для матерей и воспитателей. *Д-ра Ваpio*. Перев. съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева*. Со мног. рис. Ц. 1 р.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы*. Перев. съ нѣмец. съ 35 рис. Ц. 1 р.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. Съ 40 рисун. Цѣна 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Переводъ съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Дополн. къ его сочин. „Жизнь животн.“. Со мн. рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера*. Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ*. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. *Святловскаго*. Съ 153 рис. Ц. 4 руб.

Усталость. Популярно-научныя бесѣды проф. *А. Моссо*. Перев. *М. Манасеиной*. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и буду-

Литературный процессъ при 6-мъ томѣ
не помѣщенъ.

Дозволено цензурою. СПБ., 7 мая 1894 г. Тип. Высочайше утв. товар. „Общ. польза", Б. Подъяч., 39.

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Pisarev, Dmitrij I.,

Sočinenija D. J. Pisareva polnoe sobranie v šesti tomach

Bd.: 5

1894 - 1913

4 P.o.rel. 519 u-5/6
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11519192-4